СЛОВА, БЕСѢДЫ и РѢЧИ

ФИЛАРЕТА,

(Гумилевскаго)

АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО И НѢЖИНСКАГО.

Въ 4-хъ частяхъ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.
1883.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 1 Сентября 1882 г.
Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Типографія и Литографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговка, д. № 16.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СЛОВА И БЕСѢДЫ

НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.

СЛОВО НА ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе (Лук. II, 14).

Въ глубокую ночь ангелъ Господній является пастырямъ и возвѣщаетъ радость, *яко родися днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь*. И внезапно съ проповѣдью ангельскою соединяется пѣснь воинствъ ангельскихъ. *И внезапу бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ хвалящихъ Бога.*

Если небесныя воинства поютъ пѣснь: естественно ожидать, что это есть пѣснь многозначительная. Если ангелы въ такое неожиданное время, во время покоя ночнаго, поютъ пѣснь: конечно эта пѣснь достойна благоговѣйнаго вниманія. Если таже пѣснь, хотя и ночью, но возглашается въ слухъ земли: какъ жителямъ земли не слушать ея?

И однако тогда, какъ небесныя воинства торжествовали рожденіе Спасителя земли, весь міръ земной, за исключеніемъ нѣсколькихъ стражей стада, погруженъ былъ въ сонъ, и не слыхалъ славословія небеснаго, не внималъ пѣсни ангельской.

Не продремать бы и намъ, братія, славословія ангельскаго. Правда, насъ часто оглашаютъ имъ. Но тѣмъ стыднѣе, если не совсѣмъ ясно понимаемъ его.

Слава въ вышнихъ Богу. Почему теперь говорятъ о славѣ въ вышнихъ, если говорятъ о славѣ Божіей? Когда же Богъ былъ безъ славы? Онъ не былъ бы и Богомъ, если бы не имѣлъ когда либо славы? Онъ есть Богъ славы (Дѣян. VII, 2) во внутренней своей жизни, въ жизни Тріединаго. Онъ есть Богъ славы и въ твореніяхъ своихъ, которыя создалъ Онъ для того, чтобы были они причастниками славы Его, составляющей блаженство и совершенство ихъ. Потому-то въ высотахъ небесныхъ тысячи тысячей ангеловъ не

имѣютъ покоя, воспѣвая славу Тріипостаснаго. Слава Божія такъ велика и такъ много изливаетъ мира и радости на все, къ чему касается, что самые чистые и крѣпкіе духи не въ состояніи обнять восторгами блаженства, разливаемаго славою Божіею. Почему же призываютъ вышнихъ славить Бога?

Какъ естественно славѣ совершенствъ Божіихъ открываться въ особенныхъ внѣшнихъ дѣлахъ: такъ естественно, что-бы особенная хвала возносилась Всесовершенному небесными силами, когда видятъ они особенное проявленіе совершенствъ Вышняго. Такъ было при сотвореніи міра: всѣ воинства неба прославили тогда всемогущество, мудрость и благость Творца. *Егда основахъ землю, егда сотворены быша звѣзды*, говоритъ Господь къ Іову, *восхвалиша Мя вси ангели* (Іов. XXXVII, 4—7). Такъ было и теперь, когда родился людямъ *Спасъ, иже есть Христосъ Господь*. Чему же радуются небесные духи? Ангелъ небесный возвѣстилъ землѣ о первомъ проявленіи спасенія земли. Но тайна Божія о спасеніи людей раскрылась не чрезъ ангеловъ; напротивъ, въ полнотѣ свѣта и величія своего она достигла самыхъ ангеловъ не иначе, какъ чрезъ людей. *Да скажется*, говоритъ апостолъ, *началамъ и властемъ на небесныхъ церковію*, т. е. обществомъ вѣрующихъ людей, *многоразличная премудрость Божія по предложенію вѣковъ, еже сотвори о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Еф. III, 10).

Что же славятъ ангелы въ слухъ пастырей? Въ чемъ видятъ они особенную славу Бога? Въ томъ, что родился людямъ Спаситель Христосъ Господь. Такъ велика слава Божія въ Спасителѣ людей при первомъ ея явленіи! И апостолъ говоритъ: *велія благочестія тайна: Богъ явися во плоти*. Уже одно явленіе Бога во плоти великая тайна, великое дѣло непостижимаго снисхожденія Божія къ тварямъ. Небеснымъ воинствамъ извѣстно было несчастное положеніе падшаго человѣчества, имъ извѣстно было, что виновное человѣчество—предметъ негодованія правды Божіей. Но вотъ безпредѣльная любовь Божія нисходитъ къ человѣкамъ въ тихомъ сіяніи мира и благоволенія. И ангелы славятъ славу непостижимой любви Божіей.

Отъ чего ангелы заняты славою, касающеюся не ихъ, а человѣковъ? Отъ того, что міръ ангеловъ святыхъ есть міръ любви. *Радость бываетъ ангеломъ о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. XV, 10). Какая же была радость имъ, когда узнали они о рожденіи Спасителя всѣхъ человѣковъ!

Ангелы призываютъ вышнихъ славить Бога, но славословіемъ ихъ оглашается и міръ земной, безъ сомнѣнія, для того, чтобы и жители земли, по примѣру ангеловъ, прославляли Бога. Повторяйте, братія, чаще повторяйте въ сіи дни ангельское славословіе. Посѣщайте

усердно храмъ Божій, чтобы слушать тамъ ангельскія хвалы Богу и стойте въ храмѣ такъ, чтобы слышать ихъ всею душею. Особенно берегитесь, не заглушалась бы ангельская хвала, по выходѣ изъ храма, суетными бесѣдами, говоромъ страстей, веселіемъ грѣховъ, пѣснями, растлѣвающими небесную чистоту души. *Прославляющія Мя, прославлю*, говоритъ Господь, *и уничижай Мя, бесчестенъ будетъ* (Цар. II, 30).

И на земли миръ, поютъ ангелы. Что это за миръ? Былъ нѣкогда миръ на землѣ, когда владыка земли повиновался волѣ Творца своего. Но этотъ миръ давно оставилъ землю. Прельщенный духомъ тьмы, человѣкъ воспротивился волѣ Господа и отнялъ у земли миръ. Человѣкъ, ставъ грѣшникомъ, прервалъ миръ съ Богомъ: Святый не можетъ имѣть общенія съ грѣхомъ. Открылась брань внутри человѣка, между духомъ и плотію. Открылась брань между людьми, земля обагрилась кровію Авелей. Открылась борьба въ вещественной природѣ: земля стала терзаться землетрясеніями и бурями, громами и бѣдствіями разнаго рода. Могутъ ли чистые духи, духи любви и мира, безъ скорби смотрѣть на такое состояніе земнаго міра? И потому-то радуются они, когда видятъ что возвращается землѣ миръ.

Любовь Сына Божія приняла на себя возвратить землѣ потерянный ею миръ. Давно Исаія предвозвѣщалъ явленіе на землѣ Начальника мира (Ис. IX, 6). И Давидъ говорилъ о комъ-то: *во днѣхъ Его возсіяетъ правда и множество мира* (Псал. LXXI, 7). И вотъ послѣ долгаго ряда вѣковъ является ожиданный Спаситель Христосъ Господь. *Той спасетъ люди отъ грѣхъ ихъ*, говорилъ о Немъ ангелъ Іосифу. Если же спасетъ Онъ отъ грѣховъ: то это то же, что возвратитъ людямъ миръ, такъ какъ начальная причина всѣхъ неустройствъ земли—одинъ грѣхъ.

Но гдѣ же, скажутъ, миръ на землѣ? Да, полный миръ можетъ открыться не иначе, какъ на новой землѣ, а не на нашей грѣшной. Онъ откроется тогда, когда упразднится послѣдній врагъ нашъ—смерть. Между тѣмъ желаете ли видѣть, какъ сила Христа Господа и на нашей землѣ водворяетъ чудный миръ, хотя только частный. Посмотрите на жизнь святыхъ Божіихъ. Лютые звѣри послушны имъ были, какъ овечки; левъ пасся у ногъ ихъ вмѣстѣ съ ягненкомъ; не вредилъ имъ ни ядъ, ни огонь и по водѣ ходили они, какъ по сушѣ. Ясно, что земля наша могла бы цвѣсти миромъ, какого только можно желать до окончательной побѣды добра надъ зломъ. Откуда же между нами волненія и неустройства? Отъ страстей нашихъ: онѣ вносятъ въ общества наши ссору и брань, раздоръ и разстройства, обиды и убійства. О, почтимъ, по крайней

мѣрѣ, дни явленія на землѣ Владыки мира искреннимъ миролюбіемъ, взаимною уступчивостію, не дѣлая ничего по тщеславію, а въ духѣ смиренія почитая одинъ другаго лучшимъ себя (Фил. II, 3). Пусть умолкнетъ въ насъ хотя на время самолюбіе наше, которое такъ много тревогъ дѣлаетъ въ жизни нашей, такъ много бѣдъ вводитъ и въ тѣсные и въ обширные круги связей нашихъ.

Въ человѣцѣхъ благоволеніе, возвѣщаютъ ангелы. Чье благоволеніе? Божіе. На небѣ не то, что на землѣ; тамъ дорожатъ только благоволеніемъ Божіимъ. И такъ ангелы возвѣщаютъ о благоволеніи Божіемъ къ людямъ. Какая неожиданная радость!

Богъ, по безпредѣльной Своей святости, *ненавидитъ всякое беззаконіе* (Псал. V, 5. 6). Онъ есть самая святость и только къ святому обращена любовь Его, только къ благому — благоволеніе Его. Благоволить къ грѣху Онъ также не можетъ, какъ не любитъ грѣха. Потому грѣшный родъ человѣческій, со времени перваго грѣха своего, подвергся гнѣву Божію, удаленъ отъ милостиваго взора любви Божіей. Если же, какъ говоритъ ангелъ проповѣдникъ, родился людямъ *Спаситель Христосъ Господь*: то это тоже, что Богъ обратился къ людямъ съ своимъ благоволеніемъ. Какъ это случилось, что Святый обратился благоволеніемъ къ грѣшнымъ? Какъ примирилась правда съ виновными людьми? Ангелы не объясняютъ. Отчего не объясняютъ? Отъ того, имѣемъ право сказать, что сами не знаютъ; отъ того, что тайна искупительныхъ страданій Сына Божія еще не явилась въ точномъ ея видѣ. Довольно пока для людей, когда довольно и для ангеловъ, что проповѣдуется *благоволеніе* Божіе къ человѣкамъ.

Сѣтующая о грѣхахъ своихъ душа! страшна, грозна для тебя святость Божія, при множествѣ грѣховъ твоихъ! Сохраняй святой страхъ въ глубинѣ своей,—онъ избавитъ тебя отъ многаго. Но слышишь, ангельскіе лики поютъ: *въ человѣцѣхъ благоволеніе.* Святые ангелы не могутъ говорить невѣрнаго. Повергнись же съ душевною ношею твоею предъ Христомъ Господомъ. Если ради Его благоволеніе Божіе къ людямъ: то конечно не исключена и ты изъ того числа. Повергнись со всѣми грѣхами твоими предъ Спасителемъ: если отъ Него спасеніе для всѣхъ, то конечно и для тебя. Нѣтъ у тебя молитвы, нѣтъ сокрушенія сердечнаго, что-жъ? Такою и повергайся предъ Нимъ. Взывай предъ Нимъ: Ты одна моя надежда, Христе Спасителю; укрой меня отъ праведнаго гнѣва Божія, который вызываютъ противъ меня грѣхи мои! О Тебѣ благоволеніе Божіе къ людямъ; обрати и ко мнѣ недостойному благоволеніе Отца небеснаго.

Сыны Россіи! благоволеніе Отца небеснаго испытали мы и въ

судьбахъ отчизны нашей, такъ дивно спасенной, такъ дивно прославленной во дни благословеннаго Александра. Да не изглаждается изъ сердецъ нашихъ благодарная память о благоволеніи небесномъ къ родинѣ нашей. Не забудемъ, что только тогда, какъ сердца наши отверзты хвалами величію Божію, мольбами о помощи небесной, только тогда нисходитъ на насъ сила Божія и творитъ въ немощныхъ дѣла дивныя.

Мудрость и сила небесная, воплотившаяся для насъ! Ты насъ научи, Ты подай намъ чувства и силу, чтобы устами и сердцемъ пѣли мы ангельскую пѣснь: слава въ вышнихъ Богу! на земли миръ и къ намъ грѣшнымъ благоволеніе! Аминь.

1850 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

И се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ (Лук. II. 12).

Вотъ какое даетъ знаменіе небесный посланникъ о родившемся Христѣ Господѣ! Вотъ въ какомъ видѣ надлежало узрѣть Того, Кто долженъ спасти Израиля и весь міръ! *И се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ.* Вертепъ безсловесныхъ служитъ царственнымъ домомъ Его и ясли— престоломъ, льняныя пелены Дѣвы составляютъ знаки царскаго величія и славы Его. *Богъ крѣпкій, Князь міра, Отецъ вѣчности* (Исаіи IX, 6)—является въ мірѣ, какъ послѣдній изъ сыновъ Адамовыхъ. Бѣдные пастыри — первые отъ лица земли привѣтствуютъ Господа съ славнымъ явленіемъ въ міръ. Волхвы отъ востока приносятъ Ему дары: но и у сихъ пословъ къ великому Царю не видно великолѣпія пословъ. Такъ Господь славы является на землѣ, среди своихъ подданныхъ!

Сколько, слушатели, назидательныхъ мыслей, сколько наставленій преподаетъ намъ такое явленіе Господа славы въ міръ! Смиреніе Его посрамляетъ надменную гордость нашу. Убожество Его порицаетъ расточительную нашу роскошь. Крайняя нищета Его осуждаетъ не насытную въ наслажденіяхъ чувственность нашу. Ясли младенца-Господа громко проповѣдуютъ и противъ корыстолюбія нашего, и противъ славолюбія, и противъ страсти къ отличіямъ свѣта.

Но видите ли, братія, какую особенно слабость нашу осуждаетъ лежащій въ ясляхъ Господь нашъ? Это — наклонность подражать міру, отъ котораго Онъ ничего не занимаетъ. Онъ является въ мірѣ въ простотѣ, безъ украшеній, безъ принадлежностей, придумываемыхъ изобрѣтательными страстями свѣта. А къ тому ли стремятся желанія многихъ изъ насъ? Какъ много надобно осуждать несчастную страсть нашу, пренебрегающую простотою Христовою! Какъ многаго лишаетъ она насъ, и какъ много вреда наноситъ она душѣ христіанской! При Твоихъ стопахъ, простота небесная, да будетъ дѣйственно слово о вредѣ подражанія правиламъ суетнаго міра.

Душа христіанская пока ограничивается повиновеніемъ одному закону Христову, пока не отягчаетъ себя оковами служенія мірскимъ приличіямъ, обыкновеніямъ и правиламъ: наслаждается свободою предъ Господомъ своимъ и разрастается добродѣтелями, какъ садъ Божій. Ея труды, ея покой, ея занятія и отдохновеніе распредѣляются собственно волею ея, покоренною волѣ Божіей. Ея помышленія чисты: онѣ заняты одною мыслію—мыслію о Богѣ, желанія ея ограниченны; онѣ стремятся къ одному—къ Господу сердца; *воля ея въ законѣ Господни поучится день и нощь* (Псал. I, 2). Бесѣда ея—искренна; одобренія—нелицемѣрны; упреки—непритворны. Богатая младенчествомъ Христовымъ, простотою Христовою, она на все смотритъ спокойно, — не унываетъ въ скорби, не гордится въ счастіи; *всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ* (1 Кор. XIII, 7); враговъ не имѣетъ, а друзья для нея — всѣ. Жизнь ея растетъ и крѣпнетъ, не утомляясь уставами прихотливости человѣческой; какъ мощный юноша, не обезсиливаемый заботами страстей, она приходитъ отъ силы въ силу, не зная ничего кромѣ *Іисуса Христа и сего распята* (1 Кор. II, 2). Блаженныя времена, когда отцы наши были столь же далеки отъ міра и его правилъ, сколько-далеки дебри пустынныя отъ градовъ, оглашаемыхъ и оглушаемыхъ шумомъ суеты! Тогда послѣдователи Христовы торжествовали вмѣстѣ съ Христомъ побѣду надъ міромъ. Нынѣ обширная нива христіанскаго подвижничества зарастаетъ терніями и волчцами, которые до того росли на безводной почвѣ языческаго свѣта. Нынѣ змій лукавый, точно такъ же, какъ нѣкогда прельстилъ Еву, растлѣваетъ умы и сердца наши, лишивъ простоты, *яже о Христѣ* (2 Кор. XI, 3).

Лукавый міръ, обременивъ насъ своими правилами и обычаями, прежде всего похищаетъ себѣ часть трудовъ нашихъ, которые можно и должно бы было посвятить Господу. Да избавитъ Богъ всякаго изъ среды насъ отъ того несчастія, чтобы вся жизнь его оказалась наконецъ убитою на служеніе прихотямъ свѣта! Но сколь-

ко часовъ, сколько дней, сколько цѣлыхъ годовъ придется многимъ исключить изъ жизни своей, такъ какъ они истрачены на выполненіе несмысленныхъ правилъ свѣта, а не на спасеніе души. А какъ дорогъ долженъ быть для насъ каждый часъ земной жизни!

Каждый ударъ по металлу отзывается потрясеніемъ въ воздухѣ. Каждое прикосновеніе міра къ душѣ производитъ потрясеніе во внутренности духа,—потрясеніе, сперва болѣе или менѣе опасное, потомъ болѣе или менѣе вредное для спасенія души. Много ли нужно для того, чтобы поколебать слабость нашу? Худо мы знаемъ душу нашу, когда думаемъ, что ничего не значатъ для нея соблазны, разбросанные по всѣмъ путямъ беззаботнымъ свѣтомъ. Нѣтъ, нѣтъ, одинъ случай, одна встрѣча съ соблазномъ свѣта можетъ много поколебать насъ и безъ того больныхъ душею. Но чѣмъ болѣе знакомимся мы съ обычаями міра, тѣмъ ближе становимся къ опасности, тѣмъ болѣе разстроиваемся по внутреннему человѣку. Обычаи лукаваго вѣка, какъ моль, какъ тлѣніе, какъ самая смерть, незамѣтно, но быстро, растлѣваютъ бѣдную душу нашу.

Воображеніе, обольщаемое красными міра сего, охотно принимаетъ въ себя тлѣніе обычаевъ свѣта. Міръ, какъ сцѣпленіе образовъ безъ существенной истины, самъ по себѣ есть та обширная область, гдѣ любитъ носиться воображеніе наше, и гдѣ нужна осторожность противъ воображенія. Но особенно тотъ міръ, который придумываютъ и творятъ себѣ люди міра, развертываетъ, питаетъ, усиливаетъ дѣятельность силы образовъ, раздражая ее разнообразными и всегда новыми предметами своими. Грѣховные образы вѣка сего переходятъ съ нами изъ возраста въ возрастъ, изъ общества въ тихое уединеніе и даже въ храмы Божіи; занимаютъ душу и во снѣ и въ бодрствованіи, унижаютъ, оскверняютъ самое богослуженіе. Отъ чего теперь такъ мало любятъ священные образы—картины, пѣсни исторіи—вдохновенной свыше? Отъ чего другаго рода сцены, часто отвратительныя, другаго рода образы, часто развратные, другаго рода пѣсни, часто гнусныя, являются между нами—христіанами? Ужели это созданіе простоты христіанской, простоты чистой, скромной, воздыхающей о грѣхахъ своихъ? О! нѣтъ; зачѣмъ такое грѣшное предположеніе? Сознаемся искренно: міръ языческаго воображенія не рѣдко между нами. Воображеніе, полное образовъ тлѣннаго, грѣшнаго міра, можетъ ли утѣшаться чѣмъ либо другимъ, какъ только міромъ грѣха? Оно перестаетъ услаждать земнаго странника красотами неба и рая, не устрашаетъ болѣе геенною и адомъ: рай и небо находитъ оно на землѣ, а геенна и адъ слишкомъ ужасны, чтобы занимать насъ ими; люди свѣта любятъ только легкое и веселое.

Занятые же предметами маловажными, или, и вредными для души, каковы предметы свѣта, къ чему мы можемъ пріучить сердце наше, какъ не къ чувствованіямъ мелкимъ, изнѣженнымъ, преступнымъ? Правда, въ свѣтѣ успѣваютъ раскрывать способность ощущенія, успѣваютъ сгладить съ сердца грубость жестокую: но къ чему все это? Къ чему тамъ дѣлаютъ сердце чувствительнымъ? Къ какимъ предметамъ? *Все, еже въ мірѣ, похоть очесъ, похоть плоти.* И въ сердце христіанское не переходитъ ничего другаго изъ міра. Изучаясь правиламъ міра и не думая о правилахъ Христовыхъ, начинаютъ чувствовать красоту вещей видимыхъ, а къ красотѣ благъ небесныхъ, невидимыхъ, сердце становится и холодно и тупо; тонки и разборчивы бываютъ, чтобы замѣчать каждый оттѣнокъ изящнаго тлѣннаго: а доброта нетлѣннаго имени Іисусова, а превосходство духовныхъ дѣлъ, а сладость молитвы и поученія въ законѣ Господнемъ—едва ощутительны душѣ; онѣ не трогаютъ ея. Отъ того-то языческій вкусъ къ житейскимъ вещамъ утончается между нами до крайней степени. Люди міра! Посмотрите на искусства нашего христіанскаго міра; посмотрите, какія чувства выражаются въ нихъ? Странное положеніе христіанскихъ душъ! И что еще? Вкусъ утоненъ для удовольствій, а удовольствій нѣтъ! И бѣдные и богатые жалуются на недостатокъ удовольствій! Сколько нуждъ теперь у людей, сколько жалобъ! И очень естественно. Вкусъ, изнѣженный по правиламъ міра, не довольствуется простыми потребностями жизни. Онъ раскрытъ, утоненъ, усиленъ для вещей болѣе нѣжныхъ, т. е., мелкихъ, нежели какими довольствуется простая природа.

Любезный собратъ! осмотрись, къ чему ведутъ тебя безпокойные помыслы казаться болѣе образованнымъ, болѣе извѣстнымъ, чѣмъ ты образованъ и извѣстенъ по душѣ? Ты прежде въ сладость ѣлъ черствый хлѣбъ, въ сладость пилъ холодную воду; радъ былъ, если грубая одежда прикрывала тѣло отъ холода или зноя. Теперь, обольщенный, раздражаемый тѣмъ, что видишь у другихъ, начинаешь скучать своимъ состояніемъ, тревожно ищешь предметовъ, не относящихся къ кругу твоей жизни. Простота, дотолѣ любезная для тебя простота, становится тебѣ въ тягость. Зачѣмъ все это? Зачѣмъ ты самъ себя дѣлаешь несчастнымъ? Мы бѣдны съ тобою добрыми дѣлами. Намъ надобно плакать съ тобою о грѣхахъ нашихъ. А ты хочешь еще плакать отъ нуждъ, вовсе для тебя ненужныхъ; ты хочешь плакать отъ нуждъ, даже вредныхъ для души твоей. Посмотри: бѣдное, неопытное сердце твое потому и прилѣпляется къ самымъ мелкимъ предметамъ, что оно не опытно для нихъ, что они для него новы и не знакомы; со временемъ оно почувствуетъ пустоту ихъ, и почувствуетъ пустоту въ себѣ самомъ,

будетъ скучать самимъ собою. Для чего же все это? Развѣ для того создана душа наша? Развѣ для того родился Христосъ Сынъ Божій? Сонмы ангеловъ поютъ хвалебную, радостную пѣснь о Его рожденіи для насъ грѣшныхъ. Вотъ предметъ, которымъ должна бы восхищаться душа наша, по крайней мѣрѣ, въ сей день! А у насъ обычаи міра замѣняютъ маловажность удовольствій разнообразіемъ ихъ.

Братія! *не любите міра, ни яже въ мірѣ.* Иначе и внутреннее благодатное чувство наше, наша христіанская совѣсть, не будетъ ни чиста, ни спокойна. Знакомая съ однимъ закономъ, съ закономъ Христовымъ, она мирна и ясна; обличенія, утѣшенія, наставленія, какія преподаетъ слово Божіе, или мудрая опытность, пріемлетъ во всей полнотѣ ихъ; ибо ничто другое не занимаетъ ея. При сообщеніи же съ міромъ ей предписываютъ уставовъ, правилъ, обыкновеній, приличій столько, сколько людей и страстей. Надобно соглашать ихъ съ закономъ Христовымъ. Но они, или совсѣмъ противорѣчатъ ему, или не иначе, какъ съ большимъ усиліемъ, могутъ быть соглашены съ нимъ. Въ первомъ случаѣ надобно много труда, чтобы превозмочь надъ силою мнѣній міра, въ послѣднемъ,— чтобы примириться съ нимъ. Что же удивительнаго, если отягченная сею тяжкою работою совѣсть изнемогаетъ? Такъ и бываетъ. Грѣхи, собираемые богатою жатвою на нивѣ міра, ложатся на душу, какъ камень, какъ тяжелая ноша. А раскаяніе, которое одно облегчаетъ тяготы душевныя, день отъ дня становится слабѣе и холоднѣе; его охлаждаютъ и примѣры мірской холодности къ добру. Самое разумѣніе закона Христова становится темнѣе; оно омрачается многообразными уставами вѣка темнаго. Мы привыкаемъ измѣрять обязанности наши не правиломъ Христовымъ, а обычаями міра,— судить о вещахъ не такъ, какъ судитъ евангеліе, а какъ судитъ міръ. Бѣдная совѣсть христіанская! Какимъ пыткамъ подвергаетъ тебя міръ за уклоненіе отъ *простоты, яже о Христѣ* Іисусѣ.

Не удивительно послѣ того, если научаясь не право чувствовать и судить себя, мы научаемся и не право жить и дѣйствовать. Наша искренность, наше простодушіе замѣняются притворствомъ,—на томъ основаніи, что такъ живутъ въ свѣтѣ. Утомляемые разнообразными требованіями міра, мы день отъ дня находимъ себя менѣе готовыми, менѣе способными къ добру; лѣность, невниманіе къ себѣ, разсѣянность начинаютъ тяготить душу; мы сознаемъ, что изможденны тѣми услугами, какихъ требуютъ отъ насъ люди міра; міръ лишилъ насъ воли и свободы. Къ несчастію, насъ миритъ еще съ міромъ та мысль, что и онъ не позволяетъ вести

себя слишкомъ укоризненно. Но услугу ли намъ дѣлаетъ тѣмъ міръ? Нѣтъ, болѣе губитъ, чѣмъ служитъ; ибо ослабляетъ ревность къ высшей духовной жизни. Лучшее правило его таково: живи порядочно; отъ всего прочаго онъ отказывается; все прочее для него слишкомъ тяжело. Язычники, во время блаженнаго Августина, отказывались отъ Христа потому самому, что они, какъ говорили сами, и безъ Него живутъ исправно. „Я не совершаю смертоубійства, „говоритъ одинъ изъ нихъ, не ворую, не хищничаю, отдаю каждо„му свое; какую же я имѣю нужду во Христѣ?“ Братія! осмотримся вокругъ себя: не то же ли самое происходитъ и между нами христіанами? Не точно ли также отказываются, а иные давно отказались, отъ высокой жизни во Христѣ, отъ строгаго подвижничества Христова—за тѣмъ, что и безъ того живутъ порядочно, за тѣмъ, что и свѣтъ, общество людей вѣка, не дозволяетъ жить безпорядочно? О, Господи Іисусе! И такъ, Ты напрасно родился на землѣ? Намъ хорошо и съ міромъ; не нужны для насъ Твои спасительныя правила. О, братія во Христѣ! устрашимся своего состоянія! міръ осужденъ Господомъ нашимъ; да не погибнемъ и мы вмѣстѣ съ міромъ!

Господи! къ Тебѣ же, оставляемому нами, обращаемся съ преступными, но кающимися, сердцами нашими. Явленъ буди не ищущимъ Тебѣ. Самъ согрѣй и оживи сердца наши любовію къ Тебѣ, достойною благости, изліянной и изливаемой на насъ Тобою! Аминь.

1844 г.

СЛОВО ВЪ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Высокая доля—доля волхвовъ восточныхъ въ Виѳлеемѣ! Между милліонами язычниковъ они первые познали и почтили Того, Кого ожидали столько вѣковъ праведники. Патріархи и пророки желали видѣть Его—Царя и Учителя вселенной; а увидѣли Его мудрецы языческіе. Лики ангеловъ торжествуютъ рожденіе Его; сонмъ звѣздъ отдѣляетъ одну изъ среды своей, чтобы почтить виѳлеемскаго Младенца. И языческіе мудрецы являются участниками въ торжествѣ неба и земли.

Что это за счастливцы—волхвы восточные? Какъ не позавидовать ихъ долѣ? Какъ не пожелать для себя ихъ мудрости? Какъ не поревновать высокому знанію ихъ?

Не одно ли знаніе подарило волхвамъ счастіе ихъ? Много было въ древности жрецовъ науки; много было знавшихъ очень многое. Между нами познанія самаго простаго христіанина выше и вѣрнѣе познаній языческаго мудреца; а откровенія неба намъ не даются. Отъ чего это?

Обратимся къ волхвамъ. Довольствовались ли они тѣмъ, чтобы только смотрѣть на явившуюся звѣзду? Нѣтъ, они, узрѣвъ ее, оставили домъ, родныхъ, знакомыхъ, все близкое сердцу, обрекли себя на путь трудный, отправились въ страну неизвѣстную, пошли, не зная куда и когда придутъ. Видите, тутъ дѣло не въ одномъ знаніи. Здѣсь знанію сопутствуетъ самопожертвованіе, подвигъ воли тяжелый, трудъ цѣлой души.

А у насъ?—У насъ знаніе въ противорѣчіи съ дѣлами. Знаемъ много, дѣлаемъ мало, знанія расширяемъ, а дѣла не лучше. Всмотримся въ это несогласіе знанія съ дѣлами, и подумаемъ о нуждѣ соединенія знанія съ жизнію.

Нельзя не сознаться, что въ новыя времена много сдѣлано для объясненія самыхъ высокихъ истинъ вѣры. Сколько плодовъ религіозной учености! сколько системъ! сколько теорій! сколько книгъ! И какія теоріи! какія системы!—одна другой блистательнѣе, одна другой заманчивѣе, одна другой полнѣе мыслями! По этимъ успѣхамъ, какъ не быть увѣреннымъ, что эти умные люди—ангелы свѣта; живутъ только небомъ и Богомъ. Что-жъ въ опытѣ?

Въ опытѣ печальное противорѣчіе жизни знанію.

Самая простая истина: надобно любить Бога больше всего. И объ этой простой истинѣ написаны тысячи книгъ; а въ опытѣ этой простой истины нѣтъ, какъ нѣтъ. Сердца замѣщены разными истуканами, дни богослуженія заняты у богатаго удовольствіями, у бѣднаго—работою, или же, что еще страннѣе, у того и другаго—праздностію. Для чего же пишутъ книги о простой истинѣ? Чтобы быть чѣмъ нибудь въ глазахъ людей.

Любви къ Богу мы не научаемся ни отъ кого; мы съ нею раждаемся; едва сердце наше начинаетъ биться, едва сознаніе начинаетъ раскрываться въ насъ: душа стремится къ высшему, въ душѣ является мысль о томъ, чего не видитъ глазъ. Посмотрите на дѣтей: въ ихъ юной жизни уже видна любовь къ святому; ихъ невинность, кротость, простота радуетъ насъ. Но дитя сталъ юношею, потомъ мужемъ. Знанія его увеличились и стали тверды. Казалось бы, съ лѣтами должна развиться живая, плодотворная любовь къ Господу; казалось бы, съ лѣтами должна эта любовь стать преобладающимъ началомъ всей жизни. А въ дѣлахъ не то. Въ дѣлахъ юноши и даже мужа нѣтъ ни невинности, ни простоты; нѣтъ ни кротости, ни благоговѣнія къ свя-

тому, тогда какъ заповѣди о любви они знаютъ хорошо, даже очень хорошо. Что-жъ это? въ умѣ одно, въ сердцѣ другое, мысль ушла впередъ, а желанія—назади; воля и умъ отправились каждый своею дорогою и не смотрятъ другъ на друга. Куда жъ онѣ придутъ? Что бываетъ съ однимъ человѣкомъ,—то можетъ быть и бываетъ съ цѣлымъ народомъ. Но тѣмъ печальнѣе картина раздора жизни съ знаніемъ.

Если посмотрѣть на знанія вещей житейскихъ: то тутъ еще больше успѣховъ ума. Въ наше время только и вопросовъ, только и помысловъ, что о выгодахъ жизни, о пользѣ вещественной. Сколько тутъ теорій! сколько системъ! Каждый готовъ предложить лучшую теорію уменьшенія бѣдности, лучшую систему промышленности, торговли, земледѣлія. Того и ждешь, вотъ волкъ будетъ пастись вмѣстѣ съ ягненкомъ; вотъ, вотъ страна проклятія будетъ эдемомъ. Между тѣмъ въ книгахъ одно, на дѣлѣ другое, въ книгахъ безкорыстіе—святыня, въ жизни деньги—идолъ. О промышленности пишутъ, чтобы промыслить себѣ чинъ и деньги.

Говорятъ: еще не довольно распространены познанія нравственныя. Пусть такъ. Но не осужденіе ли это самимъ себѣ? Не новое противорѣчіе ли это съ собою? Если говорятъ, что нужны нравственныя познанія, почему жъ ихъ нѣтъ? Почему-жъ замѣняютъ ихъ знаніемъ ненужнаго? Почему не даютъ времени для пріобрѣтенія ихъ? Почему не оправдываютъ достоинства ихъ опытами?

Извиняютъ себя недосугомъ, множествомъ дѣлъ! Но если знаютъ, что это множество дѣлъ мѣшаетъ самому необходимому: зачѣмъ не разстаются съ недосугами суеты, а придумываютъ и размножаютъ суеты?

Пока не возвратятся къ тому, съ чего повелѣлъ начинать жизнь христіанскую Господь нашъ, пока не приступятъ къ подвигамъ самоотверженія, къ трудамъ воли: несогласіе ума съ дѣлами не кончится, жизнь истинная, жизнь христіанская не водворится между людьми.

Знаніе можетъ сглаживать съ сердца черствую грубость, можетъ полировать поверхность души, можетъ смягчать чувства дикія. Но твердость для добра, но глубину убѣжденій, но искренность чувства сообщаютъ душѣ труды воли. На мягкомъ воскѣ легко отпечатлѣваются образы предметовъ, но также легко и сглаживаются. На стали съ трудомъ вырѣзываютъ видъ храма или имя, но за то вырѣзаннаго не скоро сгладитъ и ѣдкость времени. Точно такъ одно знаніе не охраняетъ добродѣтели отъ паденій, когда возстаютъ на душу похоти грѣха. Въ борьбѣ наклонностей святыхъ и грѣшныхъ устоять ли одному уму, удержать ли тревожную душу при добрѣ, когда воля не пріобрѣла навыка къ добру? Въ мечтахъ ума могутъ

возноситься высоко: а страсти будутъ продолжать свое дѣло, т. е. превращать человѣка въ звѣря. Въ нечистомъ сосудѣ портится самый вкусный напитокъ. И въ нечистомъ сердцѣ самыя священныя истины получаютъ силу, несвойственную имъ. Язычники знали Бога: но отъ того, что не отдали Ему славы должной, мысль о Богѣ превратилась у нихъ въ безсмыслiе, сердце ихъ омрачилось, умъ отупѣлъ.

Другое дѣло,—когда вмѣстѣ съ образованiемъ ума идетъ въ рядъ образованiе воли. Успѣхи самаго ума получаютъ тогда другой видъ. На этомъ-то пути,—на пути совокупныхъ трудовъ ума и воли,—такъ хорошо узнаютъ опасности для душевнаго спасенiя; на этомъ-то пути узнаютъ вѣрныя средства спасать душу отъ грѣховъ. На этомъ-то пути достигаютъ созерцанiй чистыхъ и живыхъ: опытность воли придаетъ твердость сужденiямъ разума; познанiя разума становятся не дѣломъ гаданiй, колеблющихся на гладкомъ основанiи, уклоняющихся на ту и другую сторону отъ прираженiя несродныхъ мыслей; онѣ возникаютъ изъ глубины сердца, воздыхающаго о святомъ; онѣ вызываются желанiями воли, стремящейся къ небу. И при обратномъ дѣйствiи на душу не остаются безплодными, а вызываютъ желанiя святыя, чувства чистыя, дѣла чудныя Господу.

Странное дѣло! Только и заботъ, что объ умѣ, какъ будто въ человѣкѣ только и есть, что умъ; какъ будто Христосъ для того только и приходилъ на землю, чтобы научить насъ кое-чему забытому; какъ будто Онъ и не говорилъ о нуждѣ перерожденiя всей души; какъ будто Духъ благодати не съ тѣмъ и посланъ въ міръ, чтобы обличить міръ въ грѣхѣ и совершить освященiе человѣка на пути крестномъ!

Прежде ожидали всего отъ вѣры, нынѣ—отъ знанiя. Впрочемъ разность въ словахъ, а дѣло—то же. Вѣра не восходила дальше ума, знанiе не производитъ ничего, кромѣ броженiя мыслей. Посмотрите ближе и увидите, что подъ видомъ этого довѣрiя къ вѣрѣ заключается одно довѣрiе къ уму. Слово Божiе отдано суду ума, и умъ передаетъ вѣщанiя Слова Божiя, какъ хочетъ. Что-жъ выходитъ? Умъ воспользовался данною властiю, чтобы насмѣяться надъ довѣрившими ему власть,—сперва привелъ въ сомнѣнiе, потомъ разрушилъ ученiе ихъ о благодати и Словѣ Божiемъ. Въ самомъ началѣ онъ уже далъ знать о своихъ правахъ на превращенiе жизни въ въ мечты. Сколько было шуму, сколько брани противъ дѣлъ! То и дѣлали, что безчестили постъ и дѣвство, клеймили позоромъ подвиги, ни во что ставили дѣла и, казалось, что все это дѣлали для славы вѣры и благодати. Слѣдствiя показали другое. Слѣдствiя показали, что подъ видомъ религiознаго одушевленiя таилась гордость

ума, домогавшагося превратить евангеліе въ ученіе умное, безплодное для жизни. Потому-то и явились сотни системъ вѣры, столько же враждебныхъ между собою, сколько несогласныхъ съ евангеліемъ. Вѣра не на языкѣ, а въ сердцѣ. Наша воля и сама по себѣ не много имѣетъ охоты къ христіанскимъ подвигамъ. А когда ея нерасположеніе къ подвигамъ освятили несправедливымъ толкомъ о благодати и вѣрѣ, одобрили, прославили шумными криками противъ значенія дѣлъ: то естественно, что воля еще болѣе ослабла, облѣнилась и свыклась съ грѣхами, къ которымъ она и безъ того слишкомъ наклонна. Такъ явилось преобладаніе самолюбія и корысти надъ всѣмъ святымъ. Такъ явилось равнодушіе ко всему, что не связано съ интересами земной жизни. Такъ явился наконецъ вавилонскій раздоръ мыслей объ одной и той же истинѣ Христовой. Вотъ опытъ тому, что безъ опытности въ жизни христіанской легко уму попасть на путь самый опасный! Вотъ опытъ тому, что пока воля не управляется закономъ Христовымъ и не управляетъ всѣми движеніями души, умъ, оставленный на свою волю, заводитъ и волю и мысли въ темную область разстройства и безпорядковъ!

Братія! согласитесь, что иное дѣло считать себя рабомъ негоднымъ, другое—отъ лѣности дѣлаться дурнымъ. Худо величаться дѣлами, еще хуже величаться тѣмъ, что не творимъ ихъ. Знать волю Господа своего, имѣть всѣ средства благодати ко спасенію и быть довольнымъ тѣмъ только, что не творимъ добра,—не поруганіе ли это благодати?

За что мы носимъ имя христіанъ? Ужели за то, что знаемъ довольно истинъ христіанскихъ? Нѣтъ, рабъ, знавшій волю господина своего и не выполнившій ее, *біенъ будетъ много.* Какъ явимся туда съ мечтами въ умѣ, и съ безобразною пустотою въ душѣ?

О, Господи! дай намъ не умомъ только, но всею душею, всею жизнію приближаться къ Тебѣ,—съ забвеніемъ всего пріятнаго на землѣ, всего дорогаго наклонностямъ нашей души, съ отреченіемъ отъ самихъ себя—идти къ Тебѣ до Іерусалима небеснаго, какъ мудрецы востока пришли ради Тебя въ Іерусалимъ земный. Аминь.

1847 г.

СЛОВО НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Вступая въ новый годъ жизни, какъ хотѣли бы знать, что принесетъ намъ новый годъ? Сердце невольно спрашиваетъ у ума, что видитъ онъ въ будущемъ? Счастіе или несчастіе? И отвѣта не слышно. Мы не видимъ, мы не знаемъ: какая доля, какой жребій выпадетъ тому или другому изъ насъ? Продлится ли счастіе счастливыхъ? Престанутъ ли слезы лить тѣ, которыхъ участь нынѣшняя такъ горька? Наградитъ ли земля труды земледѣльца, или оставитъ въ нѣдрахъ сухихъ сѣмена его? Будетъ ли воздухъ благотворенъ для всего живаго или станетъ дышать смертію и болѣзнію на всѣхъ, не разбирая возрастовъ и крѣпости силъ, не разбирая состояній и званій? Будетъ ли цвѣсти торговля? Обратятъ ли вниманіе на труды вѣрнаго слуги отечества? Судьба каждаго изъ насъ, какъ и судьба цѣлыхъ народовъ, покрыта завѣсою непроницаемою.

Что думать намъ объ этой неизвѣстности? Не полезнѣе ли для насъ было бы, если бы знали мы будущую участь нашу?

Не станемъ утверждать, что знаніе будущаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезнымъ для человѣка. Иначе намъ надлежало бы говорить, что прозорливость святыхъ Божіихъ, видѣвшихъ самое отдаленное и случайное, была дѣломъ не нужнымъ, безполезнымъ. Иначе намъ надлежало бы утверждать, что напрасно Господь открывалъ недоступное для обыкновенной прозорливости. Нѣтъ, для человѣка съ святымъ настроеніемъ силъ, для людей съ волею правою, какова была воля первосозданнаго, возможна и благотворна способность провидѣть будущее. И, о, если бы мы жили такъ, какъ надлежало бы жить людямъ въ зрѣломъ, мужескомъ возрастѣ духовномъ! О, если бы чистотѣ и крѣпости духа равнялась въ насъ ясность взора душевнаго! Тогда, нѣтъ сомнѣнія, мы видѣли бы далеко впереди себя. Но сколько между нами такихъ, которыхъ воля не оставалась бы назади успѣховъ мысли, и, слѣдовательно, не была бы слугою перемѣнъ, случающихся съ душею, вмѣсто того, чтобы господствовать и надъ духомъ и надъ природою внѣшнею? Если же остается намъ говорить о людяхъ, каковы мы съ тобою, слушатель, каковы почти всѣ мы грѣшные, о людяхъ немощныхъ, слабыхъ, разстроенныхъ успѣхами: то остается быть увѣреннымъ, что для насъ полезнѣе—не знать будущаго, чѣмъ знать. Потому-то будущее и сокрыто для насъ.

Неизвѣстность будущаго для людей немощныхъ есть счастіе; поелику, скрывая отъ насъ ожидающія насъ несчастія, сберегаетъ покой нашъ. Какая радость отцу семейства, окруженному веселыми дѣтьми, провидѣть, что предметы его любви обречены преждевременному гробу? Какое утѣшеніе купцу—знать, что чрезъ годъ плоды трудовъ его многолѣтнихъ поглотитъ вода, разрушитъ человѣческая неправда? Какая польза честному слугѣ отечества предвидѣть, что его непорочная служба чрезъ годъ очернена будетъ злобою? Къ чему открывать взоръ нашъ на отдаленную будущность, съ которой не въ силахъ мы совладѣть? Для безполезной, или даже для вредной разсѣянности? Если непріятности настоящаго бываютъ такъ тягостны для насъ, что очень часто не достаетъ у насъ противъ нихъ твердости нравственной, гдѣ же взяли бы мы силъ и терпѣнія, чтобы и дѣлать дѣла настоящія и бороться съ чувствами бѣдъ, открываемыхъ будущностію?

Незавидно теперь состояніе того или другаго изъ насъ; но онъ доволенъ и тѣмъ малымъ, что послалъ ему Богъ; онъ трудится покойно и благодаритъ Господа за пріобрѣтенія, какія доставляетъ ему трудъ. Не слишкомъ щедро награждаются труды его; но онъ привыкъ къ умѣренности, ему не съ чего тревожитъ себя желаніями лучшаго. Представьте же, что тотъ же человѣкъ, теперь столько спокойный, столько довольный немногимъ, увидѣлъ бы, что чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ и богатъ, и знатенъ, и счастливъ во всемъ,—думаете ли что ему легко было бы сносить умѣренность настоящей судьбы и ждать обольстительной будущности? Навѣрное онъ потерялъ бы покой настоящаго. А что будетъ чувствовать, дождавшись будущаго? Это будущее обольщало его при взглядѣ издали, пока мало было извѣстно. Но послѣ того, какъ будетъ долго извѣстнымъ, оно потеряетъ для него цѣну отъ самой давности. И такъ, онъ потеряетъ покой умѣренности и не насладится счастіемъ чрезмѣрнымъ. Вотъ чѣмъ наградило бы его прозрѣніе въ даль будущаго!

Немногія радости, какія посылаетъ намъ Богъ въ печальномъ странствіи нашемъ на земли, отъ того болѣе и радуютъ насъ, что бываютъ неожиданны, встрѣчаютъ насъ тогда, когда не надѣялись мы лучшаго. Послѣ того, какъ не знали мы, какъ выдти изъ грознаго стеченія обстоятельствъ, искали и не на находили помощи себѣ, обращаясь къ тысячи средствъ, въ какой восторгъ приходитъ сердце наше, получая помощь отъ Господа! Оно, какъ узникъ, вырвавшійся на свободу, радуется счастію своему.

Вы скажете, что все это не слишкомъ возвышаетъ положеніе наше, что все это показываетъ въ насъ что-то даже дѣтски немощное? Согласенъ. Но что-жъ дѣлать, когда грѣхъ сдѣлалъ насъ не-

мощными дѣтьми? Дѣло мудрости—преподать уроки, доступные силамъ, а не тѣ, которые превышаютъ мѣру силъ.

Мы немощны. Съ насъ довольно, если дѣлаемъ то, что представляетъ для дѣятельности одинъ день. И одинъ день требуетъ отъ насъ всего вниманія нашего, чтобы провесть его, какъ должно. Ограниченные тѣснымъ кругомъ дня, мы еще въ силахъ отклонить кое-какія препятствія къ добру, препобѣдить кое-какія искушенія, достигнуть конца дѣла, предлагаемаго днемъ. И съ насъ довольно того.—Что нужно намъ знать для успѣховъ въ трудѣ дня, иначе, что нужно намъ знать для нашего спасенія: то все открыто намъ. Намъ полезна мысль о смерти; и мы знаемъ, что умремъ, не взявъ съ собою ни денегъ, ни честей, которыя такъ любимъ. Не знаемъ мы, когда умремъ? Но извѣстность о времени смерти была бы только вредною для насъ, склонныхъ къ безпечности, тогда какъ неизвѣстность часа смерти возбуждаетъ въ насъ спасительный страхъ и держитъ въ границахъ страсти наши.—Намъ полезно знать, что ни одно доброе дѣло наше не остается безъ награды;—и это намъ открыто. Намъ нужно знать, что должны мы дѣлать, чтобы пріобрѣсть блаженную вѣчность;—и пути спасительные сдѣланы для насъ извѣстными.

Не слишкомъ ли мало дано намъ, если дано только настоящее? Напротивъ, намъ дано весьма много. Намъ дано настоящее, а отъ него зависитъ и будущее и прошлое наше. Для чего хотѣли бы вы знать будущее? Конечно для того, чтобы отвратить или несчастіе будущее, или увеличить, сколько можно, будущее счастіе? Повторяю, имѣя въ своей власти настоящее, вы имѣете въ своемъ распоряженіи всю будущность вашу. И какую еще будущность? Не только догробную, но и загробную. Хотите ли, чтобы покойна, безмятежна была ваша старость? Пользуйтесь молодостію, какъ велитъ законъ, берегите силы умѣренною жизнію и трудами честными, уважайте отца и мать вашу, будьте почтительны къ начальству: тогда навѣрное будете счастливы, навѣрное будете долго жить,—такъ сказалъ Господь. Хотите ли счастія для вашей купли и продажи, для вашей службы и домашней жизни, для вашихъ дѣтей и близкихъ сердцу вашему? Храните заповѣди Божія, и *пріидутъ на васъ вся благословенія земли* (Втор. XXVIII, 3, 4): такъ сказалъ Господь. Хочешь ли отвратить угрожающую или наступившую бѣду? *Открый ко Господу путь твой и уповай на Него, и изведетъ яко свѣтъ правду твою* (Пс. XXXVI, 5, 6). Все зависитъ отъ того, какъ пользуемся мы настоящимъ. Небо и адъ въ нашей волѣ: будемъ ли исполнять законъ Божій, или волю страстей нашихъ, будемъ ли благоговѣть предъ Господомъ или покланяться себѣ самимъ? Это отъ насъ зависитъ; отъ свойства дѣлъ нашихъ зависятъ и послѣд-

ствія ихъ,—наша горькая, или пріятная будущность. Станемъ сѣять для плоти? пожнемъ гибель плоти. Станемъ сѣять для духа безсмертнаго? получимъ блаженство вѣчное. Настоящее такъ важно, что можетъ имѣть вліяніе и на прошедшее. Ты многаго добраго не сдѣлалъ въ прошлое время; ты много худаго надѣлалъ въ прошедшій годъ? Покайся, пей горечь раскаянія за прошлую сладость грѣха; повергайся въ духѣ вѣры предъ Искупителемъ. Заслуги Вѣчнаго покроютъ грѣхи прошедшаго времени; Отецъ небесный съ радостію пріиметъ заблудшаго сына.

Братія! что Богъ строитъ для насъ, того лучше ни сдѣлать, ни придумать мы не можемъ. Отдадимъ же сердца наши въ Его волю. Помолимся Ему искренно, отъ всего сердца: *Отче нашъ! да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Аминь.

1850 г.

СЛОВО НА ОБРѢЗАНІЕ ГОСПОДНЕ И ВЪ НОВОЛѢТІЕ.

Въ руку Твоею жребій мой (Псал. XXX, 16).

Еще прежде, чѣмъ зачатъ былъ во чревѣ пренепорочной Дѣвы Божественный Младенецъ, ангелъ небесный назначаетъ Ему имя—Іисусъ. Вѣчный Отецъ прежде, чѣмъ послалъ вѣчнаго Сына Своего въ грѣшный міръ нашъ, не только назначилъ Ему имя для земли, но опредѣлилъ и весь путь Его земный, отъ Виѳлеема до Голгоѳы, отъ яслей и до гроба.

Оставляя за собою годъ прошлый, и вступая въ годъ новый, думаетъ ли кто изъ насъ, что и прошлый и грядущій жребій нашъ не опредѣленъ тѣмъ же Вѣчнымъ! *Въ руку Твоею жребій мой*, говоритъ предъ Вѣчнымъ царственный пророкъ. Оглянемся на годъ протекшій, подумаемъ о будущемъ, чтобы узнать жребій нашъ. Это и нужно; это и должно. Твое имя, Владыко нашъ—Іисусе, созвало насъ нынѣ въ храмъ сей; Твоимъ именемъ начинаемъ мы годъ нашъ новый. Да будетъ благодать Твоего имени съ нами!

Что видитъ взоръ нашъ въ нашемъ прошломъ? *Благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его. Благослови душе моя Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его.* Ни дня, ни ночи, ни часа, ни минуты нѣтъ въ нашемъ прошедшемъ, когда бы десница Вышняго не благотворила намъ. Все, чѣмъ жили мы, все,

чѣмъ наслаждались мы,—пища, питье, одежда, кровъ, свѣтъ дня и покой ночи,—все Его, *о Немъ живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. XVII, 28). Незримый Отецъ бережетъ чадъ своихъ среди мятежнаго міра. Сколько бѣдъ неожиданныхъ отклонено, сколько ударовъ не допущено, сколько преградъ низложено! Кѣмъ? Незримою рукою. Коварный врагъ готовилъ намъ бѣды тяжкія; но бѣды обратились на главу врага. Болѣзнь вела жизнь ко гробу, но на перекоръ расчетамъ науки обновила жизнь. *Благослови душе моя Господа, избавляющаго отъ истлѣнія животъ твой, вѣнчающаго тя милостію и щедротами* (Псал. CII, 4).

Пусть такъ; пусть для многихъ много было скорбей въ прошломъ, и скорби еще не кончились. Одинъ потерялъ богатство, и терпитъ горькую бѣдность. Другіе весь годъ нуждались въ кускѣ хлѣба, и съ концемъ года еще не кончились ихъ нужды. Третій боленъ не годъ, а цѣлые годы. Но кто знаетъ, не скажутъ ли счастливому сосѣду: *чадо, помяни, яко пріялъ еси благая въ животѣ твоемъ?* О! если бы для приготовленія души нашей къ блаженной вѣчности требовалось не болѣе, какъ пройтись спокойнымъ шагомъ отъ колыбели до гроба: тогда потери земныя, нужды вопіющія, болѣзни тяжкія были бы точно неразрѣшимою загадкою. Теперь совсѣмъ не то. Бѣдствія земныя отнимаютъ отъ глазъ нашихъ завѣсу, за которою самолюбіе скрываетъ отъ насъ наши грѣхи, нашу нищету духовную, нашу близость къ погибели невозвратной. Теперь говорятъ намъ: если вы остаетесь безъ наказанія; то вы не дѣти Божіи,—вы чада прелюбодѣянія. Премудрый и благій Отецъ нашъ! Ты знаешь полезное для каждаго изъ насъ гораздо лучше, чѣмъ мы знаемъ, и никакъ не подашь камня вмѣсто хлѣба.

Жестока потеря, какова потеря близкихъ сердцу, сошедшихъ въ могилу. А сколько было такихъ потерь въ прошломъ году!—Тамъ—другъ нѣжный, здѣсь—вдова беззащитная оплакиваютъ невознаградимую потерю; дѣти, какъ птенцы, кричатъ безъ матери и отца, сраженныхъ одною косой. Тамъ и здѣсь—слезы. Не осуждайте этихъ слезъ. Самъ Сынъ человѣческій проливалъ ихъ при гробѣ Лазаря. И однако эта скорбь любви не должна быть скорбію *не имущихъ упованія* (1 Солун. IV, 13). Жребій отшедшихъ отъ насъ также въ рукахъ Господа, какъ и жребій оставшихся. *Аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. XIV, 8). Вы боитесь за жребій отшедшихъ, вамъ хотѣлось бы помочь имъ? Можете помочь. Желанія любви святой пріятны Господу любви,—желаніямъ любви даны здѣсь средства дѣлать добро для любимыхъ, живыхъ и за гробомъ. Сила крестной жертвы Сына Божія простирается съ земнаго алтаря за гробъ. *На сіе бо Христосъ и умре и воскресе и оживе*,

да и мертвыми и живыми обладаетъ (Рим. XIV, 9). Жаль осиротѣвшихъ? Осмотритесь, и найдете тысячи примѣровъ тому, какъ устрояетъ Господь судьбу сиротъ. Онъ истинно *Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ.*

Обращаясь отъ протекшаго къ наступающему, что можемъ ожидать отъ новаго года? Темна будущность, мракъ впереди насъ. Міръ такъ перемѣнчивъ, земное такъ непостоянно, люди такъ не надежны! Бѣдный труженикъ земли найдетъ ли награду за труды свои? Богатый и общимъ вниманіемъ и средствами жизни не лишенъ ли будетъ завтра же всего? Кто знаетъ, откуда повѣетъ холодъ смерти? Воздухъ, которымъ дышемъ, вода, которую пьемъ, не будутъ ли отравою жизни? Мы знаемъ, что умремъ: но кто опередитъ кого, юный ли старца, или старецъ юнаго? Не знаемъ. Но и темная будущность свѣтла съ Тобою, Господи! *Въ руку Твоею жребій мой.*

Отчего не надежна будущность наша? Оттого, что взоръ нашъ обращенъ къ землѣ, а не къ небу; отъ того, что надежды наши вездѣ, но только не у Господа. Мы хотимъ думать, что жребій нашъ въ рукахъ нашихъ. Агрономія, медицина, экономія—обѣщаютъ намъ горы счастія. Бѣдные! какъ жестоко наказываетъ насъ наша гордость. *Сего дня или завтра*, говоримъ мы, *пойдемъ въ такой-то городъ и пробудемъ тамъ годъ, и станемъ торговать и получатъ прибыль;* а забыли, что *жизнь наша паръ*, готовый чрезъ часъ исчезнуть; забыли что ходъ природы ни чуть не въ нашей власти. Что за тѣмъ? Не сбывшіяся надежды, чѣмъ были блистательнѣе, тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ убійственнѣе для души. Послѣ того, какъ волновались желаніями обширными, мыслями исполинскими, восторгами сладкими,—обманутой душѣ остается мрачное отчаяніе!

Вмѣсто того вамъ надлежало бы говорить: *если угодно будетъ Господу и живы будемъ, тогда сдѣлаемъ то или другое* (Іак. IV, 13—16), такъ учитъ апостолъ. И вѣрнѣе сего, успокоительнѣе сего нельзя ничего сказать. Какая разность, когда твердо вѣримъ мы, что жребій нашъ въ рукахъ Господа! Тогда ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ не можетъ быть обмана. Тогда прошедшее служитъ порукою надежною для будущаго. Отецъ небесный, Который хранилъ насъ въ прошломъ, подвергалъ искушеніямъ, но и спасалъ отъ нихъ, никогда не перестанетъ хранить и въ будущемъ. Онъ всегда—Отецъ нашъ, всегда знаетъ нужное для насъ, всегда даетъ полезное намъ. Волосъ съ головы нашей не упадетъ безъ Его воли. Онъ—всемогущій Владыка правитъ всѣмъ. Нѣтъ такой нужды, отъ которой бы не исхитила десница Его, когда восхощетъ. Если къ Нему обращены надежды: вѣрны надежды наши, въ чемъ бы то ни было. *Той премѣняетъ времена и лѣта, даяй премудрость мудрымъ,*

и разумъ вѣдущимъ смышленіе (Дан. II, 12). *Конь уготовляется на день брани: отъ Господа же помощь* (Притч. XXI, 31). Если къ Нему горятъ сердца любовію: *любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое* (Рим. VIII, 28). Быть можетъ, посѣтятъ меня бѣдствія, быть можетъ, стрѣлы врага уязвятъ меня. Что-жъ? *Онъ печется о насъ. На Него* возлагаю *заботы* (1 Петр. V, 7).

Намъ ли христіанамъ быть безъ надеждъ на Всеблагаго? Тотъ, Который Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его за насъ, можетъ ли пожалѣть что нибудь для насъ? Намъ ли бояться враговъ, какихъ бы то ни было, когда и благодать Духа святаго, и сонмы небожителей, нашихъ братьевъ, готовы на помощь намъ? Намъ ли искать, гдѣ Богъ нашъ? Благодареніе Господу! Мы не язычники, *безбожни сущіи въ мірѣ. Съ нами Богъ!*

Но однако есть же и между нами, которые и вѣрятъ, что жребій нашъ въ рукахъ Его. Отъ чего это маловѣріе, или невѣріе? Или не ко всѣмъ Ты близокъ, Господи? Быть не можетъ. Вина въ людяхъ.

Одни живутъ, не думая, какъ живутъ. Жизнь ихъ—сонъ; ни связи въ мысляхъ, ни отчета въ дѣлахъ не спрашивай у нихъ; въ головѣ ихъ мечты, въ сердцѣ—пустота. Они не думаютъ, какъ и кѣмъ правится жизнь ихъ, и что такое они сами? Увеселеніе, связи, забавы—вотъ ихъ занятія! Привычка, пристрастіе, своенравіе—вотъ ихъ правила! Они ѣдятъ и пьютъ, чтобы спать, а встаютъ съ постели, чтобы пить и ѣсть: вотъ процессъ ихъ жизни! Къ нимъ-то относится жалоба Вседержителя: *позна волъ стяжавшаго его, и оселъ ясли господина своего: Израиль же Мене не позна.* Какъ это странно, что люди могутъ быть хуже безсловесныхъ!

Другіе умны на то, чтобы вникать въ событія времени, дознаютъ причины, слѣдятъ за послѣдствіями, не оставляютъ безъ вниманія ни одного случая, могутъ разсказать вамъ и свою исторію и исторію червя. Но дальше земли—ни на шагъ, выше обихода временнаго—ни на футъ. Ихъ взоръ такъ полонъ предметами близкими, причинами земными, что причина высшая—не зрима для нихъ. Таково состояніе мудрецовъ языческихъ, таково состояніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ мудрецовъ! Надменные знаніемъ предметовъ разнообразныхъ, но мелкихъ, они растерялись сами въ разнообразіи дикихъ, безжизненныхъ мыслей своихъ, а мечтаютъ, что создали вселенную помимо Творца. Жалкіе не видятъ, что имѣютъ дѣло только съ мечтами своими, тогда какъ міръ Божій съ его сокровенными законами, съ его невидимою причиною, вовсе не то, что ихъ праздные помыслы. *Глаголющеся быти мудри обезумѣша* (Рим. I, 22).

Чтобы зрѣть пути промысла Божія, надобно самому быть

близкимъ къ Промыслу. Надобно возлюбить пути Господни, и они содѣлаются для насъ примѣтны. Надобно стать близко къ Господу, чтобы и Онъ былъ близокъ къ взору нашему. Какъ ясно видѣть то, отъ чего удалилъ я себя на необозримую даль? Какъ ясно видѣть то, на что не охотно и кое-какъ смотрю я? Молитесь Господу чаще, молитесь съ сердцемъ сокрушеннымъ, и сердце ваше скажетъ вамъ: *близъ Господь призывающимъ Его во истинѣ* (Псал. CXLIV, 18). Святые Божіи не только умомъ, но всею душею, самою жизнію изучили пути Божіи,—и пути Божіи имъ были извѣстны опытно. Сколько у Давида царственныхъ заботъ и трудовъ! И однако тогда, какъ вся природа безмолвствуетъ и покоится, онъ встаетъ и размышляетъ о судьбѣ правды Божіей, взявшей его отъ стадъ въ царя Израилю. *Въ полунощи возстахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея.* Въ полночь встаетъ, послѣ того, какъ уже *седмерицею днемъ хвалилъ* Господа (Псал. CXVIII, 62. 164). Вотъ вѣрный путь узнавать мановенія десницы Вышняго!

Братія! обратимся еще разъ къ своему жребію. Для чего выпалъ намъ жребій вступить въ новый годъ? Ужели съ тѣмъ, чтобы грѣшить по прежнему? Ужели и прошлый годъ данъ былъ съ тѣмъ, чтобы наполняли мы дни и ночи его грѣхами? Все въ рукахъ Господа: но нѣтъ Его воли на то, чтобы творили мы нечестіе. Слѣдствія грѣха—бѣдствія. Казни являются межъ нами по Его волѣ, независимо отъ нашихъ желаній: но грѣхъ въ нашей волѣ. Силы даны намъ Господомъ: но употребленіе силъ зависитъ отъ насъ. Всеблагій помогаетъ намъ только въ подвигахъ спасительныхъ: а труды для грѣха—наше дѣло. И вотъ гдѣ особенно проявляется благость Божія—въ терпѣніи, съ какимъ попускаетъ она злоупотребленіе дарами ея. Но и терпѣнію Божію есть предѣлъ—правда Божія. По самой благости Своей всеблагій Богъ не можетъ любить зла и ненавидитъ грѣхъ. *Грѣхи ваши разлучаютъ Меня съ вами*, говоритъ Самъ Онъ съ состраданіемъ о насъ. Грѣхи лишаютъ насъ благодати Его. Грѣхи низводятъ на насъ гнѣвъ Его. Горе сердцамъ коварнымъ, вымышляющимъ зло для ближняго, чтобы сокрыть свои неправды и беззаконія! Горе устамъ лживымъ, шепчущимъ погибель на невинныхъ, въ угоду страстямъ! *Потребитъ Господь вся устны льстивыя* (Псал. XI, 4), *глаголющія на праведнаго беззаконіе.* Братія! что, если бы первый день года былъ началомъ послѣдняго суда надъ нами? что, если бы теперь—въ семъ храмѣ—явился Судья грозный? Боже великій и страшный въ гнѣвѣ! погибли мы... Братія! Онъ медлитъ, медлитъ ожидая обращенія нашего. Не замедлимъ же сойти съ пути погибельнаго. Намъ дано время. О, какъ велика благость Твоя, Господи! Намъ дано время каяться и исправлять

жизнь свою. Поспѣшимъ каяться, поспѣшимъ исправить жизнь свою. Каждый часъ, каждая минута—дороги: потому что даны со счетомъ, и въ нихъ потребуютъ отчета. Сколько истрачено силъ, сколько убито времени! Употребимъ оставшееся во свое спасеніе. Что? Пагубныя привычки одолѣли разумъ и волю? Недостаетъ силъ, чтобы встать и идти по пути спасительному? О! тѣмъ сильнѣе, тѣмъ безпощаднѣе надобно побуждать себя; тѣмъ громче, тѣмъ неотступнѣе надобно звать благодать на помощь. Проси, какъ нищій, проси съ горькими слезами, и—нищему духомъ подана будетъ крѣпкая помощь. Будь бодръ. Силенъ грѣхъ? Но—всесиленъ Богъ, всемощна благодать Его!

Тебѣ, Господи, величество, и сила, и слава, яко Ты всѣми, иже на небеси и на земли, владычествуеши... Отъ Тебе богатство и слава... Въ руку Твою милость, Вседержителю, возвеличити и укрѣпити вся (1 Пар. XXIX, 11. 12). Аминь.

1847 г.

СЛОВО НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Вступая въ новый годъ, желаемъ себѣ и другимъ новаго, новой жизни, новаго счастія, новаго совершенства. Желаніе справедливое! Естественно, любимъ жизнь, и притомъ жизнь лучшую; разрушенія и смерти никто и ничто не желаетъ. Желаемъ мы болѣе и болѣе усовершать себя; такъ какъ назначены мы къ тому, чтобы приближаться въ качествахъ и совершенствахъ къ Всесовершенному. Между тѣмъ, что новаго на землѣ? Что можетъ случиться со мною или другимъ такого, чего бы прежде не было? Самое счастіе, самое благополучіе жизни временной стоитъ ли помысловъ и заботъ? Тотъ, кому начало бы оно улыбаться, заранѣе долженъ пріучить себя къ его потерѣ. Не все ли въ земномъ мірѣ—пустота и крушеніе духа, не все ли тлѣніе? Къ чему же обратимся мы съ нашими желаніями новаго? Гдѣ предметы, которые стоили бы называться новыми, къ которымъ стоило бы обращаться съ желаніемъ новаго? *Аще кто во Христѣ*, говоритъ апостолъ, *нова тварь* (2 Кор. V, 17). Вотъ новость, новость единственная въ нашемъ старомъ мірѣ! Только въ жизни христіанина, и ни у кого болѣе, можетъ быть новое въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова. Только въ христіанствѣ возможно совершенствованіе человѣка.

Удивительнаго нѣтъ въ томъ, что въ мірѣ вещественномъ нѣтъ ничего новаго. Здѣсь все идетъ по неизмѣнному закону вещественнаго. Никакая астрономія не откроетъ ничего новаго въ звѣздномъ небѣ. Скажутъ ли, что тогда-то открыты новые міры планетъ, тогда-то дознано новое теченіе огромныхъ тѣлъ? Но этимъ открываютъ только человѣческое незнаніе того, что было, а не новыя явленія неба. Тамъ все остается въ одномъ видѣ. *Восходитъ солнце и заходитъ солнце* (Екк. 1, 15): новость ли это? Никакой испытатель природы не отыщетъ ни одной новости на землѣ. *Родъ преходитъ, и родъ приходитъ, а земля во вѣкъ стоитъ.* „Всѣ рѣки идутъ въ море, и море не наполняется; въ то мѣсто, откуда выходятъ рѣки, онѣ идутъ обратно“:— вотъ все, что видѣлъ на землѣ самый даровитый испытатель природы—Соломонъ (Екк. 1, 4. 7). Не будемъ же трудиться надъ изысканіемъ новаго тамъ, гдѣ нѣтъ ничего новаго.

Люди, охотники до новаго, открываютъ въ человѣчествѣ способность день отъ дня быть новымъ. Говорятъ: человѣчество само по себѣ идетъ къ совершенству. Какъ не радоваться такому преимуществу человѣчества! Но полно, принадлежитъ ли оно ему?

Что это за способность человѣческая—самосовершенствованіе? Если это—гордая надежда человѣка на свои силы: то она извѣстна была и язычеству; только согласитесь, не послужила она къ чести человѣчества. Однако надобно сказать, что и язычество на столько было скромно, что успѣхи свои приписывало геніямъ, хотя въ этихъ геніяхъ и оказывались или лучшіе люди, или высшіе, но сотворенные духи. Откуда же взята надежда на самосовершенствованіе человѣчества? Извѣстна ли она была іудейству? Нѣтъ! Ему извѣстны были обѣщанія Божіи исправить падшее человѣчество. Такъ. Но это совсѣмъ не то, что самосовершенствованіе человѣчества. И такъ, эта странная надежда на самосовершенствованіе явилась въ христіанскомъ мірѣ? Пусть же осмотрятся, не быть бы инымъ христіанамъ хуже язычниковъ. Какъ явилась въ христіанскомъ мірѣ эта оскорбительная для христіанина надежда? Бѣдные человѣки до того бѣдны отъ суеты мыслей своихъ, что не поняли готовой, данной имъ, мысли святой, и составили изъ нея мысль превратную. Спаситель и апостолы учатъ о совершенствованіи человѣка во Христѣ, а люди, не понявъ того, стали говорить о самосовершенствованіи людей. Христіанство говоритъ: если кто во Христѣ, тотъ— новая тварь; а люди проповѣдуютъ о преобразованіи людей самими людьми. Вотъ и происхожденіе мысли о самосовершенствованіи человѣчества! Видите, самое происхожденіе показываетъ незаконность этой мысли.

Дерево, снѣдаемое гнилью и червями, можетъ ли доходить въ

ростѣ до исполинскаго дуба? Можетъ ли оно доходить до какого либо значительнаго роста? Нѣтъ; оно чахнетъ, едва отходитъ отъ земли, покрытое коростою. Чего же ожидать отъ человѣчества, которое со дня Адама прониклось нравственною порчею и гніетъ, не переставая гнить когда нибудь, гніетъ, не смотря ни на какія человѣческіе лекарства. Прочтите исторію всѣхъ народовъ: что увидите вы тамъ? Исторію борьбы слабой добродѣтели съ толпами пороковъ, исторію *гніенія людей*. Послѣ сего должны мы дивиться только тому какъ человѣчество, тлѣющее въ грѣхахъ тысящелѣтія, доселѣ не погибло. Конечно, сила, избавляющая его отъ гибели, отъ истребленія не въ немъ самомъ. Иначе, пусть эта спасающая сила человѣческая сильнѣе начала зла: почему доселѣ она не побѣдила слабѣйшаго начала зла? Если жъ она слабѣе въ мощи своей силы зла: отчего, въ продолженіи вѣковъ, не ослабѣла въ борьбѣ съ зломъ и не поглощена имъ? Такъ, благодареніе верховному Промыслителю! Онъ, ради искупительной любви, спасаетъ человѣческій родъ отъ погибели, то отсѣкая неисправимое зло правосудіемъ, то соединяя испортившіяся племена съ менѣе испорченными, то исправляя немощное иными мѣрами кроткаго милосердія. Мѣсто ли же тутъ надеждѣ на самосовершенствованіе человѣчества.

Говорятъ: человѣчество побѣждаетъ природу искусствомъ, изобрѣтеніями, открытіями. Съ торжествомъ указываютъ на новые успѣхи въ области наукъ, художествъ; вотъ, говорятъ, плоды самосовершенствованія человѣчества! Странно, какъ будто силы для побѣдъ надъ природою даны человѣку не свыше; какъ будто искусства, изобрѣтенія, открытія совершаются не въ области управляемаго Богомъ міра; какъ будто успѣхи, пріобрѣтаемые помимо благословенія Божія, безъ благочестія и страха Божія, не оказываются на дѣлѣ успѣхами въ погибели! Умъ Соломона обнималъ множество наукъ и искусствъ,—и что-жъ принесла ему мудрость его? *Уразумѣхъ азъ*, говоритъ онъ, *яко и сіе*, т. е. мудрость—*суета и крушеніе духа и приложивый разумъ приложитъ болѣзнь: творити книги многи нѣсть конца, и ученіе многое трудъ плоти* (Екк. 1, 17. 18. XII, 12). Что это значитъ? То, что, какъ бы ни велики были побѣды ума надъ природою, они сами по себѣ ничего не приносятъ безсмертному духу, кромѣ утомленія, кромѣ безполезной траты силъ; они не подвигаютъ его ни на пядь къ совершенству, потому что совершенство состоитъ не въ разширеніи ума для земнаго, но въ стремленіи всего духа къ Богу, въ приближеніи безсмертной души къ ея первообразу—всесвятому Господу. Легкомысленное самолюбіе восхищается успѣхами ума въ томъ или другомъ народѣ, того или другаго времени: но тотъ или другой народъ—не человѣчество; тотъ или другой народъ пе-

реходитъ изъ дикаго состоянія въ состояніе гражданской образованности, которую потомъ, съ перемѣною политической судьбы, опять теряетъ. Такова исторія народовъ! Человѣчество же отъ того не пріобрѣтаетъ ничего, и не лишается ничего. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что значитъ гражданская образованность народовъ безъ нравственнаго совершенствованія? Въ то самое время, какъ открытія наукъ являются вслѣдъ за открытіями ремесла и художества облегчаются въ производствѣ работъ своихъ,—въ то самое время, въ этихъ самыхъ обществахъ, не находятъ ни покоя, ни безопасности; пороки необузданны, законы — игрушка страстей, правительства — предметъ брани, ссоры не умолкаютъ, союзы рвутся, волненія и тревоги кипятъ, каждый хочетъ повелѣвать, и никто — повиноваться. Чѣмъ становятся науки? Жалкимъ средствомъ не помогать, а вредить природѣ. Чѣмъ— книги и зрѣлища? Картинами разврата и злодѣйствъ. Скажите же, ужели и это человѣчество идетъ къ совершенству?

Говорятъ: человѣчество, передавая опыты отъ поколѣнія къ поколѣнію, становится умнѣе, лучше. Да; осьмая тысяча годовъ идетъ, какъ этотъ способъ самосовершенствованія остается въ рукахъ человѣчества. Пора, давно пора воспользоваться имъ въ полной мѣрѣ. Что же? Вывелась ли изъ обществъ человѣческихъ хотя одна язва нравственная, хотя одинъ порокъ, омрачающій человѣчество? Нѣтъ! Самыя ужасныя послѣдствія разврата мыслей на время вразумляютъ людей, но не долѣе, какъ на одно, много на два поколѣнія; а тамъ люди опять принимаются за тотъ же развратъ, теряя изъ вида страшныя послѣдствія его.

Нѣтъ,—только Творецъ и Властитель міра правитъ судьбою цѣлаго человѣчества къ его совершенству прочному. И Онъ во Христѣ открылъ путь совершенствованія людей. Христіанство—такая премудрость Божія, которая разливаетъ свѣтъ на всѣ отрасли жизни человѣческой, сосредоточивая благотворное дѣйствіе свое въ преобразованіи нравственныхъ силъ нашихъ. Духъ христіанства, проникая въ начала гражданскихъ обществъ, въ семейный бытъ, въ частныя взаимныя сношенія людей, всюду производитъ благотворныя перемѣны, смягчаетъ дикіе нравы, истребляетъ жестокость, безчинства и гнусности, водворяетъ чистоту и святость, миръ и покой. *Аще кто хощетъ волю Его творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ отъ себе глаголю*, говорилъ Христосъ (Іоан. VII, 17). И точно; кто дорожитъ всѣмъ тѣмъ, что дороже всего для безсмертнаго духа человѣческаго, тотъ скоро увѣряется, что выше и чище христіанскаго ученія нѣтъ и не можетъ быть на землѣ. Христіанство преобразуетъ въ человѣкѣ не одну какую либо часть его, но всего человѣка, всѣ силы его,—и умъ, и чувства, и воображеніе, и волю;

простираетъ дѣйствіе на самый тѣлесный организмъ. Оно очищаетъ и исцѣляетъ испорченныя силы его, ведетъ духъ къ небесному совершенству. Кто можетъ сомнѣваться, что тамъ, гдѣ дѣйствуетъ Всемощный, все можетъ прійти въ самый лучшій порядокъ и устройство, какъ бы ни велико было поврежденіе въ организмѣ, и какъ бы не многосложенъ былъ этотъ организмъ? А кто дѣйствуетъ въ христіанствѣ? *Аще кто любитъ Мя*, говоритъ Христосъ, *слово Мое соблюдетъ; Азъ и Отецъ къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Сила Божія, сила всемощная, составляетъ дѣйствующее начало во всѣхъ отправленіяхъ жизни христіанской. И вотъ источникъ чудныхъ перемѣнъ, производимыхъ христіанствомъ въ человѣчествѣ!

Христіанское совершенство не такъ легко достается человѣку, какъ мечтаетъ легкомысліе о своемъ совершенствѣ человѣчества. Оно начинается горькимъ оплакиваніемъ грѣховъ своихъ; сопровождается постоянною борьбою съ навыками и наклонностями ко грѣху, и не престаетъ орошать трудовъ своихъ слезами до гроба. Отчего? Оттого, что *міръ во злѣ лежитъ* (I Іоан. V, 19),— земля полна соблазновъ, такъ что надобно опасаться заразы на каждомъ шагу; а болѣе отъ того, что въ насъ самихъ есть ветхій человѣкъ, который то и дѣлаетъ, что дышетъ развратомъ, старается покорить разсудокъ страстямъ, привязать сердце къ тлѣнной чувственности, возбуждаетъ помыслы гордости и тщеславія, научаетъ безпечно почивать въ надеждѣ на помощь благодати, не прибавляя отъ себя ни желаній, ни труда. *Несчастный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ смертнаго тѣла сего* (Римл. VII, 24)? Такъ говоритъ Павелъ, возносившійся съ земли на небо. А другой апостолъ учитъ: *если скажемъ, что не имѣемъ грѣха, себя обманываемъ; истины нѣтъ въ насъ* (1 посл. Іоан. I, 8). Такимъ образомъ, не христіанство виновно въ томъ, что нѣкоторые христіане такъ мало совершенствъ обнаруживаютъ въ своей жизни. Это зависитъ отъ того, что они не борются съ живущимъ въ нихъ грѣхомъ, какъ требуетъ христіанство; это зависитъ отъ того, что они ослабляютъ и погашаютъ въ себѣ божественное начало жизни, увлекаясь внушеніями грѣха.

Путь христіанства таковъ, что на немъ до гроба нигдѣ нельзя остановиться, чтобы сказать: довольно, дальше идти некуда. Образецъ христіанскаго совершенства, къ которому должны стремиться мы, есть полный возрастъ Христовъ, иначе—совершенство Отца небеснаго. Какая недосягаемая высота совершенства! Потому-то остается восходить отъ совершенства къ совершенству. Вѣчная слава за подвиги—тамъ, на небѣ; здѣсь нѣтъ вѣнцовъ, кромѣ вѣнцовъ терновыхъ.

Здѣсь не открыто намъ, что будетъ тамъ (1 Іоан. III, 2). Здѣсь должны мы воздыхать желаніями облечься въ безсмертіе (2 Кор. V, 2). *Братія*, говоритъ о себѣ апостолъ, *я не считаю себя достигшимъ совершенства* (Фил. III, 13).

Христіане-слушатели! всѣ мы еще въ купели крещенія получили благодатныя силы для жизни новой, небесной; всѣ мы дали тогда обѣтъ не облекаться въ старую одежду грѣха, а жить по образу Создавшаго насъ—праведно и свято. Что же? Каковы мы теперь? Пожалѣемъ о тѣхъ, которые губятъ время и силы на вредныя мечты о совершенствѣ человѣчества, вмѣсто того, чтобы заботливо исключать себя изъ списка людей негодныхъ. Болѣе же и прежде займемся своимъ печальнымъ положеніемъ. Для нашего исправленія Господь даетъ намъ еще время. Воспользуемся новымъ годомъ, какъ даромъ Божіимъ, чтобы омыть слезами покаянія очерненную одежду крещенія. Ужели и новый годъ нашъ будетъ годомъ старыхъ грѣховъ? Страшно, если употребимъ во зло столько даровъ Божіихъ, сколько дано намъ, Христіане! Долго мы жили во грѣхахъ? Христіанину никогда не поздно каяться. Отецъ небесный всегда готовъ принять его. Зло проникло природу нашу, пагубныя привычки одолѣли совѣсть нашу, обычаи міра сковали добрую волю нашу. Но всемогущая благодать чего не сотворитъ съ нами? Будемъ мужественны, при надеждѣ на всесильную ея помощь. *Аще кто во Христѣ, нова тварь.*

Согрѣшили мы предъ Тобою, Господи, суетою мыслей и дѣлъ нашихъ! Гнѣвъ Твой—надъ главами нашими, за беззаконія наша. Нечестія мыслей и сердецъ нашихъ умножились безъ мѣры. Преклоняемые тяжестію грѣховъ нашихъ, повергаемся предъ Тобою, и не дерзаемъ что либо глаголать Тебѣ, какъ только исповѣдывать вседѣйствующую власть Твою: у Тебя судъ и милость, животъ и смерть для насъ. Аминь.

1848 г.

СЛОВО ВЪ НАВЕЧЕРІЕ НОВАГО ГОДА.

На предѣлѣ двухъ годовъ стоимъ мы теперь, братія. Прошедшій годъ отлетаетъ отъ насъ съ симъ вечеромъ, и тотъ же вечеръ вводитъ насъ въ *новый* годъ.

О чемъ говоритъ намъ эта граница временъ?

Сердце человѣческое, а еще болѣе языкъ, послушный обычаю, готовы теперь истощаться въ желаніи всѣмъ и каждому долгихъ лѣтъ, счастливыхъ временъ. Не желаю осуждать сего желанія, когда оно есть желаніе искренней мольбы предъ Господомъ временъ. Но объ одной ли жизни говоритъ намъ предѣлъ двухъ годовъ?

Новый годъ—начало дѣленій времени и слѣдовательно разныхъ границъ жизни. Новый годъ—начало дѣленій времени, изъ которыхъ ни одно не принято за опредѣленный часъ рѣшенія нашей участи. Новый годъ, вызывая на память перемѣны времени, вызываетъ мысль о времени, послѣ котораго не будетъ для насъ времени.

И такъ—видите, о чемъ прежде всего говоритъ намъ настоящій вечеръ? Онъ говоритъ намъ: *бдите; не вѣсте бо, когда Господь дому пріидетъ* (Мѳ. XXIV, 42. Лук. XIII, 35).

Души малодушныя готовы трепетать, что хотятъ напомнить имъ о неизвѣстности часа, имѣющаго рѣшить участь ихъ. Онѣ привыкли отдалять отъ себя мысль о смерти. Онѣ привыкли встрѣчать новый годъ не иначе, какъ съ беззаботною веселостію. Онѣ готовы даже защищать свой обычай, готовы говорить: зачѣмъ подавлять душу мрачными мыслями, когда она должна радоваться за новый даръ Божій—за новый годъ? Но пусть не тревожатся. Мысль о внезапности смерти не мѣшаетъ ничему святому. А не святое, что дѣлаютъ при началѣ года, отъ того именно и допускается, что, помня о началѣ жизни, не помнятъ о неизвѣстномъ концѣ жизни.

Лежитъ человѣку единою умрети потомъ же судъ (Евр. IX, 27). Это законъ общій,—законъ, о которомъ говоритъ намъ каждый день, каждый часъ. Мы слышимъ, мы видимъ, какъ изъ среды насъ смерть похищаетъ нашихъ братьевъ и нашихъ сестеръ. Мы слышимъ, мы видимъ, какъ смерть исторгаетъ жертвы свои въ пышныхъ домахъ и хижинахъ, между знатными и низкими, между богатыми и бѣдными, между старцами и дѣтьми. Разбора не дѣлаетъ она людямъ ни по чинамъ, ни по деньгамъ, ни по полу, ни по возрасту. Всѣхъ препровождаетъ къ Домовладыкѣ для отчета. Инымъ болѣзни говорятъ: близка къ намъ смерть. Но къ другимъ смерть приходитъ и безъ этихъ вѣстниковъ. Внезапно, неожиданно пожинается тотъ, кому цвѣтущее здоровье обѣщало многіе годы. Какъ же забывать намъ о смерти? Мы умремъ и, можетъ быть, многіе изъ насъ такъ же внезапно, какъ умерли другіе многіе. Мы умремъ, хотя бы хотѣли или не хотѣли того. Зачѣмъ же отдалять отъ себя мысль о томъ, чего ни отклонить, ни предвидѣть мы не въ состояніи?

Не думаютъ ли, что поступаютъ благоразумно, когда насильно скрываютъ отъ себя мысль о смерти? Что за благоразуміе скрывать то, что такъ очевидно для всѣхъ? Что за благоразуміе скры-

вать то, чему опредѣленіе Вышняго положило совершиться непремѣнно? Что за благоразуміе не думать о смерти, когда она, быть можетъ, чрезъ часъ препроводитъ тебя на судъ?

Не думаютъ ли продолжить жизнь, когда питаютъ жизнь беззаботною веселостію? Ахъ! если бы и вѣрна была эта надежда: умно ли, безопасно ли покупать минуты земной жизни на счетъ сомнительной судьбы въ вѣчности? Между тѣмъ, сколько разъ смерть насмѣхалась надъ такой суетною мыслію людскою? *Не вѣсте, когда Господь дому пріидетъ*, сказалъ Всевѣдущій. Ужели люди перемѣнятъ этотъ предѣлъ Всевѣдущаго? Если уже такъ заботливы о временной жизни: не скорѣе ли угасающая жизнь можетъ оживиться, продолжиться, подкрѣпиться, когда ее ставятъ ближе къ Источнику жизни, когда, не отклоняя взора отъ смерти, повергаютъ жизнь въ распоряженіе Владыки жизни и смерти? Нѣтъ, не благоразуміе, а легкомысліе заставляетъ скрывать отъ людей мысль о смерти. Не уваженіе къ жизни, но невниманіе къ себѣ гонитъ отъ себя прочь мысль о смерти. Преступная жажда наслажденій боится, какъ бы не встрѣтиться съ непріятною мыслію о смерти, и удаляетъ отъ себя и другихъ мысль о смерти. Она-то заставляетъ предаваться безграничной веселости, при встрѣчѣ съ новымъ годомъ.

И рѣзвой, живой юности надобно напомнить урокъ объ осторожности. А тебѣ, мужъ зрѣлый, идетъ ли предаваться легкомысленному веселью, когда лѣтамъ возраста твоего должна бы соотвѣтствовать зрѣлость мыслей и благочестія? Еще страннѣе, еще больнѣе смотрѣть на тебя, убѣленная сѣдинами старость, когда бы ты предалась забавамъ юности, послѣ того, какъ столько смертей внезапныхъ видѣла своими глазами,—и тогда, какъ сама стоишь на порогѣ могильномъ.

Время ли теперь предаваться беззаботному веселью? Вступая въ новый годъ, мы становимся на предѣлѣ двухъ міровъ, на границѣ двухъ временъ, прошедшаго и наступающаго. Первое должно занять насъ размышленіемъ о дѣлахъ, которыя мы доселѣ дѣлали. Послѣднее должно озаботить насъ тѣмъ, что надобно намъ дѣлать, чтобы не погубить всего на цѣлую вѣчность.

Кто бы ты ни былъ, недугующій служеніемъ міру: осмотрись, какъ обманчивъ обольщающій тебя міръ, какъ оставляетъ онъ тебѣ въ награду только томленіе и пустоту. Цѣлый годъ былъ рядомъ заботъ объ удовольствіяхъ, о честяхъ, о деньгахъ. Но что же пріобрѣли? Сбирали вѣтеръ, и остались съ усталью. Усердно заботились продолжать удовольствія; а онѣ промчались какъ тѣнь. Стоило же трудиться для пустоты!

Что же, если смерть не научитъ насъ не обольщаться болѣе

суетами, не останавливать заботъ на томъ, что не стоитъ заботъ? Что, если послѣ каждаго года будетъ оставаться у насъ одна суета, и послѣ всей жизни останется наконецъ только сложность суетъ? Съ чѣмъ вступимъ мы въ вѣчность? Какова будетъ для насъ вѣчность? Во времени воспитали, раздражали мы жажду благъ временныхъ; а время, отнявъ свои блага, оставитъ насъ въ жертву той жадности, которой нечѣмъ будетъ насытить. На что обратятся тогда необузданныя страсти? Онѣ будутъ терзать самую душу, воспитавшую ихъ благами исчезнувшими. Несчастное сердце, бившееся только для міра и грѣха, будетъ само для себя адомъ. О! время ли для беззаботной веселости?

Оглянемся еще на прошлый годъ. Многіе изъ насъ скучали часами, посвящаемыми молитвѣ, не знали, на что употребить время и проводили его въ разсѣяніи преступномъ и—вотъ эти часы улетѣли пустыми, безъ добрыхъ дѣлъ. Ужели не жаль намъ убитаго времени? Ужели не хотѣлось бы намъ возвратить его? Какъ покойна была бы душа наша теперь, если бы прошедшій годъ проведенъ былъ весь во славу Божію, съ вѣчною пользою для души! Какъ утѣшительно было бы воспомянуть его предъ престоломъ Божіимъ съ благодарностію предъ Господомъ! И какъ не содрогнуться, если книга жизни нашей исписана коварствомъ и клеветой, корыстью и неправдами, жестокостью и угнѣтеніемъ невиннаго, сладострастіемъ и развратомъ? А прошедшее не возвратимо! Что же намъ дѣлать? Ужели и тутъ быть беззаботными? Братія! предъ нами будущность, которую предоставлено намъ употребить по своему усмотрѣнію. Предъ нами будущность, когда раскаяніе въ духѣ живой вѣры, усвояя заслуги Искупителя, можетъ загладить сими заслугами грѣхи времени. Предъ нами будущность, когда можемъ согрѣть хладное сердце наше теплыми молитвами, воспитать въ немъ любовь къ Господу. Не будемъ употреблять времени безъ пользы для себя, не будемъ тратить его на пустыя, если не преступныя, занятія. Время такъ дорого: имъ можемъ купить себѣ или погибель вѣчную, или спасеніе вѣчное. Не будемъ болѣе употреблять во зло долготерпѣніе Божіе. Иначе, чѣмъ долѣе будемъ откладывать время раскаянія: тѣмъ труднѣе будетъ каяться, тѣмъ труднѣе будетъ исправлять сердце испорченное, тѣмъ тяжелѣе будетъ вступать въ вѣчность. Не легко намъ разставаться съ привычками худыми. Но—послѣ смерти безполезно и всякое разсканіе.

О, если бы мысль о внезапности смерти была твердою мыслію души нашей! Какъ многое перемѣнилось бы въ душѣ нашей грѣшной! Пусть невѣрующій живо представитъ себѣ муки умирающаго невѣра: не содрогнется ли онъ своего невѣрія, хотя бы для того,

чтобы не встрѣтиться съ тѣми же муками страшными? Беззаботный богачъ говоритъ душѣ: *душе, имаши блага многа, лежаща на лѣта долга. Яждь, пій и веселись* (Лук. XII, 19). Но, при мысли о внезапности смерти, онъ не говорилъ бы того, а сказалъ бы себѣ: *безумне, въ сію нощь истяжутъ душу твою, а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. XII, 20)? Какъ свято стали бы мы исполнять обязанности наши къ ближнимъ, если бы жили съ мыслію о внезапности смерти! Время прекращено, сказали бы мы себѣ и поспѣшали бы съ полною вѣрностію исполнять дѣла, возлагаемыя званіемъ нашимъ. Время прекращено, сказали бы мы себѣ и двоили бы стараніе исполнять свои дѣла, не касаясь дѣлъ чужихъ. Обидѣлъ ли кто насъ? мы сказали бы: *да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ* нашемъ; иначе, быть можетъ, съ закатомъ солнца потускнетъ и свѣтъ нашей жизни. Поспѣшимъ, сказали бы мы себѣ, отереть слезу бѣдности, защитить невинность притѣсненную,—напитаемъ голоднаго, одѣнемъ нагаго. Иначе, кто знаетъ, будемъ ли имѣть время сдѣлать то же самое, тогда какъ за гробомъ успокоенная нами бѣдность заступится за насъ предъ Отцемъ бѣдныхъ. Ахъ! если бы отецъ и мать твердо помнили, что въ вѣчности, на судѣ Владыки и Отца всѣхъ, строго взыщутъ съ нихъ за погибель дѣтей ихъ, которыхъ оставляютъ они свободно изучать обычаи погибели и не знакомятъ съ страхомъ Божіимъ: таково ли было бы наше юношество? Таковы ли были бы родители?

Братія! если мысль о смерти печальна для кого либо, такъ это для тѣхъ, которые, прилѣпившись къ землѣ, забыли о небѣ, не помнятъ о вѣчномъ своемъ отечествѣ. Но для нихъ же она—врачевство спасительное; въ нихъ она можетъ произвесть печаль о Господѣ, о которой не раскаятся. А надобно ли отвергать врачевство за то только, что оно не пріятно? Страшенъ для нихъ образъ смерти? Но этимъ-то страхомъ и разсѣеваются грѣховные помыслы въ сердцѣ ихъ точно такъ, какъ ударомъ грома очищается испорченный воздухъ. Пусть же не отклоняютъ отъ себя спасительнаго страха.

Между тѣмъ, мысль о смерти—мысль, весьма отрадная для готовыхъ къ вѣчности. Встрѣчая новый годъ съ мыслію о смерти, они встрѣчаютъ его съ утѣшеніемъ; они радуются за прошлое и грядущее. Скорбитъ ли живущій въ странѣ чужой и далекой любимый сынъ, когда напоминаютъ ему о скоромъ возвратѣ въ домъ родительскій? Скорбитъ ли узникъ, когда говорятъ ему, что время заключенія его сократилось свобода его близка къ нему? Сѣтуетъ ли больной, когда узнаетъ что часъ выздоровленія его наступаетъ, страданія его скоро окончатся? А Онъ—Отецъ небесный—ждетъ странниковъ земныхъ, чтобы успокоить ихъ въ дому Своемъ вѣчномъ.

Онъ—Отецъ любви—готовъ снять съ узниковъ плоти оковы, столько тяжелыя для духа чистаго. Онъ—Отецъ жизни—готовъ уврачевать раны, наносимыя грѣхомъ душѣ до самаго гроба. О, какъ не радоваться благодарною радостію объ Отцѣ, ожидающемъ дѣтей съ такою любовію! Если же онъ положилъ и еще продолжить на нѣсколько земное странствованіе, если Онъ опредѣлилъ и еще бороться съ искушеніями и напастями времени: и тогда отдаляемый предѣлъ жизни—не печаль, а утѣшеніе. Любящій и мудрый Отецъ видитъ, что для очищенія нечистотъ грѣховныхъ надобно еще подвергнуть душу искушенію, для усовершенія святой любви ея надобно еще потребовать жертвъ отъ самолюбія, для уврачеванія нѣсколькихъ язвъ надобно еще дать нѣсколько пріемовъ горькаго лекарства. Да будетъ благословенна мудрая любовь Отца небеснаго! Наученные смиренію мыслію о смерти, вступая въ новый годъ, приносятъ благодарность Отцу вѣковъ самую искреннюю, самую пламенную. Отъ чего такъ холодна благодарность многихъ изъ насъ за годъ протекшій? Отъ того, что занятые мыслями о нашихъ силахъ, о нашихъ успѣхахъ, мы дышемъ гордостію, даже и тогда, когда являемся воздать славу Господу; оттого, что, забывая бренность естества нашего, слабость и нечистоту нашу, мы, довольные собою, не оставляемъ въ сердцахъ нашихъ мѣста имени Божію. Съ мыслію о смерти—не дружиться духу гордости. Съ мыслію о смерти духъ, не отягчаемый землею, свободно возносится къ Отцу щедротъ и повергаетъ предъ нимъ жертвы хвалы и благодареній.

Бдите убо, братія, *не вѣсте бо, когда Господь дому пріидетъ*. Аминь.

1845 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Богъ—вездѣприсущъ. Онъ Духъ, и все наполняетъ собою. Въ этомъ согласны и вѣра и разумъ. Что же такое значитъ, что вѣра такъ часто говоритъ намъ о богоявленіяхъ? Что такое значитъ, что церковь христіанская назвала нынѣшній день преимущественно днемъ богоявленія?

Богъ—вездѣприсущъ. Тѣмъ не менѣе Онъ можетъ являть особенную свою силу, въ извѣстномъ мѣстѣ, для извѣстныхъ людей. Онъ есть Духъ; *дышетъ, идѣ же хощетъ;* и такъ, какъ хощетъ,

дышетъ: то въ громахъ и молніяхъ—въ грозномъ могуществѣ силы; то въ кроткомъ вѣяніи вѣтра—въ силѣ благости своей. На небѣ—престолъ Его, градъ Его—Іерусалимъ небесный; на небѣ—обители многія многихъ слугъ, говоритъ намъ откровеніе: это значитъ, что намъ указывается на то положеніе, въ которомъ яснѣе, нежели намъ земнымъ жителямъ, является Богъ, и творитъ блаженными святыхъ слугъ своихъ; это значитъ, что Духъ—ревнитель святыни, наполняя все собою, особенно близокъ къ духамъ чистымъ. И на землѣ открывается Онъ съ особенною своею благостію для благихъ, и съ грознымъ величіемъ для грѣшныхъ; и на землѣ Онъ являетъ крѣпость свою великую и дивную тамъ, гдѣ хощетъ, по премудрому и благому хотѣнію своему. Богъ нашъ есть Богъ самосущій, всевластный,—Онъ непокоренъ неизбѣжной неподвижности, или неподвижной необходимости. И духъ сотворенный, властвуя надъ соединеннымъ съ нимъ тѣломъ, обнаруживаетъ особенное присутствіе свое,—то въ томъ, то въ другомъ членѣ повелѣваетъ—то тою, то другою частію ввѣреннаго ему состава тѣлеснаго. Тѣмъ болѣе Духъ всевластный и высше-свободный можетъ выполнять мысль свою тамъ, гдѣ восхощетъ, и какъ восхощетъ.

Богъ есть Духъ: но Онъ дѣйствуетъ въ мірѣ видимомъ, вещественномъ. Духъ сотворенный—тонокъ, невещественъ, а дѣйствуетъ въ тѣлѣ грубомъ, многосложномъ. Явленія Бога—Духа въ образахъ вещественныхъ такъ же доступны для разумѣнія, какъ несомнѣнны дѣйствія того же Духа на міръ вещественный. То и другое явленіе есть явленіе силы Божіей въ вещественномъ.

Богъ—духъ вездѣприсущій. Но потому-то духъ ограниченный и обнимаетъ Его не иначе, какъ въ явленіяхъ, не иначе, какъ въ образахъ ограниченныхъ. Какъ необъятнаго обнимаетъ тварь? Только по частямъ, только въ той мѣрѣ, въ какой Онъ самъ благоволитъ открывать Себя, познаетъ Его человѣкъ.

Богъ—благъ. Онъ являлъ Свою волю благую въ постигаемыхъ знакахъ во всѣ времена; исторія временъ тому доказательство. Человѣкъ грѣшникъ! когда Господь не являлъ тебѣ особенную любовь Свою въ образахъ видимыхъ? Ты палъ въ первый разъ; Богъ искалъ и нашелъ тебя. Ты не переставалъ и послѣ того уклоняться отъ Бога грѣхопаденіями новыми, не переставалъ отдалять себя отъ Него преступленіями повседневными; но любовь вѣчная преслѣдовала тебя на всѣхъ твоихъ стезяхъ, удерживала отъ путей заблужденія, возвращала къ пути спасительному. Какъ многочастно, какъ многообразно показывалъ Богъ тебѣ силу благости Своей: то въ словѣ спасительномъ, то въ образахъ таинственныхъ! Что значитъ исторія народа Божія, какъ не исторія богоявленій, какъ не внятная

для души и слуха бесѣда Божія съ человѣкомъ—грѣшникомъ? Тотъ только, для кого непонятенъ голосъ исторіи вѣрной, тотъ только можетъ представлять себѣ непонятною мысль о богоявленіяхъ.

Когда человѣкъ могъ сказать, что не имѣетъ онъ нужды въ бесѣдѣ съ Богомъ, въ явленіяхъ Божества благаго? Даже и тогда, когда онъ не былъ еще грѣшникомъ, даже и тогда онъ жаждалъ откровенія высшаго, какъ созданіе немощное, какъ ограниченное существо:—тѣмъ болѣе тогда, какъ онъ сталъ грѣшникомъ, благословлять долженъ благость Божію, являющуюся ему въ знакахъ видимыхъ. До чего бы дошли люди въ грѣхопаденіяхъ своихъ, если бы премудрый и всеблагій не просвѣщалъ омраченныхъ грѣхомъ очей ихъ, и не подкрѣплялъ слабой для добра воли своими явленіями?

Христіанинъ! Никогда Богъ не являлъ Себя на землѣ въ такомъ обильномъ свѣтѣ, въ такихъ высокихъ образахъ, какъ Онъ явился тебѣ во Христѣ. Христіанство есть полное откровеніе божества,—столько полно, сколько можетъ оно быть полнымъ на землѣ; оно есть самое духовное, самое чистое откровеніе божества, сколько можетъ быть духовнымъ откровеніе, назначаемое для сыновъ земли. Было время, когда Богъ бесѣдовалъ съ людьми, какъ съ дѣтьми. Во Христѣ Онъ открылъ то, что надлежало открыть для мужей. Для людей-дѣтей Онъ являлся, и являлъ истину Свою въ осязаемо—чувственныхъ образахъ, открывалъ истины первоначальныя на языкѣ понятномъ для воображенія и чувства. Какъ обиленъ, и какъ чистъ Божій свѣтъ, пролитый на тебя, христіанинъ! Представь себѣ, что ты живешь язычникомъ; представь все, что ты могъ думать, что ты могъ дѣлать, оставаясь съ языческими мыслями, съ языческою душею. Ты ужаснуться долженъ тѣхъ грубыхъ суевѣрій, тѣхъ отвратительныхъ пороковъ, которые обременяли бы тебя, какъ язычника. Оставаясь іудеемъ, ты вздыхалъ бы подъ немощными и слабыми стихіями міра, подъ обрядами вещественными. Высокая, духовная истина явилась для тебя въ Іисусѣ, въ своемъ духовномъ видѣ. Какъ высока участь твоя, устроенная во Христѣ! Къ несчастію, порча растлила и умы и сердца наши,—и мы слишкомъ мало чувствуемъ достоинство богоявленія христіанскаго. Чѣмъ заняты мысли, чѣмъ заняты сердца большей части изъ насъ? О чемъ думаютъ съ услажденіемъ? Чемъ восхищаются люди? Истина ли Христова, самая высокая, самая чистая, истина Божія наполняетъ собою души? О, нѣтъ! у людей часто изливаются сердца въ веселіи и радости, въ восторгахъ самыхъ сладкихъ, но только не свѣтъ Христовъ услаждаетъ ихъ. Земнымъ, часто ничтожнымъ, часто вреднымъ заняты ихъ мысли и сердца: любятъ *тьму, паче свѣта*. То, что дано

знать человѣку для жизни земной, дознаютъ со всею ревностію: а то, что открыто для жизни вѣчной, признаютъ за ненужное, или за излишнее; науку жить на землѣ для земли дѣлятъ на отрасли, разбираютъ по частямъ, пересматриваютъ простымъ и искусственнымъ окомъ, стараются замѣтить всѣ стороны съ отчетливою точностію; а лучшую науку—науку жить для неба—оставляютъ въ сторонѣ, или занимаются ею, но довольно холодно. Заботы о землѣ подавили дѣятельность христіанина—того самаго христіанина, который долженъ жить преимущественно для одного неба, котораго Отецъ небесный столько благоволилъ и благоволитъ искать для себя одного, хощетъ исполнить собою однимъ, въ которомъ—хощетъ открыть славу Свою.

Тайна, самая высокая тайна, открыта для христіанина при крещеніи Христа Іисуса. По единогласному свидѣтельству святыхъ евангелистовъ, *крестився Іисусъ, взыде абіе отъ воды, и се отверзошася Ему небеса, и видѣ Духа Божія сходяща яко голубя, и грядуща на Него. И се гласъ съ небесе глаголя: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Матѳ. III, 16. 17). Отецъ небесный свидѣтельствуетъ о Себѣ гласомъ съ неба, что онъ есть Отецъ возлюбленнаго Сына. Благоговѣй, христіанинъ, и покланяйся Богу Отцу! Сынъ погружается въ водѣ крещенія, и гласъ съ неба именовываетъ Его Сыномъ Отца небеснаго. Креститель Сына свидѣтельствуетъ, что до того времени не зналъ онъ Сына, но въ крещеніи позналъ, что Онъ есть Сынъ Божій; что Онъ есть тотъ, который, родившись послѣ него, предшествовалъ ему, такъ какъ былъ прежде него, такъ какъ есть первый изъ всѣхъ,—вѣчный (Іоан. I, 30—34). Благоговѣй, христіанинъ, и покланяйся крещающемуся Богу Сыну! Духъ святый—не духъ человѣческій, не Духъ сотворенный, а Духъ самаго Божества, Духъ съ славою и силою Божества: но Онъ является отдѣльный и отъ Отца, и отъ Сына, въ тѣлесномъ видѣ. Благоговѣй, христіанинъ, и поклоняйся Богу Духу святому! Такъ, свято поетъ церковь: „во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, поклоненіе Троицѣ явилось намъ“. Если представимъ себѣ, что тайна св. Троицы не была открыта съ такою ясностію и опредѣленностію самимъ патріархамъ, самимъ пророкамъ, всѣмъ ветхозавѣтнымъ праведникамъ; если представимъ, что она въ полномъ свѣтѣ въ первый разъ открыта только при крещеніи Христа Іисуса: то какимъ глубокимъ благоговѣніемъ должны исполниться сердца наши къ сей тайнѣ? Все прочее, что можетъ познавать человѣкъ о Богѣ, о Его свойствахъ, далеко—ниже сей тайны: это самая глубокая, самая внутренняя тайна существа Божія, которой человѣкъ самъ по себѣ никогда дознать не могъ и не можетъ. По-

тому-то вѣрно именуетъ церковь день сей днемъ богоявленія: ибо непостижимый Богъ явился нынѣ людямъ.

Христіане—братія! понимаемъ ли, чувствуемъ ли мы богатство благости Божіей, озаряющей насъ столь чуднымъ свѣтомъ своимъ? Мысль о Троичномъ Божествѣ составляетъ отличительную принадлежность откровенія христіанскаго; но составляетъ ли она для нашихъ мыслей мысль необходимую? Или, такъ много у насъ мыслей въ душѣ, что и столь высокая мысль едва ли когда находитъ въ насъ себѣ мѣсто? Многіе ли размышляютъ, кто для насъ сей Сынъ, крещающійся въ Іорданѣ? Кто для насъ Духъ святый, сошедшій на крестившагося Іисуса? Вступая въ истинную вѣру, мы крестились во имя Отца и Сына и Духа святаго; это значитъ, что, по вѣрѣ церкви и Слова Божія, безъ вѣры въ св. Троицу, нельзя быть истинной христіанской вѣрѣ, нельзя и считаться истинновѣрующимъ въ Бога: но такъ ли мы думаемъ теперь о тайнѣ сей? Возлюбленный братъ! ужели нѣтъ у насъ съ тобой и столько любви къ правдѣ, чтобы вспомнить объ имени, которое я и ты носимъ на себѣ,— объ имени христіанина, и объ обязанности, возложенной на насъ симъ именемъ при крещеніи нашемъ?

Отче, Сыне и Душе святый! просвѣти насъ свѣтомъ Твоимъ,— омрачаемымъ нерадѣніемъ о своемъ спасеніи и—о Твоихъ тайнахъ. Аминь.

1845 г.

БЕСѢДА НА ПРАЗДНИКЪ СРѢТЕНІЯ ГОСПОДНЯ, НА ЛИТУРГІИ.

(Лук. II, 36—38).

Тогда, какъ Господь закона приносится въ храмъ іерусалимскій, чтобы исполнить законъ, два человѣка,—и только два, срѣтаютъ Господа своего. Конечно, велики сіи двое, когда они только въ цѣломъ израилѣ могли быть вѣстниками явленія Его. Конечно, достойны христіанскаго изученія сіи двое, когда они столь рѣдкіе благовѣстники о царствѣ Христовомъ.

Посвятимъ бесѣду нашу внимательному разсмотрѣнію одного лица изъ сихъ великихъ,—Анны пророчицы.

И бѣ Анна пророчица, дщи Фануилева, отъ колѣна Ассирова: сія заматорѣвши во днехъ многыхъ, живши съ мужемъ седмь

лѣтъ отъ дѣвства своего. Евангелистъ замѣчаетъ происхожденіе Анны по плоти, конечно съ тѣмъ, чтобы въ большемъ свѣтѣ представить достоинство духа ея. Анна была дочь Фануила, изъ колѣна Ассирова, изъ племени знаменитаго силою, богатствомъ и жизнію покойною (Быт. XLIX, 20. Втор. XXXIII, 24. 25). Такая знаменитость рода Анны даетъ право думать, что ей соотвѣтствовало и богатство родителей. Но благородство рода не повредило благородству души благочестивой Анны, не внушило ей ни гордости, ни суетности,—не повело ее къ разсѣянности и роскоши. *Сія заматорѣвши во днехъ многыхъ.* Анна достигла глубокой старости, сохранила жизнію бережливою жизненныя силы на долгія лѣта, украшалась сѣдиною лѣтъ, которая сама по себѣ столько достойна уваженія. *Живши съ мужемъ седмь лѣтъ отъ дѣвства своего.* Только семь лѣтъ наслаждалась утѣшеніями брачнаго союза, сохранивъ при томъ для брака дѣвство. Чтобы дожить до глубокой старости, много надобно претерпѣть скорбей, и Анна терпѣла ихъ; она потерпѣла самую чувствительную скорбь, потерю супруга въ младости. Анна была въ супружествѣ; слѣд., брачное состояніе въ лицѣ ея—состояніе священное. Но евангелистъ, къ означенію годовъ супружеской жизни Анны, прибавилъ еще черту, замѣчательную тѣмъ болѣе, что для означенія годовъ супружества совсѣмъ и не необходимо. Не довольно ли было сказать: *живши съ мужемъ седмь лѣтъ?* но евангелистъ сказалъ еще: *отъ дѣвства своего.* Такъ, въ разумѣніи евангелиста, образъ Анны былъ еще привлекательнѣе, еще чище отъ того, что она была чистою дѣвою до состоянія брачнаго. Юная дѣва Анна была какъ ангелъ, блистала столько цѣломудріемъ, а не одеждою, не нарядами, не смѣлостію взглядовъ и поступковъ, которая такъ часто дышетъ тлѣніемъ души. Взоръ ея былъ стыдливъ, слова скромны, обхожденіе просто, юное лице цвѣло чистотою чувствъ. Такова она была до брака. О, если бы свѣтлый образъ Анны—дѣвы отпечатлѣвался чаще въ дѣвахъ нашего времени, приступающихъ къ браку! О если бы, спѣша къ брачному союзу, заботливо помышляли о томъ, чтобы предстать предъ алтаремъ съ чистотою ангельской невинности.

И та вдова, яко лѣтъ осьмьдесять и четыре, яже не отхождаше отъ церкве, постомъ и молитвами служащи день и нощь. По закону іудейскому, дѣвы приступали къ браку 14 лѣтъ; и такъ Анна, проживъ съ супругомъ семь лѣтъ, лишилась его тогда, какъ ей было съ небольшимъ 20 лѣтъ. И однако она осталась вдовою до старости, до смерти. Зачѣмъ же ей было не избрать другаго супруга? Зачѣмъ не дозволить себѣ насладиться еще жизнію, когда жизнь только-что начинала ей улыбаться?

И та не отхождаше отъ церкве. Еще Моисей предписывалъ правила для женъ, посвящающихъ себя Господу (Числ. VI, 2); еще въ его время видимъ женъ, по-очередно служащихъ при входѣ въ скинію свидѣнія: онѣ пожертвовали тогда дорогія зеркала свои для священной умывальницы (Исх. XXXVIII, 8). Подобныхъ обѣтныхъ дѣвъ видимъ во время Самуила (1 Цар. II, 22). И Анна 21-лѣтняя вдова, также рѣшилась неотходно служить при храмѣ Іеговы.

Не отхождаше отъ церкве, постомъ и молитвами служащи день и нощь. При храмѣ довольно было занятій для благочестивыхъ обѣтныхъ дѣвъ и женъ; тамъ, гдѣ служеніе Богу соединено было съ такимъ множествомъ обрядовъ, и требовало такъ много принадлежностей внѣшнихъ, служеніе рукъ женскихъ нужно было для многихъ случаевъ; и такое трудолюбіе обѣтныхъ женъ было дѣломъ священнымъ: оно было служеніемъ Іеговѣ. Но въ Аннѣ евангелистъ отличаетъ еще особенное служеніе: *постомъ и молитвами служащи день и нощь.* Что это за служеніе?—Постъ—служеніе Богу? Какъ это такъ? Молитва—служеніе?—Постъ и молитва—служеніе, и какое служеніе?—Такое, что евангелистъ сочелъ нужнымъ преимущественно сказать о немъ, умолчавъ о другихъ служеніяхъ благочестивой Анны.

Постомъ служащи. Евангелистъ назвалъ постъ служеніемъ Богу. Да; положимъ, что постъ составляетъ дѣйствіе, трудъ пока одного тѣла. Но онъ есть трудъ, онъ есть подвигъ: нельзя же легко, безъ принужденія себя, пріучить и тѣло къ умѣренности, воздержанію—и даже къ лишеніямъ крайнимъ. Это трудъ тѣла? Такъ. Но благодареніе Господу, когда и тѣло служитъ Богу. Не дозволено оставлять страсти чувственныя на ихъ волю. Ужели когда нибудь, и кому нибудь изъ людей сказано: служи Богу духомъ, а тѣломъ дѣлай, что угодно? Нѣтъ, такого откровенія еще никому не было. Напротивъ, апостольская заповѣдь говоритъ: *прославите Бога и въ душахъ вашихъ, и въ тѣлесѣхъ вашихъ.* Напротивъ, апостольская мысль говоритъ, что грѣхъ живетъ и дѣйствуетъ не въ одной душѣ нашей, но и въ тѣлѣ,—и слѣд. требуетъ обузданія и тѣлу. Напротивъ сказано, что насъ будутъ судить за дѣла, *яже съ тѣломъ содѣла кійждо, блага или зла.* При томъ, зачѣмъ обольщать себя мечтами? А не мечта ли думать, что воздержаніе или невоздержаніе тѣлесное можетъ быть безъ всякаго вліянія на душу? Пусть каждый испытаетъ и увидитъ, что чѣмъ менѣе даютъ свободы тѣлу, чѣмъ болѣе истощаютъ его постомъ, тѣмъ болѣе приходитъ въ силу жизнь души; мысли ея становятся свѣтлѣе, чувства и желанія чище, молитва искреннѣе и живѣе, воздыханія о грѣхахъ чаще и полнѣе. А случалось ли кому замѣтить противное тому, т. е., чтобы отягченное невоздержаніемъ тѣло легко и свободно молилось Господу?

Понятное дѣло: чѣмъ болѣе груза на кораблѣ, тѣмъ болѣе нужно силъ управлять имъ.

Не отхождаше отъ церкви, молитвами служащи день и нощь. Что молитвы Анны составляли служеніе Богу, это довольно понятно. Молитва—трудъ души для Господа, и предъ Господомъ. *Яко очи рабыни въ руку госпожи своея, тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедритъ ны:* вотъ изображеніе истинно молящагося! Какъ рабыня не безъ страха стоитъ предъ госпожею своею, и съ строгимъ вниманіемъ замѣчаетъ каждое движеніе ея, чтобы узнать волю ея: такъ душа истинно молящагося вся—вниманіе предъ Господомъ своимъ, ожидаетъ и проситъ, боится немощей и молитъ о помощи, воздыхаетъ и надѣется на любовь, утверждается въ намѣреніяхъ благихъ и отрекается отъ худыхъ.

Праведная Анна и постилась и молилась. Для чего то и другое вмѣстѣ? Для того, что молитва испрашиваетъ силы для поста, постъ очищаетъ молитву; молитва освящаетъ, одухотворяетъ постъ; постъ даетъ крѣпость и жизнь молитвѣ. Одно для другаго помощь, одно другимъ возвышается и совершенствуется. И Анна освящалась тѣмъ и другимъ.

Но мы, какъ кажется, забыли о недоумѣніи, возбужденномъ мыслію о вдовствѣ Анны. Спросили и не отвѣчали: зачѣмъ было этой вдовѣ обрекать себя на всегдашнее вдовство? Въ сущности отвѣтъ уже данъ: отвѣтомъ служитъ жизнь Анны, проведенная въ служеніи Господу, въ постѣ и молитвѣ. Для чего юная Анна обрекла себя вдовству? Для Господа,—такъ отвѣчаетъ жизнь ея. Не прекрасный ли, не самый ли лучшій это отвѣтъ? для чего мы должны жить на землѣ? Конечно, не для земли, а для Господа. Итакъ, что-жъ? Обѣтъ вдовства есть ли дѣло недоброе? Очевидно, онъ есть рѣшимость жить такъ, какъ только надобно жить на землѣ; есть рѣшимость вести жизнь лучшую, самую близкую къ цѣли жизни нашей. Скажутъ: и въ жизни брачной можно жить для Господа? Не сомнѣваюсь, и искренно молю объ успѣхѣ. Но если въ брачной и въ небрачной жизни можно жить для Господа: то не все ли равно избрать ту или другую жизнь? Это—вопросъ другаго рода. Рѣшеніе его можно бы было показать и въ жизни ветхозавѣтной праведницы. Но прямое и ясное наставленіе о семъ предметѣ читаемъ мы у апостола. Онъ пишетъ: *аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть: скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи: азъ же вы щажду. Хощу же васъ безпечальныхъ быти* (1 Кор. VII, 28. 32). Что это значитъ? Оставляя внѣ сомнѣнія, что грѣха нѣтъ въ томъ, если вдова или дѣва вступитъ въ бракъ, апостолъ показываетъ, что вступающіе въ бракъ отягчены будутъ скорбями плоти, и, желая для

каждаго христіанина жизни безъ заботъ, жалѣетъ о брачущихся, какъ отягчающихъ себя игомъ. И какъ не жалѣть, когда столько бѣдъ, сколько томительныхъ трудовъ, попеченіи, недостатковъ, нуждъ, должны обременить юную душу, обрекающую себя жизни супружеской? Кто исчислитъ всѣ скорби самаго счастливаго супружества? Не говоритъ о несчастныхъ бракахъ, хотя ихъ такъ много. Между тѣмъ и въ жизни и безъ того много скорбей, особенно для желающихъ жить благочестиво; между тѣмъ, и безъ того много надобно твердости, чтобы соблюсти спокойствіе души для свободнаго служенія Господу; много надобно безстрастія, чтобы короткая жизнь не промчалась вся въ заботахъ волнующагося житейскаго моря, и въ томъ мірѣ не оказалась безцвѣтною, лишенною добрыхъ подвиговъ. Но это еще не все. Апостолъ говоритъ далѣе: *раздѣлися жена и дѣва. Не посягшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ: а посягшая печется о мірскихъ, како угодити мужу* (1 Кор. VII, 33. 34). Есть различіе между женою и дѣвою, учитъ апостолъ. Въ чемъ же? По отношенію къ видамъ ихъ, желаніямъ, стремленіямъ, помысламъ. Заботы незамужней обращены на то, какъ угодить Господу, какъ соблюсть волю Его святую, и помыслами и дѣлами, чтобы явиться на судъ Божій съ совѣстію неукоризненною; какъ сохранить тѣло жилищемъ Духа святаго; какъ очищать сердце свое, гдѣ такъ много у каждаго нечистоты. А у замужней? У ней другія мысли, другія попеченія. Хочетъ ли, или не хочетъ,—она принуждена заботиться о мірскомъ, съ тѣмъ связала себя союзомъ неразрывнымъ; принуждена суетливо думать, какъ угодить мужу; какъ приготовить нужное для него и для дѣтей; какъ устроить то и другое въ домѣ. Тысяча заботъ,—и всѣ заботы относятся къ землѣ. Положимъ, что намѣренія освящаютъ трудъ. Тѣмъ не менѣе не одно и то же—служить прямо Господу предъ лицемъ Господа, и служить Ему только въ лицѣ людей и вещей. Притомъ легко ли, при мысляхъ мірскихъ, среди заботъ мелочныхъ, сохранять въ душѣ мысль о Господѣ, освящать попеченія земныя намѣреніями благими? Толпы предметовъ тѣснятъ, давятъ душу, а что еще бѣдственнѣе, сама душа, въ которой столько страстей, стремится къ нимъ, ищетъ ихъ и, увлекаясь болѣе и болѣе пристрастіемъ къ нимъ, наконецъ начинаетъ дорожить ими болѣе, чѣмъ собою, чѣмъ самимъ небомъ, чѣмъ самимъ Господомъ. Потому-то апостолъ говоритъ въ заключеніе: *вдаяй браку свою дѣву, добрѣ творитъ: и не вдаяй лучше творитъ*. И о вдовицѣ предлагаетъ то же: *блаженнѣйша есть* вдовица, *аще тако пребудетъ*, не связывая себя бракомъ (ст. 38. 40). Вотъ вамъ и рѣшеніе на то: одно ли и то же избрать брачную или безбрачную жизнь! Пусть

не жалуются, что предлагаемъ рѣшеніе человѣческое. Рѣшеніе предложено апостольское.

Возвратимся къ блаженной Аннѣ. *И бѣ Анна пророчица—и та въ той часъ приставши исповѣдашеся Господеви.* Жизнь, посвященная Господу, жизнь въ постѣ и молитвахъ, столько возвысила духъ Анны, что она сподобилась дара пророческаго. *И та въ той часъ приставши.* Когда Іосифъ и Марія съ божественнымъ Младенцемъ были еще въ храмѣ, Анна также пришла въ храмъ. Она пришла, когда старецъ Сѵмеонъ, по внушенію Духа, явившійся въ храмъ, держалъ на рукахъ своихъ Избавителя и славилъ давно ожиданнаго Господа. О св. Аннѣ не сказано, что пришла она по влеченію св. Духа, какъ сказано о Сѵмеонѣ; она пришла просто, по своему обыкновенію, пришла какъ бы случайно, не намѣренно, хотя сіе ненамѣренное дѣйствіе также было предназначено въ судьбахъ Промысла. Какъ же счастлива Анна, что и на тотъ разъ не оставила обыкновенія своего! Какого сокровища могла лишиться она, если бы измѣнила на сей разъ святому правилу своему! Видите, братія, какъ надобно дорожить случаями, когда можемъ дѣлать добро, когда назначено намъ заниматься дѣлами благочестія. Дни и времена, назначенные церковію для посвященія ихъ Богу, мы опускаемъ мимо глазъ, какъ ничего незначущіе, или не много значущіе. Что жъ? Прошелъ праздникъ, придетъ другой,—успѣемъ помолиться, такъ говоритъ легкомысліе. А не думаетъ легкомысліе, сколько теряетъ оно. Не думаетъ, что должны мы отвѣчать за потерянное для благочестія время. Не думаетъ, что должны отвѣчать за пренебреженіе благодати, ожидавшей насъ въ праздникъ. Не важнаго времени нѣтъ для насъ, потому что каждая минута времени дана Богомъ для вѣчности. Но особенно важны тѣ часы времени, когда люди болѣе, чѣмъ когда либо, могутъ быть способными къ принятію благодати Божіей. Богъ нашъ—есть Богъ порядка и мудрости, раздаетъ дары по Своей волѣ, но всегда тѣмъ, которые внимательны къ стезямъ Его; если медлитъ Онъ подать даръ и ожидающимъ Его: то съ тѣмъ, чтобы они еще искреннѣе желали и терпѣливо ожидали дара въ дни раздаянія даровъ. Будь же внимателенъ къ себѣ, и къ времени!

Исповѣдашеся Господеви. Узрѣвъ Того, Кого ожидали пророки, въ Комъ заключались надежды ея и всего израиля, пророчица прославила Бога за исполненіе надеждъ ея и израиля. И какъ было не славить Бога той, которой душа полна была вѣрныхъ мыслей и чувствъ о Богѣ, и точныхъ о себѣ. Не славятъ Бога только тѣ сердца, для которыхъ Богъ—онѣ сами, ихъ силы, ихъ разумъ, ихъ воля, ихъ слава и богатство.

И глаголаше о Немъ всѣмъ чающимъ избавленія во Іерусалимѣ. Когда душа полна радости, она дѣлится своею радостію съ другими, говоритъ о предметѣ своей радости другимъ, желаетъ, чтобы и другіе наслаждались утѣшеніемъ ея. Такъ, св. Анна, въ радости сердца, спѣшила передать радость святаго сердца своего *всѣмъ чающимъ избавленія во Іерусалимѣ.* Всѣмъ проповѣдывала *о избавленіи*, или, что то же, о Избавителѣ, но всѣмъ тѣмъ, которые чаяли избавленія. Почему же не всѣмъ вообще? Ахъ! это потому же, почему и всегда не всѣмъ можно говорить объ истинѣ и правдѣ. Таковы люди, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ слово объ истинѣ и правдѣ будетъ *гласъ вопіющаго въ пустыни,* а для другихъ—предметъ презрѣнія и насмѣшекъ. Къ чему же бросать жемчугъ предъ незнающими цѣны жемчугу?

Господи! Твоею благодатію умудри, и спаси насъ. Аминь.

1843 г.

БЕСѢДА ВЪ ДЕНЬ СРѢТЕНІЯ ГОСПОДНЯ, НА ВСЕНОЩНОМЪ БДѢНІИ.

(Лук. II. 22—35.).

Благословенъ Богъ, не оставляющій грѣшнаго міра безъ благодатнаго сѣмени Своего, безъ людей по сердцу Его! Что было бы съ людьми грѣшными, если бы не было между ними праведниковъ,—сихъ проводниковъ небесной силы для чадъ тлѣнія? Какъ ни былъ испорченъ народъ іудейскій ко времени пришествія Христова на землю: среди него оставались любимцы неба. Въ храмѣ іерусалимскомъ срѣтили Господа два ангела во плоти,—праведные Сѵмеонъ и Анна. Разсмотримъ ближе святаго старца, не только зрѣвшаго божественное Отроча, но и пріявшаго Его на руки свои. Прочтемъ и уяснимъ повѣствованіе евангелія о праведномъ Сѵмеонѣ.

И се бѣ человѣкъ въ Іерусалимѣ, ему же имя Сѵмеонъ, и человѣкъ сей праведенъ и благочестивъ, чая утѣхи израилевы. Что это за правда, украшавшая Сѵмеона? Та ли это, правда, когда за любовь воздаютъ любовію? Но эта правда бывала у язычника и у фарисея (Лук. VI, 32). Та ли это правда, когда платятъ за оскорбленіе оскорбленіемъ? Но этой правдой отличался и обыкновенный іудей. Евангелистъ показываетъ въ Сѵмеонѣ праведника рѣдкаго, показываетъ мужа той правды, которая низвела на Сѵмеона благо-

дать св. Духа. Что же за праведникъ былъ Сумеонъ? Сумеонъ не только не оскорблялъ правъ ближняго, но готовъ былъ дѣлать для ближняго то же самое, что и для себя; не только не пользовался чужимъ, но готовъ былъ дѣлить свое съ страждущимъ ближнимъ?— Вотъ правда высшая, которая одна можетъ до того умиротворить взаимныя отношенія людей, что съ нею люди были бы ангелами кротости и мира.

Бѣ благочестивъ. Сколько свято сохранялъ Сумеонъ заповѣди о любви къ ближнимъ, столько же душа его полна была благоговѣйной любви къ Богу. Умъ и сердце его были посвящены Богу, обращены къ созерцанію и прославленію совершенствъ Его. Воля Божія во всѣхъ случаяхъ жизни была для него закономъ. Безстрашный и безстрастный ко всему, онъ боялся одного,—какъ бы не прогнѣвить Господа. Побужденія немощной природы могли требовать послабленія ей въ исполненіи строгой правды законной: но страхъ Божій, какъ стражъ, хранилъ сердце его, и законъ Божій служилъ свѣтильникомъ ногамъ его.

Міръ тогда, какъ и нынѣ, любилъ свои забавы, утѣшался своими надеждами. Сумеонъ уже близокъ былъ къ концу земной жизни своей, и много видѣлъ горькаго и сладкаго: но, ни сладкое не увлекало его до забвенія неба, ни горькое не поражало души его до безнадежія на небо. *Онъ чаялъ утѣхи израилевы.* Его надежды, его радости и ожиданія были обращены къ утѣхѣ израилевой. Что жъ это за утѣха израилева? Это то же, что утѣшитель израилевъ; это тотъ обѣтованный Искупитель, который избавленіемъ отъ грѣховъ долженъ былъ принесть не земное, а духовное утѣшеніе израилю; это Тотъ, который, бывъ обѣщанъ со дня паденія Адамова, составлялъ предметъ ожиданій и сладкихъ надеждъ для людей Божіихъ; Тотъ—Спаситель міра, котораго ожидали всѣ пророки и праведники. Время Сумеона говорило Сумеону, что близко время пришествія обѣтованнаго. Скиптръ правленія уже взятъ былъ отъ Іуды; въ рукахъ жестокаго Ирода онъ только поражалъ народъ израильскій, а не охранялъ его покоя отъ враговъ. Внутреннее состояніе израиля—его нравственность, его знанія,—такъ было мрачно, такъ печально, что исторгало глубокіе вздохи и молитву объ особенной помощи свыше. Сумеонъ внимательно изучалъ время,—и ему, внимательному къ волѣ Божіей, все говорило, что близко время утѣхи израилевой. Знали объ утѣхи израилевой многіе между іудеями при Сумеонѣ; хорошо знали о томъ книжники и законоучители. Однако, иное дѣло знать утѣху израиля, другое ждать утѣхи израилевой. Срѣтить утѣху израилеву могъ одинъ Сумеонъ, другаго Сумеона не оказалось. Отчего это? Оттого, что для праведнаго Су-

меона все утѣшеніе, всѣ радости заключались въ ожиданіи утѣхи израилевой. Къ обѣтованному Спасителю обращены были не только всѣ мысли его, но къ Нему обращено было все сердце его, вся любовь его, всѣ желанія и дѣла его; всего духовнаго, всего чистаго ожидалъ онъ отъ утѣхи израилевой, а о земномъ счастіи мало помышлялъ онъ. Такъ, слушатели мои, не всѣ ученые, далеко не всѣ, заняты спасеніемъ души; еще меньшее число чающихъ спасенія оказывается, когда подумаемъ, что всѣ могутъ и всѣ должны быть чающими спасенія. Ахъ! такъ мало избранныхъ между нами. О, когда бы мы, по примѣру избранника—Симеона, искали утѣхи нашей только во Христѣ Господѣ, въ которомъ искалъ и онъ. О, когда бы мы, при взглядѣ на бѣдствія общественныя, на упадокъ благочестія, на скорби частной нашей жизни, обращались съ надеждами нашими, съ молитвою искреннею, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, ко Христу Господу! Пусть другіе хвалились бы тогда своими книжниками; намъ довольно было бы утѣхи израилевой, какъ для Симеона.

Какъ великъ Симеонъ! *И Духъ бѣ святъ въ немъ.* Для ветхозавѣтнаго праведника довольно было, что онъ чаялъ утѣхи израилевой. Но въ Симеонѣ было болѣе. Послѣ того, какъ вознесся Іисусъ съ земли на небо, пришелъ на землю Утѣшитель, Имъ посланный. И каждый христіанинъ возраждается Духомъ въ водѣ крещенія, укрѣпляется Духомъ при мѵропомазаніи; каждое другое таинство сообщаетъ ему дары святаго Духа. Не то было въ ветхомъ завѣтѣ. И однако Духъ святый былъ въ Симеонѣ, оттого, что его праведность, его благочестіе, его вѣра въ Искупителя возвышали его на степень новозавѣтнаго праведника.

И бѣ ему обѣщано Духомъ святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня. Къ чему это обѣщаніе? Надлежало, чтобы Господь храма, пришедъ во храмъ, не остался безъ достойнаго срѣтенія. Люди ученые, люди книжные, не могли явиться сюда, они, слишкомъ занятые ученостію, рѣшали умомъ, а не сердцемъ, вопросъ: гдѣ Христосъ раждается? Іереи и первосвященники іудейскіе уже не достойны были благословить Благословеннаго, бывъ увлечены мечтами о счастливой земной долѣ своей. Для самаго Симеона это обѣщаніе было высшею наградою его благочестію, его искреннему ожиданію утѣхи израилевой. О, Боже мой! какой отвѣтъ дамъ я Тебѣ,—я, котораго такъ часто удостоиваешь видѣть Себя въ пречистыхъ тайнахъ Твоихъ, и котораго такъ холодно срѣтаю, такъ недостойно пріемлю я? *Мнози пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, и не видѣша* (Матѳ. XIII, 17). Искреннему, чудному рабу Твоему Симеону, Ты обѣщалъ, какъ высшую награду

за благочестіе всей жизни его,—ту часть, чтобы прежде смерти своей видѣлъ онъ Христа Господня. Братія! оплачемъ нашу невнимательность, страшную для насъ въ будущемъ къ страшнымъ Тайнамъ Христовымъ.

И пріиде Духомъ въ церковь: и егда введоста родителя отроча Іисуса сотворити има по обычаю законному о Немъ; и той пріемъ Его на руку своею, и благослови Бога, и рече. Святый Духъ, который далъ высокое обѣщаніе Сумеону, привелъ Сумеона въ храмъ, куда принесенъ былъ Іисусъ. Чудное дѣло совершается въ рабахъ Господнихъ. Ихъ водитъ, ими управляетъ невидимая высшая сила, тогда какъ и сила воли ихъ при нихъ остается; ихъ мысли направляются къ тому, о чемъ не размышляли они, а сила мысли ихъ въ нихъ дѣйствуетъ. Чудно, и вмѣстѣ просто! Люди вѣка не состоятъ ли подъ управленіемъ духа вѣка? Ихъ мысли, ихъ воля во власти духа времени. Тамъ и здѣсь общее—любовь, сливающая мысли и волю любящаго съ любимымъ. Но разность въ томъ, что тамъ Господь, здѣсь тварь,—тамъ благодать, здѣсь грѣхъ,—тамъ жизнь, здѣсь смерть. И люди любятъ міръ, а не Господа! Какъ слѣпы! какъ несчастны отъ самихъ себя люди!

Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ,—говоритъ въ восторгѣ духа благодарный Сумеонъ. „Владыко живота и смерти! нынѣ уже нечего болѣе мнѣ дѣлать на землѣ. Служеніе мое на землѣ окончилось. Чего желала душа моя, что обѣщало слово Твое, исполнилось. Теперь Ты отпущаешь раба Твоего на свободу желанную, разрѣшаешь отъ узъ плоти и міра, которыя такъ тяготили меня. Съ миромъ возвращаюсь я къ Тебѣ. Владыко мой“! Такъ спокойно оставляетъ земную жизнь праведникъ! На землѣ не остается у него ничего, къ чему привязана была бы душа его,—сокровищъ на земли не любилъ онъ, чести и извѣстности не искалъ;—на душѣ его не лежитъ намѣренная обида ближнему; Отца небеснаго постоянно имѣлъ онъ предъ очами своими,—и къ Нему спѣшилъ онъ, какъ изъ дальнаго странствія нѣжный сынъ. Какъ завидна такая кончина!

Яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое. Праведный Сумеонъ не только узнаетъ въ младенцѣ Іисусѣ обѣщаннаго Мессію, но въ пророческомъ одушевленіи видитъ всю великую судьбу Его, изображаетъ Его не только словами пророковъ, но словами очевидцевъ Слова воплощеннаго.

Видѣстѣ очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей. „Видѣли очи мои Спасителя, Тобой предопредѣленнаго и обѣщаннаго. Вотъ Тотъ, котораго назначилъ, котораго посылаешь Ты для спасенія всѣхъ народовъ земли!

Предъ лицемъ всѣхъ людей Онъ явится, ни для кого не будетъ сокрытъ, всѣмъ будетъ возвѣщенъ, всѣ о Немъ узнаютъ, хотя и не всѣ примутъ". Какъ высокъ былъ Симеонъ предъ своими современниками! Сильна была въ его время увѣренность, что всѣ высокія обѣщанія, всѣ преимущества царства Мессіина принадлежатъ одному іудейскому народу, народу Божію. Даже апостолъ Петръ долго не смѣлъ призвать язычниковъ къ участію въ благахъ христіанства, пока не былъ вразумленъ небеснымъ видѣніемъ (Дѣян. X, 11. 19). Старецъ Симеонъ видитъ младенца, окруженнаго глубокою простотою и бѣдностію,—и узнаетъ тайну, которая не только забыта была народомъ, хотя и открыта была пророками, но долго не ясна была и апостолу.

Онъ видитъ въ младенцѣ Іисусѣ *свѣтъ во откровеніе языковъ, и въ славу людей* Божіихъ—*израиля*. Свѣтомъ для язычниковъ Симеонъ называетъ Іисуса, поелику язычники покрыты были мракомъ идолослуженія, суевѣрій, разврата; незнаніе истиннаго Бога, незнаніе путей спасенія—сущій мракъ, пагубный мракъ душѣ. И сей-то мракъ разсѣеваетъ Іисусъ—*Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 4). Славою для израиля называетъ праведникъ Іисуса, потому что іудеи—народъ избранный Богомъ, люди по преимуществу усвоенные Богомъ, тѣмъ особенно должны были прославиться, что между ними, отъ нихъ родился Спаситель всѣхъ народовъ. Язычники просвѣтятся, а іудеи только прославятся. Почему же и они не просвѣтятся? Ужели познанія ихъ были такъ совершенны, что имъ нечего было желать отъ Свѣта истиннаго—Сына Божія? Нѣтъ; іудеи многому могли научиться у Сына Божія; познаніе Бога и Его закона, какое они имѣли, во многомъ могло усовершиться и дополниться, если бы умомъ и сердцемъ стали они внимать наставленіямъ обѣтованнаго Спасителя міра. Свѣтъ христіанскаго ученія такъ чистъ, такъ высокъ по достоинствамъ своимъ, что имъ желаютъ просвѣщаться самые ангелы небесные въ восторгѣ отъ него, когда зрятъ его. Но тогда, какъ язычники чрезъ вѣру воспользуются свѣтомъ Сына Божія, большинство іудеевъ не приметъ благодѣяній Сына Божія, оно отвергнетъ Его къ собственному несчастію. Такъ зрѣлъ праведный Симеонъ.

И бѣ Іосифъ и мати Его чудящася о глаголемыхъ о Немъ. Какъ было не изумляться столь великимъ словамъ о младенцѣ Іисусѣ!

И благослови я Симеонъ. Привѣтствовалъ съ благословенною, счастливою долею, какъ привѣтствовала Елисавета (Лук. I, 42).

И рече къ Маріи Матери Его: се лежитъ Сей на паденіе и

на возстаніе многимъ во израили, и въ знаменіе прерѣкаемо. Богопріимецъ зритъ въ Іисусѣ предметъ прерѣканій и разной судьбы для людей. Онъ сравниваетъ Іисуса съ дорогимъ камнемъ, лежащимъ на дорогѣ,—съ камнемъ, предназначеннымъ для необычайной цѣли. Неосторожный путникъ спотыкается объ этотъ камень и падаетъ, и получаетъ смертельную рану. Осторожный, внимательный, при встрѣчѣ съ тѣмъ же камнемъ, останавливается, разсматриваетъ его, узнаетъ цѣну его и дѣлается богачемъ, изъ низкой доли возвышается на степень славы и извѣстности общей. Такъ изображалъ Мессію пророкъ Исаія (VIII, 14. XXVIII, 16). Такъ изображалъ Іисуса апостолъ: *къ Нему же приходяще, камени живу, отъ человѣкъ убо уничиженну, отъ Бога же избранну, честну, и сами, яко каменіе живо зиждетеся въ храмъ духовенъ: вамъ убо честь вѣрующимъ, а противящимся камень, его же небрегоша зиждущіи,—камень претыканія и камень соблазна, о немъ же претыкаются слову противляющіися* (1 Петр. II, 4—8). Праведникъ называетъ Іисуса *знаменіемъ прерѣкаемымъ.* Знаменіе есть открыто-выставленный предметъ, на который устремлены глаза всѣхъ, знакъ чего-то необыкновеннаго, но чего именно, о томъ остается дознавать зрителю. Умный, опытный зритель понимаетъ значеніе этого предмета, понимаетъ, о чемъ даетъ знать знакъ къ всеобщему свѣдѣнію. Но многіе смѣются надъ тѣмъ же знаменіемъ; другіе понимаютъ знакъ,—но недовольные тѣмъ, что дѣло не соотвѣтствуетъ личнымъ видамъ и желаніямъ, осыпаютъ порицаніемъ то же знаменіе, или объясняютъ его въ пользу своихъ страстей. Точно такъ смотрѣли іудеи на Спасителя Іисуса. И одни ли іудеи? Увы! и между нами, и въ нашей жизни, то же совершается. Тѣ, которые даютъ волю страстямъ своимъ, *не враги ли креста Христова* (Фил. III, 18)? Для другихъ имя Іисуса служитъ возглавіемъ духовной праздности. Говорятъ: за насъ все сдѣлано, жертва принесена правосудію, благодать переродила насъ; намъ нечего болѣе дѣлать; трудиться, подвизаться, поститься, изнурять себя,—къ чему это? Это значило бы оскорблять благодать Іисусову. Вѣра, вѣра въ Іисуса—вотъ все, что нужно! Но многіе скажутъ тогда: *Господи, Господи! не въ Твое ли имя пророчествовахомъ? не твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ?* И Господь скажетъ празднымъ чтителямъ имени Его: *не вѣмъ васъ.*

Яко да откроются помышленія сердецъ человѣческихъ. Прерѣканія людей о Іисусѣ будутъ имѣть слѣдствіемъ то, что откроются тогда неодинаковыя свойства сердецъ человѣческихъ. Сердца, ищущія добра и спасенія, если и встрѣтятся съ нѣкоторыми сомнѣніями, скоро оставятъ сомнѣнія и примутъ Іисуса, поелику Онъ есть истина, жизнь, спасеніе людей. Отвергнуть Іисуса могутъ только сердца

злыя, которымъ не мило добро и спасеніе, и потому не можетъ быть предметомъ любви и Спаситель. Тотъ, чье сердце исполнено чувствомъ виновности своей, чье сердце жаждетъ спасенія, ищетъ свѣта и силы для вѣчности, тотъ приметъ не только имя Іисусово, какъ имя святое, но будетъ лобзать крестъ Іисусовъ, пойдетъ за Іисусомъ путемъ внутреннихъ и внѣшнихъ скорбей до гроба. Иначе вѣра, оставаясь дѣломъ одной мысли, перенесла бы въ вѣчность только знаніе, но не жизнь. Напротивъ, чьи сердца заняты страстями, гордостію, тщеславіемъ, земными выгодами, тѣ отвергнутъ Іисуса. Такимъ образомъ, тогда откроется величіе благости Божіей, такъ какъ не желая смерти людей, послала она въ міръ Спасителя—Сына Божія, но котораго не принимаютъ многіе изъ людей только оттого, что злы сердца ихъ.

И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе. Праведный Симеонъ, полный благоговѣнія къ матери Господа и—скорби о земной, ожидающей Ее участи, напередъ открываетъ Ей ожидающія Ее смертныя страданія, такъ какъ скорбь предвидѣнная легче падаетъ на душу, легче тяготитъ ее, чѣмъ скорбь непредвидѣнная. Онъ открываетъ Ей то положеніе Ея, въ какомъ Она будетъ особенно въ послѣдніе дни земной жизни Сына Своего. Много скорби испытаетъ Она и тогда, какъ будутъ осыпать поношеніями дѣла и чудеса Іисуса. Но ужасна скорбь, какая посѣтитъ Ее тогда, какъ враги простругъ ненависть свою до того, что распнутъ божественнаго Сына Ея, какъ злодѣя; скорбь будетъ такъ велика, какъ бы острый мечъ проходилъ въ самое сердце Ея.

Братія! много возвѣщаетъ намъ и своею жизнію, и своими словами св. старецъ Симеонъ. Цѣлый сонмъ добродѣтелей—жизнь его. Поревнуемъ добродѣтелямъ его. Онъ терпѣливо чаялъ утѣхи израилевой; земное было оставлено для сего Утѣшителя. И, въ награду трудовъ терпѣнія, онъ увидѣлъ, узналъ, принялъ на руки свои Утѣшителя, тогда какъ не узнали Его тысячи. Страшна участь отвергающихъ сего Утѣшителя, по словамъ праведника. Устрашимся сей участи, будемъ хранить сердца наши отъ невѣрія и безплодной вѣры, отъ страстей и грѣховъ,—и Онъ молитвами праведника Симеона, будетъ намъ *въ славу и спасеніе.* Аминь.

1844 г.

СЛОВО НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Такъ свѣтъ, пришедшій въ міръ просвѣтить языки, сокрылся въ мракѣ гроба, немного озаривъ и сердецъ израиля? Востокъ свыше, посѣтившій землю, позналъ западъ свой, не узнанный землею?

Отче небесный! Гдѣ благоволеніе, которымъ свидѣтельствовалъ Ты любовь къ своему Сыну? (Матѳ. III, 17). Гдѣ слава о которой молилъ Тебя возлюбленный Сынъ Твой? (Іоан. XVII, 1). Сынъ Божій вопіетъ на крестѣ: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ?* (Матѳ. XXVII, 46). И вопль Его оставленъ безъ отвѣта. Владыка Силъ небесныхъ, обезсиленный муками и страданіями позорными, испускаетъ духъ Свой.

Но Свѣтъ небесный не съ тѣмъ явился въ міръ, чтобы оставить людей во мракѣ большемъ прежняго. Нѣтъ,—не при этомъ гробѣ мѣсто темному невѣрію.

О семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ душу Свою положи: и мы должны есмы по братіи души полагати (1 Іоан. III, 16). Вотъ тайна Сына Божія, низшедшаго во гробъ! Она не извѣстна была вѣкамъ, но—открытая—она изливать будетъ свѣтъ и блаженство на вѣки и вѣчность!

О семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ душу Свою положи. Тамъ, гдѣ, казалось, дѣйствуетъ только судъ Божій, страшный для цѣлой вселенной, тамъ, гдѣ небо казалось до того разгнѣваннымъ на землю, что не давало отвѣта даже на гласъ Сына Божія, тамъ открывается любовь,—любовь, которой еще не было примѣра.

Какъ не дальновиденъ умъ человѣческій со всею хитростію. со всѣмъ коварствомъ страстей! Люди думали, что, предавая на смерть Христа Господа, они дѣлаютъ только то, что хотѣлось страстямъ ихъ. А оказалось, что самыя страсти выполняли то самое, чего хотѣла любовь небесная, любовь Сына Божія.

Христосъ Господь на крестѣ, Христосъ Господь во гробѣ. Но не сила злобы человѣческой довела Его до креста и гроба. Сколько разъ враги имѣли всѣ средства взять Его, чтобы поступить съ Нимъ по волѣ страстей! И они не разъ окружали Его, не разъ посылали слугъ, чтобы схватить Его. И что же? Посланные слуги возвращались съ сознаніемъ недоступнаго величія Его; сами враги не могли коснуться Его—беззащитнаго: *яко не у пріиде часъ Его*

(Іоан. II, 4),—не приходилъ часъ, назначенный волею Его. И кто могъ довесть до гроба, Тебя, Владыко жизни и смерти? Кто могъ противустать силѣ Твоей? Кто могъ побѣдить Тебя, Господа неба и земли? Братія! Онъ *носитъ все глаголомъ силы Своея.* Ему стоило сказать слово и—легіоны ангеловъ мгновенно явились бы противъ враговъ Его. Онъ сказалъ: *Азъ есмь* (Іоан. XVIII, 16), и—воины римскіе съ толпою слугъ пали въ ужасѣ на землю. Еще одно слово и—огнь небесный истребилъ бы ихъ, какъ содомлянъ, земля отверзлась бы подъ ними, какъ подъ Кореемъ и Даѳаномъ. Петръ думалъ защищать Его: но Онъ исцѣлилъ отсѣченное ухо Малху (Лук. XXII, 51). Нѣтъ,—Онъ по своей волѣ предалъ Себя на страданія и смерть. Онъ зналъ, что въ Іерусалимѣ будетъ преданъ, поруганъ и распятъ, но отправился во Іерусалимъ (Матѳ. XX, 18). Онъ зналъ предателя Своего, зналъ, что предатель явится въ саду геѳсиманскомъ,—и остается въ саду геѳсиманскомъ; зналъ враговъ своихъ,—и вышелъ Самъ къ нимъ на встрѣчу.

О семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ душу Свою положи. Такъ, а не иначе, говорилъ Онъ и Самъ о Своей смерти еще за долго до смерти. *Сего ради любитъ Мя Отецъ*, говорилъ Онъ Іудеямъ, *яко душу Мою полагаю, да паки пріиму ю. Никто же возметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о себѣ. Область имамъ положити ю и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. X, 17. 18). Только Его воля пожертвовала жизнію Своею, только въ Его власти состояло—взойти ли на небо, или умереть на крестѣ. Враги Его вопіяли: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Матѳ. XXVII, 40). Но потому-то и не низшелъ Онъ со креста, что Онъ—Сынъ Божій, полновластный въ судьбѣ Своей и въ судьбахъ міра. Потому-то и не низшелъ Онъ со креста, что любовь Сына Божія положила—совершить то, на что могла рѣшиться только вѣчная любовь.

Любовь Его восхотѣла положить душу Свою за насъ, и положила.

И кого же такъ возлюбилъ Сынъ Божій? Грѣшниковъ! О, Любовь вѣчная! Кто бы могъ подумать, кто изъ сыновъ человѣческихъ дерзнулъ бы ожидать, что такъ далеко прострется любовь Твоя къ намъ?

Если Сынъ Божій являетъ ангеламъ любовь Свою: это близко къ понятію нашему. Ангелы — духи чистые, совершенные, святые. Они искренно любятъ Господа Своего; они пламенно творятъ волю Его. Потому удостоиваются они особенной любви Божіей.

Если Сынъ Божій возлюбилъ любовію особенною людей невинныхъ, каковъ былъ Адамъ, лишь только вышедшій изъ рукъ Творческихъ:—и это близко къ понятію нашему. Изъ рукъ Твор-

ческихъ вышелъ человѣкъ съ образомъ и подобіемъ Божіимъ, украшенный правдою и преподобіемъ истины (Еф. IV, 24). А и земные родители любятъ дѣтей своихъ, какъ свое подобіе.

Кто же мы, которыхъ возлюбилъ Сынъ Божій? Если скажемъ: *мы земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 29): то это еще далеко не все. Мы—земля нечистая, пепелъ, осквернённый грѣхами.—И насъ возлюбилъ Сынъ Божій.

Пусть можно еще найти примѣры самопожертвованія за благодѣтелей. Рѣшится ли кто умереть за праведника,—это сомнительно. А пожертвовать жизнію за грѣшниковъ? Это уже вовсе не въ порядкѣ дѣлъ и понятій человѣческихъ. А Сынъ Божій по насъ душу Свою *положи*.

И какъ велика тяжесть, подъятая любовію Сына Божія!

Братія! мы пьемъ грѣхи, какъ воду. Грѣхъ кажется намъ такою малостію, что мы и не думаемъ о немъ. Но не таковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Онъ кажется намъ минутнымъ забвеніемъ долга; а на дѣлѣ отъ него зависитъ участь въ вѣчности: онъ совершается на маломъ пространствѣ земли; а потрясаетъ небеса. Отчего это? оттого, что каждый грѣхъ—нарушеніе вѣчнаго, неизмѣннаго порядка Божія, въ которомъ все велико; оттого, что всеблагій по тому самому, что Онъ есть благость, не можетъ не отвращаться отъ грѣха.

Представьте же милліоны грѣшниковъ, представьте, если можете, всѣ виды грѣховъ, совершаемыхъ милліонами грѣшниковъ. И все это принялъ на себя Сынъ Божій. Всѣ мы—грѣшники, отъ Адама до Христа, и отъ Христа до скончанія міра. И любовь Сына Божія, принявъ на себя грѣхи всѣхъ людей, должна была испытать всю ярость суда Божія, весь огнь безпредѣльной правды Божіей, карающей каждый грѣхъ.

О, грѣшники! пробудитесь отъ страшной разсѣянности своей. Придите, падите предъ любовію Распявшагося за насъ. Язвы священныя! Язвы живоносныя! Какъ не орошать васъ слезами горькаго раскаянія, раскаянія благодарнаго! Или, нѣтъ, Господи, изыди, изыди отъ насъ. Мы грѣшники безчувственные, мы грѣшники бездушные, недостойные взирать на сіи божественныя язвы. И огнь любви Твоей не согрѣваетъ застывшихъ въ грѣхѣ сердецъ нашихъ. Что видишь Ты, сладчайшій Іисусе, предъ симъ алтаремъ всесожжегшейся любви Твоей,—предъ гробомъ симъ божественнымъ?—Видишь многократныя поклоненія наши, но большею частію холодныя, большею частію плодъ обычая, а не сердецъ нашихъ. Мы величаемъ Тебя пѣснями. Но, о, когда бы съ сердцами сколько нибудь достойными, если не друзей Твоихъ, то душевно помнящихъ о

жертвѣ любви Твоей! А сколько и такихъ между нами, которые и нѣсколько часовъ бдѣнія для Тебя считаютъ тягостію невыносимою. Сколько слезъ надобно, чтобы оплакать холодность нашу къ Тебѣ, Господи.

Любовь, распявшаяся за насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вопіетъ о нашемъ спасеніи къ Богу, ходатайствуетъ и—предъ нами—о братіи нашей. *О семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ душу Свою положи: и мы должны есмы по братіи души полагати.* Если такъ дорого Господу спасеніе всѣхъ грѣшниковъ, всѣхъ братьевъ нашихъ: то нельзя быть маловажнымъ и для насъ сему спасенію. Если Онъ положилъ душу Свою за всѣхъ подобныхъ намъ: нельзя и намъ быть равнодушными къ пользамъ ихъ и, прежде всего, къ ихъ вѣчной участи. Потому-то предъ самымъ подвигомъ крестнымъ поучалъ Онъ: *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, яко же возлюбихъ вы* (Іоан: XV, 12). *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (XIII, 35).

Служители алтаря—пастыри словеснаго стада! Вы болѣе, чѣмъ кто другой, обязаны слѣдовать Пастыреначальнику Господу своему. Не люди,—Онъ возложилъ на васъ долгъ, по Его примѣру, беречь и пасти стадо Его; Онъ возложилъ на васъ званіе возносить молитвы за людей Его предъ Его алтаремъ крестнымъ. Испытайте совѣсть свою. Готовы ли вы полагать душу свою за овецъ своихъ, какъ Онъ положилъ? О, братія! страшитесь быть наемниками, страшитесь вмѣсто овецъ пасти страсти свои. Пусть грѣхи недоразумѣнія, пусть грѣхи неопытной юности, не малаго лишаютъ васъ. Онъ—умершій за всѣхъ немощныхъ—уврачуетъ немощное. Но не допускайте до души страстей—корысти, гордости, любочестія, зависти. Онъ—лежащій во гробѣ—ничего не искалъ. *Татіе суть и разбойницы*, сказалъ Онъ о своекорыстныхъ пастыряхъ (Іоан. X, 8).

Вы, которымъ ввѣрена судьба ближнихъ! предъ гробомъ Распятаго за всѣхъ—вспомните, что ближніе, вамъ ввѣренные, искуплены Господомъ, что ихъ слезы, не отертыя вами, а можетъ быть, и пролитыя вами, не забыты будутъ любовію вѣчною, какъ забываете вы ихъ. Судіи христіанскіе! Предъ крестомъ Господа давали вы клятву на рѣшимость не щадить себя для правды и пользы общей. Что, если и послѣ того совѣсть укажетъ вамъ мѣсто не при гробѣ Господнемъ, а въ преторіи пилата?

Отцы и матери! за чадъ вашихъ, какъ и за васъ, пролилъ кровь Свою Господь. Берегите столько дорогія души. Воспитывайте ихъ въ вѣрѣ и страхѣ Божіемъ. Многаго стоитъ вамъ воспитаніе ихъ? Посмотрите на Владыку — Господа; Онъ все терпѣлъ для всѣхъ насъ.

Главы семействъ! за вѣчное спасеніе наше Господь распялся, а не для того, чтобы мы пили и ѣли сладко, богатѣли для себя, оставляя другихъ на жертву нищетѣ. Будьте вождями семейству вашему къ вѣчному спасенію; отсѣкайте страсти въ себѣ и въ домочадцахъ вашихъ; старайтесь болѣе всего, чтобы семейства ваши были христіанскими семействами.

Каждый, чѣмъ можетъ, долженъ служить пользамъ братіи. *Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другомъ; ибо въ насъ должны быть тѣ же чувствованія, какъ и во Христѣ Іисусѣ* (Фил. II, 4. 5). *Каждый долженъ угождать ближнему во благое, къ созиданію; ибо и Христосъ не себѣ угождалъ* (Рим. XV, 1. 3). *Никто не ищи своего* (1 Кор. X, 24). Если бы потребовала нужда отдать жизнь за другаго: Господь отдалъ Свою; ужели же наша дороже, чѣмъ Его жизнь? Богатый удѣляй отъ богатства неимущему: Господь не жалѣлъ для насъ ничего. Если не другимъ чѣмъ, напоимъ жаждущаго чашей студеной воды, утѣшимъ узника въ его темницѣ, введемъ безкровнаго и странника въ домъ свой,—ради Того, который столько возлюбилъ всѣхъ насъ.

Тяжело дѣлать добро для тѣхъ, которые заставили насъ вытерпѣть много непріятностей. Но Онъ—святый, чего не терпѣлъ отъ враговъ Своихъ и—желалъ имъ только спасенія? Какъ жестоки были враги Его! И какъ велика была кротость Его! Ни въ одной слабости нельзя было обличить Его; а съ Нимъ поступаютъ, какъ съ злодѣемъ: вотъ—ведутъ Его на судъ неправедный, бьютъ Его плюютъ Ему въ лицо, насмѣхаются надъ Его знаніемъ людей (Матѳ. XXVI, 67. 68); одѣваютъ въ багряницу, вѣнчаютъ терновымъ вѣнцемъ и насмѣшливо привѣтствуютъ: *радуйся, царю іудейскій!* (Матѳ. XXVII, 29). Злодѣю даютъ свободу: а Его ведутъ на распятіе. Что же Онъ? Молчитъ, какъ кроткій агнецъ. Вотъ Онъ—на крестѣ. И новыя ругательства: *иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти* (ст. 42). Здѣсь, съ личными оскорбленіями, соединяютъ уже и хулу на Бога: Онъ уповалъ на Бога, пусть же Тотъ спасетъ Его (ст. 43). Что же Іисусъ? Молчитъ, или, нѣтъ—молится за враговъ Своихъ: *Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Вотъ какова любовь незлобивая! Кто изъ насъ терпѣлъ что нибудь подобное тому, что Онъ терпѣлъ? Если и оскорбляютъ насъ, то въ частномъ кругу, и какимъ нибудь легкимъ намѣкомъ на нашу же слабость. Слушатели-христіане! Если по-человѣчески тяжело прощать обиды: то по христіански гораздо тяжелѣе не прощать ихъ. Какъ съ досадою на брата стоять намъ предъ распятымъ Господомъ нашимъ? Не значило ли бы это, что мы стоимъ предъ Нимъ не какъ ученики Его? Скажемъ болѣе.

Если ты — такой праведникъ, что каждую непріятность, причиняемую тебѣ, считаешь не заслуженною, готовъ говорить о себѣ вслухъ: я не знаю за собой никакой вины; то зачѣмъ тебѣ Искупитель грѣшниковъ? Онъ ненуженъ тебѣ. Удались отъ сего гроба, окруженнаго грѣшниками; здѣсь плачутъ о грѣхахъ своихъ, да единый Праведникъ покроетъ насъ отъ гнѣва Божія Своею правдою! Да, братія, если мы искренные послѣдователи распятаго Іисуса: то для насъ нѣтъ непріятностей, нѣтъ обидъ, которыхъ бы мы не стоили; для насъ нѣтъ оскорбленій, которыхъ бы мы не простили, и не покрыли благодѣяніемъ.

Христе Спасителю! Божественными язвами умоляемъ Тебя,— согрѣй сердца наши любовію, пригвоздившею Тебя на крестѣ; въ ней все — спасеніе наше, въ ней свѣтъ путямъ нашимъ, въ ней жизнь вѣчная. Аминь.

1846 г.

СЛОВО НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Вотъ и оправдалось пророчество праведнаго Сумеона! Се предметъ противорѣчій! Сынъ Божій во гробѣ. Искупитель міра умеръ позорно. Какъ соблазняетъ это іудея! для языческой мудрости Христосъ распятый—*безуміе* (1 Кор. I, 23).

О, да не будетъ сей лежащій на паденіе намъ, какъ многимъ во израилѣ!

Если бы уразумѣли, то не распяли бы Господа славы, говоритъ апостолъ (1 Кор. II, 8). Такъ—нужно чистое, святое разумѣніе сего почившаго страдальца, чтобы Онъ былъ намъ Божіею мудростію.

Съ чего же начнемъ наше разумѣніе тайны Его? Съ самихъ себя. Что такое человѣкъ? Что такое каждый изъ насъ? Грѣшникъ— съ первыхъ минутъ своей жизни: отъ этого отказывается только тотъ изъ насъ, кто, разстроенный страстями, теряетъ самопознаніе. *Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха: то обманываемъ себя, и истины нѣтъ въ насъ* (1 Іоан. I, 8). Если же каждый изъ насъ грѣшникъ: то каждый какъ нибудь, но долженъ сложить съ себя вину грѣховную. Что жъ мы можемъ сдѣлать для оправданія своего предъ Богомъ? Можемъ ли умилостивить правосудіе Божіе своимъ раскаяніемъ? Нѣтъ,—раскаяніе само есть дѣйствіе грѣха, и потому

только обличаетъ меня во грѣхѣ, а ни чуть не уничтожаетъ его; еще менѣе оно можетъ уничтожить другія разнородныя послѣдствія грѣха, которыхъ не въ состояніи мы покорить своей власти. Не можемъ ли примирить съ собою Бога лучшею жизнію своею? Но, живя лучшимъ образомъ, исполняемъ мы только обязанность нашу, а старый долгъ грѣховъ все остается за нами; къ большему горю, лучшая жизнь наша много заключаетъ въ себѣ такого, что снова дѣлаетъ насъ должниками, снова обвиняетъ насъ предъ Богомъ. Когда-то люди приносили очистительныя жертвы. Но въ чемъ цѣна этихъ жертвъ? Только въ томъ, что люди, принося ихъ, сознавали себя нечистыми, сознавали нужду въ очищеніи. Иначе онѣ—и не собственность людей, онѣ не могли очищать совѣсти, окропляя только тѣло. И такъ, что-жъ остается думать о себѣ человѣку? То, что онъ неоплатный должникъ предъ Богомъ; то, что онъ погибъ на цѣлую вѣчность, если не отыщется кто нибудь, кто заплатилъ бы за него долги; то, что ему совершенно необходимъ Искупитель.

Къ тому же убѣжденію должно довесть человѣка и размышленіе о Богѣ.

Признавая Бога благимъ, человѣкъ можетъ надѣяться, что грѣхи его будутъ прощены ему. Можетъ ли Всеблагій желать погибели грѣшника? Нѣтъ! Но Богъ благій вмѣстѣ есть и Богъ правосудный. Какъ правосудный, Онъ требуетъ удовлетворенія за грѣхи. Не какъ оскорбленный, Онъ требуетъ того: Онъ есть вѣчный покой. Онъ требуетъ удовлетворенія отъ грѣшника, какъ вѣчная любовь къ добру. Какъ любовь къ добру, какъ самое добро, Онъ не можетъ терпѣть грѣха, отвращается отъ грѣха, а отвращаясь, оставляетъ грѣхъ его послѣдствіямъ: бѣдствію, казни, мукѣ. Иначе сказать: оставить грѣхъ безъ наказанія означало бы въ Богѣ то же, что оставлять грѣхъ вблизи Себя, обнаруживать благосклонность къ грѣху, не признавать его за грѣхъ; а этому нельзя быть. Такъ, человѣкъ грѣшникъ, по понятію о Богѣ, можетъ надѣяться прощенія грѣховъ, но не можетъ надѣяться того, чтобы грѣхи прощены ему были безъ удовлетворенія.

Гдѣ же Тотъ, Кто удовлетворитъ за грѣхи человѣка? Самъ человѣкъ, какъ уже видѣли, ничѣмъ не можетъ удовлетворить за грѣхи свои. Гдѣ же примиритель его? Не одинъ ли это изъ духовъ чистыхъ? Да, по любви, благіе ангелы желаютъ спасенія грѣшниковъ. Но, какъ бы ни былъ высокъ по совершенствамъ, какъ бы ни былъ могущественъ по крѣпости силъ, духъ сотворенный, ему остается каждое мгновеніе исполнять только свой долгъ, свое служеніе, а не служить за другихъ; ему и за себя не выполнить всего, чего ожидаетъ отъ него безпредѣльная правда. Нѣтъ, въ

ряду сотворенныхъ духовъ, человѣкъ грѣшникъ скорѣе найдетъ противъ себя обвинителей. Духи добрые по тому самому, что они любятъ добро, не могутъ спокойно смотрѣть на грѣхи человѣка грѣшника. Духи злые по тому самому, что они злые, не приминутъ вызывать противъ грѣшника карающую правду Божію. Пусть сами они не любятъ правды, пусть сами они утѣшаются только грѣхомъ: но, наказываемые за грѣхъ, они, по самому ожесточенію противъ благости Божіей, готовы обвинять Всеблагаго, если бы грѣшникъ былъ прощенъ благостію безъ платы за грѣхъ. Такъ, и міръ духовъ говоритъ человѣку грѣшнику то же, что ему необходимъ Искупитель.

Гдѣ же онъ?

То, что открылось людямъ въ послѣднія времена, то, что видимъ въ семъ живомъ, священномъ изображеніи, есть точно тайна изъ таинъ Божіихъ, чудо изъ чудесъ Божіихъ. Самъ Сынъ Божій, принявъ на Себя лице человѣка грѣшника, пострадалъ за грѣшника. Самъ Сынъ Божій истощилъ на Себѣ стрѣлы гнѣва Божія, устремленныя на все человѣчество. Можно ли представить любовь выше сей любви? Какое знаменіе можетъ обширнѣе выражать славу Божію, чѣмъ это знаменіе? Если твореніе міра есть дѣло любви Божіей: то дѣло искупленія людей смертію Сына Божія есть чудо любви Божіей. Безпредѣльная любовь Сына приноситъ себя въ жертву на алтарѣ крестномъ, чтобы возвѣстить небу и землѣ о неприкосновенной правдѣ Отца вѣчнаго. Тайна тріипостаснаго, недозримая во вселенной, открыта на крестѣ. Отецъ небесный до того простираетъ милосердіе Свое къ преступной твари, что не щадитъ Сына Своего для ея спасенія.

Не больше ли сдѣлано здѣсь, чѣмъ требовало дѣло? Конечно, безпредѣльно величіе Сына Божія. Но безпредѣльна и правда, требовавшая удовлетворенія за грѣхъ. Одно другому — равно, одно другаго ни больше, ни меньше. Значитъ преизбыточное удовлетвореніе Сына Божія—вымыслъ людей или не совсѣмъ крѣпкихъ смысломъ, или готовыхъ пользоваться дѣломъ Божіимъ на службу страстямъ.

Не меньше ли сдѣлано здѣсь, чѣмъ требовало дѣло? Не довольствовалось ли Божество тѣмъ, чтобы только признать жертву Сына Божія дѣйствительною, не подвергая дѣйствительной отвѣтственности за человѣка? Нѣтъ! Безпредѣльной правдѣ можетъ удовлетворить только дѣйствительное служеніе,—и служеніе одного Безпредѣльнаго. Сынъ Божій страдалъ, Сынъ Божій вопіялъ въ мукахъ душевныхъ: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти* (Матѳ. XXVI, 38). Пусть немощно, не сильно дѣло человѣка. Но

величіе Іисуса, какъ истиннаго Бога, не отдѣлялось отъ Іисуса-страдальца и во время страданій, хотя страдало на крестѣ человѣчество. Величіе Іисуса, какъ истиннаго Бога, не отдѣльное отъ Іисуса-страдальца по личному соединенію Божества съ человѣчествомъ въ Іисусѣ, дало безпредѣльную цѣну страданіямъ примирителя Іисуса.

Не оскорблена ли правда, когда праведникъ преданъ мученіямъ? Но вѣчная правда подвергла страданіямъ не праведника, а Того, Кто явился предъ нею, отъ лица неправедныхъ. Правда оскорблена была бы тогда, когда бы праведникъ противъ воли преданъ былъ страданіямъ: но сей Праведникъ восхотѣлъ предать Себя за насъ неправедныхъ, чтобы и насъ спасти, и выполнить волю правды Божіей. Любовь къ правдѣ желала удовлетворенія за грѣхъ. Любовь къ праведному и неправеднымъ пожелала принесть удовлетвореніе, и принесла охотно. Какъ же любви правосуднаго не принять съ любовію дѣла безпредѣльной любви?

Не понятно, какъ чужое состояніе становится нашимъ состояніемъ, чужая правда—нашею правдою? И однако любовь выполняетъ за другаго многое, чего не требуетъ отъ нея право. Одинъ платитъ за другаго долгъ, тотъ несетъ повинности за несостоятельнаго бѣднаго,—и право прекращаетъ искъ свой,—объявляетъ свободнымъ того, кто дотолѣ былъ предъ нимъ неправымъ. Услуги предковъ вмѣняются потомкамъ, услуги одного великаго человѣка дѣлаютъ честь цѣлому народу. На чемъ основана дѣйствительность этого замѣннаго платежа или вмѣнимости? На томъ, что члены общества составляютъ одно цѣлое. А каково отношеніе наше ко Христу Господу? Онъ не стыдится нарицать насъ братіею Своею (Евр. II, 11); Онъ сталъ членомъ семьи человѣческой,—и чего не могла уплатить семья, то уплатилъ Онъ. Что-жъ тутъ страннаго? Онъ вторый Адамъ. Падшій Адамъ былъ родоначальникомъ грѣховнаго человѣчества, новый Адамъ, Христосъ Господь,—начальникъ новаго возстановленнаго человѣчества. Виновность перваго Адама перешла на потомковъ путемъ естественнаго союза ихъ съ праотцемъ; оправданіе совершается посредствомъ духовнаго союза вѣрующихъ со Христомъ. Дѣло вполнѣ согласное съ порядкомъ общимъ.

И такъ остается, братія, окончить тѣмъ, чѣмъ начали. Мы грѣшники! Мы грѣшники,—и за грѣшниковъ пострадалъ Сынъ Божій! Прольемъ слезы сокрушенія о грѣхахъ нашихъ, за которые распялся Сынъ Божій. Это одно, что мы можемъ приносить на гробъ Господа. Безъ того и поклоненіе наше гробу Спасителя нашего не будетъ имѣть смысла.

Христе Спасителю! страданіями Твоими умоляемъ Тебя,—от-

крой омраченный взоръ нашъ на грѣхи наши, согрѣй сердце наше искреннимъ сокрушеніемъ о нашемъ несчастіи, чтобы могли мы начать жизнь, достойную великой жертвы, принесенной Тобою за насъ. Аминь.

1845 г.

СЛОВО ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша (Исаія LIII, 5).

Такъ, вотъ чемъ окончились ожиданія вѣковъ—смертію позорною Ожиданнаго! Вотъ на чемъ остановились взоры праведныхъ, слѣдившіе за жизнію обѣтованнаго,—на крестѣ разбойниковъ! Помазанникъ потребленъ (Дан. IX, 26); Святый Божій причтенъ къ злодѣямъ (Иса. LIII, 12); Царь и священникъ Вышняго, великій пророкъ и посланникъ неба (Псал. XLIX) поруганъ, измученъ, покрытъ ранами, умираетъ! И какъ же доведенъ Онъ до того? Одинъ изъ Его же учениковъ продалъ его, и предалъ на смерть лобзаніемъ (Лук. XXII, 47). О, Боже праведный! Кому явственна мышца Твоя? (Иса. LIII, 1). За что такъ униженъ, обезславенъ, истерзанъ сей Сынъ человѣческій?

Много было людей, которые судили и осуждали Господа Іисуса. И архіереи—люди посвященные правдѣ; и книжники—люди ученые, хорошо знавшіе законъ; и фарисеи—люди, считавшіе себя праведниками и, какъ казалось, ревновавшіе о правдѣ; и старцы народа—мужи почтенные довѣренностію общею за сѣдину лѣтъ,—судили и осуждали Іисуса, какъ преступника. И народъ кричалъ: *возми, возми, распни Его;* и царь Иродъ осмѣялъ Его; также и воины ругались надъ Нимъ, и, подходя, подносили Ему оцетъ, и говорили: если Ты Царь іудейскій: спаси Себя (Лук. XXIII, 36. 37); и слуги плевали Ему въ лице, били Его по ланитамъ. Кого не доставало къ числу осуждавшихъ Іисуса? Тутъ были люди всякаго сословія, всякаго состоянія. И ужели тогда, какъ было столько людей, они думали и говорили неправду? Братія! Остережемся судить, о комъ бы то ни было, по слуху, по наружности. Вотъ предъ нашими глазами примѣръ несправедливыхъ сужденій людскихъ! Доведенъ до самой позорной смерти, доведенъ до гроба Святѣйшій изъ святыхъ. Какъ это случилось? Народъ увлеченъ былъ своею довѣрчивостію къ другимъ, и только по примѣру, по внушенію нѣсколькихъ, изрыгалъ хулы на святаго. Воины, поощренные слабостію своего

начальника Пилата, легкомысленно слѣдовали за толпою. Слуги спѣшили угодить волѣ господъ. Первосвященники, книжники, фарисеи—главные виновники грѣха—судили и осуждали ослѣпленные страстями, которыя обнаруживались въ словахъ и дѣлахъ ихъ. И вотъ составился судъ—образецъ неправды, вопіющій на небо. О, ужаснемся, братія, произносить судъ и осужденіе другому. Ужаснемся особенно тогда, когда никто и ничто не призываетъ насъ произносить суда надъ другимъ.

Видите ли при крестѣ Іисуса примѣръ тому, какъ спасительно для насъ судить себя самихъ, а не другаго, и такъ, поступая такимъ образомъ, мы можемъ быть близки къ тому, чтобы произнесть самый вѣрный судъ о другихъ? Разбойникъ, открытый разбойникъ, который и самъ не отрекается отъ того, что онъ разбойникъ, приглашается съ креста прямо въ рай. *Днесь со мною будеши въ раи*, говоритъ ему Господь распятый. Какъ это такъ? Разбойникъ въ раю! За что? Какимъ путемъ? Очень простымъ, братія! Цѣлыя тысячи говорили о Господѣ Іисусѣ: *да пропятъ будетъ*, и говорили потому, что слишкомъ мало думали о своихъ грѣхахъ. А разбойникъ напротивъ—думалъ о себѣ, о своей участи, о своихъ дѣлахъ, которыми доведенъ до креста, и которыя могли довесть его еще далѣе—до ада. Тяжка казнь крестная: но онъ не сравнивалъ сей своей казни съ грѣхами, съ злодѣяніями чужими; онъ говорилъ только: это по дѣламъ моимъ; я получаю, что заслужилъ. Полный чувствомъ своей виновности, сокрушаясь о своихъ худыхъ дѣлахъ, онъ не хотѣлъ худо думать ни о комъ, тѣмъ менѣе о Томъ, о Комъ прежде, какъ слышалъ онъ, всѣ говорили, какъ о пророкѣ, какъ о посланникѣ Божіемъ, какъ о Спасителѣ людей. Представляя себя на краю погибели, безъ надеждъ на себя, онъ обратился душею къ тому праведнику, который былъ другомъ грѣшниковъ; ничего не ожидая отъ себя, ожидалъ лучшаго только отъ ожиданнаго вѣками неповиннаго; несправедливость собрата къ Праведнику дала глубже чувствовать только свою неправду. И вотъ—изъ скорбной души его исторгается не только исповѣдь, но исповѣданіе вѣры, не только судъ вѣрный о Праведникѣ, но и молитва искренняя къ Господу и Спасителю. *Одинъ изъ повѣшенныхъ злодѣевъ, злословя Его, говорилъ: если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ. Другой напротивъ того унималъ его, и говорилъ: или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на то же? И мы осуждены праведно; ибо достойное по дѣламъ нашимъ приняли мы. А сей не сотворилъ ни единаго грѣха. И онъ сказалъ Іисусу: помяни меня, Господи, когда пріидешь во царствіе Твое* (Лук. XXIII, 39—42). Вотъ путь ко спасенію и къ истинѣ! Разбойникъ кающійся проповѣдуетъ такую правду, которой

не видѣли на тотъ разъ цѣлыя тысящи считавшихъ себя праведными. *Кто изъ васъ обличитъ Меня о грѣхѣ,*—говорилъ Христосъ Іисусъ врагамъ Своимъ? И враги молчали; они сознавали, они чувствовали, что на Его жизни не было ни одного пятна. Онъ, и какъ Сынъ человѣческій, былъ Агнцемъ непорочнымъ и чистымъ, не зналъ грѣха, и лесть не была въ устахъ Его. Для всего святаго примѣръ въ Его жизни, и ничему оскорбительному для чистой совѣсти нѣтъ примѣра въ Его жизни. Но Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ Сынъ Божій, Богочеловѣкъ: это показывали слова и дѣла Его. Возможно ли же для Него что либо несогласное съ волею Божіею? Если же такъ: то за Себя не могъ Онъ страдать. Страданія—плодъ грѣха, наказаніе за грѣхъ. И потому Тотъ, Кто безъ грѣха, и однако-жъ страдаетъ, Тотъ страдаетъ уже не за Себя. За чьи же грѣхи страдаетъ Сынъ Божій? За что гнѣвъ Божій воспаленъ до такой степени, что Богъ не пощадилъ Сына Своего, но предалъ Его на скорби лютыя? (Матѳ. XXVI, 38). О, если бы, по примѣру благоразумнаго разбойника, мы часто испытывали самихъ себя: мы твердо хранили бы въ сердцѣ своемъ рѣшеніе вопроса, какое слышимъ изъ устъ разбойника. Никакой другой голосъ чаще не исторгался бы изъ сердца нашего, какъ сердечный вопль разбойника: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.*

Испытаемъ самихъ себя, испытаемъ дѣла и силы наши; не въ такомъ ли мы положеніи, что отъ самихъ себя намъ нечего ожидать, кромѣ погибели. Если правда человѣческая не успѣваетъ обличить насъ въ грѣхѣ, если въ глазахъ людей мы люди безъ пороковъ: это еще не значитъ того, что мы праведники предъ Богомъ. Нѣтъ, судъ Божій не то, что судъ человѣческій; онъ смотритъ за каждою мыслію нашею, за каждымъ желаніемъ нашимъ, за каждымъ біеніемъ серца нашего. И какая бездна грѣховъ въ насъ открывается предъ судомъ Всесвятаго? Нечестія мои труднѣе изчислить мнѣ, Господи, чѣмъ песчинки песка морскаго. Какъ же избавлюсь отъ гнѣва Божія? Какъ спасусь отъ неумолимой правды Божіей? Покаяніемъ? Но оно не болѣе, какъ законный плодъ грѣха, а содѣланный грѣхъ остается грѣхомъ. Дѣлами милосердія? Но онѣ—мой долгъ постоянный, и потому не плата за долги мои, за необозримое множество грѣховъ моихъ. Говорить ли о жертвахъ вещественныхъ? Онѣ вовсе не моя собственность,—и притомъ такъ малоцѣнны сами по себѣ! Гдѣ же сокроюсь отъ правды Божіей? Гдѣ найду покровъ отъ гнѣва праведнаго? Боже вседержителю!—Дерзнетъ ли грѣшная тварь, столько прогнѣвавшая Тебя, помыслить, что благость Твоя можетъ еще спасти ее, можетъ явить средство къ избавленію ея отъ казней правды? Ужасъ поражаетъ ее при мысли, каково должно быть наказаніе за

нарушеніе правды безпредѣльной. Но, что говорятъ намъ посланники неба, что говоритъ намъ самъ Богъ о нашемъ спасеніи? Тако *возлюби Богъ міръ*, говорятъ они, *яко и Сына Своего далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ* (Іоан. III, 16). О, Боже непостижимый! до того ли простерлось милосердіе Твое къ законопреступной твари, что и Сына Своего не щадишь Ты для спасенія ея; поражаешь смертельными муками Единороднаго Твоего. Сыне Отца вѣчнаго! Непостижима, безпредѣльна любовь Твоя къ намъ грѣшнымъ, необозримо величіе самопожертвованія Твоего за бренное заблудшее созданіе Твое.

Братія! Если Сынъ Божій умеръ за всѣхъ (2 Кор. V, 15), если Онъ есть умилостивленіе за грѣхи наши, и не только за наши грѣхи, но и за грѣхи всего міра (Іоан. II, 2), если не знавшаго грѣха положилъ Отецъ небесный жертвою загрѣхъ, чтобы только мы были оправданы (2 Кор. V, 21): то кто послѣ того рѣшится, явно или тайно, предъ Богомъ и Его тварями, сказать подобно Пилату: *я не повиненъ въ крови праведника сего* (Матѳ. XXVII, 24)?

Грѣхи мои, грѣхи твои, грѣхи всѣхъ насъ, братія, вели и довели Іисуса на лобное мѣсто. Какое ужасающее множество беззаконій подъялъ Онъ, какія ужасающія муки долженъ былъ вытерпѣть, принявъ на Себя грѣхи всѣхъ человѣковъ! Около шести тысящелѣтій принялъ на себя Богочеловѣкъ, и гнѣвъ Божій за нихъ излился на Него; 18 вѣковъ протекло послѣ того, какъ страдалъ Онъ, и грѣхи 18 вѣковъ Онъ видѣлъ, и лютыя скорби за нихъ терпѣлъ Онъ. Онъ видѣлъ мои гнусные помыслы, видѣлъ мое любочестіе, мою гордость богопротивную, мою невѣрность совѣсти ежеминутную, мои грѣхи словъ и дѣлъ, и скорби—плодъ грѣховъ моихъ—терзали святую душу Его. Онъ видѣлъ, какъ нераскаянный грѣшникъ отвергаетъ всѣ наставленія проповѣдниковъ, всѣ внушенія дружбы, всѣ укоры своей совѣсти, всѣ вразумленія бѣдствій, и—томился муками за нераскаяннаго грѣшника. О, безпечный грѣшникъ! посмотри, до чего довела Сына Божія такая безпечность? Пробудись отъ сна, забывшійся міролюбецъ! Твоя пышность совлекла съ Него послѣднія одѣжды; твоя страсть къ роскоши возложила на Него терновый вѣнецъ, покрыла лице заплеваніемъ и заушеніемъ; твое сластолюбіе давало пить Ему уксусъ, смѣшенный съ желчію; твое плотоугодіе изострило гвозди, которыми прибито ко кресту пречистое тѣло Его. О, ороси же хотя одною слезою несчастную душу твою! Твое корыстолюбіе пригвоздило къ дереву поруганія пречистыя длани Его: твое блужденіе по стезямъ гнусной похоти держитъ на томъ же древѣ израненныя святыя ноги Его. Ужаснись грѣховъ твоихъ; пади въ слезахъ горькихъ предъ Рас-

пятымъ тобою. Сіе ребро прободенное источило намъ живоносную таинственную кровь. Для чего безцѣнною кровію сею наполнена чаша завѣта новаго? Кто бы ты ни былъ удаляющійся тѣла и крови Господа твоего: горе тебѣ, если ты, по примѣру іудея, ни во что ставишь кровь Господа твоего! Братія! воззовемъ съ воплемъ крѣпкимъ, воззовемъ вмѣстѣ съ разбойникомъ къ распеншемуся за насъ: *помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.*

Безпредѣльное самоуничиженіе Сына Божія могло примирить съ нами оскорбленную нами правду Божію. Страданія Его, соединившаго на всю вѣчность человѣчество съ Божествомъ въ лицѣ Своемъ, могли превозмочь безмѣрную тяжесть грѣховъ цѣлаго міра. Творецъ всемогущій могъ подъять на Себя виновность твари, оскорбившей безпредѣльную правду. *Наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлихомъ* (Иса. LIII, 5).

Послѣ сей безпредѣльной любви къ намъ Сына Божія, послѣ сего безпредѣльно-великаго служенія Его спасенію нашему, будемъ ли еще оскорблять Его непокорностію святымъ заповѣдямъ Его. О, это будетъ неблагодарность самая ужасная! Но, если и до того забывчивы, до того неблагодарны: не замедлимъ къ Нему же обратиться и взывать: *помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.* Его длани, распростертыя на крестѣ, всегда готовы принять кающихся грѣшниковъ; Его сердце, отверзстое копіемъ, всегда готово приблизить къ себѣ возвращающагося заблудшаго сына; Его уста, молившіяся за распинавшихъ Его, всегда готовы изрекать прощеніе сокрушающемуся грѣшнику. Однажды и навсегда принесъ Онъ жертву за всѣхъ грѣшниковъ Отцу своему,—и жертва Его всегда будетъ имѣть силу предъ престоломъ небеснымъ. Если пройдутъ и еще вѣки, если пройдутъ и еще тысящелѣтія: пусть грѣшникъ воззоветъ изъ глубины сердечной: *помяни мя, Господи,* и кто бы онъ ни былъ, отвѣтныя слова будутъ тѣ же: *будеши въ раи. Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра,* всѣхъ вѣковъ и народовъ!

Братія! Теперь время для того, чтобы каждый часъ являлись мы предъ распятымъ съ молитвою о грѣхахъ своихъ. Но будетъ, когда не будетъ къ тому времени; будетъ время, когда всѣ узнаютъ, что *язвенъ* Онъ *за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша* (Иса. LIII, 5), но не всѣ—въ отраду для себя самихъ; будетъ время, когда всѣ узрятъ въ прободенномъ страдавшаго Іисуса за грѣхи наши; но для нераскаяннаго грѣшника Онъ будетъ только неумолимымъ судіею. Трубный гласъ Его воззоветъ всѣхъ спящихъ отъ вѣка на судъ. Тогда увидятъ язвы, понесенныя Имъ за грѣшниковъ: но язвы сіи уже не укроютъ грѣшника отъ гнѣва Божія въ глубинѣ своей; простертыя длани не будутъ принимать заблудшаго; кровь

пречистая не будетъ утолять мукъ совѣсти. *Явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси: и тогда восплачутся вся колѣна земная* (Матѳ. XXIV, 30). Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что напередъ говорилъ Онъ о Своемъ крестѣ, и о Своемъ воскресеніи. Тогда узнаютъ Его и тѣ, которые дотолѣ не знали, и не хотѣли знать въ Немъ Спасителя своего; глубоко почувствуютъ нужду въ Его спасеніи и тѣ, которые нечестиво отвергали спасеніе Его. Узнаютъ, и возрыдаютъ горько о безнадежной участи своей,—вѣчно горькой и безотрадной. Явится Сынъ человѣческій съ сонмомъ ангеловъ, и скажетъ: совершилось! Побѣждающій наслѣдуетъ все, и каждому награда по дѣламъ его:—тѣмъ, которые постоянствомъ въ добрыхъ дѣлахъ искали славы и безсмертія,—жизнь вѣчная; а тѣмъ, которые упорствовали и не покорялись истинѣ крестной,—ярость и гнѣвъ (Рим. II, 5. 9). И цѣлую вѣчность не перемѣнится приговоръ Его: огнемъ пламеннымъ отмщено будетъ не слушающимъ благовѣствованія Господа нашего Іисуса Христа (2 Сол. I, 8).

Братія! Прежде нежели услышимъ страшное слово судіи, прежде нежели поразятъ насъ рыданія всѣхъ племенъ земли, при видѣ Господа, грядущаго сотворить праведный судъ, возрыдаемъ надъ пречистымъ тѣломъ распятаго за насъ; облобызаемъ язвы Его съ слезами сокрушенія о грѣхахъ своихъ, будемъ стенать и взывать къ Нему: *помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.* Оставимъ грѣхи чужіе, и разсудимъ о самихъ себѣ предъ Его живоноснымъ гробомъ; простимъ, если и были, долги ближнему, *яко же и Онъ благодатію Своею простилъ есть намъ,*—да тако сподобимся быти въ вѣчномъ царствѣ съ Спасителемъ и Господомъ нашимъ. Аминь.

1848 г.

СЛОВО ВЪ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ.

Христосъ воскресе!

Сколько вѣковъ прошло съ того времени, какъ ангелъ въ первый разъ сказалъ женамъ: *воста, нѣсть здѣ.* И для всѣхъ этихъ вѣковъ вѣсть о воскресеніи Христовомъ не престаетъ быть вѣстію сладкою, вѣстію неземною, небесною. Во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ, гдѣ только исповѣдуютъ Христа, приноситъ она съ собою веселіе и радость, восторгъ и торжество. И не одна земля, а и небо, не одни люди, но и жители странъ горнихъ, радуются, и повторяютъ: *Христосъ воскресе!*

И съ какимъ торжествомъ встрѣчаютъ вѣсть о воскресшемъ Христѣ? Это—праздникамъ праздникъ; торжество изъ торжествъ. Каждую недѣлю отдѣляемъ мы день для воспоминанія восресенія Христова,—и торжества сего не помрачаютъ у насъ ни постъ, ни слезы. Но тѣмъ не довольна душа христіанская. Ей хочется радоваться о воскресшемъ Христѣ такъ, какъ ни о чемъ она не радуется; она назначаетъ себѣ еще время, въ которое свѣтло поетъ: *Христосъ воста—веселіе вѣчное.*

Радость наша, слушатели, о воскресшемъ Христѣ справедлива. Воскресеніе Спасителя нашего есть одно изъ самыхъ твердыхъ основаній и нашей вѣры, и нашего упованія, и нашей любви. Какъ же не радоваться о немъ?

Много Спаситель нашъ творилъ чудесъ на землѣ: но къ чуду воскресенія Своего не разъ Онъ отсылалъ самыхъ упорныхъ враговъ Своихъ. *Родъ лукавъ и прелюбодѣйный*, говорилъ Онъ фарисеямъ, *знаменія ищетъ: и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка* (Матѳ. XII, 39. XVI, 4), т. е., знаменіе воскресенія. И это знаменіе дано. Оно дано, слушатели, самымъ врагамъ Іисусовымъ: такъ оно сильно! Избраннымъ изъ избранныхъ учениковъ Своихъ показываетъ Господь на горѣ славу Свою, славу Единороднаго отъ Отца, и въ то же время говоритъ: *не сказывайте никому, что вы видѣли, пока Сынъ человѣческій не воскреснетъ отъ мертвыхъ* (Матѳ. XVII, 9). Къ чему это запрещеніе? Зачѣмъ останавливать проповѣдь о славѣ Сына Божія? За тѣмъ, что воскресеніе Спасителя нашего есть такое чудо, которое одно и могло своею очевидностію запечатлѣть всѣ знаменія славы Сына Божія; за тѣмъ, что оно, всего лучше, своимъ неземнымъ свѣтомъ озаряетъ незримый для чувственныхъ глазъ образъ Сына Божія. Апостолъ въ ареопагѣ доказываетъ, что воскресеніе Христово указываетъ во Христѣ судію вселенныя (Дѣян. XVII, 31), и потомъ пишетъ къ римлянамъ, что *по плоти родился* Іисусъ *отъ сѣмени Давидова, а по Духу святыни, чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ, Онъ во всей силѣ открылся Сыномъ Божіимъ* (Рим. I, 4). Какое величіе въ воскресшемъ Іисусѣ твоемъ, душа христіанская! Самые враги чувствовали силу воскресенія Христова. Узнавъ отъ назорянина, что Онъ воскреснетъ, они берутъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать вѣрѣ въ Его воскресеніе. Едва Іисусъ умеръ, они просятъ Пилата—приставить стражу къ Его гробу; гробъ окруженъ воинами; входъ въ пещеру, заваленный камнемъ, запечатанъ. Все, чего могла требовать осмотрительная (не скажемъ пока—злоба) мудрость человѣческая, сдѣлано. Но Іисуса нѣтъ во гробѣ. Что дѣлать? Надобно вооружиться клеветою. Стража, говорятъ, проспала, и ученики унесли тѣло Іисусово. По всему видно, какъ

мысль о воскресеніи Христовомъ тяжела была для іудеевъ; по всему видно, что они знали, какъ замыслы ихъ всѣ разрушатся, и откроется слава Іисуса, какъ Мессіи и Сына Божія, когда народъ увѣрится въ Его воскресеніи.

И надобно сказать, что, на бѣду врагамъ вѣры и на радость душѣ вѣрующей, изъ всѣхъ чудесъ, на которыхъ основывается наша вѣра, чудо воскресенія Христова такъ очевидно, такъ несомнѣнно, что надобно быть врагомъ всякой истины, чтобы не видѣть его дѣйствительности. Если іудеи разгласили было, что тѣло Іисусово украдено, когда стража спала: то это слишкомъ очевидная неправда. Представьте, что надобно было подойти ко гробу, отвалить большой камень, и потомъ уйти съ тѣломъ, не разбудивъ стражи, которая однако и приставлена была собственно для того, *да не како ученицы Іисуса нощію пришедше украдутъ тѣло Его* (Матѳ. XXVII, 14). Римская стража состояла изъ четырехъ четвериць (Дѣян. XII, 4). Римская стража за небрежность въ своемъ дѣлѣ строго была наказываема. Вспомнимъ случай изъ исторіи ап. Павла, когда темничный стражъ, полагая, что упустилъ онъ узниковъ, хотѣлъ было самъ на себя наложить руки (Дѣян. XVI. 27); а здѣсь воины такъ беззаботно доносятъ начальству о крайней своей небрежности. Но пусть такъ; пусть стража въ самомъ дѣлѣ спала: почему же узнали, что тѣло украдено? И на кого возлагаютъ вину въ хищеніи? На тѣхъ людей, которые, при первой встрѣчѣ съ опасностію, разбѣжались какъ овцы,—которые теперь должны идти на открытую борьбу съ ожесточенною синагогою. И на что имъ нуженъ былъ мертвецъ? Но для насъ довольно, что и сами враги Іисусовы въ послѣдствіи не отвергали дѣйствительности воскресенія Христова, а только запрещали проповѣдывать о воскресшемъ Іисусѣ.

Такъ, сладчайшій нашъ—живъ,—и если Онъ живъ, если Онъ воскресъ Самъ Собою: то намъ нѣтъ нужды въ другихъ доказательствахъ божественной Его славы. Извѣстное дѣло—мертвецы не встаютъ сами собою; извѣстное дѣло—тѣло человѣка дѣйствительно умершаго должно подвергнуться тлѣнію,—и вовсе не естественно ему самому собою воскреснуть. Земля въ землю пойдетъ, въ землю превратится, землею станетъ: на то—воля Вышняго. Но нашъ Спаситель, умеръ на крестѣ, мертвый прободенъ, мертвый положенъ во гробъ; всѣ видѣли, всѣ знали, самые враги Его говорили, что Онъ умеръ. И однако Онъ въ третій день воскресъ. Какое очевидное, какое поразительное чудо! И смерть не могла удержать Его (Дѣян. II, 32). Онъ воскресъ Самъ Собой. Ни пророка, ни чудотворца тутъ не было, который бы извлекъ Его изъ гроба. Онъ всталъ Самъ, какъ владыка жизни и смерти. Онъ всталъ не какъ побѣжденный

смертію, но какъ побѣдитель ея. Онъ отдалъ жизнь, и опять принялъ ее. Никто не отнималъ ея у Него, и никто не далъ ея Ему (Іоан. X, 17. 18). Самъ Онъ съ полною свободою, и возлегъ въ могильной пещерѣ, какъ въ царскомъ чертогѣ, и всталъ изъ нея. Кто же это, какъ не Богъ истинный, Богъ вседѣйствующій и всевластный?

Такъ, христіанинъ, твой Богъ живъ. Твой Богъ живъ—и ты знаешь, кому кланяешься. Онъ живъ, и ты видишь въ Немъ все чего можетъ требовать пытливый разумъ. Онъ живъ, и даетъ жизнь человѣчеству, и уму и сердцу. Языческая мудрость созидала себѣ боговъ мертвыхъ, которые и не слышали и не видѣли человѣка. Какъ стыдно человѣку, что онъ кланялся истуканамъ! Въ другое время человѣкъ вымышлялъ себѣ и живыхъ боговъ, но которые или такъ же безсмысленны были, какъ и истуканы, или столько были порочны, что оставалось учиться у нихъ однимъ порокамъ: это еще стыднѣе человѣку. Лучшій мудрецъ языческій! твой богъ—невѣдомый богъ. Но что и это за богъ? Онъ, или слишкомъ не милостивъ къ тебѣ, такъ что не хочетъ и сказаться о себѣ,—или онъ сказался о себѣ, но ты не понимаешь его: то и другое не честь и тебѣ и богу твоему. И къ чему тебѣ нуженъ твой невѣдомый? Если онъ не знаетъ тебя: онъ не знаетъ и нуждъ твоихъ, которыхъ у тебя такъ много. Если ты не знаешь его: какъ ты будешь чтить его, тогда какъ имѣешь нужду чтить? На бѣду себѣ ты его создалъ. Не видя отъ тебя почтенія, котораго не имѣешь ты ему воздать, онъ въ гнѣвѣ убьетъ тебя. Христіанинъ! Какъ жива, какъ высока, какъ тверда вѣра твоя,—вѣра въ живаго Господа твоего!

Когда явился Іисусъ съ силою чудесъ, съ крѣпостію духа и слова: самыя высокія надежды ожили въ лучшихъ изъ людей; лучшіе люди обратились съ ожиданіемъ къ Іисусу. Но Іисусъ распятъ, Іисусъ умеръ, Іисусъ во гробѣ. Пророкъ и чудотворецъ, Мессія убитъ беззаконными: чего послѣ того оставалось ожидать? Мрачный гробъ, сокрывшій Іисуса, сокрылъ, повидимому, и всѣ надежды человѣчества. *Мы надѣялись, что онъ избавитъ израиля, но вотъ уже третій день, какъ Онъ во гробѣ*, говорила скорбѣвшая объ Іисусѣ надежда (Лук. XXIV, 21).

Но Іисусъ воскресъ, и съ Нимъ воскресли лучшія надежды наши. Грѣшникъ! тебѣ всего болѣе нужно прощеніе грѣховъ. Ты часто и тяжко вздыхаешь о томъ, кто бы тебя избавилъ отъ грѣховъ твоихъ. Теперь воздыханія твои объ Избавителѣ не напрасны. Вотъ *Іисусъ Христосъ умеръ, но и воскресъ; Онъ одесную Бога, и ходатайствуетъ за насъ* (Рим. VIII, 33. 34.) *Кто теперь можетъ обвинять избранныхъ Божіихъ? Богъ оправдываетъ ихъ: кто дер-*

знетъ осуждать? Спаситель нашъ живъ: жива и надежда наша на Его спасеніе. Не напрасно говорилъ пророкъ о Его возстаніи и о нашемъ въ Немъ воскресеніи въ третій день (Осіи VI, 3). Іисусъ преданъ за грѣхи наши, и воскресъ для оправданія нашего (Рим. IV, 25). Теперь ясно, что Богъ Отецъ благоволитъ о жертвѣ, принесенной за насъ Іисусомъ; Онъ прославилъ Іисуса. Такъ, если и семьдесять разъ упадешь ты на день, слабый путникъ земли,—болѣе, нежели семьдесять разъ согрѣшишь ты на день: вставай и иди къ Ходатаю праведнику; Онъ проститъ тебя, Онъ прощаетъ всякаго, кто приходитъ чрезъ Него къ Богу. Но ты и оправданный остаешься съ немощами и вздыхаешь, что не можешь избавиться отъ плоти грѣховной. Утѣшься. *Аще не иду*, говорилъ Онъ, *Утѣшитель не пріидетъ* (Іоан. XVI, 11). И такъ, если взошелъ Онъ къ Отцу: то Утѣшитель придетъ, чтобы подкрѣплять насъ въ борьбѣ съ грѣхомъ. И Самъ воскресшій обѣщался пребывать съ церковію *во вся дни, до скончанія вѣка.*

Однакожъ, если бы всѣ надежды наши оканчивались землею: какъ тяжела была бы земная жизнь твоя, христіанинъ! Какъ много страдать заставляетъ тебя міръ! Ты страждешь, отрекаясь отъ выгодъ земныхъ; страждешь и тогда, какъ наслаждаешься ими: то страждешь ты сухостію, то страждешь раскаяніемъ. Скорби жизни твоей ты услаждаешь только ожиданіемъ отрады въ будущности. Но чѣмъ ты убѣжденъ въ отрадной твоей будущности? Всего болѣе воскресеніемъ Христовымъ! Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ смерть послѣ смерти Іисусовой? Она только стражъ, который хранитъ до времени одно тѣло, а духъ безсмертный, не знающій гроба, витаетъ выше предѣловъ земли. Что значитъ для насъ смерть Іисусова? Вѣрная порука за вѣчную жизнь нашу. Христосъ—глава вѣрующихъ; если воскресла глава: вѣроятно ли, чтобы остались мертвыми прочіе члены? Христосъ есть Царь; и такъ надобно, чтобы были и подданные. *Если проповѣдуется, что Христосъ воскресъ*, пишетъ Павелъ, *то какъ нѣкоторые говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвымъ: то и Христосъ не воскресъ* (1 Кор. XV, 12. 13). Нѣтъ, не напрасно падало на землю сіе пшеничное небесное зерно. Оно упало для того, чтобы не остаться одному; оно умерло съ тѣмъ, чтобы принесть много плода (Іоан. XII, 24). Если мудрость мудрецовъ земныхъ не могла утвердить въ своихъ чадахъ надежду на безсмертную жизнь: то это и потому, что мудрецы земные, отходя въ могилу, не возвращались къ своимъ чадамъ. Если даже и пророки не ясно и не твердо говорили о будущей жизни: то потому, что еще не было на землѣ побѣдителя смерти, о которомъ всѣ должны ожить (1 Кор. XV, 22). Но теперь Духъ

воскресшаго Іисуса, живущій въ насъ, одинъ сей Духъ свидѣтельствуетъ уже, что намъ надобно жить не на землѣ только или въ землѣ, а на небѣ и вѣчно. *Богъ, богатый милостію, мертвыхъ насъ по преступленіямъ оживилъ со Христомъ* (Ефес. II, 4). Что это значитъ? это значитъ, что даже и та смерть, которая умерщвляла духъ нашъ, и изъ духа разливала смертный ядъ на тѣло,—даже и и та смерть побѣждена Христомъ, и мы, оставаясь на землѣ, живемъ уже на небѣ; ибо живемъ въ общеніи съ Богомъ благодатію воскресшаго Христа. Богъ, богатый милостію, умерщвленныхъ грѣхомъ оживилъ и *спосадилъ на небесахъ во Христѣ Іисусѣ*. Потому-то и не одинъ духъ,—самое уничиженное тѣло наше преобразитъ нѣкогда воскресшій *такъ, что оно будетъ сообразнымъ славному тѣлу Его, преобразитъ силою, которою Онъ дѣйствуетъ и покоряетъ Себѣ все* (Фил. III, 21). *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, по великой Своей милости, воскресеніемъ Христовымъ возродившій насъ къ упованію живому* (1 Петр. I, 3). Господь, самъ Господь сотворилъ день сей, да возрадуемся и возвеселимся въ онь!

Послѣ того, какъ воскресеніе Христово утверждаетъ насъ и въ вѣрѣ непоколебимо, и утѣшаетъ надеждами полными, что должны мы дѣлать, какъ не любить Господа нашего, какъ не совершать одну Его святую волю? *Любовь Христова*, говорилъ св. Павелъ, *увлекаетъ насъ, разсуждающихъ такъ, что если одинъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли* (2 Кор. V, 14). И подлинно, какъ намъ не умирать за нашего Господа? Какъ намъ щадить себя, когда для насъ не пощадила Себя любовь вѣчная? Какъ намъ быть безчувственными къ любви, возлюбившей не друзей, а враговъ своихъ? Христіанинъ! грѣхъ распялъ твоего Іисуса; грѣхъ низвелъ во гробъ твоего Іисуса; грѣхъ истерзалъ смертными муками твоего Іисуса. Вотъ что значитъ твой грѣхъ! Вотъ что дать тебѣ можетъ грѣхъ! Когда съ живымъ деревомъ такъ поступлено: смотри, чего ждать сухому! Съ другой стороны, если Іисусъ твой живъ; если Онъ, какъ человѣкъ, воскрешенъ Божествомъ: то какъ и отчего это? *Онъ смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной*. И вотъ *Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени* (Фил. II, 7). За претерпѣніе смерти увѣнчанъ Онъ славою и честію; за добровольную нищету обогащенъ властію надъ небомъ и землею; за понесенное за насъ безчестіе Онъ посвященъ въ вождя спасенія, и приводитъ многихъ сыновъ въ славу (Евр. II, 8. 9). Какъ многаго можешь ожидать ты и себѣ, душа христіанская, отъ жизни святой богоугодной! Вѣчная правда, увѣнчавшая невиннаго страдальца наградами, наградитъ и твои подвиги, тѣмъ болѣе, что она

примирена съ тобою подвигами невиданнаго страдальца. И что тебѣ любить на землѣ? Ужели міръ? Но ты знаешь, что міръ распялъ, осмѣялъ, убилъ твоего Іисуса; ты знаешь, что міръ пораженъ судомъ отъ Іисуса,—оставленъ въ стыдѣ и позорѣ. И тщеславный книжникъ, и гордый набожностію фарисей, и суетный Пилатъ, и грубая чернь,—весь міръ и съ своею славою пышною, и съ своимъ лице-дѣйствомъ, и со всѣми страстями своими, чѣмъ является тебѣ при свѣтѣ славы воскресшаго Іисуса? Сонмищемъ богоубійцъ, отверженныхъ Богомъ! Бѣги отъ сего сонмища. Въ мірѣ грѣшниковъ все что могло бы тебя останавливать на себѣ, и колебать твою любовь къ Богу, все предано осужденію воскресшимъ Іисусомъ. Остается жить жизнію новою, не знаемою для міра. *Мы погреблись съ* Христомъ *крещеніемъ въ смерть, дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отчею, такъ и мы ходили въ обновленной жизни* (Рим. VI, 4). Для одного только на землѣ Христосъ повелѣлъ жить намъ: это для любви къ ближнимъ нашимъ. Сія любовь утверждена, освящена, запечатлѣна Имъ. Онъ желалъ, Онъ требовалъ, чтобы мы любили другъ друга такъ же, какъ Онъ возлюбилъ насъ. Онъ желалъ, чтобы мы прощали другъ друга такъ же, какъ Онъ простилъ насъ. *Сія есть,* говорилъ Онъ, оставляя міръ сей, *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга* (Іоан. XV, 17). И, по воскресеніи, какимъ именемъ въ самый первый разъ называетъ Онъ земныхъ учениковъ Своихъ? Онъ называетъ ихъ братьями: *поди къ братіямъ Моимъ,* говорилъ Онъ Маріи. Какъ же намъ не любить другъ друга, когда самъ воскресшій Господь называетъ людей братьями Своими? О, любовь вѣчная, любовь воскресшая! погаси въ сердцахъ нашихъ вражду и зависть, хотя на дни радости о Тебѣ. Если когда, слушатели, то особенно нынѣ объимемъ другъ друга, рцемъ: „братія“, и ненавидящимъ насъ простимъ все для радости о воскресеніи.

„Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме! Слава бо Господня на тебѣ возсія“. Кто бы ты ни былъ, христіанинъ, пусть ничто не возмущаетъ радости сего радостнаго дня твоего. Счастливъ ли ты? Усугубь твое счастіе настоящимъ торжествомъ. Несчастенъ? Забудь скорби земныя, и радуйся объ отверстомъ для тебя небѣ. Грѣшникъ ты? Не говори о томъ: у воскресшаго всѣ праведники. Праведникъ ты? Больше радуйся,—о торжествующей правдѣ Единаго праведнаго.

О, пасха велія и священнѣйшая, Христе! даждь намъ причащаться Тебя здѣсь искреннимъ сердцемъ; даждь намъ истѣе Тебѣ причащаться въ невечернемъ дни царствія Твоего. Аминь.

1843 г.

БЕСѢДА НА ЕВАНГЕЛІЕ, ЧИТАЕМОЕ ВЪ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ НА ВЕЧЕРНИ.

(Іоан. XX, 19—25).

Христосъ воскресе!

Чемъ и говорить въ день воскресшаго, какъ не о воскресшемъ? Теперь только и словъ у насъ, что о воскресшемъ. Церковь въ пѣсняхъ своихъ веселится и радуется о воскресшемъ,—благовѣстія вдохновенныя предлагаетъ она тѣ, которыя говорятъ о воскресшемъ. Мы слышали теперь благовѣстіе о явленіи воскресшаго,—о явленіи, которое происходило почти въ сей же самый часъ—*сущу поздѣ*, и въ сей самый день—*во едину отъ субботъ*. Если же нынѣ только о воскресшемъ и можетъ быть слово: повторимъ и объяснимъ вѣсть о воскресшемъ, въ первый разъ полученную въ сей самый часъ и день.

Сущу поздѣ, въ день той, во едину отъ субботъ, и дверемъ затвореннымъ, идѣже бяху ученицы Его собрани, страха ради іудейска, пріиде Іисусъ и ста посредѣ. Уже ангелы огласили женъ мѵроносицъ радостною вѣстію о воскресшемъ Господѣ (Лук. XXIV, 1—7). Самъ Господь сперва явился одной Магдалинѣ, потомъ ей и другой Маріи. Еммаускимъ путникамъ Онъ далъ Себя узнать несомнѣнно въ преломленіи хлѣба. Петръ, вкупѣ, съ Іоанномъ, подтверждаютъ ученикамъ вѣсть видѣвшихъ Господа о прославленномъ Господѣ. Тѣмъ не менѣе ученики еще въ страхѣ. Іудейское сонмище, поразившее пастыря, навело трепетъ на овецъ, оставшихся безъ пастыря; осиротѣвшіе ученики боятся всего отъ людей, которые такъ несправедливо, такъ безчеловѣчно поступили съ единственнымъ Праведникомъ, которые и ихъ уже обвинили въ намѣреніи похитить тѣло Учителя; въ страхѣ обращаются къ средству безопасности,—заключаютъ двери: средство слишкомъ не надежное противъ ожесточившейся злобы! И вотъ тогда, какъ сердца учениковъ, то стѣсняемы были опасеніемъ и страхомъ, то на мгновеніе озарялись сладкою надеждою увидѣть Господа, Господь *въ тотъ же день, въ первый день недѣльный*, когда явился Маріи, *вечеромъ* Самъ является среди учениковъ; двери были заперты, а Онъ пришелъ и сталъ посредѣ ихъ. Чудо воскресенія усугубляется чудомъ необычайнаго явленія воскресшаго. Что это чудо дѣйствительно совершилось, что Іисусъ воскресшій дѣйствительно пришелъ къ ученикамъ, тогда какъ двери оставались затворенными; это показываютъ и ясныя о томъ слова евангелиста, которыя повторилъ Онъ и послѣ (ст. 26), и

страхъ учениковъ, смущенныхъ явленіемъ Господа. И для просвѣщенныхъ полнымъ свѣтомъ откровенія чистаго сіе чудо не выходитъ изъ предѣловъ вѣроятнаго. *Есть тѣло душевное,* говоритъ апостолъ, *и есть тѣло духовное* (1 Кор. XV, 44). Послѣднее остается тѣломъ и тогда, какъ грубая тѣлесность то истлѣетъ, то сгоритъ,— тѣло духовное тонко и неуловимо условіями жизни видимой. Тѣло духовное образуясь изъ вещественнаго, душевнаго, преобразуетъ земныя начала въ небесныя, грубыя въ тонкія. Такъ бываетъ въ человѣкѣ, когда онъ не остается подъ вліяніемъ одной жизни чувственной! И какая необозримая постепенность въ восхожденіи грубаго къ болѣе тонкому, къ неуловимому, замѣчается въ самой вещественной природѣ! Какъ и здѣсь однѣ вещественныя начала проникаются другими, а сіи третьими и такъ далѣе! Вода проходитъ дерево; огонь проникаетъ желѣзо, мѣдь, сребро, золото—тѣла самыя плотныя. Такъ, для общаго здраваго разумѣнія не непонятно, какъ воскресшій *пріиде двереме затвореннымъ.* И однако, явленіе воскресшаго среди учениковъ, при заключенныхъ дверяхъ, было такъ необычайно, что требовало успокоительнаго слова.

И глагола имъ Іисусъ: миръ вамъ. Что это за миръ, который преподаетъ Господь апостоламъ? И міръ часто обѣщаетъ людямъ миръ,—онъ даже ввелъ желаніе мира въ число обыкновенныхъ привѣтствій своихъ. Но, какъ не вѣренъ, какъ не покоенъ покой, который обѣщаетъ людямъ міръ! Господь самъ сказалъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не яко же міръ даетъ, Азъ даю вамъ* (Іоан. XIV, 27). Миръ, который оставляетъ Онъ ученикамъ своимъ, не тотъ, что даетъ людямъ міръ. Для мира Христова мало было бы, если бы онъ освобождалъ учениковъ Христовыхъ только отъ опасеній со стороны злобныхъ людей; Христовымъ ученикамъ надлежало имѣть силы для борьбы не съ одними іудеями. Миръ Христовъ заключалъ въ себѣ миръ внутренній, миръ силъ душевныхъ, нарушенный нѣкогда грѣхомъ; грѣхъ, разстроивъ душу, разстроилъ отношеніе души къ Богу и ко всей твари, противъ человѣка грѣшника возстала правда Божія, возсталъ міръ духовъ—ревнителей правды, возстала внѣшняя природа, дотолѣ покорная человѣку. Богочеловѣкъ примирилъ Своею смертію правду Божію съ человѣкомъ; осязаемое доказательство тому—Его побѣда надъ смертію. И вотъ, тѣ же ревнители правды—ангелы благовѣствуютъ искавшимъ воскресшаго: *не бойтеся;* и вотъ, званнымъ о Христѣ возвѣщаютъ, что имъ все споспѣшествуетъ во благое.

Евангелистъ Лука повѣствуетъ (XXIV, 37), что ученики, и выслушавши вѣсть отъ Господа о мирѣ небесномъ, оставались въ смущеніи; думали, что видятъ духа, и колебались. Такъ необыкно-

венно было для нихъ явленіе воскресшаго Господа! Такъ многое еще въ высокомъ духовномъ дѣлѣ оставалось для нихъ не совсѣмъ понятнымъ! Потому-то Іисусъ, возвѣстивъ о мирѣ, *показа имъ руцѣ и ноздѣ и ребра Своя:* показываетъ знаки крестныхъ страданій своихъ, чтобы видѣли, что Онъ тотъ же Христосъ, который былъ распятъ. Желаетъ разсѣять недоумѣнія о Себѣ, и даетъ мысли свободу самой доходить до спасительной вѣры, позволяетъ испытывать истину. Онъ не требуетъ довѣрія безусловно: нѣтъ, пусть и глазъ видитъ, и руки осязаютъ, пусть чувства всѣ дознаютъ истину, когда хотятъ, чтобы и на семъ судѣ оправдалась истина. Не опасайтесь за истину: она оправдаетъ себя, она не боится испытанія. Истины вѣры—духовны; часто онѣ совсѣмъ не принадлежатъ къ области міра чувственнаго: но онѣ объясняются, иногда даже подтверждаются, опытомъ. Такова истина, что Христосъ воскресъ истинно. Она отдана была на испытаніе чувствъ, и осталась истиною; не могутъ сказать теперь, что вѣра въ воскресшаго основана только на слухѣ, на молвѣ, не повѣренной осторожностію. Нѣтъ, она была повѣрена. Евангелистъ Лука прибавляетъ къ повѣствованію Іоанна, что для увѣренія апостоловъ Іисусъ, явившійся сквозь двери затворенныя, и вкушалъ пищу съ апостолами, и потомъ объяснялъ писаніе, пророкавшее о Его смерти и воскресеніи (XXIV, 42—47).

Возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа. Какъ было не радоваться, когда увидѣли Того, Кого считали, то мертвецомъ, унесшимъ съ собою всѣ надежды во гробъ, то призракомъ, ужасавшимъ душу, непривыкшую къ міру духовъ. Евангелистъ Лука присовокупляетъ: *еще же не вѣрующимъ имъ отъ радости и чудящимся рече* (Лук. XXIV, 41): т. е., ученики отъ радости не вѣрили своей радости; испытали, дознали, что воскресъ ихъ учитель, ихъ Господь, за котораго нѣкоторые обѣщались душу положить,—и радость такъ была велика, что предметъ ея казался невѣроятнымъ.

Рече же имъ Іисусъ паки: миръ вамъ. Снова повторяетъ Іисусъ смущеннымъ желаніе мира, конечно, съ тѣмъ, чтобы дѣйствіемъ Своей вседѣйствующей воли утвердить возрождавшійся въ нихъ миръ: но сей миръ еще нуженъ былъ для того великаго дѣла, которое хочетъ возложить Іисусъ на избранныхъ своихъ.

Яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы, говоритъ Онъ далѣе. Избранные Христовы должны теперь занять Его мѣсто, вступить въ званіе просвѣтителей міра, которое Онъ Самъ доселѣ видимо выполнялъ. Какая необычайная власть дается апостоламъ! Они вступаютъ въ права Сына Божія. Его Отецъ небесный послалъ въ міръ,—и несчастны тѣ, которые не приняли Сына: Онъ посылаетъ

избранныхъ Своихъ, чтобы дѣйствовали на землѣ отъ лица Его. Какіе сильные посланники! Кто не будетъ внимать ихъ глаголамъ? Кто не приметъ ихъ наставленій съ готовымъ, смиреннымъ сердцемъ? И какъ необыкновенны во всемъ сіи посланники! Они должны идти въ цѣлый міръ отъ лица Сына Божія, должны идти въ міръ, чтобы покорять людей волѣ Сына Божія: а какія у нихъ пособія для ихъ званія? Обыкновенныхъ никакихъ нѣтъ. Они бѣдны, и неучены, и незнатны. Но тѣмъ болѣе славы для нихъ, если безъ всего успѣли побѣдить міръ; тѣмъ болѣе должны мы внимать вѣщаніямъ сихъ посланниковъ, столько отличнымъ отъ ученій человѣческихъ.

Яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы. И прежде своей смерти Господь возвѣщалъ избраннымъ своимъ о ихъ высокомъ назначеніи; Онъ давалъ тогда и наставленія для высокой ихъ должности (Матѳ. X, 1). Но смерть Іисуса показала, что и избранные имѣли нужду, чтобы за ними снова утверждено было званіе, которому они не оказали достойной вѣрности.

И сіе рекъ, дуну.—Нѣкогда съ дуновеніемъ божественнымъ сообщено было человѣку дыханіе жизней, и онъ сталъ человѣкомъ живымъ. Божественную силу сообщаетъ дуновеніемъ и воскресшій ученикамъ Своимъ; дѣйствіе совершается чувственно, но заключаетъ въ себѣ силу духовную: ибо, какъ говорить съ людьми, не употребляя языка человѣческаго? Какъ выражать имъ предметы духовные духовно, когда они облечены чувственностію? *И глаголя имъ: пріимите Духъ свят.* Вотъ и объясненіе дѣйствію изобразительному! Начатки Духа апостолы получили отъ Іисуса Христа и тогда еще, какъ слушали наставленія Его устныя. Полное изліяніе даровъ благодатныхъ принято ими въ день пятидесятницы. Если же и по воскресеніи своемъ Спаситель сообщаетъ имъ дары того же всеисполняющаго Духа: то это значитъ, что теперь сообщаетъ Онъ имъ большее обиліе даровъ духовныхъ, нежели какимъ они обладали прежде, но менѣе того даетъ, сколько дано было въ послѣдствіи,—въ день пятидесятницы. Такъ, апостолы постепенно возводились на божественную высоту своей власти и достоинства; они постепенно и очищали себя въ достойные сосуды благодати. До воскресенія Христова апостолы многаго не способны были принимать; и по воскресеніи они еще удерживали нѣкоторыя мысли о царствѣ Христовомъ, не одобренныя Христомъ Господомъ.—Было время для Петра, когда онъ поступалъ по своему изволенію, шелъ, куда хотѣлъ; но потомъ должно было, по слову воскресшаго, наступить такое время, когда другой поведетъ Петра, куда захочетъ; когда воля Петра замѣнится волею высшею. Постепенность—необходимое

условіе жизни сотвореннаго; а жизнь испорченную грѣхомъ, а душу растлѣнную отъ природы и усугубившую растлѣніе привычками, какъ трудно очищать и исправлять! Много надобно употребить времени, много надобно дѣлать остановокъ, соображеній, чтобы довесть дѣло Божіе до конца блаженнаго! И такъ, не унывай, слушатель мой, когда видишь, что и при всемъ стараніи мало успѣваешь ты въ спасеніи; не унывай, а иди впередъ. Помни, что жизнь духовную и Спаситель сравнивалъ съ зерномъ, изъ котораго не вдругъ образуется колосъ. Трудись; плодъ благословенный будетъ.

Въ чемъ состоялъ даръ Духа, сообщенный воскресшимъ, для апостоловъ? *Имъ же*, говоритъ *отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите, держатся.*—Пока тѣмъ только ограничилась власть Духа въ апостолахъ, что они могли прощать грѣхи, и не прощать. Не хотимъ однако сказать, что сія власть апостольская—власть прощать грѣхи, не значительна. Она велика сама въ себѣ; она важна для людей грѣшныхъ. Нѣкогда іудейскіе законовѣдцы говорили: *кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Марк. II, 7)? И они въ семъ случаѣ правы. Кто можетъ отмѣнять опредѣленія Вышняго? Правда Божія не измѣнна въ своихъ требованіяхъ: Она изрекла судъ грѣшнику, и грѣшникъ—чадо гнѣва! Только Самъ безпредѣльный воленъ отмѣнить опредѣленіе Свое, и отмѣнитъ, когда безконечно-благая премудрость найдетъ средство отклонить судъ отъ человѣка, не оскорбляя правды; иначе грѣшникъ не найдетъ себѣ нигдѣ спасенія. Во власти всевластнаго—уполномочить избранныхъ правомъ разрѣшать грѣшника, или оставлять его связаннымъ своими грѣхами. Самъ ли Онъ прямо, или чрезъ слугу Своего, объявитъ разрѣшеніе,—въ отношеніи къ Нему, это все равно: но не равно для имѣющихъ нужду въ разрѣшеніи. Люди должны желать, чтобы избранные изъ людей уполномочены были правомъ прощать грѣхи людямъ. Богъ готовъ прощать грѣхи. Но чѣмъ увѣритъ себя смущенная совѣсть, что ей прощенъ тотъ или другой тяжкій грѣхъ ея? Важность того, кому поручена Богомъ власть прощать грѣхи, возливаетъ елей мира и успокоенія на измученную сознаніемъ грѣховъ душу грѣшника. Богъ готовъ прощать грѣхи, но подъ условіемъ искренняго раскаянія въ нихъ. Кто же дознаетъ, и кто откроетъ грѣшнику нераскаянному, что его покаяніе слишкомъ холодно, что ему необходимо еще смирить себя подвигами покаянія, прежде чѣмъ можетъ онъ получить благодатное разрѣшеніе неба? Необходимъ искренній наставникъ, необходимъ врачъ духовный для больной души. Какъ заботливо, какъ мудро устрояешь Ты благо душъ нашихъ сладчайшій Спаситель нашъ! Первая вѣсть Твоя по воскресеніи—вѣсть о прощеніи грѣшника.

О, какъ грѣшнику не любить Тебя. Идите, грѣшники, къ воскресшему Іисусу, обнимайте ноги Его вмѣстѣ съ Маріями. Онъ—вашъ, вашъ учитель и Спаситель!

Апостоламъ сказалъ Господь: *имъ же отпустите грѣхи, отпустятся.* Но, если Господь послалъ апостоловъ въ міръ по власти божественной и послалъ не съ тѣмъ, что-бы существованіе церкви, которую надлежало распространять имъ, ограничилось только временемъ апостольскимъ, то по той же власти божественной апостолы имѣли власть назначить преемниковъ служенія своего, и облечь ихъ благодатною властію прощать, или не прощать грѣхи. И когда же не можетъ быть нужды для странниковъ земли въ прощеніи грѣховъ? И потому—когда не можетъ быть нужды въ существованіи власти облеченной божественнымъ правомъ надъ совѣстію нашею? Иди, братъ мой, на судъ къ служителю церкви не какъ къ человѣку: Господь облекъ божественною властію апостоловъ, апостолы облекли ею сего служителя церкви,—преемственно перешла она къ нему отъ апостоловъ, отъ Сына Божія, отъ Самого Бога.

Апостоламъ сказалъ Господь: *имъ же отпустите грѣхи, отпустятся.* Апостоламъ данъ даръ Духа святаго прощать, или не прощать грѣшника и—апостолы, по волѣ Господа своего, передали ту-же власть преемникамъ своимъ: какъ же принимаютъ эту власть, не принявшіе ея отъ апостоловъ и ихъ преемниковъ? Апостоламъ, а не всей вообще церкви, сообщена власть божественная; апостоламъ, а не каждому частному члену церкви, вручено право божественное. Что же дѣлаютъ, когда предвосхищаютъ себѣ власть, которой никто не давалъ имъ? Что дѣлаютъ когда присвояютъ себѣ власть, которая собственно принадлежитъ только Богу? Безъ страха святотатствуютъ, предъ цѣлою церковію земною пользуются похищеннымъ правомъ божественнымъ. Какъ это нагло! Какъ это страшно!

Ѳома же, единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый близнецъ, не бѣ ту съ ними, егда пріиде Іисусъ. Неизвѣстно, обстоятельства ли только задержали гдѣ-либо Дидима, или положеніе духа его было таково, что онъ не хотѣлъ болѣе принимать участія въ дѣлѣ распятаго, какъ въ дѣлѣ потерянномъ.

Глаголаху же, ему друзіи ученицы: видѣхомъ Господа. Онъ же рече имъ: аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры. Нельзя не признаться, что Ѳома много могъ найти причинъ не отвергать съ такою настойчивостію вѣсти о воскресшемъ Господѣ. Вѣсть сія уже основана была на томъ самомъ опы-

тѣ, которымъ онъ думалъ повѣрять ее. Но для Ѳомы не довольно было опыта другихъ; — онъ хотѣлъ испытать съ отчетливою точностію. Такъ обыкновенно дѣйствуютъ люди съ взыскательнымъ разсудкомъ. Что сказать объ этой недовѣрчивой пытливости апостола? Откровеніе ясно не осудило ея. Спаситель не отказался даже выполнить ея требованія. Осмѣлимся ли мы осудить ее? Мы можемъ сказать только, что не всѣ идутъ къ небу однимъ путемъ, оттого, что не у всѣхъ одинаковы расположенія души. Одни принимаютъ истину сердцемъ простымъ, безъ разсужденій, и въ простотѣ сердца служатъ Господу. Другіе не прежде принимаютъ предлагаемую истину, какъ повѣрятъ ее сами. Путь первыхъ легокъ въ томъ смыслѣ, что они не берутъ на себя трудныхъ работъ умственныхъ; послѣдніе принуждены бываютъ много испытывать бореній въ помыслахъ, смятеній въ душѣ,—оттого, что хотятъ сами все доказывать и повѣрять. Тотъ и другой путь можетъ довести къ небу: но на томъ и на другомъ пути есть опасности. Опасна пытливость, когда она дерзкому подвергаетъ изслѣдованію самыя недоступныя истины. Виновна она, когда не для того испытываетъ истину, что бы узнать спасительную истину, а только по однимъ видамъ страстей слѣдитъ по путямъ ея. Пусть испытываютъ истину съ смиреннымъ, чистымъ сердцемъ; и тогда послѣ скорбей радостно воскликнутъ предъ Нимъ съ Ѳомою: *Господь мой и Богъ мой!*

Хвала и слава Тебѣ, благій утѣшитель нашъ, Который подаетъ миръ и покой, какъ умамъ испытующимъ, такъ и сердцамъ вѣрующимъ, какъ имѣющимъ нужду въ покоѣ совѣсти, такъ и волнуемымъ бѣдами земной жизни. Аминь.

1844.

БЕСѢДА ВО ВТОРЫЙ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

Во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ, и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй неописанный.

Вотъ пѣснь, достойная дня торжественнаго,—пѣснь сладкая и высокая, полная глубокихъ мыслей и чувствъ отрадныхъ, которую поетъ нынѣ ликующая церковь Христу воскресшему.

Красны пѣсни твои, новый Сіонъ, невѣста Христова! Сладки, торжественны восторги твои о возсіявшей изъ гроба радости; но не всѣ, какъ сія пѣснь, и услаждаютъ и поучаютъ насъ; не всѣ, какъ

сія пѣснь, выражаетъ намъ все, что могъ выразить языкъ священнаго восторга, при настоящемъ торжествѣ.

Займемся, слушатели, сею поучительною и сладкою пѣснію.

Во гробѣ плотски. Слова сіи вчера были словами скорби, но не нынѣ. *Во гробѣ* Онъ, говорила вѣра, размышляя о предметѣ высокихъ мыслей своихъ, сокрытомъ въ нѣдрахъ земли; *во гробѣ* Онъ, а мы надѣялись, *яко Сей есть, хотяй избавити израиля* (Лук. XXIV, 21). Удалимся же отъ гроба; гробъ сокрылъ пріятныя мечты наши. *Во гробѣ* Онъ,—вѣщала безотрадная любовь, обливая горячими слезами бездыханное тѣло сладчайшаго; *во гробѣ* поруганный, обезображенный злодѣями, невиданный на землѣ праведникъ,—и злодѣи торжествуютъ! *Доколѣ же, Господи, путь нечестивыхъ спѣется! Угобзишася вси творящіи беззаконія* (Іер. XII, 1). *Во гробѣ,*—говорила надежда, и безмолвный, уединенный гробъ поглащалъ всѣ ея надежды безсмертныя. Но утѣшьтесь, дщери неба! Онъ во гробѣ, но только *плотски.* Онъ во гробѣ совершаетъ послѣднее дѣло самоизвольнаго смиренія; плоть платитъ, по видимому, дань персти; персти на время возвращается персть, дабы послѣ, тѣмъ большею возсіять ей славою нетлѣнія, чѣмъ тягчае были узы, тяготѣвшіе надъ бренною плотію.

Во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею. Вотъ первый лучъ отрады для сѣтующей надежды! Такъ—пусть смертна плоть, но безсмертенъ духъ; пусть персть предается персти, но *духъ* паритъ къ *Богу, иже и даде его* (Еккл. XII, 7). Вотъ истина, такъ нетвердая, такъ неясная дотолѣ, пока смерть царствовала со всею жестокостію и надъ не согрѣшившими по подобію преступленія Адамова. Желанія смертныхъ стремились по временамъ за предѣлы сей жизни, но не разрушали предѣловъ; нѣдра земли отграждали землю отъ неба, и никто не разрушалъ преграды сей. Гаданія оставались гаданіями; тѣ, которые приходили отъ земли, говорили о землѣ, а тма смертная затемняла въ глазахъ ихъ послѣднее мерцаніе истины; они ложились въ гробъ, оставляя, вмѣсто наслѣдства, неумную заботу хранить бреніе ихъ. Даже значительная часть народа Божія, коему ввѣрены были тайны небесныя, отвергла наконецъ всякую надежду на безсмертіе, проповѣдала *не быти ни ангела, ни духа* (Матѳ. XXII, 23). Но вотъ смерть Господа нашего поучаетъ насъ взирать на смерть не болѣе, какъ на стража, который хранитъ то, что ему ввѣрено; хранитъ дотолѣ, доколѣ угодно владыкѣ жизни; поучаетъ отрадной истинѣ, что не духъ, совершенно не знающій гроба и смерти, а только бренный составъ нашъ предается во власть не вѣчнаго стража. Первенецъ изъ мертвыхъ, *во двою естеству неслитно познаваемый,* не душею лежалъ во

гробѣ; и мы радуемся, смотря на тлѣющую храмину тѣла, будучи увѣрены, что она не будетъ неисходною могилой духа. Сладкая вѣра сія еще болѣе утверждается воскресеніемъ самой плоти Іисусовой. Если плоть воскресла для вѣчной жизни, то можетъ ли духъ истлѣвать? Если плоть Іисусова воскресла, *како глаголютъ нѣцыи яко воскресенія мертвыхъ нѣсть* (1 Кор. XV, 12.)? Воскресеніе Іисуса Христа показываетъ, что не духъ только безсмертенъ, а и тѣло; что наступитъ день, когда и *тлѣнное облечется въ нетлѣніе* (1 Кор. XV, 52).

Духъ Христа Іисуса не духъ только человѣка,—Онъ Богочеловѣкъ. Такъ Онъ нисходитъ въ бездны адовы, но облеченный божественною мощію, дабы и тамъ повѣдали славу Его, дабы и тамъ быть тѣмъ же для бѣдныхъ людей, чѣмъ былъ и на земли. *Во адъ же съ душею яко Богъ.* Дотолѣ ни одинъ изъ подзаконныхъ праведниковъ, ни одинъ изъ патріарховъ не обѣщалъ себѣ не посредственнаго послѣ смерти входа въ блаженство; они всѣ шли туда—въ ровъ мрачный, *не имущій воды,* какъ *узники;* и тамъ ждали, пока придетъ Крѣпкій, побѣдоносный Царь дщери сіоновой (Зах. IX, 11). Тамъ они вопрошали, *глаголюще: доколѣ тако надѣющеся будемъ, и когда пріидетъ плодъ жатвы мзды нашея?* (3 Езд. IV, 35.) Патріархъ Іаковъ, отъ безутѣшной скорби желая разстаться съ жизнію, не иную опредѣлялъ себѣ и оплакиваемому Іосифу долю, какъ вселеніе въ темницѣ подземной: *не хотяше утѣшитися глаголя, яко сниду къ сыну моему сѣтуя во адъ* (Быт. XXXVII, 35). Имѣвшій державу смерти увлекалъ въ свою область всѣхъ, зараженныхъ ядомъ грѣха Адамова. Одинъ только Крѣплшій могъ связать сего крѣпкаго, и расхитить плѣнъ его; одинъ Сынъ Божій могъ разрушить оковы грѣха и заклепы адовы, утвержденные правосудіемъ небеснымъ и Сынъ Божій является во адѣ, *яко Богъ.* Это не вымыслъ своеволія, не ученіе произвола неразумнаго: такъ судятъ, такъ учатъ апостолы! Учитель языковъ, проповѣдуя о вознесеніи Іисуса на небо, говоритъ: *а еже, взыде, что есть, точію, яко и сниде прежде въ долѣнѣйшыя страны земли,* въ преисподнія мѣста (Еф. IV, 9). Для чего-же? *Да исполнитъ Собою всяческая* (стр. 10). И апостолъ Петръ учитъ, что Христосъ, какъ бывъ во плоти, проповѣдывалъ облеченнымъ плотію, такъ умерщвленный по плоти и живый духомъ, *сущимъ въ темницѣ духовомъ сошедъ проповѣда, противльшимся иногда, егда ожидаше Божіе долготерпѣніе во дни Ноевы* (1 Петр. III, 19). Тотъ же апостолъ, въ подтвержденіе того, что Іисусъ будетъ судить не только живыхъ, но и мертвыхъ, говоритъ, что Іисусъ проповѣдывалъ и мертвымъ: *на се бо и мертвымъ благовѣстися;* потомъ указываетъ и на цѣль сей проповѣди: *да суды убо пріимутъ*

по человѣку плотію, поживутъ же по Богѣ духомъ (1 Петр. IV, 6), или, какъ изъясняетъ одинъ отецъ церкви, да тѣ, кои живутъ по человѣку плотію, пріимутъ осужденіе, какъ осуждены и на землѣ ожесточенные; поживутъ же жизнію блаженною—жившіе по Богу духомъ. Еще устами древняго пророка Богъ говоритъ объ избранныхъ Своихъ: *отъ руки адовы избавлю я, и отъ смерти искуплю я. Гдѣ пря твоя, смерте? гдѣ остенъ твой аде?* (Ос. XIII, 14). Онъ сокрушенъ побѣдителемъ смерти и ада, такъ какъ низложенъ и владѣтель смерти (Евр. II, 14).

Но не адъ только отверзаетъ врата Побѣдителю ада, а и рай. Дотолѣ—какъ было пройти туда, гдѣ ужасная неблагодарность предъ благодѣтелемъ дивнымъ вооружила противъ себя Творца и тварь? Рай—мѣсто покоя и блаженства, мѣсто созерцанія славы Божіей—заключенъ былъ для человѣка грѣшника. Но вотъ Господь Іисусъ *и въ раи съ разбойникомъ*. Какое торжество Сына человѣческаго! Не напрасно каявшійся разбойникъ именовалъ вмѣненнаго съ злодѣями Господомъ; не напрасно просилъ помянуть его въ царствіи; не тщетно было и обѣщано: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII. 43). Въ раю—исповѣдавшій Распятаго Господомъ, потому что Распятый разрушилъ преграду, отдѣлявшую землю отъ неба; въ раю—разбойникъ, потому что жертва праведнаго за неправедныхъ принята правосудіемъ. Подлинно, *Сей есть хотяй избавити израиля*, должна теперь сказать вѣра. Онъ избавляетъ самую заблуждшую овцу дому израилева. Подлинно, должно умолкнуть теперь дерзкое нечестіе, вопіявшее къ Распятому: *иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти* (Марк. XV, 31). Онъ спасаетъ, но не то, о чемъ думалъ міръ нечестивый и буйный, а о чемъ помышлялъ отверженный отъ міра,—спасаетъ душу. Подлинно, неизчерпаемы для тебя въ Іисусѣ сладкія надежды, безнадежный грѣшникъ! Вотъ, подобный тебѣ грѣшникъ, первый вступаетъ въ неотступный дотолѣ Эдемъ. Херувимъ, не дававшій праведникамъ входа въ заключенное мѣсто радости, впускаетъ туда разбойника, впускаетъ потому, что съ нимъ Іисусъ. Спѣши же, бѣдный грѣшникъ, къ Іисусу, дабы Онъ взялъ тебя съ Собой. Бросся съ слезами къ стопамъ Его;—Онъ не покинетъ тебя; скажи Ему съ сердцемъ сокрушеннымъ: Господи, *помяни мя во царствіи Твоемъ*, какъ помянулъ Ты разбойника (Лук. XXIII, 42),—и Онъ помянетъ тебя, помянетъ; повѣрь, не пропадетъ твое слово. Онъ сказалъ послѣдователямъ своимъ: *идѣже есмь Азъ, и вы будете. Азъ живу, и вы живи будете* (Іоан. XIV, 3; 19). И обѣщаніе Его твердо. Потому-то всѣ праведники любили называть себя грѣшниками, что Іисусъ перваго грѣшника первымъ взялъ въ рай. Потому-то опасна

участь считающихъ себя праведниками, что Іисусъ не беретъ съ Собой хотящихъ оправдаться по себѣ. Потому-то страшиться должны будущности не знающіе Іисуса, какъ узналъ Его разбойникъ; Іисусъ скажетъ: и Я не знаю васъ. Благословляй, христіанинъ, Христа Господа твоего; Онъ одинъ отверзаетъ входъ въ рай,—одинъ, *о Немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. IV, 12); а ты съ Нимъ—единственнымъ Спасителемъ.

Велико имя исповѣдуемаго нами Господа Іисуса. Тогда какъ человѣческое усердіе тщетно ищетъ Его во гробѣ, утвержденная вѣра зритъ Его *на престолѣ со Отцемъ и Духомъ*,—на престолѣ славы, подобающей единому Богу. Такъ воскресшій не переставалъ быть Богомъ и подъ одеждою бренной плоти, не переставалъ быть единымъ великимъ и славнымъ—и подъ покровомъ смиренія и уничиженія вольнаго. *Въ немъ обитало всякое исполненіе Божества тѣлесно* (Кол. II, 9). *Видѣхомъ славу Его*, говорятъ апостолы, очевидцы Слова воплощеннаго, *видѣхомъ славу Его, яко единороднаго отъ Отца,—Онъ полонъ благодати и истины* (Іоан. I, 14). Но бренная плоть, но образъ раба, но подобіе человѣческое какъ бы разлучили собою Сына отъ Отца, скрывали славу Божества, такъ что эта слава казалась болѣе славою великаго пророка, царя земнаго, сына человѣческаго, и такъ же, казалось, могла измѣниться, какъ измѣняется и исчезаетъ все земное. Въ небольшомъ числѣ собравшіеся вокругъ галилейскаго пророка друзья Его, едва пораженъ былъ Пастырь, расточаются, какъ овцы робкія и беззащитныя. По воскресеніи, Онъ *паки восходитъ туда, откуда пришелъ* (Іоан. VIII, 14), оставляетъ позорище уничиженія, чтобы воспріять полную славу Божества, получить имя, *еже паче всякаго имене* (Фил. II, 9). О, если бы мы, грѣшные, узрѣли, по обѣщанію Спасителя, небо отверзтымъ (Іоан. I, 51)! Въ какой бы славѣ, въ какомъ величіи увидѣли Господа нашего! Но довольно для насъ: тайнозрители видятъ и повѣдаютъ намъ Сына человѣческаго за *пріятіе смерти вѣнчаннаго славою и честію* (Евр. II, 9); видятъ, какъ Онъ, *сотворивъ Собою очищеніе грѣховъ нашихъ, сѣде одесную престола величествія на высокихъ* (Евр. I, 3); видятъ, какъ *двадесять четыре старца падаютъ предъ сидящимъ на престолѣ* Агнцемъ закланнымъ, *повергаютъ предъ престоломъ Его вѣнцы свои* (Апок. IV, 10); видятъ сонмы ангеловъ, закрывающихъ лица свои отъ неприступной славы прославленнаго Сына Божія. Благоговѣй, христіанинъ, воспоминая имя воскресшаго Господа твоего Іисуса; оно страшно *для всякаго колѣна небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. II, 10). Благоговѣй, и вмѣстѣ радуйся! Онъ получилъ *всякую власть на небѣ и на землѣ* (Матѳ. XXVIII, 18), но для того, что-

бы устроить и обезопасить наше спасеніе, для того, чтобы ниспослать возлюбленнымъ своимъ оружіе истины для низложенія помышленій, возносящихся на истину, духъ силы и любви для побѣды надъ безчувственнымъ и упорнымъ міромъ; Онъ оставилъ землю, но обѣщался, о, любезное и сладкое обѣщаніе! обѣщался быть съ нами земными до скончанія вѣка. Теки теперь, подвижникъ Христовъ! Теки бодро по пути твоему; ты имѣешь Вождя вѣрнаго. И падешь ли ты, немощный и слабый? Тамъ—предъ престоломъ Отца *ходатая имамы праведника Іисуса* (1 Іоан. II, 1); Онъ можетъ спасти приходящихъ чрезъ Него къ Богу, *живъ сый,—во еже ходатайствовати о насъ* (Евр. VII, 25). Изнеможешь ли, истощишься ли въ силахъ духовныхъ и тѣлесныхъ? *Да не смущается сердце твое, ни устрашаетъ! О имени Іисуса* воскресшаго *ты всего можешь просить, и все дастся тебѣ* (Іоан. XIV, 27. XVI, 23).

Христе Спасителю! Ты и на землѣ, и на небѣ, и въ странахъ дольнихъ; Ты все наполняешь Собою. Не оставляй же насъ бѣдныхъ грѣшниковъ, по обѣщанію Твоему, хотя мы и недостойны того. Буди съ нами до скончанія вѣка! Аминь.

1846 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ,

ГОВОРЕННОЕ ВЪ ХОРОШЕВСКОМЪ ДѢВИЧЬЕМЪ МОНАСТЫРѢ.

Возведохъ очи мои въ горы, отнюду же пріидетъ помощь моя (Псал. CXX, 1).

Что бы это значило, что Давидъ ожидаетъ себѣ помощи отъ горъ? Отъ чего такъ важны были для него горы? Правда, онъ прибавлялъ, что ему помощь *отъ Господа, сотворшаго небо и землю*. Тѣмъ не менѣе мысль о помощи Божіей онъ соединялъ съ мыслію о горахъ. Значитъ, важны были въ глазахъ его и горы.

Вотъ и мы, обитатели города и селъ, собрались на гору. Зачѣмъ собрались? ужели только для развлеченія? Лики дѣвъ и женъ избрали себѣ уединенную гору мѣстомъ для постояннаго пребыванія. Зачѣмъ они оставили города и села? Если никому изъ временныхъ посѣтителей горы не хочется сказать о себѣ, что явился онъ на эту гору безъ важной мысли о горѣ; то, конечно, не легкія мысли, не мелкія побужденія заставили поселиться на пустынной горѣ.

Зачѣмъ же нѣкоторые изъ людей, оставляя міръ, удаляются въ горы пустынныя, или пустыни?

Въ укоръ друзьямъ пустынныхъ горъ говорятъ: древніе пустынники выгнаны были въ пустыню страхомъ гоненій. Но если бы это было и такъ: кого слѣдуетъ укорять? Ужели не гонителей, а гонимыхъ? Противъ чего возстали гонители? Противъ св. вѣры противъ св. благочестія. Для чего убѣгали гонимые? Чтобы себѣ и другимъ сохранить благочестіе. И на войнѣ бываетъ бѣгство, которое выигрываетъ славу побѣды. Если гонятъ васъ въ одномъ городѣ бѣгите въ другой, сказалъ Спаситель апостоламъ (Матѳ. X, 23). Давидъ бѣгалъ отъ Саула, какъ для того, чтобы не подвергать безрасудно потерѣ жизнь свою, такъ и съ тѣмъ, чтобы Саулъ видѣлъ какъ далекъ былъ Давидъ отъ всякой непріязни къ Саулу. Если люди міра называютъ позднихъ друзей пустыни послѣдователями такихъ бѣглецовъ: то не въ выгодномъ положеніи ставятъ они самихъ себя, принимая сторону не гонимыхъ, а гонителей благочестія.— Между тѣмъ и въ отношеніи къ древнимъ друзьямъ пустынныхъ горъ дѣло еще не рѣшено тѣмъ, что указали на страхъ гоненій. Пусть этотъ страхъ заставилъ на время уклониться въ горы: но что заставило остаться на всю жизнь въ горахъ? Гоненія кончились ужасающихъ людей болѣе нѣтъ; а пустынники не возвращаются въ міръ, по прежнему скитаются по горамъ, терпятъ зной и холодъ, нищету и гладъ.

Итакъ повторяемъ вопросъ: зачѣмъ удаляются изъ міра въ горы?

При первомъ напоминаніи о горахъ, невольно возникаетъ мысль въ умѣ: не потому ли такъ любимы были горы, что они близки къ небу? Да, эта мысль, безъ сомнѣнія, принимала участіе въ святой любви къ горамъ. Куда мы должны стремиться мыслями и волею, если не къ небу? Чѣмъ должна быть вся жизнь наша, какъ не стремленіемъ къ небу? А горы своимъ возвышеніемъ къ небу окриляютъ духъ стремленіями къ небу. Самъ Спаситель для молитвеннаго бесѣдованія съ Отцемъ восходилъ на гору: *взыде на гору помолитися* (Лук. IX, 28).

Правда, на всякомъ мѣстѣ можно приближаться къ Вездѣсущему; на всякомъ мѣстѣ можно покланяться Отцу духовъ въ духѣ и истинѣ. Каждое мѣсто вселенной говоритъ о Творцѣ міровъ и вызываетъ душу славить Его. *На всякомъ мѣстѣ владычества Его благослови душе моя Господа* (Псал. CII, 22).

Но что дѣлать, если душа не вездѣ равно славитъ Господа? Что дѣлать, если мы не на всякомъ мѣстѣ приближаемся къ Богу, а на иныхъ даже отступаемъ отъ Него? Міръ—прекрасенъ, какъ созданіе Божіе, но прекрасенъ ли онъ какъ общество людей? Пусть

люди по легкомыслію, по увлеченію страстей, восхищаются и этимъ міромъ: но судъ Божій говоритъ о мірѣ: *міръ во злѣ лежитъ*. Осмотритесь, каково душѣ боголюбивой въ мірѣ! Съ одной стороны зовутъ ее славить Господа, съ другой оглашаютъ ликованіями, въ которыхъ нѣтъ смысла. Кромѣ чарующихъ голосовъ раздаются докучливые голоса нужды и заботъ, домашнихъ скорбей и семейныхъ раздоровъ; и ни днемъ, ни ночью нѣтъ отъ нихъ покоя душѣ. Бороться съ міромъ за святыя мысли и намѣренія? Не нахожу силъ. Предаться на волю волнъ міра—то же, что обречь себя на гибель. Что остается дѣлать бѣдной душѣ? Остается одно—прервать всѣ связи съ міромъ и бѣжать въ горы. Бѣгали же израильтяне изъ Египта, и если бы не обрекли себя на странствованіе по пустыни, погибли бы въ растлѣнномъ Египтѣ.

Міръ не дѣйствовалъ бы на душу такъ пагубно, какъ дѣйствуетъ онъ, если бы въ душѣ не было испорченныхъ наклонностей худыхъ желаній, нечистыхъ мыслей. Это—правда святая. Но она же говоритъ, что удаленіе отъ міра спасаетъ душу отъ раздражительныхъ впечатлѣній міра, и тѣмъ облегчаетъ подвигъ спасенія душевнаго. Умно ли, богоугодно ли оставаться съ слабымъ здоровьемъ тамъ, гдѣ воздухъ не благопріятно дѣйствуетъ на здоровье?

Удалиться въ горы, не значитъ предаться праздной, бездѣйственной жизни. О, нѣтъ!—сюда удаляются возстановлять разстроенное здоровье души. И какъ трудно врачевать больную душу! Не легко возстановить здоровье въ растроенномъ тѣлесномъ организмѣ: но состоянія души далеко менѣе уловимы, чѣмъ состоянія тѣла. Пустынная гора представляетъ удобство для выполненія сего подвига тѣмъ, что поставляетъ душу вдали отъ раздражающихъ впечатлѣній міра: но необходимъ трудъ, чтобы исправить больной организмъ души.

Возлюбленныя сестры! не смутитесь, если назову вашу добрую гору больницею. Больны всѣ мы. Но счастливъ тотъ изъ насъ, кто глубже другихъ чувствуетъ себя больнымъ и еще счастливѣе тотъ, кто пользуется въ лучшей больницѣ. Чистый, свѣжій воздухъ—лучшее лекарство и для больныхъ тѣломъ. Благодарите Господа за счастіе свое: для больной души пребываніе на горѣ—счастіе.

Возлюбленныя сестры! вы счастливы, но умѣйте пользоваться вашимъ счастіемъ.—Берегитесь сходить съ горы. Не умно мѣнять чистый воздухъ святой обители на удушливый воздухъ мірской. Не умно растравлять раны души больной, а онѣ легко растравляются, когда неосторожно прикасаются къ опасному міру.—Берегитесь подъ предлогомъ невинной любви къ роднымъ и знакомымъ оживлять связь съ оставленнымъ міромъ. Долго ли до того, что эта связь увлечетъ туда слабую душу невозвратно? Пусть мысли и сердца

ваши неуклонно смотрятъ на небо. Оттуда спасеніе для немощныхъ душъ нашихъ.

Разумно разумѣвайте себя и свое пребываніе на горѣ. Кто живетъ на горѣ не какъ бѣглецъ, бросившій все, чтобы только избавиться отъ опасностей міра, но переноситъ на гору такъ называемыя удобства жизни мірской: что онъ дѣлаетъ? Обманываетъ Бога? Не обманетъ. Обманываетъ себя? На погибель себѣ. Нѣтъ, между вами не должно быть Рахили, унесшей изъ дома Лаванова идоловъ; не должно быть такихъ, которыя приносили бы сюда тайно идоловъ плотоугодія и самочинія. Если на пустынной горѣ ропщутъ на ея скудость, на ея труды, на ея скуку пустынную: то не то же ли дѣлаютъ, что израильтяне, воздыхавшіе въ пустынѣ о мясахъ и котлахъ египетскихъ? О! пусть поддерживаютъ въ себѣ терпѣніе памятію объ участи, постигшей воздыхавшихъ о мясахъ. Они погибли *въ гробахъ похотѣнія*.

Больнымъ не къ лицу нарядная одежда. Потому и ваша одежда—одежда печали. Есть для васъ одна нарядная одежда,—это *виссонъ оправданія святыхъ*, готовый для возлюбившихъ *дьвство* (Апок. XIX, 8). Помните о немъ, и предъ его красотою исчезать будутъ въ вашихъ глазахъ всѣ земныя прелести.

Богъ любви и милости да покрываетъ своею благодатію возлюбившихъ Его. Аминь.

1849 г.

СЛОВО НА ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ ВО ВСЕНОЩНОЕ СЛУЖЕНІЕ.

Христіанская церковь начала праздновать празднуемое нами вознесеніе Господа еще со временъ апостольскихъ и по установленію апостоловъ. Въ постановленіяхъ апостольскихъ заповѣдывается давать въ день вознесенія Господня свободу рабамъ, на томъ основаніи, что это есть день совершенія смотрѣнія о Христѣ [1]). Блаж. Августинъ, учитель четвертаго вѣка, пишетъ: „что сохраняемъ мы и христіане всѣхъ странъ, то, безъ сомнѣнія, дошло до насъ отъ самихъ апостоловъ, если не отъ всеобщаго согласія церкви, какъ наприм. обыкновеніе прославлять ежегоднымъ торжествомъ страданіе Господне, воскресеніе, вознесеніе Его на небо“ [2]).

[1]) Constit. lib. VIII c. 3. Тоже въ правилахъ ап. Петра и Павла, по кормчей

[2]) Августина epist. 118 ad Jannuar.

По этимъ словамъ видно, что праздникъ вознесенія Господня въ 4-мъ вѣкѣ былъ уже праздникомъ повсемѣстнымъ, и что древность его одинакова съ праздникомъ воскресенія Христова, и съ воспоминаніемъ страданій Христовыхъ.—Изъ четвертаго вѣка дошли до насъ слова и бесѣды отцевъ церкви, говоренныя въ праздникъ вознесенія Господня.

Почтимъ же и мы великій праздникъ благоговѣйнымъ размышленіемъ о вознесеніи Господа Іисуса.

Вознесшійся на небо Христосъ Іисусъ *сѣде одесную Бога*. Что это значитъ? Сидѣть одесную царя на языкѣ писанія означаетъ раздѣлять съ царемъ его власть и почести. И такъ сидѣніе одесную Бога Отца по отношенію къ Сыну Божію означаетъ участіе Сына Божія въ правахъ и совершенствахъ Бога Отца. Христосъ Іисусъ, какъ Сынъ Божій, отъ вѣчности равенъ Отцу. Но вознесся на небо не Сынъ Божій, а сынъ человѣческій; сынъ человѣческій, воспріятый въ личное единство Сыномъ Божіимъ, пріялъ по вознесеніи на небо славу Бога истиннаго. Отецъ славы *воскреси Его*, Христа Іисуса, *отъ мертвыхъ и посади Его одесную Себе на небесныхъ, превыше всякаго начальства и власти и силы, и господства и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ* (Еф. I, 20, 21). *Даде Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Іисусовѣ поклонится всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 9. 10). Такъ одесную Отца Христосъ Іисусъ есть владыка неба и земли. Сыны человѣческіе! почтите Сына—иначе Онъ сокрушитъ васъ, какъ горшечникъ разбиваетъ негодные сосуды глиняные.

Уне естъ вамъ, да Азъ иду ко Отцу, говорилъ Спаситель ученикамъ своимъ. И подлинно, вознесеніе Христа Господа на небо отверзло для человѣчества небеса, дотолѣ заключенныя для Него. Самые праведники ветхаго завѣта не могли взойти въ обѣтованное царство вѣчнаго блаженства, пока Христосъ Іисусъ,—новый Адамъ,—не взошелъ на небо. Св. апостолъ учитъ насъ: *не въ рукотворенная святая вниде Христосъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ* (Евр. IX, 25). Христосъ Іисусъ явился лицу Божію, какъ ходатай человѣчества, исполнившій дѣло свое; Онъ явился по человѣчеству, чтобы явить небесамъ дотолѣ униженное человѣчество въ первобытной славѣ его. О! какъ не радоваться людямъ такой славѣ бѣднаго человѣчества! Самые ангелы, безъ сомнѣнія, съ торжествомъ и радостію взирали на прославляемое человѣчество въ лицѣ Христа Іисуса, такъ какъ дотолѣ скорбѣли о паденіи человѣчества въ лицѣ Адама. Спаситель говоритъ ученикамъ своимъ: *Азъ иду уготовати вамъ мѣсто* (Іоан. XVII, 24). Мѣста вѣчнаго блажен-

ства, для избранныхъ Божіихъ, приготовлены отъ вѣчности. *Пріидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра*, такъ говоритъ судія міра праведникамъ. Тѣмъ не менѣе входъ въ царство Божіе открытъ только Христомъ Іисусомъ. Онъ одинъ, какъ единственный другъ человѣчества, какъ ходатай между землею и небомъ, совершилъ то, что небо отверзлось для людей; Онъ явился лицу Бога Отца съ заслугами за виновное человѣчество, и мѣста на небѣ открылись для готовыхъ къ небу.

Аще не иду, утѣшитель—не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ (Іоан. XVI, 7), говорилъ Спаситель. Прежде, чѣмъ явленіемъ своимъ одесную Отца Искупитель человѣчества не показалъ что, дѣло, возложенное на Него, окончено Имъ, небо примирено Имъ съ землею вполнѣ, человѣчеству нельзя было ожидать съ неба живительныхъ водъ благодати, необходимыхъ для исцѣленія разстроеннаго состава человѣческаго. Но вотъ Искупитель—на небѣ, Онъ одесную Отца небеснаго, и—вслѣдъ за явленіемъ Его на небѣ, бѣднымъ человѣкамъ посылаются дары благодати съ щедростію изумительною, въ обиліи, какого не могъ вообразить себѣ ни одинъ ангелъ, тѣмъ менѣе человѣкъ. *Возшедъ на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, и даде даяніе человѣкомъ* (Еф. IV, 8).

Христосъ Іисусъ вознесся на небо не съ тѣмъ, чтобы забыть о бѣдныхъ странникахъ земли. Нѣтъ, Онъ остается тѣмъ же для нихъ на небѣ, чѣмъ былъ на землѣ. Нѣжно любилъ Онъ людей, пока былъ на землѣ! Какой слезы не отиралъ Онъ, какой скорби не смягчалъ Онъ участіемъ своимъ, въ какой бѣдѣ не помогалъ Онъ чудною помощію своею! Престалъ ли Онъ любить людей на небѣ? Нѣтъ, Онъ еще болѣе любитъ ихъ на небѣ, чѣмъ любилъ на землѣ, такъ какъ и человѣчество Его теперь вполнѣ прославлено совершенствами Сына Божія. Онъ сказалъ Маріи Магдалинѣ, по воскресеніи Своемъ: *иди къ братіи Моей и возвѣсти: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. XX, 17). Видите, возлюбленные, Онъ возносящійся на небо, называетъ людей братьями своими; Онъ называетъ своего Отца ихъ Отцемъ, своего Бога ихъ Богомъ.

Св. писаніе для того, чтобы яснѣе видна была намъ дѣятельная любовь къ людямъ вознесшагося на небо Сына Божія, изображаетъ ее намъ въ различныхъ образахъ.

Оно называетъ Христа Іисуса нашимъ первосвященникомъ. *Христосъ пришедъ архіерей грядущихъ благъ, не кровію козлію, ниже телчію, но своею кровію вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый* (Евр. IX, 11). Ветхозавѣтный первосвященникъ приносилъ за грѣхи народа кровь козла и тельца: но это жертво-

приношеніе доставляло людямъ только внѣшнюю чистоту, только гражданскую праведность, сообщало тѣмъ, за которыхъ приносилась жертва, право вновь участвовать въ общественномъ богослуженіи, но не давало мира совѣсти, не облекало праведностію предъ судомъ Божіимъ. Недостаточность ходатайственнаго служенія первосвященника открывалась уже и въ томъ, что онъ каждый годъ долженъ былъ возобновлять свое дѣло. Христосъ Іисусъ разъ навсегда рѣшилъ свое дѣло—и Его жертва очищаетъ самую совѣсть человѣческую, какъ жертва духовная, какъ жертва цѣны неоцѣнимой.

Далѣе, Христосъ Іисусъ на небѣ есть нашъ ходатай предъ Богомъ. *Чадіа моя*, говоритъ апостолъ любви, *сія пишу вамъ, да не согрѣшаете. Аще же согрѣшитъ кто, Ходатая имамы предъ Отцемъ Іисуса Христа праведника* (1 Іов. II, 1). Какъ ходатай, Господь нашъ на небѣ всегда готовъ помогать намъ въ нашихъ нуждахъ: Онъ отверзаетъ нашимъ молитвамъ входъ въ небо, куда не могли бы онѣ достигнуть, по ихъ недостоинству, посылаетъ утѣшеніе въ скорби и силу въ немощи, тогда какъ мы не могли бы получить ни того, ни другаго, по грѣхамъ своимъ. Потому-то апостолъ съ такою торжествующею увѣренностію говоритъ: *кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдаяй. Кто осуждаяй? Христосъ Іисусъ умерый, паче же и воскресый, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ* (Рим. VIII, 33. 34).

Христосъ на небѣ, по писанію, есть глава церкви и церковь Его тѣло. *И вся покори (Богъ) подъ ногъ Его (Христа Іисуса), и того даде главу выше всѣхъ церкве, яже есть тѣло Его* (Еф. I, 22). Глава въ человѣкѣ управляетъ всѣмъ тѣломъ его, такъ что все, совершающееся въ тѣлѣ, совершается подъ вѣдѣніемъ и вліяніемъ главы. Христосъ на небѣ есть глава церкви и каждый членъ таинственнаго тѣла сего получаетъ незримую помощь отъ видимой главы своей.

Кто послѣ сего можетъ сомнѣваться, что вознесшійся на небо Господь Іисусъ не престаетъ взирать на насъ, какъ на братьевъ и сестеръ своихъ? Сколько послѣ того надеждъ намъ на Него, столько любящаго насъ? Согрѣшитъ ли кто изъ насъ? Пусть обратится къ Сладчайшему съ твердымъ упованіемъ и молитвою. Какъ бы ни великъ былъ грѣхъ нашъ: Его ходатайство покрываетъ предъ Отцемъ грѣхи цѣлаго человѣчества; много ли же значитъ для Него покрыть твой или мой грѣхъ? Впадетъ ли кто изъ насъ въ какое либо искушеніе? Подвергнется ли какой бѣдѣ или болѣзни, душевной или тѣлесной? *Не имамы Архіерея, не могуща спострадати немощамъ нашимъ, но искушена по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха. Да приступаемъ убо съ дерзновеніемъ къ престолу*

благодати, да пріимемъ милость, и благодать обрящемъ во благовременну помощь (Евр. IV, 16, 17). Спѣшите къ Іисусу во всякой скорби вашей. Онъ облегчитъ всякую скорбь. Призывайте имя Его во всякой нуждѣ: Онъ отецъ сирыхъ, врачъ больныхъ, другъ оставленныхъ всѣми, у Него всегда и на все готова помощь, противъ которой ни что не устоитъ.

Мужіе галилейстіи, что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имъ же образомъ видѣсте Его идуща на небо. Такъ говорили ангелы апостоламъ (Дѣян. I, 11). По сему наставленію не многое еще значитъ, если мы только-что смотримъ на дивное вознесеніе Господа. Надобно мысль о вознесеніи Его соединять съ мыслію о второмъ пришествіи Его для суда, какъ соединены и ангеломъ сіи два великія событія. А потому надобно такъ вести жизнь, чтобы не быть исключеннымъ намъ изъ того царства, которое откроется со вторымъ пришествіемъ Сына Божія на землю. Господь, вознесшійся на небо съ тѣмъ, чтобы уготовать мѣста вѣчнаго блаженства для вѣрующихъ въ Него, предложилъ намъ условія, подъ которыми мы можемъ быть приняты въ царство Его. Разсѣянные грѣшники! одумайтесь, что ожидаетъ васъ, если вы не выполняете воли Господа вашего? Тотъ, кто вознесся на небо, силенъ для того, чтобы выполнить свою волю надъ непокорными Его волѣ, въ день суда своего. Апостолы возрадовались, услышавъ вѣсть ангеловъ о второмъ пришествіи Христовомъ, потому что они одного желали, одного искали, чтобы быть вмѣстѣ съ Господомъ своимъ. А мы готовы ли встрѣтить Его. Наши сердца Его ли желаютъ, Его ли ищутъ на землѣ?

Господи милостивый! да не будетъ безплоднымъ въ сердцахъ нашихъ слово о славѣ твоей. Аминь.

1851 г.

СЛОВО НА ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ,

ВЪ ХОРОШЕВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Зряшимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ (Дѣян. I, 9).

Сынъ Божій возвращается къ Отцу, отъ коего посланъ былъ на землю. Смирившій себя до подвиговъ крестныхъ, восходитъ въ горняя, для пріятія славы вѣчной. Событіе необыкновенное, но несомнѣнное! Шествіе Христа Іисуса на небо видѣли своими очами одинадцать друзей правды.

Итакъ, вѣчное солнце сокрыло благотворные лучи свои отъ бѣдной земли. Болѣе пяти тысячъ лѣтъ ожидаемый Спаситель міра оставилъ людей! Но полно, оставилъ ли онъ насъ? О, нѣтъ! Будучи вездѣсущъ, Онъ всегда и вездѣ пребываетъ съ нами. Въ храмѣ ли мы? Онъ съ нами. Въ пути ли или въ домѣ? Онъ съ нами. *Съ вами есмь до скончанія вѣка,* сказалъ возлюбленный Господь нашъ.

Для чего же совершилось видимое вознесеніе Спасителя съ земли на небо? Безъ сомнѣнія, для того, чтобы показать вѣрующимъ въ Него, что истинная отчизна ихъ не на землѣ, а на небѣ. *Аще убо воскреснусте со Христомъ*, говоритъ апостолъ: *вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя,—горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III, 1. 2).

Говорятъ: помышлять и заботиться объ одномъ небесномъ и не помышлять, не заботиться о земномъ—требованіе едва ли не излишнее? Отъ чего не совмѣщать попеченій о небѣ съ попеченіями житейскими?

Братія и сестры! какъ бы ни хотѣлъ я по любви оставить въ покоѣ тѣхъ изъ васъ, которымъ такъ милы, такъ дороги попеченія житейскія: но апостолъ говоритъ: *горняя мудрствуйте, а не земная,*—апостолъ велитъ разстаться съ привязанностями земными, чтобы жить только для неба. Если хотите осуждать: осуждайте апостола, а не того, кто, по званію своему, повторяетъ вамъ слова апостола; если хотите отказываться, отказывайтесь отъ ученія апостольскаго—и оставайтесь, чѣмъ можете оставаться безъ ученія апостольскаго, т. е. язычниками, или іудеями.

О, Боже мой! съ чѣмъ хотятъ остаться люди, не желая разстаться съ житейскими попеченіями? Земля въ ихъ мысляхъ, земля въ ихъ чувствахъ, земля въ ихъ желаніяхъ;—а эта земля—добыча страшнаго огня! Будетъ же время, несомнѣнно будетъ, когда земля испепелится и внѣ небеснаго царствія Христова ничего не останется кромѣ ада. Что-жъ будетъ съ этими земными людьми? О, какъ страшна, невыразимо страшна, вѣчная участь ихъ! И они не хотятъ ее видѣть. *Сынове человѣчестіи, докол҃ѣ тяжкосердіи? Вскую любите суету?* Одумайтесь,—какой злой духъ увѣрилъ васъ, что, питаясь суетою, вы неживые мертвецы по духу? Какой злой духъ увѣрилъ васъ, что трудъ суеты вашей не трудъ на вѣтеръ и вся жизнь суеты земной—жизнь погибели? (Еккл. 2, 25)

Кто изъ святыхъ любилъ землю? Кто изъ богопросвѣщенныхъ говорилъ, что безъ всякой опасности для души можно *пространно питаться*, (1 Тим. V, 16), ѣсть и пить, что душѣ угодно, по выбору сластолюбиваго вкуса, работать на хребтахъ сестеръ и братій, а самимъ нѣжиться и толстѣть? Не всѣ ли святые только и дѣла-

ли на землѣ, что воздыхали о небѣ? Зачѣмъ бѣжали добрые люди въ пустыни? Зачѣмъ бросали дѣтей и друзей, богатства и почести, имущества и власть? Не за тѣмъ ли, чтобы прервать всѣ возможныя связи съ землею? Они считали тяжестію для души, рабствомъ души и то, что должны были, для поддержанія жизни, вкушать хлѣбъ съ водою. Что же дѣлаютъ, кому слѣдуютъ эти люди, которые пустыню превращаютъ въ жилища мірскихъ страстей и упорно отказываются, съ бранью и злобою въ душѣ отказываются отъ жизни, свободной отъ рабскаго служенія чреву—и суетѣ? *Сынове человѣчестіи, доколѣ тяжкосердіи? Вскую любите суету?*

Богъ есть свѣтъ,—и тотъ, кто постоянно помышляетъ о Богѣ и божественномъ, во свѣтѣ ходитъ. Богъ чрезъ мысли о Немъ также дѣйствуетъ на человѣка, какъ дѣйствуетъ на насъ чрезъ глаза свѣтъ солнца. Мы только тогда пользуемся свѣтомъ солнечнымъ, когда открываемъ очи наши: точно такъ и свѣтъ божественный тогда только сіяетъ въ душѣ нашей, когда мы помышляемъ о Богѣ. При уклоненіи мыслей нашихъ отъ Бога ужасная, хотя и не легко примѣчаемая, тьма покрываетъ душу нашу. При уклоненіи мыслей нашихъ отъ Бога къ житейскимъ попеченіямъ, умъ покрывается мглою помысловъ чувственныхъ, суетныхъ, нечистыхъ;—тогда, какъ надлежало бы ему парить въ чистомъ воздухѣ неба и зрѣть на солнце истины духовной, онъ, какъ кротъ, роется въ землѣ, въ гнили, въ прахѣ дѣлъ мірскихъ, плотскихъ, чуждыхъ для духа. Въ такомъ состояніи, бывая и въ храмѣ, не понимаютъ что совершается въ храмѣ, слушая евангеліе, частію не слышатъ, частію не разумѣютъ евангелія,—не умѣютъ находить въ словѣ Божіемъ свѣтъ божественный, въ таинствахъ—силу, въ молитвѣ—созерцаніе неба. Умъ занятъ толпою предметовъ то самыхъ пустыхъ, то явно нечистыхъ и въ немъ нѣтъ мѣста чему либо духовному и святому; онъ обученъ, онъ привыкъ мыслить только о тлѣніи и нечистотѣ и неспособенъ сталъ къ размышленіямъ духовнымъ. Спросите его о дѣлахъ житейскихъ, т. е. о ненужныхъ или и вредныхъ душѣ: онъ бойко будетъ судить и рядить о нихъ, но о духовныхъ вещахъ не спрашивайте,—онъ не знаетъ въ нихъ и азбуки.

Не все ли, что есть въ мірѣ, суета изъ суетъ? А суета можетъ ли наполнить сердце, сотворенное истиною для истины? *Все, еже въ мірѣ*, есть *похоть*, предметъ приманка похоти въ разныхъ видахъ. Поелику же *міръ преходитъ и похоть его* (1 Іоан. II, 16. 17): то сколько ни разнообразятъ люди блага міра, какъ ни изобрѣтаютъ новые виды наслажденій земныхъ,—земное не наполняетъ сердца, сотвореннаго для неба; временное не насыщаетъ души, назначенной для вѣчной жизни. Душа христіанская, душа пріобѣщав-

шаяся даровъ небесныхъ въ тайнахъ Христовыхъ! Тебѣ ли не чувствовать, какая въ мірѣ пустота безъ Господа Іисуса, какая пустота безъ Него въ твоемъ сердцѣ? О, зачѣмъ же ты оставляешь блага духовныя, столько вѣрныя, столько высокія и ищешь утѣхъ, оставляющихъ въ тебѣ только тоску и смятеніе? Ужели для того, чтобы измучить и изсушить сердце твое, довесть до того, чтобы оно стало совсѣмъ неспособнымъ къ ощущенію небесныхъ радостей? Ужели для того, чтобы оно, наконецъ, совсѣмъ потерялось для неба? А это будетъ съ нимъ, если не будешь искать небеснаго. *Идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше,* сказалъ Спаситель (Мат. VI, 31). Если *сокровище* твое, то, чѣмъ дорожишь ты, чѣмъ услаждаешься нынѣ, какъ и вчера, что считаешь благомъ постояннымъ, находится на землѣ: то быть не можетъ, чтобы сердце твое было на небѣ, у Бога. Больно сказать, оно у тебя тоже, или почти тоже что сердце всякаго животнаго, безъ движеній духовныхъ, безъ утѣшеній благодати, безъ радостей Духа Утѣшителя: а въ такомъ положеніи горе, горе тебѣ!

Никто же можетъ двѣма господинома работати, говоритъ, Господь (Матѳ. 6, 24). И такъ, если ты слуга житейскихъ попеченій: не обманывай себя, не можешь ты быть въ то же время рабомъ Божіимъ. *Не можете Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. VI, 24); не можете служить въ одно и то же время Богу и идолу богатства, какъ и каждому другому идолу души вашей. Одно изъ двухъ—или мамону полюбите и будете холодны къ Богу, или наоборотъ. *Никто же воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ уподенъ будетъ* (Тим. II, 4). И такъ, если нынѣ, какъ вчера, душевное твое расположеніе крѣпко привязано къ житейскому,—нынѣ, какъ и вчера только и заботъ у тебя, что о пищѣ и одеждѣ, о горшкахъ и кельѣ: то съ чего ты льстишь себя надеждою, что душа твоя угодна владыкѣ Христу? Богъ требуетъ отъ насъ всей нашей воли, всей нашей любви, всей дѣятельности души и тѣла. И Онъ требуетъ того по праву: Онъ нашъ творецъ, промыслитель и Спаситель; Онъ создалъ насъ для себя, для славы имени Своего и внѣ Его нѣтъ и не можетъ быть цѣли для нашего бытія. Что же дѣлаютъ, если не святотатствуютъ, опредѣляя душу, посвященную Богу, на служеніе землѣ и страстямъ земнымъ? Съ чего надѣются на спасеніе души, когда душа въ работѣ у страстей? Житейскія попеченія обезсиливаютъ волю нашу въ ея стремленіяхъ къ Богу. Онѣ влекутъ душу отъ предмета къ предмету, отъ занятія къ занятію, отъ заботы къ заботѣ, въ кругѣ земныхъ вещей; желанія и страсти, бушуя какъ волны, бросаютъ волю туда и сюда и она, истощенная борьбою, ни мало не подвигается впе-

редъ, въ своемъ восхожденіи къ Богу. Оттого-то происходитъ, что тѣ самые люди, которые въ началѣ обращенія своего къ Богу совершали тяжелые подвиги самоотверженія, потомъ,—въ продолженіи многихъ лѣтъ все только начинаютъ дѣло спасенія своего; ищутъ Бога и не находятъ, трудятся въ обители спасенія и не спасаются. Связавъ душу пристрастіемъ къ земному и житейскому, не разстаются съ дѣлами погибели; желая неба, волнуются заботами о землѣ; ищутъ Бога, но не хотятъ потерять и тварей. И чѣмъ все это кончится? Чѣмъ другимъ, какъ не погибелью вѣчною? Не живя для неба на землѣ, нельзя попасть въ небо, за предѣломъ гроба.

Братія и сестры! пока есть время, будемъ искать *вышнихъ, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя.* Оставимъ опасную для насъ борьбу съ волею Божіею, которая велитъ намъ *горняя* мудрствовать, а не *земная.* Аминь.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Христосъ на небѣ! Христосъ во славѣ! Какая радость, какое торжество для ангеловъ! Если радовались они нисхожденію Христа на землю; то что было, когда видѣли возвращеніе Его въ славу? Что было, когда зрѣли осужденное человѣческое естество прославленнымъ въ лицѣ Христа Іисуса? Что было, когда видѣли смирившаго Себя до смерти, и смерти крестной, пріявшимъ имя выше всякаго имени, такъ что должно поклоняться предъ Нимъ всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ?

Христосъ на небѣ. Христосъ во славѣ. Что же мы? Или намъ можно оставаться на землѣ и безъ Христа! О, сохрани Богъ быть гдѣ либо безъ Христа! Если когда, то теперь особенно надобно побуждать себя—помышлять о небѣ, гдѣ Христосъ.

Христосъ на небѣ. Тамъ на небѣ и наша родина, тамъ и наша жизнь со Христомъ. Что земля для насъ? Мѣсто изгнанія. Что жизнь земная? Путь бѣднаго странника. Къ чему-жъ останавливаться тамъ, гдѣ нельзя жить домомъ? Странникъ равнодушно проходитъ мимо всего, что не нужно для его назначенія, или что можетъ только отвлечь его отъ цѣли. Онъ пользуется на дорогѣ только тѣмъ, что можетъ подкрѣпить силы его для пути. Взоры его, мысли его, желанія души стремятся къ родинѣ. Ничего нѣтъ

прекраснѣе нашей родины на небѣ. Глазъ не видѣлъ, ухо не слышало, мысль не встрѣчала ничего подобнаго тому, что приготовилъ Господь любящимъ Его. Къ чему-жъ столько заботъ, столько скорбей у насъ о земномъ? *Сынове человѣчестіи! доколѣ тяжкосердіи? Вскую любите суету?* Одинъ всю жизнь проводитъ, чтобы собирать кучки блестящей пыли. Другой чего не предпринимаетъ, чтобы приподняться на двѣ или на три ступеньки повыше другихъ, выиграть мнѣніе о себѣ у сильныхъ земли, но которые сами земля? Къ чему все это? На родину возвратятся, какъ на чужбину, какъ дѣти блудныя. Не *суета* ли и суета вредная—все, что не приноситъ намъ пользы для вѣчности, а только крушитъ духъ нашъ заботами, къ его вѣчному растройству? *Вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сидя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Вашъ животъ со Іисусомъ сокровенъ въ Богѣ* (Кол. III, 1. 2. 3). Что мы безъ Христа Господа? Онъ—наша глава, наша жизнь, наше спасеніе и блаженство. Если не туда спѣшимъ мы, гдѣ Христосъ, если не не о небѣ заботы наши, если не къ Царю и Господу своему стремимся мы приближаться: что съ нами будетъ, когда видимыя небо и земля сгорятъ, а внѣ Христова царствія ничего не останется, кромѣ ада? О, надобно *горняя мудрствовать, а не земная!*

Нельзя ли быть тому, чтобы и помимо заботъ о небѣ взошли на небо по смерти? Въ такомъ случаѣ, не для чего заботиться на землѣ о небѣ, тѣмъ болѣе, что довольно и земныхъ заботъ.

Взойти на небо безъ приготовленія себя къ небу? Нельзя! Невольное преселеніе на небо, по дѣйствію смерти, не предваренное очищеніемъ духа при жизни, не только не можетъ быть благотворнымъ для души, но обратится въ пагубу. Сѣмена зла, посѣянныя волею въ душѣ, не могутъ быть исторгнуты изъ нея ни какимъ насиліемъ, а оставленныя въ душѣ, вознесенной на небо, они раскроются и обратятся въ источники мукъ. Какъ грѣшной душѣ жить тамъ, гдѣ все ей не сродно, все противно ея расположеніямъ? Это значило бы то же, что заставлять рыбу жить въ воздухѣ, оленя въ водѣ, камень летать по вѣтру. Стихія, въ коей блаженствуютъ чистые духи и души праведныхъ, нестерпима для грѣшника; она слишкомъ тонка, слишкомъ свѣтла для него, въ ней, какъ чуждой, не можетъ онъ жить; стихія, съ которой онъ сроднился, въ которой онъ жилъ и жить можетъ, совсѣмъ другаго рода. Грѣшники, по неложному слову Божію, чада діавола. Они родились и воспитались, они жили и жить могутъ только тою стихіею, которая порождена княземъ тьмы, иначе—стихіею ада. Нѣтъ, слушатели мои, надобно очиститься, надобно просвѣтиться въ духѣ, чтобы жить тамъ, гдѣ Христосъ, одесную Бога сѣдяй. Цѣлую жизнь надобно посвятить

на то, чтобы возноситься расположеніями къ небу, а не прилѣпляться къ землѣ, чтобы *горняя мудрствовать, а не земная*.

Но легко ли это? Легко ли съ земли возноситься на небо?

Что-жъ? Развѣ лучше упасть въ бездну, чѣмъ взойти на высоту, хотя бы и съ трудомъ? Для пріобрѣтенія тлѣнныхъ сокровищъ, временныхъ выгодъ, развѣ не употребляютъ трудовъ? А пріобрѣсть нетлѣнныя сокровища, вѣчныя блага—будто уже и не стоитъ труда! Сынъ Божій для насъ нисходилъ на землю, за насъ пригвожденъ былъ ко кресту, за насъ глава Его увѣнчана была терніемъ, за насъ ребро Его прободено рукою беззаконною,—и чтобы быть вѣчнымъ ходатаемъ нашимъ предъ Отцемъ, вознесся Онъ на небо: а мы—не благодарные къ любви Господа нашего, не хотимъ понесть труда и для своей вѣчной жизни.

Слишкомъ трудно земному вознестись на небо?

Но то ли собственно человѣкъ, что взято изъ земли и возвращается въ землю? Нѣтъ, это только одежда, которая снимается однимъ раньше, другимъ позже, однимъ изношенная, а другимъ вовсе новенькая. Что же такое человѣкъ? Безъ сомнѣнія то, что остается цѣлымъ и безъ тлѣнной оболочки; это—дыханіе жизни, произшедшее отъ Бога, это—духъ сотворенный по образу Самого нетлѣннаго и вѣчнаго Бога. Если же такъ: то не естественно ли духу стремиться къ своему началу? Не естественно ли приближаться ему къ нетлѣнному, какъ своему образу? Точно такъ же естественно, какъ естественно падать камню на землю, гдѣ онъ родился. Не естественно душѣ нашей находить миръ и радость на землѣ, потому что земное не сродно ей. Повѣрьте самихъ себя: чѣмъ отзываются въ душѣ забавы и удовольствія міра? Пустотою, скукою, скорбями. Итакъ, не сама ли душа говоритъ, что покой ея не на землѣ, а на небѣ? Что же препятствуетъ употреблять такое расположеніе души на то, чтобы, какъ можно чаще быть мыслями и желаніями у своего Господа и Спасителя? Бываютъ же и много мыслящіе, но которые мыслятъ о всемъ, что угодно, только не о вѣчности. Отъ чего это? Не отъ себя ли самихъ? Не отъ своей ли худо употребляемой свободы? Если духъ, непрестанно занимаясь только мыслями о земномъ, житейскомъ и тлѣнномъ, самъ грубѣетъ и земленѣетъ, кто виноватъ? Пусть паденіе перваго человѣка испортило естественное стремленіе безсмертнаго духа, наклонивъ его отъ неба къ землѣ: но намъ дана благодать Христова, сильная не только возвратить духу первоначальную правоту, но и возвесть ее до высшаго совершенства. Пусть не остается въ насъ тщетною благодать Христова: съ нею ни земляность плоти, ни немощи души, не удержатъ насъ на землѣ; съ нею апостолъ, живя на землѣ, восходилъ на третіе небо.

Но какъ пріучить умъ устремляться на небо, когда земные предметы разсѣеваютъ его, обращая къ землѣ?

А какъ пріучаютъ умъ устремляться къ землѣ, а не къ небу? Повтореніемъ одного и того же. Пусть тотъ же способъ употребляютъ для пріученія ума къ небу, и пріучатъ. Начните чаще думать, о какомъ угодно предметѣ: этотъ предметъ будетъ все ближе и ближе къ вамъ, взойдетъ въ душу вашу, наполнитъ ее собою, вытѣснивъ другіе предметы. Такъ бываетъ и тогда, когда человѣкъ часто возносится мыслію на небо. Какъ, оставляя небесное для земнаго, пріучаются къ земному: такъ, оставляя земное для небеснаго, пріучаются къ небесному. Ты сокращаешь часы благочестивыхъ занятій, чтобы употребить ихъ для дѣлъ мірскихъ; иногда идешь въ храмъ Божій, а думаешь о домѣ; такимъ же бываешь и въ храмѣ. Поступай на оборотъ. Дѣлай дѣла необходимыя для жизни: но не простирай сего труда далѣе необходимости, и освобождай себя отъ дѣлъ земныхъ для дѣлъ Божіихъ. Не только дней, отдѣленныхъ Господомъ для служенія Ему, никогда не отнимай на дѣла суеты и грѣха, но и время работное освящай мыслями о Господѣ. Начинаешь ли работу? Начинай призываніемъ благословенія Божія. Оканчиваешь ли работу? Благодари за помощь Его. Пусть со всякимъ дѣломъ, со всякимъ упражненіемъ твоимъ соединяется помышленіе о Господѣ; тогда все земное будетъ обращаться у тебя въ духовное, и умъ твой будетъ не на землѣ. Ѣдите ли, пьете ли, или, что другое дѣлаете, дѣлайте все во славу Божію. Если та или другая страсть будетъ тѣснить умъ, будетъ увлекать его къ грѣху: и противъ сего указано средство. *Сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо*, такъ говорили ангелы апостоламъ. Вотъ могущественное возбужденіе душѣ! Мысль о второмъ пришествіи Сына Божія, сколько отрадна для святыхъ въ тяжелыя минуты ощущенія безпомощности, и какъ бы оставленія небомъ; столько страшна для безпечныхъ грѣшниковъ, на которыхъ изреченъ будетъ грозный приговоръ судіею—Сыномъ Божіимъ. Итакъ, прогоняй грѣшныя мысли страхомъ суда Божія, облегчай подвиги внутренней скорби утѣшеніями вѣчности.

Сотворивый радость ученикамъ обѣтованіемъ святаго Духа! Ниспосли животворящаго Твоего Духа и намъ немощнымъ, да Имъ просвѣщенные и укрѣпленные будемъ взирать на небо, пріявшее Тебя, не развлекаясь прелестями міра. Аминь.

1847 г.

БЕСѢДА ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

(Дѣян. II.).

Въ день веселія духовнаго о ниспосланіи святаго Духа приличнѣе всего, слушатели, бесѣдовать о самомъ пришествіи святаго Духа. И какъ важенъ, какъ великъ предметъ сей самъ по себѣ! Сколько въ немъ свѣта для ума, сколько утѣшенія для сердца!

Обстоятельства сошествія святаго Духа изобразилъ намъ св. Лука. Обратимся же къ его повѣствованію.

Три предмета изображаетъ намъ въ своемъ повѣствованіи о святомъ Духѣ св. Лука: 1) состояніе учениковъ Христовыхъ предъ нисшествіемъ святаго Духа; 2) самое нисшествіе и 3) судъ людскій о семъ событіи.

1) *Егда скончавахуся дніе пятдесятницы, быша вси единодушно вкупѣ.* Въ такомъ состояніи были избранные Христовы предъ принятіемъ святаго Духа. Не раздѣленные мѣстомъ не раздѣлены были и душами. Господь Іисусъ, въ послѣднее свиданіе съ ними, *повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча*—силы святаго Духа (Дѣян. I, 8). Вѣрные Христовы такъ и поступили. Они пребывали всѣ *вкупѣ*—въ одномъ мѣстѣ, въ одной горницѣ; никто не думалъ отлучаться куда либо изъ Іерусалима; они ждали Утѣшителя; Утѣшитель сталъ единственнымъ предметомъ ихъ мыслей и желаній. *Бѣ же имень народа вкупѣ, яко сто и двадесять* (Дѣян. I, 16),—въ томъ числѣ, и пресвятая Дѣва, въ томъ числѣ, кромѣ *двоюнадесяте*, и *седмьдесять* апостоловъ. Всѣхъ было *сто двадесять* человѣкъ,—и всѣ были единодушны, у всѣхъ была душа одна, сердце одно; *сто двадесять* сердецъ слились въ одно чувство; *сто двадесять* умовъ соединились въ одну мысль: прекрасное зрѣлище! Конечно не были тревожимы сіи души движеніями самолюбія: иначе онѣ не могли бы соединиться союзомъ духовнымъ; онѣ расторгли бы и союзъ мѣстный. О! тамъ, гдѣ живутъ подобныя страсти, тамъ не бываетъ союза мира; или, если и бываетъ, то не надолго, на время,—держась на взаимномъ договорѣ разныхъ страстей,—договорѣ столько же непрочномъ, какъ непрочны, перемѣнчивы прихоти нашего сердца! Но благоволитъ Господь о чистомъ, святомъ, союзѣ сердецъ. *Идѣже два или тріе собрани во имя Мое,* говоритъ Онъ самъ, *ту есмь посредѣ ихъ.* О семъ-то союзѣ не земномъ Онъ молился къ Отцу: *да вси едино*

будутъ: яко же Ты Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ (Іоан. XVII, 21). О немъ-то Онъ повторялъ неоднократно ученикамъ своимъ: *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, яко же возлюбихъ вы* (Іоан. XV, 12). *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35).

Апостолы исполнили волю Сладчайшаго, исполнили, творя плодъ духовный—молитву. *Сіи вси бяху терпяще единосушно въ молитвѣ и моленіи* (Дѣян. I, 14). Они молились, поелику слышали наставленіе: *просите, и дастся вамъ: толцыте, и отверзется*, т. е., безъ насъ самихъ ничего не дадутъ намъ; молились, поелику не считали себя достойными обѣщанной имъ благодати,—страшась Того, Коего гласъ поколебалъ нѣкогда землю; молились, поелику самое желаніе Утѣшителя, самое стремленіе къ Нему вседушевное было уже молитвою. И сколько времени протекло въ этой единодушной молитвѣ? Девять дней; девять дней не преставали молиться,—девять дней, не смотря на ясное, непреложное, обѣщаніе Спасителя объ Утѣшителѣ, молились крѣпко. Вѣрно, слушатели, молитвы нужны намъ,—молитвы не кое-какія, приготовленіе не короткое; нужны, хотя Господь нашъ—какъ Всевѣдущій, знаетъ и безъ насъ, чего мы требуемъ,—и какъ благій и премудрый готовъ и можетъ устроить полезное намъ. Онѣ нужны не Богу сердца нашего, а намъ бѣднымъ: намъ, поелику мы должны непрестанно повторять—остави намъ долги наша, не введи насъ въ искушеніе, подаждь намъ, яже на потребу; намъ онѣ нужны, поелику мы молитвою очищаемся и становимся способными къ принятію даровъ благодати. Если мы думаемъ, что можемъ быть и безъ молитвы: то мы въ заблужденіи; безпечное къ небесному, но не къ земному, сердце наше обманываетъ насъ; не потому мы не молимся, что будто надѣемся получить все безъ молитвы; а потому, что не желаемъ, не ищемъ всего нужнаго для безсмертной души нашей: ибо можно ли желать, и не молиться.

Апостолы молились и, когда единодушіемъ и молитвою, незамѣтно для нихъ самихъ, очищались и уготовлялись къ принятію Духа святаго, наступилъ пятдесятый день послѣ пасхи іудейской: *скончавашася дніе пятдесятницы.* День сей былъ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ въ церкви іудейской; весь народъ іудейскій стекался въ храмъ благодарно воспоминать синайское законодательство. Ибо въ пятдесятый день, по исходѣ евреевъ изъ Египта, Господь, въ громахъ и молніяхъ, далъ законъ на Синаѣ. Апостолы не пошли въ храмъ, куда торжественность праздника ветхозавѣтнаго призывала всѣхъ іудеевъ въ пятдесятницу. Это уже показываетъ, что они ожидали, не исполнится ли въ этотъ самый день обѣщаніе

Спасителя о ниспосланіи новаго законодателя. Къ тому же, самый день располагалъ къ такому ожиданію: духъ рабства, какой возлагалъ законъ на своихъ подчиненныхъ, заставлялъ воздыхать о другомъ законѣ,—о законѣ духовной свободы; а день ознаменованный объявленіемъ закона рабства, получившимъ уже обѣщаніе новаго закона представлялся самымъ приличнымъ для обнародыванія сего закона. И чаяніе апостоловъ исполнилось.

2. *И бысть внезапу съ небесе шумъ,* внезапно произошло движеніе воздуха. Что-жъ это такое? *бысть внезапу*, слѣд., не что либо обыкновенное: *бысть съ небесе шумъ*, тогда какъ вѣтеръ идетъ не сверху внизъ, а съ той или другой стороны свѣта; слѣд., это не было дѣйствіе обыкновеннаго вѣтра: *съ небесе шумъ*, слѣд., это не было и дѣйствіе землятресенія, хотя и подвигнулись толпы народа; *яко носиму дыханію бурну*, — шумъ происходилъ такой, какой бываетъ во время бури отъ сильнаго движенія вѣтра, было нѣчто похожее на явленіе бури, но только похожее, похожее по силѣ, а не по свойству. *И исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще.* Шумъ наполнилъ весь домъ, но внѣ храмины апостольской все осталось въ обыкновенномъ положеніи. *И явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни,*—показались средь храмины въ воздухѣ огни; но то не были огни обыкновенные или молніеносные; они не палили и не убивали; они были только похожи на огни—*яко огненни языцы.* Носясь надъ главами учениковъ, они опустились на нихъ, и опочили: *сѣде же на единомъ коемждо ихъ.*

Что-жъ это за бурныя, огненныя силы, наполнившія одну изъ іерусалимскихъ горницъ? Кто, и для чего нисшелъ въ такомъ видѣ? Спаситель обѣщалъ послать Духа, *иже отъ Отца исходитъ;*—Утѣшителя, Который Своею мудростію долженъ наставить на всякую истину, своею силою чудодѣйственно избавлять отъ всякой бѣды (Іоан. XV, 26. XIV, 26), Который, *раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11), всюду присутствуетъ. Такъ, нисшедшій въ іерусалимскую горницу есть самъ Богъ Духъ. Но откуда приходитъ, и куда нисходитъ все наполняющему Собою? Недоумѣніе сіе разрѣшаетъ св. Златоустъ: „по нуждѣ, говоритъ онъ, такъ выражаетъ писаніе о Богѣ“. Подлинно, нельзя же говорить другимъ языкомъ съ тѣми, которые, бывъ облечены плотію, знакомы съ однимъ языкомъ земнымъ; нельзя изображать для насъ духовныхъ дѣйствій Божіихъ такъ, какъ онѣ сами въ себѣ суть. Когда писаніе говоритъ, что тамъ или здѣсь является Богъ, туда или въ другое мѣсто приходитъ Онъ: то это значитъ, что оно говоритъ о явленіи силы Божіей въ ощутительномъ для насъ видѣ, объ откровеніи Его дѣйствій въ знаменіяхъ видимыхъ. Животворящая сила

Божія все живитъ, всюду дѣйствуетъ: но иногда обнаруживается она болѣе ощутительнымъ образомъ, по силѣ власти своей, и для нѣкоторыхъ становится болѣе близкою, по мѣрѣ вмѣстимости ихъ. Такъ, сошествіе святаго Духа въ іерусалимскую горницу не есть собственно сошествіе святаго Духа, а ощутительное явленіе силы Его, обнаруженіе особеннаго присутствія Его. Подобное было въ раю для Адама, при Иліи на Хоривѣ, при Моисеѣ на Синаѣ.

Духъ святый бѣ присно, есть и будетъ, поетъ церковь. Не въ первый разъ Онъ открывается міру; не въ первый разъ Онъ начинаетъ дѣйствовать на неустроенныя стихіи бытія человѣческаго. Имъ просвѣщаемые глаголали святые Божіи человѣки. Имъ всяка душа живилась, какая только была истинно живою. Тѣмъ не менѣе явленіе Его въ іерусалимской горницѣ есть явленіе особенно важное. Оно составляетъ начало особеннаго общенія Божества съ человѣчествомъ. По совѣту Трiипостаснаго, Сыну Божію не навсегда надлежало оставаться на землѣ видимо; за Нимъ вслѣдъ долженъ былъ низойти на землю святый Духъ. *Азъ истину вамъ глаголю,* говорилъ Самъ Христосъ, *уне есть вамъ, да Азъ иду: аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ* (Іоан. XVI, 7). Почему же Духъ святый не пришелъ прежде, чѣмъ оставилъ землю Христосъ Господь? *Не у бо бѣ Духъ святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. VII, 39), говоритъ евангелистъ. Прежде, чѣмъ прославлено было человѣчество Іисуса Христа, и прославленное сдѣлалось какъ бы органомъ для сообщенія Духа святаго людямъ,—люди, по грубости и плотяности своей, не могли непосредственно принять обилія Духа святаго. Но человѣчество Искупителя, просвѣтленное славою Божества по вознесеніи на небо, по тѣсному соединенію своему, съ одной стороны съ Божествомъ, съ другой съ человѣками, открыло собою пресвятому Духу ближайшую удобность излить дары благодати на апостоловъ, и чрезъ нихъ на все человѣчество. Это-то значатъ слова Христа Господа о святомъ Духѣ: *Онъ отъ Моего пріиметъ.* Сынъ Божій совершилъ дѣло Свое на землѣ — дѣло искупленія людей. Духъ благодати нисходитъ, чтобы содѣлать людей способными къ усвоенію себѣ заслугъ Искупителя, просвѣтить, очистить, освятить сердца людей. Дѣло освятителя грѣшнаго рода человѣческаго Онъ начинаетъ—нисшествіемъ своимъ на апостоловъ.

Что-же означали видимыя знаменія явившагося въ сіонской горницѣ? Были ли это только знаки присутствія Духа святаго? Но, въ такомъ случаѣ, для чего ихъ нѣсколько? Всего вѣроятнѣе, что эти знаки заключали въ себѣ указаніе и на свойства нисшедшей благодати. Чудный огнь, наполнившій сіонскую горницу, выражалъ то, что Духъ святый, какъ огнь невещественный, дѣйствуетъ двумя

силами—свѣтомъ и теплотою,—свѣтомъ вѣры, теплотою любви; Онъ озаряетъ умы апостоловъ истинами высокими и возжигаетъ въ нихъ любовь къ святости, для озаренія и обновленія цѣлаго міра. Огни явились въ видѣ языковъ: это было знакомъ даруемой способности говорить разными языками, для возбужденія ума и сердца. Нѣкогда многоязычіе, бывъ слѣдствіемъ нечестиваго замысла человѣческаго, разсѣяло племена и народы. Теперь же языки указываютъ въ будущности благодѣтельныя перемѣны, имѣющія произойти при посредствѣ дара слова,—соединеніе разсѣянныхъ многоязычіемъ племенъ подъ кровъ одного всеобщаго училища истины. Нѣкогда огнь и буря, сопровождавшіе законодательство синайское, соотвѣтствовали силою своею строгости закона: кротость огня, почившаго на апостолахъ, показываетъ, что новый завѣтъ дышетъ не судомъ, а милостію; дыханіе же вѣтра, предшествовавшее явленію огня, говоритъ о томъ, что благодатная Сила, открывающаяся свѣтомъ и теплотою, все проникаетъ, все наполняетъ, ничѣмъ не удерживается,—тонко и быстро, какъ дыханіе: *внезапу бысть шумъ.*

Исполнишася вси Духа свята. Апостоламъ и прежде сообщены были дары Духа святаго. Воскресшій *отверзе имъ умъ разумѣти писанія* (Лук. XXIV, 45), даровалъ силу вязать и рѣшить (Іоан. XX, 23); но теперь, по мѣрѣ очищенія дѣятельнаго, они получили обильнѣйшіе дары благодати. Доселѣ мысли ихъ не совсѣмъ были чисты; доселѣ земныя, человѣческія пожеланія часто входили имъ на сердце. *Господи, аще въ мѣто сіе устрояеши царство израилево*, вопрошали они Его предъ самымъ Его вознесеніемъ (Дѣян. I, 6). Теперь душа ихъ измѣнилась; они—иные и по уму, и по сердцу. Теперь не частный даръ Духа пріяли они, какъ, напримѣръ, даръ прощать грѣхи, но всю полноту даровъ Духа святаго; не одно благовоніе духовнаго бальзама разлилось въ душахъ ихъ, — самый бальзамъ Духа наполнилъ сердца ихъ; не какой либо лучъ свѣта коснулся ума ихъ, но полный свѣтъ озарилъ умы ихъ; божественное дыханіе проникло и оживотворило всю душу ихъ. И весь міръ духовный и вещественный сталъ иный въ умахъ и сердцахъ ихъ. Имъ открылись тайны Божіи, которыхъ не могли узнать никакіе мудрецы міра. Простые рыбари, питомцы народнаго закона, стали учителями всемірными и мудрецами непобѣдимыми.

И начаша глаголати иными языки. Тогда, какъ сердце полно было огнемъ небеснымъ, душа кипѣла жизнію новою, произошла перемѣна и въ органѣ слова,—въ проводникѣ духовнаго. Евреи по племени, галилеяне по мѣсту рожденія, апостолы умѣли говорить только на языкѣ еврейскомъ, и притомъ на худшемъ нарѣчіи его—галилейскомъ: но осѣненные Духомъ, они начали говорить языками

иностранными. *Иными языки*: самыя эти слова говорятъ, что исполненные Духа святаго говорили языками, которыхъ прежде не знали. Христосъ Іисусъ обѣщалъ, что вѣрующіе въ Него *возглаголютъ языки новы*, и называлъ это знаменіемъ, чудомъ (Марк. XVI, 17); а вовсе не было бы никакого чуда, если бы одушевленными произносились только не членораздѣленные звуки. Свидѣтели іерусалимскаго явленія были свидѣтелями того, что апостолы говорили на языкахъ различныхъ народовъ; даръ говорить разными языками извѣстенъ былъ въ послѣдствіи и въ церкви коринѳской (1 Кор. XIV, 22). *Яко же Духъ даяше имъ провѣщавати*: сильнѣе нельзя было сказать для выраженія того, что іерусалимскіе вѣрующіе говорили разными языками. *Яко же даяше*—указываетъ не на содержаніе рѣчей, а на видъ языковъ, которымъ каждый говорилъ, по дѣйствію святаго Духа.

И повѣдаша величія Божія. Дивно, что несвободныя волненія, произведенныя стороннею силою, были вмѣстѣ дѣйствіями высше свободными, и являлись дѣломъ самыхъ свободныхъ и разумныхъ сердецъ: *и повѣдаша.* Это отъ того, что дѣйствовалъ Духъ свободы и разума. Подъ Его вліяніемъ апостолы вѣщали *величія Божія*, прославляли чудныя дѣла и совершенства Божіи, которыя теперь открылись для нихъ въ особенной полнотѣ и ясности, восхваляли Того, Кто обѣщалъ совершить въ нихъ и совершилъ чудесную перемѣну.

3. Но что между тѣмъ дѣлаетъ міръ—свидѣтель событія столь чуднаго? Что думаютъ, что говорятъ о событіи люди плотскіе.

Подвигнутые шумомъ бурнаго дыханія и хвалебными гласами стадвадесяти человѣкъ, пришедшіе на праздникъ стеклись къ храминѣ апостольской. Всѣ изумились. Грекъ и римлянинъ, ливіянинъ и мидянинъ, услышали свои природные звуки изъ устъ не учившихся галилеянъ; предъ ними, въ слухъ каждаго, не знакомые съ иностранными языками говоритъ языкомъ парѳянина и египтянина, каппадокійца и критянина—обитателей Европы, Азіи и Африки. Мало того. Простые люди вѣщаютъ *величія Божія*, открываютъ истины, выражаютъ чувства столь высокія, столь святыя, съ какими никто изъ предстоявшихъ не былъ знакомъ. Все это налагало перстъ на уста говорливой мудрости человѣческой, и поражало предстоявшихъ ужасовъ. *Ужасахуся же вси и недоумѣвахуся, другъ ко другу глаголюще: что убо хощетъ сіе быти?*

Но скоро нашлись люди, для которыхъ показалось слишкомъ простымъ дѣломъ все, что ни происходило съ апостолами. Что тутъ, говорили, удивительнаго? *Виномъ исполнени суть.* Вино вывело изъ обыкновеннаго порядка, вино причиною веселости ихъ, шума и говорливости. Таковъ судъ людей о дѣлѣ Божіемъ!

Удивляться ли сему? Міръ всегда ошибается, когда судитъ по своему о дѣйствіяхъ благодати Божіей. Сколько хулы наговорилъ онъ послѣ іудеевъ о событіяхъ апостольской храмины! Сколько клеветъ произнесено имъ на святыхъ Божіихъ только потому, что не понимали ихъ! Какъ поступали, и поступаютъ люди міра каждый разъ, когда бываютъ свидѣтелями явленій необыкновенныхъ, изумляющихъ своею сверхъ-естественностію? Къ несчастію, слишкомъ скоры бываютъ на то, чтобы о всемъ судить, на все давать свои мнѣнія, все измѣрить мѣрою своего разсужденія и опытности земной. Гордость возбуждаетъ, самозабвеніе оправдываетъ прозорливую пытливость. Начинаютъ сперва необыкновенное подводить подъ уставы обыкновеннаго; а потомъ не вѣрятъ ничему необыкновенному. Пусть, если уже хотятъ знать что нибудь, остановились бы на вопросѣ: *что убо хощетъ сіе быти?* Пусть разсмотрѣли бы напередъ необычайное явленіе со всѣхъ сторонъ. Пусть измѣрили бы, далеко ли простираются познанія ихъ о природѣ, чтобы выше-естественное объяснять изъ уставовъ естественнаго. Тогда гордость ихъ смирилась бы. Тогда сказали бы: все Божіе—выше человѣческаго; святые Божіи—выше людей ежедневныхъ, евангеліе Божіе—выше, ученія мудрецовъ земныхъ, и всему Божіему остается только вѣрить. Дивно ли, слушатели мои, что Богъ дѣйствуетъ такъ, какъ хочетъ? Нѣтъ, дивно одно, что мы не знаемъ, какъ мы немощны, какъ нужна намъ помощь Божія на каждомъ шагу, тѣмъ болѣе, въ дѣлѣ спасенія разстроенной грѣхомъ души нашей.—О, если бы мы *себе разсуждали*, себя испытывали, себя дознавали; *не быхомъ осуждены были* тогда мы только молились бы!

Помолимся утѣшителю истинному, да пріидетъ, просвѣтитъ, *очиститъ ны отъ всякія скверны* и спасетъ души наши. Аминь.

1847 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СОШЕСТВІЯ СВЯТАГО ДУХА.

Духа не угашайте (1 Сол. V, 19).

Все—все отъ Тебя, сладчайшій Спаситель нашъ! Все содѣлано, все даровано для грѣшныхъ человѣковъ безпредѣльною любовію Твоею, о Іисусе! *Во образъ Божіи сый, Ты,* смирилъ Себя до уничиженнаго образа сына человѣческаго, послушливъ былъ до смерти крестныя единственно для человѣка. Безцѣн-

ная кровь Сына Божія пролита на крестномъ алтарѣ за насъ, преступныя чада Адамовы,—за насъ, которыхъ грѣхи подвергали вѣчному, грозному суду, предъ судомъ безпредѣльной правды Божіей. Но и того было мало. Пророкъ Божій, вдали вѣковъ, зрѣлъ дѣла любви безпредѣльной, и отъ лица любви вѣщалъ обѣтованіе: *излію на домъ Давидовъ и на живущыя во Іерусалимъ духъ благодати и щедротъ, и возрятъ на-Нь, Его же прободоша* (Зах. XII, 10). Такъ надлежало быть и тому, чтобы въ прободенномъ, Распятомъ на крестѣ за грѣшниковъ, зрѣли источникъ, льющій воды благодати на тѣхъ же грѣшниковъ: Надлежало быть и тому, чтобы видѣли, какъ любовь Его, готоваго на позорную смерть за всѣхъ, не ограничивается и величіемъ искупительной любви Своей, но хочетъ еще болѣе сдѣлать для людей; вамъ глаголю: *уне есть вамъ, да Азъ иду: аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ* (Іоан. XVI, 7). И утѣшитель посланъ. Нужно ли говорить, въ какомъ величіи низошла благодать сего Утѣшителя на апостоловъ? какія чудныя дѣйствія произвела она чрезъ апостоловъ въ мірѣ? Или лучше, изобразитъ ли немощное слово человѣческое силу и славу сего Утѣшителя? Чувствуетъ и вѣдаетъ душа христіанская, какъ Утѣшитель, ниспосланный Іисусомъ, доселѣ дѣйствуетъ въ мірѣ, доселѣ являетъ силу свою душамъ христіанскимъ. *Исполняйтеся Духомъ* (Еф. V, 18). *Аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Егов* (Рим. VIII, 9); такъ писалъ апостолъ. И ваше благочестіе, братія, собравшее васъ въ молитвенный храмъ, въ день торжественнаго явленія Духа благодати, показываетъ и вашу благодарную, благоговѣйную память о томъ необычайномъ явленіи Духа Утѣшителя, и ваше смиренное чаяніе нѣкоего утѣшенія отъ того же Духа Утѣшителя. Чаяніе, достойное христіанина, надежда не ложная, такъ какъ вѣренъ Онъ, обѣщавшій Духа Утѣшителя, такъ какъ близокъ Утѣшитель—Духъ истины, *иже вездѣ сый и вся исполняяй*. Но тѣмъ болѣе нужно вниманія къ самимъ себѣ.—Чающіе Духа Утѣшителя! да позволено будетъ думать, что намъ извѣстно, какія святыя расположенія нужны для готовящихся принять Духа Утѣшителя. Самый храмъ сей, изображающій нынѣ молитвенную сіонскую горницу святыхъ апостоловъ, напоминаетъ намъ о тѣхъ расположеніяхъ, съ какими готовились къ принятію Утѣшителя въ сіонской горницѣ, и какія, безъ сомнѣнія, необходимы и для насъ. Обратимся же къ другому предостереженію,—къ предостереженію для пріемлющихъ духъ благодати, которое предлагалъ въ свое время апостолъ: *Духа не угашайте*. И во всякое время, тѣмъ болѣе теперь, необходимо помнить и размышлять о смыслѣ сего святаго предостереженія.

Огня пріидохъ воврещи на землю,—и какъ бы я хотѣлъ, чтобы онъ уже возгорѣлся (Лук. XII, 49), такъ говоритъ Спаситель о томъ, чему надлежало произойти съ низшествіемъ Духа Утѣшителя на вѣрующихъ. И видимое знаменіе, въ какомъ въ первый разъ явился сей Утѣшитель надъ апостолами, было явленіе огненныхъ языковъ. То и другое показывало и показываетъ умамъ, прозирающимъ духовное сквозь вещественное, что дѣйствіе Духа Утѣшителя, совершающееся въ душахъ вѣрующихъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто сходное съ дѣйствіемъ огня:—подобно огню, просвѣщаетъ умъ свѣтомъ истины, подобно огню, воспламеняетъ душу любовію къ истинѣ и святости; всѣ силы духа, какъ говоритъ еще пророкъ *разваряетъ* и *очищаетъ, яко сребро* и *злато,* и *преливаетъ* въ чистый образъ Божій (Мал. III, 3). Сіе-то имѣлъ въ виду апостолъ, когда убѣждалъ: *Духа не угашайте.* Апостолъ какъ бы такъ выражалъ любвеобильную мольбу свою къ намъ: не гасите въ себѣ того священнаго, божественнаго огня, который возженъ въ вашемъ духѣ силою Духа Божія.

Но что значимъ мы, божественный апостолъ, противъ дѣйствій того божественнаго Духа, который, вездѣ сый, раздѣляетъ дары свои *коемуждо якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11). Развѣ можемъ мы, немощные и бренные, противустоять и даже, какъ ты даешь уразумѣвать, полагать препятствія силѣ и обширности дѣйствій Духа всевластнаго?

Если апостолъ сказалъ: *Духа не угашайте*; то, конечно, нѣтъ мѣста сомнѣнію, что мы можемъ угашать духъ, хотя сей духъ и есть дѣйствіе въ насъ Духа всемощнаго и всевластнаго. Отъчего жъ это такъ? Это отъ того, что Тотъ же всемогущій и всевластный даровалъ намъ и свободу—самое лучшее украшеніе духа нашего,—свободу, при которой въ нашей волѣ состоитъ пользоваться средствами ко спасенію, стремиться ко спасенію, или приготовлять погибель; Онъ даровалъ намъ свободу при самомъ созданіи насъ, и не отъемлетъ при возсозданіи благодатномъ. Власть Его безгранична въ предѣлахъ и за предѣлами свободы ограниченной. И кто назначитъ предѣлы безпредѣльной силѣ Твоей, Господи, которой благоугодно было, да наслаждаются созданія жизнію Твоею, заключившею себя въ предѣлы созданнаго? Кто назначитъ границы проявленіямъ неограниченной благости Твоей, каковы явленія животворящаго Духа утѣшителя, который, *идѣже хощетъ, дышетъ,* возсозидая разстроенную грѣхомъ духовную природу нашу? Нѣтъ, въ настоящемъ случаѣ намъ остается заботиться не о правахъ Всевластнаго, а о самихъ себѣ.—Послѣ того, какъ дано намъ все, что могло быть дано безпредѣльною благостію; послѣ того, какъ еще въ купели крещенія

дарованъ намъ духъ благодати, и тотъ же духъ готовъ самъ по себѣ умножать въ насъ дары Свои:—намъ остается выбирать одно изъ двухъ,—или пользоваться дарами животворящаго Духа, или пренебрегать ими къ своей погибели.—*Блюдите убо, како опасно ходите, не яко-же не мудри, но яко же премудри, искупующе время яко дніе лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія* (Еф. V, 15—17). Такъ, не будемъ поблажать своей лѣности и безъ того въ насъ сильной, не станемъ усыплять себя тщетными мыслями, что будто благодать содѣлаетъ все въ насъ и безъ насъ самихъ, что будто нѣтъ для насъ опасностей при данной намъ благодати. Нѣтъ, на всѣхъ степеняхъ своей силы благодать дѣйствуетъ въ насъ совокупно съ нашей свободою. Она и подается намъ подъ условіемъ нашей вѣры, и укрѣпляется въ насъ подъ условіемъ подвиговъ живой вѣры.

То, что писалъ апостолъ возлюбленному ученику своему, епископу Томоѳею, скорѣе всего объяснитъ объясняемыя нами слова апостола. *Воспоминаю тебѣ,* писалъ апостолъ, *возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (2 Тим. I, 6). Вотъ здѣсь говорится о возгрѣваніи дара Божія—а мы хотимъ объяснить себѣ слова о погашеніи дара. Даръ, низведенный на епископа рукою апостольскою, конечно означаетъ даръ благодати священства, заключающій въ себѣ сугубый даръ: даръ ученія, и даръ священнодѣйствія. Почему предписывается возгрѣвать даръ ученія, это понятно; равно понятно и то, какъ онъ можетъ быть возгрѣваемъ. Но даръ священнодѣйствія, по видимому, дѣйствуетъ совершенно безусловно. Къ чему же и какъ возгрѣвать въ себѣ сей даръ? Дѣйствительно, даръ священнодѣйствія дѣйствуетъ безусловно, въ томъ смыслѣ, что недостоинство освященнаго лица не препятствуетъ совершаемымъ рукою его тайнамъ быть тайнами; то, чему назначено совершаться, совершается во всякомъ случаѣ. Но нельзя отказаться и отъ той мысли, что если бы благодать священства соединились съ благодатію святой воли, если бы къ одному дару присовокуплены были еще другіе дары благодати, пріобрѣтенные подвигами живой вѣры: то естественно, что и благодать священства будетъ съ вящшею силою дѣйствовать, какъ на тѣхъ, которые присутствуютъ при тайнѣ, такъ и въ самомъ совершителѣ тайны. Далеко ли намъ, братія, идти за примѣромъ? Въ памяти нашей божественное священнодѣйствіе угодника Божія Сергія, сопровождавшееся и видимымъ низхожденіемъ огня Божія, и видимымъ предстояніемъ ангела Божія. Вотъ что означалъ въ немъ даръ служенія благодати, возгрѣтый подвигами сердечной, пламенной любви его къ Господу! Огнь тайны, соединясь съ огнемъ облагодатствованной любви, проникъ

самую грубую вещественность. Поймемъ же отселѣ, что, удостоиваемые дары священства, какъ и другихъ служебныхъ даровъ, имѣютъ причину напоминать себѣ о возгрѣваніи въ себѣ дара служенія благодати. Поймемъ отселѣ, что гораздо болѣе причинъ быть можетъ не угашать, а возгрѣвать въ себѣ обыкновенные общіе дары благодати.

Въ самомъ дѣлѣ, если и необычайные дары благодати требуютъ того, чтобы для вящшей своей силы были возгрѣваемы: то очень легко быть тому, что обыкновенные дары, при нашей безпечности, неумѣстной въ дѣлѣ возрожденія, совсѣмъ погаснутъ. *Духа не угашайте*, говоритъ апостолъ, и даетъ тѣмъ видѣть, что точно такъ же, какъ обыкновенный огонь гаснетъ, если не подкладываютъ сгараемаго вещества, а еще скорѣе погаснетъ, когда будутъ лить на него воду,—и въ нашемъ духѣ огнь благодати непремѣнно будетъ умаляться, съ умаленіемъ въ насъ святыхъ помысловъ, чистыхъ ощущеній, богоугодныхъ намѣреній и дѣлъ, а еще скорѣе погаснетъ; когда наполняемъ душу всѣмъ, что есть противнаго духа святыни. Чистыя расположенія свободной души нашей составляютъ въ насъ то вещество, которымъ питается и усиливается въ душѣ нашей огнь благодати, и такимъ-то образомъ благодать совершаетъ преобразованіе духа нашего, совокупно съ свободою нашею. Трудно ли намъ замѣтить надъ самими собою, что когда молимся мы усердною, искреннею молитвою, мы чувствуемъ въ душѣ нашей и болѣе теплоты сердечной, и болѣе свѣта въ мысляхъ нашихъ? Такъ, это одинъ изъ осязаемыхъ опытовъ, который благодать Божія оставляетъ тупому осязанію нашему, для увѣренія въ ея приближеніи къ намъ грѣшнымъ. Но, точно то же происходитъ въ душѣ нашей при каждомъ подвигѣ самоотверженія, при каждомъ подвигѣ любви къ Господу, хотя не при каждомъ подвигѣ, и не всегда даетъ намъ осязать себя благодать Божія, мудрая въ устроеніи спасенія нашего. Точно такъ же, но совсѣмъ противное, совершается въ душѣ нашей, при нашей холодности къ Господу Богу при нашей лѣности для совершенія подвиговъ святыхъ.

Дары благодати—различны; и погашать или возгрѣвать ихъ мы можемъ и каждымъ расположеніемъ души нашей, тѣмъ болѣе расположеніями, соотвѣтственными или не соотвѣтственными данному дару благодати. Данъ ли кому даръ особенной пламенной любви къ ближнему? дѣла любви будутъ пищею для возгрѣванія дара любви, а холодность, своекорыстіе, конечно, не усилятъ любви: напротивъ, каждое движеніе своекорыстія, тѣмъ болѣе злоба,—будутъ вести, и доведутъ до погашенія любви въ глубинѣ души. Любезный собратъ! если данъ тебѣ даръ молитвы, даръ сердечнаго

бесѣдованія съ Господомъ: остерегайся бесѣдъ человѣческихъ; онѣ, кромѣ того, что будутъ отнимать у тебя время для бесѣдованія съ Господомъ, мало по малу могутъ возбудить въ тебѣ любовь къ молвѣ человѣческой, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабятъ, а потомъ и совсѣмъ подавятъ благодатное желаніе бесѣдовать съ Господомъ. Или если далъ тебѣ Господь плачъ сердечный о грѣхахъ твоихъ, если Онъ пробудилъ въ тебѣ сокрушеніе горькое о нечистотѣ дѣлъ твоихъ: не спѣши знакомить душу твою съ какими бы то ни было утѣшеніями; а паче всего берегись, берегись мірскаго смѣха, веселія безумнаго; истинное утѣшеніе дано тебѣ будетъ въ свое время; а радостями безумія ты, того и смотри, какъ потоками воды, зальешь въ себѣ огнь сокрушенія сердечнаго; будь увѣренъ, что въ домѣ веселія, приготовляемаго грѣхомъ, не мѣсто плачу благодатному, такъ же какъ въ домѣ гордыни не мѣсто духу смиренія. Если вѣянія свѣтской образованности будутъ увлекать и переносить душу христіанскую по предметамъ сей многомятежной образованности: скажите: какъ удержаться въ бѣдной душѣ духу мудрости Христовой.

Не оскорбляйте Духа святаго Божія, имже знаменастеся въ день избавленія. Всякая горесть и гнѣвъ и ярость, и кличь и хула, да возмется отъ васъ, со всякою злобою (Еф. IV, 30. 31). Такъ св. апостолъ выражаетъ другими словами, но болѣе сильными, заповѣдь свою—не угашать Духа, и исчисляетъ для насъ нѣкоторыя дѣла грѣшныя, которыми особенно—болѣе, нежели погашается Духъ благодати. По слову апостола, есть дѣла, есть расположенія души, которыми не только погашается, но и искорбляется Духъ благодати. Для примѣра онъ указываетъ на нѣкоторыя изъ таковыхъ расположеній. Если въ сердцѣ нашемъ—досада желчная, раздражительность гордая, даже гнѣвъ озлобленнаго самолюбія: то будемъ увѣрены, что на тотъ разъ въ насъ нѣтъ Духа благодати, мы оскорбили Его;—и какъ не оскорбить, когда онъ есть Духъ любви? По слову апостола, тамъ гдѣ шумъ досады, злорѣчіе злости, клевета на ближняго, для которой ни невинность, ни человѣчество—не защита, тамъ не надѣйтесь замѣтить Духа благодати: и какъ быть Ему тамъ, когда онъ есть Духъ мира? По реченному, уразумѣемъ, слушатели, какіе другіе грѣхи, подобно зловонію смрадному, могутъ отдалять отъ насъ благовоніе Духа благодати.

Конечно, въ комъ возгорѣлся благодатный огнь любви Божіей, въ какомъ бы то ни было видѣ,—не естественно, чтобы сей огнь мгновенно и погасъ, такъ какъ не естественно, чтобы душа, объятая любовію, допустила до себя что либо явно оскорбительное для Духа благодати: но какъ не замѣтно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ силь-

но постепенное ослабленіе вниманія къ дару благодати можетъ ослаблять въ насъ силу благодатнаго огня! Если дерево въ наружныхъ частяхъ довольно сухое, а внутри довольно водянистое, положимъ на огонь, оно скоро загарается и горитъ свободно, доколѣ огнь не дойдетъ до водянистой внутренности; въ послѣднемъ случаѣ, не подложи приставникъ нерадивый, по крайней мѣрѣ, одну или двѣ щепы, не позаботься употребить стороннихъ мѣръ для поддержанія огня: горѣвшее дотолѣ дерево начнетъ гаснуть, и потомъ останется голавня. Вотъ изображеніе души нашей! То, что есть въ душѣ нашей добраго отъ природы и воспитанія, легко воспламеняется при прикосновеніи огня благодати: но потомъ, когда огнь любви начинаетъ касаться глубинъ испорченной природы, внутреннихъ страстей нашихъ, онъ начинаетъ ослабѣвать; душа, дотолѣ свободно горѣвшая и въ помыслахъ и желаніяхъ любовію къ Господу, начинаетъ мало по малу чувствовать тяготу, мракъ, томленіе и вотъ, теперь-то особенно настоитъ нужда—повторять слова апостола: *Духа не угашайте*. Къ несчастію случается, что начинаютъ въ такомъ положеніи облегчать себя не по закону духовному, а по уставамъ плоти. Вмѣсто того, чтобы укрѣпляться всею силою противъ опаснаго сна, начинающаго тяготѣть надъ душою, начинаютъ думать, что пришло время дать себѣ и отдыхъ. Вмѣсто того, чтобы принять вспомогательныя мѣры для поддержанія въ себѣ огня любви Божіей, читать и слушать слово Божіе, житія мучениковъ, исповѣдниковъ, преподобныхъ отцевъ, *иже многими кровьми и страстьми* стяжали блаженную жизнь; вмѣсто того, чтобы понуждать себя, то на молитву, то на труды тѣлесные,—начинаютъ прислушиваться къ совѣтамъ коварнаго собесѣдника—грѣха, а тотъ, чѣмъ дольше слушаемъ его, тѣмъ больше находитъ для насъ причинъ ослабить и оставить прежнія святыя правила жизни. Въ то же время, того и смотри, явится съ своими совѣтами другой другъ—тотъ умный совѣтникъ, о которомъ сказано: лучше бы было ему если бы жерновный камень повѣшенъ былъ на шею его, и онъ брошенъ былъ въ море. Чтобы избѣжать опасности, бодрствуй подвижникъ Христовъ; будь мужественъ и твердъ (1 Кор. XVI, 13). Употребляй то одно, то другое средство къ поддержанію и возбужденію въ себѣ свѣта и теплоты. Тебѣ извѣстна сила молитвы,—молитва вѣры спасаетъ болящихъ (Іак. V, 15); молись же *всякою молитвою и моленіемъ на всяко время духомъ* (Еф. VI, 18). Извѣстна сила слова Божія,—оно живо и дѣйственно (Евр. IV, 12), оно—*сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. I. 16); читай же и слушай слово Божіе со вниманіемъ благоговѣйнымъ. Цѣлый облакъ свидѣтелей вѣры представляетъ намъ исторія вѣры; будемъ

же читать и изучать сію исторію;—огнь ревности, горѣвшій въ подвижникахъ вѣры и благочестія, будетъ согрѣвать нашу холодность, свѣтъ вѣры ихъ будетъ просвѣщать мракъ, наводимый на душу страстями и немощами нашими. Можно ли исчислить всѣ средства, какія предлагаетъ намъ вѣра Христова для нашего спасенія? Тотъ, кто въ духѣ вѣры будетъ изучать болѣзни своего сердца, немощи падшей нашей природы, найдетъ въ вѣрѣ вѣрное врачевство противъ каждой болѣзни,—надежное средство противъ каждой опасности, и не погаситъ въ себѣ Духа.

Объ одномъ подумаемъ еще вмѣстѣ съ тобою, возлюбленный братъ, для предотвращенія опасности; подумаемъ о томъ, чего мы лишимся, если лишимся Духа благодати. О, Боже милости и щедротъ! милостію Твоею не допусти насъ до того состоянія самаго гибельнаго для насъ. Что мы безъ животворящаго Духа Твоего? Мертвецы, мертвецы—болѣе виновные, чѣмъ самые язычники. Какой грозной отвѣтственности подвергаемъ мы себя, когда теряемъ, и одинъ какой либо даръ благодати, тѣмъ болѣе, когда погубляемъ въ себѣ многое, тѣмъ болѣе, когда погубляемъ все благодатное? *Земля, пившая многократно сходившій на нее дождь и произращающая траву полезную, получаетъ благословеніе отъ Бога. Но та, которая производитъ терніе и волчцы, негодна и близка къ проклятію, котораго слѣдствіемъ будетъ сожженіе* (Евр. VI. 8. 9). *Не льститеся: Богъ поругаемъ не бываетъ*, какъ будто не видящій дѣлъ нашихъ, или кроткій для насъ до слабости. То, что дано Имъ намъ, не погибнетъ, не смотря на все своеволіе, съ какимъ дерзаютъ даръ Его наши страсти. Огнь Духа Его, если не откроется въ насъ живымъ свѣтомъ любви для вѣчнаго блаженства нашего,—превратится въ огнь всепоѣдающій, чтобы терзать и разрушать не разрушимый составъ нашъ цѣлую вѣчность (Гал. VI, 7. 8). О, *страшно впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. X, 31)!

Царю небесный, утѣшителю Душе истинный! Ты единъ—истина, а въ нашихъ сердцахъ, якоже вѣси, отъ дней юности—ложь и нечестіе; пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны. Ты единъ благій и милостивый! имиже вѣси путями, сохрани въ немощныхъ Твое даяніе и спаси души наши. Аминь.

1848 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВЯТАГО ДУХА.

Мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога есть (Кор. II, 12).

Такъ говорилъ о себѣ и о вѣрныхъ Коринѳа ап. Павелъ. И онъ по праву говорилъ это, хотя ни онъ, ни вѣрные Коринѳа не были въ той сіонской горницѣ, куда сходилъ Духъ св. въ день пятидесятницы. Ап. Петръ говорилъ въ объясненіе дивнаго событія сіонскаго: *вамъ бо есть обѣтованіе и чадомъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ, елика аще призоветъ Господь Богъ нашъ* (Дѣян. II, 39). Всѣмъ, кто только удостоится чести быть призваннымъ къ вѣрѣ Христовой, всѣмъ принадлежитъ право на пріятіе даровъ св. Духа; Духъ св., посланный апостоламъ, посланъ для всѣхъ вѣрующихъ, кто бы они ни были.

Такъ и намъ, при всей бѣдности временъ нашихъ, ниспосылается Духъ св. Въ таинствѣ крещенія получаемъ мы благодатное рожденіе въ духовную жизнь. Въ муропомазаніи утверждаемся благодатію въ жизни духовной. Духъ св. со временъ апостольскихъ не преставалъ и не престаетъ изливать обиліе даровъ своихъ на вѣрующихъ въ Христа Іисуса.

Однако, апостолъ, когда говоритъ о себѣ: *мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога есть:* то даетъ видѣть, что иные могутъ принимать и усвоять себѣ духъ *міра*, но не Духъ, *иже отъ Бога есть*. И если апостолъ радуется тому, что въ немъ нѣтъ духа міра: то значитъ, надобно намъ остерегаться того, не водворился бы въ насъ духъ міра, вмѣсто Духа, *иже отъ Бога есть*. Размыслимъ же внимательно что это за духъ міра, противополагаемый апостоломъ Духу, *иже отъ Бога есть?* Сравнимъ дѣйствія Духа, *иже отъ Бога*, съ дѣлами духа міра.

Духъ, иже отъ Бога, Духъ который оживлялъ вѣрующихъ Павлова времени и оживляетъ вѣрующихъ всѣхъ временъ, во первыхъ есть *Духъ истины*. Такъ говоритъ о Немъ Господь Іисусъ. *Егда пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину*, говорилъ Господь апостоламъ (Іоан. XVI, 13). И ниспедшій на апостоловъ Духъ точно явился Духомъ истины, потому что научилъ ихъ истинѣ, открылъ такія тайны, о которыхъ гордый умъ человѣческій и не мечталъ. Сей Духъ истины, по слову Спасителя, *пребудетъ съ учителями* христіанства *вѣкъ* (Іоан. 14, 6). И Онъ пребывалъ и пребываетъ съ нами. Вотъ почему, въ теченіи 18 вѣковъ лжеученія и заблужденія человѣческія, при всѣхъ усиліяхъ ада

злобнаго, не могли ничего сдѣлать съ церковію Христовою, не могли, на мѣстѣ апостольскаго ученія, водворить свое ученіе. Она понынѣ остается съ ученіемъ апостольскимъ, какъ была съ нимъ при апостолахъ.—Это дѣло Духа истины.

Духъ, иже отъ Бога, просвѣщаетъ животворнымъ свѣтомъ истины и каждую душу, ищущую спасенія. Онъ открываетъ ей и ея собственное положеніе, и то, гдѣ ей искать спасенія; наставляетъ истинному боговѣдѣнію, показываетъ, кто таковъ для насъ Господь Іисусъ и Его благодать. Онъ дастъ видѣть, какъ суетны, какъ пусты всѣ временныя блага и какъ нужно намъ только одно—искать небесной отчизны. Не можетъ быть ни одного сомнѣнія въ жизни, котораго бы Духъ истины не разрѣшилъ для вѣрующей души, по ея молитвѣ, если только это нужно для вѣчнаго ея спасенія.

Чему же учитъ *духъ міра?*

Когда св. писаніе хочетъ сказать о немъ, какъ о чемъ-то враждебномъ для нашего спасенія: то даетъ видѣть въ мірѣ общество людей, которые живутъ только для времени, а не для вѣчности. Такимъ образомъ духъ міра означаетъ правила и образъ мыслей людей, которые дорожатъ только земными интересами, и не думаютъ о жизни за гробомъ.

Послѣ сего понятно, какимъ можетъ быть наставникомъ духъ міра! Если онъ не отвергаетъ явно бытія Божія: то онъ такъ равнодушенъ къ мыслямъ о Богѣ, такъ мало озабоченъ какимъ либо помышленіемъ о Немъ, какъ будто для него нѣтъ Бога. Господь Іисусъ, Его царство, Его благодать—вещи не нужныя для свѣта. Если не всегда явно говорятъ чада: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ:* то дѣла ихъ говорятъ то же самое. Они не понимаютъ, какъ можно жить иначе на землѣ, если не для земли. Если встрѣчаются имъ люди, которые считаютъ все земное за пустоту, за ничтожество: они спрашиваютъ: въ умѣ-ли эти люди? И произносятъ такой приговоръ: это—жалкіе люди, мечтатели, изувѣры. Заговорите съ ними о душѣ, о судѣ. Они скажутъ: объ этомъ—въ другое время,—т. е., они любятъ ложь и не хотятъ разстаться съ ложью. Духъ міра на каждомъ шагу учитъ ихъ лжи и они лгутъ на каждомъ шагу. Они лгутъ когда каются, потому что нѣтъ въ нихъ искренняго раскаянія. Лгутъ, обѣщая исправиться при другомъ, лучшемъ, времени, потому что не хотятъ они исправиться, потому что слишкомъ дорожатъ суетою міра, потому что удовольствія свѣта, честь, слава, деньги овладѣли душою ихъ. Они лгутъ при оцѣнкѣ благъ земныхъ, потому что въ душѣ своей даютъ имъ цѣну, какой онѣ не стоютъ, потому что ставятъ ихъ выше всего, тогда какъ онѣ суть только средства къ духовному совершенству, при-

томъ условныя. Они говорятъ ложь и тогда, какъ на словахъ соглашаются съ ограниченнымъ значеніемъ земныхъ благъ, потому что въ душѣ своей говорятъ о нихъ другое, покланяются имъ, какъ идоламъ. Когда и въ чемъ не лгутъ они? Они лгутъ, чтобы забавлять другихъ ложью; лгутъ, чтобы закрывать отъ другихъ свои грѣхи и слабости; лгутъ, потому что дорожатъ выгодами лжи, и не высокимъ значеніемъ правды. Цѣлая жизнь ихъ—цѣпь лжи и обмановъ; потому что, гоняясь во всю жизнь за благами мечтательными суетными, пустыми, они превращаютъ жизнь въ непрерывный рядъ обмановъ, ошибокъ, грѣховъ преступленій. Истина всегда себѣ вѣрна, духъ міра вѣтренъ, непостояненъ, перемѣнчивъ, до жалкаго и смѣшнаго. Что считалъ міръ образцомъ ума и вкуса лѣтъ за 30 предъ симъ: нынѣ смѣется онъ надъ образцовымъ того времени.—Таковъ духъ міра!

Духъ, иже отъ Бога, есть *Духъ святый,*—Духъ освятитель. Онъ очищаетъ душу отъ грѣховъ; путемъ скорбей, раскаянія, подвижничества ведетъ отъ совершенства къ совершенству и возстановляетъ чистый первозданный образъ Божій въ человѣкѣ. *Омыстеся, освятистеся, оправдастеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. VI, 1). *Любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ святымъ, даннымъ намъ* (Рим. V, 5). *Плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. V, 22). Нельзя сказать, что освящаемые Духомъ св. не чувствуютъ въ себѣ слабостей, не подвергаются ошибкамъ. Но они остерегаются, они боятся грѣха, какъ самой страшной язвы. Если и падаютъ они: но немедленно встаютъ и паденія обращаютъ себѣ въ урокъ, какъ спаасаться отъ паденій. Они не свободны отъ искушеній,—пакостникъ плоти—ангелъ сатанинъ—дѣтъ пакости людямъ самой высокой духовной жизни (2 Кор. XII, 7). Но они борются съ искушеніями подъ защитою Духа освятителя, распинаютъ плоть съ ея страстями и грѣшными движеніями; съ усиліемъ подвизаются войти въ царство чистоты и смиренія.—Они непрестанно стремятся къ высшей цѣли и, забывая о томъ, какія слабости удалось имъ побѣдить въ себѣ, какія добрыя качества пріобрѣсть, помышляютъ лишь о томъ, какъ бы не остаться за дверями чертога Христова.

А чего желаетъ, къ чему стремится *духъ міра?* Онъ совсѣмъ не такъ взыскателенъ въ отношеніи къ грѣху и святости. Грубыхъ грѣховъ, грязныхъ пороковъ и онъ чуждается; по крайней мѣрѣ, въ глазахъ людей. О гражданской честности и онъ заботливъ, по крайней мѣрѣ столько сколько это нужно для выгодъ жизни. Но тайныя желанія гордости, тайныя движенія похоти, тайныя дѣйствія

страсти къ деньгамъ вовсе не замѣчаются имъ, или считаются ни по чемъ. Объ умерщвленіи чувствъ, о самоотреченіи, о вѣрности въ вещахъ малыхъ, о стремленіи къ высшему совершенству онъ знать не хочетъ. Это, говоритъ онъ, дѣла тѣхъ, которые особенно на то призваны, а не наши дѣла. Какъ будто не каждый христіанинъ далъ клятву при крещеніи быть послѣдователемъ Христа распятаго; какъ будто не каждый самымъ именемъ христіанина обязанъ любить законъ Христовъ. Наше дѣло, говорятъ, приносить пользу въ мірскомъ быту. И какъ же приносятъ пользу? Хорошо еще, если несутъ какую нибудь общественную должность, хотя бы и съ грѣхами противъ точности въ исполненіи, противъ чистоты въ намѣреніяхъ. Иначе же не выставляютъ ли себя за людей полезныхъ обществу и тогда, какъ безумною роскошью, нерасчетливымъ щегольствомъ въ нарядахъ, ежедневными веселостями, легкомысленною тратою времени, силъ, средствъ, разстроиваютъ вмѣстѣ съ своимъ состояніемъ состояніе многихъ семей и соблазномъ жизни губятъ тысячи душъ, за которыхъ висѣлъ на крестѣ Сынъ Божій? Наше дѣло приносить пользу въ мірскомъ быту? Къ чему эти слова въ устахъ христіанина? Если ты живешь какъ христіанинъ: ты, безъ сомнѣнія, вездѣ принесешь пользу обществу. Если же ты, въ оправданіе уклоненія своего отъ христіанскаго служенія Богу, указываешь себѣ на обязанности въ отношеніи къ обществу: то имѣю право сказать тебѣ, что ты такой же плохой слуга общества, какъ и плохой слуга Божій.

Духъ, иже отъ Бога, по слову Спасителя, есть *Духъ утѣшитель.* Тяжела была участь апостоловъ. Сколько гоненій, сколько несправедливостей, сколько бѣдъ надлежало имъ вытерпѣть! И благій Господь ихъ обѣщаетъ послать имъ Утѣшителя вѣрнаго. *Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами вовѣкъ, Духъ истины, его же міръ не можетъ пріяти* (Іоан. XIV, 16, 17). И Утѣшитель посланъ и Онъ подкрѣплялъ апостоловъ, въ ихъ скорбяхъ и страданіяхъ. Кто изъ странниковъ земли не имѣетъ нужды въ утѣшеніи? Со стороны Духа утѣшителя готово утѣшеніе для каждой вѣрующей души, на каждую скорбь ея. Онъ вливаетъ въ сердце утѣшенія и надежды, о которыхъ само сердце не въ состояніи и подумать. „Духъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ, мы не знаемъ о чемъ и какъ намъ должно молиться, но Духъ самъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными“ (Рим. VIII, 26). Какъ сладки, какъ живительны тѣ утѣшенія, которыя Духъ св. посылаетъ душѣ вѣрующей, это видимъ въ примѣрѣ мучениковъ. Не были ли они покойны, не сіяли ли лица ихъ небесною

радостію въ то самое время, когда тѣла ихъ терзаемы были желѣзомъ, или обугляемы огнемъ?

И духъ міра любитъ ласкать дѣтей своихъ утѣшеніями. Даже это-то и составляетъ главную приманку, которою онъ сманиваетъ людей изъ ограды Христовой въ свои дворы. Утѣхъ, веселостей, всего болѣе ожидаютъ отъ міра. Но каковы эти утѣшенія! Онѣ пусты обманчивы, не вѣрны! Безсмертной души нельзя напоить водою земныхъ удовольствій; эта вода только усиливаетъ жажду въ бѣдной душѣ. Сами чада міра по временамъ сознаются въ томъ. Часто во время радостей грызетъ ихъ скука, во время счастія волненіе или пустота тѣснятъ ихъ душу.—Въ грѣхѣ искать жизни и сладости—напрасный трудъ: грѣхъ сѣетъ разстройство, болѣзни, смерть,—и въ душѣ и въ тѣлѣ, и въ семьѣ и въ обществѣ. Другое свойство мірскихъ удовольствій—измѣнчивость. Онѣ измѣнчивы оттого, что состоятъ въ зависимости отъ случаевъ и обстоятельствъ времени, столько перемѣнчивыхъ. Люди, отъ которыхъ ожидаютъ такъ многаго чада міра, вянутъ какъ трава,—нынѣ богаты и сильны, завтра—въ гробу. Оттого бываетъ въ свѣтѣ, что нынѣ веселы до забывчивости, завтра рвутся отъ скорби изступленной.

О! какъ много надобно намъ молиться, чтобы не возобладалъ нами духъ міра! Царю небесный, утѣшителю Душе истины! Спаси души наша. Аминь.

1850 г.

Въ ахтырскомъ монастырѣ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВЯТАГО ДУХА.

Сіи вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи (Дѣян. I, 14).

Сошествіе св. Духа на апостоловъ—событіе чудное по себѣ и дивное по послѣдствіямъ для человѣчества! Св. церковь, въ чувствахъ величія сего событія, посвящаетъ нынѣшній день особому празднованію въ честь Духа утѣшителя.

Въ семъ событіи все велико, все достойно изученія. Возьмемъ особенно то, что можетъ служить къ нашему назиданію во спасеніе. Разсмотримъ, какъ готовились апостолы къ принятію Духа св.?

Сіи вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи. Въ такомъ положеніи были вѣрные Христовы, по словамъ св. Луки, тогда, какъ получили повелѣніе ожидать въ Іерусалимѣ обѣщанія отеческаго. *Елда же исполнишася дніе пятьдесятницы,* повѣству-

етъ онъ же, *бѣша вси апостоли единодушно вкупѣ* (Дѣян. II, 1). По симъ словамъ апостолы, предъ сошествіемъ св. Духа, во первыхъ занимались молитвою, во вторыхъ занимались молитвою постоянно, въ третьихъ молились единодушно въ общемъ собраніи.

Бяху въ молитвѣ и моленіи. Къ чему, казалось, молиться, когда Духъ св. уже обѣщанъ прежде молитвы? Къ чему, казалось, молиться, когда Господь Іисусъ не давалъ приказанія апостоламъ молиться, а только велѣлъ быть не отлучно въ Іерусалимѣ и ожидать обѣтованія Отча? Видите, слушатели, молитва—необходимая потребность души нашей.—Богъ благъ. Онъ не ожидаетъ отъ насъ молитвы, какъ побужденія Себѣ для поданія помощи. Онъ благъ и, по благости, приготовилъ все нужное намъ, безъ нашей просьбы. Онъ—всевѣдущъ, знаетъ прежде нашего прошенія нужное намъ. Молитва нужна нашей душѣ, а не Богу. Намъ необходимо, какъ можно глубже чувствовать немощи и грѣхи наши, чтобы тѣмъ съ одной стороны творить дѣло правды, съ другой—открывать душу для помощи небесной. Намъ необходимо отверзать сердце, чтобы принимать дары благости Божіей. Молитва есть вдыханіе небеснаго, благодатнаго воздуха. Она то же для души, что дыханіе для тѣлеснаго организма. Пока въ душѣ есть жизнь, которою назначено ей жить, она не можетъ не молиться. Что есть молитва? Молитва есть устремленіе души къ Богу, есть жажда Бога и Божіей воли. Къ чему же и стремиться душѣ, какъ не къ Богу? Гдѣ ея покой, гдѣ радость, гдѣ свѣтъ, гдѣ вѣчная жизнь, какъ не въ Богѣ? Думаете ли, что сердца наши на своемъ пути, когда онѣ ищутъ земнаго? Думаете ли, что умъ нашъ видитъ свѣтъ, когда смотритъ онъ на суету? Внѣ Бога—мракъ, тоска, погибель. Такъ необходимо пребывать въ молитвѣ, и тогда Отецъ небесный, по обѣщанію Сына, дастъ *Духа св. просящимъ у Него* (Лук. XI, 13); тогда жизнь духовная раскроется въ томъ, въ комъ не началась она, будетъ возрастать тамъ, гдѣ началась, будетъ достигать полнаго совершенства въ томъ, въ комъ получила извѣстный возрастъ.

Апостолы и ученики Христовы *бяху терпяще* въ молитвѣ, т. е., пребывали въ молитвѣ постоянно и неутомимо. Въ терпѣніи не мало было нужды: день за день проходилъ, а обѣщанный Духъ не являлся; надобно было ждать и молиться.—Апостолы не ослабѣвали въ терпѣніи, не оставляли подвига молитвы, не давали мѣста лѣности и разслабленію; также усердно молились въ десятый день, какъ и въ первый, *бяху терпяще.* И терпѣливая молитва дождалась того, чего ожидала.—Такова—истинная молитва!—Молитва есть плодъ надежды на Бога: прилично ли же христіанской надеждѣ быть слабою или колеблющеюся? Молитва есть плодъ любви къ Господу: при-

лично ли же любви христіанской въ одно время пламенно любить Господа и по любви совершать нелегкіе подвиги для Господа, а въ другое время такъ охладѣвать въ любви, что ничего не дѣлать для Господа, даже не молиться? Нѣтъ, если и не видимъ мы въ скоромъ времени плодовъ молитвы нашей; если и долго не видимъ мы исполненія прошеній нашихъ: не будемъ малодушны, не будемъ слугами лѣни.—Какъ намъ знать совѣты Божіи о насъ? Мы не видимъ, мы не знаемъ, что и когда полезно душѣ нашей, съ какими послѣдствіями то или другое придетъ къ намъ: но Богъ знаетъ и исполняетъ прошеніе наше тогда, когда нужно исполнить. Никогда не подаетъ Онъ дѣтямъ камня вмѣсто хлѣба. Отецъ небесный для насъ же самихъ, для обученія насъ постоянству въ добрѣ, для утвержденія въ насъ духа сокрушенія и плача о грѣхахъ, для наставленія смиренію и живому признанію немощей нашихъ, можетъ на время откладывать исполненіе прошеній нашихъ. Потому-то въ молитвѣ Господней и указано намъ молиться къ Отцу небесному: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.*

Апостолы и ученики Христовы пребывали въ молитвѣ *единодушно вкупѣ.* Такъ повелѣлъ имъ Господь, когда заповѣдалъ *отъ Іерусалима не отлучатися.* Воля Его о единодушномъ моленіи объявлена была апостоламъ и еще прежде того. Онъ благоволилъ разъ на всегда сказать: *паки аминь глаголю вамъ, яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи ея-же аще просите*, т. е. если двое изъ васъ на земли, согласясь между собою, станутъ просить о чемъ либо: *будетъ има отъ Отца моего, иже на небесѣхъ. Идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 19, 20). Видите, слушатели, какъ важно собраніе общества на молитву! Тамъ, гдѣ собраны многіе во имя Господа Іисуса, тамъ несомнѣнно пребываетъ самъ Господь. Какъ же надобно дорожить молитвою церкви! Какое лишеніе для души, какая потеря для вѣчности, когда по лѣности, по самочинію, по неразсудительности духовной не приходятъ на церковную молитву! Какъ много помощи можетъ подавать намъ молитва церкви! Братъ мой! не будемъ такъ неразумны отъ гордости своей, чтобы не сознаваться, что моя и твоя молитва многаго не имѣетъ, что должна бы имѣть, и по многимъ причинамъ не заслуживаетъ благоволительнаго вниманія неба.—А при живомъ сознаніи недостатковъ молитвы нашей, какъ намъ не желать учиться достойной молитвѣ изъ примѣра братій нашихъ? Какъ не спѣшить учиться истинной молитвѣ изъ наставленій опытныхъ молитвенниковъ, предложившихъ образцы и образъ молитвы въ церкви Христовой? Моя и твоя молитва скудна, малоцѣнна: но положимъ лепту нашу въ сокровищницу молитвы

цѣлой церкви; и на нашу долю, вмѣстѣ съ прочими, достанется безцѣнный даръ благодати; наша слабая молитва, подкрѣпленная силою общей молитвы, получитъ то, чего не получила бы сама по себѣ.—Сила общественной молитвы церковной—сила изумительная!—Вспомните, что произвела она въ собраніи вѣрующихъ при апостолахъ? *И помолившимся имъ подвижеся мѣсто, идѣже бяху собрани и исполнишася вси Духа свята и глаголаху слово Божіе со дерзновеніемъ* (Дѣян. IV, 31). Видите, сила общественной молитвы потрясла зданіе, гдѣ молились, низвела на молящихся новые дары Духа св., облекла ихъ смѣлостію для проповѣди вселенской. Въ другое время апостола Петра стерегли въ темницѣ. *Молитва же бѣ прилѣжна бываемая отъ церкви къ Богу о немъ.* Ночью, по прошествіи которой Иродъ хотѣлъ вывесть Петра для суда и осужденія, Петръ спалъ между двумя воинами, окованный двумя цѣпями, и стражи стерегли у дверей темницу. Опасность была, какъ видите, крайняя; спастись не было возможности;—да и Петръ спалъ беззаботно.—И, однако, что оказалось? *Се ангелъ Господень предста.* Онъ разбудилъ Петра, повелъ и провелъ его сквозь двойную стражу, желѣзныя двери отворились сами собою, какъ спали и оковы, и Петръ оказался на свободѣ. Какъ же Петръ не молясь самъ, спасся отъ столькихъ опасностей? Его спасла молитва церкви: *молитва бѣ прилѣжна бываемая отъ церкви къ Богу о немъ;* прилежная молитва церкви, безъ вѣдома и старанія Петра, спасла Петра отъ темницы и смерти (Дѣян. XII, 1—9). Вотъ что можетъ совершать общественная молитва церкви! Вы знаете, братія, что церковь донынѣ молится въ своихъ молитвахъ за труждающуюся братію, за страждущихъ и заключенныхъ въ темницѣ. И будьте увѣрены, что эта молитва не остается безъ дѣйствія: болѣе или менѣе явственно, замѣтно или незамѣтно, молитва церкви совершаетъ свое дѣло надъ нами.—Господь вѣренъ въ своемъ словѣ: *ту есмь посредѣ ихъ*, сказалъ Онъ, и исполняетъ свое слово.—Только будьте внимательны къ смыслу церковной молитвы: церковь молится за отшедшихъ по благословной винѣ, т. е., за тѣхъ, которые не бываютъ въ храмѣ по законной причинѣ; и слѣдовательно, не имѣетъ въ виду тѣхъ, которые не бываютъ въ храмѣ по беззаконнымъ причинамъ.

Будемъ слѣдовать наставленію, преподанному намъ примѣромъ апостоловъ и учениковъ Христовыхъ.—И благодать Духа св. будетъ посѣщать наши немощи. Аминь.

1855 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

И се мужа два съ Нимъ глаголюша, яже бѣста Моисей и Илія: являшася во славѣ, глаголаша же исходъ Его, его же хотяше скончати во Іерусалимѣ (Лук. IX, 30. 31).

И среди славы небожители говорятъ не о славѣ. Послѣ стольких благодѣяній для людей, и послѣ столькихъ оскорбленій, со стороны людей, человѣчество Христа Іисуса осіявается на Ѳаворѣ славою божественною; Божество, скрывавшееся подъ завѣсою плоти, проявляется сквозь завѣсу плоти въ своемъ величіи и славѣ. О чемъ бы, казалось, приличнѣе всего говорить теперь явившимся Моисею и Иліи, какъ не о славѣ, въ которой они видятъ еще на землѣ Богочеловѣка—искупителя? Но—они говорятъ не о томъ. Они говорятъ о крестѣ и смерти, которые ожидаютъ Господа въ Іерусалимѣ.

Такъ ли мы поступаемъ, слушатели, въ счастіи? Такъ ли мы считаемъ нужными несчастія? Въ несчастіи мы унываемъ, въ счастіи не думаемъ о несчастіи, въ томъ и другомъ случаѣ поступаемъ такъ оттого, что не понимаемъ цѣны несчастій. Недавно посѣтилъ Господь страну нашу бѣдствіями. Всѣ ли понимали значеніе сего посѣщенія? Всѣ ли теперь понимаемъ, какъ несчастія нужны и полезны, особенно для счастливцевъ міра?

Если небожители въ славѣ Ѳаворской бесѣдовали о скорбяхъ: то, конечно, не лишнее дѣло для насъ подумать о значеніи скорбей для дѣтей счастія.

Богъ справедливъ. Онъ не опускаетъ изъ виду ни одного добраго нашего дѣла, даже ни одной доброй мысли. За Нимъ не пропадаетъ и слеза покаянія. Но Онъ и не воздаетъ болѣе, чѣмъ кто стоитъ. Избави Богъ несчастія—видѣть между нами такихъ, которые не дѣлали бы ничего кромѣ зла. Почти каждый, сколько видимъ, дѣлаетъ что нибудь доброе. И Богъ справедливый надѣляетъ каждаго благами, но не болѣе, чѣмъ кто стоитъ. Оттого-то Авраамъ сказалъ богачу: „ты получилъ блага въ земной жизни твоей, а Лазарь страдалъ“. Это значитъ, что богачу заплачено въ земной жизни за все что слѣдовало, а Лазаря оставалось наградить тамъ—за гробомъ. Такимъ образомъ недобрые счастливцы міра получаютъ за свои кое-какія добрыя дѣла награду здѣсь и уже не имѣютъ ея тамъ.—Какъ же не желать послѣ сего, чтобы довелось пострадать лучше здѣсь, во времени, чѣмъ страдать тамъ,—вѣчно? Что значатъ всѣ возможныя утѣшенія времени въ сравненіи съ

вѣчностію мукъ? Что значатъ всѣвозможныя бѣдствія времени въ сравненіи съ вѣчностію блаженства? Только счастливъ и счастливецъ міра, когда чувствуя ничтожество счастія земнаго, воздыхаетъ о радостяхъ неба и тайными скорбями покаянія готовитъ себѣ лучшую долю въ вѣчности.

Богъ—благъ. Онъ желаетъ намъ покоя и счастія. Но что дѣлать съ нами, когда покой земной обращается намъ не въ пользу, а во вредъ? Богъ — благъ. Цѣлая вѣчность блаженства неизобразимаго приготовлена Имъ для насъ. Но—здѣсь всѣ мы больные, для которыхъ нужны лекарства горькія. Всѣ мы—дѣти Адама; всѣ любимъ жить болѣе для плоти, чѣмъ для духа. Такъ всегда бываетъ съ нами, тѣмъ болѣе тогда, какъ счастіе земное манитъ насъ къ покою плоти и доставляетъ средства выполнять всѣ желанія плоти. Какъ легко счастіе земное разслабляетъ самый крѣпкій духъ! Премудрый не былъ изъ числа слабыхъ, а онъ молилъ Бога: *не даждь ми богатства,— да не насыщся ложъ буду и реку: кто мя видитъ* (Притч. XXX, 8. 5)? Среди покоя внѣшняго, при готовыхъ способахъ жить по желаніямъ грѣшной души, счастливецъ міра занятъ только тѣмъ, какъ удовлетворять желаніямъ плоти своей. А душа, которая больше плоти? А духъ, который такъ незамѣнимъ ничѣмъ земнымъ? Они забыты. Счастливецъ питаетъ и утучняетъ плоть, которую надлежало бы распинать съ ея страстями и влеченіями, а душа—остается безъ пищи и питья небеснаго. И вотъ *человѣкъ,* украшенный образомъ Божіимъ, *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.* И вотъ христіанинъ, возрожденный въ купѣли крещенія для жизни духовной, обогащенный неоцѣнимыми небесными дарами благодати, валяется въ грязи земной. Это жалко, очень жалко! Но тѣмъ не ограничивается несчастіе больной души. Счастіе земное, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нѣжитъ и развиваетъ чувственность, воспитываетъ помыслы и желанія гордости. *Кто мя видитъ?* говоритъ тотъ, кому все удается, и не думаетъ о томъ, что онъ сынъ грѣшной плоти, чадо гнѣва Божія.

Что же можетъ привесть въ сознаніе себя эту душу больную и не знающую своей болѣзни? Скорби, однѣ скорби. На первый разъ онѣ невольно оторвутъ ее отъ чувственныхъ удовольствій, лишатъ то способовъ, то времени заниматься предметами суеты и униженія духовнаго; а тамъ, при помощи Божіей, она и сама мало по малу будетъ усматривать, какъ суетны, какъ низки, какъ недостойны безсмертной души чувственныя удовольствія, которыя дотолѣ страстно любила она, будетъ усматривать, какъ безцѣнно царствіе Божіе, которое можемъ находить внутри себя, независимо отъ всѣхъ способовъ земнаго счастія. Скорби пробудятъ въ ней

воздыханія молитвенныя о своихъ, грѣхахъ, о своей бѣдности и униженіи; а молитва прольетъ въ сердце ея утѣшеніе, при которомъ забудутся земныя утѣшенія. Такъ она будетъ чаще и чаще уединяться и отъ скорбей и отъ радостей земныхъ въ потаенную клѣть сердца своего и тамъ бесѣдовать съ Богомъ сердца. Такъ, всякое несчастіе, хотя на первый разъ не кажется радостію, въ послѣдствіи доставляетъ мирный плодъ праведности тѣмъ, которые умѣютъ пользоваться несчастіемъ.

Посмотримъ еще ближе, какъ дѣйствуетъ на насъ тотъ или другой видъ счастія земнаго. Возьмемъ честь и славу земную. Сперва заботятся о чести, какъ будто только для нуждъ земной жизни. Но, достигнувъ одной чести,—почему, думаютъ, не искать другой? Достигнувъ другой—почему не искать третьей? И вотъ уже душа занята мыслями только о честяхъ! Вотъ желанія ея стремятся только къ честямъ. Если и приходитъ ей иногда мысль о почести вышняго званія: она говоритъ себѣ: да, надобно подумать и о переходѣ въ вѣчность,—но еще успѣю, а теперь такъ много дѣлъ нужныхъ. Между тѣмъ время идетъ, не дожидаясь нашихъ досуговъ для вѣчности. Между тѣмъ сердце честолюбца становится тверже для всего, кромѣ земной чести. Даже мысль о Богѣ великомъ и страшномъ рѣдко приходитъ ему на умъ и еще рѣже пробуждаетъ страхъ и благоговѣніе.

Точно то же бываетъ и съ богатымъ счастливцемъ. Пусть собралъ онъ довольно богатства: но онъ говоритъ: вотъ еще соберу и займусь употребленіемъ его на дѣла добрыя. Но чѣмъ болѣе собираетъ, онъ, тѣмъ сильнѣе становится въ немъ любовь къ богатству, тѣмъ больше онъ хочетъ собирать и меньше расточать. Вотъ еще соберу, думаетъ онъ, и въ старости буду помышлять объ одномъ небѣ. Какъ будто старость и дала ему слово посѣтить его; какъ будто старость и обязалась сдѣлать его щедрымъ. Бѣднякъ не видитъ себя. И теперь оскорбляется онъ, когда просятъ у него помощи; и теперь знаетъ онъ одно божество—тельца золотаго. Что же будетъ въ старости?

Скажите же, не милосердіе ли Божіе является для этихъ несчастныхъ счастливцевъ міра, когда посылаются имъ несчастія для вразумленія ихъ? Что можетъ дать имъ почувствовать, что они обманываются, отлагая отъ времени до времени покаяніе? Что можетъ вразумить ихъ, что они—странники на землѣ, которымъ никто не сказалъ о времени возвращенія ихъ въ отчизну? Что можетъ показать имъ суету всѣхъ заботъ и трудовъ и крайнюю нищету, крайнее униженіе души ихъ? Если не принесутъ имъ пользы несчастія: то уже, конечно, не исцѣлитъ ихъ счастіе, которое,

такъ льститъ страстямъ ихъ. Тяжело честолюбцу, когда лишаютъ его любимой чести: но посланное свыше лекарство окажетъ свое дѣйствіе, болѣе или менѣе ясно, болѣе или менѣе глубоко сознаетъ онъ, что земная слава—то же, что звукъ, то же, что движеніе воздуха,—не стоитъ и вздоха. Тяжело корыстолюбцу, когда лишаютъ его любимаго золота. Но не придетъ ли ему тогда нѣвольно на мысль, что земное богатство, какъ ни береги его, ускользаетъ изъ рукъ,—а нищимъ душею явиться туда—страшно!

Душа христіанская! если ты употребляешь счастіе свое во славу Божію, во благо свое и другихъ, а между тѣмъ Господь посѣщаетъ тебя скорбями: не скорби, а радуйся о Господѣ. Онъ хочетъ очистить тебя скорбями, какъ золото очищается огнемъ. Праведный Іовъ дѣлалъ доброе и въ счастіи; но, испытанный скорбями, онъ сталъ образцемъ самой высокой преданности волѣ Божіей.

Не будемъ, други мои, забываться въ счастіи. Будемъ на столько разумны, чтобы понимать и чувствовать значеніе счастія и несчастія земнаго для вѣчной жизни нашей,—и Господь Богъ пребудетъ съ нами во времени и въ вѣчности. Аминь.

1849 г.
Въ селѣ Мерчикѣ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Если вамъ, слушатели, слышна была нынѣ съ Ѳавора бесѣда небожителей—Моисея и Иліи; если вамъ слышенъ былъ изъ облака гласъ самаго Бога вседержителя; если вамъ открыта была слава Іисуса Господа, преобразившагося въ свѣтъ небесный: то что скажетъ вамъ послѣ того немощное слово немощнаго человѣка.

Но надобно желать—и, служитель слова желаетъ, чтобы гласъ неба, не только былъ слышанъ, но и внятенъ людямъ, не только знаемъ былъ для слуха, но принятъ душею. Какъ служитель слова, не изречетъ онъ отъ себя слова, но его дѣло—объяснить вамъ слово неба, при вашей молитвѣ.

Желая объяснить ѳаворскую проповѣдь, не примемъ на себя многаго; не станемъ проникать въ тайну преображенія Господня; размыслимъ о томъ, что должна производить въ насъ мысль о преображеніи Господа?

Преображеніе Господа укрѣпляетъ вѣру нашу во Христа Госпо-

да. Ученіе Господа, Его жизнь, Его дѣла показываютъ въ Немъ Сына вышняго. Но Его зракъ раба, Его крестъ—соблазнъ для міра. *И видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты: человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь,—и мы вмѣнихомъ Его быти въ трудѣ, и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи* (Ис. LIII, 2. 3. 4). Чѣмъ же успокоить духъ, возмущаемый картиною страданій Іисусовыхъ? *По днехъ шестыхъ поятъ Іисусъ Петра и Іакова и Іоанна брата его, и возведе ихъ на гору высоку едины, и преобразися предъ ними* (Матѳ. XVII, 1. 2). За шесть дней, или, если считать вмѣстѣ съ св. Лукою день бесѣды о крестѣ и день преображенія, то за восемь дней, Петръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы крестъ былъ приличенъ Тому, въ Комъ призналъ онъ Сына Божія. *Не имать быти Тебѣ сіе,* говорилъ онъ съ жаромъ, когда учитель въ первый разъ открылъ о Себѣ, что надобно страдать Ему. И вотъ, спустя шесть дней послѣ того, преобразуется Христосъ въ славу. Не безъ намѣренія сіе сближеніе событій со стороны Христа Господа; не безъ намѣренія такое указаніе на время преображенія со стороны евангелистовъ. Это даетъ разумѣть, что и по намѣренію Спасителя, и по разумѣнію евангелистовъ преображеніе Іисуса должно было ослабить соблазнъ креста, или даже показать славу креста. И въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ чудномъ величіи открылась на Ѳаворѣ слава Іисусова. Для ока земнаго нѣтъ ничего свѣтлѣе солнца, и *лице* преобразившагося Іисуса *просвѣтися яко солнце:* для ока земнаго ничего нѣтъ бѣлѣе снѣга, и *ризы* Іисусовы *быша бѣлы, яко снѣгъ.* Люди привыкли повѣрять и духовное чувствами тѣлесными. И вотъ—земные свидѣтели земными очами видятъ славу Іисусову. Люди желаютъ побѣждать невѣріе свое тѣмъ, *аще кто отъ мертвыхъ возстанетъ.* Вотъ и оставившіе землю явились опять на землѣ—Моусей и Илія;—одинъ, какъ установитель ветхаго закона, является слугою предъ начальникомъ завѣта новаго, другой какъ пророкъ, показываетъ что Сей есть, о Которомъ предвозвѣщали пророки, и, какъ ревнитель славы Іеговы, свидѣтельствуетъ о славѣ Его—Сына Божія. *Глаголаста же исходъ Его.* Смерть обыкновеннаго человѣка, столько не избѣжная, столько обыкновенная, конечно, не составила бы предмета для бесѣды небожителей. Но, если для бесѣды объ исходѣ Сына человѣческаго сошли съ неба небожители, если о смерти Сына Маріи сочли нужнымъ говорить такія великіе, каковы Моусей и Илія: то нѣтъ сомнѣнія, что это—предметъ необычайный. И когда же *глаголаста исходъ Его?* Тогда, какъ Онъ въ славѣ неземной, въ свѣтѣ небесномъ, въ сіяніи Сына Божія. Такъ, *исходъ Его* не мѣшаетъ славѣ Сына Божія; закрывая отъ видимаго ока славу, тѣмъ болѣе открываетъ ее для взора мысленнаго. Смерть Сына Божія—

чрезвычайная воля Отца небеснаго, предметъ предвѣчнаго совѣта Божія. Смерть Сына Божія—необозримое самопожертвованіе любви вѣчной, неизмѣримая тайна премудрости Божіей, дивно устрояющей спасеніе падшаго человѣка; правда безпредѣльнаго оскорблена человѣкомъ, и Богочеловѣкъ вознаграждаетъ нарушеніе дѣйствіемъ цѣны безпридѣльной—крестнымъ смиреніемъ. Было о чемъ бесѣдовать вслухъ земножителей, когда и для небожителей не совсѣмъ удобопонятенъ предметъ бесѣды; сонмы умовъ цѣлую вѣчность будутъ углубляться въ сію тайну и изучать въ ней дивное сочетаніе любви съ правдою, всемогущества съ смиреніемъ глубочайшимъ. Такова сія тайна! Небожители давно ждали спасенія человѣку падшему; давно указываемо было въ гаданіяхъ и на средство ко спасенію. Но, между дѣлами Божіими, ни на землѣ, ни на небѣ, нѣтъ предмета выше крестной смерти Сына Божія. Такъ вотъ и соблазнъ креста уничтоженъ, или болѣе чѣмъ уничтоженъ,—замѣненъ славою безпредѣльною!

Для вѣры земножителей и сего было недовольно. *И се облакъ свѣтелъ осѣни ихъ*—обыкновенное знаменіе присутствія Самого Бога—*и се гласъ изъ облака глаголя: Сей естъ Сынъ Мой возлюбленный: Того слушайте.* Отецъ вѣчности свидѣтельствуетъ, что Іисусъ не рабъ только вѣрный, подобный Моусею, но Сынъ Его, Сынъ возлюбленный, каковъ Сынъ единородный, Сынъ столь же близкій къ Нему, сколько близокъ обыкновенный сынъ къ обыкновенному отцу,—Сынъ единаго съ Нимъ существа. Можно ли ожидать свидѣтельства выше сего свидѣтельства? Можно ли представить славу выше славы Сына Божія? Одинъ изъ земныхъ свидѣтелей ѳаворской славы Іисусовой писалъ къ ученикамъ своимъ: „мы возвѣщали вамъ славу и пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, не хитросплетеннымъ баснямъ послѣдуя, но бывъ самовидцами Его величія. Ибо Онъ принялъ отъ Бога Отца честь и славу, когда отъ великолѣпной славы пришелъ къ Нему таковый гласъ: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный. И сей гласъ, съ небеси сшедшій, мы слышали, будучи съ Нимъ на святой горѣ“ (2 Петр. I, 16—18). Такъ апостолъ указываетъ на преображеніе Христово, какъ на твердое основаніе вѣры въ славу пришествія Христа Господа.

Такъ, на Ѳаворѣ слава Его была славою Единороднаго отъ Отца. Мы знаемъ это, мы видимъ это, какъ бы своими очами, слышимъ это, какъ бы своими ушами. Повергнемся убо предъ преобразившемся Господомъ въ благоговѣйномъ трепетѣ; почтимъ Сына, да нѣкогда прогнѣвается, и мы погибнемъ. Израиль новый! внимай гласу ѳаворскому,—кого слушать повелѣваетъ Онъ тебѣ, къ кому велитъ обратиться съ твоею вѣрою; въ Сынѣ Божіемъ, открываю-

щемъ въ Себѣ Отца и Духа, открытъ тебѣ Богъ и Онъ же—Спаситель и просвѣтитель твой. Но, не твоя ли пытливость придумываетъ многихъ учителей, чтобы забылъ ты Единаго учителя твоего? не твоя ли гордость отвращаетъ взоры отъ мужа скорбей, и не хочетъ сознаться, что она же обременила скорбями Сына Божія? Послѣ ѳаворскаго свѣта, чего, казалось бы, больше тебѣ, чтобы зрѣть на все во свѣтѣ Его единаго—Сына Божія, и вѣровать въ Него единаго Бога истиннаго! А твой взоръ куда устремленъ? Гдѣ для тебя великое? Для нѣкоторыхъ изъ насъ есть великіе геніи, великіе люди, могучіе правители судебъ міра, т. е., точно такъ, какъ были великіе юпитеры, великіе марсы, великіе аполлоны, великіе вулканы—всѣ великіе по нечестію и разврату, но которыми люди вытѣснили, какъ и нынѣ, изъ ума и міра, Бога истиннаго, которыми *славу нетлѣннаго Бога* измѣнили *въ подобіе образа тлѣннаго человѣка*. Гдѣ же для насъ Іисусъ,—Который съ ѳавора на Голгоѳу идетъ претерпѣть смерть, именно потому, что люди, сокрушивъ въ себѣ образъ великаго, стали и нищими, и бѣдными, и нагими, слѣпцами — безъ зрѣнія и свѣта? Судите, не язычество ли это, самое неблагодарное и грубое?

Богъ нашъ—не Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. У Него живы всѣ умершіе здѣсь, на землѣ. У Него, не какъ на землѣ, надежды праведниковъ не умираютъ, такъ же какъ и грѣшникамъ отдано будетъ свое. Посмотрите на ѳаворъ. Тамъ съ Іисусомъ и апостолами—Моисей, скончавшійся за пятнадцать вѣковъ до временъ Іисуса,—тамъ Илія, не испытавшій самой смерти, но прямо съ земли взятый на небо, за девять вѣковъ до явленія на ѳаворѣ. Они въ славѣ, тогда какъ на землѣ вся жизнь была ихъ подвигомъ за славу Іеговы; они получили все, по желаніямъ святымъ, достигли, чего искали, не ища земнаго; даже надежда увидѣть обѣтованнаго Спасителя очами тѣлесными,—и та исполнена на ѳаворѣ. Они въ славѣ, и отъ славы Сына Божія заимствуютъ свою славу. Но, по дѣйствію Его—всемогущаго, достанетъ сей славы и для всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Апостолъ учитъ о Христѣ: *Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его, по дѣйству, еже возмогати Ему и покорити Себѣ всяческая*. Какъ Моисей изъ пустыни посылалъ соглядатаевъ принесть и показать странствовавшему израилю плоды земли обѣтованной: такъ точно на ѳаворѣ показываетъ Господь избраннымъ ту славу, которая уготована на небѣ для всѣхъ вѣрныхъ Христовыхъ. На ѳаворѣ ученики Іисусовы узрѣли Іисуса въ свѣтѣ и славѣ, и отъ восторга не знали, что думать, что говорить. Душа пришла въ смятеніе отъ необычайнаго видѣнія. Пылкій Петръ отверзъ уста, но сталъ гово-

рить, самъ не зная что. *Господи! добро есть намъ здѣ быти: аще хощеши, сотворимъ здѣ три сѣни—Тебѣ едину, и Моисеови едину, и едину Иліи.* Блаженство ѳаворское такъ наполнило душу, и оказалось для земножителей такъ велико, что забыто небо и исторглось желаніе удержать небожителей на землѣ. И евангелисты едва находятъ слова для изображенія красоты ѳаворскаго видѣнія; они сравниваютъ видъ лица Іисусова съ блескомъ солнца, видъ одеждъ съ снѣгомъ: но это только сравненіе. Самая красота была неизобразима. Не забудемъ, однако, что это была красота, которую зрѣли облеченные въ плоть земную. О красотѣ небесной писалъ небожественникъ: „слышалъ слова, которыхъ человѣкъ пересказать не можетъ; око не видало, ухо не слышало, на сердце человѣку не всходило, что уготовано тамъ для любящихъ Господа". О, какъ благъ Господь къ любящимъ Его!

Для всѣхъ, слушатели, отверзсто въ Іисусѣ небо. Не унывай и не сѣтуй, подвижникъ Христовъ, обременяемый скорбями жизни земной! Надѣйся и терпи. Скорби твои велики, но такъ ли они велики, какъ скорби Моисея и Иліи? Бѣды жизни ищутъ ли души твоей, какъ искали онѣ души Иліиной? Если и такъ велики: молись и надѣйся такъ же, какъ они. Молись и помни, что получили подобострастные намъ по молитвѣ еще здѣсь, и чѣмъ ты зришь ихъ на Ѳаворѣ. Насъ слабыхъ обольщаютъ удовольствія жизни; насъ плѣняютъ пріятности свѣта. Но, зачѣмъ же не плѣняютъ насъ радости небесныя? Зачѣмъ не влекутъ къ себѣ наслажденія вѣчной жизни? Завидуютъ, смотря на счастіе грѣшниковъ; жалуются, что сосѣди живутъ покойно, весело, а сами они въ нуждѣ и бѣдности.—Любезный собратъ! пожалѣемъ лучше, что притуплено въ насъ чувство къ радостямъ ѳаворскимъ; поскорбимъ, что намъ не дано счастія, подобнаго счастію избранныхъ Христовыхъ (а не дано, конечно, потому, что мы съ тобой худо молимся). Намъ повѣдано видѣніе ѳаворское; показано, какое блаженство быть со Іисусомъ прославленнымъ; но показано и то, что на самомъ Ѳаворѣ *глаголаста исходъ Его*, говорили о крестной смерти подвигоположника нашего. А намъ хочется наслаждаться радостями, но не терпѣть скорбей; намъ хочется получить небо, но безъ подвиговъ для неба; намъ хочется счастія такого же свѣтлаго, какъ свѣтло оно было на Ѳаворѣ, но о крестѣ послѣдователей Іисусовыхъ мы не хотимъ и думать. Братія! на горѣ искушенія искуситель показалъ Спасителю *вся царствія міра;* говорилъ только о томъ, что пріятно для гордости мірской, что ласкаетъ похотямъ чрева, возжигаетъ страсти къ земному богатству. На Ѳаворѣ показана слава небесная, и вмѣстѣ нужда въ крестѣ. Къ какой сторонѣ хотимъ принадлежать мы?

Къ сторонѣ ли князя міра и погибели? Или, къ сторонѣ Господа ѳаворской славы? Выборъ въ нашей волѣ. Не откажемся же, по крайней мѣрѣ, нынѣ хранить душу для радостей ѳаворскихъ и терпѣнія крестнаго. Тебѣ представился случай идти въ веселое общество людей свѣта; повтори слова Петровы: *Господи! добро намъ здѣ* съ Тобою *быти*, и—останься съ Господомъ, оставь людей. Тебѣ скучно покажется, по правилу нынѣшняго дня, довольствоваться трапезою воздержанія,—скажи душѣ своей: ѳаворскою радостію наслаждались тѣ, которые во всю жизнь любили постъ, и—усладись постомъ. Но, ахъ! Жажда наслажденій, какъ жгучій зной, изсушаетъ нынѣ души. Чѣмъ ослабить эту жажду? Не довольствуются отдыхомъ; ищутъ удовольствій разнообразныхъ, изысканныхъ, утонченныхъ. Къ чему христіане, это ведетъ? Близко къ намъ блаженство неба,—мы зримъ его на Ѳаворѣ: но не далекъ и адъ. Остановимся, подумаемъ о себѣ. Для того ли отверзаютъ намъ небо, чтобы мы ругались надъ нимъ? А что-жъ дѣлаемъ мы, когда спѣшимъ къ наслажденіямъ нечистымъ, низкимъ, безсмысленнымъ, и оставляемъ за собою отверзстое небо? Остановимся, дабы иначе, убѣгая отъ неба, не попасть въ геенну!

Чтобы наслаждаться радостями райскими, надобно приготовить душу къ тѣмъ радостямъ, надобно жить такъ, чтобы любили мы не землю, а небо, чтобы не влекла насъ воля туда, гдѣ для чувства—вѣчная мука. На Ѳаворѣ не всѣ были и апостолы. Отчего это? Оттого, что не всѣ тогда достигли той чистоты, чтобы могли вмѣстить свѣтъ ѳаворскій. На Ѳаворъ взяты—Петръ, болѣе прочихъ извѣстный по твердости вѣры (Матѳ. XVI, 19),—Іоаннъ, *его же любяше Іисусъ*, и который любилъ Іисуса до того, что раздѣлилъ и скорби креста (Іоан. XXI, 20);—Іаковъ, первый по дѣламъ вѣры и вѣнцу мученическому (Дѣян. XII, 2). Сіи избранные уже вступили на тѣ пути, по которымъ шествуетъ Богъ; но и они пали ницъ при гласѣ Отца. Что-жъ было бы съ прочими? Такъ Богъ приближается къ намъ, когда мы къ Нему приближаемся. *Аще кто отверзетъ двери*, говоритъ Онъ, *внйду къ нему*. Значитъ, пока не отверзсты двери, Онъ не входитъ; стоитъ при дверяхъ, толкаетъ въ двери души, но ждетъ, пока отверземъ душу для Него. Посему-то требуютъ отъ насъ, чтобы преобразовались мы обновленіемъ ума своего (Рим. XII, 2); чтобы въ насъ вообразился Христосъ (Гал. IV, 19). Напрасно бы стали льстить себя надеждою что будто въ царствіе Божіе можетъ взойти что либо нечистое. Жестоко обманемся, когда станемъ ожидать приближенія къ намъ Господа отъ вѣры безплодной, отъ созерцанія мечтательнаго, позволяя волѣ поступать, какъ хочется,

какъ случится. Нѣтъ, *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость!*

Не замѣчаете ли, слушатели, что самые избранные изъ апостоловъ, Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, хотя могли быть свидѣтелями ѳаворской славы, еще имѣли нужду въ томъ, чтобы болѣе и болѣе преспѣвать въ любви къ Господу. Любовь говорила устами Петра къ наставнику: *равви! добро есть намъ здѣ быти.* Но Петръ, какъ замѣчаетъ евангелистъ, *бѣ не вѣдый, еже глаголаше* (Лук. IX, 33), или, какъ другой евангелистъ говоритъ, *не вѣдяше, что рещи: бяху бо пристрашни* (Марк. IX, 6). Петръ не зналъ ни того, что говорилъ, ни того, что надлежало сказать; говорило чувство его,— чувство, смущенное радостію и страхомъ. Согласитесь, что это состояніе не совершенное. Чего же не доставало въ Петрѣ и въ его спутникахъ? *Аминь, аминь глаголю тебѣ,* говоритъ воскресшій Спаситель Петру, *егда былъ еси юнъ, поясался еси самъ, и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси: егда же состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои, и инъ тя пояшетъ, и ведетъ, аможе не хощеши. Сіе же рече,* присовокупляетъ евангелистъ, *назнаменуя, коею смертію прославитъ Бога* (Іоан. XXI, 18. 19). Вотъ что оставалось дѣлать Петру! Оставалось жить не по волѣ своей, и страдать не по желаніямъ своимъ; оставалось невольными скорбями волю и душу приближать къ высшему совершенству. То же оставалось Іакову и Іоанну, и то же исполнили они. И тѣ изъ апостоловъ, которые, при жизни Спасителя, не могли быть свидѣтелями славы Его, въ послѣдствіи преуспѣли въ совершенствѣ подвигами;—стали способными носить высокія тайны царствія Божія на землѣ; возсѣли и на престолахъ небесныхъ судить израиля, послѣ того, какъ возрасли и укрѣпились въ вѣрѣ и любви. Такъ, воля Божія такова о насъ, что мы должны непрестанно восходить отъ совершенства къ совершенству, возрастать въ добродѣтеляхъ при помощи благодати Божіей. Жизнь духовная такова, что, если не простираемся впередъ, необходимо возвращаемся назадъ; переставая бодрствовать для добра, слабѣемъ для добра; коль скоро не живемъ для Господа, то непримѣтно живемъ для грѣха,—и чѣмъ болѣе живемъ для грѣха, тѣмъ менѣе для Господа, чѣмъ болѣе для Господа, тѣмъ менѣе для грѣха. *Помнайте жену Лотову* (Лук. XVII, 32). Бойтесь оглядываться на предметы грѣховные. Царствіе Божіе надобно брать силою, и только усильные искатели достигаютъ его (Матѳ. XI, 12). Врата, ведущія въ жизнь вѣчную—узки (Матѳ. VII, 17). Путь къ небу— путь тѣсный и скорбный. Жизнь духовная—подвигъ (2 Тим. IV, 7), сраженіе, трудъ (Іов. V, 7). Надобно непрестанно простираться впередъ, и непрестанно принуждать себя. Скажутъ: невозможно всегда идти въ гору? Напротивъ, любовь отъ навыка возрастаетъ и,

возрастая, облегчаетъ трудъ подвижничества; а холодность, а небрежность въ дѣлѣ спасенія не сберегаетъ намъ силы, а только, затрудняя въ преспѣяніи для добра, ослабляетъ душу. Братія! съ Ѳавора на Голгоѳу идетъ подвигоположникъ нашъ съ тѣмъ, чтобы своею кровію искупить насъ для Себя; выкупъ совершенъ, путь жизни показанъ. Къ чему лѣность? За Нимъ—вслѣдъ;—вслѣдъ—за апостолами; мы не въ правѣ жить для себя, по желаніямъ своей лѣности,—мы Его собственность (1 Петр. IV, 2). *Терпѣніемъ да течемъ напредлежащій намъ подвигъ, взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса.*

Господи Іисусе! Ты сіяніе славы Отчей; Ты Богъ и Спаситель нашъ. Ты показалъ ученикамъ Твоимъ славу Твою, яко же можаху. Да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный! Воспламени сердца наши любовію къ Тебѣ, да славимъ всѣ Твое святое имя и возносимъ хвалы великимъ благодѣяніямъ Твоимъ, которыя изливать на насъ не престаешь Ты, вкупѣ со Отцемъ и святымъ Духомъ. Аминь.

1842 г.

СЛОВО НА ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДНЕ,

ВЪ КУРЯЖСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Какъ прекрасенъ ликъ стекшихся на сію гору славить преобразившагося на Ѳаворѣ Господа! Люди разнаго званія, разнаго возраста, разнаго пола сошлись на одну гору славить единаго Господа. Люди, въ житейскомъ быту увлекаемые разными интересами, разными влеченіями, разными нуждами земли, сюда собрались съ одною душою, съ однимъ сердцемъ—съ сердцемъ, поющимъ хвалу Господу!

Временные посѣтители священной горы! вы чувствуете, вы видите, какъ хорошо, какъ прекрасно и временное ваше собраніе на сей горѣ, для единодушной хвалы Господу. Приглашаю васъ подумать, какъ хорошо, какъ спасительно постоянное общежитіе, которое рѣшились снова принять обитатели сей священной горы [1])

Въ чемъ состоитъ христіанскій законъ? Въ любви, въ любви къ Господу, въ любви къ ближнимъ. Это—дѣло слишкомъ извѣстное.

[1]) Въ куряжскомъ монастырѣ не задолго предъ тѣмъ возстановлено полное общежитіе, въ исполненіе указа свят. сунода.

Ученіе христіанское, поставляя любовь къ Господу высшимъ правиломъ жизни христіанской, поставляетъ любовь къ ближнимъ столько необходимою, что, по его наставленіямъ, кто не имѣетъ любви къ ближнимъ, тотъ не имѣетъ и любви къ Господу. *Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть,* поучаетъ апостолъ (Іоан. VI, 20). Любовь къ ближнему—отличительная принадлежность закона христіанскаго. *О семъ познаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою,* говорилъ Спаситель ученикамъ своимъ (Іоан. XIII, 35). Такимъ образомъ не очевидно ли, что общежитіе монашеское есть выраженіе основнаго закона христіанскаго, того закона, безъ котораго нельзя быть христіаниномъ. Какъ же высоко значеніе общежитія иноческаго!

Хотите ли видѣть въ опытѣ, какъ основной законъ христіанскій отпечатлѣвается именно въ общежитіи? Посмотрите на жизнь первыхъ христіанъ. *Народу же вѣровавшему,* говоритъ писатель дѣяній апостольскихъ, *бѣ сердце едино и душа едина: и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (Дѣян. IV, 32). У всѣхъ вѣровавшихъ была одна душа, одно сердце, и въ слѣдствіе того ни у кого не было ничего своего, а все было общимъ; въ слѣдствіе того, каждая собственность не была собственностію лица, а собственностью всего общества вѣрующихъ. Видите какъ общежитіе связано съ любовію къ ближнимъ.

Скажутъ: ужели нельзя имѣть любви къ ближнимъ, не соблюда обязанностей общежитія? Не станемъ обманывать себя: чистая, полная любовь къ ближнему точно невозможна тогда, когда каждый живетъ для себя. Чистая, полная любовь къ ближнему живетъ для ближняго, а не для себя; и потому все, что пріобрѣтаетъ, пріобрѣтаетъ не для одного себя, все, что имѣетъ, считаетъ не своимъ; силы, имущество, труды ея посвящены обществу, среди котораго она живетъ. Такова чистая любовь! Апостольское время было временемъ господства чистѣйшей любви къ Богу и ближнему, и потому оно же было временемъ ангельскаго общежитія людей. Нѣтъ сомнѣнія, что апостольская любовь не совсѣмъ удободоступна для человѣческихъ немощей. И потому не совсѣмъ доступно и апостольское общежитіе для христіанъ позднихъ временъ. Но не будемъ несправедливы къ истинѣ: не будемъ отвергать того, что если нѣтъ между нынѣшними христіанами апостольскаго общежитія, то это зависитъ отъ немощей человѣческихъ, а не отъ свойства любви христіанской. Не станемъ препираться и съ тѣмъ, что, если и въ наше время, между нами, слабыми христіанами, являются ревнители апостольскаго общежитія, они достойны всего нашего уваженія, какъ христіане лучшіе.

Что есть иночество? Иночество есть совершенное отреченіе отъ своей воли; оно есть выполненіе воли Господа, заповѣдавшаго намъ: *иже хощетъ по мнѣ итти, да отвержется себе* (Марк. VIII, 34). Что есть иноческое общежитіе? Оно есть отреченіе отъ всякой собственности въ пользу общества, и, въ слѣдствіе того, отреченіе отъ всякаго желанія, коль скоро найдутъ его несогласнымъ съ видами иноческаго общества. И такъ видите, иноческое общежитіе есть осуществленіе существеннаго характера иночества; оно есть выполненіе воли Господа объ отреченіи отъ себя самаго. Отселѣ понятно и то, какъ много значитъ иноческое общежитіе въ христіанской жизни, въ значеніи средства для умиренія страстей. Конечно непріятно быть въ постоянной зависимости отъ начальника общества, непріятно быть всегда бѣднякомъ и просить о самой малости другаго. Но за то, какъ такое положеніе приближаетъ къ нищетѣ духовной, которой обѣщана награда зрѣть Господа; оно смягчаетъ черствую гордость нашу; оно усмиряетъ бойкую самость нашу; оно заставляетъ волею и неволею умолкать вопли прихотливаго самолюбія нашего; оно отрѣшаетъ душу отъ всего земнаго и вводитъ ее мало-помалу въ свободу чадъ Божіихъ. Не хочу худо думать ни о комъ, тѣмъ болѣе о цѣломъ обществѣ; не хочу думать, что все, что получалъ ты доселѣ въ свои руки, братъ мой, употреблялъ ты на грѣхъ. Охотно вѣрю, что значительную часть, даже большую часть, обращалъ ты на воспоможеніе бѣднымъ. Но не забывай же прежде всего и того, что употребленіе силъ и собственности по своей волѣ, по своему разсужденію, уже есть выполненіе своей воли, а не отреченіе отъ нея и слѣд. опасное столкновеніе съ требованіями духа иноческаго. Затѣмъ ты, конечно, не откажешься сознаться, что нѣкую часть собственности и даже не незначительную часть употреблялъ ты на прихоти свои. А, что значатъ эти прихоти? Думаешь ли, что онѣ малость въ тебѣ, который далъ обѣтъ распинать плоть свою со страстьми и похотьми? Ахъ! нарушеніе клятвы, данное предъ Господомъ, можетъ ли быть малостію? Присмотрись еще больше къ душѣ своей. Прихоти, питаемыя въ тебѣ годами, не обратились ли для тебя въ привычку, въ страсть? Собственность, какую имѣлъ ты, не нѣжила ли въ тебѣ слабостей твоихъ? Какъ отказаться тебѣ отъ того, что она воспитывала въ тебѣ мірскую гордость, тѣшила собою душу твою и, въ случаѣ отсутствія, тревожила ее скорбями и даже страстями зависти и немилолюбія? А что,—если къ тому же она служила средствомъ къ жизни нетрезвой, къ жизни сладострастія и нечистоты? Употреблять какую бы то ни было собственность на доброе не такъ легко. Но какъ легко употребляютъ собственность на худое! Если не дѣлаютъ изъ собственности идола сердца своего, если не воспитыва-

ютъ въ душѣ *сребролюбія, иже есть идолослуженіе:* то обращаютъ деньги въ средства услуживать либо той, либо другой страсти. Вотъ почему, братія, братъ нашедшій кучу золота убѣжалъ отъ нея прочь, какъ отъ кучи ядовитыхъ змѣй! И вы знаете, что случилось съ другимъ братомъ, который, обольстясь мыслію что онъ можетъ обратить золото въ источникъ благотворенія и милости, подобралъ золото а не бѣжалъ отъ него.

Господи! призри съ небесе и виждь и посѣти виноградъ сей и утверди, его же насади десница Твоя. Аминь.

1852 г.

СЛОВО ВЪ 16 ДЕНЬ АВГУСТА,

ВЪ СВЯТОГОРСКОЙ ОБИТЕЛИ.

Хвала и благодареніе Твоей благодати, воплотившійся за насъ Сынъ вѣчнаго! Вотъ и въ семъ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно было запустѣніе, цѣлые сонмы душъ служатъ Отцу Твоему, съ полуночи до полудня и съ вечера до поздней ночи! Кто какъ не благодать Твоя превратила запустѣвшую дебрь въ веселый садъ, гдѣ ночь и день раздаются пѣнія духовныя? Кто, какъ не благодать Твоя подаетъ силы немощамъ для служенія Тебѣ, требующаго такъ много трудовъ? *Тщаніемъ не лѣнивы, духомъ горяще, Господеви работающе* (Іак. III, 11): вотъ ученіе апостольское о служеніи Господу. Работающіе Господу! Благодареніе Господу, говорить вамъ о необходимости служить Господу,—нѣтъ нужды. Благодатію Его укрѣпляемые проходите вы служеніе съ тщаніемъ нелѣнивымъ. Итакъ не настоитъ нужда говорить съ вами и противъ лѣности. Но какъ немощнымъ ручаться за себя, что не имѣемъ мы нужды возбуждать себя къ ревности Божіей размышленіемъ о словахъ апостола: *духомъ горяще.*

Духомъ горяще—это значитъ, что въ служеніи Господу надобно имѣть усердіе горячее, духъ, пламенѣющій ревностію исполнять волю Божію, какъ можно полнѣе и точнѣе.

Усердіе пламенное въ работѣ Господу составляетъ то самое, что дѣлаетъ ее угодною Господу. И человѣкъ не ограничиваетъ своего взгляда на чье-либо дѣло одною видимостію. Онъ не видитъ сердца ближняго, какъ Богъ видитъ. Въ замѣнъ того онъ старается угадать, по примѣтамъ,—съ искреннимъ ли усердіемъ дѣлается

дѣло. И онъ доволенъ бываетъ только тогда, когда видимые признаки—послѣдствія дѣла показываютъ ему, что дѣло сдѣлано добросовѣстно, усердно. Если же такъ смотрятъ люди на достоинство дѣла: какъ же Богъ сердцевѣдецъ можетъ быть доволенъ одною видимою работою? Какъ Онъ можетъ одобрять служеніе наше Ему, когда не видитъ въ сердцахъ нашихъ искренняго усердія? Нѣтъ, Онъ проситъ у насъ сердца нашего, такъ какъ Онъ есть Богъ сердца нашего. Ему должно принадлежать оно все, со всѣми помыслами, движеніями и желаніями своими. Холодность и двоедушіе въ служеніи Господу отвратительны Ему. *Сего ради, яко ни теплъ, ни студенъ еси, изблевати тя имамъ отъ устъ моихъ*, говоритъ вѣрный и истинный. Надобно избрать одно изъ двухъ,—или ваала, или Бога истиннаго. Міръ самъ не можетъ одобрить насъ, когда дѣлимъ сердце между Богомъ и міромъ. Око Господне свѣтлѣе человѣческаго. Іерусалимская вдовица не много принесла въ церковную сокровищницу,—она принесла только двѣ самыя малыя монеты. Почему же Господь такъ восхвалилъ приношеніе ея? Потому что усердіе ея было велико, потому что любовь ея была такъ сильна и глубока, что принесла храму все, что имѣла. И вотъ малая лепта стала драгоцѣнностію предъ Богомъ. Добрый мірянинъ! Почему, полагаешь ты, возжигаемыя тобою предъ иконою свѣща угодна Господу? Ты, конечно, знаешь что Богу и святымъ Его нѣтъ нужды въ земной, вещественной свѣщѣ, какъ не было нужды и въ лептѣ іерусалимской вдовы. Отчего же служеніе свѣщею угодно Господу? Оттого, что это есть видимый знакъ твоего усердія ко Господу. Видишь, здѣсь священнодѣйствующій молится, совершаетъ тайны, поучаетъ; низшіе служители алтаря читаютъ, поютъ, славословя Господа. Тебѣ же что остается дѣлать? Чѣмъ выразить свое служеніе Господу? Тебѣ предоставлено свидѣтельствовать участіе въ служеніи Богу приношеніемъ свѣщи. Такъ и ты небездѣйственный членъ боголуженія! Такъ, чѣмъ искреннѣе, чѣмъ усерднѣе, чѣмъ пламеннѣе душа служитъ Богу своему, тѣмъ угоднѣе Ему служба.

Горячее усердіе, составляя угодную Богу жертву, много облегчаетъ подвижника благочестія въ его подвигахъ для Господа. Отчего такъ тяжкимъ кажется служеніе Богу? Отчего тогда, какъ слышатъ заповѣдь—не любить міра и ничего мірскаго, не быть пристрастнымъ даже къ самымъ близкимъ по родству, ужасаются этой заповѣди и считаютъ ее неисполнимою? Безъ всякаго сомнѣнія, слово Господа вѣрнѣе всѣхъ человѣческихъ; а Господь говоритъ: *иго мое благо и бремя мое легко есть* (Матѳ. XI, 30). Отчего же, не смотря на вѣрное слово Господа, считаютъ иго Его неблагимъ и бремя Его нелегкимъ? Все это оттого, что нѣтъ въ душѣ огня

Божія, нѣтъ пламеннаго желанія—посвящать все свое и себя Господу. Доколѣ сердце сжато, холодно, не возбуждено къ добру,—душа колеблется и храмлетъ, то хочетъ идти по пути Божію, то склоняется къ распутіямъ міра, то пойдетъ въ слѣдъ заповѣдей Божіихъ, то претыкается и падаетъ въ грязи земной. Не то бываетъ, когда сердце согрѣто духовнымъ огнемъ, возбуждено ревностію служить Господу всею полнотою души. *Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Возжада душа моя къ Богу крѣпкому и живому* (Псал. XLI, 2. 3): такъ говоритъ душа, полная горячей любви къ Богу и течетъ быстро и легко, свободно и скоро по путямъ Божіимъ. Встрѣчаются труды и опасности, встрѣчаются искушенія не легкія; она проходитъ ихъ при помощи Божіей, безбѣдно. *Вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гонимы будутъ:* подвижнику благочестія болѣе скорбей, чѣмъ кому либо, въ этой землѣ плача: таковъ порядокъ Божій! Но душа, полная любовію къ Господу, все переноситъ для Господа,—любовь даетъ ей крылья, чтобы перелетать стремнины земнаго пути, безъ утомленія и усталости. Какія лютыя страданія переносили св. мученики за вѣру, и никакая смерть не могла разлучить ихъ съ Господомъ! Преподобные отцы и преподобныя матери въ суровомъ и скудномъ пустынножительствѣ находили блаженство и не хотѣли мѣнять его ни на какое счастіе земное. Простымъ сравненіемъ, но весьма вѣрно, изъясняется значеніе ревности въ жизни духовной. Когда котелъ кипитъ на огнѣ: къ нему не смѣетъ приблизиться нечистое насѣкомое, не подходитъ и хищное животное. Точно такъ, когда душа кипитъ святою ревностію къ благочестію, сей душевный огонь въ одно и тоже время и предохраняетъ ее отъ грѣховныхъ мыслей и желаній и даетъ ей силы для возрастанія въ духовномъ совершенствѣ.

Огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся, говоритъ Спаситель (Лук. XII, 49). Что это за огонь, который желаетъ Спаситель возжечь на землѣ? Конечно, это не огонь разрушительный, когда Спаситель нашъ такъ кротокъ, что и льна затлѣвшагося не гаситъ. *Крещеніемъ имамъ креститися, и како удержуся, дондеже скончаются* (Лук. XII, 50)? говоритъ Онъ въ объясненіе словъ своихъ объ огнѣ. И такъ огонь, который пришелъ Онъ воврещи на землю, есть огонь ревности къ исполненію воли Отца небеснаго. Вотъ чего желаетъ Онъ—Господь нашъ отъ рабовъ своихъ! Вотъ чего ожидаетъ Онъ отъ насъ послѣдователей Его! Любовь, достойная истинныхъ христіанъ, есть любовь къ Богу пламенная. Имя христіанина требуетъ, чтобы горѣлъ въ насъ огонь любви божественной и звалъ бы насъ на самыя страданія, проти-

востоялъ бы въ насъ всѣмъ искушеніямъ міра и страстей, возвышалъ бы насъ до подвиговъ совершенной духовной жизни.

Братія св. обители сей! Намъ особенно должно отличаться горячимъ усердіемъ къ исполненію воли Божіей, такъ какъ обѣтами иночества обязались мы быть преимущественными слугами Божіими и Христовыми.

Не спроситъ ли кто либо: что дѣлать намъ, когда не ощущаемъ въ себѣ горячаго усердія къ Господу? Молитесь, скажемъ въ отвѣтъ, молитесь Тому, Кто съ тѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы воврещи на землю огонь. Онъ никому не откажетъ въ своемъ дарѣ. Возбуждайте сердце свое воспоминаніемъ благодѣяній, явленныхъ намъ въ Сынѣ Божіемъ и непрестанно являемыхъ каждому въ его жизни. Гоните отъ себя холодность и небреженіе размышленіемъ о мукахъ геенскихъ, которыя готовы для презрителей благодати Христовой. Ибо если тогда—въ завѣтѣ ветхомъ—глаголанное ангелами слово было непреложно и всякое преступленіе нашло себѣ месть справедливую: какъ мы убѣжимъ гнѣва и мщенія Божія, если будемъ не радѣть при такихъ средствахъ къ спасенію (Евр. II, 2. 3)!

Спасителю міра! и немощны и грѣшны мы предъ Тобою! Твой ликъ божественный да защититъ насъ отъ огня правды Божіей и да возжетъ въ насъ огнь любви Божіей для достойнаго служенія Тебѣ. Аминь.

1852 г.

СЛОВО ВЪ 16 ДЕНЬ АВГУСТА.

Блаженни очи видяшіи, яже видите (Лук. X, 23).

Подлинно блаженны были апостолы. Они видѣли Того, Кого желали видѣть всѣ патріархи и пророки и не видѣли. Они видѣли своими очами ожиданнаго вѣками Спасителя міра, видѣли слово жизни, сквозь оболочку плоти, проявлявшее въ Себѣ Единороднаго отъ Отца (Іоан. I, 14).

Какъ однако легко быть можетъ, что люди или смотрятъ на предметы низкіе, оставляя безъ вниманія высокіе предметы, или смотрятъ на предметъ высокій, но не видятъ его, въ его подлинномъ видѣ! Ожиданный вѣками, исполненный благодати и истины (Іоан. I, 4) былъ предъ очами всѣхъ дѣтей израиля: но вотъ самая большая часть ихъ *очи свои смыжиша, да никогда узрятъ очима и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся* (Мат. XIII, 15).

Такъ зрѣніе—дорогая вещь для души, оно можетъ доставлять душѣ много радости чистой, свѣта успокоительнаго, но тогда, когда умѣемъ имъ пользоваться.

Зрѣніе дано намъ не для того, чтобы смотрѣли мы на міръ и на людей безъ цѣли, безъ мысли здравой. Оно дано намъ для того, чтобы, указывая намъ на опасности и выгоды для организма тѣлеснаго, доставляло уму предметы для созерцаній высшихъ, для размышленія о Богѣ и вѣчной нашей жизни.

Пріидите и видите дѣла Божія, говоритъ пророкъ (Псал. XLV, 9). Вотъ самый первый, самый главный предметъ для зрѣнія нашего. Важнѣе, дороже, нужнѣе Бога нѣтъ ничего.

Гдѣ же видѣть дѣла Божія? Міръ представляетъ намъ самыя великолѣпныя картины, самыя дивныя созданія великаго художника. Надъ главами нашими разсыпаны міріады звѣздъ и свѣтилъ. По землѣ волнуются моря, не смѣя выти изъ назначенныхъ имъ границъ и поверхность земли каждый годъ роскошно убирается зеленью и цвѣтами, какъ не умѣлъ украшаться Соломонъ.—Стоитъ только размышлять о томъ, что мы видимъ въ мірѣ видимомъ, чтобы видѣть *невидимая Божія*—Его могущество, Его благость, Его славу. „Невидимое Его, Его вѣчная сила и божество, отъ самаго сотворенія міра видимы, чрезъ разсматриваніе тварей“ (Рим. I, 20).

Исчезоша очи мои въ слово Твое (Псал. CXVIII, 82), говоритъ св. пѣвецъ. Вотъ и еще предметъ для зрѣнія—слово Божіе! Св. пѣвецъ такъ сильно желалъ смотрѣть и смотрѣлъ въ слово Божіе, что отъ напряженнаго зрѣнія притуплялись глаза его. И есть, на что смотрѣть въ словѣ Божіемъ. Въ словѣ Божіемъ открыты тайны Божества, которыхъ нигдѣ болѣе нельзя видѣть; а отношенія Бога къ мірамъ созданнымъ изображены въ святомъ писаніи такъ ясно, какъ только желать нужно. Буквы природы довольно не разборчивы, особенно для больныхъ глазъ нашихъ; разнообразіе предметовъ видимыхъ можетъ утомить насъ, можетъ развлечь насъ, прежде чѣмъ дойдемъ до высокой мысли ихъ. Святое писаніе говоритъ намъ о Богѣ и о нашемъ спасеніи ясно, просто, опредѣленно. Смотри и учись!

Церковь, какъ храмъ Божій, есть вещественное изображеніе таинъ христіанскихъ. Въ храмѣ Божіемъ есть на что смотрѣть. Здѣсь лики святыхъ Божіихъ; здѣсь изображеніе таинъ славы Божіей; здѣсь *красота Господня.* Если бы и пришелъ тебѣ грѣшный помыслъ: спѣши смотрѣть на изображенія святыхъ Божіихъ и ихъ святость прогонитъ отъ тебя нечистую мысль. Какое великое благодѣяніе для народа и для всѣхъ православный храмъ! Для народа, неумѣющаго читать книгъ, храмъ съ его св. иконами—училище

вѣры и благочестія, при чемъ наставникъ—благоговѣйное зрѣніе.

Какъ смотрѣть на людей? Сношенія съ ними такъ часты, а всегда ли безопасны?

Чѣмъ опредѣляются отношенія наши къ ближнимъ? Заповѣдію о любви. Итакъ пусть заповѣдь о любви управляетъ и взоромъ нашимъ на людей.

Любы милосердствуемъ, говоритъ апостолъ. Пусть же и взоръ нашъ дышетъ милосердіемъ. По евангельской повѣсти, на дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ валялся человѣкъ избитый жестокосердіемъ дурныхъ людей.—Левитъ прошелъ мимо его, не обративъ сострадательнаго взгляда. Поступокъ несообразный съ заповѣдію о любви! Не подражай ему. Подражай самарянину. Тотъ, увидавъ того же человѣка, осмотрѣлъ раны его, обмылъ ихъ, облилъ елеемъ, обвязалъ, потомъ привезъ несчастнаго въ гостинницу и нанялъ гостинника, чтобы тотъ ходилъ за больнымъ, до его выздоровленія. Вотъ прекрасное употребленіе зрѣнія! Не отвращайте взоровъ вашихъ отъ бѣдъ ближняго. Не проходите со взглядомъ презрѣнія мимо нищеты, какъ бы грязна она ни была. Если не можете сдѣлать всего нужнаго для бѣдняка: по крайней мѣрѣ, не отягощайте его взглядомъ холодности безчувственной,—не увеличивайте скорби его взоромъ отталкивающимъ.

Любы не превозносится, не гордится, говоритъ апостолъ. Помните это свойство любви и вы не станете смотрѣть взоромъ гордаго самолюбія на недостатки и слабости ближняго. Что заставляетъ васъ высматривать проступки другаго! Тайная гордость, тайное желаніе самолюбія—стоять выше другихъ, преступное желаніе извинять себя въ грѣхахъ, на счетъ положенія другихъ. И какъ далеко можетъ заводить самолюбіе на этомъ пути! За недостаткомъ дѣйствительныхъ проступковъ въ другомъ, оно само придумываетъ грѣхи въ другомъ и въ подкрѣпленіе ссылается на свои глаза. Такъ поступали фарисеи со Христомъ Господомъ. Они слѣдили за каждымъ шагомъ Его, толковали по своему поступки Его и довели дѣло до того, что распяли Господа своего. Будь же остороженъ: не дозволяй самолюбію гордому злоупотреблять твоимъ зрѣніемъ. Пусть смиренная любовь располагаетъ твоимъ зрѣніемъ. Она если и увидитъ грѣхъ въ братѣ, покроетъ его молчаніемъ; она будетъ повторять тебѣ: *что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши! Лицемѣре! изми первѣе бервно изъ очесе твоего и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Матѳ. VII. 3. 5).

Любы не завидитъ, говоритъ апостолъ. Итакъ не обращайте завистливаго взора на счастіе ближняго; по духу любви, счастіе ближ-

няго должно радовать васъ, какъ бы ваше собственное. Устремляя завистливый взоръ на счастіе ближняго, вы только вредите себѣ самимъ, лишаете себя покоя. Сдѣлайте другое употребленіе изъ вашего взора. Смотрите весело на счастіе другаго, какъ на счастіе свое: и взоръ вашъ доставитъ покой душѣ, и съ покоемъ—успѣхъ въ любви святой.

Горе міру отъ соблазнъ, говоритъ Спаситель. А какъ принимается соблазнъ душею? Всего чаще при посредствѣ зрѣнія. Итакъ, чтобы избѣжать горя, которымъ надѣляютъ соблазны, надобно сдерживать зрѣніе, надобно умѣрять употребленіе его при встрѣчѣ съ предметами соблазняющими.

Спаситель говоритъ: *всякъ иже возритъ на жену, во еже вожделѣти ю, уже прелюбодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. V, 28). Грѣхъ, живущій въ плоти нашей, такъ живъ, такъ дѣятеленъ, что обращаетъ себѣ въ пищу первый встрѣчающійся ему предметъ. Итакъ какъ этотъ предметъ встрѣчается ему при посредствѣ зрѣнія: то бѣдное зрѣніе оказывается слугою грѣха. Берегись же смотрѣть на предметы, соблазняющіе плоть: берегись, чтобы не вспыхнулъ адскій пламень въ тебѣ. Не умна отважность, коль скоро силъ мало, а врагъ силенъ. Лучше избѣгать встрѣчи съ предметами соблазна, чѣмъ съ неумною самонадѣянностію становиться предъ ними для борьбы ненадежной.

Отврати очи мои, еже не видѣти суеты, молился пророкъ (Псал. CXVII, 17). Итакъ не для чего домогаться смотрѣть на предметы суеты, на все, что придумываетъ корысть для легкомыслія забывчиваго. Наряды неумнаго щегольства, пышность роскоши и страсти нечистой, чему тебя научатъ? Какъ сохранишь ты неразсѣяннымъ умъ твой на молитвѣ, если наполнишь его образами міра суетнаго? Какъ соблюдешь духъ сокрушенія, если послѣ молитвы идешь смотрѣть на забывчивую веселость міра грѣшнаго? Люди міра своею забывчивою жизнію—примѣры грѣха, а не добра; потому безполезно, если и не вредно, засматриваться на нихъ. Точно тоже должно сказать о книгахъ, писанныхъ людьми міра. Ихъ книги похожи на ихъ жизнь. Они легки, потому что пусты; они пріятны, но для души больной.

Что дѣлать, когда соблазнъ міра самъ стоитъ предъ глазами нашими? Прежде всего не оставлять мысли объ опасности соблазна и потому—бояться его. Потомъ, если нельзя уклониться, старайся смотрѣть не иначе, какъ велитъ евангеліе. На пр., что такое одежда пышная? Одежда—трауръ падшей души; одежда, изысканная искусствомъ, соткана корыстію, а куплена или дѣтскимъ тщеславіемъ или играніемъ плотской страсти. При такомъ взорѣ на одежду

конечно не удобно ею тѣшиться, а скорѣе надобно плакать о бѣдной душѣ, которая тѣшится ею.

Помните же, братія, какъ надобно владѣть зрѣніемъ.—Богъ свѣта и разумовъ да озаряетъ сердца наши для разумѣнія вещей полезныхъ и опасныхъ. Аминь.

1852 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ВОЗДВИЖЕНІЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ.

ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ПОКРОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Съ великимъ утѣшеніемъ, братія, увидѣлъ я въ семъ мѣстѣ храмъ, посвященный страданіямъ Господа Іисуса. Еще съ большимъ утѣшеніемъ вижу усердіе ваше, съ какимъ каждую среду посвящаете вы слушанію акаѳиста славословія распятому Господу Іисусу. Апостолъ ни о чемъ не хотѣлъ болѣе знать, какъ объ имени Господа Іисуса и того распятаго. *Мы же проповѣдуемъ*, говоритъ онъ, *Христа распята, іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе, самымъ же званнымъ Христа Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. I, 23. 24). Свято послѣдованіе ваше примѣру апостола. Нынѣ вся церковь совершаетъ поклоненіе кресту Господа Іисуса; тѣмъ болѣе чести для вашей любви къ кресту Господню, которая, не слабѣя совершаетъ поклоненіе и во всякое другое время. Да сохранитъ въ васъ благодать Духа святое св. усердіе ваше къ распятому Спасителю нашему.

При такомъ расположеніи вашемъ вполнѣ увѣренъ, что пріятно для васъ размыслить о словахъ апостола, проповѣдующаго о Христѣ распятомъ, какъ о Божіей силѣ и Божіей премудрости для званныхъ.

Христосъ распятый—Божія сила. Какъ это такъ? Всѣ дѣла Божіи, при всемъ величіи ихъ, просты и объясняются однѣ другими. Для насъ изумительно, какъ безпредѣльный являлъ творческую силу свою въ предѣлахъ творившагося міра. Еще болѣе изумительно, какъ тотъ же безпредѣльный являетъ промыслительную силу свою даже въ такой малости, какова птичка, питаемая Имъ. Но дѣйствительность творенія и промышленія очевидна. Скажемъ ли, что недостойно величія Божія являться въ позорномъ видѣ осужденнаго на смерть? Но не прежде ли должны сказать, что нѣтъ

такого величія на землѣ, которое было бы вполнѣ достойно величія безпредѣльнаго? Безпредѣльная благость Божія—вотъ что дозволяетъ безпредѣльно великому являться въ болѣе или менѣе тѣсныхъ предѣлахъ сотвореннаго!

Христосъ распятый—Божія сила. Пусть злоба человѣческая довела величіе Іисуса до униженія. Но въ самомъ униженіи какъ великъ сей униженный! Тотъ, кто словомъ воскрешалъ мертвыхъ и повелѣвалъ стихіями, конечно могъ, если бы захотѣлъ, сойти со креста: но Онъ свободно остается на крестѣ. Слышитъ хулы невѣжества и страстей: но тихъ и покоенъ, какъ въ бесѣдѣ съ друзьями. Терпитъ муки смерти самой лютой: но лишь одинъ голосъ исторгается изъ сердца Его,—голосъ преданности волѣ Отца небеснаго. Тогда, какъ изнеможенный умолкаетъ Онъ на крестѣ, небо и земля подаютъ о Немъ голосъ. Солнце померкло, земля потряслась, камни разсѣлись, завѣса храма раздралась сверху до низу, многіе изъ святыхъ воскресли и явились во Іерусалимѣ. *Воистинну Божій Сынъ сей бѣ*, говорили даже язычники—воины, видѣвшіе все это своими глазами.

Но это только начало явленіямъ силы распятаго. Мракъ лежитъ надъ народами: алтари посвящены гнусностямъ, Богъ истинный забытъ, народъ избранный мечтаетъ лишь о земномъ царствѣ. Кто разсѣетъ эту тьму повсемѣственную, столько унижающую человѣчество? Кто дастъ движеніе спасительное мыслямъ цѣлой вселенной? Ни правители народовъ, ни мудрецы міра не даютъ другаго сердца человѣку. Наставленія ихъ могутъ быть и умны: но движенія, производимыя ими, ограничиваются воздухомъ. О Господи! Только Ты можешъ вливать жизнь новую въ разстроенный грѣхомъ организмъ душевный. *Аще не иду, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ. Аще же иду, пошлю Его къ вамъ* (Іоан. XVI. 7). Такъ говорилъ шедшій на крестную смерть. И Онъ исполнилъ слово свое. *Любы Божія изліяся обильно въ сердца* вѣрующихъ *Духомъ святымъ* (Рим. V, 5). И не смотря ни на какія препятствія повлекла міръ крестнымъ путемъ къ торжеству освященія и прославленія. *Еще единою Азъ потрясу и небомъ и землею, и моремъ и сушею,* сказалъ Онъ чрезъ пророка. И сбылись слова Его. Вотъ всѣ народы въ движеніи: алтари падаютъ, идолы сокрушаются, грѣхи боготворимые оплакиваются раскаяніемъ. Напрасно воздвигаются гоненія противъ поклонниковъ новаго имени. Костры пламени не гасятъ пламени любви къ Богу, дотолѣ незнаемому. Имя распятаго торжествуетъ надъ силами имперіи всемірной. И чрезъ кого же? Чрезъ простыхъ, палестинскихъ рыбарей, у которыхъ нѣтъ ни средствъ образованности, ни пособій власти. Да, все право имѣлъ говорить

апостолъ: „немощное міра избралъ Богъ, дабы посрамить сильное и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, дабы разрушить значущее“ (1 Кор. I, 72, 28).

Христосъ распятый—Божія премудрость. Слово вѣчное оставило людямъ слово свое; и мудрые міра, услышавъ это слово, бросаютъ мудрость свою, чтобы любить мудрость распятаго. И какъ не мѣнять мудрости вѣковаго язычества на мудрость распятаго, когда въ Его мудрости все есть, что только способно возвысить умъ человѣческій, и ничего нѣтъ оскорбляющаго чистыя начала его, когда въ ней рѣшаются тайны бытія человѣческаго и открываются недозримыя тайны Божіи! Какъ не принять и не обнять всею душею той мудрости, которой столько ищетъ душа и не находитъ нигдѣ на землѣ, тогда какъ видитъ ее во Христѣ! Сама душа сказываетъ человѣку, что ученіе распятаго—ученіе не земное, а послано Отцемъ небеснымъ. Кто хочетъ творить волю Его—Отца небеснаго—тотъ узнаетъ, отъ Бога Мое ученіе, или я самъ отъ себя говорю: такъ свидѣтельствовалъ Христосъ о своемъ ученіи и свидѣтельство Его подтвердили жизнію и смертію своею тысячи исповѣдниковъ и мучениковъ. Мудрость мудрецовъ міра недоступна для большинста людей и можетъ быть пріобрѣтаема только не многими. Ученіе распятаго Іисуса—достояніе всѣхъ и каждаго; оно понятно для не ученаго, хотя вмѣстѣ приводитъ въ изумленіе людей глубокомысленныхъ; дѣти и старцы, мужи и жены, богатые и бѣдные, образованные и необразованные—всѣ находятъ въ немъ нужное для вѣчнаго спасенія; всѣмъ подаетъ оно свѣтъ животворный, какъ для всѣхъ свѣтитъ солнце, какъ для всѣхъ благъ Отецъ небесный.

Христосъ распятый—Божія премудрость. Враги дѣлали дѣло своихъ испорченныхъ сердецъ: но они не видѣли, что были орудіями премудрыхъ совѣтовъ вѣчной любви Его къ намъ. Не примѣчали, какъ устрояемый руками ихъ крестъ, въ тоже время устроялся волею самаго распявшагося на немъ. Если бы они, по примѣру разсудительнаго разбойника, пересмотрѣли свои дѣла, а не чужія, чувствовали свою виновность предъ правдою Божіею: то изъ глубины души воскликнули бы вмѣстѣ съ разбойникомъ: помяни насъ Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ. Поверглись бы въ благоговѣніи предъ безпредѣльною любовію Божіею, избравшею столько же мудрое, сколько и великое средство къ спасенію насъ грѣшныхъ. Зачѣмъ думать, что безпредѣльное могущество Божіе не имѣло иныхъ путей къ спасенію людей, кромѣ смерти Сына Божія? Но надобно быть слишкомъ ограниченнымъ въ смыслѣ, чтобы не понимать, какъ избранный безпредѣльною волею Божіею путь сообразенъ съ премудростію Божіею. Надобно было удовлетворить безпре-

дѣльной правдѣ Божіей и она удовлетворена крестнымъ подвигомъ—смиреніемъ вѣчнаго Сына Божія. Надобно было, чтобы удовлетвореніе принесено было человѣкомъ, и оно принесено Сыномъ человѣческимъ. Первый грѣхъ открылся въ людяхъ мечтательною надеждою быть, *яко бози*; для его уврачеванія является безпредѣльное смиреніе Сына Божія. Вкушеніемъ запрещеннаго плода совершилось отступленіе отъ воли Божіей. Страданіемъ пречистой плоти Христовой на древѣ крестномъ наказывается это возмущеніе чувственности противъ духа.

Истинно во Христѣ и чрезъ Христа—Божія премудрость. Христосъ Божія сила и Божія премудрость для *званныхъ*. Отчего же не для всѣхъ? Ужели онъ не желаетъ являться всѣмъ и каждому, не желаетъ быть познаннымъ всѣми? Ахъ! Онъ всеблагій благоволилъ явить всѣмъ славное лице свое, для ихъ просвѣщенія и блаженства. Но не всѣ желаютъ видѣть лице Его. *Званные* суть тѣ, которые душею и жизнію отвѣчаютъ на гласъ Божій, призывающій ихъ къ спасенію вѣчному; это тѣ, которые, будучи внимательны къ званію Божію, слушаютъ и изучаютъ всею душею свидѣтельства неба о Христѣ и потому познаютъ Христа. Апостолъ свидѣтельствуетъ, что Христосъ распятый—соблазнъ для іудеевъ и глупость для еллиновъ. Отчего это?

Для іудеевъ Онъ соблазнъ, оттого что занятые землею, они желали видѣть въ Немъ только земнаго царя, который осуществилъ бы надежды ихъ на ихъ земное счастіе, между тѣмъ Онъ не доставилъ имъ ни славы, ни могущества великаго народа. Еллинамъ казался Онъ глупостію оттого, что они искали только суетной, пустой, діалектической мудрости, забавлявшейся словами, а не искавшей истины Божіей.

Страшно считать Христа Господа соблазномъ. Но напередъ надобно страшиться расположеній, которыя не замѣтно, но съ силою, вовлекаютъ въ это положеніе. Не покоятся ли надежды многихъ изъ насъ, какъ и надежды іудеевъ, только на землѣ? Не на землѣ ли только многіе желаютъ пользоваться всѣми дарами какихъ, только ожидаютъ отъ благости Божіей? Не здѣсь ли только желаютъ богатѣть и наслаждаться радостями и пользоваться извѣстностію? А при такихъ расположеніяхъ могутъ ли знать и чувствовать, кто таковъ для насъ Христосъ Іисусъ? Привыкая цѣнить всѣ вещи и случаи только по ихъ отношенію къ землѣ, могутъ ли оцѣнять неземное значеніе предметовъ духовныхъ? Увлекаясь пріятностію извѣстности земной, богатства временнаго, честей здѣшнихъ, начинаютъ стыдиться убожества Іисусова, становятся холодны къ славѣ имени распятаго, теряютъ и вкусъ и смыслъ для величія

Іисусова. *Царство мое нѣсть отъ міра сего*, сказалъ Спаситель; и это знаютъ христіане. Но какъ разстаться съ блескомъ земнымъ, который полюбили? Какъ любить то царство, котораго не видятъ глаза, омраченные землею? Какъ любить то, отъ чего далеки душею?

Искать истину дѣло святое. Но какъ искать ее? О томъ уже ни слова, что діалектическая игра мыслей и словъ—забава дѣтей. Но и упражненіе мыслей истиною, не простирающее, вліянія своего на образованіе сердца и воли—одно крушеніе духа, вредное особенно тѣмъ, что богатствомъ познаній, хотя и безплоднымъ, питается гордость духа. Когда съ знаніемъ не соединяютъ дѣлъ: то являются дѣла превратныя, которыми въ свою очередь вызываются знанія превратныя. Такъ въ злохудожную душу не входитъ премудрость. Воспитанная знаніемъ безплоднымъ, гордость дерзко подвергаетъ сомнѣніямъ самыя священныя истины, которыхъ не начинала понимать; возстаетъ противъ всего не согласнаго съ принятыми мнѣніями, тогда какъ эти мнѣнія—произволъ. Въ такомъ положеніи истины, сами по себѣ составляющія источникъ чистыхъ созерцаній и самыхъ глубокихъ мыслей, каково искупительное страданіе Богочеловѣка, кажутся чѣмъ-то несообразнымъ съ самимъ собою, глупостію, тогда какъ глупо и гибельно только самое настроеніе души.

Распятый Спаситель нашъ! Даждь намъ до послѣдняго издыханія искреннею душою, самою жизнію нашею, исповѣдывать Тебя какъ Божію силу и Божію премудрость. Аминь.

1849.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-Е.

СЛОВА НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМОВЪ.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВО ИМЯ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

ВЪ Г. ВЕНДЕНѢ.

Благословенъ Богъ, который даруетъ храмъ свой человѣку, и особенно сей храмъ!

По всему праву можемъ сказать, что сей храмъ дарованъ Господомъ. Для славы Божіей не могу умолчать въ семъ хра-

мѣ о тебѣ, почившая раба Божія.—Въ скорби сердца твоего ты положила обѣтъ послужить созданію храма Господня, но для кого? Не для себя, а для тѣхъ, къ которымъ приближала тебя любовь ко Христу. Чѣмъ менѣе желала ты для себя, тѣмъ больше пріятныхъ надеждъ для тебя.—Утѣшилъ Господь скорбь сердца твоего, услышалъ молитву твою: дѣти твои остались живы среди смертей войны. Долго не могло исполниться обѣтное желаніе сердца твоего, не отъ недостатка силы въ желаніи, но по устроенію Божію. Чада обѣта твоего со всѣмъ усердіемъ, со всѣмъ безкорыстіемъ, точно какъ и ты, служили исполненію благочестивой мысли твоей. Много надобно было понесть трудовъ, много испытать непріятнаго. Но безкорыстная цѣль храма достигнута. И—въ какомъ видѣ? Жена, помазавшая благовоннымъ мѵромъ главу Господа, казалось, совершала дѣло немудрое, обычное женѣ. И однако за доброту ея намѣренія, за вѣру ея простую, Господь тогда же повелѣлъ говорить о ней въ церквахъ всего міра. Не сомнѣваюсь о Господѣ живыхъ, — душа твоя исполнена теперь радости о Господѣ, исполнившемъ послѣднее желаніе твое. Не сомнѣваюсь о Господѣ благодати, — благодать прольется изъ священнаго храма на сыны сыновъ твоихъ за высокую доброту желанія твоего. Не сомнѣваюсь о Господѣ, вѣрномъ въ обѣщаніяхъ,—утѣшеніе, которое подаешь ты скорбнымъ сердцамъ, во имя Божіе, симъ храмомъ, помянется предъ Господомъ во благословеніе тебѣ и чадамъ твоимъ до вѣка.

Благословенъ Господь Богъ, дарующій храмъ свой человѣкамъ. Богъ вездѣсущъ. Онъ не имѣетъ нужды въ храмѣ. *Кій домъ созиждете Ми, и кое мѣсто покоища Моего?* глаголетъ Господь (Исаи. LXVI, 1). Для Него весь міръ—храмъ, да и тотъ малъ. Но человѣкъ ограниченъ; для ограниченнаго нужно ограниченное явленіе славы Божіей. Тогда, какъ Богъ вездѣ съ человѣкомъ, человѣку нельзя быть вездѣ съ Богомъ. Итакъ для человѣка нуженъ храмъ Божій. Богъ вездѣсущій есть Богъ и благій. По благости своей Онъ снисходитъ къ нуждамъ человѣка, снисходитъ и къ нуждѣ въ храмѣ; благоволитъ быть храму, даруетъ ему и благодать особеннаго присутствія Своего. Благословенъ Богъ, заключающій неизмѣримую силу свою въ измѣримомъ пространствѣ для человѣка!

Будетъ ли храмъ подъ новымъ небомъ, въ Іерусалимѣ небесномъ? *И храма не видѣхъ въ немъ*, говоритъ тайновидѣцъ. Какъ же, казалось, быть граду Божію безъ храма Божія? *Господь бо Богъ Вседержитель храмъ ему есть и агнецъ* (Апок. XXI, 22.), объясняетъ необычайное зрителю необычайнаго. Но что это за объясненіе? Какъ понять его? Храма не видно, оттого, что Самъ Вседержитель есть храмъ и агнецъ? Что это значитъ? Это означаетъ, что

человѣкъ Іерусалима новаго такъ усовершенъ и возвышенъ, что твари не закрываютъ отъ Него присутствія Божія,—такъ чистъ и просвѣтленъ, что ни земныя страсти, ни земные предметы не препятствуютъ ему входить къ Вседержителю. Однако и тамъ не совсѣмъ непосредственно приступаютъ къ Богу. И тамъ между Богомъ и человѣкомъ—агнецъ. Вѣчный агнецъ, Богочеловѣкъ, ходатай нашъ своимъ человѣчествомъ умѣряетъ свѣтъ Божества незримый, нестерпимый для человѣка; а своимъ Божествомъ просвѣщаетъ и обоготворяетъ человѣка, для котораго неприступно само по себѣ Божество. *Свѣтильникъ его Агнецъ* (Апок. XXI, 23). Итакъ, и тамъ не безъ храма. И тамъ нужно для человѣческаго взора ограниченіе свѣта неприступнаго. Что же сказать намъ о себѣ? Мы еще не въ новомъ Іерусалимѣ, а на землѣ ветхой. Или не думаетъ ли мудрость человѣческая создать такой градъ съ его храмомъ на землѣ, и потому домогается мнимымъ познаніемъ вездѣсущія Божія разрушить наши храмы Богу? Нѣтъ, не создать ей сего града; онъ долженъ *сойти отъ Бога съ небесе* (ст. 10). Нѣтъ, ничего не созиждетъ мудрость человѣческая, кромѣ Вавилона. Съ насъ пока довольно и того, что *въ храмѣ стояще на небеси стояти мнимъ и молимъ: Богородице, дверь небесная, отверзи намъ двери милости твоея.* Съ насъ довольно и малаго неба на землѣ, гдѣ чрезъ молитву, чрезъ слово Божіе, чрезъ таинства можемъ входить въ общеніе съ Богомъ.

Кто мы теперь на землѣ? Мы бѣдные странники. Грѣхъ затмилъ въ насъ образъ Божій, освящавшій въ райское служеніе Богу; грѣхъ скрываетъ отъ насъ присутствіе Божіе. Если и для Адама небеснаго нуженъ храмъ, то для насъ, съ душею больною и плотію нечистою, очевидна, настоятельная нужда въ тайноводственномъ храмѣ. Мы живемъ не только на землѣ, но землею. Земные предметы разсѣеваютъ и соблазняютъ, омрачаютъ и клонятъ къ землѣ душу нашу; и—они же, при другомъ сочетаніи, могутъ возбуждать и поддерживать, питать и укрѣплять стремленіе къ небу, смиряя гордость испорченнаго духа нашего. Итакъ, нужна только духовная опытность, чтобы умѣть выбрать для слуха и очей предметы съ чистымъ спасительнымъ дѣйствіемъ на душу. Благословенъ Богъ, дарующій намъ храмъ свой!

Люди чувствовали нужду въ видимомъ храмѣ: но лучшіе не дерзали заключать вѣчнаго во времени, Вездѣсущаго въ мѣстѣ, пока Самъ Богъ не являлся въ опредѣленномъ мѣстѣ. *Есть Господь на мѣстѣ семъ; азъ же не вѣдяхъ*, говорилъ Іаковъ въ ужасѣ. *Страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная* (Быт, XXVIII, 16. 17. 19). Въ послѣдствіи Богъ повелѣлъ

создать на семъ мѣстѣ жертвенникъ (Быт. XXXV, 1). При Моисеѣ, и опять по наставленію Божію, домомъ Божіимъ стала скинія. Когда, по избранію Божію, Соломонъ воздвигнулъ храмъ, котораго желалъ Давидъ: Богъ сказалъ Соломону о храмѣ: *и нынѣ очи Мои будутъ отверзсты и уши Мои послушни къ моленію мѣста сего. И будутъ очи Мои и сердце Мое ту вся дни* (II Пар. VII, 15. 16). Видите, какое высокое обѣщаніе даетъ Господь для храма своего. Въ храмѣ своемъ, Господь будетъ выслушивать молитвы молящихся. Въ храмѣ своемъ, Онъ будетъ пребывать благодатію любви Своей.

Можно, говорятъ, молиться Богу дома духомъ? Пусть такъ! Но ужели эти люди думаютъ, что лучше они умѣютъ молиться, легче могутъ возвышаться до состояній благодатныхъ, чѣмъ Давидъ и Даніилъ? Отчего же пророки не бѣгали храма, а летѣли духомъ въ храмъ съ радостію? *Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господенъ пойдемъ* (Псал. CXXI, 1), говорилъ Давидъ. Даніилъ, пребывая въ плѣну, становился для молитвы предъ окномъ, обращеннымъ къ разрушенному Іерусалимскому храму (Дан. VI, 10).

Нѣтъ! Благословимъ паче Господа нашего Іисуса Христа. Онъ такъ щедръ къ намъ, такъ милостивъ,—даруетъ вѣрнымъ своимъ не одинъ храмъ, а безъ счета храмы, и столь же щедро исполняетъ ихъ благодатію. Храмъ ветхій упраздненъ Имъ, но не въ существенныхъ частяхъ; упразднено только то, что нужно было для дѣтскаго возраста людей,—кровавыя жертвы, строгій законъ обрядовъ,—все что было тѣнію грядущихъ благъ. Тѣни исчезли, когда явились самые предметы. Главная же мысль о храмѣ, какъ о домѣ молитвы, какъ о святилищѣ таинствъ, какъ о сокровищницѣ благодати, осталась неприкосновенною среди перемѣнъ воспитанія человѣческаго. Свобода духовная открылась въ томъ, что не на одной горѣ Оровой, а въ селеніяхъ и пустыняхъ, въ городахъ и на горахъ, явились домы Божіи.

Хотите ли видѣть собственно христіанскій храмъ? Не ошибемся, если скажемъ, что *горница велія* (Лук. XXII, 12), въ которой Господь установилъ и совершилъ таинство тѣла и крови Своей, есть первоначальный образецъ храма христіанскаго. Когда апостолы, по вознесеніи Господнемъ, возвратились отъ горы елеонской въ Іерусалимъ: *то взыдоша на горницу, идѣже бяху пребывающе... терпяще въ молитвѣ и моленіи. И егда скончавашеся дніе пятидесятницы, быша вси апостоли единодушно вкупѣ* (Дѣян. I, 13. 14. II, 1). Что это за горница, въ которой вѣрные Христовы ожидали обѣщаннаго Духа святаго? Была ли это простая жилая храмина, въ которой днюютъ и ночуютъ? Совсѣмъ невѣроятно; совсѣмъ невѣроятно

даже и по множеству пребывавшихъ въ ней. *Имен҃ народа вкупѣ бѣ яко сто и двадесять,* говоритъ св. Лука. Сто двадцать лицъ днюютъ и ночуютъ въ одной жилой храминѣ, въ продолженіи десяти дней! Возможно ли? Нѣтъ,—назначеніе апостольской горницы было не то, чтобы въ ней обѣдать и вечерять, сидѣть и почивать; въ ней совершалась тайная вечеря Господня; въ ней совершалось избраніе и причтеніе Матѳія къ лику апостольскому; въ ней, послѣ десятидневной молитвы, Духъ святый огненными языками просвѣтилъ умы апостоловъ, воспламенилъ сердца любовью, образовалъ для проповѣди вселенской. Та же ли это была горница, въ которой Господь установилъ таинство евхаристіи, навѣрное не знаемъ: но, вѣрно знаемъ, по назначенію и достоинству горницы, что это храмъ апостольскій.

Угодно ли видѣть не только храмъ апостольскаго времени, но и наставленіе, какъ надобно вести себя въ храмѣ? Апостолъ Павелъ писалъ къ коринѳскимъ христіанамъ: *еда домовъ не имате во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей не радите?* (1 Кор. XI, 22). Видите, въ чемъ дѣло. Богатые изъ коринѳскихъ христіанъ, принося въ церковь хлѣбъ и вино для трапезы Господней, употребляли приношеніе безъ порядка, сами пресыщались, а бѣдныхъ оскорбляли презрѣніемъ. Давая чувствовать такимъ людямъ, какъ не прилично поведеніе ихъ, апостолъ указываетъ имъ на высокое достоинство церкви Божіей, въ противоположность ея простымъ домамъ. *Или домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей не радите?* Если же апостолъ такъ рѣшительно противополагаетъ храмъ, съ трапезою Господнею, простымъ домамъ: то не ясно ли, что въ смыслѣ апостола этотъ храмъ вовсе не то, что обыкновенный домъ, а мѣсто священное, требующее особеннаго вниманія. *Или о церкви Божіей не радите?* самое названіе: церковь Божія—уже выражаетъ и особое назначеніе храма и особенное благоговѣніе къ нему. А негодованіе, а укорительный вопросъ апостола къ нерадящимъ о церкви Божіей еще сильнѣе даетъ видѣть глубокое уваженіе апостола къ церкви Божіей, какъ къ мѣсту святому. Храмъ, гдѣ совершаются тайны, есть церковь Божія: такъ и нынѣ называемъ мы храмъ свой; храмъ есть святыня неприкосновенная,—въ которомъ ѣсть и пить, **какъ** въ простомъ домѣ, небрежно, значитъ оскорблять святыню. Вотъ апостольскій храмъ и наставленіе, какъ вести себя въ храмѣ!

Служители и посѣтители храма! *блюдите, како опасно ходите.* Помните достоинство храма. Онъ дарованъ Богомъ, онъ *церковь Божія.* Входите въ него съ благоговѣніемъ, оставимъ земныя мысли и заботы за прагомъ его. Стойте со страхомъ, какъ предъ лицемъ

Царя небеснаго. Молитесь, не какъ фарисей, съ мыслію о правдѣ своей или безъ всякой мысли, а какъ мытарь, съ глубокимъ сокрушеніемъ о грѣхахъ. Помните, Господь слышитъ въ храмѣ своемъ молитвы: но слышитъ и вопль грѣховъ, который выходитъ изъ иныхъ сердецъ, въ самомъ храмѣ. Церковь Божія не простой домъ, гдѣ бы позволено было привѣтствовать другъ друга, вступать въ разговоры праздности, или искать первыхъ мѣстъ съ шумомъ гордости, оскорбляющей нищихъ. *Или домовъ не имате?* На то ли храмъ вамъ, чтобы, за мыслями разсѣянными и блуждающими взорами, блуждала по лицамъ и предметамъ душа грѣшная? *Или о церкви Божіей не радите?* Какъ не страшатся тѣ, которые входятъ въ храмъ съ тайнами беззаконія въ сердцѣ, съ нечистотою страстей грѣховныхъ и ни съ одною мыслію на сердце—сколько нибудь исправить себя? Ужели думаютъ, что Господь храма не видитъ сердецъ ихъ въ храмѣ?

Если съ такою заботою построенъ и освященъ храмъ сей: то для того, чтобы не только назывался, но и былъ онъ церковію Божіею для тебя, душа вѣрующая. Идя тернистымъ путемъ внѣшнихъ скорбей и внутреннихъ испытаній, ты не знаешь по временамъ куда дѣваться тебѣ съ точкою сердечною.—Приди сюда: здѣсь Богъ—утѣшитель скорбящихъ, здѣсь общеніе святыхъ, торжествующихъ на небѣ и не забывающихъ братію, странствующую на землѣ; приди, освѣжись здѣсь вѣяніемъ неба, дыханіемъ страны вѣчной. Иногда тебѣ нужно вразумленіе въ законѣ, тебя тяготятъ сомнѣнія, міръ наводитъ на тебя мракъ свой: молись здѣсь предъ свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка; молитва озаритъ мысль твою, разсѣетъ образы лукаваго міра; а глаголъ вѣры и любви, который услышишь здѣсь, покажетъ тебѣ жизнь и путь къ вѣчной жизни. Иногда совѣсть твоя будетъ имѣть нужду въ елѣе милости, въ обязаніяхъ вѣры: въ храмѣ Милосердаго, получившій власть вязать и рѣшить, разрѣшитъ узы, которыхъ не имѣешь ты права разрѣшить; по вѣрѣ твоей, возвѣститъ онъ тебѣ ожидаемое совѣстію твоею. Почувствуешь ли ты изнеможеніе во всемъ внутреннемъ человѣкѣ? Тѣло и кровь Господа, предлагаемыя здѣсь,—лучшая пища; не лишай себя пищи ложнымъ страхомъ, приступай къ ней съ благоговѣйною вѣрою и—исцѣлѣешь.

Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей и утверди и, его же насади десница Твоя! (Псал. LXXIX, 15. 16). Аминь.

1845 г.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВО ИМЯ СВЯТАГО ПРЕДТЕЧИ, ПРИ ЗАГОРОДНОМЪ ДОМѢ ЕПИСКОПА.

Едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати ми храмъ святый Его (Псал. XXVI, 4).

Счастливъ подданный, приносящій, даръ царю. Для царя не важно приношеніе подданнаго: но для подданнаго много значитъ, когда царь благосклонно дозволяетъ принесть даръ и благосклонно принимаетъ даръ.

Принявшіе участіе въ возобновленіи и украшеніи сего храма! Вы принесли плоды трудовъ вашихъ въ славу имени Господня! Лучшаго употребленія изъ собственности не могли вы сдѣлать. Господь даровалъ вамъ милость, благодѣяніе, счастіе—принесть даръ царю царей. Благословенъ Господь Богъ, благоволившій, пріять приношеніе отъ насъ недостойныхъ рабовъ своихъ!

Люди ничего не даютъ своего, посвящая Богу храмъ: но какъ много принимаютъ, получая храмъ Божій! Съ какимъ восторгомъ, съ какою любовію пламенною желалъ Давидъ водворяться въ храмѣ Божіемъ! *Едино просихъ отъ Господа,* говорилъ онъ, *то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати ми храмъ святый Его.* Открый, Господи, очи сердца нашего зрѣть славу храма Твоего въ словахъ боговдохновеннаго раба Твоего!

Едино просихъ отъ Господа, то взыщу, говоритъ рабъ Божій. Давидъ окруженъ былъ бѣдствіями; каждую минуту ожидалъ, что ополчится на него брань, возстанетъ непримиримый врагъ (ст. 2. 3). Свидѣтели неправедные возстали на него съ клеветами и ложными доносами; злобные гонители готовы были взять душу его (ст. 12). Все любезное сердцу далеко было отъ него (ст. 10). И въ такомъ положеніи о чемъ молится Давидъ? Первое вниманіе его, первая молитва его не на то обращены, чтобы возобновился миръ съ близкими сердцу его,—не на то, чтобы враги престали преслѣдовать его. Нѣтъ, онъ проситъ одного, ищетъ одного,—*еже жити въ дому Господни.*

Что же заставляло Давида такъ сильно желать обитанія въ дому Божіемъ? Отчего представлялся храмъ Божій такъ важнымъ

для него? Оттого, говоритъ онъ, что это—домъ Господній, оттого, что здѣсь красота Господня, оттого, что домъ Божій—домъ святый.

Храмъ Господень—храмъ Божій. Такъ вѣровалъ Давидъ. Не скажутъ ли: какъ возможно это? Не значило ли бы это заключать Божество въ тѣсныхъ стѣнахъ храма? Правда, если бы мы по своему произволу вздумали заключать Божество въ храмѣ, какъ думали заключать язычники: то конечно заключали бы мечту свою. Но если самъ Богъ благоволитъ изъявлять волю свою на то, чтобы обитать благодатію своею въ храмѣ: кто можетъ прекословить Ему? Безпредѣльно Божество: и однако міръ сей охотно признаютъ храмомъ Божіимъ, такъ какъ Богъ благоволитъ являть въ немъ Свое могущество, Свою благость, Свою премудрость. И однако ограничивается ли Божество предѣлами міра? Если, не смотря на то, что не могутъ понять, какъ безпредѣльное Божество вмѣщается въ предѣлахъ сотвореннаго міра, не сомнѣваются въ томъ, что Богъ обитаетъ во вселенной: зачѣмъ же сомнѣваться въ томъ, что и храмъ сей есть домъ Божій? Для безпредѣльнаго точно также тѣсенъ и обширный міръ, какъ и тѣсный храмъ сей. Для кого же не тѣсенъ и великій міръ и малый храмъ? Для всеблагаго; для Него вмѣстимъ и тотъ и другой, точно такъ, какъ Его солнце одинаково отражается въ цѣломъ мірѣ, и въ одной каплѣ воды. Солнце на небѣ, солнце на землѣ; лучемъ его живетъ цвѣтокъ полевой и плодъ созрѣваетъ. И тамъ—въ высотѣ и здѣсь—на землѣ тоже солнце. Прекрасный цвѣтокъ отражаетъ въ себѣ игру лучей солнца даже болѣе, даже обширнѣе, чѣмъ другіе предметы, ни мало не стѣсняя солнца. Точно такъ и храмъ можетъ являть въ себѣ даже гораздо болѣе славы Божіей, чѣмъ обширный міръ. Въ древнее время Богъ избралъ домомъ своимъ скинію, и облакъ свѣта видимо показывалъ невидимое присутствіе Божіе въ скиніи. Соломонъ, по Божьему изволенію, создалъ храмъ. *И бысть, егда изыдоша іереи изъ святилища, и облакъ исполни храмъ Господень. И не можаху іереи стати служити отъ лица облака, яко исполни слава Господня храмъ* (III Цар. VIII, 10. 11). И христіанскій храмъ апостолъ не только отдѣлилъ отъ обыкновенныхъ домовъ, но прямо назвалъ церковію Божіею: *еда домовъ не имате, во еже ясти и пити! Или о церкви Божіей не радите?* Здѣсь—въ христіанскомъ храмѣ—присутствуетъ Господь духовно: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредъ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20). Здѣсь присутствуетъ Онъ ощутительнѣе, чѣмъ духовно; здѣсь присутствуетъ Онъ въ пречистомъ тѣлѣ Своемъ, преломляемомъ за насъ, и въ пречистой крови Своей изливаемой за наши грѣхи. Всѣ другія таин-

ства, совершаемыя въ христіанскомъ храмѣ, заключаютъ въ себѣ божественную, чудодѣйственную силу, сокрытую для чувственнаго взора, но открытую для духовнаго, невидимую для невнимательнаго разсѣяннаго грѣшника, но осязаемую кающейся, самоуглубленной душѣ. О, какъ не молиться намъ вмѣстѣ съ Давидомъ о томъ, *еже жити въ дому Господни вся дни живота!* Какъ не говорить вмѣстѣ съ Іаковомъ: *нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная!*

Едино просихъ отъ Господа, еже зрѣти ми красоту Господню. Что это за красота Господня, которую надѣялся и желалъ видѣть Давидъ въ храмѣ Господнемъ? Это—тѣ священные обряды, которыми облечено было богослуженіе ветхозавѣтное; другаго и не было ничего въ ветхозавѣтномъ храмѣ. Тамъ были образы будущихъ, христіанскихъ благъ,—образы величественные по внѣшнему благолѣпію, и еще болѣе великіепо внутреннему, духовному значенію. Люди, какъ чувственно-духовныя существа, имѣютъ неизбѣжную нужду въ видимыхъ средствахъ, для возбужденія и поддержанія въ себѣ благочестія. И Богъ говоритъ съ человѣкомъ человѣчески,—открываетъ ему славу Свою въ такомъ видѣ, въ какомъ человѣкъ можетъ зрѣть ее. *Не бо узритъ человѣкъ лице Мое*, говорилъ Господь Моисею, *и живъ будетъ. Явлю тебѣ задняя Моя.* Только *задняя*, только отраженія славы Божіей можетъ видѣть человѣкъ,—тѣ отраженія, какія могутъ оставаться въ видимыхъ предметахъ. Самого предвѣчнаго лица Божія человѣкъ не въ состояніи видѣть, потому что онъ плоть. Вотъ почему необходимы обряды и въ христіанскомъ богослуженіи. Преобразователи недавнихъ временъ начали-было преобразованіе съ того, что говорили вслухъ всѣхъ: христіанство—духовная вѣра; вся внѣшность—вымыслъ суевѣрія или страстей. Но скоро сами увидѣли ошибку,—только ошибки своей уже не могли вполнѣ исправить. Что значитъ богослуженіе безъ внѣшнихъ обрядовъ?—Холодное, бездушное движеніе мыслей, которое можетъ вести къ охлажденію въ благочестіи. Христіанство образуетъ всего человѣка, такъ какъ весь человѣкъ грѣшенъ. Разстроенное воображеніе, разстроенное чувство требуютъ своей науки. Оставьте ихъ безъ науки,—онѣ не только сами будутъ дики, но, по связи силъ нашихъ, по дѣйствію ихъ одной на другую, будутъ вносить разстройство и въ цѣлый организмъ духовный. Природу не заставите молчать. Не дадите ей пищи благочестія,—она потребуетъ и найдетъ пищу соблазна и грѣха; не будете ее учить добру,—она научитъ васъ грѣху. Нѣтъ, тѣ не знаютъ ни христіанства, ни человѣка, которые лишаютъ христіанство обрядовъ. Счастливы мы съ тобою, православный мой слушатель, что церковь—матерь наша такъ мудро воспитываетъ насъ въ благочестіи. Она не перестаетъ научать насъ поклоняться Богу духомъ и истиною. Но она знаетъ,

какое вліяніе имѣютъ внѣшніе предметы на духъ нашъ, какъ они способны возбуждать и поддерживать благочестивыя чувствованія, какъ легко умъ и сердце покоряются образамъ, вносимымъ въ душу отвнѣ. И потому соединила она духовное съ видимымъ, украсила храмъ духовными, но вмѣстѣ и видимыми, предметами. Истинно, въ храмѣ Божіемъ *красота Господня*. Какое богатство мыслей и чувствъ духовныхъ представляетъ каждому внѣшность православной церкви! Вотъ предъ глазами вашими исторія Спасителя нашего Господа Іисуса. Здѣсь—Онъ распятый за насъ грѣшниковъ, тамъ—повитый пеленами младенецъ. Здѣсь омываетъ слезами ноги Его жена грѣшница, тамъ Закхей въ восторгѣ сердца обѣщаетъ Ему раздать половину имѣнія нищимъ. А лики святыхъ Божіихъ, патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей, подвижниковъ пустынныхъ и ихъ начальника предтечи Господня—не представляютъ ли глазамъ всѣ виды богоугожденія, не учатъ ли безъ словъ благочестію, не обличаютъ ли насъ нерадивыхъ о спасеніи, не утѣшаютъ ли подвижниковъ царствія надеждами на вѣчность? Пусть укажутъ мнѣ хотя на одинъ догматъ вѣры, который бы не облеченъ былъ въ видимый образъ въ томъ или другомъ обрядѣ церкви! Пусть укажутъ хотя на одинъ обрядъ, который бы не скрывалъ той или другой глубокой мысли вѣры! Напримѣръ, перстное сложеніе, которымъ знаменуемъ себя, такъ внятно говоритъ о самой высочайшей тайнѣ божества—о Богѣ тріединомъ; обряды крещенія говорятъ намъ о наслѣдственной порчѣ нашей, и выражаютъ обѣтъ нашъ—жить для единаго Господа и быть мертвыми для грѣха. Молитвенные поклоны и выражаютъ и внушаютъ чувство сознанія о ежеминутномъ паденіи нашемъ. Частое, простое возглашеніе: Господи помилуй,—какая обширная по смыслу проповѣдь! Въ немъ цѣлое ученіе о дѣятельномъ христіанствѣ. Обряды православія, при всемъ величіи ихъ, при всей важности, приличной небесной вѣрѣ, такъ просты, такъ понятны для каждаго. Вотъ селянинъ не способенъ учено размышлять о вѣрѣ: но онъ имѣетъ глаза, чтобы видѣть, имѣетъ уши, чтобы слышать,—сердце, чтобы чувствовать,—воображеніе, чтобы поражаться образами. И посмотрите, какъ онъ, не умѣя читать, читаетъ въ обрядахъ то, чему долженъ вѣровать, чего надѣяться, какъ жить, какъ избѣгать грѣха. О, какъ богомудро устроено зданіе церкви православной! Какъ глубоко понятны здѣсь и нужды человѣка и духъ вѣры христіанской!

Едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже посѣщати ми храмъ святый Его. Если храмъ домъ—Божій, если все въ немъ и выражаетъ святость и учитъ святости: то какъ не быть ему святымъ?

Остается одно—*посѣщать храмъ*. Правда въ православномъ

храмѣ такъ много любви Христовой, что онъ молится не только за предстоящихъ, но и за находящихся повсюду православныхъ. Но, не забудьте, онъ молится за тѣхъ отсутствующихъ, которые отсутствуютъ за благословною виною, и за тѣхъ, которые когда только могутъ, спѣшатъ въ храмъ, съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ. Если же ты забываешь посѣщать храмъ: то не справедливо ли, чтобы и о тебѣ забыла благодать храма? Если ты дѣлаешь себя чужимъ для храма, если ты, не уважая ни дней, ни уставовъ его, живешь какъ человѣкъ иной вѣры, иныхъ обычаевъ, иныхъ правилъ: то не исключилъ ли ты самъ себя изъ числа тѣхъ, на которыхъ изливается благодать православнаго храма? Какъ узнаетъ, какъ назоветъ тебя церковь своимъ, когда ты весь сталъ—Богъ знаетъ—чьимъ?

Говорятъ: я могу молиться въ домѣ? Не спорю,—можешь молиться. Но будешь ли молиться? Если у тебя не достаетъ духа молитвы, чтобы совершить, какъ должно молитву въ храмѣ, гдѣ все заставляетъ тебя молиться: будешь ли ты молиться въ домѣ, гдѣ все развлекаетъ твою молитву? Если ты такъ мало имѣешь терпѣнія для молитвы въ храмѣ, гдѣ такъ много побужденій къ терпѣнію и молитвѣ, напримѣръ, хотя бы стыдъ предъ людьми добрыми: въ домѣ ты остаешься только съ своимъ нетерпѣніемъ и съ страстями, необуздываемыми даже и стыдомъ. Нѣтъ, другъ мой, не обманывай ни себя, ни Бога: если не одна лѣность, если не одна привычка къ праздности, то не болѣе какъ мечтательная гордость не пускаютъ тебя въ храмъ. Возстань же противъ грѣха, иди въ храмъ и исповѣдуй лѣность твою къ молитвѣ. Иди въ храмъ,—тамъ твоя холодность можетъ согрѣться пламенемъ молитвъ церкви и усердіемъ братій. Иди въ храмъ,—тамъ благодать храма, если понудишь себя къ вѣрѣ, прольетъ сокрушеніе въ ожестѣвшее сердце твое. Берегись: *не буди мудръ о себѣ.*

Богъ, богатый въ милости и щедротахъ, да будетъ благодатію Своею съ нами немощными! Аминь.

1846 г.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ОБНОВЛЕННАГО РИЖСКАГО ХРАМА, ВЪ ЧЕСТЬ ПОКРОВА БОГОМАТЕРИ.

Слава Богу! И сей храмъ вновь освященъ въ жилище Вышняго. Слава Богу! И сіе мѣсто вновь стало мѣстомъ славы Божіей, великихъ таинъ Христа Господа. Слава Богу! И сей домъ вновь украшенъ ликами друзей Божіихъ, блистаетъ, изображеніемъ предметовъ небесныхъ, достойныхъ поклоненія духовнаго.

Слушатели мои! Какъ много значитъ для насъ, что матерь наша—православная церковь освятила для насъ правиломъ благоговѣніе къ св. иконамъ! Эта одна принадлежность православія—великое счастіе для нашихъ душъ. Оцѣнимъ размышленіемъ почитаніе св. иконъ. Это же нужно и потому, что инымъ изъ васъ случается слышать сомнѣніе противъ святости почитанія св. иконъ.

Нужны ли изображенія Божества? Безъ сомнѣнія, нужны. Человѣкъ—не ангелъ: онъ имѣетъ чувства и воображеніе, которыя надобно освящать такъ же, какъ умъ и желанія воли, и которыя требуютъ приличной имъ пищи, какъ и другія силы наши. Если не будемъ занимать ихъ священными предметами: онѣ будутъ искать себѣ предметовъ иныхъ. Если не будемъ предостерегать ихъ отъ порчи полезными средствами: онѣ непремѣнно испортятся отъ прираженія къ вещамъ вреднымъ и внесутъ порчу въ глубину души. Не видимъ ли, что, тогда какъ не хотятъ или стыдятся ставить на на самомъ мѣстѣ изображенія Бога и святыхъ Его, окружаютъ себя картинами то пустыми и мелкими, то самыми постыдными и гнусными? Отчего это? Что это значитъ? Не пріучивъ воображенія къ изображеніямъ достойнымъ, святымъ, дозволили ему пріучиться къ изображеніямъ низкимъ, отвратительнымъ. Согласитесь, что чистая душа не можетъ любоваться картинами грязныхъ страстей,—чистое общество любитъ изображеніе великихъ добродѣтелей, явленій, достойныхъ славы великаго Бога.

Какъ многаго лишаютъ себя, лишаясь изображеній святыхъ! Еще св. Григорій двоесловъ говорилъ: „что писаніе для умѣющихъ читать, то живопись для простыхъ людей“. Точно, св. иконы—проповѣдь, но проповѣдь, понятная для всѣхъ, проповѣдь неумолкающая, проповѣдь, сильно дѣйствующая на каждаго. Иконы—проповѣдь для каждаго. Въ храмѣ православномъ каждый неграмотный видитъ и понимаетъ дѣла Божіи и—съ какимъ удобствомъ! Чтобы

понимать книги, надобно много учиться, много терять времени, силъ, способовъ; а изображеніе какого либо происшествія священнаго, или какого либо лица великаго, при бѣгломъ объясненіи, легко понимаетъ каждый. Иконы—проповѣдь неумолкающая,—ей всегда можно внимать; она говоритъ громко даже и къ тѣмъ, которые не хотѣли бы слушать, говоритъ, не оскорбляя самолюбія, потому что глазъ самаго самолюбія читаетъ ее. Иконы—проповѣдь сильная. Разсказомъ или чтеніемъ поясняется истина въ умѣ: но тронуть и поразить сердце всегда сильнѣе можетъ изображеніе, чѣмъ разсказъ; такъ какъ присутствующее всегда сильнѣе поражаетъ насъ, чѣмъ отсутствующее, дѣйствующее чрезъ чувства и воображеніе на душу сильнѣе потрясаетъ чувство внутреннее, чѣмъ дѣйствующее на одинъ умъ. Вспомните египетскую Марію. Она такъ долго вела жизнь нечистую и разсѣянную, безъ мыслей и заботъ о судьбѣ загробной. Но нечаянно, ненамѣренно посмотрѣла на икону Богоматери и, пораженная величіемъ чистоты Приснодѣвственной, навсегда отреклась отъ прежней жизни. Вотъ, какъ много значитъ святое изображеніе, даже для людей разсѣянныхъ, которые, хотя бы и умѣли читать, не хотятъ взять въ руки полезной книги! Что же храмъ, безъ такой проповѣди спасительной?

Скажутъ: для простыхъ или разсѣянныхъ людей нужны иконы, но не для крѣпкихъ духомъ. Что это значитъ? Не то ли, что отвергающіе почитаніе иконъ считаютъ себя крѣпкими? Да избавитъ Богъ каждаго отъ пагубнаго самомнѣнія. Пока мы остаемся на землѣ, всѣ мы грѣшны, всѣ болѣе или менѣе можемъ забывать Бога, разсѣеваться земными попеченіями, опускать изъ вниманія необходимое для вѣчности, и потому всѣ имѣемъ нужду въ наставленіяхъ духовновещественныхъ.

Скажемъ болѣе: пренебреженіе къ священнымъ изображеніямъ не только не показываетъ крѣпости любви къ Господу, но напротивъ служитъ вѣрнымъ знакомъ недостатка святой любви. Что любимъ мы, то и уважаемъ, и, уважая лице, уважаемъ и изображеніе его. Отселѣ воздвигаютъ памятники великимъ вождямъ, великимъ государямъ. И тотъ, кто осмѣлился бы оказать неуваженіе портрету возлюбленнаго монарха нашего, не названъ ли былъ бы человѣкомъ дурнымъ. Точно такъ и любовь къ Господу, чѣмъ становится сильнѣе, тѣмъ болѣе дорожитъ изображеніями всего священнаго,—библіею, иконами, вещами храма, тѣмъ болѣе опасается коснуться какимъ либо неуваженіемъ до чего либо священнаго.

И однако, скажутъ,—въ словѣ Божіемъ нѣтъ повелѣнія творить видимыя изображенія Божества и покланяться имъ?

Если бы это было и такъ: и тогда естественная нужда, какую

имѣемъ мы въ изображеніяхъ священныхъ, и естественность благоговѣнія къ изображеніямъ священнымъ показываютъ намъ, что благоговѣніе къ святымъ иконамъ есть дѣло согласное съ волею Божіею. Все, что основывается въ насъ на законахъ чистой богосозданной природы, все то несомнѣнно угодно Господу, какъ дѣло рукъ Его.

Между тѣмъ несправедливо говорятъ, будто въ писаніи нѣтъ повелѣнія объ устроеніи и почитаніи изображеній Божества и святыхъ. Самъ Богъ повелѣлъ устроить скинію свидѣнія, какъ образъ пребыванія Божія среди избраннаго народа. И, по устроеніи скиніи, *пріиде Моисей и Аарон̀ъ предъ двери скиніи и падоша ницъ* (Числ. XX, 6). Вотъ и голосъ писанія объ устроеніи и почитаніи священнаго изображенія! Точно такъ же кивотъ завѣта— образъ воплощенія Бога искупителя устроенъ былъ, по наставленію Божію. И съ самымъ глубокимъ благоговѣніемъ падали и покланялись предъ кивотомъ. На примѣръ, читаемъ: *Іисусъ же паде на землю предъ кивотомъ Господнимъ даже до вечера, яко же онъ, тако и вси старѣйшины израиля* (Іис. Нав. VII, 6). И какой гнѣвъ Божій изливался на тѣхъ, которые оказывали предъ нимъ небреженіе или дерзость! Болѣе пятидесяти тысячъ мужей изъ израильтянъ поражены были смертью за то, что, съ однимъ празднымъ любопытствомъ, сбѣжались смотрѣть на него, когда чудесно возвратился онъ отъ филистимлянъ, а не воздали хвалы и благодаренія Господу за возвращеніе къ нимъ сей ветхой святыни. А что было съ нечистыми филистимлянами, осмѣлившимися взять въ плѣнъ кивотъ Господній? Что было съ несчастнымъ Озою? Какъ въ скиніи свѣдѣнія, такъ и въ храмѣ Соломоновомъ было множество иконъ или священныхъ изображеній. Тамъ были изображенія изваянныя, вытканныя, писанныя. Въ скиніи свидѣнія надъ ковчегомъ завѣта было два херувима, изваянныхъ изъ золота (Исх. XXV, 18); на завѣсахъ было множество херувимовъ вытканныхъ (Исх. XXVI, 31). Въ храмѣ Соломоновомъ на стѣнахъ были писанные херувимы (III Цар. VI, 29. 32); а во святомъ святыхъ два херувима изваянные осѣняли кивотъ завѣта (III Цар. VI, 23. II Пар. III, 10). Вотъ и изображенія святыхъ! Всѣ эти херувимы не были предметомъ поклоненія? Почему это знаютъ? Кто сказалъ объ этомъ? Напротивъ въ писаніи видимъ, что покланялись предъ всею скиніею, глубоко благоговѣли предъ всѣми принадлежностями ея; тѣмъ болѣе должны были благоговѣть предъ херувимами, осѣнявшими страшный кивотъ завѣта, предъ херувимами, изображавшими существа разумныя и святыя, а не какую либо невеликую мысль. Когда нужно было переносить кивотъ завѣта, священники напередъ покрывали его внутреннею за-

вѣсою, одѣвали какъ его, такъ и другія священныя вещи (Іис. Нав. Ш. Исх. XXX). Если же благоговѣли и предъ сосудами: то что остается думать о херувимахъ? Воспомните еще, что Богъ повелѣлъ воздвигнуть мѣдное изображеніе змія въ пустыни, дабы взоромъ вѣры извлекали изъ него исцѣленіе уязвлявшіяся зміями.

Послѣ сего не понятно, какъ могутъ иные, въ опроверженіе иконопочитанія, указывать на извѣстную заповѣдь: *не сотвори себѣ куміра, ни всякаго подобія?* Если, какъ видѣли, самъ Богъ повелѣлъ устроить священныя изображенія: то легко понять, что заповѣдь о кумирахъ уже никакъ не можетъ относиться къ священнымъ изображеніямъ. Иначе, одно наставленіе Божіе опровергалось бы другимъ,—чему быть нельзя. О чемъ же говоритъ эта заповѣдь? Заповѣдь эта повторялась не-разъ, не одинаковыми словами. *Не сотвори себѣ, сказано, рукотворенныхъ, во еже кланятися имъ: Азъ есмь Господь Богъ вашъ* (Лев. XXVI, 1). Видите, святая заповѣдь сама себя объясняетъ. Она запрещаетъ творить рукотворенныя, потому что только Іегова Господь есть истинный Богъ, Коему надлежитъ покланяться. Слѣдовательно, она запрещаетъ тѣ изображенія, которыя считались за боговъ вмѣсто Бога истиннаго; запрещаетъ устроеніе и почитаніе идоловъ, которые, какъ говоритъ апостолъ, сами по себѣ суть *ничто,* и признавались за божества только развратомъ мыслей и сердца. Такимъ образомъ, подъ рукотворенными въ библіи обыкновенно разумѣются языческіе боги. Напр. пророкъ говоритъ: *се Господь сѣдитъ на облацѣ легцѣ, и пріидетъ во Египетъ, и потрясутся рукотворенная египетская* (Исаіи XIX, 1). Оставимъ же въ покоѣ заповѣдь объ идолахъ языческихъ, когда они уже успокоились, давно забытые народами просвѣщенными.

Извѣстны ли были иконы въ первыя времена христіанства?

Пока язычество не лишалось своей силы и оставалось господствующею религіею міра: благоразуміе требовало отъ пастырей церкви не умножать въ христіанствѣ иконъ, дабы обращавшіеся изъ язычества, но еще неукрѣпившіеся въ вѣрѣ, не возвращались къ прежнимъ суевѣріямъ, а язычники не принимали иконъ христіанства за освященіе своимъ идоламъ. Такъ, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства видимъ священныя изображенія и уваженіе къ нимъ, но видимъ и осторожность въ ихъ употребленіи. Извѣстіе о нерукотворенномъ образѣ Спасителя, чудесно изобразившемся на убрусѣ (платѣ), передаютъ намъ Евсевій, Прокопій, преподобный Ефремъ Сиринъ. Евсевій же пишетъ, что въ Кесаріи находилось изображеніе Спасителя, изваянное изъ мѣди исцѣлѣвшею отъ кровотеченія женою. И онъ же прибавляетъ: „не надобно удивляться, что язычники, испытавшіе на себѣ благодѣянія Спасителя нашего,

сдѣлали это, когда мы видѣли на доскахъ, сохранившіяся до нашего времени, иконы апостоловъ Петра и Павла, и самаго Христа". Тертулліанъ уже пишетъ, что на св. потирѣ изображался Спаситель въ видѣ пастыря, несущаго на раменахъ овцу. Почитаніе св. креста принадлежитъ также самымъ первымъ временамъ. Св. Василій великій писалъ къ отступнику Юліану: „сіи иконы чту я и покланяюсь имъ, такъ какъ онѣ преданы св. апостолами и не воспрещены, а изображаются во всѣхъ нашихъ церквахъ". И онъ же говоритъ: „чествованіе св. иконы восходитъ къ изображенному на ней". Сего довольно.

Слушатели мои! примите слово любви—въ духѣ любви, въ утѣшеніе вѣры вашей, во славу Господа и Его святыхъ. Аминь.

1848 г.

СЛОВО НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА.

ВЪ СЕЛѢ БОГОДАРОВКѢ.

Или о церкви Божіей не радите? (1 Коринѳ. XI, 22).

Такъ писалъ апостолъ коринѳскимъ христіанамъ! Но къ чему въ семъ храмѣ упрекъ нерадѣнію? Здѣсь радѣютъ о церкви Божіей не по примѣру другихъ, а въ примѣръ другимъ. Прекрасенъ величественный сей храмъ Божій, воздвигнутый благочестивымъ храмоздателемъ. Возвышенны и чувства его о храмѣ. Въ завѣщаніи дѣтямъ, объявилъ онъ храмъ Божій стражемъ и хранителемъ, какъ своей воли о потомствѣ, такъ и счастія потомства. Не высокія ли это мысли о храмѣ? Не твердая ли это вѣра въ живущаго во храмѣ? Попечитель о храмѣ будетъ попечитель и о счастіи потомства. Здѣсь столько же надеждъ на счастіе потомства, сколько и вѣры въ могущество невидимаго Владыки храма. Воля родителя говоритъ потомкамъ—соблюдать любовь между собою, не начинать ничего похожаго на вражду. Для воли о любви лучшій стражъ—храмъ Бога любви. Богъ любви, нѣтъ никакого сомнѣнія, съ благоволѣніемъ призрѣлъ на заповѣдь о любви, и потомство будетъ видѣть на себѣ благословенія его, если послѣдуетъ чувствамъ благочестиваго предка.

Такъ, упрекъ апостольскій нерадящему о храмѣ служитъ похвалою благочестивому и разсудительному создателю храма.

Но тѣ, которые имѣютъ посѣщать храмъ, могутъ ли быть увѣрены, что не коснется ихъ когда либо упрекъ апостольскій?

Слова апостола относятся и къ нерадящимъ о созданіи храма: но онѣ преимущественно относятся къ тѣмъ, которые уже пользуются или имѣютъ пользоваться храмомъ. Разсмотримъ ближе упрекъ апостольскій.

Коринѳскіе христіане, къ которымъ писанъ апостольскій упрекъ въ нерадѣніи о храмѣ, принося въ храмъ хлѣбъ и вино, употребляли остатки приношеній на трапезѣ любви безъ порядка, безъ разсужденія, съ пренебреженіемъ къ бѣднымъ, по прихотямъ плоти и гордости житейской. Чтобы дать почувствовать имъ неприличіе такого поведенія, апостолъ обращаетъ вниманіе ихъ на высокое значеніе храма. *Еда домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей не радите?* говоритъ онъ имъ. Апостолъ противополагаетъ мѣсто, куда собирались вѣрующіе для литургіи, простымъ домамъ. По его разсужденію, храмъ вовсе не то, что простой домъ. Сколько послѣдній обыкновененъ въ ряду другихъ житейскихъ вещей, обыкновененъ до того, что въ немъ можно ѣсть и пить, столько храмъ далекъ отъ всего обыкновеннаго, далекъ до того, что апостолъ съ негодованіемъ отвергаетъ возможность того, чтобы въ немъ можно было устроять трапезу въ угоду слабостямъ человѣческимъ. Необыкновенное назначеніе храма апостолъ считаетъ извѣстнымъ для коринѳянъ, по собственному ихъ опыту: они сами собирались въ храмъ для возношенія молитвъ, для совершенія таинственной вечери. И, извѣстнымъ для нихъ назначеніемъ храма, онъ убѣждаетъ ихъ соблюдать особенное благоговѣніе къ храму. *Или о церкви Божіей не радите?* обличая вопрошаетъ апостолъ. Поймите чувство, съ какимъ отзывается апостолъ о неуважающихъ храма. Онъ говоритъ съ негодованіемъ; слѣдов. самъ онъ исполненъ глубокимъ благоговѣніемъ къ храму. Это уваженіе свое онъ и прямо даетъ видѣть, называя храмъ церковію Божіею. Прежде исключилъ онъ храмъ изъ числа простыхъ домовъ; теперь онъ вноситъ его въ число самыхъ высокихъ предметовъ. Онъ называетъ храмъ молитвы церковію Божіею, не столько потому, что въ него собираются вѣрующіе, которыхъ въ другомъ мѣстѣ называетъ онъ храмомъ Божіимъ, сколько потому, что самое освященіе вѣрующихъ зависитъ отъ таинствъ, молитвъ и поученій, совершаемыхъ въ храмѣ. Обличая коринѳянъ въ небреженіи о храмѣ, онъ какъ-бы такъ говоритъ: вы сами знаете, что храмъ есть церковь Божія, домъ не только посвященный имени Божію, но и освященный присутствіемъ благодати Божіей въ таинствахъ, освященный не только молитвами священными и словомъ Божіимъ, но и, испрашиваемою чрезъ молитвы, силою Божіею. Какъ же вы, зная это, дозволяете себѣ поступать такъ, какъ будто бы храмъ былъ простымъ домомъ? Ужели вы стали такъ худы, до

того развратились, что оказываете пренебреженіе даже къ церкви Божіей? *Или о церкви Божіей не радите?*

Изъ сего обличенія апостольскаго вы видите, слушатели, что еще при апостолахъ, какъ и нынѣ, вѣрные отдѣляли для молитвы и таинъ особенные храмы и называли ихъ не какими-либо простыми, именами, а церквами Божіими. Пусть же это будетъ утѣшеніемъ для заботящихся объ устроеніи и украшеніи храмовъ! Пусть это будетъ обличеніемъ праздному легкомыслію, дозволяющему говорить себѣ и другимъ о позднемъ или произвольномъ происхожденіи храмовъ!

Апостольское наставленіе предписываетъ оказывать благоговѣйное почитаніе церкви Божіей. Оно, какъ наставленіе не человѣческое, освящаетъ для всѣхъ временъ правила не только посѣщать храмъ Божій, но посѣщать его съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Если апостолъ обличалъ неблагоговѣйное поведеніе въ храмѣ, то это самое показываетъ, что онъ желалъ, чтобы благоговѣйно ходили въ храмъ. Да и если устроялись храмы при апостолахъ, если, по примѣру апостольскому, устрояются они и нынѣ, то конечно для того, чтобы вѣрующіе приходили и освящались въ храмахъ. Не строятъ же дома съ тѣмъ, чтобы стоялъ онъ пустой, безъ употребленія. Иногда отговариваются отъ посѣщенія храма то нездоровьемъ, то недосугами домашними. Но что важнѣе—недосуги-ли ваши, или заповѣдь апостольская, устроившая для васъ храмъ? Какая надежда на успѣхъ въ дѣлахъ, когда презираютъ храмъ Божій и не ищутъ благословенія Божія? Трудъ не въ прокъ, работа безъ пользы; а за презрѣніе къ дому Божію, къ дому благодати и силъ небесныхъ ожидайте одного гнѣва небеснаго. Ты не совсѣмъ здоровъ? Но для того-то и иди въ церковь, чтобы получить здоровье. Тамъ благодать Божія—самое вѣрное врачевство противъ всѣхъ болѣзней, не исключая и лѣности твоей къ добру.

Апостольское правило велитъ посѣщать храмъ Божій съ благоговѣніемъ. Съ сильнымъ негодованіемъ возставалъ апостолъ противъ неблагоговѣйно присутствовавшихъ въ храмѣ. Опасайтесь обратить на себя негодованіе апостольское. Если коринѳяне, изъ которыхъ иные облечены были даромъ чудесъ, другіе пророчествовали, или, не учась, говорили иностранными языками,—если они, которые владѣли такими дарами Духа святаго, не избѣжали негодованія апостольскаго за непристойное поведеніе въ храмѣ: чего ожидаютъ себѣ люди нынѣшняго времени, пренебрегающіе храмомъ? Что дѣлаютъ они съ храмомъ? Предъ лицемъ Божіимъ въ храмѣ, какъ на торжищѣ, толкаетесь, шумите, разговариваете, смѣетесь, волнуетесь мыслями—то суетными, то нечистыми: что вы дѣлаете?

Какой судъ вызываете противъ себя? И безъ того очень мало добраго за душею, и безъ того только въ храмѣ и могли бы получить кое-что для бѣдной души своей; а еще умножаютъ противъ себя гнѣвъ Божій. Несчастные!...

Не такъ, совсѣмъ не такъ надобно стоять въ храмѣ Божіемъ. Вы слышите въ храмѣ—молитвы, псалмопѣніе, ученіе. Прекрасно учреждено, что все это слышите вы безъ вашего труда. Но вамъ остается слушать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Вонмемъ! возглашаетъ вамъ служитель церкви. Мало, если слышитъ только ухо твое. Надобно, чтобы слышало сердце, надобно, чтобы молитва церкви стала молитвою души твоей. Когда читаютъ здѣсь слово Божіе: то можешь понять, что читаютъ его не для стѣнъ, а для тебя, для пользы души твоей. Слово Божіе—слово вѣчнаго спасенія. Не пропускай же его помимо тебя легкомысленно; принимай сердцемъ твоимъ сѣмя спасительное, чтобы впослѣдствіи принесло оно плоды достойные его—желанія и дѣла благія. Когда слышишь церковное псалмопѣніе: повторяй мыслями хвалы Богу, воспѣвай и пой въ сердцѣ твоемъ Господеви, какъ велитъ апостолъ (Еф. V, 19). Когда читаютъ поученіе, не говорите: „мы люди простые, гдѣ намъ понять это“? Поймите, если будете стараться понимать; потому что ученіе Христово назначено для всѣхъ, а не для однихъ ученыхъ; оно даже доступнѣе для простыхъ сердецъ, чѣмъ для умовъ гордыхъ. Если же вы не понимаете его: то это не отъ простоты вашей, а отъ небреженія о душевномъ спасеніи, отъ разсѣянія и лѣни.

Призри съ небесе, Боже, посѣти виноградъ сей и утверди и, его же насади десница Твоя! Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА.

ВЪ НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ.

Домъ Мой домъ молитвы есть (Лук. XIX, 46).

Боже разумовъ и щедротъ! Се приносится Тебѣ жертва сердецъ, исполненныхъ вѣры и благочестія! Среди кущей немощи человѣческой усердіемъ уповающихъ на Тебя созиждена святая скинія святыхъ и великихъ таинъ Твоихъ. Попеченіемъ воздыхающихъ о красотѣ небеснаго храма устроенъ храмъ во славу имени Твоего и для приношенія молитвъ величію Твоему. *Да*

будутъ убо, Господи, *очи Твои отверсты на храмъ сей день и ночь* (3 Цар. VIII, 29), да будутъ слышны въ немъ молитвы печальныхъ и радующихся, праведныхъ и согрѣшающихъ, сильныхъ и слабыхъ, великихъ и малыхъ!

Сестры-молитвенницы! храмъ созданъ для молитвы. Увѣренъ, что молитва составляетъ для васъ занятіе пріятное. Тѣмъ болѣе пріятно мнѣ предложить вамъ, по долгу, бесѣду о благотворномъ дѣйствіи молитвы на душу.

Если молитва есть благоговѣйное возношеніе ума и сердца къ Богу: не видите ли по самому понятію о молитвѣ, какъ она благотворна для души? Въ чемъ состоитъ назначеніе безсмертной души нашей? Въ томъ, чтобы стремиться и приближаться къ Богу сердецъ нашихъ, отрѣшаясь отъ земнаго и созданнаго. Если же молитва возноситъ умъ и сердце къ Богу: не значитъ ли, что она помогаетъ душѣ выполнять самое главное, самое высокое, назначеніе ея? Чтобы видѣть это яснѣе, представимъ себѣ состояніе души беззаботной о молитвѣ.—Чѣмъ занята она? Чѣмъ утѣшается? О чемъ думаетъ? Чего желаетъ? И чувства и желанія ея заняты землею, до того, что сама она наконецъ становится земляною.—Пусть по временамъ, по случаямъ, мысли ея обращаются и къ предметамъ духовнымъ: но какъ лѣниво, какъ неохотно, какъ недолго занимаются онѣ тѣмъ, какъ легко при томъ подчиняютъ эти высокіе предметы земнымъ видамъ и расчетамъ! Отчего это такъ? Оттого, что молитва возноситъ всю душу къ Господу, одушевляя ее святыми восторгами и мыслями,—а безъ молитвы душа—то же, что птица безъ крыльевъ. Не приближаемая молитвою къ Господу душа холодна и мрачна, безъ силъ жизни духовной и съ жизнію только земляною, едва не физическою. Что человѣкъ, удаленный отъ Господа? Тьма и неустроенный хаосъ разныхъ стихій. Молитва—проводникъ свѣта и силъ благодатныхъ; она, соединяя насъ съ Господомъ, низводитъ на насъ дары неба. „Какъ тѣло съ душею, говоритъ св. Григорій Назіанзенъ, какъ вѣтви со стволомъ, какъ, лучи солнечные съ солнцемъ находятся въ соединеніи и оттого получаютъ силу и жизнь: такъ мы должны быть соединены съ Богомъ душею. *Приступите къ Нему,* говоритъ пророкъ, *и просвѣтитеся и лица ваша не постыдятся*“ (Псал. XXXIII, 6. Слово о попеч. о бѣдн.). Св. Златоустъ говоритъ: „быть не можетъ, чтобы безъ молитвы могла быть жизнь добродѣтельною“ (слово I о молит.). Молитва—вѣрная защита душѣ отъ грѣховъ. Становясь въ молитвѣ предъ Богомъ всесвятымъ и грознымъ для грѣшниковъ, какъ не трепетать грѣху, какъ не исполняться ужасомъ предъ нечестіями сердца? „Скажи мнѣ, говоритъ св. Златоустъ, если бы

пришлось тебѣ стоять предъ царемъ, не стоялъ ли бы ты со страхомъ? Потому хочешь ли ты спать, возбуждаешься ли гнѣвомъ, услаждаешься ли преступно, дѣлаешь ли что другое: помышляй, что присутствуетъ Богъ и грѣхъ убѣжитъ отъ тебя" (Бес. 8 на посл. Филип.).

Молитвы хвалы, когда мы прославляемъ дивныя совершенства и дѣла Божія, какимъ обильнымъ и живительнымъ свѣтомъ исполняютъ умъ нашъ! Сколько высокихъ мыслей, сколько благоговѣнія низводятъ онѣ въ душу нашу! Какія знанія могутъ равняться съ мыслями, озаряющими душу, славящую Господа? Хвалебныя пѣсни Богу—самая высокая мудрость; здѣсь рѣшеніе вопросовъ о мірѣ и человѣкѣ, о времени и вѣчности. И какъ плодотворны хвалы Богу! Умъ видитъ въ Богѣ образецъ всѣхъ возможныхъ добротъ и говоритъ душѣ: вотъ къ чему должна быть обращена вся любовь твоя!— Какое дивное величіе, какая дивная благость, какой дивный умъ! Не только времени, но и вѣчности, не достанетъ, чтобы насладиться созерцаніемъ ихъ. *Хвали душе моя Господа, восхвалю Господа въ животѣ моемъ, пою Богу моему, дондеже есмь* (Псал. CXLV, 1, 2). Что значатъ всѣ величія земныя предъ величіемъ Божіимъ? Что значатъ великія дѣла знаменитостей земли предъ дѣлами Божіими? Суета и томленіе духа. Забывчивые люди увлекаются землею. Къ чему это? Прочь суета людская: она оскорбляетъ правду и душу; она грозитъ страшною будущностію.—Въ Богѣ—образецъ совершенствъ, которому всѣми силами надобно подражать. Святая истина говоритъ намъ: *будите совершенни, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. V, 48).

Молитва благодареній Богу благодѣющему—живительная пища душѣ. Благоговѣйное сознаніе необозримыхъ, въ числѣ и значеніи, благодѣяній Божіихъ питаетъ чувства зависимости нашей отъ Бога, возбуждаетъ горячую любовь къ Богу, поддерживаетъ смиренную преданность святой волѣ Его, одушевляетъ твердостію противъ искушеній зла. *Господь мнѣ помощникъ*, говоритъ душа облагодѣтельствованная свыше, *не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ* (Евр. VIII, 6); Онъ спасалъ меня, спасетъ и впередъ; Тотъ, кто Сына Своего не пощадилъ для насъ, можетъ ли быть не готовымъ подать все нужное для нашей вѣчности? Молитва благодаренія—наставникъ добродѣтелямъ. Послѣ столькихъ благодѣяній Божіихъ къ намъ, какъ намъ быть не признательными, какъ не стараться всѣми силами выполнять заповѣди Бога нашего, заповѣди спасительныя для насъ же самихъ? Если Богъ столько благъ и милостивъ къ намъ: то и мы должны быть милостивы къ ближнимъ нашимъ, тѣмъ болѣе, что они—дѣти одного и того же Отца, благодѣющаго

намъ. Въ царствѣ Отца, столько благаго ко всѣмъ, въ царствѣ любви кроткой и оживляющей все,—не мѣсто ни зависти, ни гнѣву, ни ненависти, ни обидѣ.—Если Онъ благій прощаетъ грѣхи наши: и мы, подражая Ему, должны прощать долги ближнимъ нашимъ. Такъ велитъ намъ и слово благаго Бога нашего. *Егда стоите молящеся: отпущайте аще что имате на кого, да и Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша* (Марк. XI, 25). Благодарная молитва, напоминая о величіи и святости благодѣтеля Бога, внушаетъ намъ благоговѣйно и свято пользоваться благодѣяніями Его, согласно съ Его святою волею.

Когда въ молитвѣ просимъ мы прощенія грѣховъ или другихъ милостей, необходимыхъ для бѣдности нашей; какое счастіе для насъ—это молитвенное состояніе! Ахъ! Что было бы съ нами, что было бы съ душею нашею, если бы настоятельныя нужды и вопіющая бѣдность не вынуждали насъ обращаться къ Богу за помощію? До чего дошли бы мы съ странною безпечностію нашею о судьбѣ своей вѣчной? Страшно подумать. Теперь когда волею или неволею просимъ мы Бога о помощи: то сознаемъ и исповѣдуемъ свою зависимость отъ него, свою бѣдность и ничтожество предъ Нимъ; питаемъ въ себѣ спасительный духъ смиренія и самоотреченія, стѣсняемъ гордость богопротивную, возбуждаемъ въ себѣ заботливость о вѣчности нашей. Теперь волею или неволею чувствуемъ, что мы такіе грѣшники, которые не въ правѣ ничего требовать отъ Бога и только должны умолять Его, чтобы помиловалъ насъ, по великой своей милости. Теперь волею и неволею чувствуемъ, что несчастные грѣшники многое должны перемѣнить въ себѣ, отъ многаго отказаться, многое пріобрѣсть, во что бы-то ни стало. И какое утѣшеніе сладкое подаетъ намъ молитва въ скорбяхъ и нуждахъ нашихъ! Кто можетъ исцѣлять раны души нашей, наносимыя и грѣхами и бѣдами жизни? Одинъ Богъ, вѣрный помощникъ нашъ въ самыхъ безнадежныхъ состояніяхъ нашихъ. Молитва, возносимыя къ Нему съ дѣтскою любовію и съ искреннимъ раскаяніемъ, уже сама по себѣ отрада и облегченіе душѣ грѣшной, безнадежной въ цѣломъ мірѣ. Но благій Отецъ, по молитвѣ искренней, прощаетъ намъ грѣхи, какъ простилъ отецъ заблудшаго сына (Лук. XV, 11), или какъ оправданъ мытарь, смиренно молившійся въ храмѣ (Лук. XVIII, 13. 14). И какихъ даровъ небесныхъ не низводитъ молитва на молящагося? *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика чего просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (Іоан. XVI. 23): такъ сказалъ намъ самъ Господь. Смиренная молитва, даруя миръ совѣсти, и, укрѣпляя надежду на Бога, оживляетъ, укрѣпляетъ въ насъ любовь къ Отцу небесному и одушевляетъ рѣшимостію свято тво-

рить волю Божію. Это—необходимые плоды молитвы, тѣмъ болѣе, что молитва, дабы быть благоуспѣшною въ прошеніи, должна быть приносима съ чистою совѣстію: *жертвы нечестивыхъ мерзость Господеви* (Прит. XV, 21).

Сестры-молитвенницы! Міръ считаетъ занятіе наше—молитву занятіемъ праздности и занятіемъ безплоднымъ. Не слушайте міра: онъ не понимаетъ ни себя, ни молитвы. Молитва—училище благочестія и человѣколюбія. Никогда душа не бываетъ такъ расположена къ подвигамъ самоотверженной любви, никогда не бываетъ такъ готова все дѣлать для Бога и ближнихъ, какъ послѣ молитвы. Міръ выдаетъ молитву за занятіе скучное, утомительное. Міръ и въ томъ ошибается. Молитва наполняетъ душу такими утѣшеніями, какихъ никогда не можетъ дать міръ; она оживляетъ душу самыми высокими, самыми святыми мыслями и чувствованіями. Дорожите же молитвою. Молитесь усердно, искренно; не опускайте ни одного времени молитвы, чтобы не лишить души высокихъ благъ, какія доставляетъ молитва.

Благодать и миръ да будетъ со всѣми нами. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА,

В'Ь СЛОБОДѢ АНДРЕЕВКѢ, ВЪ МѢСТѢ ВОЕННАГО ШТАБА.

Домъ мой домъ молитвы есть (Лук. XIX, 14).

Благословенъ Богъ дарующій людямъ домъ свой! Если дается людямъ домъ Божій; какъ много значитъ для людей одно приближеніе Бога къ людямъ! Сколько надеждъ сладкихъ и вѣрныхъ возбуждается тѣмъ въ людяхъ! Благословенъ Богъ, подавшій усердіе и способы для созданія дома молитвы! Если домъ Божій есть домъ молитвы: то онъ есть училище вѣры и благочестія для людей; онъ есть училище для обученія себя всему святому, потому что есть домъ всесвятаго; онъ есть училище благочестія, потому что есть домъ молитвы, обучающей только благочестію. Если домъ Божій есть домъ молитвы: не значитъ ли это, что молитва способна принимать и передавать людямъ всѣ дары Божіи? Не напрасно же домъ молитвы называется домомъ Божіимъ. Слушатели мои! помыслы немощной природы нашей по временамъ возстаютъ въ насъ противъ вѣры въ силу молитвы. Съ сознаніемъ и безъ со-

знанія яснаго, возникая въ душѣ эти помыслы отклоняютъ насъ отъ молитвы, тогда какъ для обученія молитвѣ построенъ и домъ молитвы и молитва есть святой долгъ души нашей. Итакъ есть нужда размыслить о силѣ молитвы.

Аще вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти человѣкомъ: кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у него (Мат. VII, 11). Такъ говоритъ намъ небесная Истина о благости небесной.—Не правда ли, какъ эти слова ставятъ близко къ разумѣнію каждаго мысль о благоплодности искренней молитвы? Если бы и нашелся между людьми, говоритъ небесная Истина, такой отецъ, который отказалъ бы голодному сыну въ пищѣ или вмѣсто хлѣба подалъ бы ему камень: быть не можетъ, чтобы Отецъ небесный отказалъ мольбѣ дѣтей своихъ: благость Отца небеснаго, сострадательная любовь Его къ людямъ далеко превышаютъ любовь земныхъ родителей къ дѣтямъ. Если откровеніе древняго закона не молчало о терпѣливомъ благоснисхожденіи къ людямъ: въ какомъ ясномъ свѣтѣ, въ какомъ необъятномъ величіи представляетъ намъ любовь Божію къ людямъ откровеніе христіанское! Отецъ небесный послалъ намъ Сына своего для нашего спасенія. Чего же послѣ того пожалѣетъ Онъ для насъ, чего не сдѣлаетъ по нашей молитвѣ? Пусть иной язычникъ могъ сомнѣваться въ благости неба, удаливъ себя отъ близости его свѣта благотворнаго. Но когда же, въ какія времена, и лучшіе язычники не молились небу, не питали надеждъ на благость Божества? Если же и язычники по временамъ молились: то это показываетъ, что они признавали силу надеждъ на благость Божества. Безъ того не было бы въ нихъ мѣста молитвѣ. Послѣ того тебѣ ли, христіанинъ, сомнѣваться въ силѣ молитвы? Нѣтъ, не оскорбляй имени своего, не оскорбляй Господа твоего какимъ либо недовѣріемъ къ готовности Отца небеснаго—исполнить твою молитву. *Вся*, говоритъ Господь твой, *елика аще воспросите вѣрующе,—пріемлете* (Мат. XXI, 22).

„Если Богъ благъ къ намъ: Онъ и безъ нашей молитвы подастъ намъ нужное; молитва же наша была бы только оскорбленіемъ Всеблагому и слѣдовательно не полезною, а развѣ вредною для насъ“? Такія мысли бродятъ иногда въ душѣ иныхъ.

Но оскорбляется ли отецъ земной, когда дѣти его съ кроткою любовію просятъ у него потребное для нихъ? Напротивъ не оскорбляется ли онъ по праву тогда, когда дѣти, хотя и томятся нуждою, не хотятъ ничего просить у него оттого, что капризны, упрямы, самолюбивы? Точно такъ, если благость небесную выставляютъ за право на полученіе даровъ неба и не считаютъ нужнымъ сознаваться предъ Богомъ въ своихъ немощахъ и нуждахъ, не счи-

тают нужнымъ просить Его о помощи: это не болѣе, не менѣе, какъ гордость богопротивная, которую слѣдуетъ вразумлять голодомъ и нищетою. И благость небесная и мудрость высшая устроили тотъ порядокъ, какой устроенъ для насъ. *Всякъ просяй пріемлетъ ищай обрѣтаетъ и толкущему отверзается* (Мат. VII, 11). Кроткой любви, смиренной молитвѣ ни въ чемъ не отказывается: но гордая лѣность, которая не хочетъ просить ничего, по мудрому порядку, остается съ своею бѣдностію, чтобы пришла въ себя.

„Законы міра, говорятъ, непреложны, какъ непреложны мысли премудраго Творца природы. Потому напрасны мольбы и вздохи наши,—для нихъ не можетъ быть измѣненъ порядокъ дѣлъ въ природѣ".

Но кто сказалъ намъ, что Всевѣдущему не извѣстны были вздохи наши съ самаго начала міра? Кто открылъ намъ, что Всевѣдущій и премудрый не включитъ послѣдствій молитвы, какъ другія причины и ихъ слѣдствія въ опредѣленный порядокъ дѣлъ своихъ? Развѣ Богъ нашъ сталъ Отцемъ нашимъ не съ самаго начала міра? Развѣ Онъ можетъ быть художникомъ безъ предусмотрительной любви Отца, безъ заботъ нѣжнаго воспитателя существа разумныхъ? О! нѣтъ! Если молитвы наши столько благотворны для сердецъ нашихъ, питая и, возвращая въ нихъ смиреніе и благоговѣніе, любовь и покорность, жажду Бога и Божіей воли: какъ премудрому Отцу не включить ихъ въ порядокъ дѣлъ своихъ, при самомъ твореніи міра? О, молитесь дѣти премудраго Отца, молитесь съ полною надеждою на успѣхъ молитвы. Хотя бы нужно было для васъ переставить горы съ мѣста на мѣсто: и горы перейдутъ съ мѣста своего, по вашей молитвѣ; потому что художникъ ихъ есть вашъ Отецъ нѣжный.

Маловѣрная лѣность ищетъ опоры себѣ еще въ нашей собственной немощи, ограничивая силу молитвъ личностію избранныхъ молитвенниковъ Божіихъ. Она говоритъ: если и случалось, что по молитвѣ получали многое, то это люди не такіе, какъ мы слабые,—это избранники Божіи,—а намъ чего ожидать себѣ?

Смѣло говоримъ, что это говоритъ лѣность, а не искреннее смиреніе. Мы всѣ—грѣшники предъ Богомъ, мы всѣ недостойны милостей Его, а стоимъ только гнѣва Его,—всѣ мы—слабы и немощны. Но Онъ Отецъ нашъ, потому-то и простираетъ къ намъ помощь любви своей, что мы дѣти слабыя и немощныя. Ни отъ кого изъ насъ, ни отъ праведника, ни отъ грѣшнаго, не ожидаетъ Онъ молитвы, какъ понужденія благости своей или жертвы достойной величія Его. Что можетъ принесть человѣкъ достойное Бога? Благость Его опредѣляется въ своихъ дѣйствіяхъ только своею волею благою. Любовь Сына Божія къ грѣшнымъ людямъ—вотъ что рас-

полагаетъ Отца небеснаго изливать дары благости на преступное человѣчество. Онъ ждетъ молитвы нашей только для того, чтобы мы возчувствовали какъ можно глубже нужды наши и какъ можно искреннѣе искали спасенія въ вѣрѣ въ Спасителя нашего. Потому немощь наша не только не можетъ ограничивать могущества молитвы, но чемъ живѣе чувствуемъ мы слабость свою, тѣмъ большею силою облекается молитва наша, тѣмъ обширнѣе становится кругъ, на который простирается дѣйствіе молитвы нашей. Такимъ образомъ святое писаніе, когда выставляетъ намъ опыты плодотворной молитвы, не говоритъ намъ, что такая молитва принадлежала избранникамъ Божіимъ. Апостолъ Іаковъ, въ побужденіе къ молитвѣ, указывая на примѣръ сильной молитвы Иліи, не называетъ его при томъ пророкомъ, а говоритъ, что это была молитва подобнаго намъ человѣка. *Илія человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ и молитвою помолися, да не будетъ дождь, и не одождитъ по земли лѣта три и мѣсяцъ шестъ* (Іак. V, 17). Давидъ славитъ Бога за Его близость къ каждому молящемуся. „Близокъ Господь ко всѣмъ призывающимъ Его, ко всѣмъ призывающимъ Его истинно; желаніе боящихся Его Онъ исполняетъ, взыванія ихъ слышитъ и спасаетъ ихъ“ (Псал. CXLIV ,18. 19). Онъ исповѣдуетъ: „призрѣлъ на молитву угнѣтенныхъ и не отвергъ моленія ихъ“ (Псал. CI, 18).

Гдѣ искренняя молитва могла бы не оказывать силы и могущества своего? Обращается ли она на слабый составъ тѣла нашего, или на внѣшнюю природу? Тамъ и здѣсь все покаряется ей, все уступаетъ силѣ ея. Наприм. Царь Эзекія былъ сильно болѣнъ, до того болѣнъ, что пророкъ велѣлъ ему распорядиться о своемъ домѣ. Царь, при вѣсти о близкой смерти, горько заплакалъ и обратился къ Господу съ искреннею мольбою о продолженіи жизни. И что же послѣдовало? Не успѣлъ Исаія сойти съ царскаго двора, какъ слезная молитва Эзекіи была услышана и вѣстникъ смерти долженъ былъ воротиться, чтобы возвѣстить Эзекіи о продолженіи жизни его: „возвратись, сказалъ Богъ Исаіи, и скажи Эзекіи, что я вижу слезы его и исполняю молитву его; спустя три дня онъ посѣтитъ храмъ мой и проживетъ еще 15 лѣтъ“ (4 Цар. XX, 1. 3). Вотъ что значитъ молитва въ болѣзняхъ нашихъ! Примѣръ тому, какъ послушна бываетъ видимая природа молитвѣ, видимъ въ Иліѣ, который силою молитвы затворялъ и отворялъ небо для дождя, низводилъ съ неба огнь, пожиравшій напоенныя водою дрова, горстію муки и чванцемъ елея питалъ семью въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцей. Думаете ли, други мои, что Спаситель напрасно велѣлъ намъ молиться о дарованіи насущнаго хлѣба? Нѣтъ! если Онъ велѣлъ молиться: то по молитвѣ, согласной съ волею Его, данъ намъ бу-

детъ насущный хлѣбъ, хотя бы дѣятели физической природы упорно отказывались произращать намъ на поляхъ хлѣбъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ преобразовать грѣшную душу и устроить спасеніе ея. Но и это самое трудное на свѣтѣ дѣло совершаетъ искренняя молитва. Что такое молитва? Она есть возношеніе ума и сердца нашего къ Богу. Отселѣ уже видно, какъ много значитъ молитва для исправленія души грѣшной. Молитва ставитъ душу предъ лицемъ Бога, который и свѣтъ нашъ и жизнь и сила. Она и сама заставляетъ душу придти въ себя, чтобы не явиться ей слишкомъ въ неприличномъ видѣ предъ Богомъ, и съ престола Божія пріемлетъ силы для врачеванія больной души. Нѣтъ такой дикой страсти, которой бы не могла усмирить искренняя молитва; нѣтъ такого грѣха, который бы не уступилъ бы мѣста силѣ молитвы. Если вы видите, что порочный человѣкъ начинаетъ прилѣжно молиться: будьте увѣрены, что онъ уже не прежній грѣшникъ, что одно уже начало молитвы сдѣлало въ немъ благую перемѣну, а скоро онъ откажется отъ многихъ своихъ слабостей. Вспомните египетскую грѣшницу Марію, какъ она послѣ молитвы въ преддверіи храма іерусалимскаго возгнушалась нечистою жизнію, и какъ молитва пустынная возвысила ее до чистоты ангела небеснаго. Сотникъ Корнилій былъ язычникъ, не знавшій Господа Іисуса. Но онъ творилъ милостыню и постоянно молился Богу: былъ *благоговѣенъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творяй милостыни многи людемъ и моляйся Богу всегда.* Что совершила въ немъ молитва? Постоянная молитва преклонила небо къ язычнику, низвела ангела для откровенія или указанія пути спасенія и прежде крещенія облекла его благодатію. *Корниліе,* сказано ему, *услышана бысть молитва твоя* (Д. X, 2. 31).—Пройдите всѣ состоянія души и вы увидите, что молитва вездѣ оказываетъ благотворное свое дѣйствіе. Она—отрада въ горестяхъ, учитель въ радости, свѣтъ ума, подпора падающимъ защита волнуемымъ, жизненная сила для всѣхъ добродѣтелей.

Если послѣ того скажутъ, что изъ числа многихъ не многіе молящіеся испытываютъ на себѣ дѣйственную силу молитвы: мы отвѣтимъ, что это скажутъ необдуманно, скажутъ безъ основаній, которыми могли бы оправдать слова свои. Если иногда не получаемъ мы тотчасъ, чего просимъ въ молитвѣ: это не значитъ, что молитва наша не услышана. Это значитъ только то, что или для насъ не полезно то, чего просимъ (Іак. IV, 1), или болѣе нужно для нашего спасенія другое благо, котораго мы не видимъ (Мат. XX, 22); но въ томъ и другомъ случаѣ молитва совершаетъ свое дѣло въ душѣ нашей; въ томъ и другомъ случаѣ Господь видитъ

и слышитъ воздыханія наши и благословляетъ трудъ души нашей.

Будемъ, други мои, молиться усердно. Молитва оправдаетъ себя предъ нами, во славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА,

ВОЗОБНОВЛЕННАГО ВЪ ХРУЩОВОЙ НИКИТОВКѢ Н. Д. ХРУЩОВА.

Домъ мой домъ молитвы есть
(Лук. XIX. 46).

Да благословитъ Богъ радость празднующихъ обновленіе храма сего! Особенно же да благословитъ Господь благословеніемъ земнымъ и небеснымъ усерднаго обновителя храма. Трудъ его—трудъ любви къ Господу: обновленный храмъ есть храмъ Божій. Трудъ его есть дѣло святой любви къ ближнимъ: обновленный храмъ есть *домъ молитвы* для многихъ молящихся, молитвы, столько даровъ небесныхъ низводящей на насъ.

Прихожане храма сего! Если домъ сей *домъ молитвы есть*: то понятно, что вашъ долгъ часто ходить въ сей домъ для возношенія молитвъ къ Богу. Не напрасно же созданъ, не напрасно съ такимъ усердіемъ украшенъ сей домъ молитвы: онъ съ тѣмъ обновленъ и украшенъ, чтобы благолѣпіе его возбуждало сердца ваши къ усердной и благоговѣйной молитвѣ.

Одно охлаждаетъ въ иныхъ усердіе къ молитвѣ: это—то, что не всегда видятъ исполненіе желаній молитвы. Сдѣлаемъ, что можемъ, чтобы отклонить это препятствіе къ молитвѣ; разсмотримъ почему молитвы наши иногда остаются безплодными?

Апост. Іаковъ поучаетъ: *желаете и не имате, зане не просите, просите, и не пріемлете, зане зль прросите, да въ сластехъ вашихъ ижднвете* (IV, 3. 4). Здѣсь апостолъ показываетъ намъ двѣ главныя причины, по которымъ молитвы бываютъ безплодны. Онѣ безплодны бываютъ или потому, что не составляютъ прошеній искренно молящейся души, или потому, что не того испрашиваютъ, чего должно просить у Бога.

Когда читая или слушая молитвы, почти не обращаютъ вниманія на то, о чемъ говорится въ молитвѣ: чего ждать отъ такого моленія? Если сами не слышатъ, своей молитвы: услышитъ ли ее Богъ? О! развѣ для того только услышитъ, чтобы излить гнѣвъ свой

на преступное разсѣяніе молящагося. Иначе такая молитва есть ли молитва? Это—біеніе воздуха, а не трепетаніе сердца; это—звуки голоса, а не бесѣда души съ Богомъ; это занятіе скорѣе нечестія, чѣмъ благочестія. О, бойтесь, други мои, такой молитвы. Если и люди не выполняютъ тѣхъ просьбъ, которыя излагаются предъ ними небрежно: можно ли ожидать, чтобы испытующій сердца исполнилъ молитву небрежную, невнимательную къ величію Его? *Взыщите Господа Бога вашего, и обрящете, егда взыщете Его отъ всего сердца вашего и всея души вашея*, говоритъ пророкъ Божій Моисей (Втор. IV, 29).

Истинная милитва есть молитва любви. Богъ есть любовь и въ насъ благоволитъ только къ любви. Ненависть, зависть, вражда, мстительность, жестокость, не получатъ, чего просятъ: онѣ—предметъ негодованія Божія. *Аще принесеши даръ твой ко алтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде примирися съ братомъ твоимъ и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Мат. V, 23, 24). *И егда стоите молящеся: отпущайте, аще что имате на кого, да и Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мар. XI, 25. 26). *Иже затыкаетъ ушеса своя, еже не послушати немощнаго, и той призоветъ и не будетъ послушающаго* (Прит. XXI, 23).

Истинная молитва есть молитва смиренія; молитва мечтательная о нашихъ достоинствахъ и преимуществахъ—дѣло болѣе чѣмъ безполезное.—Отчего фарисей остался въ стыдѣ, тогда какъ мытарь оправданъ? Оттого, что фарисей говорилъ въ молитвѣ; *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, или якоже сей мытарь*; а мытарь билъ въ перси отъ сердечной горести, не смѣлъ поднять очей на небо и съ сокрушеніемъ говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному* (Лук. XVIII, 10—14). Кто бы ни былъ вблизи тебя молящійся: берегись считать себя лучше его, страшись унижать его презрѣніемъ и гордостію. Иначе молитва, вмѣсто милости, низведетъ на тебя судъ Божій. *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

Св. апостолъ учитъ молящагося: *да проситъ вѣрою, ничтоже сумняся: сумняйся бо уподобися волненію морскому, вѣтры возметаему и развѣваему. Да не мнитъ человѣкъ онъ, яко пріиметъ что отъ Бога* (Іак. I, 6. 7). И такъ, когда молимся безъ твердой вѣры, колеблемые сомнѣніемъ въ возможности исполненія молитвы нашей, сомнѣніемъ пораждаемымъ то холодностію души, то мыслію о чрезвычайности дѣла, какъ будто и есть легкое для нашей грѣшной

души: не получимъ желаемаго молитвою. Вслѣдствіе слабой вѣры не можетъ быть въ насъ твердаго упованія на Бога, а между тѣмъ только упованіе не остается въ стыдѣ,—безъ упованія, какъ сердце наше далеко отъ Бога, такъ и дары Божіи, низходя съ неба, проходятъ мимо насъ.

Вотъ случаи, въ какихъ молитва наша можетъ остаться безъ плода, отъ того, что она не есть истинная молитва по внутреннему своему свойству!

Молитвы наши могутъ быть еще нечисты и злы по предмету своему. Тогда также, хотя и будемъ просить, не получимъ по прошенію.

Ищите прежде царствія Божія и правды его (Мат. VI, 33), заповѣдуетъ намъ Господь. Прежде всего и болѣе всего должны мы просить о томъ, чтобы не лишиться намъ царствія Божія, должны молить Бога о дарованіи благъ, необходимыхъ для блаженной вѣчности, о познаніи Бога, о прощеніи грѣховъ, объ усовершеніи въ добродѣтеляхъ, въ любви, цѣломудріи, безкорыстіи. Простодушные слушатели мои! да избавитъ меня Богъ отъ того несправедливаго суда, которымъ иные безпощадно осуждаютъ васъ за ваши жаркія прошенія благъ земныхъ, за ваши молитвы о помощи въ тяжкихъ нуждахъ вашихъ. Если вы не опускаете того, чтобы прежде всего просить у Господа прощенія въ грѣхахъ и благодати Его: молитвы ваши о земномъ святы и вы получите по прошенію простыхъ сердецъ вашихъ. Только помните твердо, что прошенія благъ земныхъ тогда будутъ исполнены, когда вы не забываете вѣчности, когда болѣе боитесь грѣховъ, чѣмъ бѣдности, стараетесь творить правду Божію. Иначе подумайте, можетъ ли Богъ благоволить къ молитвѣ, когда предпочитаютъ временное вѣчному, землю—небу, жизнь чувственную—жизни духовной?

Легко быть можетъ съ нами, что то, чего желаемъ, чего просимъ мы у Бога, нашему недальновидному взору кажется и очень нужнымъ и очень полезнымъ—и что однако по своимъ послѣдствіямъ, которыхъ не видимъ, не только не нужно намъ, но готовитъ лишь скорби и искушеніе, лишь соблазнъ и горе. Хорошо, если молясь о подобныхъ вещахъ мы не забываемъ говорить: не моя, а Твоя, да будетъ воля, Господи! Иначе не оказываемся ли мы дѣтьми своенравными и глупыми, которыя съ плачемъ и крикомъ просятъ вреднаго себѣ? Братъ мой! ты не доволенъ своею бѣдностію и настойчиво просишь Бога, чтобы послалъ Онъ тебѣ богатство,—а не видя исполненія этой мольбы, ропщешь на Бога? Одумайся. Знаешь ли ты, чѣмъ бы ты былъ по душѣ, ставъ богатымъ? *Уты, утолстѣ, разширѣ, забы Бога спасающаго*, такъ жаловался пророкъ на счастливаго изра-

иля. Чѣмъ ты увѣришь себя и меня, что и ты не былъ бы тѣмъ же при богатствѣ? Не укажешь ли на твердость твою въ добрѣ? Если такъ: то эта гордость—вѣрная порука, что ты въ счастіи былъ бы скотомъ несмысленнымъ. На что же ты ропщешь? Не на то ли, что ты по милости Божіей, еще не такъ худъ, какъ могъ бы быть?— Иному не удаются попытки и хлопоты его выдти изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. О, еслибы въ глубинѣ души своей хранилъ онъ евангельскую мысль, что тѣсный путь—надежный путь къ царствію? Онъ благодарилъ бы Господа за путь, которымъ ведетъ его Господь. Вы, отецъ и мать, неутѣшно плачете, что не возвратилъ Богъ здоровья умиравшему сыну, умиравшей дочери. Но знаете ли вы навѣрное, что ваши сынъ и дочь, спасенные отъ смерти, не нанесли бы вамъ скорбей самыхъ тяжкихъ, а подъ конецъ не погубили бы себя для вѣчности? Можно ли перечесть всѣ случаи, когда ничѣмъ такъ жестоко нельзя было бы наказать насъ, какъ если бы Богъ выполнилъ наши молитвы? Будемъ же осторожны, не будемъ слишкомъ настойчивы въ мнѣніяхъ и желаніяхъ нашихъ, повидимому, безгрѣшныхъ и умныхъ.

Говорить ли о тѣхъ молитвахъ, когда молится о предметахъ, явно нечистыхъ, явно грѣшныхъ? Иные, молясь Богу о богатомъ урожаѣ хлѣба, во время самой молитвы тѣшатъ себя грѣшными мечтами: какъ бы они зажили тогда, какъ бы они стали сладко ѣсть и пить, какъ бы стали важны предъ другими.—Не улика ли въ нечистотахъ сердца такая молитва? Не хула ли она на Бога, какъ будто Онъ можетъ угождать страстямъ нашимъ? Иной, обуреваемый дикою злобою, молитъ Бога, чтобы послалъ Онъ ему случай и возможность отмстить врагу своему. Другимъ овладѣла зависть до того, что проситъ онъ Бога разстроить счастіе сосѣда. Какъ страшна всякая подобная молитва! Это молитва сатаны, котораго ждетъ геенна. *Егда прострете руки ваши ко Мнѣ,* говоритъ Господь нечестивымъ, *отвращу очи Мои отъ васъ, и аще умножите моленія, не услышу васъ, руцѣ бо ваши исполнены крове* (Иса. I, 15).

Итакъ вы видите, слушатели, что если молитвы наши бываютъ безплодными: то это зависитъ отъ насъ же самихъ. По тому безуспѣшность молитвъ нашихъ вызываетъ насъ не на бездѣйствіе молитвенное, а на заботы о молитвахъ святыхъ и богоугодныхъ. Будемъ молиться такъ, какъ велѣно намъ молиться, и тогда каждая молитва наша будетъ услышана, во славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА,

ВЪ Г. СУМАХЪ.

Домъ моѣ домъ молитвы есть (Лук. XXI; 46).

Домъ молитвы готовъ. Слава Всеблагому и вседѣйствующему! Боже Отцевъ нашихъ, Боже милостивый и щедрый! въ домѣ, освященномъ Тобою для молитвы, молимъ Тебя: призри на вѣру и любовь благоукрасившихъ сей домъ Твой; по вѣрѣ въ Твою благость, не отвергающую и малыхъ даровъ любви къ Тебѣ, и по любви къ братіямъ молящимся и имѣющимъ молиться въ домѣ молитвы, благоустроенъ храмъ сей; прими жертву сугубой любви съ любовію и воздай дарами щедрой милости Твоей!

Домъ молитвы готовъ, братія! надобно молиться въ немъ о себѣ и о другихъ. Но какъ молиться? Если и апостолы молились: „Господи научи насъ молиться“ (Лук. XI, 1): какъ намъ не позаботиться о томъ, какъ должно намъ молиться? Размыслимъ о качествахъ истинной, богоугодной, молитвы.

Св. апостолъ учитъ: „надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть и что Онъ ищущихъ Его вознаграждаетъ“. И такъ молитва, какъ возношеніе ума и сердца къ Богу, должна быть совершаема не иначе, какъ съ вѣрою. „Безъ вѣры невозможно угодить Богу“, говоритъ апостолъ (Евр. XI, 6). „Чего вы испугались, маловѣры? Гдѣ вѣра ваша?“ упрекалъ Спаситель апостоловъ на морѣ (Мат. VIII, 26. Лук. VIII, 25). Ни о чемъ такъ не радовался Господь Іисусъ, какъ о вѣрѣ, и для вѣры совершалъ чудеса. „Ни во израилѣ не нашелъ Я такой вѣры“, говорилъ Онъ о капернаумскомъ сотникѣ (Мат. VIII, 10). „Вѣра твоя спасла тебя“, говорилъ Онъ женѣ (Лук. VII, 8). „По вѣрѣ вашей да будетъ вамъ“, говоритъ Онъ слѣпцамъ (Мат. IX, 29). Такъ необходима вѣра для ищущихъ помощи небесной. Въ послѣдней бесѣдѣ своей съ учениками, Спаситель, открывая тайны царствія, говорилъ имъ: „истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ. До нынѣ вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите“ (Іоан. XVI, 23. 24). Видите, было время для апостоловъ, когда они, не вполнѣ, понимая божественное достоинство и значеніе искупителя въ лицѣ Христа Іисуса, не совершали молитвы во имя Господа Іисуса. Но благій Господь вразумляетъ ихъ, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ людей, какъ должно молиться, чтобы молитва была услышана на небѣ. По наставленію Спасителя, надобно

молиться во имя Его,—Сына Божія и искупителя нашего, надобно молиться съ вѣрою въ Его великое имя. Такъ и поступаетъ церковь. Такъ велитъ она и намъ молиться. Вы слышите въ храмѣ, діаконъ возглашаетъ: „Господу помолимся“, пѣвцы отвѣчаютъ: „Господи помилуй“. Что значитъ эта молитва? Къ кому обращена она? Она составляетъ исполненіе заповѣди Господней о молитвѣ во имя Господа Іисуса; это—образецъ молитвы, составившійся по наставленію Господа. Это—молитва самая превосходная по содержанію, самая лучшая по составу. Въ чемъ состоитъ все христіанство? Въ глубокомъ, постоянномъ, сознаніи нашей виновности предъ Богомъ, въ глубокомъ чувствѣ нужды въ искупителѣ и Его благодати. Потому должны мы вопіять душею: „помилуй насъ Іисусе, Сыне Божій, помилуй насъ преступныхъ и нечистыхъ, покрой насъ безотвѣтныхъ грѣшниковъ отъ суда правды небесной“. Въ иномъ видѣ церковь учитъ насъ такъ молиться: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ“. Эта молитва ничто иное, какъ пополненіе молитвы: „Господи помилуй“. Не дивно, что молитвѣ Іисусовой, или молитвѣ къ Іисусу, присвояется необыкновенная сила. Для нее нѣтъ враговъ непобѣдимыхъ, для нее нѣтъ препятствій непреодолимыхъ: такъ должно быть по словамъ Господа о молитвѣ въ Его имя. Такъ и говорятъ тѣ, которые опытами цѣлой жизни дознали важность сей молитвы. Иному быть нельзя, и потому, что по слову апостола, имени Господа Іисуса покорено все и на небѣ и на землѣ, предъ Нимъ преклоняется „всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ“ (Фил. II, 10).

Молитва наша должна быть молитвою сердца, молитвою искреннею и усердною. Что за молитва, когда умъ разсѣянъ по множеству предметовъ міра, а въ сердцѣ толпятся разныя желанія мірскія? Что за молитва, когда молящійся самъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ? Съ негодованіемъ говоритъ Господь о такихъ молитвенникахъ: *приближаются ко Мнѣ людіе сіи усты своими и устами чтутъ Мя, сердце же далече отстоитъ отъ Мене. Всуе же чтутъ Мя* (Иса. XXIX, 31). Истинная молитва должна быть усердною молитвою, которая исходила бы изъ глубины души. И люди недовольны бываютъ, когда замѣчаютъ, что просятъ ихъ неискренно. А Богъ есть сердцевѣдѣцъ и благоугождается дарами сердца. Онъ принимаетъ отъ насъ наружныя колѣнопреклоненія и поклоны, но тогда, когда они бываютъ выраженіемъ сердечныхъ чувствъ нашихъ или возбуждаютъ сокрушеніе. Молитвы святыхъ были воплемъ души. *Возопи Моисей ко Господу,* говоритъ писаніе (Иса. XVII, 4), *возопи,* т. е. воззвалъ душею и со всѣмъ усиліемъ души. Точно также говорится о молящемся Иліѣ: *возопи Илія ко Господу* (3 Цар. XVII,

20). Какъ молилась пророчица Анна, когда была услышана Господомъ? *И та умилена душею и помолися Господу и плачущи проплака* (3 Цар. I, 10). Какова была молитва Давида? Псаломъ его поетъ: *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи, услыши гласъ мой* (Псал. CXXIX, 1). Развлеченіе души во время молитвы бываетъ и слѣдствіемъ порчи души, столько склонной увлекаться впечатлѣніями чувственными. Чтобы укротить въ себѣ эту склонность, надобно держать душу предъ лицемъ Бога всесвятаго и грознаго для грѣшниковъ, надобно молиться о дарованіи духа молитвы. Бываетъ, что мы стоимъ разсѣянные на молитвѣ и оттого, что слишкомъ скоро перешли отъ житейскихъ занятій къ молитвѣ; тогда житейскіе помыслы и заботы не оставляютъ души, во время молитвы, такъ какъ не готова она вовсе къ молитвѣ. Потому *прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди, яко человѣкъ искушая Господа* (Сир. XVIII, 23). Легкомысліе также разсѣянно молится. Пусть оно твердо помнитъ, что христіанинъ долженъ служить Богу всѣми силами, и что *проклятъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ*.

Молитва наша должна быть смиренная и благоговѣйная. Стоя на молитвѣ, или молясь внутренно, должны мы устранять всякій помыселъ самомнѣнія, всякую мысль о своемъ достоинствѣ, всякое чувство самоуслажденія. Молитва—бесѣда души съ Богомъ. Но кто Богъ и кто мы? Онъ—святость всесовершенная, мы—грѣхъ; Онъ—Господь всемощный, предъ которымъ трепещутъ ангелы; а мы—нищіе и больные, слѣпые и нагіе, пыль и та смрадная (Апок. III, 17). Какъ же намъ молиться безъ смиренія и трепета? Смиреніе въ молитвѣ необходимо и потому, что съ мыслію о единомъ Спасителѣ нашемъ не примиримо никакое надѣяніе на себя, никакое мечтаніе о своемъ достоинствѣ и заслугахъ. И какъ христіанину являться предъ Богомъ съ какою либо гордостію въ сердцѣ послѣ того, какъ въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ Господь осудилъ молитву мечтательнаго фарисея и прославилъ молитву смиреннаго мытаря? *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать*, учитъ апостолъ (Іоак. IV, 6). Такъ, слушатели мои, эта гордая поступь, это высокомѣрное чело, эти взоры презрѣнія къ бѣдности, съ которыми иные являются въ храмѣ молитвы, вовсе неприличны молящемуся; они призываютъ гнѣвъ Божій. Нѣтъ, братія, поучимся молитвѣ у этихъ нищихъ, что стоятъ у пороговъ храма Божія, или у дверей дома нашего. Съ какимъ смиреніемъ, съ какимъ униженіемъ стараются они возбудить въ насъ состраданіе къ нимъ! А это—братія наши; это не то, что мы предъ Богомъ нашимъ.

Молитва истинная, какъ молитва усердная, не можетъ быть молитвою временнаго порыва сердечнаго; она—молитва постоянная.

Искреннее усердіе твердо сражается съ препятствіями и не отступаетъ отъ цѣли, прежде чѣмъ достигнетъ ее. Точно такъ и усердная молитва. Она продолжаетъ подвигъ свой днемъ и ночью, прилагая труды къ трудамъ. Она стучится въ двери милосердія Божія неотступно, хотя бы долго не отворялись онѣ. Съ одной стороны, какъ плодъ глубокаго сознанія немощей своихъ, она не можетъ считать труда своего конченнымъ когда либо, чтобы говорить: довольно, долгъ выполненъ, болѣе не нужно молиться. Съ другой стороны глубоко, благоговѣя предъ величіемъ Божіимъ, она вѣритъ и исповѣдуетъ, что пути Божіи—не то, что пути человѣческіе; ихъ не измѣритъ человѣкъ, у Господа Бога могутъ быть причины, по которымъ Онъ то для насъ самихъ, то для другихъ подобныхъ намъ, можетъ надолго оставить безъ исполненія желанія наши. По той и другой причинѣ она молится долго, пока не угодно будетъ Господу явить свою волю.

Говорятъ: Господь запретилъ долгія молитвы, когда сказалъ: *молящеся, не лишше глаголите, яко же язычницы, мнятъ бо, яко во многоглаголаніи своемъ услышани будутъ* (Мат. VI, 7)? Да, Господь запретилъ долгія молитвы. Но какія? Тѣ, которыя совершаютъ язычники. Онъ говоритъ: *не лишше глаголите, яко же язычницы.* Онъ объясняетъ и то, почему многословіе язычниковъ не умно. *Мнятъ бо, яко въ многоглаголаніи услышани будутъ.* Язычники вѣрили, что боги ихъ слишкомъ далеки отъ нихъ и бываютъ очень обременены дѣлами, такъ что не слышатъ, что говорятъ имъ молитвенники ихъ, почему необходимо умножать слова молитвы, чтобы боги могли наконецъ услышать молитву. Вотъ какія мысли о Божествѣ запрещаетъ имѣть Христосъ Господь! Вотъ какія многосложныя молитвы осуждаетъ Онъ! Но не запрещаетъ, а заповѣдуетъ Онъ долгія молитвы душѣ правовѣрующей, какъ плодъ ея смиренныхъ мыслей о себѣ самой, какъ плодъ ея благоговѣнія къ волѣ премудраго, какъ дѣло усердія къ Богу сердецъ нашихъ. Чтобы видѣть ясное ученіе Его о долгой молитвѣ души правовѣрующей, вспомните притчу Его о неправедномъ судьѣ, который удовлетворилъ вдовѣ просительницѣ, только по ея неотступной просьбѣ. Что сказалъ Господь въ объясненіе сей притчи? *Слышите*, сказалъ Онъ, *что судія неправды глаголетъ? Богъ же не имать ли сотворити отмщеніе избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ Нему день и нощь домотерпя о нихъ* (Лук. XVIII, 7)? Вспомните еще притчу Его о другѣ, который сперва было отказалъ исполнить просьбу друга, а потомъ исполнилъ ее собственно потому, что другъ просилъ неотступно. *И Азъ вамъ глаголю*, присовокупилъ Господь, *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ* (Лук. XI, 8). Точно такъ

и апостолъ Христовъ училъ: „въ молитвѣ будьте постоянны и бдительны съ благодареніемъ“ (Кол. IV, 2). Итакъ видите, долгая молитва язычника осуждается, потому что она есть плодъ несправедливыхъ мыслей о Божествѣ, будто не знающемъ нуждъ нашихъ помимо долгой молитвы. Долгая молитва душѣ правовѣрующей предписывается, какъ дѣло святое, такъ какъ она, не допуская языческой мысли о Богѣ, льется предъ Богомъ, какъ дѣло глубокаго смиренія предъ Богомъ, очищающаго нечистоты сердечныя сокрушеніемъ и слезами, какъ плодъ твердой надежды на Бога, бодро ожидающей посѣщенія Божія, когда бы ни случилось оно.

Такъ, братія, должны мы молиться Богу! Молитва наша должна быть молитвою вѣры въ Бога и Господа Іисуса. Мы должны молиться искренно и усердно, не развлекаясь помыслами и заботами мірскими. Должно молиться съ глубокимъ смиреніемъ и благоговѣйно. Наконецъ молитва наша должна быть постоянною и неотступною. Такова молитва угодная Господу, которому слава—нынѣ и во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВЪ ЧЕСТЬ ПРОР. ИЛІИ.

ВЪ Г. СУМАХЪ.

Домъ Мой домъ молитвы есть (Лук. XIX, 14).

Благословенъ Богъ! Храмъ, такъ давно ожиданный, такъ долго не оканчивавшійся по бѣдности прихожанъ, наконецъ оконченъ.

Благословенъ Богъ! Благодатію св. Духа освященъ храмъ сей, дабы быть ему святилищемъ таинствъ, училищемъ благочестія, домомъ молитвы!

Благословенны рабы Божіи, содѣйствовавшіе созданію дома Божія приношеніями великими и малыми, изъ которыхъ каждое принято и оцѣнено достойно благимъ и всевѣдущимъ. Сугубое благословеніе Божіе да осѣнитъ показавшаго и заботами и приношеніями особенное усердіе при построеніи храма сего.

Братія! домъ Божій, домъ молитвы такъ заботливъ о назначеніи своемъ для молитвы, что, въ чинѣ служенія его, указывается предстоящимъ въ немъ и на предметы молитвы. Послѣдуемъ рев-

ности его къ молитвѣ. Размыслимъ, о чемъ мы должны молиться? И для храма и для насъ нужно освѣтить словомъ Божіимъ предметъ святой молитвы.

Что дороже всего для человѣка, какъ не вѣчное спасеніе души? Для чего сходилъ Сынъ Божій на землю, если не для спасенія душъ нашихъ? Душа наша такъ высока по своему богоподобію, по качествамъ безсмертнаго духа своего, что ничто земное не равняется ей. Она такъ дорога, что на вѣсахъ правды Божіей цѣлый міръ оказывается легче ея. „Что пользы человѣку, говоритъ Господь, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ и потеряетъ душу свою“? (Мар. VIII, 36). Такъ самымъ первымъ предметомъ молитвы нашей должно быть спасеніе души. *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся*, все нужное для земной жизни, *приложатся вамъ* (Мат. VI, 33): такъ учитъ насъ Сынъ Божій. Чего прежде всего, по наставленію Господа, должны искать мы, о томъ, безъ сомнѣнія, прежде всего должны мы и молиться. Поелику же Господь говоритъ намъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21) и слѣд. царствіе Божіе—тоже, что спасеніе души: то понятно, что Самъ Господь заповѣдуетъ намъ прежде всего молиться о спасеніи души.

Что препятствуетъ спасенію души нашей? Грѣхи наши, наша виновность предъ Богомъ. Грѣхи удаляютъ насъ отъ Бога, грѣхи выставляютъ насъ предметомъ гнѣва Божія, съ грѣхами своими—мы гнусность предъ Богомъ. Какъ же намъ не молиться о прощеніи грѣховъ? *Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному*, долженъ взывать каждый съ мытаремъ,—и съ Давидомъ кающимся долженъ повторять: *по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое* (Псал. L). Правда Божія не можетъ простить грѣшника, не востребовавъ удовлетворенія за вины. Но тогда, какъ „всѣ мы лишены славы Божіей“, Богъ Отецъ предложилъ Сына Своего „въ жертву умилостивленія, чрезъ вѣру въ кровь Его, чтобы показать правду Свою въ прощеніи грѣховъ“ (Рим. III, 23. 25). Итакъ мы можемъ надѣяться на прощеніе грѣховъ не иначе, какъ при вѣрѣ въ Христа Господа, нашего искупителя. Вѣрѣ въ Христа Господа готово прощеніе. Беззаконній моихъ много, ихъ больше, чѣмъ волосъ, на головѣ моей, виновность моя тяжка, ничего нѣтъ у меня, бѣднаго грѣшника, чѣмъ могъ бы я загладить ее: но Отецъ небесный! *се агнецъ Божій вземляй грѣхи міра*—распятый Сынъ Твой (Іоан. I, 29); на Него надежда моя, въ Немъ—защита моя, для вѣры въ Сына Твоего прости грѣхи мои! Слушатель мой! какъ бы много ни было у тебя грѣховъ: молись съ вѣрою въ Сына Божія и грѣхи твои простятся. Въ этомъ увѣритъ тебя не человѣкъ, а послан-

никъ Божій, апостолъ. „Еслибы кто согрѣшилъ, говоритъ онъ: то имѣемъ ходатая предъ Отцемъ, Іисуса Христа, праведника. Онъ есть умилостивленіе за грѣхи наши, и не только за наши грѣхи, но и за грѣхи всего міра“ (1 Іоан. II, 1. 2).

Грѣхъ не только обвиняетъ насъ предъ правдою Божіею, но онъ испортилъ душу нашу; мы такъ разстроены имъ, что не способны творить волю Божію, какъ бы слѣдовало творить. Только благодать Духа св. можетъ исцѣлить насъ больныхъ. И такъ послѣ прощенія грѣховъ должны мы молить Отца небеснаго о дарованіи благодатной помощи душѣ нашей. *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей; не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего святаго не отъими отъ мене.* (Псал. L). Такъ молился Давидъ; такъ долженъ молиться каждый изъ насъ. Великъ даръ Божій—благодать Духа св.; а мы столько недостойны милости Божіей! но и здѣсь въ помощь намъ вѣра въ Господа Іисуса. Господь, идя на крестную смерть, говорилъ: *аще не иду, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ; аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ* (Іоан. XVI, 7). Онъ умеръ на крестѣ и послалъ людямъ Духа св. послѣ того, нѣтъ мѣста безнадежію относительно благодати исцѣляющей. Сынъ Божій, еще до креста знавшій волю Отца небеснаго о Духѣ благодати,—говорилъ послѣдователямъ своимъ: *Просите и дастся вамъ. Аще вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ: колькми паче Отецъ, иже съ небесе, дастъ Духа св. просящимъ у Него* (Лук. XI, 13). И такъ просите благодати Божіей, просите во имя Сына Божія, и она дастся вамъ, для исцѣленія душъ вашихъ.

„Пока живемъ мы въ тѣлѣ, учитъ апостолъ, мы устранены отъ Господа (2 Кор. V, 6). Мы не имѣемъ здѣсь постояннаго града, но ищемъ будущаго“ (Евр. XIII, 13. 14). Коль скоро душа наша успокоивается тлѣнными вещами міра сего и не стремится къ вѣчности, она уклоняется на распутія грѣха, обоянія міра запутываютъ ее въ неправды и беззаконія. „Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти“? (Рим. VII, 24). Такъ взывалъ даже апостолъ. Это значитъ, что полная свобода отъ нападеній грѣха послѣдуетъ только за гробомъ для самаго подвижника Божія. Какъ же не воздыхать намъ о вѣчности? *Вышнихъ ищите,* убѣждаетъ насъ слово Божіе, *идѣже есть Христосъ,—горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III, 1. 2). Такъ мы должны молить Господа, чтобы не лишилъ насъ покоя въ вѣчности. *Да пріидетъ царствіе Твое* (Мат. VI, 10), такъ повелѣлъ молиться Господь нашъ. Будемъ взывать съ разбойникомъ кающимся: *помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.*

Должны ли мы просить у Бога благъ земныхъ? Къ одному великому старцу пришли за наставленіями два брата, имѣвшіе несчастіе увлечься ученіемъ евхитовъ, тѣхъ, которые считали грѣхомъ заниматься чѣмъ либо, кромѣ молитвы о спасеніи души. Старецъ трудился съ учениками, обработывая садъ, когда пришли тѣ молитвенники; онъ усердно продолжалъ копать землю и тогда, какъ тѣ стояли, ожидая наставленій.—Поработавъ довольно времени, старецъ съ учениками пошелъ въ трапезу, ничего не сказавъ пришедшимъ. Говорили, что онъ великій старецъ, а онъ не знаетъ и долга покоить странныхъ, разсуждали между собою пришельцы, и неудовольствіе свое на старца передали нѣкоторымъ изъ учениковъ его. Простите меня, братія, сказалъ старецъ молитвенникамъ; я не пригласилъ васъ въ трапезу оттого, что вы все молитесь. Тогда пришедшіе поняли свое заблужденіе. Такъ, други мои, заботясь о спасеніи души, мы не должны оставлять въ пренебреженіи нужды земной жизни, а должны молить Господа и о благахъ земныхъ. Земныя блага нужны намъ какъ способы для продолженія земной жизни и какъ средства для спасенія души. Земную, тѣлесную жизнь велѣно намъ беречь, а не убивать ее; потому должны мы просить у Господа и способовъ къ ея поддержанію и продолженію. Земныя блага оказываютъ намъ различную помощь въ спасеніи души,—то какъ средства для благотворенія ближнимъ и для внѣшняго богослуженія, то какъ успокоеніе въ немощахъ нашихъ, по временамъ слишкомъ тяжелыхъ и опасныхъ для слабой души нашей. Все ли равно для насъ: живемъ ли въ такое время, когда благорастворенный воздухъ разливаетъ жизнь въ природѣ физической и въ тѣлѣ нашемъ, или тогда, какъ зараза кладетъ въ гробы сотни братій и сестеръ нашихъ? Все ли равно, страдаютъ ли отъ голода дѣти и старцы, люди и животныя, или обиліе плодовъ земныхъ вызываетъ изъ сердецъ благодаренія Отцу небесному? Все ли равно, опустошаетъ ли война города, села, страны, или подъ сѣнію мира люди покойно занимаются дѣлами званія своего? Кажется, отвѣтъ не затруднителенъ. Самъ Господь нашъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ велитъ намъ молиться о прославленіи имени Божія, объ исполненіи воли Его, о появленіи царства небеснаго, наставляетъ насъ такъ молиться: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь,—избави насъ отъ лукаваго,* или отъ всякаго бѣдствія. Апост. Павелъ говоритъ: *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки,—да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. II, 1. 2); апостолъ учитъ молиться о томъ, „дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и честности“. Поелику же извѣстно по опы-

тамъ, что земныя блага затрудняютъ насъ на пути ко спасенію и это бываетъ особенно тогда, какъ ихъ у насъ много: то, испрашивая ихъ у Господа, должны мы ограничивать желанія наши необходимымъ и полезнымъ для вѣчности; должны просить ихъ, какъ просилъ мудрецъ Божій: *богатства и нищеты не даждь ми, устрой же ми потребная и самодовольная, да не насыщься ложъ буду и реку: кто мя видитъ? Или обнищавъ украду и кленуся именемъ Божіимъ* (Прит. XXX, 8. 9).

Отче небесный! *да святится имя Твое* во всѣхъ дѣлахъ нашихъ! Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ КЛАДБИЩНАГО ХРАМА,

ВЪ Г. СУМАХЪ.

Домъ Мой домъ молитвы есть (Лук. XVIII, 48).

Благодареніе благодати Божіей, освятившей себѣ новое жилище! Какъ не радоваться о Господѣ, какъ не благодарить Его, когда, по Его милости, среди людей грѣшныхъ водворяется Божій домъ? Какъ не радоваться о Господѣ, какъ не хвалить Господа, когда для людей немощныхъ и слабыхъ открывается сокровищница благодати, храмъ милости и чудесныхъ силъ? И если молитвѣ предоставлено получать небесную помощь, а безъ помощи благодати мы ничего не можемъ дѣлать добраго, какъ не радоваться, когда дается намъ домъ молитвы?

Гдѣ сей новый домъ молитвы? На кладбищѣ мертвыхъ. Да воздастъ Господь милостію своею строителямъ сего храма. Ибо гдѣ молящійся скорѣе можетъ отрѣшаться мыслями отъ земнаго и легче возноситься съ надеждами къ небу, какъ не на мѣстѣ смерти и тлѣнія, какъ не на гробахъ—безмолвныхъ проповѣдникахъ о суетѣ всего земнаго? Новый домъ Божій, новый храмъ молитвы построенъ и освященъ на кладбищѣ мертвыхъ, конечно съ видами и для умершихъ. Радоваться ли и о томъ намъ? Вы понимаете, слушатели, что вопросъ касается того, святы ли, законны ли молитвы за умершихъ? Займемся же рѣшеніемъ сего вопроса.

Должно ли любить усопшихъ? Свята ли любовь къ нимъ, если бы она была въ насъ? Безъ сомнѣнія, скажутъ всѣ, должно любить усопшихъ и—скажутъ правду. Ибо кто для насъ усопшіе? По

вѣрѣ во Христа, по происхожденію отъ единаго Творца, они братія наши. Одинъ у насъ съ ними Отецъ небесный, одно отличіе—образъ и подобіе Божіе, одинъ Спаситель нашъ—Господь Іисусъ, одинъ возсозидающій Духъ благодати—Духъ утѣшитель, одно крещеніе, одна вѣра; все у насъ съ ними одно, точно такъ какъ и съ живыми людьми. Какъ же не любить намъ усопшихъ, также какъ и живыхъ? *Возлюбиши ближняго твоего, якоже самъ себе:*—говоритъ заповѣдь. Заповѣдь не говоритъ: люби ближняго твоего, пока онъ живетъ на землѣ. Она не ограничиваетъ любви нашей землею. Нѣтъ, любовь, заповѣдуемая заповѣдію Божіею, безгранична и всемірна, почему не исключаетъ она изъ своей области и усопшихъ.

Если же свята любовь къ усопшимъ: то святъ и лучшій плодъ любви—молитва за усопшихъ. — Называемъ молитву за усопшихъ лучшимъ плодомъ любви и не думаемъ, чтобы могъ кто либо оспорить справедливость мысли нашей. Знаемъ, что люди, которые отказываются отъ молитвъ за умершихъ, признавая святость любви къ усопшимъ, въ знакъ и выраженіе сей любви, приносятъ на гроба умершихъ цвѣты, ставятъ памятники и творятъ другое тому подобное. Но подумайте,—и вы согласитесь, что всѣ эти плоды къ ближнимъ, всѣ эти знаки уваженія къ нимъ очень бѣдны, чтобы не сказать пусты. Цвѣтами осыпали гроба умершихъ и язычники; памятники надъ умершими ставили и язычники. Ужели христіанство такъ бѣдно, что у него нѣтъ ничего лучшаго, ничего болѣе высокаго и полезнаго для усопшихъ въ сравненіи съ язычествомъ? И какъ не согласиться съ тѣмъ, что молитва сердечная, молитва вѣры далеко выше всѣхъ земныхъ приношеній, благоуханнѣе всѣхъ розъ земныхъ, дороже всѣхъ памятниковъ мраморныхъ? Отчего же, принимая малозначущіе знаки любви къ усопшимъ, отвергаютъ болѣе достойный, болѣе значительный знакъ любви—молитву? Не потому ли позволяютъ себѣ эту странность, что слабо вѣрятъ въ жизнь преставшихъ жить на землѣ? Да, при слабости вѣры въ безсмертіе, естественно, ставить памятники надъ умершими, какъ только память о быломъ. Точно также при живой вѣрѣ въ безсмертіе преселившихся съ земли не естественно ограничивать любовь къ нимъ одною памятію о быломъ не естественно не дышать желаніями добра для нихъ, не естественно возносить молитвы о ихъ покоѣ, о ихъ счастіи, о прощеніи грѣховъ ихъ. Итакъ видите, слушатели мои, что молитва за умершихъ столько же естественна душѣ нашей, сколько естественно намъ любить ближнихъ и только тогда молитва за умершихъ можетъ быть чужда любящей душѣ нашей, далека отъ нее, когда въ душѣ, съ сознаніемъ или безъ сознанія, слаба вѣра въ жизнь за гробомъ. Поймите же, какое странное, какое дикое положеніе души, не молящейся за умершихъ!

Угодна ли Богу молитва за усопшихъ? Можетъ ли она приносить имъ пользу? Прежде, чѣмъ станемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, сдѣлаемъ замѣчаніе на прежде сказанное. Мы допускаемъ святость молитвы за усопшихъ, какъ святой плодъ любви къ ближнимъ. Потому мы простираемъ предѣлы молитвы за усопшихъ дотолѣ, доколѣ можетъ простираться святая любовь къ ближнимъ. Такимъ образомъ, если Спаситель сказалъ и о живыхъ: *аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мат. XVIII, ст.), т. е. запретилъ имѣть общеніе съ преслушниками церкви: то и съ умершими въ такомъ положеніи, безъ сомнѣнія, нельзя имѣть общенія любви, не законно приносить молитву за нихъ. Свято ли—любить враговъ Божіихъ? Нѣтъ. Потому не должно молиться за враговъ Божіихъ, живутъ ли они на землѣ, или за гробомъ.—Отселѣ понятно и то, что молитва за нѣкоторыхъ усопшихъ,—за умершихъ во враждѣ съ церковію и Богомъ, безъ упованія на жизнь вѣчную, не можетъ принесть имъ пользы, какъ молитва противная Господу. Исключая же умершихъ такого рода, имѣемъ ли мы право сомнѣваться въ спасительномъ дѣйствіи молитвы для умершихъ—въ вѣрѣ и покаяніи? Гдѣ основаніе сомнѣнію? Въ Богѣ? *Богъ нашъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ: вси бо тому живи есмы* (Лук. XX, 38). Онъ благій всѣмъ желаетъ спастись—и по благости Своей, не отвергаетъ смиренной мольбы нашей за другихъ. Въ насъ молящихся?—Сами по себѣ мы точно не въ силахъ сдѣлать доброе и для себя. Но, молясь за умершихъ, мы предлагаемъ предъ правосудіемъ Отца небеснаго крестную жертву Сына Его, всегда сильную и дѣйственную; не ради нашихъ молитвъ просимъ мы простить усопшихъ братій нашихъ, а для вѣчнаго ходатая и Спасителя нашего. Почему же молитва наша за усопшихъ не можетъ имѣть надеждъ на успѣхъ? Потому ли, что за гробомъ перемѣна участи невозможна? Сами умершіе, конечно, ничего не въ состояніи сдѣлать—для себя, такъ какъ время подвиговъ для нихъ кончилось. Но церкви воинствующей на землѣ даны дары благодати, для нее живъ Искупитель съ своею жертвою; и если служитель тайны приноситъ эту жертву: то за себя ли, или за другихъ, за живыхъ ли или за умершихъ, приноситъ онъ ее,—она не можетъ быть безсильною, она всесильна. *Еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю* (Іоан. XIV, 13) сказалъ Сынъ Божій.

Не понятно, говорятъ, какъ дѣйствіе молитвы можетъ простираться такъ далеко, изъ одного міра въ другой, изъ видимаго въ невидимый? Но столько же не понятно для разума и дѣйствіе молитвы человѣка живущаго за другаго живущаго; однако эта молитва несомнѣнно оказываетъ свое дѣйствіе. Не понятно и то, какъ

молитва оказываетъ дѣйствіе, когда приносится за отсутствующаго на морѣ или на сушѣ; однако она оказываетъ дѣйствіе.—Не понятно, какъ молитва наша не остается безплодною, когда испрашиваемъ для другаго духовныхъ благъ,—прощенія грѣховъ, укрощенія страстей, преспѣянія души въ вѣрѣ и благочестіи. Однако мы вѣримъ и по опытамъ знаемъ, что эта молитва достигаетъ своей цѣли.—Двѣ души, каждая съ своею свободою, съ своимъ образомъ мыслей, съ своими склонностями, не два ли отдѣльные міра, тѣмъ болѣе, что ограждены онѣ тѣлами? Какъ же молитва одной простираетъ свое дѣйствіе на другую? Если допускаемъ мы, что, не взирая на отдѣльное существованіе живыхъ людей, молитва одного за другаго не остается безъ дѣйствій: то не имѣемъ права отвергать, что не взирая на разстояніе міра видимаго отъ невидимаго, загробнаго,—молитва міра земнаго можетъ оказывать дѣйствіе свое надъ міромъ, отдѣлившимся отъ земли.

Говорятъ: гдѣ заповѣдь о молитвѣ за умершихъ? А мы спрашиваемъ: гдѣ запрещеніе молиться за умершихъ? Запрещенія такого никто не полагалъ, ни пророки, ни апостолы, ни Спаситель. Если люди выдумываютъ отъ себя такое запрещеніе: не дерзость ли это преступная? Требуютъ заповѣди о молитвѣ за умершихъ? Что такое заповѣдь вообще? Заповѣдь Божія—тоже что воля Божія.—Значитъ вопросъ о заповѣди иначе можетъ быть выраженъ такъ: есть ли воля Божія на то, чтобы живые молились за умершихъ? Или угодна ли Богу молитва за умершихъ? Въ такомъ видѣ вопросъ, очевидно, очень легокъ для рѣшенія. Если угодна Богу любовь наша къ ближнимъ, въ томъ числѣ и къ усопшимъ: то угодна ему и молитва за усопшихъ, какъ плодъ чистой любви нашей къ нимъ. Дѣло ясное! Требуется ли еще подкрѣпленіе вѣрѣ въ благоволеніе Божіе къ молитвѣ за умершихъ? Указываетъ на то, что намъ прямо заповѣдано молиться за другихъ. Такъ апостолъ Іоаннъ пишетъ: *аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти: да проситъ и дастъ ему животъ, согрѣшающимъ не къ смерти.* Есть грѣхъ къ смерти, не о томъ глаголю, *да молится* (Іоан. V, 16). Видите, апостолъ повелѣваетъ молиться за согрѣшающихъ грѣхами несмертными, не ограничивая молитвы живыми людьми. Видите, онъ запрещаетъ молиться за нѣкоторыхъ. Но за умершихъ ли? Нѣтъ,—онъ запрещаетъ молиться за грѣшника отчаяннаго и безнадежнаго, за грѣшника—мертвеца по душѣ, кто бы онъ ни былъ, живый ли или умершій. Видите, какой плодъ обѣщаетъ онъ молитвѣ за другаго? *Да проситъ*, говоритъ онъ и *дастъ ему животъ*. Молитва даетъ жизнь согрѣшающему не къ смерти, кто бы онъ ни былъ, живый ли или умершій тѣломъ. Таково ученіе апостольское!

Послѣ сего понятно, что если преданіе в. и. н. завѣта учитъ насъ молиться за умершихъ; то оно выражаетъ только мысли божественнаго откровенія.—Такимъ образомъ сынъ Сираховъ пишетъ: *благодать даянія предъ всякимъ живымъ да будетъ и благодать надъ мертвецомъ не возбрани* (Сир. VII. 36). Что это значитъ? Если благодать даянія примемъ за даръ алтаря: то слова—*надъ мертвецомъ не возбрани*—будутъ значить: принеси жертву за умершаго. Если же *благодать даянія* означаетъ благотвореніе бѣдному, то тогда сынъ Сираховъ повелѣваетъ: подай милостыню, въ память усопшаго.—Въ томъ и другомъ случаѣ основная мысль одна и та же и именно та, что живущій можетъ и долженъ творить полезное для усопшаго. Книга маккавейская говоритъ объ Іудѣ Маккавеѣ: *преподобное и благочестивое помышленіе имъ, сотвори моленіе за умершихъ, яко да отъ грѣха очистятся* (2 Мак. XII, 46. 13). Это благочестивое помышленіе это благочестивое дѣло не было частнымъ дѣломъ благочестиваго Іуды: предложеніе принесть жертву за умершихъ было сдѣлано Іудою начальникомъ народа, сдѣлано въ сонмѣ сподвижниковъ его и выполнено всенародно. Слѣд. всѣ лучшіе современники Іуды, каковы были сподвижники Іуды, вся церковь іудейская того времени признавали молитву за умершихъ дѣломъ святымъ. Что касается до христіанской церкви: то съ того самаго времени, какъ образовалось въ ней общественное богослуженіе, т. е. съ самыхъ временъ апостольскихъ, молитва за умершихъ была существенною частію сего богослуженія. Св. Златоустъ пишетъ: „не напрасно установлено апостолами, при страшныхъ тайнахъ, творить воспоминаніе объ отшедшихъ изъ сей жизни: апостолы знали, что отъ сего бываетъ имъ великая польза“ (Толков. Посл. Филип. Бес. 1). Св. Кириллъ іерусалимскій уже объяснялъ въ чинѣ литургіи моленіе за усопшихъ. „Потомъ воспоминаемъ, говоритъ онъ, и о преставившихся отцахъ и епископахъ и вообще о всѣхъ прежде насъ почившихъ, вѣруя, что великая будетъ польза душамъ, о которыхъ моленіе возносится тогда, какъ предлежитъ святая и страшная жертва. Въ этомъ хочу увѣрить и примѣромъ. Ибо знаю, что многіе спрашиваютъ: какая польза душѣ, съ грѣхами ли или безъ грѣховъ отходящей отъ міра сего, если понимается она въ молитвѣ? Если бы царь послалъ оскорбившихъ его въ заточеніе, а ближніе ихъ, сплетя вѣнокъ, принесли бы царю за наказываемыхъ: не сдѣлалъ ли бы царь облегченія въ наказаніи? Точно такъ и мы за усопшихъ, хотя они и грѣшники, приносимъ Богу молитвы и не вѣнокъ сплетаемъ, а приносимъ Христа, закланнаго за наши грѣхи“ (Поуч. V, § 9. 10). Вотъ еще и соборное правило о томъ же. Карѳагенскій соборъ четвертаго вѣка

грозитъ отлученіемъ всякому, кто сталъ бы отказываться отъ приношеній за усопшихъ или творилъ бы ихъ съ неохотою (Карѳаг. IV, соб. пр. 95).

Слушатели мои! приходите же чаще въ храмъ сей для поминовенія усопшихъ. Вы тѣмъ будете творить дѣло любви, угодное Господу; вы тѣмъ будете приносить покой и облегченіе душамъ братій и сестеръ вашихъ. Совершая же дѣло любви къ ближнему, вы и себѣ будете пріобрѣтать необходимое для вѣчности умноженіе любви къ Господу и ближнимъ, чистый взоръ на земное и на жизнь за гробомъ.

Богъ живыхъ и мертвыхъ да славится во всѣхъ насъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВЪ ЧЕСТЬ БОЖІЕЙ МАТЕРИ,

ВЪ АХТЫРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Тебѣ благодареніе, благій утѣшитель нашъ, благоволившему освятить сей жертвенникъ для возношенія молитвъ нашихъ съ земли на небо!—Истинно высокая милость Божія для насъ, слушатели, что мы немощные и нечистые можемъ приближаться къ всесвятому съ нашими нуждами и просить Его всесильнаго о помощи. Благость Божія такъ велика къ намъ, что не только удостоиваетъ насъ чести бесѣдовать съ величіемъ безпредѣльнымъ, но благоволитъ и исполнять, чего просимъ мы въ молитвѣ. Если при томъ только молитвѣ чистой и святой предоставлено получать, чего проситъ она: это весьма естественно. Но часто ли бываетъ у насъ молитва чистая, достойная величія Божія? То чувствуемъ мы холодность къ молитвѣ и остаемся безъ молитвы въ сердцѣ; то совершаемъ молитву не съ такимъ усердіемъ, съ какимъ надлежало бы совершать ее. Что дѣлать намъ бѣднымъ, чтобы была въ насъ молитва угодная Господу? Какія мѣры надобно намъ принимать, чтобы возбуждать и поддерживать въ себѣ богоугодную молитву?

О чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы, но самъ духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи не изглаголанными (Рим. VIII, 26). Такъ учитъ учитель языковъ. Если бы св. Павелъ сказалъ: вы

не знаете, о чемъ, и какъ молиться надобно: то еще можно бы было думать, не относитъ ли онъ словъ своихъ къ тѣмъ, къ кому пишетъ свое посланіе, не изображаетъ ли онъ только частнаго ихъ состоянія. Но онъ говоритъ: *не вьмы*, о себѣ и подобныхъ ему говоритъ печальную вѣсть. Значитъ, что и самые лучшіе, самые высокіе въ жизни духовной, люди, каковъ св. Павелъ, не знаютъ ни того, о чемъ надобно молиться, ни того, какъ надобно молиться. Общіе предметы молитвъ показаны въ молитвѣ Господней: но что изъ этихъ общихъ нуждъ болѣе нужно для души подвижника Божія, въ извѣстное время, этого не знаетъ онъ. Ап. Іаковъ сказалъ намъ, что значитъ злѣ молиться (IV. 3). Но точно ли не обратится въ пищу, страстей моихъ то, чего прошу у Господа, того не знаю; знаю что искреннимъ сердцемъ надобно молить Господа, но точно ли искренно молюсь, не вѣдаю. Что-жъ остается дѣлать намъ бѣднымъ? Остается просить помощи свыше; остается просить того Духа утѣшителя, который одинъ можетъ даровать намъ духъ благодати способный ходатайствовать за насъ воздыханіями неизглаголанными. При Его помощи, подобно вѣтвѣ, питающейся соками лучшей виноградной лозы (Іоан. XV. 10), можемъ изливать самыя чистыя моленія предъ Всевышнимъ. Онъ есть Духъ истины, способный наставить на всякую истину (Іоан. XIV, 26); Онъ есть Духъ чистоты и святости, способный дать силы для всего святаго; Онъ есть Духъ благій, готовый на помощь къ намъ, при каждомъ вздохѣ нашемъ. Вотъ почему св. церковь всякое моленіе свое, утреннее и вечернее, всякую молитву о частныхъ и общихъ нуждахъ, начинаетъ молитвою къ утѣшителю Духу.—„Царю небесный утѣшителю Душе истины, говоритъ она, пріиди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны“. Такъ прежде всякой борьбы съ холодностію нашею къ молитвѣ, съ нашимъ безчувствіемъ и разсѣянностію, должны мы обращаться съ молитвою къ Духу св., дабы Онъ вдохнулъ въ бездыханную душу духъ жизни и силы, просвѣтилъ темный умъ нашъ свѣтомъ своимъ, согрѣлъ холодное сердце наше теплотою своею, далъ силу лѣнивой волѣ для молитвы искренней и чистой. Это первое дѣло, чѣмъ долженъ начинаться расчетъ съ холодностію нашею къ молитвѣ.

Затѣмъ, начиная молиться, твердо помни, къ кому ты приступаешь, къ кому, являешься на лице, кого хочешь просить за себя. Молитва есть возношеніе мысли и сердца къ Богу, есть бесѣда души съ Богомъ. Итакъ, приступая къ молитвѣ, ты являешься предъ неприступное величіе Того, Коего имя велико и страшно (Псал. XCVIII, 3); ты приближаешься къ Тому, Кто есть *огнь поядаяй* для всего нечистаго (Евр. XII, 29); ты входишь въ общеніе

со всесвятымъ и праведнымъ—съ Тѣмъ, Кто отвращается всякой неправды и лжи сердечной (Псал. V, 5), гнушается *мужа кровей и льсти* и только *кто богочтецъ есть, того послушаетъ* (Іоан. IX, 31).—Какъ же явиться къ Нему съ душею полною суетности и нечистоты и безъ всякаго страха за себя? Если бы ты былъ и ангелъ, по чистотѣ жизни, если бы ты, приступая къ молитвѣ, и ничего тяжкаго не чувствовалъ на совѣсти твоей: и тогда ты долженъ помнить, что самые ангелы трепещутъ предъ величіемъ Божіимъ, и въ нихъ зоркое око Его видитъ нѣчто стропотное, а мы кто таковы? Грѣшники отъ колыбели до гроба. Бѣдный братъ мой! ты, который такъ безпечно входишь въ храмъ молитвы, опомнись, куда ты входишь? *Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ*, говоритъ намъ неложное слово Божіе (Псал. II, 11). Ты идешь въ храмъ, чтобы явиться предъ лице Божіе и служить предъ Нимъ. Опомнись, каковъ ты и какимъ долженъ быть! Мысль о безграничномъ въ своей святости и силѣ не должна ли пробудить тебя отъ привычной твоей разсѣянности, безчувствія, беззаботности о себѣ, не должна ли заставить тебя трепетать и страшиться, пасть въ смиреніи и сокрушеніи предъ Нимъ—Богомъ правды?

Если и сего мало для черствaго сердца твоего; если и мысль о величіи Божіемъ не довольно располагаетъ холодность твою къ молитвѣ, не довольно поддерживаетъ усердіе къ труду не лѣнивому: подумай еще о томъ: чѣмъ остаешься ты, оставаясь безъ молитвы, и что можетъ доставить тебѣ усердная молитва? Всѣ мы—бѣдные грѣшники, ни къ чему негодные, безъ благодати Божіей; всѣ мы грѣшники безотвѣтные предъ судомъ правды Божіей. Молитва—простертая десница, которою пріемлемъ мы помощь свыше, силу противъ немощей нашихъ, прощеніе, въ неправдахъ нашихъ. Что для тѣла свѣтъ солнца, то для души молитва. Несчастіе для слѣпца, что не видитъ онъ солнца. Несчастнѣе душа христіанская, когда не радитъ о молитвѣ, чтобы молитвою призывать на себя свѣтъ Христовъ. Какъ тѣло безъ души мертво и, предаваясь гніенію, смердитъ: такъ душа нерадивая о молитвѣ бываетъ безжизненна и смрадна. Это не наши мнѣнія; это наставленія слова Божія.—Чтобы сими мыслями сильнѣе возбудить душу свою къ благодатнѣй молитвѣ,—чаще повторяй себѣ точныя слова откровенія Божія о силѣ молитвы. Приводи себѣ на умъ слова боговдохновеннаго царя: *благъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Псал. LXXXV, 5); *возвааша ко Господу, внегда скорбѣти имъ, и отъ нуждъ ихъ избави я* (Псал. CVI, 6); *волю боящихся Его сотворитъ и молитву ихъ услышитъ и спасетъ я* (Псал. CXLIV, 14); *не уничижи, ниже негодова молитвы нищаго, ниже отврати лице свое отъ мене и*

егда воззвахъ къ Нему, услыша мя (Псал. XXI, 25). Особенно сильно пробуждаться можетъ нечувствіе наше, когда будемъ повторять обѣтованія Господа Іисуса Христа о дарахъ, готовыхъ для молитвы. Не Онъ ли говорилъ намъ: *вся, елика аще вопросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимете*? (Матѳ. XXI, 22) Не Онъ ли увѣряетъ насъ словомъ своимъ: *еже аще что просите отъ Отца во имя Мое: то сотворю, да прославится Отецъ въ Сынѣ*? (Іоан. XIV, 13) *Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть: духъ бо бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41).

Желаешь ли искренно учиться молитвѣ богоугодной: не пренебрегай ничѣмъ, что можетъ усиливать или ослаблять расположеніе души къ молитвѣ; не пренебрегай ни положеніемъ тѣла твоего, ни обстоятельствами внѣшними.

Различное положеніе тѣла вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ служить выраженіемъ различныхъ чувствованій души, святыхъ и грѣшныхъ, можетъ служить еще средствомъ къ пробужденію въ душѣ молитвеннаго духа. Труды колѣнопреклоненія и земныхъ поклоновъ, располагаютъ душу къ смиренію и умиленію, къ раскаянію и труду душевному; ослабляя грѣшную плоть, они дозволяютъ душѣ возноситься къ Богу, въ сокрушеніи сердечномъ и въ чистотѣ помысловъ. Не много нужно ума, чтобы понять, что небрежное огражденіе себя крестнымъ знаменіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выражаетъ безстрашіе души предъ Богомъ, поддерживаетъ и усиливаетъ въ ней помыслы легкомысленной гордости и невниманія къ себѣ.

Легкомысліе осуждаетъ всякую долгую молитву: но если бы усердно занялись долгою молитвою, то исцѣлѣли бы и отъ легкомыслія, и пріучились бы къ молитвѣ богоугодной. Какое бы искусство ни захотѣли мы перенять, нужно время для изученія его. Болѣе, чѣмъ для чего либо другаго, нужно время, чтобы ввести душу въ состояніе молитвенное и обучить ее постоянно молиться такъ какъ должно молиться. Особенно не надобно пропускать безъ молитвы тѣ времена, которыя освящены для молитвы св. церковію, такъ же какъ надобно посѣщать для молитвы храмъ Божій, гдѣ все располагаетъ насъ къ благоговѣйной молитвѣ.

Не много сказано нами о мѣрахъ къ преспѣянію въ молитвѣ; но пусть употребятъ сіи мѣры, и не останутся безъ успѣховъ въ молитвѣ. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ВОЗОБНОВЛЕННАГО ХРАМА ПРИ АРХІЕРЕЙСКОМЪ ДОМѢ.

Слава Божіей благодати, обновившей для насъ домъ благодати! Храмъ христіанскій—чудная сокровищница чудныхъ дѣлъ Божіихъ. Чего нельзя получить въ немъ? Все, чего ни пожелаете, все можете получить, если только желаете согласнаго съ волею Божіею.—Храмъ христіанскій—училище благочестія, того благочестія, которое, по словамъ апостола, *на все полезное есть*, во времени и въ вѣчности. Слава Божіей благодати, обновившей для насъ домъ благочестія! Для чего и жить на землѣ, если не жить для благочестія? Что жизнь земная, если она не есть жизнь благочестія? „Что пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ и потеряетъ душу свою“ нечестіемъ? (Лук. VIII, 36). Благость небесная! Ты ничего такъ не ожидаешь отъ насъ, какъ благочестія и благочестія искренняго. Ниспосли намъ духъ умиленія и сокрушенія, чтобы вполнѣ чувствовали мы, какъ много теряемъ мы, оставаясь съ тѣмъ, чего не желаешь Ты для насъ, съ благочестіемъ не искреннимъ.

Страшно, слушатели, состояніе нечестія полнаго. Каждый готовъ говорить: избави, Богъ, каждаго отъ того. Но каково благочестіе неискреннее? Его не пугаются, но справедливо ли? Разсмотримъ дѣйствія и опасности неискренняго благочестія.

По милости неба, есть на землѣ благочестіе искреннее. По милости людей, бываетъ въ людяхъ и благочестіе неискреннее. Казалось бы, какъ людямъ не любить искренно благочестія, живительнаго для души, любезнаго небу? И однако есть неискреннія въ любви къ благочестію. Неискренній христіанинъ не совсѣмъ холоденъ ко Христу и христіанству, но не твердъ въ выполненіи правилъ христіанскихъ. Онъ дѣлаетъ много добраго, но очень часто дѣлаетъ и худое. Онъ хромаетъ на оба колѣна, служитъ то Богу, то ваалу. Онъ не хочетъ имѣть непріятелемъ ни Христа, ни міра, ни Бога, ни веліара. Гдѣ онъ не надѣется подвергнуться осмѣянію за Христа, гдѣ не думаетъ онъ потерпѣть вредъ для чести, для знаенія въ свѣтѣ, для выгодъ, тамъ онъ поступаетъ какъ христіанинъ. Но онъ боится и коснуться креста Христова, хотя въ крестѣ—спасеніе его. Онъ отдаетъ сердце свое Господу Іисусу, но только въ половину, и потому очень часто не отказываетъ себѣ въ томъ, что

льститъ страстямъ преступнымъ, что оскорбляетъ чистую совѣсть. Съ сознаніемъ не яснымъ или и безъ сознанія входитъ онъ въ связи преступныя, и когда увидитъ свою худобу, пожертвовать привязанностію сердца для Бога—для него тяжесть невыносимая. Онъ подобенъ человѣку, который, отплывая въ море, хочетъ одною ногою остаться на сушѣ. Стремится мыслями къ небу, но держится и міра. Жизнь его колеблется между добродѣтелію и порокомъ, между небомъ и адомъ. Когда говорятъ ему о превосходствѣ добродѣтели, о блаженствѣ праведныхъ, о мукѣ грѣшныхъ: душа его исполняется то радости, то скорби, даже слезы льются изъ глазъ его. Но все это до тѣхъ поръ, пока нѣтъ *скорби или гоненія за слово* (Мар. IV, 17), пока нѣтъ въ виду злой насмѣшки со стороны міра. Иначе, онъ не прочь и отъ того, чтобы въ обществѣ людей веселыхъ посмѣяться надъ вѣрою и благочестіемъ. Бываютъ люди, которые называютъ каждаго христіанина искренняго лицемѣромъ, святошею, ханжею. Испортивъ душу свою худыми привычками, они дошли до состоянія безпечнаго раба, скрывшаго даръ Божій въ землю—и хотятъ выдавать благочестіе за дѣло невозможное. При взглядѣ на людей, которые бодро идутъ по пути благочестія, при встрѣчѣ съ тѣмъ или другимъ наставленіемъ слова Божія, совѣсть обличаетъ и мучитъ ихъ: они тяготятся собою, тяготятся и благочестіемъ другихъ. Чтобы облегчить себя, они усиливаются заглушить упреки совѣсти невѣріемъ въ возможность благочестія, а бранью противъ ревнителей благочестія высказываютъ месть за муки совѣсти. Они видятъ, что благочестіе—вещь возможная, потому что видятъ его въ опытѣ другихъ: но эта очевидность дѣла только раздражаетъ ихъ и побуждаетъ искать защиты себѣ, защиты въ клеветѣ и лжи. Состояніе жалкое! Не искренній въ благочестіи не совсѣмъ близокъ къ нему, но и не совсѣмъ далекъ отъ него; онъ близится къ нему и по временамъ попадаетъ въ него.

Когда служитель Божій видитъ въ странѣ множество храмовъ Божіихъ; когда въ его глазахъ толпы народа текутъ въ домы Божіи для вознесенія благодареній и молитвъ Вышнему: онъ радуется и славитъ Господа за посѣщеніе людьми храма Божія и за посѣщеніе людей благодатію небесною. Но какъ удержаться ему отъ скорби, когда толпы столько же, если не болѣе, многолюдныя спѣшатъ на зрѣлища, чтобы терять тамъ стыдъ и скорбь и ловить пустоту? Какъ удержаться отъ скорби, когда далеко охотнѣе, далеко усерднѣе, чѣмъ въ храмъ христіанскій, спѣшатъ христіане туда, гдѣ, какъ сами же говорятъ, могутъ „развлечься, разсѣяться“ и гдѣ чувственная любовь, обманы, мщеніе, и другіе пороки не только показываются, но и могутъ быть перенимаемы душею, облекаемые

въ образы заманчивые? Такіе поступки не улика ли въ лицемѣріи нашихъ христіанъ? Вотъ и въ храмѣ Божіемъ всѣ ли стоятъ, какъ надобно стоять въ храмѣ Всевышняго? Что, если съ тѣми же образами нечистыми, съ тѣми же чувствами грѣшными, съ тѣми же, желаніями преступными, которыя вынесли изъ зрѣлищъ, остаются и здѣсь гдѣ лики ангеловъ въ трепетѣ предстоятъ престолу Вседержителя, грознаго на всякую нечистоту сердца?... Если бы сказали мы, что иные изъ нынѣшнихъ христіанъ не считаютъ нужнымъ для себя храма Божія: это сочли бы за неправду, за оскорбленіе людей. И однако не тѣ же ли иные говорятъ въ отвѣтъ испрашивающимъ пособіе храму: Богъ дастъ! Сами они одѣваются не по требованію нужды и приличія скромнаго, а какъ велитъ мода, какъ велитъ суетность разорительная, роскошь безразсудная, и это ни почемъ для нихъ. Таково христіанство ихъ! Есть деньги для роскошнаго обѣда, для пышнаго убора дома, для дорогихъ нарядовъ жены и дочерей, для бала и театра, но не для храма Божія, но не для бѣдныхъ. Таково благочестіе ихъ! Сами судите, не черное ли это лицемѣріе? Не оскорбленіе ли имени христіанина?

Глубоко, болѣзненно, почувствовалъ ты, братъ мой, грѣховное состояніе свое и тяжесть его для совѣсти; ты прибѣгъ къ покаянію сердечному, горькому и пламенному. Тѣмъ ты вступилъ на добрый путь. Ты *возложилъ руку на рало:* приближился къ Богу и началъ угождать Ему. Другой подобный тебѣ даже расторгъ связь съ міромъ, чтобы все время и трудъ посвящать Богу въ обществѣ рабовъ Христовыхъ. Но что потомъ? Идете ли вы впередъ? Храните ли чистоту души? Не возвращаетесь ли небрежно къ расположеніямъ и дѣламъ міра, которыя осудили въ покаяніи? Усовершаетесь ли въ благочестіи и добродѣтели?—Ахъ! благочестіе ваше—временное, не искреннее, лицемѣрное!

Близки ли всѣ таковые къ царствію Божію, къ спасенію души? По ихъ суду, не совсѣмъ далеки, потому что грубыхъ пороковъ стыдятся. Но несчастіе ихъ въ томъ и состоитъ, что не думаютъ они о своей близости къ погибели. Довольные тѣмъ, что не живутъ такъ, какъ по ихъ суду, живутъ многіе другіе, они почиваютъ на надеждахъ самолюбія слѣпаго. Они воображаютъ, что ихъ кое-какая любовь есть уже истинная любовь и чѣмъ долѣе живутъ съ этою мечтою, тѣмъ менѣе чувствуютъ несоотвѣтствіе самой большей части дѣлъ своихъ съ истинною любовію, тѣмъ болѣе собираютъ на душу грѣховъ, въ которыхъ вовсе не каются. Они не помышляютъ, что какъ бы порядочна ни была жизнь ихъ, все же нельзя совмѣстить служенія Христу съ служеніемъ вѣліару, любви къ Богу съ любовію къ міру. Они пропускаютъ мимо ушей, мимо души слова

апостола Божія: „прелюбодѣи и прелюбодѣйцы! не знаете ли, что дружба съ міромъ вражда есть противъ Бога? Итакъ кто хочетъ быть другомъ міру, тотъ становится врагомъ Божіимъ“ (Іак. IV, 4). Самолюбіе останавливаетъ взоръ ихъ на призракахъ добра, по временамъ являющихся въ душѣ ихъ, и заботливо удаляетъ отъ взора ихъ мрачную картину грѣховъ, ошибокъ, преступленій, беззаконій ихъ. Впередъ простираться на пути спасенія они не думаютъ. А между тѣмъ на пути къ небу каждая остановка—шагъ назадъ, каждое замедленіе—потеря многаго. „Забывая заднее и, простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли,“ говоритъ о себѣ искренній христіанинъ (Фил. III, 13) и не можетъ сказать не искренній, который день отъ дня отдаляется отъ цѣли остановками, недѣятельностію. О, Боже мой! самолюбіе обманываетъ меня, утѣшая порядочною жизнію: но не обманываешь Ты, который говоришь: „никто, взявшійся за соху и оглядывающійся назадъ не управитъ себя въ царствіе Божіе“ (Лук. IX, 62). Братъ мой! что, если ты озираешься на Содомъ? Можешь превратиться въ соленый столпъ. Что, если думаешь возвратиться въ Египетъ? Можешь умереть въ пустынѣ, прежде чѣмъ достигнешь обѣтованной земли. Безъ вѣрной и искренней любви къ Богу что значатъ самыя добрыя по предмету дѣла, постъ, поклоны? „Горе вамъ лицемѣры, что уподобляетесь гробамъ покрашеннымъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты“ (Мат. XXIII, 27). Это сказалъ Вѣрный и Истинный.

Что сказать о судьбѣ за гробомъ? Страшно заглянуть туда. Спаситель говоритъ: „если кто постыдится Меня и Моихъ словъ въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, то и Сынъ человѣческій постыдится его, когда пріидетъ во славѣ Отца своего съ ангелами святыми“ (Мар. VIII, 38). Вотъ рѣшеніе Господа о будущей судьбѣ христіанъ лицемѣрныхъ. Справедливость суда—очевидна. Христіане стыдятся Христа Господа, своего единственнаго Спасителя и Бога. Не справедливо ли, чтобы Онъ за стыдъ сочелъ признать ихъ своими? Христіане отказываются быть искренними христіанами изъ уваженія къ суду міра, міра грѣшнаго, нечистаго, бездушнаго; изъ боязни къ суду, который также пустъ и ничтоженъ, какъ и пустъ и ничтоженъ самъ міръ! Какъ же великому и правосудному не отвергнуть отъ себя съ негодованіемъ такихъ низкихъ людей? Къ кому же прибѣгнуть, гдѣ найдутъ защиту тѣ, которыхъ отвергнетъ отъ Себя Христосъ Господь? Даже и тѣмъ, которые пророчествовали здѣсь, изгоняли бѣсовъ, творили чудеса именемъ Господа, но не исполняли воли Отца небеснаго, объявитъ Судія вселенной: „Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе“ (Мат. VII, 21—23).

Слушатели мои! опомнимся, придемъ въ себя: кто мы? каковы мы? куда готовимся? что ожидаетъ насъ? Не на краю ли пропасти играемъ мы, какъ дѣти съ завязанными глазами? Чтобы отдалить себя отъ опасностей самообольщенія, пусть каждый, какъ можно чаще, повторяетъ себѣ: „ты говоришь, что я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты жалокъ и бѣденъ, и слѣпъ, и нагъ“ (Апок. III, 17). Тогда почувствуемъ нужду крѣпко молиться Господу, чтобы подалъ Онъ бѣлую одежду для прикрытія наготы нашей и помазалъ глаза наши мазію благодати, чтобы видѣть свое состояніе и волю Божію (Апок. III, 18). Тогда будемъ понуждать себя любить искреннею душею благочестіе и усовершать себя со дня на день въ добрѣ. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА

ВЪ НОВОМЪ ДОМѢ ХАРЬКОВСКОЙ СЕМИНАРІИ.

Какъ велика любовь Твоя къ намъ, во Христѣ Іисусѣ, Отецъ нашъ небесный!

Вотъ предъ нами новый опытъ любви Твоей! Вотъ новый домъ и въ домѣ храмъ для образованія служителей спасенію душъ человѣческихъ! По волѣ Отца—царя нашего, щедротами правительствующаго синода, готовъ съ новыми удобствами покой для сиротъ, домъ просвѣщенія неземнаго. И когда же? Въ сосѣднихъ странахъ, на всемъ западѣ, собственность и жизнь каждаго, гражданскій и государственный бытъ, христіанство и христіанскія общества—также безопасны и прочны, какъ на клокочущемъ волканѣ. Отецъ небесный! награди за насъ царя—Отца нашего, не знающаго для насъ покоя! подъ сѣнію его мудрости и твердости такъ безопасны мы. Умножь въ немъ мудрость его, укрѣпи твердость его. Его благоговѣніе къ св. вѣрѣ хранитъ и украшаетъ церковь Твою. Сохрани покой души его для земли и неба.

Наставники и юноши! домъ образованія готовъ, храмъ просвѣщенія освященъ. Остается учиться. *Пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Псал. XXXIII, 12), такъ приглашаетъ св. пророкъ Давидъ. Если когда, то теперь особенно прилично обратить вниманіе ваше на приглашеніе св. Давида.

Пріидите, чада. Что это значитъ? Ужели у св. Давида были

ученики—юноши или дѣти? Ужели было училище? Правда во время прор. Елисея видимъ *сыновъ пророческихъ*, которые со вниманіемъ слушаютъ наставленія Елисея (4 Цар. II, 3. 15). Но между этими сынами пророческими видимъ *пятьдесятъ мужей сильныхъ* (ст. 16, 17). Слѣд. названіе сыновей пророческихъ зависѣло не отъ возраста юнаго. Почему же назывались они сыновьями? Или почему тѣ, которыхъ приглашаетъ къ себѣ св. Давидъ, *чада* его? Причина—одна: наставникъ, каковъ св. Давидъ, каковъ прор. Елисей, былъ для наставляемыхъ тоже, что отецъ.

Христіанскіе наставники юношества! Вамъ ли не быть отцами для наставляемыхъ вами юношей и дѣтей? Что такое христіанство? Любовь. Можно ли же христіанскимъ наставникамъ быть безъ любви? О, нѣтъ! Любите наставляемыхъ вами любовію отцовъ нѣжныхъ. Дорожите ими, какъ дорожитъ отецъ дѣтьми. Заботьтесь передавать имъ все доброе, какъ заботится отецъ о счастіи дѣтей. Берегите умы и сердца ихъ отъ всего непріязненнаго, какъ бережетъ отецъ дѣтей. Это не значитъ, что надобно вамъ быть такими же къ ученикамъ, каковъ былъ Илій къ дѣтямъ. Можно ли желать вамъ судьбы Иліевой? Ни любви, ни уваженія не будутъ имѣть къ вамъ учащіеся, когда вы будете поблажать ихъ слабостямъ. Не благодарность къ вамъ, а развѣ клятву на васъ понесутъ они на судъ Божій, когда ваша странная любовь сдѣлаетъ ихъ несчастными на всю жизнь. Любите ихъ, какъ отцы умные.

Юноши христіанскіе! будьте дѣтьми къ вашимъ наставникамъ. Любите и уважайте ихъ, какъ дѣти отцовъ. Это требовалось отъ учениковъ ветхозавѣтныхъ, тѣмъ болѣе требуется отъ учениковъ христіанскихъ, тѣмъ болѣе требуется отъ дѣтей и юношей христіанскихъ.

Пріидите, чада. Для всего требуется трудъ. И мудрость требуетъ, чтобы потрудились для нее. Если подаетъ она голосъ о себѣ: нужно чтобы шли на голосъ ея—искать ее. Если сама является она, какъ въ семъ освященномъ для нея мѣстѣ: тѣмъ болѣе не извинительно—праздно проводить время. Юноши и дѣти! дорого для всѣхъ насъ время, за него всѣ мы дадимъ отвѣтъ; еще болѣе дорого оно должно быть для васъ. Юность—самое удобное, самое благопріятное время для образованія ума и сердца. Трудно старому, кривому дереву получать прямое направленіе. Какъ напротивъ легко молодому деревцу расти по направленію, какое дастъ ему искусный садовникъ! *Благо юноши, аще вземлетъ яремъ Господень въ юности его.*

Пріидите, чада, послушайте мене. Вотъ и еще требованіе мудрости боговдохновенной: *послушайте мене.* Это значитъ, что надобно быть внимательнымъ къ тому, чему учатъ,—надобно довѣрчиво прини-

мать, что преподаютъ, охотно исполнять, что заповѣдуютъ, терпѣливо переносить, чему подвергаютъ.—Нужно ли это? Небесная мудрость говоритъ, что нужно. А другая мудрость говоритъ, что не нужно. Небесная мудрость, когда предписываетъ, конечно считаетъ это и естественнымъ и достойнымъ человѣка. Другая мудрость вопіетъ: это оскорбительно для достоинства человѣка. Кто правъ, слушатели? Всмотримся ближе въ дѣло. Если пришли, чтобы учиться: то какъ учиться, не слушая и не слушаясь того, чему учатъ? Если назвались учениками: то надобно быть учениками и на дѣлѣ. Если вмѣсто того, чтобы довѣрчиво принимать передаваемое наставникомъ, подвергаютъ злому суду каждое слово его: то это уже не ученики, а какъ будто учители и даже что-то непохожее на учителей, а развѣ на строптивыхъ судей. Гдѣ же тутъ естественность? Гдѣ сообразность одного съ другимъ? Не трудно понять и то, что когда ученикъ, перестаетъ быть ученикомъ: не быть ему съ успѣхами добраго ученика. Нельзя успѣть въ томъ, чѣмъ не занимаются. Напротивъ, какъ жаждущая земля впиваетъ въ себя влагу небесную: такъ юное благопокорное сердце напаяется наставленіями мудрости. Какъ благоухающая роза растетъ и развивается оно, всегда открытое и для свѣта небеснаго и для влаги благотворной. Съ каждымъ днемъ умъ растетъ въ познаніяхъ полезныхъ, сердце разширяется въ желаніяхъ и чувствованіяхъ благородныхъ. Вотъ почему вообще въ дѣлѣ спасенія требуютъ отъ насъ вѣры! Скажутъ: пусть такъ въ дѣлѣ спасенія: тамъ наставникъ—Богъ; а въ ученіи человѣческомъ? Здѣсь надъ наставниками есть начальники, обязанные повѣрять занятія ихъ; а для невразумляющихся совѣтами начальниковъ есть Господь, который—повѣрьте—умѣетъ учить непокорныхъ, такъ что горе тому, кто попадетъ подъ наставленія судіи наставника. Непокорности ни въ комъ не любятъ, точно такъ-же какъ любятъ послушаніе:—послушаніе въ дѣлѣ спасенія награждается благодатною помощію. И въ дѣлѣ ученія оно, какъ дѣло христіанское, низводитъ благословеніе Божіе.

Послушайте мене: страху Господню научу васъ. Что такое страхъ Божій, которому хочетъ учить св. пророкъ Давидъ? Страхъ Божій есть благоговѣйное опасеніе—оскорбить великаго и правосуднаго Господа, чѣмъ бы то ни было, дѣломъ ли или словомъ, мыслію ли тайною или явнымъ желаніемъ, движеніями ли въ тѣлѣ или чувствованіями души; это есть любовь къ Богу, проникнутая чувствами величія Божія и нашей немощи, такъ часто обнаруживающейся грѣхами. Нужно ли учиться такому дѣлу? Правда, ничего нѣтъ естественнѣе для души нашей, какъ благоговѣть всегда предъ Господомъ. Цвѣтокъ смотритъ на солнце, душѣ нашей сродно смотрѣть

на Господа. Но—смотритъ ли она на свое солнце? Цѣлую жизнь посвящали святые Божіи на то, чтобы обучить душу—смотрѣть всегда благоговѣйно на Господа, да и то чувствовали, что еще не столько успѣли въ дѣлѣ своемъ, какъ надлежало бы успѣть.

Но мудрость ли это—обучаться страху Божію? О, какая высокая мудрость! Начало всей мудрости Соломонъ указывалъ въ страхѣ Божіемъ: *начало премудрости—страхъ Господень* (Прит. I. 7). И точно тоже говоритъ отецъ его—пророкъ Давидъ (Псал. CX, 10). Заключеніемъ всѣхъ подвиговъ ума, цѣлію всѣхъ трудовъ ученыхъ Соломонъ поставляетъ изученіе страха Божія: *Бога бойся, заповѣди Его храни: сіе всякъ человѣкъ* (Екк. XII, 13); или какъ говоритъ древній мудрецъ, изучившій Соломона: *исполненіе премудрости, еже боятися Господа* (Сир. I, 16). И подлино не начинать познаній своихъ познаніемъ Того, Кто всему есть начало, значитъ не начинать быть мудрымъ. Не заключать изслѣдованій своихъ благоговѣніемъ къ Тому, въ Комъ заключается рѣшеніе всѣхъ возможныхъ вопросовъ о мірѣ и человѣкѣ, значитъ не достигать цѣли.

Отселѣ понятно, что напрасно опасаются не помѣшалъ бы страхъ Божій преспѣянію въ другихъ наукахъ, не послужилъ бы онъ препятствіемъ счастію и совершенствованію на землѣ, отклоняя взоръ отъ земли къ небу. Благоговѣйное знаніе Господа есть сѣмя, изъ котораго развиваются всѣ прочныя познанія; и только тогда можно пріобрѣтать успѣхи въ наукахъ, когда ученыя занятія сопровождаются благоговѣйнымъ размышленіемъ о Богѣ. Благоговѣйная вѣра не теряетъ изъ вида земли, пока она на землѣ, а только просвѣтляетъ собою все земное; благоговѣйная вѣра, истребляя въ сердцѣ нечистыя мысли и стремленія, наполняя душу помыслами святыми, чувствованіями возвышенными, желаніями свѣтлыми, развиваетъ и совершенствуетъ сама по себѣ силы духа нашего. Напротивъ жизнь безъ Бога—не жизнь. Если при воспитаніи юношества стараются только просвѣтить умъ его и не думаютъ объ образованіи сердца въ благочестіи: то несчастны юноши, несчастно и общество, для котораго воспитываются они. Опыты вѣковъ доказали, что одно умственное образованіе, не соединенное съ образованіемъ сердца въ страхѣ Божіемъ, открывало только средства преспѣвать въ развратѣ и гибнуть въ немъ,—было язвою и для частныхъ лицъ и для цѣлыхъ народовъ.

Св. Давидъ, приглашая учиться у него страху Господню, показываетъ далѣе, какъ благотворна наука его. *Кто есть человѣкъ хотяй животъ, любяй видѣти дни благи?* спрашиваетъ пророкъ. И спрашиваетъ потому, что убѣжденный, какъ каждому изъ насъ мила жизнь, какъ каждый изъ насъ хочетъ наслаждаться днями сча-

стливыми, спѣшитъ сообщить ожидаемую всѣми вѣсть о счастіи. Не многаго требуетъ онъ для счастія. *Удержи*, говоритъ, *языкъ твой отъ зла и устнѣ твои еже не глаголати лести. Уклонися отъ зла и сотвори благо. Взыщи мира и пожени и* (Псал. XXXIII, 13—15). По связи мыслей св. Давида мысль его такова: пусть страхъ Божій обуздываетъ языкъ твой и онъ же располагаетъ отношеніями твоими къ ближнимъ, хотя бы они не любили мира: тогда увидишь ты миръ въ душѣ твоей, дни твои будутъ благи. Такъ страхъ Божій оказываетъ благотворное вліяніе на нравственность нашу и такое же дѣйствіе на наше счастіе. Такъ кто всегда ходитъ предъ очами Господа: съ тѣмъ всегда и во всемъ Господь!

И такъ вотъ чему болѣе всего надобно учить и учиться— страху Божію.

Наставники и наставляемые! примите урокъ не мой, а св. пророка Давида о наставленіи и ученіи. Мое дѣло молить Господа, да благодатію Его урокъ боговдохновеннаго царя Давида окажется плодоноснымъ въ сердцахъ вашихъ. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА

ВЪ НИКОЛАЕВСКОМЪ ДѢВИЧЬЕМЪ МОНАСТЫРѢ.

Еще храмъ освященъ въ новой обители. Какъ не благодарить Господа за благодать его, вложившую въ открытыя для нее сердца желаніе—употребить труды и средства въ славу Его имени! Сколько душъ, созданныхъ по образу Божію, сколько сердецъ, купленныхъ неоцѣнимою кровію Сына Божія, будутъ искать спасенія въ сей обители, будутъ славить и молить Господа въ семъ храмѣ! И во всемъ этомъ великомъ богослуженіи будутъ участвовать труды созидавшихъ эту обитель.—Какіе спасительные труды!

Но не станемъ тревожить скромности служащихъ Господу въ кротости. Обратимся вниманіемъ отъ дѣятельности, столько плодоносной, къ значенію праздности, въ дѣлѣ спасенія нашего, къ праздности, такъ много любимой многими.

Для чего дано время? Для чего живемъ мы на землѣ? Для того, чтобы цѣною временнаго труда купить вѣчный покой. Какую же потерю терпятъ, теряя время въ праздности, безъ пользы для

жизни загробной! Не возвратится къ намъ ни одинъ изъ тѣхъ дней, которые провели мы беззаботно; не возвратится къ намъ ни одинъ изъ тѣхъ часовъ, которые продремали мы или пропустили мимо глазъ, безъ дѣла. Что прошло для насъ безъ пользы, то потеряно навсегда. Повторяется ли путь жизни нашей? Нѣтъ! Улетѣли, промчались невозвратно лѣта цвѣтущей юности, которыя провели вы такъ неумно, тогда какъ могли посвятить ихъ Господу. Не возвратятся къ тебѣ счастливыя лѣта мужества, когда имѣлъ ты столько силъ трудиться для Господа и трудился для грѣха. Остановись же, чтобы не дѣлать болѣе потерь невозвратимыхъ. Лови время, оно летитъ быстро. Каждое мгновеніе его быстрѣе молніи. Настоящая минута ускользаетъ, слѣдующая смѣняетъ ее и также мчится мимо насъ; неудержимый бѣгъ часовъ, дней, годовъ уноситъ все мимо насъ; послѣдній же часъ нашъ сталкиваетъ насъ въ бездну, гдѣ душа съ ужасомъ видитъ себя предъ лицемъ Бога правды. Бѣдный братъ мой! Бѣдная сестра! вы озабочены тѣмъ, какъ прогнать время, въ праздности не скучной, а оно гонитъ васъ, гонитъ со всѣми думами нечистыми, гонитъ съ земли и куда же?.. Одумайтесь,— что вы готовите себѣ? И помимо страсти къ беззаботной праздности, время течетъ такъ быстро, что съ трудомъ ловятъ его внимательные къ цѣнѣ его. И помимо распоряженій праздности, долга ли жизнь наша, которою надобно добывать покойную вѣчность? А мы еще сокращаемъ дорогое для насъ время праздностію! А мы еще ускоряемъ бѣгъ быстраго времени разсѣянностію безпечною! Не дѣло ли это безсмыслія? Не дѣло ли преступнаго невниманія къ своей участи? *Блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудріи, но якоже премудріи, искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. V, 15, 16). Пользуйтесь временемъ (Кол. IV, 5).

Для праздности ли мы созданы Богомъ? И въ раю человѣкъ невинный долженъ былъ трудиться. *И введе его въ рай сладости дѣлати и его хранити*, говоритъ бытописатель (Быт. II, 15). Чтожъ думать намъ о земномъ назначеніи человѣка падшаго? *Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*, такъ сказано падшему человѣку (Быт. III, 19). Какъ же падшимъ людямъ хотѣть жить покойно, въ праздной нѣгѣ, на землѣ проклятой? Не вызываютъ ли они такимъ желаніемъ новое проклятіе противъ себя за наглое пренебреженіе воли грознаго въ правдѣ, за глупое упорство противъ воли Всемогущаго? „Умоляемъ васъ, братія, усердно заботиться о томъ, чтобы быть въ безмолвіи, дѣлать свои дѣла, и дѣлать своими руками, какъ мы повелѣли вамъ“. Такова заповѣдь апостола (Сол. IV, 11). И знаете ли, кому даетъ онъ такую заповѣдь? Тѣмъ, которые, подъ видомъ благочестія, не

хотѣли заниматься тѣлесными трудами. Онъ и въ другомъ посланіи пишетъ о нихъ: „слышимъ, что нѣкоторые у васъ поступаютъ безпорядочно, ничего не дѣлаютъ, а обходятъ съ лукавствомъ. Таковыхъ увѣщаваемъ и убѣждаемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ“ (2 Сол. III, 11. 12). Такъ считалъ апостолъ святымъ дѣломъ трудъ и такъ строго осуждалъ онъ праздность!

Люди, всего менѣе зная самихъ себя, не примѣчаютъ, какое дѣйствіе производитъ въ душѣ праздность. Они думаютъ, что провесть нѣсколько часовъ, провесть день и два въ праздной разсѣянности ничего не значитъ. Но такъ ли это на дѣлѣ? Сердце человѣческое не можетъ быть празднымъ, душа наша не можетъ быть безъ дѣлъ. Если не занятъ умъ святыми мыслями: онъ занимается мыслями пустыми или вредными. Если не занято сердце ощущеніями чистыми, небесными: оно дышетъ чувствованіями нечистыми, мутными, плотскими.—Если не стремится воля къ небу, къ выполненію святой воли Божіей: она идетъ путемъ грѣха, къ аду. Не забудьте же при томъ, что разстроенная грѣхомъ душа далеко болѣе расположена къ дѣятельности превратной, чѣмъ къ дѣламъ угоднымъ Богу, и потому, оставаясь въ праздности, со всею охотою предается жизни нечистой. *Въ похотяхъ есть всякъ праздный,* говоритъ премудрый (Прит. XIII, 4). *Праздность научаетъ многи—злобѣ,* говоритъ сынъ Сираховъ XXXV, 28). Сколько пороковъ черныхъ, сколько преступленій грязныхъ не было бы допущено людьми, если-бы занимались дѣлами званія своего! Не занимаясь тѣмъ, чѣмъ должно заниматься, занимаются веселыми пороками, игрою, нетрезвостію, развратомъ. Чѣмъ болѣе привыкаютъ быть безъ дѣлъ, тѣмъ менѣе любятъ останавливаться на мысляхъ о вѣчности, на заботѣ о спасеніи, и душа, пристрастившаяся къ праздности, становится жилищемъ нечистоты. Все доброе кажется для насъ непріятнымъ, томительнымъ, скучнымъ и все худое—заманчивымъ. Воображеніе почти всегда наполнено нечистыми картинами, питающими дурныя склонности. Страсть къ развлеченіямъ праздности—пагубная болѣзнь души! Отнимая дорогіе часы у занятій должныхъ, она раждаетъ въ душѣ отвращеніе отъ труда полезнаго и отъ занятій святыхъ. Посмотрите на эту мать семейства, привыкшую гоняться за вѣтромъ. Дѣти ея, какъ сироты, почти не видятъ ея; за домомъ смотрятъ чужіе и она въ своемъ домѣ, какъ чужая; ей хорошо вездѣ, только не съ тѣми, которые любятъ ее святою любовію.—Что это за жалкій образъ матери? Таковъ же и отецъ семейства, привыкшій жить праздно. Онъ—веселъ и рано утромъ и поздно вечеромъ; а тамъ является къ нему такая нищета, которая скоро выгоняетъ

его изъ дома, заставляетъ жить, какъ блуднаго сына безъ крова, безъ хлѣба, безъ одежды.

Лѣнивая и праздная жизнь тоже, что праздная и невоздѣланная нива, на которой не растетъ ничего, кромѣ травъ негодныхъ. Для общества, для ближнихъ не ждите отъ нее ничего добраго. Не занимаясь чѣмъ должно заниматься, занимаются пустыми толками, пересудами, клеветами, спретнями. Сколько гнилыхъ словъ, сколько насмѣшекъ злыхъ, сколько обидныхъ для совѣсти небылицъ придумываетъ праздность! Тѣ самые люди, которые клевету и ложь считаютъ за низкіе пороки, отъ нечего дѣлать сыплютъ ложъ и клевету. И часто какую клевету! Покой и честь, счастіе и жизнь другихъ отдаютъ на казнь! Не праздность ли придумываетъ забавы соблазнительныя, собираетъ общества нетрезвыя, изобрѣтаетъ наряды разорительные? Не праздность ли развращаетъ невинность, разрушаетъ домашнее и супружеское счастіе, портитъ настоящее поколѣніе и передаетъ порчу будущему?

Говоритъ ли о томъ, каковъ праздный въ отношеніи къ Богу? Тотъ, кто, имѣя силы трудиться, не трудится, а предается праздной нѣгѣ,—слуга негодный, зарывающій милость Божію въ землю (Матѳ. XXV, 18—20). Послѣ того, что сказано о его отношеніяхъ къ себѣ и другимъ, естественно быть тому, что въ сердцѣ его часто не бываетъ ни искры вѣры и страха Божія; онъ предметъ гнѣва Божія за совершенное забвеніе о Богѣ. О немъ скажетъ судія вѣчный: *неключимаго* (лѣниваго) *раба вверзите во тьму кромѣшнюю* (Матѳ. XXV, 30).

Конечно, намъ нуженъ и отдыхъ, нуженъ отдыхъ для тѣла, отдыхъ для души. Иначе, и тѣло изнеможетъ отъ труда безпрерывнаго, и душа ослабѣетъ отъ напряженія постояннаго. И Спаситель, послѣ долгой бесѣды, отдыхалъ (Лук. VIII, 35).—Но иное дѣло давать себѣ отдыхъ послѣ утомленія трудами, другое—любить только покой или бездѣлье; иное дѣло давать отдыхъ душѣ перемѣною занятій, достойныхъ души безсмертной, другое—наполнять время отдыха дѣлами низкими, преступными. Чѣмъ занимаютъ легкіе люди міра свое время праздное? Къ изумленію, міръ не знаетъ, въ кругу жизни своей, праздности. Онъ называетъ праздностію жизнь молитвы и благоговѣнія уединеннаго. Люди міра не считаютъ праздностію того, когда, оставляя въ сторонѣ необходимое для вѣчности, занимаются такими пустыми дѣлами каковы карты, балы, наряды, сплетни, толки о новостяхъ. Друзья мои! На судѣ Божіемъ будутъ судить насъ не какъ угодно міру, а какъ угодно Господу. А воля Божія вовсе не сходна съ желаніями міра: это видимъ въ писаніи боговдохновенномъ. Оставьте же міръ съ его мечтами жалкими. Под-

визайтесь для Господа: такого подвига нѣтъ ничего выше и умнѣе. Для отдыха душевнаго, перемѣняйте занятія, но всегда съ мыслями о Господѣ, со страхомъ Божіимъ. Не бойтесь ига Господня: оно—благо. Труды для Господа не истощаютъ, а оживляютъ душу: таковы по свойству своему; таковы по благодатной помощи, безъ которой не совершаются они.

Богу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА

ВЪ ЗАШТАТНОМЪ ГОРОДѢ НЕЙДРИГАЛОВѢ.

Яко нищи, а многихъ богатяще (2 Кор. VI, 3).

Такъ говоритъ о себѣ апостолъ Павелъ! Дивиться ли тому въ апостолѣ? Въ апостолѣ и чудесное естественно, потому что онъ—посланникъ Божій. Другое дѣло—сей храмъ величественный въ такомъ маломъ градѣ. Такое великолѣпіе, такое богатство—среди такой незнатности—не дѣло ли достойное изумленія? Такъ по праву привѣтствую васъ жители небогатаго города, съ высокимъ отличіемъ апостольскимъ.—Вы по праву можете сказать съ апостоломъ: *яко нищи, а многихъ богатяще.* Какое дорогое богатство доставляете вы прекраснымъ своимъ храмомъ многимъ тысячамъ тѣхъ, которые послѣ васъ будутъ жить! Христіанскій храмъ—сокровищница благодати и училище благочестія. Величественный храмъ сей—проповѣдь о единомъ на потребу. При взглядѣ на него какъ не сказать себѣ: вотъ чему прилично все величіе, дому Божію! Иначе къ чему служитъ богатство, когда не употребляютъ его въ славу имени Божія? Къ чему деньги, если они—мертвый капиталъ, отъ котораго нѣтъ пользы душѣ ни здѣсь, ни за гробомъ? Богатый храмъ небогатаго города подаетъ предметъ для размышленія: у христіанина и бѣдность не бѣдна, а богата.

По видимому, не завидѣнъ на землѣ жребій бѣдности. Она идетъ по тернистому пути. Сколько трудовъ тяжелыхъ, сколько заботъ горькихъ возлагаетъ она на плеча бѣдняковъ! Суровая нищета облекаетъ бѣдняка въ ветхія рубища, и люди, встрѣчая рубища, говорятъ: вотъ печать гнѣва Божія!

Но не такъ смотритъ на бѣдность свою христіанинъ. И прежде всего, не считаетъ онъ бѣдности за знаменіе гнѣва Божія.

Если бы бѣдность лишала чего либо такого, что составляетъ существенное достоинство человѣка: тогда, конечно, и христіанинъ назвалъ бы ее знакомъ негодованія Божія. Но все, что возвышаетъ человѣка надъ всѣми земными твореніями, все, что составляетъ славу и высокое значеніе человѣка, также дано бѣдняку, какъ и богачу. Не надѣленъ ли бѣднякъ такими же способностями ума и сердца, какъ и другіе? Не питаетъ ли и онъ такихъ же надеждъ, не стремится ли и онъ къ такой же высокой цѣли, какъ и другіе? Не одинаковы ли отношенія его къ Богу? Не назначена ли и ему жизнь вѣчности? Когда и въ комъ бѣдность была препятствіемъ для достиженія блаженства за гробомъ? Если люди не умѣютъ пользоваться бѣдностію: виноваты люди, а не бѣдность.

Господь убожитъ и богатитъ Господь *смиряетъ и выситъ* (2 Цар. II, 7). О, какъ это одно сладко въ смиренной долѣ бѣдности! Онъ, безпредѣльный въ величіи своемъ, занимается участію бѣднаго странника земли. И какъ много занимается! Безъ Его воли не падаетъ и волосъ съ головы нашей (Лук. XXI, 18). Онъ знаетъ весь составъ нашъ, всѣ мысли и расположенія наши; знаетъ наше будущее, какъ настоящее, возможное какъ дѣйствительное; знаетъ, что можетъ быть намъ полезно и что можетъ обратиться во вредъ. Ни одинъ отецъ и ни одна мать не заботятся такъ о дѣтяхъ, какъ Онъ заботится о людяхъ. Онъ, благость вѣчная, все дѣлаетъ для того, чтобы какъ можно успѣшнѣе совершилось въ насъ, вѣчное спасеніе души. Люди близоруки на землѣ: но и они еще на землѣ видятъ въ послѣдствіяхъ премудрую благость Божію, дивно раздѣляющую земныя доли людямъ; а когда, послѣ бурь земной жизни, откроется имъ лазурь чистаго неба, когда явятся они по ту сторону гроба: о, какъ ясно, какъ полно узнаютъ они пути премудраго и преблагаго!

Бѣдность заставляетъ много трудиться и въ потѣ снискивать себѣ хлѣбъ. Но не съ тѣмъ ли и живетъ человѣкъ на землѣ, чтобы трудиться? Извѣстно рѣшеніе суда Божія о падшемъ человѣкѣ. При этомъ рѣшеніи, покой на землѣ—преступленіе, преступленіе, которое отворяетъ дверь порокамъ разнымъ. И богатый—въ заботахъ. Но за кѣмъ преимущество, за тѣмъ ли, кто несетъ труды, назначенные Богомъ, или за тѣмъ, кто несетъ ярмо заботъ и трудовъ, налагаемое страстями? Бѣдному незнакомы многія радости шумнаго свѣта. Но къ чему жалѣть о нихъ, когда онѣ такъ пусты? И о, еслибы были онѣ только пусты! Счастлива бѣдность. Она незнакома съ гибельными пороками и преступными страстями, которыя такъ часто терзаютъ душу роскошнаго богача. Пусть въ пищу бѣдняка подъ часъ каплютъ слезы его. За то, когда сладкій сонъ по-

сѣтить уставшее отъ трудовъ тѣло, онъ спитъ покойно и не знаетъ призраковъ и сновидѣній грозныхъ, которыя мучатъ душу безчестнаго богача. Богачъ ѣстъ и пьетъ сладко? За то бѣдность не утучняетъ грѣшной плоти, не питаетъ страстей дикой чувственности. Съ другой стороны, считать ли за преимущество, что богачъ неумѣренностію готовитъ разстройство тѣлу своему? Когда въ водосточныхъ каналахъ непрестанно умножается наносъ навоза, тины, травъ и всякой гнили: грязь, долго сдерживаемая, вырывается наконецъ на поверхность и разливаетъ смрадъ и зловонную заразу по окресности. Не тоже ли самое роскошная жизнь богача и для его здоровья и для окружающихъ его?

Зачѣмъ стыдиться нищеты, когда она не есть слѣдствіе порочной жизни? Бѣдность—не безчестье, когда не зависитъ она отъ худыхъ привычекъ и страстей. Богатство и нищета—случайности путника. Господь убожитъ и богатитъ. Судъ Божій отличаетъ богача и бѣдняка, по ихъ жизни,—по тому, выполняютъ ли или не выполняютъ они свое назначеніе. Правота души, чистота сердца—вотъ истинныя достоинства человѣка: а ихъ пріобрѣтаютъ и богачъ и бѣднякъ одною цѣною, цѣною вниманія къ судьбѣ загробной, строгимъ наблюденіемъ за движеніями и желаніями сердца. Пусть люди легкіе показываютъ холодность, даже презрѣніе, къ бѣдности: о нихъ остается только жалѣть, но уже вовсе не смущаться судомъ ихъ.

Иногда говорятъ: какъ много можно было бы дѣлать добра другимъ и благотворить храмамъ, если бы были средства къ тому—деньги? Но это не голосъ искренней и умной любви къ добру; тутъ желаютъ денегъ голодныя страсти. Искренняя любовь къ добру, богата ли она, или бѣдна деньгами, всегда одинаково готова дѣлать добро и дѣлаетъ его по мѣрѣ средствъ. Бѣдность—не помѣха ей. Евангельская вдовица, при всей бѣдности своей, принесла такой даръ храму, какого не принесли богачи. Господь не требуетъ отъ насъ невозможнаго, а чего требуетъ Онъ отъ насъ, всегда мы можемъ выполнять, при помощи благодати. Господь, заповѣдуя намъ благотворительность, не назначаетъ суммы денегъ, которой нѣтъ у бѣдняка; Онъ ожидаетъ только усердія къ благотвореніямъ, которое для каждаго возможно; Онъ гнушается въ насъ скупостію, а ее прогнать отъ себя мы можемъ. О, если бы богатство отверзало душу каждаго богача для благотвореній и любви! Тогда бѣдный имѣлъ бы право завидовать долѣ его. Но въ опытѣ видимъ совсѣмъ другое. Богатство возбуждаетъ въ людяхъ или жажду къ деньгамъ или страсть къ расточительности; а въ томъ и другомъ случаѣ оказывается, что великія жертвы людямъ и Богу приноситъ бѣдность.

Обыкновенный спутникъ богатства—гордость—заглушаетъ въ сердцѣ богача и то малое благочестіе, которое передано ему бѣдными родителями. Бѣдность же научается благочестію самою долею своею и крѣпко хранитъ вѣру отцовъ своихъ. Бѣдный скромно входитъ въ храмъ Божій, послушный голосу пастыря своего, и молится съ благоговѣніемъ; а другой только оттого, что одежда его нарядна, присутствіемъ въ храмѣ только оскорбляетъ святость храма. Твои взоры, о Боже мой, видятъ сердца наши; они съ любовію покоятся на душѣ благоговѣйной, скрывающейся подъ бѣднымъ рубищемъ, тогда какъ въ тѣлѣ, одѣтомъ пышною одеждою, дышетъ душа, отягченная преступленіями—предметъ праведнаго негодованія Твоего!

Говорятъ: бѣдные набожны, но завистливы, падки на чужое, малодушны?

Дѣти Божіи! если и не все правда, что говорятъ о васъ: христіанство не одобряетъ слабостей, какъ бы онѣ малы ни были. Не допускай до души малодушія, другъ мой, не тяготись бѣдною долею твоею, будь доволенъ малымъ. Много ли нужно для тебя, если ты не будешь знать нуждъ, придумываемыхъ страстями и прихотями? Отецъ небесный питаетъ птичекъ, хотя они не сѣютъ и не жнутъ. Забудетъ ли Онъ тебя? Онъ не пощадилъ для насъ Сына Своего. Ты бываешь въ тревогѣ за будущность свою и семьи. Напрасно. Кто тебя увѣрилъ, что для тебя будетъ будущность такая, которой трепещетъ малодушіе? Зачѣмъ же тревожиться за будущность, которой, быть можетъ, не будетъ для насъ? Не лучше ли замѣнить эту тревогу сладкою надеждою на ту вѣрную будущность, когда терпѣливымъ дадутъ вѣнецъ жизни и нищихъ духомъ введутъ въ царство небесное? Не лучше ли твердо помнить, что тѣсный путь ведетъ въ блаженство вѣчное, а широкими вратами входятъ въ адъ?

Не оскорбляй души твоей завистію къ веселой долѣ другихъ и еще менѣе дозволяй себѣ мстить богатому тайною враждою противъ него. Зависть и вражда къ богатому только нанесутъ вредъ душѣ твоей и ни мало не перемѣнятъ твоего положенія внѣшняго; въ очахъ Божіихъ онѣ ненавистны, какъ плодъ гордаго, мятежнаго духа. Господь любитъ всѣхъ насъ; и мы должны любить всѣхъ.

Особенно берегись, другъ мой, употреблять преступныя средства къ облегченію своей бѣдности. Тяжелѣе грѣха ничего нѣтъ для души: грѣхъ можетъ погрузить тебя въ геенну. Пусть честный трудъ будетъ твоею помощію противъ горькихъ нуждъ; съ этимъ спутникомъ легко тебѣ будетъ явиться на судъ Вѣчнаго.

Богу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА, ВО ИМЯ СВ. НИКОЛАЯ.

ВЪ Г. КУПЕНСКѢ.

Благодареніе Богу, исполнившему давнія ожиданія благочестія! Храмъ, такъ давно ожиданный, оконченъ. Да будетъ милость Божія надъ душею раба Божія, съ такою ревностію потрудившагося при построеніи храма благодати! Да помянетъ благость Божія въ царствіи небесномъ душу усопшаго начинателя храма! Увѣренъ, что Отцемъ небеснымъ не оставлена безъ вниманія ни одна лепта, принесенная въ пользу сего храма и Онъ, Благій, заплатитъ каждому и за трудъ и за приношеніе. Благословенъ Богъ милости и щедротъ!

Слушатели мои! Храмъ молитвы и благодати готовъ. Остается, чтобы, по каждому зову храма, готовы были вы посѣщать храмъ для своего освященія. О, когда бы исполнялась вами, какъ должно, заповѣдь небесная о посвященіи Богу седьмаго дня! Храмъ построенъ для освященіи вашею молитвою въ седьмой день. Думаете ли вы довольно внимательно о святости седьмаго дня? Подумаемъ.

Кто заповѣдалъ намъ посвящать день седьмый Господу? Самъ Господь Богъ. Еще въ раю освященъ день седьмый, какъ день покоя Божія и день хвалы и благодаренія Творцу міра. Еще тогда, какъ не было іудеевъ, а былъ только Адамъ—представитель рода человѣческаго, назначенъ день седьмый для Господа (Быт. II, 2). Не ясно ли, что день седьмый освященъ для всего рода человѣческаго? Во время Моисея повторена заповѣдь о седьмомъ днѣ, но основаніе освященія дня указано древнее. *Помни*, сказано, *день субботній святити его. Зане въ шести днехъ сотвори Господь небо и землю и почи въ день седьмый; сего ради благослови Господь день седьмый и освяти его* (Исх. XX, 11). Въ христіанствѣ отмѣнено празднованіе субботы (Кол. II, 16), но не нравственная заповѣдь о днѣ хвалы и благодаренія Творцу міра. Мало того. Для христіанина заповѣдь о седьмомъ днѣ еще усилена новыми благодѣяніями Божіими. Что такое день воскресный, замѣнившій ветхозавѣтную обрядовую субботу? Это—день, въ который спасеніе рода человѣческаго засвидѣтельствовано предъ небомъ и землею торжественнымъ воскресеніемъ Христа Спасителя; —это—день, въ который посланъ на землю Духъ утѣшитель для преобразованія сердецъ человѣческихъ и для возобновленія въ нихъ испорченнаго об-

раза Божія. Итакъ это день новаго творенія Божія. Какъ же такой день не освящать хвалами и благодареніями Богу? Св. Іоаннъ богословъ, въ своемъ апокалипсисѣ, называетъ воскресный день днемъ Господнимъ (Апок. I, 7). По дѣяніямъ апостольскимъ видимъ, что въ Троадѣ „въ первый день недѣльный ученики собрались для преломленія хлѣба и Павелъ, бесѣдуя съ ними, продолжилъ слово до полуночи“ (Д. XX, 7). Къ коринѳянамъ апостолъ писалъ: „въ первый день недѣли, каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе“, для помощи бѣднымъ (Кор. XVI, 2). „Тѣ, которые, живъ въ ветхомъ порядкѣ дѣлъ, писалъ ученикъ апостоловъ св. Игнатій, не чтятъ субботы, а живутъ днемъ Господа, въ который воскресла и ихъ жизнь чрезъ Него и Его смерть“. Видите ли, происхожденіе заповѣди о о седьмомъ днѣ? Видите ли кого не слушаютъ, не посвящая дня седьмаго Господу? Не слушаютъ Господа Бога, установившаго день для хвалы и благодареній Ему. Не страшное ли это непослушаніе?

Если Господь Богъ такъ ясно отдѣлилъ для Себя одинъ день недѣли, предоставивъ человѣку шесть дней: то что значило бы въ насъ неисполненіе сей воли Божіей? Это означало бы болѣе, чѣмъ кражу. Это означало бы кражу святыни Божіей, похищеніе того, что принадлежитъ Богу. *День седьмый, суббота, Господу Богу твоему,* сказалъ Богъ. А люди обращаютъ седьмый день въ свою пользу. Не похищеніе ли это чужой собственности? Не похищеніе ли это собственности Божіей? Съ другой стороны, не хотѣлъ посвятить Господу одинъ день недѣли, тогда какъ Онъ отдалъ намъ въ нашу пользу шесть дней,—означаетъ самую черную неблагодарность, самое преступное безчувствіе. Не имѣетъ ли права Творецъ и Промыслитель нашъ требовать для Себя всей нашей жизни? Но Онъ, благій, по премудрому совѣту благости Своей, уступаетъ намъ шесть дней и ожидаетъ себѣ только одного дня. И однако мы не внимательны къ такому совѣту благости, мы присвоиваемъ себѣ и этотъ день Божій. Какое безчувствіе тупое! Какая дерзость наглая! Господь назначилъ седьмой день для того, чтобы возносили мы хвалы и благодаренія Ему. Не установленіе ли это святое?

Какъ не хвалить и не благодарить намъ столько милостиваго къ намъ Бога? И тварь неразумная и тварь неодушевленная хвалятъ славу Творца своего. Чѣмъ же становится человѣкъ, отказывающійся хвалить и благодарить Господа? Онъ становится ниже бездушной твари. Какое униженіе разумнаго существа! Какое оскорбленіе достоинству человѣка!

Для чьей пользы введено установленіе о седьмомъ днѣ? Для пользы самаго человѣка. По высшему назначенію жизни нашей каж-

дый день нашей жизни должны мы употреблять въ славу Божію. Прославленіемъ имени Божія совершается спасеніе души нашей; а жизнь безъ Бога—разстройство, погибель жизни. Но люди слабы. Они окружены временными нуждами, и еще болѣе сами себя окружаютъ житейскими нуждами. Тѣ и другія нужды развлекаютъ ихъ, занимаютъ собою до того, что они теряютъ изъ вида назначеніе своеи жизни, не помышляютъ о Богѣ—источникѣ жизни. Чтобы помочь слабымъ людямъ въ борьбѣ ихъ высшихъ стремленій съ волнама житейскими, Господь Богъ назначилъ людямъ извѣстное время, въ которое они, оставивъ земное, могутъ заниматься однимъ небеснымъ. Такъ день седьмый есть спасительная ограда душѣ противъ изнурительныхъ суетъ жизни, живительная врачебница противъ ранъ, наносимыхъ душѣ бѣдами и искушеніями земными. Не замѣчаете ли вы сами по временамъ,—какъ, послѣ усердной молитвы, въ день воскресный, легко бываетъ на душѣ! Какъ, и тяжести суеты земной, и смущенія горькихъ обстоятельствъ, и сомнѣнія неразрѣшимыя, спадаютъ съ души послѣ теплой молитвы въ храмѣ! И умъ становится ясенъ и зорокъ, и сердце весело, и воля готова на всякое добро. Итакъ къ кому же невнимательны невнимательные къ назначенію седьмаго дня? Они безпечны о своей пользѣ, о своемъ спасеніи.

Въ какомъ положеніи представимъ себѣ людей, у которыхъ все время проходило бы только въ заботахъ о земномъ, въ работахъ и трудахъ тѣлесныхъ? Чѣмъ могутъ быть тѣ, которые лишены бы были покоя дня воскреснаго? Страшно сказать, а сказать надобно: это были бы не люди, а звѣри, потому что жизнь ихъ была бы жизнію звѣрей, а не людей. Ни вздоха о небѣ, ни мысли о цѣли высшей, ни заботы о жизни загробной не видно въ ихъ жизни, земля—предметъ всѣхъ желаній и стремленій души. Недѣля за недѣлію, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ проходятъ только съ заботами житейскими. Душа черствѣетъ, болѣе и болѣе теряетъ расположеніе къ добру. Не оживляемая повременнымъ вѣяніемъ духовнаго торжества и угнѣтаемая каждый день землею, она тупѣетъ и мыслями и чувствами. Почему признать такихъ людей за людей? Что въ нихъ человѣческаго? То ли, что день и ночь въ трудахъ? То ли, что ѣдятъ и пьютъ въ извѣстные часы? То ли, что издаютъ звуки, какъ птицы пѣвчія? Несчастные!... Человѣкъ тѣмъ и можетъ отличаться отъ звѣрей, если живетъ онъ жизнію духа, если служитъ Господу своему.

Послѣ сего понятно, какой будущности остается ждать себѣ презрителямъ заповѣди о седьмомъ днѣ! *И сохраните субботу,* говоритъ Господь Моисею, *яко свята есть Господу и всякъ осквер-*

нивый ю смертію умретъ: всякъ, иже сотворитъ въ ню дѣло, потребится отъ среды людей своихъ (Втор. V, 14). Вотъ какая казнь назначена Господомъ нарушителямъ праздничнаго покоя! Во время странствованія по пустынѣ одинъ изъ евреевъ разъ дозволилъ себѣ въ седьмой день собирать дрова. Лишь только узнано было объ этомъ, всѣ пришли въ ужасъ и преступника немедленно бросили въ темницу. *И рече Господь къ Моисею: смертію да умретъ человѣкъ сей, да побіете его каменіемъ весь сонмъ внѣ полка.* Не думайте слушатели, что если нынѣ не выполняется смертная казнь надъ оскорбителями седьмаго дня, правда Божія отмѣнила судъ свой по отношенію къ нимъ? Нѣтъ, правда Божія всегда одинакова въ отношеніи къ грѣху, только она является не въ одинаковомъ видѣ. То явно, то тайно, то въ томъ, то въ другомъ бѣдствіи открывается и нынѣ судъ Божій надъ нарушителями покоя дня седьмаго. А за гробомъ гнѣвъ Божій разразится надъ ними во всей силѣ. Не будьте легкомысленны; *Богъ поругаемъ не бываетъ.* Благоговѣйте предъ волею Всемогущаго о седьмомъ днѣ. Если своего нѣтъ ничего у насъ; если благословеніе Божіе низводится на насъ богобоязливою молитвою, а молитва, усиливаясь отъ взаимнаго молитвеннаго общенія, низводитъ обиліе благодати на всѣхъ участвующихъ въ ней: то когда, если не при молитвѣ общественной, въ день праздничный, ты можешь быть съ надеждами на принятіе благословеній небесныхъ? Не будь не разсудителенъ. Занимаясь работою или торговлею въ воскресный день, ты надѣешься на успѣхъ по надеждѣ на твои силы; а оставляешь надежды на Бога, остаешься безъ упованія на Всемощнаго и дерзаешь оскорблять святую волю Его. Умны ли, вѣрны ли твои надежды? Не значатъ ли онѣ менѣе, чѣмъ надежды на вѣтеръ? Не значатъ ли онѣ слишкомъ опасной борьбы съ Богомъ?

Слушатели мои! свята заповѣдь о седьмомъ днѣ; опасно нарушать ее всякому. Особенно грозно положеніе тѣхъ, которые завѣдывая волею другихъ, обращаютъ ихъ седьмой день на службу своимъ выгодамъ или страстямъ. Если не легко отвѣчать за самаго себя, когда оказываюсь я оскорбителемъ святаго дня: какъ отвѣчать будутъ за злоупотребленіе свободою сотни, тысячи, христіанскихъ душъ? Какъ отвѣчать будутъ на страшномъ судѣ Божіемъ, если, не допуская подчиненныхъ посѣщать храмъ Божій въ воскресные дни, доводятъ ихъ до одичанія, до грубости, до забвенія своихъ высшихъ обязанностей? Страшно святотатство въ одномъ лицѣ: каково же оно тогда, когда по твоей волѣ сотни совершаютъ его! О, придите въ себя, друзья мои!

Страсти людскія придумываютъ разные предлоги нарушать по-

кой седьмаго дня. Заповѣдію о днѣ седьмомъ запрещены, говорятъ только тяжелыя работы,—какова работа земледѣльца, а другія дѣла позволительно дѣлать? Нѣтъ, заповѣдь о субботѣ запрещаетъ намъ всякое занятіе, кромѣ занятія прославленіемъ имени Божія. Ремесленнику запрещаетъ оно ремесло, купцу—торговлю, судьѣ—занятія по суду. Для всѣхъ земныхъ занятій нашихъ назначены шесть дней, а седьмой день—не нашъ, онъ принадлежитъ Господу.

Послѣ слушанія службы Божіей въ храмѣ, можно, говорятъ, и повеселиться въ день воскресный.

Но заповѣдь не говоритъ святить *часъ* или *два* седьмаго дня; она велитъ святить день седьмый. Если, побывавъ въ храмѣ Божіемъ, въ остальное время дня вы вовсе не думаете о Богѣ и о спасеніи души вашей, освящаете ли вы седьмой день? Нѣтъ, только тогда освящается онъ, когда утро его посвящено домашней молитвѣ и за нею богослуженію общественному, а послѣ трапезы и отдыха время проводится то въ размышленіи о слышанномъ въ храмѣ, то въ слушаніи книгъ назидательныхъ или въ бесѣдѣ о нужномъ для вѣчности. Но вы, которые проводите большую часть дня седьмаго въ нетрезвости, въ забавахъ, въ безуміи страстей, что вы дѣлаете! Вы творите поруганіе надъ днемъ святымъ, вводите мерзости въ святое время. Устрашитесь суда Божія.

Господи—Господи! вдохни въ сердца наши святую ревность къ служенію Тебѣ, Богу нашему. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВЪ ЧЕСТЬ СВ. ДУХА,

НА ТОРГОВОЙ ПЛОЩАДИ Г. ХАРЬКОВА.

На площади торговли освященъ храмъ Всевышнему. Какъ не радоваться о такомъ храмѣ? Не ясный ли это знакъ того, что дѣло торговли хотятъ совершать съ призываніемъ помощи Всевышняго и для славы имени Его? Не знакъ ли это того, что все свое и себя поручаютъ волѣ Божіей и отъ нее ожидаютъ всего? Не вдали отъ насъ раздаются громы войны и мы освящаемъ храмъ Богу мира. Что это значитъ? Господи! молитвы отцевъ нашихъ творятъ насъ сильными среди бѣдъ; по примѣру отцевъ нашихъ ожидаемъ мы всего отъ Тебя, всегда попечительнаго о на-

шемъ спасеніи. Созданіе и благоукрашеніе храма сего—труды смиренной любви къ Тебѣ; прими же жертву сію и ниспосли благословеніе Твое на возлюбившихъ благолѣпіе дома Твоего, къ славѣ пресвятаго имени Твоего.

Все это прекрасно, братія мои! Но въ ряду съ этими добрыми расположеніями не замѣчаете ли печальной болѣзни нашего времени—недовольства своимъ состояніемъ? Не замѣчаете ли, что торгующіе и не торгующіе, богатые и бѣдные, ученые и неученые, управляющіе и управляемые, то въ душѣ, то на словахъ, обнаруживаютъ ропотъ на свое положеніе, не довольны тѣмъ, что имѣютъ и тревожно домогаются большаго? Болѣзнь печальная, болѣзнь опасная! Не скрывать, а лѣчить ее надобно.

Ожиданіе всего лучшаго отъ Господа—дѣло святое, когда благоговѣйно оно предъ волею Господа.—Пусть другіе видятъ во всемъ свой умъ, свою волю, свое искусство, свои успѣхи, любуясь только собою. *Сіи на колесницахъ, сіи на конехъ, мы же во имя Господа призовемъ;* мы ожидаемъ спасенія отъ Господа. Не сомнѣваемся, что дарами Божіими надобно пользоваться, таланты данные Богомъ надобно усовершать трудами,—изъ готовыхъ, но грубыхъ, способовъ жизни надобно извлекать болѣе удобные и легкіе. Но и прежде и послѣ того надобно помнить, что всѣмъ располагаетъ Богъ, что не только все, что имѣемъ,—не наше, но и пользоваться не нашимъ можемъ мы съ успѣхомъ только при помощи Божіей. Кто есть Богъ нашъ? Онъ не то, что богъ языческій, который спокойно сидитъ на небѣ, не думая о томъ, что происходитъ на землѣ. Кто есть Богъ нашъ? Онъ не то, что богъ необходимости, невольно покорный законамъ природы, безъ воли и свободы; Онъ есть Богъ любви и мощи безграничной. Онъ—*Царь велій по всей земли* (Псал. XCIV, 3). Помимо Его воли, помимо Его вѣденія, не спадетъ ни одинъ волосъ съ головы нашей. Имъ цари царствуютъ и отъ Него же ожидаютъ себѣ пищи птенцы ворона. Предъ величіемъ Его все мало, а для любви Его и малое дорого. Онъ все видитъ; Онъ знаетъ, къ чему кто способенъ и что кому полезно и *овому даетъ пять талантъ, овому два, овому же единъ, комуждо противу силы его* (Мат. XXV, 15), каждому столько, сколько можетъ принять безъ вреда для себя. Такъ святы наши молитвы къ Господу благоговѣйныя предъ Нимъ. Святы ожиданія наши всего лучшаго отъ Господа, но покорныя Его волѣ. То ли означаетъ недовольство наше своимъ состояніемъ? Оно и надеждами обращено къ нашимъ силамъ и тревогами возстаетъ противъ воли Божіей. Смиримъ его смиренною молитвою къ Господу.

Думаете ли, что самая смиренная въ глазахъ нашихъ доля не

можетъ быть достаточною для нашего покоя? О, покой души не зависитъ ни отъ чего внѣшняго! Онъ зависитъ отъ расположеній души къ Господу. Тотъ, кто живетъ въ Богѣ, говоритъ намъ: *имуще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. VI, 8). А какой бѣднякъ не можетъ имѣть пищу и одѣяніе, если только трудится онъ, какъ велѣлъ Богъ трудиться? Живи онъ со страхомъ Божіимъ, живи онъ въ упованіи на Бога и по Его волѣ онъ—счастливъ. *Лучше частица малая со страхомъ Господнимъ, нежели сокровища велія безъ боязни,* говоритъ мудрецъ Божій (Прит. XV, 16). Къ несчастію нашему, желанія наши не знаютъ предѣла, страсти наши не насытны; бездна никогда не скажетъ: довольно,—она все хочетъ поглащать, такъ и наши желанія, устремленныя къ земнымъ выгодамъ. И сколько неправдъ, сколько беззаконій дозволяетъ себѣ эта жажда большаго, это недовольство тѣмъ, что дано! Иной довѣріе другихъ обращаетъ въ средство торговли безсовѣстной и крадетъ чужое обѣими руками, обнадеженный тѣмъ, что не видятъ. Какъ это низко, какъ это грязно предъ совѣстію людскою! Другой довѣріемъ братьевъ пользуется для того, чтобы добывать средства къ мотовству, или къ жизни не по состоянію. О, Боже мой! Какое глубокое забвеніе о Твоемъ судѣ грозномъ! Ужели опыты давно не сказали намъ, что богатства, нажитыя неправдами, низводятъ проклятіе на домы и потомство. О, не будемъ неправдами нашими навлекать на себя гнѣвъ правды Божіей! Пусть святыя заповѣди Вышняго полагаютъ границы желаніямъ нашимъ; будемъ довольны тѣмъ состояніемъ, въ какомъ поставилъ каждаго Богъ. Въ этомъ нашъ покой, въ этомъ наше счастіе, временное и вѣчное.

Апостолъ учитъ насъ: „Богъ расположилъ члены, каждый въ составѣ тѣла, какъ ему угодно. Еслибы всѣ были одинъ членъ: то гдѣ было бы тѣло? Если все тѣло—глазъ: то гдѣ слухъ? Если все—слухъ, то гдѣ обоняніе? Глазъ не можетъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Такъ и въ Христовой церкви“ (Кор. XII, 12. 17—19. 21). Видите, Богу угодно было устроить тѣло наше такъ, какъ оно устроено. И вмѣстѣ съ тѣмъ какъ прекрасно устроено оно! Части тѣла не всѣ равны: но каждая часть—на своемъ мѣстѣ и выполняетъ назначеніе, полезное для всего тѣла. Хорошо ли было бы, если бы рука захотѣла быть глазомъ, нога—головою, а ухо—ногою? Точно въ такомъ видѣ устроено духовное тѣло, царство духовъ свободныхъ. Благость Божія никому не отказала въ томъ, что нужно для спасенія и блаженства каждаго. Пусть каждый выполняетъ свое назначеніе: тогда и каждый имѣетъ значеніе высокое, для себя и другихъ, и въ цѣломъ—превосходный порядокъ.—Если ты въ составѣ таинственнаго

тѣла назначенъ быть ногою: твое дѣло ходить и трудиться, а не смотрѣть за другими. Если тебѣ указано быть рукою: твое дѣло брать и передавать другимъ, а не разсуждать, или нѣжиться въ покоѣ. Если ты голова: управляй тѣломъ умно и заботься о его безопасности. Не жалуйтесь на то, что назначеніе ваше не высокое: при немъ вы можете быть членами благородными и пріобрѣсть нужное для васъ спасеніе. Будьте увѣрены, что лѣнивый и лукавый рабъ, что ни дай ему, употребитъ во зло себѣ и другимъ; но усердный и вѣрный долгу своему и съ малою частію имущества можетъ быть богатымъ и счастливымъ. Ты не имѣешь мудрости: но можешь имѣть кротость, которая также дорога въ царствѣ духовномъ, какъ и мудрость. Ты не пользуешься здоровьемъ тѣлеснымъ: но постоянствомъ въ трудѣ можешь избавлять себя отъ бѣдности. Ты не богатъ; но терпѣливая бѣдность—не выше ли расточительной роскоши? Не умная мысль желаетъ равенства для всѣхъ на землѣ. И на небѣ, въ царствѣ славы, звѣзда отъ звѣзды разнится въ достоинствѣ (1 Кор. XV, 41). Умное дѣло наслаждаться тою долею свѣта, которая дана Отцемъ свѣтовъ. Ты улыбаешься, смотря на то, какъ дитя хочетъ казаться великаномъ. Осмотрись же, не болѣе ли смѣшонъ ты, когда недоволенъ своимъ состояніемъ? При всемъ неравенствѣ дарованій, мало ли получили мы отъ Господа, за что должны благодарить Его, а не роптать? Всякое дыханіе хвалитъ Господа: каждая травка, каждое насѣкомое довольны своею судьбою. Мы ли неблагодарны будемъ предъ Господомъ? Малость ли дары ума и воли? Мы всѣ искуплены кровію Сына Божія; мы всѣ надѣлены дарами Духа св.; всѣмъ намъ готова блаженная вѣчность. Жизни земной слишкомъ мало, чтобы за все то возблагодарить Господа.

Что пріобрѣтаютъ недовольные ни чѣмъ и ропщутъ на свою долю? Израильтяне роптали на Моисея и на Бога и погибли въ пустынѣ.—Фараонъ, не признававшій Бога израилева и требовавшій только служенія себѣ, погрязъ въ волнахъ морскихъ. *Не ропщите, братія, яко же нѣціи ропташа и погибоша въ пустыни*, увѣщеваетъ насъ апостолъ (1 Кор. X, 10). Дикое самолюбіе, отторгшее себя отъ силы Божіей, должно быть подавлено тяжестію своихъ немощей,—это неизбѣжно. Духъ, извѣстный нынѣ съ именемъ сатаны, вышелъ изъ рукъ Творца ангеломъ свѣта, лучшимъ изъ твореній Божіихъ. Но недовольный своимъ состояніемъ, тогда какъ получилъ очень многое отъ Бога, онъ захотѣлъ выше звѣздъ поставить престолъ свой и сравняться съ Богомъ. Что же вышло изъ того? Нечестивая дерзость его страшно наказала его: отторгшійся отъ Бога гордостію низпалъ въ геенну.—Вотъ вѣрный образъ судьбы всѣхъ недовольныхъ своимъ состояніемъ. Кто ропщетъ на свое малое

и гордо требуетъ большаго: тотъ навѣрное желаетъ себѣ вреднаго. Ты горько жалуешься на бѣдность: но осмотрись, не одна ли бѣдность и можетъ довесть тебя до небеснаго царства? Ты жалуешься на то, что не въ ряду ты людей чиновныхъ и почетныхъ. Но смотри, твоя лодочка безбѣдно плыветъ въ свою пристань, тогда какъ большіе корабли погибаютъ въ волнахъ бурнаго моря; благодари же Бога за твою безопасность и вздохни о безразсудствѣ твоихъ же ланій.

По временамъ тяжело бываетъ смотрѣть на то, что творится на землѣ. Тяжело бываетъ видѣть миръ грѣшниковъ, успѣхъ нечестивыхъ, счастіе тѣхъ, которые живутъ и дѣйствуютъ въ угоду наглыхъ страстей? Но—прежде должны мы осмотрѣть самихъ себя, должны узнать; правы ли мы во всемъ предъ Богомъ, мы не довольные своими неудачами? Не заслужили мы того, чтобы торжествовали надъ нами нечестивые? Оставимъ другія дѣла наши,—каждое движеніе самолюбія нашего есть противленіе волѣ Божіей; а сколько въ насъ такихъ движеній! Каждый разъ, когда хотимъ мы быть счастливыми по своему, а не по усмотрѣнію Божію; каждый разъ, когда мы дѣлаемъ дѣла безъ мысли о Богѣ, безъ чувства нужды въ Его помощи, къ славѣ своей, и вовсе не къ славѣ имени Божія: не дерзко ли мы грѣшимъ предъ Богомъ, не тяжко ли оскорбляемъ Того, кѣмъ движемся и существуемъ? Затѣмъ, несчастіе ли для насъ, если Отецъ небесный вразумляетъ насъ неудачами нашими, какъ дѣтей забывчивыхъ? Несчастіе ли для насъ, если—Онъ будитъ насъ, заставляетъ придти въ себя и обратиться къ Нему со всѣми немощами нашими и со всѣми нуждами нашими? Несчастны мы, если остаемся невнимательны къ наставленіямъ Отца небеснаго. О! *буди имя Господне благословенно во вѣки?* (Іов. I, 21). Грѣшны мы, Господи, предъ Тобою; имѣемъ нужду въ наказаніяхъ Твоихъ, твори съ нами по усмотрѣнію Твоему; только не лишай насъ за грѣхи наши любви Твоей; помилуй насъ по великой милости Твоей; посли намъ благодать Твою, просвѣщающую и исцѣляющую насъ! Пусть каждый изъ насъ, братія, вопіетъ съ Давидомъ: *не Богу ли повинется душа моя? Отъ Того бо спасеніе мое. Ибо Той Богъ мой, Спасъ мой, Заступникъ мой, наипаче неподвижуся* (Псал. LXI, 2, 3).

Что же до лукавнующихъ, не ревнуй имъ, *не завидуй творящимъ беззаконіе, зане яко трава скоро изсушатъ и яко зеліе злака скоро отпадутъ.* До времени терпитъ ихъ Господь, до времени дозволяетъ имъ быть счастливыми. Онъ точенъ въ правдѣ своей; а нѣтъ нечестивца, въ которомъ не было бы чего либо добраго. Потому за малое добро Господь платитъ нечестивому малымъ земнымъ по-

коемъ. Если нечестивый избѣгаетъ суда правды человѣческой, если не тревожить его до гроба и судъ Божій. Развязка всему—не на землѣ, полное оправданіе судьбамъ Божіимъ—въ вѣчности. Правда Божія откроется во всей силѣ своей—въ другомъ кругу бытія. Тамъ нечестивымъ заплатятъ за все ихъ нечестіе.

Братія мои! не жаловаться должны мы на свою долю, а—благодарить за нее Господа. Чѣмъ бы ни посѣтилъ насъ Царь небесный, какими бы путями ни повелъ насъ въ жизни нашей: Онъ всегда ведетъ насъ къ нашему вѣчному спасенію. Наше дѣло благоговѣть къ Его волѣ и твердо помнить, что „всякому имѣющему дастся и пріумножится, а у неимѣющаго возмется и то, что имѣетъ“ (Матѳ. XXV, 29). Аминь.

1857 г.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТДѢЛЕНІЕ III.

СЛОВА

НА ПРАЗДНИКИ БОГОРОДИЦЫ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Сколько похвалъ, сколько дней празденственныхъ посвящаетъ православная церковь рождшейся нынѣ Дѣвѣ Маріи! Нынѣ духовно торжествуемъ мы рожденіе Ея. Потомъ прославляется день введенія Ея во храмъ, день Благовѣщенія, день Успенія. Каждый день церковь величаетъ Ее, какъ честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую Серафимъ.

Если примѣръ нѣкоторыхъ, называющихъ себя христіанами, но не слѣдующихъ православной церкви въ прославленіи Матери Божіей, возбуждаетъ въ иныхъ по временамъ недоумѣніе о святости правила православной церкви: это не дивно. Къ чему не располагаетъ примѣръ другихъ? Но надобно же узнать правду, чтобы не колебаться въ любви къ правдѣ. Пусть будутъ свѣтильникомъ нашимъ слова Самой пресвятой Дѣвы: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.*

Праведная Елисавета, при встрѣчѣ съ Маріею, исполнившись Духа святаго, называетъ Марію Матерью Господа. И Марія, прославляя Господа, прославляющаго Ее, говоритъ: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* Что значатъ сіи слова Маріи? Простой ли это восторгъ души? Догадка ли это разума? Или же, истинное пророчество? Послѣ того, какъ евангелистъ о состояніи праведной Елисаветы прямо сказалъ: *исполнися Духа свята Елисаветъ,*—не естественно предполагать, что послѣдующая пѣснь Дѣвы Маріи, если бы она и не была особенною по содержанію своему, была только плодомъ естественнаго чувства радости. Евангелистъ не сказалъ: *исполнися Духа свята Марія*, только потому что Марія еще прежде названа благодатною, уже прежде пріосѣнена была Духомъ святымъ, тогда какъ Елисавета только при встрѣчѣ съ Матерію Сына Божія исполнилась Духа святаго. И безъ словъ евангелиста легко видѣть, что слова св. Маріи: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди*, были не догадка разума. Что сказала предъ тѣмъ Марія? *Призрѣ на смиреніе рабы Своея.* Итакъ Марія видитъ Себя только рабою, говоритъ только о смиреніи своемъ предъ Господомъ. Какъ же при

такомъ глубокомъ чувствѣ смиренія могло быть въ той же Маріи гаданіе разума о славѣ своей. Это значило бы, что въ одно и то же время, въ одной и той же душѣ, говорятъ смиреніе и гордость, самоуничиженіе глубокое и самое мечтательное тщеславіе. Согласитесь, что это совсѣмъ несовмѣстимо въ душѣ, сколько нибудь внимательной къ себѣ, тѣмъ болѣе въ благодатной Дѣвѣ Маріи. И на чемъ было основывать Маріи догадку о будущей всемірной славѣ Своей? На томъ ли, что Она была отъ роду царей? Но слава рода Давидова давно кончилась, Марія была уже въ числѣ самыхъ незнаемыхъ дщерей израиля. Гадать такой Дѣвѣ о всемірной славѣ своей слишкомъ не естественно. Не основалась ли догадка о будущей славѣ на томъ, что Дѣвѣ Маріи предсказано о Ея назначеніи быть Матерію Мессіи? Но, если Марія помышляла о семъ не подъ вліяніемъ Духа Божія, а только по духу своего времени, и только гадала объ *устроеніи царствія израилева* (Дѣян. I, 6): то, въ семъ духѣ, съ чего могла Она ожидать Себѣ всемірной славы? Благословенна память Авраама, отца вѣрующихъ; славно имя Давида, царя израилева; а имена матерей ихъ извѣстны ли кому нибудь? Нѣтъ. Итакъ несомнѣнно, что не отъ собственнаго разума и сердца возникла въ смиренной Маріи мысль о будущей славѣ Ея. Духъ святый открылъ Ей будущее и, по Его движенію, Она изрекла о жребіи, ожидавшемъ Ее во вселенской церкви Христовой. Если же такъ, если по вдохновенію Духа Божія изречены слова о будущей славѣ Дѣвы Маріи: то чью волю исполняютъ ублажающіе пресвятую Дѣву Марію?—Волю Духа Божія. Кому не повинуются тѣ, которые отрекаются чтить св. Дѣву Марію? Не повинуются Духу Божію.

Да, если іудей не ублажаетъ Матери Господа моего: это понятно,—онъ не вѣруетъ въ евангеліе, онъ не знаетъ Духа, глаголавшаго въ евангеліи. Но, если христіанинъ не чтитъ благословенной: не знаю, какъ назвать его? Грустно, больно, тяжело видѣть такого христіанина!

Отнынѣ ублажатъ Мя вси роди. Кого?—*Ту, отъ Нея же родися Іисусъ глаголемый Христосъ* (Матѳ. I, 16). Іисусъ не простой человѣкъ, но Богочеловѣкъ. По ученію евангельскому, въ вочеловѣченіи Сына Божія, человѣчество соединилось съ личностію Сына Божія, соединилось подобно тому, какъ въ насъ душа и тѣло соединены въ одну личность. Человѣчество чистое, безгрѣшное, соединилось въ утробѣ Дѣвы Маріи съ Божествомъ истиннымъ. *Господь съ Тобою* сказалъ ангелъ Маріи, *Господь съ Тобою*—не только благодатнымъ присутствіемъ, но и существеннымъ въ Тебѣ вочеловѣченіемъ. *Велія благочестія тайна, Богъ явися во плоти* (1 Тимоѳ. III, 16). Нѣтъ чести, и нельзя представить себѣ чести выше той,

какой удостоилась Она—Матерь Богочеловѣка. Тотъ, Кого Отецъ родилъ прежде вѣкъ, Единосущный Сынъ вѣчнаго Отца, Творца видимаго и невидимаго,—Онъ пріялъ во чревѣ Маріи человѣческое естество. Изумительно снисхожденіе Сына Божія! Чудно, несравненно величіе Дѣвы Маріи! Истинно, Она честнѣйшая Херувимъ и безъ сравненія славнѣйшая Серафимъ!

Отнынѣ ублажатъ Мя вси роди. И какъ не ублажать Ее всѣмъ родамъ, когда *вси роди* спасены Сыномъ Ея? Для чего Сынъ Отца вѣчнаго сталъ Сыномъ Ея? Для того чтобы обновить силою Божества растлѣнное грѣхомъ естество человѣческое;—для того, чтобы спасти человѣка отъ грознаго проклятія правды, тяготѣвшаго надъ человѣчествомъ;—для того, чтобы принесть Отцу вѣчности вольную смерть Богочеловѣка въ жертву за неповиновеніе человѣковъ. Марія—Богоизбранное орудіе спасенія людей,—орудіе, вѣчнымъ совѣтомъ Божіимъ назначенное для дѣла Божія.

Если Дѣва Марія удостоена высочайшаго избранія Божія быть Матеріею Сына Божія и Спасителя міра: почему это сдѣлано? По особенной благодати Божіей? Не спорю: это точно особенная благодать. Но благодать Божія можетъ ли быть въ противорѣчіи съ правдою Божіею? Такъ, если Дѣва Марія, по благодати Божіей, удостоенна высочайшаго избранія: то, безъ сомнѣнія, и безъ противорѣчія правдѣ Божіей. Превыше всѣхъ вознесена Она избраніемъ, но потому, что выше всѣхъ была достойною избранія. Не пристанетъ корабль съ сокровищами къ берегу, если берегъ не имѣетъ пристани. И тайна небесная возвратилась бы на небо, если бы Дѣва Марія не была достойною принятія сей тайны. Спаситель явился не прежде, какъ явилась Богоизбранная Марія. Думаете ли, что одно съ другимъ не имѣло никакой связи и соотношенія? Въ дѣлахъ человѣческихъ обыкновенное дѣло—безсвязность дѣлъ; но не въ путяхъ Божіихъ. Не требовалось ли слишкомъ многаго, чтобы изъ среды людей грѣшныхъ явилось достойное вмѣстилище Бога-Слова? Не надлежало ли быть тому, чтобы человѣчество прошло долгій рядъ очищенія и освященія въ сонмѣ патріарховъ и всѣхъ святыхъ мужей ветхаго завѣта, пока могло явиться наконецъ въ Маріи на той степени чистоты и совершенства, на коей могло сдѣлаться вмѣстилищемъ Божества? Такъ, рожденіемъ Маріи разрѣшилось неплодство не только Іоакима и Анны, но всего рода человѣческаго. Марія—чистѣйшаго Агница среди чистыхъ агнцевъ Божіихъ,—мужей и женъ святыхъ.

Како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?—говорила Марія возвѣщавшему Ей о рожденіи отъ Нея Сына. Если не знаетъ она мужа, хотя и была уже обручена съ мужемъ; если не знаетъ мужа до

того, что не считаетъ возможнымъ рожденіе сына: то ясно, что это—Дѣва, обрекшая Себя въ невѣсту Единому Господу. Марія, по Ея собственному сознанію, чистая Дѣва,—Дѣва, посвятившая дѣвство Свое Господу. *Духъ Святый найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя,* говорилъ небесный вѣстникъ Маріи. И такъ, и по свидѣтельству ангела, Марія—чистая Дѣва. По откровенію вѣстника Божія, рожденіе Маріино—рожденіе безпримѣрное, единственное, рожденіе женою безъ мужа, рожденіе по дѣйствію Духа Божія. Возблаговѣемъ предъ Дѣвою безпримѣрною, возблаговѣемъ предъ тайною Духа Божія.

Указываютъ на то, что евангелисты мало говорятъ намъ о Маріи. Можно ли сказать что нибудь выше того, что говоритъ о Дѣвѣ Маріи благовѣствующій ангелъ? Онъ указываетъ въ Ней ангельскую чистоту и непорочность; онъ говоритъ о Ней, какъ о сосудѣ Духа Божія, какъ о Дѣвѣ—Матери Сына Божія. Если евангелисты говорятъ о св. Дѣвѣ, какъ о исполненной самаго глубокаго смиренія: то не говорятъ ли они тѣмъ самымъ, что вся слава дщери Царевой внутрь, что величіе Ея духа тѣмъ особенно велико, что оно скрывалось въ глубинѣ духа? *Яко призрѣ на смиреніе рабы Своея* свидѣтельствуетъ Марія предъ лицемъ Божіимъ, въ состояніи вдохновенія Божія. И съ этимъ согласна вся евангельская жизнь Ея. Она не искала дѣлить славу Сына Своего, когда народъ славилъ Его за чудеса, когда встрѣчалъ Его съ восклицаніями восторга: *Осанна Сыну Давидову!* Когда же ослѣпленные безславятъ Сына Маріи, кричатъ: *неистовъ естъ;* тогда видимъ съ Іисусомъ и Матерь Его (Макр. III, 21. 31). Она же стоитъ при крестѣ Его предъ лицемъ ожесточенныхъ враговъ Его, стоитъ тогда, какъ самые близкіе ученики Его оставили Его. Не путь ли это къ славѣ небесной? Не болѣе ли говорятъ молчаніемъ своимъ евангелисты о высокихъ качествахъ Дѣвы-Матери, чѣмъ могли сказать словами? Въ молчаніи *соблюдала* Она *вся глаголы* Сына Своего, Сына Божія (Лук. II, 19). Прежде нежели чудесами *явилъ* Онъ *славу Свою и вѣроваша въ Него ученицы Его* (Іоан. II, 11), Она уже столько вѣровала въ чудодѣйственную силу Его, что убѣдила Его совершить первое чудо въ Канѣ Галилейской. Такъ, ранѣе другихъ и совершеннѣе другихъ вѣровала въ Него Матерь Божія и знала Его,—и однако оставалась съ своимъ глубокимъ смиреніемъ мало замѣтною. Какое необыкновенное величіе смиренія!

Блаженно чрево, носившее Тя и сосца, яже есми ссалъ (Лук. XI, 27), воскликнула въ восторгѣ духа жена, усладившаяся бесѣдою Христовою. Что это значитъ? Ясная хвала Матери Іисуса Христа, и хвала, замѣченная евангелистами! Конечно, никто не ска-

жетъ, что слова жены, слушавшей Спасителя, не плодъ благочестиваго сердца; никто не скажетъ и того, что эти слова не имѣютъ значенія назидательнаго въ повѣствованіи евангелиста. Напротивъ, соображая слова жены благоговѣйной съ пророческимъ изреченіемъ Дѣвы Маріи о будущей славѣ Ея, видимъ въ этихъ словахъ начало исполненія словъ пророчественныхъ о всемірной славѣ Маріи.

Итакъ, евангелисты не скрыли ни высокихъ свойствъ, ни славы святой Маріи. Они по отношенію къ Матери Сына Божія, въ точности исполнили волю Божію о Ней. Если Сынъ Божій считалъ нужнымъ, чтобы до прославленія въ Немъ человѣчества небесною славою не говорили о славѣ Его на землѣ: тѣмъ болѣе тому надлежало быть и по отношенію къ Матери Сына Божія.

По преселеніи съ земли на небо, естественно исполниться во всей полнотѣ пророческому слову Маріи: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* Теперь, какъ не ублажать Ея, когда, пребывая въ славѣ Сына Своего, Она ходатайствуетъ за насъ, какъ Матерь всѣхъ вѣрующихъ въ Сына Ея? Она любитъ насъ, какъ братій во Адамѣ, какъ дѣтей въ Сынѣ Ея—Іисусѣ Христѣ. Она ходатайствуетъ о насъ предъ Сыномъ по праву Матери, молитъ Отца небеснаго по праву любви Своей и Его къ бѣднымъ странникамъ земли. Сынъ любитъ Ее, какъ Мать. Онъ показалъ Ей любовь Свою и на землѣ, когда въ самыхъ болѣзняхъ крестной смерти заботился о Ней и сказалъ возлюбленному ученику: *Се Мати твоя* (Іоан. XIX, 27); Онъ исполняетъ прошенія Ея—какъ Матери, Коей повиновался и во дняхъ плоти (Лук. II, 51). Какъ же не быть Ей сильной ходатайницею за грѣшныхъ на небѣ? Если ангелы молятся за насъ, и молитвою преклоняютъ Господа ко услышанію нашихъ молитвъ: то какъ ходатайству Матери Сына Божія не быть услышану предъ престоломъ Божіимъ? О, какъ несомнѣнно ходатайство Ея за насъ! Кто прибѣгалъ къ Ней, и не былъ услышанъ? Кто не испыталъ на себѣ милостей Ея? Сколько знаменій Ея помощи небесной! Сколько иконъ,—орудій чудесъ Ея! Нѣтъ града, нѣтъ веси въ православномъ отечествѣ нашемъ, гдѣ бы не славились благодѣянія Ея, гдѣ бы въ честь Ея не были воздвигнуты храмы. Въ глубинѣ сѣвера, среди льдовъ, согрѣваетъ Она вѣру благодѣяніями Своими; каждый день вѣра испытываетъ на себѣ помощь Ея, тамъ или здѣсь, явно или тайно, въ кругу семейномъ и въ глубинѣ уединенной души.

Обратимся убо къ Матери нашей съ вѣрою теплою, съ надеждою дѣтскою. Матерь Божія—Матерь всѣхъ уповающихъ на Тя! На Тебя уповаемъ мы, немощныя чада православія,—не оста-

ви насъ во дняхъ скорбей нашихъ, спаси сильнымъ предстательствомъ Твоимъ.—Аминь.

1846 г.

СЛОВО НА ДЕНЬ ВВЕДЕНІЯ БОГОМАТЕРИ ВО ХРАМЪ.

Поучительный примѣръ представляетъ намъ нынѣ св. церковь. Праведные Іоакимъ и Анна приводятъ единственную Дщерь свою въ храмъ, и посвящаютъ Господу. То что было для нихъ всего дороже, отдаютъ Господу. Юное, единственное дитя, котораго едва дождались во дняхъ старости своей отнимаютъ у себя самихъ, отторгаютъ отъ объятій своихъ. Они хотятъ, чтобы воспиталось оно благочестіемъ предъ лицемъ Божіимъ,—и, ни возрастъ трехлѣтней дочери, ни то, что это была одна, долго ожиданная дочь ихъ, не останавливаетъ рѣшимости ихъ. Они увѣрены, что въ храмѣ Божіемъ, въ семъ мѣстѣ присутствія Божія, юная отрасль ихъ возрастетъ какъ нельзя лучше, и по душѣ и по тѣлу, процвѣтетъ какъ маслина, орошаемая влагою слышанія закона Господня согрѣваемая теплотою молитвеннаго возношенія къ Богу. И—вѣка знаютъ, какъ величественно исполнились надежды ихъ!

Отцы и матери! примѣръ сей не учитъ ли васъ вашимъ обязанностямъ къ дѣтямъ? Не показываетъ ли, какъ вамъ надобно быть внимательными къ своему званію? Вмѣстѣ съ вами желаю размыслить о вашихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ.

Сама природа говоритъ отцу и матери, что ихъ долгъ не тѣмъ только ограничивается, чтобы рождать дѣтей,—но имъ надобно кормить и пристроить дѣтей по состоянію. Того, кто отказалъ бы въ пищѣ своему птенцу, общее чувство считаетъ ниже звѣря: и лютая львица кормитъ своего львенка, и птенцы хищнаго коршуна не бросаются безъ призора, пока не будутъ въ состояніи летать и находить себѣ пищу. Ужели между людьми могутъ встрѣчаться отцы и матери, которые бросали бы дѣтище свое на волю судьбы, отвергнувъ отъ своего призора?

Сердце содрогается, когда подумаемъ, что есть дѣти, брошенныя безъ крова, безъ пищи. Но—дѣло еще не въ томъ, что юное тѣло обречено страданіямъ. Далеко болѣе важно, что души гибнутъ гладомъ. Далеко болѣе страшно, когда вовсе не заботятся о сохра-

неніи души дѣтей своихъ, оставляютъ ее въ жертву погибели, даже сами содѣйствуютъ погибели. И знаете ли, что особенно ужасно? Дѣтей, которыхъ души, хотя и не тѣла, обрекаются погибели, такъ много встрѣчаемъ, что трудно составить имъ исчисленіе.

А какъ дорогъ выкупъ за душу? Она—дыханіе Божіе. Для нея Самъ Сынъ Божій нисходилъ на землю; ей принесъ свѣтъ истины; для нея страдалъ, былъ распятъ, и умеръ въ мукахъ. Чѣмъ же платить будутъ тамъ на судѣ—на судѣ страшномъ, если по легкомыслію, по разсѣянности безпечной, по нерадѣнію крайнему, не только ничего не дѣлали для спасенія юныхъ душъ, но были виною гибели ихъ?

Съ какою нѣжностію Спаситель принималъ къ Себѣ дѣтей! *Оставите* ихъ *приходити ко Мнѣ, и не браните имъ: таковыхъ бо есть царствіе Божіе* (Лук. XVIII, 16). Въ купели крещенія души младенческія посвящаются Господу: а вы, отцы и матери, самымъ именемъ своимъ обязываетесь хранить и возвращать ихъ для Господа. Дѣлаете ли вы это? Апостолъ говоритъ: *спасется жена чадородія ради:* т. е., если рожденные ею, по ея заботливости, возрастутъ въ вѣрѣ и любви къ Господу (1 Тим. II, 15). Слѣдовательно, спасенія ли можетъ ожидать себѣ жена, когда она не знаетъ и не хочетъ знать, что такое рожденіе духовное?

Что же надобно дѣлать для спасенія юныхъ душъ?

Что дѣлаетъ искусный садовникъ съ молодымъ деревцомъ? Поливаетъ, очищаетъ, оберегаетъ. Дѣлайте и вы тоже съ юною душею.

Да накажеши ими (заповѣдями) *сыны твоя, и да возлаголеши о нихъ сѣдяй въ дому, и идый путемъ, и лежа, и востая* (Втор. VI, 7). Вотъ что заповѣдалъ Самъ Господь родителямъ! Учить дѣтей заповѣдямъ Божіимъ—вотъ самый важный долгъ родителей! Выше, нужнѣе, питательнѣе вѣры нѣтъ ничего на свѣтѣ. Всѣ другія знанія имѣютъ цѣну относительную временную, касаясь нуждъ души неважныхъ и случайныхъ: но съ вѣрою душа должна жить вѣчно. Вѣра—живой источникъ спокойствія, счастія заслугъ для времени и вѣчности. Безъ вѣры душѣ жить нельзя; безъ нея въ душѣ мракъ, порча, разстройство, и жизнь ея—мука. Вѣра съ первымъ движеніемъ души обнаруживаетъ права свои на душу и этихъ правъ, хотя бы хотѣли, не могутъ отвергнуть,—душа сама ихъ освящаетъ. И, послѣ дѣтскаго возраста нѣтъ, другаго болѣе способнаго и готоваго принимать отъ родителей и наставниковъ благотворныя сѣмена вѣры. Какъ страшно вамъ будетъ, безпечные родители, отвѣчать за дѣтей вашихъ! Лишивъ ихъ въ юности спасительныхъ сѣмянъ вѣры, которыя такъ легко и такъ глубоко могли бы пустить корни въ нѣжныхъ сердцахъ ихъ, вы пускае-

те ихъ въ свѣтъ съ пустотою,—и грѣшный свѣтъ свободною рукою наполняетъ эту пустоту соблазнами, пороками, заблужденіями самыми дикими. Не будутъ ли послѣ того ваши собственныя дѣти вопіять на васъ предъ судомъ Божіимъ? Да, онѣ будутъ обвинять васъ, какъ самыхъ жестокихъ враговъ своихъ.

Да возглаголеши о нихъ сѣдяй въ дому, и идый путемъ и лежа, и востая. Такъ важны для души заповѣди Господни, что о нихъ надобно говорить очень часто. Но не слишкомъ ли часто требуется говорить о нихъ? Когда же обучатъ дѣтей другимъ предметамъ? Слушатели мои! я не знаю, разумѣлъ ли Моусей всѣ тѣ предметы, которымъ многіе обучаютъ дѣтей своихъ? Но не сомнѣваюсь, что для предметовъ, совмѣстныхъ съ заповѣдями Божіими, онъ оставилъ такъ много времени, что не можете жаловаться.

Предлагаемый имъ способъ преподаванія и изученія вѣры, удивительно, какъ удобенъ по всему! Учить вѣрѣ, по наставленію Моусея, не то означаетъ, чтобы заставить дитя выучить памятію десятословіе или члены символа вѣры. Нѣтъ, надобно говорить съ дитятею о вѣрѣ, какъ о предметѣ ежедневной жизни, какъ о предметѣ, который нуженъ на каждомъ шагу, и который нужно изучать на каждомъ шагу: *и идый путемъ, и лежа, и востая.* Надобно только умѣть это дѣлать, а умѣть не трудно, потому что говорить о вѣрѣ не трудно. Показывайте дитяти, что грѣхъ дѣйствительно вреднѣе всего на свѣтѣ, что любить Отца небеснаго также нужно, также сладко, какъ любить мать, какъ любить отца, которыхъ дитя видитъ. Говорите дитяти, что все мы получаемъ отъ Отца небеснаго, что безъ Его любви къ намъ не было бы у насъ ни пищи, ни питья, ни одежды, ни цвѣтовъ, что Онъ все видитъ, все слышитъ, все знаетъ, даже мысли и намѣренія наши; что Онъ любитъ только добрыхъ, и наказываетъ за худое; что любовь Его велика къ намъ, такъ велика, что Онъ Сына Своего Единороднаго послалъ съ неба на землю для спасенія нашего, и Сей Сынъ за наши грѣхи распялся на крестѣ, чтобы мы видѣли, какъ грѣхъ низводитъ на себя гнѣвъ Божій. Если бы такъ говорили съ дитятею: такой языкъ, такой разговоръ, безъ сомнѣнія, былъ бы понятенъ ему. Оно слушало бы васъ со вниманіемъ, само спрашивало бы васъ о томъ и другомъ предметѣ съ открытою душею. Вопросы о вѣрѣ—основные вопросы въ отношеніи къ цѣлому міру; рѣшая ихъ, рѣшаютъ или побуждаютъ рѣшать вопросы объ окружающемъ мірѣ. Поелику же нѣтъ ничего выше и животворнѣе предметовъ вѣры: то, питая юную душу вѣрою, облагороживали бы ее, какъ нельзя болѣе, разширяли бы силы ея для труда, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ остается безуспѣшнымъ всякое человѣческое уси-

ліе.—Такъ—вы можете запрещать угрозами дѣлать худое; но думать о худомъ, желать худаго запрещала бы дитяти мысль вѣры о Всевѣдущемъ Судіѣ сердецъ.

О, если бы такъ бесѣдовали съ дѣтьми отцы и матери! Но такъ ли бесѣдуютъ? О томъ ли говорятъ съ ними? Нѣтъ, не о Тебѣ, о Боже сердецъ нашихъ, не о Тебѣ говорятъ въ семействахъ; другими предметами занимаютъ юныя души, столько дорогія для Тебя; тысячи предметовъ, милліоны предметовъ разговора; не говорятъ только о душѣ и Богѣ! О имени Іисуса въ иныхъ домахъ едва ли когда и слышали; не слышали о Томъ поклоняемомъ имени, которое дѣти должны бы были имѣть во устахъ, какъ скоро лепетать начинаютъ. Къ чему же готовятъ себя и дѣтей эти люди? А еще жалуются, что дѣти не знаютъ ничего существенно-добраго, не занимаются и не хотятъ заниматься дѣльнымъ, лѣнивы и непокорны, капризны и непочтительны. Какъ же быть имъ иными?

Иже щадитъ жезлъ, ненавидитъ сына своего: любяй же наказуетъ прилѣжно (Притч. XIII, 25). *Язвы и обличенія даютъ мудрость* (Притч. XXIX, 15). Такъ говоритъ древній мудрецъ. Наказанія, говорятъ—жестокость. Не спорю и, слѣдуя древнему мудрецу, оставляю на волю ненавидѣть дѣтей. Что? это еще жестче? Безъ сомнѣнія. Послушайте же, други мои. Если есть болѣзнь: то нужно и врачевство, сообразное съ болѣзнію. А наша бѣда въ томъ, что всѣ мы больны и болѣзни обнаруживаются въ насъ еще въ дѣтствѣ. Разность между нами въ томъ, что, если лѣчатъ насъ, бываемъ здоровѣе; не лѣчатъ,—болѣзнь застарѣваетъ. Наказанія необходимы, какъ лѣкарство противъ зла, когда въ питомцѣ чувственность беретъ верхъ, или своеволіе самолюбія выходитъ изъ предѣловъ естественной немощи. Напрасно мечтаютъ иные, что любовь ихъ возведена на высшую степень, если ни въ какомъ случаѣ не дозволяютъ себѣ мѣръ благоразумной строгости. Тутъ видна не полнота любви, а отсутствіе разумной любви къ человѣчеству. Тутъ видно только то, что не знаютъ ни благихъ плодовъ той крѣпкой любви, которая любя наказываетъ, ни гибельныхъ слѣдствій той слабой любви, которая, отвергая всякое наказаніе, даетъ просторъ всякому злу. „Онъ еще молодъ, онъ еще ребенокъ, говорятъ; съ лѣтами будетъ умнѣе“. Правда, дѣти съ лѣтами становятся смышленнѣе; но худыя наклонности, худыя привычки, если не укротятъ ихъ въ самомъ началѣ, не только не ослабляются съ лѣтами, но растутъ и становятся сильнѣе. Угодно ли тебѣ, нѣжная мать, чтобы нѣжно любимый сынъ, который теперь такъ воленъ, въ послѣдствіи обращался съ тобою, какъ съ послѣднею служанкою? Будетъ, непремѣнно будетъ онъ таковъ, если не станешь вразумлять

его строгостію, какъ требуютъ поступки его. Ты еще не вѣришь? Потрудись посѣтить смирительный домъ; тамъ увидишь опыты; тамъ услышишь жалобы—въ родѣ слѣдующей: „если бы отецъ и мать наказали меня за первое худое дѣло, я не былъ бы теперь такимъ негодяемъ предъ Богомъ и предъ людьми“.

Впрочемъ, да не подумаютъ, что древній мудрецъ требуетъ, чтобы для исправленія виновныхъ дѣтей обращались къ гнѣву, запальчивости, брани. Онъ требуетъ обличеній для того, чтобы пріобрѣталась мудрость, а не для того, чтобы сѣяли неразуміе. Будьте строги, но спокойны духомъ, будьте тверды, но съ твердостію любви; будьте внимательны, но къ тому, чтобы доброе свободно росло въ юныхъ сердцахъ: пусть онѣ видятъ, что вы обращаетесь къ горькому лѣкарству только по нуждѣ, и изъ любви къ долгу. Иначе, дѣти будутъ бояться побоевъ, но не пороковъ; иначе пороки ихъ, подъ вліяніемъ несправедливости вашей, будутъ тайно умножаться и расти.

Вашъ примѣръ, отцы и матери, ваше поведеніе сильнѣе словъ и наставленій дѣйствуютъ на юныя сердца. Если худъ примѣръ: не ждите плода отъ наставленій; примѣръ все погубитъ. Неопытное дитя идетъ по слѣдамъ своихъ воспитателей; въ немъ болѣе, чѣмъ въ зрѣломъ человѣкѣ, замѣчается охота и способность подмѣчать все, что вы дѣлаете, и обращать въ правило для себя. Таково свойство души, въ которой еще не развита дѣятельность мысли, а дѣйствуютъ память и наблюдательность чувственная. Не говорите ребенку неправды, и онъ будетъ стыдиться лжи. Если упрекаете его за рѣзкость укоризнъ и жосткость словъ, а сами за минуту предъ тѣмъ дѣлали выговоръ грубый: то вы бьете воздухъ. Вы учите сына страху Божію, а сами клянетесь безъ нужды, или съ забвеніемъ Бога правды: повѣрьте, наставленіе ваше пропадетъ безъ плода. Вы говорите сыну, что надобно молить и благодарить Господа, а сами вмѣсто храма идете туда, гдѣ вовсе не думаютъ о Богѣ, гдѣ безчестятъ Его дѣлами: что вы дѣлаете? Вы убиваете вѣру въ сынѣ. Добрая мать! ты учишь дочь твою скромности, стыдливости, чистотѣ, и при ней же осуждаешь знакомыхъ тебѣ, тревожишь языкомъ честь и покой едва извѣстныхъ тебѣ, говоришь о томъ, о чемъ и на-единѣ надобно только плакать: понимаешь ли ты, что ты дѣлаешь? Нѣтъ, если вы хотите, чтобы дѣти ваши любили добро, показывайте дѣлами, что добро достойно любви, а порокъ то же, что язва. Пусть жизнь ваша будетъ хвалою Господу и любовію къ человѣчеству: тогда и ваши дѣти будутъ жить для славы Божіей и для пользы людей. Какъ необходимо для васъ, родители, быть благочестивыми! Гнѣвъ и благословеніе Божіе перехо-

дятъ отъ васъ къ дѣтямъ и внукамъ. Отчего это? Какъ это? Очень просто. Худой примѣръ вашъ научаетъ худому дѣтей вашихъ и—худыя привычки, худыя расположенія, достаются по наслѣдству дѣтямъ вашимъ. Дикое дерево даетъ ли плоды вкусные?

Боже Благій и Всемогущій! Молитвами Преблагословенной Дѣвы Богоматери подай сердцамъ нашимъ свѣтъ и силу да творимъ волю Твою святую. Аминь.

1843.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Въ мѣсяцъ шестый, послѣ того какъ праведная Елисавета, по благовѣстію архангела, зачала сына—Іоанна, *посланъ бысть ангелъ Гавріилъ отъ Бога во градъ галилейскій, ему же имя Назаретъ*. Небесный посланникъ, явясь къ обрученной Дѣвѣ Маріи, привѣтствовалъ Ее: *радуйся благодатная; Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ*. Необыкновенное привѣтствіе смутило ту, которая ничего великаго въ себѣ не видѣла, ничего особеннаго для себя не ожидала. *Она же видѣвши смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе*,—размышляла, недоумѣвая, что это за привѣтствіе? Тогда небесный посланникъ, исполняя порученіе и, успокоивая смиренную Марію, возвѣщаетъ ей, что Она родитъ Сына, которому наречетъ имя Іисусъ. *И се зачнеши во чревѣ, и родиши Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ* (Лук. I, 27—31).

Предметъ настоящаго празднества, братія,—благовѣстіе о рожденіи Маріею Сына, Ему же имя Іисусъ. Итакъ, прилично дню празднества размышленіе о словахъ благовѣстника: *и наречеши имя Ему Іисусъ*.

Если есть свѣтъ чистый для омраченнаго странника земли, если есть сила для истощенной грѣхами воли его, если есть надежда на радости въ вѣчности и въ странѣ скорбей: то все это заключается въ томъ имени, о которомъ возвѣщаетъ ангелъ.

И наречеши Ему имя Іисусъ. Наименованіе имени, по первоначальному значенію имени, не должно быть дѣломъ произвола; имя должно выражать свойства предмета, которому дается оно. Такъ нарекалъ имена первый невинный человѣкъ, въ которомъ все происходило по закону совершенства, мысль выражалась въ точномъ,

соотвѣтственномъ ей словѣ, слово вполнѣ соотвѣтствовало мысли. Только грѣхомъ нарушился такой порядокъ; грѣхъ ослабилъ въ человѣкѣ способность познавать внутреннія свойства предметовъ, и тѣмъ лишилъ его возможности нарекать имена, соотвѣтствующія сущности предметовъ. Но, чего самъ не можетъ болѣе человѣкъ, то совершаетъ Духъ благодати, наставляющій на всякую истину; сей Духъ нарекалъ знаменитымъ лицамъ царства Божія имена, открывающія людямъ особенное значеніе, особенныя свойства сихъ лицъ. Такъ безъ сомнѣнія, и въ настоящемъ случаѣ, когда самимъ Богомъ назначено имя Сыну Маріи.

Что это за имя, которое наречетъ Марія въ исполненіе воли Божіей, и которое должно открыть людямъ свойства Сына Ея?

Евангелистъ писалъ евангеліе для тѣхъ, которымъ извѣстенъ былъ языкъ греческій, и потому писалъ на греческомъ. Ангелъ благовѣствовалъ Маріи, рожденной отъ дому Давидова, конечно, словами того языка, на которомъ говорили потомки дома Давидова. Такимъ образомъ, это приводитъ къ той мысли, что значеніе слова—Іисусъ надобно искать въ языкѣ еврейскомъ. И въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ только открыть ветхій завѣтъ, и мы увидимъ тамъ довольно лицъ съ именемъ: Іисусъ. Такъ—извѣстенъ Іисусъ, сынъ Нуна, помощникъ и преемникъ Моисея (Исх. XVII, 9. XXIV, 13. Числ. XIII, 16). Извѣстенъ Іисусъ первосвященникъ, сынъ Іоседека (Зах. III, 1, Агг. I, 1. 12). Не говоримъ о другихъ (Неем. VIII, 17. VII, 7. 1 Цар. VI, 14. 18. 4 Цар. XXIII, 8). Итакъ Маріи рожденной отъ дому Давидова, извѣстно было слово языка, на которомъ говорилъ Давидъ. А для насъ? Намъ нужно испытать значеніе, если можемъ испытать, или же, положиться безъ испытанія не знающихъ. По греческому произношенію *Іисусъ*, по еврейскому *Іегошуа*, сокращенно *Іешуа*, означаетъ спасающаго, или просто—*Спасителя*.

Представимъ объясненіе болѣе, нежели человѣческое. Евангелистъ Матѳей повѣствуетъ, что, когда Іосифъ, обручникъ Маріи, замѣтивъ Марію, имѣющею во чревѣ, возмутился сомнѣніями, ангелъ Господень явился ему во снѣ съ успокоеніемъ, и говорилъ: *родитъ же Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ: Той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Матѳ. I, 18—21). Вотъ, и тоже имя и тому же лицу, о которомъ размышляемъ, и объясненіе имени—*и наречеши имя Ему Іисусъ*. Почему? *Той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ*. И кто же, открывая, объясняетъ имя? Ангелъ Господень. И еще? Евангелистъ Христовъ. Два свидѣтеля небесный и земной, или точнѣе, оба небесные. Сего довольно для вѣрности объясненія.

Если состояніе Іосифа было таково, что ему надобно было не

только открыть имя Сына Маріи, какъ открыто оно и Маріи, но надобно было объяснить и значеніе спасенія въ Сынѣ Маріи: то сколько должны мы благословлять Духа благодати, Который, врачуя немощь одного, врачуетъ немощи милліоновъ, притомъ болѣе немощныхъ, чѣмъ тотъ одинъ, праведный Іосифъ.

Итакъ тѣмъ болѣе нужно вниманія къ ученію благовѣстниковъ о значеніи имени *Іисусъ*.

Той бо спасетъ: это первое и существенное значеніе имени: *Іисусъ*. Но кого, и отъ чего спасетъ Тотъ, о Комъ благовѣствуетъ небесный посланникъ? Мы сказали, что довольно было лицъ съ именемъ Іисусъ; которые и дѣлами болѣе или менѣе соотвѣтствовали своему имени. Таковъ ли же Тотъ, о которомъ преподаются благовѣстія Маріи и Іосифу? О, нѣтъ! Онъ столько превосходитъ всѣхъ спасающихъ, что слабая мысль наша не въ состояніи вполнѣ обнять открываемое о Немъ ангеломъ. Много утѣшительнаго, много великаго и въ томъ, что Сынъ Маріи—Спасающій. Но, сколько свѣта, сколько силы, сколько утѣшенія въ томъ, кого и отъ чего спасетъ Онъ!

Той спасетъ люди своя. Народъ израильскій былъ по преимуществу народъ Божій; ему преимущественно даны были обѣтованія: для него прежде всего надлежало явиться Христу. И вотъ небесный вѣстникъ благовѣствуетъ о Сынѣ Маріи: *Той спасетъ люди своя*—израиля. Итакъ, *Іисусъ* есть Тотъ самый Спаситель, Котораго такъ давно ожидалъ израиль,—есть Тотъ самый, Котораго желали видѣть патріархи и не видѣли (Іоан. VIII, 56), о Которомъ столько величественнаго прорекли пророки, на Котораго надѣялись, на Котораго зрѣли издали всѣ ветхозавѣтные праведники (Дѣян. II, 8). *Той спасетъ люди своя*. Языкъ пророковъ, прорекая о Спасителѣ израиля, возвѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ о спасеніи всего міра. Мессія—*слава израиля*, вмѣстѣ и *свѣтъ во откровеніе языковъ*. *Людіе ходящіи во тмѣ* должны были увидѣть *свѣтъ велій*, и надъ живущими въ странѣ мрака мертвящаго надлежало возсіять животворному сіянію, когда родится Отроча (Исаій IX, 1. 2). Всѣмъ нуженъ былъ Спаситель, и для всѣхъ обѣщанъ Спаситель—*чаяніе языковъ* (Быт. XLIX, 10). Тѣмъ же языкомъ пророчественнымъ возвѣщалъ и вѣстникъ небесный: *Той спасетъ люди своя*. И нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ бы надлежало намъ спастись (Дѣян. IV, 12). Предъ именемъ Іисуса Христа должно поклониться всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ—исповѣдывать въ немъ славу Бога Отца (Фил. II, 10. 11).

Той спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ. Израиль, къ несчастію своему, въ самое время явленія Обѣщаннаго, терялъ изъ виду чи-

стыя понятія о Спасителѣ обѣщанномъ; люди обыкновенные, самая большая часть народа, ожидали избавленія только отъ бѣдствій временныхъ. Заботы о землѣ, объ удобствахъ земной жизни, ослабляютъ, погубляютъ въ душахъ святыя помышленія; онѣ оставили въ сердцахъ фарисейскихъ лишь мечты о временномъ счастіи, о временной славѣ, о политической независимости народа. Но не такимъ спасителемъ долженъ былъ явиться Спаситель міра, по пророчествамъ. И не такимъ является Онъ. *Той спасетъ люди своя отъ грѣхъ міръ.*

Іисусъ—Спаситель отъ бѣдствій духовныхъ,—отъ бѣдствій, которыя, начинаясь во времени, могутъ продолжаться цѣлую вѣчность. Какъ тяжки, какъ страшны сіи бѣдствія, и какъ онѣ разнообразны.

Братія! грѣхъ омрачилъ зрѣніе сердецъ нашихъ; предметовъ самыхъ необходимыхъ для вѣчной жизни нашей, то вовсе не видимъ мы, то видимъ въ полумракѣ, или въ превратномъ видѣ. На что открыты глаза наши? Чѣмъ полны мысли наши? Землею, прахомъ. Что-жъ будетъ съ нами, когда все земное кончится? Что за жизнь будетъ—жить цѣлую вѣчность во мракѣ? О, какая это ужасающая жизнь! Братія! во Іисусѣ Христѣ *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II, 3). *Той бысть намъ премудрость отъ Бога* (1 Кор. I, 30). Если не будемъ на Него взирать сердцами нашими, если отъ Него не будемъ просить свѣта, если Его ученіемъ не будемъ просвѣщать души наши, если въ Его законѣ не думаемъ поучаться день и нощь: вѣренъ Богъ—другаго просвѣтителя душъ, другаго свѣта Божія для насъ нѣтъ и быть не можетъ. Одинъ есть *Свѣтъ истинный, Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 9). Онъ возвѣстилъ о Себѣ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. XIV, 6). Будемъ зрѣть на Него неуклонно, будемъ содержать Его имя въ умѣ и сердцѣ непрестанно, да животворный свѣтъ Его просвѣщаетъ умы и сердца наши истиною.

Грѣхъ какъ нарушеніе вѣчнаго закона Божія, подвергаетъ насъ вѣчному осужденію. А кто скажетъ о себѣ, что не грѣшенъ? Если мы многихъ грѣховъ не сознаемъ на себѣ, если во многихъ случаяхъ не чувствуемъ, какъ тяжко грѣшимъ предъ Богомъ: то по той же причинѣ, почему иной больной вовсе не чувствуетъ, что онъ боленъ, хоть чрезвычайно опасно боленъ. *Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III, 23). *По естеству* мы *чада гнѣва*, какъ зачатые во грѣхѣ (Ефес. II, 3). Одно средство для насъ къ примиренію съ Богомъ; это имя Того, о Комъ благовѣствуетъ нынѣ архангелъ Дѣвѣ: *Той спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ.—Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I. 29). Никакіе подвиги наши, никакіе уставы внѣшніе, ни старые, ни новые, не спасутъ насъ

отъ вѣчнаго осужденія безъ теплой, пламенной вѣры въ Спасителя міра. *Аще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре* (Гал. II, 21). *Богъ во Христѣ міръ* примиряетъ *Себѣ, не вмѣняя намъ согрѣшенія нашихъ* (II Кор. V, 19). Тяжекъ грѣхъ для души нашей, язвительны укоризны совѣсти; никакія пожертвованія не мирятъ съ нами Бога, не равняясь тяжести оскорбленія, причиненнаго правдѣ Божіей. Сладчайшій Іисусе! Ты Единый промыслитель нашъ, Ты Единый Спаситель. Сила грѣха! Сколько не поражаешь ты меня каждую минуту: но я живу упованіемъ на сладчайшаго Іисуса. Обремененъ я неправдами и беззаконіями: но, пришелъ въ себя, иду ко Отцу съ правдою Сына Божія, а она достаточна для того, чтобы доставить всегда и для всѣхъ грѣховъ очищеніе (Евр. IX, 11—14). Молю Тебя, Твоею же безпредѣльною любовію умоляю Тебя, сладчайшій Іисусе, да сохранится до издыханія моего въ сердцѣ вѣра во всесильную силу искупительной жертвы Твоей! Апостолъ поучаетъ насъ: *чадца моя, пишу сія вамъ, да не согрѣшаете: и аще кто согрѣшитъ, Ходатая имамы ко Отцу Іисуса Христа праведника: и Той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и всего міра* (1 Іоан. II, 1. 2). Какъ не возсылать хвалы благодарной, какъ не покланяться, какъ не служить намъ, сладчайшему Іисусу во всѣ дни странствія нашего земнаго? Какъ не остерегаться грѣха, когда столько сдѣлано для насъ Іисусомъ для избавленія отъ грѣха?

Если тѣснятъ насъ бѣдствія временныя и колеблютъ духъ нашъ въ служеніи Богу сердецъ нашихъ: защита намъ—Тотъ же сладчайшій Іисусъ. Онъ Царь нашъ, съ тѣмъ, чтобы защищать и спасать вѣрующихъ въ Него отъ всѣхъ враговъ ихъ. Ему дана вся власть на небѣ и на землѣ.

Но тогда, какъ столько утѣшаетъ насъ великое имя сладчайшаго Іисуса: слышимъ, нѣкіе старые приносятъ на насъ жалобу благочестивому царю: „Господу нашему Іисусу Христу спасенное Его имя, нареченное отъ Бога ангеломъ, перемѣнили же“? И хотятъ думать, что они-то одни и спасаются именемъ спасеннымъ (челобит. соловецк. стр. 73).

Что это за жалоба? Какъ перемѣнили „спасенное имя“? Конечно разумѣютъ то, что мы говоримъ и пишемъ: *Іисусъ;* а жалующіеся говорятъ и пишутъ: *Ісусъ!*

Но, любитель старины, подумай съ смиреннымъ вниманіемъ, что значитъ: перемѣнить имя кому либо, или чему либо? Вотъ напр., когда святую церковь Христову, соблюдаемую благодатію святаго Духа, и соблюдающую силу благодати врученное ей сокровище вѣры, называютъ именами укорительными, хульными: согласись, что

въ такомъ случаѣ перемѣняютъ имя. И чему же перемѣняютъ? И кто перемѣняетъ? Рече Господь: *иже аще речетъ брату своему, рака: повиненъ есть сонмищу; а иже речетъ, уроде: повиненъ есть геенны огненныя* (Матѳ. V, 22). Вотъ и еще перемѣна имени. Осмотрись же боящійся Бога—любитель старины! Сообрази, то ли значитъ перемѣнять имя, о чемъ ты думаешь,—сообрази и то, что если такъ страшно перемѣнять имя лицу частному и обыкновенному: какъ же ужасно давать другое имя цѣлому собранію милліоновъ вѣрующихъ!

„Господу нашему Іисусу Христу спасенное Его имя перемѣнили же“? Предъ цѣлою церковію свидѣтельствовалъ и свидѣтельствую, что имя Господа моего есть имя единственнаго Спасителя міра, въ Комъ все утѣшеніе, все просвѣщеніе, всѣ надежды жизни моей вѣчной. Молю и буду молить Самого же Спасителя Господа моего, чтобы для Его же имени сохранилъ во мнѣ сію вѣру до гроба и за гробомъ. Желаю и надѣюсь, что тѣмъ же признаешь Его для души твоей и ты, любитель стараго. Ты и я вѣруемъ, должны вѣровать, что *Іисусъ* или *Іисусъ*, есть Искупитель нашъ, единственный Спаситель грѣшниковъ, Ходатай Бога и человѣковъ. Такъ, благодареніе Господу, вѣра въ Господа Спасителя у насъ одна. А если вѣра въ Него одна; изъ-за чего же ты не миролюбиво удаляешься отъ меня? За что твоя жалоба? За что жестокое негодованіе? За что укоризны?

Разность въ томъ, говоришь ты, что мы по старому говоримъ и пишемъ: *Іисусъ*, а вы говорите и пишите: *Іисусъ?* Но—подумай: это разность произношенія и письма, а не разность имени. Это разность языка, а не сердца, разность пожалуй скажу, чьего либо косноязычія, а не вѣры. Стоитъ ли все это того, чтобы ты раздиралъ ризу Христову такъ немилосердо и безъ опасенія — относительно себя самого? Надобно ли для разности буквы вводить тебѣ расколъ въ церкви Христовой? Вотъ примѣръ изъ евангелія: Преблагословенную Дѣву, Коей приноситъ нынѣ благовѣстіе архангелъ, евангелистъ Матѳей называетъ то Маріею: *обрученную убо бывшу Матери Его Маріи Іосифови*, то Маріамъ: *Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ* (Матѳ. I, 18. 20). Скажите, ужели надобно за эту разность отдѣляться отъ евангелиста Христова? Скажутъ ли Петру: Петеръ или Петръ, назовутъ ли Ивана Иваномъ или Іоанномъ, ты понимаешь, что имя даютъ одно, и только произносятъ неодинаково,—и за эту разность никого не ведутъ въ судъ.

Если хотятъ, чтобы имя достопоклоняемое произносилось такъ, какъ произносилось оно въ самой глубокой древности: пусть любятъ точность, лишь бы не вела она къ раздору. Но зачѣмъ же

не понимаютъ, что ни *Іисусъ*, ни *Іисусъ*, не есть самое древнее произношеніе достопоклоняемаго имени? Мы видѣли, что архангелъ, благовѣствовавшій Дѣвѣ изъ дому Давидова, изъ племени іудейскаго, благовѣствовалъ на языкѣ дома Давидова и, слѣдовательно, „спасеное имя, нареченное отъ Бога ангеломъ“, было *Іешуа*.

Если хотятъ знать, какъ евангелистъ записалъ сіе имя, и какъ оно въ первый разъ написано въ евангеліи, т. е., съ двумя ли гласными: *Іисусъ*, или, съ одною: *Іисусъ*,—приведу одинъ примѣръ, который, какъ думаю, можетъ рѣшить недоумѣніе.

Варнава, мужъ временъ апостольскихъ, котораго посланіе извѣстно было уже во второмъ вѣкѣ и было читаемо вѣрующими съ пользою для души, писалъ въ своемъ посланіи: „Авраамъ, который первый употребилъ обрѣзаніе, предвзирая духомъ на Іисуса, обрѣзалъ домъ, держася значенія трехъ буквъ. Ибо сказано: и обрѣзалъ Авраамъ изъ дому своего десять и восемь и триста мужей. Какъ же показано въ семъ вѣденіе? *І*—десять, *И*—восемь: вотъ начало имени Іисусова“! „Такъ писалъ бл. Варнава. Намъ съ тобою дѣло только до буквъ, любитель старины. Итакъ, вотъ тебѣ первыя буквы имени спасительнаго. Вотъ примѣръ временъ апостольскихъ, гдѣ ясно можемъ видѣть, что первыми буквами спасительнаго имени были буквы—*ИИ*, и что „спасеное имя“ произносили и писали тогда—*Іисусъ*. На новость сей древности ты не можешь жаловаться, не можешь жаловаться и на то, будто букву прибавили здѣсь невѣрные: ибо ни прибавлять, ни отмѣнять ее здѣсь нельзя; двѣ начальныя буквы входятъ въ составъ самаго ученія бл. Варнавы;—числительнымъ значеніемъ буквъ: *ИИ*, онъ учитъ, что имя Спасителя Іисуса было предъ взоромъ вѣры Авраама, Отца вѣрующихъ.

Братія! спасеніе не въ буквахъ старыхъ или новыхъ. Спасеніе въ Іисусѣ Христѣ, а усвояется душею чрезъ вѣру,—ту вѣру, которая за имя Спасителя готова отдать все, жертвуетъ самыми любимыми склонностями сердца, самыми старыми привычками грѣшной души. Вѣрою чистою, вѣрою живою и дѣйственною, будемъ благодарно славить Спасителя нашего, славя Его со Отцемъ и Духомъ святымъ. Аминь.

1844 г.

Въ храмѣ Благовѣщенія,
что на московскомъ форштатѣ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ БОГОМАТЕРИ.

И животъ предобручаетъ смерть.

Все чудно въ Матери Господа. *И по рождествѣ Дѣва, и по смерти жива.* Опредѣленіемъ Вышняго положена смерть для всѣхъ дѣтей Адама. Марія—дщерь Давида и, слѣд., Адама. Но, въ Ней смерть уступаетъ мѣсто жизни. Гробъ каждаго вѣетъ тлѣніемъ и мракомъ: смерть каждаго такъ мрачна; такъ печальна. Одръ Богоматери—свѣтелъ, какъ брачный чертогъ; смерть Ея является не страшною или печальною, но радостною и торжественною. За дверью гроба Ея отверзается свѣтлая дверь неба. Здѣсь смерть объ руку съ жизнію. *Животъ предобручаетъ смерть.* При одрѣ Богоматери какъ бы нѣтъ и смерти: смерть преобразилась въ успеніе, т. е., *въ успокоеніе*, подобное мирному сну. Здѣсь только *преставленіе*, т. е., какъ бы легкое перестановленіе съ мѣста на мѣсто, отъ мѣста въ мірѣ видимомъ въ селеніе міра невидимаго. Не возсіяваетъ ли еще свѣтъ съ свѣтлаго одра Богоматери собственно и для насъ странниковъ печальной земли? Мы торжествуемъ тридневную смерть Господню, какъ живоносную для всѣхъ насъ. Показывая гробъ Господень, съ отваленнымъ камнемъ съ пеленами погребальными, апостолы говорятъ: *Христосъ воста отъ мертвыхъ: начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV, 20). Не о томъ же ли проповѣдуетъ и гробъ Богоматери? Точно, о томъ же. Онъ говоритъ намъ: вотъ и опытъ, очевидный опытъ того воскресенія, котораго Христосъ былъ началомъ. Пренепорочная такъ созрѣла на земли для неба, что и тѣла Ея не могла удержать земля до общаго воскресенія. Такъ восхожденіе Богоматери съ плотію на небо оставляетъ намъ на землѣ мысль о преображеніи, которое послѣдуетъ нѣкогда и съ нашимъ тѣломъ. Если мы мало думаемъ о томъ, что будетъ съ нами, съ нашею плотію: это не служитъ къ чести нашей. Какъ не думать о томъ, что непремѣнно совершится съ нами? Мы заботливы, мы предусмотрительны, относительно случаевъ земной жизни, которая собственно и не жизнь, а призракъ, паръ исчезающій. Какъ же не быть предусмотрительными, по отношенію къ жизни вѣчной, къ жизни безъ перемѣнъ и безъ конца?

Нельзя желать, и никто не желаетъ, чтобы въ мірѣ навсегда осталось все такъ, какъ теперь есть. Мы, къ несчастію нашему, дѣлаемъ худое, но и называемъ это худымъ, такимъ, чему не должно быть ни въ насъ, ни въ другихъ. Точно такъ разрушеніе, разстройство смерть—возбуждаетъ только отвращеніе къ себѣ въ при-

родѣ нашей. Не смерти, а жизни желаемъ мы. И это желаніе—не мечта, не произволъ, а вдохнуто въ природу Творцемъ нашимъ и Господомъ. Потому оно законное, такое, что рано или поздно будетъ выполнено. *Сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми:* но мы *не хощемъ совлещися,* а хочемъ только, чтобы смертное поглощено было жизнію (II Кор. V, 4). Грубое, больное, распадающееся тѣло тяготитъ духъ нашъ: оно такъ много мѣшаетъ ему въ его стремленіяхъ къ небу. И однако къ чему желать, чтобы уничтожилось это жилище духа? Нѣтъ, духъ желаетъ только, чтобы вмѣсто тлѣющаго, земнаго жилища, дано ему было жилище небесное. *О семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе* (II Кор. V, 2).

Чистый взоръ видитъ во всей природѣ желаніе преобразованія къ лучшему, но не находитъ желанія смерти. Все живущее, нисходя въ свой гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю обветшалую одежду, чтобы явиться въ новой, лучшей одеждѣ. Червь строитъ себѣ паутинный гробъ, чтобы воскреснуть крылатою бабочкою. Жизнь птицы погребена въ яйцѣ бездушномъ, и орломъ воскресаетъ изъ яйца бездушнаго. Безуміемъ назвалъ апостолъ сомнѣніе въ воскресеніи мертвыхъ. И онъ же указалъ безумію на самую смерть, какъ на свидѣтельство о жизни. *Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ; и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ* (II Кор. XV, 35—38). Для жизни зерна нужна смерть: въ процессѣ тлѣнія его совершается процессъ возрожденія; брошенное въ землю зерно гніетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ образуется изъ него ростокъ, а изъ ростка—растеніе или дерево. Вотъ образъ будущаго возрожденія тѣлъ нашихъ! Прибавьте къ тому другое глубокое наставленіе о природѣ,—наставленіе, какого не легко отыскать у фолософовъ міра. *Вся тварь,* говоритъ онъ, *воздыхаетъ, ожидая свободы чадъ Божіихъ,* а вмѣстѣ и своей, т. е.,—бореніе жизни съ смертію въ природѣ видимой гораздо сильнѣе, гораздо дѣйствительнѣе въ природѣ; чѣмъ можетъ замѣчать чувственный глазъ нашъ, или умъ, омраченный страстями.

У Бога правды нѣтъ неправды, и Богъ благій благъ для всего. *Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (I Кор. V, 10). Тѣло вмѣстѣ съ душею покоилось или трудилось здѣсь; вмѣстѣ съ душею получитъ и воздаяніе. Суетные помыслы, опасное обольщеніе, когда требуютъ отъ человѣка только духовныхъ трудовъ: Христово ученіе того не требуетъ. И льзя ли требовать, когда человѣкъ—не ангелъ, а облеченный тѣломъ духъ? Напрасно сталъ бы ожидать человѣкъ и воздаяній только духовныхъ. *Многіе*

не такъ ходятъ; много разъ говорилъ я о нихъ, и теперь говорю со слезами, что они враги креста Христова: ихъ кончина погибель, ихъ богъ чрево (Фил. III, 18. 19). Ни въ чемъ, ни чемъ, и ни кто не преступитъ ни одной черты въ законѣ Божіемъ безъ того, чтобы не заплатили ему сполна. Ты безъ страха и стыда творишь тѣло твое орудіемъ грѣха; съ разсѣянной душею проводишь жизнь въ нѣгѣ и роскоши; постъ, трудъ, вольное изнуреніе тѣла считаешь излишнимъ.—О! бѣдная душа, ты и не воображаешь, какая страшная участь ждетъ тебя! Не скорби и не думай, Христовъ труженникъ, что будто какой либо трудъ тѣла твоего совершенъ безъ пользы для тебя въ вѣчности. Все твое отдано тебѣ будетъ къ твоей радости. *Тѣло смиренія*: тѣло слабое, когда учавствуетъ въ страданіяхъ Христовыхъ, когда носитъ въ себѣ *мертвость Господа* Іисуса (II Кор. IV, 10), разцвѣтетъ тамъ жизнію вѣчною. Если мы подъ часъ бываемъ столько добры, что оказываемъ вниманіе и къ малой услугѣ: небесный Отецъ нашъ—весь благость. Чаша студеной воды твоей, щедрый мірянинъ, поданная во имя Христово, на памяти у Христа Господа. Слабо, немощно тѣло наше: но оно храмъ Духа Божія, по вѣчной любви Искупителя. Какъ же можно думать, чтобы храмъ Господа погибъ? Нѣтъ, то, что возлюбилъ Господь, будетъ жить или для того, чтобы еще болѣе открылась въ немъ благость любви Божіей, или для того, чтобы прославилась правда Божія.

Слушатель мой! если ты христіанинъ въ душѣ: для тебя не возможно сомнѣваться въ воскресеніи почившихъ. Тамъ нѣтъ вѣры Христовой, гдѣ нѣтъ вѣры въ воскресеніе мертвыхъ. *Аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ возста: аще же Христосъ не возста: тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша* (1 Кор. XV, 13. 14).

Для чего Сынъ Божій сталъ сыномъ человѣческимъ? Для того, чтобы оживить умершихъ. Онъ—вторый Адамъ для насъ (Рим. V, 17. 21), Въ первомъ Адамѣ всѣ умерли, во второмъ всѣ оживутъ; въ первомъ Адамѣ не только духъ растлѣлся страстями, но и тѣло подверглось болѣзнямъ и тлѣнію; силою второго Адама оживетъ тѣло, какъ оживаетъ духъ. Онъ—первенецъ, но не надъ мертвыми, а надъ живыми (1 Кор. XV, 20). Онъ глава наша; мы члены Его. Жива глава, оживутъ и члены. Чистая плоть Его не видѣла истлѣнія; грѣшное тѣло наше подвергнется тлѣнію, но не погибнетъ. Христосъ Господь *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его, по дѣйству, еже возмогати Ему ипокорити Себѣ всяческая* (Фил. III, 21).

Не дивно, что смерть еще въ мірѣ. Жатва еще не приспѣла,

міръ—доселѣ еще поле, на которомъ еще сѣется и растетъ все, терніе вмѣстѣ съ пшеницею, любезное Богу вмѣстѣ съ неугоднымъ Ему. Но все это—до времени. Пусть тѣ, которые ходятъ по своимъ похотямъ, не говорятъ: *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его* (II Петр. III, 3. 4): дождутся обѣщаннаго. До времени—скорби для души, до времени—воздыханія для міра. Тѣ и другія Отецъ назначилъ для обученія дѣтей своихъ. Кончится время обученія,—кончатся и скорби со смертію. И теперь остаются нетлѣнными тѣла праведниковъ, и даже больше творятъ силъ и чудесъ, чѣмъ творила въ жизни стихійной. Не вѣришь, какъ Ѳома? *Осяжи и виждь.* Ступай—смотри глазами, осязай своими руками; повѣрь извѣстіе исторіею. Истина православная не боится твоего испытанія. Что же значитъ это нетлѣніе Святыхъ, какъ не начало всеобщаго воскресенія, всеобщей побѣды Христовой надъ смертію? Теперь только начало. Будетъ время, когда торжество Христово откроется въ полномъ видѣ. Вотъ почему вѣра въ нетлѣніе Святыхъ такъ необходима въ составѣ чистаго христіанства! Христосъ—Царь столько же мудрый, сколько и могущественный. *Будетъ время, когда и послѣдній врагъ испразднится—смерть. Подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими* (1 Кор. XV, 25. 26).

Чего не въ силахъ теперь сдѣлать для себя тварь, то совершитъ Творецъ. Человѣкъ могъ внести смерть въ составъ свой: отъ его воли зависѣлъ грѣхъ. Но отъ его воли не зависитъ ввести жизнь въ разстроенный организмъ тѣлесный; не зависитъ оттого, что сама воля разстроенная отторглась отъ Источника жизни, откуда могли проливаться на человѣка потоки жизни. Еще менѣе способовъ у самаго тѣла возвратить себѣ улетѣвшую жизнь. Даже вся природа, никакимъ процессомъ, не въ состояніи совершить преобразованія тѣла нашего въ тѣло безсмертное; не говоримъ о соединеніи тѣла съ душею. Въ цѣлой природѣ едва достаетъ жизни только для себя, для своихъ частей;—она сама борется съ смертію и воздыхаетъ, отъ человѣка ожидая себѣ свободы. Но Тотъ, Кто принялъ на себя обновить и усовершить человѣка и природу, Тотъ—Всесиленъ. *Онъ преобразитъ тѣло смиренія нашего по дѣйству, еже возмогати Ему всяческая.*

Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его. Славно было воскресшее тѣло Іисусово; славно будетъ и тѣло вѣрующаго въ Іисуса. Оно будетъ то-же тѣло, которое здѣсь увядало для земли: но преобразится, какъ преобразилось тѣло Іисусово. Оно измѣнится и прославится. Сѣется тлѣнное, а возстанетъ нетлѣннымъ, сѣется немощное, возстанетъ сильнымъ; сѣется душевное, возстанетъ духовнымъ (II Кор. XV,

42—44). Теперь оно грубо, мрачно, тяжело. Тогда будетъ тонко, легко и свѣтло (Матѳ. XIII, 43). Духъ благодати, оживлявшій здѣсь тѣло и духъ праведника, тамъ исполнитъ душу и тѣло его свѣтомъ, миромъ, радостію и блаженствомъ. По мѣрѣ благодатнаго просвѣщенія на землѣ, обновлены и прославлены будутъ дѣла для той жизни. Отселѣ различныя степени прославленія тѣлъ подъ новымъ небомъ и на новой землѣ. *Звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ: такожде и въ воскресеніи мертвыхъ* (1 Кор. XV, 41).

Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, говоритъ апостолъ, имѣя въ виду подобныхъ ему страдальцевъ вѣры. Что же сказать о тѣлѣ грѣшника? Оно не погибнетъ, какъ бы ни хотѣлось грѣшнику: по гласу Господню всѣ оживутъ (Іоан. V, 28). Каково же оно будетъ? *Коемуждо сѣмени свое тѣло* (1 Кор. XV, 38), говоритъ апостолъ.—Какова душа, таково будетъ и тѣло; иначе, каковое сѣмя образовала душа изъ своего тѣла, таковъ будетъ и плодъ. Тѣло грѣшника будетъ нетлѣннымъ: но не на радость, а на муки и страданія. Дикія страсти души и здѣсь кладутъ печать свою на тѣлѣ. Тамъ эта печать будетъ виднѣе, такъ какъ тѣло лишится грубыхъ частей своимъ. Здѣсь страсти души обнаруживаются страданіями тѣла, даже смертію. Въ вѣчности смерти не будетъ: но оттого-то тѣмъ страшнѣе страданія, которыми душевныя страсти терзать будутъ тѣло. Для нетлѣннаго тѣла не нужна пища: но ненасытная страсть къ роскоши, которую ты воспиталъ въ себѣ, будетъ терзать и душу и тѣло твое. Ни сладкаго питья, ни вкусной пищи не потребуется тамъ для тѣла: но голодъ и жажда страстей тѣмъ будутъ мучительнѣе для насъ, что будемъ сознавать безсмысліе воспитанныхъ страстей, будемъ терзаться скорбію, но безъ пользы,—зачѣмъ губили и время и силы на пустыя удовольствія земли? зачѣмъ во зло употребляли дары Божіи? зачѣмъ преступали извѣстную волю Отца и благодѣтеля нашего? Тонокъ ядъ, но капля яду и—какая мука! Тѣло грѣшное будетъ тонко, все земное, грубое спадаетъ съ него. Но оттого-то ядъ грѣха, проникшій тонкое тѣло, невыразимо страшными муками будетъ терзать его и душу. *Грядетъ часъ, въ онь же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія. И изыдутъ сотворшіи благая въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая въ воскресеніе суда* (Іоан. V, 28. 29). О, Господи, даждь ми помыслъ о грѣхахъ моихъ.

Слушатели! въ вѣчности перемѣнъ не будетъ: но во времени мы можемъ перемѣняться, можемъ изъ сыновъ погибели содѣлаться наслѣдниками неба, или изъ чадъ благодати низвесть себя до безвозвратной погибели.—Молитвами и заступленіемъ Матери Твоей Господи, даруй всѣмъ намъ окончить земной путь нашъ въ покая-

ніи и вѣрѣ, съ твердою памятію объ ожидающей насъ участи—за гробомъ! Аминь.

1847 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ БОГОМАТЕРИ.

Отчего такъ ясенъ, такъ свѣтелъ настоящій день въ православной церкви? Представьте, на огромномъ пространствѣ Россіи, въ Европѣ, Азіи, Америкѣ веселъ, радостенъ настоящій день, какъ не многіе другіе. Отчего это? Оттого, что Матерь Христа Господа не умерла, а жива. Оттого, что на небѣ Та, которую слушалъ Сынъ Ея на землѣ;—предъ престоломъ Сына своего Та, которой Сынъ повиновался и во дняхъ плоти. Сколько надеждъ намъ на помощь живой Матери Господа! Сколько вѣрныхъ, твердыхъ надеждъ на любовь живой Матери любви! Если Она, исполненная любви къ Богу и нуждающимся людямъ, много могла и на землѣ у Бога—Сына своего; то, безъ сомнѣнія, болѣе теперь, чѣмъ прежде, любитъ Она исповѣдниковъ имени Сына Ея,—безъ сомнѣнія, болѣе во славѣ, чѣмъ сокрытая смиреніемъ, можетъ испросить для насъ у Сына своего. Какой свѣтъ просіяваетъ изъ гроба Ея! Благодатная Дѣва уснула тихимъ сномъ, и скоро восстала для вѣчной жизни. Не вѣрный ли это опытъ того, что и всѣ мы нѣкогда воскреснемъ, что и наша плоть, какъ одинаковая человѣческая плоть съ чистымъ тѣломъ Маріи, такъ же воздвигнута будетъ къ жизни словомъ одного и того же всесильнаго? А истина воскресенія сколько свѣта разливаетъ для ума! Сколько утѣшительна она для сердца! Сколько назидательна для каждаго! Такъ, настоящій праздникъ православія имѣетъ высокое христіанское значеніе, по отношенію мысли о безсмертіи къ жизни нашей. Разсмотримъ ближе это отношеніе—отношеніе мысли о безсмертіи къ нашей жизни.

Мысль о воскресеніи праведныхъ въ блаженную жизнь поучительна для ума. Если воскреснемъ мы въ жизнь вѣчную: то воскреснемъ, безъ сомнѣнія, въ другомъ мірѣ. Преобразованное тѣло потребуетъ другаго жилища, болѣе способнаго для тонкаго тѣла. Будетъ ли это совсѣмъ другая земля? Будутъ ли совсѣмъ новыя стихіи созданы? Нѣтъ. О созданіи другой земли и другаго неба не говоритъ намъ откровеніе. *Нова небесе и новы земли, въ нихъ же*

правда Божія живетъ, по обѣтованію Господню, *чаемъ* (II Петр. III, 13), говоритъ апостолъ. Замѣтьте, что апостолъ, ожидая для себя и другихъ новой жизни, ожидаетъ вмѣстѣ новой земли и новаго неба. Замѣтьте и то, въ какомъ отношеніи называетъ онъ ту землю новою, и то небо новымъ? Въ томъ, что на той землѣ, въ томъ небѣ будетъ жить одна правда Божія. Итакъ, истребленіе будетъ относиться только къ неправдамъ, только къ грѣхамъ, а не къ землѣ и небу; истребленъ будетъ только грѣхъ, уничтожатся только нечистоты, которыя оскверняютъ теперь землю. Земля и небо обновятся; въ страшномъ огненномъ переворотѣ очистятся онѣ, какъ въ земномъ нашемъ огнѣ очищается металлъ. Теперь вся тварь, вся видимая природа воздыхаетъ вмѣстѣ съ нами, ожидая своего и нашего избавленія отъ суеты, которой покорила ее суета человѣческая. Эти воздыханія твари, эти живыя надежды ея, безъ сомнѣнія, исполнятся, потому что онѣ, какъ въ нихъ, такъ и въ насъ, насаждены Богомъ, потому что тогда, какъ исполнятся наши надежды на освобожденіе отъ суеты, нѣтъ причины, почему бы остались неисполненными надежды страдающей, по нашей винѣ, твари. Она освободится отъ рабства тлѣнію и вступитъ въ свободу славы чадъ Божіихъ (Рим. VIII, 21). Такъ, вмѣстѣ съ воскресеніемъ мертвыхъ, явится новое небо, новая земля. Итакъ, земля наша не будетъ страною проклятія. Она не будетъ болѣе страною безпорядковъ, которые столько заслоняютъ отъ взора нашего совершенства созданій Божіихъ. Тогда міръ Божій откроется въ новомъ видѣ, въ томъ прекрасномъ видѣ, въ какомъ вышелъ онъ изъ рукъ Творческихъ. Теперь мы видимъ духовные предметы какъ въ зеркалѣ, постигаемъ ихъ только догадками. Тогда увидимъ ихъ лицемъ къ лицу. Вотъ почему чистые умы не тревожатся любопытствомъ, не волнуются сомнѣніями при встрѣчѣ съ затруднительными вопросами о мірѣ и странныхъ событіяхъ земной жизни. Просвѣщенные мыслію о воскресеніи и будущемъ преобразованіи міра, они знаютъ, что и мимо нашихъ заботъ откроются тайны Божіи въ опредѣленный для того періодъ бытія. „Возлюбленные, такъ говоритъ одинъ изъ нихъ, нынѣ мы чада Божія, — и еще не открыто, чѣмъ будемъ мы; но знаемъ, что когда явится Онъ, будемъ подобны Ему, ибо увидимъ Его, каковъ Онъ есть“ (1 Іоан. III, 2). „Отчасти разумѣваемъ, говоритъ другой, отчасти пророчествуемъ: когда придетъ совершенство, тогда, то, что отчасти, уничтожится. Нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, какъ и Онъ познанъ меня“ (1 Кор. XIII, 9. 10. 12).

Истина воскресенія въ жизнь вѣчную утѣшительна для сердца. Какъ дороги сокровища той жизни! Какъ высоки красоты неба!

Какъ несравнимы радости жизни за гробомъ! Никакія страданія земныя не могутъ значить что нибудь въ сравненіи съ славою будущаго вѣка. Можетъ ли овладѣть душею, можетъ ли коснуться души унынiе, когда она сквозь мракъ скорбей зритъ на зарю безсмертія? Пусть, говоритъ она, грѣшное тѣло изнемогаетъ въ страданіяхъ: если слабѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ страсти его,—это одна изъ лучшихъ услугъ мнѣ; если тлѣетъ грубая земляность плоти: тѣмъ легче будетъ восходъ въ жизнь нетлѣнія. *Тѣло смиренія*, тѣло слабое, бренное, земное, когда носитъ въ себѣ мертвость Господа Іисуса, будетъ преображено въ свѣтлое, славное тѣло, подобное прославленному тѣлу Іисусову (Фил. III, 21. II. Кор. IV, 10). Чего же больше? Бѣдность, низкое рожденіе, безуспѣшность въ житейскихъ дѣлахъ, неправды людей держатъ вдали отъ благъ міра. Но, что значатъ земныя блага для жизни безсмертной? Менѣе, чѣмъ мечта мимолетная. И, о если бы—только это онѣ значили! Къ несчастію, при всей пустотѣ ихъ, душа незамѣтно уязвляется пристрастіемъ къ нимъ, и страсти переходятъ въ ту жизнь на муку душѣ, на муку тѣмъ болѣе страшную, что предметовъ страсти тамъ не будетъ, а душа страдать будетъ только отъ жажды, ничѣмъ неутоляемой. О! дальше, дальше отъ опасныхъ благъ міра. Тамъ, за гробомъ—блага нетлѣнныя, дышащія миромъ, несравнимыя ни съ какими земными сокровищами. Невѣрующій боится смерти. И какъ не бояться ему? За гробомъ все такъ мрачно для него: надеждъ на покой нѣтъ ни одной; хотѣлось бы не вѣрить, что придется еще жить, но и отказаться отъ желанія жизни нельзя; жить надобно, но какъ страшно жить съ грѣхами! И гдѣ жить? Только вѣра, живая вѣра въ Господа Іисуса—побѣдителя грѣха и смерти смотритъ на смерть, какъ на краткій сонъ плоти въ нѣдрахъ земли, какъ на дверь въ чертоги Отца небеснаго; она знаетъ, что вѣрующій, *аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. XI, 25) для блаженной вѣчности, уготованной заслугами Господа Іисуса; она твердо знаетъ, что близкіе сердцу ея, хотя оставили землю, не разлучились съ нею, а живутъ у Господа живыхъ и мертвыхъ; знаетъ, что въ дому Отца небеснаго много обителей, какъ неодинакова и готовность странниковъ земли для тѣхъ или другихъ радостей, для того или другаго покоя. Пусть бренный составъ тѣла разрушается, — въ душѣ вѣрующей царствуетъ покой, такъ какъ она давно готова была къ тому, такъ какъ она знаетъ, что для нее будетъ другое, лучшее жилище. *Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ* (Апок. XIV, 13).

Апостолъ Петръ, сказавъ о будущемъ воскресеніи тѣла и міра вещественнаго, говоритъ потомъ: *тѣмже, возлюбленніи, сихъ чающе, потщитеся нескверни и непорочни тому обрѣстися въ мирѣ, и*

Господа нашего долготерпѣніе считайте за спасеніе (II Петр. III, 14. 15). Что это значитъ? То, что увѣренность въ воскресеніи требуетъ отъ насъ, побуждаетъ насъ, чтобы мы *тщились*, не кое-какъ думали, не кое-когда озабочивались, а употребляли все стараніе, заботились постоянно о томъ, чтобы явиться *нескверными*, незапятнанными нечистотою міра, *и непорочными*, свободными отъ всего, что можетъ возбудить гнѣвъ вѣчнаго Судіи. *Вѣсть Господь*, говоритъ апостолъ, *неправедники на день судный мучимы блюсти, наипаче же во слѣдъ плотскія похоти сквернѣнія ходящія* (II Петр. II, 9. 10). Берегите сосудъ Духа Божія—тѣло, дабы не воскреснуть ему для того только, чтобы горѣть въ геенне. Мысль о воскресеніи и судѣ требуетъ, чтобы мы были *въ мирѣ*, не тревожили покоя совѣсти нечистыми дѣлами, а если и согрѣшимъ въ чемъ, спѣшили бы возвратить покой покаяніемъ и вѣрою. Увѣренность въ воскресеніи требуетъ заботъ, чтобы обрѣлись мы непорочными *предъ Тѣмъ*—предъ Господомъ нашимъ, а не казались бы непорочными только въ глазахъ міра: ибо тамъ будетъ судить насъ не міръ, который самъ будетъ стоять подъ отвѣтственностію; мало и того, если бы казались мы порядочными въ глазахъ своихъ, предъ своею совѣстію: ибо судъ каждаго о себѣ самомъ обманчивъ, подкупается самолюбіемъ и разными страстями; если и не зазритъ намъ сердце, есть Тотъ, Кто больше сердца нашего, говоритъ апостолъ. Надобно, чтобы поставляли мы себя предъ лице Господа, и по Его суду повѣряли жизнь свою; а какъ этотъ судъ строгъ! Онъ осуждаетъ и за нечистыя мысли, и за мірскія побужденія, и за тайное тщеславіе, и за скрытую гордость, и за намѣренныя неправды, и за невольныя движенія досады. Чего еще требуетъ отъ насъ увѣренность въ воскресеніи? *Господа нашего долготерпѣніе* считайте за спасеніе. Не думайте, какъ думаютъ учители лжи, что, если доселѣ не явился Судія грозный, для суда надъ всѣми, это будто значитъ, что и вовсе не явится. Нѣтъ, Онъ, по милосердію своему, медлитъ судомъ Своимъ, ожидая покаянія грѣшниковъ, ожидая, чтобы какъ можно болѣе явилось спасающихся скорбями о грѣхахъ; Онъ есть любовь и желаетъ только спасенія грѣшника, а не погибели. О, грѣшная душа моя! Не употребляй во зло долготерпѣнія Божія, не употребляй на погибель себѣ милосердія Божія. Спѣши спасаться отъ грѣха, какъ отъ огня, пока есть время для того; спѣши сѣять добрыя сѣмена въ сердцѣ твоемъ, пока не настала жатва.

Путемъ гроба низойдемъ мы, братія, въ безсмертіе по душѣ и тѣлу, но на муки, или на радости, это зависитъ отъ того, какія посѣемъ здѣсь сѣмена. Матерь Божія! Милосердая Матерь Милосердаго! Подай намъ свѣтъ мысли и твердость воли, да мысль о

блаженномъ безсмертіи Твоемъ будетъ плодоносною въ насъ къ славѣ Сына Твоего. Аминь.

1848 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ БОГОМАТЕРИ.

О! дивное чудо! источникъ жизни во гробѣ полагается.

Стихира праздника.

Подлинно изумительное чудо! Пусть бы обыкновенная изъ дщерей земныхъ возвратилась въ землю, откуда взятъ тѣлесный составъ человѣка. Пусть бы персть, даже освященная благодатною жизнію, но быть можетъ не довольно проникшаяся жизнію нетлѣнною, заплатила дань тлѣнію.—Но—Та, которая носила во чревѣ своемъ самое Начало жизней, превознесенная выше безплотныхъ духовъ святыхъ, идетъ общимъ путемъ смерти! Изумительное чудо! Что-жъ это за законъ, столько неумолимый ни для кого изъ живущихъ на землѣ? Какъ много горькихъ жалобъ на него! Какъ много слезъ заставляетъ онъ лить! Бываетъ даже и то, что не хотятъ и плакать о печальной долѣ, а только издаютъ глухой ропотъ на суровый законъ смерти и даже касаются ропотомъ самаго Владыки живота и смерти. О! ты, чья память приводитъ насъ въ трепетъ, повѣдай, какъ назвать намъ тебя, врагомъ нашимъ, или другомъ? Скажи, отчего такъ неумолима ты ни для младенца невиннаго, ни для юности цвѣтущей, ни для зрѣлаго мужества, ни для украшенной сѣдинами старости? Братія! на путяхъ природы получаемые отвѣты на сомнѣнія бываютъ какъ-то неясны. Поучимся у святой вѣры о значеніи неизбѣжной смерти.

Человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть (Рим. V, 12). *Оброцы грѣха смерть, дарованіе же Божіе животъ вѣчный* (Рим. VI, 13). Такъ учитъ апостолъ Христовъ. Значитъ, пока не входилъ грѣхъ въ міръ, не было смерти въ мірѣ и была только жизнь. Значитъ, если бы не преступилъ человѣкъ воли Божіей, то онъ и не умеръ бы. Какъ же это такъ? Какъ стихійное тѣло могло быть неприкосновеннымъ порчѣ и разложенію? Точно также, какъ будущее тѣло наше, тѣло воскресшее, будетъ нетлѣннымъ и безсмертнымъ. О! грѣхъ—страшный ядъ. Мы пьемъ его какъ воду; а каждая капля его вноситъ разрушеніе въ составъ нашъ. Если міръ давно не превратился въ развалину дѣйствіемъ грѣха; то это не отъ безсилія грѣха, а отъ силы благости Божіей;—это того, что

Богъ даритъ намъ жизнь свою, призывая на покаяніе: *дарованіе Божіе животъ вѣчный.*

Такъ нечему дивиться, что грѣшный человѣкъ умираетъ: смерть есть естественное слѣдствіе грѣха. Можно изумляться только тому, что и послѣ того, какъ снисходилъ на землю Начальникъ жизни, Господь Іисусъ, смерть продолжаетъ властвовать на землѣ. Но что собственно по званію своему совершилъ для насъ Искупитель міра на землѣ? Принесши за насъ жертву небесному Правосудію на алтарѣ крестномъ, Онъ отнялъ отъ грѣха силу вѣчнаго осужденія, которому подвергалъ грѣхъ грѣшника.Ославъ Духа Утѣшителя, Онъ даровалъ людямъ силу побѣждать въ себѣ порчу грѣха и быть сильными исполнителями воли небеснаго Отца. Таково великое дѣло Его для людей! Ожидать ли еще и того, чтобы вселенская смерть уничтожена была имъ во гробѣ Его? Ожидать сего значило бы тоже, что ожидать созданія новаго человѣка и уничтоженія потомства Адамова. Ибо какъ иначе уничтожить за разъ повреждение произведенное въ человѣчествѣ ядомъ грѣха? Разрушить же свое созданіе можетъ человѣкъ, но не можетъ Богъ, котораго всѣ дѣла неизмѣнны. Премудрый не передѣлываетъ того, что разъ создалъ Онъ. Да и если смерть есть только дѣйствіе грѣха: то Премудрому оставалось только дать силы человѣчеству для побѣжденія въ себѣ грѣха, чтобы потомъ уничтожилось послѣдствіе грѣха. Такъ это и исполнено. Христосъ Сынъ Божій, вѣчная Премудрость, давъ свободной волѣ средства исправлять, что испорчено ею въ Его созданіи, даетъ время распространяться жизни Его не большое число людей. Онъ ведетъ дѣла міра къ тому, чтобы покорены были Ему всѣ враги Его. Придетъ время, когда уничтоженъ будетъ и *послѣдній врагъ, смерть* (Кор. XV, 26).

Чудны дѣла Твои, Господи! Смерть, какъ слѣдствіе грѣха въ людяхъ,—врагъ нашъ, нашъ убійца. Но Ты и изъ врага нашего содѣлалъ намъ друга.

Что такое жизнь земная для праведника? Цѣпь скорбей и страстей, борьба постоянная съ искушеніями внутренними и внѣшними. Онъ устремляетъ всѣ силы къ тому, чтобы хранить чистоту въ чувствахъ, ясность въ мысли, непорочность въ желаніяхъ; а между тѣмъ то та, то другая похоть оскверняетъ душу, къ ея скорби глубокой. *Вси хотящіи благочестиво жити гоними будутъ*, сказалъ апостолъ. И съ какою точностію исполняется это апостольское слово! Злой языкъ сыплетъ брань и укоризны на невиннаго. Клевета придумываетъ способы омрачить честь достойнаго. Лукавое око находитъ пятна въ самой чистой добродѣтели. Упорная злость давитъ безпомощнаго, насмѣхаясь надъ всякимъ закономъ. Отягчен-

ный скорбями жизни, праведникъ ждетъ смерти, какъ ангела утѣшителя. *Вскую пришельствіе мое продолжися?* вопіетъ онъ предъ Господомъ. Онъ желаетъ смерти, не желая потерять какое либо изъ сокровищъ души среди грозныхъ искушеній жизни. Онъ желаетъ смерти, по увѣренности въ готовомъ для него блаженствѣ за гробомъ. Какая разность для него быть со Христомъ Господомъ, котораго любитъ онъ всею душею, и странствовать въ печальной странѣ, вдали отъ Господа (I Кор. XV, 19). Какая разность зрѣть, какъ въ тускломъ зеркалѣ, дѣла Божіи, гадательно помышлять о нихъ, подъ завѣсою міра вещественнаго, и видѣть откровеннымъ лицемъ премудрость Божію, *яко же есть!*

Скорбятъ и негодуютъ, когда смерть похищаетъ милую душѣ юность. Вступаютъ въ борьбу съ Господомъ, не желая разстаться съ дорогимъ сердцу младенцемъ или юношею, похищаемымъ смертію. О! если бы внимательно изучали пути Господни, не давая пристрастіямъ воли надъ душею: какъ легко увидѣли бы, что не сокрушаться скорбію, а радоваться надобно о томъ, чья жизнь прерывается въ младенчествѣ или юности. Лучше ли бы было, если бы пороки жизни покрыли грязными пятнами столько милое лице невинности? Лучше ли бы было, если бы лукавыя страсти помрачили умъ и сердце и завлекли на распутія жизни преступной? Если же собственно для себя, для своего утѣшенія, желали бы видѣть въ живыхъ дорогое дитя: то пусть себя и разбираютъ, стоютъ ли желаемаго утѣшенія, могли ли пользоваться имъ, какъ слѣдуетъ пользоваться?

И для кого, о Господи! смерть не составляетъ благодѣянія, послѣ того, какъ зло такъ глубоко проникло въ духовный составъ нашъ? Чѣмъ была бы жизнь земная для людей забывчивыхъ о назначеніи жизни, если бы не прерывалась она смертію? Страшно представить себѣ жизнь порочную безъ конца. Не радость—жизнь грѣшника послѣ того, какъ выслушаетъ онъ послѣдній грозный приговоръ себѣ: но періодъ неполной жизни его, какова жизнь безъ тѣла до суда всеобщаго, подаетъ еще надежды пріятныя на перемѣну участи его. А безконечная жизнь гнѣшника, который живетъ на землѣ только для того, чтобы умножать беззаконія и возрастать въ нечестіяхъ сердца,—какая ужасная жизнь! Такъ, судъ Божій грѣшникамъ,—*смертію умрете*, былъ судомъ правды Божіей, но вмѣстѣ и судомъ милости.

Почему же для многихъ смерть такъ страшна, что не хотятъ и думать о ней? Отчего образъ ея такъ грозенъ для иныхъ, что смотрѣть на него кажется имъ тоже, что разстроить мысли свои надолго и повредить здоровью? Не оттого ли, что быть можетъ доро-

жать жизнію, какъ поприщемъ для совершенствованія духовнаго? О! нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Жизнь земная, какъ урочное время для врачеванія больной души, дѣйствительно составляетъ даръ благости Божіей. Но о спасеніи ли души думаютъ тѣ, которые трепещутъ смерти? О немъ они всего менѣе думаютъ.—Желаютъ жить, желаютъ долго жить; но для чего живутъ? Живутъ, какъ показываютъ дѣла, для того, чтобы ругаться надъ даромъ Божіимъ. День и ночь заняты суетою, и имъ нѣкогда готовиться къ переходу въ другую жизнь; засыпавъ себѣ очи прахомъ суеты, они не видятъ, не понимаютъ назначенія жизни земной. Имъ не хочется думать о смерти, потому что мысль о смерти будитъ ихъ отъ сна, въ какомъ проводятъ они жизнь. Имъ жаль, имъ больно разстаться съ привычными дѣлами страстей, а мысль о смерти невольно прерываетъ ряды дѣлъ суетныхъ. Они дорожатъ суетою и боятся того, что въ состояніи сокрушить идолы сердца ихъ. Бѣдные! они называютъ разстройствомъ мыслей, порчею жизни свое пробужденіе отъ летаргическаго сна грѣховнаго, производимое благодѣтельною мыслію о смерти. Жалкій грѣшникъ! какъ ни грозною тебѣ кажется смерть: призывай къ себѣ чаще образъ ея: онъ будетъ разрѣшать тебя отъ узъ, которыми связалъ тебя грѣхъ на погибель твою.

Боже милости и щедротъ! по ходатайству Владычицы нашей Богородицы сотвори, да памятію о неизбѣжной смерти нелѣниво поучаемся мы спасенію грѣшныхъ душъ, къ славѣ имени Твоего святаго. Аминь.

Въ святогорскомъ монастырѣ.
1851 г.

БЕСѢДА

ПО СЛУЧАЮ ВОЗЛОЖЕНІЯ ДРАГОЦѢННОЙ РИЗЫ НА ЧУДОТВ. ОЗЕРЯНСКУЮ ИКОНУ БОГОМАТЕРИ.

Тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имуще живота настоящаго и грядущаго (1 Тим. IV, 8).

Привѣтствую васъ съ радостію, благочестивые жители гор. Харькова.—Благочестіе ваше украсило икону Богоматери дорогою ризою.—Для кого это служитъ пріобрѣтеніемъ? Для васъ, добрые мои харьковцы.—Небесная Царице! чье усердіе къ Тебѣ осталось безъ награды? чьи вздохи предъ Тобой не услышаны

Тобой? Други мои! Она, Царица небесная — заплатитъ намъ за усердіе къ Ней.—Приношеніе наше, безъ словъ, будетъ напоминать Ей о насъ, гдѣ бы мы ни были, и здѣсь, среди искушеній мятежной жизни, и тамъ въ вѣчности, гдѣ особенно нуженъ намъ Ея покровъ.

Благочестіе христіанское—великое благо для насъ, странники земли. Къ сожалѣнію, иные частію недовольно понимаютъ важность благочестія, частію не искренно прилагаютъ къ сердцу требованія благочестія. Обратимся вниманіемъ къ апостольскимъ словамъ о значеніи благочестія для нашей жизни. *Тѣлесное обученіе* говоритъ ап. Павелъ, *вмалѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имущи живота настоящаго и грядущаго.* Размыслимъ объ ученіи апостольскомъ.

Что разумѣетъ апостолъ, говоря о тѣлесномъ обученіи? Обращаясь къ тѣмъ временамъ, когда жилъ Тимоѳей, поучаемый апостоломъ, видимъ, что обученіе тѣлесное означало тогда преимущественно обученіе тѣла ловкости и крѣпости упражненіями; это обученіе составляло тогда весьма нужную принадлежность человѣка образованнаго, принадлежность, безъ которой нельзя было занять видное мѣсто въ свѣтѣ.—Такъ тѣлесное обученіе того времени означало не только упражненіе, нужное для укрѣпленія здоровья, но и такое отличіе видимое, которое давало права на преимущества въ свѣтѣ. Иначе, возводя частное къ общей апостольской мысли, находимъ въ тѣлесномъ обученіи всякое занятіе, относящееся къ пользамъ земной, стихійной, жизни, какъ то: художества, военное искусство, агрономію, медицину, торговлю и тому подобное.

Какое же достоинство приписываетъ апостолъ тѣлесному обученію? *Вмалѣ есть полезно*, говоритъ онъ. Онъ не говоритъ, что тѣлесное обученіе вовсе ненужно, вовсе безполезно.—Нѣтъ, его разсужденіе—не то, что разсужденіе какихъ либо мечтателей, по его разсужденію, для земной жизни нужны свои средства и—нѣтъ грѣха, когда пріобрѣтаютъ эти средства. Если земледѣлецъ отыскиваетъ лучшіе пріемы земледѣлія: это—не бѣда. Если купецъ ищетъ, какъ удобнѣе продать и купить; и—это въ порядкѣ вещей. Апостолъ самъ занимался дѣланіемъ палатокъ и строго осуждалъ тѣхъ, которые, подъ видомъ благочестія, не хотѣли заниматься никакимъ трудомъ. *Слышимъ нѣкія*, писалъ онъ солуняномъ, *безчинно ходящія у васъ, ни что же дѣлающія, но лукавно обходящія*, занимающіяся пустыми разговорами. *Таковымъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ* (2 Сол. III, 11. 12). Такъ тѣлесное обученіе—полезно: но въ какой степени полезно оно? *Вмалѣ есть полезно*, говоритъ

апостолъ. Почему же мало полезно? Мало полезно и потому, что все земное не прочно, не надолго является и какъ паръ исчезнетъ (Іак. IV, 14);—мало полезно и потому, что далеко менѣе важно оно, чѣмъ все относящееся прямо къ душѣ, къ ея вѣчному спасенію. Что значатъ всѣ земныя науки, всѣ стихійныя пріобрѣтенія въ сравненіи съ безсмертною душою? Такъ, какъ бы ни было почетно твое стихійное занятіе, какъ бы много ни доставляло оно тебѣ выгодъ для жизни земной; помни слово Апостола: *тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно.* Занимайся тѣлеснымъ обученіемъ, но не болѣе, какъ мало полезнымъ; берегись того, какъ бы, занимаясь болѣе, чѣмъ стоитъ оно, не оскорбить достоинства души богоподобной, не подвергнуть опасностямъ вѣчной участи ея. *Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?* Все земное, какъ бы почетно оно ни было, кончится для тебя, пробѣжитъ, какъ волна быстрая, промчится, какъ вѣтръ неуловимый, исчезнетъ, какъ паръ неосязаемый. Съ чѣмъ же останешься ты? Съ душею, гонявшеюся за вѣтромъ. Какая бѣдная, какъ жалкая участь! О! ищи занятія, о которомъ по праву сказалъ бы ты: оно не *вмалѣ полезно.*

Апостолъ противополагаетъ тѣлесному обученію, мало полезному, благочестіе и уже тѣмъ самимъ указываетъ на преимущество благочестія. Прямой отзывъ его о благочестіи таковъ: оно *на все полезно есть.* Какая обширная важность дается благочестію! Такъ ли судитъ міръ о благочестіи? Бѣдный міръ! какъ онъ близорукъ! По суду апостола, для каждаго состоянія, для каждаго званія, для каждаго возраста, для людей всѣхъ временъ и народовъ, благочестіе составляетъ пріобрѣтеніе самое полезное—самое нужное. Апостолъ прилагаетъ ученіе свое о важности благочестія къ двумъ періодамъ или положеніямъ жизни нашей, ко времени и вѣчности. *Благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имущи живота настоящаго и грядущаго:* на все полезно, такъ какъ ему принадлежитъ все, что лучшаго обѣщано для временной жизни и все, что ожидаетъ насъ радостнаго въ будущей.

Такъ напрасно, несправедливо говорятъ, будто благочестіе—не нужная, безполезная вещь для міра. Нѣтъ, оно-то и есть самое лучшее, самое нужное сокровище даже и для земной жизни нашей. Оно составляетъ самую прочную опору для семейнаго и гражданскаго быта людей. Подумайте, чѣмъ держится міръ весь? Законами Божіими, волею Всемогущаго. Какъ же хочетъ человѣкъ устроить себѣ счастіе, тогда какъ выступаетъ преступною волею изъ границъ назначенныхъ ему волею Божіею, возмущается страстями противъ распоряженій Божіихъ? Слово Божіе вѣрно: *очи Господни на праведныя и уши Его въ молитву ихъ: лице же Господне,* лице гнѣв-

ное, правосудное, *на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ* (Пс. XXXIII, 16, 17). Слушатели мои! если дорожите вы семейнымъ счастіемъ, если милы вамъ дѣти ваши и ихъ покой: богатѣйте благочестіемъ,—оно низведетъ благословенія Божіи на васъ, на домъ вашъ, на дѣтей вашихъ, на ихъ будущность. О! Боже мой! кто же не видитъ горькихъ плодовъ грѣха? Что влечетъ за собою роскошь? Что слѣдуетъ за распутствомъ плотскимъ? Страсть къ честямъ и славѣ чѣмъ надѣляетъ? *Откуда раздоры и распри* между вами? *Не отъ страстей ли, воюющихъ въ членахъ вашихъ* (Іак. IV, 1)? *Проклятіе отъ Господа на домъ нечестія* (Прит. III, 35): а домъ праведника будетъ стоять и куща его процвѣтетъ долголѣтіемъ (Прит. XIV, 11). *Ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія вся*, все нужное для земной жизни, *приложатся вамъ* (Мат. VI, 23). Вотъ ученіе откровенія Божія! И тоже говоритъ намъ опытъ вѣковъ.

Земля—не рай; здѣсь на всѣхъ путяхъ—горечи; а души благочестивыя и по особенному распоряженію Божію бываютъ подъ гнѣтомъ бѣдъ. Но—дѣло въ томъ, что нечестіе не умѣетъ пользоваться ни счастіемъ, ни несчастіемъ; а для благочестія страданіе — радость. —„Умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи; научился всему и во всемъ—научился быть въ сытости и терпѣть голодъ, быть въ обиліи и въ недостаткѣ“ (Фил. IV, 12): такъ говоритъ христіанинъ и стоитъ выше переворотовъ судьбы. Вѣра научаетъ предавать волю свою волѣ Отца небеснаго и спокойно смотрѣть на бури жизни земной. Чего бояться тому, кому нечего терять на землѣ, послѣ того, какъ все свое предалъ онъ Господу? *Аще Богъ по насъ: кто на ны?* Объ одномъ забота у христіанина—объ усмиреніи страстей сердечныхъ объ исцѣленіи души отъ грѣха. Но когда вздыхаетъ онъ о немощахъ, плачетъ объ ошибкахъ, жаждетъ правды, которой нѣтъ у него: Богъ, богатый милостію, подаетъ душѣ увѣреніе въ усыновленіи ея небу чрезъ Христа Іисуса;—духъ благодати, нисходя во глубины ея, утѣшаетъ, наставляетъ, укрѣпляетъ, животворитъ ее для подвиговъ благочестія. И какъ сильна является душа, укрѣпленная Божіею силою! *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія?* говоритъ она. *Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь? Во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (Рим. VIII, 35, 37). То ли бываетъ во время бѣдъ съ душами, необученными благочестіемъ? Жалко бываетъ смотрѣть на эти бѣдныя души. Вы видите сколько же низости, столько же малодушія въ несчастіи, сколько было у нихъ гордости въ счастіи, столько же порывовъ отчаянія и безнадежной горести въ бѣдѣ, сколько было самонадѣянія въ свѣтлые дни.

Суеты мірскія, то бурныя, то упорныя не даютъ намъ ни времени, ни ревности заняться вѣчною судьбою своею. И мы не думаемъ, мы не заботимся о томъ, что нужно намъ въ вѣчности, что дороже всего будетъ для насъ за гробомъ.—Ахъ! братія! для жизни за гробомъ нужно намъ одно благочестіе христіанское.

Страшно подумать (каково же будетъ терпѣть), за гробомъ цѣлая вѣчность мукъ для нечистаго грѣшника. О! служите Господу, а не страстямъ; чѣмъ только можете, служите.—У тебя есть избытокъ богатства? Не расточай его жизнію распутнаго сына, употребляй на славу Божію, иначе будешь горѣть въ огнѣ безпрохладномъ. У тебя нѣтъ достатка? Ты бѣденъ? Терпи бѣдность, терпи для Господа, не гнѣви Его желаніями чужаго, или ропотомъ на свою долю; терпи, оплакивай грѣхи свои, которыхъ такъ много. Облеченъ ли кто властію? Охраняй правду, защищай невинность притѣсненную, отирай слезы вдовы и сироты, не славь себя, а Бога.—Иначе страшно тебѣ будетъ на судѣ всемірнаго Судіи. Ты притѣсненъ судомъ неправды? У тебя отняли твое? Не язви людей укоризной, отдай судъ Господу, готовь отвѣтъ за свои дѣла. Дорожите, други мои, правилами благочестія. Съ земли не видно, какъ велико блаженство, готовое для благочестія. Но оно велико, какъ и несомнѣнно, потому что благъ и праведенъ Богъ, потому что вѣренъ Тотъ, Кто обѣщаетъ награды намъ. *Возлюбленніи, нынѣ чада Божія есмы и не у явися,* еще не открыто намъ, *что будемъ? Вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ: ибо узримъ Его, яко же есть* (1 Іоан. III, 2); такъ говоритъ намъ одинъ тайнозритель.—*Егда же Христосъ явится, животъ ваш: тогда и вы съ Нимъ явитеся во славѣ* (Кол. III, 4), говоритъ другой вѣстникъ Божій. Видите, и то, что открыто намъ о будущей славѣ жизни христіанской такъ многозначительно, такъ важно, что если бы размышляли мы о томъ, намъ не пришло бы и на мысль гоняться за земными удовольствіями, столько пустыми и вредными.

Господи Іисусе! *отврати очи наши во еже невидѣти суеты.* Благій и Всемощный! сотвори, да зримъ мы на единую спасительную для насъ волю Твою; сотвори, да сердцемъ искреннимъ, до послѣдняго вздоха повторяемъ слово твое святое: *едино есть на потребу.* Аминь.

1852 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ВЛАДИМІРСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ.

Бывайте же другъ ко другу близи.
(Еф. IV, 32).

Такъ заповѣдалъ апостолъ христіанамъ своего времени. Не долженъ ли и я сказать тоже христіанамъ сей страны? Обязанный званіемъ видѣть на мѣстахъ, *како пребываютъ братія въ вѣрѣ* (Дѣян. XV. 36), съ скорбію вижу, что есть нужда повторить здѣсь заповѣдь апостола, что надобно желать для пастырей и пасомыхъ сего края, чтобы не было между ними напрасныхъ жалобъ, вражды и ссоръ. Дѣло не въ томъ, чтобы обязанные надзирать за другими, или вопрошаемые о другихъ начальствомъ, скрывали дѣйствительные безпорядки и преступленія. Неприличны, оскорбительны для совѣсти христіанской вражда и ябеда.

Какое прекрасное зрѣлище представляютъ собою люди, у которыхъ одно сердце и одна душа! (Дѣян. IV, 32). И какъ возмущается чувство при видѣ тѣхъ, которые какъ будто для того и живутъ, чтобы враждовать между собою и ссориться! Сама природа, само сердце наше говоритъ намъ, что вражда—состояніе неестественное, состояніе такое, которому быть не должно. Богъ нашъ нѣсть Богъ нестроенія и вражды. Онъ Богъ мира и любви. Это говоритъ намъ сама душа наша, и она же осуждаетъ въ насъ всякую непріязненность къ другому. Пророкъ Елисей каждый разъ, какъ проходилъ чрезъ одно селеніе, былъ съ любовію принимаемъ благочестивою женщиною и находилъ покой въ ея домѣ. Признательный къ доброй женѣ пророкъ разъ сказалъ ей: *се удивила еси насъ всѣмъ попеченіемъ симъ. Что подобаетъ сотворити тебѣ? Аще есть тебѣ слово къ царю или ко князю?* Что же, думаете вы, при такомъ вызовѣ великаго предъ Богомъ и людьми человѣка, отвѣчала благочестивая жена? *Она же рече: нѣсть, посреди людей моихъ азъ есмь живуща* (4 Цар. IV, 8—13). Какой прекрасный отвѣтъ! Не начто, говоритъ жена, жаловаться мнѣ ни царю, ни князю: нечего и искать мнѣ у того и другаго: я живу среди людей народа Божія, которые всѣ мнѣ свои. Вотъ какъ думала, вотъ какъ говорила душа добрая. И можетъ ли иначе думать душа добрая? Можетъ ли она считать другаго виновнымъ или способнымъ на зло,

прежде, чѣмъ обвинить себя? Можетъ ли искать себѣ преимущества предъ другимъ, чувствуя свои немощи, свои грѣхи, свои недостатки разнаго рода.

Что заставляетъ тебя братъ, мой, такъ жестоко, охуждать другаго, такъ упорно домогаться возвышенія для себя и униженія для другаго! Чувство справедливости, думаешъ ты. Напрасно думаешъ. Ты обманутъ самолюбіемъ. Самолюбіе расширяетъ твои желанія, простираетъ требованія далѣе предѣловъ справедливости, и, не получая удовлетворенія, раздражается противъ другихъ. Самолюбіе возбудило въ тебѣ мечты о твоихъ заслугахъ и недостаткахъ другаго и ты смотришь на все сквозь стекло его, а не своими глазами. Дѣло извѣстное, если смотрятъ въ стекло синее, и вещи кажутся синими; если стекло красное, и предметы кажутся красными. Когда жалуешься на униженіе свое и на несправедливость другихъ: кто тебѣ сказалъ, что правъ ты, а не другіе? ты самъ говоришь, твое самолюбіе увѣрило тебя въ томъ! Раздраженный мнимою несправедливостію другихъ противъ тебя, ты потерялъ вѣрный взглядъ на вещи. Они окрасились отъ стекла, сквозь которое ты смотришь на нихъ. Какъ легко, какъ скоро и какъ незамѣтно для насъ самихъ страсть наводитъ туманъ на наше зрѣніе, окрашиваетъ предъ нашимъ взоромъ предметы, на которые смотримъ! О! если бы ты смотрѣлъ на себя и на другихъ въ самосознаніи чистомъ, озаренномъ лучами небеснаго ученія Христова: ты сказалъ бы о себѣ: гдѣ найду я такого грѣшника, каковъ я несчастный? кто болѣе имѣетъ нужду въ снисхожденіи и прощеніи, чѣмъ я, покрытый неправдами съ ногъ до головы? Мнѣ ли жаловаться на другихъ? Мнѣ ли винить ближняго моего? Мнѣ ли искать преимуществъ себѣ?

Она же рече: нѣсть, посредѣ людей моихъ азъ есмь живуща. Такъ говоритъ добрая душа. Она думаетъ о другихъ, не иначе, какъ съ самой лучшей стороны. Считаетъ ихъ родными себѣ, людьми народа Богомъ избраннаго и Богомъ хранимаго, добрыми, богобоязливыми, любящими законъ и правду. Такъ ли ты судишь о другихъ, братъ мой, ты, который посылаешь доносъ за доносомъ въ судъ на другаго? По твоему ошибочному мнѣнію, и начальство твое несправедливо, и братья твои дѣлаютъ неправду за неправдою; для тебя неправы всѣ, кромѣ тебя одного. Остерегись, братъ мой! Апостолъ признаетъ тяжкими грѣшниками тѣхъ, которые пренебрегаютъ начальства и злословятъ власти. Михаилъ архангелъ, говоритъ онъ, не смѣлъ и на діавола произнесть осудительной укоризны; а сіи злословятъ то, чего не знаютъ (Іуд. ст. 8—10). Кто тебѣ сказалъ, что другіе менѣе тебя дорожатъ правдою? Кто тебя увѣрилъ, что

другіе, даже и пользующіеся уваженіемъ въ обществѣ, противъ совѣсти не признаютъ въ тебѣ тѣхъ достоинствъ, которыми ты величаешься только по собственному твоему усмотрѣнію? Ты считаешь себя правымъ, а осуждаешь другихъ, которыхъ вовсе не знаешь? Не странно ли, не жалко ли это положеніе, въ которое самъ ставишь себя? О себѣ ты думаешь, что ты человѣкъ чуть не святой, и усердный къ Богу и заботливый о ближнихъ; а другіе, по твоему, люди пустые, беззаботные о своей душѣ, лишенные благодати! Христіанская ли совѣсть такъ разсуждаетъ въ тебѣ? Простая израильтянка осуждаетъ тебя. Она не такъ разсуждала о другихъ, какъ ты разсуждаешь. И о комъ же такъ скромно, такъ осмотрительно, судила она? Объ іудеяхъ. А ты дерзко осуждаешь христіанъ и христіанское начальство! *Кто озлобитъ васъ*, говоритъ намъ апостолъ, *аще благому подобницы будете?* (1 Пет. III, 13). Видишь, какъ апостолъ не допускаетъ самой возможности того, чтобы другіе захотѣли оскорбить насъ, если только сами подражаемъ всеблагому. Подлинно, кто захочетъ оскорблять того, кто на обиды отвѣчаетъ любовію? Не почувствуетъ ли готовый на оскорбленія, что вся красота любви и кротости на сторонѣ брата, а вся гнусность злобы на сторонѣ его самаго? Нѣтъ, не другіе причиною тому, что ты ведешь непрестанныя тяжбы и ссоры,—а твоя несчастная страсть: *огнище углію и дрова огневи: мужъ же клеветливъ въ мятежъ свара*, говоритъ премудрый (Притч. XXVI, 11). Это значитъ, что какъ для огня пищею служатъ дрова, такъ клеветнику пища—вражды и ссоры, безъ нихъ онъ не живетъ.

Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (Іоан. XV, 12). Такъ говоритъ намъ христіанамъ Господь нашъ. Если кто, то особенно христіане должны любить другъ друга, а не враждовать одинъ противъ другаго. Такова воля о нихъ Господа! Они должны любить другъ друга, какъ возлюбилъ ихъ Господь. А какъ возлюбилъ насъ Господь? Онъ возлюбилъ насъ *грѣшниковъ сущихъ* (Рим. V, 8), возлюбилъ не праведниковъ, а виновныхъ во всемъ предъ Отцемъ небеснымъ. Значитъ, и мы должны любить другихъ, хотя бы дѣйствительно они были не справедливы предъ нами и предъ Богомъ. Онъ такъ любитъ грѣшниковъ, что и за распинателей своихъ молился на крестѣ: *Отче*, говорилъ Онъ, *отпусти имъ, невѣдятъ бо что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Значитъ, по волѣ Господа, и мы должны не только покрывать обиды другихъ любовію, извинять несправедливости ихъ немощію, невѣдѣніемъ, но и молиться за нихъ. Господь, подавая намъ примѣръ жизнію своею, *укороемъ не укоряше, страждя непрещаше, предаяше же Судящему праведно* (Петр. II, 23). Такъ велитъ

Онъ и намъ поступать. Онъ повелѣлъ *любить враговъ, благословлять клянущихъ, добро творить ненавидящимъ* (Мат. V, 44), *молиться за творящихъ обиду* (Лук. VI, 28), *и напасть* (Мат. V, 44). Христіане должны быть облечены, *яко же избранніи Божіи и святіи, во утробы щедроть, благость, смиренномудріе, кротость и долготерпѣніе, пріемлюще другъ друга и прощающе, яко же и Христосъ простилъ есть* имъ, *тако* и они (Кол. Ш, 12. 13). Скажите же, други мои, есть ли въ такихъ расположеніяхъ, заповѣданныхъ христіанамъ, что нибудь сообразное съ духомъ вражды и ябедничества? Или есть ли въ дѣлѣ клеветника и ябедника что либо похожее на христіанство? Нѣтъ, и быть не можетъ. *Къ сраму вамъ глаголю*, писалъ апостолъ коринѳянамъ,—*тако ли нѣсть въ васъ мудрый ни единъ, иже можетъ разсудити между братіи своихъ? Но братъ съ братомъ*, т. е. христіанинъ съ христіаниномъ, *судится и то предъ невѣрными. Уже бо отнюдь вамъ срамъ есть яко тяжябы имате между собою. Почто не паче обидими есте? Почто не паче лишены бываете* (1 Кор. VI, 5 — 8). Видите, за что осуждаетъ апостолъ коринѳскихъ христіанъ? Осуждаетъ за то, что обижаемые, вмѣсто того, чтобы изъ среды себя избирать судей для рѣшенія взаимныхъ неудовольствій, обращались къ свѣтскимъ судьямъ. Осуждаетъ за то, что не переносили терпѣливо обидъ, возмущенныхъ чувствъ не умиротворяли духомъ любви христіанской; оскорбляли или христіанина тѣмъ, что начинали тяжбу одинъ съ другимъ.—Какъ же оправдаются предъ судомъ апостольскимъ клеветники и ябедники, тѣ, которые не только не переносятъ оскорбленій и трубятъ о нихъ вездѣ, но говорятъ и пишутъ то, чего ни кто не думалъ дѣлать имъ? О! они болѣе, чѣмъ оскорбляютъ имя христіанина, безчестятъ имя христіанина, они оскверняютъ его. *О семъ познаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, сказалъ Господь (Іоан. Ш. 35). Отличіемъ христіанъ, существеннымъ признакомъ христіанъ служитъ любовь, любовь, которая покрываетъ грѣхи другихъ, прощаетъ оскорбленія незаслуженныя, забываетъ обиды; кто не имѣетъ такой любви, тотъ не христіанинъ истинный. Кто же тотъ который не только не забываетъ обиды, но приписываетъ на судѣ ближнему, чего тотъ вовсе не дѣлалъ? Должно сказать, что онъ уподобляется исконному клеветнику на людей и Бога.

Пусть, оскорбляемый, не можешъ ты устоять на высотѣ терпѣливаго самоотреченія, не въ состояніи перенесть обиды любовію. Господь указалъ тебѣ судъ не такой, какой ты избираешь. Господь сказалъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ.—Аще тебе не послушаетъ, поими съ собою еще единаго или два. Аще же не послушаетъ ихъ, по-*

вьжде церкви (Мат. XVIII, 15. 16). Видишь, какой порядокъ установленъ для суда христіанскаго!

Первая степень христіанскаго суда—вразумленіе виновнаго на единѣ. Ты обиженъ? Иди къ тому, кто обидѣлъ тебя, иди не съ чувствами досады и гордости, а въ духѣ любви и кротости. *Иди и обличи его.* Пусть между тобою и обидѣвшемъ откроется судъ братскій, гдѣ свидѣтели—совѣсть, дѣлопроизводство—вразумленіе духовное. Открой оскорбившему несправедливость его, покажи тяжесть грѣха для его души; напомни о судѣ всемірномъ. Объясни дѣло, какъ сознаетъ его совѣсть твоя. Если бы и не примирился съ тобою братъ послѣ того: и тогда еще не слѣдуетъ тебѣ явиться къ начальству съ жалобою, не слѣдуетъ выставлять брата на судъ общественный. По наставленію Спасителя, тогда, какъ не послушаетъ твоего вразумленія согрѣшившій: *поими съ собою еще единаго или два.*

Пусть люди добрые, благочестивые, которыхъ любовь къ правдѣ извѣстна тебѣ и твоему брату, разберутъ твое дѣло съ братомъ пусть они покажутъ тебѣ и брату, кто изъ васъ правъ? Пусть къ твоему голосу присоединится голосъ сторонніхъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на совѣсть согрѣшившаго, успѣшнѣе обратить его на путь долга и любви. Пусть открыто будетъ для тебя и брата, что любовь къ правдѣ и брату заставляетъ тебя считать брата виновнымъ, а не гордость оскорбленная, не другая какая либо страсть твоя. Если же и судъ совѣстей отвергнутъ будетъ братомъ: тогда можешь ты съ спокойною совѣстію предать брата и суду общественному. Осмотрись же на самаго себя, такъ ли поступаешь ты, какъ повелѣлъ Господь!

Несправедливое обвиненіе, взводимое на брата предъ судомъ называется у насъ *ябедою.* Какое выразительное названіе, созвучное съ бѣдою. Для кого же въ ней бѣда? Конечно, по намѣренію, для ближняго. Какое жестокое намѣреніе! Какое звѣрство въ человѣкѣ! Какъ смотрѣть на клеветника, если не какъ на человѣка страшнаго! Если онъ не страшенъ себѣ самому: то отъ того онъ еще болѣе страшенъ. Клеветникъ—бѣда ближнимъ. Отъ него нѣтъ покоя ни начальству, ни сосѣдямъ и знакомымъ; онъ возбуждаетъ только тревоги и опасенія, скорбь и страданія. Онъ—злокачественная язва общества. Ябеда грозитъ бѣдою не только другимъ, но и себѣ. Кому болѣе всего не вѣрятъ? Клеветнику: онъ подозрителенъ и тогда, какъ говоритъ правду. Кого боятся и презираютъ? Клеветника: онъ такъ низокъ и грязенъ въ душѣ. Кто очень мало занятъ добрыми дѣлами? Клеветникъ; онъ о томъ только и думаетъ, чтобы нанесть вредъ другому. Чей домъ разоренъ, дѣти безъ хлѣба, поля въ за-

пустѣніи? У клеветника; ему нѣкогда заняться ни домомъ, ни дѣтьми. О комъ отзываются дурно добросовѣстные начальники? О клеветникѣ, какъ непримиримомъ врагѣ общаго покоя. Что за жизнь—жизнь клеветника? Мука. Прикрѣпивъ одинъ конецъ дѣла къ судьбѣ другаго, другимъ концемъ связываетъ онъ себя: ему надобно непрестанно беречься, чтобы и другой не освободился, надобно беречь и себя, чтобы не попасться самому въ бѣду невылазную. Дѣло начато съ злорадною радостію, а продолженіе его—рядъ тревогъ и заботъ, скорбей и надеждъ обманутыхъ. И какъ часто бываетъ, *что ровъ изры и ископа и, и впадаетъ въ яму, юже содѣла, обратится болѣзнь его на главу его и на верхъ его неправда его снидетъ* (Псал. VII, 16. 17). И правда человѣческая обыкновенно назначаетъ клеветнику то самое наказаніе, какому хотѣлъ онъ подвергнуть невиннаго.

Говорить ли о томъ, какія казни назначилъ Господь клеветникамъ? *Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ: отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. Аще же не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ не отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мат. VI, 14, 15),—такъ сказалъ Господь. Вы знаете, братія, и то, что миръ благодатный посѣщаетъ только сыновъ мира; если же гдѣ нѣтъ мира, а властвуетъ духъ вражды и злобы, то даже и тогда, какъ преподаютъ миръ служители благодатнаго мира, онъ возвращается къ нимъ, не касаясь чадъ вражды. Чего же ожидать себѣ могутъ въ вѣчности чада вражды, если они здѣсь остаются безъ благодати? Они—несчастные сыны геенны, тучныя жертвы пламени адскаго. Это не наши слова. Судія вселенной говоритъ презрителямъ воли Его о любви: *идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволомъ и аггеломъ его* (Мат. 25, 41).

Не срамляя васъ, говорю сіе, *но яко чада моя возлюбленная наказую* (1 Кор. VI, 14). Богъ любви и мира да будетъ со всѣми нами. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ 4-Е.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ДНИ ВОСКРЕСНЫЕ.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ ЖЕНЪ МУРОНОСИЦЪ,

ВЪ ХОРОШЕВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ.

время бесѣдованія—недѣля св. женъ мироносицъ, и мѣсто бесѣдованія—обитель женъ, посвятившихъ себя Господу, показываютъ, что весьма прилично теперь бесѣдовать о женахъ мироносицахъ къ назиданію слушающихъ.

Минувши субботы, Марія Магдалина и Марія Іяковля и Соломія купиша ароматы (Мар. XVI, 1). Кто такія жены были Мироносицы? Св. Маркъ, между блаженными Мироносицами, указываетъ прежде всего Марію Магдалину, т. е. урожденную, изъ галилейскаго городка Магдалы, ту самую, изъ которой, по его же повѣствованію, Іисусъ изгналъ седмь бѣсовъ (Мар. XVI, 9). Итакъ Марія Магдалина удостоилась особенной благодати отъ Господа; но она же, по извѣстію евангельскому, платила за благодѣяніе особенною любовію Господу. *Марія Іяковля*, вторая мироносица, была, по словамъ евангелиста, мать Іакова и Іосіи, или по выраженію св. Марка была матерію Іакова малаго и Іосіи (XV, 40). Она вмѣстѣ съ Маріею Магдалиною слѣдовала за Спасителемъ до самаго гроба (Матѳ. XXVII, 56). Въ повѣствованіи объ этомъ подвигѣ ея у св. Іоанна называется она Маріею Клеоповою, сестрою матери Іисусовой,—Клеоповою по супругу, который иначе назывался Алфеемъ: Іаковъ малый, сынъ ея, одинъ изъ 12 апостоловъ, называется Іаковомъ Алфеевымъ (Матѳ. X, 3. Мар. V, 18). *Саломія*, указываемая св. Маркомъ между мироносицами, въ повѣствованіи евангелистовъ оказывается матерію сыновъ Зеведеевыхъ, апостоловъ Іоанна и Іакова (Матѳ. X, 2), знаменитыхъ сыновъ громовыхъ. По словамъ св. Марка (XV, 40) на распятаго Спасителя смотрѣла вмѣстѣ съ Маріею Магдалиною Саломія, а по словамъ св. Матѳея (XXVII, 56), то была мать сыновъ Зеведеевыхъ. Кромѣ Маріи Магдалины и Маріи Іяковлевой св. Лука указываетъ между мироносицами *Іоанну* и еще другихъ, не называемыхъ по имени. *Бяше же*, говоритъ онъ, *Магдалина Марія, и Іоанна и Марія Іяковля и*

прочія съ ними (XXIV, 10). Кто была эта Іоанна? Св. Лука пишетъ, что за Спасителемъ, обходившимъ города съ проповѣдію и чудесами, слѣдовали не только апостолы, но *и жены нѣкія, яже бяху исцѣлены отъ духовъ злыхъ и недугъ: Марія, нарицаемая Магдалина, изъ нея же бѣсовъ седмь изыде, и Іоанна, жена Хузаня приставника Иродова и Сусанна и ины многи, яже служаху Ему отъ имѣній своихъ* (Лук. VIII; 1—3). Итакъ Іоанна была жена Хузы; домоправителя Иродова, человѣка богатаго и почетнаго и она же была изъ числа женъ, исцѣленныхъ Господомъ; она также, какъ Магдалина, сопутствовала Спасителю во время проповѣди Его и будучи столько же признательною, сколько и богатою, охотно употребляла свое имущество на служеніе Господу. По словамъ св. Луки не можемъ сомнѣваться, что *Сусанна*, бывшая въ числѣ послѣдовательницъ Господа, была и въ числѣ мѵроносицъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ св. Марка (XV, 40. 41), жены, ходившія за Іисусомъ въ Галилеи и служившія Ему, т. е. тѣ самыя о которыхъ говоритъ св. Лука, были въ Іерусалимѣ во время распятія Спасителя и съ скорбію любви смотрѣли на распятаго Благодѣтеля и учителя своего. Затѣмъ между прочими мѵроносицами съ полною вѣроятностію можемъ поставить Марію и Марѳу, сестеръ Лазаревыхъ, столько любившихъ Господа. Итакъ, вотъ мѵроносицы, указываемыя евангелистами: Марія Магдалина, Марія Іяковля, Саломія, Іоанна, Сусанна, Марія и Марѳа сестры Лазаревы.

Какая общая черта и черта высокая открывается въ сихъ женахъ еще прежде, чѣмъ принесли онѣ дорогое мѵро Спасителю своему! Конечно не малое значило и то, что онѣ, по словамъ евангелистовъ, слѣдовали за Спасителемъ по Галилеи. Но за великимъ чудотворцемъ слѣдовали и толпы народа и о нѣкоторыхъ изъ слѣдовавшихъ за Нимъ сказалъ Онъ Самъ: *аминь глаголю вамъ, ищите Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ясти есте хлѣбы* (Іоан. VI, 26).

Другое дѣло, когда видимъ тѣхъ же женъ при крестѣ Спасителя, тамъ, гдѣ позоръ и ужасъ смерти сокрыли отъ взора людей божественную славу небеснаго посланника. Пастырь пораженъ, въ ужасѣ разсѣеваются ученики Его; самый Петръ, который обѣщался умереть съ Іисусомъ, три раза отрекся отъ Него. Но благоговѣйныя жены не оставили Іисуса и среди ужасовъ смерти. Онѣ слѣдовали за Нимъ на Голгоѳу, орошая путь Его слезами состраданія. Онѣ были съ Нимъ и на Голгоѳѣ, не сводили глазъ съ возлюбленнаго Учителя; иныя издали измѣряли страданія Его чувствомъ сострадательнымъ, другія стояли у самаго креста. Ни неистовство черни, ни злоба книжниковъ и фарисеевъ, ни дерзости воиновъ не

могли удалить ихъ отъ божественнаго Учителя. Онѣ смотрѣли потомъ, *гдѣ Его полагаху* (Мар. XV, 47) и сидѣли насупротивъ гроба (Матѳ. XXVII, 61).

Жены-подражательницы мѵроносицъ! нѣжность любви, вѣрность любви—преимущественная принадлежность вашего пола. Посвящайте же Господу отличіе вашего пола, по примѣру мѵроносицъ. Не дозволяйте унижать сердца вашего предметами недостойными любви. Будьте вѣрными въ любви къ Господу. Не волнуйтесь помыслами малодушія при встрѣчѣ съ искушеніями: болѣзнь ли посѣтитъ кого изъ васъ, непрывычныя ли перемѣны быта встрѣтятъ васъ: будьте душею съ Господомъ, которому вы уневѣстились. Храните сердце ваше обѣтами, данными Ему; не уклоняйтесь ни мыслями, ни желаніями, тѣмъ болѣе дѣлами, отъ служенія, покорности, самоотреченія, чистоты, которыя обѣщались вы сохранять до гроба.

Купиша ароматы, да помажутъ тѣло Іисуса, или, по повѣствованію св. Луки, *уготоваша ароматы и мѵро,*—приготовили *ароматы* — сухія благовонія, *и мѵро*—благовонную масть, то и другое весьма дорогой цѣны и на какое употребленіе? *да помажутъ тѣло Іисуса,* чтобы отдать почесть возлюбленному Учителю и Господу своему. Вотъ для кого надобно жертвовать всѣмъ дорогимъ. Жены міра! учитесь у мѵроносицъ, на что вамъ надобно дѣлать дорогія издержки. Благовонія, дорогія масти, дорогія украшенія полезны душѣ, когда онѣ употребляются для славы Господа. Иначе чего ждутъ себѣ жены, когда благовонія ихъ отзываются зловоніемъ страстей и дорогой уборъ открываетъ только безобразіе души? Чего ждутъ себѣ, когда соблазнами губятъ души невинныя, искупленныя Господомъ? Пусть помнятъ, что сказалъ Господь о подобныхъ женахъ Сіона: *понеже исходиша съ высокою выею и помаганіемъ очесъ и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущія и ногами купно играющія: Господь откроетъ срамоту ихъ. И будетъ вмѣсто вони доброй смрадъ и вмѣсто пояса ужемъ* (веревкою) *препоясшеися* (Исаія. Ш, 16. 17. 23).

Обѣтныя дѣвы! не спросите ли, какъ можете вы подражать мѵроносицамъ, когда у васъ нѣтъ ни ароматовъ, ни мѵра? Приносите плоды трудовъ вашихъ въ храмъ Господній для поддержанія и украшенія его; оказывайте состраданіе къ больнымъ и нищимъ, въ лицѣ которыхъ является вамъ Христосъ; наконецъ приносите слезы сокрушенія о грѣхахъ своихъ, отнимающихъ у васъ тѣ сокровища духовныя, которыя могли бы вы приносить въ даръ Господу. Вотъ приношенія, какихъ ожидаетъ отъ васъ Господь.

И зѣло заутра, во едину отъ субботъ пріидоша на гробъ, возсіявшу солнцу (ст. 3).

Жены мvроносицы столько были заняты заботою отдать почесть возлюбленному Учителю своему, что эта забота не давала имъ сна. *Зѣло заутра* и онѣ уже идутъ на гробъ. Самая бдительная изъ нихъ даже не разъ приходитъ ко гробу. Св. Матѳей говоритъ: *свитающи во едину отъ субботъ*, т. е. на разсвѣтѣ перваго дня недѣли, когда мракъ ночи только что уступалъ мѣсто свѣту, когда природа едва только пробуждалась отъ глубокаго сна, св. жены уже спѣшатъ на святое дѣло хвалы Господу. Такъ бдительны были мvроносицы для прославленія Господа!

Какъ прилично, какъ полезно возвѣщать хвалы Господу въ глубокое утро! Что такое человѣкъ? Онъ—царь, онъ глава видимой природы. — Прилично ли спать царю тогда, когда низшіе его уже совершаютъ должную службу предъ Царемъ царей. Не долженъ ли онъ предначинать хвалебную пѣснь Творцу, прежде чѣмъ начнетъ ее покорная ему тварь? И какъ легко молиться въ полночь и утро! Мысли тогда чисты, ощущенія живы, душа свободна отъ впечатлѣній тяжелой земли, покоющаяся природа не занимаетъ и не развлекаетъ собою, человѣкъ весь съ собою и Господомъ. *Въ полунощи возстахъ исповѣдатися о судьбахъ правды Твоея*, говоритъ Давидъ предъ Господомъ (Псал. CXVIII, 62). *Въ полунощи же Павелъ и Сила молящеся, пояху Бога*, говоритъ книга дѣяній апостольскихъ (Дѣян. XVI, 25). *Въ обнощь въ молитвѣ*, повѣствуетъ евангеліе о самомъ Господѣ Іисусѣ (Лук. VI, 12). И св. церковь назначаетъ для молитвы полночь и утро. И какъ опасно для каждаго предаваться сну беззаботному! „Се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же паки, его же обрящетъ унывающа. Блюди убо душе моя, да не сномъ отяготишися, да не смерти предана будеши и царствія внѣ затворишися“.

А что бываетъ у нынѣшнихъ христіанъ? Да, иные, удивительно, какъ бодры на цѣлую ночь, но для чего? Проводятъ время какъ язычники. И помину нѣтъ и мысли нѣтъ въ головѣ, что вотъ-вотъ откроется судъ для того или другаго изъ нихъ. О! несчастные! Взойдите въ храмъ въ утреннее молитвословіе церкви: кого вы найдете тамъ? Однихъ служителей церкви. Боюсь за по́святившихъ себя здѣсь служенію Господу.

Сестры о Господѣ! видитъ Богъ: страшно мнѣ за васъ. Вы дали обѣтъ посвящать время ваше молитвѣ. Какъ же вы исполняете его? Съ чѣмъ явитесь вы на судъ Господа? Какъ? Во время утрени и у васъ храмъ пустой! Кто вы? Зачѣмъ вы въ оградѣ святой? Или думаете вы, что можете безнаказанно смѣяться жизнію своею надъ обителію молитвы? А вы смѣетесь надъ нею, вы позорите ее, когда претворяете ее изъ обители молитвы въ обитель служенія при-

хотямъ плоти. „Какъ быть? говорятъ. Нужны же пища и одежда, нужно время для пріобрѣтенія той и другой“. А кто далъ вамъ уставъ заботливыхъ Марѳъ? Что мѣшаетъ предоставить двумъ—тремъ изъ васъ совершать изъ послушанія службы Марѳы, чтобы всѣмъ прочимъ оставаться блаженными Маріями? Или били вы только воздухъ, когда давали обѣты исполнять правила общежитія и молитвы? Придите въ себя, устрашитесь положенія своего, подумайте, что ожидаетъ нарушителей данныхъ Богу обѣтовъ. Боже мой! что за ослѣпленіе? Нравится всегда быть въ услугахъ у своихъ прихотей. Кому же адъ, какъ не рабамъ плоти и своеволія? Мѣняютъ бесѣду съ Господомъ на бесѣду съ мелочными предметами суеты. И еще думаютъ быть близкими къ Господу. Сжальтесь надъ собою. Будете взывать: *Господи—Господи, отверзи намъ двери,* а Господь скажетъ: *не вѣмъ васъ.*

И вшедше во гробъ, видѣша юношу,—одѣянна во одежду бѣлу и ужасошася. Онъ же глагола имъ: не ужасайтесь. Іисуса ищете Назарянина распятаго: возста, нѣсть здѣ, се мѣсто, идеже положиша Его (ст. 4—8).

Вѣрная любовь св. мироносицъ не оставлена безъ награды. Онѣ первыя услышали вѣсть о воскресеніи Господа; небесный вѣстникъ, озаренный славою чистоты духовной, явился имъ и открылъ, что возлюбленный Учитель ихъ, Котораго распяли враги, уже не въ числѣ мертвыхъ. Въ повѣствованіи св. Матѳея видимъ еще болѣе. Когда мироносицы шли передать ученикамъ слова ангела: „се Іисусъ встрѣтилъ ихъ и сказалъ: радуйтеся! Онѣ приступили, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говоритъ имъ Іисусъ: не бойтесь; подите, возвѣстите братіямъ моимъ, чтобъ они шли въ Галилею: тамъ они увидятъ Меня“ (Матѳ. XXVIII, 8—10).

Господи! Тебѣ все возможно,—Тебѣ возможно оживить хладныя сердца наши любовію вѣрною и бдительною. Недостойны мы благодати Твоей: но по великой милости Твоей не лиши насъ милости, да и мы встрѣтимъ Тебя съ избранными Твоими во славѣ Твоей. Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 4-ю ПО ПАСХѢ.

Горе міру отъ соблазнъ, горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ (Мат. XVIII, 7).

Горе соблазняющимся! Горе соблазнителямъ! говоритъ Господь. Слушатель мой! не принадлежимъ ли и мы съ тобою къ тому или другому сословію несчастныхъ? Или быть можетъ, случается намъ попадать въ то и другое званіе несчастныхъ? Горе горе! Для кого оно не страшно! Надобно же близко ознакомиться съ тѣми, кому возвѣщается горе, чтобы по возможности отклонять отъ себя то и другое горе. На сей разъ разсмотримъ соблазняющихся. Размыслимъ виновность соблазняющихся и средства спасать себя отъ соблазновъ.

Миръ многъ любящимъ законъ твой Господи, и нѣстъ имъ соблазна, поетъ св. пѣвецъ съ опыта (Псал. CXIX, 165). Значитъ, если кто соблазняется: тотъ показываетъ въ себѣ недостатокъ любви къ закону Божію. Не любить закона Божія—какъ это преступно, какъ оскорбительно, какъ пагубно для безсмертной души нашей! Когда же и можетъ быть порядокъ, миръ, счастіе въ глубинѣ души нашей, какъ не тогда, какъ все въ ней совершается по закону Божію? Заповѣди Господни свѣтъ, просвѣщающій и мысли, и чувства, и желанія, и дѣла наши. Кто истинно любитъ законъ Божій, тотъ не промѣняетъ его ни на какіе уставы міра, ни на какія правила духа времени и потому остается неприкосновеннымъ для соблазновъ міра. И какъ быть иному? Когда духъ времени не былъ духомъ антихристовымъ? Напрасно говорятъ, что въ мірѣ все идетъ къ лучшему. Отъ духа времени не ждите лучшаго. Что такое духъ времени? Духъ своеволія преступнаго. Таковъ онъ былъ прежде; таковъ онъ теперь и инымъ быть не можетъ. Духъ времени — духъ лжи и обмана. Онъ лжетъ, выставляя новыя, будто имъ открытыя истины: у него есть только мнѣнія, а истина всегда одна: онъ лжетъ, выставляя на показъ свою ревность къ истинѣ: не истину, а свои страсти, любитъ онъ. Нынѣ онъ хвалитъ то, завтра другое: надъ правилами и мыслями, которыя считалъ онъ образцовыми за 5 лѣтъ предъ симъ, смѣется онъ нынѣ, а спустя другія пять тѣтъ, если не прежде, станетъ смѣяться надъ тѣми, отъ которыхъ въ востор-

гѣ нынѣ. Онъ никогда не зналъ и не любилъ чистой истины и только мѣняетъ пріемы свои, чтобы вводить людей въ обманъ. Говорить ли о духѣ нашего времени? Юное поколѣніе о всемъ судитъ по своему, на все даетъ свои рѣшенія, всему назначаетъ свои порядки, не признаетъ другой власти, кромѣ своей воли. Прогрессъ, прогрессъ, говоритъ оно, и не терпитъ ничего стараго. Самыя святыя, самыя непреложныя истины подвергаются суду насмѣшливому и презрительному. *Чадо зло праведна себе судитъ, исхода же* (поведенія) *своего не измы; чадо зло высоки очи имать, вьждома же своими возносится,* говоритъ мудрецъ Божій (Прит. XXX, 12. 13). Не правда ли, что это описаніе, какъ нельзя точнѣе, изображаетъ нашихъ юныхъ прогрессистовъ. А вотъ, если хотите, и дополненіе къ описанію: *чадо зло клянетъ отца и матере не благословитъ* (Прит. XXXVIII, 11). Какова нравственность! Распутство—жизнь обыкновенная; даже не вѣрятъ, чтобы можно было жить иначе. Изумительное ослѣпленіе! Какъ, казалось бы, не видѣть, что улучшеніе людей—дѣло желаемое для всѣхъ, но оно можетъ совершаться по законамъ Вѣчнаго, которые непреложны и неизмѣнны! Какъ, казалось бы, не видѣть, что модное своеволіе неумно и преступно, когда такъ отважно, такъ дерзко пренебрегаетъ уроками опытности, столько знакомившейся съ примѣненіями уставовъ Вѣчнаго къ условіямъ времени и склонностямъ людей! Какъ бы, казалось не замѣтить, что своеволіе, столько гордое и себялюбивое, проповѣдуетъ прогрессъ для своихъ видовъ, чтобы дать просторъ страстямъ своимъ! Таково свойство духа времени! Онъ обаятеленъ для людей времени, потому что они живутъ по волѣ времени и для времени. *Горе міру отъ соблазнъ.*

Пусть не легко идти противъ потока времени, не легко стоять противъ обаяній духа времени. Но—нравственное мужество составляетъ существенную принадлежность христіанской добродѣтели; христіанское самоотверженіе требуетъ всецѣлаго пожертвованія собою, въ случаяхъ, когда добродѣтель встрѣчаетъ преграды или опасность паденія. Потому соблазняющійся обличаетъ въ себѣ очень слабаго христіанина. Онъ увлекается худыми внушеніями, тѣми, которыя вносятъ въ душу смерть. Онъ кланяется то Іеговѣ, то Ваалу: къ лицу ли это ему? На несчастіе, чѣмъ чаще онъ кланяется ложнымъ богамъ, тѣмъ воля его становится слабѣе, тѣмъ болѣе онъ унижаетъ въ себѣ достоинство человѣка, для котораго одинъ есть Богъ. Въ соблазнахъ грѣха не ищите согласія и единства; тутъ непрестанныя разнорѣчія и противорѣчія; люди вѣка, люди времени, также непостоянны въ своихъ уставахъ, какъ измѣнчиво время, какъ измѣнчивы капризы страстей.—И бѣдная воля, которая дозволяетъ увле-

кать себя разнорѣчивыми и противорѣчивыми соблазнами грѣха, терпитъ насилія и муки. Время отъ времени, ослабляя волю для добра увлеченіями соблазновъ, человѣкъ наконецъ доходитъ до младенчества для добра и низкой трусости предъ всякимъ соблазномъ грѣха. Христіанина искать здѣсь—не умный трудъ. Спрашиваемъ: человѣкъ ли это? Нѣтъ—это печальная тѣнь человѣка. *Горе міру отъ соблазнъ.*

Соблазняющійся показываетъ въ себѣ безпечность о спасеніи своемъ. Не безпечность ли ко спасенію видна тогда, какъ всѣ средства ко спасенію готовы для насъ, а мы ими не пользуемся и увлекаемся грѣхомъ? Не безпечность ли о душѣ своей показываютъ тогда, какъ не употребляютъ оружіе вѣры для борьбы съ соблазнами и опасностями душевными? Господь не допускаетъ до человѣка такихъ искушеній грѣховныхъ, которыхъ человѣкъ преодолѣть не въ силахъ; помощь Его всегда готова для насъ, лишь только призовемъ ее молитвою искреннею.—Потому, если при всѣхъ средствахъ побѣждать соблазны, человѣкъ соблазняется и падаетъ: паденіе его—плодъ его недѣятельности, лѣни и нерадѣнія. Лотъ не увлекся развращеніемъ своихъ согражданъ. Авраамъ не слѣдовалъ современнымъ поклонникамъ идоловъ. Цѣломудренный Іосифъ не увлекся нечестивымъ предложеніемъ жены Пентефріевой, а говорилъ: *како сотворю глаголъ злый сей и согрѣшу предъ Богомъ?* (Быт. XXXIX, 3). Св. Исидоръ Александрійскій не взирая на то, что военная жизнь всегда шумна и окружена соблазнами, исполнялъ обязанности по службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ поста, молитвъ и добрыхъ дѣлъ, а потомъ запечатлѣлъ ревность о вѣчномъ спасеніи мученическою кровію.

Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: за не искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, его же обѣща Богъ любящимъ Его (Іак. I. 12). Такъ учитъ апостолъ. Чего же ждать соблазняющемуся, который любитъ не Бога, а міръ, который такъ слабъ для добра и безпеченъ о себѣ? Дивно ли, что рано или поздно долженъ онъ понесть наказаніе за свою любовь ко грѣху?—чего ждать отъ грѣха, кромѣ смерти и бѣдствія? Ахавы, увлекаемые женами къ почтенію идоловъ, израиль, обольщаемый мадіанитянками въ развратъ, ничего не могутъ ждать себѣ, кромѣ казни и гнѣва Божія. Ахъ! если Спаситель нашъ, который такъ былъ кротокъ и рѣдко, рѣдко возставалъ съ угрозами противъ грѣшниковъ, возвѣщаетъ *горе міру отъ соблазнъ:* нѣтъ сомнѣнія, что это горе слишкомъ опасно и страшно, нѣтъ сомнѣнія, что оно простирается не на одну земную жизнь, а послѣдуетъ и въ вѣчность. *Горе міру отъ соблазнъ!*

Какъ же спасать душу свою отъ соблазновъ?

Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть, сказалъ Господь (Мат. XXII. 45). Сердца наши—нивы, на которыхъ легко могутъ быть посѣяны плевелы, какъ скоро не будемъ имѣть вниманія къ себѣ. Необходимо стоять на стражѣ у своей души. *Трезвитеся, бодрствуйте*, учитъ апостолъ Петръ (Петр. V, 8). *Бодрствуйте; стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся*, учитъ апостолъ Павелъ (1 Кор. XVI, 13). Двѣ особенно мысли должны быть постоянно на стражѣ при душѣ среди соблазновъ: первая та, что зло не перестаетъ быть зломъ оттого, что оно многимъ нравится, и законъ Божій не теряетъ своей власти надъ нами отъ того, что многіе не выполняютъ его. Эта мысль будетъ разсѣевать мглу соблазновъ, то множествомъ своимъ устрашающихъ мысль нашу, то обольщающихъ воображеніе знатностію своихъ послѣдователей. Затѣмъ надобно помнить, что какъ хорошо было бы, если бы на землѣ не было соблазновъ: но такъ какъ въ земной жизни всѣ мы грѣшны, а иные изъ насъ доходятъ до упорства во грѣхѣ; то до конца міра будутъ на землѣ соблазны: *нужда есть пріити соблазномъ* (Мат. XVIII, 7), сказалъ Спаситель. Эта мысль, поставленная стражемъ при душѣ, будетъ прогонять печаль ея о соблазнахъ и побуждать къ тому, чтобы не увеличивать собою числа соблазновъ. Бодрствованіе нужно и при такихъ стражахъ. Много, очень много мыслей и чувствъ возмутительныхъ можетъ вторгаться и проскользать въ душу помимо этихъ стражей. Наши мысли и чувства опредѣляютъ собою дѣятельность души. Не обращая вниманія на мысли, можемъ увлекаться худыми впечатлѣніями и падать. Точно также, не обращая вниманія на чувства легко допустимъ имъ перераждаться въ страсти и худыя привычки. Бодрствуя надъ самими собою, мы будемъ держать на стражѣ совѣсть свою, и ея голосъ, раздаваясь въ душѣ нашей, будетъ удерживать насъ отъ поползновеній ко грѣху прогонять коварныхъ враговъ души нашей. *Аще бы вѣдалъ домовладыка, не далъ бы подкопати своего дому* (Лук. XII, 39). „Бѣсъ, говоритъ св. Димитрій, трезвится и бодрствуетъ, ходитъ какъ левъ рыкающій ища добычи. Будь и ты всегда трезвъ, бодрствуй и не засыпай, чтобы избѣжать сѣтей готовыхъ для тебя. Будь всегда остороженъ, всегда дѣятеленъ. Тебѣ остается или побѣдить врага, или быть побѣжденнымъ. Иному быть нельзя. Мира и покоя не ожидай въ этомъ вѣкѣ, тишина и свобода—не удѣлъ твой. Пока живешь здѣсь, будь всегда готовъ на брань и сраженіе. Ты идешь по льду весеннему, не будь беззаботенъ; ты на брани съ міромъ, борись же“ [1]).

---

[1]) Соч. св. Димитрія 1, 180—183.

Съ бодрствованіемъ надобно соединять молитву. Молитва избавляетъ душу отъ соблазновъ и потому, что занимаетъ душу святыми мыслями и чувствами и не даетъ въ ней мѣста чувствамъ и желаніямъ преступнымъ. Молящійся затворяется въ тайной клѣти души своей и здѣсь находитъ себѣ сокровища духовныя, находитъ *царствіе Божіе*, которое *внутрь насъ есть* (Лук. XVII, 21). Молитва, не позволяя молящемуся разсѣеваться по разнымъ предметамъ призрачнаго міра, служитъ по словамъ лѣствичника, „надежнымъ мостомъ для перехода по волнамъ искушеній и соблазновъ [1]). Самая же сильная помощь молитвы противъ соблазновъ зависитъ отъ того, что она вводитъ въ душу силу Божію, которая въ состояніи погашать всѣ волны страстей и разсѣевать обольщенія плоти и міра.

Самый опасный врагъ для души—самонадѣянность, особенно, когда надобно ей имѣть дѣло съ соблазномъ. Отчего палъ Петръ? Отъ самонадѣянности. „Если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, я никакъ не соблазнюсь, хотя бы мнѣ и умереть съ Тобою, не отрекусь отъ Тебя“ (Мат. XXVI, 33. 35): такъ говорилъ онъ Господу и потомъ испугался женщины. Спасительное предлагаетъ правило св. Павелъ: „кто думаетъ стоять, берегись, чтобы не упасть (1 Кор. X, 12)“.

Много значатъ для души, въ дѣлѣ охраненія себя отъ соблазновъ, и средства внѣшнія, каковы: удаленіе отъ всего, что можетъ имѣть опасныя впечатлѣнія на чувства и въ частности удаленіе отъ лицъ, мѣстъ и предметовъ, поблажающихъ испорченной природѣ нашей.

Чувства наши, не оберегаемыя отъ внѣшнихъ соблазнительныхъ впечатлѣній, легко могутъ вносить въ душу соблазнъ. „Узрѣло око, говоритъ св. Амвросій, и превратилось въ чувство, услышало ухо и измѣнилось намѣреніе, повѣялъ запахъ и остановилась добрая мысль, вкусили уста и отрыгнули преступленіе; сотряслось осязаніе и вспыхнулъ огонь нечистивый“ [2]). Итакъ для избѣжанія соблазновъ нужно избѣгать всего того, что соблазнительно дѣйствуетъ на чувства. Такъ Спаситель запрещаетъ похотливый взглядъ на жену (Матѳ. IV, 27. 28). И св. Димитрій внушаетъ: „бѣгай взгляда на чужую красоту, какъ смертнаго яда, чтобы не впасть въ глубину погибели; споткнувшись на этомъ, не останемся безъ скорби и тяжести“ [3]). Царь Давидъ держалъ себя глухимъ, когда враги осыпали

---

[1]) Степ. 28.

[2]) Письмо къ пресвитерамъ въ христ. чт. 1838 г. ч. III. Стр. 176.

[3]) Поуч. св. Димитрія 1, 217. 218.

его клеветами; тѣмъ ограждалъ онъ душу отъ досады, гнѣва и мести (Пс. XXXVII, 14. 15). Строже, чѣмъ вкусъ и обоняніе надобно держать въ уздѣ осязаніе, которое бывъ разлито по всему тѣлу, быстро передаетъ потрясенія сердцу и легко возбуждаетъ похоть.

Въ частности берегись лицъ соблазнительныхъ для нравственности. Каждому внимательному къ себѣ, собственная совѣсть скажетъ, что причиною искушеній его была не столько естественная слабость, на которую такъ часто ссылаются, сколько нежеланіе удаляться отъ лицъ, опасныхъ для чистоты душевной. Израиль былъ вѣренъ Господу своему, пока не входилъ въ общеніе съ хананеями, но когда, вопреки запрещенію Божію, подружился съ ними,—перенялъ отъ нихъ и идоловъ и развратъ языческій. *Аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е,* говоритъ Спаситель. *Аще десная твоя рука соблазняетъ тя, усѣцы ю и верзи отъ себе* (Матѳ. V, 29. 30). Объясняя эти слова св. Златоустъ учитъ: „Спаситель говоритъ здѣсь не о членахъ тѣла, а о друзьяхъ и сродникахъ, поколику они вредны и вводятъ соблазны. Спаситель какъ бы такъ говоритъ: если ты кого любишь, такъ что полагаешься на него, какъ на правый глазъ, и если онъ соблазняетъ тебя, развращаетъ твою душу: то такого человѣка отсѣки отъ себя,—оставь его навсегда“ [1]).

Удаляйся и мѣстъ, въ которыхъ сѣятся соблазны то наученіемъ и совѣтомъ, то насмѣшками и укорами. Напрасно Петръ, понадѣявшись на себя, вступалъ во дворъ Каіафы; твердость его подверглась здѣсь сильнымъ искушеніямъ. *Бѣжите, бѣжите, изъ среды Вавилона и спасите кійждо свою душу,* говоритъ пророкъ Іеремія (LI, 6). Премудрый учитъ: *на пути нечестивыхъ не иди, ниже возревнуй путемъ законопреступнымъ* (Притч. IV, 14). Какъ заразительный воздухъ вредитъ здоровью, такъ и соблазнительныя мѣста опасны для нравственности. Таковы театры и зрѣлища, противъ которыхъ Златоустъ гремитъ всею силою обличеній и укоризнъ.

Каждая страсть питается своею пищею. Для скупца милы деньги, для честолюбца—почести наружныя, для гордаго—уваженіе къ себѣ. Но каковы бы ни были предметы, ласкающіе страсть: берегись ихъ, чтобы не кормить въ душѣ змѣи. Склонность ко грѣху глубоко таится въ душѣ нашей и мы всякій разъ питаемъ ее, какъ только сближаемся съ предметами пріятными для грѣшныхъ склонностей. Грѣхъ еще не совершается, если отвращаемся его, но онъ уже успѣлъ связать насъ невидимою силою при сближеніи съ предметами страстей. Когда соблазнительные предметы у насъ предъ

[1]) Бес. 59 на св. Матѳея.

глазами, на первый разъ мы бываемъ въ нерѣшимости уклониться ли отъ соблазна; но потомъ совѣсть, обольщенная коварными внушеніями страсти, уступаетъ влеченіямъ нечистаго сердца. Такъ, кто самъ ставитъ ногу въ сѣть соблазна, тотъ долженъ знать, что нога его будетъ задержана (Іов. XVIII, 8. 9). Если нѣтъ возможности удалиться отъ предметовъ соблазнительныхъ, приготовь себя къ нимъ яснымъ сознаніемъ всей опасности ихъ,—это ослабитъ силу опасной встрѣчи, если не совсѣмъ уничтожитъ ее.

Будемъ же внимательны къ себѣ и тверды для добра; будемъ открывать чувства наши только для того, чтобы обнимать дѣла рукъ Божіихъ и славить Господа. Будемъ осторожны и дѣятельны, какъ мореплаватели; и какъ тѣ не упускаютъ изъ вида уроковъ опытности, станемъ и мы неуклонно держаться заповѣдей Божіихъ, чтобы не сбиться съ пути спасенія. Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 5-Ю ПО ПАСХѢ.

Горе міру отъ соблазнъ. Горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ (Матѳ. XVIII, 17).

Казалось бы, съ чего людямъ соблазнять людей? Грѣхъ такъ отвратителенъ для общаго чувства! И однако *соблазнъ приходитъ* по милости человѣка. Какъ это бываетъ? Грѣхъ точно—вещь, не стоющая желаній. Однако люди любятъ грѣхъ и предпочитаютъ его добрымъ дѣламъ, когда не дѣлаютъ добраго и дѣлаютъ худое. Одни не принимаютъ на себя и труда подумать, что они дѣлаютъ худое; другіе смутно и кое-когда видятъ, что дѣлаютъ худо, но продолжаютъ дѣлать худое. Такимъ-то образомъ происходитъ, что въ мірѣ господствуютъ *похоть очесъ, похоть плоти и гордость житейская* (I Іоан. II, 16). Люди міра, предпочитая для самихъ себя худое доброму, точно также поступаютъ въ отношеніи къ другимъ. Отселѣ въ мірѣ не только пагубные примѣры жизни, не только слова, сочиненія, картины соблазняющія, но и домогательства вовлечь другаго въ грѣхъ то ласками, то насиліемъ. Такъ *приходитъ соблазнъ*. Иные думаютъ, что подъ соблазномъ ра-

зумѣются только грѣхи грубые и всенародные, и такъ какъ сами они не творятъ подобныхъ грѣховъ, то ставятъ себя вдали отъ горя соблазнителей. Напрасно! Какъ бы ни малъ казался грѣхъ, какъ бы ни незначительно было слово или дѣйствіе не согласное съ закономъ; но если подаетъ оно поводъ къ грѣху, вызываетъ другаго на грѣхъ: оно уже соблазнъ.

Братія! соблазнъ, угрожающій горемъ, не такъ далекъ отъ круга дѣйствій нашихъ, какъ кажется, какъ хотѣлось бы инымъ. Потому въ предостереженіе свое надобно обратить вниманіе на горе, возвѣщенное соблазнителю.

Горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ. И какъ быть иному? Дѣлая вредъ другому, соблазнитель вредитъ себѣ, наноситъ пагубу своей душѣ. *Проклятъ всякъ, прельщаяй слѣпаго въ пути* (Втор. XXVII, 8), говоритъ слово Божіе. Если же проклятъ обманывающій слѣпаго въ пути его, или бросающій камни слѣпому подъ ноги: то не болѣе ли тяжкому гнѣву Божію предаетъ себя тотъ, кто ставитъ преткновенія другому на пути вѣчнаго спасенія? Ахаръ строго наказанъ былъ за похищеніе одной золотой монеты изъ приношенія посвященнаго Богу (Іис. Нав. VII, 20—25). Послѣ того страшно подумать, какой казни будутъ преданы тѣ, которые похищаютъ у Христа Господа души, купленныя кровію Его. Для кого назначена геенна? Для соблазнителя діавола. Если же такъ: то въ гееннѣ мѣсто и соблазнителямъ людямъ. Ихъ нравственное омраченіе, ихъ нравственное разстройство подобны злости діавола: они также вовлекаютъ другаго въ гибель, также тѣшатся зломъ, какъ онъ. Потому и въ вѣчности должна ожидать ихъ участь діавола. Страшно, но вѣрно.

Страшно состояніе соблазнителя. Къ бремени собственныхъ грѣховъ прибавляетъ онъ бремя чужихъ грѣховъ. Какая ужасная тяжесть на немъ! Если трудно отвѣчать за свои грѣхи: какъ устоять, какъ уцѣлѣть предъ судомъ правды Божіей, когда еще лежитъ на насъ отвѣтственность за грѣхи чужіе, содѣянные при нашемъ участіи? Давидъ въ страхѣ и трепетѣ молился предъ Господомъ: *отъ чуждихъ пощади раба Твоего* (Пс. XVIII, 14).

Если что особенно грозитъ погибелью соблазнителямъ: то это часто встрѣчающаяся невозможность исправить жизнь людей, соблазненныхъ ими. Легко произвесть пожаръ самый страшный, но не легко потушить его. Легко соблазнителямъ возбуждать въ другихъ пламя страстей; но не легко гасить его. Пусть пришедшій въ себя соблазнитель искренно желаетъ обращенія соблазненному, пусть искренно совѣтуетъ ему придти въ себя и остановиться на пути грѣха.—Но легко ли увлеченные въ грѣхи принимаютъ къ сердцу

самые добрые совѣты? Ахъ! чаще всего обращаются спиною къ добрымъ совѣтникамъ, если только не возстаютъ на нихъ съ ненавистію оскорбленнаго самолюбія. Прибавьте къ тому, что лице развращенное соблазнителемъ, одичавъ въ развратѣ, уже передало развратъ свой другому и третьему лицу. Мало и того для муки соблазнителя. Бываетъ, что когда онъ, придя въ себя, рвется душею исправить зло, возвратить къ раскаянію погрязшихъ во грѣхѣ, по его винѣ; тѣ уже перешли въ другую жизнь, оставивъ дѣтей, обученныхъ одному разврату. Послѣ того естественно, что неисправленный грѣхъ, но грѣхъ разлившійся по землѣ въ видѣ страшной заразы, наказывается правосудіемъ Божіимъ еще на землѣ. Соблазнители израиля погублены были въ числѣ 24 тысячъ (Чис. XXV, 9). На дѣтяхъ Илія отяготѣла десница Божія, собственно не за хищеніе, а за то, что поведеніемъ своимъ служили они соблазномъ для народа (1 Цар. II, 17). Домъ Іеровоамовъ подвергся истребленію за вину Іеровоама. *Начальникъ рода согрѣши и введе въ грѣхъ израиля* (3 Цар. XV, 30).

Особенно близки къ погибели тѣ соблазнители, которые, по званію своему, должны заботиться о спасеніи другихъ, а между тѣмъ губятъ другихъ соблазнами. Какъ добродѣтели, такъ и пороки людей низшаго сословія умираютъ вмѣстѣ съ ними и только всемірный судъ откроетъ ихъ предъ взоромъ вселенной. И—они соблазняютъ другихъ,—но не многихъ, и примѣръ ихъ не производитъ неизгладимаго впечатлѣнія. Другое дѣло—люди высшихъ сословій. Ихъ дѣла переходятъ изъ устъ въ уста, изъ одного круга людей въ другой кругъ, изъ одной страны въ другую и третью страну. Ихъ жизнь предъ глазами общества со всѣми мелкими ея чертами. Никакая слабость ихъ не укрывается отъ другихъ. Своею знатностію и силою они придаютъ блескъ и силу своимъ порокамъ. Потому соблазны ихъ производятъ разрушительныя дѣйствія на общество, ихъ окружающее. Часто по одному тщеславію низшіе стараются подражать высшимъ,—даже въ явныхъ порокахъ. Люди низкіе думаютъ положить печать благородства на преступные поступки тѣмъ, что подражаютъ они порокамъ лицъ знатныхъ. Какая печальная доля высшихъ соблазнителей.

Такъ соблазнители жестоки противъ самихъ себя, нарушаютъ обязанности въ отношеніи къ себѣ самимъ и тѣмъ губятъ свои души.

Они же жестоки и въ отношеніи къ ближнимъ своимъ. Вводя другихъ въ грѣхи, они показываютъ въ себѣ сердца черствыя, незнакомыя съ чистою любовію къ ближнему. Возлюбленный ученикъ Христовъ говоритъ: *всякъ любяй брата своего во свѣтѣ пребываетъ и нѣсть въ немъ соблазна* (1 Іоан. II, 10). Значитъ соблазни-

тели не ходятъ во свѣтѣ истинной вѣры и незнакомы съ истинною любовію къ братьямъ. Соблазняющіе другихъ возмущаютъ и уязвляютъ совѣсть ближнихъ своихъ, лишаютъ ихъ самаго драгоцѣннаго сокровища—душевной невинности. „Невинность души, говоритъ св. Василій, есть какъ бы поверхность чистой и прозрачной воды. Брось въ нее одинъ камень и ты приведешь въ движеніе не только точку соприкосновенія, но и всю окружность. Волненіе распространится изъ круга въ кругъ до самаго края потока; а достигши до дна, камень подымаетъ илъ дотолѣ покойный, и, взволновавъ воду, вызоветъ на видъ грязную и мутную лужу“ [1]). Какое жалкое занятіе соблазнителя! Это занятіе дикаря. Соблазняющіе другихъ—похитители душевныхъ сокровищъ у братій. „Похитителями мы можемъ назвать, говоритъ св. Григорій, не только тѣхъ которые расхищаютъ земныя сокровища наши, но и тѣхъ, которые соблазнительнымъ худымъ поведеніемъ, худыми примѣрами, отнимаютъ у насъ душевныя пріобрѣтенія и достоянія“ [2]). Мало того, соблазнителей надобно считать человѣкоубійцами, такъ какъ они отнимаютъ у соблазняемыхъ жизнь души, вливая въ нее ядъ духовной смерти и губятъ того, за кого пострадалъ Христосъ Господь (Римл. XIV, 15). Діаволъ называется человѣкоубійцею, такъ какъ онъ сѣетъ злое и убиваетъ имъ человѣка. Не думай, чтобы и ты не былъ человѣкоубійцею, если ты подаешь худой совѣтъ брату; если склоняешь и доводишь его до грѣха: ты убиваешь душу его. Такъ тяжко грѣшатъ соблазнители противъ ближнихъ своихъ!

Соблазнители нарушаютъ обязанности свои и въ отношеніи къ Богу. Мы обязаны жить такъ, чтобы другіе, видя добрыя дѣла наши, прославляли Отца нашего небеснаго (Мат. V, 16). Соблазнители своими дѣлами безчестятъ Бога, котораго исповѣдуютъ устами. Они не только не показываютъ въ дѣлахъ своихъ благоговѣнія предъ Отцемъ небеснымъ: но, увлекая другихъ въ грѣхи своею жизнію явно противятся волѣ Божіей, столько заботливой о спасеніи всѣхъ и каждаго (1 Тим. II, 9). Они нагло разрушаютъ дѣло спасенія человѣческаго, которое такъ дорого стоило Сыну Божію,—убиваютъ людей смертію вѣчною, какъ бы насмѣхаясь надъ Господомъ Спасителемъ людей. Какъ ужасно преступленіе ихъ! Не считаютъ ли великимъ преступникомъ того, кто осмѣливается опустошать царскій дворецъ? Человѣкъ—твореніе рукъ Божіихъ, искупленное кровію Сына Божія, зданіе, превышающее красотою и величіемъ все, что ни есть въ видимомъ мірѣ чудеснаго и прекраснаго. *Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есть вы, и Духъ Божій живетъ въ васъ*, учитъ апо-

[1]) Христ. чт. 1841 г. за іюнь стр. 410, 411.
[2]) St. Gregorii Moral. c. 10.

столъ (1 Кор. III, 16). И этотъ, въ высшей степени художническій, храмъ Божій оскверняютъ и опустошаютъ соблазнители. Какого гнѣва Божія не стоятъ они! *Аще кто растлитъ храмъ Божій*, говоритъ апостолъ, *растлитъ сего Богъ* (Кор. III, 17).

Братія! страшно состояніе соблазнителей! Какъ много надобно стараться о томъ, какъ много надобно трудиться для того, чтобы были мы безпреткновенны для каждаго, даже до дне Христова (1 Кор. X, 32). Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 6-Ю ПО ПАСХѢ.

Горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ.

Если страшно горе, готовое для соблазнителей: какъ не заботиться о мѣрахъ, которыя могли-бы предохранить насъ отъ такого горя? Какія же есть средства противъ сего горя?

Такъ какъ соблазняютъ другихъ двоякимъ образомъ,—или словомъ или дѣломъ: то и средства, предохраняющія отъ грѣха соблазнителей также могутъ быть двоякія—въ словѣ и въ дѣлѣ.

Чтобы не соблазнять другихъ словомъ, будь остороженъ въ употребленіи слова,—держи языкъ въ уздѣ. Представляй себѣ чаще тѣ гибельныя послѣдствія, причиною которыхъ бываетъ даже одно празднословіе; помни твердо, что на страшномъ судѣ Божіемъ дадимъ мы строгій отвѣтъ въ каждомъ пустомъ словѣ и—ты не будешь легкомысленъ въ употребленіи дара слова ко вреду ближнихъ твоихъ. Представляй себѣ чаще, какъ по милости шутокъ твоихъ, по вліянію твоихъ дерзкихъ отзывовъ о предметахъ святыхъ, твои братія то приблизились къ невѣрію и холодности преступной, то потеряли чистоту души своей, и ты въ ужасѣ будешь отъ легкомыслія въ шуткахъ, отъ твоей дерзости въ приговорахъ всему, даже недоступному для тебя. Языкъ, по слову апостола, *есть огнь*, „скопище неправды, зло неудержимое, полный яда смертоноснаго“ (Іак. III, 6). Отъ него возжигается ненависть даже между друзьями. Итакъ, если станешь укрощать его: какъ много зла остановишь ты между людьми! *Всякое слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (Ефес. IV, 29). *Всякая нечистота ниже да именуется въ насъ, якоже подобаетъ святымъ—и сквернословіе, и буесловіе или кощуны, яже*

неподобная (Ефес. V, 3. 4). *Отложите всякое хуленіе и срамословіе отъ устъ вашихъ* (Колос. III, 8). *Слово ваше да будетъ всегда во благодати солію растворено* (Колос. IV, 6). Препод. Памво, услышавъ разъ слова Давида: *рѣхъ сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ* (Псал. XXXVIII, I), такъ былъ пораженъ ими, что послѣ того во всю жизнь не произносилъ празднаго слова и въ разговорахъ былъ весьма остороженъ. Когда спрашивали его о чемъ либо изъ свящ. писанія, или о дѣлѣ важномъ: онъ рѣдко прежде трехъ дней давалъ отвѣтъ, а иногда не давалъ его и прежде трехъ мѣсяцевъ. Такъ онъ боялся вводить другихъ въ ошибки и грѣхъ словами необдуманными. Падражай. св. Памвѣ и слово твое не будетъ соблазномъ для ближнихъ твоихъ.

Чтобы дѣла наши не служили соблазномъ для другихъ: надобно не только остерегаться грѣховъ явныхъ, но должно сообразовать поведеніе свое съ нравственнымъ состояніемъ людей, среди которыхъ живемъ мы. Большинство людей, какъ извѣстно, состоитъ изъ людей слабыхъ, скорыхъ на грѣхъ, мало знакомыхъ съ истиннымъ благочестіемъ; они часто судятъ о друзьяхъ добродѣтели по себѣ, по своему привычному образу мыслей и дѣлъ и легко вовлекаются въ грѣхъ всякимъ поводомъ ко грѣху. Дѣло любви христіанской— обходиться съ младенцами о Христѣ съ кроткою, но осмотрительною любовію. Имѣйте же любовь въ душѣ и любовь не допуститъ въ нашей жизни соблазна (1 Іоан. II, 10). Чѣмъ слабѣе наши братья, тѣмъ большей они требуютъ заботливости о предохраненіи ихъ отъ соблазновъ. По слову апостола сильные должны носить немощи немощныхъ, а не жить въ свое удовольствіе. Безъ сомнѣнія не легко иногда переносить прихоти страстей брата, чтобы не раздражать его гнѣва отказомъ въ услугѣ; но любовь покоитъ брата, не думая о своемъ покоѣ. „Не будемъ, наставляетъ св. Златоустъ, отказываться для братій нашихъ ни отъ какихъ унизительныхъ дѣлъ. Хотя бы намъ пришлось послужить человѣку незнатному и бѣдному, хотя-бы это сопряжено было съ великими трудами, хотя-бы намъ надлежало для сего перейти горы и стремнины: все это должны мы переносить для спасенія брата. Богъ столько заботится о душѣ, что не пощадилъ Сына своего. Будемъ и мы заботиться о томъ, чтобы спасти брата отъ соблазна“ [1]). Щадя слабость людей, самъ Богъ примѣняется къ ихъ состоянію, чтобы не являть случая къ соблазну. Тѣло Моусеево Богъ скрылъ для того, чтобы іудеи не обратили его въ предметъ обожанія (Втор. IV, 6). Дабы распрями съ Лотомъ не подать

[1]) Бес. 59. на еванг. св. Мат.

соблазна хананеямъ, Авраамъ отдалъ Лоту и часть земли, которую тотъ самъ пожелалъ (Быт. XIII, 7). Св. Кипріанъ такъ изображаетъ поступки Елеазара Маккавея: „Елеазаръ не только сообразовался съ состояніемъ юношей, но и съ состояніемъ старцевъ и съ слабостію братій, дабы старость его не была причиною соблазна и погибели для юности. Потому-то онъ лучше пожелалъ лишиться жизни въ мукахъ, чѣмъ быть для кого либо соблазномъ". Святое сообразованіе съ недостатками немощныхъ братій требуетъ того, чтобы мы являлись во всемъ чистыми, невинными, непорочными чадами Божіими (Филип. II, 15).

Въ частности будь остороженъ для брата твоего при совершеніи дѣлъ безразличныхъ. Дѣйствія, сами по себѣ безразличныя, бываютъ по послѣдствіямъ причиною соблазновъ, *Добро*, говоритъ апостолъ, *не ясти мясъ, ниже пити вина, ни о немъ же братъ твой претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ* (Рим. XIV, 21). *Тѣмъ же, аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. VIII, 13). Св. Златоустъ объясняетъ слова апостола такъ: „апостолъ говоритъ: *добро не ясти мясъ*, не потому, что это нечисто, а потому, что братъ соблазняется и изнемогаетъ. И что говорить о мясахъ? Воздерживайся, говоритъ, и отъ вина и отъ всего, что только служитъ соблазномъ; потому что спасеніе брата не идетъ ни съ чѣмъ въ сравненіе" [1]). Для того, чтобы не подать случая къ соблазну для обратившихся къ вѣрѣ іудеевъ, апостолъ обрѣзываетъ Тимоѳея (Дѣян. XVI, 3), и потомъ самъ остригъ власы по обѣту (Дѣян. XVIII, 3).

Впрочемъ, признавая святость примѣненія своихъ поступковъ къ образу жизни другихъ, не должны мы доходить до крайностей.— Если изъ извѣстнаго поступка можетъ произойти болѣе добра, чѣмъ зла отъ соблазна: не надобно опускать благотворнаго поступка. Тѣмъ болѣе боязнь соблазна не должна удерживать насъ отъ исполненія нашихъ обязанностей. Въ такомъ случаѣ не мы подали бы собою соблазнъ, а его придумаютъ другіе. Распятый Іисусъ былъ соблазномъ для іудеевъ, но для апостола, но для всякаго вѣрующаго Онъ—Божія сила и Божія премудрость и потому ничего такъ не желалъ знать, ничего такъ не желалъ проповѣдывать апостолъ, какъ Христа распятаго (1 Кор. I, 23—25). Боязнь соблазна не должна доводить и до притворства въ поведеніи.—Только нечистый совѣстію имѣетъ причину скрывать себя, а непорочному не для чего скрываться. Притворство его было бы грѣхомъ противъ совѣсти его и слѣд. соблазномъ для другаго. Препод. Ѳеодоръ си-

[1]) Бес. на 14. гл. ст. 24. Посл. къ Римл.

дѣлъ у дверей келліи въ разодранной одеждѣ, какъ пришелъ мірянинъ принять отъ него благословеніе. Ученикъ поспѣшилъ принесть учителю другую одежду: но Ѳеодоръ остался въ прежней. Когда ушелъ мірянинъ, ученикъ сказалъ аввѣ: что ты дѣлаешь, авва? Человѣкъ приходилъ къ тебѣ получить пользу, а не соблазняться? „И впредъ приказываю тебѣ, отвѣчалъ преподобный, сказывать о мнѣ всѣмъ сущую правду, а не поступать такъ, какъ поступаютъ въ мірѣ. Когда ѣмъ, говори, что Ѳеодоръ ѣстъ, когда сплю, говори, что Ѳеодоръ спитъ. Только нельзя назвать совершенно чистымъ въ душѣ своей, кто имѣетъ причину скрываться".

Богу нашему слава во вѣки вѣковъ, аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ,

НА КЛАДБИЩѢ, ВО ХРАМѢ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ [1]).

Случалось ли вамъ, слушатели, размышлять, что значитъ храмъ сей, въ который собрались мы? Храмъ, посвященный всѣмъ Святымъ, стоитъ на мѣстѣ усопшихъ. Что за мысль такого храма? что за назиданіе? Не могу вѣрить, чтобы безъ мысли строили св. храмъ, безъ цѣли тратились на украшеніе его. Теперь, когда мы собрались на духовный праздникъ въ храмъ сей, прилично размыслить, если не размышляли, прилично возобновить размышленіе, если размышляли, о значеніи сего храма.

О чемъ говорятъ вѣрѣ всѣ Святые, которымъ посвященъ храмъ сей? О томъ, что вѣра, которою вѣровали они, есть вѣра чистая и святая, и слѣд. такая, которую и мы должны содержать и хранить. Одно уже то, что святые всѣхъ странъ и народовъ, не одного, а разныхъ вѣковъ, соблюдали одну и ту же вѣру, служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что вѣра ихъ—вѣра истинная. Ложь не можетъ быть сама съ собою согласна, а непремѣнно противорѣчитъ себѣ самой, не нынѣ, такъ завтра, не въ одномъ, такъ въ другомъ или третьемъ случаѣ; ловкость, соединяясь съ упорствомъ, успѣваетъ скрывать безпорядки лжи на-время отъ нѣкоторыхъ, но не навсегда. Только истина вездѣ вѣрна себѣ вѣрна себѣ самой, не смотря на

[1]) Храмъ стоитъ между кладбищемъ и молельною раскольниковъ—безпоповщинской секты.

то, что проста и безъискусственна. И потому вѣра святыхъ, всегда и вездѣ согласная, носитъ на себѣ печать истины. Далѣе, что значитъ прославленіе святыхъ чудесами и знаменіями? Съ одной стороны, это есть проявленіе благодати Божіей, возведшей внутреннее освященіе сердца до наружныхъ дѣйствій, съ другой—это есть видимая печать благоволенія Божія о святыхъ, поучающая благоговѣнію къ волѣ Божіей. Въ комъ, по слову Спасителя, можетъ являться чудодѣйствующая благодать? *Знаменія же вѣрующимъ сія послѣдуютъ: именемъ Моимъ бѣсы изженутъ, языки возглаголютъ новы, змія возмутъ* и пр. Итакъ въ томъ, кто имѣетъ живую, плодотворную вѣру, въ комъ вѣра благодатію Божіею возведена до преобладающаго начала жизни, до начала, освящающаго всѣ дѣйствія его,—въ томъ могутъ являться знаменія. Итакъ чудеса—видимый знакъ святости лицъ чудодѣйствующихъ,—свидѣтельство о святости какъ ихъ, такъ и того общества, или той церкви, гдѣ воспитанъ чудотворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кто собственно можетъ творить чудеса? Одинъ Богъ. Такъ, если святые творятъ чудеса, то это значитъ тоже, что въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствуетъ Богъ, что они посланники Божіи, подтверждающіе чудесами возвѣщаемую ими волю Божію. Смотрите далѣе. Не правду ли, что подвигъ цѣлой жизни нѣкоторыхъ святыхъ относился собственно къ проповѣди вѣры? Таковъ подвигъ мучениковъ, исповѣдниковъ, святителей и учителей вѣры. Итакъ, прославившій сихъ святыхъ прославилъ для насъ вѣру ихъ, или, что то же, утвердилъ чудесами, что проповѣдь ихъ свята, ученіе ихъ чисто, благовѣстіе ихъ—благовѣстіе не земли, а неба. А такъ какъ исповѣданіе вѣры, которое содержали и проповѣдывали святые учители, было то самое, которое содержала церковь: то прославившій святыхъ прославилъ съ тѣмъ вмѣстѣ церковь ихъ, или ея ученіе. Такъ прославленіе святыхъ чудесами есть печать Божія, полагаемая на церковь ихъ въ знаменіе ея чистоты и угодности Богу.

Какъ же должны мы благодарить Господа, что родились и воспитались въ святой православной церкви, прославленной и чистою жизнію святыхъ и знаменіями, совершающимися чрезъ нихъ? Потому-то напрасно украшаютъ себя пышными именами общества, отступившія отъ церкви: на нихъ нѣтъ печати Божіей, нѣтъ ни несомнѣнноблагодатной святости, ни знаменій Божіихъ. Это—общества, созданныя произволомъ человѣческимъ, безъ благоволенія Божія, твореніе людей, а не Бога. Вотъ недалекое отъ насъ общество раскольниковъ. Спросите, былъ ли кто либо изъ святыхъ въ числѣ отступниковъ отъ церкви, подобныхъ имъ? Нѣтъ. Были ли святые чудотворцы между ними—раскольниками? Нѣтъ. Прославленъ Господомъ Димитрій Ростовскій: но онъ жестокими обличеніями пре-

слѣдовалъ расколъ. Прославлены святители—Иннокентій иркутскій, Митрофанъ воронежскій: но они подвизались за церковь, а не за расколъ, Гдѣ-жъ прославленные между раскольниками? Правда, не разъ случалось слышать и читать похвалы какимъ-то страдальцамъ соловецкимъ. Но, что это за страдальцы? За что они умирли? За то, что бунтовали противъ царя и отечества? Подлинно, святой подвигъ совершили! Подлинно стоютъ имени страдальцевъ! А каковы были другія дѣла ихъ? Товарищи ихъ, по пребыванію въ осадѣ Соловецкой, стыдились говорить даже предъ судомъ гражданскимъ о ихъ мерзостяхъ. И этихъ-то людей наглое безстыдство выставляетъ невѣждамъ, какъ страдальцевъ. Безстыдство это простиралось такъ далеко, что даже указывало на нетлѣніе этихъ страдальцевъ. Тѣла бунтовщиковъ, пролежавшія зиму на льду залива, оно хотѣло выдать за нетлѣнныя. Это уже болѣе, чѣмъ просто лгать, но лгать на святаго Духа, прославляющаго святыхъ. Вотъ что значитъ дѣло произволовъ!

Что говорятъ святые Божіи для нашего назиданія нравственнаго? Отъ святыхъ нельзя услышать другаго урока, кромѣ урока душеспасительнаго. Они говорятъ намъ, что безъ благочестія всѣ отличія свѣта, богатство, почести, слава—суета и ничтожество.

Въ самомъ дѣлѣ, въ честь кого празднуемъ мы нынѣ? Въ честь тѣхъ, которыхъ міръ или не зналъ, или знать не хотѣлъ—иначе, какъ развѣ гоненіемъ и злобою. *Каменіемъ побіени быша, претрени быша, убійствомъ меча умроша, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ* (Евр. XI, 37, 38). Такихъ людей прославляемъ мы нынѣ, послѣ того, какъ прославлены они Господомъ. Гдѣ-жъ знаменитости міра? Какъ не попали они въ число прославляемыхъ церковію и Господомъ? Да, не попали, если были не въ числѣ святыхъ. А какъ много было въ мірѣ людей славныхъ и могущественныхъ, отъ которыхъ когда-то тряслись царства и народы! Какъ много было людей богатыхъ, которые не знали счета своимъ богатствамъ! Какъ много было людей ученыхъ, которые владѣли обширными, глубокими познаніями природы! И всѣ эти громкія имена исчезли, или исчезаютъ. Слава ихъ промчалась, какъ звукъ мимолетный, или готова исчезнуть, какъ гулъ отдаленный. Что это значитъ? То, что земныя отличія и преимущества, даваемыя временемъ, временемъ и поглощаются, но совсѣмъ не составляютъ неотъемлемаго достоинства человѣка; то, что для вѣчнаго бытія нашего необходимы совсѣмъ другія преимущества,—тѣ, за которыя ублажаются святые. Эти преимущества суть смиреніе, терпѣніе, чистота души и тѣла, богобоязненность, любовь. Эти преимущества не изглаждаются временемъ,

потому что мѣра и основа ихъ—не мнѣнія людей перемѣнчивыя, не случайности земли, все измѣняющія, а вѣчная, неизмѣнная воля Божія. Богатый этими отличіями пусть ничего не значитъ въ мірѣ, но онъ великъ предъ Господомъ; пусть онъ не ученъ, не краснорѣчивъ, не разсуждаетъ великолѣпно, пусть не знаютъ его иначе на землѣ, какъ за бѣдняка простодушнаго: его знаніе Христа Господа узнаютъ за гробомъ, его слава начнется тамъ,—и слава, несравнимая ни съ какою знаменитостію земною.

Вотъ урокъ, даваемый намъ славою Святыхъ!

И лежащіе при храмѣ семъ не безмолвны для насъ. И, что удивительно, они даютъ вѣрѣ и благочестію тотъ же урокъ, что и святые.

Усопшіе также говорятъ намъ, что богатство, почести, слава—безъ добрыхъ дѣлъ—суета. Спросите, кого угодно, изъ богатыхъ, лежащихъ здѣсь: что взялъ онъ съ собою изъ сокровищъ своихъ? Если благочестіе не позаботилось сдѣлать хотя малое употребленіе изъ богатства: сами видите, оно вовсе не нужно для мертвеца; нагимъ вышелъ онъ изъ чрева матери своей, нагимъ лежитъ и въ могилѣ. Гдѣ красота лица, гдѣ стройность стана, которыми блистала юность дѣвъ, прежде чѣмъ легла здѣсь? Знаменитость сана и рода не оставила блеска своего на костяхъ, сложенныхъ въ могилу. Пышность и нищета, какъ видите, ложатся здѣсь рядомъ, одинаково составляя изъ себя пищу червей, трупъ бездыханный, кости сухія. Юность! приходи, изучай здѣсь назначеніе краткой и бѣдственной жизни нашей. Старцы! могила говоритъ вамъ: исправьте проступки прошедшей жизни вашей; одно благочестіе юности и старости переживетъ смерть, и только оно одно пойдетъ съ нами туда—защищать насъ на судѣ Божіемъ. Слушатель мой! повѣрь словамъ мудраго: *во всѣхъ словесѣхъ твоихъ поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII, 39).

Что нужно болѣе всего, что болѣе всего можетъ принесть пользу лежащимъ здѣсь братіямъ и сестрамъ нашимъ? Скажутъ: полезны дѣла милосердія, совершаемыя въ ихъ имя. Не сомнѣваюсь, что онѣ полезны усопшимъ; Богъ любви и милосердія любитъ дѣла милосердія; оказавъ помощь нищему и узнику, вы Мнѣ оказали ее,—скажетъ Судія Господь. Но, братія, милосердыми умѣли быть и язычники,—и они вовсе не были глухими къ страданіямъ страждущихъ. Ужели же христіанинъ ничего не можетъ дѣлать болѣе язычника? Ужели христіанство такъ скудно въ средствахъ спасенія? О, быть не можетъ? Чѣмъ же можешь ты пособить умершимъ, какъ христіанинъ? Есть пособіе точно христіанское, и пособіе точно благотворное, лучше котораго ничего нѣтъ на землѣ: это безкровная

жертва тѣла и крови Христовой приносимая святою церковію. Что всѣ дѣла наши предъ правосудіемъ Божіимъ, не защищенныя искупительною кровію Христовою? На чемъ можемъ мы основать надежду спасенія своего и другихъ, какъ не на примирительной смерти Христовой? Потому-то если бы вы могли слышать голоса братій и сестеръ вашихъ съ той стороны гроба: сколько благодарности живой и пламенной услышали бы вы за воспоминаніе именъ ихъ при жертвѣ безкровной? А въ то же время вы услышали бы голосъ любви ихъ къ вамъ о васъ самихъ; дорожите, дорожите православною церковію и вѣрою: въ ней сокровища благодати для живыхъ и умершихъ; жалѣйте о вашихъ несчастныхъ братіяхъ, избравшихъ себѣ, вмѣсто святой церкви, богатой дарами неба, худую, полуразвалившуюся храмину,—молельню раскола; нечѣмъ, не чѣмъ защитить ей несчастныхъ дѣтей своихъ отъ грознаго суда правды Божіей.

Что значитъ, слушатели мои, что почившіе лежатъ здѣсь при храмѣ всѣхъ Святыхъ? То, что они отданы и приняты подъ защиту святыхъ неба. Говорю: приняты. Какъ же не принять Святымъ тѣхъ, которые во всемъ единовѣрны съ ними, одного Господа искали, однимъ и тѣмъ же путемъ шли? Какъ не принять святымъ, когда они такъ любятъ Господа и братію свою? И какая вѣрная защита—святые! Господь такъ внимателенъ къ молитвамъ святыхъ! Правда, и расколъ призываетъ тѣхъ же святыхъ на помощь, и онъ говоритъ: отче Николае, отче Сергіе! Но дѣло въ томъ, принимаютъ ли ихъ св. небожители за дѣтей своихъ? Тогда какъ своевольные и упорные они бѣгутъ прочь отъ той святой Матери, которая родила и воспитала святыхъ неба; тогда какъ наглость нѣкоторыхъ изъ нихъ изрыгаетъ даже хулы на святую Матерь всѣхъ святыхъ—церковь Христову: вѣрно ли то, чтобы святые принимали съ любовію голоса такихъ дѣтищъ, какъ бы часты, какъ бы громки они ни были? Вѣрно то, что святые негодуютъ на расколъ. Пусть же несчастные поспѣшатъ примириться съ святыми прежде гроба.

Вотъ какое значеніе имѣетъ храмъ во имя всѣхъ святыхъ надъ могилами умершихъ! Будемъ пользоваться храмомъ симъ во спасеніе, и въ славу имени Божія, дивнаго во святыхъ. Аминь.

1848 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ВТОРУЮ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ,

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА ДЕРПТА.

Не слышателіе закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся (Рим. II, 13).

Доведенный долгомъ до удовольствія въ первый разъ видѣть градъ сей,—славный глубокою давностію пребыванія въ немъ православнаго христіанства, славный и новѣйшимъ просвѣщеніемъ, по чину церкви, встрѣчаюсь съ словами апостола: *не слышателіе закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся*. Не увѣренъ, чтобы встрѣча двухъ обстоятельствъ имѣла отношеніе только къ граду, а не къ посѣтившему градъ; но во всякомъ случаѣ долгомъ обязываюсь предложить слово о словахъ, столько полезныхъ для каждаго.

Римскіе христіане, для которыхъ писалъ помянутыя слова апостолъ, обратились къ христіанству изъ іудеевъ и язычниковъ. Іудеи превозносились предъ язычниками тѣмъ, что имъ данъ былъ самимъ Богомъ законъ. Обратившіеся изъ іудеевъ ко Христу дѣлали то же. Если смотрѣть только на то, что іудею данъ былъ законъ Божій и данъ Самимъ Богомъ: то это преимущество іудея предъ язычникомъ дѣйствительно важно. И царственный пророкъ утѣшался гѣмъ, что *вѣдомъ во іудеи Богъ: во израили веліе имя Его* (Псал. LXXV, 2). Ни у одного народа древняго не было такого закона, каковъ былъ законъ у израиля; ни въ какомъ народѣ древности не соединено было съ закономъ столько великихъ дѣлъ, сколько совершено при обнародованіи и подтвержденіи закона израилева. Какъ же было не имѣть въ виду такого необыкновеннаго преимущества? *Кій бо, языкъ*, говорилъ самъ Моусей, *тако велій, ему же есть Богъ, приближаяйся ему, яко Господь Богъ нашъ во всѣхъ, въ нихже аще призовемъ Его? И кій языкъ великъ, емуже суть оправданія и суды правы, по всему закону сему, егоже азъ даю предъ вами днесь* (Втор. IV, 7. 8). И апостолъ не молчалъ о преимуществѣ сродниковъ своихъ по плоти; и онъ говорилъ о нихъ: они израильтяне, имъ принадлежатъ усыновленіе и слава, и завѣты и законоположеніе, и служеніе и обѣтованія (Рим. IX, 3. 4). И однако тотъ же апостолъ послѣ того, какъ сказалъ: *елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ*, говоритъ: *не слышателіе бо закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся*. Что это

значитъ? Отчего это такъ, что слушаніе самаго закона Божія еще не доводитъ до блаженства, знаніе самаго прекраснаго правила жизни еще не дѣлаетъ человѣка правымъ? Казалось бы, не великое ли дѣло, не высокое ли наслажденіе, не счастливая ли доля—просвѣтить умъ познаніемъ предметовъ возвышенныхъ? Какъ много чувствуютъ себя выше другихъ, когда становятся выше другихъ по образованію ума? Не самое ли сознаніе говоритъ, что пріобрѣтаютъ, а не теряютъ что либо, когда пріобрѣтаютъ знанія; возвышаютъ, а не унижаютъ душу, когда просвѣщаютъ разумъ свой? И особенно когда познаютъ дѣла Божія, когда вводятъ законъ Божій въ свое внутреннее знаніемъ, мѣсто ли сомнѣнію, что это есть пріобрѣтеніе великое, наслажденіе чистое?

Все это правда, братія; но такая правда, которой надобно указать границу. Будемъ внимательны къ душѣ,—и мы откроемъ въ душѣ нашей эту границу. Согласитесь, что не естественно для души, когда заставляютъ ее жить одною мыслію, или, когда допускаютъ въ ней преобладать такой силѣ, которая не имѣетъ права на преобладаніе. Не одною мыслію назначено жить душѣ, но въ ней есть и чувство и воля, а волѣ принадлежитъ правительственная власть надъ душею. Представимъ себѣ, что въ цѣломъ тѣлесномъ организмѣ жива и цѣла одна голова, а всѣ прочіе члены омертвѣли, или, по крайней мѣрѣ, едва дышатъ жизнію. Чѣмъ назовете вы такой организмъ? Скажете,—это что-то не въ порядкѣ; это что-то болѣе, чѣмъ уклоненіе отъ порядка. Не то же ли означаетъ и душа, когда въ ней живетъ мысль на счетъ всего другаго, когда указываютъ мысли безпредѣльное стремленіе впередъ, а бѣдное чувство, а бѣдная воля, не говоримъ о прочихъ силахъ, едва получаютъ на свою долю минуты кое-какой жизни, кое-какого дѣйствія? Въ такомъ случаѣ душа мало по малу, постепенно, но непримѣтно, превратится въ скелетъ мыслей, въ сухой остовъ духовнаго организма. Дайте незаконный перевѣсъ какой угодно части, въ какомъ угодно цѣломъ: самое превосходное цѣлое разстроится. Другаго слѣдствія нельзя ожидать и тогда, когда въ душѣ преобладаетъ знаніе безъ дѣлъ закона. Спору нѣтъ, что невѣжество—не блаженство; жизнь души, спасеніе души начинается познаніемъ закона, разумѣніемъ воли Божіей. Но пусть тѣмъ и ограничится дѣятельность мысли,—разумѣніемъ воли Божіей, необходимымъ для правильной жизни душевной. Это будетъ законная дѣятельность, правильная дѣятельность, которая будетъ благотворною для всей души.

Братія! Страненъ былъ бы законодатель, если бы данъ былъ законъ съ тѣмъ только, чтобы узнанъ былъ законъ. Это означало бы, что, или даютъ такой законъ, которымъ ничего нельзя привесть

въ порядокъ, или даютъ законъ съ тѣмъ только, чтобы, увидя изъ него свои безпорядки, оставались съ безпорядками. Прельщаютъ себя, учитъ апостолъ, когда думаютъ, что все сдѣлано по отношенію къ закону, если бы *слышатели, а не творцы закона* (Іак. I, 22). Не странно ли, не смѣшно ли видѣть въ зеркалѣ неприличіе своей одежды, нечистоту на лицѣ, а ничего не поправлять въ одеждѣ, и не спѣшить смывать грязь съ лица? Если же кто, говоритъ апостолъ, только слушаетъ слово, а не выполняетъ; то такой походитъ на человѣка, видящаго въ зеркалѣ лице свое:—увидалъ себя, отошелъ, и тотчасъ забылъ, каковъ былъ (Іак. I, 23. 24). Законъ Божій данъ намъ съ тѣмъ, чтобы не только знали мы его, но и исполняли. И какъ строгъ законъ Божій, какъ обширны требованія его! Если кто соблюдетъ и весь законъ, но согрѣшитъ въ чемъ либо одномъ: то обвиненъ будетъ во всемъ (Іак. II, 10). Самоволіе передвигаетъ и портитъ границы закона: но Тотъ, кто далъ законъ, не оставитъ того безъ отмщенія; за каждое праздное слово, за каждую праздную мысль потребуетъ Онъ къ отвѣту. Мы живемъ забывчиво: но это не значитъ, чтобы мы были внѣ опасности; мы безпечны къ собственному положенію, живемъ такъ, какъ будто бы не было никого надъ нами: но надъ нами бодрствуетъ неумолимая правда,—она обличитъ самое малое отступленіе отъ святой воли Божіей. Востань, грѣшникъ, проснись отъ губительнаго сна твоего, чтобы не засталъ тебя неготовымъ къ отчету неумолимый стражъ твой.

Мнози рекутъ въ день онъ: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, не Твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ? И Господь скажетъ многимъ: *николиже знахъ васъ.* Чего же мы себѣ ждемъ отъ одного знанія воли Божіей? Нѣтъ, знаніе воли Божіей не только не спасетъ насъ отъ суда, но послужитъ только къ осужденію нашему, если оно безплодно въ насъ. Какъ бы великолѣпно и многосложно ни было знаніе наше, безплодное знаніе—погибель. *Рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивый біенъ будетъ много.* Такъ говоритъ истина. Страшно это слово для бѣднаго іудея, знавшаго изъ закона волю небеснаго Владыки. Гораздо болѣе оно страшно для насъ, христіане, для которыхъ еще болѣе извѣстна воля Отца небеснаго. *Если глаголанное ангелами слово было твердо, и всякое преслушаніе получило мздовоздаяніе: какъ мы убѣжимъ гнѣва,—нерадивые о такомъ спасеніи?* (Евр. II, 2. 3). Слово о нашемъ спасеніи возвѣщено самимъ Господомъ, единороднымъ Сыномъ Отца небеснаго, передано очевидцами слова; въ томъ и въ другомъ случаѣ Богъ сосвидѣтельствовалъ слову знаменіями, чудесами, различными силами, раздѣленіями даровъ Духа святаго. Ужели все это напрасно? О, не напрасно! Земля, пившая

много разъ сходившій на нее дождь и произращающая только волчцы, есть земля негодная, близкая къ проклятію; конецъ ея—пожженіе (Евр. VI, 7. 8). Глаголъ Божій не возвращается тощъ; онъ или обращается въ слово жизни для выполняющихъ его, или становится огнемъ, потребляющимъ непокорныхъ. Христіане! устрашимся участи болѣе грозной для насъ, чѣмъ для іудеевъ.

Правда, мы немощны для того, чтобы исполнить законъ, и слѣд. для того, чтобы быть оправданными предъ Богомъ. Но въ немощи нашей не виноватъ законъ, а мы сами; и потому не теряетъ онъ силы своей надъ нами оттого, что мы, безсильны исполнять его; наше дѣло въ такомъ положеніи сознавать немощь свою, каяться во грѣхахъ своихъ, проливать слезы о томъ, что блудно расточили мы богатство Отца небеснаго, и въ глубокомъ смиреніи молить о помощи. Въ небесной помощи намъ не будетъ отказано. Просите и пріимете. Помощь намъ готова, лишь бы мы были готовы для нея. Духъ благодати ожидаетъ только того, когда духомъ сокрушеннымъ будемъ молить Его объ исцѣленіи немощей. Жалуются на совершенную неспособность нашу къ добру, на недостатокъ самаго произволенія благаго, самой молитвы о помощи. Но повѣрьте, братія, это не голосъ истиннаго самопознанія, а вопль лукавой безпечности, которой хочется только нѣги и покоя. Не то говоритъ о насъ евангельская правда; она посрамляетъ самонадѣянность, но не поблажаетъ и нерадѣнію, указывая на законъ, воюющій въ насъ противу закона духовнаго, она показываетъ въ насъ и соуслажденіе закону духовному по внутреннему человѣку, и хотѣніе добраго (Рим. VII, 18—24), указываетъ на дѣло законное, написанное въ сердцахъ нашихъ (Рим. I, 19. II, 15). Жалуются на суету міра, на житейскія заботы. Но отъ кого суета міра, какъ не отъ насъ же самихъ, какъ не отъ нашего невниманія къ своему спасенію? Не наши ли прихоти заставляютъ волноваться міръ? Не наши-ли страсти порождаютъ тысячи нуждъ и недостатковъ жизни? Сократите требованія страстей, и не будетъ препятствій къ исполненію воли Божіей со стороны міра.

„Богъ смотритъ на вѣру, а не на дѣла наши“. Да, Онъ требуетъ вѣры живой и плодотворной: но безплодному древу готовъ огонь вѣчный; безплодному знанію, которое губитъ и время и силы души въ созерцаніяхъ безполезныхъ, другаго ожидать тебѣ нельзя, кромѣ осужденія вѣчнаго. Представлять себя сытымъ отъ одной мысли, что я сытъ, смѣшно; то же значитъ говорить: довольно вѣры, а дѣла не нужны душѣ.

Блаженъ слышащій слово Божіе и хранящій е. Аминь.

1843 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 3-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Не пецытеся душею вашею, что ясте или что піете: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся (Мат. VI, 25).

Какъ не заботиться о нужномъ для земной жизни? Какъ не заботиться о пищѣ и одеждѣ? Наша одежда сама собой не шьется, наша пища сама собой не готовится; наши домы сами собой не строются и не нагрѣваются въ холодѣ. Къ тому же земныя вещи могутъ быть обращаемы на пользу вѣчной жизни: ими мы можемъ служить ближнему въ его нуждахъ ихъ можемъ употреблять на службу Богу.

Какихъ же заботъ о земномъ не велитъ имѣть христіанину Господь нашъ?

Заботы о земномъ тогда преступны въ христіанинѣ, когда онъ ищетъ земнаго безъ мысли о промыслѣ Божіемъ. Тогда заботы его—заботы язычника, который не зналъ истиннаго Бога и не имѣлъ твердой вѣры въ промыслъ Его. А какъ много и нынѣ есть труженниковъ земли, которые работаютъ на землѣ безъ мысли о Богѣ! Хотя Богъ не оставлялъ ихъ понынѣ безъ пропитанія и одежды; хотя онъ незримо и нечаемо подавалъ имъ помощь въ самыхъ крайнихъ нуждахъ: однако они все смотрятъ съ безпокойствомъ на будущее, какъ будто будущее зависитъ отъ ихъ заботъ. Иной говоритъ: теперь у меня мало дѣтей, и для нихъ много требуется заботъ. Что же будетъ со мною, когда будетъ ихъ много? Теперь дѣти еще малы, и на нихъ такъ много выходитъ. Что буду дѣлать, когда они подростутъ? А что, если еще сдѣлаюсь боленъ, или умру: кто будетъ кормить дѣтей? Другой не имѣетъ дѣтей и также тревожится за будущность, я состарѣюсь и не въ силахъ буду работать,—а дѣтей нѣтъ: кто станетъ кормить меня? Судите, къ лицу ли христіанина такія тревоги? Тревожатся за участь того, чего еще нѣтъ, тревожатся такъ, какъ будто не мимо ихъ заботъ и тревогъ идетъ все въ мірѣ. *Всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ* (Іак. I, 17). Кто отъ васъ пекійся можетъ приложити возрасту своему лакоть единъ? Неужели Онъ, всеблагій, тогда какъ далъ бытіе вашимъ дѣтямъ, оставитъ умереть ихъ съ голоду? Или Онъ, всемогущій, не знаетъ, что старость бездѣтная имѣетъ нужду въ пищѣ? *Вѣстъ Отецъ вашъ небесный, яко всѣхъ сихъ требуете* (Мат. VI, 32). Трудитесь въ мирѣ совѣсти, но не забывайте, что успѣхъ всякаго дѣла зависитъ отъ Бога. Потому моли-

тесь предъ началомъ дѣла за его успѣхъ, молитесь по окончаніи, дѣла, благодаря за конецъ. Всякая забота наша о земномъ, безъ упованія на промыслъ Божій, есть—грѣхъ и дѣлаетъ насъ недостойными благословенія Божія.

Далѣе, заботы наши о земномъ преступны еще тогда, когда хотимъ имѣть земныхъ благъ больше, чѣмъ нужно для короткой жизни нашей.

Много ли нужно для человѣка на землѣ? Не слышимъ ли, какъ довольствуются дѣти природы слишкомъ малымъ? И между нами мало ли такихъ, которыхъ состояніе ограниченно и почти бѣдно, и, которые живутъ покойно? Отчего же тревоги другихъ, которые надѣлены многимъ съ избыткомъ? Отчего, владѣя многимъ, говорятъ: мало намъ? Оттого, что эти люди прихотливы, оттого, что кромѣ нуждъ природы, они придумали или нажили себѣ множество своихъ нуждъ, нуждъ страстей ненасытимыхъ. У нихъ есть одежда, чтобы прикрыть тѣло отъ вреднаго вліянія стихій; но имъ мало того; они хотятъ имѣть богатую одежду, и не одну, а двѣ и три. У нихъ есть пища здоровая и свѣжая, но имъ не нравится пища простая, имъ надобна пища изысканная; у нихъ есть и деньги, чтобы пріобрѣтать другія надобности жизни, но имъ давай много золота. Судите, прилично ли такое поведеніе христіанину, котораго желанія должны быть умѣрены, потребности ограниченны? Или не есть ли это поведеніе язычника, котораго страсти необузданны, желанія безграничны? Апостолъ предписываетъ христіанамъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. VI, 8). Желать земнаго болѣе, чѣмъ нужно для земной жизни, можетъ только страсть къ землѣ. А стоютъ ли земныя блага, чтобы питать къ нимъ пристрастіе? Всѣ они такъ ненадежны, гніютъ и портятся, горятъ и тонутъ, похищаются и исчезаютъ. Всѣ они только на время забавляютъ душу, но не даютъ ей ни счастія, ни покоя; мало того: за минутныя наслажденія ими, душа расплачивается тревогами совѣсти, ощущеніемъ пустоты и скуки; а съ иными бываетъ и того хуже: иныхъ избытокъ земныхъ благъ совсѣмъ отуманиваетъ: доводитъ до забвенія о Богѣ, до роскоши и безпутства, до гордости и высокомѣрія, до жестокости и безчеловѣчія въ отношеніи къ другимъ.— Печальное, жалкое состояніе!—Потому-то апостолъ говоритъ: *будите пользующіеся міромъ, какъ бы не пользующіеся; преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 13).

Говорить ли о томъ, что заботы о земномъ крайне преступны, когда для пріобрѣтенія благъ временныхъ, употребляются не честный трудъ, не служба совѣсти, а средства преступныя? Въ такомъ случаѣ забота о земномъ не была бы одобрена инымъ язычникомъ.

Труды чиновника государство награждаетъ жалованьемъ и обезпечиваетъ его на старость пенсіею. Но иной, чтобы обогатиться, обманываетъ начальство, кривитъ дѣла правыя, прикрываетъ виновнаго и подвергаетъ невиннаго суду и осужденію. Дѣло ли это христіанское? Иной торгующій, желая скорѣе нажиться, беретъ за товаръ и труды тройную цѣну противъ того, чего они стоятъ. Дѣло ли это совѣсти христіанской? Иной работникъ тайно обкрадываетъ своего хозяина, который платитъ ему за труды плату добросовѣстную, и безъ котораго онъ, быть можетъ, не имѣлъ бы хлѣба. Не дѣло ли это худаго язычника? Иные не хотятъ знать заповѣди апостола: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. III, 10); живутъ праздно, бѣгаютъ труда и именемъ Господа обманываютъ людей, чтобы получать деньги на удовлетвореніе худыхъ привычекъ. О! какъ строго осуждены они будутъ на судѣ Божіемъ. Все пріобрѣтенное неправдою будетъ пищею адскаго огня, который будетъ жечь дѣлателя неправды. Единственное спасеніе отъ вѣчной бѣды несчастнаго—возвратить неправдою взятое законному владѣльцу; а христіанство предлагаетъ неправдою нажитое, послѣ удовлетворенія обиженныхъ, раздать бѣднымъ.

Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ, сказалъ Спаситель (Матѳ. VI, 33). Попеченіямъ о земномъ должны предшествовать въ насъ попеченія о небесномъ; предъ заботами о домѣ и тѣлѣ должны занимать первое мѣсто заботы о вѣчномъ спасеніи. Что дороже:—душа или тѣло, земля или небо? Если будемъ наблюдать законный порядокъ въ желаніяхъ вѣчнаго и временнаго: то помышленія о земномъ будутъ святы. Мало того: Господь такъ любитъ насъ, что въ такомъ случаѣ беретъ на себя приготовить намъ все нужное. Лишь только ищете вѣчнаго спасенія души, нужное для тѣла будетъ подано. Потому-то тѣмъ болѣе жалки, тѣмъ болѣе несправедливы тѣ, которые день и ночь трудятся для земли,—а о небѣ не вспоминаютъ и въ воскресный день; и деньги и труды тратятъ, чтобы одѣть и накормить семью прилично, а чтобы украсить себя и семью жертвою для храма, дѣломъ милостыни, — того и на умѣ нѣтъ. Весьма вѣрно называетъ ихъ писаніе *сынами вѣка сего* (Лук. XVI, 8): они живутъ по духу времени и для времени,—гоняются за вѣтромъ, за извѣстностію, за славою, а думать о вѣчности своей имъ нѣкогда.—Какое печальное положеніе! Что ждетъ ихъ за гробомъ?

Братія, *блюдите, како опасно ходите, не яко же немудри, но яко же премудри, разумѣвающе, что есть воля Божія* (Еф. IV, 12). Живя по волѣ Божіей можемъ мы быть счастливы и на землѣ и въ вѣчности. Но гоняясь за земными благами не согласно съ

волею Божіею, мы готовимъ себѣ только горе. Будемъ же умны, для своего покоя. Аминь.

1852 г.

Въ г. Волчанскѣ.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 6-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ гнѣвайся на брата всуе повиненъ есть суду (Матѳ. V. 22).

Это слова Господа изъ пространной нагорной проповѣди Его. Въ нагорной бесѣдѣ Господь предостерегаетъ отъ разныхъ ложныхъ мыслей, которыя внушаемы были іудейскому народу книжниками іудейскими. Въ числѣ такихъ несправедливыхъ мыслей была мысль, что будто довольно исполнить буквальное требованіе закона, о душевныхъ же расположеніяхъ нѣтъ нужды заботиться. Такъ объясняли учители іудейскіе и заповѣдь: *не убій;* они говорили, что заповѣдь запрещаетъ насильно отнимать жизнь у другаго и ничего болѣе. Такимъ образомъ іудейскіе учители учили только наружной честности и не заботились о внутренней чистотѣ.— Сынъ Божій говоритъ своимъ послѣдователямъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ ни фарисей: можете внити въ царствіе небесное. Слышасте, яко речено бысть древнимъ не убій.— Азъ же глаголю вамъ, всякъ гнѣваяйся на брата своего туне повиненъ есть суду.* Осмотримъ благоговѣйно ученіе Спасителя нашего о гнѣвѣ.

Всякъ, гнѣваяйся на брата туне повиненъ есть суду. Спаситель объявляетъ виновнымъ гнѣвъ напрасный.—Слѣдовательно не всякій вообще гнѣвъ осуждаетъ Онъ. И точно не всякій гнѣвъ грѣшенъ. Когда Господь нашъ увидѣлъ, что въ храмѣ Божіемъ продаютъ и покупаютъ какъ бы на рынкѣ:—то Онъ взялъ бичъ и бичемъ выгналъ изъ храма оскорбителей святаго храма. Не дѣлайте, говорилъ Онъ, домъ Отца моего домомъ купли.—Вотъ гнѣвъ и гнѣвъ всесвятаго! Сей гнѣвъ есть святая ревность о славѣ Отца небеснаго, которому посвященъ былъ храмъ.—Въ гнѣвѣ на нечестіе евреевъ, слившихъ себѣ тельца изъ золота и кланявшихся ему, какъ Богу,—Моисей разбилъ скрижали закона, полученныя отъ Бога. Ап. Петръ съ негодованіемъ отвергъ дары Симона волхва, которыми тотъ хотѣлъ купить дары Духа св. *Сребро твое,* сказалъ онъ,

да будетъ съ тобою въ погибель (Дѣя. VIII, 10). Ап. Павелъ хотѣлъ съ палкою придти къ коринѳянамъ, чтобы вразумить нѣкоторыхъ, какъ слѣдуетъ жить по христіански.—Такъ бываютъ случаи, когда не было-бы святостію не обнаруживать гнѣва.—Справедливъ, законенъ, святъ гнѣва отца и матери на безпорядки и безпутства дѣтей.—Судъ Божій палъ бы на нихъ самихъ, какъ и на ихъ дѣтей, если-бы они смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки дѣтей. Вспомните Илія.—Точно такъ каждый начальникъ обязанъ для удержанія силы за закономъ дѣйствовать не только мѣрами кроткими, но и строгими.—Счастливъ онъ, если не имѣетъ нужды изъявлять гнѣвъ на подчиненныхъ: но несчастенъ, если, имѣя нужду дѣйствовать строго, дѣйствуетъ слабо;—онъ причиняетъ вредъ и себѣ и подчиненнымъ.—И каждый искренній христіанинъ долженъ скорбѣть и негодовать, когда увидѣлъ бы наглыхъ хулителей св. вѣры, изрыгающихъ хулы на истину Божію: иначе холодность его была-бы нечестіемъ противъ Господа.—Такъ гнѣвъ, основанный на законной причинѣ, есть гнѣвъ святой и праведный.

Другое дѣло—гнѣвъ напрасный. *Всякъ гнѣваяйся на брата туне повиненъ есть суду.* Когда же гнѣвъ бываетъ напраснымъ? Ахъ, если смотрѣть на гнѣвъ, каковъ бываетъ онъ у людей: то придется поискать и не легко найдемъ, когда бываетъ онъ не напраснымъ. Гнѣваются, выходятъ изъ себя, на такія вещи, которыя имѣютъ все право на вниманіе признательной любви. Твой отецъ, твой другъ, твой начальникъ говорятъ тебѣ о твоихъ ошибкахъ съ искреннимъ желаніемъ добра тебѣ. А ты на слова любви отвѣчаешь словами негодованія и брани, осыпаешь возраженіями, укорами, упреками, оскорбленіемъ. Прійди въ себя, за что ты гнѣваешься? Зачѣмъ ты любовь святую топчешь въ грязи дикихъ чувствъ и мыслей твоихъ? Добрый Іосифъ сказываетъ отцу, какъ обижаютъ его братья и они послѣ того не хотятъ говорить съ нимъ и рѣшаются продать его въ неволю къ смертельному огорченію отца. Справедливъ ли гнѣвъ ихъ на Іосифа? Бываетъ что гнѣваются на такія вещи, которыя едвали стоятъ и мимолетнаго взгляда. Гнѣваются на то, что потерянъ, пропалъ или уничтожился, предметъ суеты земной, предметъ преступнаго пристрастія, тогда какъ надлежало бы радоваться, что исчезъ съ глазъ соблазнъ пагубный.—Стыдно говорить, а надобно сказать, что у иныхъ гнѣвъ изливается даже на безсловесныхъ, даже на вещи бездушныя.—Бываетъ и то, что гнѣваются на дѣло достойное гнѣва, но гнѣваются такъ какъ не надлежало бы гнѣваться. Не напрасный ли гнѣвъ, когда въ гнѣвѣ употребляютъ такія мѣры противъ грѣха, которыя только раздражаютъ, а не усмиряютъ грѣхъ? Неосторожное, ненамѣренное оскорбляющее слово, вмѣсто того, что-

бы покрыть молчаніемъ, или исправить словомъ ласки, преслѣдуешь ты словами бранными, словами злорѣчія и злости изступленной: справедливъ ли ты? Дитя твое сдѣлало неважную ошибку и ты выходишь изъ себя, поднимаешь шумъ и крикъ. Къ чему это? Не думаешь ли ты, что дитя не замѣтитъ несправедливаго въ твоемъ гнѣвѣ? Оно замѣтитъ твою несправедливость и оставитъ безъ вниманія свои ошибки. *Гнѣвайтеся и не согрѣшайте*, говоритъ писаніе (Еф. IV. 20), т. е. гнѣвайтесь на дѣло незаконное, но такъ, чтобы не преступать границъ справедливости.

Трудно ли послѣ того видѣть, какъ преступенъ, какъ виновенъ напрасный гнѣвъ?

Онъ оскорбляетъ въ насъ любовь къ ближнему, столько святую для христіанской души. Любовь, говоритъ апостолъ, долготерпитъ, не ищетъ своего, не раздражается, не помнитъ зла, все покрываетъ, все переноситъ (1 Кор. XIII, 4—6). И изъ исторіи святыхъ видимъ, что пока не проникала въ сердца ихъ святая любовь, они были нетерпѣливы, вспыльчивы,—но становились кротки, мягки, когда овладѣвала сердцами ихъ евангельская, благодатная любовь. Такъ не ищите, не найдете въ напрасномъ гнѣвѣ ни кротости, ни снисходительности любви; онъ не покрываетъ, а открываетъ, слабости другихъ; онъ не знаетъ извиненій ошибкамъ ближняго. Онъ не дорожитъ не только покоемъ, не только честію, но и жизнію другаго. Отъ жесткихъ словъ, отъ оскорбленій и обидъ доходятъ до убійства. *Мужъ ярый устрояетъ брани* (Прит. XV, 18). *Человѣкъ яръ разжигаетъ сваръ и мужъ грѣшенъ возмятетъ друга и посреди мирныхъ вложитъ клевету* (Сир. XXVIII, 10).

Гнѣвъ преступенъ по источникамъ своимъ. Въ иныхъ онъ—плодъ самолюбія, которое слишкомъ дорожитъ просторомъ своимъ и потому возстаетъ съ негодованіемъ противъ самыхъ пустыхъ встрѣчъ, на пр. противъ того, что не по вкусу подали чашку, или стулъ. Въ другихъ гнѣвъ—плодъ гордости, которая высоко ставитъ свою личность и малое невниманіе со стороны другаго принимаетъ за жестокое оскорбленіе для себя. Тому, кто живо помнитъ о своихъ немощахъ и грѣхахъ, кто видитъ себя ниже всѣхъ по порчѣ души своей, тому не до того, чтобы волноваться гнѣвомъ на другаго.

Гнѣвъ виновенъ по дѣйствіямъ, которыя производитъ онъ въ душѣ нашей. Что буря въ воздухѣ, то напрасный гнѣвъ въ душѣ: мысли, чувства, намѣренія, желанія, все въ безпорядкѣ, все въ разстройствѣ отъ гнѣва, такъ что свѣта Божіяго не видно въ душѣ; душа разумная, душа съ волею свободною, съ силами богоподобными, превращается въ духа злобы и неистовства. Сколько несправедливостей, сколько грѣховъ вызываетъ за собою гнѣвъ напрасный!

И ложь и неправда,—потокомъ бѣгутъ. Ни здоровью своему, ни чести своей, ни самой жизни нѣтъ пощады. Не бываетъ ли и того, что распаленный гнѣвомъ произноситъ хулы на все святое? *Гнѣвъ правды Божіей не содѣлываетъ* (Іак. I, 20).—Ахъ! если-бы гнѣвъ производилъ сильныя опустошенія только въ душахъ слабыхъ: это было бы печально, но не изумительно. Подвижники Божіи дознали опытами, что и въ ихъ душахъ, допускаемый по немощи, гнѣвъ наносилъ сильный вредъ, удалялъ отъ нихъ духъ благодати, который есть духъ любви и мира.

Такимъ образомъ понятно, почему Спаситель произноситъ строгій приговоръ напрасному гнѣву. Онъ подвергаетъ его осужденію, при томъ неодинаковому по степени гнѣва. *Всякъ*, говоритъ Онъ, *гнѣваяйся на брата туне повиненъ есть суду.* Это—приговоръ тому гнѣву, который кипитъ въ душѣ, но еще не выразился въ словахъ и поступкахъ. *Иже аще речетъ*, продолжаетъ Спаситель, *брату своему: рака*, пустой человѣкъ, *повиненъ есть сонмищу. А иже речетъ: уроде*, бездушный человѣкъ, *повиненъ есть геенньѣ огненнѣй.* Это означаетъ, что кто выражаетъ гнѣвъ свой въ укоризненномъ наименованіи брата, каково наименованіе пустымъ человѣкомъ, тотъ такъ виновенъ, какъ бы онъ судимъ былъ предъ вышнимъ судилищемъ человѣческимъ. Если же гнѣвъ достигаетъ крайней степени, такъ что гнѣвный называетъ брата самымъ поноснымъ именемъ, каково у іудеевъ было названіе безсовѣстнымъ, бездушнымъ: то это такой грѣхъ, который подвергаетъ виновнаго геенне.

Братья и сестры! берегитесь гнѣва, какъ огня.—Какъ спасаться отъ него, особенно когда онъ частію зависитъ и отъ раздражительности темперамента?

Представляй себѣ чаще и живѣе безобразіе гнѣва. Для того поставляй себя на мѣстѣ другаго и спрашивай: каково было бы тебѣ, если-бы другой за ошибку неважную осыпалъ тебя бранью? Поставивъ себя въ положеніе отвѣтственнаго лица предъ гнѣвнымъ, ты скоро и ясно поймешь несправедливость и низость напраснаго гнѣва, легко замѣтишь и то, какъ не много нужно для того, чтобы безчиніями гнѣва не унижать собственной своей души.

Затѣмъ какъ можно чаще имѣй въ виду образецъ небесной кротости, данный намъ небомъ въ лицѣ Спасителя. *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, говоритъ Господь и учитель нашъ. И подлинно какъ велика, какъ божественна была кротость Его! Какими оскорбленіями преслѣдовали Его іудеи во все продолженіе земнаго служенія Его! *Бѣса имать*, говорили о Сынѣ Отца небеснаго; Онъ другъ мытарямъ и грѣшникамъ,—нарушитель св. субботы,—кричали другіе.—А чего не перенесъ Онъ,

когда преданъ былъ въ руки враговъ предателемъ ученикомъ? И на всѣ оскорбленія, на всѣ злословія, на всѣ насмѣшки, на всѣ побои, пощечины, заплеванія—ни одного слова гнѣвнаго, ни одного движенія негодованія. *Христосъ пострада по насъ,* говоритъ ап. Петръ, *намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его... Иже укоряемъ не укоряше,* страдая не угрожалъ, *предаяше же судящему праведно* (1 Петр. II, 21).

Наконецъ какъ и отъ всякаго грѣха, какъ и отъ всякой душевной болѣзни, нельзя исцѣлиться отъ гнѣва своими силами, безъ помощи благодати Божіей. Потому молись, усердно молись Господу, дабы Онъ послалъ тебѣ духъ кротости и терпѣнія. Для того, чтобы дать силу любви къ другому надъ силою гнѣва,—молись въ движеніи гнѣва за ближняго; говори отъ глубины сердца: „Господи! прости согрѣшенія оскорбившему меня,—онъ человѣкъ, какъ и я“.—Повѣрь, молитва подастъ миръ душѣ твоей.

Богъ благодати и милости да будетъ съ нами. Аминь.

1851 г.

Въ г. Валкахъ.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 7-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Побѣждай благимъ злое (Рим XII, 21).

Говорятъ скорбному сердцу: къ чему скорбѣть? Въ мірѣ все прекрасно, на землѣ все въ порядкѣ; если есть неустройства, неправды, насилія: это только разнообразитъ картину, но не портитъ. Безполезное утѣшеніе! Не умное умствованіе! Сердце, пораженное скорбями, не вѣритъ ни утѣшенію, ни умствованію, потому что опытомъ дознаетъ несправедливость умствованія, потому что чувствуетъ, осязаетъ не только дѣйствительность, но и ѣдкую силу зла. Умное ли умствованіе, когда идетъ на перекоръ опыту? Земли проклятой не сотворятъ раемъ наши мнѣнія; своекорыстной, злобной мудрости нельзя признать стоющею любви. Нѣтъ, вмѣсто того, чтобы скрывать отъ себя зло, надобно помышлять, надобно заботиться о томъ, какъ побѣждать зло, чтобы оно не поглотило и насъ и другихъ. Гдѣ-жъ взять намъ оружіе противъ зла? Гдѣ научиться искусству—побѣждать зло? *Побѣждай благимъ злое,* учитъ апостолъ. Возможно ли это, Приведетъ ли это? къ побѣдѣ?

Побѣждай благимъ злое. Казалось бы, надлежало сказать: побѣждай зломъ злое. Тогда побѣда какъ будто вѣроятнѣе. Испытайте,

возьмитесь за оружіе, съ которымъ на насъ нападаютъ. Платите за клевету клеветою, за обиду обидою, за ударъ ударомъ. Что выйдетъ? Вмѣсто одной клеветы—двѣ клеветы, вмѣсто одной обиды—двѣ обиды, вмѣсто одного удара—два удара. Пусть продолжаютъ возмездіе: что выйдетъ? Одно умноженіе обидъ, одно торжество зла. Одна сторона ослабѣетъ и зло кончится? Нимало. Ослабѣвшая соберется съ силами, и размноженіе зла продолжится. Одна сторона потеряетъ жизнь? И тогда зло не побѣждено: потому что восторжествовало самое страшное зло—убійство. Такимъ образомъ, плата за обиду обидою не только не уничтожаетъ зла, не только не останавливаетъ хода его, но усиливаетъ зло. Вотъ почему апостолъ говоритъ: *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (Гал. V, 15). Не приведутъ къ цѣли попытки исправлять согрѣшившаго гнѣвными словами, бранью злости и ненависти. Согрѣшившій видитъ тогда въ самомъ наставникѣ грѣхъ и неправду, и такимъ образомъ обращаетъ все вниманіе не на себя самого, не на свои ошибки, озабочивается не тѣмъ, чтобы исправить себя, а тѣмъ, чтобы лучше разсмотрѣть неправду другаго; мало того,—несправедливымъ поступкомъ другаго онъ возбуждается только къ гнѣву противъ неправаго наставника, и такимъ образомъ къ прежнимъ ранамъ сердца своего прибавляетъ новыя раны грѣха. Вотъ къ чему ведетъ брань зла со зломъ!

Ты скажешь: желалъ бы побѣдить зло добромъ, желалъ бы примириться съ врагомъ; но онъ не хочетъ мириться? Но полно такъ ли? Полно, желаешь ли искренно того? Всмотрись въ себя. Ты считаешь его врагомъ твоимъ, а онъ тебя считаетъ врагомъ. Кто изъ васъ правъ? Осмотрись. Если и тѣмъ началось зло, что ошибочно понято твое доброе слово и тогда необходимо спокойное объясненіе дѣлу, а не злорѣчіе, а не гнѣвъ. Но что, если съ твоей стороны больше сдѣлано? Что, если вражда началась тѣмъ, что онъ сказалъ нѣсколько словъ непріятныхъ, хотя и справедливыхъ, а ты за непонятую правду осыпалъ его, какъ градомъ, колкими упреками? Быть можетъ, онъ, сказалъ непріятное, хотѣлъ потомъ загладить неумышленную непріятность ласкою любви, а ты оттолкнулъ его холодностію и даже презрѣніемъ. Можетъ быть, еще ты отозвался о немъ обидно для его чести, незаслуженно по его дѣламъ и расположеніямъ. Если все это такъ: то въ комъ надобно побѣждать зло? Въ тебѣ самомъ. Побѣждайже его сознаніемъ своего проступка, спѣши загладить его дѣлами любви. *Побѣждай благимъ злое.*

Ты говоришь: „ближній не примиримъ: къ чему тратить слова для него“? Но съ чего ты взялъ думать такъ обидно о ближнемъ твоемъ? Съ чего взялъ думать будто, только у тебя доброе сердце,

что только ты великодушенъ, а другой вовсе не хочетъ быть добрымъ? Если ты не остаешься безчувственнымъ къ безкорыстной любви, къ безмолвному терпѣнію невиннаго: съ чего отказываешь ближнему въ той же способности нравственной? Не приличнѣе ли для христіанина ожидать лучшаго отъ другаго, чѣмъ отъ самаго себя? Если гордость удерживаетъ тебя сдѣлать первый шагъ къ примиренію съ братомъ: христіанинъ ли ты? Положимъ: врагъ не легко примирится съ тобою. Но подумай, что онъ—человѣкъ, и снизойди къ немощи человѣческой. Подумай, что доброе не дается даромъ. Побѣда не пріобрѣтается безъ подвига. Сѣй сѣмена мира и не забывай, что надобно время, чтобы сѣмя сперва дало ростокъ, потомъ взойдетъ стебель, и за тѣмъ уже явится плодъ. Болѣзнь не вдругъ уступаетъ силѣ врачества;—повторяй не разъ возливать елей и вино на израненное сердце. Легко ли тебѣ замѣтить въ себѣ ошибку? Легко ли, увидавъ ее, сознаться въ ней искренно? Легко ли сознавшись, поправить ее? Почему же не прилагаешь ты того же къ другому? Почему ты требуешь, чтобы другой былъ, или вдругъ сталъ ангеломъ? Не требуй отъ другаго болѣе, чѣмъ ожидаешь отъ себя. Не забывай при томъ и того, что если ты худъ, если ты молишь, чтобы Богъ простилъ тебѣ грѣхи, чтобы Онъ самъ научилъ сердце твое добру, такъ мало покорное добру,—ты точно такъ же долженъ прощать другому нѣкоторое упорство его; такъ же какъ за себя, ты долженъ молить за него Господа, чтобы смягчилъ сердце его? Гдѣ источникъ всякаго добра? У одного и того же Господа, для тебя и для него. Въ тебѣ и въ немъ чистое добро совершаетъ единая благодать.

Какъ же, подумаетъ иной, зло можетъ быть побѣждено, когда оно дѣйствуетъ наступательно, а христіанинъ не любитъ дозволять себѣ и оборонительнаго противоборства? Не только можетъ быть побѣждено, но и было побѣждено, именно тѣмъ самымъ путемъ, который считаютъ столько невѣрнымъ. Какое громадное зло сражалось противъ первенствующаго христіанства! И владыки пол-вселенной были противъ него, и судьи, и жрецы, и толпы народныя вооружались всѣмъ противъ него; политика и религія, философія и слѣпая чернь кричали: смерть христіанству! А какое малое стадо было стадо учениковъ Христовыхъ! Какъ бѣдно оно было внѣшними пособіями для борьбы съ мудростію и силою озлобленнаго міра! „Богъ избралъ безумное міра, дабы посрамить мудрое, и немощное міра избралъ Богъ, дабы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, дабы разрушить значущее“ (I Кор. I, 27. 28). Какъ же побѣждено крѣпкое немощнымъ и знаменитое ничтожествомъ? Противъ гоненія стояло терпѣніе, противъ невѣрія—

вѣра, противъ злобы мучителей безмолвно преклоняли главы подъ мечь. И язычество исчезло. И христіанство овладѣло міромъ. Вы скажете: то были времена необыкновенныхъ даровъ благодати, необыкновеннаго дѣйствія силы Божіей? Правда; но зачѣмъ же забывать и то, что нынѣ не жгутъ на кострахъ за имя Христово? Между тѣмъ прекратилась ли благодать? Отнюдь нѣтъ. И Христосъ Господь обѣщался всегда пребывать съ вѣрующими. И Духъ благодати неотступно пребываетъ въ церкви. И молитвѣ сказано: проси и пріимешь. За чѣмъ же дѣло стало? За тѣмъ, что малодушны мы, за тѣмъ, что малодушіемъ допускаемъ невѣріе въ сердце свое. Иначе—когда же, Господи, не былъ Ты близокъ всѣмъ призывающимъ Тебя? Чья молитва осталась неизвѣстною Тебѣ всевѣдущій? Чью мольбу не выслушивалъ Ты, всеблагій? Какой помощи не могла подать всесильная рука Твоя?

Положимъ, любезный мой, что врагъ твой слишкомъ упоренъ въ злѣ, чтобы сдѣлаться добрымъ отъ твоей любви. Снимается ли тѣмъ съ тебя обязанность побѣждать благимъ злое? Нимало. Любовь Божія не престаетъ изливать свою милость на злыхъ, какъ и на добрыхъ. Точно такъ поступай и ты. Побѣда и тогда будетъ оставаться за добромъ, такъ какъ вражда ближняго будетъ покрываться твоею кротостію, такъ какъ, не смотря на скорби, которыми будетъ стрѣлять въ тебя непріязненность, ты будешь стоять твердо въ вѣрѣ и любви, не уступая ни пяди злу. Что сдѣлаетъ тебѣ врагъ твой своею враждою? Зла истиннаго, дѣйствительнаго, онъ не можетъ причинить тебѣ, напротивъ—много можетъ принесть пользы. Другъ твой столько любитъ тебя, что не видитъ всѣхъ твоихъ недостатковъ. Но стань предъ лицемъ врага твоего, и никто подробнѣе его не опишетъ тебѣ слабостей твоихъ; онъ зорко на нихъ смотритъ, не упуская ни одного проступка, и говоритъ о нихъ, не уменьшая ихъ виновности. Итакъ, слушай врага твоего спокойно, внимательно,—и тогда къ сколькимъ побѣдамъ надъ зломъ приведетъ тебя врагъ твой! Чѣмъ менѣе мы будемъ давать мѣста грѣху въ сердцѣ своемъ, чѣмъ болѣе внимательны будемъ къ себѣ самимъ, чтобы скорбями очищать нечистое сердце свое и страданіями пользоваться для преспѣянія духовнаго: тѣмъ любовь божественная выше и выше будетъ возносить насъ надъ бѣдствіями міра и надъ злобою зла. Послушайте: что говоритъ о себѣ крѣпкая любовь къ Господу? *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія? Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь? Во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (Римл. VIII, 35—37). Видите, нѣтъ въ мірѣ зла, нѣтъ бѣдствій, которыя могли бы побѣдить любовь, надъ которыми она не торжествовала бы побѣды.

Еще одинъ вопросъ: если только благимъ надобно побѣждать злое: какъ же будетъ наказанъ преступникъ? Но моей личности не давали права суда ни надъ кѣмъ. Если оскорблено одно лице мое; предаю дѣло Господу: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Рим. XII, 19). Если дѣло касается не одного лица, а общества; и тогда не мнѣ судить объ этомъ,—мой долгъ только сказать Божіему слугѣ, который не даромъ носитъ мечь. Власть установлена Богомъ; ей ввѣрено и право сражаться съ зломъ наказаніями. Но и самая власть, если она христіанская, не желаетъ мстить зломъ за зло; она только защищаетъ невиннаго отъ зла, и предупреждаетъ или пресѣкаетъ злодѣяніе, чтобы не погибъ злодѣйствующій и не гибли другіе. Она управляется не зломъ мщенія, а благомъ человѣколюбія и правды. Такимъ образомъ, если наказывается преступникъ, то не испытываетъ онъ зла мщенія со стороны власти, а ему преграждаетъ путь къ злу человѣколюбивая правда.

Богъ мира и любви да укрѣпитъ въ сердцахъ нашихъ любовь, для временнаго и вѣчнаго мира. Аминь.

1848 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ДЕВЯТУЮ.

Господи, спаси мя, погибаю (Мат. XIV, 30).

Больному человѣку нельзя не чувствовать боли, и естественно желать освобожденія отъ болѣзни. Впавшему въ бѣду естественно тяготиться бѣдою и искать избавленія отъ бѣды. Какова бы ни была рана, живой хочетъ жить и отклоняется отъ всего, что грозитъ опасностію, вредомъ жизни. Такъ молился и апостолъ Петръ, когда *наченъ утопати.*

Но, при различіи бѣдъ жизни, естественно прежде и болѣе всего желать избавленія отъ такой бѣды, которая тяжелѣе другихъ. Иначе, часто можно быть и малодушнымъ. Узнать болѣе или менѣе тяжкую бѣду, повидимому, не трудно: что сильнѣе давитъ насъ, то и тяжелѣе. Но какъ часто ошибаются! Какъ часто малодушествуютъ! Отчего же? Оттого, что не довольно вѣрно понимаютъ и помнятъ, какая угрожаемая сторона жизни болѣе стоитъ того, чтобы мы берегли ее. Какая тяжесть, если не физически, то нравственно, сильнѣе можетъ оскорблять насъ?

Подумаемъ же внимательно, противъ какого бѣдствія надобно

намъ всего болѣе просить помощи свыше? Какое въ мірѣ есть самое ужасное зло?

Какое множество бѣдъ встрѣчаетъ бѣднаго странника земли! Ахъ! такъ много, что не легко составить имъ и разряды. Однако, какъ бы различить ихъ? Пустѣ на первый разъ, по двойственности нашего организма, раздѣлимъ ихъ на два вида: на одной сторонѣ поставимъ бѣды, поражающія организмъ видимый, физическую жизнь нашу, на другой—бѣды, оскорбляющія душу. Что-жъ? Признаемъ ли первыя болѣе тяжкими, чѣмъ послѣднія? Если душа цѣннѣе тѣла, дороже земли: то бѣды душевныя, конечно, важнѣе бѣдъ жизни внѣшней. Въ самомъ дѣлѣ, что все прочее наше въ сравненіи съ душею? Душа—образъ Божій; онъ составляетъ то самое, что возвышаетъ человѣка надъ всѣми видимыми тварями, что поставляетъ его въ общеніи съ самимъ Богомъ. Можно ли же бѣды душевныя ставить наравнѣ съ бѣдами, поражающими видимую нашу жизнь, исчезающую какъ паръ?

Однако, не каждое оскорбленіе душевное болѣе важно, чѣмъ скорбь физическая. Такъ, если легкомысліе предпочитаетъ оскорбленіе чести потерѣ жизни: то не предпочитаетъ—здравый смыслъ. Почему? Потому, что оскорбленіе чести бываетъ наказаніемъ тайнымъ грѣхамъ души, и слѣд. можетъ быть принято, какъ прекрасное врачество больной душѣ; а самовольная потеря жизни, не возвращая ничего грѣшной душѣ, составляетъ безсмысленное самоубійство.

Какъ же узнать намъ, какое зло должно считать намъ самымъ ужаснымъ зломъ?

Не трудно согласиться съ тѣмъ, что зло, которое составляетъ источникъ, причину всѣхъ другихъ золъ, важнѣе другихъ золъ. Удержите это начальствующее зло: вы заградите источникъ золъ и останетесь спокойны отъ прикосновенія всѣхъ другихъ бѣдъ. Напротивъ, допустите до себя начальствующее зло: вы будете страдать не только отъ него, но къ вамъ придутъ, какъ неминуемые спутники начальнаго зла, всѣ другія бѣдствія.

Что-жъ это за зло, начальствующее надъ всѣми другими?

Это есть грѣхъ, братія! Откуда всѣ бѣдствія въ мірѣ? Откуда болѣзни? Отъ грѣха, породившаго смерть и болѣзни. Откуда нищета и недостатки? Отъ грѣха: до грѣха во всемъ было довольство. Откуда стыдъ безчестія? Отъ грѣха: согрѣшили и стали стыдиться, стыдиться собственно грѣха же, котораго нѣтъ безчестнѣе. Каковъ былъ человѣкъ, прежде чѣмъ согрѣшилъ! Онъ былъ покоенъ, здоровъ, веселъ, счастливъ, безъ всякихъ нуждъ, безъ всякаго горя. Согрѣшилъ, и земля стала приносить ему колючую траву, тварь начала возды-

хать вздохами землетрясеній, громовъ и бурь, въ мукахъ стали раждать дѣтей, встрѣтились съ болѣзнями, дряхлостію, смертію. Отвсюду окружили и стали тѣснить человѣка бѣды,—бѣды на морѣ и на сушѣ, въ пустынѣ и въ городѣ, бѣды отъ своихъ и отъ чужихъ. Что приноситъ намъ грѣхъ каждый день? Откуда разстройства семейной жизни? Откуда растройства гражданской жизни? Не отъ страстей ли, воюющихъ въ сердцахъ нашихъ? Не указываю на тѣ страсти, которыя такъ очевидно лишаютъ людей и здоровья, и имущества, и добраго имени. Самое тонкое злоупотребленіе силъ сопровождается тонкимъ, но ѣдкимъ зломъ. Гордость предается пьянству и убиваетъ разсудокъ; мудрость, не искусившаяся имѣти Бога въ разумѣ, предается въ *неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. I, 28). Корысть не столько наполняетъ домъ богатствомъ, сколько душу заботами. Коварство падаетъ въ яму, которую готовило оно другому. Стало быть, не будь грѣха, не было бы и бѣдъ въ мірѣ? Да, это такъ. Испытайте и увѣритесь. Пусть не будетъ неправды въ пріобрѣтеніи богатства. Сколько умолкнетъ жалобъ и стоновъ! Тысячи будутъ одѣты и сыты, оттого, что жадность немногихъ не будетъ у множества отнимать хлѣбъ и покой. Пусть прекратится роскошь. Вмѣсто безпокойствъ и тревогъ водворится въ домѣ довольство. Сколько предотвратите вы золъ, удержавъ одно неудержимое зло—языкъ вашъ! Что-бы видѣть, какую силу имѣетъ жизнь святая надъ физическимъ зломъ, читайте исторію святыхъ. Имъ и ядъ не вредилъ и звѣри лютые служили, ихъ и огонь не жегъ и вода не топила. О! грѣхъ—самое ужасное зло въ мірѣ. Бѣгите грѣха по крайней мѣрѣ для того, чтобы какъ можно менѣе тяготѣли надъ вами бѣдствія земныя. Молитесь всего болѣе не о томъ, чтобы вы были богаты, здоровы, въ чести и уваженіи,—молитесь о томъ, чтобы Господь помогалъ вамъ избавляться отъ страстей, отъ привычекъ худыхъ, отъ грѣха.

Правда, въ жизни временной намъ не всегда бываетъ примѣтно, какъ грѣхъ собираетъ намъ бѣдствія, какъ оброкъ свой. Даже случается видѣть, что страдаетъ на землѣ и праведникъ, тогда какъ неправедные успѣваютъ въ предпріятіяхъ, *волове ихъ толсты и нѣсть имъ паденія*. Но не тревожтесь,—*не завидуйте творящимъ беззаконіе*. Если не здѣсь, то тамъ придетъ къ нимъ доля ихъ. Не смущайтесь страданіемъ праведнаго. Временныя лишенія, потеря здоровья и богатства, неизвѣстность для людей служатъ тому, кто умѣетъ ими пользоваться, только средствомъ къ пріобрѣтенію лучшихъ благъ, къ преспѣянію въ совершенствѣ духовномъ, безъ котораго все прочее—ничто. Если же, и по земнымъ опытамъ, видимыя потери—только врачевство противъ грѣха и средства къ совершенству: то стало быть, и—

по земнымъ опытамъ—зло въ собственномъ смыслѣ есть только грѣхъ. Что-жъ откроется за гробомъ? Чѣмъ явится тамъ грѣхъ? Тамъ адъ и геенна покажутъ, что плата за грѣхъ не такъ мала и легка, какъ казалось легкомыслію до гроба. Тамъ откроется, что скорби добродѣтели приготовили для добродѣтели вѣчный покой, тогда какъ роскошному богачу нѣгдѣ взять и капли для прохлажденія жгущаго его огня. О! тогда скажутъ люди: лучше бы вытерпѣть тысячи смертей, чѣмъ горѣть въ гееннѣ огненной; лучше бы кипѣть въ червяхъ цѣлую жизнь на землѣ, чѣмъ сносить, какъ точитъ червь неусыпающій; лучше бы гнить въ ранахъ смрадныхъ отъ колыбели до гроба, чѣмъ терзаться во тьмѣ безотрадной цѣлую вѣчность. Еслибы могли мы, братія, представить себѣ страшную лютость мукъ геенскихъ: бренная жизнь наша не устояла бы отъ страха. Къ горамъ будутъ взывать тогда грѣшники, чтобы пали и покрыли ихъ отъ лица Сѣдящаго на престолѣ. Но горы не скроютъ отъ взора Его, и ярость гнѣва Божія будетъ поражать беззащитныхъ, *и дымъ мученія ихъ* будетъ восходить *во вѣки вѣковъ* (Апок. XIV, 11). О, вѣчность, вѣчность! какъ грозна ты для несчастнаго грѣшника! Что значитъ самое продолжительное время скорбей земныхъ, что—самое тяжкое сраданіе времени въ сравненіи съ вѣчностію мукъ грѣшника? Годъ мучительной болѣзни кажется намъ несноснымъ. Но прилагайте тысящелѣтія къ тысящелѣтіямъ, ряды тысящелѣтій къ другимъ рядамъ и—все это еще не вѣчность, грозная для грѣшника. Умилосердись, умилосердись Господи, надъ созданіемъ Твоимъ; спаси, *спаси меня, имиже вѣси судьбами*, отъ погибели грѣха!

Скажутъ: „не каждый же грѣхъ такъ ужасенъ; есть грѣхи малые; они конечно могутъ уступать тяжестію грѣхамъ тяжкимъ“. Ахъ братія! Если и правда, что есть разность между грѣхами: но правда и то, что мнѣнія людскія о грѣхахъ во многомъ не согласны съ истиною. Люди говорятъ: не важное дѣло солгать иногда, пошутить на счетъ другаго, позабавить собою другихъ. Важное ли дѣло не быть нынѣ или завтра въ храмѣ, не соблюсть поста, не молиться утромъ или вечеромъ, и пр.? Не будемъ разбирать, точно ли каждый изъ этихъ грѣховъ легокъ и малъ. Подумаемъ о томъ, что каждый грѣхъ, если повторяемъ его не разъ и не два, но не очищаемъ ни разу покаяніемъ, ни какъ не можетъ быть признанъ малымъ. Нѣтъ, въ такомъ видѣ онъ такъ не легокъ, что можетъ увлечь насъ въ геенну, какъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. Считая то и другое малымъ, не доходятъ ли до того, что никакого грѣха несчитаютъ великимъ? Бросьте съ вершины горы камешекъ,—онъ ударами своими увлечетъ два другіе, а три соединясь сталкиваютъ и не малый камень; чемъ далѣе покатится камешекъ, тѣмъ болѣе

наберется число спутниковъ, въ томъ числѣ и очень великихъ. Точно тоже бываетъ въ душѣ нашей отъ такъ называемыхъ малыхъ грѣховъ. Осмотрись, бѣдная душа моя, сколько у тебя такихъ грѣховъ, которые включены только въ число малыхъ, и сколько грѣховъ вызвано тѣми малыми грѣхами! Сочти потомъ, сколько у тебя великихъ добрыхъ дѣлъ, которыхъ тяжесть могла бы удержать тебя отъ паденія въ геенну! Легкомысліе шутитъ грѣхомъ, а грѣхъ, какъ червь, болѣе и болѣе точитъ душу; легкомысліе смѣется надъ набожностію и доходитъ до безбожной жизни; легкомысліе пренебрегаетъ уставами церкви и скоро начинаетъ пренебрегать христіанствомъ; легкомысліе считаетъ за малость—не посвящать Богу дней воскресныхъ и праздничныхъ, и начинаетъ проводить ихъ не только въ праздности, но въ развратѣ. О, *Господи! спаси насъ, погибаемъ.*

Отчего же такъ мало чувствуемъ мы тяжесть грѣха, тогда какъ бѣды времени бываютъ невыносимы? Братія! каждому изъ насъ, вѣроятно, случалось видѣть или слышать, что предъ самою смертію больные начинаютъ чувствовать легость. И въ частномъ какомъ либо членѣ болѣзнь бываетъ иногда такъ странна, что членъ готовъ отпасть отъ тѣла, а боли не чувствуется никакой. Да избавитъ Богъ всякаго отъ предсмертной безчувственности по духу. Привыкая къ крѣпкимъ напиткамъ, замѣчаютъ ли разрушительное дѣйствіе ихъ на организмъ тѣлесный? А между тѣмъ—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе приближаютъ они его къ разрушенію, къ смерти. Привычка къ грѣху точно тоже производитъ въ душѣ нашей. Мы рождены во грѣхахъ, и лишь только начинаемъ пользоваться употребленіемъ силъ, начинаемъ привыкать ко грѣху. Привыкая къ грѣху мы начинаемъ пренебрегать дѣйствіями его на насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинаемъ любить то, чего бы не должно любить. Такимъ образомъ мысли тупѣютъ, чувства развращаются; великое становится малымъ и малое великимъ; временныя блага, временный покой, временная честь, временное богатство становятся такъ важны, что за ними не видятъ ничего важнаго. Вотъ почему боятся потерей временныхъ и не думаютъ о грѣхѣ, поражаются, волнуются, выходятъ изъ себя, если лишаются дѣтской забавы, а ни мало не озабочены тѣмъ, что не съ чѣмъ явиться въ вѣчность, на судъ Божій. Потому-то такъ часто надобно слушать слово Божіе, гдѣ показано значеніе временнаго и вѣчнаго. *Духа не угашайте,* а возгрѣвайте его молитвою и добрыми подвигами.

Братія! пока есть время, пока въ нашей власти способы спасаться отъ грѣха: воспользуемся способами спасать себя отъ самаго грознаго для насъ бѣдствія—отъ грѣха. Не будемъ малодушны, не будемъ малосмыслены при встрѣчѣ съ временными скорбями. Прежъ

де всего и болѣе всего будемъ молить Господа, чтобы далъ намъ силы спасаться отъ грѣха, въ славу святаго имени Его—Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

1843 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ПЕРВУЮ-НАДЕСЯТЬ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ.

Вся сія сказахъ вамъ, яко тако труждающимся подобаетъ заступати немощныя (Дѣян. XX, 35).

Такъ говорилъ апостолъ Павелъ ефесскимъ христіанамъ! Если же апостолъ считалъ нужнымъ напомнить христіанамъ своего времени о долгѣ помогать немощнымъ: удивитесь ли, слушатели мои, что хочу напомнить вамъ о той же обязаности? Если бы и могли вы доказать дѣлами, что хорошо помните и выполняете эту обязанность: и тогда служитель слова, изъявивъ радость о вѣрности вашей долгу, пожелалъ бы вамъ болѣе совершенствоваться въ любви къ немощнымъ. Но что, если множество сиротъ, скитающихся безъ крова по улицамъ богатаго города, множество бѣдняковъ, не знающихъ, гдѣ приклонить голову и чѣмъ прикрыть наготу, безъ словъ говоритъ о нуждѣ въ напоминаніи о долгѣ къ бѣдствующимъ?

Не люди придумали законъ: „люби ближняго, какъ себя самаго.“ Этотъ законъ начертанъ въ сердцѣ нашемъ, куда не касается рука человѣческая; онъ данъ намъ Тѣмъ, Кто далъ и мнѣ и тебѣ одну душу, одно тѣло, съ однѣми и тѣми же потребностями, такъ что любя тебя люблю себя. Понятно, что этимъ закономъ обязаны мы любить не только близкихъ къ намъ, по родству или племени, къ которымъ влечетъ насъ сродство крови, не только близкихъ къ намъ, по состоянію одинаковому или высшему, которое располагаетъ насъ къ взаимному сближенію, но мы обязаны любить и тѣхъ, которыхъ унизила предъ нами нищета или болѣзнь. Они также люди подобные намъ, съ тѣмъ же образомъ Божіимъ, съ тѣми же способностями и потребностями. Они также дѣти одного и того же Отца небеснаго. Они также назначены къ одной и той же высокой цѣли. Если же должны мы любить ихъ, какъ самихъ себя то что это значитъ? Это значитъ, что мы должны жертвовать для нихъ всѣмъ, чѣмъ жертвуемъ для себя. А чѣмъ мы не жертвуемъ

для себя? Значитъ, этихъ одѣтыхъ въ рубища, страдающихъ отъ холода и зноя, мы такъ же должны защищать отъ стихій, какъ защищаемъ себя; этихъ сиротъ безпріютныхъ, скитающихся безъ надзора, безъ воспитанія, безъ пріюта, должны мы пріютить, напитать, образовать, какъ своихъ дѣтей; этихъ больныхъ и дряхлыхъ также должны призрѣть какъ желаемъ, чтобы насъ призрѣли въ болѣзни и старости. Легко ли намъ просить помощи у другихъ? Поймемъ же, какъ тяжело состояніе матери сиротъ голодныхъ и нагихъ, которой стыдъ запечатлѣлъ уста, чтобы молить богатую гордость о помощи. Поймемъ, что въ лицѣ страждущаго бѣдняка страдаетъ собственная наша природа, которой страданій не чувствуемъ мы только потому, что не хотимъ понять.

Христіане! почему узнать насъ, что мы христіане? *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, говоритъ Спаситель (Іоан. XIII, 35). Любовь составляетъ отличительный, существенный признакъ христіанина, любовь составляетъ душу христіанскаго общества. Потому-то, въ самое худшее время христіанства, предъ кончиною міра, *за умноженіе беззаконій изсякнетъ любы многихъ*. И обыкновенныя общества, управляемыя земными властями, по тѣснымъ связямъ, соединяющимъ членовъ ихъ единствомъ земныхъ цѣлей называются единымъ тѣломъ. Общество христіанъ по преимуществу есть тѣло единое и стройное; оно управляется единою Главою—Христомъ Господомъ, къ одной и той же неземной цѣли—къ вѣчному спасенію, въ духѣ одного и того же закона—безкорыстной любви. *Вы тѣло Христово*, говоритъ апостолъ, *а по частямъ вы члены* (I Кор. XII, 27). Если же мы члены единаго тѣла, если любовь должна такъ крѣпко связывать насъ между собою: то мѣсто ли между нами равнодушію къ бѣднымъ изъ насъ? Мѣсто ли тому, чтобы имущіе владѣли всѣмъ только для себя, и оставляли неимущихъ на произволъ нищеты? Когда одинъ какой либо членъ страдаетъ въ тѣлѣ нашемъ: то и другіе чувствуютъ боль, тяжесть, ослабленіе. А когда иго бѣдности и несчастій давитъ ближнихъ нашихъ: мы—члены единаго тѣла—остаемся равнодушными къ страданію сочленовъ нашихъ? Члены ли мы живые?

Глава наша есть Христосъ, Которому, естественно, должны мы повиноваться во всемъ. А чѣмъ ознаменована вся земная жизнь Господа нашего? Дѣлами милосердія, дѣлами благотворительности бѣднымъ, больнымъ, разслабленнымъ, скорченнымъ недугами. Что значитъ самое нисшествіе Сына Божія на землю? Опять любовь къ страждущимъ: Сынъ Божій принялъ на себя образъ раба, дабы совершить спасеніе разстроеннаго грѣхомъ человѣчество. Посему-то

такъ часты, такъ настоятельны были убѣжденія Его къ подвигамъ милосердія. *Блаженни милостивіи,* говоритъ Онъ, *яко тіи помиловани будутъ* (Матѳ. V, 7). Онъ училъ, что нищіе—братія Его (Матѳ. XXV, 40); что чѣмъ меньше надеждъ для насъ на уплату за услуги наши другому, тѣмъ лучше для насъ: *егда твориши пиръ, зови нищыя, маломощныя, хромыя, слѣпыя: и блаженъ будеши, яко не имутъ ти что воздати: воздастъ же ти ся въ воскрешеніе праведныхъ* (Лук. XIV, 13. 14). Замѣтимъ, братія, что Господь нашъ, требуя отъ богатаго, повидимому, самой безкорыстной любви къ бѣднымъ, не оставляетъ его безъ надеждъ на плату. Да, тѣ, которые, повидимому, ничего не имѣютъ, кромѣ слезъ и нищеты, много имѣютъ, чѣмъ въ состояніи подѣлиться съ богачемъ. Въ тѣлѣ Христовомъ иному быть не должно; здѣсь нѣтъ ничего безполезнаго. Молитвы благодарной бѣдности—цѣннѣе золота; онѣ низводятъ благословеніе Божіе на благотворительную любовь; онѣ обогащаютъ ее дарами безсмертнаго воздаянія.

Христіане! намъ извѣстно, что дѣлаетъ врачъ съ безполезнымъ, гнилымъ членомъ тѣла. Онъ отсѣкаетъ его. На жестокосердыхъ христіанъ иного суда быть не можетъ. Что значитъ въ составѣ тѣла Христова христіанинъ безчувственный къ страданіямъ братій? Что значитъ христіанинъ, непризнательный къ благодѣтельной любви? Онъ не только безполезный членъ, но и вредный,—безполезный, потому что не оказываетъ пособія другимъ,—вредный, потому что, не оказывая помощи сочленамъ, онъ умножаетъ страданія всего тѣла, составляетъ тяжесть для него своимъ бездѣйствіемъ. Кто щадитъ жизнь свою только для наслажденія жизнію, тотъ потеряетъ все; таковъ судъ Господа. *Иже аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю* (Марк. VIII, 35). Не дивитесь же, что христіанское общество безъ христіанской взаимной любви страдаетъ и во времени разнымъ разстройствомъ. Это—судъ Божій временный—предвѣстникъ страшнаго суда вѣчности надъ корыстію. *Идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діяволу и ангеломъ его. Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти. Возжадахся, и не напоисте Мене:* такъ скажетъ Судія грозный сынамъ корысти на послѣднемъ судѣ (Матѳ. XXV, 41. 42).

Русь святая! Русь благословенная! за что ты такъ благословлена Отцомъ небеснымъ? Тогда какъ на западѣ все страшно волнуется, ты стоишь спокойно, какъ мощный исполинъ. Отчего это? Оттого, что любовь святая, любовь безкорыстная, была и остается началомъ жизни твоего народа; оттого, что дѣти твои считаютъ милостію Божіею посѣщеніе бѣднаго и странника: „милости просимъ“, говорятъ они страннику;—а твои бѣдные молилися и молятся за

благотворительную любовь твою. О! да сохранитъ въ тебѣ Отецъ небесный святое наслѣдіе отцовъ!

Пусть по незнанію ли, или по гордости, богатые не считаютъ себя въ связи съ бѣдными. Но и языческая совѣсть согласится, что всѣ мы живемъ не иначе, какъ милостію Отца небеснаго, и Онъ каждую минуту дѣлаетъ для насъ болѣе благодѣяній, чѣмъ мы можемъ оказать для другихъ во всю жизнь. Посему, и одна признательность къ благодѣяніямъ Божіимъ обязываетъ богатаго заботиться о бѣдномъ. Кто далъ богачу богатство, которымъ владѣетъ онъ? Труды богача? Если бы и подлинно трудился онъ для пріобрѣтенія богатства столько, сколько стоитъ богатство его: и тогда кто далъ ему силы для труда? Нѣтъ! *Отъ Него единаго богатство и слава, въ Его рукѣ крѣпость и милость возвеличити и укрѣпити вся* (1 Пар. XXIX, 12). И такъ, богатство богача—не его собственность, а даръ Божій. Богачу остается смиренно и искренно благодарить благодѣющаго Отца небеснаго, и изливать благодарность въ дѣлахъ блатворительности бѣднымъ. Вотъ жертва, которую можетъ онъ приносить, и которой ожидаетъ отъ него Господь! *Благотворенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр. XIII, 16). Если богатство богача даръ Божій: то этотъ даръ данъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлію и съ цѣлію, достойною премудраго и святаго Дателя. Для чего же данъ даръ богачу? Для того ли, чтобы богачъ удовлетворялъ своимъ прихотямъ и тѣснилъ слабаго? Но для кого же приготовленъ и адъ съ его муками если не для любодѣевъ и плотоугодниковъ, если не для притѣснителей, слабой бѣдности? Для того ли, чтобы богачъ жилъ безпечно въ праздномъ покоѣ, для себя одного? Но ни одна пылинка въ мірѣ не существуетъ для себя одной, безъ движенія полезнаго для другихъ. Или—съ тѣмъ богачъ надѣленъ богатствомъ, чтобы только передать богатое наслѣдство дѣтямъ и роднымъ? Но если назначеніе богатыхъ родителей ограничивается только тѣмъ, чтобы готовить дѣтямъ и роднымъ сокровища, истлѣваемыя тлею и похищаемыя татями, а не касается потребностей нравственныхъ, не входитъ въ область духа: тогда какое же назначеніе самаго богатства? Назначеніе безполезной ветхости, которую должны перекладывать изъ рукъ въ руки отецъ сыну и сынъ внуку, бережно и осторожно, отнюдь, не смѣя дѣлать изъ нея какое либо употребленіе. Цѣль слишкомъ пустая, чтобы не сказать больше. Итакъ, что-жъ? На что дано богатство? На то, чтобы дѣлами благотворительности богачъ пріобрѣталъ себѣ спасеніе вѣчное. *Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы* (Лук. XVI, 9). Высокій образецъ предложенъ богатому—милосердіе Отца

небеснаго. *Будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть* (Лук. VI, 36). Какъ же много надобно трудиться богатому при употребленіи богатства, чтобы приблизиться къ высокому образцу!

Но если богатство дано богачу не для богача, а для бѣднаго: то значитъ ли, что бѣдный, живя праздно, имѣетъ право требовать себѣ часть изъ имѣній богатаго? Совсѣмъ не значитъ. Богатство дано богачу, а не бѣдному. Пусть и богатый не болѣе, какъ распорядитель чуждаго дара: но для распоряженій даръ данъ ему, а не бѣдному. Пока не дадутъ бѣдняку богатства, онъ, если бы взялъ его, то съ какимъ именемъ, по какому праву, взялъ бы его? Съ именемъ хищника, по праву грабителя, отнимающаго данное другому. Гдѣ мѣсто хищнику, какъ не въ адѣ? Богатый дастъ отчетъ въ богатствѣ, и отчетъ строгій. Но бѣдный не будетъ отвѣчать за богатаго въ употребленіи богатства. Пусть онъ готовитъ свой отчетъ. Съ него потребуютъ отвѣта, какъ переносилъ онъ бѣдность. Праздному богачу мѣсто въ адѣ: но тамъ же мѣсто и праздному бѣдняку.

Все сія сказахъ вамъ, яко тако подобаетъ труждающимся заступати немощныя. Аминь.

1847 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 12-ю.

ПРИ ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА ИЗЮМА.

Да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ (Евр. X, 24).

Знакомясь въ первый разъ съ благочестивыми жителями града сего, встрѣчаюсь съ мыслію апостола о христіанскомъ знакомствѣ. *Да разумѣваемъ другъ друга*, говоритъ св. Павелъ, *въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ*. Нельзя не обратить вниманія на наставленіе апостола о знакомствѣ, когда невольно обращаютъ на него вниманіе.

Да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ. Что это значитъ? Если тогда, какъ говоритъ апостолъ: *разумѣйте посланника—Іисуса Христа*, повелѣваетъ онъ намъ обращать все вниманіе на посланника—Христа Іисуса (Евр. III, 1): то и слова его: *да разумѣваемъ другъ друга*, означаютъ: будемъ имѣть въ виду другъ друга, будемъ узнавать и знать другъ друга. Для чего же имѣть въ виду? *Въ поощреніе любве и добрыхъ дѣлъ*, для

того, чтобы поощрять другъ друга къ любви и добрымъ дѣламъ, къ любви, какъ оживляющему началу дѣятельности (1 Кор. XIII, 1), къ добрымъ дѣламъ, какъ къ плодамъ живой любви (Мат. V, 16). Итакъ главная мысль апостола есть мысль о взаимномъ содѣйствіи нашемъ въ дѣлѣ спасенія.

Союзъ, которымъ соединяетъ насъ вѣра Христова, болѣе тѣсенъ и болѣе святъ, чѣмъ союзъ всякаго другаго общества.—И члены гражданскаго общества соединяются въ одно общество не съ тѣмъ, чтобы каждый зналъ только себя, и жилъ для одной своей личности; напротивъ на каждомъ членѣ общества лежитъ обязанность содѣйствовать благу согражданъ; на каждомъ членѣ общества лежитъ долгъ предотвращать зло, опасное для членовъ общества.—Подъ Главою Христомъ Господомъ всѣ мы—члены одного духовнаго тѣла, всѣ живемъ жизнію одного и того-же Духа утѣшителя, всѣ идемъ къ одной и той же цѣли—къ вѣчному спасенію, всѣ должны идти однимъ и тѣмъ же путемъ—путемъ заповѣдей Божіихъ. Какъ же членамъ сего высокаго, духовнаго, общества не заботиться другъ о другѣ? Какъ не поощрять взаимно другъ друга къ духовному совершенству? „Страдаетъ ли одинъ членъ, говоритъ апостолъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, радуются съ нимъ всѣ члены; Богъ уравновѣсилъ тѣло, менѣе совершенному, давъ болѣе чести, дабы всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ“ (1 Кор. XII, 24—26). Такъ побуждаетъ апостолъ всѣхъ и каждаго помогать другъ другу въ дѣлѣ спасенія вѣчнаго.

Что составляетъ отличіе христіанъ? Въ чемъ состоитъ преимущество ихъ? *О семъ разумѣютъ вси*, говоритъ Спаситель, *яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). *И сію заповѣдь имамы отъ Него*, говоритъ ученикъ и учитель любви Его, *да любяй Бога любитъ и брата своего; аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложъ есть* (1 Іоан. IV, 20. 21). Если же такъ свята, такъ необходима для христіанина любовь къ брату: то не святъ ли и долгъ заботиться о духовномъ совершенствѣ брата? Иначе что была бы та за любовь, которая ничего не хотѣла бы дѣлать для брата любимаго? Любовь къ ближнему, по общей увѣренности, должна простираться на все, что относится къ пользамъ его даже въ земной, физической, жизни его. Не болѣе ли она должна быть заботлива о его духовномъ совершенствѣ? Душа выше тѣла и блага духовныя цѣннѣе благъ міра преходящаго. Спасеніе души такое великое дѣло, что на служеніе ему готовы ангелы Божіи. Какъ же человѣку отказываться служить сему спасенію, когда дѣло идетъ о спасеніи брата его?

Какъ часто апостолы напоминаютъ христіанамъ о долгѣ по-

ощрять другъ друга въ любви и добрыхъ дѣлахъ! „Наставляйте другъ друга каждый“, *дондеже днесь нарицается, да не ожесточится нѣкто отъ насъ лестію грѣховною* (Евр. III, 13). „Наблюдайте“, *да не кто лишится благодати Божія*, „чтобы горькій корень, возникнувъ не причинилъ вреда и, чтобы отъ него не заразились многіе“ (Евр. XII, 15). *Молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте*—поддерживайте *немощныя, долготерпите ко всѣмъ* (1 Сол. V, 14). Съ какою настойчивостію говорятъ намъ о томъ же и отцы церкви! „Какъ? говоритъ св. Златоустъ. Овца твоего сосѣда упала на дорогѣ и ты будто не скажешь о ней сосѣду? Менѣе ли стоитъ вниманія душа ближняго твоего, если ты видишь ее пораженною, или заблудшею? Пламень объялъ домъ твоего согражданина и ты не можешь равнодушно смотрѣть на это бѣдствіе. Почему-жъ ни мало не трогаетъ твоего сердца состояніе другаго, когда онъ объятъ пламенемъ страстей“?

Но скажутъ: развѣ надобно быть всѣмъ учителями? Что-жъ тогда будутъ дѣлать учители церкви?

Подлинно, апостолъ не дозволяетъ не только всѣмъ, но и многимъ быть учителями. *Не многи учители бывайте, братія,* говоритъ онъ (Іак. II, 1). Апостольское ученіе учитъ, что Богъ далъ церкви своей иныхъ апостолами, другихъ пророками, однихъ благовѣстниками, другихъ пастырями и учителями (Еф. IV, 11), слѣд. не отдано каждому на произволъ поставлять себя въ учителя церкви. Какъ въ органическомъ тѣлѣ нога не беретъ на себя дѣлъ глаза или уха и рука не бываетъ головою: такъ и въ церкви Христовой было бы безпорядкомъ, если бы мірянинъ принялъ на себя званіе учителя церкви. Но поймите, слушатели мои, что это ученіе апостольское запрещаетъ не то, о чемъ говоримъ мы. Оно запрещаетъ во первыхъ принимать на себя произвольно, безъ призванія Божія, должность общественнаго наставника вѣры и благочестія и во вторыхъ, указывая въ церкви опредѣленныхъ учителей церкви, запрещаетъ учить безъ ихъ руководства и вѣдѣнія, тѣмъ болѣе вопреки постановленіямъ учителей церкви.

Послѣ сего очевидно, что апостольское ученіе, отдѣляя для пастырей церкви поле общественнаго служенія церкви, оставляетъ за вами, братія, поле частнаго, домашняго, обученія благочестію. И какъ обширно это поле! Сколько представляется случаевъ каждый день къ тому, чтобы, по заповѣди апостольской, поощрять другъ друга къ любви и добрымъ дѣламъ! О! если бы жили мы такъ, какъ надобно жить истиннымъ христіанамъ: какъ много могли бы мы помогать другъ другу въ совершенствованіи духовномъ!

Много людей мы знаемъ, со многими знакомимся, видаемся,

проводимъ время: но какъ и для чего? О чемъ говоримъ? Что имѣемъ въ виду? Съ чѣмъ отпускаемъ другъ друга? Сходятся другъ съ другомъ, чтобы поговорить о томъ и другомъ, но вовсе ненужномъ для души; говорятъ, чтобъ поострить языкъ надъ недостатками ближнихъ, осмѣять одного, осудить другаго; повторить съ прибавленіями безнравственное или глупое слово, слышанное отъ сосѣда; или что еще хуже, озабочены тѣмъ, какъ бы вовлечь душу неопытную въ дѣло легкомыслія и щедро надѣляютъ ее ношею грязныхъ мыслей и чувствъ.—Положа руки на сердце скажите, достойны ли такія знакомства, такія сношенія имени христіанина? А какъ легко замѣнять ихъ знакомствомъ вполнѣ благороднымъ и умнымъ! Вмѣсто того, чтобы говорить о пустотѣ дикой, скажите два, три, слова душѣ любящей Бога; вмѣсто гнилыхъ словъ злорѣчія и насмѣшекъ легкомыслія подарите знакомаго вашего двумя, тремя, мыслями св. евангелія,—это трудъ не тяжелый. Любовь—такое высокое, святое чувство.—Отчего по ея движенію и въ ея духѣ не сказать незрѣлой молодости или забывчивой зрѣлости: остерегись людей, для которыхъ такъ не дорога совѣсть; остерегись книгъ, въ которыхъ ничего нѣтъ кромѣ пустоты, или обольщеній лжи и грѣха, дорожи тѣми храмами, гдѣ Богъ и благодать Его? Какъ подобныя слова были бы полезны и вамъ и другимъ! Отчего же не говорятъ ихъ? Или труднѣе говорить слова благочестія, чѣмъ слова грѣха и беззаконія? Тамъ и здѣсь слова—изъ тѣхъ же буквъ. Зачѣмъ дѣло стало? За недостаткомъ любви къ брату? Ахъ! поспѣшайте пополнять этотъ недостатокъ, пока есть время. Если любимъ мы Господа, если благоговѣемъ къ св. волѣ Его, если дорожимъ спасеніемъ своимъ: то не только ни одного слова гнилаго не должно выходить изъ устъ нашихъ, на соблазнъ другихъ, но вся жизнь наша, всѣ поступки наши должны быть хвалою Господу, а потому и назиданіемъ другимъ въ спасеніе.

Апостолъ пишетъ къ галатскимъ христіанамъ: „кто почитаетъ себя чѣмъ нибудь, тогда какъ онъ ничто: тотъ обольщаетъ себя; каждый пусть испытываетъ свое дѣло“ (Гал. VI, 3. 4). Этимъ онъ не исключаетъ обязанности поощрять другъ друга, къ любви и добрымъ дѣламъ, а только учитъ, въ какомъ духѣ должны мы выполнять эту обязанность. „Исправляйте, говоритъ онъ, въ духѣ кротости: но смотри и за собою, чтобы тебѣ не впасть въ искушеніе“ (Гал. 6, 1. 2). Апостолъ предостерегаетъ заботливость о другихъ отъ мечтательной гордости, отъ той гордости, которая, не понимая себя и своего дѣла, осуждаетъ безъ снисхожденія къ немощи, обличаетъ съ жестокостію, учитъ съ надмѣніемъ. Наставленіе апостола особенно идетъ къ нашему времени. Въ наше время мало занима-

ются дѣлами своей совѣсти, гордо увѣренные, что въ душѣ ихъ все хорошо, дѣла идутъ, какъ нельзя лучше; въ наше время всякій, считая себя умнымъ, судитъ о правительствѣ, о начальникахъ, о судьяхъ, о пастыряхъ; обсуживаетъ каждое новое постановленіе, каждое новое распоряженіе и нѣтъ никому и ничему пощады: все не такъ, все худо, все ни къ чему не годно. Друзья мои! позаботьтесь напередъ о себѣ,—такъ велитъ апостолъ; посмотрите ближе на себя, не придется ли увидать запущенными и въ страшномъ безпорядкѣ дѣла вашей совѣсти? не придется ли перемѣнять и перестроивать все въ вашей душѣ? не придется ли сознаться даже въ томъ, что жизнь ваша—сущая зараза для общества? Затѣмъ, если совѣсть ваша всетаки будетъ тревожиться за безпорядки общественные, вы конечно не будете говорить и кричать о нихъ съ тѣми, для кого разговоръ о нихъ не нуженъ и не можетъ быть полезнымъ, кротко м почтительно передадите вы свое мнѣніе о нихъ людямъ начальствующимъ, облеченнымъ правомъ и властію измѣнять порядокъ дѣлъ общественныхъ. Въ такомъ духѣ и въ такомъ видѣ совершенное вами дѣло будетъ свято.

Господи милостивый и щедрый! одушеви насъ духомъ кроткой любви, заботливой о спасеніи тѣхъ, которыхъ Ты такъ любишь, дабы славилось между нами Твое святое имя. Аминь.

1849 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ЧЕТВЕРТУЮ-НАДЕСЯТЬ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ.

Друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна? Онъ же умолча (Матѳ. XXII, 12).

Онъ же умолча. Ахъ! какъ это молчаніе не молчаливо! Какъ оно страшно для тебя, бѣдная душа моя!

Онъ же умолча. Значитъ, гость—и безъ веселья на сердцѣ. Гость и—съ тяжкою думою въ душѣ.

Онъ же умолча. Отчего? Отъ себя самаго. Гостемъ явился къ царю, и явился въ одеждѣ разодранной, измаранной нечистой.

Онъ же умолча. И что было сказать? Чѣмъ было защищать себя? Сказать, бѣденъ? Но сколько созвано другихъ бѣдняковъ, а всѣ другіе одѣты не такъ, какъ онъ. Бѣденъ? Но—бѣдность могла помѣшать одѣться великолѣпно, но не мѣшала одѣться опрятно.

Онъ же умолча. Да, чувствовалъ, что оправдаться нечѣмъ, а вина слишкомъ велика. Вина оскорбляетъ царя, столько же великаго по сану царскому, сколько и по милости, внимательной даже къ бѣдному.

Онъ же умолча. А ты бѣдная душа моя, какъ часто хочешь извинять себя, и только увеличиваешь вину твою!

Единородный Сынъ Божій нисшелъ на землю, соединилъ Божество съ человѣчествомъ, основалъ церковь, просвѣщенную свѣтомъ ученія Его, омытую пречистою кровію Его, освящаемую духомъ благодати Его, и—какъ невѣсту чистую—посаждаетъ ее съ Собою на престолѣ славы. Отецъ небесный, радуясь о любви Сына Своего къ созданію Его, всѣхъ зоветъ, всѣхъ принимаетъ къ соучастію брачнаго торжества сего—земнаго и небеснаго, временнаго и вѣчнаго. И всѣ мы, братія, званы къ торжеству сему, всѣ безъ различія, и бѣдные и богатые, и великіе и малые.

Въ купѣли крещенія омылись мы, и облеклись одеждою заслугъ Христовыхъ. Какъ прекрасна, какъ чиста, какъ драгоцѣнна одежда, данная намъ при купѣли крещенія! Она соткана изъ заслугъ Сына Божія, она убѣлена кровію вѣчнаго Агнца Божія. Но гдѣ она? Гдѣ эта драгоцѣнная одежда?—А намъ даны еще благодатныя средства украшать сію одежду. Намъ даны средства убѣлять ее, если и попадетъ на нее нечистота. Что-жъ, если явимся предъ лицемъ Царя небеснаго, не имѣя одѣянія брачнаго? Что, если Царь земли и неба, въ послѣдній судъ надъ землею и небомъ, *вшедъ видѣти возлежащихъ,* во мнѣ или въ другомъ изъ насъ, увидитъ *человѣка не облчена въ одѣяніе брачное?* Христіанинъ-грѣшникъ ни чѣмъ не извинителенъ предъ Богомъ.

Чѣмъ извинимся? Чѣмъ оправдаемся? Скажемъ ли: мы слабы, мы немощны, сѣмя страстей оставалось въ насъ и послѣ крещенія? Но намъ дана благодать, сильная въ немощахъ. Ужели для меня она только безсильна? Сколько подобострастныхъ намъ человѣковъ царствуетъ на небѣ! Они носили ту же плоть, какая и у насъ. Они чувствовали въ себѣ тѣ же немощи, какія и въ насъ; они также боролись съ страстями, также обуревались помыслами грѣха, но побѣдили. Илія, подобострастный намъ, помолился, и на три года заключилось небо для земли. Отчего же не затворяются наши бездны, извергающія скверну грѣховъ на землю? Отчего нѣтъ предѣла нашей жаждѣ къ золоту, нѣтъ конца нашему честолюбію, нѣтъ мѣры нашей нелюбви къ братіямъ? День и ночь не сыты для грѣха, день и ночь пьемъ воду нечестія. Кто виноватъ въ томъ? *Вся, елика аще воспросите у Отца Моего во имя Мое, дастся вамъ:* вотъ слова Господа, вотъ обѣщаніе вѣрнаго въ словѣ! Все, слышите, все,

чего ни просили бы для спасенія души своей,—все дано будетъ намъ, ни въ чемъ не откажетъ намъ Отецъ небесный. Зачѣмъ же мы не молимся? Зачѣмъ ни часа въ сутки, ни минуты во дни, не посвящаемъ мы молитвѣ? День—въ заботахъ, ночь—во снѣ, будни—для земли, праздникъ—для страстей, и въ гробъ кладемъ гнилую душу съ гнилою плотію. *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный* (Іоан. VI, 54). Кто же гонитъ насъ отъ сего живота вѣчнаго? Кто мѣшаетъ намъ вкушать сіе истинное брашно, сіе истинное питіе? Слабость естества нашего, при силѣ благодати, не только не отнимаетъ возможности соблюдать свѣтлую ризу крещенія въ чистотѣ ея,—она не отнимаетъ возможности и украшать ее благолѣпіемъ добродѣтелей Христовыхъ. Благодать Духа подаетъ силы восходить отъ совершенства къ совершенству, до полнаго образа небесной красоты—Христа Господа. *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ*, говоритъ искренній ученикъ Христовъ. Не останавливаясь на первыхъ степеняхъ совершенства, стремится онъ далѣе—*къ почестямъ вышняго званія*. Что-жъ скажемъ о себѣ?

Обстоятельства виноваты, говорятъ. И какъ много грѣховъ оправдываютъ обстоятельствами!

Тотъ сдружился съ обществомъ людей забывчивыхъ, и съ нимъ пьетъ чашу грѣха. Какъ можно, говоритъ, мнѣ жить иначе, когда перемѣна жизни грозитъ мнѣ столькими непріятностями! И тотъ изъ знакомыхъ осудитъ, и другой оскорбится, и третій станетъ колоть насмѣшками, и родные будутъ смотрѣть какъ на чужаго. Но, любезный! тамъ, на судѣ вселенной, будутъ судить тебя, за дѣла твои, а не за дѣла знакомыхъ; тебѣ скажутъ: *друже, како вшелъ еси сѣмо не имый одѣянія брачна?* Что ты скажешь тогда?—Тебѣ непріятны отзывы легкомыслія? Стыдись. Ты предпочитаешь общенію съ Господомъ общеніе съ людьми грѣшными, отказываешься отъ любви Божіей для того, чтобы пользоваться любовію человѣческою. Думаешь ли ты, что готовишь ты себѣ? Кто стыдится Меня предъ человѣками, кто отказывается отъ Меня предъ людьми: отъ того откажусь и Я предъ Отцемъ Моимъ, говоритъ Господь. Дорога тебѣ связь сердечная, крѣпка и сильна она въ тебѣ? Но, *аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе.* Лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ твой членъ, чѣмъ все тѣло твое *ввержено будетъ въ геенну огненную* (Матѳ. V, 48). Если бы и такъ тяжко, если бы и такъ больно было для тебя разорвать связь съ лицемъ, или съ обществомъ, съ привычкою сердца и мысли, какъ больно тебѣ разстаться съ правымъ глазомъ: ты долженъ разорвать связь, ты долженъ прекратить опасное дружество, чтобы не погибнуть на цѣлую вѣчность.

Знаютъ, чувствуютъ, что ложь и обманъ, неправда и присвоеніе чужаго,—грѣхи тяжкіе. Но какъ все это хотятъ извинить въ себѣ, какъ все это хотятъ прикрыть и украсить! Мое состояніе, мои занятія торговыя, мое положеніе въ свѣтѣ влекутъ все это съ собою. Напрасно! Никакое состояніе не заставляетъ ни лгать, ни красть, ни обманывать. Состояніе заставляетъ трудиться и—только. Нужда, говорятъ не знаетъ закона? Конечно, нужда, какъ необходимость физическая, не подлежитъ закону, предписанному свободѣ. Но бываетъ нужда, составляемая произволомъ свободы, и бываетъ нужда, преодолѣваемая свободою. Надобно осмотрѣться, какая нужда тѣснитъ тебя. Положимъ, что не страсти, не прихоти твои составили тебѣ твою нужду; однако не онѣ ли и мѣшаютъ преодолѣвать нужду для Господа? Если бы искренно любили мы Господа: на что не рѣшились бы мы для Него? Искренно любящіе Господа жертвовали Ему не только довольствомъ житейскимъ, не только честью или денежною прибылью, не только покоемъ и лишнимъ здоровьемъ, но самою жизнію. Не сказано ли намъ: ищите, всего прежде, царствія Божія, а не земнаго покоя, а не прохлады въ жизни? Не сказано ли и малодушію нашему: если будете искать небеснаго царства, вѣчнаго спасенія души: то все прочее приложится вамъ? Что-жъ? Ужели Богъ можетъ не выполнить Своихъ обѣщаній? Ваша совѣсть скажетъ вамъ, что Онъ не отказывалъ, когда молились Ему усердно; Онъ самъ устроялъ дѣла ваши, когда на Него уповали. О! какъ мало помогутъ тамъ извиненія житейскими нуждами! Какъ обличена будетъ холодность ко всему небесному, прикрывающаяся нуждами житейскими! Какъ осуждена, какъ посрамлена будетъ несмысленная многозаботливость, пренебрегшая всѣми дарами благодати и собственнымъ вѣчнымъ спасеніемъ для житейскихъ нуждъ.

Извиняютъ себя незнаніемъ закона Божія и неудобствомъ знать волю Божію. Очень обыкновенное дѣло слышать подобное извиненіе отъ того, кто родился въ простотѣ, выросъ въ заботахъ житейскихъ; очень обыкновенное дѣло слышать отъ него слова: я книжной мудрости не знаю, я не имѣлъ ни времени, ни способовъ учиться закону; я человѣкъ темный: за что же и взыскивать съ меня? О! нѣтъ,—и эта надежда не надежная! риза совсѣмъ не брачная, а темная. Любезный собратъ, ты жалуешься на незнаніе; слѣд., тебѣ извѣстно, слѣд., ты самъ чувствуешь, что незнаніе—дѣло худое. А заботился ли о томъ, что-бы пріобрѣсть познанія, нужныя для души твоей? Подумай; ты много, много узналъ въ жизни твоей, что однакожъ не нужно для вѣчности. У тебя достало времени и силъ узнать безполезное и даже вредное для души твоей: отчего-жъ такъ мало знаешь необходимое для вѣчности?

Ты не можешь читать книгъ? Но ты могъ бы читать въ душѣ твоей волю Божію, ты могъ бы въ совѣсти твоей видѣть грѣхи твои. Что-жъ? Совѣсть очернена; душа—вещь чужая, ея вовсе не вѣдаютъ. Ты жалуешься на незнаніе книгъ спасительныхъ? Слѣд. тебѣ извѣстно, что надлежало бы знать тебѣ содержаніе книгъ спасительныхъ. Но развѣ не могъ ты, не читая книгъ, слушать книги? Развѣ ты не могъ бывать въ храмѣ Божіемъ, гдѣ каждый день оглашать тебя могли чтеніемъ и пѣніемъ? А ты и мало бываешь въ храмѣ и, бывая, стоишь не въ храмѣ, а на торжищѣ. Слушаешь слово Божіе, какъ бы не слышалъ, слушаешь холодно, небрежно, разсѣянно, такъ что ни одно зерно не проникаетъ въ глубину сердца. Подумай же,—извинитъ ли грѣхи твои невѣжество въ законѣ? Ахъ! ни чѣмъ не оправдается и то невѣжественное знаніе религіи, которое имѣло всѣ средства узнать религію, но обратилось къ познаніямъ только земнымъ. Не странно ли, не больно ли слышать разговоры о вѣрѣ, обличающіе грубое невѣжество по отношенію къ самимъ простымъ истинамъ вѣры? Не больно ли слышать—послѣ того, какъ слышишь, что тѣ же люди показываютъ большія познанія о предметахъ, вовсе ненужныхъ для вѣчности? Сколько легкомыслія въ сужденіяхъ! Сколько легкомыслія въ жизни! Отчего? Оттого, что никогда не учились вѣрѣ, какъ слѣдовало бы учиться, никогда не размышляли о вѣрѣ, какъ слѣдовало размышлять о ней. Чѣмъ оправдаются эти люди на судѣ Божіемъ? Скажутъ ли, что виновато воспитаніе? Оно виновато, но было время исправить худые уроки воспитанія. Много дѣлъ, много занятій? Тогда узнаютъ, тогда почувствуютъ высокое достоинство истинъ вѣры, узнаютъ, что истины вѣры важнѣе всѣхъ занятій жизни.

Мы еще не совсѣмъ худы, говорятъ другіе. Не забываемъ храма Божія, не беремъ чужаго, хотя и не даемъ своего; выполняемъ требованія власти; живемъ трезво. Если есть слабости, если есть опущенія долга: кто-жъ безъ слабостей? Но, такъ ли будутъ судить тамъ этихъ людей, какъ они о себѣ судятъ? Оправдаютъ ли ихъ тамъ, какъ они себя оправдываютъ? Принято ли будетъ одѣяніе дѣлъ наружной правоты ихъ за одѣяніе брачное? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Имъ скажутъ, что такою правотою одѣты были и добрые язычники. А вы—христіане; вамъ дана была благодать для пріобрѣтѣнія сердечной чистоты; вамъ дана была благодать для совершенія подвиговъ самоотреченія. Гдѣ-жъ сердечная чистота? Гдѣ подвиги борьбы съ страстями? Какое употребленіе сдѣлано изъ даровъ благодати? Если иной язычникъ довольствовался гражданскою честностію: то боги язычника были слѣпы, а нашъ Богъ зритъ сердца наши, видитъ и осуждаетъ своекорыстныя желанія наши. Если іудей

увлекался наружностію служенія своего Богу: и ему извинительно, когда столько требовали отъ него обрядовъ; а намъ сказано, что ложные—тѣ поклонники, которые не покланяются Богу искреннимъ духомъ. О, христіане! устрашимся невниманія нашего къ великому имени, которое носимъ на себѣ. Узнаетъ ли въ насъ Господь по дѣламъ нашимъ, что мы христіане? Наружное приличіе жизни еще не христіанство.

Ослабѣлъ я, разстроенъ привычками, говоритъ лѣнивый христіанинъ. Знаетъ онъ, что жизнь его соткана изъ грѣховъ, а дѣлъ добрыхъ нѣтъ у него; знаетъ, что надобно готовить себѣ одежду брачную. Но, привычка ко грѣху держитъ его на одрѣ лѣности, связала ему руки и ноги, и—онъ не дѣлаетъ ни шагу для спасенія своего. Кто-жъ виноватъ? Самъ полюбилъ грѣхъ, самъ свыкся съ грѣхомъ. Зачѣмъ было допускать грѣхъ до того, чтобы возобладалъ онъ надъ душею, какъ полновластный господинъ? Зачѣмъ было не останавливать худой привычки, когда она была еще слаба Но—пусть такъ; пусть сталъ ты рабомъ грѣха. Зачѣмъ же оставаться рабомъ? Зачѣмъ же искать свободы Божіей? Прегражденъ ли путь къ тому? Нѣтъ; *живу Азъ, глаголетъ Господь,—не хощу смерти грѣшника.* Господь не хочетъ, чтобы погибъ во грѣхахъ грѣшникъ. Для каждаго отворена имъ дверь покаянія ко спасенію. Зачѣмъ же стало дѣло? *Востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ.* Пробудись, соберись съ силами, пока есть время. Ослабѣлъ я, повторяетъ лѣнивый христіанинъ. Напрасно! силы есть, но не на то употребляются. Посмотрите, для денегъ или честей, для хлѣба или веселья, много силъ; отчего же не для Господа? Для земли и грѣха—много труда, много заботъ, много пожертвованій, отчего же не для спасенія души? О! воздохни изъ глубины души о своемъ невниманіи къ спасенію вѣчному. Рѣшись оставить путь грѣха, не думая о привычкѣ къ нему. И мытари и разбойники и любодѣи, омытые слезами покаянія, приняты въ царствіе небесное. Иди вслѣдъ за спасшимися грѣшниками.—„Еще исправлюсь“, говоритъ лѣнивый. Но что, если ты умрешь въ грѣхахъ? Смерть, конечно, не дала тебѣ знать, когда придетъ къ тебѣ. И чего ждешь ты? Развѣ не каждая минута грѣха будетъ осужденіемъ тебѣ? Чего ждешь? Развѣ не все наше время должно быть посвящено Господу? Чего ждешь? Минутъ приближенія смерти, когда не въ состояніи будешь владѣть собою? Какое же будетъ тогда обращеніе къ Богу? О! *востани спяй*, возстань немедленно, или—ты погибъ на вѣчность.

Братія! Всеблагій Богъ говоритъ устами пророка: *и нынѣ живущіе во Іерусалимѣ, и человѣче Іудинъ, судите между Мною и виноградомъ Моимъ. Что сотворю еще винограду Моему, и не сот-*

ворихъ Ему? занеже ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе (Исаія. V, 3. 4). Пусть совѣсть христіанская судитъ каждаго христіанина, что сдѣлано имъ въ сравненіи съ заботами о немъ любви Божіей?

Отче небесный! безотвѣтны, безотвѣтны мы предъ Тобою. Спаси насъ отъ грознаго суда Твоего. По единой милости Твоей, не по дѣламъ нашимъ, спаси насъ, къ славѣ Твоей и единороднаго Твоего Сына и животворящаго Духа. Аминь.

1844 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ШЕСТУЮ-НАДЕСЯТЬ.

Того бо есмы твореніе, создани во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ (Еф. II. 10).

Ошибку легко допустить; но ошибка въ вѣрѣ весьма важная, такъ какъ имѣетъ связь съ судьбою человѣка за гробомъ. „Если дѣло спасенія нашего совершено благодатію: то намъ нечего болѣе дѣлать; если же иные предписываютъ строгіе уставы, налагаютъ бремена на себя и другихъ, то это—произволъ человѣческій, дѣло недоразумѣнія или ложнаго разумѣнія. Дѣло наше не въ дѣлахъ, а въ вѣрѣ". Такъ разсуждаютъ нѣкоторые и даже многіе. Безошибочно ли такое разсужденіе?

Апостолъ учитъ: *Того есмы твореніе, создани во Христѣ Іисусѣ*. Вотъ часть того, что предлагаютъ и нѣкоторые, или многіе. Подлинно, по жизни духовной, мы новое созданіе Божіе, созданное въ Іисусѣ Христѣ. Образъ Божій, напечатлѣнный въ человѣкѣ при первомъ сотвореніи, помраченъ, испорченъ, разстроенъ первымъ грѣхомъ человѣка. Чтобы возсоздать его въ человѣкѣ, Богочеловѣкъ ввелъ въ человѣческую природу новое начало жизни, живоносную благодать св. Духа. *Если кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе,* сказалъ Спаситель (Іоан. III, 5). Потому, каждый спасающійся спасается не иначе, какъ благодатію Христовою. *Благодатію вы спасены, и это не отъ васъ, Божій даръ,*—таково ученіе апостольское. Вѣруетъ ли кто во Христа, или истрадаетъ за Него, начинаетъ ли только жизнь духовную, или и преуспѣлъ въ ней много,—это все зависитъ отъ благодати. *Вамъ дано не только вѣровать въ Него, но и пострадать за Него,* говорилъ апостолъ филиппійцамъ (Фил. I, 29). То же самое говоритъ онъ, говоря: *Того есмы твореніе, созданы во Христѣ Іисусѣ.*

Что же говоритъ далѣе апостолъ? То ли, что говорятъ нѣкоторые? Изъ того, что мы новое твореніе Божіе во Христѣ, выводитъ ли онъ заключеніе, что намъ не нужно болѣе ничего дѣлать для своего спасенія, что намъ не нужны добрыя дѣла? Нѣтъ, онъ говоритъ совсѣмъ другое. *Того есмы твореніе, создани во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая.* Видите, онъ цѣлію самаго творенія новаго полагаетъ *дѣла благая.* По его ученію, мы для того и созданы во Христѣ Іисусѣ, для того и совершилось новое твореніе, чтобы творили мы добрыя дѣла, а не худыя. И странно было бы быть иному. Ужели для того страдалъ Христосъ Спаситель за насъ, чтобы мы, купленные пречистою кровію Его, свободно утучняли тѣло свое, превращая его въ жилище нечистыхъ страстей? Ужели для того пріяли мы въ купѣли крещенія благодать святаго Духа, чтобы духъ гордости нашей оскорблялъ ее дикими порывами своими? Ужели неоцѣненные дары христіанства даны намъ съ тѣмъ, чтобы мы ругались надъ ними недостойнымъ употребленіемъ ихъ? А чего же хотятъ тѣ, которые оставляютъ въ христіанинѣ безъ благаго употребленія волю его? *Молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ,* молилъ апостолъ (II Кор. VI, 1). Что это значитъ? То, что не довольно—принять благодать Божію; надобно, чтобы принята она была не напрасно; надобно, чтобы не осталась она безъ употребленія; надобно, чтобы она, какъ дорогій талантъ, была сохранена осторожно, и употреблена по ея назначенію,—для преспѣянія во спасеніи. Каждому данъ свой даръ благодати: но каковъ бы онъ ни былъ, даръ ли это благотворенія, или даръ терпѣнія, даръ ли служенія другимъ, или даръ уединеннаго служенія Богу, малъ ли или великъ даръ,—никому не позволено ненаказанно скрыть талантъ въ землю. Благодать Божія принята, безъ нея—были безъ дара Божія: но горе намъ, если не воспользуемся принятою благодатію. Нерадивыхъ рабовъ ожидаетъ тьма кромѣшная.

Грѣхъ испортилъ созданную по образу Божію духовную природу нашу. Но грѣхъ не уничтожилъ въ насъ образа Божія: даръ Божій сильнѣе дѣла человѣческаго. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми понятіями о Божествѣ остается въ человѣчествѣ нѣкоторое, хотя и слабое, чувство добра, остается нѣкоторое, хотя и слабое, стремленіе къ святому. То, что можно знать о Богѣ, было извѣстно и язычникамъ; не имѣвшіе откровеннаго закона, по влеченію природы, творили сообразное съ закономъ Божіимъ. Если же такъ, если остаются и въ падшемъ человѣкѣ нѣкоторыя силы для добра: какъ же христіанину не пользоваться ими для спасенія своего? Какъ оставить безъ употребленія даръ Божій? Не значило ли бы это оказывать пренебреженіе и къ дару и къ Владыкѣ дара? Если язычникъ

по возможности умножалъ талантъ, данный при родѣ: христіанину ли быть хуже язычника?

Думаютъ, что возвышаютъ благодать, предоставляя ей все дѣлать въ насъ безъ насъ самихъ. Нѣтъ, тѣмъ не возвышаютъ, а унижаютъ благодать. Благодать, какъ даръ Божій, не можетъ ни уничтожать, ни оставлять безъ употребленія другаго дара Божія—свободы. Иначе, то и другое оскорбляло бы мудрость и величіе Владыки благодати и свободы. Напротивъ, укрѣплять ослабленную грѣхомъ природу человѣческую—вотъ что вполнѣ прилично и благодати Божіей, прилично и свободѣ человѣческой. И благодать совершаетъ это въ насъ. Тѣ же самыя силы, которыми грѣшникъ противоборствуетъ волѣ Божіей, благодать направляетъ противу грѣха, облекаетъ силою для исполненія закона Божія, возвышаетъ до торжества надъ порочными наклонностями и привычками. Тѣже члены, которые служили орудіемъ нечистоты и беззаконія, подъ вліяніемъ благодати, становятся орудіемъ правды и святыни (Рим. VI, 19). Та же свобода, съ которою человѣкъ творилъ волю плоти и гордости, освященная благодатію совершаетъ подвиги умерщвленія плоти и самоуничиженія, возвышается до высшаго своего совершенства,—до освобожденія отъ рабства грѣху. *Идѣже духъ Господень, ту свобода* (II Кор. III, 17). Потому-то, благодатное возрожденіе называется обновленіемъ человѣка (Еф. IV, 24), или сравнивается съ броженіемъ, произведеннымъ въ тѣстѣ закваскою. *Царствіе Божіе подобно закваскѣ,* говоритъ Спаситель (Матѳ. XIII, 33).

Если все дѣло спасенія отъ благодати: какъ же случалось, что причастники самыхъ высокихъ даровъ благодати подвергались паденію? Конечно, никто не позволитъ себѣ той хулы на благодать, чтобы ей, а не волѣ человѣческой, приписать эти паденія.

Если все дѣло въ благодатной вѣрѣ: къ чему же предписаніе любить Господа всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслію? Къ чему предписанія подвизаться противъ грѣха до крови, исторгать изъ сердца страсть, хотя бы она была также дорога сердцу, какъ глазъ, какъ правая рука? Къ чему предписаніе отрекаться отъ себя самаго, и съ крестомъ на раменахъ идти по слѣдамъ Распятаго за насъ? Нѣтъ, предъявленія правъ Божіихъ на насъ не такъ ограничены, какъ мечтаютъ.

И такъ—понятно, что не искреннее благочестіе говоритъ: дѣло не въ дѣлахъ, а въ вѣрѣ. Нѣтъ, это не голосъ благочестія, а голосъ испорченной природы, лукаво уклоняющейся отъ пути Христова, домогающейся оправдать чѣмъ нибудь свое нежеланіе совершать христіанскіе подвиги. Искренніе подвижники благочестія не тому учили словомъ и дѣломъ. *Умерщвляю тѣло мое,* говорилъ

апостолъ, *да инымъ проповѣдуя самъ не останусь лѣнивымъ рабомъ* (1 Кор. IX, 27). *Если живемъ духомъ, то по духу и ходить должны* (Гал. V, 25), т. е., если получили мы духъ благодати, то должны жить не по желаніямъ плоти, а по началамъ духовной жизни. Св. мученики и мученицы какимъ путемъ достигли неба? Они отдавали жизнь свою на муки и страданія, на поруганіе и смерть, чтобы только не измѣнить Господу своему. Святители Божіи свободно говорили правду сильнымъ земли, защищали истину противъ еретиковъ, жертвуя покоемъ, здоровьемъ, а иногда и жизнію. Преподобныя отцы и преподобныя матери терпѣли жестокія внутреннія скорби, подвизаясь противу страстей. Вотъ искренніе послѣдователи евангельскаго ученія! Вотъ истинные проповѣдники христіанскаго благочестія!

Вѣра безъ дѣлъ—мертва. Это—вѣра мысли, а не сердца, а не жизни. При такой вѣрѣ, богослуженіе—бездушно, ничего не говоритъ ни сердцу, ни воображенію, такъ какъ и вѣра не восходитъ далѣе одной мысли. При такой вѣрѣ, скучаютъ медленнымъ богослуженіемъ, чтобы спѣшить на распутія земной жизни. Но, о Боже мой! если уже скучаютъ бесѣдою съ Тобою: то что будетъ крестъ Твой? Къ чему же и именовать себя поклонниками Христовыми? При такой вѣрѣ, не считаютъ нужными подвиговъ самоумерщвленія, подвиговъ поста. Но, слушатели! уже ли христіанство въ одномъ только имени? Уже ли не христіанамъ предписано распинать плоть съ ея страстями? При такой вѣрѣ, забота объ одномъ,—о образованіи ума. Скажите же, други мои, уже ли христіанская жизнь—дѣло одной мысли, трудъ одного ума? Нѣтъ, она есть дѣло всей души нашей, всего человѣка; она есть подвигъ всѣхъ силъ нашихъ, всего существа нашего. Если оставляютъ безъ пищи духовной какую либо потребность существа нашего: то не доведутъ души до неба: туда не пускаютъ ни хромыхъ, ни увѣчныхъ. Вѣруютъ и бѣсы, а иногда и трепещутъ: но гдѣ имъ мѣсто? Потому, если разъ сказали, что дѣло не въ дѣлахъ, а въ вѣрѣ, тутъ уже не ожидайте подлинной христіанской жизни, подлиннаго христіанскаго совершенства. Оскорбительно было бы для имени христіанина открыто отказываться отъ словъ Спасителя о томъ или другомъ долгѣ нашемъ, и потому-то, повторяя буквы писанія, говорятъ: надобно это дѣлать, надобно такъ жить. А потомъ, подъ вліяніемъ ложной мысли о вѣрѣ, оставляютъ свою рѣшимость, не доходятъ до конца подвига. Помня то или другое изреченіе писанія, хотятъ жить христіански, начинаютъ жить; а мысль о ложно-понятой вѣрѣ ослабляетъ рѣшимость, отнимаетъ у души искренность любви къ пути Христову. Вотъ почему такъ много говорятъ о живой вѣрѣ, и не имѣ-

ютъ живой вѣры! Вотъ почему никогда не встрѣтите всецѣлой рѣшимости жить для Господа, никогда не увидите жизни на той высотѣ совершенства, на которой стояли Антоніи и Златоусты! Самое лучшее, что встрѣтите на этомъ пути, это то, что доходятъ до половины дороги къ небу. Иначе, страшно подумать куда заходятъ.

Братія! не отворяйте слуха внушеніямъ противнымъ ученію православной церкви.—Богъ благодатію Своею да сохранитъ сердца наши въ вѣрѣ и любви для вѣчной жизни. Аминь.

1846 г.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ 17-ю ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ.

Матѳ. XV, 21—28.

Нынѣ чтенное евангеліе представляетъ намъ образецъ того, какъ мы грѣшники должны просить Господа о помощи въ скорбяхъ и нуждахъ, если желаемъ быть услышанными. Объяснимъ евангельскую повѣсть о женѣ хананейской.

И изшедъ оттуду Іисусъ, отъиде во страны Тирскія и Сидонскія. И се жена хананейская отъ предѣлъ тѣхъ изшедши, возопи къ Нему.

Кто является предъ Господомъ Іисусомъ? *Жена хананейская,* урожденка Тира и Сидона.

Хананеи—тотъ народъ, который исказилъ въ самыхъ основаніяхъ законы природы. Это язычники, но язычники самые худые, самые нечистые. Изъ этаго-то народа была жена, являющаяся къ Іисусу, когда Онъ былъ на границахъ Тира и Сидона. Св. Лука, въ означеніе ея происхожденія, называетъ ее сирскою финикіянкою или хананеянкою, жившею въ сирской Финикіи или Хананеи, а въ означеніе свойствъ ея народа, называетъ ее еллинскою, т. е. язычницею.

Откуда родилась въ ней мысль придти къ Іисусу Христу? Евангелисты Маркъ (III, 8) и Лука (VI, 17) свидѣтельствуютъ, что еще прежде случая съ женою хананейскою, слухъ о чудесахъ Спасителя доходилъ до Тира и Сидона, и этотъ слухъ вызывалъ многихъ изъ жителей той страны приходить къ Іисусу Христу: *слышавше, елика творяше, пріидоша къ Нему;* тотъ же слухъ привелъ къ нему и жену хананейскую. *Слышавше жена о Немъ,* говоритъ св. Маркъ *ея же дщи имѣяше духа нечиста, пришедши припаде къ ногама Его.*

Возопи къ Нему, глаголюще: Іисусе Сыне Давидовъ, помилуй мя, яко дщи моя злѣ бѣснуется.

Трогательное зрѣлище! Жена является у ногъ Іисуса Христа мать умоляетъ о дочери, терзаемой страданіями, и не проситъ, а вопіетъ о состраданіи, и не дочери, а себѣ проситъ помилованія, такъ какъ страданія дочери терзали бѣдную мать, и были до того страшны, что дочь не чувствовала ихъ и тѣмъ еще болѣе терзала сердце матери.

Онъ же не отвѣща ей словесе! Что это значитъ? Тотъ, чьи уста источаютъ столько любви и состраданія для всѣхъ, молчитъ для несчастной матери. Тотъ, который призываетъ къ себѣ самыхъ неблагодарныхъ іудеевъ, наносившихъ ему столько оскорбленій своимъ невѣріемъ, холодностію и даже явною ненавистію, не удостоиваетъ отвѣта ту, которая сама пришла къ Нему съ любовію, не зная ни закона, ни пророковъ. Поступокъ истинно изумительный! возмутились и ученики Христовы.

И приступльше ученицы Его, моляху Его, глаголюще: отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ.

Изумленные ученики не смѣютъ просить прямо за жену, они просятъ какъ бы за себя: *яко вопіетъ вслѣдъ насъ.* И подлинно, тяжело было слышать вопль несчастной матери, а эта мать оставляется безъ помощи, даже безъ отвѣта. И ученики просятъ учителя по крайней мѣрѣ отпустить жену.

Онъ же отвѣщавъ, рече: нѣсмь посланъ токмо ко овцамъ погибшимъ дому израилева.

Чудная мудрость Спасителя! Смущенныхъ учениковъ Онъ поддерживаетъ въ ихъ недоумѣніи. Для чего? Для того, чтобы горечью испытываемаго ими чувства довесть ихъ до убѣжденія въ несправедливости раздѣляемаго ими мнѣнія народнаго о язычникахъ, а вмѣстѣ показать, до какой степени справедливо это мнѣніе. Умоляющей женѣ не спѣшитъ подать помощь и усиливаетъ тѣмъ ея усердіе.

Нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому израилева. Прежде всего—воля Отца небеснаго. Христосъ—посланникъ Его, и долженъ исполнить волю пославшаго. Воля Отца небеснаго о спасеніи людей такова, что Спаситель долженъ явиться между іудеями и для іудеевъ. Каковы бы ни были іудеи,—они народъ избранный Богомъ, къ нимъ посланъ великій Пророкъ и Мессія; для нихъ онъ долженъ совершить земной подвигъ благотвореній и ученія. Вотъ отчего молчаніе его для язычницы! Пророки предвозвѣщали волю Божію и о спасеніи язычниковъ? Такъ. Отъ воли Божіей все зависитъ, а не отъ заслугъ людей: по ея изволенію должно открыться

и спасеніе язычниковъ; какъ бы ни думали іудеи: но надобно ждать, когда и подъ какими условіями откроется эта спасительная воля.

Она же пришедши, поклонися Ему, глаголющи: Господи, помози ми!

Какъ ни рѣшителенъ, повидимому, отказъ Спасителя въ помощи, жена хананейская не престаетъ просить Его о помощи.— Прежде называла она Его Сыномъ Давидовымъ; теперь называетъ Господомъ. Прежде просила у Него, какъ у Мессіи іудеевъ, но вотъ слышитъ и соглашается, что посланный къ іудеямъ долженъ отказать язычницѣ въ помощи, и она обращается за помощію къ Господу. Ты Господь, говоритъ она; Ты сильный и могущественный, Тебя слушаютъ и море и вѣтры. Всесильный! помоги мнѣ. Такъ вѣра ея растетъ при встрѣчѣ съ препятствіями. Усиленная отказомъ скорбь ея, раскрываетъ въ ней болѣе и болѣе духовное зрѣніе,—и она видитъ въ Іисусѣ болѣе, чѣмъ просвѣтителя іудеевъ, она видитъ въ Немъ Господа всѣхъ, Владыку неба и земли, властителя не іудеевъ только, но и язычниковъ.

Онъ же отвѣщавъ, рече: нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ.

Языкъ іудеевъ называлъ язычниковъ псами за ихъ жизнь. И Спаситель говоритъ языкомъ іудеевъ, сколько для учениковъ, еще неотрѣшившихся отъ мнѣній іудейскихъ, столько и для жены хананейской къ ея смиренію. Если, говоритъ Онъ, не хорошо отнимать хлѣбъ у дѣтей и отдавать его псамъ: то прилично ли тебѣ подать благодать, назначенную для іудеевъ?

Она же рече: ей Господи.

Она смиренно сознаетъ, что судъ Спасителя, какъ ни унизителенъ для нея, справедливъ. Она сознаетъ, что точно принадлежитъ она къ псамъ,—такъ нечиста душа ея,—и что она не стоитъ той благодати, какая назначена для іудеевъ. Тѣмъ не менѣе она не оставляетъ мольбы. Въ чемъ же ея надежда на помощь?

Ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ.

Въ томъ самомъ, что положеніе ея очень бѣдно, она открываетъ основаніе для надеждъ своихъ на помощь. Каковы бы ни были псы, говоритъ она, но когда они голодны, они стоятъ подъ столомъ ласковыхъ господъ своихъ и на свою долю получаютъ крохи, падающія со стола. Такъ, Господи, я нечистая язычница, ничѣмъ не лучшая псовъ: но истомленная страданіями, измученная суетами жизни языческой, ожидаю Твоей милости,—не той, какою пользуется избранный народъ іудейскій и которой я совсѣмъ недостойна: я ожидаю только той милости, чтобы не быть лишенною

Твоей милости, ожидаю милости единственно отъ Твоей великой милости къ самимъ грѣшникамъ.

Іисусъ же рече: о жено, велія вѣра твоя, буди тебѣ, якоже хощеши.

Вѣрѣ обѣщаны блага царства благодатнаго. Что до того, что другіе чада Авраама по плоти? Не чадамъ плоти, а чадамъ вѣры принадлежатъ всѣ обѣтованія. Твоя вѣра велика: воля Отца небеснаго о спасеніи язычниковъ уже открывается на дѣлѣ. Да исполнится же твое желаніе. И оно исполнилось: *исцѣлѣ дщи ея.*

Вотъ, братія, образецъ молитвы, услышанной Господомъ. Молитесь, какъ молилась жена хананейская,—и молитва ваша будетъ услышана. Молитесь о нуждахъ, которыя бы стоили вниманія Отца небеснаго, какъ молилась жена хананейская, мать дочери страдавшей. Молитесь усердно, не прерывая молитвы вашей суетными мыслями. Молитесь, хотя бы видѣли, что молитва не тотчасъ исполняется. Совѣты Божіи не то, что совѣты человѣческіе. Молитесь съ покорностію совѣтамъ Божіимъ, пусть исполнится воля Господа о васъ, когда и какъ Онъ знаетъ исполнить ее. Молитесь съ глубокимъ сознаніемъ грѣховъ своихъ. Пока не будетъ въ душѣ смиренія, пока не будетъ глубокаго сознанія своихъ немощей,—не сойдетъ на васъ благодать, какъ бы ни было высоко ваше разумѣніе Христа Господа и всѣхъ таинъ вѣры. Вѣру хананеянки тогда назвалъ Господь великою и тогда назвалъ способною принять благодать Его, когда хананеянка сознала нечистоту свою, признала ее не лучшею нечистоты пса, и не тогда, какъ назвала она Его Господомъ. Не прерывайте молитвы вашей чувствомъ недостоинства своего. Напротивъ, чѣмъ болѣе будете находить себя грѣшными, тѣмъ постояннѣе молитесь, какъ имѣющіе болѣе другихъ нужду въ милости Божіей. Мѣрою грѣховъ вашихъ измѣряйте только свое смиреніе, ограничивайте гордость, но не измѣряйте ею милосердія Божія, которое безпредѣльно. Вы слишкомъ грѣшны? Взывайте къ Господу: по безпредѣльной милости Твоей помилуй насъ. Такъ молилась хананеянка и была услышана. Ей, услышаны будете и вы. Аминь.

1852 г.

Въ Харьковѣ.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ОСЬМУЮ-НАДЕСЯТЬ.

Бысть же належащу Ему народу, да быша слышали слово Божіе, и той бѣ стоя (Луки V, 1).

Прекрасное зрѣлище представлялъ народъ, окружающій Господа на брегу геннисаретскаго озера! Необозримое множество людей окружаетъ Его, и каждый спѣшитъ подойти къ Нему ближе, каждый домогается не быть вдали отъ Него,—для чего же? *да быша слышали слово Божіе.* Безъ сомнѣнія, здѣсь не мало было отцевъ семействъ, у которыхъ такъ много заботъ о жизни; много было женъ, на которыхъ лежатъ попеченія о домѣ и дѣтяхъ; много рабовъ и рабынь, не зависящихъ отъ своей воли; много продающихъ и купующихъ, у которыхъ на душѣ тяжкія заботы о куплѣ и продажѣ. Но—на сей разъ все и всѣми было оставлено; на сей разъ спѣшили употребить время только на то, чтобы слушать учителя израилева. Конечно, эти люди жили, какъ и мы, братія, въ различныхъ связяхъ съ міромъ; увлекались человѣческими мечтами и суетами; желали болѣе, чѣмъ нужно желать. Но вотъ открылся случай слышать слово Божіе, и сердца загорѣлись другимъ желаніемъ. Окружили Господа, такъ что надобно было сойти въ лодку, нѣсколько отступить отъ берега и отселѣ преподавать слово жаждавшимъ слышать ученіе *И сѣдъ учаше изъ корабля народы.*

Братія! если бы кто сказалъ о комъ нибудь изъ насъ, что очень не радивъ онъ о спасеніи: думаю, что такое слово опечалило бы его, если только и не оскорбило. И однако отчего это, что такъ мало мы слушаемъ слово Божіе,—слово, столько необходимое для спасенія нашего? Какъ объяснить себѣ странность? *Блаженни слышащіи слово Божіе и хранящіи е,*—говоритъ неложное слово (Лук. XI, 28). Но согласитесь, что очень мало нынѣ слушающихъ слово Божіе; не говорю о творящихъ.

Отчего же это? Отчего такъ мало желаемъ мы слушать слово Господа нашего?

Быть можетъ, не оттого ли, что слово Божіе слишкомъ уже извѣстно намъ, такъ что нечего и слушать? Сомнительно, очень сомнительно, чтобы не сказать чего нибудь болѣе. Что, если представляемъ себя много знающими, тогда какъ на дѣлѣ слишкомъ мало знаемъ? Еще чаще можно встрѣтиться съ такими изъ насъ, которые точно много знаютъ, и не знаютъ малости—*единаго на потребу.* Знаютъ и то, что происходитъ на небѣ, за областями воздушными;

знаютъ и то, что скрывается въ сокровенныхъ нѣдрахъ земли, а не знаютъ только того, какова ихъ душа, жива ли она? Достаточно знаютъ науку числъ, знаютъ, какъ считать и вычитать, умножать у себя и отнимать у другихъ, опредѣлять ряды вѣроятнаго и доходить до несомнѣнныхъ выгодъ. Но не знаютъ, не соображаютъ, даже не думаютъ, до какой суммы возрасли душевные долги ихъ, какою монетою придется платить за нихъ на томъ свѣтѣ, и какъ можно было бы расплачиваться за нихъ здѣсь. Понимаютъ науку жить съ людьми, знаютъ, чрезъ кого и какъ избавиться отъ непріятностей жизни, навлеченныхъ ихъ же грѣхами; а знаютъ ли, какъ надобно спасать свою душу,—о томъ не спрашивай; опасности жизни христіанской, о которыхъ такъ много говоритъ слово Божіе, средства предостерегать душу отъ пожара страстей, о чемъ такъ часто и много учитъ слово Божіе, участь нераскаяннаго грѣшника за гробомъ, которую въ такомъ ужасающемъ видѣ изображаетъ слово Божіе, все это—такіе предметы, до которыхъ едва ли когда касались они мыслію, тѣмъ менѣе сердцемъ. Какое несчастное положеніе! Намъ сказано: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III, 2); земныя сокровища не пойдутъ за нами въ вѣчность; а если и пойдутъ, то, при нашихъ страстяхъ къ нимъ, на нашу погибель. Достаточно ли все знаютъ это, по крайней мѣрѣ, столько ли, чтобы не жить для одной земли?—Оттого ли же не слушаютъ слово Божіе, что оно безъ того уже слишкомъ извѣстно?

„Пусть такъ, говорятъ нѣкоторые, что многіе не оттого не слушаютъ, но мы не слушаемъ слова Божія потому, что оно, какъ слишкомъ извѣстное намъ, скучно“. Боже мой! И Твое слово намъ скучно! И ты, который весь сладость, весь свѣтъ, весь жизнь и особенно для насъ, израненныхъ грѣхами,—и Ты изглаголалъ намъ слово, которое скучно для насъ! Гдѣ же послѣ того утѣшенія наши? Гдѣ свѣтъ для насъ? Братія! ужели мы—христіане дошли до того, что не знаемъ, кто Богъ нашъ? Или насъ, какъ язычниковъ, надобно доводить до сознанія, что продовѣдуемое намъ слово есть слово самаго Бога? Если мы, какъ христіане, пріемля *слышанное слово Божіе, пріяли не аки слово человѣческое, но, якоже есть воистину, слово Божіе* (I Сол. II, 13): то обдуманы ли слова, которыя произнесли уста, называя слово Божіе скучнымъ? Осмотримся, размыслимъ внимательнѣе. Правда, нѣкоторые предметы занимательны бываютъ для насъ точно только до тѣхъ поръ, пока не извѣстны. Но какіе это предметы? Предметы мелкіе, предметы маловажные, предметы пустые по содержанію своему. Очень естественно, что любознательность наша, въ отношеніи къ такимъ предметамъ, скоро теряется; естественно потому, что въ нихъ нечего узнавать; они такъ пусты,

что стоитъ взглянуть на нихъ и они проникнуты взглядомъ, ихъ остается только бросить; скажемъ болѣе—если такіе предметы и занимаютъ насъ сколько нибудь, то не потому, что будто доставляютъ живительную пищу духу нашему, а потому, что льстятъ воображенію неустроенному, чувству испорченному. Пусть повѣрятъ это вниманіемъ, пусть подумаютъ, почему, напр., съ такою жаждою читаютъ книги, такъ называемыя, легкія? Положа руку на сердце, каждый читающій ихъ скажетъ, что такія книги точно легки, т. е., совершенно пусты; пусты и при первомъ строгомъ взглядѣ на нихъ, пусты и по отзыву опыта, потому что, прочтя разъ, въ другой уже не возьмутъ ихъ въ руки. И—однако разъ читали? Почему? потому, что душа больна, и не почему болѣе. Но скажите, чья совѣсть позволитъ сказать себѣ, что слово Божіе не болѣе важно, какъ и подобныя книги? Слово Божіе такъ важно, такъ высоко, такъ обширно по содержанію своему, что развѣ вѣчности достанетъ для того, чтобы изчерпать содержаніе его. *Кто уразумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть? Мы же умъ Христовъ имамы,* говоритъ апостолъ. А сей умъ Христовъ, сей безпредѣльный умъ Божій, не открытъ ли намъ въ словѣ Божіемъ? Какихъ же истинъ—свѣтлыхъ для ума, отрадныхъ для сердца, не откроетъ вниманію нашему слово Божіе, если бы только внимали мы ему! Заключая въ письменахъ своихъ умъ Божій, какое неистощимое богатство свѣдѣній оно должно заключать въ себѣ! Много требованій отъ разныхъ сторонъ духа нашего можетъ быть предъявлено: но на всѣ требованія нашли бы мы отвѣты, наставленія, указанія въ словѣ Божіемъ, если бы только искали. Но, что важнѣе всего, въ немъ изображены истины тѣ именно, которыя необходимы для спасенія нашего: въ немъ написано то самое, безъ чего духу нашему жить нельзя, въ немъ изображены основные законы самаго духа нашего. *Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (Іоан. VI, 63), такъ говорилъ о словѣ своемъ самъ Господь; глаголы Его сообщаютъ жизнь, безъ которой нѣтъ и жизни; глаголы Его одушевляютъ духомъ, безъ котораго духъ нашъ—земля и плоть; глаголы Его пріемлются духомъ, такъ какъ безъ жизни по духу человѣкъ и глухъ и слѣпъ. Въ немъ—въ словѣ Божіемъ—источникъ утѣшеній, истинно оживляющихъ сердце, за которыя никогда не накажетъ насъ сердце; въ немъ источникъ свѣта истиннаго, который никогда не наведетъ какого-либо мрака на мысль нашу. *Коль сладка гортани моему словеса устъ Твоихъ! Паче меда устомъ моимъ. Законъ Господень чистъ, пребываяй въ вѣкъ вѣка,* и слѣд. никогда не можетъ быть сочтенъ за ненужный. *Заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи и* слѣд. всегда спасительна для омраченнаго взора нашего. Подумайте же,

можно ли назначить предѣлъ изученію слова Божія, когда оно есть законъ для безпредѣльнаго духа нашего? Подумайте, правду ли говорятъ, что слово Божіе слишкомъ имъ извѣстно, и скучно оттого, что слишкомъ извѣстно? О! не правда, вопіющая не правда—и то идругое.

Итакъ, вопросъ нашъ остается еще нерѣшеннымъ. Отчего, повторимъ опять, мало слушаютъ слово Божіе?

„Оттого, отвѣчаютъ другіе, что не хороши проповѣдники слова Божія". Что-жъ это значитъ? То ли, что проповѣдники слова Божія не краснорѣчивы? Или то, быть можетъ, что это не тѣ проповѣдники, которые назначены словомъ Божіимъ? Посмотримъ на то и другое. Проповѣдники не краснорѣчивы? Положимъ, что это и правда: Но правда ли, что оттого не слушаютъ слова Божія? Конечно, никто не отречется отъ того, что Павелъ апостолъ былъ проповѣдникъ сильный; проповѣдь его пріобрѣла Христу милліоны язычниковъ и весьма много іудеевъ. И однако-жъ тотъ же сильный проповѣдникъ не для всѣхъ казался способнымъ проповѣдникомъ; одна и та же проповѣдь его о крестѣ, которая для спасаемыхъ была *премудростію Божіею*, для многихъ казалась безуміемъ; одна и та же проповѣдь его, которая для многихъ была *силою Божіею*, для другихъ была *соблазномъ* (I Кор. I, 23. 24). Видите—проповѣдникъ самый лучшій; а проповѣдь не всѣмъ нравится, отъ проповѣди бѣжатъ очень многіе. Дѣло очевидное—не виноватъ проповѣдникъ. Но, не виноватъ сей проповѣдникъ, виноваты другіе, которые, бывъ неспособны сообщить проповѣди занимательность, заставляютъ не слушать проповѣди? Братія! не забудьте, что мы говоримъ о проповѣдникѣ слова Божія, а не о мірскомъ ораторѣ. Не забудьте, что сила слова христіанскаго въ немъ самомъ, въ его силѣ и духѣ, а не въ украшеніяхъ сторонникъ. Образецъ вамъ для слова христіанскаго апостолъ Павелъ: *проповѣдь моя*, говоритъ онъ, *не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы* (I Кор. II, 4). Потому, ища краснорѣчія въ проповѣдникѣ вы ищите не существеннаго, и не ищите того, что прежде всего надлежало бы искать; слушайте слово Божіе въ томъ его видѣ и для той цѣли, въ какомъ и для чего дано оно, и вы не останетесь безъ пользы. Чтобы показать вамъ, какъ мало оправдываетъ васъ ваше извиненіе некраснорѣчіемъ проповѣдника, указываю на тысячи сердецъ простыхъ, которыя съ назиданіемъ глубокимъ слушаютъ некраснорѣчиваго проповѣдника, для которыхъ самая простяя пѣснь церковная много говоритъ и уму и сердцу. Присовокупите къ простотѣ простаго сердца покорность верховному Вождю пастырей: тогда увидите, что не въ проповѣдникѣ вина тому, что не слушаете спасительнаго слова Божія.

Что сказать для тѣхъ, которые жалуются на какую-то незаконность церковныхъ проповѣдниковъ слова Божія? Трудно давать отвѣты тому, кто, предлагая вопросъ, не понимаетъ самъ, о чемъ спрашиваетъ, чего требуетъ. Слово Божіе признаетъ законными проповѣдниками своими тѣхъ, которые знаютъ слово Божіе. Апостолъ съ одобреніемъ говоритъ о Тимоѳеѣ епископѣ: *ты изъ дѣтства знаешь священныя писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе* (II Тим. III, 15). И самъ предписываетъ ему: *держись начертанія здравало ученія, которое ты отъ меня слышалъ, съ вѣрою и любовію во Христѣ Іисусѣ* (II Тим. I, 13). Церковь православная требуетъ того же самаго отъ проповѣдниковъ своихъ; она требуетъ, чтобы имѣющіе быть служителями слова изъ дѣтства изучили слово Божіе. И само по себѣ понятно, что слишкомъ странно видѣть проповѣдникомъ слова Божія человѣка, который, вовсе, не разумѣя слова Божія, былъ бы знакомъ лишь кое съ какими преданіями, извѣстными у апостола подъ именемъ басней. Милость Господа Іисуса хранитъ церковь православную отъ такихъ проповѣдниковъ. Чего же не достаетъ въ церковныхъ проповѣдникахъ для ихъ законности? Того ли, что, быть можетъ, пріяли честь, не бывъ призваны къ чести церковію? Да, и это требованіе необходимо. Апостолъ Христовъ сказалъ: *никто же самъ себѣ пріемлетъ честь* (Евр. V, 4); а соборъ церковный, повторяя мысль апостола, опредѣлилъ: „аще кто кромѣ соборныя церкви о себѣ собирается и, не радя о церкви, церковная хощетъ творити, не сущу съ нимъ пресвитеру по воли епископа: да будетъ анаѳема“ (Гангр. Соб. пр. 6). Господи! даждь сердце смысленное уразумѣть грозный судъ церкви Твоей тѣмъ людямъ, которые такъ самочинно, съ такою забывчивостію, распоряжаются дѣлами церкви Твоей. Братія! По неложному слову Господа, церковь Его стоитъ и будетъ стоять до скончанія вѣка (Матѳ. XVI, 18), и до скончанія вѣка Духъ утѣшитель будетъ дѣйствовать въ ней чрезъ преемниковъ апостольскихъ. Итакъ горе тѣмъ самозваннымъ и самочиннымъ проповѣдникамъ, которые пріемлютъ на себя служеніе слову и Богу, не бывъ освящены къ тому Духомъ церкви,—Духомъ утѣшителемъ! Церковь не знала и не знаетъ другихъ проповѣдниковъ слова Божія кромѣ тѣхъ, которые назначены самимъ словомъ Божіимъ; она скорбитъ объ обществѣ людей, которое непокорностію своею доведено до жалкой необходимости слушать людей, которыхъ само оно по временамъ стыдится; она скорбитъ глубокою скорбію, потому что видитъ, какъ исполняется надъ обществомъ непокорныхъ прещеніе Господа, грозившее лишить непокорныхъ—не благъ земныхъ, но слышанія слова Его: *и послю*, говорилъ Господь, *не гладъ хлѣба, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. VIII, 11).

Гдѣ же причины тому, что мало слушающихъ слово Божіе? Не въ томъ ли, что слишкомъ много дѣлъ земныхъ обременяютъ жизнь нашу? Правда, жизнь земная много требуетъ для себя заботъ много отнимаетъ для себя времени. Правда и то, что никто не долженъ считать незаконными занятій, требуемыхъ знаніемъ каждаго обязанностями состояній. *Кійждо, въ немъ же призванъ званіи въ томъ да пребываетъ.* Если Господь сердецъ нашихъ найдетъ нужнымъ для насъ другое званіе, которое дастъ болѣе свободы для занятій духовныхъ: Онъ, по молитвѣ нашей, введетъ насъ и въ это другое званіе. Все это—святая правда. Но правда ли то, что именно занятія званій препятствуютъ слушать слово Божіе? Ужели въ самомъ дѣлѣ какое либо занятіе, освященное словомъ Божіимъ, не оставляетъ вовсе времени заняться словомъ Божіимъ? Ахъ, братія! того быть не можетъ. Быть не можетъ, чтобы какое либо дѣло доброе мѣшало другому доброму дѣлу. Напротивъ, коль скоро оставляютъ дѣло доброе подъ видомъ тѣмъ, что представляютъ нужнымъ заняться другимъ: то всего чаще бываетъ, что или дѣло, которымъ замѣняютъ доброе дѣло, вовсе не было добрымъ, или по крайней мѣрѣ, перестало быть добрымъ, дѣломъ. Всему время. *Шесть дней дѣлай, а седмый Господу Богу твоему:* такъ сказалъ самъ Господь еще тогда, какъ давалъ законъ для іудейскаго народа. Одинъ день отдѣлилъ для себя Господь, и шесть оставилъ для дѣлъ житейскихъ. Вотъ распредѣленіе времени, на которое не жаловался и не имѣлъ причинъ жаловаться даже жестокосердый іудей; седмый день—не прикосновенный день покоя. Что-жъ дѣлаютъ христіане въ седмый день? Гдѣ они? Чѣмъ заняты? Въ храмѣ ли, чтобы слушать чтеніе и пѣніе священное? Въ домѣ ли Божіемъ, чтобы поучаться въ законѣ Христовомъ? Какъ проходитъ у нихъ время послѣ времени богослуженія? И одного дня въ недѣли не хотятъ удѣлить для спасительнаго размышленія о Господѣ! И одинъ день отнимаютъ у Господа и закона Его! Спрашивать ли послѣ того, занимаются ли исповѣдующіе имя Христово словомъ Христовымъ въ минуты свободныя, въ продолженіи шести дней? Нѣкогда, говорятъ. Не правда. Спросите совѣсть, и она вамъ укажетъ на часы и даже цѣлые дни, проведенные въ праздности, въ разсѣяніи, если не въ чемъ-либо хуже того. Творить грѣхи достаетъ намъ времени, мы каждый часъ ихъ творимъ; а врачевать душу, погибающую во грѣхахъ, нѣтъ времени!

Братія! не для чего выдумывать намъ извиненія грѣхамъ нашимъ. Ни слово Божіе, ни проповѣдники слова, ни занятія жизни— не причиною тому, что такъ мало мы слушаемъ слово Божіе; причины тому въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, въ нашемъ нерадѣніи къ спасенію душевному.

Господи! *Не уклони сердце мое* (если и уклонялось оно) *въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ*. Аминь.

1844 г.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЕСЯТУЮ.

(Лук. VII, 11—16).

Нынѣ чтенное евангеліе повѣствуетъ намъ о чудесномъ воскрешеніи сына вдовы наинской. Въ этомъ событіи различаются у евангелиста три обстоятельства: встрѣча при входѣ въ Наинъ, воскрешеніе юноши и чувствованія народа.

Идяше Іисусъ во градъ, нарицаемый Наинъ, и съ Нимъ идяху ученицы Его мнози и народъ многъ. Якоже приближися ко вратомъ града, и се изношаху умерша. Іисусъ шелъ съ учениками въ Наинъ, небольшой городъ галилейскій, и, при входѣ въ Наинъ, встрѣчается мертвецъ. Казалось, встрѣча случайная, въ которой замѣтить нечего. Такъ, по крайней мѣрѣ, судятъ многіе о событіяхъ ежедневныхъ и проходятъ мимо событій безъ вниманія. Но правы ли эти люди? Они были бы справедливы, если бы въ мірѣ все шло такъ же безъ мысли, безъ ума, безъ порядка, какъ безъ мысли, безъ ума, безъ порядка идетъ жизнь ихъ. Но оттого, что людямъ хочется жить, какъ случится, міръ Божій не перестаетъ идти по извѣстнымъ, опредѣленнымъ для него путямъ. Волосъ съ головы нашей не падетъ безъ воли Отца небеснаго. И воробей не остается безъ надзора Всевышняго. Всему назначено время, вѣсъ, мѣра; бурны волны океана, но и ихъ движенія—въ волѣ Божіей; желанія грѣшной души не соотвѣтствуютъ волѣ Отца небеснаго, и оттого такъ не основательны, такъ безотчетливы, но и тѣмъ есть границы—карающее правосудіе, и тѣмъ воля всевластная опредѣляетъ конецъ, соотвѣтствующій ея планамъ. Всѣ мы живемъ подъ управленіемъ Промысла, и каждый шагъ нашъ извѣстенъ Ему и Имъ расчитанъ.

Се изношаху умерша, сына единородна матери своей. Какая проповѣдь для слѣдовавшихъ за Іисусомъ! Умеръ юноша въ цвѣтѣ лѣтъ, и—юность не защитила его отъ холода смерти; напрасны были слезы матери, вдовы одинокой; ни друзья, ни знакомые, ни дальніе, ни ближніе не закрыли его отъ удара смерти. Какъ не задуматься при сей проповѣди? Любезный собратъ! думаемъ ли мы

съ тобою, что и намъ придется умереть? Или—мы живемъ такъ, какъ будто никогда и не умремъ? Наинскій юноша, какъ видно, не принадлежалъ къ той молодости, которая безпечно расточаетъ свѣжесть жизни, не занимаясь ни одною важною мыслію; и мать—вдова не была изъ числа тѣхъ вдовъ, которыя пространно, питаясь живы умерли. О томъ и другой совсѣмъ другое показываетъ приближеніе къ нимъ Господа. Но между нами такъ ли? Между нами и старость, думаетъ только о томъ, какъ бы пожить. Жизнь обманываетъ, насъ каждый день, каждый часъ, и мы становимся осторожнѣе. Каждый день говоритъ намъ о смерти; то тамъ, то здѣсь перестаютъ жить, когда думали только наслаждаться жизнію. Самая жизнь наша походитъ на смерть, чѣмъ на жизнь; ибо съ каждымъ дыханіемъ лишаемся мы частицъ своей жизни. И однако-жъ думаемъ ли мы о смерти? Готовимся ли къ переходу за предѣлъ гроба? Твердо ли помнимъ, что ожидаетъ насъ за границею сей жизни? Жизнь на землѣ дана намъ на приготовленіе къ вѣчности, и лишь только переступимъ за гробъ, потребуютъ у насъ отчета за каждую минуту жизни на землѣ. Гдѣ же приготовленіе наше къ вѣчности? Что будетъ со мною, Господи, если сей часъ будетъ послѣднимъ моимъ часомъ на землѣ? О, „Господи! даждь ми память смертную и умиленіе“. Братія! несомнѣнно, что мы умремъ, но когда и какъ—не знаемъ. Зачѣмъ же мы такъ беззаботно живемъ здѣсь? О, если бы помнили мы о смерти! Какъ легко было бы намъ жить на землѣ для вѣчности! Скорби о временномъ не тяготили бы насъ такимъ бременемъ; удовольствія мірскія не влекли бы къ себѣ души нашей неудержимо; страсти плотскія не доводили бы насъ до безумія. Взглядъ на кости сухія, оставшіяся послѣ изнуреннаго земными заботами тѣла, показывалъ бы намъ, какъ пусто все, что не приближаетъ насъ къ Господу, какъ напрасны, какъ безполезны труды наши для земли. Взоръ на тѣло согнившее сказалъ бы намъ, что тѣло безъ духовнаго сокровища, безъ дѣлъ богоугодныхъ менѣе, чѣмъ земля и пепелъ,—что слишкомъ безразсудны мы, когда для тлѣнія и смрада губимъ душу на вѣчность. Гробъ—проповѣдникъ—наставлялъ бы насъ, что удовольствія земли не на радость намъ, если не пользуемся ими для славы Божіей, для спасенія грѣшной души,—что все земное останется на землѣ и намъ надобно явиться на судъ Божій только съ своими дѣлами. Если бы помнили мы о смерти и судѣ: благодать Божія, какъ роса небесная, нисходила бы на души наши, усмиренныя мыслію о смерти. Помощь Божія нисходила бы къ намъ послѣ каждой молитвы, одушевленной стремленіями къ небу, а не къ землѣ.

Нечаянная встрѣча наинская—нечаянна только со стороны лю-

дей, такъ какъ не отъ нихъ зависитъ то, что случается въ мірѣ: но она не нечаянна со стороны небеснаго Владыки нашего; Онъ во всемъ показываетъ намъ, что не желаетъ смерти грѣшнику, *но еже обратитися и живу быти ему:* всѣ обстоятельства, и малыя и великія, располагаетъ Онъ такъ, чтобы возбудить въ нашемъ сердцѣ раскаяніе и любовь къ волѣ Его святой.

Посмотрите на матерь наинскаго мертвеца, какую милость получаетъ она при нечаянной встрѣчѣ.

И та бѣ вдова: и народъ отъ града многъ съ нею. И, видѣвъ ю Господь, милосердова о ней, и рече ей: не плачи. Горько было положеніе вдовы: одно было утѣшеніе у нея на землѣ, и то взято; одинъ былъ сынъ, сынъ любимый, какъ только можно любить единороднаго, и тотъ похищенъ смертію: она осталась одна на землѣ. Какъ печальна была судьба ея, показываетъ и то, что *народъ* изъ града *многъ* былъ съ нею, подвигнутый ея скорбію. Съ горестію безотрадною слѣдовала она за гробомъ сына. Могъ ли кто-либо утѣшить ее такъ, какъ нужно было для души ея? *Народъ отъ града многъ* съ нею: но онъ не могъ возвратить ей радости сердца ея. И вотъ, тогда какъ не было надеждъ человѣческихъ, является сила Божія. Какая нечаянность! Какая чудная встрѣча! Смерть встрѣчается съ жизнію, безутѣшная скорбь съ Источникомъ всѣхъ утѣшеній, безпомощная немощь съ всесильною силою Божіею. Такъ, близокъ къ намъ Господь съ своею помощію и тогда, какъ теряемъ мы все на землѣ. Люди и счастіе, богатство и извѣстность въ свѣтѣ, природа съ своими дарами,—все можетъ оставлять насъ: но не оставляетъ одинъ Господь.

Съ какою любовію принимаетъ участіе въ безотрадной вдовѣ Господь и Спаситель нашъ!

И видѣвъ ю Господь, милосердова о ней, и рече ей:не плачи. Поймите сію чудную любовь Того, Кто есть Владыка міровъ видимыхъ и невидимыхъ. Царь и Господь всей вселенной обращается съ вниманіемъ къ бѣдной вдовѣ, принимаетъ участіе въ ея скорби и, тогда какъ та не произнесла ни одного слова мольбы, Самъ, побуждаемый любовью, поспѣшаетъ утѣшить скорбящую. *Видѣвъ ю Господь, милосердова о ней.* И какъ *милосердова?* Вопль безотрадной матери Онъ слышитъ еще издали. Можно понять, каковъ былъ этотъ вопль, сколько было въ немъ тревоги душевной. Какъ роса небесная нисходитъ тихо на жаждущую землю: такъ утѣшаетъ Господь страждущую матерь. *И рече ей: не плачи.* Сколько кротости въ этомъ участіи, сколько нѣжности въ этомъ утѣшеніи, сколько силы въ этомъ успокоеніи! Какая возвышенная кротость, какая величественная простота, какая нѣжная власть! Не безъ намѣренія сказалъ

евангелистъ: *Господь милосердова.* Точно, это есть дѣло Богочеловѣка.

Какого рода ни была бы скорбь твоя, сѣтующая душа,—думаешь ли ты, что къ тебѣ не относится голосъ небесной Любви: *неплачися?* О! не думай того. *Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы,* говоритъ небесная любовь. Слышишь ли? Всѣхъ обремененныхъ зоветъ къ Себѣ любовь, для всѣхъ готовъ у нея покой. Страсти наши обѣщаютъ много развлеченій, много пріятностей: но, какъ скоро бѣдное сердце узнаетъ, что слишкомъ горьки удовольствія страстей! Умъ человѣческій строилъ много системъ человѣческаго счастія: но, какъ непрочны оказались всѣ построенія ума, не проникнутаго евангельскимъ духомъ! Только сладчайшій Іисусъ подаетъ для всѣхъ горестей земныхъ вѣрныя утѣшенія. Ни чье сердце не разверзается такъ пространно для страждущихъ странниковъ земли, какъ открыто сердце Господа Іисуса. Никто не въ состояніи такъ утѣшить растерзанную скорбями душу, какъ утѣшаетъ Господь Іисусъ. Вдовы и сироты, больные и бѣдные, идите къ Господу Іисусу! Онъ утѣшитъ всѣхъ васъ, всѣмъ подастъ помощь, какъ бы тяжки ни были скорби и бѣдствія ваши. Онъ знаетъ наши немощи и болѣзни, ибо Онъ Сынъ человѣческій; Онъ можетъ подать всякую помощь, ибо Онъ Сынъ Божій, истинный Богъ.

Посмотрите, что сдѣлалъ Онъ для безнадежной вдовы?

И *приступль коснуся во одръ: носящіи же сташа.* Довольно было и того, что Христосъ коснулся одра, и несшіе умершаго поняли, что Онъ хочетъ творить что-то необыкновенное. И, точно совершилось необыкновенное. *И рече: юноше! тебѣ глаголю, востани. И сѣде мертвый, и начатъ глаголати; и даде его матери его.* Здѣсь дѣйствуетъ только глаголъ Его: *востани.* Чей же глаголъ можетъ быть такъ могущественъ, какъ глаголъ Его? *И рече: востани,—и сѣде мертвый.* Мертвый всталъ по одному слову. Только Владыка жизни и смерти можетъ такъ дѣйствовать. Только Его слово даетъ небытію бытіе.—Такъ, въ наинскомъ чудѣ, Христосъ Іисусъ торжественно показалъ, что всемогущество, которое одно можетъ давать жизнь мертвому, существенно Ему,—что Онъ есть Сынъ Божій, Сынъ равный Отцу, какъ всемощный,—что Онъ, какъ и Отецъ, имѣетъ жизнь въ Себѣ и можетъ даровать ее тому, кому захочетъ. Благоговѣй, душа христіанская, предъ Господомъ твоимъ! Если Онъ готовъ, по любви Своей, являть тебѣ помощь, то Онъ, по могуществу, можетъ. Онъ—Владыка жизни и смерти. Мрачнѣе всего будущность за гробомъ. Тою же самою силою Своею, коею возвращалъ Онъ жизнь растроеннымъ частямъ организма тѣлеснаго, исцѣлялъ сухія руки, давалъ слышаніе глухимъ, зрѣніе слѣпымъ, исцѣлялъ прокаженныхъ, возвращалъ жизнь цѣлому безжизненному сос-

таву тѣлесному,—тою же силою, тѣмъ же глаголомъ, воззоветъ Онъ нѣкогда къ жизни мертвыхъ цѣлой вселенной.

Пріятъ же страхъ всѣхъ и славляху Бога, глаголюще: яко пророкъ велій возста въ насъ, и яко посѣти Богъ людей своихъ. Чувства народа, пораженныя дѣйствіемъ всемогущества, прежде всего выразились страхомъ; видѣли и чувствовали, что съ ними всесильный, съ ними Богъ Самъ съ Его могуществомъ, и—естественно было устрашиться. Кто, чувствуя близость Всемогущаго, не исполнится священнаго трепета? Если мы, тогда какъ Богъ всегда и вездѣ присущъ намъ, такъ мало ощущаемъ страха предъ Его великимъ именемъ: то это потому, что каждому изъ насъ надобно молиться: „Господи! всели въ мя корень благихъ—страхъ Твой въ сердце мое". Свидѣтели чудотворнаго воскрешенія, возбужденные благоговѣніемъ, *славляху Бога.* Благодарнымъ сердцемъ возносились къ Богу,—Единому творящему чудная; къ Нему относили то, чего никакая сила земная не могла совершить. Благодарно говорили: *Пророкъ велій возста въ насъ, посѣти Богъ людей Своихъ.* Что разумѣли іудеи, говоря о явленіи пророка? Послѣ того, какъ давно уже не было между ними ни одного пророка, пріятно было встрѣтиться съ мыслію о явленіи, какого бы то ни было, пророка. Но іудеи ожидали тогда одного извѣстнаго *пророка.* Они и предтечу Іоанна думали признать пророкомъ не какимъ-либо обыкновеннымъ, а пророкомъ—Мессіею. Такъ и теперь они говорятъ не просто о пророкѣ, а о пророкѣ великомъ: *Пророкъ велій восста.* Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что они признаютъ въ Іисусѣ Христѣ того пророка, котораго обѣщалъ Моусей израилю, когда говорилъ: *пророка отъ братіи твоея, якоже мене, поставитъ тебѣ Господь Богъ твой* (Втор. XVIII, 15). Сего-то пророка видятъ въ Іисусѣ свидѣтели наинскаго чуда. Отселѣ получаютъ особенный смыслъ и слова: *посѣти Богъ людей своихъ.* Израиль видитъ, что наконецъ удостоилъ его Богъ давно ожиданнаго посѣщенія, послалъ Мессію, котораго желали видѣть и не видѣли пророки и праведники.

И изыде слово сіе по всей іудеи о Немъ, и по всей странѣ. Вездѣ—во всей странѣ іудейской и въ сопредѣльной ей Галилеѣ распространилось извѣстіе о необыкновенномъ чудѣ и великомъ чудотворцѣ; вездѣ говорили съ утѣшеніемъ духовнымъ о великомъ посѣщеніи Божіемъ.

Для насъ, братія, извѣстно не одно чудо наинское. Намъ открыто въ полномъ свѣтѣ, кто для насъ Іисусъ Христосъ; не только чудеса евангельскія,—тысячи чудесъ въ исторіи временъ послѣ Іисуса возвѣщаютъ намъ, что Христосъ Іисусъ есть Господь и Спаситель нашъ, единый достопокланяемый и славный. Но объ имени

ли Іисуса говоримъ мы между собою? Къ славѣ ли имени Его относятся вѣсти, передаваемыя нами каждый день? О чемъ ежедневныя бесѣды наши? Бесѣда о любимомъ предметѣ—самая пріятная бесѣда для любящаго сердца. Подумайте же, сколько любви въ насъ къ Господу Іисусу, когда у насъ въ немаломъ числѣ каждодневныхъ разговоровъ едва ли найдется одинъ о Спасителѣ и спасеніи! Мало того,—нынѣ уже какъ будто стыдятся говорить съ другими о вѣрѣ и имени Іисуса; не признаютъ за нужное освящать, по крайней мѣрѣ, утро и вечеръ благодарною хвалою Господу Іисусу; не считаютъ за нужное и того, чтобы имѣть предъ очами образъ Спасителя своего и Господа; къ чему, говоритъ, все это? О, какъ велика холодность наша къ Тому, Кому долженъ быть посвященъ каждый взоръ, каждый слухъ, каждое слово наше!

Братія! не будемъ легкомысленны въ жизни нашей. Будемъ внимательны къ путямъ Божіимъ. Будемъ признательны къ благодѣющему намъ Господу, чтобы славить великое имя Его вкупѣ со Отцемъ и святымъ Духомъ. Аминь.

1843 г.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЕСЯТЬ-ПЕРВУЮ.

(Лук. VIII, 4—15).

Ко всемъ и по всему Господь нашъ Іисусъ есть лучшій наставникъ. Во всемъ и по всему Онъ есть любовь и мудрость. Какъ легко учиться у Него истинамъ Божіимъ, вѣчному спасенію! Иди въ поле, иди въ садъ твой: тамъ найдешь уроки спасенія, которые предлагаетъ Христосъ. Каждое поле, каждая нива скажетъ тебѣ, что ты такое и чѣмъ ты долженъ быть? Душа наша—для насъ самихъ—тайна, а спасеніе ея еще болѣе глубокая тайна. Сколько мудрецовъ и сколько ученій высокоумныхъ предлагали о душѣ! А всѣ далеки были и отъ души, о которой говорили, и отъ смысла тѣхъ, которымъ говорили. Спаситель предлагаетъ простую, притчу, указываетъ на простой предметъ и объясняетъ исторію души, раскрываетъ самыя глубокія ея тайны.

Отчего такъ мало перемѣны въ душѣ моей къ лучшему? Отчего она остается тѣмъ же, чѣмъ была прежде, съ грѣхами и привычками къ грѣху? Такъ много наставленій, такъ много сильныхъ уроковъ преподано мнѣ въ жизни, и я—тотъ же грѣшникъ, какъ и

прежде, даже потерялъ много прежнихъ желаній добра, началъ дѣлать то, чего прежде не дѣлалъ, не чувствую ненависти къ грѣху, которую когда-то чувствовалъ. Отчего это?

Господь объясняетъ притчею о сѣмени.

Сѣмя есть слово Божіе. Небесное ученіе о царствіи небесномъ— то же, что сѣмя; а нива, на которой оно посѣвается, есть душа. Какова нива, такого и ожидай плода. Различіе нивы представляетъ различныя состоянія сердца.

Изыде сѣяй сѣяти сѣмене своего. И егда сѣяше, ово паде при пути, и попрано бысть, и птицы небесныя позобаша е. Таково же состояніе нѣкоторыхъ людей. Таково состояніе можетъ быть въ каждомъ изъ насъ. *Всякому слышащему слово царствія и неразумѣвающу, приходитъ лукавый и восхищаетъ всѣянное въ сердцѣ его* (Матѳ. XIII, 19). Сѣмя, упавшее у дороги, не принесетъ плода. Земля на дорогѣ такъ жестка, такъ утоптана, что сѣмя остается на поверхности; легко замѣтить его птицѣ и она унесетъ его. Чей это образъ? тѣхъ, которые слушаютъ и не разумѣютъ слова; это образъ людей легкомысленныхъ, разсѣянныхъ жизнію мірскою. Сердце ихъ открыто для всѣхъ прелестей міра; обычаи міра грѣшнаго утоптали ихъ душу какъ дорогу. Сѣй, сколько хочешь на эту дорогу, ничего не выростетъ. Они слушаютъ безъ вниманія, читаютъ безъ желанія понять; слушаютъ, но не слышатъ. Божіе слово, грозное ли, или отечески нѣжное, не доходитъ до сердца ихъ; мысли ихъ тамъ и здѣсь, но вѣчность и спасеніе души мало обращаютъ на себя вниманіе ихъ; если слушаютъ они слово Божіе, то не какъ слово Божіе; если стоятъ они въ храмѣ, то не какъ въ храмѣ Божіемъ. Память ихъ можетъ собирать много истинъ святыхъ и высокихъ: но въ сердцѣ ихъ нѣтъ истины, тамъ ложь и мракъ. *Потомъ же приходитъ лукавый и вземлетъ слово отъ сердца ихъ, да не вѣровавше спасутся. Приходитъ,* такъ какъ сами живутъ и дышатъ въ той области воздушной, гдѣ его область. *Вземлетъ слово изъ сердца ихъ,* потому что слово не было сокрыто въ сердцѣ ихъ, потому что для лукаваго утѣха— погибель, а не спасеніе человѣка. Вотъ почему видна въ нихъ готовность смѣяться надъ всѣмъ святымъ, отвергать истину очевидную, смѣяться надъ людьми и ихъ правилами добрыми, надъ честностію и добродѣтелію, смѣяться безсмысленно, но только бы смѣяться. О сихъ-то людяхъ сказалъ апостолъ: они ходятъ *по вѣку міра сего, по князю власти воздушныя, иже дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія* (Ефес. II, 2). Жалкое, ужасное состояніе! Быть безъ пріемлемости для истинъ, быть безъ способности къ вѣрѣ—положеніе самое страшное; въ немъ нѣтъ даже начала добру: нельзя же жить душѣ безъ мысли, нельзя жить духовно безъ мысли духовной, безъ вѣры.

Чтожъ дѣлать такому человѣку, или въ такомъ состояніи? Ужели нѣтъ и надежды на лучшее? О! Господь готовъ всѣхъ принять. Надобно только начать съ того, чего не начинали; надобно собраться съ мыслями, обратиться взоромъ отъ міра къ небу, отъ вѣка погибельнаго къ вѣчности грозной для грѣшника. Пусть вѣрятъ и увѣрятся, что тогда, какъ все пройдетъ, не пройдетъ лишь слово Господа о судѣ страшномъ надъ грѣшниками. Пусть поставятъ себя предъ Судьею вселенной, предъ Тѣмъ, кто скажетъ нѣкогда: *отыдите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его.* Душа бѣдная! содрогнись, опомнись, пока есть время,—умягчи ниву твою слезами покаянія, поражай ее сокрушеніемъ и воплемъ сердца. Спѣши въ храмъ Божій слушать лучшій судъ о себѣ, оставь міръ погибельный съ его безсмысленнымъ развратомъ. Обращайся чаще къ мыслямъ о смерти и адѣ, о тлѣнности и пустотѣ всего, что остается на землѣ. Молись Господу, молись чаще, чтобы пробудилъ Онъ тебя отъ сна грѣховнаго. Онъ благъ, какъ никто на землѣ, Онъ подастъ тебѣ и слезы, если не имѣешь ихъ, и силы духовныя, если онѣ совсѣмъ разстроены. Онъ возвратитъ тебѣ вѣру спасительную. Не медли же обратиться къ свѣту. Тебѣ много предстоитъ еще трудовъ.

А другое паде на камени, и прозябъ, усше, зане не имѣяше влаги. Вотъ образъ состояній душевныхъ инаго рода! Сѣмя падаетъ на камень, который слегка покрытъ землею; зерно скоро выходитъ прекрасною зеленью. Смотря на эту зелень, подумаешь: какой богатый будетъ плодъ! Но вотъ восходитъ солнце, палитъ зноемъ, и зелень увядаетъ; еще восходитъ солнце, и самый корень гибнетъ, потому что не былъ глубоко въ землѣ, не имѣлъ нужной влаги. Такъ бываетъ съ нашимъ благочестіемъ, когда нѣтъ въ насъ глубины благочестія. Посѣянное *на каменьяхъ значитъ тѣхъ, которые, когда услышатъ слово, съ радостію принимаютъ; но которые не имѣютъ корня, и временемъ вѣруютъ, а во время искушенія отпадаютъ.* Если говорятъ о превосходствѣ добродѣтели, о блаженствѣ праведныхъ, о мукахъ грѣшниковъ, о чудномъ промыслѣ Божіемъ: слезы текутъ у иныхъ изъ глазъ, душа полна чувствъ то радости, то скорби, готовы жертвовать то тѣмъ, то другимъ, для добра. Зелень прекрасная! Благочестіе—живое, пламенное, но до тѣхъ поръ, пока нѣтъ *искушенія*, пока нѣтъ *скорби или гоненія за слово* (Матѳ. XIII, 21. Марк. IV, 17). Но вотъ представился случай для терпѣнія. Вотъ надобно преодолѣть нѣсколько препятствій къ добру. Вотъ надобно перенесть обиду незаслуженную, перенесть горе неожиданное. Вотъ легкомысліе коварно улыбается надъ набожностію нашею, наглость позоритъ ее; тотъ, которому мы дѣлали

добро, платитъ измѣною и оскорбляетъ насъ. Приходится терпѣть и—что же? Добра какъ не бывало въ душѣ. Прежніе восторги, слезы, обѣты исчезли. Тому, кто обидѣлъ, отплатили обидою. Бѣдою отяготилась душа до малодушія, до ропота. Какая радость, какой восторгъ въ народѣ іудейскомъ, когда Господь питаетъ его хлѣбомъ чудесно, когда исцѣляетъ больныхъ его, поднимаетъ словомъ съ одра смерти. *Осанна*! взывали Ему, когда шелъ Онъ въ Іерусалимъ, и вѣтви неслись по воздуху къ ногамъ Его, одеждами устилалась дорога Ему. Но когда взятъ былъ Іисусъ врагами; тотъ же народъ кричалъ: *распни, распни Его!* Страшно думать о такихъ людяхъ. А какъ ихъ много!

Братія! когда благодать Божія коснется сердца вашего, когда слово доброе, мысль святая прольетъ свѣтъ и теплоту въ душѣ вашей: берегите добрыя чувства, храните ихъ какъ можно глубже въ душѣ вашей, скройте ихъ отъ взоровъ людскихъ, отъ шума и разговоровъ свѣта. Пусть доброе чувство, добрая рѣшимость незримо ни для кого, растетъ въ глубинѣ души. Не довѣряйте и себѣ самимъ. Не предавайтесь восторгамъ сердца. Пусть сокрушеніе или радость достигаютъ большей силы. Онѣ достигнутъ силы отъ того самаго, что останутся въ душѣ, не испаряясь изъ сердца. Путь дологъ, испытаній много; не тратьте силъ безвременно, не будьте опрометчивы. Намѣреніе доброе, рѣшимость святую начинайте приводить въ исполненіе, не отлагая до-завтра, но не съ жаромъ, который скоро охладѣетъ. Чаще помните о слабости, которая можетъ измѣнить вамъ, и просите у Господа твердости. Рѣшились на добро? Дѣлайте добро съ твердостію, но безъ самонадѣянности. Пусть дѣла, а не чувства однѣ, показываютъ, что вы стали другими людьми. Будьте чадами Божіими и въ напастяхъ. Лучь солнечный—необходимъ, чтобы созрѣло зерно. А напасти для насъ то же, что солнечный лучь для растенія. Подъ ихъ вліяніемъ въ терпѣливой душѣ образуются твердость воли, крѣпость любви, живость вѣры. Чтобы не погибло Божіе растеніе, надобно, необходимо надобно, чтобы слово Христово нашло себѣ глубину въ сердцѣ, могло пустить корни. Если и такъ будетъ, и тогда еще довольно для него опасностей.

И другое паде посредъ тернія, и возрасте терніе и подави е. Вотъ видите:—и тогда какъ для зерна довольно глубины въ землѣ, и тогда какъ есть, гдѣ пустить ему корни и оно пускаетъ ихъ, и тогда можетъ случиться, что оно не принесетъ плода. Съ добрымъ зерномъ это несчастіе бываетъ тогда, какъ вмѣстѣ съ его росткомъ растутъ дурныя травы; дурная трава беретъ силу и разрастаясь заглушаетъ доброе. Точно также бываетъ съ нѣкоторыми

людьми. Зерно *падшее въ терніе означаетъ тѣхъ, которые слышатъ слово, но, когда отходятъ, тогда заботами, богатствомъ и сластями житейскими заглушается оно, и плодъ не созрѣваетъ.* Эти люди не такъ, какъ первые, не отвергаютъ слова Божія; въ нихъ не такъ, какъ во вторыхъ, для слова Божія есть мѣсто не на поверхности, а въ глубинѣ сердечной. Чего-жъ не достаетъ въ нихъ? *Плодъ не созрѣваетъ.* Отчего же?

На землѣ нельзя жить безъ заботъ. Но необходимыя заботы о земномъ, какъ дозволенныя волею Божіею, не могутъ быть вредны ничему святому въ насъ. Не о тѣхъ заботахъ говоритъ Господь. Онъ говоритъ о тѣхъ заботливыхъ, которые заботятся не съ тѣмъ, чтобы было нужное для земли, но съ тѣмъ, чтобы было имъ на землѣ, какъ на небѣ. Ихъ заботамъ нѣтъ конца, нѣтъ отдыха. И днемъ и ночью, и въ будни и въ праздникъ,—тревоги и суета. При такомъ положеніи, какъ не заглохнуть въ нихъ святымъ мыслямъ, святымъ желаніямъ? Богатство—даръ Божій, честь отдаютъ намъ другіе, удовольствіе—состояніе чувства. Во всемъ этомъ нѣтъ худаго. Но прелесть *богатства* (Марк. IV, 19), но *сласти житейскія*—вотъ что составляетъ терніе для спасенія вѣчнаго! Прелесть богатства, честей удовольствій создаетъ себѣ сама душа наша. Въ землѣ, какова нынѣшняя, есть добрыя сѣмена, есть и дурныя сѣмена. Точно такъ—въ почвѣ души нашей. Несчастіе для насъ, что мы уже раждаемся съ дурными сѣменами, съ наклонностію къ чувственности, съ наклонностію къ гордости. Но погибель является тогда, какъ воспитываемъ въ себѣ эти сѣмена, созидая и разнообразя обольщенія богатства, честей, удовольствій. Оттого-то раждаются заботы сокрушительныя, не оставляющія мѣста и времени заботамъ спасительнымъ. Честь, богатство, удовольствіе становятся идолами сердца, для которыхъ жертвуютъ всѣмъ святымъ. Страсти, возбуждая одна другую, завлекаютъ душу въ непроходимую дебрь грѣховъ и навыковъ худыхъ. Оттого тѣсный путь Христовъ становится путемъ страшнымъ, на который и ступить боятся. Оттого желанія добрыя не зрѣютъ; добрыя дѣла проникаются нечистыми мыслями и чувствами. Зло растетъ въ душѣ, грѣхи со дня на день множатся. *Хотящіи богатитися впадаютъ въ напасти,* запутываются, какъ *въ сѣти, въ желанія несмысленныя и вредныя,* которыя *погружаютъ во всегубительство и погибель* (I Тим. VI, 9) Іуда—Христовъ ученикъ, избранный безъ сомнѣнія потому, что въ немъ было много добраго. Но, что сдѣлала изъ него прелесть сребренниковъ? Предателя. Тотъ, который спрашивалъ Господа: *что сотворю, да животъ вѣчный наслѣдую,* хранилъ всѣ заповѣди. Но, когда сказано было: *продаждь имѣніе и даждь нищимъ,* онъ съ скорбію *отошелъ прочь: бѣ бо имѣя стя-*

жанія многа (Матѳ. XIX, 16—22). Градоначальникъ Феликсъ охотно слушалъ проповѣдь Павла *о правдѣ, о воздержаніи и о будущемъ судѣ*, даже глубоко пораженъ былъ проповѣдію. Но что-жъ затѣмъ? *Теперь иди,—когда буду имѣть время, позову тебя*, сказалъ Феликсъ. Отчего же не теперь докончить дѣло? Оттого, что любилъ честь и деньги болѣе, чѣмъ спасеніе (Дѣян. XXIV, 24—26).

Братія! не станемъ обманывать себя. Доколѣ питаемъ въ себѣ ту или другую страсть, не созрѣемъ мы для жизни блаженной. Если поле заросло терніемъ: сѣй, сколько хочешь, все пропадетъ. Такъ или иначе, но надобно вырвать терніе. Больно разставаться съ страстію: но не больнѣе, чѣмъ вѣчно страдать. *Неудобь богатіи внидутъ въ царствіе Божіе*, сказалъ Господь нашъ. *Кто-жъ можетъ спасенъ быти?* спросили ученики. *Невозможная отъ человѣкъ возможна суть отъ Бога*, отвѣчалъ Господь. И можетъ и хочетъ спасти насъ Отецъ небесный; дѣло за нами. *Радующіеся должны быть, какъ нерадующіяся; и покупающіе, какъ непріобрѣтающіе; и пользующіеся міромъ симъ, какъ непользующіеся. Ибо проходитъ образъ міра сего* (I Кор. VII, 30. 31). Вотъ и долгъ и средство—исполнить долгъ! Умремъ, и все останется здѣсь. Зачѣмъ же самимъ не оставить всего? Зачѣмъ тяготить душу тѣмъ, что такъ пусто, какъ вѣтеръ, такъ гнило, какъ пыль?

Богъ благодати и щедротъ да подастъ намъ силу и познавать и любить, и плодотворить слово спасительное къ славѣ имени Его. святаго. Аминь.

1843 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЕСЯТЬ-ВТОРУЮ,

НА ВСЕНОЩНОМЪ СЛУЖЕНІИ, О БОГАТСТВѢ.

Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ.

Ужели богатство—преступленіе? Ужели спасеніе—бѣдность? Богатый—въ аду, бѣдный Лазарь—на лонѣ Авраама. Ужели оттого это, что первый—богатъ, а этотъ—бѣденъ? Богатые и бѣдные! дѣло идетъ о вѣчной участи вашей. Надобно выразумѣть притчу Спасителя о богатомъ.

Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ. Спаситель не говоритъ, чтобы богатство богача сего было собрано беззаконіемъ; не говоритъ, что онъ для обогащенія своего отнималъ у ближняго собственность, тѣснилъ, удерживалъ у наемника цѣну трудовъ его, пріобрѣталъ

чужое цѣною обмана, лжи или насилій. Значитъ, этотъ богачъ былъ еще человѣкъ порядочный. Тѣмъ не менѣе онъ—страждетъ въ аду. За что же?

Облачашеся въ порфиру и виссонъ: любилъ одежду придуманную не нуждою, а суетною роскошью. Порфира и виссонъ, въ древнемъ обычаѣ, была одеждою царскою. Отважная мода сдѣлала эту одежду одеждою самыхъ роскошныхъ богачей. И нашъ богачъ не хотѣлъ оставаться въ кругу обыкновенныхъ; онъ хотѣлъ стать выше другихъ, хотѣлъ казаться какъ можно блистательнѣе; ему нужна была одежда не многихъ,—одежда моды разорительной.

Казалось бы, что за бѣда—одѣваться прилично богачу, хотя и не такъ, какъ многіе? развѣ одежда грѣхъ? Не грѣхъ, пока она—дѣло нужды, но грѣхъ, когда она—дѣло страстей; не грѣхъ, пока она охраняетъ стыдливость, но грѣхъ, когда показываетъ безстыдство и губитъ чистоту. Не многое нужно, чтобы защитить себя отъ холода или зноя: но холодъ и зной не знаютъ модъ. Не многое нужно, чтобы одѣться прилично состоянію. Но какъ безграничны прихоти свѣта! Какъ неумолимо разорительны желанія суеты! Не довольны одеждою своего состоянія, чтобы разорить свое состояніе. Не довольны одеждою, которую готовитъ Богъ для каждой страны, и покупаютъ одежду, изобрѣтаемую корыстію далекой страны. Тратятъ деньги для пріобрѣтенія плодовъ легкомыслія, чтобы потомъ терзаться еще жалобою на бѣдность. Хотятъ одѣваться, какъ не многіе. Къ чему? Развѣ не каждая одежда—трауръ, которымъ покрылъ насъ грѣхъ? *Разумѣша, яко нази,* тогда какъ согрѣшили. Тогда поспѣшили сотворить себѣ *препоясанія.* Къ чему же разнообразятъ этотъ трауръ? Если есть люди, которые имѣютъ низость: если есть много людей, которые имѣютъ рабскую волю подражать примѣру другихъ на разореніе своего дома: еще болѣе оплачте несчастныхъ рабовъ. Но къ чему же любить низости? Ужели къ тому, чтобы разливать заразу нравственную на окружающихъ, раздражать гніеніе душъ бѣдныхъ, увеличивать струпы души своей и величаться струпами? Сколько грѣховъ, сколько страстей въ этой страсти къ одеждѣ не многихъ! Легкомысліе и вѣтренность, тщеславіе и гордость, пересуды и жесткость, соблазнъ и безстыдство, расточительность и скупость, ложь и обманы, недовольство собой и зависть къ другимъ! Это ли дѣла, нужныя для вѣчности счастливой? Христіане! намъ, послѣдователямъ Христовымъ, всего менѣе къ лицу одежды изысканныя. Христосъ—глава наша—въ ясляхъ, на соломѣ. Намъ ли стыдиться простаго одра? Христосъ въ нищетѣ, обезславленъ, оплеванъ. Намъ ли думать о блескѣ, о пышности? Глава его—въ терновомъ вѣнцѣ. Къ чему-жъ наряды

на вашихъ главахъ? Онъ покрытъ смертною блѣдностью. Намъ ли домогаться красоты искусственной? Если язычники любили украшенія плоти; если іудеи переняли наконецъ искусство язычниковъ, какъ богачъ евангельскій: стыдно намъ вводить въ свое общество жизнь языческую. Не будемъ льстить себя. Если станемъ идти вслѣдъ за язычниками: не увидать намъ рая.

Богачъ веселился *на всякъ день свѣтло*. Почему-жъ, говорилъ и не жить весело когда есть средства? Такъ и нынѣ разсуждаетъ міръ, и употребляетъ богатство на грѣхъ и развратъ. Какихъ гнусностей не дозволяютъ себѣ оттого только, что все могутъ дѣлать могутъ купить и продать, хотя бы адъ. Но, о Боже мой! ужели богатство освобождаетъ богача отъ какого либо долга предъ Тобой? Нѣтъ! Оно затрудняетъ путь къ добродѣтелямъ: воздержанію, къ умѣренности, смиренію,—прельщая на грѣхъ легкостію творить грѣхъ. Какое несчастіе! Богатый тѣмъ, что богатъ, не уполномочивается быть менѣе умѣреннымъ, или менѣе цѣломудреннымъ, или менѣе внимательнымъ къ вѣчному спасенію. Напротивъ, чѣмъ болѣе опасностей для спасенія въ его изобиліи: тѣмъ болѣе нужно рѣшимости для борьбы съ опасностями: чѣмъ болѣе искушеній представляетъ ему жизнь его, тѣмъ болѣе долженъ онъ страшиться своихъ немощей, своихъ страстей, своей плоти, тѣмъ болѣе долженъ умѣрять желанія, отсѣкать волю, вести борьбу съ собою и съ соблазнами, чтобы не погибнуть. Скажутъ: почему-жъ не дозволить себѣ нѣсколькихъ часовъ веселыхъ? Правда, если это желаніе пріятныхъ часовъ возбуждено мыслію о Богѣ, если веселятся для Бога, а не безъ Бога: кто станетъ порицать такую веселость? Но—жалко смотрѣть, когда молодой человѣкъ легкомысленно оставляетъ домъ родительскій и на сторонѣ чужой тратитъ добро, которымъ надѣлила его любовь родительская. Онъ не чувствуетъ, что расточаетъ добро неблагодарно; онъ не видитъ, какъ близка къ нему—легкомысленному горькая бѣдность. Братія! не такова-ли бываетъ жизнь тѣхъ, которые увлекаются порывами жить на свободѣ веселой? Безъ вниманія къ правамъ Того, Кому должна быть посвящена вся жизнь наша, часы и дни, недѣли и годы проходятъ, какъ сонъ: легкомысліе тратитъ дары вѣчнаго, не думая о ихъ назначеніи и своей будущности. И по наслѣдственному праву мы странники на этой землѣ; а грѣхи каждаго изъ насъ еще далѣе удаляютъ насъ отъ Господа; кому совѣсть не скажетъ, что мы скитаемся въ пустынѣ страстей, безводной и холодной? Что-жъ приличнѣе для насъ: беззаботная ли веселость, или важныя заботы о себѣ? Ахъ! часто намъ надобно плакать о множествѣ грѣховъ нашихъ; часто надобно лить слезы, чтобы орошать ими сѣмена добра въ душѣ нашей. *Благо*

есть ходити въ домъ плача, неже веселія. Благо оттого, что окруженныя веселостію мы забываемъ о своихъ слабостяхъ, о своихъ грѣхахъ, и увлекаемся ими; а взоръ на скорби и горести, болѣе или менѣе, смиряетъ насъ. Куда завлекла веселая жизнь богача?

Тогда какъ самъ онъ жилъ въ нѣгѣ и роскоши, ѣлъ и пилъ такъ вкусно, тратилъ для себя такъ много,—бѣднякъ Лазарь умиралъ отъ голода и болѣзней. Каждый день богачъ могъ видѣть несчастнаго, лежавшаго у воротъ его: но онъ проходилъ мимо его холодно, отвращался отъ него съ презрѣніемъ. Псы, по природѣ такъ не милостивые, были болѣе сострадательны къ страдальцу безпомощному, чѣмъ ихъ господинъ; они приходили и лизали кровь, струившуюся изъ ранъ Лазаря, а богачъ гнушался этими ранами и не думалъ обвязать ихъ. Какая жестокость! Какая черствость души! Отчего она? Къ несчастію богача, это—одно изъ тлетворныхъ дѣйствій самой изобильной жизни его. Поставленный въ независимое положеніе богатствомъ своимъ, богачъ, мало по малу, теряетъ ясность мысли и живость чувства, чтобы понимать и чувствовать, какъ горька жизнь бѣдняка. Не встрѣчая препятствій для себя ни въ чемъ, онъ привыкаетъ гордо думать о себѣ, занимается только собою, живетъ для себя одного; ближній перестаетъ существовать для него съ его нуждами и горемъ; богачъ становится глухимъ къ стонамъ больнаго и просьбамъ бѣднаго; а когда слышитъ ихъ, не вѣритъ въ ихъ искренность, презираетъ бѣдность, какъ порокъ. О! да избавитъ Богъ отъ такого состоянія души!

Чѣмъ пробудить эту душу, усыпленную самолюбіемъ и гордостію? Чѣмъ подвигнуть ее къ милосердію? *Взалкахся, и не дасте Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мене: странень бѣхъ и не введосте Мене: нагъ, и не одѣясте Мене,*—скажетъ Господь немилостивымъ на судѣ Своемъ.—Странны покажутся эти слова надменнымъ питомцамъ изобилія. Они привыкли думать о нищихъ не иначе, какъ о людяхъ презрѣнныхъ, достойныхъ отвращенія. Какъ же догадаться, какъ понять имъ, что Господь Самъ являлся имъ въ лицѣ нищихъ и молилъ ихъ о милости къ страждущимъ людямъ? Но ихъ вразумятъ тамъ, имъ откроютъ глаза на то, что ихъ жестокосердіе, оскорбляя созданіе, оскорбляло Создателя, что ихъ жестокосердіе къ братіямъ было жестокосердіемъ къ Тому, Кто называется и есть Отецъ всѣхъ.

Каждому состоянію ввѣрено Господомъ свое дѣло: судьѣ—правда, пастырю—паства, богачу—дѣлать милости. Милость—общій долгъ каждаго, но преимущественно тѣхъ, кому даны средства творить милостыню. Милость преимущественный долгъ богача. Это его призваніе это его трудъ, на который опредѣленъ онъ Господомъ.

Его занятія, его образъ жизни затрудняютъ для него совершеніе иныхъ добродѣтелей, наприм., совершеніе молитвы, поста и проч. Въ замѣнъ того, ему предоставлено пріобрѣтать спасеніе должнымъ употребленіемъ посланнаго ему богатства. Въ замѣнъ того, поручены ему нищіе и больные, слѣпые и увѣчные, съ тѣмъ, чтобы, подражая любви Отца небеснаго, берегъ онъ ихъ жизнь и покой. Какъ много богачъ пріобрѣталъ бы для души, еслибы твердо помнилъ свое призваніе небесное! Если бы тогда, какъ созываетъ гостей-богачей на пиръ грѣшный, постарался онъ вспомнить, нѣтъ ли алчущихъ и истаевающихъ гладомъ, и поспѣшилъ бы накормить ихъ: не былъ ли бы пиръ его умѣреннѣе, удовольствія чище, душа ближе къ небу? Если бы тогда, какъ готовъ онъ тратить золото на роскошную одежду, подумалъ, нѣтъ ли собратій его нагихъ, неимѣющихъ—чѣмъ защититься отъ холода: онъ умѣрилъ бы свою расточительность, обуздалъ бы страсть жить по модѣ. Видите, братія, одна добродѣтель пріучила бы его къ многимъ другимъ добродѣтелямъ. Не льститесь же: невѣрность богача своему званію, какъ и невѣрность каждаго, не можетъ быть оставлена безъ отмщенія.

Такъ не богатство губитъ богатаго, но употребленіе богатства.

Какая же бѣдность спасаетъ бѣдныхъ? Отвѣтъ не можетъ быть предложенъ въ бесѣдѣ сей, и безъ того не короткой. Если любви вашей угодно выслушать,—онъ предложенъ будетъ въ слѣдующей бесѣдѣ.

Господи! да будетъ слово Твое во спасеніе рабамъ Твоимъ. Аминь.

1846 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЕСЯТЬ-ВТОРУЮ,

НА ЛИТУРГІИ, О БѢДНОСТИ.

Нищъ бѣ нѣкто Лазаръ.

Въ предшествовавшемъ словѣ говорили мы о томъ, кто изъ богатыхъ не можетъ спастись. Въ семъ храмѣ грѣшно было бы оставить безъ вниманія бѣдность. Спаситель предпочелъ бѣднаго Лазаря богачу, предпочелъ уже тѣмъ, что бѣднаго назвалъ по имени: *нищъ бѣ нѣкто Лазарь*,—тогда какъ не назвалъ по имени богача, а только сказалъ: *человѣкъ нѣкій бѣ богатъ*. Разсмотримъ же, что это за бѣдность, которую такъ почтилъ Спаситель въ лицѣ Лазаря?

Нищъ бѣ нѣкто Лазарь. Бѣдность, на всѣхъ степеняхъ своихъ, какъ ни представляется низкою для сыновъ вѣка, не лишая насъ одного изъ существенныхъ преимуществъ человѣка, много заключаетъ въ себѣ таковаго, чего долженъ бы пожелать для себя роскошный богачъ. Пусть всѣ скорби земныя—плодъ отступленія прародителей отъ воли Божіей. Но всеблагій и премудрый устроилъ такъ, что и горькій плодъ грѣха можетъ обращаться въ здравіе больной душѣ. По судьбамъ промыслителя, бѣдность представляетъ удобства для лучшей жизни, какихъ не имѣетъ богатство. Сколькихъ грѣховъ, сколькихъ соблазновъ избавляетъ нищаго нищета его, тогда какъ эти соблазны неизбѣжны для богатаго! Развратъ роскоши не извѣстенъ для бѣдняка; бѣдность не утучняетъ плоти, не питаетъ сладострастія. Тревоги славы и золота слишкомъ шумны, чтобы помѣщаться въ скромномъ углу нищеты. Если бѣдность лишаетъ многихъ земныхъ выгодъ: за то она же ведетъ васъ по пути, свободному отъ многихъ опасностей. Правда, бѣдность еще не становится добродѣтелію оттого, что представляетъ удобства ко спасенію. Но—пусть благодарно принимаютъ эти удобства спасенія, предоставленныя промысломъ бѣднымъ.

Нищъ бѣ нѣкто Лазарь. Лазарь терпѣлъ дѣйствительную нищету, нищету до того нагую, что радъ бы былъ и крупицамъ, если бы упали онѣ для него со стола богача. Итакъ, душа Лазаря не знала той бѣдности, которая сама себѣ строитъ бѣдность, не будучи бѣдною средствами жизни или, по крайней мѣрѣ, силами.

Преступна та бѣдность, которая, презирая бдительный надъ нею промыслъ Божій, предостерегающій ее отъ опасностей богатства, негодуетъ на легкіе недостатки жизни и бьется изъ всѣхъ силъ, какъ бы вступить на недостойную для нея дорогу изобилія. Не имѣемъ въ виду той нетерпѣливой бѣдности, которая употребляетъ средства къ обогащенію явно низкія—игру, обманъ и воровство. Да озаритъ свѣтъ небесный эту погибающую бѣдность, чтобы во время узрѣла она глубину погибели своей! Помимо сей бѣдности много между нами такихъ, которыхъ состояніе далеко отъ того, чтобы быть тягостнымъ, но которые выказываютъ тревожное недовольство своимъ состояніемъ; не будучи бѣдными, считаютъ себя за угнѣтенныхъ бѣдностію и готовы проклинать бѣдность. Отчего такое нетерпѣніе? Отъ страстей. Однихъ терзаетъ страсть къ деньгамъ; другихъ—страсть къ вѣтренности. Жалокъ, низокъ въ общемъ мнѣніи тотъ, кто по страсти къ деньгамъ лишаетъ себя необходимаго для жизни. Грязна нищета покрывающая себя лохмотьями за тѣмъ только, чтобы не истратить дорогой копѣйки. Но, повѣрьте, на судѣ Божіемъ столько же низки тѣ души, которыя тре-

вожно вздыхаютъ о блескѣ для нихъ недоступномъ, о роскоши, которой не въ состояніи имѣть. Тамъ и здѣсь живетъ та же земля, та же гниль. Нѣтъ стола прихотливаго, нѣтъ одежды нарядной,— и кричатъ: мы бѣдны. Богъ даетъ одежду простую, но удобную; посылаетъ пищу не многосложную, но здоровую. Всѣмъ этимъ не довольны. Говорятъ: какъ это черно! Какъ это тяжело! О, если бы заглянули въ свою душу! О, если бы прислушались къ суду совѣсти о себѣ самихъ! Тогда увидѣли бы, какъ черна неблагодарность ихъ къ Отцу небесному; какъ грязна душа ихъ съ ея желаніями мелкими, низкими преступными. Тогда каждый сказалъ бы отъ полноты сердца: Господи! недостойно хожу я по этой землѣ; недостойно дышу я воздухомъ. Такъ велика виновность моя предъ Тобой! Такъ далекъ я отъ того, чтобы быть достойнымъ какой либо Твоей милости!

Не увидятъ блаженства и всѣ лѣнивые нищіе, пока не разстанутся съ лѣностію. Не съ тѣмъ, чтобы осуждать братій нашихъ, но съ тѣмъ, чтобы показать любовь къ ихъ спасенію, говоримъ: пусть придутъ въ себя! Чтобы избавиться отъ бѣдности, имъ не достаетъ только любви къ труду. Тяжко будутъ они отвѣчать предъ судомъ Божіимъ и за силы, оставляемыя ими безъ упражненія, и за обманы людей, оскорбительные для совѣсти. Думаютъ ли, что Господь не видитъ лукавства сердецъ ихъ? Думаютъ ли, что, называясь братіею Христовою, дерзко оскорбляютъ они Христа Господа? Думаютъ ли, что даны имъ силы и здоровье—не для того, чтобы истощать ихъ на служеніе страстямъ?

Нищъ бѣ нѣкто Лазарь, иже лежаше предъ враты, и желаше насытися отъ крупицъ падающихъ отъ трапезы богатаго. Велика была нищета Лазаря; это не нищета, вымышляемая праздностію и страстями; это нищета дѣйствительная. Но включимъ ли мы Лазаря въ число тѣхъ нищихъ, которыхъ нищета бываетъ слѣдствіемъ порочной жизни ихъ? Въ словахъ Спасителя ни слова, ни намека нѣтъ на то, чтобы Лазарь принадлежалъ къ такому разряду нищихъ. Спаситель замѣчаетъ въ немъ, кромѣ бѣдности, только болѣзнь страшную, и по всей вѣроятности, болѣзнь и была причиною нищеты его. Итакъ, нищета, порождаемая страстями, не ожидай себѣ участи блаженнаго Лазаря; лоно Авраамово принадлежитъ не этой нищетѣ. Блудному сыну, расточившему богатство на странѣ чужой, остается начать дѣло спасенія покаяніемъ. Отецъ небесный готовъ принять его—кающагося. Горька участь его, если онъ не возчувствуетъ своей виновности, если не поспѣшитъ возвратиться въ домъ отеческій. Бѣднякъ, расточившій дары Божіи на развратъ, скитается въ этой жизни какъ тѣнь, и таетъ отъ голода. А тамъ, если не покается, что ожидаетъ его, кромѣ вѣчнаго, но

безполезнаго раскаянія, кромѣ мукъ, готовыхъ для грѣшника? Тяжело ему здѣсь бороться и съ бѣдностію и съ привычками худыми, которыя нажилъ. Но, чтобы не страдать вѣчно, надобно терпѣть временныя страданія. Дѣло душевнаго спасенія потребуетъ отъ него многихъ подвиговъ, долгой борьбы, чтобы душа его очистилась отъ страстей, чтобы душа его созрѣла для блаженства Отца вѣрующихъ. О, если бы только пришелъ онъ въ себя!

Ударъ за ударомъ поражалъ Іова: но онъ ни въ чемъ не согрѣшилъ предъ Господомъ. *Господь даде, Господь отъятъ*, говорилъ онъ. Точно таково же было положеніе блаженнаго Лазаря. Одно желаніе замѣчаетъ въ немъ Спаситель,—*желаніе насытитися отъ крупицъ*. Но это желаніе пищи, этотъ вздохъ о крупицахъ, вырывались изъ груди страдальца противъ его воли; они вызваны природою, требующею пищи для поддержанія жизни. Этотъ вздохъ—не вздохъ зависти къ роскошному богачу; этотъ вздохъ—не вздохъ недовольства неравенствомъ своей участи съ участію богача. Этотъ вздохъ—вздохъ самаго голода. Духъ Лазаря молчалъ, какъ ни велико было томленіе голода, какъ ни тяжела была болѣзнь тѣлесная. Онъ молчалъ, покорный волѣ Промыслителя; онъ благоговѣлъ предъ судьбами Того, Кто знаетъ, чье сердце можетъ быть близко къ небу на пути страданій, и раздѣляетъ скорби и радости по нуждѣ въ нихъ для жизни вѣчной.

Вотъ образецъ блаженной нищеты! Ни евангеліе, ни смыслъ здравый не осудятъ тебя, страдалецъ жизни, когда, претерпѣвая во всемъ недостатокъ, пораженный болѣзнію тяжкою, ты чувствуешь по временамъ лишенія нужнаго, чувствуешь боль. Все живое желаетъ жить и отвращается того, что стѣсняетъ жизнь. Въ порядкѣ природы нельзя быть тому, чтобы, когда рѣжутъ тѣло, не чувствовать боли. Иные изъ мучениковъ были выше и этихъ страданій, даже радовались, претерпѣвая ихъ. Но это было дѣломъ особенной благодати. Для нашей немощи довольно, если поражаемые бѣдствіями молчимъ мы предъ судьбами Божіими, сознавая величіе ихъ и наши грѣхи. Для насъ довольно, если переносимъ скорби и лишенія, не возмущаясь страстями грѣшными, не допускаемъ до сердца горечи противъ братьевъ нашихъ, которые стоятъ выше насъ, не дозволяемъ себѣ судить кого либо, кромѣ самихъ себя. При этомъ надобно, чтобы покорность наша Господу была неизмѣнная, чтобы обращеніе къ Господу, вызванное скорбію, не было временнымъ. *Претерпѣвый до конца, той спасется.* Душа, вѣрная призвавшему ее къ скорбямъ, возрастаетъ въ духовномъ совершенствѣ по мѣрѣ терпѣнія. Чѣмъ болѣе она будетъ смиряться подъ крѣпкою десницею Божіею, чѣмъ искреннѣе будетъ познавать низость

и пагубу грѣховъ и страстей: тѣмъ обильнѣе благодать Божія будетъ нисходить въ глубины ея, тѣмъ болѣе будетъ пріобрѣтать силы любовь ея къ Господу. Если скорбію научаются терпѣнію: то тогда-то раждается въ душѣ духовное *искусство*,—умѣнье отличать истинно-полезное отъ вреднаго, ненужное отъ необходимаго, обманчивое отъ дѣйствительнаго. Тогда-то понимаютъ, что ничего не внесли мы въ міръ и ничего не вынесемъ, и потому остаются довольны, имѣя пищу и одѣяніе (I Тим. VI, 7. 8). Тогда не услаждаютъ зрѣнія, не забавляютъ слуха, не плѣняютъ сердца вещами исчезающими, какъ дымъ. Тогда-то искренно повторяютъ слова Господа: что пользы человѣку, если и весь міръ пріобрѣтутъ, а погубятъ душу свою (Матѳ. XVI, 26). Если не останавливаются на пути терпѣнія и искусства, если не возвращаются душею въ міръ суетный: за искусствомъ духовнымъ является *упованіе*,—высокая свобода духа, ожидающая всего отъ Господа. Тогда душа изливается въ молитвѣ къ Господу, въ молитвѣ искренней, пламенной и вмѣстѣ дѣтской. Теряя изъ виду землю, она вся обращается къ небу, ожидаетъ силы отъ Господа, отъ единаго Господа. И это упованіе—не то, что надежды мірскія, не обманетъ, не составитъ въ стыдѣ. Ему подаются утѣшенія, съ которыми не сравняются никакія удовольствія свѣта.

Блаженни нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное, сказалъ Спаситель (Матѳ. V, 3). Блаженство нищеты духовной отъ того зависитъ и въ томъ состоитъ, что нищій духомъ, имѣя Бога въ сердцѣ своемъ, имѣетъ вмѣстѣ съ Нимъ все необходимое для духа безсмертнаго. Душа, смиряемая скорбями, не тяготится скорбями, потому что не считаетъ себя въ правѣ на радости земныя, потому что живетъ надеждами на вѣчныя радости, предъ которыми ничего не значатъ всѣ скорби земныя. Огнь любви Божіей, зажженный въ сердцѣ испытаніемъ, пожигаетъ въ смиренной душѣ нечистыя желанія, навѣваемыя міромъ лукавымъ, и зоветъ душу жить для единаго Господа. Кто безъ грѣха? И нищета духа плачетъ о грѣхахъ своихъ и слезами омываетъ скверну грѣховъ; она живо чувствуетъ оскорбленіе, наносимое грѣхомъ Богу, и глубокимъ сокрушеніемъ возстановляетъ миръ въ совѣсти и союзъ съ благодатію. *Блаженни нищіи духомъ*. Не сказано: блаженны нищіе, но—*блаженни нищіи духомъ*. Блаженство тогда слѣдуетъ за скудостію въ вещахъ временныхъ, когда скудостію смиряется духъ. Тогда царствіе небесное открывается въ сердцѣ и, по разлукѣ съ землею, возноситъ душу въ небесныя селенія святыхъ.

Смиритеся убо *подъ крѣпкую руку Божію, и Той вы вознесетъ*, бѣдные братія мои! Земля отказываетъ вамъ въ радостяхъ

своихъ; откажитесь и вы отъ нея. Тогда за обманчивыя утѣшенія вы утѣшены будете радостями самыми прочными и лучшими. Не обращайтесь сердцемъ вашимъ къ міру, который измѣнилъ столькимъ друзьямъ своимъ. И вѣрный Господь проведетъ васъ короткимъ путемъ временной скорби къ вѣчному покою. Будьте вѣрны званію, къ которому призвалъ васъ Господь, и—Онъ, всегда неложный, исполнитъ надъ вами Свое слово: *побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ*. Аминь.

1846 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЮ.

И моли Его весь народъ страны Гадаринскія отъити отъ нихъ (Лук. VIII, 37).

Странный поступокъ жителей гадаринскихъ! Господь исцѣлилъ собрата ихъ, страдавшаго ужасными мученіями, исцѣлилъ того, кто наводилъ ужасъ на всѣхъ ихъ своимъ состояніемъ и поступками, кто рвалъ цѣпи какъ нитки, не жилъ въ домѣ, а въ гробахъ, и никому не давалъ проходить мимо жилья своего. И однако гадаряне молятъ Господа, дабы удалился изъ предѣловъ ихъ. Гадаряне слышатъ разсказъ, какъ исцѣленъ человѣкъ, въ которомъ жилъ цѣлый легіонъ бѣсовъ; и этотъ опытъ могущества нечеловѣческаго давалъ имъ видѣть, что страну ихъ посѣтилъ необыкновенный гость, *Иже* проходитъ *благодѣтельствуя и исцѣляя вся насилованная отъ діавола* (Дѣян. X, 38). И однако вмѣсто того, чтобы благоговѣйными и благодарными сердцами принять и удержать врача душъ и тѣлесъ, какого не видалъ еще міръ, они просятъ, чтобы Онъ удалился отъ нихъ! Что за странное состояніе гадарянъ? Евангелистъ говоритъ: *страхомъ великимъ одержими бѣху*. Но что это за страхъ? Отчего онъ? Не тотъ ли это страхъ, который вынудилъ и бѣсовъ вопіять къ Сыну Божію: *что намъ и Тебѣ, Іисусе, Сыне Божій? пришелъ еси сюмо прежде времени мучити насъ*. Страшно подумать, а на дѣлѣ было такъ. Гадаряне испугались, что лишились стада свиней, и въ страхѣ—не лишиться бы и еще подобныхъ сокровищъ—просятъ Господа удалиться отъ нихъ. Какъ груба неблагодарность гадарянъ! Какъ велико невѣжество омраченныхъ сердецъ ихъ!

Братія! Чтобъ не пасть и намъ въ какое либо искушеніе неблагодарности предъ Господомъ, подумаемъ о долгѣ благодарности.

Апостолъ поучаетъ насъ: *о всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія о Христѣ Іисусѣ въ васъ* (I Свл. V, 18). Воля Божія о насъ такова, чтобы мы благодарили Его. Это не означаетъ того, что Онъ имѣетъ нужду въ нашей благодарности: но означаетъ, что благодарность предъ Нимъ—дѣло правды и дѣло спасительное для насъ.

Что такое благодарность? Благодарность есть то сладостное расположеніе любви къ Богу, по которой душа благоговѣйная видитъ и чувствуетъ различныя благодѣянія Божіи, дорого цѣнитъ каждое благодѣяніе Божіе и обращаетъ ихъ въ славу Божію.

И такъ не естественно ли, имѣя глаза, видѣть представляющійся глазамъ даръ? Не естественно ли, имѣя чувство, чувствовать радость о получаемыхъ дарахъ? Не естественно ли, имѣя волю, хотѣть воздавать за даръ? Да, и на судѣ людей неблагодарный считается человѣкомъ низкимъ, менѣе чѣмъ человѣкомъ,—и справедливо; ибо судите: человѣкъ ли тотъ, кто, имѣя глаза не видитъ, имѣя уши не слышитъ, имѣя сердце не чувствуетъ, имѣя душу не дышитъ? Нѣтъ, это истуканъ, подобіе человѣка, а не человѣкъ живый. Если камень не принимаетъ или мало принимаетъ въ себя воды, это въ порядкѣ вещей; если на твердой скалѣ не растетъ и слабая травка, и брошенное зерно превращается въ прахъ: это также въ порядкѣ вещей. Но Богъ не создалъ сердца человѣческаго камнемъ, и та душа, какую Богъ намъ далъ, дана съ способностію приносить плоды подъ вліяніемъ свѣта и влаги Божіей. Такъ низко, противно и Богу и природѣ—быть неблагодарнымъ къ кому бы то ни было.

Но сократилась ли для насъ благодѣющая десница Божія? Ужели не на что посмотрѣть, не на что порадоваться, не за что поднять признательной руки при мысли объ отношеніяхъ къ намъ Бога? О! легче измѣрить пространства небесъ и поднебесья, и глубины безднъ морскихъ,—легче изчислить дыханія, выдыхаемыя изъ сердца и вѣсъ вдыхаемой жизни, чѣмъ измѣрить и дознать величіе и число благодѣяній Божіихъ. Кто далъ намъ жизнь? И какую жизнь? Какимъ прекраснымъ созданіемъ вышелъ человѣкъ изъ рукъ творческихъ! По образу и по подобію Своему сотворилъ его Богъ, *умалилъ малымъ чимъ отъ ангелъ* (Псал. VIII, 6). Какъ мы живемъ? Тотъ, кто не далъ себѣ бытія, не въ состояніи сохранить его. *Имъ* и только Имъ всеблагимъ и вседѣйствующимъ мы *живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. XVII, 28). *Отъ Господа исправляются стопы мужа.* Имъ зиждутся наши домы, наши города и царства. *Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми* (Псал. CXV)? Падшее созданіе я предъ Тобою, Отче небесный! Чего мнѣ ждать себѣ, какъ

не суда и осужденія? Возмездіе за грѣхъ смерть (Рим. VI, 23). Но, о безпредѣльная благость! Мы удалились отъ Тебя, а Ты ищешь насъ и зовешь: *Адаме! Гдѣ еси?* Сыне Отца вѣчнаго! Ты обрѣлъ и взялъ на рамена Свои овцу погибшую. Сладчайшій Іисусе! Лики ангеловъ изумляются любви Твоей, пожертвовавшей Собою для искупленія насъ грѣшныхъ (Рим. IX, 33). И кто, какъ не духъ благодати, духъ Христовъ созидаетъ въ человѣкахъ сердце чистое и духъ правый? Братія! Каждый можетъ знать и чувствовать, какъ разстроенная грѣхомъ душа наша тогда только и оживаетъ для Бога, когда усердная молитва низводитъ на нее росу благодати; *все довольство наше отъ Бога.*

Какъ же не благодарить намъ Господа своего? Какъ тяжка, какъ чрезмѣрно велика неблагодарность наша, когда не благодаримъ Его, столько благодѣтельствующаго намъ! *Сія ли Господеви воздаете, людіи буіи и немудри*—укорялъ Моисей израиля. *Не самъ ли сей Отецъ стяжа тя и сотвори тя и созда тя.* Мы, христіане, еще болѣе, чѣмъ израиль, получили даровъ отъ Отца небеснаго. Какъ же велико неразуміе наше, какъ велика жестокость сердецъ нашихъ, когда не сознаемъ благодарнымъ умомъ и сердцемъ благодѣяній Божіихъ! Душа христіанская! внемли, какъ жалуется Отецъ небесный на неблагодарнаго израиля; Онъ небо призываетъ въ свидѣтеля и землю въ слышателя жалобы Своей. *Слыши небо, внуши земле: сыны родихъ и возвысихъ; тіи же отвергошася Мене.* Онъ обличаетъ разумнаго израиля примѣромъ неразумнаго животнаго. *Позна волъ стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего Израиль же Мене не позна, и людіе Мои отвергошася Мене* (Исаія. I, 2. 3). Волъ узнаетъ хозяина своего потому, что тотъ съ нимъ обходится какъ хозяинъ, оселъ угадываетъ господина по яслямъ, въ которыя кладетъ тотъ кормъ для него. А израиль не признаетъ Господа и по благодѣяніямъ Его. Какая сильная укоризна израилю! Душа христіанская! не тягчае ли падаетъ на тебя укоризна сія? Пробудись, возстань изъ униженія, въ которое повергъ тебя грѣхъ ожесточенія сердечнаго. Исповѣдуй Господу несчастіе твое и моли Его, да просвѣтитъ умъ и воспламенитъ сердце твое любовію благодарною.

Братія! цѣлой жизни не достанетъ намъ, всѣхъ силъ души и тѣла слишкомъ мало, чтобы достойно воздать Господу за благодѣянія Его къ намъ. Отчего же такъ мало чувствуемъ мы благодѣянія Божія?

Благодарность зритъ и признаетъ благодѣянія Божіи, не опускаетъ изъ вида того, что получено отъ Господа. Итакъ, если мы мало благодаримъ Господа: то конечно потому, что не видимъ благодѣяній Божіихъ. Какъ же это бываетъ съ нами? Умъ гордый соз-

наетъ только въ себѣ достоинства и себѣ приписываетъ, что имѣетъ, даже и то, что только думаетъ имѣть. Можно ли же ожидать отъ гордости благодарнаго благоговѣнія предъ Господомъ? Гордость на многое, что получено свыше, вовсе не обращаетъ вниманія, какъ на малость, недостойную вниманія: а при взглядѣ на другое утѣшается собою: это, говоритъ, пріобрѣтено моими расчетами, это доставило мнѣ мое умѣнье. Жалкое самообольщеніе! *И бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ я* предъ тобою, Господи! Душа христіанская! Обличай въ себѣ помыслы гордости размышленіемъ о необозримой немощи нашей природы; повторяй себѣ слово апостола: кто тебя отличаетъ отъ другихъ? Что имѣешь ты, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получалъ? (I Кор. IV, 7).

Сильно и часто ослабляетъ въ насъ чувства благодарности предъ Господомъ и то помышленіе человѣческое, которое считаетъ виновниками счастія людей великихъ по уму, по знатности, по власти. Но если все, и великое и малое—даръ единаго Владыки нашего, если и великіе ни больше, ни меньше того дѣлаютъ для насъ, что угодно даровать Отцу небесному: то не странно ли воздавать почесть слугѣ и забывать господина, или отдавать ту почесть слугѣ, которая слѣдуетъ господину? Не то же ли это значитъ, что творить себѣ кумировъ на землѣ, измѣнять *славу нетлѣннаго Бога въ подобіе тлѣннаго человѣка? Ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ,* говоритъ апостолъ (1 Кор. III, 7). Нашею ли рукою, или рукою другихъ брошено въ насъ сѣмя добра; нашею ли рукою, или рукою другихъ напоено посѣянное сѣмя? Если Богъ не возраститъ въ насъ добраго сѣмени, напрасны всѣ труды. Земледѣлецъ бросаетъ зерно въ борозду. Какъ многое надобно для того, чтобы явился зрѣлый колосъ! И это многое вовсе не во власти земледѣльца. Свѣтъ, теплота, влага, безъ которыхъ зерно останется мертвымъ, во власти Владыки природы. Точно такъ и въ дѣлахъ нашихъ. Легкомысленная безпечность нашей гордости проходитъ мимо дѣлъ Божіихъ безъ мысли о Богѣ, съ увѣренностію, что это дѣла ежедневнаго порядка, вызванныя нашими силами, или силами людей даровитыхъ. Накормлены, напоены, одѣты мы, но кѣмъ? Не знаемъ;—кажется намъ, тому надлежало быть и было. Мы пробуждаемся отъ безсознательности своей, мы скорбимъ и оскорбляемся только тогда, когда что нибудь бываетъ не по нашимъ желаніямъ; тогда предъявляемъ мы въ душѣ какія-то права въ свою пользу, какъ будто кто-то обязался намъ вести дѣла наши безъ насъ, не обязавъ насъ ни къ чему; тогда открывается, что и мы готовы признать Бога подателемъ всего, только почему-то очень не довольны бываемъ на тотъ разъ, какъ Онъ, кажется, забываетъ насъ,—насъ,

которые до той минуты вовсе не думали о Немъ. Какая легкомысленность дерзкая! Какое безсмысліе гордости!

Апостолъ Павелъ пишетъ о язычникахъ: *занеже разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце: тѣмъ же и предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. I, 21. 24. 28). Вотъ путь, по которому нисходили до глубины нечестія и разврата. Неблагодарность здѣсь занимала слишкомъ важное мѣсто. Народамъ древнимъ извѣстенъ былъ Богъ. Но они не стали чтить Его достойно славы Его, не стали благодарить Его достойно благодѣяній, которыя получали отъ Него. Сердце ихъ стало холодно къ милостямъ Вышняго и любовь къ Нему слабѣла, знаніе о Немъ терялось; мракъ и запустѣніе, пороки и нечистота увеличивались; человѣкъ становился въ рядъ съ безсловеснымъ, которое ѣстъ до-сыта кормъ и ничѣмъ болѣе не озабочено, какъ только грубымъ насыщеніемъ. Своевольное нечестіе неблагодарности наказано наконецъ самою крайнею нечистотою, которую полюбила душа языческая. Братія! То же самое происходитъ можетъ и въ сердцахъ христіанскихъ. Осмотритесь. Если Богъ благъ, чтобы изливать благодать и на безблагодатныхъ: то Онъ же и правосуденъ, что-бы карать нечестіе, презирающее дары благости Его, беззаботное о томъ, что-бы приносить плоды достойные милостей Его. Иначе, казнь Божія есть естественный плодъ неблагодарности; потому что неблагодарность вноситъ въ душу духовное опустошеніе, заглушаетъ въ ней лучшія расположенія ея и поселяетъ въ ней дикость. На оборотъ: душа благодарная, чѣмъ чаще обращается съ благодарностію къ Богу, тѣмъ болѣе разширяется въ любви къ Нему, озаряясь животворнымъ свѣтомъ совершенствъ Его; а чѣмъ свободнѣе открывается она предъ Богомъ, чѣмъ пространнѣе отверзается предъ Нимъ, тѣмъ болѣе становится способною къ принятію даровъ благодати Его. Дѣло несомнѣнное, что во всякомъ случаѣ и должно и нужно отверзать сердце, чтобы принять что-либо свыше: *разшири уста твоя и исполню я,* говоритъ намъ Богъ. Богъ—благъ; Онъ ожидаетъ только того, чтобы мы приближались къ Нему за дарами, и Онъ не медлитъ дарить ихъ намъ. Такъ, неблагодарность наша только награждаетъ насъ нищетою, тогда какъ благодарность привлекаетъ къ намъ свыше обильную росу новыхъ милостей и щедротъ.

Какъ намъ не благодарить Господа? Или точнѣе, какъ намъ благодарить Его достойно? Мы бѣдны, бѣдны во всемъ. Все, что имѣемъ, не наше,—ни блага, ни силы, ни время. Но Онъ столько благъ, что Его же дары принимаетъ за даръ благодаренія нашего.

Онъ столько благъ, что съ любовію взираетъ и на наше сознаніе въ своей немощи и въ величіи любви Его. Онъ столько благъ, что упражненіе силъ и способностей, имъ же дарованныхъ, и при Его же благодати упражняемыхъ, благоволитъ принимать за благоугодную жертву нашу. Итакъ, желаешь ли быть благодарнымъ предъ Господомъ? Освящай силы твои служеніемъ Господу; не лѣнись, не отказывайся по зову храма приходить въ храмъ для возношенія хвалы и благодаренія Господу; нужнѣе Господа ничего для тебя быть не можетъ; не забывай Его. *Аще ясте, аще піете, аще ино что творите, вся во славу Божію творите.* Желаешь ли не быть землею неблагодарною, опредѣленною на погибель? Посвящай Господу то, чѣмъ благословилъ Онъ тебя; приноси Ему плоды трудовъ твоихъ, да низпошлетъ Онъ вновь благословеніе на труды твои. *Имущему дано будетъ и преизбудетъ.* Желаешь ли быть признательнымъ къ любви Его? Твори Его волю и спѣши заглаждать грѣхи покаяніемъ, оставляй желанія неугодныя Ему. *Не пренебрегай богатствомъ благости Его и кротости и долготерпѣнія,* какъ будто не знаешь ты, что *благость Божія ведетъ тебя къ покаянію* (Рим. II, 4). Господь самъ говоритъ намъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 40). Итакъ, вотъ и еще средство и средство самое близкое—изъявлять благодарность Богу! Надѣляй брата бѣднаго, чѣмъ можешь: въ лицѣ брата Господь приметъ отъ тебя даръ твой, какъ благопріятную жертву благодарности къ Нему.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ *со всѣми нами* (Рим. XVI, 24). Аминь.

1845 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 24-ю.

О Немъ же всяко созданіе составляемо растетъ въ церковь святую о Господѣ, о Немъ же и вы создастеся въ жилищѣ Божіе духомъ (Ефес. II, 21—22).

Прекрасную картину представляетъ апостолъ. Онъ изображаетъ церковь Христову въ видѣ зданія, стройно построеваемаго изъ разныхъ частей, и въ видѣ растенія, постепенно поднимающагося выше и выше. Такъ говоритъ онъ о цѣлой церкви Христовой. Такъ онъ говоритъ и о каждомъ вѣрующемъ! Силою Господа Іисуса все зданіе церкви, по слову апостола соеди-

няемое изъ частей въ одно стройное цѣлое, растетъ въ церковь святую для Господа, церковь чистую, непорочную, совершенную, какова церковь небесная. Силою того же Господа и вы, вѣрующіе, созидаетесь, приходите отъ совершенства къ совершенству, что-бы быть вѣчнымъ жилищемъ самаго Бога.

Такъ, слушатели мои, пусть неравны силы у насъ, пусть неравны обстоятельства земной жизни нашей; но каждый долженъ стремиться къ почести высшаго званія Божія, возрастать болѣе въ добродѣтеляхъ христіанскихъ.

Будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть (Матѳ. V, 48). Кому это сказано? однимъ ли пустынникамъ? Однимъ ли дѣвственникамъ? Однимъ ли членамъ клира священнаго? Нѣтъ, всѣмъ сказано; всѣмъ повелѣно возрастать въ духовныхъ совершенствахъ, чтобы приближаться качествами души къ Отцу небесному. *Будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.* Совершенства Отца небеснаго—вотъ образецъ для нашего совершенствованія! Какой это высокій образецъ! Кто же смѣетъ думать послѣ того, что онъ живетъ довольно хорошо? Какъ позволяютъ себѣ считать всякое напоминаніе объ исправленіи жизни несправедливостію противъ личности, всякій совѣтъ любви—оскорбленіемъ душѣ ихъ? *Будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.* Почему? Съ одной стороны потому, что истинное совершенство наше состоитъ въ сообразности нашихъ дѣйствій съ благою и всесовершенною волею Божіею, съ другой стороны потому, что человѣкъ созданъ съ способностями жить сообразно волѣ Божіей. Человѣкъ, дотолѣ и человѣкъ, пока стремится къ Богу своему. Иначе—человѣкъ ли онъ, когда выполняетъ только потребности безсловеснаго?

Слушатели мои! Апостолъ хвалилъ въ язычникѣ добродѣтели языческія. Но онъ не хвалилъ и не хвалитъ языческихъ добродѣтелей въ христіанинѣ. Христіанину дано болѣе силъ и средствъ къ совершенству, чѣмъ язычнику или іудею. Потому отъ него болѣе и требуютъ. *Огня пріидохъ воврещи на землю, и какъ Я хочу, чтобы онъ уже возгорѣлся!* говорилъ Спаситель нашъ. Видите, чего ожидаетъ Господь Іисусъ отъ своихъ послѣдователей! Онъ ожидаетъ любви пламенной, любви неугасимой, ревности неизмѣняющейся, стремленія постояннаго къ совершенствованію для вѣчной жизни. Для чего распялся предъ очами нашими Сынъ Божій? Для чего пролилъ на крестѣ кровь свою Богочеловѣкъ? Ужели съ тѣмъ, чтобы ругались своею жизнію надъ Его страданіями за грѣхи наши? Страшно подумать, что мы дѣлаемъ, безпечно веселясь въ упоеніи страстей, считая за малость грѣхи каждой минуты жизни нашей.

Богочеловѣкъ кровавыми страданіями испросилъ у Отца небеснаго Духа благодати, готоваго вести насъ къ ангельской чистотѣ, и при всей нашей немощи.—Ужели все это понапрасну? Страшно намъ будетъ на судѣ Божіемъ, если явимся туда только съ честностію языческою. Нѣтъ, мы не свои здѣсь (1 Кор. VI, 19). Мы не имѣемъ права употреблять ни времени, ни силъ на что нибудь другое, какъ только на служеніе Богу нашему. Мы должны преуспѣвать со дня на день въ любви къ закону Божію, возрастать въ благодати и познаніи Бога нашего (2 Петр. Ш, 18), усовершаться болѣе и болѣе въ добродѣтеляхъ благоугодныхъ Ему—Владыкѣ нашему (2 Кор. Ш, 11). Вотъ почему и невинная любовь родителей къ дѣтямъ и естественное желаніе охранять свою жизнь и здоровье преступны—въ насъ, если для нихъ замедляемъ или оставляемъ служеніе Господу. Вотъ почему тотъ, кто боится быть осмѣяннымъ за благочестіе людьми легкомысленными и по ложному стыду не идетъ впередъ по пути благочестія, покроется вѣчнымъ стыдомъ на судѣ всемірномъ (Матѳ. X, 23).

Говорятъ: „мы слабы, намъ ли идти все выше? Пусть трудятся надъ тѣмъ тѣ, кому даны силы, у кого есть желаніе жить только для Бога“! Нѣтъ сомнѣнія, что кому дано больше силъ, тотъ долженъ больше и трудиться. Но слабость наша никакъ не увольняетъ насъ отъ обязанности стремиться къ высшему совершенству. Напротивъ: если мы чувствуемъ свои слабости: то потому-то и должны бодрствовать надъ собою, чтобы одерживать побѣду надъ своими слабостями. Отчего грѣхъ, каждый часъ, каждую минуту беретъ надъ нами верхъ? Оттого, что даемъ ему волю дѣлать съ нами, что ему угодно. Несчастіе наше не отъ того, что мы немощны; противъ немощей готова для насъ сила Божія. *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ*, говоритъ апостолъ, такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы. Но мы оттого не подвигаемся впередъ на пути спасенія, оттого становимся хуже и хуже, что худо чувствуемъ свои немощи, веселы и покойны, какъ совсѣмъ здоровые, довольны собою, какъ ни въ чемъ неимѣющіе нужды. *Богатъ есмь и обогатихся и ничесоже требую*, говоритъ забывчивый грѣшникъ, тогда какъ онъ *и бѣденъ и нищъ и слѣпъ и нагъ* (Апок. Ш, 17). Требуетъ ли пищи, кто не чувствуетъ голода? Плачетъ ли тотъ, кто не ощущаетъ никакой боли, или потери? Гдѣ же наши слезы о нашихъ язвахъ душевныхъ, если мы ощущаемъ ихъ? Гдѣ наши вздохи, гдѣ стоны мытаря о грѣхахъ нашихъ, если сознаемъ мы себя грѣшниками? Гдѣ молитвы о небесной пищѣ, если ощущаемъ мы голодъ душевный?

Такъ слушатель мой, кто искренно чувствуетъ свои немощи,

тотъ при помощи благодати Божіей, всегда будетъ идти по пути къ совершенству.—Онъ не остановится ни на какой степени совершенства, потому что знаетъ, что очень много еще не достаетъ въ немъ. Онъ не остановится ни на минуту, чтобы любоваться пройденнымъ путемъ, оконченными дѣлами, поелику помнитъ, что берегъ далеко, а назади много ошибокъ. *Задняя убо забывая, въ предняя же простираясь со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія:* такъ говорилъ о себѣ тотъ, кто съ земли восходилъ на небо. Грѣхъ не оставляетъ никого до гроба. Потому до гроба надобно бодрствовать, до гроба очищать свое сердце. Грѣхъ ослабляется въ насъ усильными трудами. Но дѣло освященія души не есть дѣло дня, оно есть подвигъ цѣлой жизни. *Блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся* (Мат. V, 6). Тоже точно должно сказать и о каждой частной добродѣтели. Не можетъ быть ни одного добраго дѣла въ насъ, которое не могло бы быть лучше, въ которомъ не было бы недостатка или чистоты, или искренности. Если Богъ далъ тебѣ сколько нибудь усердія къ молитвѣ,—пріобрѣтай еще болѣе усердія къ молитвѣ, и никогда не думай, что ты порядочный молитвенникъ. Иначе ты будешь и несправедливъ предъ правдою и повредишь себѣ въ подвигѣ молитвы. *Никто же возложъ руку свою на рало и зря вспять управленъ есть въ царствіе Божіе.* Нельзя намъ, нравственно нельзя, стоять на одной степени добра, если не простираемся впередъ; поелику, останавливаясь на сколько нибудь для добра, мы живемъ уже для грѣха, не упражняя чувствъ и воли въ добрѣ, слабѣемъ въ любви къ добру; не заботясь объ употребленіи талантовъ, данныхъ намъ, становимся преступниками. *Поминайте жену Лотову.* Бѣги, не оглядываясь назадъ, отъ соблазновъ грѣха. Иначе грѣхъ обольститъ душу и вы пострадаете. Бѣгите отъ внушеній страстей, чтобы поспѣшать къ небесному отечеству, ожидающему васъ. Возгрѣвайте любовь къ нему чувствомъ страха окружающихъ насъ опасностей.

Лѣнь легкомысленная можетъ увольнять себя отъ долга идти впередъ по пути спасенія. Но не увольняетъ отъ того святая воля Божія. Слово Божіе ясно указываетъ намъ на обязанность нашу непрестанно возрастать въ совершенствѣ духовномъ, когда представляетъ состояніе наше на землѣ то въ видѣ плаванія,—которое должно продолжаться непрерывно, чтобы достигнуть цѣли; то, въ видѣ растенія, которое постепенно должно развиваться; то въ видѣ брани, которая ни днемъ, ни ночью не должна затихать, въ виду сильнаго въ злобѣ и коварствѣ врага. Неумныя дѣвы заснули на нѣсколько часовъ, какъ неожиданно зазвучалъ голосъ: *се женихъ грядетъ.* Бѣдныя бросились покупать свѣтильники; а женихъ уже въ чертогѣ

и имъ сказано у дверей затвореннаго чертога: поздно. Намъ велятъ постоянно бодрствовать, постоянно возрастать въ благодати и познаніи Господа нашего Іисуса Христа (2 Петр. 3, 18). Совершенства духовной жизни—лѣствица, которой нижній конецъ на землѣ а верхній на небѣ. „Упражненіе въ добродѣтели, поучаетъ св. Василій, подобно лѣствицѣ, той лѣствицѣ которую нѣкогда видѣлъ блаженный Іаковъ, которой одна часть близка была къ землѣ, и касалась ея, а другая простиралась даже выше самаго неба“ (Твор. I, 184). Не думаютъ ли, что Господь можетъ быть доволенъ кое какою теплотою служеній Ему? Напрасная, преступная, мечта! *„Поелику ты теплъ, а не холоденъ и не горячъ: то изблюю тебя изъ устъ Моихъ“:* такъ говоритъ Онъ вѣрный въ своемъ словѣ (Апок. 3, 16).

Заключаю слово словомъ апостола: *сего ради пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ, и вся содѣявше стати* (Ефес. VI, 13). Аминь.

1852 г.

Харьковъ.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ 26-ю.

(Лук. XII, 15—21).

Жизнь наша—коротка. Но нельзя сказать, чтобы она не требовала заботъ о себѣ. Нельзя прожить безъ пищи, нельзя прожить безъ одежды. Значитъ, самая забота о жизни требуетъ заботъ о пищѣ и одеждѣ.—Но какъ легко человѣкъ переходитъ отъ заботъ о нужномъ къ заботамъ объ излишнемъ! Какъ легко не нужное становится для него необходимымъ! Въ нынѣ чтенной притчѣ Спаситель, предостерегая отъ заботъ объ излишнемъ, показываетъ намъ опасность страсти къ излишнему.

Блюдите и хранитеся отъ лихоиманія, яко не отъ внегда избыточествовати кому, животъ его есть отъ имѣнія его (ст. 15). Такъ началъ наставленіе свое о любостяжаніи небесный Учитель! Смотрите, говорилъ Онъ, берегитесь желать имѣть многое, болѣе того что нужно. Слѣпецъ бредетъ, не видя ямы, въ которую готовъ упасть и—голосъ любви говоритъ ему: берегись, не туда идешь. Такъ и любящій насъ Господь съ нѣжнымъ участіемъ говоритъ намъ: берегитесь страсти къ корысти,—въ ней опасность для васъ. Мы

близорукіе думаемъ: богатство—не необходимо ли для жизни? Но Господь въ оправданіе предостереженія своего говоритъ: жизнь не зависитъ отъ имѣнія тлѣннаго, хотя бы было его и очень много. Гдѣ источникъ жизни? Въ Богѣ. Возьмете ли физическую жизнь организма тѣлеснаго, или духовную жизнь души: въ томъ и другомъ смыслѣ жизнь даетъ и поддерживаетъ Богъ. И такъ умно ли хлопотать о многомъ, когда ни отъ многаго ни отъ малаго, не зависитъ жизнь человѣка, а истрачивая силы на пріобрѣтеніе многаго можетъ погубить жизнь души?

Рече же притчу къ нимъ, глаголя: человѣку нѣкоему богату уробзися нива (ст. 16).

Главную мысль свою о страсти къ многому Спаситель объясняетъ въ притчѣ простой, близкой къ понятію каждаго, въ примѣрѣ богача владѣльца нивы.

„У нѣкотораго богатаго человѣка, говоритъ, оказалась нива съ хорошимъ урожаемъ“.—Замѣтьте, слушатели, Спаситель не говоритъ, что хорошій урожай нивы зависитъ отъ трудовъ, употребленныхъ для нивы.—Агрономія богача, какъ и въ наше время, безъ сомнѣнія любовалась урожаемъ нивы, какъ плодомъ трудовъ своихъ. Но Спаситель не сказалъ ни слова благопріятнаго мечтамъ людской агрономіи. И могъ ли сказать? Господь повелѣлъ въ потѣ лица воздѣлывать землю.—Но сколько ни изобрѣтайте способовъ лучшей обработки земли: на нивѣ не явится и слабаго урожая, если Богъ не пошлетъ во время дождя на поле и не дастъ во время теплоты нужной. Богачъ нашъ забылъ объ этой истинѣ опыта. И оттого не видно въ немъ и желанія, не видно и помысла поблагодарить Бога за хорошій урожай нивы.—Многіе ли и въ наше время благословляемые обиліемъ нивы или успѣхами торговли, благодарятъ Господа—подателя всѣхъ благъ? О, братія! остерегитесь: неблагодарную ниву поражаютъ гнѣвомъ проклятія.

Хозяинъ нивы былъ богатый человѣкъ. Отъ кого, какъ не отъ Господа, получилъ онъ богатство? Богъ такъ благъ къ нему, что и еще умножаетъ богатство его, посылаетъ обильный урожай на ниву его. Для чего все это, если не для того, чтобы обиліемъ благости смягчить жестокое сердце богача, возбудить въ немъ чувства благодарности къ милостямъ незаслуженнымъ, пробудить сокрушеніе о грѣхахъ, призывающихъ гнѣвъ Божій? И—богачъ остается безъ вниманія къ благости Божіей.

И мыслящe въ себѣ.—О чемъ бы, казалось, много думать богачу при счастливомъ урожаѣ? О чемъ заботиться? Хлѣба у него много, какъ видитъ и самъ онъ; всевозможныя нужды его дома могутъ быть удовлетворены, даже и при будущемъ неурожаѣ: жит-

ницы его полны; а онѣ построены конечно такъ, что вмѣщаютъ далеко не менѣе того, что нужно для богача. О чемъ же думать ему? Надъ чѣмъ задумываться? Если хлѣба болѣе, чѣмъ нужно для богача: то долгъ ли раздать не нужное бѣднякамъ? И дѣло это легкое и оно же избавитъ отъ ненужнаго, которое такъ тревожитъ богача. Къ тому же долженъ и богачъ платить долгъ души. Бѣдные—такіе же люди, какъ и богачъ. Если жаль ему себя: какъ не пожалѣть и бѣдняка? Ужели человѣку не жаль человѣчества? Моисей велѣлъ оставлять для бѣдныхъ снопы на полѣ, велѣлъ помогать бѣдному въ его нуждахъ. Всѣ мы—дѣти одного Отца небеснаго. Если богачъ безжалостенъ къ бѣдняку: то онъ оскорбляетъ не одного брата, а вмѣстѣ и общаго Отца небеснаго. Между тѣмъ раздача ненужнаго сколько доставитъ радостей нуждающимся! Какъ они будутъ благодарны богачу! Ясное дѣло—отдать бѣднымъ не нужное не только легко, но и оченъ пріятно и спасительно для души. Но—святыя, покоющія мысли, святыя желанія далеки отъ души богача, изгнаны изъ нее суетными заботами. Онъ въ задумчивости. Онъ мучится. Бѣдный богачъ! онъ мучился и тогда, какъ у него мало было хлѣба, мучится и теперь, когда его слишкомъ много; онъ мучился на счетъ возможности неурожая, мучится и при самомъ счастливомъ урожаѣ. Не ясно ли, что покой души, счастіе жизни, вовсе не зависитъ отъ того, мало ли или много кто имѣетъ благъ земныхъ?

И мысляше въ себѣ, глаголя: что сотворю, яко не имамъ, гдѣ собрати плодовъ моихъ? (Ст. 17).

Вотъ чѣмъ занятъ богачъ! У него много лишняго, не нужнаго для него, но и съ тѣмъ не хочетъ онъ разстаться; онъ хочетъ собирать больше и больше. Житницы его полны и онъ въ заботѣ о томъ, куда собрать лишній хлѣбъ? это человѣкъ *богатяйся удержаніемъ и скупостію* (Сир. XI, 16). Онъ собираетъ и не нужное ему лишь бы собирать. Какая жалкая жадность—жадность ненужнаго!

Се сотворю: раззорю житницы моя и большя сихъ созижду: вотъ что выдумалъ надумавшійся богачъ! Разорять житницы для него мудрость! Строить новыя, чтобы запереть въ нихъ не нужное,—счастливая находка ума! Подлинно стоило, о чемъ подумать!

И соберу ту вся жита моя и благая моя.

Несчастный! Онъ уже прямо, онъ уже безъ стыда называетъ богатство полей своею собственностію, а не даромъ Божіимъ. *Жита моя* говоритъ, *благая моя*, а не даяніе Божіе. Какая наглая неблагодарность предъ Подателемъ благъ! Богачъ конечно слышалъ слова премудраго: *богатство и нищета отъ Господа суть* (Сир. XI, 14). Онъ конечно слышалъ и слова пророка: *еда хитростію твоею или смысломъ твоимъ сотворилъ еси себѣ силу и притяжалъ еси сребро*

и злато въ сокровищахъ твоихъ? (Езек. 28, 4). Но гордый тѣмъ, что удалось ему получить въ свои руки, онъ забылъ Того, отъ Кого получилъ все.

Соберу ту вся благая моя. Плоды полей—вотъ въ чемъ *благая* скупца! Другаго блага онъ уже не знаетъ. Здѣсь *вся благая моя*, говоритъ онъ съ восторгомъ, смотря на сокровища житницъ! О! до какого униженія дошла эта несчастная душа! Вѣчность и вѣчныя блага пренебрежены; дары благодати отвергнуты; нужды безсмертной души брошены безъ вниманія.—Что будетъ съ этою душею, по ту сторону гроба, куда не перейдутъ ея тлѣнныя сокровища, а изъ нетлѣнныхъ благъ у нее нѣтъ ни нитки и есть только нечестіе сердца?

И реку душѣ моей: душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа,—почивай, яждь, пей и веселися.

Что ни слово то улика въ безсмыслiи,—что ни шагъ, то шагъ впередъ на пути безумія! *И реку душѣ моей*—съ разсужденіемъ ли здравымъ? Посмотримъ. *Имаши блага*—какъ будто и точно *имаши*, будто и точно властелинъ ихъ? *Имаши блага многа лежаща:* кто-жъ увѣрилъ тебя, что не подниметъ ихъ на воздухъ буря или огонь, не расхитятъ воры? *Лежаща на лѣта многа:* а долгіе годы куплены тобою? Они—неотъемлемая твоя собственность? *Реку душѣ: почивай.* Значитъ, она бѣдная дотолѣ не знала покоя? Значитъ, дотолѣ она только страдала? Отчего же? Что мѣшало ея покою? Жадность корысти! Но полно, прекратится ли эта жажда? Бѣднякъ самъ чувствуетъ, что покоя не будетъ, и потому-то заставляетъ душу быть покойною,—будь покойна, говоритъ. О! не заставитъ ему души быть покойною при жизни столько несогласной съ ея вѣчными потребностями. *Реку душѣ: яждь, пей, веселися.* Какъ?—Душа можетъ ѣсть и пить? Это слова чистаго безсмыслія! И какого еще безсмыслія! *Душе, яждь, пей, веселися:* не слова ли это безбожнаго безсмыслія, для котораго нѣтъ ни вѣчности, ни суда за гробомъ? *Духъ нашъ разлѣется, яко мягкій воздухъ. Пріидите убо насладимся настоящихъ благихъ. Вездѣ оставимъ знаменіе веселія, яко сія есть чаша наша* (Прем. Сол. II, 3. 6. 9). Вотъ какъ разсуждаетъ наконецъ богачъ! Вотъ до чего довела его страсть къ земнымъ благамъ! Сперва забывалъ онъ о Богѣ и о нуждахъ безсмертной души. Теперь онъ потерялъ и вѣру въ Бога и вѣру въ жизнь загробную! Онъ уже живетъ только жизнію безсловесною. Какое ужасное состояніе?

Рече же ему Богъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебѣ, а яже уготовалъ еси, кому будутъ? (Ст. 20).

Рече же ему Богъ: безумне! Безумный богачъ потерялъ изъ

вида права Божіи на его душу. Но правда Божія не теряетъ правъ своихъ на нее. Правда Божія громко требуетъ отъ души отчета, такъ что слышитъ голосъ ея и безуміе.

Безумне! въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе. Что богачъ дошелъ до безумія,—это уже мы видѣли. Безуміе его приняло огромные размѣры. Раскрывать предъ нимъ все безуміе его—ненужный трудъ. Довольно указать на ту сторону безумія его, которая близка быть можетъ и къ его взору. Онъ говорилъ, что много годовъ будетъ онъ жить и наслаждаться благами. Но вотъ смерть, которой онъ вовсе не ждалъ, говоритъ ему, что безсмысленно обѣщалъ онъ себѣ долгіе годы. *Безумне! въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе.* Вотъ смерть, которой ты не ждалъ и смерть такая, о какой ты не думалъ. Вотъ потребуютъ души твоей не зовомъ любви кроткой; но волею строгой правды Божіей, голосомъ мощнаго Владыки и грознаго Судіи твоего, такъ давно тобою забытаго. У Него у—Господа неба и земли—есть на то слуги;—они *душу твою истяжутъ отъ тебе.* Ты дотолѣ не зналъ или не думалъ о нихъ: но они знаютъ свое дѣло и не забываютъ его. Объ *ангелахъ смертоносныхъ* зналъ еще мудрый другъ Іова (Іов. XXXIII, 23). Слушатели мои! жизнь загробная въ послѣднее время растлѣнія не только забыта была нечестивымъ богачомъ, но она была осмѣяна, отвергнута, какъ мечта. Но предъ взоромъ смерти грозной загробный міръ открывается душѣ съ поразительною ясностію: она видитъ теперь то, о чемъ прежде не думала, чему не хотѣла вѣрить, видитъ не только ожидающую ее вѣчность, но и міръ духовъ, принадлежащихъ къ міру вѣчности. И все это лишь къ ужасу нечестиваго.

Безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ если, кому будутъ? Какая рѣзкая улика въ безуміи богача! Онъ собиралъ богатство для себя; собиралъ цѣлую жизнь и съ такими мучительными тревогами; собиралъ, чтобы наконецъ насладиться плодами трудовъ своихъ. А вотъ смерть является къ нему въ тѣ минуты, когда только что думалъ наслаждаться благами. Къ чему же всѣ труды жизни его? Что значатъ онѣ теперь, какъ не дѣла безсмыслія? Кому достанутся богатства богача? Пророкъ давно вразумлялъ людей: *погибнутъ и оставятъ чуждымъ богатство свое* (Псал. XLVIII 11). Даже мудрый Сирахъ говорилъ: *собираяй отъ души своея инымъ собираетъ и во благихъ его иніи насладятся* (Сирах. XIV, 4). Богачу не хотѣлось вѣрить этому. Но теперь и противъ воли долженъ вѣрить; милыя блага его, дорогія для него сокровища—теперь уже не его. Теперь *во благихъ его иніи насладятся.* Кто-жъ эти иные? Если это люди худые, распутные: какъ скоро исчезнутъ у нихъ бережно хранившіяся сокровища богача! Какъ легко онѣ

оцѣнятся ими! Если это будутъ люди довольно добрые, но отуманясь неожиданнымъ счастіемъ испортятся имъ: еще хуже для неразумнаго богача. То ли было бы съ богачомъ, если бы, слѣдуя голосу любви, роздалъ онъ хотя бы часть сокровищъ своихъ бѣднымъ? А теперь столько милыя сокровища только мучатъ богача.

Тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя! (Ст. 21). Такова участь каждаго собирающаго себѣ, а не богатѣющаго въ Богѣ, говоритъ въ объясненіе своей притчи Спаситель. Замѣтьте, слушатели, какъ изображаетъ каждаго корыстолюбца Спаситель! *Собираяй себѣ.* Всю жизнь онъ только собираетъ себѣ, копитъ груды ненужнаго около себя, не пользуясь ничѣмъ для безсмертной души. Среди богатствъ, среди сокровищъ міра душа его не имѣетъ ничего,—она пуста и нага, томится голодомъ и жаждою. Корыстолюбецъ бѣденъ въ душѣ, потому что не богатѣетъ въ Богѣ. Богатою быть можетъ душа только тогда, какъ живетъ она въ Богѣ, богатѣя день отъ дня и благодатію и *добрыми дѣлами* (Тим. 6, 18); когда по заповѣдямъ Божіимъ любитъ она ближняго какъ себя, а всего болѣе Бога и все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ для славы Божіей: тогда она цвѣтетъ какъ древо при потокѣ водъ. Послѣ того вполнѣ понятно, что каждый корыстолюбецъ истлѣетъ, погибнетъ, какъ безумный богачъ.

Слушатели мои! будемъ твердо помнить наставленіе Спасителя объ опасности пристрастія къ земному. Будемъ сильно беречься сего злаго духа. Если стоя на молитвѣ, если стоя въ храмѣ Божіемъ, вы думаете о домѣ, о хозяйствѣ, или о ходѣ торговли: остерегитесь—духъ корысти: если не завелъ, то хочетъ онъ завесть гнѣздо въ душѣ вашей; поспѣшите прогнать отъ себя злаго духа силою наставленія Спасителева. Если мольбы нищаго о помощи не довольно трогаютъ душу вашу, не заставляютъ охотно подать ему ненужное для васъ: содрогнитесь душею,—пагубный духъ корысти хочетъ осилить сердце ваше, а бѣда страшная, если осилитъ.

Благодать Господа Іисуса Христа да будетъ со всѣми нами. Аминь.

1857 г.
Харьковъ.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ 27-ю.

(Лук. XIII, 10—17).

Въ нынѣ чтенномъ евангеліи представляется намъ исцѣленіе одной несчастной женщины. Исцѣленіе замѣчательное по болѣзни и по дѣйствію исцѣленія и особенно по послѣдствіямъ исцѣленія.

Бѣ же уча во единомъ отъ сонмищъ въ субботу. И се жена бѣ имущи духъ недуженъ лѣтъ осмнадесять, и бѣ слука и не могущи восклонитися отнюдь (ст. 10. 11).

Какое жалкое состояніе бѣдной больной! Она была *слука*— скорчена и никакъ не могла подняться, чтобы стоять прямо. Потому не могла ни прямо ходить, ни свободно лежать; не могла видѣть въ лице никого изъ проходящихъ, пригнутая къ землѣ. Сколько насмѣшекъ легкомыслія должна была она переносить за свое положеніе! Сколько другихъ непріятностей! И цѣлыя 18 лѣтъ оставалась она въ такомъ положеніи. Конечно не было безъ того, чтобы не пыталась она помочь себѣ средствами врачебными. Но положеніе ея не измѣнялось. Болѣзнь ея была особеннаго рода, которой не облегчаютъ человѣческія лѣкарства. Она была „одержима недугомъ отъ духа“, говоритъ евангелистъ. Ея „связалъ сатана“, свидѣтельствуетъ Господь (ст. 17). За что же это такъ? Не въ наказаніе ли за грѣхи? Но Спаситель, исцѣляя ее, не сказалъ: „отпущаются тебѣ грѣхи“ какъ говорилъ Онъ при исцѣленіи страдавшихъ отъ грѣховъ; Онъ сказалъ только: ты свободна отъ недуга твоего. Онъ даже называетъ ее дщерію Авраама и конечно не по одному плотскому происхожденію отъ Авраама, а по качествамъ души ея. Самые тѣ, которые не мирно смотрѣли на ея исцѣленіе, не сказали ничего не выгоднаго о ея жизни; а эти праведники не преминули бы выставить на показъ всѣмъ пятна ея жизни, если бы онѣ были.—Не оставьте безъ вниманія и того, слушатели, что Спаситель нашелъ ее въ синагогѣ слушающею субботнее богослуженіе. Значитъ, при всемъ страдальческомъ состояніи, она усердно посвящала день субботній молитвѣ и слушанію слова Божія. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что эта больная тѣломъ не была больна какою либо душевною страстію, и слѣд. болѣзнь ея не была казнію за грѣхи. И однако она была связана сатаною цѣлыя 18 лѣтъ! Какъ объяснить положеніе ея? Положеніе ея—положеніе Іова. За грѣхи ли Іова Господь дозволилъ сатанѣ поразить Іова и страшною болѣзнію и

рядомъ разныхъ бѣдъ? Нѣтъ, и сатана не смѣлъ указать въ Іовѣ какіе либо тяжкіе грѣхи. Онъ только говорилъ, будто Іовъ благочестивъ оттого, что счастливъ; пусть, говорилъ онъ, позволено будетъ испытать его несчастіями,—тогда увидятъ, будетъ ли онъ благословлять Бога? И Господь дозволилъ испытать раба своего къ его славѣ. Таково же было положеніе жены, страдавшей отъ духа. Тяжкая болѣзнь послана ей только для испытанія любви ея къ Богу, для того, чтобы скорбями усовершилась душа ея, возрасла и укрѣпилась въ добродѣтеляхъ. И она терпѣливо несла испытаніе цѣлыя 18 лѣтъ. Блаженная дщерь Авраамова! Слушатели мои! намъ нерѣдко случается видѣть больныхъ разнаго рода, какъ и другихъ несчастныхъ.—Остережемся произносить укорительный судъ надъ ихъ жизнію. Быть можетъ непріятный на видъ страдалецъ, мимо котораго мы проходимъ съ презрѣніемъ, есть избранный любимецъ неба и тайно за насъ молится.—Ни въ какомъ случаѣ не ошибемся мы въ отношеніи къ несчастнымъ только тогда, когда съ смиреніемъ въ сердцѣ и съ участіемъ любви искренней будемъ смотрѣть на несчастныхъ.

Видѣвъ же ю (больную), *Іисусъ пригласи и рече ей: жено, отпущена еси отъ недуга твоего. И возложи на ню руцѣ: абіе простреся* (ст. 12. 13).

Сколько любви въ Спасителѣ нашемъ! Едва увидѣлъ Онъ страждущую, какъ первый взглядъ Его на нее былъ взглядъ любви сострадательной; Онъ сказалъ, чтобы больная подошла къ небесному врачу. „Бѣдная жена! говоритъ Онъ ей, ты освобождаешься отъ недуга твоего“. Какая величественная простота въ дѣйствіи Всемощнаго! Это слова Слова Творческаго. „И возложилъ на нее руки. И она тотчасъ выпрямилась“. Для чего, думаете, нужно было возложеніе рукъ на больную? Что оно значило? Слово Сына Божія само по себѣ—слово могущественное. Но для того, чтобы мирно перешло дѣйствіе Его на больную, надобно было принять это дѣйствіе тихою вѣрой болящей; а дѣйствіе слова для кроткой души было грозно и принятіе его затруднялось трепетомъ души. Потому-то Господь присоединяетъ къ дѣйствію силы дѣйствіе любви Своей—возлагаетъ руки на больную. Тогда-то, а не вслѣдъ за словомъ Всемощнаго, выпрямилась страждущая. Любовь вѣчная и начинаетъ и оканчиваетъ свое дѣло любовію.

И славляше Бога. Отвѣщавъ же старѣйшина собору, негодуя, зане въ субботу исцѣли ю Іисусъ, глаголаше народу: шесть дній есть, въ няже достоитъ дѣлати: въ тыя убо приходяще цѣлитеся, а не въ день субботній (ст. 13. 14).

Вотъ одно и тоже дѣло Спасителя—исцѣленіе больной одною

душею принимается съ благоговѣйною признательностію, а начальникомъ синагоги — съ негодованіемъ. — Странныя сердца человѣческія!

И славляше Бога исцѣленная жена. И какъ было не славить Бога? Дѣло, совершившееся надъ нею, было дѣло Божіе. Та, которая 18 лѣтъ страдала болѣзнію неизлѣчимою, исцѣлена однимъ словомъ: не дѣло ли это Всесильнаго? Не посѣщеніе ли благости небесной? Кто-бы не упрекнулъ исцѣленную, если бы осталась она не признательною къ неожиданному благодѣянію Божію? Исцѣленная была благодарна, она славила Господа вслухъ всѣхъ. Она славила Спасителя своего и въ синагогѣ, хотя знала, какъ синагога непріязненна къ Іисусу. Такова искренняя благодарность!

Но старѣйшина синагоги—въ сильномъ негодованіи. Онъ, какъ показываетъ, оскорбленъ тѣмъ, что больная исцѣлена въ субботу. Нарушенъ покой субботы! И гдѣ же! Въ синагогѣ, гдѣ онъ начальникъ, въ синагогѣ—предъ его глазами! Можно ли ему стерпѣть это? Онъ обращается съ наставленіемъ къ народу. Но почему не обращается онъ съ обличеніемъ къ Іисусу? Если покой субботы нарушенъ исцѣленіемъ: то нарушилъ его Врачъ; съ Нимъ и имѣй дѣло.—Совѣсть прямая, совѣсть чистая, говоритъ о винѣ прямо самому виновному. А начальникъ синагоги говоритъ объ ошибкѣ Іисуса въ чужія уши. Видно, ревнитель правды чувствовалъ, что совѣсть его не чиста. И смотрите, какъ странно наставленіе его народу. Онъ повторяетъ слова закона о субботѣ вѣрно (Исх. 20, 3. 10). Но какъ прилагаетъ ихъ къ своему дѣлу! *Въ тыя дни*, говоритъ, *приходяще цѣлится, а не въ субботу.* Что это значитъ? Больные должны оставаться дома въ субботу? Они не должны быть въ синагогѣ для слушанія закона? За что такая немилость къ больнымъ? *Въ тыя дни приходяще цѣлитеся.* Но развѣ отъ воли больнаго зависитъ быть исцѣленнымъ во второй или четвертый день недѣли? И если больной исцѣлился въ субботу: по заповѣди учителя синагоги онъ долженъ говорить: нѣтъ, я еще не исцѣленъ, только завтра могу я славить Бога. Нельзя не сказать, что іудейскій учитель говоритъ безсмыслицу. Жалко!

Отвѣща ему Господь и рече: лицемѣре, кождо васъ въ субботу не отрѣшаетъ ли своего вола или осла отъ яслій и шедъ напаяетъ? Сію же дщерь Авраамову, юже связа сатана се осмонадесяте лѣто, не достояше ли разрѣшитися ей отъ узы сея въ день субботній? (Ст. 15. 16).

Спаситель обличаетъ защитника покоя субботняго его собственными поступками. Если, говоритъ, законъ о субботѣ не мѣшаетъ вамъ оказывать состраданіе скоту, дозволяетъ поить въ субботу ос-

ла или вола, когда тѣ томятся жаждою: не слѣдовало ли оказать состраданіе больной женщинѣ, которую 18 лѣтъ мучитъ сатана? Замѣтьте, слушатели, что Спасителю никто не говорилъ, какъ давно страдаетъ больная; а Онъ говоритъ о томъ съ такою опредѣленностію: „вотъ осмнадцать лѣтъ тому, какъ связалъ ее сатана". Онъ знаетъ и необыкновенное происхожденіе ея болѣзни—„ее связалъ сатана". Такъ народъ, вслухъ котораго говорено было обличеніе ревнителямъ закона, долженъ былъ признать въ Іисусѣ и великаго чудотворца и дивнаго прозорливца, отъ котораго не сокрыто прошедшее и предъ которымъ открытъ міръ духовъ.

И сія ему глаголющу, стыдяхуся вси противляющіеся Ему: и вси людіи радовахуся о всѣхъ славныхъ, бывающихъ отъ Него (ст. 17).

А народъ—люди простые сердцемъ и искренніе въ благочестіи принимали ученіе Спасителя открытымъ сердцемъ и радовались торжеству Его: Самые враги Іисуса стыдились своей неправды, чувствуя непреодолимую силу словъ Его: но надолго ли?

Обратимся еще разъ къ начальнику синагоги. *Лицемѣре!* говоритъ ему Іисусъ. За что такое названіе? Онъ ревновалъ о законѣ, о славѣ Божіей. Пусть онъ ошибался, неправильно понималъ законъ о субботѣ. Но за ошибку смысла довольно было сказать ему: ты, другъ, ошибаешься. За что же онъ *лицемѣръ?* Видите, слушатели, Господь сердцевѣдецъ. Ему видно было, что происходило въ душѣ начальника синагоги? Тамъ скрывалось зло, какъ и у людей подобныхъ ему. Начальникъ синагоги досадовалъ не за субботу, а за себя; ему горько было, что за величіемъ Іисуса, не видно было имя его—учителя іудейскаго; подъ ревностію его о законѣ скрывалась зависть къ славѣ назорейскаго Учителя. Какъ нерѣдко бываетъ тоже и между нами! Какъ и начальникъ синагоги, иной выходитъ изъ себя, указывая на ошибки другаго. Какъ, говоритъ, терпѣть подобныя дѣла? Это—вопіющая несправедливость! Это—соблазнъ! И иные, слушая, думаютъ: какой благородный человѣкъ! какъ онъ смѣло защищаетъ правду! Но—на дѣлѣ нашъ защитникъ честности стоитъ не за честность, а за себя; онъ хлопочетъ о своемъ имени. Бѣдный, онъ и самъ не видитъ, что у него въ душѣ; а если подчасъ и замѣтитъ, закрываетъ глаза, чтобы открыть ихъ на пріятное для самолюбія. О! Зачѣмъ оскверняютъ правду нечестіемъ сердца? Зачѣмъ неволятъ душу, заставляя ее служить грѣху подъ личиною добра? Какъ портятъ, какъ губятъ тѣмъ душу! Могутъ дойти до того, что она совсѣмъ потеряетъ вкусъ къ правдѣ и станетъ принимать за правду только то, что угодно той или другой страсти. Зависть—самое тонкое и самое тревожное самолюбіе. Сколько

разливаетъ она яда вокругъ себя! Сколько погибели строитъ другимъ! Не понимая себя, не понимая тайныхъ движеній своей души грѣшной, преслѣдуютъ дарованія полезныя для общества, чернятъ поступки благородныхъ сердецъ, гонятъ невиннаго, и иногда до того, что тотъ, истомленный душею, ложится въ могилу. Не понимаютъ, что въ ихъ мнимой ревности брань съ добромъ и истиною, и слѣд. брань съ Богомъ, источникомъ истины и добра.—Ты, который такъ негодуешь на неправды другихъ, осмотрись, не больше ли ты стоишь негодованія другихъ? Осмотрись: не долженъ ли ты сказать о себѣ: *лицемѣре*! Названіе—непріятное, но повѣрь, оно полезное лѣкарство больной душѣ твоей; принимай его чаще, повторяй себѣ о себѣ: *лицемѣре!* Тогда не будешь ты увлекаться тщеславіемъ и завистію, чтобы оскорблять невинность. Тогда и при встрѣчѣ съ дѣйствительными ошибками другаго, ты или покроешь ихъ молчаніемъ снисходительнымъ, или скажешь нѣсколько словъ нужныхъ съ любовію кроткою, съ участіемъ осмотрительнымъ. Тогда не только не станешь стоять за себя при защитѣ правды, но для правды охотно потерпишь непріятное.

Господи! охраняй сердца наши отъ завистливаго самолюбія. Пусть какъ струны стройной псалтыри поютъ онѣ хвалу дивнымъ дѣламъ Твоимъ. Аминь.

1856 г.
Харьковъ.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 28-ю.

И начаша вкупѣ отрицатися вси
(Лук. XIV, 18).

Въ притчѣ о гостяхъ, *званныхъ на вечерю велію,* Господь Іисусъ показалъ, въ какомъ расположеніи были іудеи къ царствію Божію, открывшемуся съ явленіемъ на землѣ Сына Божія. Богатые люди, старѣйшины народа, учители закона, которые должны были служить примѣромъ добра для другихъ, отказались вступить въ царство благодати. Царствіе Христово было царство не мірское; а ихъ сердца привязаны были къ землѣ. Въ отвѣтъ на званіе небесное одинъ говорилъ: „я купилъ поле, мнѣ нужно осмотрѣть его“; „а я купилъ пять паръ воловъ, мнѣ некогда“, отвѣчалъ другой. Иные увлекались вѣтренностію мірскою и не слушали благовѣстія: „я взялъ за себя жену“ говорилъ представитель

ихъ. Печальное положеніе! Нельзя сказать, чтобы всѣ эти люди не сознавали своего долга, и не признавали важности новаго званія. Нѣтъ, указавшіе на покупку поля и воловъ говорили: „извини насъ предъ господиномъ; чувствуемъ, что надобно бы идти,—но мѣшаютъ дѣла“. Это еще болѣе жалко. Сознаютъ долгъ и не выполняютъ его.

Вечеря Божія готова и для насъ, слушатели. И насъ приглашаютъ къ ней слуги Сына Божія. Господь такъ любитъ бѣдныхъ людей, что не престанетъ приглашать ихъ на вечерю Свою до скончанія міра. Но—не отвѣчаютъ ли и нынѣ одними отговорками на званіе Божіе? Къ сожалѣнію, многіе, признавая святость, благочестія, сознавая долгъ свой предъ Богомъ, пренебрегаютъ благочестіемъ подъ разными предлогами, отрекаются отъ него, каждый по своему. Каковы же отговорки нашего времени отъ званія Божія?

„Мы не прочь отъ христіанскаго благочестія, говорятъ одни: но заботы по хозяйству, по торговлѣ, по службѣ отнимаютъ у насъ все время; намъ некогда заниматься благочестіемъ“.

Не трудно замѣтить, что эти отговорки очень похожи на отговорки, слышанныя въ притчѣ. Такъ говорятъ: „я купилъ поле, мнѣ нужно осмотрѣть его; а я купилъ пять паръ воловъ, мнѣ некогда“. И однако думаютъ, что съ отговорками нашего времени могутъ попасть въ царствіе небесное?

Занятія торговли, хозяйства, службы сами по себѣ занятія законныя, и слѣд. сами по себѣ они не могутъ мѣшать благочестію. Выполняйте ихъ съ страхомъ Божіимъ, съ мыслями о судѣ и вѣчности, выполняйте безъ зависти и гнѣва, безъ обмановъ и лжи и—онѣ будутъ благочестивы. Занимайтесь ими столько, сколько дозволяетъ мысль о первомъ и важнѣйшемъ долгѣ вашемъ,—о долгѣ Богу, прекращайте ихъ, когда зовутъ васъ на служеніе Богу и идите служить Богу: тогда занятія званія и дома будутъ святы. „Мы подавлены нуждами“, говорите вы. Но кто подавляетъ васъ ими, какъ не вы сами? Кто снялъ съ васъ нужду служить Богу и возложилъ на плечи вамъ нужды служить только по дому или торговлѣ? Развѣ не сказалъ вамъ Самъ Господь: *ищите прежде царствія Божія и правды его и сія вся приложатся вамъ?* (Мат. VI, 33). Вы озабочены покоемъ домашнихъ, успѣхомъ по службѣ, счастіемъ торговли? Но не сказано ли вамъ: если станете искать царствія Божія, спасенія душевнаго: то все прочее приложится вамъ? Это—не обѣщанія человѣческія, такъ обманчивыя; это—обѣщаніе Божіе; а Богъ развѣ не можетъ, или не захочетъ исполнить то, что обѣщалъ? Но вы, не довѣряя Богу, принимаете на себя заботы о всемъ—и что изъ того выходитъ? И отнимаете время у благочестія и ловите вѣтеръ: плоды беззаконныхъ трудовъ вашихъ гибнутъ въ вашихъ гла-

захъ, или проматываются дѣтьми вашими. Нѣтъ, не заботы законныя мѣшаютъ благочестію, а беззаконная заботливость, не знающая мѣры. Кто пріучилъ себя располагать временемъ и трудами согласно съ заповѣдями Божіими, а желаніямъ сердца полагаетъ мѣру евангельскую: у того довольно времени для благочестія. Въ покойномъ упованіи на Того, Кто даетъ пищу и птицамъ небеснымъ (Мат. XVII, 26—30), онъ не мучитъ себя заботами о земномъ. Пріобрѣтаетъ трудами нужное для жизни: но плоды трудовъ своихъ не только не называетъ малыми, а удѣляетъ изъ нихъ часть нуждающимся. Напротивъ жадность къ благамъ временнымъ всегда недовольна. Даютъ ей нужное? Не знаетъ покоя, чтобы пріобрѣсть больше. Посылается болѣе, чѣмъ нужно? Строитъ зданія, чтобы запереть въ нихъ все въ пищу тлѣнію. Привязавшись къ земному, не думаютъ ни о чемъ, не тревожатся ничѣмъ, не любятъ ничего, кромѣ земли. Жена, торговля, отличія—вотъ все ихъ сокровище;— тутъ же и сердце ихъ. Жалуются на недостатокъ времени? А въ чемъ проводятъ время? Встаютъ, убираются, гуляютъ, ѣдятъ, осмѣиваютъ, злословятъ, передаютъ другъ другу нечистоты.

О! зачѣмъ клеветать на вѣру Христову, будто она, предписывая благочестіе людямъ должностнымъ и семейнымъ, требуетъ отъ нихъ невозможнаго? Если были люди семейные и должностные, которые угодили Богу благочестіемъ своимъ: ясно, что не требуютъ ни отъ кого невозможнаго, требуя благочестія. Ты ремесленникъ и имѣешь на своемъ попеченіи семью? Іосифъ былъ плотникомъ; но удостоился быть обручникомъ пресвятой Дѣвы и сталъ въ ликѣ святыхъ за свою праведную и богобоязненную жизнь. Ты богатъ? Но едва ли богаче Авраама или Іова? Будь же по примѣру ихъ ласковъ къ странникамъ, корми сиротъ и вдовъ, помогай несчастнымъ и—твои богатства отворятъ тебѣ входъ въ небесныя жилища Авраама. Ты судія? Самуилъ былъ судьею цѣлаго народа израильскаго и, когда, слагая съ себя званіе судьи, вызывалъ всѣхъ, чтобы сказали, не обидѣлъ ли онъ кого нибудь: то всѣ благословили за него Господа.—Вотъ примѣръ, какъ можно быть судьею пріятнымъ для Господа и людей!

„Я женился и потому не могу придти“, говорилъ третій званный на вечерю, и не сочелъ нужнымъ даже попросить извиненія. Такова молодость вѣтренная!

„Молодость, говорятъ, любитъ повеселиться; зачѣмъ отказывать ей въ томъ? Она успѣетъ помолиться. Мы—люди свѣтскіе, говорятъ другіе подъ стать молодости; насъ свѣтъ осудилъ бы, если бы пошли мы въ храмъ; нельзя идти противъ общаго мнѣнія“.

Если молодость—легкомысленна: это не значитъ, что она пра-

ва. Но если и зрѣлость мужеская идетъ вслѣдъ за молодымъ легкомысліемъ: это—жалко.

Христіане стыдятся быть христіанами? Можно ли ожидать сего? Или понимаютъ ли, чего стыдятся? Обыкновенно стыдятся нечистаго, низкаго, презрѣннаго. Итакъ понимаютъ ли, что стыдясь быть благочестивыми, показываютъ тѣмъ, что признаютъ благочестіе христіанское за низость, за предметъ презрѣнія? Какое страшное нечестіе въ христіанинѣ противъ христіанства! Стыдятся поклонятся Творцу неба и земли? Стыдятся съ ликами ангеловъ славословить Бога, съ херувимами благоговѣйно стоять предъ страшными тайнами Христовыми? Стыдятся быть въ собраніи послѣдователей Христовыхъ и въ общеніи съ небожителями? Стыдятся ограждать себя крестомъ Господа Іисуса, тѣмъ крестомъ, который составляетъ силу и славу христіанъ? Стыдятся поведенія христіанскаго, безъ котораго жизнь на землѣ—мракъ и гніеніе, а по смерти—мука? Что же послѣ того остается для нихъ почетно и достойно уваженія? Ужели жизнь распутства языческаго? О! люди, любящіе считать себя образованными! Не хотите ли вы любить и хвалить жизнь безсловесной дикости, когда стыдитесь жизни разумной?

„Насъ осудятъ за набожность“, говорятъ. Кто осудитъ? Если евангеліе Христово тебя одобряетъ: то никто изъ тѣхъ, у кого умъ и сердце на мѣстѣ, не осудитъ тебя; напротивъ радоваться будутъ предъ Господомъ за твою жизнь, достойную человѣка и христіанина. Кто-жъ тебя осудитъ? Если осудятъ поклонники суеты, люди, которыхъ жизнь—оскорбленіе здравому смыслу и безчестіе имени человѣка: ужели ты можешь по совѣсти дорожить судомъ ихъ? Осмотрись, чего не осуждаютъ эти люди? Когда вѣтренность проводитъ ночь за картами и проигрываетъ послѣднее достояніе жены и дѣтей: они не осуждаютъ. Они не осуждаютъ и въ себѣ ни мотовства, ни глупаго тщеславія. И жизнь нетрезвая и жизнь нечистая и жизнь обмановъ и плутовства много, много, если вызоветъ на ихъ уста улыбку; но никакъ не презрѣніе, никакъ не отвращеніе, никакъ не скорбь глубокую, напротивъ они сами дѣлятъ эту жизнь. И ты можешь по совѣсти дорожить судомъ такихъ людей? И ты можешь считать себя христіаниномъ, дорожа судомъ подобныхъ людей? О! вспомни грозный приговоръ Господа: *иже аще постыдится Мене и моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со ангелы святыми* (Мар. VIII, 38). Нѣтъ сомнѣнія, люди, дышащіе міромъ, сочтутъ въ тебѣ за преступленіе и то, что ты будешь жить не по ихъ правиламъ, не по правиламъ міра грѣшнаго, а по правиламъ Христовымъ. Имъ будетъ очень не по сердцу, что твои

поступки не будутъ походить на ихъ поступки; твоя жизнь безъ словъ будетъ обличать ихъ безпорядочную жизнь и будетъ служить укоромъ для совѣсти ихъ. Но ужели любовь людей, кто бы они ни были, должна быть для тебя дороже благоволенія Божія? Ужели ты захочешь пренебрегать волею Божіею, заповѣдями Христовыми, чтобы только не терпѣть непріятностей отъ людей, хотя бы близкихъ къ твоему сердцу? Кого тебѣ надобно слушаться болѣе — людей, или Бога?

„Все же, говоришь ты, лучше жить такъ, какъ живутъ многіе.— Зачѣмъ идти на перекоръ всѣхъ“? Если дорого тебѣ вѣчное спасеніе твое: то, какъ ни больно, а надобно идти на перекоръ міру легкомысленному. Путь, по которому идутъ толпы міролюбцевъ, ведетъ въ адъ; а путь къ царствію небесному—путь узкій и по немъ идутъ не многіе. Это сказалъ намъ самъ Господь, Которато каждое слово—ей и аминь. Много званныхъ, а мало избранныхъ, говорилъ Онъ и въ заключеніе притчи своей о званныхъ. Надобно слѣдовать примѣру не многихъ, а святыхъ. Когда люди благочестивые не уклонялись отъ общенія съ міромъ грѣшнымъ? Ной отдѣлился отъ нечестивыхъ современниковъ. Авраамъ оставилъ отечественную землю и во всю остальную жизнь былъ странникомъ. Лотъ убѣжалъ изъ Содома. Скажутъ: нынѣ—времена христіанства? Но духъ міра и нынѣ—тотъ же, что былъ при Авраамѣ и Лотѣ; онъ измѣнилъ только кое-что въ одеждѣ своей. Нынѣ нѣтъ поклоненія идоламъ: но—*похоть очесъ, похоть плоти и гордость житейская,* создавшія и умножавшія идоловъ, завѣдываютъ міромъ по прежнему. О! оставь многихъ. Что тебѣ за дѣло до нихъ? Многіе не спасутъ тебя отъ суда за твою жизнь. Каждый самъ за себя будетъ отвѣчать тамъ. Благодари Господа, если Онъ помогаетъ тебѣ исправлять больную твою душу. Если многіе живутъ худо: адъ просторенъ. Бойся, чтобы не попасть и тебѣ туда.

„Жена, говорятъ, молодая; какъ отказать ей и себѣ въ удовольствіяхъ“?

Ахъ! любовь супруговъ—дѣло святое: но выше всего—любовь къ Господу. Безсмертная душа создана не для жены, а для Господа. Не жена, а Господь—все для насъ—и Творецъ и Промыслитель и Спаситель и Судія. Прежде всего и больше всего должны мы любить Господа. Кто всѣмъ сердцемъ любитъ что либо кромѣ Бога: тотъ тяжко грѣшитъ, тотъ отвѣчать будетъ за то страданіями вѣчности. Иному быть нельзя.

Нынѣ считаютъ за правило распалять плотскую любовь романами; легкія книги—пріятныя книги, говорятъ.

Пагубное легкомысліе! Не понимаютъ, что плотская любовь—

открытый врагъ любви къ Господу: не понимаютъ, что эта любовь, такъ дѣятельно питаемая и разжигаемая—врагъ и здоровья души нашей и связи супружеской и общественнаго блага; не понимаютъ, что пріятное для нихъ питье—ядъ.

Молодость говоритъ: „придетъ старость,—успѣю помолиться.— Молодость любитъ веселиться. Зачѣмъ ей въ томъ отказывать“?

О! юность!—юность! понимаешь ли ты, чего ты хочешь? Ты хочешь принесть Богу только изможденную лѣтами и страстями старость? Ты хочешь душу чистую, живую, непорочную отдать грѣху, а душею измаранною въ грязи жизни, охладѣвшею, обезсиленною думаешь жертвовать Богу? Тѣло непорочное и съ силами юными, по твоему,—должно принадлежать грѣху, а дряхлое и болѣзненное, совсѣмъ не способное къ трудамъ—часть Божія? Умно ли ты разсуждаешь?

Кто тебѣ сказалъ, что законъ Божій писанъ только для стариковъ? Кто тебѣ сказалъ, что жить духомъ, а не плотію, человѣчески, а не скотски,—прилично только старости? Чего ты желаешь? Ты хочешь отдаться на волю страстямъ? Что съ тобою будетъ? И тѣлесный организмъ твой разстроится и душею ты ни къ чему не будешь способенъ. Что вносятъ въ семьи и общество юноши своевольные, увлекаемые страстями? Неповиновеніе, дерзости, оскорбленія, неисправность во всемъ, нетерпимое разстройство всякаго порядка? Что они для церкви? Дѣти почти погибшія, для которыхъ потеряны труды ея безъ пользы; о нихъ плачетъ она, плачутъ ангелы. Напротивъ отечество увидитъ въ тебѣ слугу полезнаго, семья—отраду и честь, ты самъ—покой и довольство, небо—милый ему духъ чистый, когда съ юности ты будешь воспитывать въ себѣ благочестіе.

И какъ легко учиться благочестію въ твоемъ возрастѣ! Воля твоя—гибка; долго ли дать ей направленіе ко всему благородному и высокому? Сердце твое—нѣжно, какъ воскъ; на немъ безъ усилія напечатлѣются наставленія страха Божія. Душа—живая, неиспорченная правилами свѣта;—какъ она воспріимчива для прекрасныхъ правилъ и истинъ св. вѣры!

„Успѣю, будетъ еще время“, говоришь ты. О! нѣтъ, не будетъ того прекраснаго времени, которое теперь въ твоемъ распоряженіи. Тяжело подъ старость учиться благочестію. Грѣшныя расположенія не проходятъ, а растутъ съ годами; худыя привычки застарѣваютъ въ душѣ; страсти, воспитанныя въ юности, срастаются съ сердцемъ. Грѣхъ—горный потокъ, который чѣмъ далѣе бѣжитъ, тѣмъ болѣе увеличивается. *Благо юношѣ, аще возметъ яремъ въ юности его.* Да и кто тебя увѣрилъ, что доживешь ты до старости, чтобы каяться въ грѣхахъ молодости? Слово Божіе учитъ насъ, да опытъ тоже го-

воритъ: *страхъ Господенъ прилагаетъ дни, лѣта же нечестивыхъ умалятся* (Прем. X, 27).

Господь благодатію да утвердитъ въ сердцахъ нашихъ искреннюю рѣшимость жить свято, до гроба. Аминь.

1857 г.
Харьковъ.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ ТРИ-ДЕСЯТУЮ.

О богатомъ князѣ (Лук. XVIII, 18—29).

Ля всѣхъ Спаситель нашъ былъ любовію; всѣхъ принималъ къ Себѣ, всѣхъ выслушивалъ, всѣмъ предлагалъ нужное для души; принималъ съ радостію добрыхъ; утѣшалъ кротостію грѣшниковъ; свободно подходили къ Нему бѣднякъ и дитя малое; не отвергалъ Онъ и богатыхъ, искавшихъ духовнаго богатства. Когда изъ Галилеи пришелъ Онъ *въ предѣлы іудейскія:* то приступили къ Нему фарисеи съ вопросами о разводѣ, и Онъ рѣшилъ ихъ вопросы; потомъ привели *къ Нему дѣтей,* и Онъ благословилъ ихъ. Затѣмъ приступилъ къ Нему *нѣкій князь,* и Господь вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Повѣствованіе о пріемѣ сего человѣка тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ евангеліи чаще видимъ мы близъ Іисуса бѣдняковъ, чѣмъ богачей.

И вопроси его нѣкій князь, глаголя: учителю благій, что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдствую? такъ повѣствуетъ св. Лука, и ниже замѣчаетъ о семъ князѣ: *бѣ богатъ зѣло;* а св. Матѳей называетъ того же человѣка юношею. Итакъ, это человѣкъ замѣчательный: онъ и князь, и къ тому же молодой человѣкъ, и еще же человѣкъ, весьма богатый: а спрашиваетъ о томъ: *что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдствую?* Мы оскорбили бы свою совѣсть, если бы подумали, не съ тѣмъ ли только предлагалъ князь важный вопросъ, чтобы искусить Господа. Евангельская исторія ничѣмъ не даетъ намъ права быть такими судьями князя. Напротивъ, св. Маркъ говоритъ, что князь съ полною искренностію и благоговѣніемъ подошелъ къ Іисусу: *притекъ нѣкій и поклонся на колѣни Ему, вопрошаше Его.* Ясно, что это не былъ человѣкъ легкомысленный; при всемъ томъ, что молодой и богатой князь—онъ занимается предметомъ важнымъ и занимается съ душевнымъ участіемъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ важности предмета. Не правда ли, что на него съ утѣшеніемъ можно указать не только старцамъ израиля, но и хри-

стіанамъ нашего времени? Подумайте; занимаетъ ли насъ всѣхъ, какъ его, важный вопросъ: *что сотворю, да животъ вѣчный наслѣдствую?* Не проводятъ ли иные изъ насъ цѣлые дни въ разсчетахъ, какъ бы быть богатѣе? Не отнимаетъ ли сна у другихъ забота, какъ бы стать выше другаго ступенью? А между тѣмъ намъ говоритъ евангеліе: горе богатымъ! Намъ извѣстенъ судъ на домогающихся первыхъ мѣстъ въ собраніяхъ. Итакъ, не стыдъ ли нашему времени молодой богатый князь израиля?

Рече же Іисусъ: что мя глаголеши блага? Никто же благъ, токмо единъ Богъ. Молодой князь, хотя былъ добрый князь, хотя искренно искалъ нужнаго для души: но онъ не совсѣмъ еще отрѣшился отъ круга подобныхъ себѣ, не былъ еще свободенъ и отъ мнѣній современныхъ; по примѣру большей части современниковъ онъ видѣлъ въ Іисусѣ только простаго учителя и говоритъ языкомъ свѣтскаго человѣка: *Учителю благій!* И Спаситель обличаетъ слова свѣтской учтивости: если ты, говорилъ Господь, признаешь меня только за простаго учителя; то зачѣмъ называешь Меня благимъ? Зачѣмъ и спрашиваешь Меня о томъ: что дѣлать тебѣ, чтобы пріобрѣсть жизнь вѣчную? Никакой простой учитель не можетъ знать что можетъ ввесть тебя въ царство? Еще менѣе можетъ такой учитель называться благимъ: въ Богѣ источникъ благости и мудрости,—Онъ только единъ благъ. Говоря это, Спаситель не отвергаетъ того, что Самъ Онъ, какъ Сынъ Божій, есть всеблагій; напротивъ Онъ приближаетъ князя къ сей самой мысли. Онъ какъ бы говоритъ ему: или не называй меня благимъ, когда считаешь Меня только за человѣка, или будь внимательнѣе ко Мнѣ и не суди о Мнѣ по примѣру толпы. Вотъ урокъ для людей такъ называемаго высшаго тона! Они за правило считаютъ осыпать людей названіями великолѣпными, встрѣчать ихъ словами, которыя, по внутреннему сознанію ихъ, вовсе не относятся къ тѣмъ людямъ, но которыя относятъ они къ нимъ изъ такъ называемой учтивости, изъ приличія, изъ того, чтобы сказать пріятное слово; льстятъ самолюбію и льстятъ съ сознаніемъ, и однако-жъ говоритъ: такъ надобно;—даютъ больной душѣ ядъ и говорятъ: такъ должно! Братія! совсѣмъ не такъ должно: за каждое праздное слово дадимъ мы отвѣтъ Господу; слова наши должны быть вѣрны истинѣ Божіей, слову Божію.

Заповѣди вѣси, говоритъ Спаситель юношѣ, *не прелюбы твори, не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй, чти отца твоего и матерь твою. Онъ же рече: вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Или, какъ полнѣе передаетъ св. Матѳей: *аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди. Глагола ему: кія? Іисусъ же рече: еже не убіеши* и пр. *Глагола Ему юноша: вся сія сохранихъ*

отъ юности моея; что есмь еще не докончалъ? (XIX, 17—26). *Іисусъ же,* присовокупляетъ св. Маркъ, *воззрѣвъ на-нь возлюби его* (Марк. X, 21). Добрый юноша дѣлалъ добро и готовъ былъ дѣлать добро. Лишь только Спаситель напомянулъ о заповѣдяхъ, нужныхъ для вѣчной жизни, лишь только сказалъ: *аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди,*—онъ быстро спрашиваетъ: какія? Смотря на дѣла свои со внѣшней ихъ стороны, онъ думалъ, что исполнилъ заповѣди: однако предполагалъ, что для приближенія къ Богу, для высшаго совершенства, для того, чтобы войти въ новое царство, нуженъ какой либо подвигъ болѣе возвышенный: *что есмь не докончалъ?* Не видите ли, что у этого молодаго человѣка не только много добрыхъ дѣлъ, но есть и нѣкоторое смиреніе,—начатокъ собственно духовной жизни? Онъ не только на пути спасенія отъ вѣчной смерти, но и на пути къ духовному совершенству, къ царству Христову, хотя и не вступилъ еще въ царство. Потому-то Господь взоромъ любви показалъ ему Свое благоволеніе, Свою любовь. На вопросъ его: какія заповѣди нужны для жизни вѣчной,—Господь отвѣчаетъ, что это тѣ заповѣди, которыя даны были на Синаѣ. Молодой князь думалъ, что для вступленія въ новое царство едва ли нужны прежнія заповѣди. Но Господь ветхаго и новаго завѣта говоритъ, что какъ тогда—въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ новое время, необходимо повиновеніе заповѣдямъ Божіимъ: въ нихъ выражена воля Божія для того, чтобы удостоиться блаженной вѣчности. Пусть законъ данъ для обузданія страстей израиля: но развѣ христіанинъ безъ страстей? Развѣ онъ не чувствуетъ въ себѣ другаго закона, воюющаго въ членахъ его,—даже до гроба? А что нужно для того, чтобы стать наконецъ на степень совершенства высшаго, чтобы облещись въ полный образъ Христовъ? Нужно напередъ пройти многотрудный путь разныхъ искушеній; нужно укротить страсти повиновеніемъ заповѣдямъ, бичующимъ страсти. Истинно счастливы тѣ, которые вмѣстѣ съ евангельскимъ молодымъ княземъ могутъ сказать, что они отъ юности старались хранить заповѣди. Отъ нихъ можно надѣяться много въ будущемъ—для высшаго совершенствованія ихъ. Но сколько между нами найдется подобныхъ людей? Гдѣ между нами юность невинная? Гдѣ зрѣлый возрастъ безъ созрѣвшихъ пороковъ? Гдѣ старость, не одряхлѣвшая отъ грѣховъ? Знаютъ ли нынѣ дѣти, чувствуютъ ли въ душѣ возрастные, что такое страхъ Божій? Изучаютъ ли жизнію заповѣди, повѣряютъ ли по нимъ жизнь свою?

И рече ему: еще единаго не докончалъ еси: вся, елика имаши, продаждь и раздай нищимъ, и имѣти имати сокровище на небеси, и гряди во слѣдъ Мене. Молодой князь потому, что исполнялъ

заповѣди, былъ достоинъ любви Спасителя. И однако, по суду Спасителя, ему еще не доставало одного, именно того, чтобы раздать имѣніе нищимъ и идти вслѣдъ за Іисусомъ. Почему же Спаситель говоритъ, что князю не доставало для полнаго совершенства именно того, чтобы раздать имѣніе? Уже-ли каждый, кто только имѣетъ собственность, обладаніемъ его лишается совершенства духовнаго? Какъ это понять? Какъ представить себѣ состояніе юноши и требованіе Спасителя? Дѣло въ томъ, что князь не только имѣлъ *стяжанія многа*, но и любилъ стяжаніе; болѣзнь его духа, отъ которой не доставало ему совершенства, была та, что онъ пристрастенъ былъ къ богатству. Иначе, онъ безъ сомнѣнія исполнилъ бы требованіе Спасителя, доброты его достало бы для того, чтобы раздать имѣніе бѣднякамъ; ибо онъ любилъ ближнихъ. Итакъ то, чего требуетъ Спаситель отъ молодаго князя, при всей частности, выражаетъ такое всеобщее требованіе: отрекись любезнаго, дорогаго сердцу твоему, ради Господа твоего. Не слишкомъ ли много требуетъ Господь? Ахъ! чего же не въ правѣ требовать отъ насъ Господь сердца нашего? Все ваше Ему принадлежитъ, Ему должно быть и посвящено. Иной скажетъ: „гдѣ мнѣ взять силъ для такихъ пожертвованій? Я обезсиленъ грѣхами“. Но кто виноватъ, что обезсилилъ ты себя грѣхами? *Будите совершенни, яко же Отецъ небесный совершенъ есть:* это всѣмъ сказано. И эта воля столько же блага, сколько справедлива: ибо чего лучшаго желать человѣку, какъ не того, чтобы онъ приближался въ совершенствахъ къ Господу своему? Пусть скорбитъ грѣшникъ, что лишился силъ по своей заблудшей волѣ: но пусть знаетъ и то, что права Божіи на него отъ того не потеряны. Иное дѣло, что не отъ каждаго Богъ особеннымъ званіемъ требуетъ пожертвованій особенныхъ. Онъ, сердцевѣдецъ премудрый, всегда требуетъ того, что нужно требовать, и что могъ бы понесть каждый, по состоянію духа. Такъ—Онъ требуетъ отъ юноши того именно, чего не доставало ему для полнаго совершенства, и что могъ онъ выполнить, если бы преодолѣлъ себя. Чтобы облегчить ему подвигъ, Господь предлагаетъ ему и побужденіе, сообразное съ положеніемъ души его. Для молодаго человѣка дорого было богатство. Господь не отнимаетъ у него богатства, а только переноситъ его въ безопасное мѣсто на небо, не разоряетъ его, а только перемѣняетъ для него сокровище тлѣнное на нетлѣнное. *И имѣти имаши сокровище на небеси. Гряди вслѣдъ Мене,* прибавилъ Спаситель. И это не новое требованіе, а прежнее; только представлено оно съ другой стороны, и опять въ облегченіе юношѣ. Снявъ худую одежду, нельзя же оставаться нагимъ; отказавшись отъ любимой вещи, естествен-

но полюбить лучшую, для которой отказались той; отказавшись отъ себя самаго, отъ своей воли, отъ своей страсти, остается идти вслѣдъ за Господомъ. Молодой князь, привыкши считать себя счастливымъ при богатствѣ, не зналъ еще, какъ быть довольнымъ безъ богатства, Господь предлагаетъ ему, что этому онъ научится изъ примѣра и ученія Его. *Аще кто хощетъ по Мнѣ идти: да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми* (Лук. IX, 23). То, что слышитъ князь, безъ сомнѣнія, не слышалъ онъ ни отъ одного іудейскаго учителя, не читалъ ни у одного языческаго мудреца. Такъ возвышенно ученіе Господа, хотя въ мѣстѣ съ тѣмъ совершенно просто.

Онъ же слышавъ, прискорбенъ бысть: бѣ бо имѣя стяжанія многа. Какъ это жалко! Одинъ остался шагъ къ совершенству высшему, и добрый князь скорбитъ, не хочетъ сдѣлать сего шага. Всѣ заповѣди хранилъ отъ юности, и не хочетъ исполнить одной, самой лучшей. Мысль что надобно лишиться всего стяжанія, такъ, отяготила его, что не можетъ онъ рѣшиться на исполненіе воли Господа.

Вотъ что значитъ, братія, страсти наши! Пока не требуютъ отъ насъ того, что дорого сердцу, мы кажемся себѣ и другимъ людьми добрыми; потребуй отреченіе отъ идола сердца,—ни шагу впередъ; требуйте, чего хотите, только не отреченія отъ любимаго предмета,—тогда все сдѣлаютъ; но коснись идола души,—совсѣмъ другое. Какъ больно смотрѣть на душу христіанскую, душу желающую себѣ добра, но которая запуталась въ сѣть страсти! *Сребролюбіе есть идолослуженіе*, говоритъ апостолъ. И это истина очевидная. Но скажи о томъ сребролюбцу; тебя же обвинитъ онъ. Довольно съ меня, скажетъ, я не пьяница, не обижаю другаго, напротивъ—много дѣлалъ для общей пользы; несъ ту и другую должность; чего же еще хотятъ отъ меня! Вотъ почему такъ тяжки для насъ бываютъ потери! Вотъ почему изнемогаемъ мы, посѣщаемые десницею Божіею! Господь, знающій болѣзни наши, наши тайныя страсти, которыхъ иногда сами не замѣчаемъ въ себѣ, отнимаетъ у насъ то, что питало ту или другую болѣзнь нашей души, что служило пищею страсти. Оставалось бы благодарить врача душъ нашихъ. Нѣтъ мы еще ропщемъ.

Видѣвъ же его Іисусъ прискорбна бывша, рече: како не удобь имущіи богатство въ царствіе Божіе внидутъ: удобнѣе бо есть велбуду сквозь иглинъ уши пройти, нежели богату въ царствіе Божіе внити. Спаситель говоритъ это не относительно участи добраго юноши; участь его неизвѣстна; можетъ быть, скорбь его, его борьба съ собою перешла въ скорбь раскаянія и онъ перемѣнился въ жизни. ***Воззрѣвъ Іисусъ***, повѣствуетъ св. Маркъ, *глагола: како неудобь* и пр.

(X, 23), т. е., Господь обратилъ судящій взоръ свой на другихъ съ подобными же расположеніями сердца, и сказалъ, что слишкомъ трудно богатому войти въ царствіе Божіе; болѣе трудно, чѣмъ вельблюду пройти въ иглиныя уши. *Ученицы же ужасахуся о словесѣхъ Его.* Самые искренніе ученики, поелику еще не введены были благодатію Духа въ тайны духовной жизни, были изумлены, даже устрашены приговоромъ Спасителя о богатыхъ. Іисусъ же, *паки отвѣщавъ, глагола имъ: чада како не удобь уповающымъ на богатство въ царствіе Божіе внити?* (X, 24). Вотъ здѣсь; вмѣсто словъ: *имущіи богатство,* сказано, *уповающимъ на богатство* трудно войти въ царство. Итакъ, Спаситель говоритъ не просто о людяхъ богатыхъ, но о людяхъ, уповающихъ на богатство,—о людяхъ, которыхъ всѣ надежды, всѣ радости заключены въ богатствѣ. Да, можно имѣть слишкомъ не многое и однако-жъ быть въ душѣ съ желаніями многаго; можно быть бѣднякомъ круглымъ и носить въ душѣ жажду къ деньгамъ, опору жизни полагать только въ деньгахъ и—тогда скажутъ какъ и богачу: трудно тебѣ войти въ царство, такъ трудно, какъ вельблюду пройти въ иглиныя уши. Тѣмъ болѣе, братія, легко, имѣя богатство, привязаться сердцемъ къ богатству; рѣдко богатые могутъ безъ скорби разставаться съ богатствомъ. Вспомните, кто были избранные ученики Господа? Бѣдные рыбаки. Кто были учениками апостоловъ? *Не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни,* свидѣтельствуетъ апостолъ (1 Кор. I, 26). Въ рядахъ мучениковъ, добровольно отдавшихъ жизнь свою за Господа, сколько видимъ мы богачей, сколько сильныхъ именемъ и почестями? Не много! *А сѣянное въ терніи, се есть, слышай слово, и печаль вѣка сего и лесть богатства подавляетъ слово и безъ плода бываетъ* (Матѳ. XIII, 22). Обольстительныя выгоды богатства, печаль и заботы, какія влечетъ за собою богатство, подавляютъ въ душѣ добрыя желанія. А сколько зла вноситъ въ душу обаяющее богатство! Сколько несправедливостей дѣлаютъ для того, чтобы пріобрѣсть богатство! ложъ и обманъ, зависть и ненависть смѣняются въ душѣ поочередно, а дѣламъ добрымъ нѣтъ ни мѣста, ни времени. И чѣмъ больше пріобрѣтаютъ, тѣмъ больше жаждутъ пріобрѣтать, а съ тѣмъ вмѣстѣ еще болѣе отягчаютъ душу грѣхами. Вотъ почему евангелистъ говоритъ просто: *како не удобь имущіи богатство въ царствіе Божіе внидутъ.*

Рѣша же слышавшіи: то кто можетъ спасенъ быти? Онъ же рече: невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога. По словамъ евангелиста Матѳея (XIX, 25), вопрошали о томъ Господа апостолы, и св. Маркъ повѣствуетъ: *ученицы же ужасахуся, они же излиха дивляхуся* (X, 25, 26). Что же заставляло апостоловъ

ужасаться и вопрошать: кто можетъ спасенъ быти? Апостолы были бѣдны; казалось бы за себя страшиться имъ было нѣчего при грозномъ приговорѣ о богатыхъ. Но апостолы думали, что, если входъ въ царствіе такъ тѣсенъ; если для входа въ него надобно отказаться отъ всего: трудно найти бѣдняка, который бы не имѣлъ чего нибудь, что можетъ помѣшать ему войти въ царство; они устрашились мысли о великости пожертвованій, которыя надлежитъ дѣлать для небеснаго царства; надобно отказаться отъ всего, помышляли они: какъ это тяжело, какъ это странно! Такъ думали апостолы, пока умы и сердца ихъ еще не очищены, не просвѣщены были Духомъ утѣшителемъ. *Воззрѣвъ на нихъ Іисусъ, глагола.* Господь уразумѣлъ помышленія ихъ и кроткимъ взоромъ успокоилъ волнующіяся мысли. *Невозможное у человѣкъ возможна суть у Бога,* сказалъ Онъ. То, чего не въ состояніи сдѣлать по себѣ человѣкъ слабый, растроенный грѣхомъ, ослабѣвшій отъ привычекъ худыхъ, то можетъ совершать въ немъ сила Божія; онъ не можетъ освободиться отъ слѣпоты духовной, чтобы ясно видѣть грѣхи и немощи свои; не можетъ преодолѣть слабости воли своей, чтобы съ полною вѣрою вступить въ подвигъ самоотверженія и дойти до конца подвига. Кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, богачъ ли или бѣдный, образованный ли или необразованный: для каждаго невозможно самому собою достигнуть духовнаго совершенства. Но невозможное для человѣка возможно для Бога. Пусть немощный обратится съ молитвою къ Всесильному, и Всесильный по благости Своей подастъ ему все; сила Божія укрѣпитъ его для борьбы съ страстями. Пусть повергнетъ свои немощи предъ Господомъ, въ безнадежіи на себя самаго; вѣренъ Богъ— помощь будетъ послана. Господь съ клятвою увѣряетъ насъ, что не хощетъ смерти грѣшника и готовъ подать все нужное для нашего спасенія.

Братія! не забудемъ добрыхъ свойствъ молодаго князя, не забудемъ и того, до чего не допускало его богатство. Аминь.

1847 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 31-ю

НА ВСЕНОЩНОМЪ СЛУЖЕНІИ, ПРОТИВЪ ЗЛОСЛОВІЯ.

Не лжите другъ на друга, совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяньми его (Кол. III,9.).

Въ свѣтѣ считаютъ за пріятное занятіе, за удовольствіе невинное—поострить на счетъ другаго, позлословить, посплетничать; и—тотъ, кто болѣе другихъ въ состояніи злословить, считается болѣе другихъ пріятнымъ человѣкомъ. Но такъ ли смотритъ на это занятіе христіанъ христіанское ученіе? Христіане! Надобно повѣрить ученіемъ христіанскимъ столько обыкновенное занятіе многихъ.

Не хотѣлось бы говорить непріятное людямъ, которые любятъ слушать пріятное для нихъ. Но св. писаніе ни слова не говоритъ пріятнаго о злословіи. Оно изображаетъ злословіе красками самыми темными, какъ порокъ самый темный. Гортань злорѣчивыхъ называетъ оно отверзстымъ гробомъ (Псал. V, 20); языкъ ихъ—жаломъ зміинымъ (Еккл. X, 11); ядъ аспидовъ, говоритъ, подъ устнами ихъ (Псал. CXXXIX, 4). *Износящіе укоризну дезумнѣйшіи суть*, по суду Соломона (Прит. X, 18). Апост. Павелъ помѣщаетъ злословіе между пороками самыми гнусными, каковы пьянство, воровство и другія (1 Кор. VI, 3. 10). И онъ же учитъ: *не лжите другъ на друга, совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяньми его* (Кол. III, 9), т. е. убѣждаетъ не лгать другъ на друга потому самому, что клевета и злословіе—дѣло ветхаго человѣка, чуждаго благодати, или, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ о злословіи, оно—дѣло язычника (Рим. I, 30). *Не оклеветайте другъ друга, братіе*, увѣщеваетъ ап. Іаковъ (IV, 4). *Не судите, да не судими будете*, говоритъ самъ Спаситель; Онъ, какъ видите, угрожаетъ судомъ грознаго Судіи за злословіе.

Чтобы вполнѣ понять и строгій судъ писанія о злословіи и отношеніе злословія къ чистому христіанскому духу, обратимъ вниманіе на отношеніе злословія къ христіанской любви и справедливости.

Любовь—отличіе христіанства; любовь—необходимость христіанина. Мирно ли, или враждебно злословіе съ любовью, необходимою принадлежностью христіанина? Пріятное занятіе многихъ также дружно съ любовью, какъ вода съ огнемъ. Любовь хочетъ дѣлать другимъ только добро; а злословіе? Любовь, повелѣвая любить другихъ какъ себя, велитъ дѣлать для нихъ то самое, чего себѣ желаемъ: а злословіе? Оно поступаетъ совсѣмъ напротивъ.

Какъ изображаетъ намъ писаніе любовь христіанскую? Любовь, говоритъ ап. Павелъ, терпѣлива, милосерда; любовь не завидуетъ, не превозносится; она простодушна и не помнитъ зла; она не радуется ошибкамъ другаго, не смѣется надъ ними, а скорбитъ о нихъ; она снисходительна, не осмѣиваетъ немощнаго брата, а жалѣетъ о немъ; она радуется въ ближнемъ только истинѣ и добру (1 Кор. VI, 4—7); если хочетъ поправить ошибку другаго, то говоритъ о ней другому въ духѣ кротости, съ участіемъ нѣжнымъ (Гал. VI. 1). Ап. Петръ прибавляетъ, что любовь не только не обнаруживаетъ слабостей другаго, напротивъ старается скрыть ихъ отъ взоровъ каждаго, даже и отъ себя, подъ покровъ доброты, хотя и заботится обратить сбившагося съ дороги на путь прямой (1 Петр. IV, 8).

Такъ ли поступаетъ злословіе? Не говоримъ о грубомъ злословіи. Оно слишкомъ явно оскорбляетъ нѣжную любовь къ ближнему: и слова и тонъ и пріемы его такъ нагло обидны, дыша гнѣвомъ неистовымъ. Такого злословія конечно не любятъ въ свѣтѣ благородномъ. Злословіе, которое допускаютъ люди образованные, на взглядъ, очень любезно. Но по духу добрѣе ли оно грубаго злословія? Увы! оно далеко злѣе его! наноситъ раны незамѣтно, но впускаетъ въ нихъ ядъ самый жгучій (Псал. LVI, 5). Оно бросаетъ стрѣлы издали, но стрѣлы самыя острыя, пронзающія насквозь (Псал. LVIII, 8). Оно шутитъ и, шутя убиваетъ покой и жизнь другаго. Оно не столько говоритъ, сколько даетъ догадываться: но одно слово, одно движеніе, одна улыбка сильнѣе язвятъ, чѣмъ болтливая брань. Вы не вѣрите; вы думаете, что свѣтская любезность робка для того, чтобы быть слишкомъ жестокою къ другому. Остерегитесь. Тамъ гдѣ нужно, она очень отважно мѣшаетъ ложь съ истиною, догадки выдаетъ за событія, подозрѣнія обращаетъ въ приговоры, смѣлою рукою измѣняетъ дѣйствительность, разливая на все цвѣтъ черной души своей и—покойно убиваетъ честь и счастіе другаго. „Вы не можете представить себѣ, говоритъ любезный человѣкъ, какъ мнѣ больно, что о томъ-то говорятъ то и то (а о немъ еще никто другой не говорилъ худаго); готовъ бы я все сдѣлать, чтобы закрыть исторію его; но—она уже гласна“ (т. е. чрезъ него же) и начинаетъ исторію съ тѣмъ, чтобы украсить ее новыми вымыслами, противъ того, какъ разсказана она прежде. Если нужно, любезный клеветникъ сперва опишетъ уважаемое лице блистательными красками и потомъ броситъ нѣсколько тѣней, но съ самымъ рѣзкимъ контрастомъ всему свѣтлому. Это, что называется, украсить жертву цвѣтами, чтобы потомъ заколоть. Сколько хитростей, сколько пріемовъ, сколько изобрѣтательности—и все для того только, чтобы нанесть вредъ другому! Это ли не жестокость? Это ли не оскорбленіе любви христіан-

ской? И еще довольны своею любезностью, тогда какъ въ ней также много любви христіанской, какъ и въ демонѣ. Други мои! что у кого на сердцѣ, то льется и съ языка. Если бы любовь жила въ сердцахъ нашихъ: то и языкъ нашъ былъ бы выраженіемъ любви. А въ нашихъ обществахъ о чемъ говорятъ? Только и разговоровъ, только и словъ что разсказы, какъ тотъ дурно живетъ съ женою, какъ та унижаетъ себя безстыдствомъ; какъ тотъ или другой чиновникъ не способенъ къ дѣламъ, или тотъ и другой начальникъ слѣпъ, или какъ еще иной разорился на балы. Только и слышны тамъ и здѣсь пересуды, насмѣшки, язвительныя слова, коварныя намѣки, притворное сожалѣніе. О! Боже мой! и это въ обществѣ христіанскомъ, обществѣ, которое должно жить только любовію!

Христіанская справедливость требуетъ, чтобы не дѣлали мы зла ближнему и запрещаетъ замышлять противъ него что либо, чего себѣ не желаемъ; она требуетъ отъ насъ такой же правдивости, такой же вѣрности слова дѣлу, въ отношеніяхъ нашихъ къ другому, какой желаемъ мы отъ другихъ въ отношеніи къ себѣ; она требуетъ не присвоять себѣ ничего чужаго.

На сколько злословіе вѣрно справедливости? На столько же, на сколько и любви. Начнемъ съ права говорить о другомъ худо. Кто далъ намъ власть надъ добрымъ именемъ брата? Пусть братъ ошибся, пусть братъ согрѣшилъ. Судья надъ нимъ Богъ: дѣла его подлежатъ разсмотрѣнію начальства. Съ чего беретъ на себя непризванный судья судить и осуждать брата помимо суда законнаго? И на чемъ ты основалъ злые разсказы свои о другомъ? Такъ говорили другіе! А если другіе лгутъ; и тебѣ надобно лгать? Если другіе лгутъ: тебѣ надлежало повѣрить слова ихъ съ дѣйствительностію, прежде чѣмъ повторять ложь.—Но отчасти и самъ я видѣлъ то, что говорю о другомъ. Другъ мой! если ты не видалъ души брата: то ты можешь сатану темнаго принять за свѣтлаго ангела и наоборотъ.—Ты справедливъ, черня злословіемъ брата? Вовсе нѣтъ. Справедливость требуетъ отъ тебя не касаться добраго имени брата, такъ какъ требуетъ она не касаться никакой собственности его. Какъ назвали бы тебя, когда бы похитилъ ты вещь, принадлежащую сосѣду? Воромъ? Не прогнѣвайся же что назовутъ тебя этимъ именемъ, когда не стыдишься ты публично отнимать у ближняго его собственность—честь. Въ твоемъ злословіи мужество оказывается дерзостію, кротость слабостію, набожность ханжествомъ, осторожность притворствомъ, простодушіе глупостію, справедливость жестокостію. И ты не думаешь, чтобъ былъ несправедливъ ты. О! Боже мой! какъ ослѣпляетъ людей страсть! Отчего это бываетъ, слушатели, что тѣ, которые любятъ терзать злословіемъ имя ближняго, очень не любятъ,

вспыхиваютъ гнѣвомъ и негодованіемъ, когда злословіе касается ихъ самихъ? Положимъ, что въ нетерпѣливости ихъ, съ какою принимаютъ они раны злословія, участвуетъ и самолюбіе. Но—надобно быть справедливыми и къ нимъ: они оскорбляются злословіемъ и по чувству справедливости. Такъ собственный опытъ ихъ показываетъ имъ, что несправедливы и они къ ближнему, когда дозволяютъ себѣ язвить его злословіемъ. Пусть же, чтобы искреннѣе почувствовать несправедливость своихъ насмѣшекъ, ставятъ себя чаще подъ выстрѣлы насмѣшекъ надъ ихъ слабостями. Пусть выслушиваютъ, не давая мѣста гнѣву, какъ станутъ обвинять ихъ въ дурныхъ дѣлахъ, о которыхъ, они не думали, давать поступкамъ ихъ значеніе котораго не соединяли они съ ними.—Тогда-то, сравнивъ свое положеніе съ положеніемъ другихъ, увидятъ, что надобно имъ умѣрить страсть свою къ насмѣшкамъ, надобно признать несправедливость своего злословія. Замѣтьте, слушатели, еще черту злословія—трусость. Клеветникъ язвитъ обыкновенно только отсутствующихъ, язвитъ въ тѣ минуты, когда, какъ видитъ, не будутъ отражать нападки его злости. Если нашъ острякъ замѣтитъ, что въ обществѣ есть другъ, который не дозволитъ ненаказанно чернить друга, или есть не другъ лица, а добродѣтели, который не преминетъ заступиться за оскорбляемую невинность: клеветникъ—безмолвенъ, какъ рыба. Что это значитъ? Это—новая улика въ его несправедливости. Онъ—низкій трусъ оттого, что только справедливость не боится ни враговъ, ни друзей, и смѣло говоритъ объ истинѣ. Онъ несправедливъ до того, что гнусенъ и самъ чувствуетъ свою гнусность.

Такъ злословіе есть порокъ, потому что осуждается писаніемъ оно есть порокъ, потому что оскорбляется имъ любовь христіанская; оно есть порокъ, потому что оскорбляетъ справедливость. Но оно есть еще порокъ страшный по пагубнымъ дѣйствіямъ своимъ.

Мудрый сынъ Сираховъ говоритъ: *язва бичная струпы творитъ: язва же язычная сокрушаетъ кости. Мнози падоша остріемъ меча, но не яко же падшіи языкомъ* (XXVIII, 20. 21). Ты, который не задумываясь даешь свободу злому языку твоему! подумалъ ли когда нибудь, сколько бѣдъ и страданій наносишь ты людямъ, сколько слезъ горькихъ заставляешь лить? Тамъ снѣдается горестью невинный, котораго очернилъ ты въ глазахъ его начальства, страдаетъ цѣлая семья, оставаясь безъ хлѣба, оттого, что питавшій ее потерялъ должность, оклеветанный тобою. Здѣсь томится въ бѣдности купецъ, котораго лишилъ ты кредита; безъ дѣлъ и въ нуждѣ остается слуга, для котораго твои наговоры и подозрѣнія заперли входъ во всѣ дома. Въ другомъ мѣстѣ молодая дѣвица убита горестью: цвѣтъ дѣвственной непорочности ея завялъ

въ мнѣніи свѣта, сожженный жгучимъ языкомъ твоимъ; а тамъ безъ средствъ къ жизни сидитъ достойный учитель, котораго за строгость его къ лѣни и порокамъ описалъ ты какъ человѣка злаго и бездарнаго. Думаешь ли ты, несчастный, что небесное правосудіе не видитъ того, чего не видитъ земное правосудіе? Думаешь ли ты, что столько золъ и несчастій, причиненныхъ тобою, останутся безъ отмщенія всевидящимъ Судіею? Ты здѣсь не видишь, а за гробомъ покажутъ тебѣ весь огромный объемъ бѣдствій, производимыхъ злословіемъ твоимъ. Ап. Іаковъ сравниваетъ языкъ злаго съ огнемъ, который тѣмъ быстрѣе распространяется, чѣмъ болѣе находитъ пищи и наконецъ опустошаетъ цѣлый лѣсъ. *Се малъ огнь*, говоритъ онъ, и *коль великія вещи сожигаетъ. И языкъ—огнь, лѣпота, скопище неправды* (Іак. III, 5). Подлинно одно слово злое, молва пущенная изъ однихъ ядовитыхъ устъ, переходя изъ дома въ домъ, изъ общества въ общество, какіе страшные слѣды оставляетъ за собою! Эти супруги связаны были узами нѣжной любви и взаимнаго довѣрія и утѣшались дѣтьми своими, заботясь одинъ предъ другимъ о ихъ покоѣ и воспитаніи: а ядовитые наговоры людей услужливыхъ образовали въ сердцахъ ихъ ядъ ненависти, они живутъ въ соблазнительномъ раздѣленіи,—дѣти безъ надзора отца, или матери, родные ихъ дома—въ тревогахъ и враждѣ.—Эти братья, эти родственники, эти друзья, которые такъ искренно любили другъ друга и своею любовію соединяли цѣлыя семейства въ круги счастливые и довольные, теперь не только сами стали врагами другъ другу, но нѣсколько обществъ явилось враждебныхъ между собою. Отчего такое бѣдствіе? Увы! нѣсколько рѣчей злаго языка, долетѣвшихъ къ нимъ, произвели страшный пожаръ. Даѳанамъ и Авиронамъ нѣтъ нужды до того, что отъ ихъ злословія и клеветъ противъ правителей заграждается непокорность между подчиненными, останавливается ходъ дѣлъ общихъ, страдаютъ тысячи невинныхъ. *Страшенъ въ градѣ своемъ мужъ язычень! Онъ возмятетъ други и посреди мирныхъ вложитъ клевету* (Сир. IX, 23. XXVIII, 11).

Други мои! пусть разговоры наши будутъ таковы, чтобы не отвѣчать намъ за нихъ муками въ вѣчности. Аминь.

1856 г.
Харьковъ.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 31-ю,

ПРОТИВЪ ЗЛОСЛОВІЯ.

Не лжите другъ на друга, совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяньми его (Кол. III, 9).

Еще хочу говорить съ вами, возлюбленные, о злословіи. Грѣхъ злословія такъ тяжекъ, что не скоро взвѣсишь тяжесть его. А между тѣмъ иные хотятъ извинять себя въ этомъ грѣхѣ.—Въ настоящемъ случаѣ взвѣсимъ тяжесть злословія по его началамъ и разсмотримъ извиненія, которыя выставляютъ, чтобы оправдать себя въ злословіи.

Если злословіе по дѣйствіямъ своимъ, есть преступленіе тяжкое: то таково же оно и по началамъ своимъ.

Главный источникъ его испорченное самолюбіе. Поелику же самолюбіе является въ насъ въ разныхъ видахъ или въ разныхъ частныхъ грѣхахъ: то и злословіе является плодомъ то того, то другаго вида самолюбія.

Гордость, первое отродье самолюбія, довольная собою, не довольна бываетъ, когда ея мыслямъ является высшій или равный, котораго достоинства тѣснятъ и давятъ ее собою. Положеніе непріятное! Искреннее признаніе своихъ недостатковъ могло бы облегчить смущенную душу. Но гордость обращается къ недостаткамъ другаго и начинаетъ потѣшаться вслухъ другихъ на счетъ оскорбительнаго величія, сыплетъ насмѣшки и остроты, за недостаткомъ дѣйствительныхъ выдумываетъ ошибки и погрѣшности, выставляетъ въ смѣшномъ видѣ даже благонамѣренные поступки другаго; словомъ изображаетъ непріятнаго человѣка такъ, что другіе смѣются надъ бѣдною жертвою, а жрецъ доволенъ собою. Казалось бы, чѣмъ тутъ быть довольнымъ? Тѣмъ ли, что у себя не чуютъ бревна, а указываютъ на сучокъ въ глазу другаго? Или тѣмъ, что сатанинскую гордость потѣшили въ себѣ до того, что разродилась она злостію насмѣшекъ, оскорбительныхъ для одного брата и соблазнительныхъ для нѣсколькихъ?

Страсть властвовать надъ другими также вооружается злословіемъ и клеветою, когда видитъ, что другіе готовы способностями своими пріобрѣсть власть, если не высшую, то равную. Вспомните Амана. Онъ оклеветалъ цѣлый народъ предъ царемъ и цѣлый народъ готовъ истребить, за то только, что Мардохей не хотѣлъ унижаться предъ нимъ. О! какъ страсть плодовита на всякія клеветы, на самыя гнусныя неправды, при дворахъ царскихъ, въ домахъ

вельможъ, въ палаткахъ военачальниковъ! И гдѣ не является она съ тлетворнымъ дыханіемъ клеветы? И въ обществахъ сельской простоты сколько страдаютъ отъ споровъ о власти, разражающихся злостію злословія!

Тщеславію хочется отличаться чѣмъ нибудь предъ другими, хочется блистать какими нибудь преимуществами, хочется занимать собою другихъ. И вотъ оно выступаетъ на ловлю вѣтра! Какъ же поймать его? Предъ высшимъ легкое средство отличиться—лесть высшему; и—вотъ, чтобы понравиться высшему, злословятъ предъ нимъ о томъ, кто не нравится высшему. На что не рѣшаются, чтобы пріобрѣсть благосклонность высшаго?... Чѣмъ обратить на себя вниманіе общества? Позабавить на свой счетъ общество очень можно,—предметовъ довольно: но прибавишь ли себѣ блеску? Говорить о дѣльномъ—не достаетъ средствъ, мало смысла. Всего легче выставить предъ обществомъ смѣшное въ другомъ. И вотъ откуда явился умъ, котораго нѣтъ на дѣльное! Два, три, подобныхъ остряка подали помощь. И пошла потѣха. Едва брошена одна шутка, какъ посыпался градъ насмѣшекъ язвительныхъ, клеветъ самыхъ ѣдкихъ и злыхъ. Какова эта забава, слушатели! О! если-бы посмотрѣли въ глубину души своей: какъ жалки показались бы себѣ самимъ, гоняясь за вѣтромъ и изъ-за вѣтра нанося столько ранъ душѣ своей!

Бываетъ еще злословіе бѣдной лицемъ зависти. Терзаясь счастіемъ и славою другихъ завистникъ хотѣлъ бы уничтожить это счастіе и эту славу.—Но средства насилія или не возможны или опасны для него. Оружіе легкое вредить другому—злословіе: бросать его можетъ самая трусливая рука. И—завистникъ безпощадно поражаетъ имъ все, что тяготитъ его. Какъ бы ни была чиста жизнь высокаго лица: зависть покроетъ ее гадкою краскою; намѣренія представитъ въ черномъ видѣ, поступкамъ дастъ видъ, по своему усмотрѣнію. Примѣръ тому святѣйшій изъ святыхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Во все время служенія Его людямъ жизнь Его была шествіемъ къ Голгоѳѣ, подъ градомъ стрѣлъ, бросаемыхъ книжниками и фарисеями. Ни высокое ученіе Его, ни чудеса, ни святость жизни не укротили завистливой злобы; она только раздражалась болѣе и болѣе противъ Него. Клеветы, злобно размноженныя и коварно расположенныя, приготовили, устроили и совершили наконецъ то злодѣяніе, отъ котораго дрогнула земля, и потемнѣло солнце.

Ненависть, овладѣвая сердцемъ человѣческимъ, погашаетъ въ немъ всякое чувство любви и справедливости. Она изливаетъ желчь свою на ненавистнаго въ самыхъ безсовѣстныхъ клеветахъ. Человѣкъ, по недостатку способностей и дурной жизни лишившійся мѣ-

ста, вмѣсто того, чтобы обратить негодованіе противъ себя, тѣмъ только и занимается, что осуждаетъ начальниковъ въ несправедливости и разныхъ слабостяхъ, подчиненныхъ—въ низкой лести и происках,—съ языка его льются злословія потокомъ:—онъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы лишать другихъ уваженія, какого самъ не можетъ заслужить. Отверженная и превратившаяся въ ненависть любовь осыпала цѣломудренныхъ Іосифа и Сусанну самыми несправедливыми обвиненіями. Женщина, обратившая жгучую ревность въ ненависть, становится сатанински злобною. Нѣтъ убѣжденій, которыя утѣшили бы ея клокочущую ненависть, нѣтъ просьбъ, которыя смягчили бы ее, нѣтъ услугъ, которыя бы тронули ее. Чтобы погубить въ общественномъ мнѣніи лице ненавистное, она не останавливается ни предъ чѣмъ,—преслѣдуетъ предметъ ненависти со всею хитростію и осыпаетъ его всѣми ѣдкими клеветами.

Вотъ причины, располагающія людей къ злословію! Всѣ онѣ, какъ видите, нечисты, грязны, гнусны. И такое-то занятіе называютъ пріятнымъ!

Какъ ни странно, но люди и такое занятіе оправдываютъ въ себѣ, или по крайней мѣрѣ хотятъ извинить его.

„Злословіе свѣтское, говорятъ,—не плодъ намѣренія, вредить ближнему: имъ хотятъ только оживить разговоръ, пріятно занять общество“.

Но не будемъ говорить о томъ, что хотѣть забавлять людей пустотою—желаніе не высокое; не будемъ говорить, что по наставленію апостола изъ устъ христіанскихъ должно исходить только слово полезное для назиданія въ вѣрѣ, способное доставить благодать слушающимъ (Еф. IV, 29), а по слову Спасителя за каждое праздное слово дадимъ мы отвѣтъ. Не будемъ допрашивать тѣхъ, которые хотятъ забавлять другихъ злословіемъ, дѣйствительно ли злословятъ они безъ намѣренія дурнаго? Пусть совѣсть ихъ отвѣчаетъ имъ самимъ: *не коварствуютъ* ли они, по словамъ премудраго, *надъ своими други, егда же увидѣни будутъ, глаголютъ, яко играя содѣяхъ?* (XXVI, 19). Мы скажемъ только, что коль скоро не наблюдать надъ своимъ сердцемъ, трудно, чтобы та или другая страсть не высказалась въ словѣ. Положимъ, что не хочешь ты насмѣшкою вредить ближнему. Но злословіе твое теряетъ ли отъ того свои злокачественныя дѣйствія? Перестаетъ ли оно вредить ближнему? Нѣтъ, отъ твоей язвительной насмѣшки вовсе не легче другому, тогда ты шутя бросаешь стрѣлы въ него. Шутка твоя—не забава для брата, когда она лишаетъ его дорогой собственности его добраго имени. И каково твое сердце, которое способно забавляться на счетъ бѣдствій другаго, наслаждаться страданіями его! Извини, если твою забаву назовутъ сатанинскою.

„Конечно, говорятъ, клевета—гнусна: но виновенъ ли пріятный разсказъ о дѣйствительной слабости другаго“?

Но ты, который злословишь ближняго, скажи, положа руку на сердце, точно ли все что говоришь ты худаго о другомъ, дѣйствительно было такъ, какъ представляешь? Всякая прибавка къ дѣйствительности,—ложь,—это правда, противъ которой сказать нечего. А цвѣты, которыми украсилъ ты разсказъ свой, преувеличеніе вѣса ошибки, допущенное такъ или иначе, двѣ, три, черты, которыми увеличилъ ты объемъ событія—все это обратило мнимо невинный разсказъ твой въ клевету. Не говорю уже, что ты—не сердцевѣдецъ и потому не въ состояніи знать расположеній, съ какими сдѣлано то или другое ближнимъ.

„Ужели же не слѣдуетъ говорить худое о другомъ, если не для его пользы, то въ предостереженіе другимъ“?

О! говори полезное для другихъ, но не преступай законовъ правды и любви. Христіанская ревность печется о спасеніи ближнихъ, но не о безславіи ихъ. Если она говоритъ о проступкѣ ближняго, для пользы другихъ: она указываетъ на темный образъ порока, не терзая чувства ѣдкостію и грязью красокъ, говоритъ о слабости осторожно, чтобы не измѣнить правдѣ и любви, говоритъ не столько о личномъ грѣхѣ брата, сколько о святости общаго долга любить добро, наконецъ говоритъ, какъ нужно говорить. Если же тогда, какъ грѣхъ брата былъ тайною и извѣстное тебѣ о немъ не вполнѣ дознано тобою, ты, обязанный беречь честь брата, выставляешь его на показъ другимъ; выполняешь ли ты долгъ свой въ отношеніи къ себѣ и другимъ? О! ты грѣхи, мертвые для людей извлекаешь изъ ихъ мрака и смрадомъ ихъ заражаешь сердца невинныя, соблазняешь слабыхъ и губишь непорочныхъ.

„Не отъ меня перваго вышла клевета, если это клевета; я передалъ то, что слышалъ“, говоритъ иной въ свое оправданіе.

Но оправдываетъ ли это тебя, другъ мой? Если другой былъ не скроменъ: это не сняло съ тебя обязанности быть скромнымъ. Если другой увлеченъ былъ злостію страсти: развѣ надобно тебѣ слѣдовать примѣру его? Ты долженъ дѣлать свое дѣло. Дошло до слуха твоего оскорбительное для чести ближняго: пусть оно умретъ въ тебѣ (Еккл. XIX, 10). Иначе, разглашая его, ты подвергаешь себя отвѣту за всѣ послѣдствія. Ты слышалъ то и другое, но твое дѣло повѣрить слышанное, чтобы и для себя не принять басни за правду, тѣмъ болѣе не выдать басни въ видѣ правды вслухъ другихъ.

„Виновенъ ли я, говоритъ еще иной, что передалъ я другому за тайну непріятную вѣсть, а тотъ разгласилъ ее“?

Но ты, любезный, самъ сознаешь, что извѣстнаго тебѣ о другомъ не слѣдовало пересказывать, а самъ пересказываешь: не обвиняешь ли ты самъ себя? Ты сознаешь, что не надобно вредить чести другаго, а самъ чернишь ее? Ты просишь, чтобы другой сохранилъ тайну, оскорбительную для брата.—Не значитъ ли это говорить, чтобы другой былъ болѣе снисходителенъ къ брату, чѣмъ ты самъ, былъ менѣе несправедливъ, чѣмъ ты самъ? Ты извиняешь себя слабостію, не сохраняя тайны? Но почему тогда, какъ сознаешь себя слабымъ, не хочешь думать о томъ, что другой и третій будутъ не крѣпче тебя и передадутъ другимъ оскорбительное для брата, въ видѣ болѣе оскорбительномъ, чѣмъ ты передалъ? Почему мысль о непріятныхъ послѣдствіяхъ твоей нескромности не удержала тебя отъ нескромности? Что, если прося другаго сохранять тайну, хотѣлъ ты только отнять тѣмъ у обвиняемаго всѣ средства къ оправданію, чтобы терзали честь его ненаказанно? Это уже не только преступленіе, но преступленіе самое черное по намѣреніямъ.

О! Ты, имѣющій судить за каждое праздное и за каждое вредное слово! Прости насъ, если отъ необдуманныхъ словъ нашихъ потерпѣло доброе имя собратій. Подай намъ твердость, чтобы не лгали мы другъ на друга, послѣ того, какъ совлеклись мы ветхаго человѣка съ дѣяніями его. Аминь.

1856 г.
Харьковъ.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ О ЗАКХЕѢ.

(Лук. XIX, 1—10).

Помните ли, слушатели, что говорилъ Спаситель о богатыхъ, когда богатый юноша отказался слѣдовать за Спасителемъ? *Удобѣе есть*, говорилъ Господь, *вельбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити.* Но, присовокупилъ Спаситель; *не возможная у человѣкъ, возможна сутъ у Бога* (Лук. XVIII, 25. 27). И вотъ въ оправданіе послѣднихъ словъ Господа представляется намъ примѣръ Закхея. Сей примѣръ показываетъ именно то, что и богатый можетъ быть въ числѣ чадъ Авраамовыхъ. Какъ же это можетъ случиться, послушаемъ евангельское повѣствованіе о Закхеѣ.

И вшедъ (Іисусъ) *прохождаше Іерихонъ. И се мужъ, нарицаемый Закхей; и сей бѣ старѣй мытаремъ, и той бѣ богатъ.*

Закхей былъ не только мытарь, что значило откупщика государственной пошлины, *но старѣй мытаремъ*—главный откупщикъ сборовъ. Іерихонъ, гдѣ жилъ Закхей, былъ богатый городъ; торговля пальмовымъ лѣсомъ и бальзамомъ дѣлала его славнымъ и цвѣтущимъ. Потому не удивительно, что главный откупщикъ таможенныхъ сборовъ въ торговомъ Іерихонѣ былъ богатый человѣкъ.

И искаше видѣти Іисуса: и не можаше отъ народа, яко возрастомъ малъ бѣ. И предътекъ возлѣзе на ягодичину, да видитъ, яко хотяше мимо ея проити. Слухъ о чудесахъ и ученіи Іисуса возбудилъ въ Закхеѣ вѣру въ Іисуса; вѣра возбудила желаніе видѣть Іисуса. Закхей ищетъ счастія видѣть Іисуса. Но вотъ препятствія: *возрастомъ малъ бѣ.* Малый ростъ мѣшаетъ видѣть Іисуса въ толпѣ народа. Что дѣлать? Протѣсняться сквозь толпу, чтобы приблизиться къ Іисусу? Извѣстному богачу, человѣку съ такимъ значеніемъ въ свѣтѣ, толкаться между людьми всякаго рода,—щекотливо. При томъ Закхей, какъ примѣтно, не считалъ удобнымъ, безъ предварительнаго знакомства, вступить въ сношеніе съ Іисусомъ. Что-жъ дѣлать? Хочется видѣть Іисуса, но какъ увидѣть? Искать высокаго мѣста, высокаго дерева? Очень щекотливо. Въ виду многихъ лѣзть на дерево? Въ виду всѣхъ оставаться на деревѣ? Это значитъ выставить изъ себя цѣль, куда посыплются насмѣшки молодежи, колкости остряковъ, говоръ толпы. Очень понимаетъ, очень чувствуетъ это Закхей. И однако рѣшается на все, чтобы только видѣть Господа. Прекрасная рѣшимость! Закхей рѣшается на непріятности, на униженіе, чтобы только исполнить святое желаніе;—для Господа вступаетъ въ борьбу съ свѣтомъ и его мнѣніями: вотъ подвигъ достойный высокой души!

Не легокъ для богача такой подвигъ; но если онъ необходимъ для спасенія, надобно избрать его. *Доколѣ храмлете на оба колѣна?* говорилъ пророкъ Илія израилю. Если Богъ израилевъ—Богъ вашъ, зачѣмъ не оставляете беззаконныхъ желаній вашихъ? Зачѣмъ вся душа ваша не служитъ Ему—истинному Владыкѣ и Богу вашему? Ты чувствуешь худое положеніе твое, чувствуешь нужду въ перемѣнѣ жизни; но ложный стыдъ мѣшаетъ тебѣ начать другой образъ жизни, но тщеславіе удерживаетъ тебя на пути, который такъ вѣрно ведетъ къ погибели. Сжалься надъ собою. Представь себѣ тотъ стыдъ, которымъ покроешься, выставленный на судѣ всемірномъ. Представь себѣ ту скорбь нескончаемую, которая терзать тебя будетъ за твою измѣну Господу, за твое безумное обреченіе себя на погибель для міра погибельнаго. Трудно идти противъ обычаевъ, принятыхъ свѣтомъ? Тяжело выставлять себя на позоръ міру? Но если извѣстный оборотъ денежный обѣщаетъ намъ выгоды; если есть на-

дежда получить за трудъ славу: на что не готовы бываютъ для денегъ? Какихъ трудовъ не несутъ для честей? Отчего же нѣтъ такой рѣшимости, нѣтъ такого постоянства въ нашей любви къ собственному, вѣчному спасенію? Зачѣмъ для денегъ больше жертвъ, для честей больше трудовъ, чѣмъ для Господа? Дѣло въ томъ, что и не начинаютъ добра, не приступаютъ къ нему, чтобы обратиться въ смиренной молитвѣ за помощію къ Господу. Если ты увѣренъ въ святости предпріятія, въ нуждѣ его для души: помолись Господу и иди бодро своею дорогою; не унижай души твоей предъ грѣхомъ. Пусть люди не понимаютъ тебя! Знаетъ и покрываетъ тебя Богъ. Потеряешь здѣсь славу? Тамъ возвратятъ. Осмѣютъ здѣсь люди? Утѣшитъ здѣсь и тамъ Господь. Хотя бы довелось тебѣ за добрый подвигъ терпѣть насмѣшки, клеветы; не отступай назадъ; безъ сраженія не бываетъ побѣды, а побѣдителю вѣнецъ,—*претерпѣвый до конца той спасется.*

Рѣшимость Закхея на непріятность для добра не осталась безъ награды. Закхей считалъ за счастіе только что взглянуть на Господа; а Сердцевѣдецъ, видя расположеніе Закхея, утѣшаетъ его неожиданною радостію,—посѣщаетъ самый домъ Закхея. За то и Закхей не остановился на одномъ первомъ подвигѣ. Согрѣтый, воспламененный любовію Господа, онъ тогда, какъ неразуміе ропщетъ на любовь Господа, посѣтившую домъ грѣшнаго мужа, дѣлами показываетъ, что въ сердцѣ его произошла чудная перемѣна,—дѣлами свидѣтельствуетъ благодарность свою къ посѣтившей его любви Господа.

Господи! говоритъ онъ, *се полъ-имѣнія моего дамъ нищимъ.* Отчего же Закхей, благодарный Господу, обращается съ благодарною любовію къ бѣднымъ? Это оттого, что богатый Закхей могъ дѣлать доброе именно благотвореніемъ ближнему,—оттого, что отъ богатаго прежде всего требуется, чтобы онъ жилъ не для себя только, а для бѣдныхъ. Богатство дано богачу не для него одного; богачъ—повѣренный Божій, человѣкъ, которому поручено сдѣлать распоряженія, достойныя благоразумія, достойныя воли Божіей; на его отчетѣ состоятъ и бѣдные. Такова воля Божія о богачѣ! Съ бѣднаго взыщутъ за недостатокъ терпѣнія, за ропотъ на бѣдность; богатому напомнятъ о Лазарѣ, если онъ оставлялъ того передъ вратами въ ранахъ, безъ куска хлѣба, а самъ роскошно ѣлъ и пилъ. *Богъ любы есть* (Іоан. IV, 16). Онъ хочетъ чтобы бѣдность подкрѣплялась щедростію богатыхъ, а богатый находилъ утѣшеніе въ благодарной молитвѣ бѣдныхъ. Для отца семейства самое пріятное удовольствіе, когда дѣлаютъ удовольствіе дѣтямъ его. Точно также и для Отца небеснаго. *Взалкахся и дасте Ми ясти: возждахся и напоисте*

Мя: въ темницѣ бѣхъ и посѣтисте Мене. Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща или жаждуща или странна? Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе, говоритъ Господь (Матѳ. XXV, 34—40). Кто холоденъ къ страданіямъ бѣдности, равнодушенъ къ стону нищеты; тотъ напрасно увѣряетъ себя, что онъ любитъ Господа. Если не любимъ мы ближняго, котораго видимъ: какъ можемъ любить Бога, котораго не видимъ? Ближній мой носитъ образъ Отца моего небеснаго: какъ же не помочь ближнему, какъ не раздѣлить съ нимъ того, что есть у меня? Вы, которымъ далъ Богъ средства благотворить ближнимъ! Творите волю Божію о васъ, чтобы было съ чѣмъ явиться въ ту жизнь: питайте алчущаго, одѣвайте нагаго, утѣшайте печальнаго, посѣщайте заключеннаго въ темницѣ. *Блаженъ милуяй нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь* (Псал. XL, 2). *Иже затыкаетъ ушеса своя, еже не послушати немощнаго: и той призоветъ, и не будетъ послушаяй его* (Прит. XXI, 13).

Половину имѣнія назначаю я бѣднымъ, говорилъ Закхей Господу, а половину удерживаю у себя, но и ту не для себя; ее удерживаю я съ тѣмъ, чтобы платить обиженнымъ мною: *аще кого чѣмъ обидѣхъ, возвращу четверицею.*

Если Закхей и другую половину оставилъ не для себя: почему не раздаетъ онъ ее бѣднымъ, какъ роздалъ первую? Это потому, что чужимъ нельзя располагать по своему произволу,—чужое надобно отдать, кому принадлежитъ оно. *Чти Господа отъ праведныхъ твоихъ трудовъ, и начатки давай Ему отъ твоихъ плодовъ правды,* говоритъ премудрый царь (Прит. III, 9). Закхей нажилъ богатство такъ честно, какъ наживаютъ его многіе. Одна половина безъ спора предъ совѣстію признана собственностію честности его и изъ другой половины только четвертая доля полагается неправедно нажитою. И однако было и у Закхея несправедливо нажитое. Да и легко ли избѣгаютъ грѣха, наживая богатство? Не самою ли большею частію пріобрѣтаютъ его цѣною неправды? Не чаще ли платятъ за него обидою ближнему то тайною, то явною? Если же такъ: то что значила бы милостыня изъ такого богатства? Не тоже ли, что милостыня хищника? Нѣтъ, пусть хищникъ-богачъ отдастъ отнятое тому, у кого отнято: правда требуетъ, чтобы заглаждена была неправда удовлетвореніемъ правдѣ. Иное дѣло, когда нѣтъ возможности загладить неправду. Тогда обратись къ помощи милосердія.

Аще кого чѣмъ обидѣхъ возвращу четверицею. Законъ Моисеевъ говорилъ, что если кто уличенъ будетъ въ кражѣ: онъ платитъ за овцу четыре овцы; если же самъ онъ объявитъ о кражѣ: то съ него брать вдвое (Исх. XXII, 1). Закхея никто не уличалъ въ хищеніи.

И однако онъ налагаетъ на себя ту пеню, которая взыскивалась закономъ съ уличеннаго хищника. Такова кающаяся любовь! Она не только платитъ правдѣ, но платитъ такою платою, которой и не требовала правда; она исполняетъ не только букву закона, но и то, о чемъ не говоритъ буква. Она хочетъ страдать, чтобы принесть Господу плоды, достойные чистаго покаянія; подвергаетъ себя наказанію, чтобы какъ можно болѣе смирить себя, какъ можно глубже почувствовать свою виновность и неправду.

Итакъ второй подвигъ кающагося богача долженъ состоять въ подвигѣ благодарной любви. Надобно, чтобы раскаяніе оправдало себя дѣлами. Прежняя жестокость къ нищему брату должна быть замѣнена щедростію. Богатство досталось не безъ грѣха? Необходимо наказать себя за неправду открытымъ сознаніемъ въ неправдѣ. Правда требуетъ, чтобы все чужое возвращено было по принадлежности, а любовь ожидаетъ, чтобы вознагражденіе было не только полное, но и умноженное до избытка. Жаль разстаться съ земнымъ? Но, если не разстанется, не увидитъ богачъ вѣчныхъ благъ, мало того—поплатится вѣчною мукою за неправды. Чтобы надѣяться на евангельскія награды, надобно творить евангельскія добродѣтели. И язычникъ любилъ любящаго его, платилъ долгъ по требованію правды. Христіанину надобно дѣлать болѣе, надобно вознаграждать обиженнаго вдвое.

Богъ благодати и милости да вразумитъ всѣхъ насъ во спасеніе, и подастъ силу творить дѣла спасительныя. Аминь.

1847 г.

ОТДѢЛЕНІЕ 5-е.

СЛОВА и БЕСѢДЫ НА ДНИ СВЯТЫХЪ и НА ТОРЖЕСТВА.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПОКЛОНЕНІЯ ВЕРИГАМЪ АПОСТ. ПЕТРА,

ВЪ ХРАМѢ ХАРЬКОВСКАГО ТЮРЕМНАГО ЗАМКА.

Бѣ Петръ спя между двѣма воинами, связанъ желѣзнома ужема двѣма, стражіе же предъ дверьми стрежаху темници (Дѣян. XII, 6).

Петръ—верховный апостолъ, образецъ пылкой вѣры и искренняго благочестія, сидитъ въ темницѣ, связанный двумя оковами, охраняемый стражею. Не странное ли это явленіе? Странно и то, что мы, по голосу церкви, собрались творить поклоненіе Петровымъ веригамъ. Что за радость цѣловать оковы темничника? И гдѣ собрались мы? Въ домѣ узилищномъ. Не творимъ ли мы посмѣянія надъ страждущею невинностію, которой мѣсто, какъ кажется, совсѣмъ не въ темницѣ, хотя и видимъ ее здѣсь въ лицѣ Петра?

При томъ, какъ извѣстно намъ великое лице Петра, поклоненіе Петровымъ веригамъ очень естественно и странны были бы тѣ, которые не стали бы считать ихъ достойными уваженія. Если каждая вещь, принадлежащая великому лицу, обращаетъ на себя общее вниманіе: то вериги верховнаго апостола конечно достойны благоговѣйнаго уваженія, тѣмъ болѣе, что все величіе Петра было дѣломъ великой благодати Божіей. Въ книгѣ дѣяній апостольскихъ видимъ мы опытъ тому, что самыя неодушевленныя вещи, бывшія въ употребленіи апостоловъ, проникались силою благодати Божіей. Тамъ читаемъ, что и *головотяжцы* Павла, головныя повязки его, источали исцѣленіе для больныхъ при прикосновеніи къ нимъ вѣры. Точно таковы же были и вериги св. Петра.

Сего довольно объ уваженіи веригъ. Разсмотримъ ближе, нужны ли темничныя страданія для праведныхъ, или для грѣшниковъ?

Оковы и темница кажутся намъ несовмѣстными съ мыслію о невинности. А святые Божіи цѣловали оковы свои и радовались въ страданіяхъ. Отчего такая разность во взглядѣ на одинъ и тотъ же предметъ? Оттого, что святые Божіи выше всего ставили во-

лю Божію и по опыту знали, какъ спасительна для нихъ сія воля. Чтобы очистить золото отъ разной примѣси, нуженъ огонь. Такъ нужны и для святыхъ Божіихъ болѣзненныя испытанія. Эту истину глубоко сознавали святые Божіи, хорошо знавшіе самихъ себя и прославляли суды Божіи. *Судими отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся*, говорилъ св. Павелъ (Кор. XI, 32). Временныя бѣдствія, въ томъ числѣ оковы и темница, стѣсняя плоть и ея желанія, не стѣсняютъ свободы духа, а раскрываютъ ее и облегчаютъ восхожденіе души къ Богу. Потери и скорби открываютъ внимательнымъ непостоянство и суетность благъ мірскихъ, которыя безъ того могли обольстить собою душу. Страданія временныя, очищая духъ отъ нечистыхъ желаній самолюбія, придаютъ ему твердость терпѣливую, сообщаютъ духовное искусство, научаютъ упованію, которое не остается въ стыдѣ. *Радуемся во страданіихъ*, говоритъ св. Павелъ, *вѣдяще, яко скорбь содѣлываетъ терпѣніе, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. V, 3). Только трудныя обстоятельства жизни очищаютъ, возвышаютъ, укрѣпляютъ, обнаруживаютъ любовь истинную къ Богу: безъ того являются только временныя порывы благочестія, чаще же силы спятъ и въ бездѣйствіи слабѣютъ. *Господи, съ Тобою готовъ, есмь въ темницу и на смертъ ити*, говорилъ пылкій Петръ, не испытанный скорбями (Лук. XXII, 33). Но опытъ показалъ, что онъ еще не готовъ былъ для того. Ему надобно было очиститься слезами раскаянія, потомъ переносить непріятности и огорченія въ проповѣданіи Христа іудеямъ, постепенно отрѣшаться отъ своей воли, пока другой не поведетъ, куда захочетъ, затѣмъ уже взошелъ онъ на высшую степень любви: мужественно понесъ заключеніе въ темницѣ и оковахъ, съ радостію терпѣлъ раны и безчестіе и безтрепетно пріялъ мученическую кончину.

Заключенные въ семъ узилищѣ, но предназначенные къ свободѣ Христовой! Не сомнѣваемся, что между нами могутъ быть невинные Іосифы и правосудіе человѣческое собственно потому, что для него недоступны сердца человѣческія, навѣрно причисляетъ иныхъ изъ васъ къ татямъ и разбойникамъ. Но это не значитъ, что кто нибудь изъ васъ въ правѣ роптать на свое положеніе. Помните, что святые Божіи считали оковы и темницу за дѣло любви Божіей. Невинный Іосифъ палъ ли духомъ подъ тяжестію бѣдъ постигшихъ его? Возставалъ ли онъ съ негодованіемъ противъ суда человѣческаго или противъ немощи братьевъ? Нѣтъ, напротивъ онъ говорилъ братьямъ: *не вы посласте мя сюмо, но Богъ* (Быт. 45, 8). Страдающіе невинно! славьте Господа, пославшаго васъ сюда. Любя невинность Онъ ожидаетъ преспѣянія ея въ любви къ Нему, усовершe-

нія въ раскаяніи о слабостяхъ, въ терпѣніи, въ молитвѣ, благодарности и самоотреченіи. Не благая ли это воля Его о невинныхъ?

Если временныя скорби нужны для праведниковъ: что сказать о грѣшникахъ? Для нихъ оковы и темница—дѣло правды Божіей и вмѣстѣ дивной любви Божіей. Правда Божія не можетъ оставить безъ отмщенія нечестій человѣческихъ: Богъ не можетъ не отвращаться отъ грѣха. Особенно же, когда грѣхи и нечестія разливаютъ свою заразу на другихъ и приводятъ въ безпорядокъ дѣла цѣлыхъ обществъ, правительствующая правда Божія не можетъ не возставать на защиту нравственнаго порядка. Раскаяніе кающихся до извѣстной степени выполняетъ въ себѣ дѣло суда Божія, поражая себя скорбію за содѣянные грѣхи и стараясь по возможности исправить допущенные безпорядки. Но что дѣлать съ душами необузданными въ страстяхъ своихъ и нечувствующими своего заблужденія? Карательная правда Божія объявляетъ по отношенію къ забывчивымъ грѣшникамъ свой голосъ въ приговорахъ суда человѣческаго, въ разныхъ скорбяхъ и лишеніяхъ временныхъ, въ темницѣ и оковахъ. Счастливы тѣ изъ нихъ, которые покорно выполняютъ приговоръ правды вѣчной во времени и умѣряютъ желанія страстей страхомъ суда Божія, если и не совсѣмъ возвращаются къ путямъ высокой христіанской жизни. Иначе страшна вѣчность, ожидающая нераскаяннаго грѣшника. Что значатъ всевозможныя временныя скорби предъ грозными муками вѣчности? Удары лозы, наносимыя рукою нѣжной умной матери. Когда у кого либо изъ насъ оказывается на тѣлѣ крайне опасная, заразительная рана: всѣ признаютъ за благодѣяніе, если операторъ вырѣзываетъ ту рану съ ея корнями; операція бываетъ болѣзненная, но она спасительна. Точно также, когда Господь посылаетъ страданія и скорби для вразумленія забывчивыхъ грѣшниковъ, не видна ли въ томъ мудрая любовь Его къ грѣшникамъ?

Заключенные въ семъ узилищѣ правдою человѣческою! осмотритесь, кто вы предъ правдою Божіею? Вы сами въ своей совѣсти, при свѣтѣ евангельскомъ, хорошо можете знать, кто вы таковы? Что, если самая большая часть изъ васъ дѣйствительно виновны въ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняетъ васъ человѣческое правосудіе? Что, если гораздо болѣе содѣлано вами нечистыхъ дѣлъ и беззаконій, чѣмъ могъ обличить недальновидный глазъ человѣческій? Что если тайныя нечестія души вашей, подвѣдомыя одному суду Божію, до того умножились, что вызываютъ противъ себя судъ Божій болѣе строгій и грозный, чемъ могутъ быть приговоры правды человѣческой? Что остается вамъ дѣлать? О! повторяйте чаще

исповѣдь благоразумнаго разбойника: мы терпимъ достойное дѣлъ нашихъ. Эта исповѣдь будетъ славить правду Божію, а раскаяніе, возбужденное ею, будетъ привлекать на васъ милосердіе Божіе. Въ голосѣ правосудія человѣческаго звучитъ для васъ голосъ правосудія Божія, внимайте ему и кайтесь въ нечестіяхъ души вашей. Страшитесь того наглаго безчувствія, съ какимъ висѣлъ ошую Господа другой разбойникъ. Какъ близокъ былъ сей несчастный къ Спасителю и Господу своему! Но онъ не позналъ себя, потому не узналъ и Господа своего. Онъ не созналъ гнусности преступленій своихъ; глухъ остался и къ напоминанію о нихъ, сдѣланному судомъ правды человѣческой и потому не искалъ милости небесной.— Страшитесь такого положенія. Молитесь, чаще молитесь молитвою благоразумнаго разбойника: *помяни насъ Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.* Кающійся разбойникъ не терзался скорбію о томъ, что виситъ онъ на крестѣ и умираетъ позорною смертію; онъ сокрушался только о грѣхахъ своихъ и молилъ Господа о прощеніи. Грѣховъ на мнѣ много, думалъ онъ, грѣхи мои тяжки; я подъ гнѣвомъ Божіимъ и не стою я ничего болѣе: но Ты—Господь милостивый и сильный; много будетъ значитъ для меня, если Ты вспомнишь о мнѣ грѣшникѣ въ царствіи Твоемъ. *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.* Друзья мои! поступайте и вы по примѣру умнаго разбойника. Не дозволяйте исторгаться изъ сердецъ вашихъ ни одному звуку ропота на жребій вашъ; переносите благодушно участь свою; ведите себя кротко; чаще приводите на мысль грѣхи прошлой жизни своей, грѣхи молодости вѣтренной, грѣхи мужества самолюбиваго, грѣхи дней и ночей, грѣхи противъ своей души, грѣхи противъ своихъ ближнихъ, грѣхи противъ Господа. О! если бы вы пришли въ себя! Какъ много увидали бы въ себѣ грѣховъ! Тогда за счастіе признали бы свое заключеніе и спѣшили бы приносить плоды достойные покаянія,—смиреніе, чистоту душевную и тѣлесную, незлобіе, покорность, послушаніе, правдолюбіе, постъ, молитву.

Боже всемогущій и преблагій! пребуди благодатію Твоею въ дому семъ, да будетъ онъ училищемъ святой воли Твоей, вездѣ для насъ премудо-благой и спасительной. Аминь.

БЕСѢДА ВЪ ДЕНЬ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА.

Откуда убо имать плевелы? (Мат. XIII, 27).

Какъ не рѣдко, смотря на событія міра грѣшнаго, приходится предлагать себѣ вопросъ: откуда эти плевелы? Вотъ напр. событія дней нашихъ—какъ онѣ дики! Два христіанскіе народа стали подъ знамя лжепророка Магомета и слѣд. врага Христова и упорно домогаются унизить, обезсилить христіанскій народъ, чтобы поддержать народъ лжепророка.—Не странное ли это явленіе? Откуда эти плевелы? Кроткій Авель и кровожадный Каинъ, покорный Іаковъ и жадный до корысти Исавъ—какія крайности! Что за смѣшеніе зла съ добромъ, злобы съ добротою ангельскою? Давно сталъ трудиться и долго трудился умъ человѣческій надъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденія зла въ мірѣ. И какъ не завидны плоды трудовъ его! О! какъ не дорожить намъ ученіемъ Твоимъ, небесный Учитель нашъ! Ты и вопросъ о судьбахъ міра, который такъ долго рѣшали и не рѣшили отвлеченныя созерцанія философовъ, рѣшаешь притчею близкою къ понятію каждаго поселянина, притчею о плевелахъ.

Слушатели мои! притча о плевелахъ предложена намъ въ нынѣ чтенномъ евангеліи. И будьте увѣрены, въ день празднованія ангеламъ не безъ заботы и о расположеніяхъ нашихъ къ ангеламъ предложена эта притча.

Разсмотримъ же ближе притчу Спасителя о плевелахъ.

Ину притчу предложи имъ, глаголя: уподобися царствіе небесное человѣку, сѣявшему доброе сѣмя на селѣ своемъ (ст. 24).

Человѣкъ посѣялъ *доброе сѣмя*, ничего болѣе, кромѣ чистаго, свѣжаго, хорошаго сѣмени не бросалъ въ землю. *Не доброе ли сѣмя сѣялъ еси*, говорятъ и близко знающіе (ст. 27). Посѣялъ *на селѣ своемъ*—на своемъ полѣ, обработанномъ своими руками, гдѣ все сдѣлано для доброты поля. Это—образъ! Кто-жъ этотъ сѣятель? Что значитъ поле? Спаситель самъ объясняетъ то и другое. *Сѣявый доброе сѣмя есть Сынъ человѣческій, а село есть міръ* (ст. 37, 38). Онъ—воплощенная благость Божія, Онъ, котораго самое воплощеніе есть чистое пшеничное зерно для человѣчества (Іоан. XII, 24), Онъ одинъ есть сѣятель добра. Не прерывая труда, сѣетъ Онъ сѣмя—съ самаго начала міра. Онъ посылаетъ и слугъ своихъ для сѣянія слова Божія: но и истины небесныя—Его собственность и слуги

дѣйствуютъ по Его волѣ и Его силою. Онъ—свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ (I, 9). Кто бы ни былъ истинно просвѣщенный, Онъ просвѣщенъ Имъ; кто бы ни былъ воодушевленъ любовію къ добру, Онъ воодушевленъ Имъ; кто бы ни возрослъ до полнаго духовнаго совершенства, онъ возвращенъ Имъ. Онъ—Слово вѣчное,—Имъ сотворено и держится все; Онъ Богъ и—отъ Него ничего кромѣ добра (Іоан. I, 2. 3). *А село есть міръ.* Поле Его, на которомъ Онъ сѣетъ—вселенная, а не какое либо общество именующихся чистыхъ людей, не какое либо общество святыхъ душъ. Весь міръ—нынѣшнее царство Его на землѣ (ст. 41), за которымъ послѣдуетъ небесное царство Отца (ст. 43), какъ жатва съ поля переходитъ въ житницу (ст. 39).

Таково происхожденіе всего добраго въ мірѣ!

Спящимъ же человѣкомъ, прiиде врагъ Его и всѣя плевелы посреди пшеницы и отъиде (ст. 25). *Егда же прозябе трава и плодъ сотвори, тогда явишася и плевелiе* (ст. 26). *Пришедше же раби господина, рѣша: господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо имать плевелы? Онъ же рече имъ: врагъ человѣкъ сiе сотвори* (Ст. 27, 28).

Какое глубокое ученіе о происхожденіи зла!

Егда же прозябе трава и плодъ сотвори, тогда явишася и плевелiи. Когда хлѣбъ взошелъ исталъ колоситься, тогда явились и плевелы. А до того ихъ не было видно. Восточные плевелы по виду очень похожи на зерна чистой пшеницы, такъ что трудно и отличить ихъ; а между тѣмъ это растеніе одно изъ ядовитыхъ,—отъ него кружится голова и сильно тошнитъ. Не такова ли исторія и всего худаго въ насъ? Скоро ли узнаемъ мы въ себѣ дѣйствіе страстей? Іуда конечно думалъ быть бережливымъ, а не страстнымъ до денегъ, когда сталъ носить ковчежецъ; онъ даже и тогда, какъ уже былъ въ душѣ воромъ, говорилъ: *можаше мiро сiе продано быти и датися нищимъ.* Несчастный не видалъ себя. Только тогда, какъ сталъ предателемъ Господа своего, увидѣлъ, кто онъ таковъ и—повѣсился.— О! „Господи! просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть, да не когда речетъ врагъ мой: укрѣпихся на него“. Други мои! Зло не кажется намъ зломъ въ началѣ. Возьмите, какую угодно, страсть: она сперва бываетъ не замѣтна или является подъ какимъ либо видомъ добра; лишь разрушительныя послѣдствія открываютъ ее намъ. Если нечистые помыслы свободно входятъ въ сердце твое: страшишься ли ты ихъ? Ты считаешь это за малость. Но что будетъ потомъ? Когда Давидъ смотрѣлъ нечистыми очами на Вирсавію: ему не думалось, что за тѣмъ послѣдуетъ прелюбодѣяніе съ намѣренымъ убійствомъ, и однако послѣдовало. Такова исторія каждаго грѣха!

Діаволъ сѣетъ плевелы, говоритъ Господь, *спящимъ человѣкомъ*. Итакъ не надобно спать. *Трезвитеся, бодрствуйте* (Петр. V, 8). Наблюдайте за своимъ сердцемъ, осматривайте чувства и влеченія свои, повѣряйте ихъ словомъ Божіимъ, писаніями отеческими, опытами духовными. О! если бы мы были внимательны и осторожны: какъ много худаго не было между нами. Иначе смотрите, какой нынѣ надзоръ у родителей за дѣтьми! Или ничему не учатъ, или учатъ многому, но нестраху Божію, позволяютъ читать книги самыя пустыя и сторонятся отъ одной—самой нужной. Что перенимаютъ въ обществѣ? Образованность европейскую, отвѣчаютъ полусонные, и не посмотрятъ, что это не болѣе, какъ язычество, язычество вѣтренное, легкомысленное, жадное лишь къ удобствамъ земнымъ и вовсе беззаботное о своей судьбѣ загробной. О! проснитесь, добрые люди!

Врагъ человѣкъ сіе сотвори. Вотъ начальное происхожденіе зла! Вотъ начальный виновникъ грѣховъ! *Врагъ человѣкъ сіе сотвори.* Не Богъ виновникъ зла.—Отъ Него лишь одно добро; Онъ все сдѣлалъ для нашего спасенія.—Если бы кто сталъ искать въ Богѣ хотя бы поводъ къ злу: онъ поступилъ бы противъ доброй совѣсти; онъ говорилъ бы противъ Христа Господа, тогда какъ не только ученіе, но и самое явленіе Богочеловѣка въ мірѣ есть живая улика всякому предположенію о общеніи святости съ зломъ. Хозяинъ поля говоритъ о плевелахъ: не я ихъ сѣялъ, *врагъ человѣкъ сіе сотвори.* Какъ не знать хозяину, что дѣлалъ и чего не дѣлалъ онъ на полѣ? Сынъ Божій говоритъ: *а плевелы суть сынове непріязненніи, а врагъ, всѣявшій ихъ, есть діаволъ* (ст. 38, 39). Какъ не знать Сыну Божію того, что происходитъ въ мірѣ? Онъ—Творецъ міра и Онъ же держитъ все глаголомъ силы своей (Евр. I, 4). Люди не понимаютъ силы діавола,—они выдаютъ его за плодъ воображенія. Но люди не понимаютъ и себя. Иначе долго ли увѣриться, что въ ученіи Сына Божія, Того, кто сшелъ съ неба, чтобы учить только истинѣ, мысль о діаволѣ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ? Діаволъ отличается здѣсь отъ злыхъ людей: онъ—сѣятель плевелъ, а они плевелы; въ немъ начало зла, а они—произведеніе. *Врагъ человѣкъ сіе сотвори.* Есть и въ насъ, наклонность къ злу; еще въ юности она открывается въ насъ: *прилежитъ человѣку помышленіе на злая отъ юности его* (Быт. VIII, 21). Но откуда въ насъ эта наклонность къ злу? Отъ діавола, испортившаго человѣчество въ самомъ корнѣ его. Онъ былъ человѣкоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, потому что истины нѣтъ въ немъ (Іоан. VIII, 44). Онъ не переставалъ и не перестаетъ питать и развивать въ людяхъ наклонность къ злу. Онъ, какъ голодный *левъ, ходитъ, искій кого поглотити* (Петр. V, 8). Не любя истины и добра для себя,

онъ не любитъ ихъ ни въ комъ другомъ и любя ложь и нечестіе въ себѣ онъ сѣетъ ихъ между людьми, на ихъ пагубу. Онъ—врагъ Бога и всего Божіяго.

Спаситель оправдываетъ не только Творца міра, но и промыслителя о мірѣ въ отношеніи къ злу.

Раби же рѣша ему: хощеши ли убо, да шедше исплевемъ я (плевелы)*? Онъ же рече: ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно и пшеницу. Оставите убо расти обое купно до жатвы* (Ст. 29, 30).

Тяжело вѣрнымъ рабамъ смотрѣть на то, что вмѣстѣ съ вѣрными чтителями имени Божія живутъ безопасно нечестивцы и тѣснятъ ихъ. Какъ благоговѣйные рабы, они благоговѣйно спрашиваютъ воли Божіей о нечестивыхъ и—Господь открываетъ имъ свою волю.

Чего же хочетъ Господь въ отношеніи къ нечестивымъ? Не хочетъ ли Онъ того, чтобы мы равнодушно смотрѣли на зло, на грѣхи и нечестія? О! нѣтъ! Онъ благоугодно выслушиваетъ рабовъ своихъ, когда съ скорбію говорятъ они о плевелахъ и называютъ ихъ своимъ именемъ. Онъ гнѣвается на то, когда принимаемъ мы черное какъ бѣлое и бѣлое наравнѣ съ чернымъ (Исаія. V, 20). Не осуждается ли имъ строгость гражданскихъ властей, наказывающая злодѣевъ или отражающая мечемъ мечъ безсовѣстнаго сосѣда? И того нѣтъ: Господь говоритъ съ служителями церкви своей и учитъ тому, чему должно и чему не должно быть на духовномъ полѣ Его, а не въ гражданскомъ обществѣ.

Въ чемъ же состоитъ воля Его?

Благоговѣйные рабы спрашиваютъ Господа: нѣтъ ли воли Его на то, чтобы нечестивые истреблены ими, какъ истребляютъ сорную траву на полѣ? И Господь отвѣчаетъ: нѣтъ! Точно также двое учениковъ Его, огорченные жестокостію самарянъ, предлагали Ему: *хощеши ли, речемъ, да огнь снидетъ съ небесе и потребитъ ихъ?* И Господь запретилъ имъ (Лук. IX, 54. 55). Итакъ, вотъ въ чемъ воля Его! Нѣтъ, сказано рѣшительно и ясно на вопросъ объ истребленіи грѣшниковъ съ земли. Духовное—поле—не то, что обыкновенное поле, на которомъ вырываютъ траву сорную. Рабы не засѣвали этого поля, не видали того, какъ посѣялъ на немъ плевелы врагъ Божій. Не имъ и рѣшать послѣднюю участь духовныхъ плевеловъ; это дѣло хозяина. *Оставите расти обое купно до жатвы.* Господу угодно, чтобы и добрые и худые оставались на землѣ до послѣдней развязки всему.

Да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно и пшеницу. Господь такъ добръ къ рабамъ Своимъ, что объясняетъ имъ почему они не могутъ полоть духовнаго поля, и почему угодно

Ему оставить вмѣстѣ съ пшеницею и плевелы до жатвы? Вѣрные рабы, рабы умные, хорошо отличаютъ на полѣ созрѣвшую пшеницу отъ созрѣвшихъ плевеловъ. Но пока поле покрыто только зеленью, и они могутъ принять пшеницу за плевелы и вырвать растенія добрыя.—Что значитъ земная жизнь подвижниковъ благочестія? Борьба съ грѣхомъ и борьба до гроба, совершенство же ихъ на небѣ. Мало ли бываетъ между ними такихъ, которые въ теченіи жизни переходятъ по духу изъ зрѣлости въ дѣтство и изъ дѣтства въ зрѣлость, или же среди пути испытываютъ паденія? Мы, пожалуй, и ихъ примемъ за плевелы.—Между тѣмъ искушенія міра дѣла лукавыхъ людей, ихъ злоба и лесть, только очищаютъ душу, только помогаютъ ей яснѣе и яснѣе видѣть свои немощи, глубже и глубже чувствовать виновность свою и мало по малу ослаблять въ себѣ силы грѣха. Золото очищается огнемъ отъ примѣси. Смѣшеніе людей добрыхъ и худыхъ въ мірѣ доставляетъ первымъ тысячи случаевъ, усовершаться въ добрѣ, пріобрѣтать терпѣніе, кротость, смиреніе, незлобіе, любовь. Какъ дозволить рабамъ полоть плевелы? Корни плевеловъ такъ переплетены въ землѣ съ корнями пшеницы, что и самые усердные рабы, выдергивая плевелы, ненамѣренно испортили бы много дорогихъ растеній. Жизнь праведныхъ на землѣ тѣсно связана съ жизнію людей грѣшныхъ, и узами родства, и сходствомъ расположеній души и обстоятельствами внѣшними, такъ что и легкое потрясеніе въ участи однихъ не обходится безъ потрясенія въ жизни другихъ.—Съ другой стороны Богъ благъ и къ худымъ. Онъ не хочетъ смерти грѣшниковъ, а желаетъ, чтобы уразумѣли они истину и спаслись (Кор. XI, 19). Теплотою благости своей, живительными лучами любви своей Онъ желаетъ размягчить ожестѣвшія сердца ихъ и возбудить въ нихъ жизнь новую (Рим. II, 2—6). Онъ поставляетъ въ виду ихъ примѣры благочестія въ своихъ избранныхъ, какъ улику ихъ лѣности, какъ уроки ихъ невѣжеству, какъ обличеніе ихъ худой жизни. И одинъ ли Савлъ сдѣлался Павломъ? Какъ много беззаботныхъ язычниковъ обратилось въ пламенныхъ исповѣдниковъ вѣры при взглядѣ на самоотверженіе и твердость мучениковъ! Хвала и слава Тебѣ, дивный промыслитель нашъ! Малое, какъ и великое растеніе, слабый, какъ и сильный, чтитель добродѣтели—на твоемъ попеченіи. Ты столько же благъ, сколько и мудръ. Кто, кромѣ Тебя знатъ можетъ, когда настанетъ пора великой жатвы Твоей? Кому, кромѣ Тебя можетъ быть извѣстнымъ, когда созрѣютъ всѣ предназначенные для блаженства рабы Твои и исполнится мѣра беззаконій людскихъ. О! любовь вѣчная! дай намъ силу и ревность, быть хотя слабыми пшеничными растеніями, только бы не оказаться плевелами.

И во время жатвы реку жателемъ: соберите первѣе плевелы и свяжите ихъ въ снопы, яко сожещи я, а пшеницу соберите въ житницу (ст. 30). *А жатва кончина вѣка есть, а жатели ангели суть* (ст. 39).

Нельзя быть всегда плевеламъ вмѣстѣ съ пшеницею. Хозяинъ поля разборчивъ и правдивъ. Настанетъ кончина вѣка и—правда Божія откроется во всемъ ея величіи.

Чего не поручилъ Господь земнымъ рабамъ своимъ, то поручитъ Онъ Ангеламъ. Пусть не мечтаютъ, что ангелы—мечта. Это—дѣйствительность грозная, какъ дѣйствительны земные слуги Господа; знающимъ міръ духовный они извѣстны въ видѣ духовъ вѣдѣнія высокаго и сильнаго могущества. Ангелы, по волѣ Господа, *соберутъ отъ царствія Его вся соблазны и творящія беззаконіе* (ст. 41), соберутъ нечестивцевъ со всей вселенной и не ошибутся ни въ комъ, соберутъ соблазнителей и соблазненныхъ, учениковъ и учителей нечестія и—какъ страшно будетъ тамъ видѣть другъ друга! Какъ страшно будутъ они мучить одни другихъ упреками и проклятіями! *Свяжите ихъ въ снопы*: грѣшниковъ раздѣлятъ на ряды, соединятъ гордыхъ съ гордыми, рабовъ гнусной плоти съ подобными имъ, на муки обманутыхъ надеждъ, умножаемыя очевидностію ихъ. И не озаритъ нечестивыхъ ни одинъ лучь небесной надежды: небо скроется отъ нихъ. Но не въ томъ одномъ мука нечестивымъ. *Плевелы сожещи: нечестивые ввержени будутъ въ пещь огненну* (ст. 24). Тамъ и здѣсь—огонь. И конечно огонь геенны не будетъ тоже, что огонь питаемый плевелами: но будетъ огонь и огонь тѣмъ болѣе страшный, тѣмъ болѣе жгучій, что не будетъ огнемъ нынѣшняго міра. *Ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.* Какое страшное изображеніе! Внутри холодъ, а совнѣ огонь; внутри отчаяніе и ужасъ, а совнѣ жгучій пламень. Страшно *впасть въ руки Бога живаго* (Евр. X, 31), такъ страшно, что на нынѣшнемъ языкѣ и изобразить того нельзя. Вы, которые творите жизнію соблазны, не думая о вѣчности! Одумайтесь, осмотритесь, какъ не долго стоять вамъ плевелами среди пшеницы. Кругомъ васъ ходитъ жнецъ и жнетъ старца и цвѣтущаго юношу, сильнаго мужа и слабаго младенца. Дойдетъ онъ и до васъ. И гдѣ вы окажетесь? Творящіе беззаконіе *ввержени будутъ въ пещь огненну.* О! кайтесь, пока есть время для покаянія; исправляйте жизнь, пока есть средства для исправленія.

Тогда праведницы просвѣтятся яко солнце, въ царствіи Отца ихъ (ст. 43). Подвижники правды и благочестія! тяжела жизнь ваша на землѣ, жизнь, чернимая клеветою и поношеніями: но тамъ озаритъ васъ слава, какъ свѣтъ солнечный; тамъ ждетъ васъ блаженство, котораго здѣсь и понять нельзя.

Имѣяй уши слышати да слышитъ, сказалъ въ заключеніе Господь, давая знать, что слишкомъ твердо надобно помнить притчу Его о плевелахъ.

О! лики небесныхъ духовъ—исполнители будущей грозной воли Всевышняго! Теперь еще время благости; помолитесь за насъ, да ниспошлется намъ сила употребить во благо время благости, къ славѣ Тріединаго Бога. Аминь.

1855 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ.

ВЪ НИКОЛАЕВСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Къ одному старцу, опытному въ жизни духовной, многіе приходили съ желаніемъ получить отъ него полезное для души. Каждый спрашивалъ старца, о чемъ считалъ нужнымъ спросить по душѣ. И каждому отвѣчалъ добрый старецъ, никому не отказывалъ въ отвѣтѣ. Но одинъ изъ посѣтителей ни разу ни о чемъ не спрашивалъ его, а былъ усерднымъ посѣтителемъ его. Старецъ наконецъ спросилъ не похожаго на другихъ посѣтителя: что это значитъ, сынъ мой, что ты ни о чемъ не спрашиваешь меня, а ходишь ко мнѣ? Для меня довольно, отче, сказалъ молодой человѣкъ, что я смотрю на тебя.

Вотъ мы, братія и сестры, теперь у святителя Николая. Не отвергаю возможности того, что иной, если спроситъ о чемъ либо, святитель Николай подастъ и отвѣтъ на вопросъ: вѣра и молитва усердная все могутъ получать. Но—еще легче для насъ слабыхъ, по примѣру кроткаго юноши, учиться добру изъ жизни святителя. Святый ликъ святителя предъ нами. О чемъ говоритъ намъ сей ликъ небесный? Чѣмъ ярче всего сіяетъ жизнь святителя? „Насъ дѣля явился еси чудотворецъ предивный и милостивый“, поемъ мы ему. Такъ ликъ его небесный—небесная любовь готовая на помощь каждому. Вотъ о чемъ говоритъ онъ намъ безъ словъ!

Подлинно святитель и на небѣ—въ трудахъ для земныхъ братій и сестеръ. Зовутъ его на морѣ? Онъ тамъ является съ помощью. Молитъ его притѣсненный судомъ? Онъ и къ нему спѣшитъ. Плачетъ горькая бѣдность о безпомощной своей долѣ? Онъ и бѣдность надѣляетъ нужнымъ. Гдѣ не является онъ, призываемый на помощь?

На землѣ онъ былъ охранителемъ чистоты тѣснимой нуждами. И на небѣ онъ—дивный любовію къ нуждающимся.

Пусть же и для насъ любовь къ другимъ будетъ дѣломъ святымъ, на сколько можемъ по немощи вмѣщать дѣло святое.

Любовь къ другимъ—какое это высокое чувство! какое это дивное совершенство для того, кто имѣетъ его! Самъ Богъ называется любовію. *Богъ любы есть,* говоритъ апостолъ Іоаннъ (I Іоан. IV, 16). Какъ же много значитъ для человѣка, когда онъ украшаетъ душу отличіемъ самаго Бога! *Пребываяй въ любви въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (I Іоан. IV, 16), говоритъ еще апостолъ. Чего больше желать человѣку, когда Богъ обитаетъ въ немъ? А любовь къ другимъ низводитъ Бога въ сердце. О! прости намъ, Отецъ небесный, слѣпоту нашу! мы такъ мало цѣнимъ любовь небесную. Мы оскорбляемъ Тебя, оскорбляя въ себѣ любовь къ братьямъ и сестрамъ. Ты возносишь насъ съ земли на небо. Ты приближаешь насъ къ Тебѣ, который весь любовь, Ты жаждешь для насъ высшаго совершенства, желаешь имъ самаго высшаго счастія, требуя отъ насъ любви ко всѣмъ; а мы куда идемъ, въ слѣпотѣ своей? Спѣшимъ съ земли къ духу злобы, къ тому, кто самъ мука себѣ и всему близкому къ нему. Какое жалкое ослѣпленіе!

Сія заповѣдаю вамъ, говоритъ Сынъ Божій, *да любите другъ друга* (Іоан. XV, 17). Вотъ и еще голосъ Божества, призывающій насъ къ любви! и какой сильный, какой убѣждающій голосъ! Голосъ не воли Всемощнаго, а голосъ любви безпредѣльной. Сынъ Божій желаетъ, Сынъ Божій даетъ завѣщаніе намъ, какъ дѣтямъ своимъ, чтобы любили мы другъ друга. *О семъ разумѣютъ вси, яко ученицы мои есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35), говоритъ Онъ въ объясненіе своей воли. Любовь взаимная столько пріятна Ему, столько высока въ очахъ Его, что по ней только, а не по знаменіямъ и чудесамъ, и могутъ отличать въ насъ учениковъ Его. Ужели же можно не желать быть учениками Сына Божія? Или и голосъ любви Божественной, призывающій къ любви, можетъ не дѣйствовать на душу нашу? И ученики Христовы повторяютъ намъ туже волю Господа. *Прежде же всѣхъ другъ ко другу любовь прилѣжну имѣйте,* говоритъ намъ ап. Петръ (Петр. IV, 8). *Не яко заповѣдь пишу тебѣ нову,* пишетъ св. Іоаннъ къ избранной госпожѣ, *но юже имамы исперва, да любимъ другъ друга* (2 Іоан. ст. 5), ту заповѣдь предлагаю, которая современна евангелію Господа нашего. Ап. Іаковъ называетъ любовь къ ближнимъ заповѣдью *царскою, совершеніемъ закона* (Іак. II, 8).

Братія и сестры! Ститаете ли вы необходимостію любить Бога? О! это—дѣло самое святое, скажете вы. Но—не станемъ обманы-

вать себя: не любя другъ друга не можемъ мы быть съ любовію къ Богу. Давно сказалъ намъ посланникъ Божій: *аще речетъ кто, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложъ есть* (1 Іоан. IV, 20). Это вѣрно, какъ вѣренъ самъ Богъ. Если не въ состояніи мы преодолѣть въ себѣ самолюбія оскорбленнаго, чтобы не преслѣдовать злобою близкій къ намъ и малый образъ Божій: какъ можемъ мы столько расшириться въ любви, чтобы свято любить Того безпредѣльнаго, чей образъ напечатлѣнъ на братѣ нашемъ? *Любяй рождшаго любитъ и рожденнаго отъ Него* (1 Іоан. V, 1). Всѣ люди—дѣти Божіи по созданію и еще болѣе по возрожденію во Христѣ Іисусѣ. Кто любитъ отца, тому милы и дѣти его. И кто пренебрегаетъ дѣтьми, кто злится на дѣтей, въ томъ конечно нѣтъ ни любви, ни уваженія къ отцу. Это такъ просто, такъ естественно. Оскорблять того, кого такъ любитъ Богъ, оскорблять ближнихъ, за кого, какъ и за меня распялся Сынъ Божій, кому, какъ и мнѣ предоставлены высокіе дары благодати,—не значитъ ли оскорбить самаго Бога?

Что ми множество жертвъ вашихъ? глаголетъ Господь. Ниже приходите явитися Мнѣ. И аще принесете Ми семидалъ, всуе; кадило—мерзость Ми. Поста и праздниковъ и новомѣсячій вашихъ ненавидитъ душа моя. Аще умножите моленіе, не услышу васъ. (Исаія. I, 11—14). Что это значитъ? За что такой гнѣвъ Божій? Отчего такъ отвергаетъ Богъ и самое служеніе Ему, которое установилъ чрезъ раба своего Моисея? *Научитеся*, продолжаетъ Господь, *добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру и оправдайте вдовицу* (Исаія. I, 16. 17). Итакъ вотъ за что гнѣвъ Божій! вотъ, за что отвергаетъ Господь и приношенія, и молитвы, и посты! За неправды противъ ближняго, за холодность, за жестокость, за злость противъ брата и сестры. Убойтесь же други мои, оскорблять въ себѣ чѣмъ либо любовь къ ближнему, чтобы иначе дѣла любви вашей къ Богу не были отвергнуты съ негодованіемъ.

Желали бы, говорятъ, быть вѣрными заповѣди о любви: но у насъ такъ мало способовъ выполнять ее. У меня нѣтъ здоровья и для себя, говоритъ одинъ, какъ могу служить другому? У меня нѣтъ денегъ, говоритъ другой, что подамъ я бѣдному? Я такой малый человѣкъ, говоритъ третій, чѣмъ могу я быть полезнымъ для другихъ?

Но слова ли это душевной искренности? Нѣтъ, иначе онѣ не выставлялись бы въ извиненіе холодности въ любви, а служили бы возбужденіемъ къ дѣламъ любви. Церковь, учитъ апостолъ, есть тоже, что правильный тѣлесный организмъ, гдѣ каждому члену назначено свое дѣло и каждый членъ не обходится безъ услугъ другаго; глазъ дѣлаетъ свое дѣло и служитъ рукѣ и ногѣ; ухо выпол-

няетъ свою службу и полезнымъ оказывается не одной головѣ; каждому персту, каждому составу, каждому нерву, каждой нити крови назначено свое дѣло и каждый приноситъ пользу организму и частямъ его. Безполезнымъ или и вреднымъ бываетъ только омертвѣлое, испортившееся, гнилое.—Такъ если я и ты, слушатель мой, не хотимъ быть безполезными, гнилыми членами церкви Христовой, должны мы трудиться для другихъ, каждый по мѣрѣ силъ и способовъ своихъ. Невозможнаго не требуютъ отъ насъ. Но каждый можетъ и каждый долженъ служить другимъ. Честь ли быть гнилымъ членомъ въ тѣлѣ? Или не страшны намъ слова Каина: *еда стражъ брату моему есмь азъ?* (Быт. IV, 9).

Братія и сестры о Господѣ! если душа живетъ любовію Христовою: какъ много оказывается у нее силъ и способовъ для дѣлъ любви! Каждый поступокъ, каждое занятіе ея, разливаютъ вокругъ себя миръ и покой. Къ старшимъ почтительность, къ равнымъ привѣтъ и услужливость, печальному участіе въ печали. Согрѣшилъ ли другой? Любовь покрываетъ грѣхъ. Злится иной? Не замѣчаетъ того. Упалъ ли кто? Поднимаетъ, сколько можетъ. Ослабѣлъ ли отъ труда? Помогаетъ слабому. Чтобы оградить покой другаго и особенно высшаго, любовь жертвуетъ своимъ покоемъ. Пусть нѣтъ у нее ни здоровья, ни дара слова утѣшающаго: она молится за другаго, а молитва, вы знаете, сильна. Любовь отца, любовь матери говоритъ иногда слово строгое: но въ этомъ словѣ не звучатъ ни гнѣвъ, ни злость; оно мирно и покойно и, исходя изъ сердца любящаго, доходитъ до другаго сердца, какъ елей врачующій.

Что на дѣлѣ сжимаетъ сердце наше для дѣлъ любви? Самолюбіе и его плоды—гордость, своекорыстіе. Какъ я могу служить низшему меня? говоритъ гордость. Какъ я отдамъ другому, что мнѣ самому нужно? говоритъ своекорыстіе; платятъ ли мнѣ какъ должно, за мои услуги? Какъ мнѣ не беречь своего покоя и здоровья и тратить силы для другихъ? говоритъ самолюбіе. Братія и сестры! рѣдко вслухъ другихъ, но точно такъ оправдываемъ или извиняемъ мы себя въ холодности къ другимъ. Хорошо ли это? Нѣтъ, къ чему называть худое добрымъ? Надобно открывать предъ своею совѣстію, худое во всей наготѣ его. Съ такими началами жизни, съ самолюбіемъ и его плодами горькими, не попадемъ мы въ царствіе небесное. Любя такъ слѣпо себя, мы только губимъ себя. *Аще кто хочетъ быти въ васъ первый, да будетъ всѣмъ слуга:* вотъ воля Божія, спасительная для насъ. *Всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется,* сказалъ Господь. Не для себя, а для славы имени Божія, должны мы жить. *О семъ познахомъ любовь, яко Онъ Сынъ Божій по насъ душу Свою положи, и мы должны есмы по*

братіи души полагати. Чадца! возлюбимъ не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Іоан. III, 16. 18). Таково наставленіе апостола о любви! Мы узнали, говоритъ онъ, любовь изъ того, что Онъ—Сынъ Божій положилъ душу Свою за насъ. Посему и мы должны полагать души за братьевъ. Видите, по наставленію апостола, мы не должны жалѣть для другихъ ни силъ ни здоровья; только въ такомъ случаѣ мы будемъ учениками и послѣдователями Сына Божія. Любовь на словахъ, а не на дѣлѣ—обманъ; мы должны дѣлами показывать, что есть въ насъ любовь къ другимъ.

О! будемъ же охранять сердце свое отъ гибельныхъ путей самолюбія, своекорыстнаго и гордаго.

Свѣтитель Божій, сильный любовію къ ближнимъ и сею любовію сильный предъ Господомъ! испроси у Господа елей милости для бѣдныхъ сердецъ нашихъ,—любовь къ ближнимъ, не охлаждаемую дыханіями самолюбія, да радуясь о дѣлахъ любви твоей вкупѣ славимъ Господа любви и жизнію нашею. Аминь.

1856 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ.

Великъ былъ тотъ, кого сама истина нарекла самымъ великимъ изъ рожденныхъ женами.

Съ самаго рожденія и еще до рожденія знаменія небесныя показываютъ въ немъ необыкновеннаго посланника Божія. Каково-то примутъ люди сего чрезвычайнаго вѣстника Божія! Какъ-то воспользуются тѣмъ, что будетъ онъ открывать имъ для ихъ же спасенія! Какъ-то будутъ совершать, что повелитъ онъ имъ совершать, какъ спасительную волю неба! Какъ воспользовались люди проповѣдію крестителя и Предтечи, мы уже знаемъ, слушатели, и что знаемъ, не радуетъ души за людей времени Предтечи. Но не будемъ осуждать тѣхъ людей; обратимся къ себѣ самимъ.

Крещеніе Іоанново было великимъ даромъ Божіимъ для людей. Но несравненно важнѣе то крещеніе, которое установилъ для насъ Христосъ Господь. Крещеніе Іоанново было крещеніемъ покаянія, призывало людей къ сокрушенію о грѣхахъ: но не давало силъ начать и совершить жизнь новую. Крещеніе Христово, какъ кре-

щеніе не одною водою, но и духомъ, совершаетъ въ человѣкѣ духовное возрожденіе, облекаетъ силами, нужными для исполненія благой и совершенной воли Божіей. Крещеніе Іоанново было крещеніемъ въ грядущаго Спасителя міра; потому-то и спасенія, потому-то и благодати полной оставалось еще ожидать. Крещеніе Христово есть крещеніе пришедшаго Спаса міра.

Если же такъ важно крещеніе христіанское: то, безъ сомнѣнія, необходимо и строгое вниманіе къ обязанностямъ, какія возлагаетъ на насъ это крещеніе.

При первой мысли о крещеніи нашемъ легко приходитъ и мнѣ и тебѣ, слушатель, имя, которое носимъ мы со времени крещенія. Какъ крещенные Христовымъ крещеніемъ, мы называемся христіанами. Что-жъ это за имя, запечатлѣвшее насъ? Ужели это только голосъ, которымъ хотятъ отличать себя въ житейскомъ быту? Ужели это слово придумано для нуждъ земной жизни? Нѣтъ, это имя, указывая на совершившееся въ насъ дѣло Христово, указываетъ и на дѣла, которыя обѣщались мы исполнять до гроба. Это имя показываетъ въ насъ не гражданъ земли, а сожителей неба, зоветъ насъ жить не для міра, а для Господа, не для времени, а для вѣчности. Принявъ его въ купѣли крещенія, мы возложили на себя великіе обѣты, важныя обязанности.

Первый обѣтъ, который мною и тобою, слушатель, данъ при святомъ крещеніи, есть обѣтъ чистой вѣры. Крещающійся христіанскимъ крещеніемъ крещается, по слову Господа, во имя Отца и Сына и святаго Духа. Это означаетъ, что крещающійся обязуется быть исповѣдникомъ имени Отца и Сына и святаго Духа; обязуется знать и твердо содержать въ душѣ то великое Имя, которое благоволило открыть Себя въ новомъ откровеніи, вѣрить въ сіе Имя искренно, всею душею и такъ, какъ благоволило Оно явить Себя, а не такъ, какъ захотѣлось бы представлять помысламъ гордаго ума, мечтамъ своевольнаго воображенія. Важна для каждаго эта вѣра. *Иже имѣтъ вѣру и крестится*, сказалъ Господь, *спасенъ будетъ: а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ.* Такъ какъ крещеніе есть дверь въ царство Христово: то церковь, заботливая о спасеніи всѣхъ, не дозволяетъ себѣ допускать, чтобы кто либо остался, не вступивъ въ эту дверь спасенія; она сообщаетъ благодать крещенія дѣтямъ вѣрующихъ при самомъ вступленіи ихъ въ міръ, и тогда же посвящаетъ ихъ вѣрѣ въ тріединаго Бога. Святую же обязанность—поучать крещаемыхъ дѣтей вѣрѣ Христовой возлагаетъ она на воспріемниковъ, на пастырей; болѣе же всего эта обязанность лежитъ на васъ, отцы и матери рожденныхъ вами чадъ! Вашей любви къ дѣтямъ, вашей заботѣ поручаетъ она участь дѣтей вашихъ. Дороги

ли вамъ дѣти ваши? Дорога ли вамъ судьба ихъ временная и вѣчная? Тотъ, Кто благословилъ васъ именемъ родителей, ожидаетъ отъ васъ болѣе, чѣмъ заботы о жизни физической. Строго взыщетъ Онъ съ васъ за нерадѣніе о христіанскомъ образованіи дѣтей вашихъ. Вы заботитесь объ устроеніи временнаго счастія дѣтей вашихъ, печетесь, суетитесь, тревожитесь, какъ бы дѣти ваши не принуждены были вести жизнь бѣдную, безъ денегъ, безъ извѣстности, и стараетесь облечь ихъ блескомъ житейскаго воспитанія. Не осуждаю этой заботы, пока она не выступаетъ изъ своего предѣла. Но заботитесь ли вы, хотя столько же, о томъ, чтобы дѣти ваши знали Христа Господа, чтобы они не были по душѣ язычниками, незнающими Бога и дѣлъ Его для насъ? Нѣжная душа дитяти сама по себѣ такъ легко принимаетъ мысли о святомъ и вѣчномъ, такъ какъ святое составляетъ назначеніе самой жизни нашей, такъ какъ святое дано Святымъ вмѣстѣ съ жизнію, а умножено возрожденіемъ въ купѣли крещенія; оставалось бы воспитывать это дорогое, неоцѣненно-дорогое сѣмя Божіе въ душѣ дитяти. А между тѣмъ спѣшатъ, и какъ еще спѣшатъ, заглушать это сѣмя терніями мірскихъ мыслей, земныхъ дѣлъ. Что-жъ выходитъ изъ души богосозданной, изъ души возрожденной Духомъ святымъ? Земное, ничтожное, созданіе рукъ человѣческихъ.

Но не прежде ли должно спросить васъ, родители, какъ вы успѣваете въ вѣрѣ? Да, быть не можетъ, чтобы родители, чувствующіе достоинство святой вѣры, ея необходимость для времени и вѣчности, были равнодушны къ состоянію вѣры въ дѣтяхъ своихъ. Значитъ, зрѣлые родители походятъ по вѣрѣ на несмысленныхъ дѣтей? Какой стыдъ! Вы, которые еще въ дѣтскомъ возрастѣ посвятились имени Божію и столько лѣтъ прожили, ужели не имѣли времени, ужели не имѣли способовъ для благоговѣйнаго изученія истинъ христіанскихъ? И силы зрѣлы, и времени было много, и способы открыты каждому, чтобы не только узнать, но и принять сердцемъ Христово ученіе. Для кого изъ васъ затворены двери храмовъ Божіихъ, гдѣ каждый день возвѣщается вѣра то въ простыхъ, сладкихъ пѣсняхъ, то въ поученіяхъ отцевъ и учителей церкви, то въ самомъ богодохновенномъ писаніи? Обыкновенно ссылаются на занятія свои, на дѣла земной жизни, чтобы извинить себя въ невѣдѣніи высокихъ предметовъ вѣры. Ахъ! если бы не отступили сердцемъ отъ Христа, подобныя отговорки не пришли бы и на мысль. Кромѣ того, что всему—свое время, для размышленія о вѣрѣ всегда готово время. Что мѣшаетъ носить имя Божіе въ умѣ и сердцѣ, чѣмъ бы ни заняты были руки? Мѣшать только можетъ страсть къ землѣ. Говорятъ, что изучать истины вѣры—дѣло учителей вѣры,

а не людей простыхъ. Но позволь, любезный, спросить тебя: христіанинъ ли ты? Если ты—христіанинъ: какъ же ты слагаешь съ себя обязанность знать Христа? Если ты христіанинъ: какъ же не хочешь знать Того, Кого знать обязался клятвою при купѣли крещенія? Гдѣ твои клятвы? Гдѣ твои обѣты? Если ты не хочешь даже знать Христа; какихъ дѣлъ остается ожидать отъ тебя? Служитель слова обязанъ знать, но для чего? Чтобы разрѣшать твои вопросы. А ты и не думаешь о чемъ либо спрашивать, ты и не считаешь нужнымъ касаться того, о чемъ бы онъ хотѣлъ говорить. О! вспомни грозныя слова Господа: *иже не иметъ вѣры осужденъ будетъ.*

Или не вѣсте, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся? въ смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ (Рим. VI, 3. 4). Апостолъ считаетъ извѣстнымъ для христіанъ своего времени, что христіанское крещеніе то же, что погребеніе себя со Христомъ. *Или не вѣсте?* А знаютъ ли это христіане нашего времени? Тотъ, кто крестился во Христа—начальника вѣры, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ погружался въ водѣ крещенія, вмѣстѣ съ умершимъ Христомъ своимъ погребался въ водѣ, какъ мертвый, и потомъ вмѣстѣ съ воскресшимъ Христомъ возвратился къ жизни, чтобы жить новою жизнію. Что-жъ это за жизнь, съ которою разстался онъ? Это жизнь ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотяхъ грѣха; это жизнь гордаго и своенравнаго самолюбія; это жизнь роскошной и сластолюбивой плоти; это жизнь темныхъ страстей. Потому-то, предъ погруженіемъ въ купѣль крещенія, отрекаемся мы отъ сатаны и всей гордыни его и всего служенія его. Ничего нѣтъ ужаснѣе грѣха; плодъ его—смерть вѣчная, погибель, предъ которой ничего не значатъ всѣ временныя бѣдствія. Какъ не желать не жить для грѣха? Возраждающая купѣль крещенія ослабляетъ живущій въ насъ грѣхъ и облекаетъ силами для исполненія святой воли Божіей. И благодарность къ благодати, возраждающей для неба, и ужасъ грѣха, готовящаго смертъ вѣчную, заставляютъ дать обѣтъ быть мертвецомъ для грѣха и живымъ для единаго Господа. Итакъ, вотъ и еще значеніе имени христіанина, принимаемаго при купѣли крещенія!

Помнимъ ли мы, братія, этотъ обѣтъ? Исполняемъ ли его благоговѣйно и вѣрно? Мы живемъ въ забывчивости часто такъ, какъ бы не были христіане. Какими слезами мы оплачемъ несчастное положеніе наше? Мы клятвопреступники. И предъ кѣмъ? И въ чемъ? Если бы помнили мы, слабые христіане, обѣтъ крещенія: онъ былъ бы вѣрнымъ стражемъ сердца нашего въ борьбѣ съ прелестями грѣ-

ха, онъ много помогъ бы намъ въ дѣлѣ побѣды надъ слабостями нашими! Искушаетъ ли кого нечистая плоть? Пусть вспомнитъ, что онъ мертвецъ для грѣха, что похоти плоти—скверна для христіанской ризы его. Обольщаетъ ли тебя блескъ золота, великолѣпіе богатства? Скажи себѣ: мертвецу не нужны деньги, а нужное готово для него. Тѣснятъ ли тебя бѣдствія земной, страннической жизни? Вспомни, что міръ по крещенію для тебя чужой; а чужой можетъ ли любить не свое? Вспомни, что по крещенію ты наслѣдникъ Божій; не будь же малодушенъ предъ міромъ тлѣющимъ. Послѣ того, что получили мы въ купѣли крещенія, послѣ того, что каждый день получаемъ мы отъ Христа Господа, стоитъ ли что нибудь нашего вниманія? Люди страшны? По крещенію всесильный Отецъ съ нами. Друзья не вѣрны? Вѣренъ Господь Іисусъ—Онъ ни на минуту не оставляетъ насъ. Грѣхъ силенъ? Помолись Господу, и благодать Его укрѣпитъ тебя. Выходя изъ купѣли крещенія, вступили мы въ союзъ съ небомъ, въ общеніе со святыми, съ сонмами ангеловъ. Они готовы помогать намъ, какъ братьямъ своимъ, въ борьбѣ ли съ бѣдами житейскими, въ борьбѣ ли съ нашими страстями. О! сколько помощниковъ намъ! сколько защиты противъ опасностей, какихъ бы-то ни было! Заснувшая въ грѣхахъ душа христіанская! Опомнись, къ чему ты приготовила себя. Ты попираешь даръ благодати крещенія: какой судъ навлекаешь ты на себя! Ты прелагаешь благодать Божію въ скверну, увлекаемая страстями грѣха: геенна ждетъ тебя! Что-жъ дѣлать? говоришь ты. Каяться: каяться никогда не поздно, пока мы не въ гробу. Начни снова, что сдѣлано было въ крещеніи, дай твердый обѣтъ быть мертвецомъ для грѣха. Одна побѣда надъ собою облегчитъ для тебя другую,—рѣшимость воли привлечетъ на тебя обиліе благодати, благодать будетъ укрѣплять слабую волю, возрастая по мѣрѣ вѣрности твоей къ ней. Дѣло Христово не легко: но повѣрь, оно соединено съ такими утѣшеніями, которыхъ не дастъ тебѣ ни міръ роскошный, ни плоть нечистая. Ободрись: съ нами Богъ—Отецъ всякія утѣхи и милости.

Великій крестителю Іоанне! Ты другъ жениха Христа Господа. Помолись о насъ къ любящему тебя Господу, да подастъ Онъ намъ силы оживлять въ сердцѣ и исполнять на дѣлѣ святые обѣты крещенія нашего, во славу Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

1848 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Молю вы братіе, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовію духа, сопоспѣшествуйте ми въ молитвахъ о мнѣ къ Богу, да избавлюся отъ противляющихся во Іудеи.

(Рим. XV, 30. 31).

Такъ писалъ ублажаемый нынѣ апостолъ Павелъ христіанамъ римскимъ.

Что-жъ это значитъ? Ужели апостолъ имѣлъ нужду въ молитвахъ чужихъ? Ужели онъ, сосудъ благодати, ожидалъ помощи молитвенной отъ людей? Ужели считалъ онъ не лишнимъ ходатайство за него другихъ? Ужели не видѣлъ онъ ничего несообразнаго съ духомъ христіанскимъ въ томъ, что, по его примѣру, будутъ молить его самаго о ходатайствѣ за другихъ? Братія, мы собрались въ храмъ сей вознесть молитвы къ святымъ апостоламъ о помощи за насъ грѣшныхъ. Не остановили бы и насъ вопросомъ: христіанское ли дѣло творите вы?

Соединимъ же съ размышленіемъ о молитвѣ апостола размышленіе о нашихъ молитвахъ ко святымъ,

Молю вы, братіе, сопоспѣшествуйте ми въ молитвахъ о мнѣ къ Богу. Апостолъ проситъ, апостолъ молитъ, чтобы молились за него. Откуда такое расположеніе въ апостолѣ? Чтобы понять апостола, возьмемъ другія слова его о себѣ самомъ. *Окаяненъ азъ человѣкъ,* восклицаетъ онъ, *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего?* (Рим. VII, 24). Такъ сознавалъ онъ въ себѣ немощь плоти, безсиліе природы человѣческой для добра, и не надѣялся избавиться отъ немощей прежде гроба. Въ чувствѣ сей-то немощи, въ сознаніи сей-то слабости молился онъ за себя, молилъ и другихъ молиться за него. Онъ былъ исполненъ дарами благодати! но сіи дары всегда оставались дарами Божіими, собственностію чужою, а не его самаго; они оставались во власти Того, Кто даровалъ ихъ,—Духа утѣшителя; Тотъ могъ уменьшить или увеличить ихъ, удержать или усилить ихъ дѣйствіе. Да, братія, на какой бы степени духовнаго совершенства ни стоялъ кто, сознаніе немощей неизбѣжно, чувство нужды въ помощи необходимо для каждаго; паденія наши съ того и начинаются, что мы не видимъ грѣховъ своихъ, не видимъ ранъ и болѣзней своихъ; не видя ихъ, мы не просимъ помощи,—не прося помощи, слабѣемъ часъ отъ часу болѣе и доходимъ до изнеможенія, до глубины грѣха.

Вотъ основаніе молитвамъ нашимъ ко святымъ, основаніе въ самой глубинѣ христіанскаго духа! Безъ сознанія немощей христіанинъ—не христіанинъ; а сознавая немощи, онъ обращается за помощію къ другимъ, тѣмъ болѣе къ святымъ. Странны люди съ своими мнѣніями! Въ иное время они рѣзко говорятъ о человѣческой немощи, говорятъ даже, что человѣкъ не способенъ ни къ чему доброму. А въ другомъ случаѣ они же проповѣдуютъ совсѣмъ другое, считаютъ себя въ силахъ возноситься прямо къ Богу, оскорбляются, какъ униженіемъ, когда предлагаютъ намъ искать помощи гдѣ нибудь ближе, просить пособія у братій, богатыхъ дарами благодати Божіей. Согласитесь, что тутъ—или сознаніе въ немощахъ не искренно, или отреченіе отъ молитвъ ко святымъ неумѣстно. Если бѣденъ я, если чувствую бѣдность мою: не естественно ли мнѣ искать помощи, гдѣ только можно получить помощь? И на-оборотъ, если я, покрытый рубищами бѣдности, упорно отказываюсь искать помощи: не значитъ ли это, что я упорно гордъ? Да, иначе нельзя мнѣ думать о себѣ; иначе думать значитъ только обманывать себя въ угоду тайной гордости. Апостолъ не тому учитъ насъ своимъ примѣромъ. Апостолъ проситъ, апостолъ молитъ даже земныхъ странниковъ, далеко болѣе слабыхъ, чѣмъ онъ самъ, молиться за него. Вотъ духъ апостольскій! Вотъ сознаніе искреннее своихъ немощей! Восходившій до третьяго неба просилъ о молитвѣ за него тѣхъ, которые жили еще въ борьбѣ со грѣхомъ, сражались съ немощами плоти. Какъ же не считаютъ иные за гордость—не преклонять колѣнъ предъ святыми Божіими, прославленными не небѣ и на землѣ?

Святая правда, что Христосъ Іисусъ есть истинный и единственный ходатай нашъ. Но эта вѣра не только не мѣшаетъ мнѣ молиться святымъ,—напротивъ требуетъ, чтобы молился я возлюбленнымъ Божіимъ. Почему? Такъ поступалъ апостолъ. Кто чаще прочихъ, кто сильнѣе прочихъ проповѣдывалъ о вѣрѣ во Іисуса—ходатая передъ Богомъ? Павелъ. И тотъ же Павелъ апостолъ умоляетъ о томъ, чтобы молились за него другіе. Пусть, если могутъ, осудятъ апостола за несообразность съ самимъ собою. Тогда охотно поставлю себя въ числѣ осужденныхъ. Посмотримъ ближе на предметъ. Осуждаетъ ли кто себя за то, что молится за себя? Какъ можно, говорите, осуждать за дѣло евангельское? Справедливо, какъ нельзя болѣе. Но прошу еще отвѣта: что дѣлаютъ, когда молятся за себя самихъ? Не ходатайствуютъ ли за себя передъ Богомъ? Вы просите прощенія грѣховъ, молите о помощи въ бѣдѣ житейской, изливаете молитву объ утѣшеніи въ скорби: не то ли же это значитъ, что вы ходатайствуете за себя передъ Богомъ, поставляете между бѣдностію своею и Божіею благодатію посредникомъ молитву вашу? Да, это

такъ, скажете вы. Если же такъ: то почему надежды на свое ходатайство не считаютъ грѣхомъ, а надежду на ходатайство святыхъ признаютъ за грѣхъ? Отчего ходатайство ко святымъ означаетъ оскорбленіе ходатайству Христову, а довѣріе къ себѣ, къ своей молитвѣ не есть оскорбленіе ходатаю Христу? Какъ угодно, но тутъ есть невѣрность себѣ самимъ, тутъ есть противорѣчіе своей совѣсти, хотя и не хотятъ понять того, или точнѣе, не хотятъ сознаться въ томъ. Вы молитесь, вы ходатайствуете за себя потому самому, что уповаете на силу ходатайства Христова,—вѣрите, что безъ ходатайства Христова не услышана была бы молитва ваша, какъ молитва грѣшниковъ; вы молитесь для того самаго, чтобы въ молитвѣ принять дары милости Божіей, отверзстой заслугами Христовыми. Значитъ, молитва ваша о себѣ самихъ не униженіе, а хвала ходатайству Христову. Почему же молитва святыхъ Божіихъ не имѣетъ той же силы? почему она служитъ не къ славѣ, а къ оскорбленію единаго ходатая Христа? Ужели можно думать, что святые Божіи хуже насъ понимаютъ и цѣнятъ силу ходатая Іисуса? Можно ли думать, что, тогда какъ надежда на свою молитву не оскорбляетъ славы ходатайства Христова, надежда на ходатайство святыхъ менѣе можетъ быть благоговѣйною къ Тому же ходатаю? Святые Божіи цѣлою жизнію проповѣдуютъ мнѣ о сладчайшемъ Іисусѣ; вся жизнь ихъ была въ Іисусѣ; они жили и живутъ только Іисусомъ. Итакъ, первый молитвенный вздохъ мой къ Святому есть вздохъ къ Господу Іисусу, славному во Святыхъ Своихъ. Молю верховныхъ апостоловъ, какъ проповѣдниковъ благодати Іисусовой. Молю преподобныхъ, молю святителей, молю мучениковъ, какъ жившихъ, такъ и живыхъ для Христа Іисуса и Христомъ Іисусомъ. Молитва моя ко святымъ есть исповѣдь въ немощахъ моихъ, и хвала единому Ходатаю Бога и человѣковъ. Нѣтъ, скорѣе тогда, какъ полагаются на свою молитву, могутъ доходить до самообольщенія, до забывчивости о единомъ Спасителѣ, чѣмъ тогда какъ, не надѣясь на себя самихъ, обращаются къ молитвѣ святыхъ.

Но для чего не обращаться съ молитвою прямо къ Богу или Господу Іисусу? Для чего нужно обращаться къ посредству святыхъ? Если чистый лучъ свѣта пропускаютъ сквозь зеленое или окрашенное стекло: онъ не доходитъ до насъ свѣтлымъ,—онъ кажется намъ зеленымъ или окрашеннымъ; но ни вѣра моя въ свѣтлость свѣта не уменьшается, ни свойство свѣта не измѣняется оттого, что нечистое стекло кажетъ его мнѣ нечистымъ: возьмите чистое стекло и до глаза вашего дойдетъ чистый свѣтъ. Такъ точно, если хотите, чтобы небесный лучъ благости Божіей дошелъ до васъ во всей его свѣтлости: пусть проходитъ онъ сквозь чистыя мольбы

святыхъ; а моя и твоя молитва, возлюбленный братъ, легко быть можетъ, покажетъ намъ его совсѣмъ въ другомъ видѣ,—оттого, что она не чиста. Вотъ почему столько чудесъ благодати Божіей испытываютъ на себѣ по молитвамъ святыхъ Божіихъ! Молитва ко святымъ соединяетъ нашу душу съ чистыми проводниками благодати Божіей, и черезъ нихъ низводитъ на душу лучи свѣта благодатнаго. Грѣхи мои удаляютъ меня отъ Бога моего, служатъ преградою между моими ранами и Его благостію. Братія мои о Христѣ близки къ Господу; чистыя души ихъ съ Нимъ и въ Немъ живутъ. Что мнѣ остается, чтобы душа моя грѣшная не оставалась лишенною благодатнаго свѣта, чтобы не потеряла наконецъ и самаго вкуса духовнаго къ сладостямъ неба? Остается средство вѣрное—обратиться къ святымъ Божіимъ, да милость Его къ нимъ станетъ между Богомъ и мною, и черезъ нихъ изліетъ елей свой на израненную грѣхами душу мою.

„Станетъ ли дитя, любящее отца, обращаться къ посредничеству лица сторонняго съ просьбою о заступленіи предъ отцомъ“? О! безъ сомнѣнія, станетъ, если оно доброе дитя, и провинится. Если же не станетъ: то тѣмъ самымъ покажетъ, что оно дитя не доброе, дитя упорное, на которое мало надеждъ въ будущемъ. Обращаясь ко святымъ, мы выражаемъ недовѣріе не къ Богу, а къ себѣ самимъ, свои грѣхи признаемъ препятствіемъ къ общенію нашему съ Богомъ и Бога съ нами. Можетъ ли такое расположеніе души оскорблять Бога? Напротивъ, если что не угодно Господу, если что можетъ оскорблять Его: то всего болѣе дерзкая гордость. Если бы молитва ко святымъ была несовмѣстна съ благостію Божіею: то и молитва къ Богу была бы тѣмъ же, и она также была бы недовѣріемъ къ милосердію Божію.

Не скажутъ ли: „апостолъ молиться за него просилъ римскихъ христіанъ, которые жили на землѣ; а другое дѣло—молиться ко святымъ“? Что это значитъ? Не то ли, что сомнѣваются молить Святыхъ потому,—что сомнѣваются въ безмертіи душъ? Сомнѣніе въ безмертіи души точно можетъ остановить руку, готовую на молитву ко святымъ. Иначе, такъ какъ у Бога нѣтъ мертвыхъ, а всѣ живы: то апостолъ, молящій земную братію за себя, то же для меня, какъ бы молилъ онъ о молитвѣ за себя отшедшихъ отселѣ.

Говорятъ: „вѣримъ въ безсмертіе душъ: но знаютъ ли святые на небѣ о нашихъ земныхъ молитвахъ къ нимъ“? О! пусть не тревожатся ни за знаніе Святыхъ о землѣ, ни за любовь ихъ къ намъ—земнымъ странникамъ. Во Христѣ Іисусѣ соединены небо и земля союзомъ самымъ тѣснымъ. Во Христѣ Іисусѣ земные странники суть сожители святымъ, сущимъ на небѣ, сограждане Іерусалиму небес-

ному, церкви, торжествующій въ славѣ Божіей, и тьмамъ ангеловъ Божіихъ. Такъ сказано намъ въ откровеніи Божіемъ (Еф. II, 19. Евр. XII, 22. 23). А, при такой близости небожителей къ странникамъ земли, какъ не слышать первымъ молитвеннаго гласа послѣднихъ? Святые Божіи и на землѣ столько были прозорливы, что прозирали въ тайные помыслы человѣковъ, видѣли сокровенныя чувства и желанія ближнихъ, зрѣли отдаленное пространствомъ и временемъ. Вспомните, какъ апостолъ Петръ видѣлъ тайныя расположенія и дѣла Ананіи и Сапфиры. Вспомните, какъ пророкъ Елисей вѣрно видѣлъ происходившее въ сердцѣ ученика его Гіезія, и то, что тайно замышлялъ сирскій царь. Что же сказать о небесномъ зрѣніи святыхъ Божіихъ? Здѣсь говоритъ апостолъ, видимъ мы отчасти,—тамъ вполнѣ; здѣсь смотримъ на предметы духовные какъ бы въ зеркалѣ, — тамъ будемъ видѣть ихъ лицомъ къ лицу, въ самой сущности ихъ (I Кор. XIII, 9. 12). Любовь Святыхъ на небѣ, безъ сомнѣнія, полнѣе и чище, чѣмъ была на землѣ. Если они на землѣ готовы были отказаться отъ собственнаго спасенія для спасенія братій, готовы были считаться чуждыми для Христа, лишь бы были своими Христу чуждые Его: чего же не готовы они дѣлать на небѣ для спасенія тѣхъ же братій? *Кто изнемогаетъ*, говорилъ Павелъ, *и не изнемогаю* за него? *Кто соблазняется, и азъ не разжигаюся* любовію къ нему? *Сердце наше распространилось, не тѣсно вмѣщаетесь вы въ насъ* (II Кор. XI, 29. VI, 11. 12).

Пріиде ангелъ, говоритъ тайновидецъ, *и ста предъ олтаремъ имѣяй кадильницу злату: и даны быша ему ѳиміами мнози, да дастъ съ молитвами святыхъ на олтарь златый сущій предъ престоломъ. И взыде дымъ кадильный съ молитвами святыхъ отъ руки ангела предъ Бога* (Апок. VIII, 3. 4). Что показываетъ тайновидецъ? Прежде всего ангела, служащаго предъ престоломъ Вышняго въ храмѣ небесномъ; потомъ—молитвы святыхъ, возносимыя къ Богу при посредствѣ ангела. Казалось бы святые, какъ близкіе къ Богу, сами могли предложить молитвы на олтарѣ небесномъ: но видно, на небѣ не такъ какъ на землѣ; тамъ не мѣсто своеволію и дерзости, тамъ всему порядокъ, всему постепенность; низшіе являются предъ Богомъ при посредствѣ высшихъ. Судите же, какимъ духомъ руководятся тѣ, которые, живя еще на землѣ и во грѣхахъ, считаютъ себя въ правѣ не нуждаться въ посредствѣ высшихъ, святыхъ? Обратите еще вниманіе на то, что это за молитвы святыхъ, благовонно возносящіяся къ Богу? О чемъ, и о комъ онѣ? Конечно, каждый согласится, что святые, сущіе на небѣ, получили, чего желали, достигли цѣли, къ которой стремились. О чемъ же они молятся? О томъ, о чемъ остается молиться любви къ братіямъ,—о

спасеніи ближнихъ. Святые изливаютъ мольбу предъ Агнцемъ вѣчнымъ за тѣхъ, которые борются съ бѣдами и напастями, съ страстями и грѣхомъ на поприщѣ земной жизни. Иначе: они мольбою своею дѣлаютъ внятнымъ и чистымъ нашъ молитвенный лепетъ, столько слабый и грѣшный, вознося его къ небесному престолу. Итакъ, вотъ откровеніе неба о молитвѣ святыхъ!

Въ книгѣ Іова читаемъ: если есть за него (за человѣка) ангелъ посредникъ, одинъ изъ тысячи: Онъ, Господь всѣхъ, умилостивляется надъ нимъ (Іов. XXXIII, 23. 24). Оскорбленный дерзостію Авімелеха Богъ повелѣваетъ ему просить Авраама, чтобы тотъ помолился за него. Почему же? *Пророкъ есть, и помолится о тебѣ, и живъ будеши* (Быт. XX, 7). Вотъ какъ законна и сильна молитва праведника за грѣшника предъ Богомъ! Пророку, а не грѣшнику, прилично являться прямо къ Богу съ молитвою, и молитва его за грѣшника спасаетъ грѣшника отъ заслуженной казни. Неосторожные друзья Іова прогнѣвали Бога своими: человѣческими, мнѣніями и разсужденіями. Казалось бы, оставалось возвѣстить имъ, чтобы принесли слезное покаяніе предъ Богомъ. Но приказаніе отдано другое. *Идите*, сказалъ Господь, *къ рабу моему Іову, и сотворитъ жертву о васъ: понеже точію лице его пріиму, аще бо не его ради, погубилъ быхъ убо васъ* (Іов. XLII, 8). Наконецъ, какъ часто слышимъ въ словѣ Божіемъ моленіе израиля, да помилуетъ его Господь ради Авраама, Исаака и Іакова.

Принесемъ, съ полнымъ упованіемъ, молитвы наши ко святымъ апостоламъ Христовымъ, да ихъ ради явитъ и на насъ милость свою Господь Богъ, да сподобимся купно съ ними достойно славить на земли и на небѣ великое имя Агнца вѣчнаго. Аминь.

1847 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи (II Кор. XI, 26).

Изобразилъ такъ земную жизнь свою ублажаемый нынѣ учитель языковъ! Такъ, или почти такъ, изобразилъ бы свою жизнь и другой ублажаемый верховный апостолъ, если бы имѣлъ случай изобразить ее!

Какая, скажутъ, мрачная картина! Страдать и страдать! Страдать на водѣ, страдать и на сушѣ; страдать въ городахъ, страдать и въ пустынѣ уединенной; страдать отъ чужихъ, страдать и отъ своихъ кровныхъ; страдать отъ враговъ, страдать и отъ тѣхъ, которые называются братьями! Зачѣмъ такой рядъ страданій? Зачѣмъ страдать тѣмъ, которые столько любили Господа своего, и къ которымъ безъ сомнѣнія былъ близокъ Господь съ своими милостями? Отчего путь угождающихъ Господу усѣянъ скорбями различными?

Можетъ ли быть, чтобы свѣтъ и тьма жили въ дружбѣ? Нѣтъ! Свѣтъ утренній гонитъ тьму ночи; мракъ приближающейся ночи гонитъ свѣтъ дневный. Точно такъ міръ ненавидитъ праведныхъ, потому что дѣла ихъ, ихъ свойства, ихъ стремленія противоположны, какъ свѣтъ и тьма. Для міра укоръ—самая жизнь праведника. Пусть праведникъ, по обѣту смиренія, не говоритъ ни слова міру о дѣлахъ его темныхъ; пусть, по обѣту любви, употребляетъ онъ все, чтобы сохранить миръ со всѣми: быть не можетъ, чтобы міръ остался навсегда доволенъ праведникомъ. Міръ *возненавидѣ* ихъ, *яко не суть отъ міра* (Іоан. XVII, 14), говоритъ небесная Истина о любезныхъ ученикахъ своихъ. Міръ ненавидитъ учениковъ Божіихъ, по тому самому, что они ни по чему не принадлежатъ, или не хотятъ принадлежать міру; ему свое дорого, а это все есть то самое, что отвергаютъ друзья Божіи, такъ какъ оно не угодно Богу, такъ какъ Господь требуетъ совсѣмъ другаго въ заповѣдяхъ своихъ. *Міръ возлѣ лежитъ.* Не вѣрите? Посмотрите на опытъ и особенно при свѣтѣ Божіемъ. Это больно, говорите вы. Въ мірѣ—братья наши, въ мірѣ искупленные вмѣстѣ съ нами Господомъ нашимъ. Какъ не помочь имъ? Какъ не сказать имъ о ихъ бѣдѣ, о гибели, ожидающей ихъ и во времени и въ вѣчности? Какъ не сказать, что спаслись отъ грѣха? Вы правы, ваши мысли, ваши чувствованія—благородны, святы! Но посмотрите, что вы хотите дѣлать? Вы хотите, чтобы свѣтъ Божій гналъ тьму, правда выгоняла изъ сердца неправду, благочестіе заступило мѣсто нечестія! А это значитъ тоже, что вы объявляете войну. Сердце не легко разстается съ тѣмъ, что полюбило оно; понравился грѣхъ, сталъ правиломъ жизни? И за него война. Понравилось ложное мнѣніе, ошибка сроднилась съ душею? И за то война. И какая война! Пусть ясна, какъ свѣтъ Божій, та истина, которую выставляете, чтобы прогнать заблужденіе: заблужденіе ни на шагъ отъ сердца; заблужденіе бросаетъ въ васъ тьму заученныхъ словъ, чтобы отстоять себя; вы говорите: всѣ эти слова—бредъ невѣжества жалкаго, но заблужденію до того дѣла нѣтъ; за него стоитъ сердце, полюбившее его и всѣ его созданія. Вы говорите скупцу; скупость—

низость: а онъ отвѣчаетъ: нѣтъ, и ставитъ себя въ правѣ бранить щедрость. Вы говорите безсовѣстному судьѣ; побойся Бога вспомни о судѣ за гробомъ; онъ не чувствуя, что такое страхъ Божій, надѣляетъ васъ презрѣніемъ и угрозою, и выполнитъ надъ вами угрозу, если не теперь, то завтра. Свѣтъ гонитъ тьму, а тьма гонитъ свѣтъ. Вотъ объясненіе тѣмъ печальнымъ, но частымъ случаямъ, что не только не принимаютъ добраго слова, но мстятъ за добро; не только не исправляются обличеніемъ, но чернятъ обличающаго; не только не любятъ правды, но стараются выставить ее неправдою. Любезный братъ! Твою кротость называютъ притворствомъ, твое братолюбіе—ласкательствомъ, твое благочестіе—лицемѣріемъ, твою любовь къ бѣднымъ—исканіемъ звуковъ людскихъ, твою любовь къ правдѣ—упрямствомъ: не удивляйся, тѣмъ болѣе не сѣтуй, а говори въ душѣ своей: свѣтъ гонитъ тьму, а тьма гонитъ свѣтъ; для тебя довольно, что ты любишь свѣтъ. Такъ, страданія не избѣжны для праведника въ мірѣ, пока существуетъ сей міръ грѣшный. *Вси хотящіи жити благочестно гоними будутъ* (II Тим. III, 12). Не любить сей истины праведнику нельзя потому, что нельзя не любить братьевъ, хотя бы и грѣшныхъ нельзя не любить ближнихъ, хотя бы и враговъ, нельзя не любить всѣхъ, когда и Господь долготерпитъ и ждетъ, *да вси въ покаяніе пріидутъ*.

Тѣмъ не менѣе больно сердцу терпѣть непріятное. Жизнь любитъ жить, а не страдать. Если и все въ мірѣ страдаетъ, если и вещественная природа испытываетъ землетрясенія, наводненія, бури: отъ того не легче сердцу. Гдѣ правда Божія, которая, безъ сомнѣнія, не хочетъ допускать, чтобы страдала невинность?

Этой тайны не разрѣшила языческая мудрость, но разрѣшаетъ ученіе христіанское и—къ полному утѣшенію сердца. Язычникъ-мудрецъ говорилъ: „терпи охотно; иначе невольно терпѣть будешь“. Христіанская мудрость говоритъ: „терпи охотно, потому что страданіе—плодъ грѣха нашего“. Въ самомъ дѣлѣ, когда вошли въ міръ болѣзни, нужды, печали? Вслѣдъ за грѣхомъ. Смерть—оброкъ грѣха. Смерти не сотворилъ Господь Богъ; Онъ сотворилъ жизнь, Онъ сотворилъ все въ лучшемъ порядкѣ, чтобы все наслаждалось жизнію. Этого не могла не принять и языческая мудрость и принимала. Итакъ, правда Божія—права въ путяхъ своихъ. Остается праведнику быть внимательнымъ, чтобы оправдать себя. Какъ же оправдаетъ онъ себя? Какой праведникъ можетъ признать себя неповиннымъ предъ строгою правдою Божіею? Ахъ! только одинъ былъ такой праведникъ? это Тотъ, который принялъ на Себя неправды всѣхъ человѣкъ, который *изъязвленъ былъ за грѣхи наши и измученъ за беззаконія наши* (Исаія. LIII, 5). Иначе: всѣ мы—грѣшники,

начиная съ Адама, пока только странствуемъ по землѣ. Иначе: праведники только на небѣ, но не на землѣ. Кто похвалится имѣть чистое сердце передъ Господомъ? (Іов. XIV, 4.) Если бы кто и сталъ говорить, *яко грѣха не имамъ:* о томъ со всею увѣренностію надлежало бы сказать: себя прельщаетъ, истины нѣтъ въ немъ (1 Іоан. I, 8). И праведникъ падаетъ седмижды на день (Притч. XXIV, 16). Сыны Божіи, начинающіе предвкушать благодатную свободу духа, откровенно признаются въ немощахъ своихъ; они до гроба воздыхаютъ объ избавленіи отъ докучливой плоти и до гроба молятся о прощеніи грѣховъ (Рим. VII, 15—20). Между тѣмъ въ новый Іерусалимъ не войдетъ никакая скверна (Апок. XXI, 27). Туда допустятъ только тѣхъ, которые явятся въ одеждахъ бѣлыхъ чистоты и невинности (Апок. III, 18), въ брачномъ одѣяніи святыни (Матѳ. XXII, 12. 13). Вотъ почему праведники и тогда, какъ казалось бы, уже преуспѣли въ любви къ Господу, поражаются скорбями! Правда Божія здѣсь наказываетъ въ нихъ слабости и немощи, чтобы тамъ явились они свободно къ ея престолу для полученія вѣнцевъ. *Судими отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 32), говорятъ они сами.

Подивимся же не только правдѣ Божіей, всегда правой въ стезяхъ своихъ, но и премудрости Божіей, открывающей въ самомъ злѣ средство къ добру. Что такое бѣдствія временныя для чадъ Адамовыхъ? Это не только казнь за грѣхи, но и врачество противъ грѣха.

Если и тогда, какъ міръ надѣляетъ всѣхъ насъ горестями, мы всѣ, болѣе или менѣе, любимъ міръ; если и тогда, какъ земля колетъ насъ терніями и волчцами, мы, болѣе или менѣе, льнемъ къ землѣ: что было бы съ нами тогда, какъ земля и міръ не отталкивали бы насъ отъ себя? Какъ пользуются благами земными, сколько дѣлаютъ употребленія изъ нихъ для своего спасенія! Богъ даетъ тебѣ богатство, изобиліе течетъ къ тебѣ рѣкою. Обращаешься ли ты съ благодарностію къ Тому, Кто ниспосылаетъ тебѣ счастіе? Чувствуешь ли, какъ милостивъ Онъ къ тебѣ не по дѣламъ твоимъ? Бѣдный богачъ! Богатство наполнило собою душу твою и—вотъ не стало ни времени, ни расположенія для благодарныхъ молитвъ, для благодарнаго служенія Господу. Но если уже забываютъ Бога, котораго не видятъ, по крайней мѣрѣ, помнятъ ли, знаютъ ли ближняго, котораго видятъ, удѣляютъ ли охотною душею изъ достатковъ нищему, готовому умереть отъ голода? Нѣтъ,—и того нѣтъ. Горькаго бѣдняка надѣляютъ только наставленіемъ—трудись и не будешь бѣденъ, или провожаютъ увѣреніемъ, о которомъ такъ худо помнятъ сами: „Богъ дастъ“. Между тѣмъ, своимъ страстямъ ни въ чемъ

нѣтъ отказу; рады, что есть средства утучнять ихъ, тратятъ богатства на роскошь, на тщеславіе, на нечистоту, не думая объ отчетѣ, какой должно дать въ ввѣренномъ талантѣ. То ли было, пока душа не имѣла *блага многа?* (Лук. XII, 19). То ли случалось, когда встрѣчались съ нуждами или съ бѣдою? Да, тогда нуженъ былъ Богъ; тогда спѣшили къ Нему съ слезою на глазахъ, или, по крайней мѣрѣ, со вздохомъ сердечнымъ. О! Боже мой! Какой нуженъ громъ гнѣва Твоего, чтобы образумить безсмысленныя сердца наши! *Како не удобъ имущіи богатство* въ *царствіе Божіе внидутъ* (Матѳ. XIX, 23). Точно то же бываетъ у людей со всякимъ земнымъ даромъ, съ честію, съ властію, съ знатностію. *Человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.* Обиліе счастія разслабляетъ самую боголюбивую душу, обращается ей во вредъ, какъ пшеницѣ—слишкомъ тучная почва, какъ водѣ—непрерывный покой. Окруженный покоемъ внѣшнимъ и праведникъ можетъ по временамъ думать, будто свободенъ отъ опасностей душевнаго спасенія, можетъ предаться беззаботному покою и говорить въ обиліи своемъ: *не подвижуся во вѣкъ* (Псал. XXIX 7); а между тѣмъ грѣхъ тогда-то свободно и войдетъ въ душу его, когда такъ мало думаютъ о немъ. Заботы о многомъ для того, кто владѣетъ многимъ, если и не отвлекутъ праведника совершенно отъ единаго на потребу (Матѳ. X. 41): по крайней мѣрѣ, будутъ дѣлить сердце его между міромъ и Богомъ, будутъ мало по малу ослаблять любовь къ Тому, Кого надлежало бы любить всею душею, всѣмъ сердцемъ. Какъ это горько, далеко болѣе горько, чѣмъ всякая потеря земная! Вотъ почему мудрый молитъ Господа: *не даждь ми богатства, да не насыщуся ложь буду и реку: кто мя видитъ* (Прит. XXX, 8. 9).

Премудрый врачъ небесный посылаетъ бѣдствія тогда, когда приспѣваетъ время имъ, и въ той мѣрѣ, въ какой могутъ принесть пользу. Оставленные міромъ, униженные людьми, мы невольно начинаемъ чувствовать, какъ напрасно мы искали всего у міра, и забывали Бога, не забывающаго вѣрныхъ своихъ; невольно смиряемся—дотолѣ гордые и самоувѣренные; невольно сокрушаемся о грѣхахъ—дотолѣ невидѣвшіе и нечувствовавшіе беззаконій своихъ. Сперва невольно разлученные бѣдствіемъ съ предметами страсти, мы мало по малу начинаемъ и волею разставаться съ ними; скорби внѣшнія, подавляя чувство услажденія предметомъ непозволеннымъ, ослабляютъ, обезсиливаютъ въ насъ и самую привязанность преступную, даютъ свободу уму разсмотрѣть ничтожество и вредъ нашей страсти, и подкрѣпляютъ тѣмъ благую рѣшимость жить для Господа. Испыталъ на себѣ сію истину тотъ, кто благодарно взывалъ предъ Господомъ: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправда-*

ніемъ Твоимъ. Что же? Ужели намъ лучше жить покойно во грѣхахъ, чтобы потомъ они низвели насъ въ геенну негасимую, чѣмъ терпѣніемъ временныхъ скорбей очистить душу для вѣчныхъ радостей? Нѣтъ, пусть страсти подъ гнётомъ скорбей временныхъ; пусть поволѣ или неволѣ отторгаютъ отъ сердецъ нашихъ все дорогое; пусть сладость грѣховная поглощается горечью потерь, болѣзней, нуждъ! Это не страшно, а радостно. Страшно слово апостола: *аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчищи есте, а не сынове.* Страданія—чистительный огонь для христіанскаго дѣла. Если дѣло безъ примѣси земныхъ побужденій: оно, ничего не теряя отъ огня испытаній, пріобрѣтаетъ болѣе крѣпости и чистоты. Если же къ нему такъ или иначе примѣшалось тщеславіе, гордость, или корысть: то, какъ въ огнѣ сгараетъ сѣно, тростникъ, сгоритъ въ искушеніи то, что казалось, но не было, твердымъ добромъ и останутся частицы добра истиннаго. Искушаемая вѣра цѣннѣе золота тлѣннаго; она-то доставитъ похвалу и честь и славу въ откровеніи Христа Іисуса (I Петр. I, 7). *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни* (Іак. I, 12). *Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ,* говоритъ вѣрный и истинный.

Тотъ, Кто Самъ Себя предалъ на смерть за насъ, не можетъ довольствоваться ни кратковременными чувствованіями, ни чувствованіями, возбуждаемыми только счастливою природою, сколько бы ни были добры по предмету эти чувствованія. Истинная любовь къ Господу—рядъ дѣлъ твердости и мужества. Сколько надобно перенесть борьбы съ самимъ собою, чтобы пріобрѣсть твердость и мужество, достойныя Сына Божія! *Аще кто любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ,* говоритъ Господь. Попытайтесь исполнить сію волю Господа во всей ея обширности. Сколько мучительныхъ сомнѣній, сколько тревогъ заставитъ васъ испытать естественная привязанность къ крови! Сколько огорченій заставятъ васъ вытерпѣть люди, которые будутъ судить васъ по разнымъ своимъ побужденіямъ! *Иже аще не отвержется себе, и не возметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ: нѣсть Мене достоинъ,* говоритъ Господь. Надобно отречься отъ себя: какъ это тяжело! Немного труда стоитъ быть кроткимъ тогда, какъ не раздражаютъ насъ, любить то, что любить призываетъ природа. Но довесть себя до того, чтобы, не обращая вниманія на плоды природы счастливой, полюбить то, что совсѣмъ не по душѣ, обратить въ правило жизни то, къ чему слишкомъ мало наклонности въ сердцѣ, быть примѣромъ смиренія и послушанія, тогда какъ въ характерѣ столько упругости и своенравія: о, сколько нужно для того вытерпѣть борьбы съ собою! Если любите любящихъ васъ: что въ васъ особеннаго? И язычникъ

любилъ друзей своихъ. Христіанство истинное, совершенное требуетъ, чтобы любили мы враговъ. А какъ это не легко! Какъ много надобно перенесть и внутреннихъ и внѣшнихъ огорченій, чтобы наконецъ любить осыпающихъ насъ бранью! „Богъ даровалъ все къ наслажденію на землѣ“, говоритъ праведность обыкновенная и пользуется всѣмъ съ благодареніемъ. Христіанская праведность говоритъ: по тому-то самому, что столько благъ къ намъ Господь Богъ приношу въ жертву Ему мое отреченіе отъ благъ временныхъ,—и какой жертвы, какого приношенія не достоинъ Онъ всеблагій! Потребуется ли жизнь принесть? Все Ему, ничего для себя! Кто можетъ любить насъ и кто такъ достоинъ благодарной любви нашей, какъ Тотъ, который пострадалъ за насъ на крестѣ, чтобы возвратить намъ любовь Отца небеснаго? Можетъ ли христіанинъ считать какой либо подвигъ тяжелымъ для себя послѣ того, какъ Господь и Спаситель прошелъ всѣ скорбные подвиги земли, чтобы ввести насъ въ царство Отца своего? Братія! хотите быть истинными христіанами, съ вѣнцами истинныхъ послѣдователей Христовыхъ? Терпите скорби отреченія отъ себя, отъ всего дорогаго сердцу. Не хотите? Останетесь съ языческою правдою, и съ языческою наградою.

Итакъ, братія, если сіяетъ для насъ счастіе: будемъ мужественны, чтобы не обольститься обманчивымъ блескомъ его и не слабѣть въ добрѣ отъ соблазнительной теплоты его, *со страхомъ содѣвая спасеніе свое* (Фил. II, 12); будемъ помнить, что земля—не мѣсто покоя, а болѣзней и труда для вѣчности: не будемъ алкать и жаждать земнаго покоя, земнаго счастія: покой на землѣ намъ не приличенъ, онъ вреденъ намъ. Если же посѣтятъ насъ скорби: не будемъ малодушествовать. Примемъ съ покорностію, если не съ радостію, наказаніе Отца небеснаго, какъ знакъ того, что мы Ему принадлежимъ, какъ знакъ призыванія къ исправленію отъ грѣховъ нашихъ, какъ знакъ побужденія къ преспѣянію въ любви совершенной и чистой. Путемъ скорбей достигли царствія ублажаемые нынѣ апостолы; тѣмъ же путемъ, при помощи молитвъ ихъ, достигнемъ и мы того же, и будемъ вѣчно въ радости и веселіи славить со всѣми святыми всесвятое имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

1845 г.

БЕСѢДА ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫХЪ ВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ (II Тим. IV, 7).

Такъ говоритъ о себѣ святый апостолъ Павелъ! Если бы нужно было для кого либо изъ предстоящихъ здѣсь доказывать, надобно ли, достоитъ ли чествовать святыхъ: то мы могли бы указать на то, что говоритъ о себѣ Павелъ. Ибо не произноситъ ли апостолъ хвалы, не воздаетъ ли чествованія подвигамъ, какіе совершила въ немъ и чрезъ него благодать Христова, когда говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ?* Не говоритъ ли онъ этою хвалою, что истинное христіанство не отказывается отдавать уваженіе подвигамъ людей Божіихъ, подвизавшихся для Бога? Но, благодареніе Господу! множество празднующихъ въ память святыхъ апостоловъ, радостное, благоговѣйное торжество, какимъ чтятъ тысящи великихъ проповѣдниковъ славы Христовой,—само собою показываетъ, что не имѣемъ нужды обращаться къ словамъ апостола за мыслію о чествованіи святыхъ. Между тѣмъ и безъ того слова апостола представляютъ такъ много назиданія, утѣшенія, поученія, что опасаюсь, могу ли объяснить все содержаніе ихъ, если рѣшусь на это. Вашими молитвами, верховные апостолы, да падастся свѣтъ и сила резумѣнію и слову моему!

Подвигомъ добрымъ подвизахся, говоритъ апостолъ. Жизнь свою, свою дѣятельность апостолъ сравниваетъ съ дѣятельностію борца. И сколько трудовъ, сколько борьбы испыталъ учитель языковъ! Сколько опасностей перенесъ онъ! Какое изумительное зрѣлище страданій представляетъ намъ жизнь его! „въ трудахъ я былъ многихъ, такъ повѣствуетъ самъ онъ, въ ранахъ, въ темницахъ, многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ по сорока ударовъ безъ одного; три раза били меня палками, однажды камнями побивали; три раза терпѣлъ я кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ во глубинѣ морской. Много разъ былъ въ путешествіяхъ, испыталъ бѣды на рѣкахъ, бѣды отъ разбойниковъ, бѣды отъ единоплеменниковъ, бѣды отъ язычниковъ, бѣды въ городѣ, бѣды въ пустынѣ, бѣды въ морѣ, бѣды между лжебратіями. Въ трудѣ и изнуреніи, часто во бдѣніи, въ гладѣ и нуждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ“ (II Кор. XI, 24—27). Мужи браней! кто изъ васъ представитъ подобный

списокъ службы, въ которомъ было бы столько бѣдъ жизни, сколько подвиговъ противъ смертей?

Да, братія! жизнь истиннаго христіанина—жизнь ежедневныхъ страданій, страданій часто неожиданныхъ, и страданій тяжкихъ. Не отъ насъ зависитъ дать другой видъ жизни во Христѣ, видъ болѣе пріятный, болѣе легкій, нежели каковъ онъ есть. Если угодно, вы можете избрать другой путь,—путь, который называется и есть путь широкій, путь гладкій, путь безъ страданій и скорбей; только можете быть увѣрены, что этотъ другой путь поведетъ васъ не иначе какъ въ адъ. Выбирайте тотъ или другой путь: это отъ васъ зависитъ; но свойствъ и слѣдствій избраннаго пути не пытайтесь перемѣнять: трудъ не принесетъ пользы. Лазарь лежалъ на гноищѣ, потому что онъ рѣшился быть праведнымъ Лазаремъ; богачъ каждый день веселился, потому что хотѣлъ быть роскошнымъ богачемъ; одинъ отдалъ душу волѣ Божіей и—страдалъ; другой преданъ былъ страстямъ и—жилъ весело, доколѣ жилъ только тѣломъ. Перечтемъ лики святыхъ Божіихъ: кто изъ нихъ жилъ такъ, какъ жилъ роскошный богачъ? Прославлены Господомъ патріархи: но они были странниками и пришельцами на землѣ, во всю жизнь искали грядущаго града; въ здѣшнемъ же мірѣ не знали, гдѣ и на чемъ остановиться душею. Прославлены пророки: но какова была участь ихъ? Люди жестоковыйные, говоритъ апостолъ Стефанъ къ іудеямъ, кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? Они убили предвозвѣстившихъ пришествіе праведника (Дѣян. VII, 51. 52). Во времена христіанскія, за апостолами слѣдовали мученики и исповѣдники. И ужасъ обнимаетъ душу, когда читаемъ, какимъ лютымъ терзаніямъ, и съ какимъ звѣрствомъ подвергали ихъ враги имени Христова. А ваша жизнь, преподобные, Божіи святители, человѣки блаженные, ваша жизнь не была ли также жизнію борьбы и подвиговъ? Кто изъ васъ не скажетъ о себѣ: позоромъ мы были для свѣта; свѣтъ забывчиво веселился и нѣжился; то спалъ онъ и дремалъ въ безпечной нѣгѣ, то пробуждался для того только, чтобы искать, какъ говоритъ онъ, развлеченія; а намъ спать было некогда, намъ покоиться не доставало времени; и свѣтъ, улыбаясь, называлъ насъ странными, если только не гналъ насъ злобно. Утѣшься же бѣдный странникъ земной! если другіе на твой счетъ питаются прохладно, а твоя жизнь полна скорбей: знай, что на тебѣ лежитъ печать Божія: *его же любитъ Господь, наказуетъ*. Знай, что крестъ есть знаменіе послѣдователя Христова,—знаменіе, съ которымъ открытъ для тебя входъ въ вѣчное блаженство.

Впрочемъ, апостолъ говоритъ не просто о подвигѣ, о трудахъ, о непріятностяхъ жизни; онъ говоритъ о добромъ подвигѣ: *подвигомъ*

добрымъ подвизахся. Предписывая тотъ же добрый подвигъ ученику своему Тимоѳею, онъ яснѣе опредѣляетъ, что это за подвигъ, которымъ и самъ онъ могъ утѣшаться въ душѣ, и который предписывалъ другимъ: *подвизайся,* говоритъ онъ, *добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь* (I Тим. VI, 12), т. е., подвизайся тѣмъ добрымъ подвигомъ, который имѣетъ въ предметѣ своемъ вѣру Христову, стремись къ вѣчной жизни, трудись для вѣчной истины, для вѣчной святости, а не для времени.

Такъ, братія, не важно еще, если мы только трудимся, но не разумѣваемъ, для чего трудимся, чего домогаемся. Несчастный корыстолюбецъ не спитъ ночи, измученъ дневными заботами, весь занятый корыстію: но къ чему труды его изнурительные? Страшно подумать,—на погибель. Ибо можно ли ждать другаго? Забыта вѣра, забыто человѣколюбіе, забытъ страхъ Божій въ заботахъ о деньгахъ. И ты, бѣдный страдалецъ честей и власти, какихъ мукъ не терпѣлъ, смотря на возвышеніе другаго! Тебѣ нѣтъ покоя среди происковъ, которыми ты подкапываешься подъ доброе имя и честь другаго. И къ чему все это? Только для того, чтобы нѣсколько лишнихъ колебаній воздуха, нѣсколько звуковъ пробѣгающихъ отозвалось въ душѣ твоей тревожными волненіями. Какой суетный трудъ! какой неблагодарный подвигъ! Но, если учитель языковъ говоритъ о своемъ подвигѣ, какъ о добромъ подвигѣ: то, имѣя въ виду недобрые подвиги другихъ, безъ сомнѣнія, болѣе всего имѣетъ въ виду недобрые подвиги недобрыхъ учителей. Кто же это такіе учители?

Прежде того, какъ сказалъ онъ Тимоѳею: *подвизайся добрымъ подвигомъ,* писалъ онъ: *ты же, о человѣче Божій, бѣгай сихъ* (1 Тим. VI, 11). Кого же сихъ? людей, говоритъ онъ, которые страдаютъ страстію къ состязаніямъ и словопрѣніямъ, пораждающимъ зависть, распри, злорѣчіе пустые споры (1 Тим. VI, 4). *Бабіихъ басней отрицайся* (IV, 7). *Сія воспоминай засвидѣтельствуя*—заклиная—*предъ Господемъ не словопрѣтися,* что не служитъ *ни на кующе потребу, а на разореніе слышащихъ* (II Тим. II, 14). Вотъ преимущественный предметъ обличенія въ апостольскомъ словѣ о добромъ подвигѣ. Совѣсти каждаго предлагаю на судъ: не относится ли это обличеніе апостольское къ тѣмъ братіямъ нашимъ, которые ведутъ споры, отдѣляются отъ церкви, лишаютъ себя таинствъ изъза словъ? Ревность къ отеческому преданію—дѣло доброе. Но ревность бываетъ и неразумная, осуждаемая словомъ Божіимъ. Подумай, любезный мой, стоитъ ли предметъ твоей ревности того, чтобы изъза него добровольно отлучалъ ты себя отъ церкви и благодатныхъ даровъ ея? Не имѣю нужды пока говорить тебѣ, что твое глаголемое отеческое преданіе не такъ древне, какъ ты думаешь,—увѣряю

тебя только словомъ апостола, что ни отцы не хотѣли, чтобы ты питалъ вражду изъ-за словъ, не заключающихъ особенной мысли. Подумай осмотрительно, съ заботою о своемъ спасеніи: въ чемъ состоитъ спасительная вѣра? Въ чемъ состоитъ спасительное благочестіе? Въ предметахъ ли твоего словопрѣнія? Прочитай евангеліе, прочитай ученіе апостоловъ: найдешь ли ты тамъ хотя одно слово о томъ, о чемъ идутъ споры между твоими братіями? Нѣтъ! и такъ слѣдуешь ли ты здравымъ словамъ Господа нашего? слѣдуешь ли ученію, которое *по благочестію?* Или же, не состоитъ ли все дѣло твое въ бабіихъ басняхъ? Осмотрись: не люди ли, которые обращаютъ благочестіе въ средство къ прибыткамъ, поддерживаютъ тебя въ неразумномъ ревнованіи, отчуждающемъ тебя отъ церкви? Осмотрись,—дѣло идетъ о спасеніи души твоей; дѣло идетъ о томъ, что весь твой подвигъ жизни можетъ остаться подвигомъ недобрымъ, подвигомъ *ни на кую же потребу, а на разореніе* тебѣ и *слышащимъ*. По любви къ твоему спасенію воспоминаю тебѣ сіе и, слѣдуя апостолу, заклинаю не *словопрѣтися*.

Апостолъ, продолжая въ наставленіе другимъ изображать свою жизнь, говоритъ: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ*,—законный подвигъ мой кончился, вѣрность Господу соблюдена. Когда говоритъ это апостолъ? Онъ видитъ предъ собою мученическую смерть свою: *азъ уже жренъ бываю* (1 Тим. IV, 6); видитъ себя при самомъ концѣ жизни: *время моего отшествія наста*. И вотъ въ какое время обращаетъ онъ взоръ на свое прошедшее, на дѣла своей жизни. Прежде того онъ говорилъ: *задняя забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ* спѣшу *къ почести вышняго званія* (Фил. III, 13). Прежде того онъ не хотѣлъ смотрѣть назадъ—на путь, пройденный имъ въ славу имени Христова, а весь занятъ былъ только тѣмъ, чтобы идти впередъ, ближе и ближе становиться къ цѣли путешествія. Жизнь его и прежде была такова, что онъ могъ бы говорить: на ней нѣтъ пятна. Но, прежде чѣмъ оконченъ былъ путь, апостолъ заботливо помышлялъ, что дѣла его еще не кончены, что цѣль еще не достигнута, что почесть, обѣщанная высшимъ званіемъ, еще не дана.

Такъ, братія, апостолъ примѣромъ своимъ учитъ насъ тому же, чему поучалъ Господь въ откровеніи ангела ефесской церкви: *буди вѣренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апок. II, 10), тому же, чему поучалъ Онъ же ангела ѳватирской церкви: *побѣждающему и соблюдающему дѣла мои даже до конца дамъ власть на языцѣхъ* (Апок. II, 26). Надобно подвизаться до гроба; и только при дверяхъ гроба можно, если кому дано будетъ благодатію, говорить душѣ: подвигъ кончился, теперь время успокоиться. Многіе превосходно начинаютъ путь спасенія, и потомъ живутъ совершен-

но иначе, совсѣмъ—не во спасеніе. Какъ горько смотрѣть на такіе примѣры! Конечно, не многимъ, очень не многимъ дается свыше оставаться всю жизнь съ неизмѣннымъ пламенемъ въ душѣ; со многими изъ благочестивыхъ случалось временное ослабленіе въ ревности къ добру, временная сухость въ чувствахъ, временныя ошибки и довольно значительныя. Чѣмъ же предохранять себя отъ того ослабленія, которое рѣшаетъ собою погибель души? Не дозволяй себѣ засматриваться на добро, которое, при помощи благодати, успѣлъ ты сдѣлать; иначе оттого ты и лѣнивъ къ трудамъ,—оттого ты и занятъ собою. Замѣтилъ за собою лѣность? Понуждай себя къ трудамъ, не прощай себѣ ошибокъ, а обличай ихъ въ себѣ строго. Воздыхай о немощахъ, молись о помощи небесной, и такимъ образомъ возгрѣвай въ себѣ любовь къ Господу. Пагубно останавливаться на пути съ увѣренностію въ своемъ совершенствѣ; пока не кончень подвигъ, не время покою, или же это будетъ покой погибельный. Только тогда приближаемся мы къ цѣли, когда идемъ къ ней не останавливаясь; для каждой минуты жизни нашей назначено свое дѣло; слѣдовательно, если остановился я на минуты въ покоѣ: то много потеряю для вѣчности. *Бдите и молитеся*, сказалъ Господь. Иначе нельзя надѣяться на успѣхъ. Духовное бодрствованіе не допуститъ до бѣдственнаго сна грѣховнаго, молитва будетъ низводить благодать, необходимую для насъ слабыхъ.

Молитвами верховныхъ апостоловъ благодать Господа нашего Іисуса Христа да укрѣпитъ, да утвердитъ насъ во всякомъ дѣлѣ благомъ. Аминь.

1842 г.

БЕСѢДА ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

Аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ (Гал. V, 25).

Въ день духовнаго торжества о славѣ подвижника духовнаго церковь предлагаетъ и чтеніе апостольское о духовномъ жительствѣ. *Аще живемъ духомъ*, слышали мы нынѣ заповѣдь апостола, *духомъ и да ходимъ*. Съ призываніемъ имени Господня, въ простотѣ сердца, посвятимъ минуты духовнаго торжества на уразумѣніе сихъ словъ апостола о духовномъ дѣланіи.

Аще живемъ духомъ. Апостолъ предполагаетъ, что можно намъ жить духомъ; можно пользоваться и наслаждаться употребленіемъ силъ, живя духомъ. Что же это за состояніе, въ которомъ живемъ мы духомъ?

По разумѣнію апостола, двѣ жизни въ человѣкѣ-христіанинѣ: жизнь плоти, и жизнь духа; и закона въ немъ два: законъ грѣховный, воюющій во удѣхъ, и законъ ума. *Вѣмъ бо*, говоритъ онъ, *яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе. Вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Римл. VII, 18, 23). Какое же изъ сего составить намъ понятіе о жизни по духу или духомъ? Можно, во-первыхъ, подумать, что, по разумѣнію апостола, все худое въ насъ есть слѣдствіе противоположнаго состава нашего—духовнаго и тѣлеснаго, что зло это есть необходимое положеніе при переводѣ нашемъ изъ вещественной, тѣлесной жизни въ чисто-духовную, безтѣлесную. Далѣе, надлежало бы положить, что жизнь духовная значитъ у апостола то же, что жизнь душевная, отрѣшенная отъ союзовъ вещественнаго,—жизнь та, когда, уединяясь во внутреннее души своей, человѣкъ отрѣшается отъ міра вещественнаго, отъ самаго тѣла, живетъ весь въ созерцаніи міра умственнаго и въ чувствѣ услажденія симъ созерцаніемъ; или же жизнь духовная есть тоже, что жизнь разумная, управляемая требованіями ума, въ коей и требованія вещества не оставляются безъ вниманія. Но то ли подлинно значитъ у апостола—жить духомъ? Нѣтъ! Наученные словомъ истины знаемъ мы, что мы не живы, пока Духъ Божій не оживотворитъ умерщвленной грѣхомъ души нашей; мы мертвы, и всѣ члены души и тѣла нашего мертвы, пока не изливается и не дѣйствуетъ въ насъ Духъ жизни Божественной; посему предаемся ли мы влеченію чувства внутренняго, или водительству разума: конецъ одинъ—жизнь грѣховная, или, что согласнѣе съ писаніемъ, смерть; потому что и чувство и разумъ сами проникнуты грѣхомъ, сами слѣпы;—а слѣпецъ слѣпцу плохой вожатый. Посему-то Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *подобаетъ родитися свыше* (Іоан. II, 7). То правда, что жизнь человѣка, какъ естественная, такъ и благодатная, начинается въ душѣ его, и изъ души переливается во всѣ члены состава его: но надобно, чтобы была сила, которая начала бы жизнь въ душѣ мертвой по естеству. Такимъ образомъ, самъ апостолъ противополагаетъ жизни духовной собственно не жизнь тѣлесную, и животворнымъ началомъ первой поставляетъ не одно отрѣшеніе отъ требованій вещественнаго состава, или покореніе уму: онъ дѣйствующимъ началомъ жизни плотской полагаетъ превратную любовь нашу къ самимъ себѣ; а жизни духовной—любовь къ Богу, возбужденную и питаемую Духомъ Божіимъ. Такъ говоритъ онъ о себѣ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ*,—какъ бы такъ сказалъ: не я самъ, не моя воля, не мой разумъ управляетъ мною, *живетъ во мнѣ*

Христосъ; Онъ составляетъ начало новой и лучшей жизни во мнѣ; Онъ управляетъ мыслями, чувствованіями и хотѣніями моими. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же богоизбранный мужъ говоритъ о себѣ: *законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. VIII, 2),—называетъ начало жизни новой закономъ духа жизни или силою Духа Божія, поколику Духъ Божій производитъ въ сердцѣ человѣка благодатное порожденіе новой жизни. Но, да не подумаемъ мы, что сіе высокое состояніе обновленной природы есть преимущество только апостола или апостоловъ. Учитель языковъ говоритъ ко всѣмъ вѣрующимъ: *вы нѣсте во плоти, но въ Дусѣ: понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще кто Духа Христова не имать,* присовокупляетъ онъ, *сей нѣсть Его* (Рим. VIII, 9). Вотъ что значитъ, по разумѣнію апостола, жить духомъ, и вотъ какъ свойственна должна быть вѣрующимъ жизнь сія.

Вѣрующіе слушатели! Чувствуемъ ли мы въ себѣ пріискреннее общеніе съ нами Духа Божія? Или мы дошли до того, что не знаемъ иначе, какъ по наслышкѣ, *кто есть Духъ святый* (Дѣян. XIX, 2). Если мы никогда не ощущали въ себѣ, коль благъ, коль близокъ къ намъ Господь: то горько, горько намъ надобно плакать о своемъ состояніи; ибо мы не ощущали жизни своей. Но если мы слишкомъ злы къ себѣ самимъ, оставаясь въ нерадѣніи о своей жизни: то благъ къ намъ Отецъ небесный. Не вотще предалъ Онъ Сына Своего на смерть крестную; Онъ предалъ Его для того, чтобы мы жили жизнію Сына Его, чтобы мы приняли Духа жизни, Духа животворящаго, котораго Сынъ Божій исходатайствовалъ у Отца для насъ. Онъ подаетъ намъ сего Духа, тогда какъ погружаемся мы въ водѣ крещенія; Онъ укрѣпляетъ насъ симъ Духомъ, когда помазуемся мы таинственнымъ мvромъ. И—*аще кто не родится водою и Духомъ,* сказала Истина, *не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. III, 5). Мы пріемлемъ сего Духа, когда пріобщаемся тѣла и крови Христовой. Но, о Боже, милостивый къ намъ грѣшнымъ! И когда Ты не готовъ подать намъ Духа Твоего? Когда десница Твоя сокращалась, чтобы оставить насъ гладныхъ и жаждущихъ, безъ пищи и питія духовнаго! *Во снѣ, въ поученіи нощнѣмъ,* говоритъ одинъ богомудрый, *отверзаетъ Онъ ухо людей, и видѣньми страха устрашаетъ, чтобы отвести человѣка отъ неправды* (Іов. XXXIII, 14—17). *Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ,* говоритъ сама Истина, *и гласъ Его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа* Іоан. III, 8). Итакъ, отчего же, слушатели многіе изъ насъ мало ощущаютъ въ себѣ присутствіе сего Духа? Какъ это бываетъ съ

нами, что мы не замѣчаемъ въ себѣ дѣйствій святаго Духа? Чтобы объяснить себѣ это, припомнимъ столь часто встрѣчающееся въ писаніи сравненіе души нашей съ землею, а благодатнаго дѣйствія Духа—съ сѣменемъ, бросаемымъ въ землю. Не часто ли бываетъ, что и небесная роса и обильный дождь напояютъ землю, принявшую въ себя сѣмя: и однако-жъ земля не награждаетъ трудовъ сѣятеля желанными плодами? Отчего-же? Или оттого, что въ той же землѣ слишкомъ много худыхъ сѣмянъ, которыя разрастаясь заглушаютъ сѣмя доброе; или оттого, что земля слишкомъ камениста и не даетъ сѣмени укорениться въ себѣ. То же бываетъ съ нами. Ибо, какъ благодатному сѣмени не остаться въ душѣ нашей какъ бы мертвымъ, когда столько заботъ столько суетъ земныхъ тяготятъ ее? Какъ не остаться ему безъ всякаго дѣйствія, когда прелести міра, любочестіе, корыстолюбіе наполняютъ собою сердце наше, или, когда мы принимаемъ сѣмя жизни безъ глубокаго чувства, безъ вниманія должнаго, оставляя оное на поверхности души? Отселѣ-то происходитъ, что мы, бывъ обновлены Духомъ, не чувствуемъ въ себѣ дѣйствій обновленія; бывъ возрождены, не ощущаемъ, чтобы въ насъ дѣйствовало новое начало жизни, жизни Божественной.

Впрочемъ, сѣмя живота вѣчнаго—не истлѣнно. Оно, если и долго лежитъ въ сердцѣ нашемъ безъ дѣйствія, можетъ дать плодъ, когда употребимъ мы свое вниманіе къ тому. Подъ симъ-то условіемъ апостолъ предписываетъ намъ: *аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ.* Онъ предлагаетъ намъ средство сохранять и плодотворить въ себѣ сѣмя благодатное. Если духъ, говоритъ онъ, составляетъ начало нашей жизни внутренней: то и внѣшняя жизнь должна соотвѣтствовать сему внутреннему состоянію; наши отношенія къ другимъ, вся наша жизнь должна выражать въ себѣ внутреннюю оную жизнь; наши дѣла должны быть не дѣлами плоти, а духа. Божественная благодать, послѣ того какъ производитъ рѣшительную перемѣну въ душѣ грѣшника, возбуждая въ немъ новыя мысли, новыя чувства и желанія, даетъ ощутить близость свою,—послѣ сего какъ бы оставляетъ человѣка собственнымъ его силамъ; она извѣщаетъ его по временамъ о своемъ присутствіи въ немъ, но и скрывается отъ него, дабы новорожденный младенецъ укрѣплялся самъ въ своихъ силахъ, навыкалъ самъ ходить твердою стопой по стезямъ заповѣдей; ея сила пребываетъ въ немъ, и сею-то только силою онъ и можетъ дѣйствовать: но благодать ожидаетъ отъ него, чтобы онъ укрѣплялся самъ въ ея силѣ, чтобы онъ исправлялъ немощное, исцѣлялъ больное въ себѣ сообщеннымъ ему началомъ жизни; а это требуетъ того, чтобы онъ соблюдалъ вѣрность званію благодати, или, чтобы обновившись

въ духѣ, духовно и жилъ. Вотъ средство, которое премудрая благость Божія подаетъ намъ для того, чтобы мы не угасили въ себѣ духа ея: средство спасительное и вмѣстѣ легкое,—легкое, потому что странно, если хорошее дерево приноситъ плоды худые; странно, если обновленное благодатію сердце не творитъ ни мыслей, ни дѣлъ, достойныхъ сего обновленія. Жизнь души обнаруживается въ дѣйствіяхъ, и дѣйствіями внѣшними подкрѣпляется внутренняя сила ея. По сему-то можно упрекать насъ въ самообольщеніи, если мы, думая, что живемъ по внутреннему человѣку жизнію новою, ведемъ себя такъ, какъ будто бы и не знали, что такое жизнь духовная. Если, именуя себя христіанами—людьми съ чувствами святыми, съ желаніями чистыми, мы оказываемся на дѣлѣ такими, что какъ будто бы и не знали мы Христа и Христовой благодати: не унижаемъ ли мы, не безчестимъ ли собою христіанства? Само по себѣ понятно, что міръ не въ правѣ упрекать тѣхъ изъ насъ, которые, принявъ на себя иго юродства Христова представляютъ столько отступленій отъ общей жизни нашей. И—о, когда бы онъ могъ видѣть между нами только таковыхъ! Но прольемъ горькія слезы о нашей бѣдности, много въ насъ еще такого, что по истинѣ служитъ въ безчестіе имени, которое носимъ мы; воздохнемъ, поскорбимъ отъ глубины души, что такъ небрежны мы къ сокровищу внутреннему, данному намъ. Господи Боже нашъ! Единый милостивый! Помяни милость Твою, юже содѣлалъ еси намъ во днехъ юности нашей и, ради сей милости, дай намъ видѣть несообразность путей нашихъ съ Твоею милостію.

Не будемъ, слушатели, столько несправедливы къ себѣ и къ благодати Господа нашего! Обратимся къ дѣламъ своимъ и испытаемъ, такъ ли мы ходимъ, какъ благоугодно Богу нашему и Его благодати? Если бы дѣла наши были плодомъ обновленной благодатію души нашей: онѣ были бы выраженіемъ одной искренней, простосердечной любви къ Господу и ближнимъ; *ибо плодъ духовный есть любы*. Ни взглядомъ неприступной строгости, ни словомъ жесткой самонадѣянности не печалили бы мы близкихъ намъ; ибо *плодъ духовный есть радость*. Смотря на возвышеніе равнаго иль низшаго, мы не волновались бы помышленіями ревнія, зависти и ненависти; ибо *плодъ духовный есть миръ*. Мы не оскорблялись бы, или не теряли бы вѣрности самимъ себѣ, когда слабый братъ нашъ наносилъ бы намъ обиду: ибо *плодъ духовный есть долготерпѣніе*. Мы снисходили бы недостаткамъ подчиненныхъ нашихъ; ибо *плодъ духовный есть благость*. Мы были бы сострадательны къ скорбямъ ближнихъ нашихъ, не истязывали бы за долги должниковъ нашихъ; ибо *плодъ духовный есть милосердіе*. Довѣрчивы, неподозрительны

были бы мы на счетъ искреннихъ нашихъ; ибо *плодъ духовный есть вѣра*. Мы не искали бы предсѣданій въ собраніяхъ, не услаждались бы почестьми на торжищахъ, и не надмевались бы гордымъ самодовольствомъ; ибо *плодъ духовный есть кротость и смиреніе*. Мы не отягчали бы сердецъ нашихъ объяденіемъ и піянствомъ, роскошью и нѣгою; ибо *плодъ духовный есть воздержаніе. Нечистота, вражды, рвенія, ярость, пьянство, безчинны кличи*, по суду апостола, *дѣла плоти* (Гал. V , 19. 23); посему онѣ не должны быть дѣлами нашими, если мы *духомъ живемъ* и по духу дѣйствуемъ. *сущіи по плоти, плотская мудрствуютъ; а иже по духу, духовная* (Рим. VIII, 5). Чтобы возбудить къ добру лѣнивую на добро душу нашу, вспомнимъ, слушатели, что святъ и праведенъ Господь, давшій намъ благодать свою. Онъ спроситъ насъ о талантахъ Духа намъ ввѣренныхъ. Онъ потребуетъ строгаго отчета въ употребленіи даровъ Его. Или—думаемъ, что мы вѣчно пренебрегать можемъ благостію Его? Содрогнемся ожидающей насъ участи,—насъ, оскорбляющихъ благодать. Кому много дано, съ того много взыщется. Намъ вѣрующимъ во Христа, много дано. Гладъ, язва, мечь, огонь разили древняго израиля, когда пренебрегалъ онъ земными благословеніями Господа: *како мы убѣжимъ о толицѣмъ нерадивше спасенія?* Не убѣжимъ мы, слушители, отъ гнѣва Господня. Онъ караетъ насъ. *Увы языкъ грѣшный, сынове беззаконніи, сѣмя лукавое! Остависте Господа. Земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжени, страна ваша опустѣ низвращена отъ людей чуждихъ* (Исаія I. 4. 7), Такъ говорилъ пророкъ къ древнему израилю! А мы что видимъ надъ собой? Судъ! судъ пока временный; а есть, есть судъ, который осудитъ презрителей благодати на цѣлую безотрадную вѣчность.

Угодниче Божій! Друже Христовъ Сергій! Моли о насъ Господа Силъ, да, *аще живемъ, духомъ и да ходимъ*. Аминь!

1842 г.
Іюля 5 дня.

БЕСѢДА ВЪ ДЕНЬ ѲЕОДОСІЯ ПЕЧЕРСКАГО.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы (Матѳ. XI, 28).

Такъ призывалъ къ Себѣ нѣкогда іудеевъ Господь Іисусъ! Каждый разъ, когда только торжествуемъ мы память преподобныхъ, церковь повторяетъ для насъ сіе званіе Спасителя въ каждое общее моленіе вѣрныхъ къ преподобнымъ она при-

глашаетъ насъ симъ гласомъ къ неложному въ своихъ обѣщаніяхъ. И нынѣ, въ память успокоеннаго по сему гласу преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, мы слышимъ сладкій сей гласъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.*

Идемъ ли мы на гласъ зовущаго? Ищемъ ли облегченія для отягченныхъ сердецъ своихъ тамъ, куда приглашаютъ насъ? Ищемъ ли отдохновенія для измученнаго духа у Того, Кто Самъ изъявляетъ желаніе успокоить насъ? Или мы и не чувствуемъ, что отягчены бременемъ несноснымъ, трудами безотрадными; не сознаемъ, что имѣемъ нужду искать отрады и утѣшенія по гласу Божественному? Знаемъ ли, что это за бремя, отъ котораго хотятъ освободить насъ? что это за покой, которымъ обрадовать насъ обѣщаютъ?

Можетъ быть, многимъ, привыкшимъ слушать лишь приглашенія льстиваго міра, не доставало ни времени, ни случая внятно слышать Божественное званіе небеснаго Утѣшителя. Можетъ быть, настоящее, вниманіе къ сему званію откроетъ, при помощи благодати, полноту значенія словъ Господа.

Приникнемъ убо ко гласу зовущаго: *пріидите ко Мнѣ.* Кто это зоветъ къ Себѣ?—Вѣчный Сынъ вѣчнаго Отца, для нашего спасенія содѣлавшійся Сыномъ человѣческимъ.

Великимъ дѣломъ считаютъ, и справедливо, когда земной царь, вмѣсто того, чтобы силою власти заставлять повинонаться себѣ, приглашаетъ самыхъ противниковъ своей власти къ общенію въ дарахъ, любви своей. Царь неба и земли чего не властенъ требовать отъ рабовъ Своихъ? Къ чему не силенъ Онъ принудить тѣхъ, которые о Немъ единомъ *живемъ и движемся и есмы?* (Дѣян. XVII, 28). Но насъ зоветъ къ Себѣ благость непостижимая. И какъ зоветъ?

Мало того, что Творецъ промыслитель въ чудномъ твореніи Своемъ говоритъ намъ о Своей волѣ. Видимая природа дивнымъ строеніемъ своимъ зоветъ насъ къ прославленію Творца своего (Псал. XVIII, 2), и нестроеніемъ служенія суетѣ возбуждаетъ воздыханія о покореніи ея и человѣка суетѣ (Рим. VIII, 21, 22). Происшествіе жизни человѣческой то говорятъ о карающемъ судѣ Божіемъ, то возбуждаютъ къ хвалѣ и благодарности Вышнему (Псал. V, 12. LXXVII, 34). Обратимся ли къ собственному сердцу нашему? Здѣсь также даетъ видѣть Себя Богъ разумовъ, здѣсь начертанъ законъ Божій, здѣсь слышимъ судъ Божій о насъ (Рим. I, 19. 20. II, 15). Но міръ не уразумѣлъ Бога своего премудростію. *Глаголющеся быти мудри объюродѣша.*

Благость Божія возвѣстила Свою волю въ непосредственномъ откровеніи. Говорила съ людьми чрезъ патріарховъ и праведниковъ. Повелѣла Моусею начертать законъ въ письменахъ. Проповѣдывала

чрезъ пророковъ. И однако должна была жаловаться на непокорность людей Своихъ. *Людіе мои, что сотворихъ вамъ? Или чимъ оскорбихъ васъ Или чимъ стужихъ вамъ? Отвѣщайте Ми* (Мих. VI, 3).

Послѣ того какъ многочастно и многообразно глаголалъ Богъ чрезъ пророковъ, въ послѣдніе дни глаголетъ Онъ въ Сынѣ Своемъ, которымъ и вѣка сотворилъ (Евр. I, 1). О! какъ велика, какъ непостижимо-велика любовь Отца небеснаго, пославшаго Сына Своего! Какъ необъятно-велика любовь Сына Божія, нисшедшаго къ чадамъ грѣха и тлѣнія, для проповѣданія воли неба! Братія! если глаголанное ангелами слово было твердо, и всякое преслушаніе противъ него поражаемо было праведнымъ мздовоздаяніемъ; то какъ убѣжимъ отъ гнѣва Божія, если будемъ не внимательны къ Сыну Божію?

Чего требуетъ отъ насъ любовь вѣчная? *Пріидите ко Мнѣ*, говоритъ она. Ко Мнѣ обратитесь, и не ищите другаго. Не найти вамъ другаго, кто-бы замѣнилъ вамъ Меня. Никакая человѣческая мудрость не отыщетъ вамъ, кто могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ Я могу быть для васъ. Страсти людскія могутъ обѣщать намъ, слушатели, многое; но не ожидайте отъ нихъ ничего, кромѣ скорбей; мудрость людская можетъ строить обольстительныя мечты счастія и покоя,— можетъ, принимая видъ набожный, увѣрять: вотъ *здѣсь* или тамъ-то *Христосъ*. Но не вѣрьте: васъ хотятъ обмануть обманутые мечтами. Внимайте единому Господу.

Пріидите ко Мнѣ, говоритъ Онъ. Не многаго требуетъ отъ насъ Господь. Ни въ гору самарійскую, ни въ Іерусалимъ не зоветъ онъ для совершенія служенія Богу (Іоан. IV, 21). Къ Нему вездѣ можно быть близкимъ, поелику Онъ Самъ вездѣ. Ни пустыня, ни городъ не приблизятъ и не отдалятъ насъ отъ Него, если сердце наше не отдалитъ насъ отъ Него. *Покайтеся и вѣруйте во евангеліе*,—вотъ чего требуетъ отъ насъ Господь, чтобы приблизиться къ Нему. Искренняя, кающаяся вѣра въ единаго Спасителя,— вотъ тотъ путь, по которому надобно идти всѣмъ и каждому. Сему поучалъ Господь въ продолженіе всей земной проповѣди; это подтверждалъ Онъ всѣми великими дѣяніями своими—чудесами и пророчествами. Апостолы повторяли то же ученіе. Безъ покаянія и вѣры нельзя быть близкимъ къ Господу. Покаяніе есть осужденіе всему дорогому для самолюбія нашего; вѣра есть стремленіе души къ Спасителю душъ. Покаяніе отрекается отъ себя; вѣра влечетъ душу къ Господу. Нельзя быть вѣрѣ въ душѣ, пока не будетъ покаянія, поелику нельзя искать помощи въ небѣ, пока не отречется душа отъ надеждъ на себя или на что либо земное. Покаяніе безъ вѣры также напрасный трудъ, поелику безъ надежды на Искупи-

теля оно будетъ только мукою душѣ, тогда какъ кающаяся вѣра совершаетъ то самое, чего требуетъ Господь гласомъ своимъ: *пріидите ко Мнѣ*.

Кто-жъ тѣ, которыхъ съ такою кроткою любовію призываетъ Господь? *Пріидите ко Мнѣ*, говоритъ Онъ, *вси труждающіися и обремененніи*. Трудящихся и отягченныхъ бременемъ призываетъ Онъ. Но кто сіи труженики и обремененные, которыхъ отзываютъ отъ трудовъ ихъ? Не тѣ ли это обремененные, которые труждаются по состоянію или званію своему? Нѣтъ, тѣ и другіе исполняютъ волю Божію. Тяжки труды житейскіе: но легкая праздность—просторный путь къ аду. Тяжело иго обязанностей званія: но Господь никогда не слагалъ съ насъ сего ига. Господь зоветъ тѣхъ обремененныхъ, которые еще не возложили на себя ига Его: *возьмите иго Мое на себе*, говоритъ Онъ далѣе имъ (ст. 29). А трудъ земледѣльца, трудъ торгующаго, трудъ служащаго отечеству сами по себѣ не мѣшаютъ ни возлагать на себя ига Христова, ни носить его. Низка доля земледѣльца,—особенно, когда отягченъ онъ бѣдностію. Но что до того? Это не мѣшаетъ спасенію его, напротивъ сближаетъ его съ путемъ истиннаго христіанина, съ путемъ смиренія и добровольной нищеты. Онъ долженъ еще благословлять Господа за свою смиренную долю, такъ какъ инымъ богачамъ слишкомъ трудно отказываться отъ богатства, чтобы идти смиреннымъ и тѣснымъ путемъ Христовымъ. *Кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ*, говоритъ апостолъ. Рабомъ ли призванъ? не печалься: *но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе. Призванный бо о Господѣ рабъ свободникъ Господень есть* (1 Кор. VII, 20—22). Ученіе Христово не отмѣняетъ земныхъ состояній; оно измѣняетъ только нравы людей.

Итакъ, кто-жъ тѣ труженики и обремененные, которыхъ зоветъ къ Себѣ Господь? Кому надобно перемѣнить свое бремя, свою ношу тяжелую, на легкое иго Христово?

Если бы сказали мы, что Господь призываетъ къ себѣ іудеевъ, отягченныхъ игомъ закона и предразсудковъ: то мы сказали бы мало. Хотя положеніе іудеевъ было жалко, хотя Христосъ Іисусъ былъ посланъ прежде всего къ погибшимъ овцамъ дома израилева: но Онъ есть Спаситель не однихъ іудеевъ. *Богъ Отецъ послалъ Его Спасителемъ міру* (Іоан. IV, 42). Пусть же идутъ къ Нему всѣ обремененные, которымъ надобно замѣнить бремя свое благимъ игомъ Христовымъ.

Какая тяжелая ноша, которую возлагаютъ на насъ привычки и страсти! Обычаи и правила, которые заставляютъ рабовъ своихъ наблюдать міръ, не бремя ли томительное? Блистательны мечты му-

дрости человѣческой, какъ и мечты книжниковъ; но чего онѣ стоютъ? Между тѣмъ хорошо было бы, если бы онѣ оставались только мечтами. *Адъ и похоть не рекутъ: довлѣетъ*, говоритъ мудрый (Прит. XXX, 16). Страсти мучатъ душу ненасытностію и упорствомъ. Каждая изъ нихъ, бывъ удовлетворена, лишь только болѣе раздражается, большую возбуждаетъ жажду, бо́льшее томленіе. Между тѣмъ, чего стоитъ удовлетворить какой либо страсти? Пронырства, хитрости, притворное униженіе предъ высшими, вражда съ равными — неизбѣжны на пути честолюбія. То ошибки и неудачи непредвидѣнныя, то враги сильные, вооружаемые нашимъ же счастіемъ, то сомнѣнія объ успѣхѣ при встрѣчѣ съ препятствіями, иногда только мнимыми, то здоровье, истощенное трудами и порывами ревности,—вотъ обыкновенные спутники къ предметамъ каждой страсти! Если, привыкая ко грѣху, не чувствуютъ его бремени изнурительнаго: легче ли отъ того? Дикое животное несется съ возложеннымъ на него ярмомъ по стремнинамъ, и чѣмъ кончитъ бѣгъ свой? Или упадетъ въ пропасть и погибнетъ, или падетъ истощенное въ силахъ. О! если бы во-время остановился несчастный труженикъ страстей!

Одни рѣже, другіе чаще, но каждый чувствуетъ тяжесть виновности своей по обличеніямъ внутренняго судіи—совѣсти. Самый разсѣянный грѣшникъ иногда въ самомъ разсѣяніи, а еще, чаще въ часы уединенія, приходя въ себя, отягощается мыслями о содѣланныхъ грѣхахъ. Случается, что совѣсть до того начинаетъ поражать его укорами, что хотѣлъ бы онъ бѣжать самъ отъ себя,—но куда бѣжать? Раненый елень бѣжитъ по лѣсу гонимый болью отъ раны, но рана остается въ немъ. Эту тяжесть совѣсти носятъ даже и тѣ, которые стараются очищать душу свою. Ибо кто изъ насъ безъ грѣха? Разность въ томъ, что чѣмъ болѣе очищаютъ сердце свое, тѣмъ яснѣе видятъ грѣхи и слабости свои, тѣмъ живѣе и чаще ощущаютъ свою виновность. Вотъ почему сильный царь израилевъ изнемогалъ, подобно страждущему болью въ костяхъ, отъ тяжести сознанія грѣховъ? *Нѣсть мира въ костехъ моихъ*, говорилъ онъ, *отъ лица грѣхъ моихъ, яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. XXXVII, 4. 5). И съ этою ношею ничего не остается дѣлать, какъ идти на голосъ призывающаго: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи.*

Достигнуть совершенства добродѣтели нельзя безъ скорбей. Путь идетъ въ гору, узокъ и тернистъ. То плоть тревожитъ давними привычками и движеніями нечистыми, или, не выдерживая напряженія безсмертной души, ослабѣваетъ и измѣняетъ духу; то самолюбіе искушаетъ, внушая душѣ льстивыя мысли о себѣ, прель-

щая благами міра, или поражая скорбію о лишеніи ихъ; то устрашаютъ гоненія міра, неизбѣжныя для рѣшившихся жить благочестиво; то примѣры и льстивыя внушенія вѣка домогаются увлечь за собою. Вотъ почему и св. Павелъ говорилъ о себѣ: *не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе. Вижду инъ законъ, во удѣхъ моихъ, противувоюющь закону ума моего. Окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* (Рим. VII, 18. 23. 24).

Наконецъ, сколько между нами томимыхъ бѣдствіемъ, страданіемъ, скорбями! Они живо чувствуютъ, что находятся въ числѣ труждающихся и обремененныхъ,—даже столько живо чувствуютъ, что желалось бы, чтобы чувствовали легче, слабѣе.

Азъ упокою вы, говоритъ небесная любовь ко всѣмъ обремененнымъ. Обѣщаніе вѣрное! Ибо говоритъ Господь.

Іисусъ Христосъ облегчаетъ отягченныхъ бременемъ грѣха. Если кровь козловъ и тельцовъ не могла очистить совѣсти людской: это естественно. Но, когда Сынъ Божій добровольно приноситъ Себя—непорочнаго въ жертву за грѣшниковъ: жертва вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Она, какъ дѣло безпредѣльной любви, выше всѣхъ подвиговъ воли сотворенной. Она какъ дѣло любви Сына Божія, достойна оскорбленной правды Божіей. Она, какъ дѣло добровольной любви, безъ сомнѣнія съ любовію принята Отцемъ небеснымъ. Никакая тяжесть грѣховъ твоихъ, бѣдная душа, не можетъ превышать цѣны подвиговъ Сына Божія.

Господь Іисусъ есть покой для безпокойныхъ, безпорядочныхъ, стремленій духа нашего. Тогда какъ тщетно блуждаютъ по предметамъ міра, ища успокоенія въ мятежномъ мірѣ и шумѣ страстей, тотъ, кто приходитъ къ Іисусу, обрѣтаетъ въ Немъ и мудрость Божію и силу и утѣшеніе. *Азъ есмь путь и истина и животъ*, говоритъ Онъ. *Грядый ко Мнѣ не имать взалкатися, и вѣруяй въ Мя не имать вжаждатися никогдаже* (Іоан. XIV, 6. VI, 35).

Господь Іисусъ успокоиваетъ труждающихся подъ игомъ закона, на тернистомъ пути добродѣтели. Упорство страстей, непреодолимое для силъ человѣческихъ, побѣждается силою, посылаемою Сыномъ отъ Отца; скорби невольно чувствуемыя въ борьбѣ съ своенравными прихотями плоти и самолюбія, услаждаются утѣшеніями благодати. Любовь, возбуждаемая силою Духа, не находитъ тяжкою никакой заповѣди. Вотъ почему тотъ самый, который вопіялъ: *окаянный я человѣкъ*,—восклицаетъ въ восторгѣ духа: *благодарю Бога моего Іисуса Христомъ Господемъ нашимъ*. Безсильный самъ по себѣ, онъ вопіетъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV, 13).

Кто терпѣлъ такія лютыя страданія, какія терпѣли мученики

Христовы? Но не видимъ ли, что они то радовались среди страданій своихъ, то мгновенное получали исцѣленіе истерзаннымъ членамъ своимъ? Кто-жъ дѣйствовалъ въ нихъ? Господь Іисусъ, за котораго страдали они. Такъ, Господь Іисусъ есть покой нашъ среди всѣхъ бѣдствій видимыхъ. Онъ, какъ Всесильный, можетъ отвратить или пресѣчь несчастіе, уничтожить причины страданій и водворить миръ. Онъ какъ побѣдитель смерти и всякаго зла, можетъ среди самаго бѣдствія открыть въ человѣкѣ чувство благополучія и самое страданіе растворить удовольствіемъ. Надежда на Него не останется въ стыдѣ (Рим. V, 5.)

Пріидите ко Мнѣ, взываетъ теперь ко всѣмъ обремененнымъ Господь нашъ. *Пріидите—Я упокою васъ*. Но всегда ли, братія, звать насъ Онъ будетъ, а мы не слушать? Всегда ли голосъ любви Его долготерпѣливой будетъ оглашать насъ, а мы не внимать ему? Нѣтъ! теперь говоритъ Онъ: *пріидите ко Мнѣ:* а тамъ скажетъ нѣкоторымъ: отойдите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный. Теперь обѣщаетъ успокоить, а тамъ возгремитъ: приготовьте червь и смрадъ, огонь и геенну для непослушныхъ рабовъ.

Итакъ, послѣдуемъ лучше призыванію любви Господа нашего; пріидемъ, приблизимся къ Нему, чтобы въ неуклонномъ пребываніи съ Нимъ наслаждаться покоемъ Его и славить святое имя Его, во вѣки. Аминь.

1842 г. Августа 14 дня.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ІОАННА БОГОСЛОВА.

Іисусъ видѣвъ Матерь и ученика стояща, егоже любляше, глагола Матери: жено, се сынъ твой. Потомъ глагола ученику: се мати твоя (Іоан. XIX, 26. 27).

Горестно было для единственной Матери-Дѣвы лишиться единаго и единственнаго Сына. Тотъ, на котораго возложены были не только надежды Матери, но надежды всего израиля, висѣлъ передъ очами ея на крестѣ, и Она оставалась только съ горестію. Сколь же было для Нея сладостно среди такой горести вдругъ обрѣсти вѣрнаго друга и сына, каковъ былъ *ученикъ, егоже любляше Іисусъ!* И послѣдняя отрада получена при крестѣ: со креста истаевавшій въ болѣзняхъ смертныхъ Іисусъ съ заботливостію взираетъ на сѣтующую Матерь, и въ неутѣшной Ея горести, подаетъ Ей въ другѣ Своемъ нѣжнаго друга и сына. *Стояху при*

крестъ Іисусовъ Мати Его и сестра Матери Его (Іоан. XIX, 25). *Іисусъ же видѣвъ Матерь и ученика стояща, егоже любяше, глагола Матери: жено се сынъ твой.*

Тотъ, его-же любляше Іисусъ, лишенный единственнаго наставника и благодѣтеля, преданнаго злобою и завистью на позорную смерть, что чувствуетъ, взирая на послѣдніе вздохи небеснаго друга своего? При крестѣ, какъ и Матерь распятаго, стоялъ онъ—обремененный горестію. И чего могъ онъ ожидать тамъ, гдѣ видны были ужасъ и смятеніе, поношенія на святыню, торжество злобныхъ враговъ, ненависть къ кроткимъ овцамъ пораженнаго пастыря? Но здѣсь-то, при крестѣ Іисусовѣ, Іоаннъ, въ самой глубокой горести, получаетъ сколько неожиданное, столь же единственное утѣшеніе слышитъ сладкій гласъ; сладчайшаго Іисуса, всыновляющій его Матери Господа. *Потомъ глагола ученику: се мати твоя.*

Такъ при крестѣ и со креста распятаго Господа Богоотроковица и Іоаннъ получаютъ внезапное облегченіе скорбей своихъ. Необычайное утѣшеніе сихъ высокихъ друзей Іисусовыхъ! Но сладчайшій Іисусъ, среди собственныхъ страданій призрѣвшій на страждущихъ при Его крестѣ Матерь и вѣрнаго ученика, не презираетъ и нынѣ тѣхъ, кои среди всѣхъ бѣдствій и скорбей спѣшатъ искать облегченія при крестѣ Его;—Онъ благоволилъ навсегда утвердить крестъ Свой предъ лицемъ вселенныя, какъ древо благословенія для уязвленныхъ скорбію сердецъ. И сколь многоразличны сіи утѣшенія, кои подаетъ съ креста Своего распятый Іисусъ скорбнымъ послѣдователямъ Своимъ!

Всего естественнѣе рожденнымъ во грѣхахъ помышлять и скорбѣть о своихъ грѣхахъ. Какъ тяжки бываютъ эти помышленія! Мысль о безчисленныхъ заблужденіяхъ ума, о необъятно-великихъ и разнообразныхъ преступленіяхъ воли подавляетъ грѣшника тягостію, которой не облегчаетъ никакая радость земная; страхъ грознаго на нечестіе правосудія Божія приводитъ въ трепетъ и содроганіе всѣ кости его. Всякая неудача, всякая бѣда, всякое паденіе и преткновеніе кажутся для сокрушеннаго грѣшника стрѣлою гнѣва Божія, знаменіемъ карающаго правосудія небеснаго. Напрасно онъ сталъ бы придумывать средства къ успокоенію себя; цѣлыя тысящелѣтія искалъ онъ покоя совѣсти и не нашелъ ни въ какихъ своихъ средствахъ. Но, одинъ взоръ на распятаго Іисуса и—страждущая душа возвращается отъ унынія къ спасительной радости. Крестъ Іисусовъ, говоритъ вѣра душѣ, сѣтующей о своихъ грѣхахъ,—вотъ жертвенникъ очищенія (Исх. XXX, 30), престолъ благодати, отъ коего каждый пріемлетъ милость и благоволеніе Божіе! Зри распятаго на немъ Господа. Се любовь вѣчная,

смертными страданіями умилостивляющая раздраженную правду Божію! Се единый праведникъ, на коемъ всѣ неправды и беззаконія, всѣ злодѣянія и преступленія! Се Тотъ, Кто испилъ чашу ярости Божіей за всѣхъ презрителей вѣчной правды! Такъ, жестокія казни міра болѣе не составляютъ для насъ грозныхъ казней мстительной правды Божіей: довольно,—онѣ были орудіями казни для сего распятаго; онѣ вполнѣ излили на Него ярость мщенія Божія, вполнѣ наказали въ Немъ наши преступленія. Итакъ здѣсь, предъ симъ древомъ благословенія, доселѣ смущенная чувствомъ виновности своей душа ищетъ себѣ помилованія; здѣсь восторженная чувствами упованія; восклицаетъ: *помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ*, и слышитъ со креста сладкій голосъ сладчайшаго Іисуса: *аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 42, 43).

Но жестокія искушенія крестнаго пути неизбѣжны и для оправданныхъ въ Іисусѣ. Часто самые твердые послѣдователи Христовы, забывая сладость правды распятаго Іисуса, приходятъ въ неизъяснимое уныніе; они чувствуютъ себя какъ бы оставленными, безъ силъ, безъ помощи, отверженными отъ лица Божія; *воды* скорбей до того умножаются въ душѣ ихъ (Псал. LXVIII, 2), что какъ бы готовы поглотить ихъ. И здѣсь-то преимущественно взоръ вѣры на распятаго Господа исполняетъ утѣшеніемъ скорбныя сердца. Сколько надеждъ на помощь небесную возбуждаетъ сей взоръ! И какъ крѣпки сіи надежды! Отецъ небесный далъ намъ Сына Своего: чего же послѣ этого Онъ не дастъ намъ? Сынъ Божій понесъ всѣ наши страданія: откажется ли Онъ подкрѣпить насъ въ оставшихся для насъ скорбяхъ? Сей кроткій Ходатай, пришедшій исцѣлить сокрушенныхъ сердцемъ (Исаія. LXI, 1. Лук. IV, 18), утѣшить *молодушныхъ умомъ*, укрѣпить *руки ослабленныя и колѣна разслабленныя* (Исія. XXXV, 1. 4), положившій душу Свою за спасеніе людей,—ужели не попѣшитъ утѣшить скорбныхъ дѣтей Своихъ? Неужели Тотъ, который Самъ *искушенъ* былъ *по всяческимъ*, Самъ испыталъ всю немощь силъ человѣческихъ, всю жестокость искушеній, отречется и *искушаемымъ помощи?* (Евр. II, 18). *Что убо речемъ къ симъ?* Тотъ, который *Сына Своего непощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* (Рим. VIII, 31. 32). Нѣтъ! мы не такого имѣемъ первосвященника, который бы не могъ или не хотѣлъ спострадать *нашимъ немощемъ, но искушена по всяческимъ* подобно намъ, *развѣ грѣха* (Евр. IV, 15). Нашъ Ходатай сколько могущественъ;—какъ Слово Отчее, какъ Слово-Богъ—столько же милосердъ; болѣзнуетъ о нашихъ немощахъ, призываетъ къ Себѣ всѣхъ труждаю-

щихся и обремененныхъ, и ихъ упокоиваетъ (Матѳ. XI, 28). Если не пойду, говорилъ Онъ предъ смертію, Утѣшитель не придетъ къ вамъ; но Онъ пошелъ къ Отцу Своему, и Отецъ пошлетъ утѣшеніе и помощь. Отецъ небесный не откажетъ въ помощи просящимъ помощи, когда не отказалъ Онъ намъ въ Сынѣ; не откажетъ, когда Сей самый Сынъ ходатайствуетъ за насъ. Подлинно, что значатъ всѣ прочія блага, что значитъ всякая другая помощь въ сравненіи съ тѣмъ неоцѣненнымъ благомъ, какое подано намъ въ распятомъ за насъ Сынѣ Божіемъ? Пусть міръ и всѣ враги креста Христова умножатъ жестокость гоненія своего: рабъ Христовъ, взирая на распятаго Господа своего, не только не боится зла, не только не ослабѣваетъ отъ страха враговъ и бѣдъ, но паче исполняется ревностію и твердостію, готовится на всѣ мученія.

Здѣсь, при подножіи креста Христова, христіанинъ видитъ, что на древѣ крестномъ все претерпѣлъ отъ грѣшниковъ (Евр. XII, 2) Тотъ, Который возлюбилъ насъ до смерти;—можно ли же не любить сего Спасителя и Господа? можно ли, любя, не сообразоваться во всемъ съ возлюбившимъ насъ Іисусомъ, не пріобщаться самимъ страданіямъ Его? Пусть ужасы скорбей и бѣдствій поражаютъ духъ вѣрнаго раба и друга Христова: онъ видитъ въ страданіяхъ Іисусовыхъ свои собственныя и въ своихъ собственныхъ страданія и язвы Господа Іисуса, видитъ—и ничѣмъ столько не услаждается, какъ симъ общеніемъ страстей Христовыхъ (Фил. III, 10). Для плотскихъ помышленій даже непонятно, до какой степени въ святыхъ мученикахъ и исповѣдникахъ возвышались восторги сердца, услаждавшагося ощущеніемъ скорбей Христовыхъ. Они забывали всѣ свои страданія, спѣшили, какъ жаждущій елень—на хладные потоки, на жестокія скорби и, среди мукъ, изъявленные, истерзанные, отъ ногъ до главы покрытые ранами, въ восторгѣ сердца вѣщали: сіи раны—раны Господа нашего, сіи стрѣлы злобныхъ враговъ—стрѣлы пронзившія Господа нашего, сіи члены истерзанные и сокрушенные—члены закланнаго Агнца Божія, прободеннаго Господа нашего. Какой славы, какихъ сокровищъ, какихъ утѣшеній желать, когда съ нами и въ насъ распятый Господь Іисусъ? Такъ, всѣ гонимые за правду,—всѣ коихъ преслѣдуетъ міръ, за то только, что они не отъ міра, находятъ сладостную отраду при крестѣ Христовомъ.

Взирайте, увѣщаваетъ апостолъ ослабѣвающую въ скорбяхъ братію свою, *взирайте на Начальника вѣры и совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сѣдѣ* (Евр. II, 2); взирайте: таково шествіе подвигоположника нашего,—съ Голгоѳы

Онъ восшелъ на небо и сѣлъ одесную величествія Божія,— взирайте и зрите къ утѣшенію вашему въ крестномъ пути Христовомъ путь къ вѣчному блаженству вашему. Подлинно, если совершитель вѣры и спасенія нашего благоволилъ испытать жесточайшія страданія—поношенія, поруганія, заушенія, раны и язвы гвоздинныя, позорную смерть,—и послѣ сего *одесную престола Божія сѣде*; если *видимъ Іисуса*—подвигоположника спасенія *за принятіе смерти славою и честію вѣнчанна* (Евр. II, 9): то идти по крестному пути Его не значитъ ли идти по безопасному пути спасенія—къ вѣчной славѣ? И если *Начальнику спасенія* надлежало *страданьями* войти въ славу Свою (Евр. II, 10): то всякой другой путь къ совершенству, какой дерзаетъ предписывать себѣ плоть, любящая покой и нѣгу, или кичливый разумъ, поставляющій одного себя цѣлію всѣхъ своихъ заботъ,—всякой другой путь, несообразный съ крестнымъ путемъ Христовымъ, не есть ли путь гибельный? Такъ тѣмъ, которые шествуютъ по скорбному пути Іисусову, подвигоположникъ даетъ сѣсти съ Нимъ на престолѣ, и они на землѣ уже радуются *яко и въ явленіи славы Господа своего возрадуются* (I Петр. IV, 13); вѣрно слово, говоритъ съ полною увѣренностію апостолъ, *аще съ Нимъ умрохомъ, съ Нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся* (II Тимоѳ. 11, 12). *Аще умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ* (Рим. VI, 8). И презритъ ли Отецъ небесный тѣхъ, которые отреклись отъ себя и всего міра, ищутъ единаго—Его воли въ Іисусѣ, ищутъ—страдать и умереть вмѣстѣ съ Тѣмъ, Который искалъ только славы Отчей? Презритъ ли Самъ прославленный Сынъ тѣхъ, кои пребыли съ Нимъ въ Его напастяхъ? Онъ завѣщалъ имъ царство, которое завѣщалъ Ему Отецъ для общенія блаженства съ Его присными! (Лук. XXII, 28. 29). Тяжко не видать въ жизни ничего, кромѣ скорбей и бѣдъ; тяжко отказывать себѣ въ утѣшеніяхъ, какія можно бы находить не на пути крестномъ; тяжко повторять себѣ только объ одномъ: страдай и терпи. Холодный разумъ никакими совѣтами не утѣшитъ души, истерзанной страданіями жизни. Только взоръ вѣры на распятаго Господа славы открываетъ для крестоносца небо, готовое принять его съ земли. Взоръ вѣры на страждущаго Искупителя разрѣшаетъ тяжкую тайну земной, скорбной жизни. Утѣшься, крестоносецъ Христовъ! для тебя есть радости вѣрныя; утѣшься *и не ревнуй спѣющему* здѣсь въ пути своемъ, *человѣку творящему законопреступленіе* (Псал. XXXVI, 7). Онъ спѣетъ среди радостей для вѣчной погибели, а ты спѣешь среди скорбей для вѣчнаго блаженства.

Вѣрные рабы Христовы, вы, которые идете по крестному пути Христову и не всегда находите отраду себѣ! вамъ принадлежитъ

сіе слово,—какъ слово утѣшенія, какъ скудная капля росы духовной для оживленія истомленнаго скорбями духа вашего. А тѣмъ изъ насъ, которые при каждомъ встрѣчающемся бѣдствіи спѣшатъ почерпать утѣшенія только въ кладенцахъ сухихъ, ищутъ утѣшеній отъ міра и плоти, тѣмъ пусть будетъ сіе слово словомъ обличенія и наставленія, да обращаются и они къ кресту Христову, когда постигнутъ ихъ скорби; да научатся и они вкушать только тѣ утѣшенія, которыя нисходятъ съ древа благословенія—съ креста Христова. Аминь.

1844 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

И ТЕЗОИМЕНИТСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ (Лук. X, 20).

Два праздника совершаетъ нынѣ святая церковь. Празднуетъ память великаго угодника Божія святителя Николая, и празднуетъ день помазанника Божія благочестивѣйшаго императора Николая Павловича. Отчего это совмѣщеніе? Вопросъ сей, какъ видите, вызываетъ другой вопросъ: что значитъ, что при крещеніи нашемъ церковь даетъ намъ имена?

Если общество людей даетъ свое имя человѣку: это означаетъ, что человѣкъ получаетъ право принадлежать къ сему обществу. Если монархъ украшаетъ мужа брани или слугу правды почетнымъ именемъ: это означаетъ, что мужъ брани или слуга правды сталъ ближе къ престолу монарха, ближе къ его любви и славѣ.

Подобное сему бываетъ въ церкви Христовой. Она даетъ имя младенцу или возрастному: это означаетъ, что младенецъ или возрастный начинаетъ принадлежать церкви, начинаетъ имѣть права на преимущества церкви Христовой, начинаетъ быть любимымъ рабомъ царя Господа Іисуса. Церковь Христова одна и на землѣ и на небѣ; что совершается на землѣ властію церкви, совершается и на небѣ; права имени, даннаго на землѣ, утверждаются на небѣ. Судите же, какъ много значитъ пріобрѣсть имя въ церкви Христовой? Вы, стяжавшіе себѣ имя на полѣ чести! вы знаете, какъ лестно, какъ пріятно—пріобрѣсть себѣ имя на полѣ чести земной. Но, извините; ваша радость не такъ лестна, какъ радость объ имени

христіанскомъ. *Обаче о семъ не радуйтеся, рече Господь.* Какъ ни велика, какъ ни славна честь земная, она принадлежитъ землѣ; мало того, она болѣе возбуждаетъ страхъ, чѣмъ радость, такъ какъ легко увлекаетъ за собою слабое сердце наше, и отвлекаетъ отъ Бога и святаго закона Его. *Обаче о семъ не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются.* Много значитъ, даже въ духовной жизни, имѣть власть надъ духами злыми: но и этой великой власти не надобно радоваться, чтобы не забыть подателя всякой власти, чтобы не остановиться только на одномъ себѣ. *Радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (Лук. X, 20). Радуйтесь тому, что вы вписаны въ число принадлежащихъ Господу Іисусу, въ число искупленныхъ кровію Агнца вѣчнаго. *Радуйтеся,* говоритъ Самъ Господь. И какъ не радоваться? Ни на небѣ, ни на землѣ нѣтъ имени выше имени Іисусова; а кто получаетъ имя въ церкви Христовой, новое имя открываетъ тому права на славу, пріобрѣтенную Іисусомъ. Что значитъ слава, что значатъ почести и богатства времени, въ сравненіи съ вѣчною славою, съ вѣчнымъ блаженствомъ? А та книга, куда переносится изъ церкви земной имя христіанское, называется *книгою жизни* (Апок. III, 5), такъ какъ записанныхъ въ ней ожидаетъ вѣчная блаженная жизнь; она называется живою *книгою Агнца* (Апок. XIII, 8. XXI, 27), такъ какъ въ нее внесены искупленные для вѣчнаго блаженства вѣчно-живымъ Агнцемъ Божіимъ Христомъ Господомъ. *Радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ.* Здѣсь забываютъ величіе имени христіанина, но вспомнятъ тамъ—за гробомъ и, о! когда бы не въ первый разъ. Бѣдный собратъ мой! Люди не дорожатъ твоимъ именемъ; они уважаютъ другія имена, другія отличія въ себѣ и въ другихъ. Жаль, очень жаль ихъ. Чѣмъ менѣе уважаютъ они это великое имя, тѣмъ тяжелѣе осуждены будутъ. Имъ не дороги права имени христіанскаго; имъ дороги права богатства, права почести земли. Оставимъ ихъ съ землею,—тебѣ принадлежитъ небо.

Имя христіанина, даруя человѣку многое, многаго и требуетъ отъ него. Обязанности, возлагаемыя именемъ христіанина, весьма обширны, разнообразны и высоки. Чтобы облегчить для немощи нашей приложеніе ихъ къ жизни, церковь Христова, церковь православная, обширныя обязанности послѣдователя Христова предлагаетъ въ примѣрѣ частномъ: одного новымъ именемъ обязываетъ подражать ап. Петру, другаго Николаю, третьяго Антонію великому и т. д. О, если бы каждый Антоній былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ тотъ древній, истинно великій Антоній! Антоніи и Павлы ѳивейскіе всю жизнь свою посвящали на то, чтобы высокій образъ христіанина, какъ можно, полнѣе отразился въ ихъ жизни. И какъ блистательно, какъ

величественно сіяетъ онъ въ ихъ жизни! А жизнь святителя Николая была подвигомъ самой пламенной любви къ ближнимъ; миловать, спасать, утѣшать, вразумлять—вотъ что было предметомъ трудовъ его и при свѣтѣ дня, и во мракѣ глубокой ночи. Опытъ близокъ къ смыслу каждаго; примѣръ ставитъ предъ глаза незримыя мысли высокой жизни христіанской; нужно только смотрѣть и—поймешь. Къ чему проповѣдывать отвлеченныя истины, когда ихъ не понимаетъ большинство людей? *Подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу*, писалъ Павелъ (1 Кор. XI, 1); примѣръ жизни моей—вотъ вамъ близкое, самое доступное училище! Любезный собратъ! прекрасная для тебя проповѣдь—имя святаго, которое ты носишь. По степени образованности, на которой поставленъ ты, быть можетъ, не имѣешь ты обширнаго разсудка, чтобы размышленіемъ обнимать и усвоять высокія истины христіанства: но у тебя, безъ сомнѣнія, есть память. Затверди же памятью жизнь твоего святаго. Послѣ того тебѣ останется плакать надъ жизнью своею, такъ какъ въ ней много непохожаго на святую жизнь ангела твоего. Пусть высокія добродѣтели твоего святаго будутъ святынею сердцу твоему, предъ которою и стыдно и тяжко было бы являться тебѣ съ грѣхами твоими. Примѣрами, которые окружаютъ тебя, примѣрами, міра грѣшнаго и изобрѣтательнаго на грѣхъ, ты можешь извинить или и оправдать въ себѣ каждую слабость, каждую наклонность худую, каждый грѣхъ. Но не оправдаетъ, не извинитъ тебя жизнь твоего святаго. Одна мысль о немъ покажетъ тебѣ, куда должны стремиться желанія твои, куда приведетъ тебя широкій путь міра, по которому идутъ толпы. Мысль о строгости святаго подвижника къ себѣ самому обличитъ твою безпечность для добра, довольство его немногимъ умѣритъ твои желанія многаго и пустаго, примѣръ его одушевитъ тебя желаніями единаго на потребу. Возобновляй же чаще въ памяти твоей подвиги твоего святаго и—тебѣ будетъ дорого спасеніе души твоей, и не будетъ дорогъ вѣкъ лукавый и погибельный.

Въ церкви іудейской давали дѣтямъ имена родственниковъ. Безъ сомнѣнія, пріятно скрѣплять и предъявлять именемъ своимъ союзъ съ родствомъ, дорогимъ сердцу. Но если такимъ образомъ скрѣпляется одинъ союзъ родства плотскаго: согласитесь, что это только плоть и кровь. Положимъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ въ виду поддержать союзъ съ великими по вѣрѣ и благочестію. Но и въ такомъ случаѣ духъ смѣшиваютъ съ плотію: это и не совсѣмъ чисто и не совсѣмъ безопасно. Какая разность, когда скрѣпляютъ именами только союзъ духовный! Какая разность, когда настоящее соединяютъ съ прошедшимъ только по духу, именами великими въ жизни духовной,—одной достойной человѣка! Какую прекрасную

картину представляетъ христіанство православія! *О семъ познаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, сказалъ Господь. И эта печать учениковъ Христовыхъ, эта любовь, связующая сердца, раздѣленныя пространствами временъ и мѣстъ, лежитъ на православіи. Оно то же теперь, чѣмъ было за 16 столѣтій: тѣ же въ немъ имена, а имена вызываютъ ту же жизнь; и— ряды вѣковъ неразрывно скрѣплены именами и жизнію; любимое за 13 и 18 вѣковъ никогда не преставало, не престаетъ и теперь быть предметомъ любви.

Жизнь земная—горька; а таже жизнь для христіанина—жизнь крестныхъ страданій. Однимъ изъ сладкихъ утѣшеній страннику земли служитъ надежда на покой въ вѣчности. И, въ подкрѣпленіе сей надежды, православіе указываетъ опять на имена прославленныя. Сколько чудесъ совершили святые Божіи по смерти своей! Сколько дѣлъ великихъ совершено ими предъ глазами тысячей тогда уже, какъ они оставили землю! Итакъ, дѣла ихъ и опыты чувствъ нашихъ показываютъ, что они живутъ и за предѣломъ тлѣнія, что они—благоугодные слуги Господу, пріяли вѣнецъ правды за подвиги вѣры и благочестія. Вотъ доказательство жизни, дѣйствующей за гробомъ! Это не выводъ умозрѣнія ненадежнаго для каждаго. недоступнаго для простыхъ сердецъ. Нѣтъ, здѣсь говорятъ дѣла,— дѣла, которыхъ не могутъ творить люди, не уполномоченные властію Божіею. Тверда сія опора сладкой надеждѣ на блаженную вѣчность праведника. Итакъ, благодари Господа, братъ мой; самое имя, которое ты носишь имя святаго, прославленнаго Господомъ, можетъ утѣшать тебя надеждою на блаженную вѣчность. Итакъ, когда подъ бременемъ напастей времени станетъ тебѣ и грустно и тяжко: вспомни, что праведникъ, котораго имя на тебѣ, также былъ человѣкъ, также чувствовалъ скорби, также чувствовалъ нападенія страстей; но онъ молился и терпѣлъ, надѣялся и просилъ, и теперь—на небѣ. Молись же и терпи и ты, плачь и уповай и ты, и для тебя все горькое кончится, и тебя встрѣтитъ тамъ покой, и ты скоро будешь радоваться о скорбяхъ, какія переносилъ здѣсь для Господа. Дорожи же симъ утѣшеніемъ, дорожи заботою церкви о твоемъ покоѣ. Какъ приблизила къ тебѣ отраду любовь ея! Имя, самое имя, которое ты носишь, защита тебѣ отъ сомнѣній и скорбей. Безъ того, положимъ, твой предокъ, по отзыву всѣхъ знавшихъ его, былъ человѣкъ добрый, честный, достойный лучшей участи за гробомъ. Но подумай—и ты согласишься, что судъ Божій не то, что судъ человѣческій. По суду человѣческому твой предокъ—праведный человѣкъ. Но чѣмъ ты увѣришь себя, что точно таковъ же онъ по суду Божію? Чѣмъ ты увѣришь себя, что онъ свободно взошелъ къ престолу Божію, не удер-

жанный въ темной странѣ тайными влеченіями грѣшнаго сердца? Братія мои! вѣрно, непрерѣкаемо-вѣрно только то, о чемъ самъ Богъ говоритъ словами или дѣлами.

Еще болѣе значатъ имена церкви для надежды на помощь небесную. Если любовь не умираетъ; если на небѣ лучше видятъ и любятъ, чѣмъ на землѣ; если бренная одежда духа—плоть наша только стѣсняетъ силы духа: то нѣтъ сомнѣнія, что мольбу мою скорѣе выслушаютъ, скорѣе примутъ къ сердцу, скорѣе выполнятъ братія мои на небѣ, чѣмъ на землѣ. Это такъ просто, такъ естественно, какъ нельзя болѣе. Церковь, давая мнѣ имя святаго, поручаетъ меня покрову и молитвѣ сего святаго: вѣрная и сладкая вѣра церкви! Тѣ, которые, обитая тамъ—на небѣ, составляютъ съ земною церковію единую церковь Христову, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ и выполняютъ желанія земной церкви, особенно же выполняютъ когда къ надеждѣ церкви я и ты присоединяемъ свои усердныя молитвы. Потому-то собрались мы въ храмъ сей молить святителя Христова Николая о соименномъ ему благочестивомъ царѣ нашемъ. Земля и море—свидѣтели чудныхъ благодѣяній святителя Христова. Это такъ же несомнѣнно, какъ несомнѣнно то, что я и ты видимъ и слышимъ, осязаемъ и чувствуемъ.

Царю царствующихъ и Господи господствующихъ! Услыши молитву рабовъ твоихъ о благочестивѣйшемъ императорѣ нашемъ, на которомъ лежитъ святое имя святаго угодника Твоего. Все наше, имена и дѣла наши, да принадлежатъ славѣ Твоей со Отцемъ и святымъ Духомъ Твоимъ. Аминь.

1843 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Бога бойтесь, царя чтите (1 Петр. II, 17).

Благодареніе любви къ намъ Господа Іисуса! Въ семъ священномъ храмѣ служитель слова съ миромъ въ совѣсти можетъ на дѣлѣ видѣть исполненіе апостольскаго слова: *царя чтите.* Одни долгою службою на полѣ брани, другіе вѣрною службою въ судѣ правды, иные усердною и всегда готовою платою повинностей государственныхъ вѣрно свидѣтельствуютъ, что имъ извѣстна заповѣдь апостольская о почитаніи царя. Не сомнѣваюсь,

что каждый изъ предстоящихъ здѣсь знаетъ даже и то, какъ обширна эта заповѣдь, какъ не внѣшнія только дѣйствія, но и самые помыслы, самыя тайныя чувства и желанія наши покоряетъ она себѣ и царю нашему, какъ заставляетъ она страшиться даже того, чтобы мыслію возглаголать стропотное противъ Помазанника Божія или не оказать повиновенія ему принадлежащаго;—знаетъ твердо слова апостола: *вѣсть Господь неправедники на день судный мучими блюсти: наипаче же о господствѣ нерадящыя, продерзателе, иже славы не трепещутъ хуляще* (II Петр. II, 9. 10). Такъ—съ миромъ въ совѣсти служитель слова можетъ считать исполненнымъ здѣсь апостольское слово: *царя чтите.*

Но такъ ли выполняется другое слово апостола: *Бога бойтеся?* Не дивитесь, что такъ думаю о семъ извѣстномъ апостольскомъ словѣ,—считаю его какъ бы не довольно извѣстнымъ и признаю за обязанность служителя слова часто предлагать о немъ слово. Я думаю,—если есть между нами не довольно успѣвающіе или ослабѣвающіе въ благочестіи: то это, между прочимъ, и оттого, что они не имѣютъ должной боязни предъ Господомъ; также какъ, если многіе другіе идутъ съ успѣхомъ по пути спасительному, то ихъ облегчаетъ въ ихъ подвигѣ чувство благоговѣнія къ Господу. Вотъ почему и вашей любви хочу я предложить слово о апостольскомъ словѣ: Бога бойтеся.

Увы мнѣ, погибъ я, яко человѣкъ сый и нечисты устнѣ имый посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу, и Царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима. Такъ восклицалъ пророкъ, пораженный ужасомъ при мысли о своей нечистотѣ и о святости Господа, предъ которымъ узрѣлъ онъ себя. Не всѣ пророки, чтобы видѣть очима своима Господа Саваоѳа. Но всѣ ли могутъ предъ очами Господа указать только на одну нечистоту устенъ своихъ, на пребываніе съ людьми, нечистыя устнѣ имущими, и на то, что они только человѣки? Дозволитъ ли кому изъ насъ добрая совѣсть поставить себя на одну степень съ Боговидцемъ Исаіею? О! кто изчислитъ грѣхи и беззаконія наши? кто укажетъ намъ глубину нечистоты, въ какой мы повержены? Совѣсть легко прощаетъ тебѣ слабости общія для всѣхъ людей, хотя не простила она сей слабости пророку. Но, какъ много грѣховъ, какъ много беззаконій, которыя пьемъ мы, какъ воду, повторяемъ по привычкѣ нашей къ нимъ, не чувствуя страха, не чувствуя даже и слабаго смущенія въ душѣ своей? Грѣхи къ грѣхамъ, беззаконія къ беззаконіямъ прилагаемъ мы ежедневно. И однако всѣ мы живемъ предъ очами Господа мстителя неправдамъ нашимъ, ревнителя святости и чистоты, страшнаго во гнѣвѣ на грѣшниковъ. Мы не видимъ Его во свѣтѣ

видѣнія пророческаго; духовное око наше омрачено грѣхами. Но это должно ли умалять страхъ нашъ предъ Нимъ? Въ слѣпотѣ своей мы усугубляемъ нечистоты свои, не думая о томъ, что будетъ съ нами. Теперь мы не видимъ Господа святости, но нѣкогда увидимъ, и—тогда огонь святости Его потребитъ грѣшниковъ. *Потребитъ Господь вся дѣлающія беззаконія* (Псал. С, 8). *Потребитъ всякаго любодѣющаго отъ него* (Псал. LXXII, 27).

Если царство Христово, къ которому по благодати Христовой принадлежимъ мы, преимущественно есть царство любви: то да не думаемъ, чтобы любовь Христова къ намъ освобождала насъ отъ страха предъ Богомъ. Св. апостолъ говоритъ: *пріемля царство непоколебимое, будемъ хранить благодать, и помощію ея будемъ служить благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ* (Евр. XII, 28). Апостолъ съ чувствомъ благодатнаго обладанія дарами любви Христовой поставляетъ въ необходимой связи чувство страха и благоговѣнія. Такъ, Христосъ не для того страдалъ за насъ, не для того умеръ за насъ, чтобы мы безбоязненно творили грѣхъ, чтобы жили по волѣ беззаконныхъ желаній сердца нашего. Нѣтъ—Онъ искупилъ насъ отъ страха казни, которой сами избѣжать мы не могли: но съ тѣмъ, чтобы мы, вѣрою объемля Его—Спасителя нашего, и любовію не отпадали отъ Него и отъ святаго закона Его; Онъ пріобрѣлъ для насъ всю любовь Отца небеснаго, которую потеряли мы грѣхами: но предоставилъ волѣ нашей, при помощи благодати, удержавъ сію любовь и усвоять дары ея. Если мы не внимательны къ толикой любви Христовой: то тѣмъ усугубляемъ виновность нашу предъ грозною правдою Божіею. По истинѣ, *како* мы *убѣжимъ* гнѣва, *о толицѣмъ нерадивше спасеніи?* Братія во Христѣ! кому больше дано, съ того больше взыщутъ. Мы больше, чѣмъ отцы наши ветхозавѣтные, получили даровъ благости Божіей; больше и страшиться должны правды Божіей. Мы больше, нежели другіе, осѣнены благодатнымъ покровомъ благости Божіей. Устрашимся столь близкаго общенія съ нами святаго и правосуднаго Бога нашего! *Богъ поругаемъ не бываетъ!* Возможно ли, чтобы столько даровъ Божіихъ могли мы безнаказанно расточать, не употребляя ихъ по ихъ назначенію? Благость Божія, конечно, не до того простирается къ намъ, чтобы оставить безъ строгаго суда и наказанія наше пренебреженіе къ ея щедротамъ.

Не думаемъ ли мы, что любовь христіанина къ Господу своему можетъ дозволить намъ проводить время свое безъ страха Божія? Любовь къ дивному въ совершенствахъ Своихъ не можетъ быть безъ чувства благоговѣнія. Любовь истинная постоянно размышляетъ о величіи Бога своего, неуклонно зритъ на безпредѣльную славу имени

Его и не дозволяетъ себѣ ни одного движенія, въ которомъ бы могло обнаружиться невниманіе къ высокому предмету ея помысловъ и желаній. И потому-то самая радость ея о Богѣ никогда не бываетъ безъ трепета и ни одно дѣло служенія ея Господу не бываетъ безъ страха. *Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Псал. II, 11).

Совершенная любовь изгоняетъ страхъ, говоритъ апостолъ любви (1 Іоан. IV, 18). Это значитъ только то, что любовь на высшей степени своего совершенства сама по себѣ, безъ нашего усилія, исключаетъ страхъ рабскій, трепещущій одного гнѣва Божія; но не означаетъ того, чтобы совершенная любовь исключала смиренное сознаніе своего недостоинства, или благоговѣніе къ Богу великому и святому. Замѣтьте, что апостолъ говоритъ о высшей степени любви, о любви очищенной опытами скорби, о любви укрѣпленной, подвигами самоотреченія, а не о временныхъ восторгахъ души еще не узнавшей ни всей нечистоты своей, ни трудности восхожденія къ Богу. Сей-то любви присвояетъ онъ свободу духа, но такую же, какую можетъ имѣть достойный сынъ въ отношеніи къ доброму отцу. Добрый сынъ любитъ отца своего нѣжно, и свободно открываетъ ему свои мысли, желанія, нужды. Но онъ не былъ бы уже добрымъ сыномъ, если бы подходилъ къ отцу съ дерзостію, безъ уваженія къ нему,—если бы сталъ требовать отъ отца того, на что не имѣетъ права по своему положенію. Точно такъ, истинно боголюбивая душа, если приближается къ Богу съ дерзновеніемъ и любовію: то вмѣстѣ съ тѣмъ остается справедливою къ себѣ и Богу своему. Она не дозволяетъ себѣ забывать своей удобопреклонности къ паденію, своихъ грѣховъ и преступленій, которыя столько разъ повторяла она; не перестаетъ зрѣть въ Богѣ сердца своего Бога святости, который благоугождается только жизнію святою и не можетъ не отвращаться отъ нечистыхъ сердецъ нашихъ. Вотъ почему говорится и святымъ: *бойтеся Господа вси святіи Его* (Псал. XXXIII, 10). Такъ для истинной любви святъ и спасителенъ страхъ Божій!

Кому-же и почему не нравится страхъ Божій? Тайной гордости нашей, потому что онъ обуздываетъ ея движенія, смиряетъ ея замыслы, велитъ ей молчать въ насъ. Потому-то, желая избавиться отъ тяжелой власти, она завлекаетъ неопытную душу въ самоволіе. Остерегайтесь тайной гордости, остерегайтесь особенно тогда, когда вы только что вступили на путь спасительный. Ей пріятно, ей очень хочется любоваться собою. Потому, она не только скрываетъ нашу виновность предъ Богомъ, не только побуждаетъ смотрѣть, долго смотрѣть, на доброе, что удалось намъ сдѣлать, но выставляетъ насъ предъ

нами въ лучшемъ видѣ. Отселѣ, едва только совѣсть начинаетъ представлять сознанію нашему наши грѣхи, наши привычки дурныя, едва только начинаетъ успѣшно дѣйствовать страхомъ суда Божія на исправленіе жизни,—самомнѣніе спѣшитъ успокоить едва пробудившуюся душу мыслію о нашей довольно исправной жизни, объ общей слабости природы нашей, украшаетъ воображеніемъ дѣла юности духовной, ослабляетъ рѣшимость воли чувствомъ успѣховъ нѣкоторыхъ. Съ гордостію не совмѣстенъ страхъ Божій. Она мало по малу старается ослабить его въ насъ, изгладить его въ душѣ; а ослабляя страхъ Божій, укрѣпляетъ за собою власть надъ душею нашею и возрастаетъ въ ней.

Тамъ нѣтъ истинной любви къ Господу, гдѣ не обращаютъ вниманія на честь и славу Единаго—достойнаго любви и славы. Тамъ обыкновенно уважаютъ вмѣсто Бога себя, вмѣсто воли Божіей—свою волю. Не станемъ прельщать себя, что мы стоимъ на высокой степени духовнаго совершенства, когда ощущаемъ въ душѣ своей восторги любви къ Господу, приближаемся къ Нему въ молитвѣ съ чувствомъ утѣшенія: если эти восторги духа не сопровождаются чувствомъ благоговѣнія, они не только не святы, но даже опасны. Они не святы потому именно, что въ нихъ нѣтъ святаго страха Божія, а есть тайная гордость, тайное самоуслажденіе. Они опасны и страшны потому, что, бывъ возбуждены тайнымъ самомнѣніемъ духа горделиваго и, усиливая взаимно собою сіе самомнѣніе, приближаютъ душу къ глубокому паденію.

Теряя страхъ Божій, теряемъ и внимательность къ своему спасенію. Вспомнимъ братія, тѣ дни и часы, когда, по милости Бога нашего, мы сознавали отъ всей полноты нужду исправленія и жизни спасительной; вспомнимъ, какъ глубоко проникнуты мы тогда были страхомъ Божіимъ, съ какою искренностію внимали мы себѣ и волѣ святаго и праведнаго Бога; и—какъ страхъ Божій пробуждалъ насъ отъ небрежности и возбуждалъ къ дѣламъ покаянія. Пока полна душа благоговѣніемъ къ Господу, она хранитъ себя отъ грѣха и старается освящать желанія и дѣйствія свои волею Того, предъ кѣмъ благоговѣетъ она,—волею Того, чью волю она считаетъ святою и непреложную, чью власть—властію всемощною и вседѣйствующею. Она страшится, какъ бы не оскорбить своими неправдами Бога сердца своего, какъ бы не сдѣлать чего нибудь неугоднаго Тому, кто Господь ея во времени и въ вѣчности. *Блаженъ мужъ бояйся Господа: въ заповѣдехъ его восхощетъ зѣло* (Псал. CXI, 1). Встрѣчается искушеніе, искушеніе льстивое и сильное, но которому велитъ противостоять законъ Божій? Благоговѣйная душа говоритъ себѣ: *како сотворю глаголъ сей и согрѣшу предъ Богомъ?* (Быт. XXXIX, 9).

И симъ помысломъ, пробуждая въ себѣ осторожность, она побѣждаетъ искушеніе. Не вооружись она симъ оружіемъ,—наслажденіе грѣховное своею сладостію увлечетъ ее въ волю грѣха. Страхъ, по естественному своему дѣйствію, гонитъ покой и лесть грѣховнаго наслажденія; страхъ самъ по себѣ есть движеніе души безпокойное, которое, возбуждаясь грозною мыслію о предстоящей опасности, гонитъ изъ души миръ, столько необходимый для состоянія наслажденія. Для того, чтобы онъ совершенно препобѣдилъ возбудившееся чувство преступнаго удовольствія, нужно только, чтобы онъ былъ сильнѣе сего послѣдняго. Страхъ Божій точно также дѣйствуетъ на душу, и преимущество его спасительное для насъ, состоитъ въ томъ, что по свойству своему онъ сильнѣе всякаго другаго чувства можетъ потрясать душу нашу. Страхъ Божій, предохраняя душу отъ паденій, побуждаетъ ее умудряться во спасеніи, замѣчать, какія спасительныя средства болѣе могутъ быть полезны ей по ея расположеніямъ внутреннимъ, по обстоятельствамъ знанія и состоянія, что надобно ей употребить въ одномъ случаѣ, чѣмъ воспользоваться въ другомъ. Страхъ Божій, умудряя во спасеніи, ведетъ душу отъ подвига къ подвигу и утверждаетъ на спасительномъ пути; онъ не дозволяетъ оставлять безъ скорби сердечной грѣховъ и проступковъ, и пораждаетъ въ душѣ ненависть ко грѣху и любовь къ чистотѣ и святости. Вотъ почему премудрый называетъ страхъ Божій источникомъ жизни, хранителемъ души отъ зла, залогомъ крѣпости. *Страхъ Господень*, говоритъ онъ, *ненавидитъ неправды* (Прит. VIII, 13). *Въ страсѣ Господни упованіе крѣпости. Страхъ Господень источникъ жизни, творитъ же уклонятися отъ сѣти смертныя* (XIV, 26. 27). Если страхъ Божій поведетъ васъ въ храмъ Божій: какъ легко, какъ скоро вы явитесь и какъ прилично будете предстоять въ немъ; онъ не позволитъ вамъ здѣсь блуждать мыслію и взоромъ по землѣ, не позволитъ бесѣдовать съ людьми, кто бы они ни были; онъ устремитъ и умъ и сердце, и слухъ и взоръ къ единому Господу. Подобно сему, онъ будетъ располагать желаніями и поступками вашими въ вашемъ семействѣ, въ вашей жизни общественной и частной.

Если страхъ Божій не оказываетъ въ насъ такого дѣйствія своего, то это оттого, что мы прогоняемъ его отъ себя то страхомъ человѣческимъ, то желаніями покоя земнаго. Какъ быть страху Божію въ сердцѣ нашемъ, какъ производить ему спасительное дѣйствіе на насъ, пробуждать отъ безпечности, возбуждать къ покаянію, когда мы то волнуемся страхомъ бѣдъ житейскаго моря, то отягчаемъ сердца наши удовольствіями вѣка сего? Если бы мы входили чаще въ сердце наше съ мыслію о судѣ Божіемъ, еслибы рѣже

открывали душу для опасеній земныхъ, если бы постоянно умѣряли въ себѣ желанія довольства земнаго мыслію о мздовоздаяніи, какое правда Божія готовитъ для веселыхъ вѣка сего: то, конечно, мы не замедлили бы на стезяхъ лукавства и обольщенія духовнаго; конечно поспѣшили бы только дальше бѣжать отъ грѣха, но болѣе и болѣе преспѣвать въ добродѣтеляхъ, въ молитвѣ, въ постѣ, въ вѣрности званію, въ отсѣченіи своей воли. Ибо, зачѣмъ бы тебѣ, душа моя, медлить искреннимъ, глубокимъ раскаяньемъ? Зачѣмъ отлагать со дня на день обращеніе и оставлять въ себѣ тернія грѣховныя, когда бы ты постоянно помышляла, какой чистоты, какой святости требуетъ отъ тебя святость Божія, и какой огонь готовъ поясть нечистоты твои въ вѣчности. Зачѣмъ бы тебѣ столько нерадѣть о молитвѣ, о постѣ, о дѣлахъ званія твоего, зачѣмъ предаваться сну и безпечности, когда бы размышляла и чувствовала ты, что время земнаго твоего подвига коротко, а въ вѣчности нерадиваго раба ожидаетъ огонь, и тьма, и муки неконча́емыя? Зачѣмъ бы тебѣ такъ дорожить желаніями воли твоей, которыя и сама ты иногда признаешь несправедливыми,—и тѣмъ не менѣе скорбишь и досадуешь, если онѣ остаются неисполненными?

Господи, Господи! утверди въ сердцахъ нашихъ страхъ Твой—святой и спасительный, да имъ охраняемые сохранимъ любовь къ Тебѣ и не уклонимся отъ закона Твоего. Аминь.

1848 г.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Азъ есмь свѣтъ міру! (Іоан. VIII, 12).

Какъ говоритъ Господь Іисусъ вслухъ народа іудейскаго, въ слухъ всей вселенной. Какой необыкновенный отзывъ о себѣ! „Я свѣтъ міру“, говоритъ Христосъ Іисусъ. Прежде меня искусные законодатели, умные учители нравственности, великіе и малые мыслители, искренніе и неискренніе друзья бѣднаго человѣчества трудились надъ образованіемъ народовъ: но успѣхъ ихъ былъ очень малъ, послѣдствія далеко не отвѣчали обѣщаніямъ и трудамъ. Я пришелъ разсѣять мракъ сердецъ человѣческихъ, положить въ нихъ сѣмена новой жизни, оживотворить ихъ теплотою моихъ лучей“. Какой великій по значенію отзывъ! Кто произноситъ

его? Тотъ, кто всегда былъ образцемъ смиренія и кротости. Дымящагося льна не гасилъ Онъ и надломленной трости не сокрушалъ. И однако подаетъ столько высокій голосъ о Себѣ. Какое твердое убѣжденіе слышно въ этомъ голосѣ. По всему дивный голосъ привлекаетъ вниманіе къ себѣ.

Слушатели мои! вы знаете, повелитель народовъ Европы, Азіи и Америки благоговѣетъ предъ святостію сего голоса. Онъ недавно заставилъ молчать противохристіанскіе мятежи Европы, онъ недавно повторилъ свидѣтельство Христово вслухъ всей имперіи своей, вслухъ всѣхъ университетовъ и учебныхъ заведеній. Мы нынѣ празднуемъ священное вѣнчаніе государя нашего на царство. Потому думаю, достойно почтимъ торжество о великомъ христолюбивомъ монархѣ, если взойдемъ въ размышленіе объ одномъ изъ благотворныхъ дѣйствій христіанскаго ученія, о благотворномъ вліяніи его на благосостояніе государства.

Вѣками дознано, что для благосостоянія общественнаго необходимо, чтобы государственная власть была священною, неприкосновенною для всѣхъ, важностію. Только тогда подданные будутъ имѣть къ власти государственной не только уваженіе, но и благоговѣніе, не только страхъ, но и любовь; только тогда государство безопасно будетъ отъ мятежей и безпорядковъ, отъ своеволій и самоуправства дикаго. Безъ того никакая теорія государственной безопасности не поставитъ государства въ безопасность. Во всякой другой теоріи безопасность государственная, какъ основанная на человѣческихъ началахъ, будетъ въ полномъ распоряженіи произволовъ человѣческихъ, всегда своекорыстныхъ, всегда мѣняющихъ мысли и желанія по прихотямъ страстей. Что-же говоритъ Христово ученіе о власти государственной? Оно говоритъ, чего не смѣла рѣшительно проповѣдывать никакая религія разума, она говоритъ: *нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляйся власти Божія повелѣнію противится* (Рим. XIII, 1. 2). Оно говоритъ, что начальникъ есть слуга Божій, есть представитель карающаго и милующаго промысла Божія, *отмститель злое творящему* (Рим. XIII, 4), и готовый награждать дѣлающихъ добро (1 Петр. II, 14). Первымъ предметомъ вниманія послѣ Бога поставляетъ оно государя: *Бога бойтесь, Царя чтите* (1 Петр. II, 17). Оно внушаетъ, что первою молитвою нашею должна быть молитва за царя и власти. *Молю* пишетъ апостолъ, *прежде всѣхъ творите молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. II, 1). По ученію откровенія лице царя есть лице неприкосновенное. *Не прикасайтесь помазаннымъ моимъ* (Псал. CIV, 5). Итакъ

вотъ величіе, на которое возводитъ христіанское ученіе царей и власти. Вотъ опоры, на которыхъ оно утверждаетъ престолы царей и права правителей! Вотъ почему истинный христіанинъ не можетъ быть возмутителемъ или невѣрнымъ подданнымъ. Для него распоряженія, правительства суть распоряженія Божіи и мятежникъ противъ государства есть мятежникъ противъ царства Божія, мятежникъ противъ самаго Бога. Въ первые вѣка христіанства, столько извѣстные по бунтамъ и мятежамъ римской имперіи, когда напр. въ 8 лѣтъ являлось 39 императоровъ, исторія не отыскала ни одного возмущенія, въ которомъ принимали бы участіе христіане. А какіе это были вѣка страшные для христіанства! Гражданскія власти были тогда до крайности несправедливы и безчеловѣчны противъ христіанъ. Что удерживало христіанъ отъ порывовъ негодованія и отъ сильнаго противодѣйствія, при видѣ ужасающихъ несправедливостей? Ихъ вѣра, вѣра, которая предписываетъ „оказывать повиновеніе властителямъ не только добрымъ, но и суровымъ“, вѣра, которая учитъ, что пріятно Богу нашему, если „кто помышляя о Богѣ переноситъ скорби, страдая несправедливо“ (1 Петр. II. 18. 19).

Христіанское ученіе вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ столько вызвышаетъ силу государственной власти, внушаетъ правителямъ отеческую любовь къ подданнымъ. Оно требуетъ, чтобы власть ихъ была властію не только справедливою, но и благодѣтельною для подданныхъ. Оно говоритъ имъ: творите волю Божію отъ души, не забывая, что и надъ вами есть „на небесахъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія“ (Еф. VI, 9). Оно внушаетъ имъ: „отъ всякаго, кому дано много, много и потребуется, и кому много, ввѣрили, съ того больше взыщутъ“ (Лук. XII, 48). По его наставленіямъ всѣ люди суть дѣти Отца небеснаго, который одинаково всѣхъ любитъ и одинаково требуетъ отъ всѣхъ любви взаимной, даетъ власть однимъ надъ другими, но съ тѣмъ, чтобы сильные носили немощи немощныхъ, а не себѣ угождали; христіанское ученіе не терпитъ ни самолюбія нетерпѣливаго и своекорыстнаго, ни гордости неприступной, ни тщеславія легкомысленнаго, въ комъ бы онѣ ни были.—Такъ христіанское ученіе даетъ правительственнымъ лицамъ силу и могущество, но смягчаетъ эту силу чувствами любви благотворительной; даетъ имъ власть прочную, но умѣряемую страхомъ суда Божія и такимъ образомъ служитъ новою опорою благосостоянію государства.

Христіанское ученіе не только преслѣдуетъ явные пороки—язву обществъ человѣческихъ, но очищаетъ самыя глубины сердецъ человѣческихъ и одушевляетъ ихъ самою безкорыстною любовію къ людямъ. Извѣстное дѣло,—религіи языческія освящали множество поро-

ковъ человѣческихъ, самыхъ пагубныхъ для благосостоянія государствъ; пристрастія къ порокамъ, укоренившіяся въ душѣ и обратившіяся въ общія правила жизни, не давали людямъ ясно видѣть пагубныхъ дѣйствій зла на общества. Христіанская вѣра не терпитъ пороковъ, не терпитъ даже чувствъ и расположеній порочныхъ.—Извѣстное дѣло, что какъ бы дѣятельны ни были правители обществъ, множество пороковъ и злодѣяній ускользаетъ отъ ихъ вниманія и власти. Насилія и кражи, совершаемыя безъ свидѣтелей, хитрые обманы, обыкновенные особенно въ торговлѣ, роскошь и распутство—проводники нищеты для семействъ, многіе другіе пороки, незримо для суда людей, разливаютъ ядъ въ обществѣ и доводятъ государство до разстройства и паденія. Только вѣра чистая и святая, какова вѣра христіанская, управляя совѣстію людей, противудѣйствуетъ злымъ началамъ, незримо разрушающимъ общества. Никакая религія не простираетъ такъ далеко власти своей надъ сердцами людей, какъ простираетъ христіанское ученіе. Оно судитъ насъ за самыя тайныя мысли преступныя, за самыя невинныя по виду чувства и желанія. Оно требуетъ самой строгой чистоты жизни. „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ“, говоритъ оно. Христіанское ученіе, показывая въ Богѣ Отца всѣхъ, заповѣдуетъ самую нѣжную и самую безкорыстную любовь къ людямъ и при томъ къ людямъ всѣхъ званій и состояній. Язычество не знало этой всеобщей и самоотверженной любви. Язычники Рима и востока не могли надивиться, какъ христіане, не составляя особаго политическаго общества, соединены были между собою тѣснымъ союзомъ на пространствѣ цѣлаго тогдашняго міра.—Они изумлялись той заботливости, съ какою христіане помогали бѣднымъ, призрѣвали больныхъ, посѣщали заключенныхъ въ темницѣ, воспитывали сиротъ, ухаживали за страдавшими отъ заразы, съ явной опасностію для себя. Они сознавались, что вѣра, которая такъ благодѣтельна для бѣднаго человѣчества, есть вѣра неземная, есть вѣра Божественная и что никакая человѣческая религія не предписываетъ столько высокой любви къ другимъ и слѣд. не возвышаетъ столько благосостоянія государства. „Что волъ для бѣднаго, то рабъ для богатаго“, говорилъ знаменитый языческій философъ и онъ же причислялъ женъ къ разряду неудачныхъ произведеній природы. Судите же о состояніи рабовъ и женъ въ языческомъ мірѣ. Христіанская вѣра учитъ заботливой любви къ рабамъ и женамъ, указывая въ нихъ духовную природу. Пусть составятъ себѣ самый высокій идеалъ полезнаго члена государства и пусть проведутъ свой идеалъ по всѣмъ ступенямъ государственнаго быта: тогда на всѣхъ ступеняхъ увидятъ только хри-

стіанина. Нѣтъ званія, нѣтъ занятія истинно полезнаго для государства, которыхъ бы не освящала и не возвышала своими мыслями христіанская вѣра, и никакое занятіе, никакое званіе не можетъ быть истинно полезнымъ для государства, коль скоро оно не согласно съ чистымъ христіанскимъ ученіемъ. Такъ никакая другая вѣра не можетъ такъ легко избавлять государство отъ бѣдъ и возвышать благосостояніе его, какъ это совершаетъ христіанская вѣра. Она приноситъ небесное благословеніе въ хижины низшихъ и во дворцы знатныхъ людей, ограждаетъ общественную безопасность, уваженіе къ законамъ, права каждаго состоянія и званія. Блаженство на небѣ, а на землѣ неизбѣжны съ грѣхами неудачи и бѣды. Но вѣра и противъ неизбѣжныхъ золъ—лучшая и вѣрная помощь, внушая терпѣніе и преданность благости небесной.

О! свѣте истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ! да нисходитъ животворный свѣтъ твой въ глубины сердецъ нашихъ! Да оплодотворяетъ онъ безплодную пустыню душъ нашихъ дѣлами чистыми и святыми, спасительными во времени и вѣчности. Слушатели мои! будемъ усердно молиться, чтобы быть намъ истинными христіанами. Если будемъ искренными христіанами, истинно будемъ мы тогда самыми полезными, членами государства. Аминь.

СЛОВО ПРЕДЪ ИЗБРАНІЕМЪ СУДЕЙ.

Если когда, то особенно нынѣ пріятно видѣть васъ въ храмѣ Божіемъ, мужи сословія благороднаго? Вы желаете избрать изъ среды вашей достойныхъ представителей правъ вашихъ предъ престоломъ царскимъ, достойныхъ защитниковъ вашего покоя. И прежде, чѣмъ совершаете сіе дѣло, являетесь въ храмъ Божій. Это ясно говоритъ о благоговѣніи вашемъ къ небу; это ясно показываетъ, что по вашему убѣжденію прочность учрежденій и дѣлъ земныхъ, не исключая и благородныхъ, зависитъ отъ неба и ничего не можетъ быть великаго на землѣ безъ высокихъ мыслей вѣры. Согласно съ волею монарха приступая къ избранію людей по сердцу вашему, вы считаете должнымъ предъ алтаремъ Господа господствующихъ торжественно обязаться клятвою поступать въ дѣлѣ избранія по совѣсти чистой, не по увлеченію страс-

тей. Какъ не радоваться такому союзу благородныхъ сердецъ съ вѣрою!

Благородное сословіе! радуясь благоговѣйной любви вашей къ вѣрѣ, по долгу званія моего долженъ напомянуть, что прекраснаго союза не слѣдуетъ разрывать, святую клятву надобно исполнять свято.

Что есть клятва? Клятва увѣряетъ Богомъ всевѣдущимъ и грознымъ въ правдѣ, что въ томъ или другомъ дѣлѣ поступать будутъ по строгой правдѣ.—Итакъ что-жъ дѣлаютъ, когда не поступаютъ по клятвѣ? Или не вѣрятъ, хотя и говорятъ, что Богъ всевѣдущъ и страшенъ въ правдѣ, или вѣрятъ, но не смотря на то лгутъ предъ Нимъ. Не вѣрятъ въ Бога правды и могущества? Какъ это возможно? *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ.* Если же вѣрятъ, но не поступаютъ, какъ требуетъ вѣра: много ли это легче дѣла безумія? Пусть осмотрятся. Если и во всякомъ случаѣ дѣлать неправду означаетъ творить неугодное Богу правды: то дѣлать неправду съ призываніемъ Бога правды не значитъ ли оскорблять Бога въ лице? Не значитъ ли это нагло не уважать ни Его величія, ни Его грознаго суда? Призываютъ въ свидѣтеля и помощника Бога святости, а творятъ беззаконіе, какъ будто Онъ можетъ благоволить и помогать беззаконію или лицемѣрію. Для чего призываютъ великое имя Божіе, когда не хотятъ творить пріятное Богу? Для того, чтобы великимъ именемъ закрыть отъ взора людей нечистую душу свою, для того, чтобы обмануть людей; не такъ ли? О! сколько въ такомъ поступкѣ нечестія противъ Бога! какъ назвать это иначе, если не оскверненіемъ имени Божія? Такъ и называетъ преступленіе клятвы самъ Богъ. *Не кленитеся,* говоритъ Онъ, *именемъ Моимъ въ неправдѣ, да не оскверните имене святаго Бога вашего* (Лев. XIX, 12.). До чего могутъ забываться люди? Рабы боятся господина, подданные благоговѣютъ предъ особою государя своего. Того ли, кто въ мгновеніе можетъ возвратить къ ничтожеству міры, безъ опасенія оскорбляютъ въ лице? Серафимы не смѣютъ взирать на Вседержителя, стоятъ съ покрытыми лицами предъ Его престоломъ и благоговѣйно возносятъ хвалу: *святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ.* Чѣмъ же, великій Боже! должны быть предъ Тобою люди, люди столько слабые и нечистые?

Пророкъ Божій видѣлъ *свитокъ летящъ, въ долготу локтей двадесять и въ широту десяти лактей.* Въ объясненіе видѣнія ему сказано, что это *клятва находящая на лице всея земли: зане всякъ кленущійся во лжу отъ сего до смерти отмстится. И внидетъ* (клятва) *въ домъ кленущагося именемъ Моимъ во лжу и вселится посредъ дому его и скончаетъ его и древа его и каменіе его* (Зах. V, 1—4). Какое страшное опредѣленіе! Не скажутъ ли,

что это только угроза, или и казнь, но для одного преступнаго израиля? Други мои! возблагодаримъ Бога, что Онъ самъ сказываетъ намъ, до какой степени не терпитъ Онъ преступленія клятвы. Но надобно имѣть слишкомъ мало ума, чтобы и собственнымъ смысломъ не оправдывать невозможности того, чтобы Богъ благоволилъ къ преступнику клятвы. Если же съ преступнымъ израилемъ такъ грозно поступлено за преступленіе клятвъ: христіанинъ-преступникъ клятвы пусть ждетъ себѣ болѣе грознаго мщенія. *Не очиститъ бо Господь Богъ твой пріемлющаго имя Его всуе.* Это сказано іудею. Но какъ долженъ жить христіанинъ? По закону евангельскому жизнь его должна быть такъ вѣрна правдѣ, такъ чиста и свята, что одно слово его: „да“ и „нѣтъ“ должно бы быть порукою въ его неизмѣнной вѣрности. Если же между христіанами оказываются такіе христіане, которыхъ самая клятва не удерживаетъ отъ измѣны правдѣ: какой гнѣвъ призываютъ они съ неба на свои измѣны правдѣ! О! христіане! какъ вы отвѣчать будете за себя, когда, получивъ столько благодатнаго свѣта, столько благодатныхъ силъ, явитесь на судѣ всемірномъ не лучше иныхъ іудеевъ, или даже не лучше иныхъ язычниковъ?

Что означаетъ клятва по отношенію къ обществу людей? Это есть защита общему покою людей. Что значитъ нарушеніе клятвы по отношенію къ тому же покою людей? Это есть язва, это есть бѣдствіе обществъ. Когда по несчастію эта язва распространяется между многими, становится правиломъ жизни многихъ: чего ожидаетъ себѣ можетъ цѣлое общество? Того самого, что возвѣщено чрезъ пророка: *и вселится клятва и скончаетъ его и древа его и каменіе его.* Тотъ, кто играетъ клятвою, не только нарушаетъ покой другихъ, но потрясаетъ основаніе общественнаго покоя—довѣренность къ совѣсти человѣческой, вѣру въ возможность честности между людьми. Ибо если лгутъ предъ Богомъ, какъ вѣрить, что вѣрны будутъ предъ людьми? Если не боятся обманывать Бога: не принято ли за правило обманывать людей? А это не значитъ ли, что союзъ между людьми расторгнутъ и общество распалось на личныхъ враговъ счастія общаго?

Впрочемъ еще одно слово. Поступать въ исполненіи клятвы по убѣжденію своему не всегда значитъ поступать вѣрно правдѣ. Случается, что дѣйствуютъ отнюдь не противъ убѣжденія и однако поступаютъ съ оскорбленіемъ правдѣ и порядку; поступаютъ по убѣжденію, и послѣ видятъ сами въ поступкѣ печальныя ошибки. Какъ это бываетъ? Очень просто: за голосъ совѣсти чистой принимаютъ внушенія страстей недознанныхъ, самолюбія неусмотрѣннаго, своекорыстія необнаруженнаго и довѣрчивые къ себѣ обманываютъ са-

михъ себя. *Яко чадо свѣта ходите.* Чтобы не ходить во мракѣ затемненныхъ страстями мыслей своихъ, надобно освѣщать свои мысли, свои убѣжденія, размышленіемъ евангельскимъ, надобно повѣрять расположенія и чувства свои заповѣдями Господа; особенно же надобно испрашивать просвѣщеніе у Господа, который одинъ есть свѣтъ чистѣйшій и источникъ свѣта чистаго.

Свѣтъ небесный, просвѣщающій всякаго человѣка! церковь молитъ Тебя за всѣхъ и всегда; нынѣ же особенно молитъ за готовыхъ святить имя Твое клятвою. Утверди сердце ихъ въ любви къ правдѣ и истинѣ, да и мыслями и дѣлами освящаемъ святое имя Твое.—Аминь.

СЛОВО ПРИ ПЕРВОМЪ СВИДАНІИ СЪ ХАРЬКОВСКОЮ ПАСТВОЮ.

Что скажу вамъ, братія, при первомъ свиданіи съ любовію вашею? Простое желаніе предлагаю, да благословитъ васъ Господь Богъ отъ Сіона. Не смѣю считать желанія моего, какъ желанія человѣческаго, важнымъ. Какъ не знать того, что тотъ не начиналъ быть христіаниномъ, кто не сознаетъ въ себѣ немощей и грѣховъ? Не считаю однако нужнымъ умолчать, что въ подкрѣпленіе немощнымъ силамъ моимъ, на долгомъ пути къ вамъ, обращался я съ молитвами къ великимъ печерскимъ угодникамъ. А вы знаете, какъ они много могутъ у Господа.

Такъ, благословенія Божія желаю вамъ, юныя дѣти! Самъ Спаситель нашъ съ такою любовію благословлялъ васъ. О! да сохранитъ въ васъ благословеніе Божіе тѣ прекрасныя качества сердца, за которыя такъ любитъ васъ Спаситель и Господь нашъ! Да сохранитъ оно въ сердцахъ вашихъ простоту и невинность, столько милые для земли и неба! Да вдохнетъ оно въ васъ святую боязнь оскорблять въ себѣ чѣмъ либо то, что любезно въ васъ для Господа!

Благословенія Божія желаю вамъ, отцы и матери, для вашего семейнаго счастія, для вашего домашняго покоя. Для того и другаго необходимо оно, то и другое невозможно безъ него. Давно сказалъ Давидъ: если не Господь построитъ домъ, напрасно трудятся зиждущіе. И другому быть нельзя: если поручили вы постройку только силамъ и способамъ времени, чего ждать отъ времени? Ду-

нетъ вѣтръ и постройка ваша рухнетъ. Не ждите ничего отъ времени, кромѣ перемѣнъ и разрушенія. Только Вѣчный содержитъ въ десницѣ своей прочность и порядокъ. Онъ благословлялъ застарѣвшихъ въ неплодіи Аврама и Сару, Онъ благословлялъ Исаака и Іакова; и—вы знаете, какъ всѣ разцвѣли они счастіемъ. Кто изъ васъ самихъ не испыталъ, хотя разъ въ жизни, какъ въ самомъ безнадежномъ положеніи испрошенное молитвою благословеніе Божіе возстановляло счастіе и покой въ семьѣ и домѣ? Кто не испыталъ, какъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ средствъ—помочь семейному или домашнему горю, искренній вздохъ къ небу привлекалъ благословеніе, неожиданно возвращавшее миръ и радость.

Благословенія Божія желаю вамъ, продающіе и куплю дѣющіе. Ваше счастіе особенно измѣнчиво; потому особенно имѣетъ нужду въ благословеніи. Ваше счастіе зависитъ отъ воли Божіей. Благоговѣйте же предъ волею Божіею. Она свята и любитъ только святое и честное. Пора узнать, вѣка учатъ, что неправда не богатитъ, а разрушаетъ дома. Да охранитъ васъ благословеніе Божіе отъ всякой неправды, отъ всякой неумѣренности желаній, отъ всякаго вида лжи и обмана!

Благословенія Божія желаю вамъ, правящіе и управляемые, судіи и судимые! Великій владѣетъ всѣми и всѣмъ; Онъ же одинъ и законодатель всему. Что могутъ живущіе на землѣ тлѣнія, если не отъ Него примутъ благословеніе на намѣренія и дѣла свои? О! западъ, западъ! что приготовила тебѣ гордость, надмѣнная успѣхами силъ своихъ и забывшая о вседѣйствующей силѣ Божіей? Каждый хочетъ повелѣвать и никто—повиноваться, каждый хочетъ судить, чтобы ненаказанно обижать и грабить другихъ. Шумятъ о равенствѣ правъ, чтобы отнять права у другихъ, а не уступить по христіански свои другому. О! да сохранитъ Всевышній въ правящихъ благоговѣйное повиновеніе къ законамъ Его! Да сохранитъ Онъ въ управляемыхъ смиренную покорность властямъ поставленнымъ отъ Него! Да сохранитъ Онъ въ первыхъ столько же любви къ человѣчеству и душевнаго благородства, сколько въ послѣднихъ смиренія и кротости, заповѣданныхъ евангеліемъ!

Благословенія Божія желаю учащимъ и учащимся. Столько вѣковъ, столько опытовъ учатъ насъ, что безъ страха Божія не дается намъ мудрость истинная. Столько вѣковъ, столько опытовъ учатъ насъ, что помимо благоговѣйнаго расположенія ума и сердца не входитъ ни въ умъ, ни въ сердце премудрость Божія. Гдѣ источникъ мудрости? Въ Господѣ. Какъ переходитъ она въ нашу душу? Не иначе, какъ путемъ согласнымъ съ Его волею. Можно ли быть иному! Судите сами.

Если кому, то вамъ особенно желаю благословенія Божія, служители алтаря Божія. Служеніе ваше такъ трудно, такъ много требуетъ силъ ума и сердца. Пусть благодать священства остается въ васъ неизсякаемымъ источникомъ благословеній неба:—ваше дѣло быть усердными раздаятелями даровъ благодати тайно дѣйствующей. Страшитесь при томъ, не оказаться бы вамъ нечистыми сосудами святой благодати Божіей. Не забывайте и того, что ваши собственныя расположенія могутъ усугублять для другихъ благословеніе небесное, а ваше званіе требуетъ, чтобы болѣе и болѣе нисходила чрезъ васъ на другихъ благодать Христова. Не забывайте, что примѣръ жизни—самый сильный учитель для тѣхъ, кого вы должны учить. Трудно перемѣнять сердца человѣческія: они столько же своевольны, сколько и настойчивы въ своемъ. Сѣйте слово Божіе терпѣливо. Ваше дѣло сѣять, ваше дѣло передавать людямъ не слово человѣческое, а слово Божіе. Кто знаетъ, не падетъ ли завтра или послѣ завтра дождь небесный и твердая земля размягчится и брошенное въ нее сѣмя дастъ плодъ. Сѣйте и молитесь. *Благодатію Божіею есмь, еже есмь,* говорилъ о себѣ и апостолъ.

Всѣмъ сущимъ въ христолюбивой харьковской паствѣ желаю благословенія Божія. Но для всѣхъ присовокупляю, что принять или не принять благодать Божію зависитъ отъ расположеній каждаго. Аминь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

СЛОВА И БЕСѢДЫ

НА СВЯТУЮ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ.

Нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь (Лук. XVIII, 11).

Такъ говорилъ фарисей.

Если вѣрить фарисею, то онъ былъ человѣкъ очень порядочный, даже такой, какихъ не скоро найдешь. По словамъ его, онъ гнушался многихъ пороковъ, которыхъ не гнушаются многіе, не любилъ неправды, не любилъ присвоять чужое, не любилъ дѣлъ плоти. Мало того,—онъ не только не поблажалъ похотямъ плоти, но еще старался умерщвлять ее. *Пощуся,* говоритъ онъ, *двакраты въ субботу*, т. е. два раза въ недѣлю, чего не требовалъ и законъ. Онъ не только не бралъ чужаго силою или обманомъ, но отдавалъ свое въ пользу храма. *Десятину*, говоритъ онъ *даю всего, елико притяжу.* Мало ли это, часто ли это встрѣтить можно: десятую долю изъ своей собственности жертвовалъ Господу?

Не смотря на все это, фарисей униженъ на Божіемъ судѣ предъ мытаремъ. Не смотря на все это, безотвѣтный, смиренный мытарь оправданъ, а фарисей осужденъ. *Сниде сей оправданъ въ домъ свой паче онаго.*

Отчего это? За что осужденъ фарисей?—За то, что гордо осуждалъ другихъ. *Нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, нѣсмь, якоже сей мытарь*, говорилъ онъ. Онъ не только возносилъ себя предъ другими, но злословилъ мытаря, порицалъ мытаря съ гордостію.

Поучимся, братія, не осуждать другихъ, поучимся тѣмъ болѣе, тѣмъ внимательнѣе, что съ нынѣшняго дня св. церковь начинаетъ приготовлять насъ къ воздержанію духовному и тѣлесному и, начиная приготовленіе, предлагаетъ нашему вниманію фарисея—строгаго судью дѣлъ чужихъ.

Тогда какъ вопль развратныхъ жителей Содома и Гомморы дошелъ до престола небеснаго, призывая мщеніе на нихъ: послано ли тотчасъ мщеніе Господомъ? Нѣтъ. Господь милостивый и правосудный говоритъ: *сошедъ узрю, аще по воплю ихъ, грядущему ко Мнѣ, совершаются: аще же ни, да разумѣю* (Быт. XVIII, 21.). Сердцевѣдче Господи! Ты ли не знаешь, что отягченная грѣхами содомскими земля не напрасно возноситъ къ престолу правды вопль

свой? Братія! Онъ знаетъ все, не только, что сдѣлано, но и что сдѣлаютъ, или что способны сдѣлать люди. Но—Онъ показываетъ намъ, что никакое око не въ состояніи замѣтить въ судахъ Его строгость излишнюю, но всегда можетъ, всегда должно видѣть, что судъ Его одушевленъ всею снисходительностію любви праведной. Видите, какъ осужденію Его предшествуетъ внимательное разсмотрѣніе дѣлъ, какъ замедляется приговоръ Его строгою повѣркою дѣла съ закономъ, какъ видно желаніе не отягчить, а облегчить участь виновнаго. Такъ поступаетъ съ ними грѣшными Господь нашъ! Такъ поступать должны и мы въ отношеніи къ другимъ. Такъ и поступаетъ человѣкъ съ совѣстію доброю, чистою, святою. Если и призовутъ его свидѣтельствовать о проступкахъ другаго: не иначе, какъ съ неохотою, съ сожалѣніемъ станетъ онъ говорить о грѣхѣ другаго: онъ будетъ говорить только о томъ, о чемъ спрашиваютъ его, показывать будетъ только то, что знаетъ онъ, что навѣрное видѣлъ, или навѣрное слышалъ; не только не допуститъ онъ до души и словъ своихъ—досады, преувеличенія, злости, но онъ страдать будетъ внутренно за другаго, будетъ томиться желаніемъ, чтобы не обвиненъ былъ обвиняемый. А ты, братъ мой, какъ поступаешь, разсѣевая пересуды и злословія? Ты говоришь о ближнемъ, когда никто тебя не спрашиваетъ, обвиняешь его, когда никто тебя не вызываетъ на то; разсказываешь то, чего не знаешь, разсказываешь съ гордою увѣренностію въ себѣ, тогда какъ эта увѣренность—плодъ одной легкомысленности; говоришь всего чаще то, чего вовсѣмъ не бывало, говоришь только то, что слышалъ, но не видѣлъ; и говоришь съ язвительною злостію. Какая несправедливость черная!

Если уже принялъ ты на себя, братъ мой, дѣло судіи надъ совѣстію другаго: тебѣ надлежало бы подумать о законномъ производствѣ суда. А какъ поступаешь ты? Не выслушавъ ни свидѣтелей, ни сторонъ—защищающей и обвиняющей, безъ изслѣдованія, безъ очной ставки, не имѣя другаго доказательства, кромѣ вѣстей и слуховъ, ты судишь такъ смѣло, осуждаешь такъ рѣшительно. Одумайся. Ты говоришь: „мнѣ сказано то и то, я ничего не выдумалъ“. Пусть такъ! Но достойны ли вѣры лица, которыхъ слова ты повторяешь? Можешь ли ты, положа руку на сердце, сказать: „они ничего не прибавили, они не обманулись, они не были обмануты, они никакою страстію не были заняты, когда говорили то и другое“? Можешь ли свидѣтельствовать все это предъ Господомъ? Нѣтъ! Какъ же ты, жалкій человѣкъ, взялся быть судьею другаго, когда не въ состояніи ничего доказать на него?

Но позволь спросить тебя, братъ мой, кто далъ тебѣ право

быть судьею надъ другимъ? Господь Іисусъ прямо запрещаетъ тебѣ судить ближняго: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. VII, 1.). Апостолъ Христовъ далъ заповѣдь оставлять дѣла человѣческія будущему суду Христову: *тѣмже прежде времене ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь* (1 Кор. IV, 6.). Откуда же взялъ ты право осуждать другаго? Какой пророкъ облекъ тебя этимъ правомъ?

Единъ есть законоположникъ и судія—Господь Богъ, творецъ и промыслитель нашъ; Его мы всѣ; Имъ данъ для всѣхъ законъ; Ему принадлежитъ и право судить всѣхъ. Итакъ, ты присвояешь себѣ право Божіе, похищаешь честь Божію. Какъ это дерзко! Какъ это нагло! Ближній—не подсудимый тебѣ, онъ братъ твой; какъ брата, обязанъ ты любить его, защищать его, щадить его, а не язвить насмѣшкой и бранью. Въ обществѣ братскомъ одинъ братъ учится отъ другаго добру. Мы можемъ, мы должны изучать жизнь другихъ, для собственнаго назиданія: но это не то значитъ, что осуждать другихъ. Смотри на душу брата, какъ на живую книгу; читай и изучай эту книгу. Но помни, что сочинитель этой книги—Всевышній, котораго каждая мысль, каждое дѣло—предметъ благоговѣйной хвалы и изумленія для сонма ангеловъ. Страшись презирать то, что хранитъ Богъ. Что касается до дѣлъ и жизни брата, повторяй въ душѣ чаще: Судія надъ нимъ, какъ и надо мною,—Господь. *Ты кто еси судяй чуждему рабу? своему Господеви стоитъ или падаетъ. Ты кто еси судяй брата твоего? вси бо предстанемъ судищу Христову* (Рим. XIV, 4. 10.).

Надъ кѣмъ предоставлено тебѣ право суда? Надъ самимъ собою. *Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте* (II Кор. XIII. 5.). Вотъ предметъ, о которомъ и можешь и долженъ судить ты со всѣмъ вниманіемъ, со всею строгостію. Здѣсь ты можешь, если угодно, сыпать и насмѣшки ѣдкія, и укоризны жесткія. Сколько пищи остроумію твоему! Другое дѣло—судія начальникъ, наставникъ, родители. Самое званіе обязываетъ ихъ разсматривать и цѣнить поступки подвѣдомыхъ имъ лицъ. Но и тѣмъ надобно смотрѣть за собою, какъ бы не допустить чего нибудь болѣе, чѣмъ дозволяетъ званіе. Иначе: *дѣло свое да искушаетъ кійждо* (Гал. VI, 4.). Каждый изъ насъ долженъ дать отчетъ за себя Богу, и какой строгій, какой полный отчетъ! Надобно же приготовиться къ отчету. Что-жъ? Повѣрялъ ли ты себя? Смотрѣлъ ли въ глубину души твоей? Обозрѣлъ ли, обсудилъ ли себя по строгой правдѣ? Придется же показывать всѣ тайныя движенія сердца твоего—и злость, и зависть, и желаніе чужаго, и похоти,—все и темное и грязное. Извѣстны ли тебѣ всѣ тайны твои? О, Боже мой! Что мы дѣлаемъ? Мы для себя—чужіе, а чужіе—предметъ неутомимаго

суда нашего. Своя душа и слѣпа, и бѣдна, и покрыта ранами. А мы занимаемся чужими дѣлами! О, *Господи! даждь ми зрѣти моя согрѣшенія и не осуждати брата моего.*

Какъ намъ быть судьями ближняго? Душа наша можетъ быть извѣстна намъ: а какъ знать намъ, что въ душѣ брата нашего? Мы судимъ другихъ по наружности, и грубо ошибаемся. Фарисей судилъ и осуждалъ мытаря по званію его, а оказалось, что сердечное смиреніе мытаря перевѣсило всѣ посты фарисея. Закхей былъ старшина мытарей, и народъ роп­талъ на Господа, *яко ко грѣшному мужу вниде витати;* а Закхей такъ оказался великъ духомъ, что привлекъ благодать не только на себя, но на цѣлый домъ свой. Самый близкій и самый печальный примѣръ ошибочнаго сужденія людскаго представляетъ тебѣ, христіанинъ, сужденіе іудеевъ и еллиновъ о крестѣ Спасителя твоего. Не соблазнялся ли этимъ крестомъ іудей, не насмѣхался ли надъ нимъ язычникъ, тогда какъ въ крестѣ Божія сила и Божія премудрость? (1 Кор. I, 24.). Люди судятъ о намѣреніяхъ по внѣшности? Но грѣхъ, лишь только явился на свѣтъ, придумалъ способы закрывать себя самою красивою одеждою. Оттого и случается, что думаютъ видѣть ангела свѣтлаго, а на дѣлѣ это—сатана темный. Судятъ о глубинѣ душевной по поверхности? Какое легкомысліе! *Кто вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ?* Бываетъ, что и самъ человѣкъ не все знаетъ, что приготовило его къ такой, а не къ другой рѣшимости. Благодать Божія движетъ сердцемъ, не всегда сказываясь сердцу, еще менѣе людямъ. Очень возможно, что тогда, какъ презираешь ты въ человѣкѣ то, что видишь, въ незримой тобою глубинѣ души его это имѣетъ другое значеніе. Одно и тоже дѣло въ одномъ положеніи можетъ. быть извинительно или похвально, въ другомъ преступно или едва простительно; одно и тоже дѣло можетъ имѣть и произвольныя и непроизвольныя побужденія, и чистыя и нечистыя намѣренія. Какъ же брать на себя судить и осуждать другаго, не зная другаго? Ты осуждаешь брата за проступокъ, тогда какъ дѣло брата, быть можетъ, есть слѣдствіе одного только недоразумѣнія, или оскорбляетъ одно приличіе, но не законъ, или, если и есть проступокъ, но уже прикрытъ смиреннымъ раскаяніемъ, какъ проступки мытаря. За Спасителемъ слѣдовалъ на распятіе разбойникъ. Но черезъ часъ этотъ разбойникъ былъ исповѣдникомъ Христа, и посланъ Господомъ въ рай. Что если презираемый мною грѣшникъ повторяетъ въ глубинѣ кающейся души молитву благоразумнаго разбойника? Какъ тяжекъ будетъ грѣхъ мой!

Откуда происходитъ страсть злорѣчить и осуждать другаго? Что заставляетъ насъ говорить о другихъ худо? Когда языкъ по-

крытъ желчью: это признакъ, что желудокъ разстроенъ. Когда языкъ говоритъ дурно: вѣрно, разстроена душа. Чѣмъ же? Гордостію, самолюбіемъ, братія!—Самолюбію пріятно считать себя выше другихъ; самолюбію пріятно думать, что другіе становятся ниже насъ, самолюбію пріятно такъ думать, пріятно такъ и говорить о другихъ. Потому-то съ удовольствіемъ выставляютъ на видъ ошибки другихъ. Унижая другихъ возвышаютъ себя. Видите какъ болѣзнь души обнаруживается на языкѣ. И какая болѣзнь! Болѣзнь самая опасная, болѣзнь столько отвратительная для Господа,—гордость. Ты говоришь: „я не считаю себя лучше другихъ: но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы упрекнули меня въ такомъ же дѣлѣ“. И думаешь, что оправдался? Совсѣмъ нѣтъ. Кто заботливъ о томъ, чтобы не казаться худымъ, а не о томъ, чтобы не быть худымъ,—не о томъ, чтобы не допускать до души несправедливости ни предъ Богомъ, ни предъ ближнимъ: не дурное ли самолюбіе живетъ въ томъ? Ты не считаешь себя лучше другихъ: но вѣрно не считаешь себя и хуже другихъ; а это что, какъ не гордость? Посмотри ближе на себя. Ты любишь навыкъ находить въ себѣ все хорошее, а въ другихъ дурное, извинять свои проступки и ничего не щадить въ другомъ. Въ глазу другаго замѣтенъ тебѣ и сучекъ; а въ своемъ не чуешь и бревна. Что это, какъ не гордость? Гордость наша бываетъ лукава. На людей, сдѣлавшихъ большое преступленіе, она не обращаетъ ѣдкаго взгляда; напротивъ готова сожалѣть о нихъ; ахъ, какъ несчастенъ онъ, говоритъ она. Отчего эта доброта? Оттого, что не хотятъ идти въ сравненіе съ явнодурными людьми, оттого, что состраданіе къ участи людей признается за признакъ доброй души. За то, никакой нѣтъ пощады обыкновеннымъ слабостямъ.

Гордость является подъ-часъ и съ синимъ лицомъ зависти. И вотъ тогда новая мука счастливому ближнему. Заслуги ближняго бросаютъ тѣнь на честь другаго, его добрая слава въ тягость другому, его свѣтлыя качества открываютъ своимъ свѣтомъ темныя пятна другихъ. И—досада волнуетъ желчь, злость кипитъ въ душѣ, какъ въ аду, счастливаго сосѣда готовы растерзать. Какъ, почему, отчего такъ счастливъ онъ? Онъ вовсе не таковъ, какъ кажется, онъ совсѣмъ не тотъ, чѣмъ видятъ его. И—начнутъ описывать! Сохрани васъ Богъ попасть, когда нибудь на этотъ языкъ проклятый. Онъ припишетъ вамъ такія намѣренія, которыхъ вы никогда не имѣли, покроетъ поступки ваши такою гадкою краскою, что вамъ станетъ тошно. Это низко, сатанински низко, но таково дѣло злобной зависти!

Не многимъ лучше становятся, когда тщеславіе заставляетъ судить и пересуждать другихъ. А это бываетъ, и очень часто. Тщеславію хочется блеснуть чѣмъ нибудь, хочется пріятнымъ быть въ

бесѣдѣ, забавлять общество остротою, занимать другихъ собою. Но какъ это сдѣлать? Поострить надъ собою, на свой счетъ? Это не значило бы прибавить себѣ блеска. Для другихъ предметовъ не достаетъ какъ-то остроты, или точнѣе, смысла. Лишь заговоритъ и—видятъ, что скученъ и пошлъ. И вотъ ближній сталъ жертвою страсти. И Боже мой, откуда является умъ, котораго не достаетъ на другія вещи! А если случатся три, четыре остряка; тогда прощай доброе имя брата. Едва брошенъ первый камень въ него,—какъ посыплется градъ насмѣшекъ язвительныхъ, укоризнъ самыхъ ѣдкихъ и злыхъ. Извини, слушатель мой, что назову эту забаву бѣсовскою.

Мутенъ, черенъ, грязенъ истокъ, откуда выходитъ страсть судить другихъ. Но ищи, сколько хочешь,—лучшаго не найдешь. Потому-то сказалъ апостолъ: *языкъ злорѣчія полонъ яда, и есть скопище неправды* (Іак. III, 6. 8).

Братія! будемъ внимательны къ себѣ самимъ, къ своимъ грѣхамъ. Тогда не будемъ осуждать другихъ;—тогда не достанетъ на то и времени, не достанетъ и охоты. Тогда окажется, что много надобно силъ, чтобы нести свое бремя; тогда научимся лучше цѣнить и другихъ. А—что всего выше: *смиреннымъ* Господь *даетъ благодать*,—подастъ и намъ грѣшнымъ. Аминь.

1846 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ.

Святая церковь посвящаетъ настоящую недѣлю воспоминанію послѣдняго суда Божія. Заботливая о нашемъ спасеніи, она желаетъ пробудить въ насъ раскаяніе въ грѣхахъ нашихъ и подкрѣпить слабое усердіе наше къ подвигамъ спасительнымъ. Послѣдуемъ ея голосу. Выслушаемъ слова Божіи о судѣ великомъ, о судѣ страшномъ. Подвигнемъ сердце наше къ сокрушенію. О, какъ великъ сей день—день грѣха и отмщенія Божія!

Пусть не обольщаютъ себя мечтами, пусть не питаютъ въ душѣ грѣха своевольными помышленіями о несбыточности грознаго—будущаго. На пагубу себѣ говоритъ своеволіе: „гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его“? Невѣрно слово человѣческое, но вѣрно слово Божіе: придетъ день страшнаго явленія Христова, день откровенія су-

да Божія, день великій, день послѣдній, послѣ котораго не будетъ дней (Рим. II, 5. Матѳ. XIII, 40. 49). Пусть не спѣшатъ грѣшить, а поспѣшатъ каяться. Жизнь—поле, гдѣ растетъ пшеница, растутъ и плевелы. Не вырываютъ плевеловъ по осторожному снисхожденію. Придетъ время жатвы, тогда не пощадятъ плевеловъ (Матѳ. XIII, 39—40). Не медлитъ Господь исполненіемъ обѣщанія; Онъ только терпитъ и ждетъ, не придутъ ли люди въ себя, не одумаются ли, не рѣшатся ли оплакать грѣховъ своихъ горькими слезами раскаянія? Будетъ судъ. Богъ сказалъ о томъ. Небо и земля пройдутъ мимо. Не прейдетъ слово Божіе. Пророки Божіи возвѣщали о судѣ всеобщемъ (Исаія XXXIV, 1—6. LXVI, 16—21. Іоил. III, 7—17. Дан. VII, 9—10. Малах. III, 14—18). Псалмы поютъ о судѣ вселенной: *Той судити имать вселенньй въ правду* (Псал. IX, 9, XCIII, 23). Апостолы проповѣдывали: *всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (II Кор. V, 10). Самъ Сынъ Божій, столько полный любви и милости къ намъ, повторялъ много разъ: *пріити имать Сынъ человѣческій во славѣ Отца своего со ангелы своими: и тогда воздастъ комуждо и одѣяніемъ его* (Матѳ. XVI, 27. X, 15).

Страшенъ будетъ сей день для всѣхъ, страшенъ особенно для отвергшихъ Христа или неисполнившихъ вѣрности своей Ему. Кто будетъ судіею на томъ судѣ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ—Онъ, Который пролилъ за насъ кровь Свою, вытерпѣлъ столько мукъ за грѣхи наши, чтобы мы болѣе не жили для грѣха,—Онъ, которому обязались служить мы отъ купѣли до гроба. О, какъ страшно будетъ предстать предъ Него намъ, столько неблагодарнымъ къ Нему! Каково бы то ни было явленіе Его, оно уже само по себѣ будетъ грозно обличать безчувствіе христіанъ. *Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси: и тогда восплачутся вся колѣна земная* (Матѳ. XXIV, 30). *Воззрятъ на-Нь, Его-же прободоша* (Іоан. XIX, 37. Зах. XII. 10).

Пришествіе Господа Іисуса на судъ будетъ уже не то, что пришествіе Его на землю для спасенія нашего. Оно будетъ величественное и грозное, такъ что смятенная ужасомъ вселенная приметъ новый видъ. Сынъ Божій явится, окруженный сонмомъ ангеловъ, въ полномъ величіи славы Сына Божія. *Узрятъ Сына человѣческаго, грядуща на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою* (Матѳ. XXIV, 30), *во славѣ Отца своего со ангелы своими* (Матѳ. XVI, 27). *И видѣхъ*, говоритъ тайновидѣцъ, *престолъ великъ былъ, и Сѣдящаго на немъ; отъ лица Его бѣжали небо и земля, и не нашлось имъ мѣста* (Апок. XX, 11). Цари земные и вельможи, наравнѣ съ послѣдними рабами, съ ужасомъ и воплемъ обратятся къ горамъ и камнямъ, и возопіютъ: *падите на ны и по-*

крыйте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнча: яко пріиде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати (Апок. VI, 16. 17). Други мои! Можетъ ли мысль обнять славу Бога, являющагося въ грозной правдѣ своей? Можетъ ли сердце тѣсное вмѣстить весь ужасъ, которымъ дрогнетъ вся вселенная отъ явленія сей славы Безпредѣльнаго? Покайся, омойся слезами, бѣдная душа моя; *обратися ко Господу Богу твоему*, да правда сокрушенной вѣры поддержитъ тебя бѣдную въ день гнѣва и откровенія суда Божія.

Какой судъ! Какой всеобъемлющій судъ! Отъ земли до ада область его; отъ людей до духовъ отпадшихъ всѣ явятся выслушать послѣднее изреченіе о вѣчной, неперемѣняющейся вѣчности (Іуд. ст. 6. I Кор. VI, 3). Живые и мертвые, язычникъ и іудей, вѣрующій и невѣрный,—люди всѣхъ временъ и всѣхъ странъ предстанутъ дать отвѣтъ въ дѣлахъ своихъ (Матѳ. XXV, 22. Рим. II, 6—12. Дѣян. X, 42. XVII, 31). Какъ много здѣсь между нами такихъ, которые согласятся лучше умереть, чѣмъ вынесть обличеніе въ грѣхѣ предъ подобными себѣ! Какой же ужасъ поразитъ этотъ лицемѣрный стыдъ, или точнѣе, это нечестивое самолюбіе, когда предъ цѣлою вселенною откроются дѣла темныя? Смирись, бѣдная душа моя, открой искренно посреднику между тобой и Богомъ грѣхи твои, чтобы не подвергнуться тебѣ позору всемірному.

Содрогается сердце, трепещетъ внутренность, когда представимъ, что тамъ обнаружены будутъ всѣ тайныя и явныя дѣла наши. А это будетъ, несомнѣнно будетъ. Предметомъ суда будутъ всѣ дѣла наши, добрыя и худыя, *да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (II Кор. V, 10), и каждому воздастся по дѣламъ его (Рим. II, 6). Злость, обманъ, ненависть, гнѣвъ, хищеніе, пьянство, нечистоты плотскія, гордость, тщеславіе—все будетъ предано позору. Сколько льется изъ устъ нашихъ словъ праздности! Ихъ принимаютъ даже за милыя шутки. Тамъ не такъ будутъ смотрѣть. Тамъ, за каждое слово праздное, придется давать отвѣтъ (Матѳ. XII, 36). Всѣ тайныя мысли, всѣ тайныя намѣренія, всѣ движенія сердечныя, всѣ желанія, бережно хранимыя отъ глазъ другаго, всѣ будутъ открыты, какъ бы они ни были черны, какъ бы ни были грязны, всѣ подвергнутся обличенію и суду. *Пріидетъ Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы и объявитъ совѣты сердечныя* (1 Кор. IV, 5). Какъ не плакать, какъ не рыдать намъ о такой ужасной, угрожающей намъ будущности? Сколько лицемѣрія скрывается здѣсь въ нашихъ дѣлахъ! Сколько притворства, сколько лукавства въ замыслахъ! Гнусныя дѣла прикрываютъ самою красивою наружностію, и за цѣну нечестія сердечнаго покупаютъ одобреніе людей. О! тамъ снимутъ съ дѣлъ и намѣ-

реній нашихъ эту маску нечестія, и ихъ гнусность откроется въ точномъ, безобразномъ ихъ видѣ. Тамъ откроется, что эти моды времени, эти наряды изысканные—не только суета, но и грязные слѣды грязныхъ похотей сердца. Отецъ неразумный! мать легкомысленная! сынъ вѣка забывчиваго! товарищъ разсѣянный! Сколько вы сѣете соблазновъ на пагубу сердецъ! сколько уроковъ нечестія даете вы душамъ незрѣлымъ и неосмотрительнымъ. О! остановитесь. Жена суетная! понимаешь ли, видишь ли ты, что твои уборы, твоя роскошная одежда, твоя красота придуманная—сѣть человѣкоубійцы діавола, если не по твоему намѣренію, то по твоему легкомыслію. Какъ ты будешь отвѣчать тамъ за погибель душъ соблазнившихся, отъ твоего ли намѣренія, или отъ твоего легкомыслія? *Иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ*, лучше ему, если бы повѣшенъ былъ на шею его жерновъ, и онъ потонулъ въ морѣ (Матѳ. XVIII, 6). Настанетъ время,—ангелы Божіи *соберутъ вся соблазны и творящихъ беззаконіе, и ввергнутъ ихъ въ пещь огненну* (Матѳ. XIII, 41. 42.). Сокрушайся, душа моя, пока есть время небезплоднаго сокрушенія, сокрушайся о всѣхъ дарахъ, которые приняла ты отъ благодати Божіей и растеряла! Грозный отвѣтъ отдашь ты за таланты, ввѣренные тебѣ. О! горе мнѣ грѣшному, пріявшему такъ много и отъ промыслительной руки Божіей, и отъ благодати Христа моего Іисуса. Что принесу, что возвращу Тебѣ, Владыко мой щедрый! Лѣность моя и нерадѣніе держатъ меня на покойномъ ложѣ грѣховномъ, въ праздности и суетѣ. Горе мнѣ, осквернившему чистую одежду крещенія! Сколько разъ, Владыко мой, возбуждалъ Ты меня къ покаянію и болѣзнями тѣлесными, и скорбными встрѣчами жизни! Едва просыпался я отъ сна моего, какъ опять засыпалъ Спасителю мой! прежде суда Твоего страшнаго, обрати сердце мое къ Тебѣ—Богу моему, *не отрини мене* уклоняющагося отъ Тебя, *не остави Мене*, оставляющаго Тебя, *Боже Спасителю мой!*

Не думаете ли, други мои, что тамъ затруднятся испытаніемъ всѣхъ дѣлъ и всѣхъ народовъ земли? Тайновидѣцъ говоритъ намъ: *И видѣхъ мертвецы малыя и великія*, разныхъ состояній, *стоящa предъ Богомъ, и книги разгнушася, и ина книга отверзеся, яже есть животная: и судъ пріяша мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ* (Апок. XX, 12.). Что это за книги разгнутыя, по которымъ судятся мертвецы? Что за книга иная, называемая книгою жизни? Это—знаки всевѣдѣнія Божія, не имѣющаго нужды въ книгахъ, для котораго извѣстны всѣ наши дѣла. Всегда праведный и всевѣдущій—Онъ строго отличаетъ дѣла праведниковъ отъ дѣлъ грѣшниковъ. Всегда благій—Онъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного подвига повиновенія Его волѣ, не сокрыта отъ Него

ни одна слеза раскаянія, извѣстна Ему чаша студеной воды, поданная во имя Его; Онъ уже назначилъ награду жизни любящимъ Его. Но, увы! Какъ не много праведныхъ, какъ много неправедныхъ значится въ Его праведномъ всевѣдѣніи. Первыхъ одна часть, одна книга; послѣднихъ много частей, много книгъ. По сему-то всевѣдѣнію, праведному и благому, Онъ будетъ изрекать послѣднее рѣшеніе о вѣчной участи людей и племенъ. И совѣсть каждаго покажетъ тамъ каждому дѣла его. Если она здѣсь у насъ темна, если здѣсь многое забываетъ, многаго не досматриваетъ, омрачаемая страстями и суетами: тамъ просвѣтится. Свѣтъ правды Божіей разсѣетъ мракъ ея. *Пріидетъ Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя* (I Кор. IV, 5). Озаренная симъ свѣтомъ совѣсть покажетъ намъ всѣ ряды прошедшаго, ряды мыслей, движеній, желаній и дѣлъ. Не забудьте еще: тогда какъ настаетъ великая жатва для поля дѣлъ міра,—*жателями будутъ ангелы*, которые отдѣлятъ плевелы отъ пшеницы, нечестивыхъ отъ благочестивыхъ.

Пробудимся—спящіе въ грѣхахъ, возстанемъ отъ сна самоугожденія, *да освѣтитъ* насъ *Христосъ*, прежде того страшнаго озаренія правдою (Ефес. V, 14.).

Какъ строгъ, до какой точности справедливъ будетъ судъ послѣдній! Если Господу все извѣстно, если Онъ столько же справедливъ, сколько и мощенъ: то какъ грозенъ будетъ судъ Его! Въ пламенѣющемъ огнѣ совершитъ Онъ отмщеніе надъ незнающими Его и непокоряющимися благовѣствованію Господа нашего Іисуса Христа (II Сол. I, 8.). Не будутъ смотрѣть тамъ на лица: Судія будетъ святый и праведный (Рим. II, 11.). Никто и ничто не защититъ насъ на этомъ судѣ,—ни друзья, ни сродники, ни тѣ, которымъ льстили мы въ надеждѣ на силу ихъ: каждый изъ нихъ за себя будетъ отвѣчать (Ефес. VI, 9.). Повелитель народовъ будетъ стоять тамъ, какъ и послѣдній подданный, въ трепетномъ ожиданіи приговора. Тамъ каждый будетъ значить столько, сколько значатъ его добродѣтели. Мы привыкли покоить безпечность свою надеждою на благость Божію. Тамъ срѣтимъ одну правду,—она отличитъ въ насъ святую надежду отъ надежды безпечной и хульной. Откроетъ намъ и мѣру силъ нашихъ, и мѣру немощей нашихъ; приметъ въ разсчетъ мѣру способовъ, и нищету нашу. Горе и бѣда всякой души, дѣлающей зло, но прежде іудею, потомъ еллину (Рим. II, 9.),—прежде христіанину, потомъ незнающему Христа. Много взыскано будетъ съ меня несчастнаго, которому дано больше, чѣмъ другому (Лук. XII, 47. 48.).

Други мои! смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отяг-

чались объяденіемъ и пьянствомъ и заботами житейскими; бдите во всякое время и молитесь, да сподобитесь избѣжать всѣхъ сихъ будущихъ, и предстать предъ Сына человѣческаго (Лук. XXI, 34—36.). Не дано намъ знать, когда настанетъ страшный день: но то открыто, что онъ несомнѣнно настанетъ,—и мы всѣ предстанемъ судищу Христову. Запасемся же елеемъ добрыхъ дѣлъ, чтобы свѣтильники наши не погасли тогда, какъ негдѣ будетъ взять елея (Матѳ. XXV, 7.).

Припадаю къ Тебѣ, Господи мой Іисусе Христе, Сыне Бога живаго! Не воздай намъ по дѣламъ нашимъ, и да не прогнѣваютъ Тебя дѣла наши. Помилуй насъ по милости Твоей; даруй узрѣть Тебя въ мирѣ и веселіи, хотя бы въ числѣ самыхъ послѣднихъ рабовъ Твоихъ, къ славѣ Твоей и единосущнаго Тебѣ Отца и святаго Духа. Аминь.

1845 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

На рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ (Псал. CXXXVI, 1.).

Такъ говорятъ несчастные плѣнники—іудеи, лишившіеся любезнаго, священнаго отечества. Какъ листья плакучей ивы, склоняясь надъ рѣками Вавилона, вздыхали и плакали они о родномъ Іерусалимѣ. Гордые враги, смѣясь надъ несчастными, говорили имъ: *воспойте намъ отъ пѣсней сіонскихъ.* Какъ намъ пѣть, отвѣчали, пѣснь Господню на землѣ чужой? Пѣсни родины, пѣсни Господу, прилично ли пѣть на землѣ неродной? Полный грустію горькою, скорбію неотразимою, каждый давалъ обѣтъ неизмѣнной памяти о Іерусалимѣ дорогомъ: *аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя: прилипни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего.*

Что значитъ, братія, что церковь въ эти недѣли повторяетъ намъ плачевную пѣснь плѣнниковъ вавилонскихъ? Ужели это съ тѣмъ только, чтобы напомнить намъ о быломъ іудеевъ? Правда, это былое было горько, примѣрно горько. Но какая намъ нужда до чужаго прошлаго, если оно прошло и не касалось насъ? Нѣтъ, не объ іудеяхъ заботится мать наша—св. церковь, а о насъ—дѣтяхъ своихъ. Насъ призываетъ она плакать, о себѣ плачемъ плѣнниковъ вавилонскихъ.

Кто мы на землѣ этой? Что значитъ для насъ міръ? Вся тварь

воздыхаетъ, стонетъ, ожидая свободы чадъ Божіихъ. Бури разрушительныя, землетрясенія, разрывающія горы и города, голодъ, язвы— это стоны природы. Земля—кладбище; смерть и смерть на каждомъ шагу! Куда ни оглянись, вездѣ горе, вездѣ скорби. Сколько бѣдъ, сколько болѣзней, сколько смертей! Но это—не все. Кому нравятся скорби? Кто можетъ любить скорби? Мы плачемъ, мы стонемъ подъ тяжестію бѣдъ, которыми гнететъ насъ міръ. Но, есть бѣды въ мірѣ, которыхъ не только не боятся, но которыя считаютъ за счастіе, которыя любятъ, за которыя отдаютъ всю жизнь свою и губятъ себя на цѣлую вѣчность. Что значитъ міръ въ глазахъ милліоновъ? Имъ не нарадуются. Отъ него приходятъ въ восторгъ. Но не таковъ судъ Божій о мірѣ. По суду Божію, міръ—*Вавилонъ великій, матъ блудодѣйцамъ и мерзостемъ* (Апок. XVII, 5.). *Отъ міра сего—все, еже въ мірѣ, похоть очесъ, похоть плоти, гордость житейская* (I Іоан. II. 16.). Сынъ міра не слышитъ, не чувствуетъ, не хочетъ знать голоса святаго о мірѣ. Вихрь свѣта, блескъ золота, обольщенія честей, сласти похоти увлекли его, обаяли умъ его. Ни о чемъ не думая, спѣшитъ онъ напиться водъ Вавилона до сытости. Ахъ! пусть остановится, пока есть время. Судъ надъ Вавилономъ—надъ міромъ грѣшнымъ изреченъ и—не перемѣнится. Блага, которыми утѣшается міръ,—цвѣты погребальные, украшающіе путь къ погибели. Радости его отравлены ядомъ грѣха. Свѣтъ обольстителенъ? Но въ томъ-то и пагуба его. Сколько беззаконій оправдано судомъ свѣта! Сколько нечестія въ его взглядѣ на жизнь людей! Дѣла самыя преступныя, низкія, гнусныя скрашены именами слабости невинной, грѣха простительнаго. Чтобы жизнь веселая была еще веселѣе, чтобы жизнь беззаконная была еще беззаконнѣе, міръ составилъ свои законы, при которыхъ забытъ не только Христовъ законъ самоотверженія крестнаго, распятія похотей плоти и духа, но иногда забываются и внушенія естественной совѣсти. *Горе* тебѣ, *Вавилонъ великій—матъ мерзостей!* Какъ намъ не плакать на рѣкахъ Вавилона—міра пагубнаго? Онъ такъ настойчиво, и такъ незамѣтно для насъ ловитъ души наши въ погибель. Сколько вѣковъ проповѣдуютъ намъ: *не любите міра, ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ?* (I Іоан. II, 5.). А люди, какъ и прежде, любятъ губящій ихъ міръ. *Отврати очи мои, Господи, еже не видѣти суеты. Постави рабу Твоему слово Твое въ страхъ Твой* (Псал. CXVIII, 37. 38.). Плачь, грѣшникъ, пока есть время. Время летитъ и уноситъ съ собою спасеніе отъ Вавилона. Оплакивай и радости и горе твое. Оплакивай радости: въ нихъ много безумія, ужасающей погибели; оплакивай горе: въ немъ много малодушія непростительнаго.

Плачь, грѣшникъ, странствуя вдали отъ родины, отъ небесной отчизны твоей. Гдѣ наше отечество? Гдѣ нашъ Іерусалимъ? Люди такъ полюбили міръ, что позабыли о своей родинѣ. Какъ это ужасно, особенно для христіанской души! Она искуплена кровію Сына Божія не для міра, а для вѣчности. Гдѣ наша родина? Тамъ—на небѣ: *не имамы здѣ пребывающаго града, не грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII, 14.). И, о когда бы мы искали его, какъ искали всѣ праведники! Какъ велика потеря наша—потерявшихъ нашу родину! Если бы богачъ вдругъ лишился всѣхъ сокровищъ своихъ: потеря его ничего не значитъ съ потерею неба. Соберите всѣ земныя потери, соберите всѣ несчастія времени: онѣ ничего не значатъ съ потерею небесной отчизны. Плачутъ о потерѣ чести; плачутъ о потерѣ какого-либо золота, плачутъ о потерѣ родныхъ по плоти. Что значитъ этотъ плачъ? Дѣтскій плачъ! То ли дѣло, что мы странствуетъ вдали отъ небеснаго Отца, изгнаны отъ Его пресвѣтлаго лица? Мы потеряли то, безъ чего и богачи свѣта, и славные, и умные міра такъ бѣдны, такъ ничтожны, какъ нельзя болѣе. О чемъ ухо не слыхало, чего глазъ не видѣлъ, что на сердце человѣка не всходило, чего умъ представить себѣ не въ состояніи,—такихъ благъ, такихъ сокровищъ, такихъ радостей лишились мы, изгнанные изъ вѣчной родины. Дѣти, удаленныя отъ родителей, обливаются слезами. Какъ же намъ не обливаться слезами горькими,—намъ, которые удалены отъ истиннаго Отца нашего? Чѣмъ стала душа наша, вкусивъ первый грѣхъ? Она была прекрасна, какъ образъ самаго Бога. А теперь? Гнусна и безобразна. Невинность, правота, помыслы высокіе и чистые потеряны. Грѣхъ покрылъ ее струпами страстей. Безобразенъ видъ мертвеца: гораздо хуже душа грѣшная. Красота, ткани, камни, уборы разорительные—ты думаешь—красятъ душу? Золотятъ гробъ,—еще хуже: увеличиваютъ безобразіе, умножая струпы души. *Приклони Господи, ухо Твое, и услыши мя: яко нищъ и убогъ есмь азъ. Пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы моги. Не скрый отъ мене заповѣди Твоя* (Псал. XXXVIII, 13. LXXXV, I, CXVIII, 19). Плачь, грѣшникъ, потерявъ небесный Іерусалимъ твой. Повторяй обѣтъ святой плѣннаго іудея: *аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя.*

Кто мы на этой землѣ? Плѣнники плоти, рабы грѣха. Примѣчаемъ ли мы, что, когда хотимъ сдѣлать что нибудь доброе, то это для насъ крайне трудно? Отчего эта трудность? Отчего эта неохота, эта лѣность дѣлать доброе? Ужели это естественно? Быть не можетъ. Горе намъ грѣшнымъ! Грѣху служимъ мы отъ юности; во грѣхахъ рождены мы. Вдвое горе намъ отъ насъ са-

михъ. Мы воспитали въ себѣ страсти, и онѣ полновластно владѣютъ нами. Одинъ съ молодыхъ лѣтъ и до гроба питаетъ въ душѣ страсть къ деньгамъ, другой—злость, тотъ—суетность мірскую, иной—гордость. По временамъ приходитъ намъ на мысль вѣчность, посѣщаетъ душу, какъ гость, страхъ суда Божія. Но, то скажутъ: ахъ, теперь не время,—тѣмъ и тѣмъ заняться надо; то, совершивъ кое-какъ молитву, потревоживъ душу кое-какими воспоминаніями о своихъ неправдахъ, принимаемся опять грѣшить. О, горе намъ, грѣшнымъ! Грѣхи такъ овладѣли нами, что мы стали, какъ дѣти слабыя и несмысленныя,—боимся отказать въ чемъ нибудь привычкамъ нашимъ. Намъ даны были благодатныя силы для добра: но мы ихъ расточили или расточаемъ. Повторяя вчера и нынѣ грѣшныя мысли, грѣшныя чувства, грѣшныя желанія, мы укрѣпили въ душѣ навыкъ къ грѣху и—ослабили, обезсилили благодатную рѣшимость творить законъ Божій. Откладывая день за день раскаяніе, мы потеряли и искреннее желаніе каяться. Въ насъ остается чувство добра, воздыханіе о добрѣ, да и то слабое, да и то безплодное, да и то, время отъ времени, рѣже открывается. Что жизнь наша? Рядъ суетъ, рядъ грѣховъ. Заботы о пищѣ, заботы о домѣ, заботы по торговлѣ или званію, смѣняютъ одна другую. Такимъ образомъ, безсмертная душа наша въ постоянной службѣ тлѣнію. Гдѣ-жъ достоинство, по коему человѣкъ *умаленъ малымъ чимъ отъ ангелъ* (Псал. VIII, 6.)? Мы *прилагаемъ скотомъ несмысленнымъ* (Псал. XLVIII, 13.), живемъ тѣми же желаніями, тѣми же наслажденіями, какъ и они. О, плачь, грѣшникъ—плѣнникъ страстей и грѣха! Омывай слезами несчастный плѣнъ свой грѣховный, моли Вышняго о возвращеніи тебѣ свободы чадъ Божіихъ. Онъ не откажетъ; съ любовію приметъ тебя кающагося и облечетъ новыми силами для подвига противъ грѣха.

Рано ли, поздно ли, намъ надобно возвратиться на свою родину. Рано ли, поздно ли, скитальческая жизнь наша по землѣ кончится. Какъ же мы возвратимся въ домъ Отца нашего? Съ чѣмъ явимся предъ лице Его? И, во первыхъ, каковъ будетъ нашъ выходъ изъ этой жизни? *Смерть грѣшниковъ люта* (Псал. XXXIII, 22.). И какъ не быть ей лютою? Совѣсть, дотолѣ усыпляемая суетою теперь, когда исчезаютъ суеты, начинаетъ терзать душу грѣшную. Предъ ней открывается геенна, о которой дотолѣ не хотѣла она думать. Предъ ней открывается вѣчность съ ея муками для грѣшника,—о чемъ легкомысленно забывала она. Предъ ней—необходимость явиться къ Судіѣ грозному и нелицепріятному, котораго законы поруганы. О, плачь, грѣшникъ, пока не прошло время безполезныхъ рыданій! Умоляй со слезами Господа о кончинѣ мирной, какова кончина вѣрнаго христіанина!

Иначе, горько будетъ вступленіе твое въ вѣчность, еще бѣдственнѣе вѣчная жизнь. Жизнь временная дана тебѣ только съ тѣмъ, чтобы искушенный, очищенный страданіями жизни, ты возвратился въ домъ Отца твоего—какъ сынъ умный, съ любовію твердою къ Господу, съ мудростію опытною въ добрѣ. Что-жъ? Какимъ ты готовъ предстать къ Господу твоему? Гдѣ подвиги твои для добра? Гдѣ добродѣтели? Гдѣ цѣломудріе? Гдѣ воздержаніе? Гдѣ кротость? Гдѣ слезы о грѣхахъ? Гдѣ борьба со страстями? Какую слабость побѣдилъ ты въ себѣ? Съ какимъ грѣхомъ сражался до крови? Не думаешь ли, что такъ же легкомысленно будутъ судить о дѣлахъ твоихъ тамъ, какъ судишь ты здѣсь, или, какъ судитъ вѣкъ лукавый? Тамъ судъ не по страстямъ твоимъ, а по закону справедливости; не по мнѣніямъ людскимъ, а по вѣчной правдѣ Божіей. Тамъ обличены будутъ всѣ тайныя движенія сердца твоего, откроютъ всѣ помыслы гнусные, скрываемые здѣсь подъ разными покровами дня и ночи.

И—цѣлая вѣчность будетъ вѣчностію мукъ грѣшнику. О, вѣчность, вѣчность! Какъ необъятно продолженіе твое! Какъ неизмѣрима долгота твоя! Слагаю ряды вѣковъ, прибавляю тысячи лѣтъ къ тысячилѣтіямъ и—все это не вѣчность. И все это не конецъ мукамъ грѣшника.

Отецъ Небесный, къ Которому возвратиться я долженъ изъ страны далекой! Укрѣпи слабаго странника на путяхъ заповѣдей Твоихъ! Вразуми, утверди меня въ страхѣ Твоемъ! Подай мнѣ источники слезъ, да омою ими грѣхи мои, да, сѣя со слезами, съ радостію пожну плоды мои въ вѣчности! Страхъ судовъ Твоихъ да проникаетъ меня до самаго мозга костей моихъ, разсѣевая предъ очами моими соблазны Вавилона—міра грѣшнаго! Твоя есть сила, Тебѣ слава во вѣки. Аминь.

1846 г.

СЛОВО ВЪ ЧЕТВЕРТОКЪ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ (Псал. XXXI, 5).

Вотъ примѣръ покаянія—кающійся Давидъ!

Братія! всѣ мы грѣшники предъ Господомъ; грѣхи наши множатся каждый день; каждый день преступаемъ мы волю Божію, исполняемъ прихоти сердца, идемъ вслѣдъ за помыслами страстей. Куда же приведутъ насъ грѣхи наши? Что ждетъ

насъ съ беззаконіями нашими? Что готовитъ намъ безпечное нечестіе наше? Или—огонь геенскій намъ не ужасенъ? Вѣчность мукъ невыразимо-лютыхъ не страшна? Впасть въ руки Судіи грозно-правосуднаго—ужели малость для насъ? О, какъ бы это было пагубно! Что-жъ? Или же, выходъ изъ бездны грѣха намъ закрытъ? Прегражденъ путь къ небу? Затворены для насъ двери милосердія Божія? Нѣтъ! Чего же не достаетъ намъ, чтобы спастись намъ отъ грѣховъ? Не достаетъ покаянія, того самаго, что было въ душѣ Давида, когда взывалъ онъ: *беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ.*

Что нужно прежде всего, чтобы обратиться на путь жизни отъ пути погибели? Прежде всего нужно увидѣть, что мы не тамъ, гдѣ надлежало быть намъ. Если путникъ идетъ не по своей дорогѣ: ему надобно опомниться, сознать, что это не его путь, что путь, по которому онъ долженъ идти, совсѣмъ другой и—только тогда можетъ почувствовать необходимость возвратиться на свою дорогу. Какъ намъ идти путями спасенія, когда не сознаемъ мы доселѣ, гдѣ ходимъ, когда не видимъ, что мы на пути погибели? Какъ желать намъ искренно, пламенно, жизни вѣчной, жизни по волѣ Божіей, когда доселѣ не сознали, что живемъ во мракѣ грѣховъ, въ похотяхъ сердца? Если бы плѣнные сыны израиля такъ же прилѣпились мыслями и сердцемъ къ Вавилону, какъ дѣти Вавилона: стали бы онѣ плакать о Сіонѣ, лить горькія о немъ слезы, стремиться сердцами къ родному городу? Горе намъ, когда мы остаемся въ горькомъ плѣну Вавилона, работаемъ безъ отдыха страстямъ и міру погибельному, не думаемъ о возвращеніи въ Сіонъ небесный и забыли о вѣчномъ градѣ Божіемъ, какъ будто его нѣтъ для насъ.

Что можетъ быть страннѣе—имѣть глаза и не видѣть грязи на одеждѣ, нечистоты на рукахъ, безпорядка на всемъ тѣлѣ? О, Боже мой! куда дѣвалась свѣтлость очей моихъ? Кто отнялъ зрѣніе у мысли моей! Весь покрытъ нечистотою,—и не вижу нечистоты моей. Все разстроено, все обезображено въ душѣ моей,—и я не вижу разстройства моего. Кто изобразитъ глубину паденія моего? Безсловесному дано видѣть земное,—и оно видитъ землю; а моя душа, которой дано зрѣть красоты неба, не видитъ ни небесныхъ благъ, ни безобразія земной своей жизни. О, Господи! Ты просвѣщалъ очи слѣпцевъ, разгонялъ грѣховный мракъ въ душахъ заблудшихъ; просвѣти очи сердца моего, да узрю свѣтъ заповѣдей Твоихъ, и мое погибельное удаленіе отъ нихъ!

Братія! Худо мы видимъ грѣхи наши. Но будемъ смотрѣть на нихъ, и мы увидимъ болѣе, чѣмъ теперь видимъ; отвратимъ взоръ нашъ отъ суетнаго міра, не будемъ смотрѣть на предметы мятеж-

ныхъ страстей нашихъ; соберемъ разсѣянныя мысли наши, остановимъ, удержимъ ихъ на одномъ—на памяти о себѣ и своихъ грѣхахъ. Если мы рѣшились узнать себя, свои грѣхи: то необходимо, чтобы на себѣ самихъ остановили мы все вниманіе наше. Иначе, никогда не узнаемъ мы себя. Какъ узнать, какъ разсмотрѣть себя, когда предъ нашими глазами міръ съ толпою прелестей его, когда мысли наши заняты, наполнены суетами, заботами, впечатлѣніями земными? Ты, который говоришь, что готовишься принесть исповѣдь въ грѣхахъ своихъ предъ Господомъ, а въ тоже время волнуешься заботами житейскими, расчетами по торговлѣ, хлопотами по дому, или помыслами страстей, что ты дѣлаешь? Себя ли ты хочешь обманывать, или Бога? Первое безразсудно, послѣднее страшно. Опомнись! Вотъ въ цѣломъ году церковь назначаетъ тебѣ нѣсколько дней, чтобы ты собрался съ собою, посвятилъ часы молитвы на обзоръ дѣлъ твоихъ; а ты и это не многое занимаешь, Богъ знаетъ, чѣмъ. Міръ съ его суетами и обольщеніями разстроилъ тебя, разсѣялъ, осквернилъ душу твою: ужели не довольно того, чтобы бросить его, хотя на нѣсколько часовъ? О, пагубное ослѣпленіе! *Беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну* (Псал. L, 5). Такъ познавалъ себя кающійся Давидъ. *Выну*—постоянно, не уклоняясь ни къ чему другому, смотрѣлъ онъ на грѣхъ свой,— и тогда-то узналъ его, какъ должно было узнать. И бѣглое ли вниманіе нужно, когда дѣло идетъ о спасеніи, или погибели души? О! нѣтъ, не спѣши отклонять взора отъ грѣха твоего, всмотрись въ него прилежно. Созналъ ли въ себѣ грѣхъ осужденія? Разсмотри: что такое ты сдѣлалъ? Взвѣсь тяжесть грѣха твоего. Ты увидишь, что восхитилъ ты себѣ право Судіи всѣхъ Бога; будучи грѣшникомъ, принялъ на себя лице безгрѣшнаго, безумно блуждалъ мыслію за дѣлами другаго и оставилъ себя самаго во власти грѣховъ; гордость, или суетность заставила тебя судить другаго, и твой судъ оскорбилъ его, твой судъ навелъ его на грѣхъ недовольства тобою, а, можетъ быть, и гнѣва. Вотъ какъ много грѣховъ въ одномъ грѣхѣ осужденія брата! Достаточно-ли бѣглаго вниманія, чтобы разсмотрѣть и обсудить несчастную плодотворность одного грѣха?

Ты сказалъ мыслію или словомъ: грѣшникъ я,—и тѣмъ доволенъ и тѣмъ кончилъ исповѣдь. Нѣтъ, исповѣдь еще не кончена, даже и не начата. Подумай. Ты не доволенъ былъ бы судьею, если бы онъ не съ полнымъ вниманіемъ вошелъ въ дѣло преступника; ты сказалъ бы: судъ строгой правды требуетъ, чтобы судья силою законовъ побудилъ преступника изложить всѣ обстоятельства преступленія, открыть мѣсто, время, побужденія, соучастниковъ преступленія; ты сказалъ бы: это необходимо,—обстоятельства даютъ

бо̀льшій или меньшій вѣсъ преступленію,—и ты былъ правъ въ отношеніи къ другому. Какъ же ты не хочешь быть справедливымъ въ отношеніи къ себѣ самому? Нѣтъ, не будь легкомысленъ; ты стоишь предъ судомъ Божіимъ. Покаешься?—Будешь живъ. Кайся же. Ты сказалъ: *грѣшникъ я*. Но въ чемъ? Сколько разъ? Въ какомъ расположеніи? Что заставило тебя сдѣлать грѣхъ и грѣхи? Осмотри дѣла твои, перечти одно за другимъ преступленія твои, дай отчетъ передъ судомъ Господа, повѣрь жизнь по всѣмъ заповѣдямъ. Тутъ не мѣсто небрежности. Ты не былъ лѣнивъ на грѣхи. Не лѣнись же каяться; понуждай себя къ дознанію грѣховъ твоихъ, припоминай, каковъ былъ ты на молитвѣ, каковъ въ домѣ? Каковъ къ оскорблявшимъ тебя, каковъ къ любящимъ тебя? Каковъ по обязанностямъ званія, каковъ по своей охотѣ? Каковъ былъ въ счастіи, каковъ въ несчастіи? Какъ смотрѣлъ на свое горе, какъ на чужое? Каковъ былъ по влеченію давней слабости, каковъ по новымъ привычкамъ? Воздерживалъ ли тѣло? Воздерживалъ ли языкъ? Воздерживалъ ли душу отъ гнѣва, отъ страстей? Пройди въ памяти всѣ непрямыя пути, по которымъ блуждалъ ты, пересмотри различныя мѣста которыя были свидѣтелями паденій, размысли о всѣхъ обязанностяхъ совѣсти, которыя пренебрегалъ ты. Вспомни, сколько разъ давалъ ты обѣщанія исправить и перемѣнить жизнь твою и сколько разъ нарушалъ ихъ? Сколько благодатныхъ званій къ покаянію въ обстоятельствахъ жизни твоей оставилъ ты безъ вниманія?—Трудно невозможно дать отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ? Такъ. Но это не значитъ, что надобно довольствоваться общимъ, глухимъ, безпечнымъ отзывомъ о себѣ. Что это за познаніе себя? Испытаемъ, дознаемъ въ себѣ грѣхи всѣ, какіе можемъ дознать: вотъ что требуется отъ насъ!

Беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ По сему образцу Давидова покаянія, испытаніе грѣховъ нашихъ должно быть искреннѣе. Не скрывай себя отъ себя и Бога. Скроешь здѣсь? Откроютъ тамъ, и къ безотрадной скорби. Скроешь отъ себя? Не скроешь отъ Бога, и къ болѣе тяжкому осужденію. Мы всѣ твердо признаемъ святость обязанностей христіанскихъ: но коль скоро прилагаемъ ихъ къ самимъ себѣ, тотчасъ начинаемъ ослаблять ихъ строгость; коль скоро начинаемъ судить себя за неисполненіе ихъ, тотчасъ уменьшаемъ виновность свою разными предлогами, разными извиненіями. Охотно признаемъ всеобщность правилъ, но себя самихъ помѣщаемъ въ исключеніе. Самолюбіе дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ и усердно и искусно; оно такъ успѣваетъ прикрывать самыя тяжкія измѣны долгу, что онѣ кажутся малыми недостатками. Но какой это страшный богопротивный трудъ! Что дѣлаетъ въ такомъ

случаѣ самолюбіе? Оправдывая насъ преступниковъ, оно возстаетъ противъ суда Божія объявляющаго насъ преступниками. Сокращая предѣлы власти заповѣдей Божіихъ надъ нами, оно нагло оскорбляетъ власть законодателя—Бога. И преступно и безразсудно и пагубно желаніе наше уменьшать вины свои. Грѣхъ ищетъ защиты себѣ въ душѣ твоей. Вотъ что значитъ твоя неискренность въ сознаніи грѣховъ своихъ! Грѣхъ ищетъ твоей погибели. Если теперь, когда ты собрался изгнать его изъ души покаяніемъ, ты самъ прикроешь его въ душѣ: послѣ онъ болѣе будетъ имѣть силы надъ тобою, болѣе и сильнѣе будетъ растлѣвать душу твою. Молись Господу: *не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ* (Псал. CXL, 4.). Страшись придумывать извиненія грѣхамъ. Не уклоняй взора напримѣръ многихъ, идущихъ широкимъ путемъ: въ аду будетъ мѣсто и многимъ. И многіе погибающіе не защитятъ тебя отъ погибели. Они дадутъ отвѣтъ за себя точно такъ, какъ съ тебя потребуется особый отчетъ. Къ чему обращаться къ примѣру многихъ грѣшниковъ? Тебѣ повелѣно слѣдовать примѣру святыхъ, а не грѣшниковъ. Къ чему обращаться теперь къ многимъ? Дѣло идетъ не о многихъ, а о тебѣ, о твоихъ грѣхахъ; судъ надъ твоими дѣлами, въ нихъ требуется отчетъ. Не ссылайся и на слабость. Съ слабостями были и святые. Какъ и всѣмъ вѣрующимъ, тебѣ дана была благодать, сильная въ немощахъ: что же ты дѣлалъ? У тебя доставало силъ проводить дни и ночи за дѣлами житейскими, или и того хуже, за дѣлами пагубными, а не доставало силъ для поста. У тебя доставало терпѣнія терзаться злобою и гнѣвомъ, а не достало духа перенесть непріятное слово отъ другаго, или легкую потерю собственности. Не прикрывай виновности худой жизни твоей благостію Божіею. *Богъ милостивъ?* Но благость Его не указываетъ ли на твою неблагодарность къ ней? *Онъ милостивъ, не взыщетъ?* Напротивъ—моли Его, чтобы Онъ взыскалъ здѣсь и простилъ тамъ, наказалъ здѣсь нечестіе сердца твоего, дабы не погибнуть тебѣ тамъ. *Не взыщетъ, долготерпѣливъ!* Но горе намъ, если пребудемъ нераскаянными грѣшниками, не воспользуемся долготерпѣніемъ Его; тогда останется только для насъ судъ правды грозной. Какъ бы ни было тяжко расплачиваться за грѣхъ, по долгу искренняго покаянія: расплатись. Тяжелѣе будетъ казнь нераскаянному грѣшнику. По степени и свойству болѣзней душевныхъ, употреби врачество, какъ бы горько оно ни было. Если чувствуешь холодность въ душѣ твоей, поражай ее ударами обличенія строгаго; покажи ей рѣку огненную, червь неусыпающій, смрадъ вѣчный чтобы пробудить ее отъ безпечности, заставить разорвать связь съ грѣхами, дорогими для нея.

Итакъ повторяю, для вѣчнаго спасенія нашего необходимо сознаніе грѣховъ; необходимо покаяніе полное и искреннѣе. Богъ благій и милостивый да даруетъ намъ милость совершать покаяніе угодное Ему. Аминь.

1846 г.

СЛОВО ВЪ ПЯТОКЪ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА, НА УТРЕНИ.

Святая церковь призываетъ насъ нынѣ къ исповѣди. Она желаетъ, она требуетъ, чтобы мы не только предъ лицемъ своей совѣсти каялись въ грѣхахъ своихъ, но принесли покаяніе и предъ служителемъ Божіимъ. Полезнаго ли для насъ требуютъ отъ насъ? Необходимое ли дѣло возлагаютъ на насъ?

Для чего исповѣдь предъ подобнымъ намъ человѣкомъ? Конечно не для Господа. Онъ знаетъ грѣхи наши даже и тогда, какъ скрываемъ ихъ не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя. Онъ знаетъ наши тайны сердечныя. Но знаетъ ли каждый, что кроется въ сердце его? Въ состояніи ли каждый дать подробный и вѣрный отчетъ въ дѣлахъ своихъ? А покаяніе необходимо требуетъ полнаго и вѣрнаго осмотра не только дѣламъ, но и побужденіямъ нашимъ. Правда, кому ближе знать себя, какъ не самому себѣ? Но нужно ли говорить, что цѣлыя тысячи между нами такихъ, которые слишкомъ мало способны входить въ себя, мало знаютъ законъ Божій, а еще менѣе способны повѣрять себя закономъ Божіимъ? Кто-жъ имъ покажетъ ихъ самихъ, какъ не служитель Божій? А не долженъ ли каждый сознаться, что слишкомъ много обманываемся мы въ себѣ самолюбіемъ; многое видимъ въ себѣ не въ надлежащемъ видѣ, а многаго худаго совсѣмъ не видимъ. Итакъ, благодареніе Господу, что Онъ даетъ намъ помощника, при испытаніи нашей совѣсти.

Почему тебѣ не хочется говорить другому о грѣхахъ своихъ? Стыдно? О, если бы это было такъ! Тогда оставалось бы сказать: потому-то и долженъ ты открыть все священнику, не исключая никакихъ дѣлъ, чтобы въ душѣ твоей могъ пробудиться спасительный стыдъ, котораго ты дотолѣ, быть можетъ, и не чувствовалъ, или чувствовалъ, но не столько, сколько заслуживаютъ дѣла гнусныя. Потому-то и долженъ ты исповѣдывать все служителю Божію, что-

бы стыдъ, который пробудится въ тебѣ при исповѣди, могъ послужить впередъ стражемъ душѣ твоей противъ низкихъ дѣлъ. Но стыдъ ли, или, одинъ ли стыдъ удерживаетъ тебя открыть священнику грѣхи твои? Будь искренень къ себѣ: гордость живетъ во всѣхъ насъ; это—общая наша собственность. А, по ея милости, не любимъ мы думать о себѣ низко, не любимъ казаться даже себѣ, не только другимъ, въ черномъ видѣ. Согласитесь же, можетъ ли быть пріятно для гордости нашей исповѣдь? Если такъ, то исповѣдь—дорогое, неоцѣненное лѣкарство, когда она смягчаетъ самую опасную болѣзнь души нашей—гордость. Смиреніе—основа добродѣтелей; безъ нея совершенство духовное въ человѣкѣ—мечта, и мечта пагубная. Исповѣдь, заставляя нисходить въ глубину души и извлекать на свѣтъ одинъ за другимъ пороки и нечистоты сердечныя, сокрушаетъ гордость нашу и засѣваетъ въ душѣ смиреніе.

Земные власти могутъ класть оковы на руки и ноги; у нихъ есть темница, заточеніе: но все это связуетъ ли душу? Нѣтъ. Гордость не ставитъ выше себя ничего человѣческаго. Другое дѣло—власть не земная, а небесная. Злодѣи, которыхъ не могли исправлять никакія казни, предъ смиреннымъ служителемъ Божіимъ приходили въ глубокое сокрушеніе, и разъ навсегда отказывались отъ прежней жизни. Хищникъ возвращалъ чужое, непримиримый врагъ мирился съ врагомъ, тяжущіеся прекращали тяжбу, ссорившіеся супруги забывали ссору, по внушеніямъ служителя Божія,—потому что онъ не слуга человѣковъ, а слуга и посланникъ Божій. О, мудрость земная! какъ слѣпа она, отвергая помощь неба, столько полезную даже для земли!

Рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви (Псал. XXXI. 5.), такъ говоритъ кающійся Давидъ. Что это значитъ? Означаетъ ли только сердечное сознаніе въ беззаконіи своемъ? Но объ этомъ онъ уже сказалъ, когда сказалъ предъ тѣмъ: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ*. Если говоритъ Давидъ: *исповѣмъ на мя беззаконіе:* то, и по значенію словъ, онъ говоритъ не о сознаніи грѣха въ своей совѣсти, а о повѣданіи, обнаруженіи беззаконія предъ другимъ. Повѣримъ слова пѣсни Давидовой исторіею Давида, и найдемъ то-же. Пророкъ Наѳанъ обличалъ Давида въ грѣхѣ съ Вирсавіею, и Давидъ не ограничился тѣмъ, чтобы сознать грѣхъ въ душѣ своей; онъ исповѣдалъ беззаконіе предъ Наѳаномъ, сказалъ въ слухъ его: *согрѣшихъ ко Господу* (II Цар. XII, 13.). Заповѣдь Божію о исповѣди видимъ еще въ законѣ Моисеевомъ; тамъ Богъ повелѣлъ возвѣстить израилю: *Мужъ или жена, иже аще сотворитъ отъ всѣхъ грѣховъ человѣческихъ, и презирая презритъ Господа, и преступитъ душа она: да исповѣсть грѣхъ, егоже сотвори, и да от-*

дастъ преступленіе истое (Числ. V, 6. 7). Извѣстны различныя жертвы за грѣхи; принося ихъ, исповѣдывали надъ ними грѣхи свои въ присутствіи жреца, который молился, дабы, для вѣры въ будущую всемірную жертву, не взыскано было за согрѣшенія (Лев. IV, 1—26.). Предтеча Іоаннъ крестилъ во Іорданѣ только тѣхъ, которые, приходя къ нему, исповѣдали грѣхи свои. Онъ давалъ при томъ особенныя наставленія мытарямъ, особенныя воину, и особенныя людямъ простымъ (Лук. Ш, 10—15. Матѳ. Ш, 6.); а эта частность наставленій, конечно, сообразна была съ тѣмъ, что неодинаковые открываемы были грѣхи, или неодинаковое положеніе душъ открывалось исповѣдію. Что исповѣдь предъ Іоанномъ не была дѣломъ произвола человѣческаго, о томъ ясно сказано. Фарисеи не хотѣли исповѣдывать Іоанну грѣховъ своихъ и креститься отъ него,—и слово Божіе говоритъ о фарисеяхъ: *совѣтъ Божій отвергоша о себѣ, не крещшеся отъ него* (Лук. VII, 29. 30.).

Не понятно, какъ могутъ сомнѣваться въ святости исповѣди, когда не сомнѣваются, что покаяніе въ грѣхахъ должно быть искреннее? Если ты искренно каешься, если душа твоя полна скорби о грѣхахъ: при такомъ состояніи чего естественно ожидать отъ души твоей? Вопли и стонъ, горькія жалобы на потери,—вотъ что льется само собой изъ души скорбной! По крайней мѣрѣ, тогда какъ свято чувство души, не можетъ быть грѣшнымъ выраженіе чувства; когда свята скорбь о грѣхахъ, свято и исповѣданіе скорби о грѣхахъ. Напротивъ, нежеланіе открыть грѣхъ есть признакъ того, что грѣхъ еще нравится душѣ, что къ нему не чувствуетъ она отвращенія, что скорбь о немъ еще неискренна, неполна и неглубока.

Кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ? Въ Его десницѣ—жизнь и смерть наша, предъ Нимъ мы грѣшники. Онъ только и можетъ простить, или не простить насъ. Согрѣшилъ ты предъ человѣкомъ? Въ его волѣ или предать тебя во власть суда, или примириться съ тобою. Точно то же предъ Богомъ. Кайся, сколько хочешь: но, пока не скажутъ тебѣ, что ты прощенъ, ты остаешься подъ отвѣтственностію;—если-жъ скажешь самъ себѣ, что прощенъ ты: это будетъ новая дерзость, которая не останется безъ наказанія. Правда, и въ ветхомъ завѣтѣ говорено было, что Богъ готовъ простить кающагося грѣшника. Но рѣшительный отвѣтъ на исповѣдь зависѣлъ тогда отъ будущаго времени, отъ времени явленія Примирителя. Тогда, какъ явился на землѣ Самъ Сынъ Божій для примиренія правды Божіей съ виновнымъ человѣчествомъ, тогда Сынъ Божій возвѣстилъ людямъ, что Онъ, какъ Богъ и примиритель, имѣетъ право прощать грѣхи, и въ Своемъ же лицѣ Онъ передалъ Божественную власть своимъ рабамъ *Пріимите Духъ святъ*, сказалъ

Онъ апостоламъ, *имже отпустите грѣхи, отпустятся, и имже держите, держатся* (Іоан, XX, 22. 23.). Поймите, какъ установленіе особенной власти прощать или не прощать грѣхи людей всего міра соотвѣтствовало времени самаго полнаго откровенія любви Божіей къ людямъ, самой полной близости Бога къ человѣчеству. То, что передано было апостоламъ въ отношеніи къ грѣхамъ людей, передано было всѣмъ преемникамъ ихъ, такъ какъ не для одного апостольскаго времени учреждалъ церковь свою Христосъ Господь, и такъ какъ не для однихъ апостоловъ дарованъ былъ Духъ святый, дѣйствіемъ коего должно совершаться разрѣшеніе или неразрѣшеніе грѣшника. И въ писаніяхъ апостольскихъ видимъ, что апостолы Христовы заповѣдуютъ преемникамъ своимъ продолжать дѣло примиренія грѣшниковъ съ Богомъ, вручаютъ имъ власть вязать и разрѣшать совѣсти, съ наставленіемъ о употребленіи сей власти. Вспомните, напр., какъ не доволенъ былъ святый Павелъ пастырями коринѳскими за ихъ слабость въ отношеніи къ открытому грѣшнику (1 Кор. V, 2.). Итакъ, вотъ кто изъ людей имѣетъ власть прощать, или не прощать грѣшника. Это тѣ, кому передана сія власть самимъ Богомъ, искупителемъ—Сыномъ Божіимъ. Что же сказать о тебѣ, не призванный пастырь раскола, который самъ на себя принимаешь власть Божественную, облекаешь себя правомъ, котораго тебѣ не дали? Горе слѣпой дерзости твоей! А спасеніе ли и тѣмъ, которые ожидаютъ отъ тебя того, чего дать ты имъ не можешь? Такъ—преступно, страшно пренебрегать богоустановленною властію, не обращаться къ ней за выслушаніемъ приговора грѣхамъ своимъ! Нѣтъ, идите къ пріявшему власть надъ совѣстію вашею, идите не какъ на судъ человѣческій, но какъ на судъ Божій. Не человѣкъ будетъ произносить приговоръ вамъ; онъ—только слуга Божій, которому поручено именемъ Бога прощать, или не прощать грѣшника.

Служитель Божій, пріявъ власть прощать, или не прощать грѣхи, не можетъ располагать этою властію ни по своему произволу, ни по произволу людей; онъ долженъ будетъ дать строгій отвѣтъ въ употребленіи сей страшной власти. Потому, онъ долженъ во первыхъ внимательно осмотрѣть, достоинъ ли, или недостоинъ грѣшникъ прощенія грѣховъ?

Дать благодатное прощеніе недостойному означало бы подвергнуть себя осужденію; да и не означало бы спасенія для того, кто приметъ благодать недостойно. Если же священникъ долженъ видѣть, достоинъ или недостоинъ прощенія грѣшникъ, а какъ человѣкъ, онъ можетъ знать это только тогда, какъ открыто ему будетъ самимъ грѣшникомъ, при пособіи испытанія, внутреннее со-

стояніе души грѣшной, ея дѣла, ея мысли, ея расположенія: то исповѣдь предъ священникомъ столько же сообразна съ волею Божіею, сколько несомнѣнно Божественное установленіе власти прощать грѣхи. Итакъ, исповѣдь предъ священникомъ есть установленіе Божіей воли. Страшись, грѣшная душа, скрывать дѣла свои предъ служителемъ Божіимъ: онъ принялъ власть отъ Бога быть судіею всѣхъ дѣлъ твоихъ.—Если ты и успѣешь обмануть его, какъ человѣка, въ положеніи души своей: то не обманешь Бога, Который, зная все тайное, не оставитъ безъ грознаго наказанія твоего дѣла, не оставитъ потому, что ты оскорбляешь собственно не человѣка, а Бога и Духа святаго, дѣйствующаго чрезъ Божіяго служителя.

Служитель Божій пріялъ власть надъ совѣстію, для спасенія грѣшника отъ грѣха; онъ врачъ и учитель грѣшника. Смотря по состоянію душевной болѣзни, долженъ онъ подать и врачевство; смотря по ошибкамъ и недостаткамъ, онъ долженъ преподавать и наставленія. Если же такъ: то искреннее желаніе грѣшника исцѣлиться отъ душевныхъ болѣзней, искреннее желаніе идти прямымъ путемъ къ спасенію должно побуждать его искренно исповѣдывать грѣхи свои предъ душевнымъ врачемъ и учителемъ; точно такъ, какъ больной тѣломъ, искренно желая исцѣленія отъ болѣзни, самъ разсказываетъ врачу о состояніяхъ болѣзни. Итакъ, скрывать отъ священника грѣхи свои означало бы, кромѣ дерзости противъ воли Божіей, слѣпую вражду противъ своего спасенія.

Нужно ли послѣ того говорить, что въ первыя времена христіанства исповѣдь была святымъ дѣломъ для всѣхъ? Ахъ! развѣ для того, чтобы обличить нашу холодность къ святому долгу? Такъ какъ тогда сердца всѣхъ горѣли любовію къ Господу: то имѣвшіе несчастіе впадать въ грѣхи исповѣдывали тогда грѣхи не только вслухъ служителя Божія, но и вслухъ цѣлой церкви, и исповѣдывали ихъ не одинъ часъ, но по нѣсколько недѣль выставляли себя предъ всѣми, между кающимися. О, Боже мой! какъ далеки мы отъ лучшихъ рабовъ твоихъ.

Словомъ апостола заключаю: *часъ уже намъ отъ сна востати. Отложимъ убо дѣла темная, и облечемося во оружіе свѣта* (Рим. XIII, 11. 12.). Аминь.

1846 г.

СЛОВО ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ПОСТА.

Благодареніе Господу! Вотъ мы вступили въ подвигъ св. поста. Говорю: благодареніе Господу! Ибо какъ не благодарить Бога за то, что начинаемъ дѣло святое—постъ? Знаю, что за стѣнами сего храма многіе не такъ думаютъ о постѣ. Чтожъ? Вольному воля! Только не отъ этой воли зависитъ, чтобы то или другое было святымъ. До своеволія тѣхъ, которые не принадлежатъ къ намъ, мы и не коснулись бы, если бы ихъ воля не смущала слабыхъ изъ братій нашихъ. Итакъ для утвержденія въ подвигѣ поста разсмотримъ святость поста.

Что такое совершенство духовное? Чего оно требуетъ отъ насъ? Оно есть плодъ самаго полнаго самоотреченія; оно есть подвигъ, совершаемый для Того, Кто смирилъ Себя для насъ. Если же такъ: то скажите, какой жертвы не требуетъ отъ насъ духовное совершенство, или христіанство истинное? Если же есть полное самопожертвованіе: то требованія его простираются и на нашу плоть; оно предписываетъ намъ—не льстить и пожеланіямъ плоти; смирять лишеніями тѣло, какъ требуетъ обуздывать гордость духа и другіе душевные грѣхи. Если станемъ отрекаться отъ душевныхъ наслажденій грѣховныхъ, но дадимъ полную волю страстямъ чувственнымъ: это не будетъ полное самоотреченіе, это будетъ служеніе Господу неискреннее, лицемѣрное. Христіане! чего не сдѣлалъ для насъ грѣшныхъ Господь и Богъ нашъ? Онъ смирялъ Себя во дняхъ плоти простотою жизни, лишеніями тѣлесными. Что же мы за рабы Его, когда живемъ на всей свободѣ чувственныхъ желаній и прихотливаго тѣла? Нѣтъ! Одно изъ двухъ: или мы христіане истинные, и тогда не станемъ думать, что не для насъ дана заповѣдь о постѣ, или вовсе напрасно считаемъ себя евангельскими христіанами, если отвергаемъ постъ. Если и въ раю нужна была заповѣдь о постѣ; если и тамъ для совершенства духовнаго требовались лишенія тѣлесныя; если и тотъ, въ комъ тѣло такъ покорно было духу, не могъ обойтись безъ поста: то легко понять, что духовное совершенство безъ подвиговъ тѣлесныхъ не доступно для человѣка, какъ самая невозможность.

Что такое человѣкъ въ настоящемъ положеніи? Весь—сосудъ грѣха. Грѣхъ живетъ не въ одной душѣ нашей, онъ живетъ и въ тѣлѣ. Онъ воюетъ въ членахъ нашихъ, волнуетъ кровь нашу, сотрясаетъ

нервы наши. Ласкаемая плоть то предается праздной лѣни, губящей плоды духа, то мятется движеніями несмысленными, готовыми повергнуть душу въ адъ. И съ такою ли плотію думаютъ попасть въ рай безъ поста? Нѣтъ, зачѣмъ ласкать плоть и безъ того воюющую противъ духа? Если дорого намъ спасеніе наше: то нельзя дорожить плотію потому самому, что она исполнена грѣха. Для нея необходимы строгія точныя правила воздержанія, правила повѣренныя и оправданныя опытами. Для нея необходимъ постъ, какъ дѣло святое и какъ средство къ святости. Постъ—дѣло святое, потому что обуздываетъ силу грѣха, живущаго въ тѣлѣ. Постъ—средство къ святости, потому что невоздержаніе отворяетъ дверь разврату помысловъ и дѣлъ, потому что воздержаніе сообщаетъ мыслямъ свѣтъ, чувствамъ чистоту, духу свободу и крѣпость. „Если какой царь, говоритъ одинъ опытный мужъ, захочетъ взять непріятельскій городъ: то прежде всего удерживаетъ воду и съѣстные припасы, и непріятели, погибая отъ голода и жажды, покоряются ему. Такъ бываетъ и съ плотскими страстями. Если человѣкъ будетъ жить въ постѣ и голодѣ: то враги, ослабѣвъ, оставятъ его душу“ [1]). Св. Златоустъ учитъ: „кто постится, тотъ гаситъ злыя страсти. Кто постится, тотъ молится съ бодрымъ духомъ [2]). Постъ дѣлаетъ душу бодрою, облегчаетъ крылья ея, возноситъ ее выше земнаго, ведетъ къ мыслямъ о небесномъ„ [3]) Такъ говорятъ о постѣ люди опытные въ духовной жизни!

Самъ Спаситель назначилъ для учениковъ своихъ постъ. Его спросили нѣкоторые: „для чего Іоанновы и фарисейскіе ученики постятся, а твои ученики не постятся“? Онъ сказалъ въ отвѣтъ: „могутъ ли брачные гости поститься, когда женихъ съ ними? Придутъ дни, когда отнимется отъ нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься въ тѣ дни“ (Мар. II, 18—20). Такъ, по словамъ Господа, кто искренно любитъ Его кто беретъ душевное участіе въ Его великомъ дѣлѣ, какъ брачные гости дѣлятъ чувства жениха: тотъ будетъ сокрушаться, будетъ поститься, когда Господь ихъ взятъ будетъ на страданія и смерть; тотъ будетъ освящать время разлученія съ Господомъ постомъ умиляющимъ. Такъ должно быть по свойству любви учениковъ къ учителю, рабовъ къ Господу. Такъ и поступаетъ доселѣ православная церковь, освящая время страданій Христовыхъ постомъ особеннымъ.

Евангеліе повѣствуетъ намъ, что Самъ Господь постился сорокъ дней. А не служитъ ли жизнь Его примѣромъ для насъ? Въ дѣлахъ Того, Кого послалъ намъ Отецъ, не каждый ли шагъ святъ для насъ? Жизнь Его, какъ и Его ученіе,—законъ для насъ, за-

[1]) Достоп. сказан. о подвижничествѣ свят. отцевъ, стр. 121. М. 1846 г.
[2]) Златоустъ бес. 57 на еван. Матѳ.
[3]) Бес. 1 на Быт.

конъ вѣры и благочестія, законъ предписываемый и любовію къ возлюбившему насъ и благоговѣніемъ къ посланнику Сыну Божію. Такъ и сорокодневный постъ Его не можетъ не быть для насъ непремѣннымъ правиломъ, если только не напрасно носимъ мы имя послѣдователей Христовыхъ.

Братія мои! кто изъ святыхъ проповѣдывалъ пресыщеніе, хвалилъ невоздержаніе? Никто. Святые любили постъ. „Во всемъ являемъ себя, говоритъ апостолъ, слугами Божіими въ изгнаніяхъ, въ трудахъ, въ бдѣніяхъ, въ постахъ“ (2 Кор. VI. 4. 5). „Порабощаю тѣло мое, пишетъ онъ же, чтобы инымъ проповѣдуя, самому не быть нерадивымъ“. Пророки любили постъ, мученики любили постъ, преподобные изнуряли тѣло постомъ. Св. Василій в. пишетъ: „всѣ святые соблюдали постъ, какъ отеческое наслѣдіе, передаваемое отъ отца къ сыну, такъ что это стяжаніе по порядку преемства сохранилось и до насъ“ [1]). Послѣ того кто же, слушатели мои, говоритъ противъ поста? Кто эти проповѣдники, которымъ такъ не нравится воздержаніе? Съ какого времени и откуда они явились въ христіанскомъ мірѣ? Если это не святые: то конечно люди другаго разряда: кто эти люди? Осмотритесь и увидите. Это люди, для которыхъ Богъ чрево, но за то и кончина ихъ—погибель (Фил. III, 12).

Позволь спросить тебя, братъ мой: кто ты такой? Сынъ православной церкви! Прекрасно! Но гдѣ же дѣла, которыми принадлежалъ бы ты къ православной церкви? Осмотрись. Если ты считаешь себя въ правѣ пренебрегать уставами церкви: согласись,—св. церковь еще болѣе въ правѣ отказать тебѣ въ своемъ общеніи: тебѣ никто не далъ права перемѣнять уставы св. церкви по своему вкусу; а ей дано право Господомъ изгонять изъ своего общества непокорныхъ ей. Извѣстно ли тебѣ, что говоритъ вселенскій соборъ несоблюдающихъ поста четыредесятницы? Онъ говоритъ: „если не будутъ соблюдать: клириковъ извергать (изъ клира), а мірянъ отлучать (отъ церкви)“ [2]).

Апостолъ говоритъ: „если пища соблазняетъ брата моего, не буду ѣсть мяса во вѣкъ“ (I Кор. VIII, 13). Вотъ дѣло души истинно христіанской! любовь къ ближнему дорожитъ спасеніемъ ближняго, какъ своимъ собственнымъ. Она не дозволяетъ себѣ ни одного поступка соблазнительнаго для другихъ; она отрекается отъ того, что можетъ повредить слабому и все дѣлаетъ, чтобы содѣйствовать спасенію его. Гдѣ-жъ ваша любовь къ ближнему, вы, которые заражаете самый воздухъ невоздержаніемъ во дни св. воздержанія? Гдѣ ваши дѣла назидательныя для ближняго? „Горе міру отъ соб-

[1]) Соч. Василія в. 4, 5.
[2]) Вселен. 6 Соб. прав. 56.

лазнъ", но вдвое „горе тому, кѣмъ соблазнъ приходитъ". Сильные должны немощи немощныхъ носить, а не себѣ угождать. Они виновнѣе слабыхъ, когда примѣромъ своимъ увлекаютъ слабыхъ въ соблазнъ. Не самъ ли Господь сказалъ о соблазняющемъ брата: лучше было бы ему, если бы съ камнемъ на шеѣ бросили его въ воду (Мат. 18, 7—9).

Говорятъ: „царствіе Божіе внутри насъ". Святая правда! Но понимаютъ ли, какъ вселяется внутрь насъ царствіе Божіе? Понимаютъ ли, въ чемъ открывается дѣйственное присутствіе его въ насъ? Хотятъ переселить царство Божіе во внутренность полную смрада плотскаго. Не пойдетъ никогда. Хотятъ на почвѣ, пропитанной нечистою влажностію, видѣть благовонные плоды ангельской, чистой, жизни. Смѣшная мечта! Нѣтъ, не обманывайтесь, братія, кто сѣетъ въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ тлѣніе (Гал. VI, 8).

Говорятъ: „правила поста стѣсняютъ, оскорбляютъ свободу христіанскую". Но развѣ христіанская свобода совмѣстна съ жизнію произволовъ чувственныхъ? Съ чего вздумали выдавать рабское служеніе плоти за свободу духовную? Что это за твердость духа, которая не можетъ устоять противъ пара мясъ и котловъ египетскихъ? „Вы, братія, призваны въ свободу; только свобода ваша не должна служить къ угожденію плоти" (Гал. V, 13), говоритъ намъ св. апостолъ. Христіанская свобода не означаетъ жизни безъ правилъ, безъ повиновенія закону; напротивъ она есть строгое служеніе Богу, смиренное повиновеніе предписаніямъ закона и власти". Поступайте, какъ свободные, не употребляя свободы для прикрытія порока, но какъ рабы Божіи (I Петр. II, 16), учитъ св. апостолъ Петръ.

„Въ постъ, говорятъ, и службу слушаемъ мы со скукою и молимся неохотно и въ досадѣ на утомленіе ни къ чему доброму не чувствуемъ расположенія. Отчего это? Не отъ поста ли"? Нѣтъ, лучшіе люди не видѣли въ себѣ такихъ плодовъ поста. Если вы чувствуете: поищите въ себѣ причину тому. Подумайте и найдете. Послѣ того, какъ каждый день поблажали вы прихотямъ плоти, послѣ того, какъ каждый день и ѣли вы сладко, до пресыщенія, и спали, когда и сколько хотѣлось, не естественно ли что изнѣженная плоть досадуетъ на васъ за отказъ въ любимыхъ вещахъ и привычкахъ? Послѣ того, какъ въ цѣлый годъ не заставляли себя ни разу молиться, какъ слѣдуетъ молиться, не естественно ли, что въ говѣніе скучаете и утомляетесь на молитвѣ? Согласитесь же, что въ той худобѣ, въ той неохотѣ къ добру, какія замѣчаете въ себѣ во время поста, виноваты вы сами, ваши дурныя привычки. Прибавьте еще, что если во время поста замѣчаете въ себѣ худое, чего прежде

не видѣли, за то благодарить должны вы постъ. Что за тѣмъ остается вамъ дѣлать? Бороться съ худыми привычками, терпѣливо обучать себя добру, но уже вовсе не порицать постъ.

„Пусть постъ дѣло святое, говоритъ еще другой: но я опасаюсь за мое здоровье, мое сложеніе слабо и разстроенно, и потому не могу соблюдать поста“. Какая нѣжная заботливость о себѣ, но только не законная. Отъ какого святаго правила не увольняютъ себя подъ предлогомъ слабости? Не можешь поститься, сколько бы хотѣлъ, постись, сколько можешь и тогда увидишь, что можешь гораздо болѣе, чѣмъ думаешь. Оставь лѣность: она опасный другъ. Спасеніе души твоей стоитъ труда. Если бы и такъ было, что твое здоровье нѣсколько потерпѣло бы отъ поста: но когда за эту жертву получишь ты здоровье души, согласись, это много значитъ для тебя. Ужели душа твоя такъ мала въ глазахъ твоихъ, что не стоитъ и нѣсколькихъ капель лишней крови, нѣсколько частицъ грѣшной плоти? Какъ противорѣчатъ себѣ, бѣдные! Сегодня боятся за здоровье свое, если убавятъ отъ стола нѣсколько блюдъ вкусныхъ и нѣсколько минутъ времени; а въ другое время немилосердо отягчаютъ тѣло свое, мучатъ его невоздержаніемъ крайнимъ, неумѣренностію несмышленною. Что это значитъ? Не обманъ ли, не насмѣшка ли надъ самими собою? Это ли заботливость о своемъ здоровьѣ? Нѣтъ, если жизнь невоздержная и страсти не разстроятъ твоего здоровья: святое воздержаніе не повредитъ ему. Воздержаніе—необходимое лѣкарство для разстроеннаго здоровья. Какъ ни проченъ нашъ организмъ тѣлесный, отъ непрестанной работы органы питанія утомляются и ослабѣваютъ, разстроиваются и причиняютъ разстройсто; кровь и соки, худо переработанные, портятся; отселѣ сотни припадковъ болѣзненныхъ. Постъ все поправляетъ. Органы пищеваренія, не получая новаго матеріала, потребляютъ прежній, тяготившій ихъ своимъ избыткомъ; соки за излишествомъ остававшіяся безъ употребленія и гнившіе, переработываются и обращаются въ пользу; кровь, дотолѣ густая и неровная въ обращеніи, становится чистою, тонкою и покойною. Новѣйшая медицина увѣрилась наконецъ и въ томъ, что растительная пища питательнѣе для тѣла, чѣмъ пища мясная и что эта послѣдняя, прибавляетъ много крови, но тѣмъ сильно разгорячая организмъ, подвергаетъ нервы скорой порчѣ. Итакъ если вамъ жаль бреннаго состава вашего, вашего слабаго сложенія: призовите на помощь св. постъ.—Онъ—надежный врачъ, и вѣрный помощникъ.

Богъ любви и благодати да подастъ намъ силу на совершеніе подвиговъ поста, молитвами пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ Аминь.

1848 г.

БЕСѢДА I. НА ПРИТЧУ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ,

ВО ВТОРНИКЪ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ПОСТА.

Св. церковь, желая пробудить въ сердцахъ нашихъ раскаяніе, представляетъ намъ притчу Спасителя о блудномъ сынѣ.

Какая это дивная притча! Каждая черта ея дышетъ жизнію и силою. Каждая черта, при простотѣ и естественности, полна мыслей глубокихъ. Какъ живо и полно представленъ въ ней грѣшникъ на путяхъ его заблужденія! Какъ трогательно изображено раскаяніе грѣшника! Въ какихъ поразительныхъ образахъ показана любовь Отца небеснаго къ преступнымъ дѣламъ его!

Притча сія предложена Спасителемъ тогда, какъ фарисеи и книжники винили Его, что Онъ съ грѣшниками ѣстъ и пьетъ (Лук. XV, 1. 2). Имъ-то Онъ показываетъ, какъ явный грѣшникъ, когда искренно обращается къ Богу, принимается Отцемъ небеснымъ, и какъ тотъ, кто мечтаетъ о своей праведности, оказывается несправедливымъ предъ Богомъ.

Намѣреваясь послѣдовательно объяснить эту дивную притчу Спасителя, на первый разъ представимъ картину грѣшника.

Человѣкъ нѣкій имѣ два сына. И рече юнѣйшій отъ нихъ отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія. И раздѣли имъ имѣніе (ст. 11, 12).

И рече юнѣйшій. Почему же не старшій? Спаситель, въ этомъ случаѣ хочетъ удержать за мнимымъ праведникомъ, любимымъ фарисеями, преимущество,—преимущество первенства. Въ такихъ мысляхъ выставляетъ Онъ молодаго человѣка, который прежде времени хочетъ казаться зрѣлымъ и нетерпѣливо ждетъ смерти отца.

Отче, даждь ми достойную часть имѣнія. Молодой человѣкъ, хочетъ отдѣлиться отъ отца, который смотритъ за его жизнію; ему хочется быть на своей волѣ, хочется располагать своею жизнію, по своему усмотрѣнію. Добрый, нѣжный отецъ даетъ ему все нужное для него; но онъ мечтаетъ о свободѣ.

Какъ у отца есть право, такъ указываетъ и сынъ на свое право. Зачѣмъ сыну не жить только любовію къ отцу вмѣсто того, чтобы жить по правамъ? Не ослабляетъ ли онъ въ себѣ чувства сыновней любви, когда замѣняетъ ихъ въ себѣ другими побужденіями? Или добрый отецъ не могъ дать самъ часть сыну, когда бы то счелъ нужнымъ?

Сынъ ищетъ себѣ свободы. Вотъ начало, вотъ первый шагъ отступленія души отъ Отца небеснаго! Повидимому ничего нѣтъ преступнаго, когда желаютъ пользоваться свободою, какъ даромъ Божіимъ. Но эта жажда свободы, это настойчивое требованіе ея есть уже дѣло своеволія, гордости присвоивающей себѣ то, что не принадлежитъ намъ. Что значитъ истинная свобода наша? Истинная свобода, какова свобода святыхъ, есть безмолвная, добровольная покорность волѣ Отца небеснаго. Когда же ищутъ себѣ свободы: значитъ тяготятся быть подъ властію Божіею, хотятъ жить не по волѣ Божіей, дозволяютъ располагать свободою своевольно. Гордость оскорбляется чужою властію, и по ея внушенію тайному, составляютъ себѣ правила, несогласныя съ любовію къ Богу, плодятъ въ себѣ мысли, возстающія на вѣру, Богомъ данную намъ, умножаютъ желанія, оскверняемые дыханіемъ то гордости, то нечистоты плотской. Такъ, съ своею волею первый шагъ нашъ не только бываетъ шагомъ преступнымъ, но шагомъ, который влечетъ насъ отъ преступленія къ преступленію. Вотъ почему христіанство такъ рѣшительно требуетъ отъ насъ отреченія отъ своей воли!

И раздѣли има имѣніе. Отецъ могъ отказать сына въ его прихотливомъ желаніи и заставить его жить подъ законною властію отца: но какой отецъ захочетъ держать сына на положеніи раба?

Такъ и Отецъ небесный, какихъ благъ не далъ намъ въ наше распоряженіе! Божіе имѣніе есть все, что получаемъ мы, являясь на свѣтъ: и умъ, и сердце, и свобода, и блага внѣшнія. И все, что имѣемъ въ жизни духовной, есть даръ благодати Божіей. Наша собственность есть только ничтожество, по выраженію блаж. Августина, и, что хуже ничтожества,—грѣхъ. Отецъ небесный не препятствуетъ намъ располагать собою по нашему произволу. Онъ—Отецъ правды и любви. По требованію правды, Онъ не принуждаетъ насъ дѣлать добро противъ воли и награждаетъ свободно служеніе Ему. По требованію любви, Онъ предоставляетъ данной Имъ свободѣ дѣйствовать по ея изволенію, но въ самыхъ уклоненіяхъ ея отъ закона, даетъ ей разныя вразумленія. Таковы дѣла Божіи! Онѣ—святы. Но грѣшны мы, когда на то, что получаемъ отъ Господа, перестаемъ взирать какъ на дары Божіи, а смотримъ какъ на свою собственность; когда съ самоуслажденіемъ думаемъ: это наши способности, это наши познанія, это наши достоинства, это наши богатства, это наши заслуги. Жалкое, опасное самообольщеніе!

И не по мнозѣхъ днехъ, собравъ все мнѣй сынъ, отыде на страну далече, и ту расточи имѣніе свое, живый блудно (ст. 13). На нѣсколько дней совѣсть еще могла удержать своевольнаго сына въ домѣ отца, который такъ любитъ его. Но потомъ страсти, тайно

побуждавшія просить наслѣдства, повлекли его на страну дальнюю.

Многіе ли изъ насъ, замѣтивъ въ себѣ движенія преступнаго своеволія, останавливаются на томъ, чтобы не идти далѣе по пути грѣха? Къ сожалѣнію, стоитъ только разъ поскользнуться слабой душѣ, какъ уже спѣшно идетъ она и уходитъ въ страну далекую. Выступивъ изъ-подъ управленія Духа Божія и предавшись влеченію испорченнаго сердца, она идетъ отъ преступленія къ преступленію, отъ порока къ пороку, все дальше и дальше отъ Бога. Богъ вездѣ; но грѣшникъ удаляетъ отъ себя мысль о Богѣ, теряетъ его изъ виду, погружаясь во мракъ пороковъ. Богъ вездѣ; но въ сердце грѣшника не проникаетъ благодатный свѣтъ Его, встрѣчая препятствіе въ пристрастіяхъ души къ грѣху. Предавшись стремленію страстей, грѣшникъ становится далекимъ отъ жизни Божественной, и благодать Божія удаляется отъ него, гнушаясь нечистотами его.

И ту расточи имѣніе свое, живый блудно. Грѣшникъ! посмотри на себя, не растерялъ ли ты даровъ Божіихъ жизнію преступною? Посмотри на себя, чѣмъ ты былъ, и что ты теперь? Тебѣ данъ былъ умъ, способный возносить тебя къ созерцанію тайнъ Божіихъ. Но какъ ты унизилъ, какъ испортилъ даръ Божій, употребляя его на служеніе страстямъ! Въ чемъ онъ ищетъ себѣ пищи? Ему не нравится книга жизни вѣчной—святое евангеліе; онъ находитъ себѣ отраду въ книгахъ или безбожныхъ, или нечистыхъ, или тѣхъ, гдѣ говорятъ только о выгодахъ земныхъ.—Тебѣ дано было сердце доброе, богобоязливое, способное раскрываться для впечатлѣній небесныхъ, а теперь оно у тебя и черство, и злобно, и все проникнуто нечистотами похоти. Совѣсть твоя, которая была такъ внимательна, разборчива ли теперь по прежнему въ отношеніи къ доброму и худому, или она уже не стала и тревожить тебя за худое? А гдѣ дѣвались неоцѣнимыя дары благодати, которые должны быть пріумножены? Гдѣ одежда чистоты и невинности, которою облеченъ ты былъ въ купѣли крещенія? Что добраго осталось въ душѣ твоей? Тамъ ничего нѣтъ, кромѣ страстей грѣшныхъ: тамъ дышетъ то страсть къ извѣстности земной, то страсть къ разсѣянію, то страсть къ богатству тлѣющему.

Изжившу ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися (ст. 14). Безразсудный сынъ думалъ, что онъ, живя на своей волѣ, будетъ всегда жить весело, будетъ жить такъ, какъ душѣ его угодно. И вотъ мечты его разсѣялись. Онъ страдаетъ отъ нищеты.

Была ли когда нибудь страна заблужденія и порока, та область, гдѣ живетъ душа разсѣянная, была ли когда нибудь страною изобилія и довольства? Ахъ! въ ней всегда нищета и бѣдность, всегда

крѣпкій голодъ. Дѣло только въ томъ, что грѣшная душа, въ чаду страстей, долго не замѣчаетъ своего положенія; долго не чувствуетъ что тѣснитъ ее нищета, изнуряетъ ее крѣпкій голодъ. Если же начинаетъ она видѣть свою бѣдность: то это всегда по тайному дѣйствію благодати Божіей, призывающей заблудшую къ возврату въ домъ родной. *Начатъ лишатися:* какъ много сказано симъ о внутреннемъ состояніи грѣшника! Нѣсколько времени жилъ онъ въ упоеніи чувствъ и не понималъ себя. Но вотъ начинаетъ чувствовать, что не хорошо на душѣ его; начинаетъ чувствовать скуку, томленіе, пустоту.

И шедъ прильпися единому отъ жителъ тоя страны. И той посла его на села своя пасти свинія (ст. 15).

Сынъ богатаго отца, сынъ, тяготившійся и такою нѣжною властію, какова власть отца, отъ нуждъ нищеты отдаетъ себя въ рабство чужому человѣку, и тотъ посылаетъ его пасти свиней. Какое униженіе! Зачѣмъ же несчастный, тѣснимый нищетою и нуждою, не возвращается къ отцу, нѣжно любящему его? Зачѣмъ вмѣсто того, чтобы обрекать себя на низкую долю, не спѣшитъ онъ въ домъ родительскій, богатый и покойный?

Не то же ли бываетъ и съ грѣшною душею? Почему бы ей тогда, какъ по милости Божіей чувствуетъ она пустоту жизни своей не спѣшитъ возвратомъ къ Отцу небесному? Нѣтъ, своеволіе влечетъ ее далѣе на распутіе грѣха. Грѣшникъ пытается наполнить пустоту души грубою вещественностію и отдается въ рабство грѣху.—*Прильпися единому отъ жителъ тоя страны.* Жители страны, далекой отъ дома Отца небеснаго, это—души, которыя живутъ въ забвеніи о Богѣ и преданы превратному уму, чтобы дѣлать непотребства (Римл. I, 22). Душа заблудшая, но еще чувствующая себя и свое положеніе, пока не въ числѣ погибшихъ. Но несчастная, чтобы заглушить свою тоску по отчизнѣ, она начинаетъ вести жизнь самую низкую. И умъ, и сердце, и воля ея порабощены грѣху. По временамъ умъ хочетъ освободиться отъ власти чувственности и бѣдное сердце вздыхаетъ по свободѣ святой: но уступаетъ силѣ навыковъ и прелестямъ грѣха; и несчастный пасетъ и питаетъ чувственныя скотскія похоти, которыхъ гнусность такъ отвратительна. Жалкое состояніе!

И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія, и никтоже даяше ему (ст. 16).

Распутный сынъ, покрытый позоромъ, лишенный насущнаго хлѣба, всѣми оставленъ наконецъ; мучимый голодомъ, онъ желаетъ насытиться хотя тѣмъ, чѣмъ питаются нечистыя животныя. Но и въ томъ ему отказываютъ съ презрѣніемъ. Какая печальная картина!

Міръ—жестокій господинъ. Онъ не щедръ къ поступающимъ къ нему на службу; онъ и въ самомъ началѣ обѣщаетъ новому слугѣ не болѣе, какъ должность пастуха свиней, но потомъ начинаетъ явно пренебрегать тѣхъ, которые сами унизили себя нравственно. Особенно міръ оказывается къ нимъ жестокимъ тогда, какъ оставляетъ ихъ счастіе. Но міръ дѣлаетъ свое, а благій Промыслъ имѣетъ въ виду свое. Отецъ небесный, незримо для насъ располагающій ходомъ дѣлъ человѣческихъ, поставляетъ развратнаго грѣшника въ безвыходное положеніе для того, чтобы дать ему очувствоваться. Растворяя судъ милостію, Онъ подвергаетъ грѣшника напастямъ, потерѣ средствъ къ жизни, болѣзнямъ, безчестію, съ тѣмъ, чтобы болѣзненными опытами смягчить ожестѣвшее сердце его и привесть его въ самаго себя.

Слушатели! мрачна картина заблужденій грѣшника. Для чего изображена она? Не для того ли, чтобы души благочестивыя утвердить въ благочестіи страхомъ бѣдъ, навлекаемыхъ на насъ грѣхомъ? Не для того ли, чтобы имѣвшіе несчастіе впасть въ положеніе заблудшаго сына образумились страшною картиною заблудшей жизни?

Господи, Господи! Низведи свѣтъ Твой въ глубину сердецъ нашихъ, чтобы озаренные имъ, трепетали мы предъ грѣхомъ, какъ предъ самымъ страшнымъ бѣдствіемъ! Аминь.

БЕСѢДА II. О БЛУДНОМЪ СЫНѢ, ВЪ СРЕДУ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ПОСТА.

Въ прежней бесѣдѣ о блудномъ сынѣ разсмотрѣли мы исторію своеволій блуднаго сына. Въ притчѣ Спасителя за исторіею своеволій слѣдуетъ исторія обращенія блуднаго сына (Лук. XV, 17—20). Теперь, когда св. церковь ожидаетъ и нашего искренняго обращенія къ Богу, прилично намъ имѣть во вниманіи, какъ несчастный сынъ возвращался къ отцу своему.

Въ себе же пришедъ, рече: колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю (ст. 17).

Когда распутства довели распутнаго сына до крайней нищеты: онъ очувствовался, пришелъ въ себя.

О! когда бы каждый грѣшникъ научался скорбями жизни самой близкой къ нему истинѣ, что предназначенному для неба не

можетъ быть радостей на землѣ! Сего-то ожидаетъ, сего-то желаетъ отъ насъ Отецъ небесный.

Въ себе же пришедъ. Первое дѣйствіе, которое должно совершиться въ каждомъ обращающемся грѣшникѣ, есть самосознаніе. Грѣшникъ, пока остается грѣшникомъ, живетъ внѣ себя и не знаетъ себя. Многое извѣстно ему, что окружаетъ его, но не извѣстенъ ему онъ самъ. Желанія и мысли грѣшника разсѣяны по предметамъ страстей его; жизнь его—сонъ; мечты бродятъ въ сердцѣ его. Онъ не знаетъ, куда идетъ? Не знаетъ, что совершается въ немъ? Въ какомъ положеніи душа его? Все ли въ ней цѣло? Все ли на мѣстѣ? Нѣтъ ли порчи, нѣтъ ли разстройства въ организмѣ ея? Онъ не думаетъ объ этомъ, потому что смотритъ не на себя. Ничего нѣтъ ближе къ тебѣ, какъ ты самъ, человѣкъ! и ты не знаешь себя. Какая странность! Не думать о себѣ, не заботиться о себѣ—какое жалкое положеніе! Взгляни на себя, грѣшникъ! Посмотри на свое настоящее, подумай о своемъ прошедшемъ, брось взглядъ на будущее, ожидающее тебя. Вспомни, что ты человѣкъ.

Въ себе же пришедъ, рече: колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю.

О! какъ страшно положеніе, въ какомъ находитъ себя грѣшникъ, коль скоро приходитъ въ себя. „Я умираю съ голоду“, говоритъ онъ. Да, чѣмъ питался онъ доселѣ? Пищею безсловесныхъ. Какъ же жить такою пищею? А пищи небесной, которая одна въ состояніи насыщать душу безсмертную, пріобрѣсть не на что и нечѣмъ. Силы разстроены грѣхомъ, навыки къ добру давно потеряны, дары благодати расточены. Разслабъ я, изнемогъ я отъ грѣха, Господи! Нѣтъ ни одной твердой мысли, изъ которой развивались бы желанія добрыя; нѣтъ ни одной доброй рѣшимости, изъ которой образовалось бы какое либо доброе настроеніе.

Горько, очень горько смотрѣть грѣшнику на свое положеніе, когда при томъ вспомнитъ о благости Отца небеснаго, когда вспомнитъ, *колико наемникомъ въ дому его избываютъ хлѣбы.* Въ дому Отца небеснаго съ избыткомъ достаетъ пищи для всего человѣчества. Онъ и самыхъ послѣднихъ рабовъ, людей самыхъ обыкновенныхъ надѣляетъ благостію своею. Онъ пробавляетъ въ довольствѣ дни жизни человѣческой, которые, безпечность людей давно бы сократить могла. Онъ и для язычниковъ не оставилъ себя неизвѣстнымъ, *съ небесе дожди дая и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца ихъ* (Дѣян. XIV, 17.); Онъ и имъ открылъ себя въ законѣ неписанномъ, въ законѣ сердца ихъ. А сынъ Его, столько дорогой сердцу Его, а сынъ Его, Которому Онъ явилъ столько любви Своей чрезъ отцовъ и пророковъ, которому Онъ послалъ

для спасенія Сына Своего единороднаго, остается въ рубищахъ и борется съ голодною смертію? О! христіанинъ грѣшникъ! какъ горька твоя бѣдность! какъ безразсудно твое самоволіе, отъ котораго зависитъ вся твоя бѣдность!

Востав, иду ко отцу моему и реку: отче согрѣшихъ на небо и предъ тобою, такъ размышлялъ въ себѣ блудный сынъ. Онъ видитъ теперь, чего прежде не видалъ, что глубоко оскорбилъ онъ отца своего, когда неблагодарно пренебрегъ заботливою любовію его и пожелалъ жить на своей волѣ. „Согрѣшилъ я“, говоритъ онъ и не извиняетъ себя ни молодостію лѣтъ, ни пылкостію страстей; „согрѣшилъ я“, говоритъ онъ, и ничѣмъ не думаетъ оправдываться.

Нужно ли говорить, слушатели, что каждый грѣхъ нашъ есть оскорбленіе Отцу нашему небесному, какъ пренебреженіе правъ величія Его, какъ несмысленное презрѣніе благости Его? Что же сказать о жизни, которая есть цѣпь грѣховъ? Грѣхи ваши *восходятъ на небо*, говоритъ свящ. писаніе. Грѣхъ, нарушая святую волю Божію, оскорбляетъ и небожителей, которымъ такъ дорога воля Божія; грѣшникъ нарушаетъ миръ небожителей, нарушая порядокъ установленный для вселенной.

Надобно каяться и каяться такъ, какъ раскаевается блудный сынъ, искренно, отъ всей души. Самолюбіе наше внушаетъ намъ извинять въ себѣ грѣхи наши разными предлогами, и мы, если и каемся, каемся въ половину. Но о Боже мой! ты будешь судить меня не потому, какъ говоритъ мнѣ самолюбіе, мое но какъ говорить будетъ правда Твоя. Къ чему же слушать мнѣ самолюбіе? И какъ несправедливы отзывы его о мнѣ! Самолюбіе извиняетъ въ насъ грѣхи наши то немощами природы, то примѣромъ другихъ, то благостію Божіею. Но немощи наши мѣшаютъ ли намъ быть сильными въ грѣхѣ? Немощи природы помѣшали ли святымъ Божіимъ содѣлаться святыми? „Не стать же жить наперекоръ многимъ? И почему не жить, какъ живутъ многіе“? Такъ говорятъ иные.—Но многіе погибающіе не спасутъ ни насъ, ни себя, отъ погибели. Намъ велѣно смотрѣть не на примѣръ многихъ, а на примѣръ святыхъ. Если бы и пришлось жить наперекоръ многимъ: живи, чтобы не погибнуть. Богъ милостивъ? Но какъ строга и правда Его къ нераскаянному грѣшнику! О! *Господи! не уклони сердце мое въ словеса лукавствія непщевати вины о грѣсѣхъ*. Не попусти мнѣ по нечестію сердца моего, чтобы придумывалъ я лукавыя оправданія грѣхамъ моимъ. Иначе, къ чему это послужитъ мнѣ? Только къ большему осужденію. Грѣхъ извиняемый свободнѣе будетъ расти въ сердцѣ моемъ; а между тѣмъ страшно допускать грѣхъ до души и еще страшнѣе называть грѣхъ правдою;—послѣднее есть дѣло сатаны.

И уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ твоихъ. Такъ говорилъ кающійся блудный сынъ.

Покаяніе, если оно таково, каковымъ быть должно, непремѣнно должно быть смиренное. Грѣшникъ искренно кающійся, сознается и чувствуетъ, что онъ грѣхами потерялъ права на милости отца къ сыну, потому что жилъ не какъ сынъ. Потому онъ считаетъ за милость, если дозволятъ ему быть въ домѣ отца въ числѣ слугъ. Испытавъ горечь грѣха, узнавъ низость беззаконной жизни, онъ готовъ занять самое послѣднее мѣсто, лишь бы это было мѣсто въ дому Божіемъ; признаетъ за величайшее счастіе находиться при вратахъ сего дома, лишь бы не жить въ чертогахъ нечестія, какъ бы блистательны они ни были. Ахъ! Братія! Когда вы приступите къ покаянію: не опасайтесь того, что вы слишкомъ унижать себя будете въ мнѣніи. Это опасеніе было бы дѣломъ опять самолюбія нашего, которому страшно видѣть себя въ настоящемъ своемъ видѣ, въ видѣ грязномъ. Что такое грѣхъ? Хуже, чѣмъ ничтожество! Гдѣ грѣшнику мѣсто? Ему нѣтъ мѣста въ царствѣ Божіемъ; ему мѣсто—въ аду. Поймите же, что какъ бы низко ни думалъ о себы грѣшникъ, какую бы незавидную долю ни назначалъ онъ себѣ, ниже того не будетъ онъ, какъ униженъ онъ грѣхами.

Возставъ иду къ отцу моему. Очувствовавшійся блудный сынъ не довольствуется тѣмъ, что искренно сознаетъ низость положенія своего и его виновность, но рѣшается возвратиться къ оскорбленному имъ отцу.

Перемѣна, какая должна совершиться въ кающемся грѣшникѣ, не должна ограничиться однимъ обозрѣніемъ бѣдственнаго положенія его; она должна совершиться и въ волѣ его. Онъ долженъ рѣшиться, твердо рѣшиться на то, чтобы разстаться съ путями, которыми доселѣ шелъ онъ. Онъ долженъ рѣшиться избѣгать всѣхъ случаевъ, которые могли бы пробуждать въ немъ ту или другую страсть его. Онъ долженъ опредѣлить себя на то, чтобы употреблять всѣ мѣры къ погашенію въ себѣ худыхъ привычекъ. Тяжки, болѣзненны эти мѣры, но онъ долженъ избрать ихъ. Иначе грѣхъ, оставшійся въ колеблющейся волѣ, опять возобладаетъ имъ; привычки къ любимымъ слабостямъ опять возьмутъ верхъ надъ временными желаніями добрыми. Ахъ! какъ не мало встрѣчается людей, которыхъ путь усѣянъ добрыми намѣреніями, но добрыя намѣренія остались неисполненными и путь ихъ склонился къ аду.—Истинное покаяніе не есть перемѣна одного образа мыслей, оно есть перемѣна всей души. Вся душа жила для грѣха. Вся душа должна и обратиться отъ грѣха къ Отцу небесному. Стыдъ предъ нищетою своею,

отвращеніе предъ гнусностію дѣлъ своихъ, трепетъ предъ правосудіемъ Божіимъ должны наполнять кающуюся душу и направлять волю ея къ новой жизни, къ новымъ дѣламъ, къ подвигамъ для Господа. Кающійся грѣшникъ долженъ свидѣтельствовать перемѣну мыслей и желаній перемѣною самыхъ дѣлъ. Потому рѣшимость его на добро должна быть твердая, непреклонная ни предъ какими внушеніями ложной дружбы, ни предъ какими совѣтами лукаваго вѣка или испорченной природы.

Гдѣ взять твердую рѣшимость на добро?

Много твердости и у человѣка, который для мірскихъ выгодъ рѣшается на всѣ труды и опасности. Еще больше ея у Господа, не отказывающаго никому ни въ чемъ, когда смиренно просятъ Его.

Братія! путь, по которому душа грѣшная должна возвратиться къ Отцу небесному, открытъ самимъ небомъ. Съ сердцами благодарными вступимъ на путь сей, въ славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

1852 г.

БЕСѢДА III. О БЛУДНОМЪ СЫНѢ, ВЪ СУББОТУ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ПОСТА.

Многіе изъ насъ въ сіи дни исповѣдали грѣхи свои. Многіе удостоиваются причаститься св. таинъ. Знаете ли, какъ это много значитъ! Знаете ли, какъ надобно радоваться какъ надобно благодарить благость Божію! Мы видѣли только то, что совершилось на небѣ? О! какая дивная, какая величественная тайна—примиреніе грѣшника съ небомъ! Только сшедшій съ неба Сынъ Божій могъ сказать о томъ, что совершается на небѣ при примиреніи грѣшника съ небомъ. Послушаемъ, какъ Спаситель описываетъ принятіе возвращающагося грѣшника Отцемъ небеснымъ.

Еще же ему далече сущу, узрѣ его отецъ его и милъ ему бысть. Когда блудный сынъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его и сжалился надъ нимъ; виновный сынъ еще не явился къ отцу, еще не проситъ прощенія, а отецъ уже увидѣлъ его взоромъ любви и сжалился надъ нимъ.

Такъ принимаетъ и Отецъ небесный кающагося грѣшника. Всевѣдѣніе Его видитъ и любовь Его жалѣетъ еще прежде, чѣмъ грѣшникъ является къ Нему. Зоркое око любви Его видитъ грѣшника еще въ бѣдственномъ его положеніи, еще при первомъ его

сознаніи своего бѣдствія, еще при первой мысли его о возвращеніи съ несчастнаго пути грѣха. Любовь Его всевѣдущая еще прежде, чѣмъ взываетъ къ Нему грѣшникъ о помощи, уже спѣшитъ къ грѣшнику съ помощію. Почти всегда только нужды, только бѣдствія заставляютъ грѣшника вспоминать объ Отцѣ небесномъ, а не любовь, какую онъ долженъ бы имѣть къ Нему: но любовь небесная не удерживаетъ тѣмъ милости своей къ грѣшнику. „Онъ довольно наказанъ, онъ наказалъ себя самъ“, говоритъ она и жалѣетъ о несчастномъ грѣшникѣ.

И текъ паде на выю его и лобыза его. Тревожимый стыдомъ и страхомъ виновный сынъ робко шелъ къ отцу. Нѣжный отецъ побѣжалъ къ нему, кинулся на шею и цѣловалъ его.

О! любовь небесная, любовь непостижимая! Мало того, что не слышно ни однаго упрека ея неблагодарному грѣшнику. Какой пріемъ дѣлаетъ она грѣшнику! Она обнимаетъ его. Гнусныя одежды грѣшника не отталкиваютъ ее отъ грѣшника. Запахъ скотской пищи, которымъ проникнулся грѣшникъ, питавшійся ею, не удерживаетъ ея. Предъ сонмомъ чистыхъ духовъ она лобызаетъ смраднаго грѣшника. О! грѣшникъ! и ты еще можешь помнить о чемъ нибудь, кромѣ любви небесной? И ты еще можешь дорожить чѣмъ нибудь, кромѣ любви небесной?

Рече же ему сынъ: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой. Бываютъ и такія дѣти, которыя тогда, какъ отецъ, не взирая на всю виновность ихъ, принимаетъ ихъ со всею любовію, говорятъ въ себѣ: „дѣла идутъ, какъ нельзя лучше,—о чемъ задумываться? Заживемъ, какъ жили прежде“. Да избавитъ Богъ каждаго родителя имѣть такихъ дѣтей.

Грѣшникъ милуемый Отцемъ небеснымъ! Какъ бы ни велика была въ тебѣ любовь Отца небеснаго: не забывай, что ты грѣшникъ. Не забывай взывать къ Нему: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, нѣсмь достоинъ нарещися сынъ Твой.* Подумай—при твоемъ недостоинствѣ, чѣмъ больше оказывается къ тебѣ любви со стороны Отца небеснаго, не яснѣе ли, не тяжелѣе ли становится твое недостоинство? Потому-то велятъ намъ радоваться не иначе, какъ со страхомъ и трепетомъ. Иначе забвеніе о грѣхахъ уже само по себѣ есть грѣхъ и оно же влечетъ за собою новые грѣхи, а тѣмъ заграждаетъ къ намъ доступъ благодати. Точно такъ памятованіе о грѣхахъ, смиряя и умягчая сердце наше, отверзаетъ въ него входъ новымъ и большимъ дарамъ любви небесной.

Рече же отецъ къ рабомъ: изнесите одежду первую, и облецыте его и дадите перстень на руку его и сапоги на ногу (ст. 22).

При первой встрѣчѣ съ сыномъ отецъ ни слова не сказалъ

сыну, но самымъ пріемомъ сказалъ ему слишкомъ много. Теперь онъ не только благословляетъ, но осыпаетъ его дарами.

Три дара, которыхъ удостоиваетъ Отецъ кающагося сына, по общему и слѣд. справедливому объясненію, означаютъ полный отвѣтъ кающемуся грѣшнику, тотъ отвѣтъ, что Отецъ небесный принимаетъ его, какъ милаго сына, съ щедрою любовію нѣжнаго отца.

Что значитъ одежда для полунагаго бѣдняка? То, что срамъ его прикрытъ, наготы его не видно, ему уже болѣе не стыдно людей. Полунагой, бѣдный грѣшникъ, но грѣшникъ кающійся, точно такъ же получаетъ одежду, т. е. оправданіе; срамота грѣховъ его прикрывается милостію Божіею (Псал. LXXXIV, 3), нечестіе сердца его предается забвенію (Псал. XXXI, 5), и онъ безъ стыда можетъ явиться въ сонмѣ ангеловъ. Любовавшемуся собою ангелу лаодикійской церкви Господь говоритъ въ откровеніи: *совѣщаю тебѣ купити отъ мене одѣяніе бѣло, да облечешися и да не явится срамота наготы твоея* (Апок. III, 18). Вотъ объясненіе нечеловѣческое одежды, которую получаетъ кающійся грѣшникъ!

Кающемуся сыну дается *перстень* на руку. Перстень у древнихъ носили только благородные и не смѣли носить рабы. (Іак. II, 2). Такъ Іосифъ получилъ отъ Фараона перстень, какъ самое высокое отличіе (Быт. XXXXI, 42. XXXVIII, 18). Итакъ, если кающемуся грѣшнику дается въ награду за раскаяніе перстень: это значитъ, что онъ получаетъ свободу, духъ всыновленія, что онъ уже не рабъ грѣха, не сынъ грѣшной земли, а сынъ неба, сынъ царства небеснаго, что онъ ужъ не томится страхами казней, какъ невольникъ и невольникъ преступный. *И сапоги на ногу его.* Быть обуту въ сапоги означаетъ на языкѣ писанія имѣть готовность и силу служить *евангелію мира* (Еф. VI, 15). Грѣшникъ самъ по себѣ слабъ, разстроенный грѣхомъ, онъ не умѣетъ свободно ходить по путямъ заповѣдей. Кающемуся грѣшнику дается сила для шествія по заповѣдямъ Божіимъ. Отецъ небесный говоритъ ему: „я озабоченъ и тѣмъ, чтобы ты въ родительскомъ дому ходилъ не какъ рабы, безъ сапогъ,—будь покоенъ, все готово для тебя, ты будешь ходить какъ сынъ неба, твердою, свободною, стопою“.

И приведше телецъ упитанный заколите и ядше веселимся, яко сынъ мой сей мертвъ бѣ и оживе, изгибъ бѣ и обрѣтеся, и начаша веселитися (ст. 23).

Сынъ пришелъ къ отцу голодный. Отецъ не только поспѣшилъ утолить голодъ его но устроилъ великолѣпное торжество.

Къ кому это обращается Отецъ небесный, призывая дѣлить радость Его о кающемся грѣшникѣ? Откровеніе говоритъ намъ, что *радость бываетъ на небеси, предъ ангелы Божіи, о единомъ грѣши-*

никъ кающемся (Лук. XV, 7. 10). Тоже безъ сомнѣнія должно разумѣть и о святыхъ Божіихъ, переселившихся съ земли на небо.

И такъ видите, какое торжество о грѣшникѣ кающемся! Радуется грѣшникъ, радуются ангелы и святые, радуется Богъ.

Радуются ангелы и святые. Ибо видятъ непостижимую благость Божію, видятъ, что братъ ихъ, который стоялъ на краю погибели, помилованъ и вмѣстѣ съ ними будетъ славить Господа. Радуется Богъ. Ибо Онъ не хочетъ смерти грѣшника и вотъ грѣшникъ спасенъ. Легко отрадно бываетъ и нашему сердцу, когда мы успѣваемъ сдѣлать доброе дѣло для другихъ, помочь бѣдняку, спасти погибавшаго. Но что значитъ наше благорасположеніе къ другимъ въ сравненіи съ любовію Отца небеснаго.

Если же радуются святые и ангелы, радуется Богъ о кающемся грѣшникѣ: какъ же не радоваться самому грѣшнику? Онъ радуется. Ибо принятъ такъ, какъ нельзя было ожидать. Позоръ снятъ, свобода дана, силы укрѣплены. Мало того,—о немъ въ торжествѣ небо.

Какъ велика радость о грѣшникѣ кающемся! Она такъ велика, что и описать ее нельзя. Это такая радость, о которой можно говорить только сравнительно, гадать приблизительно, но которой изобразить нельзя, такъ какъ для небесныхъ вещей нѣтъ словъ на языкѣ земномъ. Самъ Спаситель объясняетъ торжество неба о грѣшникѣ кающемся только сравненіями. Какъ имѣющій сто овецъ, говоритъ Онъ, и потерявшій одну изъ нихъ, оставляетъ девяносто девять и идетъ искать пропавшую, а найдя беретъ ее на плеча и созываетъ друзей и сосѣдовъ, порадуйтесь, говоритъ, со мною, я нашелъ пропавшую овцу: такъ и на небѣ радуются о кающемся грѣшникѣ (Лук. XV, 4—7). Какъ бѣдная женщина, имѣвшая десять драхмъ и потерявшая одну, зажигаетъ свѣчу, мететъ комнаты и ищетъ заботливо потерянную драхму, а когда находитъ, созываетъ подругъ и сосѣдокъ, идите, говоритъ, повеселитесь со мною подруги, я нашла потерянную мою драхму: такъ бываетъ радость у ангеловъ Божіихъ о единомъ грѣшникѣ кающемся (Лук. XV, 8—10).

Изъ притчи о сынѣ погибшемъ и найденномъ видимъ, что отецъ созываетъ весь домъ свой къ веселію: *веселимся*, говоритъ онъ. И потомъ сказано: *и начаша веселитеся*, начали пѣть и ликовать. Небо огласилось пѣснями радости, хвалы, благодарности о кающемся грѣшникѣ. Чудное торжество! Чудная радость! Душа кающаяся, облеченная плотію, можетъ отчасти ощущать эту радость, такъ какъ предметъ ея она сама: но знаетъ ее только небо.

Ап. Іоаннъ въ откровеніи своемъ видѣлъ торжество брака Агнчаго съ церковію. Торжество началось, какъ показываетъ онъ, голосомъ, изшедшимъ отъ престола: *пойте Богу нашему вси раби Его*

и боящіеся Его, и мали и велици. За тѣмъ слышенъ *гласъ народа многа, яко гласъ водъ многихъ, и яко гласъ громовъ крѣпкихъ глаголющихъ: аллилуія, яко воцарися Господь Богъ Вседержитель. Радуемся и веселимся и дадимъ славу Ему, яко пріиде бракъ Агнчій и жена Его уготовала есть себе* (Апок. XIX, 5—17.).

Таково торжество Агнчаго брака съ церковію! Подобное же торжество бываетъ о союзѣ грѣшника съ Богомъ! Ибо благость Божія такова, что милости, изливающіяся на цѣлую церковь, повторяются для каждой души, обращающейся къ Богу.

О! какъ не воскликнуть съ провидцемъ Божіимъ: *блаженни, ихже оставишася беззаконія, ихже прикрышася грѣхи. Блаженъ мужъ, емуже не вмѣнитъ Господь грѣха. Рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего. За то помолится къ Тебѣ всякъ преподобный* (Псал. XXXI, 2. 4).

Если же кто изъ каявшихся грѣшниковъ скажетъ: я каялся, но не ощущалъ подобной радости: такому слѣдуетъ сказать: виноватъ въ томъ ты самъ, другъ мой! У твоей исповѣди не доставало многаго, отъ того и радости у тебя не было. Послушай, что говоритъ намъ неложное слово Божіе. *Приближится къ Богу и приближится къ вамъ. Смирится предъ Господемъ и вознесетъ вы* (Іак. IV, 8. 10). На небѣ радуются по мѣрѣ того, какъ каются на землѣ.

Слава и благодареніе неизмѣримой любви Твоей, Отецъ нашъ небесный! Аминь.

1852 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ, ВЪ НАЧАЛѢ ОБРЯДА ПРАВОСЛАВІЯ.

Что хотимъ мы дѣлать, братія? Не такое ли что нибудь, чѣмъ, быть можетъ, оскорбятся нѣкоторые? Не такое ли что нибудь, за что, быть можетъ, осудятъ насъ нѣкоторые? Правда, судъ человѣческій не очень важенъ: судъ человѣческій можетъ быть далекъ отъ истины. Тѣмъ не менѣе надобно заботиться, чтобы не оскорблялась совѣсть братій нашими поступками, надобно показать, что не мы ошибаемся, а другіе. Итакъ, нѣсколько минутъ на размышленіе: что хотимъ мы дѣлать? что за судъ, который хотимъ повторить?

Спаситель нашъ Господь Іисусъ, подавая исцѣленіе больному, прежде чѣмъ исцѣлилъ его, сказалъ: *отпущаются тебѣ грѣси твои.* Фарисеи и книжники, услышавъ слова Его, сказали: *сей хулитъ, кто можетъ отпущати грѣхи?* Книжники были люди ученые; они поняли, и справедливо поняли, что Христосъ Іисусъ, усвояя себѣ власть прощать грѣхи, усвояетъ себѣ то, что принадлежитъ единому Богу. *Сей хулитъ,* богохульствуетъ, говорили они, беретъ на себя не принадлежащее ему и принадлежащее единому Богу, иначе— похищаетъ власть у Бога. Въ чемъ была ошибка книжниковъ? Чего не поняли люди ученые? Они не поняли или не хотѣли понять, что Христосъ Іисусъ есть Сынъ Божій, также всемогущій, также вседержащій, какъ и Богъ Отецъ. Дѣла Его показывали, что Онъ болѣе, чѣмъ сынъ человѣческій, что Онъ всевѣдущъ и всемощенъ, какъ Богъ. Но люди были слѣпы отъ дѣйствія страстей и не видѣли того. *Отецъ не судитъ никому же, но весь судъ даде сынови,* училъ еще Сынъ Божій. Власть судить, власть вязать и разрѣшать принадлежитъ Богу, но она же принадлежитъ и Сыну Божію. Вотъ кому первоначально принадлежитъ судъ надъ совѣстію людей.

Принадлежитъ ли онъ еще кому нибудь? Безъ сомнѣнія можетъ принадлежать тому, кому дастъ Сынъ Божій. Дана ли власть Сыномъ Божіимъ кому либо на землѣ? Дана. О томъ говоритъ самъ Сынъ Божій. *Аще и церковь преслушаетъ,* училъ Онъ, *буди тебѣ, яко же язычникъ и мытарь* (Матѳ. XVIII, 27). Что это такое? Спаситель говорилъ, что если ты увидишь согрѣшающаго брата: то скажи ему о грѣхѣ его на единѣ. Если не послушаетъ, возьми другаго брата. Если и послѣ того не исправится: *повѣждь церкви.* Если же и церкви не послушаетъ: *буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь,* да будетъ онъ для тебя тоже, что язычникъ и мытарь, да будетъ онъ для тебя человѣкомъ, съ которымъ ты болѣе не долженъ имѣть никакого общенія: онъ отвергъ церковь, отверженъ и церковію, и ты, который состоишь въ связи съ церковію, потому самому не долженъ быть въ связи съ тѣмъ, который болѣе не принадлежитъ церкви.—Вотъ точное ученіе Сына Божія! *Елика аще свяжете на земли,* говоритъ въ тоже время Сынъ Божій, *будутъ связаны на небесѣхъ, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ.*—Это еще яснѣе и сильнѣе. То, что вы разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небѣ. Кто вы? Прежде далъ власть вязать и разрѣшать церкви; теперь говоритъ: вы свяжете, вы разрѣшите. Кто же вы? Можете видѣть, что власть передается не всей церкви, а извѣстнымъ лицамъ. Кто же эти лица? Не одни ли апостолы? Но Спаситель сказалъ, что передаетъ власть церкви; слѣд. уже не однимъ апостоламъ, слѣд. какимъ

нибудь лицамъ, которыя имѣли быть въ церкви послѣ апостоловъ, которыя имѣли быть преемниками апостоловъ. Да и почему передаетъ Онъ великую власть свою? *Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой*, говоритъ Онъ. Что это значитъ? То, что власть передается по той причинѣ, что возможны согрѣшающіе. Представьте же себѣ: если во время апостоловъ возможны были грѣшники, требовавшіе власти вязать и разрѣшать: что же сказать о временахъ послѣдующихъ?

Братія! терпятъ ли въ обществѣ человѣческомъ непокорныхъ? Нѣтъ. И оно подвергаетъ ихъ наказанію. Какому? Иныхъ даже исключаетъ изъ своего общества, велитъ умирать смертію политическою? По какому праву? *Нѣсть власть, аще не отъ Бога.* Скажите, съ чего хотятъ, чтобы общество духовное могло терпѣть у себя непокорныхъ? Какъ думать, что такое высокое общество, котораго члены, живя на землѣ, живутъ на небѣ, не было уполномочено властію отсѣкать отъ себя непокорныхъ, или что тоже, предавать анаѳемѣ.

Въ церкви коринѳской одинъ человѣкъ сдѣлалъ грѣхъ тяжкій грѣхъ такой, какого, какъ писалъ апостолъ, не слышно даже у язычниковъ: но коринѳяне не обратили на то судебнаго вниманія. И апостолъ писалъ: *во имя Господа нашего, собравшимся намъ и духови вашему, предати таковаго сатанѣ. Изжените злаго отъ васъ самѣхъ* (I Кор. V, 1—5). Вотъ примѣръ тому, что при апостолахъ была судебная власть, исключавшая тяжкаго и нераскаяннаго грѣшника изъ чистаго общества христіанскаго! Вотъ опытъ того, что не себѣ только апостолъ усвоялъ власть поражать грѣшника наказаніемъ, но говорилъ, что-бы въ коринѳской церкви предали грѣшника сатанѣ.

И такъ церковь произноситъ судъ на нѣкоторыхъ потому, что судъ сей данъ ей сыномъ Божіимъ.

Послѣ того, что сказано о происхожденіи суда церковнаго надъ упорными грѣшниками, кто посмѣетъ отнимать у церкви право анаѳемы? На то могутъ отваживаться только люди, которые *влаются и скитаются всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Еф. VI, 14). Церковную терпимость ересей и расколовъ допускали и могутъ допускать только люди, для которыхъ истина и ложь, нечестіе и благочестіе — одно и тоже, люди, которые колеблются на каждомъ шагу, не имѣя ни въ умѣ ни въ сердцѣ твердой вѣры; называются христіанами, а въ душѣ кланяются то Магомету, то Далай-Мамѣ. Иначе тѣ, которые знаютъ и любятъ истину, не могутъ стоять между истиною и заблужденіемъ. Они, не колеблясь, говорятъ: это—истина и не можетъ быть ложью; это истина и ее готовъ я защищать моею кровью; или: это

ложь и не можетъ быть истиною; это ложь, и я ни за что не соглашусь преклониться предъ нею.

На кого произноситъ церковь анаѳему?

Она предаетъ анаѳемѣ не признающихъ бытія и промысла Божія. Но такихъ людей осуждали и язычники.

Она поражаетъ гнѣвнымъ судомъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что Богъ не есть Духъ, а плоть, или подобный намъ человѣкъ. И такихъ людей осуждали лучшіе изъ язычниковъ; а между христіанами приближались къ нимъ темные суевѣры, полагавшіе образъ Божій въ бородѣ и усахъ человѣка.

Она предаетъ анаѳемѣ тѣхъ, которые не признаютъ единосущіе Сына Божія и Духа св. съ Богомъ Отцемъ и отвергаютъ св. Троицу. Но дѣло рѣшенное, эти догматы—отличительные догматы христіанскаго откровенія.

Она анаѳематствуетъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что пришествіе Сына Божія въ міръ, Его страданіе и смерть—не нужны; осуждаетъ тѣхъ, которые говорятъ, что искупленіе Сына Божія не есть единственное средство къ оправданію нашему предъ Богомъ. Но люди, которые не чувствуютъ нужды въ спасеніи людей Богомъ, не имѣютъ въ себѣ даже начальныхъ чувствъ христіанской жизни и хуже язычниковъ, сознававшихъ свою виновность.

Она предаетъ анаѳемѣ тѣхъ, которые не признаютъ безмужнаго зачатія Сына Божія и почитаютъ Христа Іисуса простымъ человѣкомъ.—Но это слѣпые іудейскіе книжники.

Она осуждаетъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что пророки и апостолы писали свои писанія не по вдохновенію Духа Божія и Духъ св. не дѣйствуетъ въ сердцахъ вѣрующихъ; осуждаетъ тѣхъ, которые не принимаютъ св. таинствъ. Но это опять люди, не понимающіе ни себя, ни исторіи человѣчества и довольные языческою правдою.

Наконецъ она осуждаетъ не считающихъ грѣхомъ бунтовать противъ государей. Но это враги человѣческіе и Божіи.

Такимъ образомъ церковь поражаетъ анаѳемою такихъ людей, которые осуждены откровеніемъ Божіимъ. Послушайте, что пишетъ возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ? *Всякъ духъ*, говоритъ онъ, *иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, сей отъ Бога нѣсть и есть антихристовъ* (I Іоан. IV, 3). Послушайте, что проповѣдуетъ ап. Павелъ? Онъ учитъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (I Кор. XVI, 2). *Аще мы, или ангелъ съ небеси: благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ; анаѳема да будетъ* (Гал. I, 3).

Что скажутъ еще противъ суда церкви? Страшно, говорятъ,

подумать, какой грозный судъ произноситъ церковь,—церковь, которой гласъ, казалось, долженъ быть гласомъ одной любви? Да, братія, страшно; страшно потому, что судъ церкви есть судъ Божій, судъ Сына Божія. О! кто дастъ намъ трепетъ Іереміи, трепетавшаго за Іерусалимъ, поражаемый гнѣвомъ Божіимъ? Кто дастъ потоки слезъ, которыя проливалъ пророкъ Божій, оплакивая участь израиля нечестиваго? Но что говорю я о трепетѣ и слезахъ Іереміи? Такой ли трепетъ, такія ли слезы, такая ли скорбь необходимы намъ, когда слышимъ судъ Божій, осуждающій грѣшника на вѣчныя муки? О! братія! *страшно впасти въ руцѣ Бога живаго.* А судъ церкви, повторяемъ, есть судъ Божій.

Но зачѣмъ онъ—не судъ любви? Затѣмъ, братія, что нераскаянный грѣшникъ не понимаетъ, не принимаетъ суда любви, тогда какъ церковь одного и желаетъ для всѣхъ—спасенія вѣчнаго. *Самолюбивы, величавы, горди, хульницы, нагли, напыщени, сластолюбцы, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіеся* (II Тим. III, 2—5) не внимаютъ никакимъ внушеніямъ любви и, по гордости своей, ставятъ себя выше церкви, отдѣляются сами отъ нее.

Пусть такъ, говорятъ, пусть Арій, пусть Македоній поражены анаѳемою: къ чему же повторяется она теперь? Да, еслибы мы были столько внимательны къ себѣ, чтобы не было между нами Аріевъ и Македоніевъ: церковь не повторяла бы грознаго суда своего. Не несчастные мы! Сколько между нами является Аріевъ и Македоніевъ, даже болѣе дерзкихъ въ богохульствахъ, чѣмъ были и тѣ и нагло проповѣдуютъ ложь! Сколько людей, которые отлучались, какъ отлучился гордый Новатъ, отъ общенія съ церковію и употребляютъ мѣры увлекать вмѣстѣ съ собою многихъ другихъ! *Не разумѣя яже глаголютъ*, не понимая, чего хотятъ, о чемъ говорятъ, что видятъ въ обветшавшей граматѣ, они упорно уклоняются отъ тѣхъ, которые хотѣли бы и могли бы сказать полезное душѣ, уклоняются сами и отклоняютъ другихъ. Что остается св. церкви въ такомъ положеніи? Не сама ли любовь обязываетъ ее поражать суемудріе страхомъ и безславіемъ анаѳемы? Гордость суемудрія находитъ себѣ пищу въ томъ, что думаетъ жить ненаказанно по своему. Пусть же слышитъ она, что есть судъ на гордое суемудріе, судъ, произносимый на землѣ и повторяемый на небѣ. Врачъ не отъ жестокости, а по мудрой любви, отнимаетъ заразившійся членъ тѣла: онъ желаетъ тѣмъ спасти прочіе члены тѣла отъ заразы. Тоже самое дѣлаетъ и св. церковь. Страхомъ суда на непокорныхъ предостерегаетъ она неосторожныхъ отъ общенія съ людьми непокорными; предавая позору заблужденіе, она спасаетъ умы простые отъ общенія съ заблужденіями. Такъ заповѣдалъ поступать апостолъ

Божій: *еретика человѣка*, если онъ *по первомъ и второмъ наказаніи*, вразумленіи не исправится, *отрицайся*, удаляйся (Тит. III, 10). *Молю вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры и уклонитеся*, удаляйтеся, *отъ нихъ* (Рим. XVI, 17).

Нѣтъ, не судъ, чуждый сердцу матери, выражаетъ собою судъ церкви. Вы увидите, вы услышите, какъ она со всѣми чадами преклонитъ колѣна предъ Господомъ за спасеніе заблуждающихъ. Вы увидите, вы услышите, какъ будетъ она умолять Господа Іисуса заслугами Его, дабы онъ далъ духъ раскаянія тѣмъ, которые подвергаютъ себя анаѳемѣ. О! когда бы сами заблудшіе тронулись слезами матери, которыя проливаетъ она за нихъ предъ Господомъ и предъ всѣми святыми Его! Прославляя поборниковъ православія, чего желаетъ церковь, какъ не торжества для истины, какъ не славы для того имени, которое одно достойно славы?

Слава Отцу и Сыну и св. Духу, нынѣ и во вѣки. Аминь.

1850 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Грозный судъ, который вы вскорѣ услышите, слушатели, относится, между прочимъ, къ „отмещущимъ вся таинства святая, церковію Христовою содержимая“. По благодати Божіей, всѣ мы, принадлежащіе къ православной церкви, твердо содержимъ святыя таинства; не смѣемъ и думать, чтобы можно было отметать ихъ. Но близъ насъ довольно такихъ, которые не страшатся отказываться и отъ такой тайны, какова тайна святой евхаристіи; не страшатся даже произносить иногда и страшныя хулы на сію страшную тайну. Не для чего скрывать болѣзни и нѣкоторыхъ изъ насъ, братія. Довольно между нами такихъ, которые, хотя не отмещутъ языкомъ святой тайны, и однакожъ не участвуютъ въ ней по разнымъ предлогамъ. Приблизимся къ смыслу суда церковнаго на отмещущихъ тайны размышленіемъ о томъ, какъ нужно намъ всѣмъ пріобщаться святаго таинства евхаристіи, и какъ неосновательны предлоги, по которымъ многіе не пріобщаются сего таинства.

Кто установилъ таинство святой евхаристіи? Самъ Сынъ Божій, Господь Іисусъ. *Пріимите, ядите*, говорилъ Онъ ученикамъ, *сіе есть тѣло Мое, за вы ломимое. Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта.* Слышите ли, Господ' Самъ повелѣваетъ: *Пій-*

те отъ нея вси. Повелѣніе рѣшительное, повелѣніе, относящееся ко всѣмъ безъ исключенія, повелѣніе самаго Господа. Чего больше? послушаемъ другаго свидѣтеля о томъ же. *Азъ бо пріяхъ отъ Господа*, говоритъ апостолъ, *еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сія чаша новый завѣтъ есть въ Моей крови. Елижды бо,* присовокупляетъ апостолъ, *аще есте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (I Кор. XI, 23—25). Что можетъ быть яснѣе словъ сихъ? Апостолъ съ точностію повторяетъ волю Господню: *пріимите, ядите.* Апостолъ передаетъ волю Господа въ словахъ, совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ; для всѣхъ принадлежащихъ къ новому завѣту, говоритъ онъ, установлена сія вечеря: *сія чаша новый завѣтъ въ крови Моей;* всѣ, которые хотятъ помнить Господа, должны участвовать въ сей вечери: *сіе творите въ Мое воспоминаніе.* Апостолъ присовокупилъ еще и свои слова о смыслѣ словъ Господнихъ; дотолѣ, говоритъ онъ, имѣетъ совершаться сія вечеря, пока пріидетъ Господь на судъ, т. е. до скончанія вѣка: *елижды ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ.* Теперь спрашивая: нужно ли исполнить волю Господа? Безъ сомнѣнія, нужно; ибо горе непокаряющимся волѣ Господа. Нужно ли исполнять такую волю Господа, которая простирается на всѣ времена? Еще болѣе нужно; ибо въ этомъ случаѣ горе каждому, кто бы онъ ни былъ, и когда бы онъ ни жилъ, если только презираетъ онъ эту волю. Итакъ, подумайте, нужно ли пріобщаться вечери Господней, когда она установлена самимъ Господомъ, установлена на всѣ времена, установлена для всѣхъ?

И что такое предлагается на вечери Господней? *Чаша благословенія,* поучаетъ апостолъ, *не общеніе ли крове Христовы есть? Хлѣбъ, его же ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть* (I Кор. X, 16)? Итакъ, на трапезѣ Господней предлагается подъ видомъ хлѣба самое тѣло Господне, и подъ видомъ вина животворящая кровь Господня. Скажите же, отъ чего удаляются, удаляясь отъ вечери Господней? Чѣмъ пренебрегаютъ, пренебрегая вечерею Господнею. Страшно подумать!

Какія дѣйствія совершаетъ евхаристія въ причащающихся ея? Чего лишаются отступающіе отъ нея? *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь,* говоритъ Господь, *во мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 56). Вотъ первое дѣйствіе великой тайны! О, таинство чудное и славное! Пріобщающійся тайны евхаристіи соединяется съ самимъ

Господомъ. О, дивная, непостижимая благость Божія! Братія! Укажите мнѣ, какого блага—болѣе высшаго могъ бы желать человѣкъ послѣ сего неизмѣримаго блага? Бреніе соединяется съ Создателемъ! Грѣшный соединяется съ Всесвятымъ! Бѣдный, немощный, полумертвый—соединяется съ Животворящимъ и Всемощнымъ! Чего желать еще человѣку? И чего нельзя надѣяться ему отъ такой милости?

И подлинно, послушайте слова Господа: *сія есть кровь Моя*, говорилъ Онъ, *за вы и за многая изливаемая во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. XXVI, 28), т. е., въ сей чашѣ кровь Моя, та кровь, которая изливается во оставленіе грѣховъ; пійте же ее,—она прощаетъ грѣхи грѣшникамъ, она освящаетъ грѣшниковъ. *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный* (Іоан. VI, 54), говоритъ Господь. Итакъ, вотъ и еще дѣйствіе тайны! Она даруетъ жизнь вѣчную. Ты страждешь по душѣ и тѣлу? она—врачевство оживляющее. Ты изнемогаешь въ борьбѣ со страстію? Приступи къ святой евхаристіи,—она даетъ новыя силы. Кто исчислитъ всѣ дѣйствія чудной тайны, когда она есть тайна жизни? Ощутительный плодъ вкушенія ея является вѣрующимъ то свѣтомъ въ умѣ, то радостію въ сердцѣ, то покоемъ сладкимъ въ душѣ, то живѣйшимъ ощущеніемъ любви къ Господу, то ревностію къ подвигамъ духовнымъ.

Если же святая евхаристія есть хлѣбъ жизни, дарующій и прощеніе грѣховъ, и силы духовныя: то съ чѣмъ остается человѣкъ, лишая себя сего животворнаго хлѣба? Съ грѣхами и страстями. Какое опасное положеніе!

Но не гаданіе ли это человѣческое? Нѣтъ, братія; дѣло спасенія нашего основано не на гаданіяхъ, а на вѣрномъ словѣ Господа. *Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. VI, 53). Кто говоритъ слова сіи? Самъ Сынъ Божій, Самъ Господь нашъ, Коего каждое слово *ей* и *аминь*—вѣрно, непреложно такъ, какъ ничто болѣе на свѣтѣ. Что же значатъ слова сіи? Онѣ очень ясны: кто не хочетъ причащаться тѣла и крови Господней, какъ іудей, не можетъ быть тотъ живымъ. Христіанинъ родился въ водѣ крещенія; вода крещенія, напоенная силою Духа святаго, образовала въ немъ новаго человѣка, это духовный младенецъ. Представьте же себѣ: если бы вы младенцу не давали пищи и питія, остался ли бы онъ живъ? Нѣтъ! Сила благодати, пріемлемая въ крещеніи, конечно, сильнѣе, чѣмъ сила жизни, сообщаемая младенцу при рожденіи; она однажды дана и не истребляется. Но вы знаете, что значитъ земная жизнь для христіанина? Знаете, сколько искушеній, сколько болѣзней, сколько опасностей испытываетъ душа, и по отрожденіи въ

водѣ крещенія! До какого изнеможенія могутъ доводить ее грѣхи и страсти! Гдѣ же подкрѣпленіе для нея слабой, гдѣ пища для нея голодной гдѣ утѣшеніе для нея, поражаемой скорбями? И до чего можетъ дойти она, изнуряемая грѣхами и страстями? Случалось ли вамъ видѣть бѣднаго младенца, борющагося съ смертію, терзаемаго муками разлученія тѣла съ жизнію? Вы видите—онъ еще не мертвъ; но какая это ужасная жизнь! Вы закрываете глаза, чтобы не видѣть страшной борьбы жизни съ смертію. Увѣрьтесь же, что это точный образъ той души, которую много лѣтъ, или и всегда, оставляютъ безъ пищи небесной. Она именуется живою, она еще не умерла: но страшно положеніе ея! Смерть духовная терзаетъ ее. Жизнь духовная въ ней неразвита, остается въ младенчествѣ; а страсти и грѣхи изсушили, истерзали, довели ее до совершеннаго разстройства. Истинно слово Господа: *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, не піете крове Его, живота не имате въ себѣ.*

Чѣмъ же люди оправдываютъ уклоненіе свое отъ таинства евхаристіи? „Мы вѣримъ, говорятъ одни, что святая евхаристія—дѣло великое: но гдѣ она нынѣ“? Это означаетъ, что нынѣ, какъ говорятъ эти люди, нѣтъ у насъ церкви, нѣтъ и тайны. Несчастные—они враждуютъ и на церковь Христову, и на страшную тайну. Ослѣпленные не видятъ, какая страшная участь ждетъ ихъ—мятежниковъ. Ихъ ожидаетъ та же участь, какая постигла мятежныхъ ангеловъ, низверженныхъ за мятежъ съ неба въ геенну,—та же самая, какая ждетъ всѣхъ *враговъ креста Христова* (Фил. III, 18. 19.). Нѣтъ церкви? Кто это говоритъ? Не возмутитель ли противъ самаго Господа? Въ иномъ видѣ, хотя и хотѣлъ бы, не могу представить его. Ибо Господь сказалъ намъ: церкви Его не одолѣютъ *и врата адова* (Матѳ. XVI, 18.); она стоитъ твердо, такъ какъ непобѣдимъ глава ея Господь; она *есть столпъ и утвержденіе истины* (I Тим. III, 15.). Говорятъ: мы вѣримъ въ тайну. Но, гдѣ же та тайна, въ которую вѣруютъ? Тайна Христова должна быть на землѣ; она должна совершаться здѣсь, дондеже *пріидетъ*, т. е. до скончанія вѣка: это слова, это воля Господа. Кто же можетъ отмѣнить волю Господа? Кто можетъ уничтожить опредѣленіе вышняго? Не одно ли своеволіе, не одна ли вражда богоотступная? *Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный* (Матѳ. XI, 22.), нежели людямъ, которые знаютъ волю Господа, и нагло попираютъ ее. Къ кому воззовутъ они о помощи въ день суда? Ко Христу? Но они отвергли Его, открекшись отъ тѣла и крови Его; *не знаю васъ*, скажетъ Онъ имъ, какъ вы не знали Меня. Къ церкви святыхъ? Но надъ нею ругались они, изгоняли ее изъ міра, бѣгали отъ нея, какъ отъ грѣха. Къ крови ли Ходатая, очищающей

грѣхи и оживляющей мертвыхъ насъ? Они ею не запечатлѣны, никогда не питались ею. Несчастные! Никто и ничто не защититъ ихъ, но все возстанетъ противъ нихъ—и Господь и церковь Его, и кровь Его и слово Его! Твердятъ слѣпцы: „старцы говорятъ, что можно спастись безъ причастія“. Старцы говорятъ? *Аще мы, или ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ: анаѳема да будетъ.* Слышите ли? Если бы и ангелъ благовѣстилъ противное ученію апостола, а его ученіе о евхаристіи вы слышали: анаѳема! Говорятъ: мы идемъ по слѣдамъ подвижниковъ, пребывавшихъ въ пустыняхъ безъ причастія. Въ чемъ же подражаютъ они подвижникамъ? Тѣ жили какъ ангелы, а они? Тѣ жили въ пустыняхъ по обѣту, а они? Тѣ за блаженство считали для себя, когда могли пріобщаться, а они? Ужели отвергать святую евхаристію по упорству въ заблужденіи, какъ они отвергаютъ, и не принимать святой евхаристіи по глубокому смиренію и вслѣдствіе обѣта, означаетъ—одно и то же? Послѣ того, не станутъ ли утверждать, что хула на святыню тоже, что хвала святынѣ?

Братія! Свято чувство смиренія, оно необходимо для каждаго; оно—печать истиннаго христіанина. Имѣйте смиренномудріе всегда, тѣмъ болѣе тогда, какъ приступаете къ страшной тайнѣ. Вы приступаете къ Господу страшному въ величіи, грозному въ правдѣ. Пусть будетъ и то, что чувство смиренія, чувство недостоинства своего, на нѣсколько времени, удержитъ васъ, вмѣстѣ съ мытаремъ, вдали отъ святилища Божія; не дозволитъ вамъ дерзновенно приступить къ святой тайнѣ. Но помните, что истинное смиреніе не дозволитъ себѣ замѣнять тайну Господню своимъ вымысломъ,—оно удерживается на время отъ тайны только для того, чтобы лучшимъ образомъ исполнить волю Божію о тайнѣ. Бываетъ, что и сатана преобразуется въ ангела святаго (II Кор. XI, 14.). Бываетъ, что подъ покровомъ смиренія скрывается только лукавство грѣха. Надобно повѣрять себя; надобно повѣрять дѣла свои, дѣла ли онѣ истиннаго смиренія? Смиреніе оказываетъ себя покорнымъ власти, себя признаетъ ниже всѣхъ, плачетъ о грѣхахъ, подвизается въ постѣ и молитвѣ, страшится суда Божія. Да избавитъ Богъ каждаго отъ смиренія лицемѣровъ! Но, не для ангеловъ учреждена тайная трапеза, а для людей, для людей немощныхъ, слабыхъ склонныхъ къ грѣху до самаго гроба. Будь твердо увѣренъ, что если бы ты былъ и такъ чистъ, какъ чисты ангелы святые,—и тогда ты не долженъ считать себя достойнымъ причастникомъ тайны. Ты омытъ водою крещенія, ты очистилъ себя слезною исповѣдію: вотъ твое приготовленіе къ тайнѣ! Ты не престаешь чувствовать себя грѣшникомъ? Приступи къ трапезѣ, учрежденной во оставленіе грѣховъ;

она попалитъ терніе грѣховъ твоихъ. Ты холоденъ и мраченъ, сухость тяготитъ духъ твой? Но, если ты таковъ и тогда, какъ касаешься источника жизни: что-жъ будетъ съ тобою, когда ты будешь лишать себя общенія съ жизнію вѣчною? Нѣтъ, по тому-то самому, что чувствуешь нищету души твоей, спѣши обогатиться богатствомъ Христовымъ.

Другой говоритъ: совѣсть обличаетъ меня въ тяжкихъ грѣхахъ, удерживаетъ грознымъ судомъ отъ трапезы Господней. Если такъ: слова нѣтъ,—удержись на время отъ трапезы; омой грѣхи покаяніемъ, очистись слезами сокрушенія. *Ядый бо и піяй недостойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ* (I Кор. XI, 29.). Но, удержись отъ страшной тайны для того только, чтобы приготовить душу къ тайнѣ покаяніемъ, а не за тѣмъ, чтобы мыслію о недостоинствѣ прикрывать безпечность о душѣ своей;—не за тѣмъ, чтобы творить волю страстей въ забвеніи о вѣчности. Примѣры спасенія для тебя показаны. Спѣши вслѣдъ за плачущею блудницею къ пречистымъ стопамъ Господа; спѣши собрать слезъ, сколько можешь,—страха, сколько найдешь въ душѣ, и лобызай ноги Господа; прикоснись къ очистительному огню плоти и крови Его. Тяжки грѣхи твои? Но скажи: Господи! не требуютъ здоровые врачей, а больные; боленъ я, гноятся струпы грѣховъ моихъ, отъ ногъ до головы нѣтъ во мнѣ цѣлаго мѣста; исцѣли, очисти меня. Врачу душъ и тѣлесъ! угль тѣла Твоего да очиститъ скверны мои, животворящая кровь да оживитъ меня, умерщвленнаго грѣхомъ.

Но вотъ и еще отговорки отъ священной тайны: „я занятъ заботами по дому, по долгу, говоритъ иной; когда причащаться“?

Никто не станетъ осуждать усердія къ обязанностямъ службы. Но развѣ не поставляется у насъ въ обязанность каждому служащему приступать къ святой евхаристіи? Много занятій по службѣ? *Божія Богови, и кесарева кесареви* (Матѳ. XXII, 21.). Много трудовъ по службѣ? Но, если труды больше для честей, чѣмъ для службы, умѣрь трудолюбіе, а пища небесная, къ которой зоветъ тебя церковь, подкрѣпитъ силы твои для вѣрнаго служенія отечеству земному. Припомни и то, сколько убито времени, сколько истрачено силъ для страстей и пустоты: остановись же хотя на недѣлю для отдыха душѣ.

Ты занятъ заботами житейскими? что ты говоришь? Ждетъ тебя Господь, а ты ссылаешься на заботы о землѣ. Одумайся. Развѣ вѣчная жизнь не стоитъ твоей заботы? Развѣ вѣчныя нужды меньше для тебя, чѣмъ нужды земныя? Развѣ голодъ, отъ котораго можетъ погибнуть душа твоя, не страшенъ тебѣ? Иначе—съ чѣмъ ты явишься туда?

Братія! Прославимъ неизреченное милосердіе Сына Божія къ намъ грѣшнымъ; устрашимся быть презрителями неизглаголаннаго дара Его. Аминь.

1843 г.

БЕСѢДА IV. О БЛУДНОМЪ СЫНѢ, ВЪ ПЕРВУЮ НЕДѢЛЮ ПОСТА.

Третью часть притчи о блудномъ сынѣ составляетъ исторія старшаго сына (Лук. XV, 25—37).

Здѣсь изображенъ—грѣшникъ самонадѣянный, грѣшникъ обольщенный мечтами о своей приличной, честной, жизни. Отношеніе къ нему Отца небеснаго дополняетъ печальную картину его, печальную тѣмъ болѣе, что самъ грѣшникъ не понимаетъ значенія ея. Евангельское изображеніе такого грѣшника, грѣшника скрытнаго, должно быть изучаемо съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ безъ того легко ли намъ узнавать его?

Бѣ же сынъ его старѣй на селѣ: и яко грядый приближися къ дому, слыша пѣніе и лики: и призвавъ единаго отъ отрокъ, вопрошаше, что убо сія суть? (ст. 25, 26).

Если старшій сынъ отца трудился на полѣ: это служитъ къ чести его. Но вотъ что не подаетъ доброй мысли о немъ: отчего добрый отецъ не послалъ за нимъ при пріемѣ младшаго брата его? Отчего тогда, какъ созваны всѣ слуги дѣлить радость о найденномъ сынѣ, не приглашенъ къ тому же старшій сынъ дома? Вѣрно сынъ не любилъ поступать такъ, какъ хотѣлъ отецъ, а—какъ хотѣлъ онъ самъ и—его оставили при его волѣ. Такая мысль о немъ оправдывается послѣдующими поступками его. Вотъ онъ, едва возвратясь съ поля, едва подошелъ къ дому, открылъ себя, въ какихъ расположеніяхъ былъ онъ къ дому. Услышавъ, что въ домѣ веселятся, онъ вмѣсто того, чтобы съ сердечною простотою идти въ домъ радующагося отца, останавливается и спрашиваетъ: что это такое? Онъ изумленъ тѣмъ, что безъ него веселятся. Какъ будто въ домѣ отца, помимо его воли, помимо его рѣшенія, ничего не должно быть! Какъ будто отецъ его не въ правѣ веселиться безъ него! И отъ кого же узнаетъ онъ о происходящемъ въ домѣ? Отъ отца? Нѣтъ, онъ вызываетъ къ себѣ одного изъ слугъ. Какъ это неприлично! Не прилично тѣмъ болѣе, что подъ рядъ съ гордостію является низость.

Онъ же рече ему, яко братъ твой пріиде и закла отецъ твой тельца упитанна, яко здрава его пріятъ (27 ст.). Слуга говоритъ о дѣлѣ, какъ оно есть. Видно, что это былъ слуга добрый, простосердечный. А какъ много есть слугъ другаго разряда! Слуга добраго господина не только говоритъ правду, но говоритъ съ добрымъ намѣреніемъ. *Братъ твой пріиде, отецъ здрава его пріятъ*, говоритъ слуга. Эти слова не только выказываютъ правду, но и доброе намѣреніе—успокоить смущенную душу молодаго господина.

Разгнѣвався же и не хотяше внити. За что разгнѣвался? Чѣмъ такъ оскорбленъ? Ему сказали отрадную правду, а онъ разгнѣвался. Безчувственный сынъ! Безчувственный братъ! Дикая душа его волнуется страстями дикими,—завистію, гордостію! Онъ терзается тѣмъ, что веселятся въ честь другаго; въ гнѣвѣ за то, что оказываютъ любовь другому. Онъ считаетъ себя униженнымъ оттого, что обращено вниманіе на другаго.

Отецъ же его изшедъ моляше. „Какой кроткій, какой добрый отецъ, восклицаетъ блаженный Іеронимъ; онъ упрашиваетъ сына принять участіе въ домашней радости“. Да, рѣдко можно найти такого отца между отцами христіанскими, людьми облагодатствованными, но никогда между людьми обыкновенными. Эта кроткая любовь—любовь небесная. Она выходитъ на встрѣчу къ грѣшнику, стараясь привлечь его къ себѣ; она знаетъ его строптивый духъ и не смотря на то дышетъ на него кротостію, лаской, нѣжностію сердобольною и снисходительною.

Онъ же отвѣщавъ, рече отцу: се толико лѣтъ работаю тебѣ и николиже заповѣди твоя преступихъ и мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други своими возвеселился бихъ (ст. 29).

Не смягчился строптивый сынъ словами небесной любви, а лишь раздражился и начинаетъ счетъ съ отцомъ, счетъ, которымъ онъ думалъ обвинять отца, тогда какъ каждое слово его улика ему самому. *Се толико лѣтъ работаю тебѣ!* Что же особеннаго, если сынъ трудился въ домѣ отца? Ужели же добрый сынъ только имѣетъ право гулять и терять время въ праздности? Ужели тотъ, кому трудъ въ тягость, человѣкъ порядочный? Нѣтъ, болѣе чѣмъ слугу, унижаетъ праздность дѣтей добраго отца. *Николиже заповѣди твоя преступихъ.* А какъ будто тотъ и добрый сынъ, который нарушаетъ волю добраго отца. *Николиже заповѣди твоя преступихъ.* Но правда ли это? Какъ же могло случиться, что этотъ почтительный сынъ такъ глухъ даже къ мольбамъ нѣжнаго отца? Какъ же могло случиться, что сынъ, почтительный къ отцу, такъ холоденъ и жестокъ къ брату? *Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть* (I Іоан. IV, 20). *Глаголяй себе во*

свѣтѣ быти, а брата своего ненавидяй, во тмѣ есть досель (I Іоан. II, 9). Таково ученіе небесной истины! *И николиже далъ еси козляте.* Какъ? Добрый сынъ считается съ отцомъ? Добрый сынъ требуетъ платы отъ отца за любовь къ отцу? Сынъ ли это? Нѣтъ, это наемникъ, а не сынъ. Ахъ! сынъ потерялъ любовь сыновнюю, даже живя въ домѣ отца. Не хуже ли онъ брата, потерявшаго ту-же любовь вдали отъ отца? *Да со други моими веселился быхъ.* Вотъ и еще отличіе сына добраго! Въ томъ, что живетъ онъ вмѣстѣ съ добрымъ отцомъ, не находитъ онъ радости, не находитъ онъ радости и въ выполненіи заповѣдей отца, тогда какъ онѣ доброму сыну *слаще меда и дороже камней драгоцѣнныхъ* (Псал. XVIII, 11). Онъ ищетъ другихъ радостей, другихъ друзей. Что же это за друзья его? Конечно, еслибы они похожи были на добраго отца его, то не замѣняли бы они отца въ его душѣ. Жажда веселостей, которою томится онъ въ домѣ отца, показываетъ, что ищетъ онъ друзей грѣха, веселостей распутства. Чѣмъ же разнится онъ отъ мадшаго блуднаго брата? Развѣ тѣмъ только, что выставляетъ изъ себя человѣка жизни приличной, поведенія непорочнаго.

Егда же сынъ твой сей, изъядый твое имѣніе съ любьйцами пріиде, заклалъ еси ему тельца питомаго (ст. 30).

Домогаясь выставить, какъ можно рѣзче, несправедливость отца, строптивый сынъ указываетъ ему на отношеніе его къ брату.

Егда же сынъ твой сей пріиде. Не называетъ и брата братомъ; онъ. такъ презираетъ его, что считаетъ за оскорбленіе для себя называться его братомъ. Такова гордость! *Сынъ твой пріиде*— стрѣла злости и въ сердце отцу. Ты, говоритъ онъ отцу, хочешь этого распутнаго признавать сыномъ своимъ: пусть онъ сынъ твой, любуйся имъ, только я не знаю такого брата. Тогда какъ прожилъ, онъ твое имѣніе съ блудницами, ты принимаешь его такъ, какъ не былъ я никогда принятъ тобою, это твое дѣло! Какая злость въ сердцѣ гордомъ! Забыто уваженіе къ отцу, забыта любовь къ брату снисходительная. Мало и того, гордость не только безпощадна къ извѣстнымъ слабостямъ брата; она выдумываетъ слабости. Съ чего этотъ милый братецъ говоритъ о братѣ: промоталъ имѣніе съ блудницами? Откуда онъ узналъ это? Добрый слуга, встрѣтившій его, не говоритъ ему ничего подобнаго. Ахъ! какъ часто бываетъ, что будучи сами худы, думаютъ худое и о другихъ! Будучи сами расположены къ тому, чтобы дѣлать то или другое грязное дѣло, переносятъ ту же грязь и на другихъ. Кто не узнаетъ въ этомъ гордомъ братѣ іудейскихъ фарисеевъ и книжниковъ, представителей самонадѣянной праведности, нерѣдко блистательной по наружной жизни, но отвратительной по сердечнымъ расположеніямъ! Гордыхъ

людей дѣло—мечтать о себѣ, что они не какъ другіе люди, не грабители, не обидчики, не прелюбодѣи, а люди жизни строгой (Лук. XVIII, 11). Они не простятъ брату ни одного проступка, тотчасъ замѣтятъ въ глазу его сучецъ, а у себя не видятъ и бревна. Они похожи на гроба окрашенные, которые кажутся снаружи красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты (Матѳ. XXIII, 27).

Онъ же рече ему: чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя—твоя суть (31).

Фарисейская гордость сама осудила себя, когда только открылась въ словахъ. Любовь небесная не судитъ ее, а продолжаетъ дружески вразумлять и пристыждать ее. *Чадо:* сколько нѣжности въ этомъ словѣ. И какой отецъ говоритъ это слово? Отецъ, осыпанный грубостями сына. Какъ терпѣлива любовь отца! Сынъ ни разу не назвалъ отца своего отцемъ, а отецъ говоритъ: *Чадо!* какъ сильно это слово, при всемъ томъ, что мягко! Оно такъ сильно, какъ никакое жесткое слово! Оно идетъ прямо къ сердцу сына! Оно говоритъ ему: сынъ мой! говоришь ли ты со мною, какъ сынъ? Ахъ! приди въ себя. *Чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть.* Ты не имѣешь причинъ жаловаться на мои отношенія къ тебѣ. Не смотря на твои несыновнія расположенія ко мнѣ, которыя ты самъ обнаружилъ теперь и, которыя мнѣ были извѣстны, любовь отца всегда была открыта для тебя. Какъ же тебѣ желать *козляте?* Какъ тебѣ искать другихъ друзей, кромѣ друга—отца? Ужели какія нибудь мои блага дороже тебѣ, чѣмъ самъ я? Впрочемъ *вся моя твоя суть.* Все, что принадлежитъ мнѣ, принадлежитъ и тебѣ, лишь только оставайся сыномъ моимъ; и все это конечно стоитъ больше, чѣмъ могли бы стоить твои труды.

Возвеселитижеся и возрадоватися подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ и оживе: изгибль бѣ и обрѣтеся (32). Вразумленіе строптивому сыну объ отношеніяхъ его къ брату! Если братъ дорогъ сердцу брата: то возвращеніе его потерянаго конечно должно быть предметомъ радости для брата. И если братъ не радуется о здоровьѣ брата, если счастіе погибавшаго брата оскорбляетъ, терзаетъ брата: то въ такомъ братѣ нѣтъ души братской, онъ убилъ въ себѣ чувства брата, онъ оскорбилъ, унизилъ, обидилъ жестоко не брата, но себя самаго. Добрый отецъ препирался съ строптивостію сына. Чудная борьба любви съ самолюбіемъ гордымъ! Родители! Вотъ какъ вы должны обходиться съ худыми дѣтьми! Наставники и пастыри! Вотъ съ какимъ терпѣніемъ надобно вамъ выполнять свое дѣло. Во первыхъ, виновность наставляемыхъ вами не должна васъ останавливать въ исполненіи вашей обязанности къ нимъ. Какъ бы

много худаго ни видѣли вы въ нихъ, вы должны учить ихъ добру, должны наставлять ихъ словомъ евангельскимъ.—Ваше дѣло сѣять сѣмена. Сѣйте, не теряя времени въ праздности. Что выдетъ изъ того? Взойдетъ ли что изъ посѣяннаго вами? Не безпокойтесь о томъ: будущность не въ вашихъ рукахъ; въ вашемъ распоряженіи настоящее. Вы можете только желать, чтобы посѣянное взошло. Молитесь Тому, Кто посылаетъ благотворную влагу и тепло плодотворное. Затѣмъ смотрите еще на отца, вызвала ли строптивость сына хотя одно жесткое слово изъ его сердца? Нѣтъ, евангельскій отецъ тѣмъ больше оказываетъ нѣжной кротости сыну, чѣмъ больше грубостей высказываетъ сынъ. Поступайте и вы, какъ поступаетъ любовь терпѣливая. Грубость и брань въ отвѣтъ на грубость только раздражаетъ грубаго. Если нѣжность отца не всегда можетъ смягчать злое сердце сына: то злость и шумъ столько же могутъ утишать его, сколько масло пламень. Будьте благоразумны по крайней мѣрѣ для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Будьте кротки, хотя бы для того, чтобы не унижать себя предъ злыми дѣтьми. Если они замѣтятъ злость вашу, если замѣтятъ неумѣренность или несправедливость гнѣва вашего: вы останетесь въ глазахъ ихъ злыми и несправедливыми, къ ихъ злой потѣхѣ, но наставленія ваши пройдутъ безъ пользы для нихъ и даже незамѣченными. „Рабъ Господа не долженъ ссориться, говоритъ апостолъ о христіанскомъ учителѣ, долженъ быть привѣтливъ ко всѣмъ, учителенъ, незлобивъ; съ кротостію долженъ онъ наставлять противниковъ, не дастъ ли имъ Богъ обращенія къ истинѣ“ (Тим. II, 24. 25).

Наконецъ изображеніе гордаго сына—картина поучительная для всѣхъ и каждаго. Какъ опасно гордое самолюбіе для спасенія нашего! Какъ опасно оно особенно тогда, какъ ведетъ себя прилично между людьми, чтобы не слышать упрека себѣ,—допускаетъ грѣхи тяжкіе, но тайно отъ людей и потому видитъ уваженіе къ своей наружной честности, къ своей видимой праведности. Какъ много надобно имѣть вниманія къ себѣ, какъ строго надобно наблюдать за собою, чтобы смирять въ себѣ гордую мечтательность о своей праведности! Мечтательность гордости такъ тонка, такъ хитра, такъ неуловима, при своемъ обаяніи пріятномъ. Какъ открывать ее въ себѣ? По ея дѣйствіямъ. Если при извѣстіи объ успѣхахъ ближняго въ дѣлахъ Божіихъ, ты чувствуешь холодность къ нему, видишь въ себѣ готовность унижать его, если не на словахъ, то въ мысляхъ твоихъ о немъ; вмѣсто благодарной хвалы Богу за брата чувствуешь ѣдкую непріязнь, тайную вражду, злость и зависть къ брату: будь увѣренъ, что въ тебѣ много страшной фарисейской гордости. Страшись ее и смиряй самоукореніемъ; молись

не иначе, какъ молитвою мытаря: *Боже, милостивъ, буди мнѣ грѣшному.*

Господи—Господи! даждь ми зрѣти моя согрѣшенія. Аминь.

БЕСѢДА I. НА ПСАЛ. 50, ВО ВТОРУЮ НЕДѢЛЮ ПОСТА.

Помилуй мя Боже, по великій милости Твоей.

Кто это такъ трогательно молитъ Бога о помилованіи? Кто стѣсненъ такою нуждою въ помощи небесной? Чья душа изливаетъ такую скорбь о себѣ предъ Господомъ? Это молится царь и пророкъ Давидъ! Пророкъ и—исповѣдуетъ свой тяжкій грѣхъ предъ Богомъ? Царь славный не только въ своемъ царствѣ, но и у сосѣдей и—составляетъ пѣснь о своемъ паденіи, чтобъ всѣ слышали ее. Начальнику пѣвцовъ пѣснь Давида [1]), *внегда внити къ нему Наѳану пророку, егда вниде къ Вирсавіи женѣ Уріевой:* такъ говоритъ надпись псалма. И тоже показываетъ содержаніе псалма.

Не правда ли, что этого уже довольно, чтобы обратить все вниманіе на эту пѣснь покаянную? Не правда ли, что грѣшникамъ (а кто же всѣ мы, какъ не грѣшники?) надобно изучить псаломъ Давида, чтобы умѣть молиться его молитвою? И когда приличнѣе всего изучать эту молитву, какъ не во дни, назначенные для покаянія, каковы нынѣшніе дни?

Обратимся же съ полнымъ вниманіемъ къ молитвѣ Давида.

Въ покаянномъ псалмѣ Давида двѣ молитвы: одна молитва прошеній о себѣ (ст. 3—14), другая—молитва благодареніе за исполненіе прошеній (ст. 15—21).

Въ молитвѣ прошеній о себѣ кающійся Давидъ кратко выражаетъ просьбу о помилованіи (ст. 3 и 4), выставляетъ причины прошенія (ст. 5—8), затѣмъ изливаетъ моленія,—сперва о прощеніи грѣховъ (ст. 9—11), потомъ о возвращеніи даровъ благодати (ст. 12—14).

Помилуй мя, Боже, по великій милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое.

---

[1]) По еврейскому подлинному тексту.

Наипаче (по премногу) *омый мя отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти мя.*

Въ какомъ состояніи, въ какое время изливаетъ сію молитву Давидъ?

Страшное дѣло—грѣхъ. Кающійся Давидъ съ высоты царепророческаго достоинства падаетъ въ нечистоту плотскую, и не останавливается на томъ, проливаетъ кровь Уріи и невинныхъ его товарищей, защитниковъ отечества.—Проходятъ дни, мѣсяцы, проходитъ годъ; Давидъ не чувствуетъ грѣховъ своихъ. Онъ не оставляетъ другихъ прежнихъ правилъ своихъ. Онъ молится, выполняетъ обряды богослуженія, занимается судьбою подданныхъ и все не сознаетъ своего положенія, все не видитъ того, куда завлекло его несчастное сердце, въ какіе грѣхи палъ онъ. Уже родился плодъ грѣха. Давидъ покоенъ. Является пророкъ, говоритъ царю о богачѣ, похитившемъ у бѣднаго единственную его овцу и проситъ приговора богачу. Давидъ смѣло говоритъ: смерть ему и не чувствуетъ, что себѣ самому произноситъ приговоръ. Тогда пророкъ Божій открываетъ ему одну сторону положенія его: *ты еси мужъ, сотворивый сіе*, говоритъ онъ. Тогда-то Давидъ видитъ все. И благодареніе Господу, что видитъ! Другіе, что ни говори, когда ни говори имъ, остаются глухи и безчувственны. Давидъ сознаетъ свое положеніе и столько поражается имъ, что едва можетъ выговорить слова: *согрѣшихъ ко Господу*. Пророкъ видитъ, что Давидъ всею душею почувствовалъ свое состояніе, всею душею затрепеталъ предъ грѣхами своими и потому объявляетъ ему, что бѣдствія, какія имѣли обрушиться на главу его, на весь домъ его, на все потомство его, болѣе не коснутся его кающагося, умретъ только плодъ преступленія.

Давидъ оставляетъ тогда все.—У него тогда не кончена была война съ аммонитянами (II Цар. XII, 29): но онъ отлагаетъ всѣ дѣла царскія, все величіе царя и обращается къ покаянію. Слагаетъ вѣнецъ, забываетъ трапезу и ложе, отдѣляется отъ всего міра, какъ прокаженный грѣхомъ. Молится день, молится два, молится цѣлые семь дней. *И взыска Давидъ Господа о дѣтищѣ* (II Цар. XII, 16). Въ живомъ чувствѣ упованія на милость Божію, онъ съ глубокимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ своихъ соединяетъ молитву о пощадѣ невиннаго плода грѣха. Молитва высокая въ томъ отношеніи, что выражаетъ живое упованіе на Бога, но не чуждая привязанности къ земному, всегда недальновидной въ дѣлахъ духовныхъ. Дитя умерло. Давидъ, свободный въ душѣ отъ всего земнаго, *вошелъ въ домъ Божій для поклоненія Господу* (II Цар. XII, 20). И вотъ теперь-то, являясь лицу Бога, столько благодѣявшаго ему и такъ оскорбленнаго имъ, Давидъ не могъ снова не повергнуться предъ Богомъ,

не могъ снова не возчувствовать глубины паденія своего и слезы полились рѣкою изъ глазъ его, и онъ вопіетъ изъ глубины сердца: *помилуй мя Боже, по великѣй милости Твоей.*

Помилуй! сжалься надъ бѣднымъ грѣшникомъ, котораго грѣхъ лишилъ даровъ Твоихъ, такъ что онъ не узнаетъ самъ себя. Давидъ не смѣетъ уже назвать Бога Богомъ своимъ, какъ называлъ онъ Его невинный и чистый душею. Онъ едва позволяетъ себѣ коснуться Его имени и выставляетъ только свое положеніе. Давидъ съ счастливыми способностями природы, Давидъ богатый и въ почестяхъ царскихъ, Давидъ счастливый во всѣхъ войнахъ съ сосѣдями и съ Сауломъ: но къ чему все это, когда онъ грѣшникъ? Истинно блаженны только тѣ, которые боятся Господа (Псал. III, 1). Давидъ глубоко оскорбилъ Бога. *Помилуй мя,* вопіетъ онъ, *по великѣй милости Твоей.* Я такой грѣшникъ предъ Тобою, что мало просить милости у тебя.—Слишкомъ тяжекъ грѣхъ мой, слишкомъ велико беззаконіе мое.—Потому нужна великая милость Твоя, нужны великія щедроты Твои, чтобы простить меня. Такъ кается искренно кающійся! Живое чувствованіе грѣховъ своихъ отверзаетъ взоръ его на величіе милости Божіей. И чѣмъ живѣе, чѣмъ искреннѣе чувствуетъ грѣшникъ величіе грѣховъ своихъ, тѣмъ яснѣе, тѣмъ живѣе представляетъ онъ себѣ, что благость Божія велика, какъ Самъ Богъ. И потому не чисто, не искренно, каялся Каинъ, когда говорилъ: грѣхи мои болѣе велики, чѣмъ Ты можешь простить ихъ. У Бога не можетъ быть недостатка въ милости для помилованія грѣшника; если же грѣшникъ не получаетъ милости Божіей: то это отъ того, что не достаетъ въ немъ желанія, не достаетъ пріемлемости для принятія милости.

По премногу *омый мя отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти мя.* Люди считаютъ грѣхи малостію, называютъ ихъ то невиннымъ увлеченіемъ, то извинительною слабостію, то другими мягкими именами. Но не такъ смотритъ на грѣхи слово Божіе. Грѣхъ есть скверна, говоритъ оно; и жалокъ, неразуменъ, несчастенъ тотъ,кто не спѣшитъ избавиться отъ этой скверны; онъ—предметъ отвращенія для Бога святаго и праведнаго. *Въ нечистотѣ твоей укорѣ: понеже осквернялся еси ты и не очистихся отъ нечистоты твоея: и что будетъ, аще не очистишися по семъ, дондеже ярость мою въ Тебѣ исполню?* (Езек. XXIV, 13).

Омый мя отъ беззаконія моего, очисти мя отъ грѣха моего. Чѣмъ? Благодатію, проливающею воды слезъ на грѣшника. Слезы—дѣло милости Божіей; онѣ не льются изъ души черствой, ожестѣвшей отъ грѣховъ; онѣ не очищаютъ души сами по себѣ, но очищаютъ благодатію, источающею ихъ, очищаютъ, когда не состав-

ляютъ только плода мягкосердечія природнаго, а растворяются глубокимъ сокрушеніемъ о бѣдности души, соединяются съ испытаніемъ скорбей. Чувствуя тяжесть грѣховъ своихъ, Давидъ проситъ обильнаго омовенія, многократнаго очищенія, готовъ терпѣть много скорбей, принесть много жертвъ, лишь бы возвратилась къ нему вполнѣ милость Божія.

Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ, яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ и побѣдиши, внегда судити ми. Послѣ мольбы Давидъ выставляетъ основанія своей мольбѣ. Указываетъ сперва на то, что онъ глубоко чувствуетъ виновность свою и потому въ состояніи принять милость Божію.

Помилуй мя,—яко беззаконіе мое азъ знаю. Не опасайся приближаться ко мнѣ своею милостію: она уже не будетъ сопровождаться во мнѣ самозабвеніемъ и нечувствіемъ, ни возвратомъ къ прежнему; нѣтъ, я уже не тотъ, что прежде. Было несчастное время, что я многое видѣлъ, кромѣ себя самаго; ослѣпленный страстію не понималъ, не чувствовалъ, что дѣлаю беззаконія.—Но пророкъ Наѳанъ открылъ мнѣ меня, а совѣсть моя еще сильнѣе Наѳана обличаетъ меня; Наѳанъ простилъ меня, но совѣсть неумолимѣе ко мнѣ Наѳана,—она не прощаетъ: грѣхъ мой предо мною всегда, стоитъ какъ грозный призракъ и не даетъ мнѣ покоя. О! сжалься надо мною, Господи, милостивый къ страждущимъ.—Слово Божіе говоритъ намъ: *покрываяй нечестіе свое не успѣетъ въ благая: повѣдаяй же обличенія возлюбленъ будетъ* (Прит. XXVIII, 13). Тотъ, кто скрываетъ свои беззаконія, не получитъ отъ того выгоды, а кто открываетъ и обличаетъ ихъ, получитъ помилованіе. Грѣхъ не престаетъ быть грѣхомъ и тогда, какъ сознаешься въ немъ: но сознаніе грѣховъ—непремѣнное условіе для того, чтобы Богъ простилъ намъ грѣхъ; почему? Потому, что грѣшникъ, сознавая свой грѣхъ и чувствуя всю низость его, становится лицемъ къ пути благому, отверзаетъ сердце свое для правды и добра и заключаетъ для грѣха, открываетъ душу для пріятія даровъ Божіихъ. Не сознавая же себя грѣшникомъ, какъ пожелаетъ онъ быть праведникомъ? Какъ пожелаетъ оставить путь погибели, по которому шелъ дотолѣ? Богъ знаетъ насъ безъ насъ. Но намъ развѣ не надобно знать самихъ себя? Для того ли данъ намъ смыслъ, чтобы мы знали все, кромѣ самихъ себя? Или не для того ли всего прежде, чтобы мы знали, кто мы таковы? Куда намъ идти надобно и по какимъ путямъ ходимъ мы?

Какъ глубоко, какъ основательно было Давидово разумѣніе грѣха своего, показываютъ слова Давида. *Тебѣ единому согрѣшихъ*, говоритъ онъ, *и лукавое предъ Тобою сотворихъ.* Грѣхъ мой тѣмъ

мучителенъ для меня, что оскорбляя ближнихъ моихъ, въ лицѣ ихъ оскорбилъ я Тебя, Владыку міровъ и единаго законодателя для всѣхъ, Тебя, Отца и благодѣтеля моего, отъ котораго со дней юности видѣлъ столько любви и покровительства ко мнѣ. Не говоритъ ли законъ Моисея, не говоритъ ли законъ сердецъ нашихъ: чти и люби Бога въ Немъ Самомъ и во всѣхъ тѣхъ, которые носятъ на себѣ образъ Его? *Проливай кровь человѣчу, въ ея мѣсто, его проліется, яко во образъ Божій сотворихъ человѣка*, говоритъ Самъ Богъ (Быт. IX, 6). Да, все святое потому только и свято, что оно есть воля Божія, и то только свято, что есть воля Божія. *Единъ есть законоположникъ и Судія.*—Права человѣческія святы, но потому, что онѣ освящены Богомъ. Потому-то страшенъ каждый грѣхъ, какъ оскорбленіе Богу. Онъ страшенъ, хотя бы законы человѣческіе и не преслѣдовали его, или преслѣдуя, не въ состояніи были уловить его. Отъ всевидящаго ока Судіи грознаго не укроется онъ и счастіе грѣшника, если онъ наказывается на землѣ за грѣхъ. Иначе и безъ того что значатъ казни человѣческія въ сравненіи съ местію мстителя небеснаго врагу своему?

Яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ и побѣдиши, внегда судити ми. Давидъ представляетъ себѣ судъ Божій, который произнесъ надъ нимъ Наѳанъ и глубоко сознаетъ, что какъ ни грозенъ былъ тотъ приговоръ, но согрѣшившій Давидъ вполнѣ заслужилъ его, такъ что долженъ былъ сказать: *согрѣшихъ ко Господу* (II Цар. 12—9—13). *Яко да оправдишися*—показывается послѣдствіе того, что *Тебѣ согрѣшихъ*. Связь мыслей та, что человѣкъ можетъ грѣшить много и долго, не понимая себя; ослѣпленный страстію можетъ считать себя правымъ въ дѣлахъ своихъ наперекоръ суда закона Божія, можетъ грѣшить и не видѣть грѣха своего, какъ и было съ Давидомъ: но все это окончится только славою суда Божія, который рано или поздно откроется надъ человѣкомъ, какъ открылся надъ Давидомъ. Иначе, Божія слава никогда не теряетъ правъ своихъ надъ нами; если живемъ мы праведно, она является въ насъ любовію и благодатію; если живемъ мы нечестиво, она является въ насъ грознымъ правосудіемъ. Богъ не заставляетъ грѣшника грѣшить: но когда грѣшникъ грѣшитъ по своей волѣ, правда Божія вступаетъ въ права свои и является въ величіи нелицепріятнаго и точнаго суда надъ грѣшникомъ.

Тебѣ, Господи, слава, намъ же стыдѣніе. Аминь.

1849 г.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ВТОРУЮ СВЯТАГО ПОСТА.

Вскую испаде лице твое?

Предлагая въ сіи дни исторію первыхъ временъ міра и людей, святая церковь недавно читала намъ и печальную исторію Каина и Авеля. Подлинно, мрачная исторія! О, если бы намъ оставалось только воскрешать въ памяти такіе печальные примѣры прошлаго! Къ несчастію, они не далеки и отъ нашего времени, отъ нашей жизни. Что это за дикая страсть, пролившая въ первый разъ кровь человѣческую на землю и что ужаснѣе, кровь брата своего? Зависть, зависть къ преимуществамъ брата! Такъ какъ нельзя намъ сказать, чтобы эта страсть не являлась между нами, остановимся на ней размышленіемъ.

Что такое зависть? Это скорбь, которую чувствуютъ, смотря на счастіе ближняго; это душевная мука, которую испытываютъ при взорѣ на благополучіе другаго. Ближняго хвалятъ, радуются благополучію его; а другой ближній на то досадуетъ. Ближняго позорятъ, ближняго унижаютъ; а другой ближній радуется тому. Вотъ положеніе зависти! Труды, таланты, успѣхи, богатство, чести, добродѣтели другаго—предметъ муки для завистливаго. Дѣйствительное ли, или только воображаемое, настоящее ли, или еще будущее возвышеніе ближняго, но оно тяготитъ, терзаетъ душу завистливую. Скорбятъ при взглядѣ на высшихъ, не видя себя равными имъ; томятся при видѣ равныхъ себѣ, желая преимуществъ предъ ними; грустятъ при взорѣ на низшихъ, опасаясь, чтобы они не сравнялись съ ними, или даже не превзошли ихъ.

Вскую испаде лице твое? говоритъ Богъ Каину. И какъ не предложить этого вопроса завистливому? Невоздержный, сладострастный, мстительный—увлекаются приманкою удовольствія. Скупой, убійца, воръ прельщены корыстію. Каждая другая страсть обѣщаетъ какую нибудь пріятность, хотя и ненадежную, хотя и преступную;—зависть только мука для души. *Моль костемъ сердце завидливое,* говоритъ премудрый (Прит. XIV, 30). Часто сравниваютъ зависть съ адомъ. И точно, для человѣка завистливаго она есть предварительный адъ. Она на землѣ для людей завистливыхъ есть то чувство, которое терзаетъ демоновъ въ пламени. Видѣть и завидовать—вотъ ихъ мука. Зависть не дозволяетъ наслаждаться тѣмъ, что имѣетъ: потому что терзается желаніемъ того, чего не достаетъ. Горесть и досада терзаютъ, какъ коршунъ добычу, душу завистли-

вую. Пожалѣй себя, братъ мой; зависть—лютый врагъ твой; лишая тебя покоя, она дѣлаетъ тебя неспособнымъ устроять твое счастіе, дѣла твои, чувства твои встревожены, мысли помрачены; ты не въ состояніи ни обдумать дѣлъ твоихъ, ни выполнить ихъ, какъ слѣдуетъ. Къ чему такъ жестокъ ты къ себѣ самому? Превращать въ бѣдствіе для себя счастіе чужое—это варварство безумное!

Вскую испаде лице твое? Честолюбіе, гордость, самолюбіе—вотъ главныя причины зависти! Честолюбецъ, домогаясь возвышенія, считаетъ врагомъ каждаго, кто отличенъ вниманіемъ другихъ; онъ скорбитъ, видя успѣхъ другаго. Гордый считаетъ одного себя способнымъ ко всему; каждый долженъ стоять ниже его,—такъ по его суду о себѣ! Странно ли, что ненавидитъ онъ того, кого возвышаютъ другіе? Самолюбивый любитъ только себя, занятъ только собою; для ближняго онъ не желаетъ ничего и, если ближній получилъ то, чего онъ желалъ,—это ударъ для самолюбія. Какъ это низко!

Вскую испаде лице твое?

Я не имѣю того, что имѣетъ другой. Другой богачъ и въ почестяхъ, у меня нѣтъ ни того, ни другаго; мои труды не награждены, труды другаго отличены вниманіемъ,—говоритъ въ душѣ своей завистливый. Остановись, несчастный! Понимаешь ли, чувствуешь ли ты, противъ кого востаешь ты! Ты востаешь противъ Господа Бога. Богатство, почести, красота, добрая слава, добродѣтели, таланты—не дары ли Божіи? Не Онъ ли раздѣляетъ ихъ по своей волѣ? Не Онъ ли надѣляетъ одного тѣмъ, другаго другимъ? Онъ печется о благѣ, о спасеніи ближняго твоего; а ты хочешь разрушить счастіе и спасеніе ближняго. Не врагъ ли ты Божій? Не возмутитель ли ты противъ дѣла Божіяго? Ужаснись положенія, въ какое ставишь себя.—Тяжело видѣть, что не всѣхъ одѣляютъ поровну? Выслушай отвѣтъ евангелія на твой ропотъ. Работавшіе въ виноградникѣ завидовали платѣ, какую получилъ одинъ изъ нихъ. Что сказалъ имъ хозяинъ виноградника? отвѣчаетъ Господь: что за обида вамъ изъ того, что даю я вашему брату? Вы получили свое, получили, что слѣдуетъ за трудъ; будьте же спокойны. Или вы имѣете право распоряжаться моею волею, моею собственностію? *Или нѣсть ми мѣть сотворити, еже хощу въ своихъ ми?* Если твое око лукаво, не хочетъ добраго другому, я хочу быть благимъ (Матѳ. XX, 13—15). Дары земные, дары духовные раздѣляются не по-ровну. Но дивись благой мудрости раздаятеля. Прекрасенъ организмъ оттого, что самая малая часть его выполняетъ свое назначеніе. Ахъ! если бы ты чаще думалъ о себѣ самомъ: ты нашелъ бы для себя другой предметъ скорби. Выполняешь ли ты твое назначеніе, умно-

жаешь ли ты данный тебѣ талантъ, трудишься ли ты по мѣрѣ силъ и способовъ въ виноградникѣ Божіемъ? Что, если ты слуга самый худой,—что ни прикажутъ тебѣ, дѣлаешь не такъ, а еще не доволенъ распоряженіями Господа? Что, если ты не умѣешь распорядиться и малостію данною тебѣ, а терзаешься тѣмъ, что другому дано назначеніе великое? Не безуміе ли—твоя зависть? Не безуміе ли—твой тайный ропотъ на Господа?

Вскую испаде лице твое? Заповѣдь Божія говоритъ: *не укради*. А завистливый глазъ алчетъ похитить чужой покой, чужую честь, чужое имущество. Скажи пожалуй, на чемъ ты основываешь права на собственность ближняго? Чѣмъ виноватъ предъ тобою тотъ, къ кому пылаешь ты злобою? У него больше отличій, больше преимуществъ, чѣмъ у тебя? Но онъ не отнимаетъ у тебя твоихъ. Онъ богаче, онъ счастливѣе тебя въ торговлѣ? Но онъ не лишаетъ тебя твоей собственности. Твои труды не успѣшны? Если и такъ: это—твое дѣло, а не дѣло брата. Онъ надѣленъ прекрасными талантами? Но не беретъ у тебя твоихъ. Онъ не стоитъ того мѣста, которое занимаетъ? Положимъ, что и правда: пожалѣй о немъ, что возложили на него тяжесть, которой не снесть ему; а зачѣмъ горечь въ сердцѣ твоемъ противъ брата? Но, правда ли, что не по немъ мѣсто? Припомни расположеніе къ этому брату, какое имѣлъ ты, прежде чѣмъ зависть вкралась въ сердце твое. Ты уважалъ его, ты любилъ его, находилъ въ немъ прекрасныя качества; а теперь? Не перечтешь, сколько находишь ты въ немъ пороковъ. Его любовь къ благу общему—стала честолюбіемъ; осторожность—притворствомъ, благочестіе—лицемѣріемъ, бережливость—скупостію. Отчего это? Онъ весь тотъ же, онъ ни въ чемъ не перемѣнился. Отчего же перемѣна въ твоихъ отзывахъ, въ твоемъ взглядѣ на него? Зависть надѣла на глаза твои зеленые очки,—и твой братъ кажется тебѣ не въ прежнемъ видѣ. Кто-жъ виноватъ? Одна зависть, которой нечѣмъ и извинить своего заблужденія.

Спаситель говоритъ: *аще любите любящыя вы: кая вамъ благодать есть?* А зависть не только не имѣетъ любви ко врагу, не имѣетъ любви и къ любящимъ. Она готова терзать и терзаетъ, если можетъ, того, кто осыпалъ ее благодѣяніями. Она разрываетъ самыя крѣпкія узы,—узы родства, вооружаетъ братьевъ противъ братьевъ, родственниковъ противъ родственниковъ. Какая низость души! Какое помраченіе смысла! Ты, который называешься христіаниномъ и завидуешь ближнему, понимаешь ли что ты ниже язычника? Если бы ты пролилъ кровь врага твоего: Господь не оставилъ бы ея безъ отмщенія, свойственнаго убійцѣ. А ты высасываешь каплю за каплею кровь не сдѣлавшаго тебѣ никакого вреда? Чего ты ждешь себѣ?

Идѣже зависть и рвеніе, ту нестроеніе всяка зла вещь, говоритъ апостолъ Іаковъ (Ш, 16). Сколько бѣдъ, сколько слезъ, сколько разрушенія вноситъ въ міръ зависть! Это—страшная язва для счастія семействъ, для счастія обществъ. Изъ нея возникаютъ эти ядовитыя растенія, заражающія міръ,—жалобы, вражды, клеветы, вѣроломства, которыя, перераждаясь въ ненависть, опустошаютъ честь, покой, жизнь людей. До чего довела она сыновей Іакова? Невинный, юный братъ Іосифъ брошенъ въ добычу звѣрямъ, отецъ растерзанъ скорбію! Тамъ, гдѣ слѣдовало бы быть союзу искреннихъ, простыхъ сердецъ, увидите людей, которые почти тѣмъ только и заняты, что наблюдаютъ другъ за другомъ, отыскиваютъ недостатки другъ въ другѣ, слѣдятъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ словомъ другаго и, лишь замѣтятъ одно пятно на платьѣ другаго, разводятъ пятно желчію, разбавляютъ клеветой, и обливаютъ другаго грязью.

Чѣмъ врачевать эту страшную болѣзнь? Первое средство—смотрѣть на всѣ земныя блага, какъ велитъ смотрѣть св. евангеліе, какъ велятъ смотрѣть самыя блага. Что значитъ земное богатство? Гниль и прахъ. Что слава земная? Звукъ въ воздухѣ. Что красота земная? Цвѣтъ полевой. Къ чему же столько скорбей о земномъ? Умремъ,—и все земное останется на землѣ; ничего не возьмемъ съ собою во гробъ; только дѣла наши пойдутъ съ нами. Не цѣните же мишурнаго блеска выше того, чего стоитъ онъ,—и онъ не станетъ тревожить покоя вашего. Гдѣ наши блага? На небѣ. Гдѣ наша честь? У престола Судіи вселенной. Забудьте же землю и помните небо!

Богъ раздаетъ дары по планамъ Своей премудрости. Твое дѣло смотрѣть за тѣмъ, что тебѣ дано. Не озирайся же на чужое, не мѣшайся въ чужое дѣло. Много надобно тебѣ труда, много надобно силъ, чтобы быть достойнымъ даровъ, не заслуженныхъ тобой.

Покой, счастіе внутреннее можетъ доставить тебѣ любовь. Старайся пріобрѣсть ее. *Любы не завидитъ*. Любовь соединяетъ все, что раздѣляетъ зависть. Просите любви у Господа любви. Уничтожайте искушенія зависти мыслями любви. Братъ утѣшенъ счастіемъ. Благодарите за него Господа и желайте ему большаго счастія. Вамъ хочется говорить о его недостаткахъ? Смотрите на хорошія качества его и на свои грѣхи. Вамъ представляется случай нанесть ему вредъ? Воспользуйтесь случаемъ принесть ему пользу. Если имѣли несчастіе уступить движеніямъ страсти, не прощайте себѣ того, просите прощенія у Господа и спѣшите загладить вину предъ ближнимъ дѣлами любви. По той мѣрѣ, какъ укрѣпляться будетъ любовь въ вашемъ сердцѣ, зависть будетъ слабѣть и исчезать.

Богъ мира и любви да соблюдаетъ сердца наши. Аминь.

1843 г.

БЕСѢДА ВЪ ТРЕТЬЮ НЕДѢЛЮ ПОСТА.

Иже аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою Мене ради и евангелія, той спасетъ ю (Марк. VIII, 35).

Странное, повидимому, ученіе предлагаетъ намъ Господь Іисусъ въ нынѣ чтенномъ евангеліи. Кто хочетъ, говоритъ Онъ, спасти душу свою: тотъ погубитъ ее и кто погубитъ ее Мене ради, тотъ спасетъ ее. Отчего это такъ? Почему нельзя, не погубляя души, спасти ее и, спасая ее, не погубить? И какъ это такъ? Спасая душу погубляешь ее, а погубляя спасаешь? Не наоборотъ ли? Кажется, что тотъ, кто рѣшился спасти душу, кто рѣшился употребить всѣ способности къ ея сохраненію и преодолѣть всѣ препятствія, какія только могутъ встрѣчаться ему, тотъ рано или поздно достигнетъ цѣли,—сохранить душу.

Чтобы не быть въ недоумѣніяхъ, которыя иногда могутъ оканчиваться ложными убѣжденіями, вредными для душевнаго спасенія, разсмотримъ внимательно, что значатъ слова Спасителя, произнесенныя для насъ нынѣ при крестѣ Его: *Иже бо аще хощетъ душу свою спасти погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою Мене ради, той спасетъ ю.*

О какой душѣ говоритъ здѣсь Спаситель? Не имѣетъ ли Онъ въ виду только временную жизнь, требуя ея пожертвованія для Его имени предъ гонителями имени Его? Такой смыслъ простъ и слова Спасителя въ такомъ случаѣ мало касались бы насъ, которые живемъ не во времена открытыхъ гоненій за вѣру. Но подлинно, одно ли пожертвованіе жизнію разумѣетъ Спаситель? Если бы было такъ, тогда надлежало ожидать, что всѣ возлюбленные Христовы умирали бы не иначе, какъ смертію мученическою; а вмѣстѣ съ тѣмъ награда за подвигъ мученическій была бы не очень значительна,—возвращеніе жизни физической за предѣлами гроба. Сколько первое несогласно между прочимъ съ повелѣніемъ Спасителя—удаляться изъ того мѣста, гдѣ не принимаютъ вѣрнаго ученика Христова, столько второе несовмѣстно съ благостію небеснаго Отца.

О какой же душѣ говоритъ Спаситель? Всмотримся ближе въ слова Его. *Иже бо аще хощетъ*: слова показываютъ, что слова сіи имѣютъ связь съ предъидущимъ. Что же сказано прежде того? *И призвавъ народы со ученики своими, рече имъ: иже хощетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю.* Итакъ,

Спаситель сперва предлагаетъ заповѣдь о самоотверженіи, о несеніи креста своего, и послѣдованіи за Нимъ; и потомъ представляетъ побужденіе къ тому—то, что кто хочетъ душу свою спасти, тотъ погубитъ ее. Скажешь ли теперь, что заповѣдь о самоотверженіи и несеніи креста надобно соблюдать потому, что иначе, сберегая жизнь тѣлесную, можно погубить ее? Но не ясно ли, что побужденіе, принимаемое въ такомъ смыслѣ, касается силою своею только случаевъ, когда надобно жертвовать жизнію: что же побуждать насъ будетъ къ самоотверженію, къ несенію креста, къ послѣдованію за Іисусомъ во всякое другое время, т. е. во всю жизнь земную, исключая опасностей смерти? Притомъ, въ такомъ случаѣ побужденіе слишкомъ слабо было бы въ сравненіи и съ одною заповѣдію о самоотверженіи. Что значитъ сохраненіе жизни тѣлесной, хотя бы и самой долгой, въ сравненіи съ подвигомъ самоотреченія? Что значитъ тоже пріобрѣтеніе въ сравненіи съ такимъ подвигомъ, каковъ подвигъ терпѣть во всю жизнь, терпѣть скорби, страданія, лишенія разнаго рода? Напротивъ и сила побужденія и естественность смысла словъ вполнѣ открываются для насъ, когда скажемъ, что слова: *иже хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю,*—означаютъ то, что кто хочетъ беречь себя для себя, тотъ навѣрно погубитъ себя. Тройственная заповѣдь о самоотреченіи, о несеніи креста, о послѣдованіи за Іисусомъ, по содержанію своему, есть одна заповѣдь о полномъ самоотреченіи. Надобно выполнять эту заповѣдь, надобно вполнѣ отрещись себя—почему? Естественный смыслъ Спасителева отвѣта тотъ: *иначе* поступая погибнешь, а—поступая по заповѣди, спасешься; или: кто захочетъ беречь себя, погубитъ себя, а кто погубитъ себя для Господа, спасетъ себя. Итакъ, не отрекаться отъ себя и беречь душу свою одно и тоже. Спаситель каждый разъ, говоря о спасеніи или погубленіи души, прибавляетъ къ слову о душѣ слово: *свою*. Кто хощетъ душу *свою* спасти; иже погубитъ душу *свою*. Что же это значитъ? То что въ человѣкѣ, каковъ онъ нынѣ, двѣ жизни: одною жизнію живетъ онъ для себя, для своихъ желаній, для своихъ страстей, для своихъ влеченій; а другая жизнь та, которую онъ живетъ и дышетъ для Господа. Живя одною первою жизнію, онъ до такой степени можетъ прилѣпляться къ своему тѣлу, что изъ всего состава его выйдетъ только *плоть*, какъ и называется такой человѣкъ въ писаніи (I Кор. XV, 50); или—до того можетъ обольщаться гордостію, самомнѣніемъ, что приблится къ положенію духа отверженнаго: *разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь*. Другая жизнь—совсѣмъ другаго рода; она живетъ не для плоти, она только смиряетъ себя, воздыхаетъ о грѣхахъ, плачетъ о немощахъ, молитъ о помо-

щи и—вся въ Господѣ. Нѣтъ ничего въ мірѣ, нѣтъ ничего въ желаніяхъ и расположеніяхъ сердца, чего бы не готова была она принесть Господу своему, такъ какъ Господь Самъ все сдѣлалъ для нее, отрекся отъ славы Сына Божія и въ образѣ раба предалъ Себя на крестную смерть. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ эти два рода жизни остаются до гроба: но въ иномъ преобладаетъ жизнь для Господа, и только по временамъ обнаруживается жизнь для себя; въ другомъ преобладаетъ жизнь для себя, и едва замѣтна жизнь для Господа. *Есть инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ* (Рим. VII, 23), исповѣдуетъ о себѣ небошественный Павелъ.

Теперь понятно, почему спасая душу свою, мы можемъ погубить ее, а погубляя спасать? Пусть жизнь для себя будетъ жизнію для плоти, что выдетъ изъ того? Смерть души, вѣчная погибель. *Не льститеся: Богъ поругаемъ не бываетъ; еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ: яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (Гал. VI, 7. 8). Безпечность можетъ жить для плоти въ совершенной забывчивости о послѣдствіяхъ такой жизни; наглое нечестіе можетъ даже говорить: *гдѣ обѣтованіе пришествія Его?* (II Петр. III, 4). То и другое какъ бы въ сонной дремотѣ говоритъ: все пройдетъ и мы поживемъ спокойно. Но—пусть безпечность и нечестіе не обольщаютъ себя пустыми мечтами. Законы вѣчнаго непреложны и правда Его назначила каждому должное. Кто сѣялъ сѣмена дѣлъ на почвѣ плоти, получитъ и жатву плоти—тлѣніе, погибель. Врагамъ креста Христова кончина—погибель (Фил. III, 19). Пусть жизнь для себя будетъ жизнію ослѣпленной гордости, тщеславія, любочестія: какой конецъ будетъ такой жизни? Другому быть нельзя, кромѣ того, какой постигъ духъ гордыни. *Богъ гордымъ противится. Мерзостъ предъ Господемъ всякъ горделивый.* Гордость живетъ внѣ Бога; чему же быть внѣ Бога, кромѣ ада и геенны? Тайная гордость защищаетъ иныхъ отъ низкихъ поступковъ, заставляетъ рѣшаться даже на дѣла великодушія, безкорыстія видимаго, честности. Но вѣренъ Тотъ, кто сказалъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V, 20).

Вся ваша суть, вы же Христовы, Христосъ же Божій (I Кор. III, 23.), учитъ св. апостолъ. Вотъ связь всего существующаго! Все для насъ готово, и средства къ жизни земной, и средства къ жизни вѣчной. Кто измѣритъ безпредѣльную любовь Божію къ намъ грѣшнымъ? *Вся ваша суть:* но съ тѣмъ, чтобы *вы* были *Христовы*, тогда какъ *Христосъ есть Божій*, отъ Бога посланный Спаситель, спасающій всѣхъ грѣшниковъ. Если Христовы мы, если

все наше приносится въ жертву Христу Господу: то Его жизнь становится нашею жизнію, Онъ вселяется въ сердца наша; а со Христомъ—въ чемъ мы можемъ нуждаться? Самопожертвованіе, котораго требуетъ отъ насъ Господь, есть прежде всего умерщвленіе грѣха въ себѣ и всѣхъ грѣховныхъ похотей; а грѣхъ и смерть нераздѣльны, такъ же какъ правда и жизнь. Отселѣ, *елико внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, толико внутренній обновляется по вся дни* (II Кор. IV, 16). Отсѣкая волю свою, мы даемъ мѣсто въ душѣ волѣ Господа; умирая для самихъ себя, живемъ для Господа; погубляя жизнь самолюбія, жизнь ничтожную, низкую, ты пріобрѣтаешь вѣчную жизнь благодатію животворящаго Духа утѣшителя; не безъ болѣзней сей подвигъ: но сила Христова совершается въ немощахъ, Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія. За подвиги крестнаго, но временнаго, самопожертвованія готовятся вѣчная радость и миръ на небѣ. *Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ, глаголетъ вѣрный и истинный.*

Тѣмже убо, братіе, должны есмы не плоти еже по плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете (Рим. VII, 12. 13).

Братія! не будемъ беречь души земной, плотской, жаждущей наслажденій чувственныхъ. Иначе, жестоко обмануты мы будемъ: она, питаемая и раздражаемая нами, доведетъ насъ до погибели. Обуздаемъ ее постомъ, охладимъ ея похоти строгимъ воздержаніемъ. Будемъ бдительны: она лукава, прикрываетъ свои требованія то немощію нашею, то мыслію о неважности тѣлеснаго воздержанія; не вѣрьте ей, а вѣрьте неложному слову:—*царство Божіе нѣсть брашно и питіе, но правда, и миръ и радость о Дусѣ святѣ* (Рим. XIV, 17. 18). Будемъ твердо помнить объ участи богача, веселившагося здѣсь *свѣтло* и тамъ напрасно просившаго одной *капли воды* для охлажденія языка своего (Лук. XVI, 24. 25).

Душа земная алчетъ богатствъ; ей мало необходимаго для жизни, она требуетъ серебра, золота, со дня на день больше и больше,—и дѣлаетъ тысячи несправедливостей, оскорбленій, беззаконій, обидъ. О, какъ погибельна для насъ эта ненасытная алчба! Братія! спѣшите обуздывать въ себѣ эту жажду, чтобы не обратилась она въ геенну. Спѣшите погашать ее дѣлами милосердія, мыслями о грозной участи ненасытныхъ богачей міра. Повторяйте, чаще повторяйте себѣ слова апостола Христова: *прійдите нынѣ богатіи, плачитеся и рыдайте о лютыхъ скорбехъ вашихъ, грядущихъ на вы. Богатство ваше изгни, и ризы ваша моліе поядоша. Злато ваше и сребро изоржавѣ, и ржа ихъ во свидѣтельство на васъ будетъ,*

и снѣсть плоти ваша аки огнь, егоже снискасте въ послѣднія дни (Іак. V, 1—3),

Возлюбленный братъ! Если придетъ тебѣ помыслъ гордости мірской или духовной; если душа твоя начнетъ мечтать о себѣ, утѣшаться тою или другою собственностію, превозноситься предъ тѣмъ или другимъ братомъ; если начнетъ она скучать, что не достаетъ тебѣ той или другой почести, что униженъ ты между другими: поспѣши вспомнить, что это—шептаніе змія, ищущаго твоей погибели. *Будете яко бози*, говорилъ онъ невиннымъ прародителямъ,—и чѣмъ стали они? А съ твоею душею, и безъ того израненною грѣхомъ, а съ твоею душею, которой бѣдность столько оплакивать тебѣ надобно, что будетъ отъ дыханія дракона древняго? О! не щади въ себѣ самолюбія! обличай его, унижай, посрамляй, поражай мыслію о безчисленныхъ грѣхахъ твоихъ, дабы иначе оно не низвело тебя *во огнь вѣчный*, назначенный духамъ отверженнымъ.

Если слишкомъ больно намъ перенесть непріятное слово брата, насмѣшку острую, укоризну мѣткую: будемъ увѣрены, братія, что и это внушеніе того же погибельнаго духа гордыни. Кто же можетъ оскорбить меня, какъ оскорбилъ, изранилъ я себя грѣхами? Отъ главы до ногъ все въ язвахъ; время ли думать о томъ, что говоритъ о мнѣ братъ мой? Время ли гнѣву на другихъ, когда столько нужно негодованія противъ себя самого? И что мнѣ можетъ сдѣлать слово брата, если несправедливо оно? А если справедливо: не долженъ ли я быть благодарнымъ за обличеніе въ несправедливости моей, которой, быть можетъ, не видалъ въ себѣ по гордости?

Ничего не доставитъ намъ слава міра, которой такъ домогается самолюбіе наше, ничего не доставитъ, кромѣ раскаянія въ потерѣ славы предъ Господомъ. Зачѣмъ такъ слѣпы мы въ своей суетности? Къ чему это домогательство блистать тѣмъ, чего не даютъ намъ ни силы, ни средства наши? Зачѣмъ безжалостны мы къ собственной душѣ нашей, тревожа ее такими ничтожными желаніями? И однакожъ мы думаемъ беречь ее тогда, какъ губимъ!

Братія! Живя для себя, мы только губимъ себя, съ какой стороны ни посмотримъ на такую жизнь. Итакъ, не заставляетъ ли насъ самая нужда посвящать, какъ можно болѣе дѣлъ, какъ можно, болѣе дней, какъ можно, болѣе собственности нашей, для Господа нашего? Больно намъ разставаться съ страстями сердца нашего: а что значатъ скорби времени, въ сравненіи съ радостію вѣчною, или же съ муками безконечными? О! скорѣе, скорѣе къ Господу нашему. *Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому. Когда пріиду и явлюся лицу Божію? Вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся Ему: спасеніе лица*

моего и Богъ мой. Братія! не легко бороться намъ съ грѣхами нашими. Но—нѣсколько мужества, нѣсколько терпѣнія! Еще мало, еще мало и—подвигъ окончится, и вѣнцы славы даны будутъ намъ. Не сладко ли, не отрадно ли жертвовать Господу всѣмъ, когда все готовъ Онъ дать намъ, что только можемъ принять? Ему, Ему единому приносить будемъ наши труды, наши воздыханія, наши болѣзни и лишеніе. О Немъ будемъ радоваться и скорбѣть, Его именемъ освящать наши вечеръ и утро, полуночь и полдень. Ему отдавать будемъ, кто что можетъ. У Него ничто наше не пропадетъ, даже чаша студеной воды, даже лепта убогой вдовы. Онъ все наше возвратитъ намъ. Для насъ же Онъ требуетъ отъ насъ нашего. Для насъ же Онъ требуетъ отъ насъ—насъ, чтобы дать намъ Себя Самаго. О, какъ безпредѣльна Его милость къ намъ! Не принадлежимъ ли мы Ему и по зависимости бытія нашего отъ Него? Но Онъ хочетъ, Онъ убѣждаетъ, чтобы мы и по волѣ своей принадлежали Ему,— и для чего же? Только для того, чтобы обогатитъ насъ благодѣяніями и времени и вѣчности; только для того, чтобы за кратковременной подвигъ самопожертвованія надѣлить насъ щедротами, непостижимо великими и нескончаемыми.

Распеншійся за насъ Господи Іисусе! благодатною силою креста Твоего укрѣпи наши *руцѣ ослабленыя и колѣна разслабленая* (Исаія XXXV. 3). *Влецы насъ вслѣдъ Тебѣ и потечемъ* (Пѣсн. I, 3), чтобы здѣсь и тамъ славить имя Твое со Отцемъ и святымъ Духомъ. Аминь.

1847 г.

БЕСѢДА II. НА ПСАЛ. 50, ВЪ НЕДѢЛЮ ТРЕТЬЮ ПОСТА.

Въ прошедшей бесѣдѣ покаяніе Давида остановилось на исповѣданіи глубокой скорби о грѣхѣ, которою онъ преклоняетъ Бога на сострадание къ себѣ. Затѣмъ Давидъ выставляетъ другую вину моленія своего.

Се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя. Се бо истину возлюбилъ еси, безвѣстная и тайная премудрости Твоея явилъ ми еси (ст. 7).

Какъ понять Давида? Обвиняетъ ли онъ мать, что она родила будучи грѣшницею? Или говоритъ о себѣ, что еще тогда, когда выходилъ онъ на свѣтъ, онъ уже былъ грѣшникомъ?

Если бы и допустили мы первое объясненіе: мы не должны

бы были забыть того, что Давидъ рожденъ отъ законнаго брака, и потому онъ не могъ обвинять мать въ незаконномъ рожденіи сына. Такимъ образомъ и при этомъ объясненіи мысль была бы та, что Давидъ говоритъ о наслѣдственной порчѣ природы нашей. При этомъ объясненіи онъ говорилъ бы тоже, что говорилъ Іовъ: „кто можетъ выдти чистымъ отъ нечистаго? Никто“ (Іов. XIV, 4). Тѣмъ не менѣе страшно было бы соединять съ словами *въ беззаконіихъ зачатъ есмь,* ту мысль, что рожденъ я матерію оскверненною грѣхомъ, когда Давидъ не говоритъ здѣсь о матери; странно было бы обвинять одну мать въ нечистотѣ и не обвинять отца. Итакъ остается такъ понять Давида: уже при зачатіи моемъ, уже при рожденіи моемъ я былъ оскверненъ грѣхомъ;—съ беззаконіями я зачатъ и съ грѣхами родила меня мать моя. Давидъ говоритъ здѣсь тоже, что говорилъ Моисей: *приложитъ помышленіе человѣку на злая отъ юности его,* сердце человѣка зло съ юности его (Быт. VIII, 21). Прежде, чѣмъ человѣкъ начинаетъ различать добро отъ зла, прежде чѣмъ при свѣтѣ сознанія начинаетъ дѣйствовать воля его, грѣхъ уже живетъ въ немъ, наклонность къ злу обнаруживается недовольствомъ собой и другими, разстройство открывается въ душѣ и въ тѣлѣ его.—Что выражаетъ вопль его при появленіи его въ свѣтъ? Страданіе природы, страданіе отъ внутренняго, прирожденнаго разстройства, отъ нечистоты и виновности. Итакъ Давидъ, умоляя Бога о помилованіи; выставляетъ, послѣ бѣдности дѣлъ воли его, бѣдность самой природы человѣческой. Если бы и остался я такимъ, говоритъ онъ, какимъ рожденъ я: и тогда что осталось бы мнѣ, какъ не просить о милости и благодати Твоей? Что мы всѣ предъ Тобою, Господи? я, какъ и каждый, зачатъ со грѣхомъ и рожденъ въ нечистотѣ.

Се бо истину возлюбилъ еси, безвѣстная и тайная премудрости Твоея явилъ мя еси. (ст. 8).

Истина, которую любитъ въ себѣ и въ разумныхъ созданіяхъ своихъ Богъ, не есть одна холодная теоретическая истина; это истина, оживляющая духъ, проникающая въ сердце и обнаруживающаяся благими плодами; это истина противоположная, и лжи, и мечтѣ, и суетности. *Бойтеся Господа, работайте Ему во истинѣ и всѣмъ сердцемъ вашимъ* (I Цар. XII, 24), заповѣдуется и людямъ.—Не можетъ сказать человѣкъ, что такъ какъ отъ природы онъ испорченъ, отвѣтственность во лжѣ жизни его не лежитъ на немъ. Нѣтъ, злое начало не сильнѣе благаго въ мірѣ. Богъ не престаетъ изливать свѣтъ свой на міръ и людей. Онъ любитъ истину и открываетъ познанія объ истинѣ людямъ. И язычникъ не откажется отъ того, что онъ знаетъ истину и добро. Смѣетъ ли Давидъ сказать,

что онъ оставленъ во мракѣ безъисходномъ? Нѣтъ! Богъ открылъ ему тайны премудрости Своей, какія неизвѣстны были другимъ. Онъ открылъ ему самыя спасительныя для человѣка тайны о грядущемъ Спасителѣ міра, о Его страданіяхъ искупительныхъ за міръ, о Его благодати, простирающейся на народы, и открылъ въ такомъ свѣтѣ, что напр. Псал. 21 есть какъ бы евангельская исторія страданій Христовыхъ. Такъ Давидъ, сознавая немощь природы своей, сознаетъ и величіе милости Божіей къ нему, чтобы славить Ее и, прославляя дивную благость Божію, помнитъ о своей бѣдности, чтобы молить о милости. Слава любви Твоей, Отецъ небесный, что озаряешь меня бѣднаго своимъ свѣтомъ! Но тогда, какъ Тебѣ хвала, мнѣ одинъ стыдъ. Умъ мой богатъ познаніями, а душа бѣдна добромъ; знаю я много, а что дѣлаю? Воля моя лѣнива на добрыя дѣла; она то лукава и уклончива отъ труда добраго, то готова на труды, но по побужденіямъ нечистымъ, для денегъ, для чести, для говора толпы. О! Боже мой! если не помилуешь, если не подашь помощи: погибъ я. Убожество мое—мольба за меня предъ Тобою, благость Твоя—единственное у меня право на Твои милости.

Окропиши мя ѵссопомъ и очищуся, омыеши мя и паче снѣга убѣлюся. Слуху моему даси радость и веселіе, возрадуются кости смиренныя. Отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ и вся беззаконія моя очисти (ст. 9—11).

Что Давидъ выражаетъ словами *окропиши мя, даси радость,*—сердечныя желанія свои, это показываютъ слова его: *отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ.*

Послѣ того, какъ показалъ онъ основанія мольбы своей, онъ еще сильнѣе начинаетъ молиться о прощеніи грѣховъ и показываетъ разныя нужды свои, какъ послѣдствія грѣха.

„Соверши же надо мною очищеніе ѵссопомъ и я буду чистъ, омой меня и я буду бѣлѣе снѣга“.

По закону Моисееву коснувшійся мертвеца считался нечистымъ и долженъ былъ, для очищенія, окропленъ быть кедромъ и ѵссопомъ, омоченными въ водѣ, смѣшенной съ пепломъ (Числ. XIX, 18). Подобно сему прокаженный очищался кропленіемъ ѵссопа и кедра, омоченныхъ въ крови (Лев. XIV, 51). Ѵссопъ былъ символомъ снисходительной любви Божіей, кедръ—символъ величія Божія. Давидъ сознаетъ себя нечистымъ и прокаженнымъ и глубоко чувствуетъ нужду въ духовномъ окропленіи. Онъ живо представляетъ себѣ грозный судъ Божій надъ нечистотою грѣховною: *человѣкъ, иже аще осквернится и не очиститъ себе: потребится душа та отъ среды живыхъ* (Числ. XIX, 20). Такъ молитва Давида объ окропленіи и омовеніи заключаетъ духовную мысль объ осѣненіи души всемощною

любовію Божіею, предъ которою отступаютъ человѣческія нечистоты.

Далѣе Давидъ молится: „дай мнѣ услышать радость и веселіе и воспрянутъ кости, которыя такъ сокрушены Тобою“.

Позволяемъ себѣ спросить: отчего Давидъ доселѣ не имѣетъ радости? Пророкъ Божій Наѳанъ сказалъ ему, что онъ прощенъ. Какъ бы не радоваться тому? Или онъ не вѣритъ пророку? Этого быть не можетъ.—Скажете: совѣсть не давала покоя? Но отчего же совѣсть не имѣла мира, когда уже ей сказано, что грѣхъ прощенъ? Видите, благодать Божія не вдругъ даетъ все. Сперва она извѣщаетъ душу о прощеніи, но еще не даетъ прочнаго мира; потомъ даетъ миръ, но еще не даетъ веселія сердцу; а наконецъ даетъ и радость душѣ. И все это она соразмѣряетъ съ степенями подвиговъ души, или точнѣе съ тѣмъ, какъ время отъ времени искреннимъ подвижничествомъ покаянія расширяется пріемлемость души. Пока въ огнѣ скорбей душевныхъ не перегорятъ привязанности нечистыя, безполезно, а иногда и вредно, было бы для души кающейся награждать ее миромъ небеснымъ. Потому-то св. апостолъ, возбудивъ въ коринѳянахъ, и страхъ, и смятеніе, и скорбь о грѣхѣ, явившемся между ними, радовался такому состоянію ихъ. *Нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе. Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ, а сего міра печаль—смерть содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 9. 10). Итакъ Давидъ проситъ себѣ пока только прекращенія страданій духа и возвращенія покоя.

А какъ велики были страданія кающагося Давида! *Возрадуются кости смиренныя*, кости, которыя такъ сокрушены Тобою, говоритъ Давидъ. Страданія кающейся души его были такъ велики, что самый составъ тѣлесный былъ весь разслабленъ, самыя кости его были какъ раздробленныя; такъ мысли о гнѣвѣ Божіемъ, такъ чувства виновности своей предъ Богомъ поражали и томили душу и тѣло Давида! Это тоже самое состояніе, что выражаетъ Давидъ, когда говоритъ: *нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего, нѣсть мира въ костяхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ* (Псал. XXXIX, 4). Таково было положеніе кающагося Давида! Такъ совершалось покаяніе его!

Спрашивать ли: таково ли покаяніе нынѣшнихъ грѣшниковъ? Или нынѣ мало грѣшниковъ? О! грѣшниковъ нынѣ довольно! Нельзя сказать, чтобы каждый не говорилъ: я грѣшенъ. Но не говорятъ ли того однимъ языкомъ? или если говорятъ и мыслію, но говорятъ ли сердцемъ? если же говорятъ и сердцемъ, говорятъ ли составомъ своимъ, какъ говоритъ Давидъ? О какъ многаго не достаетъ въ насъ, чтобы каяться, какъ каялся Давидъ!

Отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ и вся беззаконія моя очисти. Давидъ молитъ, чтобы Богъ не только предалъ забвенію, оставилъ безъ наказанія грѣхи его, но чтобы изгладилъ ихъ, какъ бы написанные на пергаментѣ или на доскѣ, такъ чтобы никто не могъ ихъ болѣе видѣть. Исполнилась ли эта молитва Давида? Исполнилась со всею точностію. Тотъ же пророкъ Наѳанъ, который объявлялъ грозное обличеніе Давиду еще некающемуся, посланъ былъ къ Давиду раскаявшемуся возвѣстить о рожденіи сына законной любви. И какой милости удостоенъ былъ этотъ сынъ Давида! Пройдите за тѣмъ мыслію все, что говоритъ св. писаніе о Давидѣ послѣ его покаянія, найдете ли хотя намекъ на паденіе его? Нѣтъ. Напротивъ о Давидѣ говорится тамъ только, какъ о мужѣ праведномъ, о мужѣ любезномъ Богу, избранникѣ достойномъ высокой чести Его. Въ книгахъ царскихъ, въ книгахъ паралипоменонъ, въ книгахъ пророковъ Давидъ—ангелъ Божій, мужъ по сердцу Божію, отецъ народа, образецъ царей. Разительный примѣръ тому, какъ не поминаются у Бога неправды наши, послѣ искренняго раскаянія въ нихъ.

Слава Тебѣ всеблагому и милостивому! Аминь.

1849 г.

БЕСѢДА III. НА ПСАЛ. 50, ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛЮ ПОСТА.

Мы видѣли, что кающійся Давидъ просилъ у Господа очищенія нечистотъ своихъ, возвращенія спокойствія сердцу, полнаго забвенія вины его. Но чѣмъ долѣе молится кающійся Давидъ, тѣмъ болѣе возвышается душа его, тѣмъ болѣе высшаго касается она въ молитвѣ. Теперь онъ молится:

Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего святаго не отыми отъ мене. Воздаждь ми радость спасенія Твоего и духомъ владычнимъ утверди мя (ст. 12—14).

Давидъ не молитъ, чтобы слабое сердце его подкрѣплено было кое-какою помощію. Нѣтъ, онъ знаетъ, онъ чувствуетъ, онъ исповѣдалъ, что грѣхъ глубоко проникъ въ природу нашу. Потому видитъ и чувствуетъ, что для исцѣленія больной души нужна великая помощь Божія, необходимо такое дѣйствіе Божіе, кото-

рымъ бы перерождена была душа наша, возсоздана въ ней чистота небесная. Доколѣ сердце ветхо, дотолѣ всѣ усилія исправить жизнь останутся напрасными, дотолѣ онѣ могутъ производить въ душѣ нашей только нѣкоторыя исправленія, да и тѣ далеко неполныя. Давидъ молитъ о томъ же, о чемъ говоритъ самъ Господь у пророка: *и дамъ имъ сердце ново и духъ новъ дамъ имъ.* (Езек. XI, 18.). И однако Давидъ не молитъ о созданіи сердца, а о созданіи чистоты сердечной. Это означаетъ, что не простираетъ онъ душевной порчи нашей до уничтоженія силъ душевныхъ, или что тоже до уничтоженія всего добраго въ душѣ нашей, всякой способности къ добру. Нѣтъ, молящійся Давидъ ни въ себѣ, ни въ другихъ не питаетъ ни гордой самонадѣянности, ни лукавой лѣности.

Духа правъ обнови—духъ вѣрный, постоянный, твердый среди всѣхъ искушеній, противоположный тому духу, о которомъ говорилъ самъ Давидъ: *сердце ихъ не бѣ право съ Нимъ*, и они не были вѣрны въ завѣтѣ Его (Псал. LXXII, 37).

Словами: *не отвержи мене отъ лица Твоего*, Давидъ напоминаетъ себѣ о печальной участи Саула и сознаетъ, что и онъ самъ достоинъ былъ той же участи; онъ сознаетъ и исповѣдуетъ, что грѣхами своими заслужилъ онъ, чтобы, Богъ по правдѣ своей, отвергъ его отъ себя, какъ отвергъ онъ Саула. Содрогаясь предъ этою участью онъ молитъ Господа: не лишай меня близости къ Тебѣ, которою пользовался я такъ долго, не отвергай меня отъ лица Твоего, во свѣтѣ коего зрѣлъ я свѣтъ истины и наслаждался такимъ счастіемъ; я не достоинъ того, но по милости Твоей не лишай меня милости.

И духа Твоего святаго не отыми отъ мене. Нѣтъ сомнѣнія, что говоря это, Давидъ имѣетъ въ виду также участь (Саула, о которомъ сказано: *и отступи Духъ Божій отъ Саула* I Цар. XVI, 14). Какъ снишелъ Духъ Божій на Давида, объ этомъ говоритъ книга царская. *И прія Самуилъ рогъ съ елеемъ и помаза его среди братіи его и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ.* (I Цар. XVI, 13). Какъ потеря благодати Духа св. Сауломъ не ограничивалась одною потерею царской власти, а сказано: *и отступи Духъ божій отъ Саула и нападе на него духъ лукавъ:* такъ и Давидъ, когда молится, чтобы не лишенъ онъ былъ Духа св., имѣетъ въ виду не о дну потерю царскаго достоинства.— Царскимъ достоинствомъ кающійся Давидъ не могъ дорожить,—напротивъ, въ глубокой скорби своей о грѣхахъ, онъ готовъ былъ отказаться отъ всего земнаго величія, и отказывается. Нѣтъ, онъ опасается болѣе важной, болѣе близкой къ душѣ его потери; онъ опа-

сается потери благодатныхъ даровъ разумѣнія воли Божіей и творенія закона Божія, боится быть оставленнымъ Божіею силою и остаться съ однимъ зломъ. Давидъ паденіемъ своимъ оскорбилъ Духа св. (Еф. IV, 30) и въ слѣдствіе того лишился нѣкоторой части даровъ Духа Божія, почему молился о возобновленіи въ немъ духа вѣрности и твердости (ст. 12, 14). Состояніе его могло наконецъ дойти и до совершенной потери духа благодати, если бы, т. е., онъ остался нераскаяннымъ. Но въ такомъ случаѣ не возвратился бы къ нему и духъ благодати, по слову апостола: *не возможно вкусившихъ дара небеснаго и отпадшихъ паки обновляти въ покаяніе* (Евр. VI, 4—6). Да избавитъ Богъ каждаго сего страшнаго состоянія! Молитва Давида о нелишеніи Духа св. находится въ соотвѣтствіи съ молитвою о неотверженіи его отъ лица Божія. Какъ тамъ онъ молится о томъ, чтобы возвращена ему была прежняя близость его къ Богу, прежняя любовь Божія къ нему; такъ здѣсь молитъ о томъ, чтобы не только новою измѣною не потерять ему Духа св., но и возвратить ему все прежнее изобиліе любви къ нему Духа благодати.

Воздаждь ми радость спасенія Твоего. Вотъ и здѣсь молитва о радости. Но это не та радость, о которой молился онъ прежде, когда говорилъ: *возрадуются кости смиренныя* (ст. 10). Тамъ было веселіе о прощеніи грѣховъ, такъ было возвращеніе мира совѣсти, покоя душѣ, взволнованной и истерзанной сознаніемъ виновности предъ Отцемъ небеснымъ. Здѣсь же молитва о радости болѣе высокой, болѣе важной. Здѣсь молитва о *радости спасенія* Божія, т. е. о радости полнаго исцѣленія души, возможнаго только для Бога, того исцѣленія, которое совершаетъ Духъ св. Казалось, за тѣмъ, какъ просилъ и конечно испросилъ себѣ Давидъ возвращенія Духа благодати, сама собою, безъ молитвы Давидовой, должна послѣдовать радость о востановленіи душевнаго благоустройства.—Но видите, о всемъ надобно молиться, всего надобно испрашивать у Господа, чтобы молитвою очищать душу въ сосудъ чистый для благодати, чтобы безъ молитвы возникшая на мѣсто молитвы нечистота сердечная не возпрепятствовала благодати продолжать дѣло ея.

И духомъ владычнымъ утверди мя. Благодатный плодъ исцѣленія души есть радость духа и могущество духовное, когда только появленіе плода сего вызывается духомъ молитвеннымъ. Утверди меня, молится Давидъ, духомъ царственнымъ, могущественнымъ, который бы управлялъ всѣми мыслями, всѣми чувствами, всѣми желаніями моими, направляя ихъ къ св. Твоей волѣ. Давидъ проситъ себѣ того духа любви, который, по слову апостола, могущественъ и силенъ наперекоръ всѣмъ бурямъ жизни земной, который не

ищетъ своего, не раздражается, радуется истинѣ, все прикрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ (1 Кор. XIII, 4, 6, 7), который и въ радости и въ горе вѣренъ себѣ, и въ радости не увлекается разсѣяніемъ и мечтами о себѣ, и въ горе не даетъ мѣста въ душѣ безнадежной скорби,—а поетъ хвалы Богу, все строющему для спасенія нашего.

Такъ Давидъ въ пламенной молитвѣ своей прошелъ всѣ степени, на которыхъ предложены людямъ дары милосердія Божія, и взошелъ на самый высшій, коснулся самаго престола благодати, гдѣ полная любовь Божія дается избранникамъ Господнимъ. О какъ благъ Господь къ ищущимъ Его сердцемъ искреннимъ!

Грѣшники! молитесь молитвою кающагося Давида. Молитва его все доставитъ вамъ. Аминь.

1849 г.

СЛОВО ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Приближается, душе, конецъ, приближается, и нерадити, ни готовишися (Троп. (вел. канона).

Нынѣ ли еще будутъ считать проповѣдь о смерти неблаговременною? Нынѣ ли еще будутъ уклоняться отъ этой вѣсти? Нынѣ ли еще будутъ считать слишкомъ тяжкою, слишкомъ мрачною мысль о кончинѣ, никого неминующей? Если и нынѣ, въ дни покаянія и плача, хотятъ только легкихъ мыслей, легкихъ занятій: какъ опасно, какъ страшно такое состояніе! О! перестанутъ ли люди, хоть на время, быть легкомысленными? *Приближается, душе, конецъ, приближается, и не радиши, ни готовишися.* Вотъ пѣснь, которую велитъ намъ повторять въ сіи дни св. Андрей.

Приговоръ о смерти есть приговоръ суда Божія надъ падшимъ человѣкомъ. Но, о Боже, непостижимый въ благости Своей! Самый приговоръ правосудія Твоего есть милость Твоя къ намъ; самый глаголъ осужденія Твоего надъ нами есть вмѣстѣ голосъ, спасающій грѣшника.

Посвятимъ, братія, нѣсколько минутъ на размышленіе о нуждѣ памятованія смерти.

Когда не было грѣха въ мірѣ, не было и смерти; не было, казалось, и нужды думать о смерти. Однакожъ Самъ Богъ заповѣдалъ невинному первенцу помышлять о смерти; Самъ Богъ еще

тогда, какъ ввелъ человѣка въ рай сладости, сказалъ: „плодовъ древа познанія добра и зла не ѣшь; ибо въ день, въ который ты вкусишь ихъ, смертію умрешь“. Что бы это значило? Почему и самому невинному, безсмертному, надобно было не забывать о смерти? Почему и тотъ, кто еще не имѣлъ въ душѣ своей ни одного помысла грѣховнаго, долженъ былъ имѣть въ виду грозу тлѣнія? Конечно потому, что человѣкъ, какъ тварь, всегда можетъ имѣть нужду въ страхѣ; конечно потому, что угроза смертію можетъ имѣть дѣйствіе доброе тамъ, гдѣ не успѣваетъ любовь, или обѣщаніе жизни. Прекрасное дѣло, если бы человѣкъ могъ слушаться Господа своего по побужденію любви, если бы всегда свободно и легко могъ онъ идти путемъ заповѣдей къ Богу своему: но свобода заключаетъ въ себѣ возможность колебанія и паденія; свобода имѣетъ потому нужду въ подкрѣпленіи сильномъ, которое могло бы остановить колеблемость и удержать отъ склоненія къ злу: а таковъ страхъ смерти. Пока онъ стоялъ стражемъ при мысляхъ перваго человѣка, человѣкъ оставался въ невинности, въ раю сладостей. Когда же духъ злобы склонилъ его удалить отъ себя мысль о смерти: *не смертію умрете* (Быт. Ш, 4.): человѣкъ палъ. Такъ и тогда, когда еще не было грѣха и смерти, уже нужно было не забывать о смерти. Не болѣе ли нужно памятовать о смерти, когда вошедшій въ душу грѣхъ содѣлалъ ее склонною къ непрестаннымъ паденіямъ? Надобно слишкомъ мало видѣть, чтобы не видѣть того, что человѣкъ, ежеминутно преклоняющійся къ грѣху, не можетъ безъ подкрѣпленія спасительнаго быть тверже противъ искушенія, чѣмъ тотъ, который стоялъ и могъ устоять противъ грѣха.

Грѣхъ обнаруживается въ насъ въ двоякомъ видѣ: то является онъ, какъ духъ гордости, то,—какъ духъ плотоугодія. Въ томъ и другомъ случаѣ мысль о смерти служитъ врачевствомъ противъ яда грѣховнаго.

Гордость заставляетъ насъ мечтать о себѣ много; въ иныхъ доходитъ она до того, что ихъ поступки говорятъ, какъ будто нѣтъ для нихъ и правилъ, которымъ они должны повиноваться; будто нѣтъ никого, кому должны мы всѣ отдать отчетъ въ своей жизни; доходятъ до невниманія къ закону Божію, къ судьбамъ и распоряженіямъ Промысла; о всемъ даютъ свой судъ, все рѣшаютъ по своему, всему даютъ свой порядокъ.

Какъ нужно этой заносчивости ума гордаго напомнить, что мы земля и въ землю пойдемъ! Какъ нужно этому величію указать на неширокую могилу, въ которой вмѣстится оно и нехотя! Какъ нужно этому надмѣнію сказать, что величавые замыслы его сокрушатся о гробъ и его независимость ограничится пространствомъ

трехъ шаговъ земли! Что значитъ сила нашего духа, что значатъ всѣ наши знанія, когда мы не можемъ ни увидѣть, ни отодвинуть предѣла, которымъ должно окончиться все земное,—когда за этою доскою гробовой цѣлая вѣчность необозримая, въ которой—ни одной точки ясной для ума, оставленнаго себѣ самому?

Гордость надмѣвается почестями, породою, богатствомъ: она различаетъ людей не по ихъ добродѣтелямъ, а потому, что одинъ богатъ, другой бѣденъ; одинъ въ чести, другой въ низкой долѣ; одинъ въ рубищѣ жесткомъ, другой въ мягкой и пышной одеждѣ. Но такъ ли смотритъ смерть на насъ? О! она всѣхъ одною дорогою провожаетъ на судъ грозной правды. Она всѣхъ равняетъ въ хладной могилѣ и—безъ милліоновъ, съ одною душою представляетъ къ правосудному. Посмотрите на жилище мертвыхъ: тамъ всѣ равны; суетность пишетъ на камнѣ, или металлѣ, но слова безъ смысла, хвалы безъ значенія; ставитъ на землѣ имена, титла и въ громкихъ словахъ высказываетъ одно только то, что все это пустота, что все это было и теперь нѣтъ, все это миновалось, какъ сонъ, какъ мечта. Одна земля приняла и богача и бѣдняка и—все стало землей. Подъ грудами камня, если угодно искать, найдутъ только трупъ смрадный, груду костей согнившихъ, прахъ легкій, какъ легкомысленна гордость людская!

Гордость славолюбива. Смерть разрушаетъ мечты величія, за которыми такъ неутомимо гоняются. Пока еще живы, намъ удается по временамъ вынуждать чѣмъ нибудь похвалы и уваженіе. По смерти похвалы умолкаютъ, или даже превращаются въ хулу. По смерти скоро забудутъ насъ, даже, можетъ быть, обрадуются, что мы не будемъ докучать своими притязаніями на славу. Одни—по равнодушію, другіе—по неблагодарности, но и друзья и знакомые, и близкіе и дальніе потеряютъ насъ изъ вида. Все, что мы сдѣлали не въ намѣреніе угодить Господу, подобно праху развѣется. *Отъидетъ же величаніе ваше равно пепелу*, говоритъ Іовъ (XIII, 12).

Гордость безразсудна въ предпріятіяхъ своихъ. Сколько у насъ замысловъ обширныхъ, сколько предположеній странныхъ, сколько легкомыслія тогда, какъ не думаемъ о смерти! Мы откладываемъ заботу о душѣ со дня на день. Завтра, думаемъ мы, покаемся; завтра начнемъ мы лучшую жизнь. Но, кто далъ намъ это завтра? Нынѣшнее утро кому ручается за вечеръ? Вечеръ вчерашній ручался ли за нынѣшній день? Сколько въ нынѣшнюю ночь уснуло сномъ вѣчнымъ! Сколько въ нынѣшнее утро простилось на вѣки со временемъ! Сколько въ этотъ часъ, въ который бесѣдуемъ мы, оставляютъ землю? Какой Исаія придетъ и скажетъ намъ: *устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты, и не будеши живъ?* (Псал. XXXVIII,

1). Послушайте вы, которые говорите: сегодня или завтра пойдемъ въ такой-то городъ и пробудемъ тамъ годъ; знаете ли, что случится завтра? Что жизнь наша? Паръ, который на малое время является, и потомъ исчезаетъ (Іак. IV, 13, 14). О! зачѣмъ мы не повторяемъ себѣ часто: умремъ, умремъ и, можетъ быть, въ одну изъ тѣхъ минутъ, въ которую менѣе всего думаемъ умереть? Мысль о внезапности смерти, какъ искра пробѣгая по душѣ, пробуждала бы нерадѣніе наше. Тогда мы не стали бы тратить дорогое время на напрасныя мечты, или на слѣпую беззаботность. Какъ мы будемъ жалѣть, при послѣднемъ часѣ, о дняхъ и часахъ, проведенныхъ безъ пользы, убитыхъ въ мечтахъ и разсѣянности! Какъ мы будемъ жалѣть, что не употребили даннаго намъ времени на занятія важныя, спасительныя для души! Мудрено ли, что тогда, какъ мы будемъ звать при дверяхъ спасенія, чтобы намъ отворили ихъ, намъ скажутъ: *о! блажени раби тіи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ* (Лук. XII, 37). *Бдите, яко не вѣсте дне, ни часа въ онь-же Сынъ человѣческій пріидетъ* (Матѳ. XXV, 13).

Другая жестокая страсть, которая мучитъ душу, есть страсть къ наслажденіямъ и богатству. Но если бы мы чаще вспоминали о смерти, эта страсть также слабѣе и рѣже возмущала бы душу нашу.

Юность особенно рѣзва и игрива; для наслажденія пренебрегаетъ она образованіемъ ума и сердца. И, при самомъ образованіи, ищетъ средствъ развить только страсть къ наслажденіямъ, читаетъ книги, слушаетъ разговоры—только что легкіе и игривые, которые оставляютъ въ душѣ одну пустоту. И въ зрѣломъ возрастѣ престаютъ ли гоняться за удовольствіями? Ищутъ разсѣянности, ищутъ веселостей и скучаютъ, что не находятъ на землѣ рая. Отчего же такъ неумѣренны въ страсти къ наслажденіямъ? Оттого, что не измѣряютъ жизни мыслію о смерти. Ахъ! почему бы не посмотрѣть на могилу? Почему не вспомнить, что есть гробъ, а за гробомъ другая жизнь, для которой надобно готовиться въ этой жизни? Почему не думать, что есть смерть, и эта смерть обращаетъ землю въ страну плача и тлѣнія. Почему не размыслить, что если и дозволены намъ удовольствія въ этой жизни: то такія, въ которыхъ бы нельзя было раскаеваться по смерти, предъ судомъ Божіимъ. О, юность безпечная! О, старость съ умомъ юношескимъ! Зачѣмъ бѣжишь ты мыслію прочь отъ гроба? зачѣмъ съ усиліемъ удаляешь отъ себя мысль о смерти? Гробъ можетъ научить тебя мудрости, которой ты не имѣешь; смерть можетъ вразумить тебя въ цѣнѣ жизни временной, которой ты не понимаешь.

Что мнѣ дѣлать?—вопіетъ еще одинъ докучливый голосъ въ

душѣ нашей,—что мнѣ дѣлать? Мнѣ некуда собрать плодовъ моихъ? Вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю пространнѣе; и соберу туда все мое доброе; и скажу душѣ моей: душа! много у тебя лежитъ добра; покойся, ѣшь, пей и веселись. Это, братія, голосъ корыстолюбія. Что-жъ говоритъ владѣющій жизнію и смертью? Богъ сказалъ: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ (Лук. XII, 28—20)? Вотъ какой приговоръ самъ Богъ произноситъ корыстолюбцу! Корыстолюбецъ безуменъ. Отчего? оттого, что не помнитъ о смерти;—оттого, что, не думая о близости кончины, думаетъ не о душѣ, а о богатствѣ, которое не пойдетъ за нимъ на тотъ свѣтъ. Сокровища обманчивыя, блага непостоянныя, богатство тлѣющее! Какъ мнѣ любить васъ при взглядѣ на гробъ? Какъ дорожить вами, какъ искать васъ съ усиліями и тревогой, когда прежде, чѣмъ овладѣваю вами, вы можете исчезнуть для меня, или если и достигну васъ, разстанусь съ вами противъ желаній и надеждъ? Къ чему-жъ тревоги? Пусть буду употреблять, что дано мнѣ, не оставляя надеждъ отрадныхъ за гробомъ. Жизнь моя—странствованіе: такъ показываетъ смерть,—и смерть велитъ мнѣ смотрѣть на сокровища земныя, какъ на путевой запасъ и притомъ обременительный, когда его болѣе, чѣмъ нужно для пути,—опасный, когда не употребляю его на то, на что онъ назначенъ.

Такъ, память о смерти спасительна душѣ нашей; но она же и сладка можетъ быть для насъ, во время скорбей.

Кто изъ насъ не терпѣлъ горя въ жизни? И какъ часто терпятъ такое горе, котораго себѣ не ждали, которое не спросясь посѣщаетъ и какъ будто хочетъ тѣснить насъ до гроба? Мало того. Путь самой добродѣтели усѣянъ терніями. Путь Христовъ—путь скорбей крестныхъ. Между тѣмъ путь нечестивыхъ не рѣдко спѣется. Такъ не напрасно-ли я очищаю сердце мое, взываетъ праведникъ, смотря на благоденствіе нечестивыхъ? Не напрасно ли омываю невинностію руки мои, терплю раны всякой день и страданіе всякое утро (Псал. LXXII)? И долго ли страдать и томиться? Долго-ль терпѣть отъ грѣха и грѣшниковъ?...

Не долго, не долго, отвѣчаетъ вѣра и указываетъ на смерть, а за нею на судъ.

Такъ, смерть прекратитъ страданія земныя; смерть препроводитъ христіанина въ блаженную вѣчность. Утѣшься, гонимый судьбою путникъ земли! Скоро ты сложишь съ себя тяжелую ношу и успокоишься. Утѣшься изможденный крестоносецъ Христовъ! Скоро страданія твои кончатся и ты соединишься со Христомъ твоимъ, Котораго ищетъ душа твоя. Ужели у Бога неправда? Нѣтъ! тамъ—

за гробомъ Онъ разсудитъ каждаго изъ насъ; каждому отдастъ свое, смотря по дѣламъ нашимъ. Тому, кто веселился каждый день здѣсь, скажутъ тамъ: ты принялъ благая въ жизни твоей; довольно съ тебя; твое сердце пресытилось веселостями; теперь другая доля тебѣ. А тотъ, кто вмѣсто хлѣба питался здѣсь слезами, кого жизнь поила токмо горечью, кто съ юности до самаго гроба не видалъ дня свѣтлаго, отретъ тамъ слезы. „Не ревнуй лукавнующему; не завидуй дѣлающему беззаконіе. Еще мало,—и не будетъ грѣшника, а праведники наслѣдуютъ землю“ (Псал. XXXVI). Тѣ, которые съ слезами сѣяли, съ радостію пожнутъ. Смерть снимаетъ съ праведника тяжелыя узы, которыя тяготятъ надъ нимъ во всю земную жизнь; она разрѣшитъ его отъ тѣла грѣховнаго, которое не даетъ ему покоя до гроба, воздвигая въ немъ брани и бури. Смерть разсѣетъ сомнѣнія о странствованіи земномъ. Она откроетъ намъ и цѣль земныхъ трудовъ и значеніе непонятныхъ обстоятельствъ жизни нашей. Становясь на краю могилы, христіанинъ какъ бы становится на возвышенномъ холмѣ, съ котораго ясно различаетъ пройденный путь; видитъ и то, что страданія временныя ничего не значатъ въ сравненіи съ славою, которая ждетъ его тамъ—за гробомъ; гробъ показываетъ, какъ ничтожны цѣли людей, работающихъ для міра, и какъ отрадна, какъ высока участь тѣхъ, которые служатъ Господу. Такъ, сладко христіанину вспоминать о смерти; она радостна для него, какъ ангелъ мира,—онъ желаетъ скорѣе разстаться съ тѣломъ докучливымъ, съ міромъ коварнымъ и злымъ, съ людьми забывчивыми и легкомысленными въ ихъ разсѣянности. Здѣсь грѣхъ и скорбь преслѣдуютъ его на всѣхъ путяхъ. Тамъ у Господа—миръ и спасеніе.

Не думайте, что христіанскій страхъ смерти помѣшаетъ вамъ въ какомъ либо добромъ дѣлѣ, удержитъ васъ отъ какого либо благаго намѣренія. Нѣтъ, страхъ смерти, какой питаетъ въ себѣ Христіанинъ, растворенъ упованіемъ живымъ и сладкимъ; и потому не стѣсняетъ, а раскрываетъ онъ душу для подвиговъ великихъ; не приводитъ ее въ смятеніе, не производитъ въ ней безпорядка, а вводитъ порядокъ и гонитъ то смятеніе, какое вводятъ страсти въ душу. Христіанинъ встрѣчаетъ смерть не какъ грозное страшилище, но какъ вѣстника мира. Смерть приходитъ къ нему не для того, чтобы разлучить его съ Іисусомъ Христомъ, который исполнилъ за насъ правду закона, но для того, чтобы соединить съ Нимъ. Если же не такъ представляютъ себѣ смерть: это значитъ, что не знаютъ другой жизни, кромѣ жизни земной, другихъ благъ, кромѣ благъ временныхъ, другаго Бога, кромѣ боговъ вѣка сего. Въ такомъ случаѣ, несчастна душа, которую не хотятъ пробуждать отъ сна ея стра-

хомъ смерти; несчастны люди, которые заботятся о томъ, какъ бы не дошла до ушей ихъ вѣсть о смерти. Это значитъ то же, что у утопающаго въ волнахъ отнимаютъ послѣднюю доску, на которой онъ могъ бы спастись.

Впрочемъ, чтобы мысль о смерти могла быть назидательною, она должна быть живою и твердою въ душѣ нашей. Надобно быть глубоко проникнутымъ мыслію о нашей смертности, живо чувствовать, что бренный составъ будетъ перстію, а духъ возратится къ Богу; и тогда это живое чувство тлѣнности и смерти будетъ оживлять душу нашу для дѣятельности ревностной, укрѣпить силы наши для подвиговъ самыхъ трудныхъ. Чѣмъ болѣе смерть будетъ устрашать насъ, тѣмъ скорѣе исчезать будутъ обаянія грѣха; тѣмъ болѣе дорожить будемъ талантами, врученными намъ отъ Бога. Правда, никто изъ насъ не говоритъ о себѣ, что не увидитъ смерти. Однако жъ, не многіе ли такъ живутъ, какъ будто вовсе не думаютъ умереть. Всѣмъ намъ извѣстенъ приговоръ правды вѣчной: наши знакомые, наши друзья въ глазахъ нашихъ исполняютъ его на себѣ. Однако жъ, не такъ ли мы ведемъ себя, что до насъ этотъ приговоръ какъ будто и не касается? Мы провожаемъ другихъ на тотъ свѣтъ; а готовимъ ли себя въ тотъ же путь? Напротивъ, мысль о смерти не такъ ли близка душѣ нашей, какъ гость постылый, котораго и холодно принимаемъ мы и сбываемъ съ рукъ какъ можно скорѣе? Не такъ ли рѣдко западаетъ она въ душу нашу, какъ холодно принятый знакомецъ посѣщаетъ угрюмаго знакомца? Если такъ: то нечему дивиться, что такъ мало живемъ мы для добра.

Чтобы мысль о смерти могла имѣть свое спасительное дѣйствіе, надобно жить и дѣйствовать съ мыслію о смерти. Мы, живя умираемъ; стало быть, ничего нѣтъ естественнѣе, какъ живя помнить, что умираемъ. А ждать для приготовленія къ смерти того времени, когда уже смерть взойдетъ въ твой домъ, приблизится къ твоему одру и станетъ разрушать бренный составъ твой, сообразно ли съ благоразуміемъ? Кромѣ того, что смерть никому не даетъ напередъ знать о времени своего посѣщенія, какое приготовленіе къ смерти можетъ быть въ душѣ твоей, когда душа твоя будетъ вся занята ужасомъ самой смерти? Какое обращеніе къ Господу, какое раскаяніе въ прошломъ, какая любовь къ Спасителю могутъ быть тогда, когда страданія тѣла, терзаемаго смертію, или оставятъ тебя вовсе безъ сознанія или, при слабомъ сознаніи, безъ всякаго мужества и силы? Нѣтъ! готовься заранѣе къ смерти. Тогда и лучше будешь вразумляться мыслію о смерти, и больше соберешь плодовъ для вѣчности. Тогда-то будемъ мы располагать жизнь свою такъ, что намъ никогда не страшно будетъ перейти въ вѣчность. При каждой встрѣчѣ съ

искушеніемъ сильнымъ, предъ грознымъ взоромъ смерти, будетъ погасать огонь страсти и чистый пламень любви къ Господу будетъ горѣть, не погасая. *Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ поминай послѣдняя твоя и* тогда *во вѣки не согрѣшиши,* сказалъ опытный мудрецъ (Сир. VII, 39). Тогда пусть посѣтитъ насъ внезапная смерть: она не приведетъ въ смятеніе духа нашего; мы встрѣтимъ ее съ признательностію, какъ благодѣтельнаго друга нашего.

И въ жизни, и въ смерти нашей, да будетъ славно имя Твое, Боже нашъ! Аминь.

1847 г.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТУЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

(Мар. X, 35—45).

Рече вьста, чесо проситa. Какой жестокій отвѣтъ на просьбу! Какой рѣзкій приговоръ достоинству моленія! А этотъ отвѣтъ, какъ слышали мы въ нынѣ чтенномъ евангеліи, сказанъ апостоламъ Іакову и Іоанну. Чѣмъ менѣе имѣемъ мы правъ думать о себѣ, что лучше понимаемъ предметъ своихъ просьбъ, чѣмъ апостолы; тѣмъ болѣе должны вникнуть въ положеніе апостоловъ и судъ Спасителя, чтобы быть осторожными въ желаніяхъ.

И предъ Него пріидоста Іаковъ и Іоаннъ, сына Заведеова, глаголюще: Учителю, хощева, да еже аще просива, сотворити нама. Онъ же рече: что хощета, да сотворю вама? Она же рѣста ему: даждъ намъ, да единъ одесную Тебе и единъ ошуюю Тебе сядева во славѣ Твоей.

Іаковъ и Іоаннъ были избранные между избранными учениками Христовыми. Цѣлыя тысячи были то явными, то тайными слушателями небеснаго ученія Христова. Между ними двѣнадцать были приняты въ число любимыхъ учениковъ Христовыхъ и названы апостолами. И между сими избранными Іаковъ и Іоаннъ были самые любимые, самые приближенные апостолы. Ибо имъ и Петру оказано то высокое преимущество, что были они свидѣтелями славнаго преображенія Христова. Они же съ Петромъ были свидѣтелями тяжкаго подвига Спасителева въ саду геѳсиманскомъ. При такой близости любимыхъ учениковъ къ своему Учителю не естественно ли было желать имъ особеннаго для себя, когда такъ добръ ихъ Учитель ко всѣмъ? И замѣтьте, съ какою скромностію предлагаютъ они жела-

ніе свое? Не прямо приступаютъ съ требованіемъ того, чего желаютъ. Учитель, говорятъ они, намъ хотѣлось бы, чтобы исполнилъ Ты, чего желаемъ мы. Чтожъ это за предметъ желанія ихъ? Дай намъ, говорили, сѣсть у тебя одному по правую сторону, а другому по лѣвую въ славѣ Твоей. Сидѣть по правую и по лѣвую сторону царя означаетъ участвовать въ почестяхъ царскихъ, быть первыми изъ тѣхъ, на кого изливаются любовь и милости царскія. Сидѣть по правую и лѣвую сторону Христа означаетъ участвовать въ его славѣ, какъ это и выразили ученики, упомянувъ о славѣ. Желаніе Іакова и Іоанна не выражаетъ ли вѣры въ величіе Христово? Не выражаетъ ли любви ихъ къ Нему, которая не думаетъ о почетныхъ мѣстахъ во дворѣ Ирода, не добивается какого либо значенія въ службѣ могущественнаго кесаря? И однако что говоритъ имъ Господь? *Іисусъ же рече има: не вѣста, чесо проситa.* Какъ это такъ? Ученики, которые около трехъ лѣтъ неразлучно пребывали съ единственнымъ Учителемъ своимъ и внимательно слушали глаголы жизни вѣчной, не знаютъ чего просятъ? Не отъ того ли, что не все имъ сказано? Нѣтъ, вотъ близка минута, когда Господь скажетъ имъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (Іоан. XV, 15). Чтожъ это значитъ? То, что пока не низшелъ на нихъ Духъ утѣшитель, они не понимали всего, что говорено имъ было, и пока сила вышняя не укрѣпила ихъ, они ошибались въ желаніяхъ своихъ. Въ чемъ же ошибочно было желаніе Іакова и Іоанна? Они, какъ сказали мы, желали быть съ Господомъ своимъ, а не съ славными міра грѣшнаго. Тутъ нѣтъ ошибки. Въ чемъ же ошибка? Въ томъ, что желали быть первыми въ земной славѣ Христа, тогда какъ царство Христово, какъ говоритъ имъ Господь, не принадлежитъ къ міру, тогда какъ только что предъ тѣмъ возвѣстилъ Онъ имъ о земной участи своей: *се восходимъ во Іерусалимъ и Сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть и предадятъ Его языкомъ и поругаются Ему* (Мар. X, 33). Итакъ, понимали ли они, чего просили? Просятъ первыхъ мѣстъ въ славѣ Его, тогда какъ Онъ идетъ на поруганія и смерть!

Если же Іаковъ и Іоаннъ осуждены за желаніе чести тогда, какъ они желали участвовать, хотя и въ земной славѣ, но все таки въ славѣ Христовой: что сказать о тѣхъ желаніяхъ чести, гдѣ во все не имѣютъ въ виду Христа, а только одинъ міръ, одну землю? понимаютъ ли эти люди, чего просятъ? Если не смерть, то презрѣніе, говорятъ, тому, кто коснется нашей чести предъ человѣками. И думаютъ, что понимаютъ, чего желаютъ. Дорожатъ честію предъ людьми, тогда какъ вовсе не люди, а Господь,—Судія дѣлъ нашихъ. Дорожатъ честію предъ людьми, а не дорожатъ ни покоемъ, ни

жизнію другаго, неприкосновенными уже и потому, что они чужая, а не наша собственность. Что такое земная слава? Колебанія воздуха. Есть же, о чемъ помышлять заботливо. А между тѣмъ, для этой-то славы, какой не творятъ неправды? Чтобы достигнуть чести, дозволяютъ себѣ все безчестное подкупъ и обманы, лесть и неправду. И думаютъ, что понимаютъ, чего домогаются?

Можете ли пити чашу, иже Азъ пію, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, крститися? спросилъ Спаситель искавшихъ первенства. Чаша, на которую указываетъ Христосъ, есть та самая, о которой Онъ молился въ саду геѳсиманскомъ: *Отче! аще возможно, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39). Крещеніе Христово, есть крещеніе кровію, совершившееся на крестѣ. Итакъ, спрашивая искавшихъ первенства: могутъ ли они пить чашу Его и креститься крещеніемъ Его, Спаситель побуждаетъ ихъ испытать самихъ себя, въ состояніи ли они участвовать въ страданіяхъ и крестѣ Его? Для чего же это испытаніе своихъ силъ? Для того, что ежели бы предметъ желаній былъ не по силамъ: то и при всей его святости, желать его, значило бы не понимать, чего желаешь. Къ чему домогаться того, чѣмъ не могу я пользоваться? Іаковъ и Іоаннъ на предложенный вопросъ отвѣчали: *можева*, можемъ пить чашу, можемъ креститься. Но если они и хорошо поняли слова вопроса: то отвѣтъ ихъ былъ также поспѣшенъ, также не основанъ на точномъ самоиспытаніи, какъ и обѣщаніе Петра слѣдовать за Іисусомъ на самую смерть.

Чашу убо, юже Азъ пію, испіете, сказалъ Господь. Это значитъ, что будетъ время, когда Іаковъ и Іоаннъ выпьютъ чашу страданій за Христа, но только не теперь они способны къ тому; Онъ уже готовъ къ чашѣ своей, *чашу убо Азъ пію*, но они еще будутъ готовиться къ ней. Вотъ Онъ стоитъ въ молитвѣ предъ чашею своею а они что дѣлаютъ? Спятъ, безсильные и для того, чтобы провесть одинъ часъ во бдѣніи. Іудеи берутъ Его и ведутъ на страданія, а они всѣ *оставльше Его бѣжаша* (Мар. XIV, 50).

Ты, который такъ недоволенъ своею долею и такъ нетерпѣливо ищешь другой, тревожно домогаешься занять высшее мѣсто, высшее значеніе въ кругу людей! Испыталъ ли ты себя? Узналъ ли, что это мѣсто по тебѣ? Что если ты слишкомъ малъ для мѣста? Надъ тобой будутъ смѣяться. Нѣтъ, говоришь ты, я знаю себя, знаю свои силы; но тогда какъ другіе хуже меня и давно занимаютъ видныя мѣста, я все остаюсь на прежнемъ. Другъ мой! согласишься ли ты съ тѣмъ, что ты по крайней мѣрѣ не лучше Іакова и Іоанна, не крѣпче Петра? Если же они могли ошибиться въ себѣ, по человѣческому самолюбію, и вовсе оказались не тѣмъ при встрѣчѣ съ иску-

шеніями, чѣмъ представляли себя прежде, того: какъ же тебѣ не наложить молчанія на говорливое самолюбіе свое? Какъ же тебѣ не сказать себѣ: точно ли я хорошо знаю себя? Точно ли не палъ бы я, если бы вступилъ на путь, къ которому такъ стремлюсь? Теперь я живу покойно, хотя и не окруженъ блескомъ: а что, если блескъ будетъ раздражать только мои нервы и не дастъ мнѣ покоя до гроба? Что если страсти, найдя себѣ пищу, повлекутъ меня отъ однаго порока къ другому и доведутъ къ самому аду? Нѣтъ, да будетъ воля Твоя съ рабомъ Твоимъ, Боже мой! Каждая должность, каждое занятіе требуетъ особенныхъ познаній, особенныхъ способностей. Пусть же каждый, прежде нежели рѣшится приняться за то, или другое занятіе, испытаетъ себя, по силамъ ли оно его? Только легкомысліе стремится неудержимо къ честямъ и званіямъ, обольщаясь наружнымъ блескомъ ихъ. Но мудрый говоритъ: *высшихъ себе не ищи* (Сир. III, 21). И людямъ виднѣе бываютъ слабости того, кто стоитъ выше другихъ. Если же видное мѣсто есть мѣсто власти: какой отвѣтъ, о, Боже мой, надобно давать на судѣ Твоемъ! Сколько своихъ грѣховъ, а потребуютъ отчета и по дѣламъ подчиненныхъ. Чѣмъ настойчивѣе кто ищетъ высшей должности, чѣмъ смѣлѣе садится на первомъ мѣстѣ: тѣмъ вѣроятнѣе заключеніе ваше, что онъ или не испытывалъ себя и вовсе не знаетъ себя, или испытывалъ, но обманулся при испытаніи, и потому горько ему будетъ, когда неожиданно столкнутъ его.

И слышавше десять, начаша негодовати о Іаковѣ и Іоаннѣ. Вотъ и еще плодъ домогательства первыхъ мѣстъ! Пока не было между апостолами желающихъ первенства, не видно было между ними непріязни. Показалось желаніе первенства, явились и негодующіе. На Іакова и Іоанна сердились прочіе за то, что тогда, какъ всѣ двѣнадцать оставили равнымъ образомъ все для Іисуса и потому всѣмъ обѣщаны престолы, двое домогаются особенныхъ почестей. Смотрите, братія, и между апостолами духъ превозношенія нарушаетъ миръ общества ихъ: чего же ждать для нашихъ взаимныхъ отношеній, для нашей любви? Между нами духъ превозношенія конечно не такъ тихъ, какъ между апостолами. О! какъ онъ бываетъ дикъ у насъ! Мало того, что бурно стремится онъ къ своей цѣли, онъ, въ порывахъ своихъ, намѣренно оскорбляетъ ближнихъ, сталкиваетъ съ пути, встрѣчающихся на пути, бросаетъ въ другихъ брань и клеветы, мститъ какъ за оскорбленіе за то, что другой сталъ выше другихъ. Тутъ ли мѣсто любви? Если же трудно быть оскорбляемымъ и не чувствовать оскорбленія: то представьте, сколько досадъ пробуждаетъ дикая страсть къ первенству? Сколько ссоръ, сколько вражды, сколько волненій ненависти! Такъ духомъ гордости и любочестія изсушается любовь.

Іисусъ же призвавъ ихъ, глаголаше имъ: вѣсте, яко мнящіи владѣти языки содолѣваютъ имъ и велицыи ихъ обладаютъ ими, не тако же будетъ въ васъ. Новое побужденіе не искать первенства! Домогаться преобладанія надъ другими свойственно только язычникамъ, превозноситься и властвовать—дѣло грѣшнаго міра. Это ихъ печальное отличіе. Отчего же такъ? Тѣмъ, которые не знаютъ славы Божіей, ни достоинствъ духа безсмертнаго, остается искать только славу человѣческую; тѣмъ, которые не имѣютъ твердыхъ надеждъ, что взойдутъ на небо, остается тѣшиться земнымъ величіемъ. Между же христіанами, которымъ извѣстна слава небесная, этому не должно быть. Какъ же свойственно поступать христіанину?

Иже хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга. Кто хочетъ быть большимъ между вами, будь вамъ слугою. Спаситель не говоритъ, что между христіанами не должно быть властей и начальниковъ. Напротивъ Онъ прямо учитъ, что между христіанами должны быть *вящшіе*, большіе, только не съ свойствами первенствующихъ языческихъ. Между христіанами, если кто хочетъ быть великимъ, не иначе достигнетъ величія, какъ произвольнымъ смиреніемъ; если кто выше другихъ по власти, по званію, любовь къ званію велятъ ему быть слугою другихъ, жить не для себя, не для своего покоя, а для пользы ввѣренныхъ ему; отъ того-то рабомъ ли кто остается, рабство не унижаетъ его, потому что онъ служитъ Богу, независимо отъ людей (1 Коринѳ. IX. 19); по христіанскому ученію начальникъ *Божій слуга есть во благое*, какъ Его же слуга и рабъ (Рим. XIII, 4),

Ибо Сынъ человѣчь не пріиде, да послужатъ Ему, но да послужитъ и дастъ душу свою избавленіе за многихъ. Если бы не легко казалось христіанину смиряться предъ подобными себѣ, особенно же первому по власти не увлекаться мечтою о первенствѣ: то вотъ примѣръ самый поучительный для смиренія, убѣжденіе самое непререкаемое. Если Сынъ Божій, явясь на землѣ въ образѣ сына человѣческаго, не требовалъ себѣ услугъ, а съ тѣмъ и явился, чтобы служить людямъ и положить жизнь свою за ихъ спасеніе: то кто изъ людей имѣетъ право отказываться отъ служенія людямъ? Какой христіанинъ можетъ быть христіаниномъ, не слѣдуя стопамъ Христа Господа своего, отказываясь подражать смиренію Его?

О! Господи Іисусе! дай намъ силы смирять докучливое самолюбіе наше, да Ты единъ будешь славенъ въ дѣлахъ нашихъ! Аминь.

БЕСѢДА IV. НА ПСАЛ. 50, ВЪ ПЯТУЮ НЕДѢЛЮ ПОСТА.

Молящійся Давидъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ излилъ мольбы о прощеніи грѣховъ его, приноситъ и жертвы благодаренія Господу! Такова молитва живаго упованія на Бога! Она увѣрена, что Богъ слышитъ желанія ея и благодаритъ Его. Таково покаяніе кающагося праведника! Оно—не покаяніе безплодное: оно спѣшитъ доказать дѣлами, что намѣренія его измѣнить жизнь — тверды.

Въ послѣдней части покаяннаго псалма своего Давидъ изливаетъ благодарность свою къ милующему Господу сперва отъ своего лица (ст. 15—19), потомъ изображаетъ благодарность цѣлой церкви.

Говоря о своей благодарности, показываетъ, какую благодарность признаетъ онъ достойною благодѣтеля своего (ст. 15—17) и какую не считаетъ угодною ему и потому не приноситъ (ст. 18. 19).

Научу беззаконныя путемъ твоимъ и нечестивіи къ Тебѣ обратятся (ст. 15).

Пути Божіи, которымъ кающійся Давидъ обѣщается научить беззаконныхъ, по его расположеніямъ, суть тѣ пути, которые извѣстны ему по собственному его опыту,—тѣ пути, на которыхъ является Богъ грѣшникамъ, показывая имъ благость свою и вызывая благостію къ раскаянію въ своемъ нечестіи предъ нею. Это пути милости и истины, о чемъ и пѣлъ Давидъ: *вси путіе Господни милость и истина* (Псал. XXIV, 10). Это пути вѣрной защиты Божіей для уповающихъ на Бога, о чемъ и проповѣдывалъ Давидъ: „вѣренъ путь Божій, слово Господне чисто; Онъ щитъ всѣмъ уповающимъ на Него“ (Псал. XVII, 31.).

Давидъ даетъ обѣтъ учить беззаконныхъ путямъ Божіимъ, волѣ Божіей. Это было дѣломъ признательности помилованнаго грѣшника, который не можетъ не прославлять милующую руку и, по признательности къ Благодѣтелю небесному, не можетъ оставаться холоднымъ къ дерзости тѣхъ, которые нераскаянностію оскорбляютъ небеснаго Отца. Для Давида забота о грѣшникахъ естественна была и потому, что, по словамъ пр. Наѳана, Давидъ своимъ преступленіемъ *поощряя поощрилъ враговъ Божіихъ*, далъ имъ поводъ клеветать на правду Божію, какъ будто по лицепріятію оста-

ляющую безъ наказанія преступленія Давида, или какъ будто безсильную воздать каждому по его дѣламъ (II Цар. XII, 9—12.). Давидъ обѣщаетъ устранить опасный соблазнъ подвигами въ обращеніи грѣшниковъ къ раскаянію, обѣщаетъ показать грѣшникамъ, что Богъ остается праведнымъ, воздавая кающемуся грѣшнику прощеніемъ за его покаяніе—и силенъ отмстить упорнымъ нечестивцамъ за ихъ упорство.

Какъ блистательно исполнилъ свое обѣщаніе Давидъ! Не говоримъ объ устныхъ наставленіяхъ его. Покаянный псаломъ его не есть ли самая превосходная проповѣдь къ грѣшникамъ о покаяніи? Онъ отдалъ его, какъ сказали мы, Начальнику пѣвцевъ для пѣнія въ собраніяхъ израиля. Церковь христіанская, церковь православная, по примѣру ветхозавѣтной, каждый день повторяетъ намъ покаянную пѣснь Давида, научая ею беззаконныхъ путямъ Божіимъ, путямъ милости и истины. И сколько тысячъ грѣшниковъ проливали слезы раскаянія при повтореніи покаянной пѣсни Давидовой! Сколько забывчивыхъ рабовъ грѣха обращено ею на путь спасительный! Надобно, чтобы слушающіе покаянный псаломъ Давида были слишкомъ разсѣянны, слишкомъ черствы душею, чтобы не умиляться трогательными звуками его. Такъ Давидъ не напрасно ручался за благотворное дѣйствіе своихъ наставленій, не напрасно говорилъ: *и нечестивіи къ Тебѣ обратятся.*

Избави мя отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего. Возрадуется языкъ мой правдѣ Твоей. Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою (ст. XVI. 17).

Давидъ, продолжая изливать обѣты благодарности своей говоритъ: если Ты избавишь меня отъ наказанія за кровь пролитую мною, то возрадуется языкъ мой о Твоей правдѣ; если Ты откроешь уста грѣшнику прощеніемъ грѣховъ его: то эти уста будутъ только пѣть Тебѣ хвалы.

Избави мя отъ кровей. Въ живомъ чувствѣ правосудія Божія Давидъ представляетъ кровь, пролитую имъ, въ видѣ врага, который преслѣдуетъ его. Онъ вспомнилъ слова Господа къ Каину: *глас крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли* (Быт. IV, 10.); живо представилъ себѣ грозный приговоръ правды Божіей каждому убійцѣ: *проливаяй кровь человѣчу въ ея мѣсто его проліется* (Быт. IX, 6.); при мысли о прошломъ своемъ снова отозвались въ ушахъ его слова Наѳана: *Урію Геѳеянина убилъ еси мечемъ.—И нынѣ не отступитъ мечь отъ дому твоего до вѣка* (2 Цар. XII, 9. 10). И въ сознаніи неотъемлемыхъ правъ правосудія Божія, онъ невольно возбуждается къ молитвѣ о прощеніи грѣха; въ чувствѣ неизмѣняемой ничѣмъ виновности своей снова ожидаетъ себѣ спасенія только отъ

Того, кто есть *Богъ спасенія* его, кто одинъ можетъ даровать ему спасеніе (Псал. XXIV, 5). При всемъ томъ, что живо сознаетъ Давидъ тяжесть грѣха своего, онъ твердо надѣется на благость Божію и какъ бы уже услышанный даетъ обѣтъ Богу: *возрадуется языкъ мой правдѣ Твоей*. Когда простишь меня: весело языкъ мой возвѣститъ правду Твою. Какую же правду обѣщаетъ возвѣщать Давидъ? Ту правду Божію, которая отдаетъ каждому свое,—нераскаянному грѣшнику заслуженную имъ казнь, а тому, кто съ чистымъ искреннимъ, раскаяніемъ обращается къ Богу, прощеніе грѣховъ. О сей правдѣ говоритъ и возлюбленный ученикъ Христовъ: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша: вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. I, 9.). О сей правдѣ, по прозрѣнію, Давида, должны проповѣдывать вслѣдствіе страданій Того, Кому пронзятъ руки и ноги (Псал. XXI, 17. 32).

Господи отверзеши уста моя. Давидъ твердо помнитъ грозную волю Божію о грѣшникѣ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя, воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими?* (Псал. XXXXIX, 16.). И сознавая себя грѣшникомъ, чувствуетъ, что и его уста запечатлѣны для прославленія Божія, не должны касаться великаго имени Божія. Было время, думаетъ онъ, когда свободно пѣлъ я хвалы Господу! А теперь? Теперь моимъ ли рукамъ, обагреннымъ кровію, бряцать псалмы хвалебные? Моимъ ли устамъ, оскверненнымъ нечистыми лобзаніями, возвѣщать оправданія Божіи? Но благій и милостивый! Ты внимаешь молитвѣ кающагося грѣшника, снимаешь печать молчанія съ устъ его. И благодарный грѣшникъ даетъ обѣтъ отрѣзать уста свои только для прославленія благости Твоей.

Яко аще бы восхотѣлъ еси жертвы: далъ быхъ убо. Всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ (ст. 18).

Давидъ оправдываетъ обѣтъ свой—славить благость Божію и тѣмъ, что по его сознанію нечѣмъ больше и благодарить Господа.

Яко аще бы восхотѣлъ еси жертвы—собственно жертвы закланія, которая приносилась Господу въ благодарность за Его благодѣянія, также какъ жертва всесожженія приносима была въ ознаменованіе посвященія себя Богу благодѣтелю. Какъ же Богъ не хочетъ отъ Давида жертвъ закланія и всесожженія, когда Онъ Самъ установилъ ихъ въ законѣ? Уже ли неугодны Ему собственныя Его учрежденія? Богу не угодно все то, что совершается не сообразно намѣреніямъ Его; Ему неугодны жертвы, когда приносились онѣ безъ мыслей вѣры, безъ сердечной любви, такъ какъ Онъ учреж-

далъ ихъ не въ этомъ бездушномъ видѣ. Ему неугодны жертвы безъ вѣры и любви, такъ какъ такія жертвы уже не Его учрежденія, а дѣло произволовъ человѣческихъ. Еще чрезъ Моисея сказалъ Богъ нечестивымъ: *не обоняю вони жертвъ вашихъ* (Лев. XXVI, 31).—Поелику же жертвы имѣли важность только въ связи съ вѣрою и любовію: то значитъ, вѣра и любовь собственно и угодны Господу. Сіе то и выражаетъ Давидъ, когда говоритъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.*

Духъ сокрушенный, сердце сокрушенное и стѣсненное означаетъ глубокую, но тихую печаль. Духъ сокрушенный соединяется у Давида съ скорбію сердца и въ другихъ случаяхъ (Псал. CXLVI, 3. XXXIII, 19). Въ настоящемъ случаѣ предметомъ печали, благоугодной Богу, служатъ у Давида грѣхи. Съ чего же Давидъ считаетъ печаль о грѣхахъ умѣстною послѣ того, какъ прощены грѣхи его, послѣ того, какъ самъ онъ радовался о спасеніи? Видите, радость о благодатномъ спасеніи не исключаетъ печали о нашемъ собственномъ дѣлѣ—о грѣхѣ. Напротивъ самая хвала Богу, милостивому и щедрому къ грѣшнику, необходимо заключаетъ въ себѣ мысль о грѣхѣ и виновности грѣшника. Ибо прославляя Бога за то, что Онъ, по благости своей, простилъ грѣхи мои, какъ отрекусь я отъ памятованія о томъ, что прощено? Нѣтъ сердце сокрушенное есть точно благодарная жертва Богу. Сознавая себя грѣшниками, мы не станемъ приписывать что либо себѣ, а будемъ относить все къ Богу, будемъ за все благодарить только милость Божію. Потому мѣра памятованія нашего о грѣхахъ, мѣра печали нашей о заблужденіяхъ сердца будетъ мѣрою благодарности нашей предъ Господомъ за прощеніе грѣховъ.

Итакъ, исключая жертвы и всесожженія изъ дѣлъ примиренія нашего съ Богомъ и поставляя на ихъ мѣста сердце сокрушенное и смиренное, кающійся Давидъ возвышается до апостольскаго ученія объ условіяхъ примиренія нашего съ Богомъ. Такъ кающееся самосознаніе, повидимому, унижаетъ человѣка до крайней степени, лишая его всѣхъ надеждъ на личность свою: но на дѣлѣ оно, унижая, возвышаетъ человѣка, такъ какъ поставляетъ его подъ всесильную защиту могущества Божія. „Близокъ Господь къ сокрушеннымъ въ сердцѣ и смиреннымъ духомъ Онъ спасаетъ“ (Псал. XXXIII, 19). Возвышенный смиреніемъ Давидъ не только самъ поетъ благодарность Богу, но и поетъ хвалу отъ лица цѣлой церкви.

Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона и да созиждутся стѣны іерусалимскія. Тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожигаемая. Тогда возложатъ на олтарь Твой тельцы (ст. 20, 21).

Если бы не прощенъ былъ грѣхъ Давида, если бы исполнилась угроза Наѳанова о преданіи мечу всего дома Давидова за грѣхъ Давида (II Цар. XII, 10): тогда что послѣдовало бы за тѣмъ? Потрясеніе всего царства израилева, смятеніе и волненіе, война и разореніе для всего народа израильскаго, тѣмъ болѣе для столицы царской Іерусалима. Одно было бы послѣдствіемъ другаго. Грѣхъ плодовитъ: онъ производитъ гибель и разрушеніе во всемъ, окружающемъ насъ. Люди считаютъ грѣхи малостію: но отъ грѣховъ нашихъ стенаетъ вся тварь; отъ грѣховъ нашихъ—бѣды для ближнихъ нашихъ, для общества, въ которомъ живемъ, для государства, къ которому принадлежимъ, для церкви, съ которой соединены мы духовными узами. Вотъ почему Давидъ съ покаянною заботою о своей судьбѣ соединяетъ заботу о Сіонѣ и Іерусалимѣ и обѣты благодарности за свое помилованіе не ограничиваетъ своею личностію.

Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона. Если на мнѣ, Господи, оставляешь безъ отмщенія грѣхъ мой: то тѣмъ болѣе не отвращай лица Твоего за грѣхи мои отъ царства израилева,—продолжай благоволенія свои къ нему. Дай совершиться намѣреніямъ моимъ о Іерусалимѣ; пусть не только твердыми остаются стѣны его, едва неразрушенныя грѣхомъ моимъ, но да растутъ они въ непобѣдимую твердыню.

Тогда, какъ услышишь Ты молитву мою, молитву о полномъ забвеніи грѣховъ моихъ и по отношенію ко мнѣ и по отношенію къ царству моему, *тогда благоволиши жертву правды.* Тогда благоугодны Тебѣ будутъ жертвы правды, возношеніе и всесожженіе; тогда народъ благодарный за милости Твои съ радостію принесетъ Тебѣ все, что можетъ. Жертвы правды—такія жертвы, которыя приносятся съ расположеніями и мыслями праведными, согласно съ намѣреніями Божіими. Такія жертвы пріятны Богу; онѣ различны отъ жертвы духа сокрушеннаго только по виду, а не по значенію своему. Такъ сердца пламенѣющія любовію къ Тебѣ, души приносящія себя всецѣло служенію Твоему—вотъ что принесетъ Тебѣ церковь Твоя, Господь милостей и щедротъ.

Такимъ образомъ плодами покаянія Давидова были: а) твердый обѣтъ его учить беззаконныхъ путямъ Божіимъ; б) обѣтъ возвѣщать правду Божію, воздающую каждому свое; в) обѣтъ прославлять величіе благости Божіей; г) постоянная память о грѣхахъ—какъ хвала величію благодати, наконецъ д) хвала и благодарность цѣлой церкви.

Братія! по заповѣди церкви и мы приносимъ покаяніе. Не скажу, чтобы церковь не благодарила и за то Господа. Но осмотритесь, что скажетъ совѣсть ваша о вашей исповѣди? Такова ли исповѣдь

ваша, какъ была исповѣдь Давида? Таково ли раскаяніе ваше, каково было раскаяніе Давида? Давидъ не остановился на томъ, что принесъ искреннее, пламенное, горькое раскаяніе въ грѣхахъ? Онъ сопровождалъ раскаяніе свое новыми подвигами, какъ естественными послѣдствіями искренняго раскаянія его. Гдѣ же ваши плоды раскаянія? Или для васъ довольно посмотрѣть въ зеркало закона Божія на безобразіе души своей и отойти прочь спокойно? Стыдитесь. Что-жъ дѣлать, скажете вы? Поступайте такъ, какъ поступалъ Давидъ. Пусть каждый заглаждаетъ грѣхи свои, чѣмъ могутъ заглаждаться грѣхи его. Лѣнивый на молитву ходи въ храмъ Божій; скупой твори милостыню; любящій поѣсть и попить сладко, держи постъ; жалкій слуга страсти плотской трепещи предъ судомъ за гробомъ; ты, который любишь судить и осуждать другаго, займись собой, бросай насмѣшки и упреки въ себя самаго. О! какъ благодаренъ былъ Давидъ за прощеніе грѣховъ его! Онъ не только рѣшился разъ навсегда вести жизнь чистую, святую: но сколько обѣтовъ высокихъ принесено благодарнымъ сердцемъ его! Почему бы каждому изъ васъ не положить на себя того или другаго обѣта, хотя бы легкаго? Сколько жертвъ приносятъ міру и грѣху! И за что? За то, что тотъ и другой губятъ святое въ душѣ. А для Отца небеснаго, столько благодѣтельнаго, нѣтъ жертвъ? Для вѣчнаго спасенія нечего дать? Для Бога мы бѣдны, стѣснены и неурожаемъ и торговлею плохою. Какая простодушная искренность! Какой разсчетъ умный! Отъ Бога ожидаютъ всего, и милости для души, и денегъ и хлѣба и честей. А Ему что даютъ? Къ Нему съ чѣмъ являются? О, братія, если мы не хотимъ по волѣ жить здѣсь для Господа: то тамъ противъ воли будемъ исполнять волю Его, но какую? Онъ скажетъ: отойдите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный. И пойдемъ, нехотя.

О! Боже,—Боже спасенія нашего! даждь намъ сердце сокрушенное и смиренное, не для насъ, которые ничего не стоимъ, а для милости Твоей.—Аминь.

1849 г.

БЕСѢДА ВЪ ПЯТУЮ НЕДѢЛЮ ПОСТА,

НА ЛИТУРГІИ, О ЖИЗНИ СВ. МАРІИ ЕГИПЕТСКОЙ.

Святая церковь предлагаетъ въ сіи дни покаянія примѣръ и молитвы подвижницы Маріи египетской. Читали ли вы, слушатели, исторію сей жены, дивной покаяніемъ? Повторите, если читали: тѣмъ болѣе послушайте, если никогда не читали и не слушали. Читаютъ же исторію беззаконій, часто самыхъ безстыдныхъ беззаконій. Какъ же не послушать исторію покаянія исторію дивныхъ подвиговъ для вѣчнаго спасенія? Ужели кому либо больше нравятся зловонія грѣха, чѣмъ благовонія добродѣтелей? Если такъ: худо очень худо. Пусть поспѣшатъ исправить испортившееся обоняніе, чтобы совсѣмъ не потерять его. На сей разъ предложу вамъ одну часть житія чудной Маріи.

Семнадцать лѣтъ жила Марія для одного грѣха, въ богатомъ торговомъ городѣ Александріи; семнадцать лѣтъ вела жизнь самую нечистую, утопая въ любодѣяніи; семнадцать лѣтъ была сосудомъ діавола, отвратительнымъ для Господа. Называю жизнь тѣми именами, какими именовала ее сама Марія, будучи святою. Пожалуй, люди найдутъ другія названія этой жизни. Чего не бываетъ у людей! У нихъ есть и невинныя слабости, и грѣхи, чуть не равные добродѣтелямъ. Но *не льстится братія,* говоритъ намъ апостолъ, *не льстится братія: ни блудницы, ни малакіи царствія наслѣдити не могутъ.*

Марія, по побужденіямъ грѣха, отправилась въ Іерусалимъ на праздникъ поклоненія кресту Господню. По примѣру другихъ, она пошла и въ іерусалимскій храмъ. Но неудержимая на путяхъ преступной жизни она никакъ не могла переступить порога святилища. Три, четыре раза покушалась она войти въ храмъ. Но каждый разъ тайная, незримая сила не допускала ее въ храмъ Божій. Неукротимая грѣшница въ первый разъ задумалась, чувства взволновались, въ совѣсти раскрылась мрачная картина протекшей жизни. Она увидѣла наконецъ, что есть Всевышній, которому гнусны дѣла ея; увидѣла, что нѣтъ общенія между ею—сосудомъ мерзостей и храмомъ Всесвятаго,—нѣтъ общенія между ею, которая погубила столько душъ, и тѣмъ, Кто положилъ душу Свою за спасеніе душъ,—нѣтъ общенія между ею—вмѣстилищемъ нечистоты, и тѣмъ крестомъ, на которомъ пролита кровь

пречистаго Агнца и Сына Божія. Горькія слезы полились изъ глазъ ея; она поражала грудь свою ударами, въ безнадежіи. Терзаемая скорбію, взглянула и увидѣла она на стѣнѣ притвора икону Богоматери! и лучъ надежды блеснулъ въ мрачной душѣ ея. Она обратилась къ Пресвятой Дѣвѣ съ мольбою—явить ей бѣдной грѣшницѣ милость, вознесть молитву ея къ Сыну Господу и открыть доступъ къ животворящему кресту Его; она произнесла твердый обѣтъ не жить болѣе для грѣха, а посвятить себя Господу, на раскаяніе и слезы. Молитва была услышана. Новое усиліе войти въ храмъ не было остановлено. Она вошла и, пораженная милосердіемъ пріемлющаго такую грѣшницу какъ она, повергласъ предъ животворящимъ древомъ, орошая землю ручьями слезъ. Еще разъ, поручивъ себя защитѣ Богоматери предъ Ея образомъ, Марія отправилась за Іорданъ на трудный подвигъ покаянія. Такъ произошла благодатная перемѣна въ бывшей грѣшницѣ!

Много мыслей возбуждаетъ сокрушенная Марія. Во глубинѣ грѣха была она. Но отвергнута ли небомъ? Нѣтъ! Преклонилась къ слезамъ ея Матерь Божія и преклонила къ ней Сына Своего. Грѣшникъ! какъ бы глубоко ни палъ ты въ бездну грѣха, смотри на грѣшницу Марію, не отвергнутую небомъ. Не допускай до души отчаянія. Обратись въ сокрушеніи сердца къ Господу. Провелъ ли ты большую часть жизни въ забвеніи о Богѣ, въ разсѣянной, нечистой жизни? Вспомни, Марія не скоро образумилась; пришедшая въ себя—принята небомъ. Будетъ ли тебѣ дано знаменіе о готовности принять тебя или нѣтъ, о томъ нѣтъ нужды заботиться. Слово Господа вѣрно, какъ и дѣло. *Живу Азъ, глаголетъ Господь—не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему.* Для людей вѣрнѣе всего, когда слово запечатлѣно клятвою; и Господь снисходитъ къ этой людской немощи; съ клятвою увѣряетъ, что не хочетъ Онъ смерти грѣшника. Будь же увѣренъ, грѣшникъ, что Господь только ждетъ твоего обращенія. Смиряйся въ душѣ предъ Господомъ, становись вмѣстѣ съ мытаремъ на задней сторонѣ храма, считай себя недостойнымъ взирать на небо и тайны святыя; но будь съ упованіемъ на благость неба. По примѣру Маріи, моли преблагословенную Дѣву, моли молитвенниковъ неба, дабы они предстали за тебя недостойнаго предъ престолъ великаго Бога и испросили тебѣ милость Его. И это смиреніе—будь увѣренъ—принято будетъ, какъ лучшая жертва.

Мытари и любодѣйцы прежде васъ входятъ въ царствіе Божіе (Матѳ. XXI, 31), сказалъ Спаситель фарисеямъ и книжникамъ. Это слово исполнила на себѣ Марія. Благодать Божія коснулась ея сердца не напрасно; искра Божія, явившаяся въ мрачной душѣ ея, не потухла; пробужденный голосъ совѣсти не замолкъ. Быть не можетъ,

слушатель мой, чтобы и насъ съ тобою, въ то или другое время, не касалась благодать Божія. Искупитель, призвавшій къ Себѣ Марію, и нынѣ Тотъ же пастырь добрый, ищущій заблудшихъ овецъ; Онъ и нынѣ ударяетъ въ двери сердца нашего разными случаями, то неудачами нашими въ дѣлахъ или болѣзнями, то благословеніемъ путей нашихъ. Но чтожъ? Мы—безпечные, или пропускаемъ безъ вниманія прикосновенія благодати, или, хотя и трогаемся ими, но скоро забываемъ ихъ. Какъ много надобно намъ плакать, чтобы Господь не поразилъ судомъ праведнымъ нашей невнимательности къ Его попеченію о спасеніи нашемъ!

Во дни Спасителя притекали къ Спасителю великіе грѣшники—мытари, блудницы, разбойники: но фарисеи, люди соблюдавшіе, по наружности, законность и приличіе, рѣдко, весьма рѣдко обращались къ Нему съ искреннею душею. Такъ и нынѣ люди, знатные праведностію своею, не думаютъ, что имъ должно каяться. Они говорятъ: „въ чемъ намъ каяться? Слава Богу,—мы не разбойники, не блудники, не воры; а малыхъ грѣховъ Богъ не взыщетъ“. Несчастные! они не видятъ, не чувствуютъ, что цѣпь ежедневныхъ, ежечасныхъ, такъ называемыхъ, малыхъ грѣховъ ихъ стала уже такъ длинна, что давно конецъ ея виситъ въ аду; они не видятъ, что эта цѣпь, скрѣпляемая ими каждый день, каждый часъ, повтореніемъ, грѣховъ, такъ крѣпка стала, что имъ не разорвать ее холодными бездушными молитвами. Други мои! самое страшное состояніе души—это состояніе гордой безчувственности и самонадѣянія безпечнаго.

Молитва мытаря оправдала его, оттого, что она была молитвою сокрушеннаго сердца, молитвою души, полной чувства виновности предъ Господомъ. А надмѣнному фарисею не помогли даже пожертвованія въ пользу храма. Молитесь, други мои, усердно молитесь, съ сокрушеніемъ души, какъ грѣшники. Ибо всѣ мы грѣшники предъ Господомъ. Всѣ мы должны принадлежать Ему, какъ Его созданія; все въ насъ должно служить Ему, а не грѣху. Онъ такъ благъ, что все сердце должно служить Ему, и всѣ кости наши должны исповѣдаться Ему. Потому-то, кто ни теплъ, ни холоденъ, тому глаголетъ Онъ: *имамъ изблевати тя отъ устъ Моихъ*. Устрашимся холодности къ вѣчному спасенію. Присмотримся къ себѣ внимательно; испытаемъ себя совѣстію строгою. Пересмотримъ жизнь нашу по всѣмъ заповѣдямъ, повѣримъ съ закономъ всѣ дѣйствія, всѣ отношенія наши. Перечтемъ преступленія, не оставляя ни одного безъ правдиваго суда. Не станемъ извинять себя ни общею слабостію, не помѣшавшею святымъ быть святыми, ни примѣромъ многихъ; въ аду будетъ мѣсто и многимъ, если не покаемся всѣ. Не станемъ ссылаться на благость Божію, которая блага не для того,

чтобы мы были грѣшниками, неблагодарными предъ нею. Будемъ судить себя, какъ бы стояли мы предъ судомъ Господа, грознаго въ правдѣ. И тогда-то покаяніе наше можетъ быть такъ же животворно, какъ покаяніе св. Маріи.

Приглашая любовь вашу выслушать продолженіе исторіи св. Маріи, въ слѣдующую литургію, молю Господа Іисуса, да ниспослетъ Онъ свѣтъ Свой въ сердца наши, чтобы узрѣли мы, по примѣру Маріи, множество грѣховъ нашихъ и прославили благость Его, долго-терпѣвшую намъ. Аминь.

Говорена въ домовой церкви.
1848 г.

БЕСѢДА ВЪ ПЯТУЮ НЕДѢЛЮ ПОСТА,

НА УТРЕНИ, О ЖИЗНИ СВ. МАРІИ ЕГИПЕТСКОЙ.

Мы оставили въ прошедшей бесѣдѣ св. Марію на пути ея въ пустыню, куда удалилась она для подвиговъ новой жизни. Посмотримъ теперь на жизнь ея въ пустынѣ.

Когда преподобный старецъ Зосима увидѣлъ въ первый разъ Марію въ глубоко-дикой пустынѣ: онъ до того пораженъ былъ ея видомъ, что думалъ—предъ глазами его не человѣкъ, а духъ. Такъ изможденa была плоть ея! Отъ солнечнаго зноя она вся почернѣла; волосы были бѣлы, какъ волна. Принявъ ее потомъ за многолѣтняго пустынника, Зосима просилъ ее, бѣжавшую отъ него, остановиться для пользы души его, и услышавъ отвѣтъ: „авва Зосима! я жена,—брось мнѣ твою мантію, чтобы прикрыла я наготу мою“. Изумленный тѣмъ, что называютъ его по имени тамъ, гдѣ никто не могъ знать его, онъ уже не сомнѣвался, что Богъ открываетъ ему необыкновенную рабу свою. Когда онъ спросилъ о пустынной жизни ея: она отвѣчала такъ: „если не ошибаюсь,—сорокъ семь лѣтъ, какъ оставила я св. городъ Іерусалимъ, и ни съ кѣмъ съ того времени не видалась. Сперва питалась я хлѣбами, которые принесла съ собою, пока не вышли они,—потомъ растеніями пустыни. Когда одежда моя износилась, много терпѣла я отъ зноя солнечнаго и отъ стужи. Часто до того ослабѣвала я, что не могла держаться на ногахъ и падала“. Старецъ спросилъ о внутреннихъ подвигахъ ея. Она отвѣчала: „этотъ вопросъ приводитъ меня въ трепетъ, лишь подумаю я о тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, которымъ подвергалась я, о тѣхъ нападеніяхъ, которыя вытерпѣла я отъ испорченнаго сердца моего.

Цѣлыя семнадцать лѣтъ испытывала я жестокія и непрестанныя искушенія. Когда начинала я ѣсть, чувствовала, что мнѣ хочется ѣсть мяса или рыбъ египетскихъ. Сильно хотѣлось мнѣ пить вино. Въ міру я очень любила это питье, такъ что часто напивалась до излишества, а въ пустынѣ не всегда имѣла и капли воды, чтобы утолить мучившую меня жажду. Мои безпорядочныя страсти влекли меня и ко многому другому. Тогда я начинала рыдать и терзать мою грудь. Я предавала себя Матери Божіей и вспоминала обѣты, которые давала я предъ Ея изображеніемъ. Когда я долго такимъ образомъ плакала, поражая тѣло мое ударами: то внезапно свѣтъ озарялъ меня и покой возвращался въ сердце мое. Часто мученія старыхъ страстей моихъ, казалось, гнали меня вонъ изъ пустыни. Тогда бросалась я на землю, орошала ее слезами, возносила сердце мое къ Пресвятой Дѣвѣ и Она никогда не отказывала мнѣ въ защитѣ". Такъ говорила Марія.

Не правда ли, други мои,—страшны были искушенія Маріи? Жестоки подвиги ея? Чудна помощь, посылавшаяся ей съ неба?

Страшны были искушенія Маріи оттого, что слишкомъ раздражены были страсти долгою жизнію въ грѣхѣ. Какъ надобно намъ страшиться, други мои, чтобы не раздражать въ себѣ страстей долговременнымъ снисхожденіемъ къ ихъ алчности! Счастливы юныя души, если со дней юности начнутъ покарять себя игу заповѣдей Христовыхъ. Иначе, чѣмъ долѣе живутъ по волѣ страстей, тѣмъ тяжелѣе возвращаться на путь спасительный. Страсти, удовлетворяемыя въ теченіи лѣтъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становятся дики, неукротимы, разрушительны. Отсѣкайте въ себѣ дурныя пожеланія, укрощайте худыя наклонности, въ самомъ ихъ началѣ, пока онѣ еще не окрѣпли въ душѣ. Часто утѣшаютъ себя мыслію, что та или другая слабость маловажна, что въ томъ или другомъ грѣхѣ еще успѣютъ исправиться. Проходятъ годы, начинаютъ чувствовать, что жили худо, рѣшаются отказываться отъ давней слабости. Но слабость такъ возобладала душею, что не чувствуютъ себя въ силахъ преодолѣть ее, и то, что въ началѣ такъ легко было побѣдить въ себѣ, теперь требуетъ подвиговъ жестокихъ.

Невыразимо—жестока была борьба, которую вытерпѣла Марія, съ страстями. Но путь къ царствію Божію и для каждаго тернистъ. Худыя привычки увеличиваютъ тяжесть подвиговъ для подвижника спасенія. Но кто бы ты ни былъ, другъ мой, на небо нельзя взойти безъ труда. Просторная дорога, гладкій путь, веселая жизнь ведутъ въ адъ. Царство Божіе, говоритъ Спаситель, берется съ насиліемъ (Матѳ. XI, 12). Итакъ, выбирай одно изъ двухъ—вѣчное блаженство и здѣсь труды, или покой на землѣ и вѣчныя муки за гробомъ.

Итакъ, благословляй Господа, когда Онъ посылаетъ тебѣ скорби и бѣдствія, отнимая пищу у страстей и налагая на нихъ узду противъ твоей воли.

Впрочемъ, если путь къ царствію Божію труденъ: то это не значитъ того, что жизнь подвижниковъ благочестія безпомощна и безотрадна. О, нѣтъ! Близокъ Господь ко всѣмъ призывающимъ Его искренно. Помощь Его готова для каждаго, кто проситъ помощи. Смотрите на св. Марію. Господь не медлитъ подкрѣплять и утѣшать рабовъ Своихъ, когда это нужно. Какъ бы ни были сильны страсти, какъ бы ни была жестока борьба, воздвигаемая ими; просите помощи свыше,—и помощь подана будетъ. Чѣмъ сильнѣе возстанетъ буря грѣховная на душу, тѣмъ неотступнѣе просите и пріимете;—получите желаемое, когда, оставивъ всякую надежду на себя, повергнете предъ Господомъ и свои грѣхи, и свои немощи; когда воззовете изъ глубины души: Господи! бѣденъ я, грѣшенъ я, погибаю, спаси меня Спаситель мой! И онъ подастъ спасеніе, утѣшитъ, подкрѣпитъ, обрадуетъ, такъ что забудете всѣ горечи и исчезнутъ всѣ препятствія. До какого торжества надъ немощами нашей природы, до какого торжества надъ самою внѣшнею природою возвышала благодать Божія подвижниковъ благочестія! Посмотрите на св. Марію, эту утопавшую нѣкогда во грѣхѣ грѣшницу.

Св. Марія, говоритъ исторія ея, просила старца Зосиму принесть ей въ великій четвертокъ будущаго поста тѣло и кровь Спасителя. Въ началѣ поста, сказала она ему, ты не можешь выдти изъ монастыря". И точно въ слѣдующій постъ Зосима лежалъ боленъ, когда братія пошли за Іорданъ для уединенныхъ подвиговъ. Когда приблизился великій четвертокъ: Зосима уже выздоровѣлъ и пошелъ на берегъ Іордана съ тѣломъ и кровію Господа, которую несъ въ чашѣ, взявъ и корзинку плодовъ. Вечеромъ онъ увидѣлъ святую на противоположномъ берегу. Она ознаменовала воду крестомъ и пошла по ней, какъ по твердой землѣ. Подойдя къ старцу, она, по выслушаніи символа вѣры и молитвы—Отче нашъ, причастилась святой евхаристіи и, воздѣвъ руки на небо, произнесла въ слезахъ: „нынѣ отпущаеши рабу твою, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ; поелику видѣли очи мои спасеніе души моей". Обратясь къ Зосимѣ, оно сказала: „прости меня за трудъ, который причинила я тебѣ: но не откажи мнѣ еще въ милости—въ слѣдующій постъ приди на то мѣсто, гдѣ въ первый разъ говорила я съ тобою". Въ слѣдующій постъ Зосима съ прочими братіями пошелъ въ пустыню. Первою заботою его было отыскать святую и спросить объ имени ея, что доселѣ забывалъ онъ сдѣлать. Когда пришелъ онъ на мѣсто, нашелъ ее уже мертвою. На тѣлѣ ея лежала надпись, которая гово-

рила, что усопшая называлась Маріею, а вмѣстѣ означенъ былъ день, когда почила она. Зосима похоронилъ ее въ могилѣ, которую выкопалъ посланный Богомъ левъ".

Такъ подвизалась и почила въ пустынѣ св. Марія.

Позволятъ ли мнѣ ублажить пустыню, воспитавшую для неба св. Марію? Да, блаженна пустыня, возвысившая до такой чистоты такую грѣшницу. Чѣмъ была Марія, живя въ шумномъ мірѣ! Гнусною грѣшницею. Чѣмъ стала Марія, подвизаясь въ пустынѣ? Ангеломъ на землѣ.

Но скажутъ: къ чему эта похвала пустынѣ? Развѣ нельзя найти спасенія въ мірѣ?

Не сомнѣваюсь, други мои, что и въ городахъ и въ селахъ находятъ спасеніе рабы Божіи. Не сомнѣваюсь, что на всякомъ мѣстѣ можно и должно благословлять Господа. Но, подумаемъ и о томъ, зачѣмъ Марія, начавшая покаяніе въ городѣ Іерусалимѣ, удалилась доканчивать покаяніе въ пустынѣ? Ужели ошиблась она? Ужели допустила дѣло ненужное, безполезное для души? Конечно, не скажете, что легче могла ошибиться св. Марія, чѣмъ мы, грѣшные. Марія испытывалась въ пустынѣ, и испытывала пустыню сорокъ восемь лѣтъ. А согласитесь, опытъ—великій учитель; это не то, что мечты людей, которые говорятъ о духовныхъ предметахъ только по наслышкѣ, и потому знаютъ о нихъ столько же, сколько слѣпые о цвѣтахъ. Послушаемъ и другаго учителя, ни для кого непререкаемаго,—слово Божіе. *Бѣ отходя въ пустыню и моляся,* говоритъ евангеліе о Спасителѣ (Лук. V, 16). *Сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо*—на пустынной горѣ, говорилъ Спаситель предъ крестною своею смертію (Матѳ. XXVI, 36). Что значатъ сіи дѣйствія Спасителя? То, что чистая молитва требуетъ всевозможнаго отлученія души отъ всего сотвореннаго, чтобы всецѣло быть съ Господомъ,—то, что для совершенія совершеннѣйшей молитвы и самый чистый духъ, каковъ духъ Богочеловѣка, имѣлъ нужду въ пустынномъ удаленіи отъ міра. Вотъ одобреніе пустынѣ въ непререкаемой жизни Богочеловѣка! Если же самъ Господь Іисусъ находитъ пустыню нужною даже для Себя: то что сказать намъ немощнымъ о себѣ? О, Боже мой! какъ мы легкомысленны во всемъ, что относится къ спасенію нашему! Мы представляемъ себя такъ крѣпкимъ, что считаемъ для себя соблазны міра ничѣмъ. А на дѣлѣ и легкая скорбь до того возмущаетъ духъ нашъ, что мы совершенно теряемся; на дѣлѣ и пустыя забавы міра до того занимаютъ собою, что мы бѣгаемъ за ними точно, какъ дѣти. Нѣтъ, не будемъ обманывать себя. Кромѣ того, что міръ разнообразіемъ предметовъ, нуждъ, заботъ развлекаетъ вниманіе наше, въ немъ цѣлыя

толпы образовъ, раздражающихъ наши слабости, страсти, похоти. Сочтите тысячи прихотей, развлеченій, приличій, необходимостей дома, семейства, общества, придуманныхъ тщеславіемъ, роскошью, страстью къ деньгамъ. И измѣрьте взоромъ сердце ваше,—не отзывается ли оно болѣе или менѣе, чаще или рѣже, на каждое прикосновеніе предметовъ и принадлежностей вѣка грѣшнаго? Не забудьте и того, что измѣрить всѣ слабости сердца, увидѣть всѣ язвы наносимыя ему грѣшнымъ міромъ, почувствовать всю цѣну духовной чистоты, возможно не иначе, какъ при озареніи сердца свѣтомъ благодати. О! какъ не сказать послѣ того: блаженна пустыня, воспитавшая св. Марію для неба! Тѣ, которымъ открывалъ Господь всю немощь ихъ и возбуждалъ жажду служить Ему безъ развлеченій, не находя въ себѣ силъ противоборствовать міру, бѣжали изъ міра, какъ Лотъ изъ Содома, чтобы повторять съ апостоломъ: *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII, 14). Другое дѣло, по сознанію немощей своихъ, по недостатку силъ, нужныхъ для пустыни, но отваживаться на подвиги пустыни; это прилично христіанскому духу смиренія; это значитъ, что христіанская жизнь имѣетъ свои степени совершенства, какъ и въ дому Отца небеснаго много обителей. Потому не опасайтесь: не позову я всѣхъ въ пустыню. Желаю только, чтобы всѣ сознавали свои немощи; желаю, чтобы страшились, всѣ страшились обольщеній грѣшнаго міра.

Владыко Господи! молитвами свят. матере нашея Маріи сохрани умы и сердца наши отъ губительныхъ стрѣлъ міра и страстей. Аминь.

1848 г.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ГЛАСЪ БОЖІЙ КЪ ГРѢШНИКУ.

I.

Сыне человѣчь, въ стража дахъ тя дому израилеву. Егда реку грѣшнику: грѣшниче, смертію умреши и не будеши глаголати, еже сохранитися нечестивому отъ пути своего: той беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, а крове его отъ руки твоея взыщу (Іезек. XXXIII, 8.).

Такъ говоритъ Господь пророку своему! Не тоже ли говоритъ Онъ и всѣмъ пастырямъ своимъ? Не каждый ли пастырь обязанъ вѣрно передовать слово Божіе паствѣ своей? Не каждый ли пастырь долженъ благовременно и безвременно обличать, убѣждать уговаривать грѣшниковъ, заставлять оставить погибельные пути нечестія и вступить на путь спасительный? Не каждый ли пастырь отвѣчать будетъ на судѣ Божіемъ за каждую невѣрность долгу своему? О! какая тяжкая обязанность пастыря!

Братія! пріятно ли, или непріятно вамъ слышать, но служитель слова Божія обязанъ повторить вслухъ вашъ слово Божіе. Это—долгъ его. Тяжко и жестко слово Божіе о грѣшникѣ. Но оно—слово Божіе, и вы должны слушать его; оно—слово Божіе и, безъ сомнѣнія, нужное для васъ, болѣе нужное, чѣмъ всякое слово человѣческое.

Грѣшникъ долженъ обратиться или онъ погибнетъ; кто бы онъ ни былъ, онъ погибнетъ, если не оставитъ грѣшныхъ путей своихъ. Такъ говоритъ Богъ пророку о грѣшникѣ! Такова воля Божія о грѣшникѣ! Таково положеніе грѣшника!

Что сказалъ Богъ устами пророка Іезекіиля, то говорилъ и чрезъ другихъ проповѣдниковъ своихъ, то провозвѣстилъ и Самъ единородный Сынъ Божій. Устами Іереміи говорилъ Господь грѣшнику: *Накажетъ тя отступленіе твое и злоба твоя обличитъ тя: и увѣждь и вѣждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити мя* (Іер. II, 19.). У Исаіи Онъ говоритъ преступнымъ чадамъ израи-

ля: *обратитеся ко мнѣ и спасетеся* (XLV, 22.). *Возвратятся грѣшницы во адъ, вси языцы забывающіи Бога* (Псал. IX, 18.), говоритъ св. царь Давидъ именемъ Божіимъ. Не мягче ли говорится о грѣшникѣ, въ новомъ завѣтѣ, гдѣ такъ много благости Божіей? Св. апостолъ учитъ: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, иже воздастъ комуждо по дѣломъ его* (Рим. II, 5, 6.). *Аще во плоти живете, имате умрети* (Рим. VIII, 13.). *Кромѣ святыни никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14.). Спаситель поучаетъ: *иже не имѣетъ вѣры осужденъ будетъ* (Лук. XXIV, 47.). *Аще соблазняетъ тя рука твоя, отсѣцы ю: добрѣе ти есть безъ руки въ животъ внити, неже обѣ руцѣ имущу внити въ геенну, во огнь неугасающій, идѣже червь ихъ не умираетъ и огнь ихъ не угасаетъ* (Мар. IX, 43, 44.). Довольно ли сего? Не ясно ли, что не воля человѣческая, не толкованіе людей, а воля Божія говоритъ грѣшнику: выбирай одно изъ двухъ, или возвратись съ путей грѣха на путь спасительный, или жди себѣ погибели вѣчной?

Если такъ говоритъ о грѣшникѣ Сынъ Божій, Который сошелъ съ неба и знаетъ всю истину, если такъ говоритъ Богъ: можетъ ли быть инымъ положеніе грѣшника? Послѣ того, если бы и ангелъ съ неба говорилъ вамъ что либо другое о грѣшникѣ: онъ не былъ бы ангеломъ свѣта, а духомъ лжи. И точно, только отецъ лжи можетъ говорить грѣшникамъ: вы спасетесь, оставаясь грѣшниками. Богъ возвѣстилъ праотцамъ въ раю: умрете, если вкусите отъ древа познанія добра и зла. А діаволъ увѣрялъ: не умрете,—напротивъ вамъ отверзутся очи, вы будете какъ боги. Такъ и нынѣ увѣряетъ онъ бѣдныхъ грѣшниковъ: не тревожьтесь,—страхъ ада—вымыслъ людей суевѣрныхъ; будьте выше толпы. И бѣдные люди повѣрили ему въ раю, вѣрятъ ему и теперь, вѣрятъ, хотя опытъ праотцевъ долженъ бы предостеречь ихъ. Жалкіе люди! Какое униженіе, какая слѣпота вѣрить діаволу и не вѣритъ Богу.

Послѣ того, какъ ясно опредѣлено Богомъ положеніе грѣшника, что означало бы усиліе человѣка выставить положеніе его въ иномъ видѣ? нечестивую борьбу съ Богомъ! хотятъ, чтобы судъ безпредѣльнаго соотвѣтствовалъ ихъ земнымъ, узкимъ, понятіямъ. Думаютъ быть правдивѣе вѣчной премудрости и правды: какая дерзость! какое нечестіе! Не правда ли, что до очевидности безполезенъ трудъ ихъ, что незванные судьи слишкомъ поздно явились въ міръ, чтобы перемѣнять законы, такъ давно данные міру?

Богъ милосердъ, говорятъ, и не осудитъ насъ. Да, Онъ милосердъ. По милости своей Онъ и объявляетъ грѣшнику: покайся, или ты погибнешь. Не милость ли Его—это спасительное предосте-

реженіе грѣшнику? Не благость ли Его—эта проповѣдь нечестивому? Если же грѣшникъ не слушаетъ благости Божіей: кто виноватъ въ томъ? Не самъ ли грѣшникъ? Плоды неповиновенія его—горьки, послѣдствія—гибельны: но онѣ плоды его воли. Если кто жестокъ къ грѣшнику: то только онъ самъ къ себѣ; онъ не принялъ благости Божіей, по своему произволу.

Богъ благъ, и не осудитъ насъ. Но понимаютъ ли, чего ожидаютъ отъ благаго Бога? Ожидаютъ, чтобы благость Божія благоволила къ грѣху, любила грѣхъ! Какое безумное ожиданіе! Благій Богъ щадитъ грѣшника, но не можетъ любить грѣхъ. Грѣхъ, предметъ отвращенія и негодованія Его. Если люди считаютъ ни за что грѣхи свои, если они такъ равнодушны къ дѣламъ нечестія своего: не хула ли на Бога думать, что и Онъ Всевсятый можетъ благоволить къ грѣху? О! пока грѣшникъ останется грѣшникомъ: грѣхи его будутъ предметомъ гнѣва Божія. Иному быть нельзя.

Хотятъ, чтобы нечестивые были въ раю. Что имъ тамъ дѣлать? Имъ и рай будетъ адомъ. Дадутъ ли имъ покой ихъ преступленія, тамъ, гдѣ гнусность и безобразіе ихъ были бы озарены свѣтомъ праведныхъ? И какъ быть нечестивымъ въ раю? Въ раю любятъ Бога, любятъ все святое, а нечестивые не любятъ ни Бога, ни всего святаго. Какъ быть имъ тамъ, когда ихъ желанія, ихъ навыки, ихъ мысли влекутъ ихъ въ адъ, а не въ рай?

Ужели, говорятъ, не противно правдѣ Божіей наказывать за временные грѣхи вѣчною мукою? Если вѣчныя награды за временныя добрыя дѣла согласны съ правдою: отчего же хотятъ считать вѣчную муку несогласною съ правдою Божіею? Пусть лучше поймутъ, о чемъ не думали. Пусть поймутъ, что какъ въ добромъ дѣлѣ цѣна его зависитъ не отъ продолжительности его, а собственно отъ его сообразности съ волею Божіею, такъ точно низость и грѣховность преступленія человѣческаго состоитъ въ его противорѣчіи съ волею Божіею, въ его отношеніи къ богосозданной душѣ.

Грѣшники! вмѣсто того, чтобы препираться съ Божіимъ словомъ о грѣшникѣ, смиритесь предъ нимъ, покоритесь ему, поспѣшите выполнить, чего ожидаетъ оно отъ грѣшника для его счастія. Покайтесь, чтобы не погибнуть, обратитесь, чтобы быть цѣлыми. Поймите, почувствуйте всю грозную опасность своего положенія. Вы погибнете на вѣчность, если не покаетесь. Такова участь ваша! Вы можете удалять отъ взора вашего эту участь: но не надолго. Она выполнится надъ вами во всей грозной полнотѣ своей и противъ вашей воли. Грѣшникамъ не хочется вѣрить, чтобы это было такъ. Имъ хочется жить весело, не задумываясь, тогда какъ голосъ Божій возбуждаетъ душу отъ грѣховнаго усыпленія. Что же? Голосъ

Божій не измѣнитъ ли своего значенія, не измѣнитъ ли самому себѣ отъ того, что хотятъ того грѣшники? О! грѣшники! не будьте такъ легкомысленны въ отношеніи къ самимъ себѣ! Придите въ себя. Зачѣмъ ожидать того, чтобы безполезно каяться въ безумной забывчивости здѣшней! Зачѣмъ не каяться здѣсь, гдѣ такъ спасительно покаяніе!

Любящій нѣгу и покой! Ты боишься самой малой непріятности; ты не доволенъ, что указываютъ тебѣ на грозную будущность безпечнаго грѣшника; а между тѣмъ готовишь себѣ страданія вѣчныя, муки неизмѣримыя. Посмотри—ты стоишь надъ бездною огня. Невидимая рука, доселѣ удерживающая тебя, выпуститъ тебя и ты низринешься въ эту бездну. О! содрогнись. Еще ты цѣлъ и благодари Бога. Никакіе подвиги, никакіе труды, не должны быть для тебя тяжелы, лишь бы не попасть тебѣ въ геенну съ твоею безпечностію. Какъ бы ни были тяжки подвиги, которымъ остается тебѣ подвергнуть себя по предписаніямъ духовнаго врачеванія: они—подвиги временные, которые ничего не значатъ въ сравненіи съ вѣчностію мукъ, готовыхъ для неисцѣленнаго грѣшника!

Грѣшники! не удаляйте отъ взора вашего мысли объ адѣ.—Чѣмъ менѣе вы способны служить всесвятому по чистому побужденію любви, тѣмъ крѣпче держитесь страха, благодѣтельнаго для васъ. Страхъ грозной вѣчности—вѣрный стражъ противъ грѣховъ. Что всѣ прелести грѣха, что всѣ приманки чарующихъ страстей предъ вѣчностію мукъ, готовыхъ грѣшнику? Вы, которые дѣлаете изъ грѣха шутку,—содрогнитесь;—тяжела, страшна тамъ отвѣтственность за грѣхъ.—Вы любимцы счастія! не теряйте изъ виду конца, къ которому приведетъ васъ злоупотребленіе благъ земныхъ и—вы станете употреблять ихъ на то, на что даны онѣ вамъ.

Отче небесный! да святится имя Твое нами!

II.

Грѣшниче, смертію умреши:
(Iезек. XXXIII, 8).

Грѣшникъ! о твоей участи идетъ дѣло; тебѣ грозятъ смертію вѣчною. Не правда ли, что дѣло—стоитъ всего твоего вниманія? И однако грѣшникъ холоденъ, грѣшникъ равнодушенъ къ своей вѣчной участи. Всѣ мы заботимся, какъ сберечь, какъ поддержать въ себѣ жизнь тѣлесную; думаемъ, хлопочемъ, беремъ мѣры, какъ оградить покой ея, какъ сохранить ее отъ неу-

добствъ, лишеній, болѣзней, скорбей. Не тѣмъ ли болѣе надобно заботиться, какъ спастись намъ отъ вѣчныхъ мукъ? Что время предъ вѣчностію? Мгновеніе! И однако, если уже Господь призналъ нужнымъ возвѣстить грѣшнику: *грѣшниче, смертію умреши:* вѣрно, самъ грѣшникъ худо помнитъ о томъ, мало заботится о своей вѣчной участи. Отчего же такое невниманіе грѣшниковъ къ своей участи? Чѣмъ начинается и чѣмъ сопровождается оно въ грѣшникахъ?

Жизнь будущая сама по себѣ—предметъ незримый, предметъ далекій отъ насъ. Чтобы приблизить его къ душѣ, нужна вѣра.—*Вѣра обличеніе вещей невидимыхъ,* она осуществленіе ожидаемаго (Евр. XI, 1). Въ комъ есть живая вѣра: тому близка, тому присуща, тому ясна и будущая жизнь съ ея тайнами. Нѣтъ живой вѣры въ душѣ: тогда душа видитъ и знаетъ только то, что поражаетъ ея чувства; живетъ въ кругѣ вещей, поперемѣнно являющихся ей; жизнь земная съ ея волненіями и перемѣнами доставляетъ ей радости и горе, скорби и веселье. Это присутствующее, это осязаемое заслоняетъ для нея все, что выше земнаго и видимаго. Прирожденная мысль о вѣчности слишкомъ темна, слишкомъ слаба въ душѣ, поврежденной грѣхомъ. Если же вѣра начинается отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія (Рим. X, 17), то какъ быть вѣрѣ, какъ быть живой мысли о будущности, когда не читаютъ и не слушаютъ слова Божія? Чѣмъ занимаются грѣхолюбивые? Читаютъ и слушаютъ только легкія, т. е. пустыя книги; смотрятъ только на забавы страстей человѣческихъ. То и другое, говорятъ, очень пріятно, очень весело. И съ такимъ весельемъ гуляютъ весь вѣкъ свой. Друзья мои! умѣли жить весело и язычники. Но страшно за ваше легкомысліе языческое! Хотятъ явиться на судъ Божій съ языческимъ невѣжествомъ, съ языческимъ незнаніемъ духовной жизни, неба, ада, съ языческими страстями! Иные, пожалуй, знаютъ многое, знаютъ, что на морѣ и за моремъ, что на небѣ и въ глубокихъ нѣдрахъ земли. Но такъ какъ ни въ глубинахъ моря, ни въ глубинахъ земли, нельзя узнать, что придется имъ видѣть за гробомъ: то и являются на тотъ свѣтъ чужими.—Такъ равнодушіе грѣшника къ своей загробной участи прежде всего есть слѣдствіе недостатка въ немъ живой вѣры, той вѣры, которая начинается отъ слышанія слова Божія.

Представьте же грѣшника, занятаго суетами міра. Скоро ли мысль о вѣчности дойдетъ до души его сквозь густую и шумную толпу заботъ его? И умъ и сердце бѣдныхъ труженіковъ суеты полны житейскими хлопотами. Какъ усовершить хозяйство? Какъ поставить промыслъ въ лучшее состояніе? Какъ и гдѣ дать движеніе торговлѣ? Какъ увеличить доходы съ имѣнія. Какъ ускорить работы? Вопросы за вопросами роятся въ душѣ и ждутъ отвѣтовъ.

Рѣшеніемъ этихъ вопросовъ заняты днемъ и ночью, во снѣ и на яву. На эти предметы обращена вся изобрѣтательность ума, вся сила воли. Точно тоже—у искателей честей и славы. Чтобы приподняться отъ земли повыше на двѣ или на три ступеньки предъ другими, чтобы выиграть выгодное о себѣ мнѣніе людей, достать видное мѣсто у высшихъ,—сколько хлопотъ о томъ, сколько трудовъ для того! Гдѣ-жъ тутъ думать о вѣчности? Нѣтъ времени. И что выходитъ изъ того? Заботы житейскія, не давая времени заниматься вѣчностію, превращаютъ бѣднаго труженика въ жалкаго поденьщика суеты. По той мѣрѣ, какъ эти заботы изглаждаютъ въ душѣ заботу и мысль о вѣчности, онѣ сами становятся болѣе и болѣе безсмысленными и наконецъ человѣкъ оказывается чѣмъ-то въ родѣ рабочаго животнаго. Ибо какъ иначе назвать человѣка, который день и ночь въ работѣ, но безъ всякой мысли о небѣ и Богѣ? Жизнь его слилась съ тѣмъ, что исчезаетъ какъ дымъ, разсыпается какъ песокъ, пробѣгаетъ какъ волна. Въ какомъ состояніи будетъ это бѣдная душа по переходѣ ея въ вѣчность? Міръ вещественный, съ которымъ и которымъ жила она дотолѣ, исчезъ. Чтожъ она такое? Привычки ея съ нею, желанія ея съ нею, жажда труда съ нею; а ничего такого, чѣмъ жила она, чѣмъ питалась, надъ чѣмъ трудилась, нѣтъ болѣе съ нею. Несчастной остается жить только съ мыслями и желаніями, которыхъ пустота очевидна, но которыя потому самому, что пусты и неисполнимы, будутъ томить и мучить ее, не давая отдыха. Страшная жизнь!

Представьте еще душу больную, душу зараженную страстію или и страстями. Дика страсть къ корысти: но какъ она сильна бываетъ въ душѣ! Страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ—грязна: но и ея предметами тѣшится душа ненасытно. Гордость слѣпа и тѣмъ хуже отъ нея душѣ.—Мысль о вѣчности, какъ яркій лучъ солнца, открываетъ больной душѣ состояніе ея; при ея свѣтѣ въ виду бездна, въ которую готова упастъ несчастная душа, въ виду гнѣвъ Божій, страшно карающій нечестивыя страсти ея. Дозволитъ ли страсть, возобладавшая душею, свободно подходить къ такой мысли? Пріятно ли ей знакомиться съ такою мыслію? Ахъ! нѣтъ и нѣтъ. Она поспѣшитъ занять душу пріятными видами кое-какихъ добрыхъ дѣлъ ея и скажетъ душѣ: тѣ непріятности не до насъ касаются,—займемся другимъ. Если же какъ нибудь встревоженная совѣсть станетъ говорить: не правда, объ насъ идетъ дѣло: тогда откроется самая печальная картина. Мысль о вѣчности будетъ гнать нечистыхъ духовъ вонъ изъ души, а они, не желая разстаться съ пріятнымъ жилищемъ, возстанутъ противъ мысли о вѣчности и будутъ внушать душѣ: все—мечта!

Грѣшникъ! какъ жалокъ ты! ты трепещешь вѣчности, ты хочешь скрыться отъ нея! и какъ тебѣ не бояться вѣчности? Тамъ встрѣчаешься ты и съ тою душою, которую ты преслѣдовалъ клеветами злости твоей, встрѣчаешь и бѣднаго брата, котораго въ гордости попиралъ ты какъ червя, встрѣчаешь и ту душу, у которой отнялъ ты невинность, встрѣчаешь всѣхъ, которые лили отъ тебя горькія слезы, призывая на тебя судъ Божій. Страшно грѣшнику смотрѣть на вѣчность! Но—зачѣмъ же онъ тогда еще, какъ зарождалась въ немъ та или другая страсть, какъ можно чаще не обращался къ спасительный мысли о вѣчности? Тогда для души его, не совсѣмъ еще разстроенной, мысль о вѣчности не была такъ болѣзненна и ему не трудно было ея вліяніемъ ослабить, обезсилить въ себѣ пагубную страсть. Теперь—не то и въ лучшія минуты его, въ минуты отрезвленія духовнаго. Мысль объ адѣ заставляетъ исправить многое въ жизни заставляетъ возстать особенно противъ господствующей страсти; но—эта страсть стала такъ близка къ душѣ, такъ срослась съ ней; трудно, очень трудно бороться съ собой. И вотъ обезсиленный грѣшникъ говоритъ мысли о вѣчности: „теперь иди, когда буду имѣть время, позову тебя“ (Дѣян. XXIV, 25). Грѣшникъ! чѣмъ рѣже ты будешь встрѣчаться съ мыслію объ адѣ, тѣмъ положеніе твое будетъ хуже и хуже. За отсутствіемъ спасительнаго страха нечистыя страсти будутъ располагать тобою по уставамъ безумія; ты дойдешь до того, что сострадательная душа съ скорбію будетъ говорить о тебѣ: *человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ: приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13).—Какъ слѣпой, идя по краю пропасти, не видитъ своей грозной опасности и глухой не слышитъ, когда предостерегаютъ его отъ ожидающей его бѣды: такъ объятые страстію идутъ къ аду беззаботно, не видя ада, не думая о немъ. Закрыты глаза у гордаго, и онъ не видитъ, какъ часто по судамъ Божіимъ повторяется еще здѣсь казнь надъ нечестиво-высящимся: *мимо идохъ, и се не бѣ, взыскахъ, и не обрѣтеся мѣсто его* (Псал. XXXVI. 36). Таково свойство страстей!

Такъ скрывается отъ грѣшной души вѣчность ея! Съ такими послѣдствіями удаляется она отъ взора ея!

Братія! чтобы не коснѣть мнѣ и вамъ во грѣхахъ, надобно помнить объ адѣ; надобно читать и слушать слово Божіе, его вѣрное ученіе о вѣчности праведныхъ и грѣшныхъ. Среди суетъ міра надобно часто обращаться къ тому, что міръ оставитъ насъ, если мы его не оставимъ; надобно мыслію о вѣчности разсѣявать мглу суетъ земныхъ.—Если, къ несчастію, зародилась въ душѣ какая либо страсть: тѣмъ настойчивѣе надобно обращаться къ мысли объ адѣ, готовомъ для грѣшниковъ, тѣмъ чаще надобно освѣщать ею будущ-

ность нашу. Вѣчность—вѣчность! какъ много надобно думать о тебѣ, какъ твердо надобно держать тебя въ мысли. *Блаженъ бдяй и блюдый ризы своя, да не нагъ ходитъ и узрятъ срамоту его* (Апок. XVI. 15).

III.

Грѣшниче, смертію умреши.

Ясна воля Божія о грѣшникѣ: онъ долженъ покаяться, иначе ждетъ его страшная вѣчность. Но грѣшникъ въ иное время тревожится вѣчностію, чаще же спитъ съ мыслію: не близка эта вѣчность. Проснись грѣшникъ,—вѣчность твоя не такъ далека отъ тебя, какъ кажется тебѣ. Осмотрись, и ты увидишь, что грѣхъ еще здѣсь на землѣ начинаетъ въ тебѣ пагубу, которая въ страшномъ своемъ видѣ откроется за гробомъ.

Какъ любовь соединяетъ насъ съ Богомъ: такъ всякій тяжкій грѣхъ удаляетъ отъ насъ Бога и Его благодати. Грѣшникъ, совершая беззаконія, оставляетъ Бога своего и Богъ оставляетъ его себѣ самому. Чѣмъ болѣе беззаботенъ онъ о себѣ въ дремотѣ грѣховной: тѣмъ болѣе отдаляетъ онъ отъ себя благодатную любовь Божію. *Не людіе Мои вы и Азъ нѣсмь Богъ вашъ*, говорилъ Господь преступнымъ чадамъ израиля (Ос. I, 9). Тому быть нельзя, чтобы Богъ благоволилъ къ грѣху. *Богъ не хотяй беззаконія Ты еси, не приселится къ Тебѣ лукавнуяй; ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Твоима, возненавидѣлъ еси вся дѣлающія беззаконіе* поетъ Давидъ (Псал. V, 5). Пророкъ Божій, отвѣчая на жалобы израиля, привлекшаго на себя тяжкія бѣды грѣхами, говоритъ: *еда не можетъ рука Господня спасти? Или отягчилъ есть слухъ свой, еже не услышати? Но грѣси ваша разлучаютъ между вами и между Богомъ и грѣхъ ради вашихъ отврати лице свое, еже не помиловати.* (Исаія LIX, 1. 2). Грѣшникъ! И въ счастіи и въ несчастіи ты считаешъ малостію грѣхи твои, ты готовъ шутить и иногда шутишь ими. Нѣтъ, грѣхи не малость: они—стѣна твердая между Богомъ и грѣшникомъ, преграда, которая препятствуетъ благодатной силѣ Божіей нисходить на тебя. Что же такое грѣшникъ, отдалившій себя отъ Бога? Въ Богѣ—жизнь наша, а безъ Бога—смерть. Грѣшникъ, нераскаянный грѣшникъ, который пьетъ грѣхи, какъ воду, на землѣ представляетъ изъ себя осужденнаго за гробомъ; онъ—живой мертвецъ.

Послѣ сего не удивляйтесь, если скажутъ вамъ, что грѣхъ производитъ страшное опустошеніе въ душѣ грѣшника.

Что такое грѣхъ для ума нашего? На что смотритъ умъ грѣшника? Онъ обращенъ къ землѣ, а не къ небу, къ предметамъ страстей, а не къ Богу. Дивно ли, что тогда, какъ умъ грѣшника совсѣмъ отклоняетъ взоръ свой отъ неба, и свѣтъ небесный, свѣтъ безпредѣльный перестаетъ освѣщать душу грѣшника? Такъ грѣхъ наводитъ на умъ грѣшника мракъ, мракъ духовный, предъ которымъ ничего не значитъ мракъ, замѣчаемый тѣлеснымъ взоромъ. На мѣсто свѣта чистаго, небеснаго, въ умѣ грѣшника являются только блуждающіе огни гніющей жизни; на мѣсто небесной мудрости является плотская мудрость, та мудрость, которая умѣетъ придумывать пріятное для испорченной природы, но не думаетъ о духовномъ и не понимаетъ ничего изъ жизни благодатной.—*Сущіи по плоти плотская мудрствуютъ* (Рим. VIII, 5). *Душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть и не можетъ разумѣти, зане духовне востязуется* (Кор. II, 14). Если онъ и знаетъ законъ Божій: то знаетъ, какъ событіе историческое но не какъ законъ души своей; онъ не знаетъ, въ какомъ состояніи находится душа его въ отношеніи къ волѣ Божіей.—Вотъ почему образованный науками грѣшникъ, коль скоро приходитъ въ себя, со вздохомъ говоритъ, что у него въ душѣ темно,—темно, а между тѣмъ такъ много знаетъ онъ. Это значитъ, что и тогда, какъ много знаетъ онъ, въ душѣ его нѣтъ свѣта Божія, грѣхъ навелъ мракъ на душу, удаливъ отъ нея свѣтъ благодатный, который одинъ показываетъ вѣрные пути къ небу. Вотъ почему люди безъ всякаго образованія, но подвизающіеся на пути благочестія знаютъ и видятъ то, чего не могутъ знать другіе. Въ ихъ душѣ, очищаемой отъ грѣха, почіетъ свѣтъ благодатный, открывающій имъ и тайны царствія Божія. Что представляетъ собою умъ человѣка порабощеннаго страстямъ? И опытъ людей обыкновенныхъ говоритъ, что, по дѣйствію страсти, предметы являются уму не въ своемъ видѣ, получаютъ цвѣтъ то зеленый, то красный или вовсе темный, смотря по свойству чувства и страсти. Грѣшникъ, по внушенію страстей, готовъ чернить все чистое, подвергать сомнѣнію всякую истину, осуждать даже святыню и—нѣтъ той лжи, которой бы не сталъ онъ защищать коль скоро это нужно той или другой страсти; по временамъ видите въ немъ не только равнодушіе, но и явное нерасположеніе къ истинѣ. Не думаете ли, что онъ дѣйствуетъ такъ странно съ полнымъ самосознаніемъ? Ахъ! Нѣтъ. Какъ быть тамъ полному сомосознанію, гдѣ мракъ осязаемый? Грѣшникъ, объятый страстію,—тоже что больной горячешный. Душа подъ влія-

ніемъ страстей не видитъ себя, не понимаетъ, что не ея голосъ велитъ ей считать истину ложью, а голосъ страсти; не слышится совѣсть въ шумѣ суеты и страстей. Представьте же, что цѣлые годы грѣшника проходятъ въ служеніи страстямъ, что цѣлая жизнь его—только жизнь страстей: чѣмъ явится предъ вами умъ его? Вслѣдствіе долгой борьбы ума съ истиною, вслѣдствіе долгаго упражненія въ превращеніи истины въ ложь, вслѣдствіе долгихъ занятій только мечтами и пустотой должно открыться наконецъ полное ослабленіе самосознанія, полное разстройство познавательныхъ силъ, полная тупость ума для всего святаго и духовнаго. Мудрость, *не искусившая имѣти Бога въ разумѣ, предается въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. I, 28).—Вотъ состояніе, близкое къ загробному состоянію грѣшника по уму!

Если же грѣхъ наводитъ слѣпоту на умъ: то естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ портитъ онъ и волю.

Грѣхъ отторгаетъ волю нашу отъ воли Божіей,—въ томъ сущность грѣха и здѣсь же порча воли. Отторгая отъ воли Божіей, онъ уклоняетъ свободу человѣка отъ источника ея силы и могущества и оставляетъ слабую, испорченную жизнь раскрываться изъ самой себя, по ея влеченіямъ неправильнымъ. Онъ даетъ волѣ совершенно превратное направленіе. Вмѣсто того, чтобы всѣми желаніями стремиться къ Богу своему, она стремится къ тому, какъ бы дѣлать пріятное самолюбію. Является ли это самолюбіе какъ похоть плоти, или какъ похоть очесъ или же въ видѣ гордости житейской, въ душѣ мѣсто Бога занимаетъ идолъ. Что долженъ былъ дѣлать человѣкъ для Бога, то дѣлаетъ онъ для идола души. Какое униженіе души, созданной для того, чтобы любить и чтить Бога своего! Грѣхъ, повидимому, даритъ грѣшнику полную вольность и независимость. Въ чемъ состоитъ грѣхъ? Въ томъ, чтобы не слушать воли Божіей и быть самому для себя началомъ и цѣлію поступковъ. *Будете, яко бози*, говорилъ обольститель первымъ людямъ и первые люди повѣрили. Таже мечта независимости, таже надежда стать выше препятствій для воли увлекаютъ каждаго грѣшника. Переходя отъ одного недозволеннаго удовольствія къ другому, отъ одного своеволія къ третьему и десятому, грѣшникъ готовъ наконецъ сказать о Богѣ вмѣстѣ съ фараономъ: *кто есть, его же послушаю гласа* (Исход. V, 2)? Какой это страшный обманъ грѣха—мечта независимости! *Всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII, 34). Это—необходимость. Истинная свобода человѣка состоитъ въ томъ, чтобы любовію приближаться къ первообразу свободы нашей—Богу, и тѣмъ раскрывать въ себѣ жизнь лучшую, подобную жизни Божіей. Коль же скоро грѣхъ есть уклоненіе отъ воли Божіей; то онъ

уже есть и оскорбленіе свободы, тѣмъ болѣе, что вводимое имъ служеніе идолу души скоро становится невольничествомъ. Грѣшникъ въ началѣ видитъ и чувствуетъ незаконность службы своей кумиру и по временамъ готовъ бываетъ разбить свой кумиръ: но потомъ, чѣмъ долѣе остается въ службѣ кумиру, тѣмъ рабство становится тягчѣе, такъ что и силы и время заняты бываютъ только тѣмъ, чтобы угождать кумиру. Омраченный страстію умъ съ своей стороны является къ услугамъ грѣху, чтобы укрѣпить власть его надъ волею. Онъ выставляетъ идола души въ заманчивомъ видѣ, скрывая ничтожество его. Для похоти плоти чувственныя удовольствія оказываются невинными, для гордости житейской надмѣнность означаетъ благородную важность, а смиреніе—оскорбленіе достоинствъ; для похоти очесъ то скупость—умная расчетливость, то роскошь—благотворительная щедрость. Такъ воля развращается болѣе и болѣе. При невольнической службѣ любимому грѣху невозможнымъ наконецъ становится ни одно чисто-доброе дѣло, ни одинъ подвигъ для единаго Господа: такъ или иначе въ него вмѣшивается служеніе кумиру. Воля до того развращается наконецъ, что ни въ какомъ случаѣ не останавливаетъ стремленія своего къ грѣху. Въ такомъ грѣховномъ состояніи остается грѣшникъ за гробомъ!

Говоритъ ли о томъ, что грѣхъ еще на землѣ готовитъ въ душѣ адскія мученія? Онъ закрываетъ въ ней пріемлемость для духовныхъ удовольствій и необузданностію въ наслажденіяхъ преступныхъ разстроиваетъ чувства до безотраднаго томленія (I Пет. II, 3.). *Нѣсть радоватися нечистивымъ*, глаголетъ Господь. (Исаія. XLVIII, 32.).

Друзья мои! Грѣхъ—самый жестокій врагъ нашъ. Необъятно зло, которое наноситъ онъ намъ. Какъ много слезъ надобно лить намъ за легкомысліе, съ какимъ смотримъ мы на грѣхъ. *Постражди́те, и слези́те, и плачи́теся; смѣхъ ва́ш въ плачь да обрати́тся и ра́дость въ сѣтова́ніе* (Іак. IV, 9.). Небесная мудрость вѣрна въ своемъ словѣ. Она говоритъ намъ: *блаженъ человѣкъ, и́же послу́шаетъ Мене. Обрѣта́яй бо Мене, обря́щетъ живо́тъ.—Согрѣша́ющіи же въ мя нечеству́ютъ на своя́ ду́ши,* дѣлаютъ несправедливость, душамъ своимъ, *и ненави́дящіи Мя лю́бятъ смерть* (Притч. VIII, 34—36.). Господи! просвѣти души наши Твоею благодатію, да видимъ и чувствуемъ мы, какъ сладко служить Тебѣ и какъ горько удаляться отъ Тебя.

IV.

Рцы имъ: живу Азъ, глаголетъ Адонаи Господь, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти: обращеніемъ обратитеся отъ пути вашего злаго и вскую умираете, доме израилевъ? (Іезек. XXXIII, 11.).

Какъ упоренъ грѣхъ въ человѣкѣ! Когда говорятъ грѣшнику: обратись, или ты погибнешь, и грѣшникъ начинаетъ чувствовать пагубу грѣха. Но грѣхъ, отстаивая себѣ мѣсто въ душѣ грѣшника, говоритъ грѣшнику: *вящшая вина твоя еже оставитися* (Быт. IX, 13.), ты слишкомъ много грѣшилъ, чтобы быть прощеннымъ,—остается тебѣ жить, какъ живется. Въ другой разъ грѣшникъ, отягченный горькими послѣдствіями грѣховъ своихъ, жалуется на свою участь, тайно обвиняя въ ней Бога, а самъ идетъ по прежнему путемъ грѣха; „все кончено для меня, говоритъ онъ, Богъ оставилъ меня, несчастія, плата за грѣхи мои, выше силъ моихъ". Осмотрись, грѣшникъ! Кто желаетъ твоей погибели? Осмотрись, и ты увидишь, что Богъ одного желаетъ для тебя, чтобы ты былъ живъ, желаетъ одного спасенія тебѣ.

Что значитъ, что ты еще живешь на землѣ? Грѣхи твои не осудили ли тебя давно на погибель? Совѣсть твоя не говоритъ ли тебѣ, что по множеству нечестій сердца твоего, по множеству тайныхъ и явныхъ грѣховъ твоихъ, ты бремя землѣ. И однако ты наслаждаешься дарами жизни земной. Когда увлекался ты гордостію до безумія, тщеславіемъ до потери смысла, гнѣвомъ и яростію до неистовства, осквернялся нечистотами плоти до потери сознанія: сколько разъ Господь Богъ могъ поразить тебя среди нечестій твоихъ? И ты еще живъ. Когда ты, ослѣпленный страстями, не только самъ не видалъ безобразія своего, но не доволенъ былъ и укорами дружбы, съ гнѣвомъ защищалъ въ себѣ дѣла тьмы и касался хулою святыхъ истинъ: чего стоило правосудному въ мгновеніе представить тебя на судъ свой съ хулами на устахъ, съ борьбою противъ правды въ сердцѣ твоемъ? Но ты еще живъ. Эту плоть грѣшную, которую ты такъ нѣжишь, оскорбляя Бога твоего, этотъ составъ гнилости, предъ которымъ ты такъ унижаешь безсмертную душу твою, праведный гнѣвъ Его не могъ ли давно отдать въ пищу червямъ или звѣрямъ хищнымъ? Не менѣе ли значитъ для всемощнаго низвергнуть тебя съ земли въ адъ, нежели тебѣ сдвинуть пылинку? Какъ легко Онъ можетъ связать языкъ нечестиваго ху-

лителя, усмирить самаго дерзкаго изъ враговъ своихъ! Одинъ посланный Имъ истреблялъ тысячи грѣшниковъ. Такъ, если ты еще живъ, грѣшникъ, если на тебя, какъ и на праведниковъ, льются лучи жизни и наравнѣ съ ними ты пользуешься столькими дарами земными и небесными, духовными вещественными: какъ дерзаешь ты думать, что Богъ оставилъ тебя? Какъ дерзаешь ты не признавать надъ собою благости Его? Какъ дозволяешь себѣ быть неблагодарнымъ предъ твоимъ Отцемъ небеснымъ?

Рцы имъ: живу Азъ, глаголетъ Адонаи Господь, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему. Народъ израильскій, долго оскорблявшій Бога своего то повременнымъ служеніемъ идоламъ, то разными другими преступленіями, наконецъ преданъ за нечестіе свое жестокимъ казнямъ. Подъ гнѣтомъ бѣдствій онъ чувствуетъ наконецъ виновность свою, сознаетъ, что онъ подъ гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи свои: но, не разставаясь съ грѣхами, досадуетъ на тяжелую участь свою; ропщетъ на то, что нельзя ему оставаться по прежнему съ грѣхами безъ того, чтобы не терпѣть бѣдъ. *Прелести наша*, говорятъ отступники, *и беззаконія наша въ насъ суть*, лежатъ на насъ, какъ бремя, *и мы въ нихъ таемъ и како намъ живымъ быти?* (Іезек. XXXIII, 10). На эти-то слова отвѣчаетъ Господь. О! Благость непостижимая! Она попускаетъ грѣшникамъ досадовать на участь свою, въ которой они сами виновны, высказывать ропотъ на Господа своего, какъ будто немилостиваго къ нимъ. Мало и того. Она препирается съ упорными грѣшниками; старается побѣдить упорство ихъ клятвою. Клятвою увѣряетъ грѣшниковъ, что не хочетъ погибели ихъ и желаетъ имъ только добра. Прочь мрачное уныніе, мятежное противъ Бога, покорное одному грѣху! Между людьми всякому спору полагаетъ конецъ клятва. Клятва Божія должна положить конецъ и всѣмъ сомнѣніямъ грѣшника о себѣ, если только не хочетъ онъ быть съ сомнѣніями сатаны. Богъ вѣренъ въ своемъ словѣ. Если Онъ сказалъ, что желаетъ одного спасенія грѣшнику, готовъ не только простить грѣшника, но и подать ему все нужное для лучшей жизни: слово Его—свято.—Онъ строго запретилъ людямъ клясться въ дѣлахъ неважныхъ. И потому, если Самъ клянется, что не желаетъ смерти грѣшника: очевидно дѣло спасенія грѣшниковъ—дѣло важное въ очахъ Его. И какъ часто открывалъ Онъ такую волю свою о грѣшникѣ! *Богъ нашъ, Богъ спасеній нашихъ, Богъ, еже спасати* (Псал. XLI. 20. 21). *Да оставитъ нечестивый пути своя, и мужъ беззаконный совѣты своя и обратится ко Господу, и помилованъ будетъ, яко по премногу оставитъ грѣхи ваша* (Ис. LV, 7). *Беззаконникъ, аще обратится отъ всѣхъ беззa-*

коній своихъ, яже сотворилъ, и сохранитъ вся заповѣди моя,—жизнію поживетъ и не умретъ: вся согрѣшенія его, елика сотворилъ, не помянутся ему и въ правдѣ своей, юже сотворилъ,живъ будетъ (Іезек. XVIII. 21. 22.). Вотъ воля Его, объявленная чрезъ пророковъ! И не оправдана ли она опытами? Предъ нами примѣры помилованныхъ грѣшниковъ—Давидъ, Ахаавъ, Манассія.—Ахаавъ, столько творившій зла предъ Богомъ, какъ никто изъ современниковъ.—Манассія, *наполнявшій весь Іерусалимъ беззаконіемъ.*

Для чего Сынъ Божій нисходилъ на землю? Для чего вѣчную славу Сына Божія скрывалъ Онъ въ уничиженномъ образѣ раба? Для чего смиренное естество человѣческое принялъ въ составъ ипостаси бежественной? *Пріиде Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Лук. XIX, 10). *Не пріидохъ призвати праведныя, но грѣшники на покаяніе:* такъ говорилъ самъ Онъ, вѣчная и всегда вѣрная себѣ истина. И какою любовію къ грѣшникамъ дышали всѣ поступки и слова Его! Въ какихъ ясныхъ, въ какихъ поразительныхъ образахъ представляетъ Онъ намъ благость Божію, готовую принять кающагося грѣшника. Вотъ преступный сынъ расточаетъ имѣніе родительское на странѣ далекой; но едва рѣшается возвратиться къ отцу, отецъ самъ встрѣчаетъ его, обнимаетъ его и говоритъ: скорѣе—новыя одежды, скорѣе заколите тельца упитаннаго,—сынъ мой, считавшійся потеряннымъ, нашелся,—будемъ веселиться.—Вотъ пастырь оставляетъ стадо и идетъ искать одну заблудшую овцу,—найдя возлагаетъ ее себѣ на рамена и несетъ въ стадо. О любви Отца небеснаго къ грѣшникамъ проповѣдывалъ Учитель небесный и самъ жилъ и умеръ любовію къ нимъ. Онъ, который будучи Сыномъ Божіимъ, носитъ все глаголомъ силы своей, не имѣлъ, гдѣ главы приклонити, переносилъ голодъ и зной, жажду и утомленіе. Судія живыхъ и мертвыхъ стоялъ какъ агнецъ предъ судіями самыми несправедливыми, выслушивалъ ихъ насмѣшки и оскорбленія, терпѣлъ заушенія и раны, оплеванія и біенія. Начальникъ жизни, истерзанный страданіями, умеръ позорною смертію, на крестѣ. Для чего все это? Не для того ли, чтобы примирить правосудіе Отца небеснаго съ виновнымъ человѣчествомъ? Кто же можетъ послѣ того заграждать людямъ входъ въ царствіе Божіе? *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ, вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Сынъ Божій, говоритъ св. апостолъ, въ званіи первосвященника съ своею собственною кровію вошелъ единожды въ святилище небесное и пріобрѣлъ вѣчное искупленіе, Онъ—первосвященникъ,—искупитель для всѣхъ временъ (Евр.IX,12).—Пусть смущенная совѣсть грѣшника не говоритъ того, что оправданіе Сына Божія не относится

къ такому грѣшнику, каковъ онъ,—оно принадлежитъ избраннымъ, достойнымъ того по жизни. — Правда. Сынъ Божій пострадалъ за насъ не для того, чтобы безпечно жили мы во грѣхахъ; но посланники Божіи учатъ насъ, что кто бы ни грѣшилъ и какими грѣхами ни отягчилъ бы свою совѣсть, цѣна заслугъ Сына Божія—безпредѣльна, не ограничивается ни лицемъ, ни временемъ. *Чадца мои*, пишетъ св. апост. Іоаннъ, *сія пишу вамъ, да не согрѣшаете, и аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу Іисуса Христа праведника. И той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и всего міра* (Іоан. II, 1. 2). *Кровь Іисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (Іоан. I, 7). Ап. Павелъ поучаетъ: *благовѣствованіе Христова сила Божія есте во спасеніе всякому вѣрующему* (Римл. 16). И не самъ ли Сынъ Божій установилъ навсегда въ церкви своей власть прощать и не прощать грѣхи? Не по Его ли волѣ каждому кающемуся у алтаря Господня отпущаются грѣхи? Не по Его ли волѣ учители вѣры всенародно и на единѣ показываютъ грѣшникамъ, что нужно для того, чтобы получить разрѣшеніе духовное? „Обитающіе на землѣ, учитъ св. Златоустъ, допущены управлять тѣмъ, что на небѣ, получили такую власть, какой не дано ни ангеламъ, ни архангеламъ. Ибо тѣмъ не сказано: *елика аще свяжете на земли будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* Что священники дѣлаютъ долу, то Богъ опредѣляетъ горѣ, и Господь утверждаетъ мнѣніе рабовъ своихъ“ (О свящ. слов. III).

Итакъ кто бы и каковъ бы ни былъ грѣшникъ: двери милосердія небеснаго открыты для него. Какъ бы глубоко ни палъ человѣкъ, какъ бы ни были тяжки грѣхи его, какъ бы ни было велико число ихъ: Богъ желаетъ спасенія его, потому что благъ, и можетъ спасти, потому что всемогущъ. Это несомнѣнно, особенно для тебя, христіанинъ, предъ взорами котораго преднаписанъ распятый за грѣхи людей Сынъ Божій.

Подумайте, же, грѣшники, кому пріятно видѣть васъ грѣшниками? Кто желаетъ погибели вашей? Богъ не желаетъ того. Это вѣрно, какъ святая правда. Всѣ, кто только любитъ Бога, по Его примѣру, также желаютъ вамъ всего лучшаго. Кто же желаетъ погибели вашей? Отецъ лжи и нечестія безъ сомнѣнія радъ вашей погибели: онъ исконный врагъ нашъ и Божій; любя одно зло, онъ употребляетъ всѣ мѣры, чтобы завлечь людей въ грѣхъ и обманутыхъ весть отъ преступленія къ преступленію до погибельной нераскаянности. Къ чему же намъ тѣшить собой діавола? Есть и еще, бѣдная душа моя, опасный врагъ твой, который строитъ тебѣ погибель—это испорченная грѣхомъ природа твоя, именуемая въ пи-

саніи плотію. Плоть непрестанно воюетъ съ духомъ, и воюетъ весьма хитро. Она любитъ нѣжиться, жить просторно и весело; любитъ похвалы и почести. И очень не любитъ ни трудовъ, ни подвиговъ; не любитъ ни поста, ни покаянія, ни молитвы, ни смиренія. Дивно ли, что не желая ни трудиться, ни каяться, она внушаетъ тебѣ клеветы на Бога твоего, будто слишкомъ строгаго къ себѣ, будто неготоваго ни прощать тебя, ни подавать помощи? Зачѣмъ же слушать враговъ нашихъ, ищущихъ погибели нашей?

О! скорѣе припадемъ къ Богу благому и милостивому. Прольемъ предъ Нимъ скорбь нашу о ранахъ души нашей. Онъ подастъ благодать, оживляющую все омертвѣлое въ насъ. Онъ—жизнь для всего.

V.

Рцы имъ: обращеніемъ обратитеся отъ пути вашего злаго, и вскую умираете доме израилевъ? (Іезек. XXXIII, 11).

Изумительное упорство въ человѣкѣ-грѣшникѣ. О его счастіи, о его участи вѣчной заботятся; ему говорятъ: остановись,— ты идешь къ погибели. И онъ, не слушая, идетъ путемъ прежнимъ. Кого же не слушаетъ, кого оставляетъ онъ безъ вниманія своего? Господа неба и земли. Солнцу повелѣлъ Господь совершать путь свой, и оно въ точности выполняетъ волю Его. Тысячи свѣтилъ небесныхъ, не уклоняясь совершаютъ теченіе, назначенное волею Владыки своего. И бурныя моря не смѣютъ выступить изъ предѣловъ, положенныхъ изволеніемъ творческимъ. Духи безплотные, сильные умомъ и волею, покорно служатъ Господу своему, и въ исполненіе воли Его служатъ даже намъ грѣшнымъ (Евр. I, 14.). Грѣшникамъ говоритъ Господь: *обратитеся отъ пути вашего злаго*. И грѣшники не слушаютъ. О! грѣшники! придите въ себя, подумайте, кому вы противитесь? Положеніе ваше еще болѣе окажется страшнымъ, непослушаніе ваше еще болѣе представится преступнымъ, когда размыслите, съ какою любовію зоветъ васъ Отецъ небесный къ спасенію вашему. Въ какихъ видахъ является зовущій гласъ Его къ вамъ!

Если бы грѣшникъ не развлекался такъ часто и такъ много суетами міра, если бы волненіе страстей не занимало такъ часто и такъ много дѣятельности души его: какъ часто онъ слышалъ бы въ душѣ своей гласъ Божій, зовущій его къ лучшей жизни. Но и при всемъ

шумѣ суетъ и страстей не слышится ли по временамъ его гласъ, обличающій нечестія путей его? Что значитъ эта пустота, которую ощущаетъ онъ въ себѣ, пресыщенный благами міра? Что значитъ это томленіе души, это недовольство ея ни собой, ни всѣми, что за часъ передъ тѣмъ такъ утѣшало ее? Ахъ! Души, назначенной для жизни вѣчной, нельзя напитать прахомъ и гнилью земли; послѣ часовъ преступной забывчивости она сама вопіетъ грѣшнику: „не здѣсь мой покой, не здѣсь жизнь моя,—чѣмъ болѣе расширяютъ для меня область произволеній, кажущихся и легкими и веселыми, тѣмъ болѣе удаляется отъ меня дорогая отчизна моя: страшно мнѣ въ чарующемъ шумѣ грѣховъ“! Грѣшникъ! Если ты спѣшишь заглушать въ себѣ этотъ безпокойный голосъ души шумомъ страстей и волненіями суеты: ты согрѣшаешъ тяжко. Берегись. Голосъ души твоей, какъ запечатлѣнной подобіемъ Бога твоего, выражаетъ тебѣ голосъ неба, который ты тѣмъ болѣе долженъ уважать, что, заглушивъ его, ты останешься съ именемъ человѣка, безъ истиннаго достоинства человѣческаго. Что разумъ твой, если не видитъ онъ самаго великаго? Что разумнаго въ жизни твоей, если вся она служеніе страстямъ и суетѣ? Не то же ли душа твоя, что душа безсловесная, если питается она только землею? Такъ, пока есть еще жизнь въ душѣ твоей, не можетъ она не вопіять тебѣ: обратись къ Господу твоему— и не свое говоритъ она тебѣ, она говоритъ отъ имени Бога своего, создавшаго ее *Себѣ ради*.

Небеса проповѣдаютъ славу Божію и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь; міры далекіе прославляютъ могущество Его; миріады звѣздъ возвѣщаютъ Его славу и мудрость дивную. Шествіе свѣтилъ по опредѣленнымъ путямъ говоритъ о могуществѣ и мудрости Творца ихъ и этотъ голосъ повторяется въ отдаленнѣйшихъ краяхъ. Пѣсни міровъ, съ шумомъ стремятся, какъ волны. День дни переливаетъ слово и ночь ночи передаетъ знаніе. Нѣтъ языка и нарѣчія, на которомъ бы не слышанъ былъ голосъ ихъ, на которомъ бы нельзя было понять ихъ проповѣди (Псал. XVIII). Какъ не соединиться тебѣ, человѣкъ, съ хвалами чтобы славить дѣла великаго Творца? „Господи Боже! когда взираю на небеса Твои, дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя ты поставилъ: что значитъ человѣкъ, что Ты помнишь Его“? (Псал. VIII. 4, 5). О Боже мой! сколько преступна гордость моя! Отъ чего страдаетъ прекрасная природа—дивное созданіе рукъ Твоихъ? Отъ чего вздохи ея, слышные въ землетрясеніяхъ, громахъ и буряхъ опустошительныхъ? Ахъ! это грозное обличеніе заблужденіямъ человѣка. Его невѣрность Творцу своему произвела безпорядки въ природѣ; человѣкъ—владыка ея, покорившись суетѣ, покорилъ тому же и подчиненную ему тварь. Въ скорбныхъ страданіяхъ

тварь ожидаетъ свободы своей и жалуется Творцу на человѣка, жалуется тѣмъ болѣе, что человѣкъ продолжаетъ неутомимо работать суетѣ, умножая ея страданія (Рим. VIII, 21, 22). О! вѣкъ много попечительный! ты хвалишься своими изобрѣтеніями. Но заставляя такъ много, какъ не бывало прежде, служить тварь измѣнчивымъ прихотямъ страстей человѣческихъ, не долженъ ли ты горько плакать надъ изобрѣтеніями твоими?

Посѣцы ю, вскую и землю упражняетъ? (Лук. XII, 7). Такъ говоритъ хозяинъ садовнику о безплодной смоковницѣ. Братія! жизнь наша такъ полна благодѣяній Божіихъ. Все, чѣмъ живемъ мы, все, чѣмъ наслаждаемся—пища, питье, одежда, домъ, свѣтъ дня, покой ночи, богатство, извѣстность,—все Его. О немъ живемъ, движемся и есмы (Дѣян. XVII, 28). Не вызываютъ ли насъ дары благости небесной быть признательными къ ней? Какъ намъ не помнить сего званія, когда и волъ знаетъ стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего? Кто пользуется удобствами жизни, безъ всякой мысли о благодѣтелѣ своемъ; кто употребляетъ дары Его вовсе не по Его намѣреніямъ: не подобенъ ли тотъ смоковницѣ, о которой было сказано: *посѣцы ю, вскую и землю упражняетъ?* Каждое благодѣяніе Божіе—Божія проповѣдь намъ о близости къ намъ, Бога, Бога благаго ко добрымъ чадамъ своимъ, но гнѣвнаго къ чадамъ дерзкимъ преслушнымъ. И неслышимъ ли мы гнѣвный гласъ Божій въ непріятныхъ перемѣнахъ жизни нашей? Болѣзни, потери, смерть близкихъ намъ, огорченія по службѣ и дому улики грѣхамъ нашимъ, призывъ къ покаянію и смиренію. Богачъ неожиданно лишается богатства своего, которое было кумиромъ сердца его; другой подвергается безчестію, тогда какъ, для возвышенія своего предъ другими, забывалъ многое священное; неумолимая смерть лишаетъ третьяго супруги и дѣтей, для которыхъ онъ не помнилъ о небесной родинѣ своей. Что все это, какъ не признаніе забывчивыхъ грѣшниковъ къ самоиспытанію? Когда утѣхи людей покрываютъ мглою своею цѣлыя области земныя, когда нечестія и беззаконія становятся господствующими правилами для цѣлыхъ странъ: цѣлые города и царства неожиданно испытываютъ страшныя потрясенія войны губительной, голода и мора. Что это, какъ не суды гнѣвнаго Бога надъ народами, забывшими Его? Что это, какъ не громъ Божій, которымъ будятъ неразумныхъ, заснувшихъ подъ обаяніемъ грѣховъ? И если онъ слышенъ даже и въ отдаленія: какъ оставаться намъ беззаботными, какъ не сокрушаться о грѣхахъ нашихъ?

Многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый Отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днiй сихъ глагола намъ въ Сынѣ (Евр. I, 1.).—Итакъ каждый изъ пророковъ есть живой глаголъ Божій, ка-

ждый изъ праведниковъ древняго времени есть органъ Господній. Представьте же, сколько слышите вы гласовъ Божіихъ, начиная съ Адама и до Христа! О! неистощимая благость Божія! когда грѣшники переставали оскорблять ее своимъ невниманіемъ, когда не оказывали пренебреженія къ небесному Владыкѣ своему? А благость небесная, никогда не умолкая, говоритъ имъ: грѣшники! обратитесь съ путей погибели на путь спасенія. Примѣняясь къ свойствамъ и духу временъ, она премѣняетъ гласъ свой, говоритъ многообразно, но мысли и требованія ея однѣ и тѣже, одного ожидаетъ она отъ грѣшниковъ—обращенія ихъ. Самъ Сынъ Божій, сошедшій съ неба, возвѣстилъ имъ: *покайтеся, приближися бо царствіе небесное!* Если глаголы Божіи, раздающіеся въ душѣ человѣка и въ природѣ видимой не всегда внятны бываютъ для грѣшника, хотя и по винѣ самого грѣшника, то въ св. писаніи со всею ясностію и полнотою открыта воля Божія о грѣшникѣ. Послѣ такого внятнаго званія Божія, каково званіе откровенія Божія, грѣшникъ не покорный безотвѣтенъ. Особенно же званіе новозавѣтнаго откровенія, гдѣ столько любви и свѣта небеснаго для грѣшника, съ какою совѣстію можетъ быть оставляемо безъ вниманія? *И сіе вѣдяще время*, поучаетъ св. апостолъ, *яко часъ уже намъ отъ сна востати: нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ. Нощь убо прейде, а день приближися. Отложимъ убо дѣла темная и облечемся во оружіе свѣта. Яко во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію: но облецытеся Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII, II, 14.).

Братія! слышите ли? Насъ ищутъ, насъ зовутъ, къ намъ льется съ разныхъ сторонъ гласъ милосердія Отца небеснаго: *обратитеся ко мнѣ и обращуся къ вамъ* (Малах. III, 7.). Долго ли намъ не слушать? Долго ли испытывать терпѣніе Божіе? Не всегда же насъ звать будутъ. Нельзя быть тому, чтобы непокорность наша осталась ненаказанною. Премудрость вѣчная говоритъ: *понеже звахъ и не послушасте и простирахъ словеса и невнимасте, но отметасте мои совѣты и моимъ обличеніемъ невнимасте: убо и Азъ вашей погибели посмѣюся, порадуюся же, егда пріидетъ вамъ пагуба* (Прит. I, 24, 26.). Да не будетъ того съ нами, братія!

VI.

И вскую умираете, доме израилевъ?

Богъ не желаетъ смерти твоей, грѣшникъ! Онъ желаетъ твоего спасенія! Имѣешь ли ты причины не желать своего спасенія? Ахъ! чего же и желать тебѣ болѣе, какъ не своего спасенія? О чемъ всего болѣе тебѣ надобно заботиться, какъ не о вѣчномъ спасеніи своемъ?

Что всего нужнѣе намъ, какъ не спасеніе души? Для чего живемъ мы на землѣ? *Избра насъ* Богъ *прежде сложенія міра быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ* (Еф. I, 4.). Богъ—цѣль существованія нашего! Эта цѣль назначена свыше. Потому должны мы выполнять ее. Другой цѣли не имѣемъ мы права назначать себѣ; потому что не зависимъ отъ себя. Мы созданы для того, чтобы представить душу Владыкѣ ея въ видѣ достойномъ Его святой любви. О томъ прежде всего и болѣе всего и должны мы заботиться. Каждое существо въ мірѣ прежде всего обязано быть тѣмъ, чѣмъ быть создано. И каждый человѣкъ прежде всего обязанъ быть человѣкомъ, разумнымъ и вѣрнымъ слугою Бога своего. Грѣхъ испортилъ въ немъ душу; богоподобный духъ его долженъ, при помощи высшей, исправлять испорченную жизнь и вести ее къ совершенству. *Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мат. VI, 33.). Вотъ какъ важно устроеніе царствія Божія въ душѣ! Все другое, что нужно намъ только на время, для земнаго пути нашего, подается намъ Господомъ прежде прошеній нашихъ, если только заботимся о спасеніи души. И тѣло и окружающіе насъ предметы назначены служить спасенію безсмертной души. И такъ первая забота наша не о нихъ, а о душѣ; на нихъ остается смотрѣть только, какъ на средства для души. Спасеніе души—существенная потребность каждаго: не удовлетворять этой потребности значитъ не жить и даже хуже, чѣмъ не жить. *Добро было бы, аще бы не родился человѣкъ той*, сказалъ Спаситель объ Іудѣ предателѣ, погубившемъ себя (Мат. XXVI, 24.). Вотъ въ какой связи находится существованіе души съ ея спасеніемъ. Если теряется спасеніе ея: то ея существованіе—бытіе безъ цѣли, вопіющее оскорбленіе премудрому и благому, осужденіе себѣ самомому. Поймите же послѣ того, что мы созданы не для случайныхъ условій жизни,—не для того, чтобы быть богатыми и знатными, мы созданы не для торговли, не для промышленности, не для дѣланія земли, не для искусствъ, не для наукъ. Пусть все это нужно для

земной жизни; но прежде всего и болѣе всего нужно спасеніе души. Изъ тѣхъ занятій одно нужно для одного, другое для другаго, третье для третьяго. Спасеніе души нужно для всѣхъ. Господинъ ли кто или слуга, воинъ или земледѣлецъ, богатый или бѣдный, художникъ или ученый: всѣ вы пользуетесь жизнію съ тѣмъ, чтобы въ первую половину бытія, оканчивающуюся гробомъ, старались вы быть благочестивыми и святыми, и тѣмъ приготовить себѣ счастіе въ жизни загробной. Такъ жили всѣ лучшіе люди! Они всѣ стремились къ почести вышняго званія (Фил. III, 14.).

Душа наша такъ высока, по своимъ свойствамъ, что все земное въ сравненіи съ нею очень бѣдно. Христосъ Іисусъ, вѣчная истина, противоположивъ человѣческую душу видимому нами міру, съ его красотами и разнообразіемъ, изрекъ, что весь міръ не можетъ вознаградить собою человѣку потерю души его: *кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?* (Мат. XVI, 26). Въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть высокою душѣ нашей, когда она носитъ на себѣ образъ Божій, образъ ума всесовершеннаго и воли съ высшею свободою и мощію? Она крѣпка и сильна въ сравненіи со всѣмъ видимымъ уже и потому, что безсмертна. А ея разумъ, какъ много можетъ обнимать собою! Ея свободная воля чего достигнуть не можетъ? Душа можетъ умомъ своимъ обнимать не только міръ созданный, но и познавать Бога своего, Бога міровъ и вѣчности. Она сердцемъ своимъ можетъ бесѣдовать въ молитвѣ съ Господомъ и вносить въ міръ чудодѣйственную силу молитвы. Любовію своею она можетъ приближаться къ Господу своему и низводить благословеніе Божіе на тварь видимую. Силою Искупителя своего она можетъ быть могущественною какъ и Онъ. *Вѣруяй въ мя,* сказалъ Господь, *дѣла яже Азъ творю, и той сотворитъ и большa сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12.). Грѣхъ испортилъ въ душѣ многое: но за то какъ возвысила ее благодать Духа св.! *Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ?* (1. Кор. III, 16). Какъ же намъ не заботиться всего болѣе о нашей душѣ, когда она такъ высока по дарамъ небеснымъ? Какъ не беречь, какъ не охранять въ себѣ храма Божія? Какъ ставить заботу о тѣлѣ и о земныхъ вещахъ наравнѣ съ заботою о спасеніи души? Обладаніе цѣлымъ міромъ не можетъ вознаградить потери души. А люди мѣняютъ душу на блестки золота, на улыбку сильныхъ земли, на удовольствіе гнилой плоти! Какое ослѣпленіе! Какое преступленіе неразумное!

Сердце сжимается грустію, когда смотришь на несчастную чету, которая въ источникѣ счастія своего, въ союзѣ супружескомъ, нашла для себя родникъ неисчислимыхъ горестей. Томительное горе лежитъ

на сердцахъ этихъ людей, призванныхъ къ любви и радостямъ: они связаны для взаимнаго вспоможенія и утѣшенія, а вмѣсто того отравляютъ жизнь свою своимъ союзомъ. Не твой ли это образъ, бѣдная душа моя? Ты дала обѣтъ любви Господу при самомъ твореніи твоемъ, повторила его съ клятвами при крещеніи. Какой это— высокій союзъ! Со стороны Господа все тебѣ дано и дается. Что же въ тебѣ происходитъ? Какіе это мучительные дни бываютъ, когда внутренняя пустота и недовольство собой—спутники преступныхъ забавъ—томятъ душу тоскою хуже всякаго горя, когда освободившаяся отъ насилія страсти совѣсть начинаетъ подрывать одну за другою основы влеченій ко грѣху и терзать душу раскаяніемъ жгучимъ. Развлеченія, разсѣянность, веселости, чувственныя наслажденія не удовлетворяютъ, не питаютъ, не покоятъ безсмертнаго духа. Не отъ земли ли это, на которой, живешь ты, наслѣдница неба? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. То ли бываетъ съ душею, когда она все употребляетъ, чтобы хранить вѣрность Господу своему, или что тоже, заботится о своемъ спасеніи? При мирѣ совѣсти, она свободно возводитъ взоръ къ небу, къ Отцу щедротъ и милостей, хвалитъ и славитъ благость Его къ ней. Какая стройность, какая живая дѣятельность во всей внутренней жизни ея, при заботѣ о спасеніи! Мысли ея ясны, чувства мирны, желанія умѣренны, страсти, враги покоя и здоровья ея, молчатъ. Каждый трудъ дня, каждое занятіе, даже и неважное, облечено значеніемъ важнымъ. Дѣла званія, которыя въ другомъ случаѣ кажутся тяжестію, выполняются легко и свободно.—Препятствія, искушенія, огорченія, не смотря на то, что вызываютъ душу на борьбу и подвиги, побѣждаются безъ утомленія.—Душа знаетъ, она убѣждена, что непріятности временныя ничего не значатъ въ сравненіи съ славою, которая должна открыться въ ней по совершеніи дѣла спасенія ея (Рим. VIII, 18). Пусть, говоритъ она, тлѣетъ, пусть подъ тяжестію трудовъ и подвиговъ слабѣетъ и теряетъ силы испорченная природа моя, которая такъ противится спасенію моему: лучшее во мнѣ то, что вышло изъ рукъ Творца моего, обновляется со дня на день (I Кор. V, 16). Забота о своемъ спасеніи даритъ душѣ независимость отъ всего временнаго. Тревоги времени не безпокоятъ того, кто занятъ спасеніемъ души своей. Перемѣны времени, говоритъ онъ, не касаются до меня, до спасенія безсмертной души. О чемъ мнѣ печалиться? Не о богатствѣ ли? Не о деньгахъ ли? Не о честяхъ ли? Не объ извѣстности ли? Все временное проходитъ, все земное тлѣетъ. Стоитъ ли крушиться о томъ, что пробѣгаетъ, какъ волна, исчезаетъ, какъ дымъ, теряется, какъ звукъ? О други мои! Даже и для времени мы бываемъ только врагами себѣ, врагами своему покою, врагами своей жизни, когда теряемъ изъ виду спасеніе души своей.

Вѣчность,—вѣчность! И забывчивый язычникъ не всегда забывалъ о тебѣ; и его по временамъ тревожила ты собою.—Какъ же намъ, христіанамъ, забывать о тебѣ,—намъ, которымъ описана ты такъ ясно, такъ живо, такъ убѣдительно? Какъ же мы вступимъ въ твой кругъ, беззаботные о спасеніи души своей? Каково будетъ жить намъ въ безконечномъ теченіи твоемъ? Ничего нельзя сказать противъ справедливости приговора: „что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ“ (Гал. VI, 8). Святъ Богъ, святы и Его слова: „каждый получитъ плату по своему труду“ (I Кор. III, 8). Никакой судъ пристрастій не опровергнетъ того, что „если кто и подвизается, не будетъ увѣнчанъ, когда незаконно будетъ подвизаться“ (II Тим. II, 5). Настанетъ время жатвы, когда посѣянное тобою выростетъ, и ты увидишь, какъ и что сѣялъ ты. Если на почвѣ души твоей сѣялъ ты только грѣхи и беззаконія: о какіе горькіе плоды придется тебѣ вкушать тамъ! Настанетъ время наградъ. Чего же ждать тебѣ, если жизнь твоя—сонъ безпечный? Богъ—правда вѣчная: за каждый подвигъ для добра заплатитъ радостію, но и не оставитъ безъ воздаянія ни одной мысли преступной, ни одного слова праздная, тѣмъ болѣе гордости, тщеславія, нѣги, роскоши. Будь остороженъ здѣсь. И добрые подвиги, совершенные по намѣреніямъ нечистымъ или не въ свое время, не дадутъ тебѣ вѣнца. Будь на стражѣ при твоемъ сердцѣ.—Не давай ему обольщаться грѣхомъ, за который тяжела отвѣтственность за гробомъ. Чтобы оживить въ себѣ мысли о твоей вѣчности, представь себѣ состояніе умершихъ. Почести, богатство, пышность, роскошь нужны ли имъ теперь? Ахъ! Онѣ для иныхъ болѣе, чѣмъ безполезны: за то, что ими не умѣли пользоваться здѣсь, за то, что ими воспитали въ себѣ страсти и испортили душу, грѣхолюбивые владѣльцы ихъ страждутъ *въ пламени* (Лук. XVI, 24). И тебя ждетъ или вѣчность блаженная, или вѣчность мукъ, смотря по тому, къ чему готовишь ты здѣсь душу свою. Нѣтъ тѣхъ трудовъ, тѣхъ подвиговъ, которыхъ бы не стоило спасеніе души отъ вѣчныхъ мукъ.—Если бы правая рука или правый глазъ подвергали опасности чистоту и здоровье души твоей, лучше лишиться ихъ, нежели погубить душу на вѣчность.

„Душе моя, душе моя! Востани, что спиши? конецъ приближается, имаши смутитися. Воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ, вездѣ сый и вся исполняяй“.

VII.

И вскую умираете, доме израилевъ?

„почему вы хотите умереть“? такъ Господь вопрошаетъ грѣшниковъ. Итакъ грѣшники желаютъ умереть? Возможно ли такое желаніе? Какъ желать себѣ смерти? Всѣ желаютъ жизни, всѣ берегутъ жизнь. А грѣшники хотятъ умереть! Правда ли это? Ахъ! Судъ Господа не можетъ быть невѣрнымъ.

Грѣшники хотятъ умереть! Страшно, но вѣрно. Если грѣшники идутъ путями, ведущими къ аду: чего желаютъ они себѣ, какъ не погибели? Имъ сказано, куда ведутъ пути, по которымъ идутъ они; но они идутъ ими. Они полюбили грѣхъ и ни за что не разстаются съ нимъ. Они нечестивы и хотятъ быть нечестивыми. Они пристрастны къ міру и хотятъ быть пристрастными. Напрасно говорятъ имъ: *любы міра сего вражда Богу есть: иже бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. IV, 1). *Пріидите чада*, говоритъ намъ Духъ святый, *послушайте Мене. Кто есть человѣкъ, хотяй животъ, любяй видѣти дни благи? Уклонися отъ зла и сотвори благо* (Псал. XXXIII, 12, 13, 15). Какъ давно началъ повторяться этотъ призывъ вслухъ людей! Что же грѣшники? Творили и творятъ *злое*. Не ясно ли, что не любятъ они *видѣти дни благи?*

Правда, ни одинъ грѣшникъ не скажетъ о себѣ, что хочетъ онъ погибнуть. За то дѣла его показываютъ другое. Если бы боялся онъ горѣть въ аду: то не зажигалъ бы онъ адскаго огня грѣхами своими. Если бы желалъ не быть въ геенне: не творилъ бы дѣлъ, за которыя назначена геенна. Грѣшникъ говоритъ, что не хочетъ онъ погибнуть, а остается грѣшникомъ. Это тоже, что говорить: я пью ядъ, но не хочу умереть; хочу броситься съ горы въ бездну каменистую, но не хочу разбиться; хочу зажечь домъ, но не хочу сожечь его. Грѣшники! Къ чему вамъ обманывать себя? Кто не избѣгаетъ средствъ къ погибели: тотъ не выбираетъ ли самую погибель? Если не отказываетесь вы отъ того, что любите грѣхъ, если вы по временамъ даже хвалитесь грѣхами: то не отказывайтесь и отъ того, что вы любите свою погибель, желаете себѣ смерти. Страшно послѣднее? Удержитесь отъ перваго. Иначе желанія ваши не перемѣнятъ свойствъ грѣха.

Кто не хочетъ поддерживать жизнь пищею: что бы ни говорилъ онъ, онъ не хочетъ жить. Кто упалъ въ воду и не хочетъ выдти оттуда, не позволяетъ и другому извлечь его изъ глубины:

тотъ конечно хочетъ утонуть. Что же дѣлаютъ грѣшники? Не отвергаютъ ли они средствъ къ спасенію своему? Не отвергаютъ ли всего, что могло поддержать и оживить въ нихъ жизнь духовную? Сколько борется съ ними благодать, чтобы извлечь ихъ изъ глубины грѣха: они упорны противъ благодати, отвергаютъ всѣ пособія ея. Другъ Божій и другъ людей показываетъ имъ опасность положенія ихъ, съ скорбію въ душѣ объясняетъ имъ тяжкія ошибки ихъ, съ любовію предлагаетъ вѣрныя средства противъ грозной опасности: ему или говорятъ,—пусть каждый знаетъ себя, или холодно поблагодарятъ и отпустятъ ни съ чѣмъ. Служитель евангелія Христова желалъ бы на единѣ показать имъ долгъ ихъ, и то, какъ много оскорбляютъ они себя и Господа грѣхами.—Но они считаютъ себя слишкомъ умными, чтобы имѣть нужду въ его наставленіяхъ, и слишкомъ высокими, чтобы низойти до состоянія смиренныхъ учениковъ слова Божія. Мало зная дѣло спасенія душевнаго, совсѣмъ незнакомые съ тайнами духовной жизни, люди развращенные въ негодованіи глумятся надъ самимъ благочестіемъ, надъ самою вѣрою святою. Итакъ поступаютъ не тогда только, когда стали бы объяснять имъ глубокую истину христіанства, мало доступную для неопытныхъ въ вѣрѣ, но и когда предлагаютъ имъ простыя правила жизни христіанской. Вотъ напр. заповѣдь, *помни день субботній еже святити его*. Къ сожалѣнію, иные не только дѣлаютъ и заставляютъ дѣлать въ воскресный день, что назначено дѣлать въ простые дни, но еще сквернятъ святой день нечистотами своими. Кто сказалъ бы имъ: это грѣшно, это богопротивно; тому отвѣтятъ наглою насмѣшкою, или даже имя того пронесутъ между людьми, какъ имя человѣка дерзкаго. Не очевидно ли, что грѣшники хотятъ своей погибели?

Грѣшники хотятъ умереть! Страшно, но вѣрно! Человѣку предоставлено на выборъ любить доброе или худое; ему дана свобода; и онъ можетъ идти, куда хочетъ, къ Богу ли ближе, или отъ Него. Совершенство человѣка возможно только при общеніи съ Богомъ: все лучшее ожидаетъ его, когда онъ любитъ Бога,—свобода его тогда раскрывается болѣе и болѣе, жизнь Божія полнѣе и полнѣе открывается въ немъ. Но если человѣкъ, по своему произволу, не любитъ воли Божіей: это тоже, что желаетъ онъ умереть, такъ какъ безъ Бога жизнь невозможна. — Онъ во зло употребляетъ свою свободу; но это его дѣло. Это несчастное желаніе смерти особенно легко стало открываться въ немъ послѣ того, какъ испорчена грѣхомъ чистая природа его. Съ того времени, омраченный грѣхомъ умъ содѣйствуетъ тому, что человѣкъ желаетъ не спасенія, а погибели своей. Этотъ отуманенный умъ видитъ обманчивую сторону грѣха, обольстительную и пріятную, и не видитъ той стороны грѣ-

ха, которою онъ губитъ насъ. Онъ видитъ разнообразныя движенія змѣи, красивый переливъ цвѣтовъ ея на солнцѣ, и какъ дитя, увѣряетъ, что змѣя красивое животное, ее стоитъ держать въ рукахъ, у своего сердца. А того, что жало змѣи наполнено ядомъ, онъ не помнитъ, не имѣетъ въ виду. Таковы мысли его о грѣхѣ. Представьте же, какое дѣйствіе могутъ имѣть на волю, и по себѣ склонную къ грѣху, такія мысли ума о грѣхѣ? Что должно выдти изъ соединенія обольстительныхъ мыслей о грѣхѣ съ наклонностію воли къ грѣху? Выходитъ то, что грѣшникъ любитъ грѣхъ, тогда какъ онъ губитъ его. Не удивительно, что и ядъ можетъ казаться сладкимъ на вкусъ, бывъ смѣшанъ съ сахаромъ. Но если говорятъ, что это разрушительный ядъ, хотя и сладкій; надобно не быть въ умѣ, чтобы принять его. Несчастный грѣшникъ дѣйствуетъ какъ бы безъ ума. Сколько говорятъ ему, что грѣхъ—подслащенный ядъ: но онъ принимаетъ его. Сколько говорятъ, что удовольствія грѣха обманчивы, что они льстятъ только испорченной природѣ нашей, чувственной и гордой, а губятъ все лучшее въ насъ, что послѣдняя грѣха смотрятъ во дно ада: омраченный страстію грѣшникъ поступаетъ, какъ желаетъ страсть, а не какъ говоритъ здравый смыслъ, не какъ повелѣваетъ слово Божіе. Таковъ произволъ грѣшника!

Грѣшники! Поймите, что дѣлаете вы съ собою? Вы оскорбляете въ себѣ и умъ, и совѣсть, и желаніе жизни. Прелести грѣха ослѣпили очи ваши и притупили чувства ваши, и вы не видите, вы не чувствуете, какъ страшно быть виновнымъ въ своей погибели. Но за предѣлами гроба, гдѣ зрѣніе ваше освѣтится свѣтомъ правды Божіей, будетъ не то. Тамъ мысль о виновности вашей въ своей погибели будетъ палящимъ огнемъ въ душѣ вашей. Здѣсь любовь небесная предлагаетъ на ваше рѣшеніе вопросъ: *вскую умираете?* Тотъ, кто все знаетъ, конечно не имѣетъ нужды спрашивать васъ о чемъ либо,—онъ знаетъ васъ и безъ васъ. Онъ даетъ вамъ знать, что этотъ вопросъ должны вы, какъ можно чаще, предлагать себѣ самимъ; онъ выставляетъ вамъ на видъ страшное положеніе ваше, чтобы ужаснулись вы его и, потрясенные ужасомъ, поспѣшили выдти изъ него.

Грѣшникъ самъ губитъ себя. Какое страшное преступленіе! Боже благій и милостивый! Спаси насъ отъ нашей слѣпоты. Отче свѣтовъ! Просвѣти очи наши, чтобы видѣли мы опасности грѣха и творили святую волю Твою.

VIII.

Обращеніемъ обратитеся отъ пути вашего злаго. И вскую умираете доме израилевъ?

Если Господь спрашиваетъ грѣшниковъ, почему они лучше желаютъ умереть, нежели обратиться къ Богу своему: то это означаетъ, что основательныхъ причинъ тому нѣтъ и быть не можетъ, а каковы тѣ причины, которыми увлекаются грѣшники,—предоставляя судить здравому смыслу человѣческому.

Что же это за причины, которыя выставляютъ грѣшники въ оправданіе того, что не обращаются они къ Господу?

„Мы люди слабые, говорятъ грѣшники, обращеніе наше зависитъ не отъ насъ, а отъ силы Божіей“.

Нѣтъ, если грѣшникамъ Богъ говоритъ: *обращеніемъ обратитеся,* то это значитъ, что обращеніе ихъ зависитъ и отъ нихъ самихъ. Невозможнаго Онъ не требуетъ. Правда, грѣхъ испортилъ природу человѣческую, такъ что сама по себѣ она не въ состояніи любить и творить чистое добро; ей необходима помощь благодати. Но поврежденіе природы наслѣдственнымъ грѣхомъ не до того простирается, чтобы въ ней не осталось никакой пріемлемости для добра, чтобы она вовсе была неспособна ни къ чему доброму. Св. ап. Павелъ говоритъ о язычникахъ, что они, не имѣя откровеннаго закона, по естеству творятъ сообразное съ закономъ, и что *разумное Божіе явь есть въ нихъ; Богъ бо явилъ есть имъ* (Рим. I, 18. II, 22). Пусть же грѣшники употребляютъ оставшіяся въ нихъ силы для добра, а не ждутъ въ преступной праздности наитія силы Божіей. Пустъ вступаютъ въ подвигъ покаянія. За помощію благодати дѣло не станетъ. Господь благій и милостивый, какъ видѣли мы, клятвою увѣряетъ, что Онъ готовъ подать все нужное для оживленія грѣшника! Братія мои! Страшно подумать, сколько зла внесло съ собою въ христіанскій міръ лжеученіе незванныхъ преобразователей вѣры о рѣшительной неспособности человѣка къ добру. Люди и безъ того не любятъ подвиговъ христіанской жизни: но ихъ лѣность хотѣли возвести на степень правды. „Спите и почивайте, говорятъ, подъ сѣнію благодати,—живите, какъ живется“.—Нѣтъ, грѣшники, не клевещите на благодать. Она готова подать вамъ все нужное для душевнаго спасенія; но она не можетъ спасти васъ безъ васъ самихъ. Приближьтеся къ Богу, и Онъ приблизится къ вамъ. Дѣлаете ли вы что нибудь для приближенія души къ Богу? Сказано: *просите и пріимете, ищите и обрящете, толцыте и*

отверзется вамъ. Всякъ просяй пріемлетъ, ищай обрѣтаетъ и толкующему отверзется (Матѳ. VII, 7. 8). Видите, не дозволяется спать и ждать безпечно наитія силы высшей, а повелѣвается просить, искать, толкать въ дверь милосердія. Если бы вы искренно сознавали слабость свою, если бы искренно и глубоко чувствовали нужду въ помощи небесной: то вы слезно просили бы о помощи, и она была бы подана вамъ. Но когда въ васъ нѣтъ ни искренняго сознанія немощи, ни искренней молитвы; когда сердца ваши, по выраженію св. апостола,—облака безводныя (Іуд. ст. 12.): кто виновенъ въ томъ, что вы тлѣете въ грѣхахъ? Нѣтъ, ваша неспособность къ обращенію есть не болѣе, какъ нежеланіе оставить пути грѣха, которое не извиняетъ, а увеличиваетъ виновность вашу предъ Богомъ.

„Мы люди слабые, а подвигъ спасенія тяжелъ“, говорятъ грѣшники.

Правда, мы слабы: но всесильна благодать Божія, всегда готовая для насъ. При содѣйствіи благодати немощь природы не препятствуетъ не только начинать дѣло спасенія, но и достигать самыхъ высокихъ степеней совершенства. Святые Божіи были подобные намъ люди. Самые первые изъ апостоловъ были съ слабостями, какъ и прочіе: Петръ отрекался отъ Христа, Павелъ гналъ церковь Божію. *Аще речемъ, яко грѣха не имамы*, говоритъ Іоаннъ, *себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (Іоан. I, 8). И однако, какихъ высокихъ степеней совершенства духовнаго достигли они! Чего не перенесли святые Божіи для Христа Іисуса, для святой воли Божіей! Они жертвовали покоемъ и здоровьемъ, терпѣли безчестіе и потерю имуществъ, страданія душевныя и тѣлесныя. Грѣшники! Посмотрите вокругъ себя, и вы среди васъ найдете людей, которые, какъ и вы, облечены немощами плоти, но, съ помощію благодати, подвизаются для добра, не лгутъ и не обманываютъ, не жадны до денегъ и равнодушны къ извѣстности мірской, обиженные переносятъ терпѣливо обиду и твердо хранятъ чистоту души. Отчего вы не таковы? Вы слабы? Нѣтъ, вы не слабы. Сколько трудовъ переносите вы для выполненія грѣшныхъ желаній своихъ! Для иного тяжело пробыть два, три часа въ храмѣ на молитвѣ; а не тяжело провесть ночь въ шумномъ веселіи. Какимъ тревогамъ, какимъ мукамъ подвергаются искатели честей и славы! На то, чтобы удерживать въ себѣ порывы гнѣва, волненіе нечистоты, не достаетъ ни ума, ни воли: а въ дѣлахъ грѣха хитры, рѣшительны и упорны. Если просятъ пожертвованія храму, или бѣдному: то оказываются недовольно достаточными; а для роскоши въ одеждѣ, пищѣ, въ домѣ—нѣтъ недостатка. Какимъ изнурительнымъ трудамъ подвергаетъ себя, кто хочетъ богатѣть болѣе и болѣе! Ахъ! Если бы

для благоугожденія Господу подвергались такимъ же трудамъ, какимъ подвергаютъ себя въ угоду страстямъ; то какой высоты совершенства духовнаго достигли бы!

„Требованія евангелія слишкомъ высоки, повторяютъ, и несоразмѣрны съ силами".

Но развѣ Богъ не знаетъ ни мѣры силамъ нашимъ, ни вѣса требованіямъ Своимъ? Развѣ Онъ—умъ безконечный—имѣетъ нужду повѣрять дѣла свои по замѣчаніямъ умовъ блуждающихъ? Грѣшники! Вамъ мало вашей непокорности къ Богу,—вы еще не довѣряете Ему, столько щедрому въ дарахъ своихъ. „Требованія несоразмѣрны съ силами"? Гдѣ же свѣтъ самый чистый для ума нашего, если не въ евангеліи? Гдѣ всѣ лучшія, всѣ самыя высокія потребности безсмертнаго духа находятъ себѣ пищу и покой, если не въ законѣ Христовомъ? Не оживляетъ ли, не возвышаетъ ли всей природы нашей евангеліе Христово? Въ христіанствѣ—законъ духовный, обнимающій всѣ случаи жизни и побужденія къ выполненію его—разнообразны и сильны. *Вся намъ божественныя силы, яже къ животу и благочестію, подана*, говоритъ св. апостолъ. (2 Петр. I, 3.). Чтобы узнать, трудно ли служить господину, надобно испытать службу или спросить о ней у тѣхъ, которые знаютъ ее по опыту. А изъ тѣхъ, которые отказались отъ міра и отъ страстей своихъ, посвятили себя благочестію и ведутъ жизнь христіанскую, изъ тѣхъ каждый скажетъ съ апостоломъ: *заповѣди тяжки не суть* (1 Іоан. V, 3). Каждый скажетъ: *иго* Господа *благо и бремя* Его *легко есть* (Матѳ. XI, 30). Всѣ лучшіе въ христіанствѣ показали это и дѣлами. Они радовались въ страданіяхъ (Кол. I, 21.); „находили удовольствіе въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа" (2 Кор. XII, 10). *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія* Говоритъ св. ап. Павелъ. *Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или мечь? Во всѣхъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (Рим. VIII, 35, 37). *Вся могу о укрѣпляющемъ мя—Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV, 13).

Пусть же грѣшники не клевещутъ на человѣческую природу, будто неспособную понимать и выполнять высокія требованія христіанства. Павлы и Іоанны оправдали примѣромъ своимъ, предъ цѣлымъ міромъ, и природу человѣческую и законъ евангельскій. Если только грѣшники не выполняютъ евангелія; пусть о себѣ и говорятъ они, пусть въ себѣ и ищутъ причины тому, пусть себя и винятъ. О! если бы грѣшники вошли въ самихъ себя: съ какимъ благоговѣніемъ пали бы они предъ евангеліемъ Христовымъ!

„Мы живемъ порядочно, говорятъ другіе; не беремъ чужаго, выполняемъ требованія властей, наблюдаемъ приличіе во всемъ. Чего-жъ еще? За что осуждаютъ насъ"?

Но, друзья мои, наружное приличіе жизни еще не есть христіанство; оно не есть еще и полная нравственная жизнь. Добрая нравственность должна обнимать занятія и дѣйствія духовныхъ силъ. И добрые язычники сознавали, что иное дѣло—гражданская честность, другое—вѣрность внутреннему закону. И они не довольствовались тѣмъ, чтобы быть добрыми гражданами, а желали быть въ мірѣ и съ своею совѣстію. Христіанинъ долженъ стоять выше язычника. Понятія его выше, чище и обширнѣе мыслей язычника, убѣжденія его въ духовности нравственнаго закона тверды и ограждены отъ всѣхъ сомнѣній. Ему сказано, что каждая мысль его, каждое движеніе сердца, каждое наклоненіе воли должны быть служеніемъ Богу духовъ и разумовъ. Какъ ему увольнять себя отъ такого служенія, когда и Духъ Божій благоволитъ осѣнять духъ его и содѣйствовать, духовному служенію его? Какъ ограничивать себя внѣшнимъ приличіемъ жизни, когда крѣпкій Духъ благодати готовъ весть духъ его отъ совершенства къ совершенству, до полнаго образа небесной красоты Христовой? О! Если ты грѣшникъ доволенъ собою тогда, какъ живешь не лучше порядочнаго язычника: то это оттого, что такъ же худо ведешь себя, какъ и слабый язычникъ. Иначе ты ужаснулся бы твоей нищеты духовной, затрепеталъ бы предъ виновностію и изъ глубины души воззвалъ бы: *Господи! И слѣпъ я и бѣденъ и нищъ и нагъ*! (Апок. III, 17); подай мнѣ помощь милосердія Твоего! Други мои! Съ фарисейскою праведностію нельзя войти въ рай. Злоба, зависть, ненависть, гордость, блудъ не перестаютъ быть великими грѣхами отъ того, что совершаются не на виду людей; лучше было бы для насъ, грѣшники, если бы видѣли ихъ люди и подвергали васъ заслуженнымъ непріятностямъ. Ни гордость, прикрытая смѣлымъ видомъ откровенности, ни осужденіе ближняго, закрытое ревностію къ славѣ Божіей, ни честолюбіе, подъ видомъ благородства душевнаго, ни скупость, подъ защитою бережливости, ни расточительность, подъ маскою щедрости, не укрываютъ своей гнусности предъ Богомъ, какъ скрываютъ отъ людей. Вы успокоиваетесь тѣмъ, что замѣчаете за собою только грѣхи малые. Но прежде всего надобно помнить, что и тогда, какъ чистая совѣсть не зазираетъ насъ въ грѣхѣ, есть Богъ, Который болѣе видитъ, нежели совѣсть наша. Затѣмъ, что такое малые грѣхи ваши? За каждое праздное слово придется давать отвѣтъ на судѣ Божіемъ.—Малость ли это для насъ? Всякій грѣхъ противъ Бога великъ, какъ оскорбленіе великой святости Божіей. Всякій грѣхъ великъ, когда не обращаютъ на него вниманія; даже тѣмъ грѣхъ опаснѣе, чѣмъ онъ непримѣтнѣе. Невелика искра, но пропущенная мимо глазъ небрежностію, превращаетъ цѣлый городъ въ пепелъ. Милліоны песчинокъ—гора.

А сочтете ли вы число малыхъ грѣховъ вашихъ! Истинно раскаявшійся сказалъ о себѣ: „умножишася беззаконія моя паче песка морскаго“. Подумайте же и согласитесь, что легкіе грѣхи ваши, неоплаканные покаяніемъ, легко могутъ увлечь васъ въ адъ.

Есть и такіе, которые говорятъ: „въ свѣтѣ такъ много путей, такъ много вѣръ, что не знаемъ чего держаться; покойнѣе всего идти путемъ, на какой попалъ кто“. Эти люди равнодушные, которые если не всегда говорятъ прямо, то думаютъ что для нихъ все равно, какъ ни вѣровать въ Бога.

О! да избавитъ Господь каждаго изъ насъ отъ этой страшной нравственной болѣзни! Въ ней столько же нечестія, сколько помраченія душевнаго; столько же оскорбленія всему святому, сколько и обиды уму.

Путникъ жизни! Если здравый смыслъ покажетъ тебѣ, что путь, которымъ шелъ ты доселѣ—путь недобрый; ужели ты будешь и далѣе идти тѣмъ же путемъ, отъ того только, что попалъ на него случайно? Если бы ты, возвращаясь изъ чужой стороны въ страну родную, замѣтилъ и увѣрился, что дорога, по которой ты идешь, не доведетъ тебя до милой родины, и ты попалъ на нее по жалкой ошибкѣ, или заведенный другими: какъ бы поступилъ ты? Тебѣ встрѣтилось на дорогѣ нѣсколько перекрестныхъ дорогъ: что тебѣ дѣлать надобно? ужели идти, куда попало? „Какъ можно, говоришь ты: надобно остановиться и подумать, и если по всѣмъ соображеніямъ откроется, что только одна дорога ведетъ до цѣли, а прочіе ведутъ въ чужіе края; то надобно избрать ту, которая ведетъ къ цѣли“. Если же ты уважаешь здравый смыслъ, въ случаяхъ земной жизни: какъ же ты не хочешь быть разсудительнымъ въ дѣлѣ крайней важности, отъ котораго зависитъ участь вѣчная, при встрѣчѣ съ разными вѣрами? Ты не знаешь, чего держаться? Отчего такой мракъ въ мысляхъ твоихъ? Отъ недовѣрія къ смыслу человѣческому? Это обидно для ума твоего, тѣмъ болѣе, что ты очень уважаешь умъ твой, и слѣдовательно оскорбляешь его противорѣчіемъ себѣ самому. Подумай, въ какомъ ты положеніи? Что ты дѣлаешь съ собою, освѣщая мысль о безразличіи вѣръ? Ты оскорбляешь въ себѣ природу человѣческую. Ты требуешь отъ нея, чтобы для нея было все равно—истина и ложь, произволъ страстей и святая воля Божія, путь жизни и путь погибели. Берегись оскорблять душу, созданную Богомъ: она создана для того, чтобы искать истину и любить добро.

Для Бога—ума безпредѣльнаго, для Него—благости вѣчной не все равно, идешь ли ты путемъ спасенія, или путемъ лжи и заблужденія. Не послалъ ли Онъ Сына Своего на землю возвѣстить

людямъ волю Свою и показать путь на небо? Не послалъ ли Сынъ Божій избранныхъ учениковъ проповѣдывать евангеліе Его всей вселенной? Не учредилъ ли Онъ на землѣ церкви своей въ столпъ и утвержденіе истины? Ты указываешь на множество вѣръ? Но что такое многія вѣры, послѣ той вѣры, которую открылъ самъ Богъ? Мнѣнія человѣческія, составленныя произволами людей, мнѣнія болѣе или менѣе ложныя, болѣе или менѣе вредныя душѣ, какъ плоды людскихъ произволовъ. Вѣра истинная и спасительная можетъ быть одна, потому что истина всегда вѣрна себѣ самой. Вѣра истинная и спасительная не можетъ быть несогласною съ тою, которую открылъ самъ Богъ, такъ какъ Богъ всегда вѣренъ себѣ самому. Еще при апостолахъ были люди, которыхъ самолюбіе заставляло вводить въ церковь свои мнѣнія, или что тоже, свои вѣры. Но что сказалъ апостолъ? Онъ сказалъ разъ навсегда: *Аще мы или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8.). Видите, какъ грозенъ судъ на отступниковъ отъ единой, свыше открытой вѣры!

Господи—Господи! открой очи наши, да разумѣемъ чудеса закона Твоего.

IX.

И вскую умираете, доме израилевъ?

Надобно бы исправиться во многомъ, надобно бы жить иначе, нежели какъ жили. Но какъ жить не по правиламъ свѣта? Примѣръ завлекаетъ, да и нельзя идти наперекоръ всѣмъ". Такъ говорятъ грѣшники и коснѣютъ въ грѣхахъ.

Что же сказать объ этомъ? Христіане опасаются жить по христіански изъ угожденія міру! Молодость стыдится не быть похожею на людей, пользующихся извѣстностію; зрѣлый возрастъ остерегается обратить на себя неблагопріятное вниманіе людей міра. И старость, даже старость, въ виду которой гробъ, ловитъ людское мнѣніе, какъ дитя. Жалуются на соблазнъ,—и сами же, по желанію блистать предъ міромъ, спѣшатъ выставить изъ себя самый нескромный примѣръ соблазна.

Христіане-грѣшники! Понимаете ли, чувствуете ли вы, какъ слабость ваша богопротивна?

Боятся начать жизнь лучшую, христіанскую, чтобы только не возбудить противъ себя мнѣнія людей? Чувствуютъ, сознаются, что

надобно жить иначе, но живутъ по прежнему оттого, что другіе живутъ, какъ и они. Чьи же мнѣнія ставятъ такъ высоко? Людей ли, которые отличаются зрѣлостію мыслей, чистотою души, правилами жизни высокими? Поклонники свѣта не знаютъ такихъ людей. Ихъ взоры обращены на людей иныхъ, какъ будто на свѣтѣ нѣтъ другихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые также легкомысленны, какъ и они? Какая ложь! Други мои! Посмотрите вокругъ себя, и вы увидите не мало такихъ, которыхъ мнѣніемъ должны вы дорожить, которыхъ примѣру должны вы слѣдовать и по голосу совѣсти вашей и по голосу смысла здраваго. Есть и начальники, для которыхъ выше всего христіанское благочестіе. Есть и богатые, которые богаты не благами тлѣнными, а добродѣтелями высокими. Есть и жены, которыя подаютъ собою примѣръ добрыхъ супругъ, добрыхъ матерей семейства, добрыхъ христіанокъ. Есть и дѣвы, которыя скромны и чисты, добры и строги къ себѣ, умны и разсудительны, какъ невѣсты Христовы. Не правда ли, что такіе люди стоятъ всего вниманія, всего уваженія вашего? И вы на нихъ не смотрите! И оттого, что не смотрите, не дорожите ихъ сужденіями. А ихъ отзывы, какъ отзывы ума свѣтлаго, яснаго, отчетливаго, должны бы возбудить въ васъ страхъ за себя, страхъ столько же справедливый, сколько и спасительный. Между тѣмъ кого вы боитесь? Кого отличаете вниманіемъ и уваженіемъ? Людей легкомысленныхъ. Уважаете тѣхъ, которыхъ неодобреніе должно бы утѣшать васъ.—Согласитесь, что отзывъ легкомыслія стоитъ лишь улыбки; а брань развратнаго—похвала честности. Поймите же свое положеніе. Тѣхъ самыхъ, на которыхъ вы такъ зорко смотрите, признаете вы людьми порочными и хотите быть похожими на нихъ; вы ставите ихъ ни во что и домогаетесь ихъ одобренія, презираете ихъ и домогаетесь ихъ одобренія, презираете ихъ и однако подчиняете совѣсть и жизнь свою ихъ вліянію.

Кто рѣшается жить порочно и думаетъ заслужить похвалу отъ людей; тотъ смѣшонъ. Міръ не дѣлаетъ добрыхъ дѣлъ; но и не ставитъ добродѣтели на равнѣ съ порокомъ,—дѣлаетъ дѣла темныя, но не хочетъ казаться порочнымъ, а презираетъ порокъ. И вы, которые такъ молодушны для добра,—вы, которые такъ легко измѣняете совѣсти своей изъ страха предъ людьми, вы составляете неистощимый предметъ насмѣшекъ его. Онъ презираетъ васъ за то самое, что вы хотите угождать ему; онъ смотритъ на васъ, какъ на людей слабыхъ. Не то было бы съ вами, если бы вы были тверды для добра. Міръ боится тѣхъ, которые смѣло противятся ему. Онъ почтителенъ предъ добродѣтелію, которая отказываетъ ему въ томъ, чего не въ правѣ онъ требовать, и презираетъ пресмыкающихся предъ нимъ.

Кто ищетъ угодить міру, тотъ не можетъ угодить Богу. Можетъ ли Онъ смотрѣть безъ негодованія на двоедушіе такихъ людей? Они то чувствуютъ уваженіе къ святости закона Его, то творятъ дѣла нечестія; то сознаются, что пороки отвратительны, то оскверняются пороками свѣта; то благоговѣютъ къ святой вѣрѣ, то показываютъ малодушный стыдъ за нее предъ міромъ; то любятъ Бога, то дѣлами отмещутся отъ Него. Нѣтъ, не обольщайте себя надеждою на миръ съ Господомъ. Онъ сказалъ: „кто отречется Меня предъ человѣками, отъ того отрекусь и Я предъ Отцемъ Моимъ“ (Мат. X, 33.). Вы ищете благоволенія міра? Но любовь къ міру влечетъ за собою вражду съ Богомъ, и стать другомъ настоящаго вѣка значитъ тоже, что стать врагомъ Божіимъ (1 Іоан. IV, 4.). Міръ отвергнулъ Христа Іисуса; міръ преслѣдовалъ апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, святителей; а вы уважаете міръ. Борьба съ міромъ—отличіе христіанства; оно ведетъ съ нимъ открытую брань, которая продолжится до конца міра. Гдѣ же находятся покорные слуги міра, если не въ станѣ врага св. вѣры? Раболѣпствуя предъ міромъ, не отдаютъ ли они преимущество врагу Божію? Можетъ быть, это нечестивое сравненіе высочайшаго существа съ нечестивымъ міромъ не ясно представляется уму ихъ; можетъ быть иной увѣренъ, что Богъ всегда занимаетъ первое мѣсто въ его сердцѣ. Но это обманъ. Богъ предписываетъ свои законы, міръ предлагаетъ другіе, и вы, слуги міра, слѣдуете уставамъ міра. Богъ зоветъ Своею благодатію, міръ завлекаетъ своими удовольствіями, и вы идете къ міру. Богъ угрожаетъ своими казнями, міръ страшитъ своимъ осужденіемъ, и вы благоговѣете предъ міромъ. Богъ обѣщаетъ вамъ вѣчную славу, міръ льститъ васъ своею ласкою, и вы бѣгаете за ласкою міра. Нѣтъ, не обманывайтесь,—міръ идолъ вашей души, вы кланяетесь ему, посвящаете ему и чувства, и мысли, и дѣла.

„Трудно, говорятъ, не уважать суда многихъ? Трудно не увлекаться примѣромъ многихъ“?

Но если бы въ мірѣ было и больше худыхъ людей, нежели сколько ихъ есть: и тогда добродѣтель выше всего міра, и тогда она стоитъ всей любви нашей. Пусть золото лежитъ въ грязи, оно не перестаетъ быть золотомъ. Божій законъ не измѣненъ. Если многіе не уважаютъ его: теряетъ ли онъ отъ того силу? Нѣтъ, въ свое время онъ взыщетъ свое съ нихъ. Какъ Богъ святъ и неизмѣненъ: такъ святы и неизмѣняемы законы вѣры святой.

Путь въ царствіе небесное тѣсенъ и тернистъ, но за то онъ путь въ царство вѣчной радости и покоя (Матѳ. VII, 13. 14.). Отъ того, что въ адъ придутъ многіе, никому не будетъ лучше; напротивъ больше будетъ шуму, больше крику, больше укоровъ боль-

ше брани, и ненависти, и слѣдовательно больше мукъ для всѣхъ.

Пусть же здѣсь въ мнѣніи многихъ ты будешь страненъ за твое благочестіе, за то какъ легко, какъ весело тебѣ будетъ съ твоимъ благочестіемъ тамъ на судѣ всемірномъ! *Блажени есте, егда поносятъ вамъ*, сказалъ намъ Господь нашъ (Матѳ. V, 11.). Въ настоящей жизни, гдѣ всѣ мы ошибаемся, и одни стараются исправлять ошибки, другіе же коснѣютъ во грѣхахъ, соблазны неизбѣжны. *Нужда есть пріити соблазномъ* (Матѳ. XVIII, 19.) сказалъ Спаситель. Долгъ совѣсти чистой остерегаться соблазновъ, а не увлекаться ими, стараться, чтобы ихъ было меньше, а не умножать своимъ примѣромъ число ихъ. Трудно, говорятъ, устоять противъ соблазна, трудно стоять противъ пересудовъ. Но развѣ вы не знаете помощи Божіей? Богъ обѣщалъ вамъ, а слово Его свято, обѣщалъ что не допуститъ васъ подвергнуться такому искушенію, которое выше силъ вашихъ; Онъ подастъ вамъ свою помощь, съ которою выдержите искушеніе (Кор. X, 13.). *Аще Богъ по насъ, кто на ны?* (Рим. VIII, 31.). Или думаете, что благость Божія не простирается на васъ? Бросьте это сомнѣніе, оно нечестиво.

Други мои! Не будьте слабы, не будьте малодушны, не бойтесь начать жизнь лучшую, христіанскую. Слабость вашу все осуждаетъ. Твердость для добра—объемлетъ Богъ любовію; боязнь людей—мечта, а спасеніе ожидающее твердыхъ, вѣрно.—Господь говоритъ вамъ: *Не бойтеся укоренія человѣча, и похуленію ихъ не покоряйтеся. Яко же бо риза снѣдена будетъ временемъ и яко сукно изъястся молми:* такъ мнѣнія нечестія, *правда же Моя во вѣки будетъ и спасеніе Мое въ роды родовъ* (Исаія LI, 7. 8.). Богу великому и дивному во святыхъ слава.

X.

И вскую умираете, доме израилевъ?

Не жалуйтесь, друзья мои, что и еще повторяю вопросъ, предложенный Господомъ грѣшникамъ. Не хотѣлъ бы, но хотятъ того грѣшники. Они еще думаютъ продолжать прѣніе съ Господомъ. Они еще хотятъ оправдать себя предъ Нимъ. У нихъ еще есть отвѣты въ извиненіе своей непокорности предъ Нимъ. Что-жъ это за оправданія новыя? Лучше ли онѣ прочихъ?

„Какъ, говорятъ, совмѣстить заботу о спасеніи души съ дѣ-

лами званія? Когда намъ заниматься молитвою или благочестіемъ? Хлопоты по службѣ, по дому, по торговлѣ занимаютъ собою все время. И сколько грѣховъ влекутъ за собою эти хлопоты"?

Друзья мои! По волѣ Господа обязанности христіанина не отдѣльны отъ обязанности гражданина и члена семьи. Ихъ отдѣляетъ самъ человѣкъ, занимаясь не въ порядкѣ, не по мѣрѣ дѣлами, не совсѣмъ важными, или и пустыми, и забывая самое важное дѣло—служеніе Богу. Всякое званіе само по себѣ заставляетъ насъ только трудиться, а не заставляетъ ни лгать, ни красть, ни обманывать. Всякое званіе само по себѣ почтенно, и заключаетъ въ себѣ побужденія быть благочестивымъ и святымъ. Безъ Твоего благословенія, Боже мой, напрасно *трудятся зиждущіи*, какъ бы кто не устроялъ свое счастіе; а Твое благословеніе почиваетъ только на боящихся Тебя. Души слабыя боятся и бѣдности и голода, которыхъ еще и нѣтъ; теряютъ духъ и предъ незримыми бѣдами и допускаютъ до себя толпы грѣховъ. Но и противъ видимыхъ бѣдъ сказано намъ: „если прежде всего будете искать небесное царствіе: все прочее устроится для васъ само собою" (Матѳ. VI, 33). Грѣхъ другъ ли счастія нашего? Деньги, нажитыя ложью, обманомъ, кражею еще не вносили съ собой ни въ одинъ домъ прочнаго благосостоянія.—Жалуются на нужды жизни:—что это за нужды? Будьте искренни, друзья мои. У васъ нужды составлены желаніями страстей алчныхъ, жаждою корысти или чести, или пустыхъ удовольствій. Осмотритесь, изъ за чего допускаете вы отягчать душу грѣхами такъ называемой нужды? Грѣшили и грѣшатъ, желая поймать вѣтеръ. Оправдаетесь ли вы на судѣ Божіемъ, если скажете: Господи! Мы не обратились къ Тебѣ отъ того, что гонялись всю жизнь за суетою?

Да, находятъ же для себя нужды и такіе люди, у которыхъ нѣтъ никакихъ дѣлъ ни гражданскихъ, ни семейныхъ. Чѣмъ занято время ихъ? Чѣмъ полна жизнь ихъ? Встаютъ, пьютъ, наряжаются, посѣщаютъ знакомыхъ, гуляютъ, и такъ далѣе. Не правда ли, что эти занятія мелочны, пусты? Но имъ приписываютъ, важность, ни одного изъ нихъ нельзя, говорятъ, отмѣнить, ни отстрочить, ни сократить. О! Боже мой! Намъ нужно и все пустое и все лишнее и даже вредное душѣ нашей. Намъ какъ будто некогда заниматься дѣлами Твоими, дѣлами хвалы и благодаренія за благодѣянія Твои, дѣлами молитвы и покаянія: а достаетъ время для выполненія прихотей сердца. Дѣла ждутъ, насъ, когда хотимъ мы удовлетворять потребностямъ тѣла, часто и прихотливымъ; а нельзя будто имъ ждать насъ, когда надобно бы идти въ храмъ Божій и напитать душу, истомленную голодомъ и жаждою, измученную суетою! Послѣ

трудовъ жизни общественной проводятъ ночь за чтеніемъ книги пустой, но не за чтеніемъ книги назидательной, проводятъ другую ночь въ забавахъ самыхъ утомительныхъ, но тоже сдѣлать для молитвы—никакъ нельзя! Несчастное ослѣпленіе! Или вѣчность не дорога? Или духъ не выше тѣла? Для денегъ, для чести, для удовольствія проводятъ ночи безъ сна, забываютъ даже о пищѣ. А когда дѣло идетъ о долгѣ, который наложилъ на меня Самъ Богъ, о главной цѣли, для которой дана мнѣ самая жизнь: у меня не достаетъ времени для занятій этимъ долгомъ! О! прости Господи лукавому сердцу моему—лукавства его! Друзья мои! пока сердце наше не увлекается пристрастіями къ земному и временному: дѣла, налагаемыя на насъ званіемъ и состояніемъ,—не препятствіе спасенію нашему. Наши страсти и пристрастія—вотъ творцы грѣховъ нашихъ! Господь сказалъ; *никто же можетъ двѣма господинома работати* (Матѳ. VI, 24). Это означаетъ, что если житеское попеченіе одинаково уважается тобою, какъ и воля Господа твоего: то ты—не рабъ Божій, не рабъ Того, кого сердце твое должно чтить выше всего. *Идѣ же сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. VI, 21). Если твое сокровище, то, чѣмъ дорожишь ты, о чемъ страстно печешься, находится на землѣ: то и сердце твое уже на землѣ, а не на небѣ, не у Бога. И такъ храни сердце твое среди дѣлъ житейскихъ, берегись, чтобы не привязывалось оно къ предметамъ земнымъ. *Да будутъ требующіи міра, яко не требующіи,* вотъ заповѣдь свят. апостола (1 Кор. VII, 31).

У грѣшниковъ еще одна отговорка въ душѣ, если не на устахъ. „Еще исправимся“, думаютъ они.

Почему-жъ „исправимся“, а не исправляемся? Или спасеніе души нашей нужно намъ послѣ, и не нужно теперь? Или одно время—собственность Божія, а другое—законная жертва страстямъ? Или какую либо часть силъ нашихъ можемъ мы ненаказанно тратить по прихотямъ сердца? Ни то, ни другое, ни третіе. И спасеніе души нашей стоитъ того, чтобы заботиться о немъ каждый часъ, и все время со всѣми силами нашими должны мы посвящать Богу. Каждый шагъ своеволія—оскорбленіе Господу, каждая минута грѣха—осужденіе намъ, каждое движеніе наше, если оно не сообразно съ волею Божіею,—вредъ душѣ.—Домъ началъ горѣть; а хозяинъ говоритъ: усну и потомъ потушу. Что грѣхъ, какъ не огонь? Богъ зоветъ грѣшника къ себѣ, Онъ готовъ на помощь къ нему съ Своею благодатію; а грѣшникъ говоритъ: успѣю пойти. Не дерзость ли это нечестивая? *Или о богатствѣ благости Его и кротости и долготерпѣніи Его нерадиши, не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ?* (Рим. II, 4). Боже мой! Боже мой! Такъ ли живутъ

рабы Твои, какъ я? Они день и ночь въ подвигахъ для Тебя; день и ночь въ борьбѣ съ разными движеніями грѣха. Если и случится, что прелесть грѣха увлечетъ душу съ стражи духовной, какъ спѣшатъ они стать на прежнее мѣсто! Сколько горя, сколько скорби перенесетъ душа ихъ за допущенный грѣхъ! Наѳанъ обличилъ Давида въ грѣхѣ, и Давидъ въ тотъ же часъ сталъ лить слезы раскаянія.—Іона явился въ Ниневію съ вѣстію о гнѣвѣ Божіемъ, и ниневитяне въ тотъ же день облеклись во вретище и посыпали пепломъ главы свои. Закхей, лишь только посѣтилъ его Господь, отдаетъ половину имѣнія нищимъ и платитъ за обиды въ четверо (Лук. XIX, 1—11). Одинъ взглядъ укоряющей любви на Петра и—*Петръ изшедъ вонъ плакася горько* (Лук. XXII, 61. 62). Вотъ что значитъ искренно желать исправленія своего! Бѣдная душа моя! Дорого ли тебѣ блаженство вѣчное? Если дорого: зачѣмъ тратишь безъ пользы себѣ время, цѣною котораго могла бы купить большую мѣру блаженства? Зачѣмъ не готовишься къ нему какъ можно лучше? Что ждетъ тебя?

Исправимся послѣ!“ Но кто насъ увѣрилъ, что намъ дадутъ это—„послѣ?“ Какой пророкъ открылъ, что путь жизни нашей еще долго продлится? Знаемъ ли, что случится съ нами завтра? Знаемъ ли, что нынѣ же къ вечеру не положатъ насъ въ гробъ? Молодость лѣтъ, цвѣтущее здоровье обѣщаютъ еще не мало дней? А будто не случалось намъ видѣть или слышать, что и крѣпкіе юноши разставались съ жизнію и свѣжую молодость косила смерть, какъ траву? Мечты наши не замедлятъ въ насъ жизни. На томъ ложѣ, на которомъ составлялись планы на нѣсколько лѣтъ дѣятельности, мечтатель заснулъ сномъ безпробуднымъ. И желаніе жизни не дастъ намъ жизни. Закрывались глаза на вѣки и среди такого счастія, гдѣ все заставляло желать жить. Можемъ ли считать собственностію то, что вовсе не принадлежитъ намъ? Времена и годы—во власти вѣчнаго Владыки. Онъ далъ намъ прошлое, даетъ настоящее время,—это Его даръ; Онъ даетъ настоящее съ тѣмъ, чтобы исправились мы въ грѣхахъ прошлаго времени. Пользуйся же тѣмъ, что дано. *Ходите, дондеже свѣтъ имате, да тьма васъ не иметъ* (Іоан. XII, 35.).

„Исправимся послѣ“! Когда же? Въ старости? Не значитъ ли это, что исправимся мы тогда, какъ силы души и тѣла еще болѣе испорчены будутъ грѣхомъ, и не исправляемся теперь, когда еще много жизни въ душѣ и тѣлѣ? Преуспѣяніе въ грѣхѣ совершается въ насъ и безъ усилій нашихъ. Злыя мысли, преступныя желанія, вредныя похоти плодятся сами собой на худой почвѣ души нашей. Бездѣйствіе для добра открываетъ имъ свободу и даетъ усиливаться со дня на день. Не истреби худой мысли, раждается дурное желаніе; оставилъ безъ вниманія грѣшное желаніе, является дѣло чер-

ное; а тамъ смотри, является и наклонность къ грѣху, а тамъ и привычка къ нему,—привычка, которая такъ легко становится второю природою. Всякій грѣхъ безъ противодѣйствія ему возрастаетъ съ лѣтами и собою ослабляетъ силы души.—Что же значитъ: исправимся въ старости? Больной говоритъ врачу: „оставьте меня, успѣю принять лѣкарство, когда мнѣ будетъ очень тяжело". Исправимся въ старости? Ахъ! если не исправляемся теперь: застарѣвшія привычки къ грѣху также трудно будетъ исправлять, какъ трудно выпрямлять самое кривое дерево. *Благо мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей* (Плач. Іер. Ш, 27.). Онъ счастливъ уже и потому, что вмѣсто ярма грѣховнаго возложилъ на себя ярмо святое и отклонилъ отъ себя рядъ грѣховъ, готовящихся для него; онъ счастливъ тѣмъ, что съ раннихъ лѣтъ началъ борьбу со грѣхомъ, не усиливъ зла потворствомъ ему, не подавивъ сѣмянъ добра, посѣянныхъ благодатію.—Старость постоянна въ правилахъ, зрѣла въ мысляхъ, не любитъ разсѣянности, не занимается пустымъ, заботлива о молитвѣ и вѣчности; но все это тогда, какъ лѣта юности и мужества прошли съ страхомъ Божіимъ въ сердцѣ, съ благоговѣніемъ къ святой вѣрѣ въ душѣ. Иначе она гніетъ въ грѣхахъ. „Исправимся въ старости"! Это тоже, что жизнь тощую, гнилую, больную отъ грѣховъ посвятимъ мы Богу. О! Боже праведный! Ты негодовалъ на приносившихъ Тебѣ въ жертву *слѣпое, хромое, недужное* (Мал. I, 6. 9.). А вотъ люди еще не приносятъ, а только обѣщаютъ принесть, такую же жертву,—слѣпую, хромую, недужную старость! *Доколѣ же Господи, раздражитъ Тебя грѣшный?* (Псал. IX, 25.).

„Исправимся—и впереди время"! Но кто говоритъ это? Кто обѣщаетъ себѣ жизнь впереди? Грѣшникъ, котораго жизнь съѣдена грѣхами. Какое жалкое легкомысліе! Нѣтъ, если для кого, то для нечестиваго нѣтъ времени впереди. *Страхъ Господень прилагаетъ дни, лѣта же нечестивыхъ умалятся* (Прит. X. 27.). *Отъ плода правды древо жизни прозябаетъ, отъемлются же безвременно души беззаконныхъ* (XI, 30.). Да слышитъ беззаконный, что говорится о немъ. Вотъ рухнетъ дерево твоей жизни: оно все испорчено тлею грѣховъ, изъѣдено ядами страстей. Не пророкъ я, но и не свое говорю; говорю то, что давно сказалъ Богъ. Ударъ и—все для тебя кончится. Спѣши собраться въ дальній путь, спѣши устроить, сколько можешь, дѣла души твоей: *умираеши бо и не будеши жити* (Исаія XXXVI, 3.). Судъ Божій противъ тебя. *Уже бо и сѣкира при корене древа лежитъ. Всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ и въ огнь вметаемо* (Матѳ. III, 10.).

Грѣшники! Вамъ остается плакать предъ Господомъ,—чаще представлять смерть и страшный судъ Божій, легкомысліе и безъ

того много губило васъ; надобно разстаться съ нимъ. Страсти испортили и умъ и сердце и желанія ваши; надобно разорвать связь съ ними.—Время перестать быть врагами себѣ самимъ. *Блюдите, како опасно ходите, искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. V, 15. 16.).

XI.

Покайтеся: приближися бо царствіе небесное. (Матѳ. IV, 17).

Такъ проповѣдывалъ на землѣ Сынъ Божій! Такъ началъ Онъ проповѣди свои къ грѣшнымъ чадамъ земли! И какъ дѣйственна была тогда проповѣдь Его! Какую перемѣну, какое сильное движеніе произвела она въ слушателяхъ! Самъ Онъ, свидѣтель вѣрный, Сынъ Божій, говоритъ: „отъ дней Іоанна крестителя до нынѣ царствіе небесное силою берется и усильные искатели достаютъ оное“ (Мат. XI, 12.).

Грѣшники нашихъ временъ! Проповѣдь Сына Божія звучитъ и въ вашемъ слухѣ. Сколько разъ вы слышите ее въ храмѣ! Сколько разъ повторяютъ вамъ ее ваши духовные пастыри! Ужели и эта сильная проповѣдь оказывается безъ дѣйствія на вашу душу? Не потерялась ли сила ея отъ времени? Быть не можетъ: слово вѣчнаго Бога останется вѣчно сильнымъ словомъ. Если же не сильно оно для васъ: это можетъ зависѣть только отъ васъ самихъ, отъ вашего невниманія къ себѣ и слову Божію. Когда же конецъ невниманію вашему? Когда конецъ холодности къ вашему опасному положенію и къ глаголу Творца вашего? Грѣшники! Вамъ говоритъ Сынъ Божій: *покайтеся, приближися бо царствіе небесное*. Страшно не слушать Сына Божія. Чего же Онъ ожидаетъ отъ васъ?

Если путникъ идетъ не по своей дорогѣ и ему говорятъ о томъ: ему надобно придти въ себя, сообразить, какая дорога ведетъ къ цѣли его и какою онъ идетъ? *Покайтеся*, внушается грѣшникамъ, перемѣните путь вашъ. Итакъ грѣшникъ долженъ придти въ себя, долженъ осмотрѣться, кто онъ таковъ, какимъ путемъ идетъ и куда долженъ идти? Казалось бы, не трудное дѣло видѣть и знать, тамъ ли мы идемъ, гдѣ должны идти, въ чемъ жизнь наша не согласна съ данными правилами, въ какихъ отношеніяхъ душа уклонилась отъ воли Божіей—вѣчнаго и непреложнаго закона для всего. Кто ближе къ намъ, чѣмъ мы сами? Какъ же не знать намъ самихъ себя? Но отъ того-то далеко и уклонились мы отъ воли Божіей,

что не понимаемъ самихъ себя. То ли было бы, „если бы мы судили сами себя“? (1 Кор. XI, 31). Теперь же не легко, трудно узнать себя. Столько лѣтъ проведено въ забытьи о себѣ, въ суетахъ и развлеченіи, въ хлопотахъ непрерывныхъ о всемъ, за исключеніемъ души своей? Какъ знать себя? Какъ не встрѣтить затрудненій при первомъ опытѣ самоиспытанія? Вотъ чада міра являются къ духовнику на исповѣдь—и не знаютъ, что сказать имъ о себѣ? Они многое знаютъ о томъ, что около ихъ, но мало изъ того, что происходило въ нихъ самихъ; знаютъ дѣла чужія, даже дѣла тѣхъ, которыхъ никогда не видали, но не довольно знаютъ свои дѣла, свои грѣхи; они знаютъ считать деньги и взвѣшивать личныя обиды, но не умѣютъ они ни сочесть, ни взвѣсить своихъ беззаконій. Печальное состояніе! Грѣшники! Худо вы видите себя, а видѣть надобно. Что же остается вамъ дѣлать? Прежде всего внимательно смотрѣть на себя. Отвратите взоръ вашъ отъ суетнаго міра, соберите разсѣянныя суетою мысли, остановите, удержите ихъ на одномъ—на самихъ себѣ, на своихъ грѣхахъ, ошибкахъ, преступленіяхъ. Пока мысли и сердце ваше заняты дѣлами, вещами, впечатлѣніями земной жизни: нельзя вамъ разсмотрѣть самихъ себя. Теперь вы худо видите себя; но чѣмъ долѣе, чѣмъ внимательнѣе будете смотрѣть на себя въ вѣрное зерцало закона Божія,—тѣмъ болѣе, тѣмъ яснѣе будете видѣть себя.

Входя въ самихъ себя, прежде всего должны мы обозрѣть тяжкіе грѣхи свои, но не съ тѣмъ, чтобы оставить безъ вниманія малые грѣхи. Чѣмъ опаснѣе, чѣмъ важнѣе грѣхъ; тѣмъ болѣе должны мы бояться его, тѣмъ скорѣе должны освободиться отъ него. Грѣхи противъ Бога и Христа Господа безъ сомнѣнія важнѣе, чѣмъ противъ ближнихъ нашихъ. Грѣхи противъ личнаго званія и состоянія нашего строже взыщутся съ насъ на судѣ Божіемъ, чѣмъ тѣ, которыми оскорбляются обязанности общія для насъ съ другими. Грѣхи тѣ, которые мы повторяемъ часто безъ угрызенія совѣсти, безъ тревоги въ душѣ, опаснѣе для души, чѣмъ другіе, такъ какъ показываютъ собою ослабленіе, духовной жизненности, духовное омертвеніе. Преобладающая страсть—самая опасная страсть, самый тяжкій грѣхъ: изъ нея, какъ изъ корня, возникаютъ цѣлые ряды грѣховъ. Пересмотрите же внимательно, какія важныя обязанности нарушены вами; отыщите, какой грѣхъ господствуетъ въ душѣ вашей, вызывая за собою многіе другіе грѣхи; разсмотрите дѣйствія привычныхъ грѣховъ на душу вашу. Судъ Божій опредѣляетъ награду и за малыя добрыя дѣла напр. за стаканъ холодной воды, поданной во имя Господа. Но онъ же потребуетъ отвѣта и за малые грѣхи, напр. за праздное слово. *Глаголю вамъ*, учитъ Спаситель, *яко всяко слово праздное, еже аще ре-*

кутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный (Матѳ. XII, 36). Потому, испытывая совѣсть свою, должны мы осмотрѣть и всѣ тѣ проступки, которые казались малыми, тѣмъ болѣе, что можетъ быть на дѣлѣ иные изъ нихъ окажутся не такъ малы, какъ мы думали, можетъ быть въ общей сложности число ихъ окажется такъ велико, что страшно намъ станетъ за нихъ.

Вѣрный закону и совѣсти судья входитъ съ полнымъ вниманіемъ въ дѣла преступника. Онъ не довольствуется общимъ признаніемъ въ преступленіи, а силою закона вынуждаетъ преступника изложить всѣ подробности, всѣ обстоятельства преступленія: спрашиваетъ о мѣстѣ о времени, о участникахъ, о средствахъ, преступленія, о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя даютъ болѣе или менѣе вѣса преступленію.—Поставимъ и мы душу свою предъ зерцало совѣсти и закона Божія, и съ тѣмъ же вниманіемъ разберемъ всѣ обстоятельства преступныхъ дѣлъ нашихъ. Потребуемъ отвѣта у самихъ себя: гдѣ, когда, въ какомъ видѣ учиненъ нами тотъ, или другой грѣхъ? Праздное слово въ домѣ и праздное слово въ храмѣ—не одно и тоже. Насмѣшка надъ дѣломъ человѣческимъ и насмѣшка надъ вѣрою или словомъ Божіимъ—вещи розныя. Невоздержаніе въ простой день и невоздержаніе въ постъ, уставленный церковію—не одинаково важны. Ты сознаешься, что завидуешь ближнему. Разбери, какого вида твоя зависть? Печаленъ ли ты только отъ того, что не имѣешь блестящихъ его качествъ и успѣховъ? Или ты желаешь непріятной перемѣны въ судьбѣ его? Или можетъ быть ты дѣлалъ опыты и тому, чтобы подорвать счастіе его происками? Зависть перваго рода не такъ тяжка, какъ зависть послѣдняя. Совершенъ грѣхъ, тяжкій самъ по себѣ; но если онъ совершонъ въ виду другаго, имъ заразился другой. Разсмотри еще, не хвалился ли ты тѣмъ же порокомъ предъ многими? Не рисовалъ ли соблазнительную картину грѣха предъ другими, тогда какъ тѣ заняты были благочестивыми мыслями и упражненіями? Если такъ: ты отравлялъ ихъ мысли, чувства, воображеніе, душу. Чѣмъ обширнѣе вліяніе примѣра нашего на другихъ, тѣмъ хуже для насъ отъ нашихъ грѣховъ.

Въ сознаніи грѣховъ нашихъ должны мы быть вполнѣ искренни. *Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое.* (Исаія. V, 2.). Какая надежда на исцѣленіе души, когда она видитъ худыя дѣла, но хочетъ дать имъ видъ сносный, если не совсѣмъ пріятный? Какая надежда на исцѣленіе души, когда она не признаетъ всей красоты добродѣтелей небесныхъ и ставитъ въ рядъ съ ними свои дѣла, очерненныя намѣреніями преступными? Господи! *Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія непщевати вины о грѣсѣхъ* (Псал. CXL, 4.). Отъ чего мы бываемъ неискренни въ признаніи грѣховъ

своихъ Отъ самолюбія, отъ того самолюбія, которое составляетъ постоянную вражду человѣка съ Богомъ и слѣдовательно есть самое страшное зло въ насъ. Самолюбію тяжело видѣть безобразіе наше. Потому оно выдумываетъ разныя извиненія грѣхамъ нашимъ. То указываетъ на слабость нашу, какъ будто святые не были такими же людьми, какъ и мы съ тобою, братъ мой. То увольняетъ насъ отъ отвѣта за опущенія и проступки, по множеству дѣлъ и заботъ, тогда какъ назначено всему время, тогда какъ самая большая часть нашихъ заботъ принята на себя только въ угоду страстямъ. То ссылается въ извиненіе наше на связи житейскія, какъ будто не сами же вступили мы въ эти связи, какъ будто держали насъ въ этихъ связяхъ, какъ въ цѣпяхъ. Кающійся грѣшникъ! Ты стоишь предъ Богомъ; онъ видитъ всѣ движенія души твоей. Къ чему же закрывать грѣхи свои извиненіями? Ты не скроешь ихъ ни чѣмъ отъ Всевидящаго и только прибавишь къ нимъ новый грѣхъ—лукавство самолюбія, враждебнаго Богу. Страшись самолюбія и дѣлъ его. Самолюбіе любитъ покой и лѣнь, и оно-то не хочетъ допустить насъ до того, чтобы, выставляя грѣхи свои безъ всякаго покрова, тревожились мы гнусностію ихъ и ссорились съ самими собою. О! Надобно много имѣть вниманія къ себѣ, чтобы самолюбіе не ослабляло въ насъ рѣшимости на искренній судъ о самихъ себѣ. Если ты оклеветалъ другаго: не дозволяй самолюбію таить отъ себя и то, что къ тому побудила тебя оскорбленная гордость или зависть къ преимуществамъ другаго. Не дозволяй самолюбію закрывать отъ тебя грѣхи, но строго отыскивай въ душѣ причины грѣховъ, выставляй ихъ предъ собою, какъ бы отвратительны онѣ ни были. Надобно имѣть мужество, чтобы поражать гордость свою нещаднымъ раскрытіемъ грѣховъ. Не думайте, что вы слишкомъ увеличите мрачность дѣлъ своихъ темными красками. Повѣрьте, самолюбіе успѣетъ скрыть отъ васъ много чернаго въ дѣлахъ вашихъ, успѣетъ бросить краски свои въ ваше изображеніе дѣлъ и измѣнить видъ ихъ. Тяжело вамъ видѣть себя въ поносномъ видѣ? Не отстраняйте отъ души этой тяжести. Повѣрьте, самолюбіе много облегчаетъ тяжесть вашу. Зачѣмъ вамъ дѣйствовать за одно съ врагомъ души своей? Искреннему покаянію нашему будутъ радоваться на небѣ и Отецъ небесный съ свѣтлымъ лицемъ встрѣтитъ возвращающагося къ Нему сына.

Господи! Посли помощь Твою намъ для совершенія полнаго и искренняго самоиспытанія, въ славу имени Твоего Святаго.

XII.

Покайтеся: приближися бо царствіе небесное.

Для достойной исповѣди необходимо, какъ видѣли вы, полное и искреннее признаніе грѣховъ своихъ. Но все ли дѣло исповѣди состоитъ въ сознаніи грѣховности своей? Нѣтъ, не все, далеко не все. При сознаніи грѣховъ необходимы еще сердечное сокрушеніе о грѣхахъ, соединенное съ вѣрою въ Искупителя и твердая рѣшимость жить свято.

Необходимо сокрушеніе о грѣхахъ. Кто искренно и вполнѣ сознаетъ грѣховность свою: быть не можетъ, чтобы не почувствовалъ тотъ скорби о грѣхахъ. Холодность, равнодушіе къ своему состоянію въ грѣшникѣ означаетъ, что онъ не сознаетъ себя грѣшникомъ, не видитъ своего положенія. Иначе можно ли быть равнодушнымъ при ясномъ взорѣ на опасное свое положеніе? Что такое грѣхъ? Преступленіе закона Божія, оскорбленіе величію Божію: Но, оскорбляя всеблагаго Бога, нашего Творца и Промыслителя, нашего Спасителя и Утѣшителя, столько содѣлавшаго для нашего вѣчнаго спасенія, развѣ можемъ мы оставаться спокойны; не раскаянны? Что такое грѣхъ? Это ядъ души, это—разрушеніе высокаго созданія Божія, нѣтъ зла, нѣтъ несчастія, нѣтъ бѣдствія; которое было бы гибельнѣе грѣха. Что такое грѣхъ? Безобразенъ видъ мертвеца: гораздо хуже душа грѣшная. Грѣхъ грабитъ насъ, лишаетъ даровъ Божіихъ, покрываетъ душу гнойными струпами, истомляетъ ее страстями, наполняетъ зловоніемъ нечистотъ. *О! блаженъ бдяй и блюдый ризы своя, да не нагъ ходитъ и узрятъ срамоту его* (Апок. XVI, 15.). Чего ждемъ мы отъ грѣховъ въ будущемъ? Тамъ—за гробомъ цѣлая вѣчность мукъ ожидаетъ грѣшника. И грѣшникъ не трепещетъ, и грѣшникъ не стонетъ, и грѣшникъ—покоенъ. О! Это—не въ порядкѣ природы,—этому быть нельзя, пока жива душа. Будите душу свою, если спитъ она,—будите, пока не заснула сномъ мертвымъ. Доколѣ тѣло живо: оно чувствуетъ каждое прикосновеніе стороннее, тѣмъ болѣе удары, тѣмъ болѣе раны. Точно также доколѣ жива душа: она должна чувствовать скорбь при потрясеніи ея грѣхами, при нарушеніи ея грѣхами, при нарушеніи ея порядка беззаконіями. Если же не чувствуетъ того: страшно положеніе ея. Вотъ почему Богъ внемлетъ къ слезамъ души о грѣхахъ своихъ. Душа плачущая о грѣхахъ еще не вышла изъ порядка бо-

госозданной природы. Потому-то положеніе того, кто радуется о грѣхѣ,—вы понимаете, кого разумѣю я,—совершенно безнадежно.

Что свидѣтельствуетъ намъ священное писаніе о тѣхъ, кто приносилъ истинное покаяніе? Кающійся Давидъ, поражаемый наказаніями за грѣхи, вопіетъ: *услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи: яко пресельникъ есмь азъ у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои. Ослаби ми, да почію* (Псал. XXXVIII, 13. 14.). Къ чему призывалъ Богъ іудеевъ, возвращая ихъ отъ путей грѣха? Онъ говорилъ имъ: *обратитеся ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ, въ постѣ и въ плачи, и въ рыданіи и растерзните сердца ваша, а не ризы ваша* (Іоил. 11. 12. 13.). Вспомните грѣшницу, какъ обливала она слезами ноги Спасителя и отирала власами главы своей (Лук. VII, 33.). Вспомните, какъ Петръ, поколебавшійся въ твердости любви своей къ Спасителю, *изшедъ вонъ, плакася горько* (Матѳ. XXVI, 75.). Вспомните, какъ мытарь приносилъ покаянную свою молитву. *Мытарь же, издалеча стоя не хотяше ни очію возвести на небо: но біяше перси своя глаголя: Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшнику.* (Лук. XIII, 13.). Такъ, братія мои, совершается искреннее покаяніе. Не довольно говорить словами: грѣшенъ я; надобно, чтобы говорило это сердце, говорило стонами и вздохами, говорило полнымъ самоуниженіемъ своимъ. Потому все похожее на возвышеніе себя предъ другимъ, все похожее на вражду съ братомъ не имѣетъ мѣста въ кающейся душѣ; она полна скорби о своихъ грѣхахъ и не знаетъ, кто могъ бы обидѣть ее, для которой самая жизнь—милость незаслуженная. Такое покаяніе—вѣрное врачевство душѣ. Въ этомъ увѣряетъ насъ своимъ словомъ ап. Павелъ. *Печаль бо, яже по Бозѣ*, говоритъ онъ, *покаяніе не раскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2. Кор. VII, 10.). т. е. печаль ради Бога производитъ неоплакиваемую перемѣну во спасеніе. И самъ Господь говоритъ: *за грѣхъ мало что опечалихъ его и видѣхъ, яко опечалися и пойде дряхлъ и исцѣлихъ пути его.* (Исаія. LVII, 17.).

Скорбь христіанина о грѣхѣ его должна быть соединена съ вѣрою. *Покайтеся и вѣруйте во евангеліе,*—такъ говоритъ Господь нашъ. Безъ вѣры евангельской, безъ вѣры христіанской скорбь приведетъ ли ко спасенію? Нѣтъ. Она можетъ даже перейти въ отчаяніе, въ ожесточеніе души, состояніе самое пагубное. Безъ вѣры она—не оправданіе намъ. Что значитъ скорбь самая тяжкая предъ тяжестію оскорбленія, какое наносимъ мы грѣхами своими величію Божію? Все лучшее ея ограничивается тѣмъ только, что она есть плодъ сознанія грѣховъ нашихъ. А гдѣ же жертва, которую повиненъ принесть грѣшникъ оскорбленной правдѣ и святости Божіей? Такъ,

други мои, не подвиги нашего покаянія доставляютъ намъ прощеніе грѣховъ, но та жертва, которая принесена на крестѣ Спасителемъ Господомъ Іисусомъ. Безцѣнная кровь Агнца Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха. Безъ твердой надежды на заслуги Искупителя не ожидайте прощенія себѣ, ни исцѣленія духовныхъ немощей своихъ. *Иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мар. XVI, 16). Такъ взирай, неуклонно взирай, кающійся христіанинъ, на распятаго Спасителя твоего. Предъ Нимъ проливай слезы раскаянія о твоемъ невниманіи къ благодѣяніямъ Отца небеснаго, о нечестіи сердца твоего, заблуждающаго по распутіямъ грѣха, о томъ разстройствѣ души твоей, какое причинили грѣхи твои. При взорѣ на распятаго Спасителя скорбь твоя о грѣхахъ глубже проникнетъ въ сердце твое, а вмѣстѣ она будетъ скорбію живительною для души. Скорбящая о грѣхахъ душа видитъ, кѣмъ пренебрегала она, исполняя желанія страстей нечистыхъ, Она пренебрегала Сыномъ Божіимъ, купившимъ ее кровію своею для дѣлъ святыхъ; она не исполняла воли распятаго Господа, она не внимала внушеніямъ духа благодати. О! велика вина твоя, грѣшникъ, предъ Спасителемъ твоимъ. Но Онъ и послѣ того Спаситель твой. Цѣна крови Его, пролитой на крестѣ, простирается на всѣ времена, на всѣ вѣка, на всѣхъ людей. *Чадца моя*, говоритъ намъ св. апостолъ Его, *да не согрѣшаете: и аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу Іисуса Христа праведника.* Онъ очищеніе грѣховъ нашихъ и не нашихъ только, а и всего міра (1 Іоан. II, 1. 2). И другой апостолъ учитъ: *Сей, зане пребываетъ во вѣки, непрестанное имать священство. Тѣмже и спасти до конца можетъ приходящихъ чрезъ Него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ* (Евр. VII, 24. 25). Итакъ, вотъ твой защитникъ предъ правдою Отца небеснаго, кающаяся душа. Тяжки грѣхи твои: но есть Ходатай за тебя предъ правдою Божіею, есть Ходатай не только за наши съ тобою грѣхи, но и за грѣхи цѣлаго міра. Молись и плачь предъ крестомъ Его. При такомъ Ходатаѣ, какого имѣемъ мы, быть не можетъ, чтобы слезныя молитвы наши остались безплодными. Вѣра въ Искупителя, пробужденная скорбію о виновности души твоей, низведетъ на тебя благословеніе неба, отверстаго заслугами Искупителя.

Господь Іисусъ, небесный врачъ души и тѣла, при встрѣчѣ съ больнымъ іерусалимскимъ, страдавшимъ 38 лѣтъ, прежде, нежели осѣнилъ его цѣлебною силою, спросилъ: „хочешь ли быть здоровымъ“? Больной отвѣчалъ: „хочу, Господи“ (Іоан. V, 6. 7). И сталъ здоровымъ. Такъ, братія мои, и при исцѣленіи больной души необходимо съ нашей стороны твердое желаніе быть здоровыми по душѣ. Нужно безпристрастное разсмотрѣніе дѣлъ нашихъ, нужна

скорбь о грѣхахъ, одушевленная вѣрою. Но нужна также, необходимо нужна, и твердая рѣшимость не грѣшить болѣе. Если бы не было этой рѣшимости въ кающемся: это значило бы, что въ немъ нѣтъ ни искренняго убѣжденія въ пагубѣ грѣха, ни искренней скорби о виновности своей. Одно съ другимъ въ связи необходимо. Грѣхи наши—страшныя язвы наши, отъ которыхъ хочетъ исцѣлиться кающійся грѣшникъ. Если не лжетъ онъ: то надобно, чтобы готовъ онъ былъ принять самыя горькія лѣкарства, согласенъ былъ даже на отсѣченіе члена; онъ долженъ рѣшиться прервать всѣ связи съ грѣхомъ, чего бы то не стоило ему. Спаситель сказалъ: *Никтоже, возложъ руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіе Божіе* (Лук. IX, 62.). По отношенію къ кающемуся это не означаетъ того, что будто онъ, при всей немощи природы, въ послѣдствіи не можетъ подвергаться ошибкамъ; а то, что во время раскаянія необходимо должно быть въ немъ твердое желаніе не повторять прежнихъ грѣховъ. Если мы въ тоже время, какъ обращаемся къ Богу, озираемся душею на идоловъ сердца нашего; если во время раскаянія въ насъ чувствуется не охота, не искренняя рѣшимость разстаться съ преступными привязанностями души, съ обольстительными приманками грѣха: положеніе наше худо, мы не на пути къ царствію Божію, въ насъ нѣтъ искренняго раскаянія. Если грѣхи наши—предметъ правильнаго гнѣва Божія: то желая примириться съ Богомъ должны мы отречься отъ нихъ со всею твердостію, какъ бы они ни были пріятны намъ. Что сказали бы вы о виновномъ сынѣ, когда бы онъ, въ видѣ раскаявающагося, говорилъ отцу: „я жестоко оскорбилъ тебя, родитель, но огорченіе, нанесенное тебѣ такъ пріятно заняло меня, что не отказываюсь и впередъ причинять тебѣ непріятности“? Не правда ли, что это была бы дерзость, а не сознаніе въ винѣ? Какъ же ты, грѣшникъ, являясь съ раскаяніемъ предъ Богомъ, можешь говорить: „я не могу, я не думаю разстаться съ грѣхами“? Не то же ли это значитъ, какъ сказалъ бы ты: „виновенъ я предъ Тобою, Отецъ небесный, много оскорблялъ я Тебя дѣлами своими: но не прочь я отъ того, чтобы и впередъ оскорблять Тебя, такъ какъ это доставитъ мнѣ пріятное развлеченіе; а мнѣ жаль разстаться съ пріятнымъ“. Бойся душа моя, суда Божія! Жена Лотова за то, что озрѣлась на города, обреченные погибели, превращена въ столпъ соленый.—Посмотрите, други мои, какъ каялся Закхей, нажившій богатство не безъ грѣха. *Господи*, говорилъ онъ, *се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею* (Лук. XIX, 18). Вотъ твердая рѣшимость жить для Бога, а не для грѣха! Такъ необходимо, чтобы въ глубинѣ кающейся души раздавался голосъ: хочу я, Гос-

поди, здравъ быти, хочу сбросить съ себя грѣховное рабство, въ какомъ былъ доселѣ; отвращаюсь дѣлъ тьмы и разврата; хочу быть хотя бы въ числѣ послѣднихъ рабовъ Твоихъ, но Тебѣ служить; готовъ переносить лишенія и скорби, только бы не быть въ дали отъ Тебя, надежда и Владыко мой! Подай мнѣ, Боже мой, силу побѣждать искушенія грѣха и хранить святыя заповѣди Твои. Такою твердою рѣшимостію заключается дѣло обращенія отъ грѣха къ Богу и должна начаться новая благодатная жизнь.

Отче небесный! Да пріидетъ царствіе Твое. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ 8-Е.

СЛОВА:

А) ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ; Б) НА ПОГРЕБЕНІЕ УСОПШИХЪ.

СЛОВО I.

О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Дивное зрѣлище представляетъ духовному взору успеніе Богоматери. Соборъ апостоловъ собирается изъ разныхъ странъ къ смертному одру Ея. Лики ангеловъ привѣтствуютъ небесными пѣснями восходъ Ея на небо. Самъ Сынъ Божій пріемлетъ на руки Свои пречистую душу Ея. Какая дивная слава для Той, которая во все время земной жизни считала Себя не болѣе, какъ смиренною рабою Господа! Какъ свѣтъ славы божественной, независимо отъ желаній человѣческихъ, самъ собою, озарилъ Ту, которая уготовала Себя въ пречистый сосудъ Божества! Зрѣлище дивное и поучительное!

Братія! если и апостоламъ, зрѣвшимъ восходъ Господа Іисуса на небо, ангелъ сказалъ: *что стоите, зряще на небо?* и обратилъ ихъ взоръ на будущность, важную для нихъ и для всѣхъ: тѣмъ

болѣе намъ, при созерцаніи восхода Богоматери на небо, надобно заботливо помышлять, какъ будетъ совершаться наше переселеніе изъ сей жизни. Путь смерти—путь неизбѣжный для всѣхъ дѣтей Адама. Кто бы ты ни былъ, странникъ земной жизни, скоро и твоей и моей душѣ придется разстаться съ землею. Мысль эта такъ естественна, особенно въ то время, когда губительная болѣзнь такъ неожиданно провожаетъ съ земли въ другой міръ.—Но думали ли мы довольно, что встрѣтитъ насъ по ту сторону гроба? Какіе духи предстанутъ намъ въ незримой области духовнаго бытія? Если доселѣ не думали, или недовольно думали: подумаемъ теперь.

Конечно для людей подобныхъ саддукеямъ нѣтъ ни духа, ни безсмертія душъ. Потому имъ страненъ и вопросъ о духахъ, имѣющихъ встрѣтить насъ за гробомъ. Но честь ли не только христіанину, но и человѣку, быть саддукеемъ? Честь ли кому нибудь ставить свое бытіе на степень бытія безсловесныхъ? Другое дѣло слушать ученіе Христово, которое такъ возвышаетъ духъ нашъ, которое такъ расширяетъ зрѣніе наше на все, въ томъ числѣ и на загробную судьбу нашу. Что же говоритъ намъ св. писаніе о переходѣ души въ незримую область жизни загробной?

Бысть же умрети нищему и несену быти ангелы на лоно Авраамле (Лук. XVI, 22): такъ говоритъ Спаситель о Лазарѣ, спасшемъ душу свою терпѣніемъ. Пусть это слова притчи. Но и приточныя лица изображаются чертами дѣйствительнаго бытія. Смерть и погребеніе богача суть черты дѣйствительности. Почему же несеніе ангелами умершаго Лазаря не есть черта дѣйствительности? Это есть дѣйствительность, только незримая тѣлесными очами, но созерцаемая духовно; это есть дѣйствительность, потому что въ откровеніи Божіемъ нѣтъ мѣста вымыслу и мечтамъ пустымъ. Это есть дѣйствительность, которую показываетъ божественное писаніе и въ другихъ наставленіяхъ своихъ.

Ангелы, по словамъ апостола, *суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеміи за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I, 14). Видите, воля Всевышняго назначила ангеламъ служить спасенію людей.—Если же переходъ изъ настоящей жизни въ жизнь загробную, не можетъ не возбуждать опасеній и въ душѣ богобоязненной, уже по самой особенности и неизвѣстности безпредѣльнаго міра загробнаго: то добрые духи, назначенные служить спасенію душъ, безъ сомнѣнія не оставляютъ безъ своего охраненія душъ благочестивыхъ, во время перехода ихъ въ вѣчность. По словамъ псалмопѣвца, Богъ такъ благъ къ любящимъ Его, что заповѣдуетъ благимъ ангеламъ охранять ихъ на всѣхъ путяхъ ихъ, видимыхъ и невидимыхъ (Псал. XC, 10. 11). Съ другой стороны, ангелы, по писанію, радуются и обращенію

грѣшника на путь спасительный. Какъ же не радоваться имъ, какъ не сопутствовать съ торжествомъ, при переходѣ въ вѣчность тѣхъ душъ, которыя уже окончили подвигъ спасенія? Послѣ сего понятно, что неложное слово Божіе служитъ оправданіемъ видѣніямъ избранныхъ людей, зрѣвшихъ восхожденіе того или другаго праведника съ земли на небо, въ сопровожденіи св. ангеловъ. И эти же видѣнія, какъ дѣла опыта духовнаго, объясняютъ съ своей стороны краткое ученіе св. писанія о незримомъ бытіи загробномъ.

Такъ тихъ, покоенъ, радостенъ переходъ душъ святыхъ въ жизнь загробную, потому что огражденъ защитою добрыхъ ангеловъ. Вѣрна надежда праведника на Господа, когда тотъ говоритъ: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. XXII, 4).

Таковъ ли переходъ грѣшныхъ душъ въ жизнь загробную? О! грѣшники! вы беззаботно живете до гроба, не думая о томъ, что ждетъ васъ за гробомъ.—Одумайтесь, не навела бы на васъ бѣдъ самая беззаботность ваша о жизни загробной.

По сю сторону гроба вещественный міръ стоитъ предъ нами стѣною, закрывая отъ насъ свѣтлое царство небесное и отдѣляя отъ насъ мрачное царство адское. Но и въ этой духовно-вещественной жизни болѣе или менѣе ощущаются нами вліянія преисподней тьмы, досягаютъ до насъ насилія духовъ злобы поднебесной (Еф. VI, 12.), и потому нужны, очень нужны намъ вспомоществованія духовъ свѣта и благодати. Что же будетъ, когда душа грѣшная, отрѣшась отъ тѣла, переступитъ за преграду вещественнаго міра и войдетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ міромъ духовнымъ? Не угрожаетъ ли ей открытое нападеніе темныхъ силъ? Св. апостолъ говоритъ намъ, что *супостатъ нашъ діаволъ* съ своими слугами *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 9.). Если же таковъ онъ въ отношеніи къ людямъ здѣсь на землѣ, гдѣ такъ много защиты намъ противъ него, гдѣ такъ много противодѣйствующихъ мѣръ со стороны обильной благодатными дарами церкви Христовой: каковъ онъ будетъ для грѣшныхъ душъ, когда, разлучаясь съ землею, разлучатся онѣ съ духовно-вещественными пособіями благодати! Мало того, что онѣ беззащитны тамъ противъ злобы его, онѣ своими расположеніями, своими наклонностями, своими навыками еще на землѣ ввели себя въ область тьмы, гдѣ полный властитель діаволъ.—Бѣдныя! здѣсь онѣ съ охотою, съ наслажденіемъ, жили въ *похотьхъ плоти*, думая находить во мракѣ счастіе, тогда какъ подчиняли себя власти самаго страшнаго врага, того, кто былъ и есть князь злобы, отчаянный противникъ Господу и святой Его церкви (Еф. II, 23.). Естественно, что эти несчастные питомцы мрака съ

радостію будутъ встрѣчены тамъ духами злобы, какъ ожиданныя жертвы.—Грѣхи и беззаконія кладутъ на душу печать свою, отчасти понятную и людямъ; а духи злобы, по свидѣтельству писанія, постоянные искусители наши и участники въ беззаконіяхъ нашихъ (1 Сол. III, 5. 1 Іоан. III, 8.). Ихъ лукавое око съ зоркимъ вниманіемъ слѣдитъ пути человѣка на землѣ,—они знаютъ его немощи, помнятъ колебанія и паденія его на пути. Потому имъ извѣстны дѣла грѣшной души. Если же злость ихъ противъ людей страшно велика: то не радость ли, не торжество ли для нихъ будетъ возмущать бѣдную душу, при вступленіи въ новый міръ, мрачными картинами нечистыхъ ея дѣлъ, представлять ея взору толпы забытыхъ ею грѣховъ, вычислять случаи и обстоятельства противленій ея добру?—*Достойные слуги клеветника братіи нашей* (Апок. XII, 10), они не только не опустятъ обличить ни одной дѣйствительной вины, но готовы взвести на душу и вины небывалыя.

Послѣ сего поймете вы, слушатели, что когда св. Кириллъ александр. и другіе изображаютъ намъ истязанія души на мытарствахъ: то они говорятъ согласное съ св. писаніемъ, которое показываетъ намъ какъ страшную злость духовъ злобы противъ людей, такъ частный судъ грознаго правосудія Божія надъ каждою душою. Надобно только помнить наставленіе, какое преподалъ св. ангелъ Макарію александр., начиная говорить о мытарствахъ: „земныя вещи принимай здѣсь за самое слабое изображеніе духовныхъ“. Это значитъ, что разсказъ о мытарствахъ представляетъ намъ переходъ души грѣшной въ вѣчность въ такомъ видѣ, въ какомъ только онъ можетъ быть понятенъ для чувственно-духовнаго разумѣнія нашего. Само по себѣ понятно и то, что истязанія души грѣшной духами злобы различаются по различію душъ грѣшныхъ. Отъ того-то встрѣчаемъ нѣкоторую разность въ изображеніи мытарствъ въ видѣніяхъ частныхъ.

„Господи мой, Господи, даруй ми слезы умиленія.... яко да ими Тя умолю, очиститися прежде конца отъ всякаго грѣха. Страшно бо и грозно мѣсто имамъ прейти, тѣла разлучився и множество мя мрачныхъ и безчеловѣчныхъ демоновъ срящетъ“ (Мол. по 4-й каѳ.)

Братія! Кто изъ святыхъ не молился такою или подобною молитвою? Въ такихъ мысляхъ молились св. Златоустъ [1]), Аѳанасій [2]), Ефремъ Сир. [3]), Максимъ испов. [4]) и другіе. Какъ же намъ не

[1]) Бесѣда 2 о Лазарѣ, 3 бесѣда къ антіох. народу, стр. 61. На ев. Матѳ. бес. 53. т. II, стр. 414.

[2]) Житіе пр. Антонія Ор. т. I. Р. II. р. 845. Четь-мин. генв. 17 д.

[3]) Про невѣр. въ воск. твор. свят. от. XV, стр. 115, 116. о почившихъ тамже стр. 269. 270.

[4]) Посл. къ постельничему Bibl. Pat. т. 26 р. 581.

молиться въ страхѣ и трепетѣ за будущность загробную? Св. Макарій учитъ: „если душа виновна въ грѣхахъ: то приходятъ полчища демоновъ, злые ангелы и темныя силы, берутъ ее и увлекаютъ на свою сторону. Сему никто не долженъ удивляться. Ибо если человѣкъ, будучи еще живъ, находясь еще въ семъ мірѣ, покорился, предался и поработился имъ: то не болѣе ли они будутъ обладать имъ и порабощать его, когда онъ выйдетъ изъ сего міра? Что касается до другой, лучшей, части людей: то съ ними происходитъ иное. При святыхъ рабахъ Божіихъ еще и въ сей жизни находятся ангелы; духи святые окружаютъ ихъ и хранятъ. А когда души ихъ разлучаются съ тѣломъ, то лики ангеловъ принимаютъ ихъ въ свое общество, въ свѣтлую жизнь и такимъ образомъ приводятъ ихъ къ Господу“ [1]) „Молитесь, увѣщаваетъ св. Ефремъ Сиринъ, молитесь, чтобы душа умирающаго отошла съ миромъ; молитесь, чтобы получила она мѣсто успокоенія; молитесь, чтобы встрѣтила ангеловъ сострадательныхъ; молитесь, чтобы обрѣла Судію милостиваго; воскуряйте ѳиміамъ—она видитъ присутствующихъ ангеловъ; молитесь,—она въ тяжкомъ томленіи“ [2]).

Мати моя и братія моя—сіи суть слышащіе слово Божіе и творящіе е (Лук. VIII, 21), сказалъ намъ Спаситель. Какая это великая милость къ намъ сладчайшаго Спасителя нашего! Онъ поставляетъ въ родство съ собою и слѣдовательно въ родство взаимное всѣхъ слушающихъ и исполняющихъ слово Его. Воспользуемся этою милостію: будемъ внимательно слушать и заботливо выполнять волю Божію. Тогда войдемъ мы въ родство съ небомъ. Тогда жители неба, а не духи злобы, примутъ насъ, какъ своихъ, при исходѣ изъ этой жизни. Тогда они милостивые покроютъ душу нашу миромъ и безопасностію.

Да пріидетъ царствіе Твое, благій Отецъ небесный, и для насъ немощныхъ.—Аминь.

---

[1]) Бесѣд. о двояк. состояніи отшедшихъ изъ сей жизни. Христ. чтен. 1828 г., ч. 31, стр. 113.

[2]) Слово о почившихъ во Христѣ. Твор. отц. XV, стр. 269. 270.

СЛОВО II. О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ.

Се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся, скоро, во мновеніи ока (Кор. XV, 51).

Смерть нерѣдко—событіе мгновенное. А что слѣдуетъ за смертію? Необозримая умомъ вѣчность,—вѣчность, въ которой придется жить всѣмъ намъ. Какъ не думать, какъ не думать много о томъ, что послѣдуетъ съ нами послѣ смерти? Мы говорили о вступленіи души въ вѣчность, о томъ, что встрѣтитъ ее въ мірѣ духовъ. Что же потомъ? Что это будетъ за состояніе, въ которомъ должна находиться душа разлученная съ тѣломъ? Во время земной жизни душа наша и возбуждается къ дѣятельности тѣломъ и чрезъ тѣло обнаруживаетъ свою дѣятельность. Во время сна, когда чувственные органы остаются безъ дѣйствія, незамѣтна и дѣятельность души. Не есть ли это указаніе на то, что, по разлукѣ съ тѣломъ, душа будетъ въ состояніи неопредѣленномъ, безсознательномъ, бездѣйственномъ, до новаго соединенія съ тѣломъ—орудіемъ своей дѣятельности? *Вси бо не успнемъ,* говоритъ св. апостолъ, говоря, что не всѣхъ застанетъ умершими послѣдній всеобщій судъ. Не показываетъ ли тѣмъ апостолъ, что состояніе души, разлученной съ тѣломъ, есть состояніе похожее на сонъ? Точно такъ и представляли себѣ нѣкоторые состояніе души за гробомъ до суда всеобщаго, признавая неумѣстнымъ и судъ частный. Но справедливо ли это?

Пусть душа наша имѣетъ нужду въ органахъ чувственныхъ для принятія впечатлѣній со стороны міра вещественнаго. По отношенію къ жизни загробной это значитъ только то, что душа, отрѣшившаяся отъ тѣла, не будетъ болѣе принимать впечатлѣній со стороны вещественнаго міра. Но потеряетъ ли она тамъ впечатлѣнія и мысли, которыя собраны во время земной жизни, хотя бы относились онѣ къ міру земному? Потеряетъ ли она способность заниматься впечатлѣніями земной жизни, оставаясь сама съ собою? При неотъемлемости самосознанія души не можетъ быть ни той, ни другой потери. Еще менѣе разлука съ тѣломъ можетъ препятствовать тому, чтобы душа жила въ мірѣ мыслей духовныхъ.—Мысли о божествѣ, мысли о духовной жизни души, мысли о нравственномъ бытіи образуются и дѣйствуютъ въ душѣ независимо отъ чувственныхъ органовъ; онѣ живутъ въ душѣ, дѣйствуютъ на чувствованія

и желанія души, раскрываются и усовершаются въ душѣ безъ участія дѣятельности организма тѣлеснаго или только съ слабымъ участіемъ, получая извнѣ поводы къ перемѣнамъ.—Потому съ тѣломъ или безъ тѣла остается душа, это для дѣятельности души въ мірѣ духовныхъ ея мыслей,—все равно, или почти все равно, и слѣдовательно разлука души съ тѣломъ ни по чему не можетъ остановить жизни души въ мірѣ мыслей духовныхъ.—Вообще самосознанія ничто не можетъ отнять у души. Это—неотъемлемая принадлежность ея духовнаго бытія; безъ того она не была бы духомъ и стала бы въ рядъ неразумнаго бытія. Пусть болѣзненный разрывъ ея съ тѣломъ, на короткое время, наведетъ мракъ на ея сознаніе, какъ это бываетъ въ жестокихъ болѣзняхъ; но пройдетъ это короткое время и самосознаніе придетъ въ свою силу и снова безпрепятственно будетъ продолжать свою дѣятельность, какъ ничѣмъ и никѣмъ неотъемлемая собственность души.—Не забудемъ при томъ тѣхъ весьма многихъ опытовъ, когда душа, въ самыя послѣднія минуты земной жизни, оказываетъ такую живость дѣятельности, такую ясность мыслей, такую свѣжесть чувствъ и желаній, какія вовсе не отвѣчаютъ погасающей жизни тѣлеснаго организма. Въ такихъ опытахъ не въ полномъ ли свѣтѣ выставляется на видъ независимость души и ея самосознанія отъ тѣлеснаго организма, или еще болѣе, господственная власть души надъ самимъ разрушающимся организмомъ? Если же такъ, если самосознаніе—неотъемлемая принадлежность духовнаго бытія души: то душа, по разлукѣ съ тѣломъ, не можетъ долго оставаться въ состояніи неопредѣленномъ, ей необходимо дойти до положенія извѣстнаго, до того, которое опредѣлится состояніемъ нравственнаго бытія ея, т. е. до состоянія или блаженнаго покоя, или муки, какъ послѣдствій нравственной ея жизни.—Всѣ лучшія расположенія, всѣ святыя желанія, всѣ высокія мысли, все, чего человѣкъ достигалъ усильными стремленіями и самопринужденіемъ во славу Божію,—неотъемлемая собственность духа и съ извѣстнаго момента, смотря по состоянію души, должно воскреснуть въ самосознающей душѣ, къ ея вѣчному покою. Точно также сознаніе душевныхъ и чувственныхъ грѣховъ начнетъ собою, въ душѣ грѣшной, рядъ мукъ и томленій. Такъ должно быть, по неотъемлемости самосознанія, въ душѣ безсмертной.

Съ другой стороны, быть не можетъ, чтобы премудрый правитель духовъ дозволилъ душѣ оставаться въ состояніи неопредѣленномъ цѣлыя тысячелѣтія, до суда всеобщаго. Къ чему бы было такое состояніе души? Нельзя указать ему цѣли ни въ самой душѣ, ни въ чемъ либо другомъ. Премудрый назначаетъ состоянія, сообразныя съ свойствами созданія и никогда не дѣйствуетъ вопреки

своимъ совѣтамъ о тваряхъ. Давъ душѣ нравственный законъ, Онъ не захочетъ остановить дѣйствій его въ ней по переходѣ въ вѣчность; дѣйствія закона въ душѣ должны открыться въ душѣ, какъ непремѣнная воля Божія, съ полною свободою, тѣмъ паче, что не будетъ болѣе препятствій къ тому, поставляемыхъ здѣсь толпою разныхъ житейскихъ развлеченій.—Пусть же не обольщаютъ себя мечтою, будто за смертію еще не скоро послѣдуетъ разсчетъ съ грѣшникомъ. Если на всеобщемъ судѣ правда Божія должна оправдаться предъ вселенною, въ отношеніи къ судьбамъ человѣчества: то она же оправдаетъ себя напередъ и предъ каждою душою въ ея земной участи; она скажетъ тамъ нечестивому: „ты наслаждался счастіемъ земной жизни, не заботясь о правахъ правды вѣчной,— теперь тебѣ другая доля“; она скажетъ и страдальцу земной жизни: „ты не зналъ покоя на землѣ, выполняя волю Бога твоего,— теперь успокойся“.

Вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся. О какомъ успеніи говоритъ св. апостолъ? Объ успеніи ли души по разрѣшеніи ея отъ тѣла? Нѣтъ. Онъ называетъ сномъ смерть тѣлесную. Смерть—сонъ. Какое прекрасное названіе! И его могло дать только христіанство, которое такъ ясно показываетъ въ будущности пробужденіе тѣлеснаго состава къ новой жизни. Тогда какъ смерть есть всеобщее наслѣдство дѣтей Адама, также какъ воскресеніе есть даръ новаго Адама—Христа Господа, апостолъ, по отношенію къ людямъ послѣдняго времени не допускаетъ дѣйствія смерти. *Вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся,* или какъ онъ же говоритъ, *мы живущіи оставшіи —восхищени будемъ* (1 Сол. IV, 17). Отчего это? Это тайна говоритъ онъ. *Се тайну вамъ глаголю.* Тайну составляетъ то дѣйствіе, которое совершится надъ людьми живыми послѣдняго времени, силою воскресенія. Дѣйствіе воскресителя обнаружится въ нихъ особеннымъ явленіемъ, измѣненіемъ живаго тѣлеснаго организма, которое прострется до того, что измѣненное тѣло восхищено будетъ на облака. Итакъ апостолъ открываетъ намъ тайну, но не тайну бытія души, отрѣшенной отъ тѣла.

Обратимся къ другимъ наставленіямъ св. писанія за разрѣшеніемъ нашей тайны.

Что такое жизнь до гроба и жизнь за гробомъ по ученію св. писанія? Жизнь до гроба есть сѣяніе, а жизнь за гробомъ есть жатва. Въ жизни земной повелѣно намъ трудиться для добра; а въ той жизни указываютъ намъ воздаяніе за труды. Настоящее и будущее поставлены между собою, какъ сѣмя и плодъ. *Еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ,* говоритъ апостолъ. *Сѣяй въ плоть свою отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ отъ духа пожн-*

нетъ животъ вѣчный (Гал. VI, 6. 7.) *Сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ: а сѣяй о благословеніи* (щедро) *о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. IX, 6). *Кійждо свою мзду пріиметъ по своему труду* (1 Кор. III, 8). Видите, не долго ждать награды за трудъ; не долго ждать воздаянія за жизнь земную. Жатва или награда явится вслѣдъ за тѣмъ, какъ смертію окончится посѣвъ или трудъ. Значитъ, вслѣдъ за смертію послѣдуетъ опредѣленное состояніе души, сообразное съ жизнію ея до гроба, состояніе или скорбнаго томленія духовнаго, или жизни радостной, состояніе или обильное утѣшеніями, или печальное и горькое. Откровеніе изображаетъ намъ смерть какъ бы пришествіемъ мздовоздаятеля; такъ близко поставляетъ оно награду за жизнь къ мгновеніямъ смерти тѣлесной. *Дерзающе убо всегда и вѣдяще, яко живуще въ тѣлѣ отходимъ отъ Господа, вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ: дерзаемъ же и благоволимъ паче отыти отъ тѣла и внити ко Господу* (2 Кор. V, 6—8). *Мнѣ еже жити, Христосъ и еже умрети пріобрѣтеніе есть... Одержимъ есть отъ обою, желаніе имый разрѣшитися, и со Христомъ быти, много лучше паче* (Фил. I, 21. 23). Видите, святые Божіи ожидаютъ переселенія ко Господу вслѣдъ за смертію своею; они потому и предпочитаютъ смерть продолженію странствованія земнаго, что за смертію ожидаетъ ихъ блаженное пребываніе съ Господомъ. Точно такъ роскошный богачъ вслѣдъ за смертію попалъ въ адъ и безполезно просилъ оттуда Авраама о облегченіи его участи; братья его еще были живы, а онъ уже терзался муками (Лук. XVI, 22. 25). *Лежитъ человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ*, учитъ св. апостолъ (Евр. IX, 27). Онъ не полагаетъ промежутка между смертію и судомъ, и указываетъ на судъ частный, неизбѣжный для каждаго, какъ неизбѣжна смерть.

Точно такъ учили св. отцы церкви. „По отшествіи изъ здѣшней жизни, учитъ св. Златоустъ, мы предстанемъ на судъ, дадимъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ... Вступимъ же на путь добродѣтели, да съ упованіемъ, приличнымъ христіанину, предстанемъ на тотъ судъ и получимъ обѣщанныя блага [1]). Если ты поносилъ кого, если сдѣлался врагомъ кому либо: примирись до судилища, все разрѣши здѣсь, чтобы тебѣ безъ скорби увидѣть то судилище“ [2]). „Совершенно справедливо и очень спасительно вѣрованіе, говоритъ блаженный Августинъ, что души бываютъ судимы, какъ только исходятъ изъ тѣлъ, прежде, нежели явятся на судъ, гдѣ онѣ будутъ судимы уже въ тѣлахъ воскресшихъ [3]).

---

[1]) Бесѣд. XIII, п. 6. т. I, 252.

[2]) Бесѣд. къ антіох. народу стр. 63.

[3]) De Anima at eius origine II, 4 п. 8.

Такъ, други мои, вслѣдъ за смертію послѣдуетъ судъ для каждаго изъ васъ, блаженство или мука будетъ участію нашею. *Тѣмъ же убо дондеже время имамы; да дѣлаемъ благое ко всѣмъ* (Гал. VI, 10). Пока длится время подвиговъ и заслугъ, будемъ подвизаться по волѣ Божіей. Пока идетъ время труда, не будемъ беззаботны о своей душѣ. Грѣшники! много грѣшили мы. Поспѣшимъ каяться, поспѣшимъ исправить, что можно. Мало добрыхъ дѣлъ у насъ? Поспѣшимъ молить благодать Божію, чтобы дала намъ силы прибавить что нибудь нужное для вѣчности, напр. духъ смиренія, духъ милосердія. О! други мои! пусть евангельскій образъ богача, безполезно молящаго въ аду о облегченіи мукъ своихъ, какъ можно чаще является взору нашему. Пусть какъ можно чаще повторяется душею нашею отвѣтъ праведника богачу: *между нами и вами пропасть велика утвердися* (Лук. XVI, 26.). Пусть страхъ суда Божія, грознаго для грѣшниковъ, будитъ безпечность нашу, гонитъ отъ насъ прелести золота и честей, оберегаетъ душу отъ порывовъ гнѣва и гордости. Если же на долю нашу пришлось терпѣть клеветы и поношенія людскія: потерпимъ,—чтобы было, съ чѣмъ туда явиться потерпимъ, терпѣть здѣсь не долго, а долго жить тамъ. Аминь.

СЛОВО III. О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ,

ВЪ ХРАМѢ СЛОБ. БУРЛУКА.

Не вѣруяй въ Сына не узритъ живота но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. III, 36).

Или спасеніе за вѣру живую, или адъ за невѣріе,—вотъ что представляется нашему выбору, слушатели! Въ нашей волѣ выбирать то или другое, но избѣжать одного изъ двухъ не зависитъ отъ насъ. Путь нераскаянности, путь невѣрія, если мы идемъ по нему, непремѣнно приведетъ насъ въ адъ.

Грѣшники! непріятна для насъ эта истина; не хочется намъ слышать о ней, потому что она, принятая сердцемъ, сильно будитъ нашу нѣгу грѣховную, сильно тревожитъ покой любимыхъ страстей. Какъ современники Исаіи, мы хотѣли бы, чтобы намъ говорили только пріятное, хотя бы и ложное (Исаія. XXX, 10.).—Но къ чему это ведетъ насъ? Что это значитъ въ насъ? Другъ ли намъ тотъ, кто скрываетъ отъ насъ правду, хотя бы и непріятную? Другъ ли

намъ тотъ, кто видитъ готовую для насъ опасность и не предостерегаетъ отъ нее? Онъ—лицемѣрный другъ, если только не коварный врагъ.

Такъ, какъ бы непріятна ни была намъ мысль о грозной участи, готовой для грѣшника за гробомъ, не будемъ удалять ее отъ взора нашего. Размыслимъ о тѣхъ мукахъ, которыя будетъ испытывать грѣшная душа за гробомъ до всеобщаго суда. Страхъ грозной будущности грѣшника оживитъ насъ для лучшей жизни, а не принесетъ вреда.

Не вѣруяй въ Сына не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ. Гнѣвъ Божій—тоже, что отвращеніе всесвятаго отъ того, что достойно отвращенія Его; это тоже, что удаленіе грѣшника отъ лица Божія. Итакъ первый источникъ мученій грѣшника за гробомъ—чувство удаленія его отъ Бога. Во время земной жизни Богъ звалъ къ себѣ грѣшную душу, но она убѣгала Его. За гробомъ она будетъ искать Его, но не найдетъ. Бездна, изрытая невѣріемъ и грѣхами, будетъ отдѣлять грѣшную душу отъ Бога, и она созданная для Его созерцанія будетъ мучиться сознаніемъ удаленія своего отъ Бога.

Грѣшники! вы не понимаете теперь, вы не чувствуете, какъ тяжка эта мука. Не чувствуя въ себѣ ни стремленія, ни любви къ Богу, вы не постигаете насчастія быть отлученными отъ Бога. Вамъ извѣстны только радости земныя, пріятности чувственныя, удовольствія жизни суетной. Оттого все небесное далеко отъ вашей мысли, далеко отъ вашего сердца, далеко отъ вашихъ желаній. Для васъ счастіе, которымъ гордитесь вы,—это невѣрныя блага времени; одна мысль о потерѣ ихъ приводитъ васъ въ трепетъ. Даръ Творца духовъ—стремленіе къ Богу—заглушено, подавлено въ васъ земными страстями. Самыя благочестивыя души не могутъ здѣсь вполнѣ понять, какъ велико несчастіе быть удаленнымъ отъ Бога. Душа земнаго странника, облеченная грѣшною плотію, то тяготится ея бременемъ и развлекается ея нуждами, то разсѣевается впечатлѣніями, переходящими изъ міра чувственнаго. Оттого не въ силахъ она возвыситься до яснаго, полнаго, живаго уразумѣнія того счастія, какое заключается въ общеніи съ Богомъ, также какъ и несчастія быть въ удаленіи отъ Бога.

Представьте себѣ душу, отдѣлившуюся отъ тѣла и оставленную самой себѣ. Ни плоть, ни предметы міра, которые во время земной жизни столько отвлекали вниманіе ея отъ главнаго предмета жизни ея, теперь болѣе не занимаютъ ее. Забавы, почести, богатство, всѣ земныя блага, исчезли. Она видитъ только себя, видитъ и чувствуетъ неодолимое стремленіе свое къ Богу сердца своего,

а Онъ такъ далекъ отъ нее. Видитъ, что все, что считала она великимъ, истлѣло, погибло для нее, и что великъ только Богъ, котораго ищетъ сердце—ея, а Его великаго, Его всеблагаго, нѣтъ съ нею. Видитъ, что Богъ—жизнь ея, и безъ Бога нѣтъ ни свѣта для ума, ни радости для сердца, ни добра для воли. О! Какъ страшно ей безъ Бога! Видитъ, что искавшіе Бога нашли Его—благость безпредѣльную, нашли свое блаженство,—видитъ Лазаря, вполнѣ счастливаго и веселаго на лонѣ Авраама, видитъ и сильно желаетъ, чтобы по крайней мѣрѣ одна капля небесной радости охладила томительную ея жажду, но и та не падаетъ, потому что *невѣруяй въ Сына не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ.*

Богъ для осужденной грѣшной души не есть Богъ благости и милосердія, но Богъ правды и святости, Богъ гнѣва и мщенія. Она трепещетъ Его, потому что грѣхи ея поставили ее въ отчужденіи отъ Бога святости. Она бѣжитъ отъ Него, потому что влекутъ ее прочь отъ Него нажитыя страсти. Братія мои! думаете ли, что преступныя привязанности души къ земнымъ предметамъ, къ лицамъ, деньгамъ, честямъ, замолкнутъ въ насъ тамъ, когда все земное болѣе не будетъ дѣйствовать на душу? Нѣтъ, онѣ не замолкнутъ тамъ, но какъ голодные псы станутъ рваться къ предметамъ своимъ и, не находя ихъ, только будутъ терзать душу свою ненасытимостію; онѣ не ослабнутъ и не исчезнутъ тамъ, потому что посѣянное здѣсь—въ безсмертной душѣ, взойдетъ тамъ, а не умретъ. Онѣ-то, гнусныя и нечестивыя, и будутъ выставлять душу предметомъ гнѣва и отвращенія для Бога; онѣ-то и будутъ заставлять ее трепетать при одной мысли о Богѣ святости и чистоты. Какъ это тяжко, какъ это мучительно! Эта мука еще удвояется отъ того, что трепеща Бога правды по грѣховности своей, грѣшная душа вмѣстѣ съ тѣмъ неодолимо влечется къ Нему, какъ къ цѣли бытія своего. Страшная борьба раздираетъ ее. Богъ для нее—предметъ невыносимаго ужаса и Онъ же—предметъ пламенныхъ стремленій. Она влечется къ Нему, какъ къ Богу сердца, какъ къ высочайшему благу и спѣшитъ удалиться отъ Него, какъ отъ огня истребляющаго. Влеченіе къ Богу. есть дѣйствіе богосозданной природы ея, стремленіе скрыться отъ Него есть дѣйствіе грѣховной жизни ея. Какое страшное противодѣйствіе влеченій и чувствъ въ несчастной душѣ!

Страданія грѣшной души становятся еще ужаснѣе, страшныя муки еще нестерпимѣе—отъ сознанія, ничѣмъ неизгладимаго, что сама она призвала на себя гнѣвъ Божій.

Совѣсть—судія дѣлъ нашихъ и на землѣ; она мститель за неправды и въ этой жизни. Тѣмъ назначилъ ей быть Творецъ души нашей. И такъ какъ она есть дѣло Божіе въ насъ, то не истреб-

ляетъ ее въ насъ никакое нечестіе души, не уничтожаетъ никакое усиліе зла; она переходитъ съ нами въ вѣчность. Она переходитъ туда, но съ какою страшною разностію для грѣшной души! На землѣ внушенія ея, какъ ни строги и грозны, остаются дѣломъ благости Божіей къ грѣшной душѣ. За гробомъ онѣ будутъ только местію правды Божіей. На землѣ онѣ убѣждаютъ уклоняться отъ дѣлъ нечестія: за гробомъ онѣ только укоризна въ нечестіи. На землѣ онѣ, какъ тайный голосъ неба, даютъ знать душѣ, что есть адъ за гробомъ: тамъ онѣ сами часть адскихъ мукъ. Грѣшники, вы, которые закрываете здѣсь слухъ отъ сего строгаго, но благодѣтельнаго судіи, считаете мукою укоризны его, тогда какъ онѣ врачевство больной душѣ,—судите сами, какъ страшна должна быть кара сего обличителя, когда онъ останется для васъ только мстителемъ. Ахъ! просите здѣсь у подателя благъ, просите какъ великой милости, чтобы голосъ совѣсти какъ можно громче раздавался въ глубинѣ души вашей, какъ можно строже преслѣдовалъ пути грѣха въ лукавомъ сердцѣ вашемъ. Это спасетъ васъ отъ многихъ мукъ за гробомъ.

За гробомъ совѣсть будетъ показывать грѣшной душѣ грѣхи и преступленія, какіе когда либо были допущены ею; будетъ выставлять ей всю низость каждаго проступка, являвшагося на землѣ въ образахъ обольстительныхъ. Вотъ, скажетъ она душѣ, исчезли прелести грѣха: земныя удовольствія, земныя выгоды, земная слава—гдѣ теперь? А безъ нихъ каковъ грѣхъ! Страшенъ, лютъ, какъ смерть. И для него-то пренебрежены дары благодати Божіей,—для него-то потеряно дорогое время, для него-то оставлены безъ вниманія средства къ вѣчному спасенію. Чѣмъ оказывается теперь жизнь, прожитая въ грѣхѣ? Безсмысліемъ. Чѣмъ извинить себя въ такой жизни? Нѣчемъ. Неотразимы, слушатели, укоризны совѣсти. И какъ долго, думаете, она будетъ тамъ повторять ихъ? Укоры совѣсти, какъ *неумирающій червь* (Мар. IX, 44), будутъ непрестанно точить душу грѣшную, не давая ей отдыха. Нажитыя грѣшныя привычки, порывая душу къ предметамъ преступныхъ страстей, будутъ доставлять ей неистощимый запасъ для ея укоризнъ, обличеній и казней.

Какъ ни тяжко чувство удаленія отъ Бога, какъ ни ѣдки угрызенія совѣсти, бѣдственное состояніе грѣшной души до суда всеобщаго еще не есть состояніе рѣшительное; полное и безпредѣльное мучéніе грѣшныхъ душъ, какъ и духовъ злобы, настанетъ по опредѣленію всемірнаго Судіи (Матѳ. XXV, 46). Значитъ, къ тяжкому положенію грѣшныхъ душъ за гробомъ прибавляется еще томительное ожиданіе грозной будущности, или какъ говоритъ св.

апостолъ, *страшное нѣкое чаяніе суда* и яростный огонь, готовый пожрать противниковъ (Евр. X, 27.). Ожиданіе мучительное, какъ потому что, при ужасѣ грозной будущности, нельзя отвергнуть ея дѣйствительность, такъ и потому, что, слишкомъ много надобно терпѣнія для безграничнаго ожиданія. Геенна будетъ въ виду для душъ, заключенныхъ въ аду; тайновидѣцъ давно открылъ и то, что послѣ всемірнаго суда, *и смерть и адъ вержени быша въ озеро огненное* (Апок. XX, 14.). Итакъ, имѣть въ виду море огня и ждать пока, это море поглотитъ самыхъ зригелей своихъ,—какое страшное мученіе.

О! Господи! всели въ мя корень благихъ, страхъ Твой, въ сердце мое. Аминь.

СЛОВО IV. О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ,

ГОВОРЕННОЕ ВЪ СОБОРѢ Г. ВОЛЧАНСКА.

И смерть и адъ даша мертвецы своя, и судъ пріяша по дѣломъ своимъ. И смерть и адъ вержени быша въ озеро огненное: се есть смерть вторая (Апок. XX, 13. 14).

Если грозная болѣзнь (холера), вновь посѣщающая край сей, сразитъ того или другаго изъ насъ, слушатели: будетъ ли это неожиданность? Что значитъ земля, нами обитаемая, какъ не кладбищное поле? Сколько знакомыхъ и незнакомыхъ скрылось съ глазъ нашихъ въ мракѣ могильномъ!

Пусть тѣ, о которыхъ не дошла до насъ память, мало занимаютъ насъ собою. Но отецъ, осиротѣлый послѣ смерти любимыхъ дѣтей, можетъ ли не спрашивать: гдѣ они? Что съ ними тамъ? Мать, потерявшая единственнаго сына, супруга лишившаяся любимаго супруга тоскливо спрашиваютъ: гдѣ они? Каково имъ тамъ? Боже праведный! благоговѣемъ предъ правдою Твоею; исповѣдуемъ неприступную святость Твою. Участь тѣхъ, которые пріяли благая въ жизни сей, безъ благодарности къ подателю благъ, не можетъ быть тамъ покойною. Тяжело это для сердца немощнаго, но—непреложно.

Но Ты благость вѣчная! Откажешь ли въ капляхъ благодатнаго утѣшенія тѣмъ, которые скорбятъ предъ Тобою о печальной загробной участи забывчивыхъ братій и сестеръ? Или грозная участь

грѣшника неизбѣжна тамъ для всѣхъ грѣшниковъ? Ужели никогда и никакъ не можетъ быть ни избавленія, ни облегченія отъ мукъ ада? Грѣшники! болѣе, чѣмъ кому либо, намъ надобно узнать вѣрный отвѣтъ на вопросы о насъ! И гдѣ же услышимъ его? Опасно полагаться на разумъ,—онъ можетъ ввесть въ ошибки.—Обратимся къ неложному учителю? *Услышу что речетъ о мнѣ Богъ*, въ своемъ откровеніи.

И смерть и адъ даша мертвецы своя, и судъ пріяша по дѣломъ своимъ. И смерть и адъ вержени быша въ озеро огненное: се есть смерть вторая. Такъ видѣлъ тайновидѣцъ Іоаннъ. Что это за видѣніе? Что показываетъ оно намъ? По сему видѣнію адъ долженъ выслать своихъ обитателей на судъ всемірный, какъ и смерть свои жертвы, и потомъ адъ и смерть обрушатся въ геенну. Слѣдовательно смерть и адъ представляются здѣсь въ одинаковомъ положеніи. Значитъ, какъ смерть не есть необходимая принадлежность природы человѣческой, а есть случайное явленіе, есть оброкъ *грѣха* (Рим. VIII, 10. 1 Кор. XV, 36); какъ для смерти есть побѣдитель смерти, силою коего и мертвые возвращаются къ жизни: такъ и адъ еще не есть рѣшительное состояніе грѣшниковъ, въ которомъ невозможна бы была перемѣна. По видѣнію тайновидца рѣшительное, неизмѣнно бѣдственное, состояніе грѣшниковъ— есть геенна, которая пріиметъ жителей ада послѣ суда всемірнаго. Такимъ образомъ это видѣніе, показываетъ состояніе грѣшниковъ въ адѣ состояніемъ нерѣшительнымъ, подаетъ мысль о возможности перемѣны въ участи грѣшника до суда всемірнаго.

Учитель языковъ въ одномъ посланіи говоритъ (Еф. IV, 9. 10.), что Христосъ Іисусъ нисходилъ *въ долнѣйшія страны земли и плѣнилъ тамъ плѣнъ*, а въ другомъ (Фил. II, 10. 11.) учитъ, что предъ именемъ прославленнаго Іисуса должно преклоняться *всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*. Сличая то и другое наставленіе видимъ, *что долнѣйшія страны* земли и жители преисподней—не то, что жители неба, куда взошелъ Спаситель съ земли, и не то, что жители земли, между которыми пребывалъ Онъ временно. По самому значенію преисподней въ другихъ мѣстахъ писанія (Псал. LXII, 10. Сир. LI, 9.), ея жители—тѣ, которые не достигли блаженства. И о нихъ-то св. апостолъ говоритъ, что колѣна преисподнихъ, подобно свободнымъ поклонникамъ небеснымъ и земнымъ, преклоняются предъ именемъ Іисуса Христа, пріемлютъ дары Его и выводятся изъ плѣна. Апостолъ не говоритъ намъ того, что всѣ обитатели преисподней преклоняются предъ Іисусомъ и выводятся изъ ихъ темницы; напротивъ извѣстно, что тогда, какъ въ этой *темницѣ* инымъ *духомъ* проповѣдуется съ пользою для нихъ,

(1 Петр. III, 19.), для другихъ, каковъ богачъ, невозможенъ выходъ изъ нея (Лук. XVI, 23.). Апостолъ ясно показываетъ то, что въ преисподней есть души не то, что нераскаянныя, укоренившіяся въ злѣ и потому неспособныя къ принятію даровъ благодати Христовой, но души способныя къ другой лучшей жизни, души такія, для которыхъ возможенъ переходъ въ состояніе покоя и радости. Иначе, апостолъ даетъ видѣть, что какъ на небѣ, соотвѣтственно нравственному состоянію праведныхъ душъ, есть *обитатели многи* (Іоан. XIV, 2.), такъ и въ адѣ, соотвѣтственно неодинакому нравственному состоянію грѣшниковъ, находятся неодинаковыя обители; и между ними есть такія, для которыхъ возможенъ переходъ въ состояніе полнаго покоя. Другая мысль о преисподней у апостола та, что возможность избавленія душъ изъ ада есть дѣло нисходившаго въ адъ; онъ не поставляется въ зависимости отъ дѣятельности узниковъ, а относитъ спасеніе ихъ единственно къ силѣ и волѣ Христа Господа.

На сіе бо Христосъ и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ (Рим. XIV, 9.), учитъ апостолъ. Съ тѣмъ и возсталъ изъ мертвыхъ Христосъ Іисусъ, чтобы быть Владыкою и живыхъ и мертвыхъ; благодатное владычество Его не ограничивается областію живыхъ; животворная сила Его простирается и на царство мертвыхъ, и здѣсь она можетъ оживлять и спасать, прощать и возвращать свободѣ.

Имамъ ключи ада и смерти, говоритъ Самъ первый и послѣдній тайнозрителю Іоанну (Апок. I, 18.). Послѣ такого отзыва нельзя сомнѣваться въ томъ, что пока адъ не низринутъ въ геенну, двери ада можетъ отворять Господь Іисусъ, можетъ выводить оттуда узниковъ, точно также, какъ можетъ воскрешать мертвыхъ. Послѣ такого отзыва понятно и то, что слова Авраама богачу: „между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти—оттуда къ намъ не переходятъ“ (Лук. XVI, 26.), означаютъ только то, что переходъ изъ ада въ рай не зависитъ отъ воли узниковъ ада.

Итакъ возможность избавленія грѣшниковъ изъ ада не подлежитъ сомнѣнію. Несомнѣнно и то, что переходъ грѣшниковъ изъ ада не состоитъ въ ихъ власти, а возможенъ только силѣ Господа Іисуса. Остается узнать: какъ, чрезъ какое посредство, живительная сила Господа Іисуса переходитъ на несчастныхъ обитателей ада?

Что такое воинствующая Христова церковь? Она есть тѣло Христово, въ которомъ живетъ Христосъ своимъ могуществомъ и благодатію. Ей, имѣющей ключи царства небеснаго, далъ Онъ многоразличныя средства ко спасенію. Въ ней совершается жертва

безкровная *за грѣхи міра* (Евр. VII, 23—25.); преломляется тѣло Искупителя *за животъ міра* (Іоан. VI, 5), проливается кровь Господа *во оставленіе грѣховъ* (Мат. XXVI, 26—28.). Въ ней молитва во имя Господа Іисуса можетъ получать все согласное съ волею Отца (Іоан. XIV, 19.). Итакъ вотъ гдѣ проводникъ жизни Божіей для людей!

Св. апостолъ Іоаннъ учитъ: *аще кто узритъ брата своего согрѣшающаго не къ смерти, да проситъ и дастъ ему животъ, согрѣшающимъ не къ смерти: есть грѣхъ къ смерти, не о томъ глаголю, да молится* (Іоан. V, 16). Заповѣдь апостола велитъ молиться за согрѣшающаго грѣхомъ несмертнымъ, и эта молитва, по словамъ св. апостола, можетъ быть такъ дѣйствительна, что сообщитъ жизнь грѣшнику. Апостолъ не простираетъ ни заповѣди о молитвѣ, ни обѣтованія о силѣ молитвы только на согрѣшившаго смертнымъ грѣхомъ; но не исключаетъ изъ круга заповѣдываемой молитвы и ея силы умершихъ безъ грѣховъ смертныхъ. Мысль апостола яснѣе становится для насъ при сличеніи словъ его съ словами Спасителя, Спаситель говоритъ: *иже речетъ на Духа святаго не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Мат. XII, 32). Въ соединеніи съ симъ наставленіемъ Спасителя апостолъ говоритъ намъ: есть грѣхи, за которые молиться безполезно,—молится ли о нихъ самъ согрѣшившій, или молятся другіе, они не простятся ни въ этой, ни въ той жизни тогда какъ молитва за содѣявшаго грѣхъ несмертный, кто бы онъ ни былъ, живой или умершій, можетъ подать ему исцѣленіе. Итакъ, видите ли, други мои, по ученію неложнаго слова Божія, молитвы земной церкви Христовой могутъ оказывать помощь умершимъ грѣшникамъ, коль скоро они не грѣшники нераскаянные.

Такъ всегда вѣровала истинная церковь Христова! Такъ разсуждали всѣ великіе учители церкви! Св. Златоустъ писалъ: „не напрасно узаконено апостолами поминать умершихъ при страшныхъ тайнахъ. Они знали, что великая бываетъ отъ того польза для усопшихъ, великое благодѣяніе“ [1]). Видите, кому приписываетъ св. Златоустъ мысль о возможности перемѣны въ загробной судьбѣ грѣшниковъ, при посредствѣ церковной молитвы? Святымъ апостоламъ. Имъ онъ усвояетъ и установленіе молитвы за усопшихъ въ христіанской церкви. Точно также дѣломъ апостоловъ называли поминовеніе умершихъ св. Аѳанасій [2]), Григорій нисс. [3]), Дамаскинъ [4]),

---

[1]) Hom. 3. in. ep. Philip. n. 4.

[2]) У Дамаскина въ словѣ о усопшихъ Op. T. I. p. 592.

[3]) У Дамаскина Op. T. I. p. 584.

[4]) Тамъ же p. 582. Христ. чтен. 1827 г., ч. 26, стр. 309.

блаж. Августинъ [1]). Св. Дамаскинъ учитъ: „таинники и самовидцы слова, ученики Спасителя, божественные апостолы установили творить воспоминаніе о почившихъ въ вѣрѣ предъ святыми, страшными, животворными тайнами. Это установленіе ихъ святая, апостольская и повсемственная церковь Христова съ того времени и понынѣ содержитъ твердо и несомнѣнно и будетъ содержать до кончины міра. Это установлено ими и принято церковію не безъ основанія и причины; христіанская вѣра, чуждая заблужденій, никогда не принимала ничего пустаго и безполезнаго; она постоянно хранила только полезное, угодное Богу, плодоносное и спасительное“ [2]).

Великіе учители церкви всѣхъ временъ проповѣдывали вслухъ всѣхъ о томъ, что возможна перемѣна участи усопшихъ до суда всеобщаго. „Есть возможность, разсуждаетъ св. Златоустъ, облегчить наказаніе умершаго грѣшника. Если будемъ творить частыя молитвы за него и раздавать милостыню: то хотя бы онъ былъ и недостоинъ самъ по себѣ, Богъ услышитъ насъ. Если Онъ, ради апостола Павла многихъ, и, ради однихъ щадилъ другихъ: то какъ не сдѣлать того же самаго и для насъ“? [3]). Св. Кириллъ іерусалимскій разсуждаетъ: „если бы царь послалъ оскорбившихъ его въ ссылку, а ихъ ближніе принесли бы ему вѣнокъ за подвергшихся наказанію: не облегчилъ ли бы онъ наказанія? Возсылая къ Богу молитвы за усопшихъ, хотя они и виновны, мы подносимъ не вѣнокъ, а Христа, закланнаго за грѣхи наши, умилостивляя за нихъ и за себя человѣколюбиваго Бога“ [4]). Блаж. Августинъ поучалъ: „не надобно отвергать того, что души умершихъ получаютъ облегченіе отъ благочестія живыхъ, когда приносится за нихъ жертва Ходатая, или раздается милостыня для ихъ пользы: но такія дѣла благочестія приносятъ пользу только тогда, когда умершіе заслужили, чтобы тѣ были полезны... Подлинно, есть образъ жизни, который не столько чистъ, чтобы не требовалъ помощи по смерти и не столько худъ, чтобы не послужило ему это въ пользу по смерти... Кому молитвы полезны, то полезны или столько, что бываетъ полное отпущеніе грѣховъ, или столько, что сноснѣе бываетъ осужденіе... [5]). Не сказано бы было о нѣкоторыхъ, что имъ не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, если бы не было такихъ, которымъ если не въ этомъ, то въ томъ вѣкѣ будетъ прощеніе“ [6]). Св. Ефремъ Сиринъ такъ объясняетъ силу молитвы живыхъ за

---

[1]) Serm. 172. п. 2.
[2]) Opera T. I. p. 585.
[3]) Златоустъ на дѣян. апос. бесѣд. 22. п. 3.
[4]) Поуч. тайнов. V, стр. 463.
[5]) Enchirid. ad Laurent c. 100, 109, 110.
[6]) De Civit. Dei XXI, 24. п. 2.

усопшихъ: „смотрите, вотъ зрѣющіе грозды винограда въ полѣ и выдавленное вино въ сосудахъ. Когда зрѣютъ ягоды на виноградной лозѣ, тогда вино, стоящее въ домѣ, начинаетъ волноваться, какъ будто хочетъ убѣжать. Есть также растеніе, которое, находясь въ домѣ, даетъ отпрыски, когда другой сучекъ его, посаженный въ полѣ, начинаетъ расти. Если же и растенія имѣютъ между собою тайное сообщеніе: то не болѣе ли для умершихъ понятны молитвенныя приношенія (живыхъ)“? [1]).

Много могли бы мы представить опытовъ тому, что усердная молитва за усопшихъ избавила усопшихъ отъ состояній мучительныхъ. Для краткости ограничимся однимъ, но убѣдительнымъ по всѣмъ отношеніямъ. Это—опытъ, исполненный и описанный св. мученицею 3-го вѣка Перпетуею, слѣдовательно опытъ древнихъ, лучшихъ временъ, опытъ вѣрный по святости лица, высокій до вдохновенія. „Однажды, пишетъ мученица, въ темницѣ, во время общей молитвы, я нечаянно произнесла имя умершаго моего брата Динократа. Пораженная нечаянностію, начала я молиться и воздыхать о немъ предъ Богомъ. Въ слѣдующую ночь было мнѣ видѣніе. Вижу, будто изъ темнаго мѣста выходитъ Динократъ, въ сильномъ жару и измученный жаждою, нечистый видомъ и блѣдный; на лицѣ у него рана, съ которою онъ померъ. Между имъ и мною была великая пропасть, такъ что мы не могли приблизиться другъ къ другу. Подлѣ того мѣста, гдѣ стоялъ Динократъ, былъ полный водоемъ, котораго край былъ гораздо выше, чѣмъ ростъ моего брата и Динократъ вытягивался, стараясь достать воды. Я жалѣла, что вышина края препятствуетъ моему брату напиться. Тотчасъ послѣ сего я проснулась и познала, что братъ мой въ мукахъ. Вѣруя, что молитва моя можетъ помочь ему въ страданіяхъ, я дни и ночи молилась въ темницѣ, съ воплемъ и слезами, чтобы онъ былъ мнѣ дорованъ. Въ тотъ день, въ который мы оставались связанными въ оковахъ, было мнѣ новое явленіе: мѣсто, которое прежде видѣла я темнымъ, стало свѣтлымъ и Динократъ чистый лицемъ и въ прекрасной одеждѣ наслаждается прохладою. Гдѣ у него была рана, тамъ вижу только слѣдъ ея, а край водоема теперь былъ вышиною не болѣе, какъ по поясъ отроку, и онъ могъ безъ труда доставать оттуда воду. На краю стояла золотая чаша полная воды. Динократъ, подошедши, сталъ пить изъ нее и вода не убавлялась. Тѣмъ видѣніе кончилось. Тогда разумѣла я, что онъ освобожденъ отъ наказанія“ [2]). Блаж. Августинъ, въ поясненіе сего разсказа, говоритъ, что Динократъ просвѣщенъ былъ св. крещеніемъ, но увлека-

[1]) Завѣщаніе Т. II, стр. 239.

[2]) Acta Martyr sincera ed. Ruin. 1802 p. 210. 211.

ясь примѣромъ отца язычника не былъ твердъ въ вѣрѣ и умеръ послѣ нѣкоторыхъ, обыкновенныхъ въ его возрастѣ, грѣхопаденій; за такую невѣрность св. вѣрѣ терпѣлъ онъ страданія, но по молитвамъ святой сестры избавился отъ нихъ; и муки и покой его представлены были св. Перпетуѣ въ образахъ [1]).

Итакъ, слушатели мои, прославимъ благость и могущество Господа Іисуса. Пока остается на землѣ воинствующая церковь Его, участь умершихъ грѣшниковъ еще можетъ измѣняться на лучшее пособіями св. церкви. Какъ много утѣшеній для скорбнаго сердца, какъ много свѣта для недоумѣвающаго ума въ чистомъ христіанствѣ! Лучи свѣта льются изъ него и въ мрачное царство мертвыхъ.

Слушатели мои! Благость Спасителя намъ предоставила средства облегчать участь умершихъ братій: не будемъ невнимательны къ волѣ благости небесной, не будемъ жестоки и къ ближнимъ нашимъ. Если бы въ глазахъ нашихъ братъ нашъ тонулъ въ волнахъ или погибалъ отъ огня, и мы не сдѣлали бы ни шагу для его спасенія: жестокость наша была бы чудовищна. Подумайте же, не далеко ли болѣе виновна жестокость наша и предъ Господомъ и предъ ближними и предъ совѣстію нашею, когда ничего не дѣлаемъ мы для умершихъ братьевъ и сестеръ нашихъ? О! будемъ творить для нихъ возможное для насъ,—будемъ молиться за нихъ молитвами св. церкви, будемъ подавать за нихъ милостыню. Если не для нихъ, то для себя самихъ, будемъ къ нимъ милостивы. Будетъ ли къ намъ милостивъ тамъ Господь нашъ, когда мы немилостивы къ искупленнымъ кровію Его? Будемъ ли мы христіанами, когда не будемъ творить дѣлъ любви? Нѣтъ! Аминь.

СЛОВО V. О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ,

ВЪ ДЕНЬ ПОКРОВА БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Въ цареградской влахернской церкви св. Андрей, Христа ради юродивый, видитъ чудное видѣніе. Дивная царица Богоматерь, окруженная сонмами пророковъ и апостоловъ, святителей и мучениковъ, преподобныхъ и праведныхъ; съ омофоромъ на рукахъ

[1]) Augnst. de Orig. an. lib. 3. c. 9.

молится за христіанъ къ Сыну и Богу своему. „Видишь ли, брате, Ходатаицу міра?“ спрашивалъ св. Андрей Епифанія. „Вижу, святый отче, и ужасаюся“, отвѣчалъ ученикъ. Чудное видѣніе! Св. церковь особымъ празднествомъ оживляетъ въ душахъ нашихъ сіе видѣніе. Какъ оно сладко для сердца, оскорбляемаго землею! Какъ много въ немъ свѣта для ума, созерцающаго жизнь загробную. Напрасно ли послѣ того праведникъ терпитъ здѣсь скорби и гоненія? Напрасно ли подвижникъ благочестія борется день и ночь съ страстями испорченнаго сердца? О! нѣтъ, еще не произнесенъ приговоръ Судіею вселенной: а святые Божіи уже наслаждаются жизнію у Бога жизни; тѣ, у которыхъ духовное око открыто для міра духовъ еще съ земли видѣли жизнь небесную и исполнялись восторгомъ отъ созерцанія того блаженства, которымъ наслаждаются святые. Что же это за жизнь, что это за блаженство, которое дано въ удѣлъ святымъ еще до суда всемірнаго?

Тайновидѣцъ Іоаннъ видѣлъ *подъ олтаремъ души избіенныхъ за слово Божіе,* видѣлъ и то, что *даны быша коемуждо ихъ ризы бѣлы и речено бысть имъ, да почіютъ еще время мало дондеже скончаются и клеврети ихъ и братія ихъ, имущи избіени быти, якоже и тіи* (Апок. VI. 9. 11.). Что это за видѣніе? Что показываетъ оно относительно избіенныхъ за слово Божіе? Оно показываетъ во первыхъ, что страдальцы вѣры еще прежде, чѣмъ могли пострадать сотрудники и братія ихъ за истину Христову, уже получаютъ покой, т. е. вѣнчаются дарами любви Божіей вслѣдъ за неповинною своею смертію.—Что потомъ означаютъ *ризы бѣлыя*, которыми облекаютъ ихъ? Ангелу сардійской церкви сказано, что у него есть нѣсколько такихъ, *иже не осквернища ризъ своихъ*, и которыя въ остальное время по примѣру Господа своего, будутъ жить чисто, на зло міру нечестивому, *ходити имутъ со Мною въ бѣлыхъ;* потомъ о наградѣ ихъ сказано: *побѣждаяй той облечется въ ризы бѣлыя* (Апок. III, 4. 5.). Итакъ бѣлая одежда—символъ чистоты душевной и символъ славы. Значитъ, облаченіе страдальцевъ вѣры въ бѣлыя одежды означало то, что они предъ лицемъ Божіимъ признаны невинными и чистыми, что въ сердцахъ ихъ и чистое око Божіе не видитъ ничего нечистаго и эта невинность ихъ блистаетъ славою небесною. Чтожъ это за совмѣщеніе невинности съ славою, дѣянія съ наградою? Ахъ! мы, которые пьемъ нечестіе какъ воду, мы не понимаемъ и не чувствуемъ, что значитъ грѣхъ для души нашей; но не такимъ онъ является для душъ высокихъ, для душъ ревнующихъ о жизни небесной. *Окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* называлъ св. Павелъ. Души благочестивыя! души ревнующія о чистотѣ небесной тяготятся, томятся, страдаютъ

и отъ тѣхъ грѣховъ, которыя по временамъ являются въ душѣ, по дѣйствію растлѣнной природы, а не по ихъ волѣ. Онѣ знаютъ, что грѣхъ есть дѣло не только преступное, оскорбляющее совѣсть, но и дѣло нечистое, лишающее душу славы небесной. Онѣ знаютъ, что пока остаются онѣ на землѣ, пока пребываютъ въ испорченной плоти, имъ не избавиться и отъ страха правды Божіей, грозной противъ всякой нечистоты. И потому тоскуютъ, вздыхаютъ онѣ по томъ времени, когда смерть разорветъ связь ихъ съ испорченною плотію. Поймите же, какова будетъ радость ихъ, когда онѣ болѣе не будутъ видѣть и чувствовать опасностей и бѣдъ со стороны растлѣнной плоти. Какъ отрадно имъ будетъ видѣть и сознавать, что Богъ правды и святости не видитъ болѣе въ нихъ нечистаго, что Онъ признаетъ ихъ угодными для Него, зритъ на нихъ окомъ благости и любви, и онѣ видятъ себя въ свѣтѣ небесномъ. Это-то состояніе душъ святыхъ—страдальцевъ вѣры показываетъ тайновидѣцъ, когда говоритъ о облеченіи ихъ *въ одежды бѣлыя*.

Такъ блаженство душъ святыхъ за гробомъ будетъ состоять въ сознаніи и чувствованіи совершенства духовныхъ силъ души, возстановленія того образа Божія, съ которымъ создана душа Творцемъ ея.

Умъ въ душахъ святыхъ тамъ раскроется, озарится свѣтомъ первозданной чистоты и ясности. *Нынѣ*, говоритъ св. апостолъ, *отчасти разумѣваемъ*, знаемъ не цѣлостію; *егда же пріидетъ совершенное*, когда начнется новый образъ бытія совершеннѣйшаго, *тогда же отчасти упразднится. Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ: егда же бых мужъ, отвергохъ младенческая*. Между здѣшнимъ и будущимъ состояніемъ ума святыхъ такая же разность, какъ между младенцемъ и мужемъ. *Видимъ убо нынѣ якоже зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 9—12). Какъ много свѣта пролито на умъ человѣческій христіанствомъ! Какъ высоко поставлено знаніе наше наставленіями небеснаго Учителя! И однако земное знаніе лучшаго христіанина все еще остается неполнымъ, неяснымъ загадочнымъ. Тамъ будетъ совсѣмъ другое. Тамъ, за гробомъ, святые Божіи, на мѣсто образовъ, увидятъ дѣйствительность, получатъ познаніе во всемъ близкое, ясное, полное. Одна разлука души съ тѣломъ, которое какъ мрачная завѣса закрываетъ отъ души міръ духовный,—съ тѣломъ, которое вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ для расширенія познаній высшихъ, обременяетъ ее образами низкими и пустыми, а испареніями страстей помрачаетъ и часто извращаетъ всѣ начала ума, одна, разлука съ тѣломъ откроетъ душѣ святой цѣлый міръ невидимыхъ дотолѣ предметовъ

и облегчитъ ея стремленія къ вѣчной истинѣ, къ умственному ея возвышенію. Тяжкія недоумѣнія, которыя по временамъ томятъ здѣсь благочестивыя души при взглядѣ на *міръ грѣшниковъ* и на искушенія, встрѣчаемыя на пути совершенствованія духовнаго, тамъ всѣ подобныя сомнѣнія разрѣшатся для нея. Дорога душѣ богоподобной небесная истина. Счастіе она для нея, когда внутреннее бытіе ея настроено по законамъ самой истины. Не для истины ли создана душа? За гробомъ въ святыхъ Божіихъ раскроется жизнь ума, бывшая на землѣ только въ зародышѣ и будучи жизнію правильною составитъ источникъ блаженства.

Если же жизнь ума возвысится тамъ въ святыхъ Божіихъ для ихъ блаженства: то безъ сомнѣнія возвысится и дѣятельность воли и тѣмъ возвыситъ блаженство ихъ. Дѣятельность ума въ точномъ смыслѣ не отдѣльна отъ дѣятельности воли, какъ истина и добро въ сущности одно и тоже. Чѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ обширнѣе мысли ума о Богѣ; тѣмъ глубже, тѣмъ сильнѣе должна быть въ душѣ любовь и ко всему святому. Такъ по крайней мѣрѣ должно быть по предначертаніямъ Божіимъ. И такъ бываетъ въ святыхъ Божіихъ, которыхъ жизнь есть жизнь по предначертаніямъ Божіимъ. За гробомъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ раскроется умъ ихъ, любовь ихъ къ святому возвысится, расширится, окрѣпнетъ. *Любы никомиже отпадаетъ, аще пророчествія упразднятся, аще ли языцы умолкнутъ, аще разумъ испразднится:* такъ говоритъ св. апостолъ, съ земли восходившій на небо (1 Кор. XIII, 8.). За гробомъ любовь къ святому будетъ чище, возвышеннѣе, сильнѣе и отъ того, что не будетъ для нее препятствій, полагаемыхъ здѣсь испорченною плотію и міромъ лукавымъ. Ни прелести вещей земныхъ, ни примѣры развратныхъ людей, ни ненависть міра гордаго не будутъ тамъ тревожить и развлекать души; грѣховное начало плоти, оставшись вмѣстѣ съ плотію въ землѣ, также не будетъ подавлять стремленія души къ небу. Душа, любящая Господа, всѣмъ существомъ своимъ устремится ко всему возвышенному, доброму и прекрасному, или, точнѣе, къ самому источнику всего высокаго, добраго и прекраснаго. И какимъ блаженствомъ будетъ наполнять ее эта любовь святая! Что приноситъ душѣ грѣхъ, какъ не томленіе и муку? Нравственное совершенство или святость есть условіе блаженства, столько же необходимое, какъ благоустройство и цѣлость тѣлесныхъ членовъ есть условіе здоровья. Слѣдовательно безъ нравственнаго совершенства блаженство души невозможно, также какъ при немъ оно есть неотъемлемая собственность души. И чѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе любовь души къ святому, тѣмъ выше, тѣмъ чище, тѣмъ обширнѣе блаженство ея. *Блаженни мертвіи, умирающіи*

о Господѣ отнынѣ: ей глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними (Апок. XIV, 13). Вотъ что говоритъ Духъ истины! Блаженны тѣ, которые не щадятъ ни трудовъ, ни самой жизни своей для Господа. Тяжела для нихъ земная жизнь; но за гробомъ ждетъ ихъ блаженство, блаженство покоя ничѣмъ невозмущаемаго и блаженство воздаянія за дѣла ихъ; кратко: за гробомъ ожидаетъ праведниковъ то небесное утѣшеніе, которое будетъ доставлять имъ самая дѣятельность ихъ. Иному быть нельзя. Воинъ, съ честію окончившій службу на войнѣ, возвратясь на родину, съ удовольствіемъ, съ восторгомъ, воспоминаетъ объ опасностяхъ, которыя миновались, о трудахъ и ранахъ, которые перенесены имъ, о мужествѣ, которое много разъ оказано имъ въ бояхъ. Труженикъ жизни бѣдной, успѣвшій трудами честными преодолѣть бѣдность, съ радостію обращаетъ взоръ свой на прошлые труды и скорби. Такъ и воинъ жизни духовной, труженикъ Божія-го дѣла, до конца, сохранивъ вѣрность Господу своему, за гробомъ становится свободенъ отъ всѣхъ тяжелыхъ думъ и съ покойнымъ радостнымъ сердцемъ смотритъ на свое прошлое и настоящее. Какъ отраденъ для него покой послѣ подвиговъ цѣлой жизни, послѣ борьбы, не прекращавшейся до гроба! Онъ отраденъ, онъ восхитителенъ и отъ того, что каждый подвигъ воли для добра проливаетъ въ сердце его миръ и радость, каждое дѣло святое отзывается въ душѣ счастіемъ и блаженствомъ. *Дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними.*

Послѣ того понятно отношеніе души чистой за гробомъ къ міру ангеловъ и святыхъ Божіихъ и къ самому Богу; понятно и то, чѣмъ должно отзываться въ ней это отношеніе. „Многіе, говоритъ Спаситель, пріидутъ и возлягутъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствіи небесномъ“ (Мат. VIII, 11), показывая тѣмъ, что блаженство души святой за гробомъ будетъ зависѣть и отъ общенія ея со всѣми святыми. А тайнозритель Іоаннъ видѣлъ еще двѣ особенности относительно состоянія душъ святыхъ за гробомъ. Онъ видѣлъ *народъ многъ*, стоящій *предъ престоломъ и предъ Агнцемъ и взывающій: спасеніе сѣдящему на престолѣ Богу нашему и Агнцу. И вси ангели*, продолжаетъ онъ, *стояху окрестъ престола, глаголюще: аминь* (Апок. VII, 10—12.). Видите, святые Божіи стоятъ предъ престоломъ и престолъ Божій окружаютъ ангелы; святые Божіи возносятъ хвалу Агнцу и ангелы одобряютъ согласіемъ своимъ хвалы святыхъ. Слѣд. святые Божіи человѣки и ангелы Божіи находятся въ общеніи между собою. Видите, святые Божіи стоятъ предъ престоломъ Божіимъ и, совершая служеніе, славятъ Бога и Агнца. Слѣд. занятіе ихъ—занятіе для Бога и это занятіе такъ

пріятно для нихъ, что сопровождается чувствами восторга. Замѣтимъ еще, что такъ какъ видѣніе тайновидца относится къ обстоятельствамъ разрушенія Іерусалима съ его іудействомъ (Апок. VI, 13. XII, 3.) и о святыхъ говорится: *сіи суть, иже пріидоша отъ скорби великія* (Апок. VII, 14.): то ясно, что тайновидѣцъ показываетъ намъ то состояніе святыхъ, которое слѣдуетъ за окончаніемъ скорбныхъ земныхъ подвиговъ, еще до суда всеобщаго. Такъ пріятно и на землѣ быть въ союзѣ дружества, когда сердца соединяются узами любви чистой по побужденіямъ святымъ. За гробомъ святые, не только знаемые въ здѣшней жизни, не только тѣ, которыхъ соединяла здѣсь любовь, но и всѣ незнаемые, отдѣленные другъ отъ друга временемъ и другими условіями земной жизни, составляютъ одно общество и между собою и съ ангелами Божіими. И какъ это дружество, какъ это общеніе взаимное, выше, чище, отраднѣе всякаго земнаго! Тамъ ни одна страсть, ни одно движеніе грѣховное, столько неизбѣжныя на землѣ, не касаются ни чьего покоя. Самое же высшее, самое чистое блаженство сего союза истекаетъ изъ того, что всѣ члены общества небеснаго славятъ Господа, пребывая вблизи источника свѣта и радости. Сего-то блаженства ожидалъ Павелъ, когда желалъ скорѣе разстаться съ жизнію. *Дерзаемъ и благоволимъ паче отыти отъ тѣла и внити ко Господу* (2 Кор. V, 8.). Онъ показывалъ тѣмъ, что праведныя души, души такія, какова душа Павла, вслѣдъ за тѣмъ, какъ разлучаются съ тѣломъ, переходятъ ко Господу.

Пусть блаженство святыхъ до суда всеобщаго еще не есть блаженство полное; пусть только послѣ суда всемірнаго *праведницы просвѣтятся яко солнце, во царствіи Отца ихъ* (Мат. XIII, 43.). Но ожиданіе полнаго блаженства не только не составляетъ для нихъ скорби, но служитъ новымъ источникомъ блаженства. Оно даетъ имъ предвкушать то, чего ожидаютъ они надеждою твердою и мирною, ожидаютъ въ благодарномъ благоговѣніи предъ мудрою благостію Всевышняго.

Блаженна участь праведныхъ за гробомъ. Земной умъ не въ состояніи вполнѣ постигнуть блаженства ихъ. Довольно и того, что можетъ постигать онъ. Что значатъ предъ славою небесною всѣ радости земныя, за которыми такъ гоняются люди? Что значатъ всѣ скорби земныя, которыхъ такъ боятся люди, не боясь воли Божіей? *Благословеніе и слава Богу нашему во вѣки вѣковъ аминь* (Апок. VII, 12.)

СЛОВО VI. О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ.

ВЪ ДЕНЬ СВ. АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА БОГОСЛОВА, ВЪ СЕМИНАРСКОМЪ ХРАМѢ,

И видѣхъ мертвецы, малыя и великія, стояща предъ Богомъ: и судъ пріяша мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ (Апок. XX, 12).

Что это открываютъ намъ? Судъ за смертію каждаго? Но *судъ пріяша мертвецы*, а не мертвецъ; *видѣлъ мертвецы малыя и великія, стояща предъ Богомъ;* цѣлые сонмы мертвецовъ разнаго состоянія предъ Богомъ, а не тотъ или другой изъ умирающихъ. Если же вѣрно, что и за смертію каждаго бываетъ судъ: къ чему еще судъ для всѣхъ мертвецовъ; Богъ есть умъ совершеннѣйшій, для Него ошибки и замѣшательства невозможны и повѣрка суда Своего не нужна. Если однажды осужденъ имъ грѣшникъ, на судѣ частномъ: то не значитъ ли, что осужденъ онъ вѣрно и непреложно, осужденъ на вѣчность, и слѣд. не для чего быть суду другому, суду всеобщему? Смѣлый произволъ, не задумываясь при томъ, идетъ далѣе и говоритъ: не есть ли судъ всеобщій только мнѣніе людей извѣстнаго времени и извѣстнаго разряда?

Торжествующіе память св. Богослова! Отличіемъ св. Іоанна отъ прочихъ апостоловъ служитъ и то, что онъ по преимуществу пророкъ новаго завѣта. Онъ видѣлъ и показалъ намъ тайны недозримой будущности; видѣлъ тайны рѣшенія послѣднихъ судебъ міра. Чтобы почтить память тайнозрителя, приблизимся къ разумѣнію открываемыхъ имъ тайнъ разрѣшеніемъ вопроса о нуждѣ суда всеобщаго послѣ частнаго.

Нуженъ судъ всеобщій послѣ частнаго, во первыхъ для окончательнаго распредѣленія наградъ добрымъ и наказанія злымъ.

Послѣ частнаго суда награждается или наказывается душа, но не весь человѣкъ. Между тѣмъ не участвовало ли тѣло въ добрыхъ подвигахъ праведника и въ преступной нѣгѣ нечестиваго? Не оно ли томилось отъ поста и трудовъ у подвижника? Не оно ли млѣло въ похотяхъ у грѣшника? Не оно ли страдало въ пыткахъ и темницѣ у исповѣдника вѣры, или у жертвы неправеднаго суда человѣческаго? Не оно ли веселилось каждый день у беззаботнаго богача? Пусть тѣло орудіе души; но и для орудія есть свой уставъ, нарушеніе котораго не должно остаться безъ возмездія. Пусть преимущество дѣятельности остается въ человѣкѣ за душею; но есть

дѣятельность и въ тѣлѣ, и въ немъ грѣхъ можетъ или властвовать безъ границы, или смириться до безсилія, и тѣло немощное можетъ носить въ себѣ *мертвость Господа Іисуса* и участвовать въ страданіяхъ Христовыхъ (2 Кор. IV, 10.), или быть открытымъ врагомъ креста Христова (Фил. III, 18). Какъ же правда Божія оставитъ безъ вниманія дѣятельность тѣла, оставитъ безъ суда столь важную часть организма человѣческаго? Нѣтъ, пусть не обманываютъ себя мечтами: *вѣсть Господь неправедники на день судный мучими блюсти, наипаче же во слѣдъ плотскія похоти скверненія ходящія* (2 Петр. II, 9. 10). Нѣтъ, надобно и тѣлу явиться на судъ вмѣстѣ съ душею, чтобы совершилось полное воздаяніе дѣятельности человѣка за дѣла души и тѣла. *Всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. V, 10).

Правда Божія точна. Она не можетъ не отдать каждому своего. Думаете ли, слушатели, что душа по разлукѣ съ тѣломъ остается безъ дѣйствія? Всѣ мы вѣримъ, что и по разлукѣ съ тѣломъ душа живетъ. Если же живетъ она, то и дѣйствуетъ. Жить и не дѣйствовать нельзя. Св. писаніе говоритъ намъ, что души святыхъ, находясь у престола Божія, служатъ Богу и Агнцу, славятъ величіе и благость Божества (Апок. VII, 9. 10). Божественное писаніе говоритъ намъ, что святые молятся за бѣдныхъ странниковъ земли по любви къ нимъ, и молитвы, возносясь къ Богу, какъ благовонный ѳиміамъ, низводятъ дары Божіи на землю (Апок. VIII, 3—5). Не новыя ли это дѣла святыхъ Божіихъ? Не новые ли подвиги святой любви ихъ? Души нечестивыя, по разлукѣ съ тѣломъ, также продолжаютъ свои дѣла, умножаютъ свои преступленія. Онѣ здѣсь любили грѣхъ, и тамъ его любятъ; нажитыя страсти—ненависть, злоба, гордость, тщеславіе не спятъ въ душахъ и за гробомъ; здѣсь онѣ были непризнательны къ Богу; тамъ въ ярости за свою горькую судьбу онѣ хулятъ Бога, винятъ Его въ несправедливости и строгости. Не новыя ли это нечестія нечестивыхъ, призывающія судъ строгой правды? Не новыя ли дѣла беззаконія, требующія возмездія? Не забудьте еще и то, что сѣятели нечестія и на землѣ продолжаютъ дѣйствовать послѣ своей смерти. Люди развратные, враги чистой вѣры и истины, примѣромъ жизни, ученіемъ, писаніями образуютъ общества послѣдователей и дѣйствуютъ на погибель людей, по разлукѣ съ землею. Апостолы и пророки по нынѣ созидаютъ церковь Христову; святители Божіи, учители благочестія понынѣ остаются отцами-воспитателями духовной жизни. Точно такъ Аріи и Магометы, Лютеры и Волтеры доселѣ дѣйствуютъ во вредъ церкви Христовой, носятся какъ зараза надъ землею и губятъ сердца че-

ловѣческія. За всѣ эти дѣла судъ частный не воздалъ должнаго дѣлателямъ правды и беззаконія. Они ждутъ себѣ приговора и приговоръ правды Божіей объявленъ будетъ на судѣ всемірномъ.

О! будетъ судъ всемірный послѣ суда частнаго; будетъ и для оправданія судебъ Божіихъ предъ вселенною.

Печальна на землѣ участь любящихъ Господа. *Вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гонимы будутъ*, сказалъ св. апостолъ (2 Тим. III, 12.). И это выполняется по нынѣ, такъ или иначе, но выполняется. *Позоръ быхомъ міру и ангеломъ и человѣкомъ, яко же отреби міру быхомъ, всѣмъ попраніе*, говоритъ апостолъ отъ лица всѣхъ подобныхъ ему (1 Кор. IV, 9. 13.). Такая участь благочестивыхъ тѣмъ болѣе печальна, тѣмъ болѣе составляетъ предметъ недоумѣній для самихъ благочестивыхъ и предметъ злостной радости для душъ худыхъ, что люди дурные, люди не уважающіе ничего святаго, являются въ земной жизни счастливцами, богаты и веселы, въ почетѣ и извѣстности. Даже и Давидъ, мужъ по сердцу Божію, по временамъ смущался земною долею грѣшныхъ и праведныхъ; и онъ говорилъ: „вотъ эти нечестивые счастливцы умножаютъ богатство; такъ не напрасно ли я очищаю сердце и омываю невинностію руки мои?“ (Псал. LXXII, 13.). Пусть на судѣ частномъ каждый получаетъ воздаяніе за дѣла свои и правда Божія оправдывается предъ благочестивою душею въ ея земной судьбѣ. Но соблазнъ, возбуждаемый земною долею грѣшныхъ и праведныхъ, простирается далеко; онъ касается всего міра, и духовъ безтѣлесныхъ и людей немощныхъ. Не настоитъ ли необходимость, чтобы судьбы Божіи оправдались предъ цѣлою вселенною? Праведные были зрѣлищемъ для ангеловъ и людей на землѣ, были предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ для міра нечестиваго. Быть не можетъ, чтобы предъ тѣми же ангелами и людьми не явились они въ славѣ, достойной подвиговъ ихъ? Міръ нечестивый долженъ будетъ наконецъ и противъ воли своей признать, что верховный Владыко столько же мудръ и благъ къ благочестивымъ, сколько строгъ и правдивъ къ нечестивымъ.

Не только по отношенію къ людямъ, но и по отношенію ко всему міру рѣшеніе тайнъ Божіихъ заключается въ спасеніи міра Сыномъ Божіимъ. Здѣсь, въ Сынѣ Божіемъ—Спасителѣ вселенной, слава Божія открылась въ дивномъ величіи. Но признаетъ ли міръ эту чудную славу Божію? Признаетъ ли онъ Іисуса Христа тѣмъ, чѣмъ надобно признавать Его? Міръ нечестивый не хочетъ признавать Іисуса Господомъ; упорство его еще не побѣждено. Хотя власть духовъ злобы и стѣснена именемъ Іисуса на землѣ; но еще не совсѣмъ прекращено вліяніе ихъ на людей. Противъ грѣха даны Спасителемъ человѣчеству благодатныя силы, и виновность грѣха при-

нята имъ на Себя; но смерть—плодъ грѣха еще царствуетъ въ мірѣ. Не воздыхаетъ ли и вся тварь о свободѣ, которой лишилъ ее человѣкъ? Уже ли все это такъ и должно остаться навсегда? О! нѣтъ, зло физическое и зло нравственное, при мысли о Творцѣ міра, показываютъ собою, что слава Божія когда либо оправдается предъ вселенною въ ихъ земномъ существованіи. Для благочестивыхъ эта слава Божія видна и на землѣ въ Сынѣ Божіемъ. Остается быть тому, чтобы вся вселенная и противъ своей воли признала славу Божію въ Сынѣ Божіемъ; остается, чтобы всѣ враги Іисуса признали въ Іисусѣ воплощенную любовь Божію. И это будетъ. *Узрятъ Сына человѣческаго, грядуща на облацѣхъ съ силою и славою многою* (Мат. XXIV, 30.). Вся вселенная, смятенная ужасомъ, почувствуетъ силу Его. Отъ земли до ада простретъся судъ Его, отъ людей до духовъ отверженныхъ всѣ выслушаютъ приговоръ Его и выполнятъ съ точностію. *Тогда и послѣдній врагъ упразднится, смерть* (1 Кор. XV, 25. 26.). Какъ вѣрнымъ Христовымъ не ожидать откровенія славы Господа своего? *Понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ: радуйтеся, яко и въ явленіи славы Его возрадуетеся веселящеся* (Петр. IV, 13.).

Такъ кто можетъ считать мечтою людей будущій судъ всемірный? *Ругатели, по своихъ похотехъ ходяще,* отвѣчаетъ св. апостолъ(2 Петр. III, 3,). Люди наглые, для которыхъ нѣтъ ничего святаго, которые живутъ по наклонностямъ испорченнаго сердца и уважаютъ лишь то, что льститъ нечистымъ страстямъ ихъ; вотъ какіе люди могутъ отвергать судъ всемірный. Значитъ, никакой порядочный человѣкъ, у котораго не испорченъ смыслъ и сердце на мѣстѣ не можетъ идти противъ суда Божія. Значитъ, всѣ тѣ, для кого дорога истина и свято благочестіе, всегда были и всегда будутъ противъ отзывовъ людей—ругателей. Таковъ судъ апостольскій о судѣ всеобщемъ. Вслухъ мудрецовъ язычества сказано, что только безуміе можетъ не вѣрить всемірному правосудію (1 Кор. XV, 36. 52.). Членамъ знаменитаго ареопага объявлено, что „назначитъ Богъ день, въ который будетъ судить вселенную праведно, посредствомъ предопредѣленнаго Имъ мужа“ (Дѣян. XVII, 31.). Правда, иные отказались слушать эту проповѣдь (Дѣян. XVII, 32); но сколько дѣло этихъ людей не служитъ къ ихъ чести, столько дѣло апостола говоритъ о всемірной важности его проповѣди. И предъ язычниками и предъ іудеями и предъ вѣрующими и невѣрующими, и предъ дѣтьми и предъ зрѣлыми въ жизни духовной повторялась проповѣдь о судѣ всемірномъ; мысль о семъ судѣ поставлена апостолами въ числѣ даже начальныхъ истинъ христіанства (Евр. VI, 2.). Значитъ, это есть мысль для всѣхъ святая, какъ для всѣхъ свята должна быть истина.

Въ смиреніи сердецъ нашихъ молимъ мы долготерпѣливую благость Твою, Господи, молитвами тайнозрителя Твоего, даруй намъ духъ сокрушенія о грѣхахъ нашихъ, чтобы явились мы на судъ Твоей правды безъ стыда за жизнь свою. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФШИ М. Д. ДУНИНОЙ.

Блаженни мертвіи, умирающіи о Господѣ, ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ (Апок. XIV, 13).

Вотъ и гробъ предъ нами! А при томъ такъ легко душѣ; потому что на мысль приходитъ не тлѣніе, а жизнь, не персть хладная, а благодать небесная. При немъ хочется не плакать, а благодарить Господа душею мирною. Не правда ли, слушатели, что при иномъ гробѣ страшно душѣ, темно бываетъ какъ въ могилѣ? А при этомъ гробѣ живительный свѣтъ небесный льется въ сердца.

Прежде всего хвала и благодареніе Тебѣ, Господи, которымъ живутъ рабы Твои, проливая радостный свѣтъ Твой на землѣ. Твой свѣтъ зримъ мы въ жизни рабы Твоей.

Матери семействъ! Вотъ вамъ мать, у которой есть, чему поучиться. Вотъ вамъ мать, которая была матерью не по имени и не по земнымъ только узамъ.—Сколько у нея дѣтей, внуковъ, правнуковъ! Какъ вы думаете, легко воспитать и пристроить столько чадъ? Легко ли дать образованіе, нужное не для одной земли, а и для неба? Шесть дочерей и одинъ сынъ остались на рукахъ у нея, когда умеръ супругъ ея. И всѣ дочери воспитаны и счастливо выданы въ замужество [1]). Двадцать четыре внука и семдесять шесть правнуковъ родились и воспитались въ ея домѣ. О! сколько заботъ сколько скорбей надобно было ей испытать! Мало и того,—она же была матерью и для сестеръ и для племянницъ своихъ; и о нихъ

[1]) Дѣти Марьи Дмитріевны: 1) Елена Ивановна—супруга дѣйств. тайнаго совѣтника графа Сиверса; 2) Софья Ивановна вдова полковника Бахметьева; 3) Екатерина Ивановна, бывшая въ замужествѣ за дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ Курисомъ, служившимъ при Суворовѣ; 4) Василій Ивановичъ, павшій на Бородинѣ; 5) Евдокія Ивановна—вдова дѣйств. тайнаго совѣтника Черепанова; 6) Варвара Ивановна—супруга генералъ-лейтенанта барона Пиллярь-фонъ Пильхау; 7) Марья Ивановна—вдова генералъ-лейтенанта Гревса.

заботы лежали на ея же душѣ и ихъ она же выдала въ замужество. Кто же далъ ей силы для столькихъ трудовъ, для столькихъ заботъ и скорбей? Повѣрьте,—одно благочестіе христіанское. Безъ него и самая материнская любовь оказывается слабою предъ силою бѣдъ земныхъ и неумною въ счастіи земномъ. Ахъ! чего ожидать отъ грѣха? Онъ вноситъ одно разстройство и въ домы, и въ семьи, и въ умы, и въ сердца. Боярыня Марія была дочь благочестиваго отца, того отца, котораго честность, любовь къ правдѣ, глубокая набожность очень извѣстны по управленію здѣшнимъ краемъ. Потому она съ юности обучена была благочестію.

Другія матери семействъ, или другіе отцы получаютъ отъ родителей имѣнія богатыя, устроенныя лучшимъ образомъ, такъ что оставалось бы жить до гроба безъ вздоха. Проходитъ пять, много десять лѣтъ,—и уже богатство утекло, какъ вода, разсѣялось вѣтромъ суетности, исчезло въ пожарѣ страстей. Пусть же видятъ въ примѣрѣ сей рабы Божіей, какъ благочестіе на все полезно, и для временной и для вѣчной жизни. Пусть съ уваженіемъ подойдутъ ко гробу той, которая, оставшись вдовою съ имѣніемъ разстроеннымъ, умѣла не скупостію, надъ которою добродушно улыбалась она, а христіанскою умѣренностію сохранить дѣтямъ богатое наслѣдство.

Иные жалуются, что тяжело содержать домъ прилично званію своему. Не носила ли почившая раба Божія очень видное, очень почетное званіе въ свѣтѣ? Она—супруга полнаго генерала, и генералы называли ее своею матерію. Отчего же она умѣла и жить прилично высокому званію и не тяготиться своимъ положеніемъ? Оттого, что держалась не правилъ свѣта легкомысленнаго, а уроковъ ума христіанскаго, оттого, что не дозволяла мечтамъ суетности вѣтренной волновать ея сердца и повелѣвала волѣ держаться путей закона Божія. По любви материнской, по любви общительной съ своими и чужими, она готова была отдать все, чтобы были довольны въ ея домѣ: но прежде всего занята была тѣмъ, какъ бы суетностію тщеславною не оскорбить долга, назначеннаго ей Промысломъ, какъ бы за удовольствія пустыя не платить тревогами досадными, раскаяніемъ позднимъ, какъ бываетъ съ неосторожными.

Сколько заботъ, сколько хлопотъ у иныхъ, чтобы почетно было имя ихъ между людьми! А имя ихъ все-таки остается незамѣтнымъ между людьми, а если и замѣчаютъ его, далеко лучше было бы, когда бы никто не зналъ его. Отчего это? Пусть поучатся у сей рабы Христовой. Она безъ усилій умѣла внушать уваженіе къ себѣ, едва не благоговѣйное.

И какъ было не уважать ея? Если бы и не знали мы, что она дѣлила съ супругомъ своимъ труды очаковской войны, польской

войны, прагской битвы; если бы и знали мы, что ее уважали такіе люди, каковы были Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ: глубокое уваженіе возбуждала въ каждомъ высокая ея личность, при первомъ съ нею знакомствѣ. Ея благородство—было благородство христіанское; ея правила жизни—были правила чистыя, высокія, неземныя; ея умъ былъ свѣтлый, ясный, просвѣтленный свѣтомъ Христовымъ. Одинъ у нея оставался сынъ—юноша прекрасный, образованный, добрый, самая радостная надежда вдовства ея, и—того отдала она отчизнѣ. На бородинскомъ полѣ получилъ онъ назначеніе состоять при главнокомандующемъ арміями. Назначеніе лестное! Ему было только 19 лѣтъ. Что же онъ отвѣчалъ? „Полкъ мой идетъ въ сраженіе, и—я, сынъ израненнаго генерала, долженъ быть съ полкомъ; я адъютантъ—послѣ сѣчи“. Такъ отвѣчалъ онъ, и—палъ въ сраженіи. Не правда ли, что такой сынъ могъ быть не у всякой матери? И не правда ли, что тяжело, очень тяжело было матери лишиться такого единственнаго сына? Боярыня Марія и потерю такого сына перенесла съ христіанскимъ благодушіемъ.

Внимательная къ значенію безсмертной души своей, она была внимательна къ себѣ, внимательна къ другимъ, какъ къ почетнымъ земли, такъ и къ бѣдности земной. При общемъ уваженіи къ ея имени, при высокомъ званіи своемъ оскорбляла ли она приближающагося къ ней бѣдняка взоромъ презрѣнія или даже холодности? Нѣтъ, она спѣшила утѣшить горькую бѣдность ласкою и привѣтомъ, не забывая того, что земное величіе безъ душевной доброты—пустота обильная. При средствахъ, не всегда богатыхъ, когда отказывала она нуждающимся въ помощи? Никогда.—Она всегда помнила слова Господа: подавъ помощь бѣдному, вы подаете ее Мнѣ. Прислуга не тяготилась ею, никогда не встрѣчая въ ней ни взыскательной гордости, ни тяжелой власти. Всегда спокойная, всегда умѣренная въ движеніяхъ души, она въ обхожденіи съ подчиненными соединяла ласковость съ чувствами принадлежащаго ей достоинства,—и была умною матерью для нихъ.

Высокими кажутся люди, пока величіе земное окружаетъ ихъ, пока слава и богатство съ ними, пока здравіе и красота сіяютъ на ихъ лицахъ, пока умъ и связи земныя отворяютъ имъ дверь каждаго дома. Но какъ малъ человѣкъ, какъ слабъ, какъ незначителенъ, когда смерть лишаетъ его всего земнаго, а небеснаго не пріобрѣлъ онъ ничего! Душа христіанская! ты твердо помнила, что все земное—суета, и для жизни вѣчной нужна только благоплодная вѣра въ Господа Іисуса. Свѣтильникъ твоей жизни теплился чистой любовію къ Богу. И вотъ въ чемъ самое прочное величіе твое! Вотъ почему особенно такъ благодаримъ мы за тебя Господа! *Бла-*

женни мертвіи, умирающіи о Господѣ: ей, да почіютъ отъ трудовъ своихъ.

Нынѣ иные позволяютъ себѣ пренебрегать уставами св. церкви. О! горько будутъ каяться въ томъ, когда оскорбленный въ лицѣ церкви своей Господь отвратитъ отъ нихъ милостивый взоръ Свой на судѣ своемъ. Благословенна боярыня Марія въ путяхъ ея! Она жила, какъ искренняя дочь матери церкви. Пока ходили ноги ея, не отказывалась она посѣщать храмъ Божій, не опасаясь ни холода, ни мокрой погоды. Каждый воскресный день и всякій праздникъ встрѣчала она въ домѣ молитвы и съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слѣдила за церковною службою. Ея щедростію построенъ храмъ Божій. Ахъ какъ важенъ этотъ памятникъ, воздвигнутый тобою, раба Христова! Это—памятникъ любви твоей ко Господу. Мірскіе памятники приносятъ ли пользу тѣмъ, въ чье имя воздвигаются они? Нѣтъ, это безполезные памятники суеты людской. А въ храмѣ, тобою воздвигнутомъ, всегда, всегда будетъ приноситься безкровная жертва о покоѣ души твоей, о прощеніи грѣховъ, неизбѣжныхъ ни для кого на землѣ. Рано или поздно люди забудутъ тебя,—это вѣрно. А церковь? О! святая церковь никогда не забудетъ тебя и за созданіе храма и за ту любовь, съ какою покоила ты служителей храма Божія.

Скорби неизбѣжны на землѣ. И счастливы тѣ счастливцы міра, которымъ Господь посылаетъ скорби особенныя,чтобы не забывались они, чтобы очищались они отъ праха мірской суеты. Господь явилъ въ тебѣ любовь свою, раба Христова, искупивъ тебя разными скорбями. Болѣе 80-ти лѣтъ прожито тобою на землѣ, и изъ нихъ прожила ты 16-ть лѣтъ сиротою послѣ матери и 48-мь во вдовствѣ. Въ послѣдніе твои годы были у тебя такія скорби, какихъ и не ожидала ты. Блаженна твоя доля, особенно потому что ты не была невнимательною къ урокамъ посѣщавшихъ тебя скорбей; мало того,— ты алкала и жаждала правды Божіей,—благодарила, когда сказывали тебѣ значеніе уроковъ небесныхъ.

Единый святый и безгрѣшный! „Нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ“. Прости грѣхи рабы Твоей боярыни Маріи, желавшей творить волю Твою святую. Упокой душу ея тамъ, гдѣ покоишь Ты возлюбшихъ Тебя. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОМИНОВЕНІИ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА ВОИНА ДМИТРІЕВИЧА ЗАДОНСКАГО.

Благій рабе и вѣрный! вниди въ радость Господа своего.

Герой вѣры и отчизны! Время ли тебѣ покоиться здѣсь? Время ли тебѣ спать, когда на стражѣ и въ тревогѣ вся отчизна твоя? Кто же, какъ не ты, испытанный въ бояхъ и мужъ совѣта нуженъ теперь для родины? Господи! да не продлится гнѣвъ Твой надъ нашими грѣхами! Такъ мало ожиданная смерть его—потеря для отчизны его.

Что сказать въ облегченіе скорби столько любящихъ его—супруги и чадъ? Ты всесильный, Ты любовь вѣчная! пролей утѣшеніе въ сердца осиротѣвшія и пораженныя потерею его. Чей голосъ, какъ не Твой, въ состояніи разсѣять мракъ тяжкой скорби ихъ?

Благій рабе и вѣрный! вниди въ радость Господа своего! Вотъ голосъ любви неизъяснимой. И не Онъ ли призвалъ друга нашего отъ насъ? О! кто же другой, какъ не Господь нашъ располагаетъ днями жизни нашей? Онъ полагаетъ предѣлъ странствію земнаго путника, по усмотрѣнію своей любви безпредѣльной; выбираетъ время и видъ смерти самыя лучшія для высшей цѣли нашей.

Благій рабе и вѣрный! вниди въ радость Господа своего! такъ говоритъ Онъ вѣрному рабу своему.

А сколько понесъ трудовъ, сколько показалъ подвиговъ рабъ Божій Воинъ въ службѣ бранной!

Онъ обучался военному ремеслу на службѣ трудовой. Съ 7-ми лѣтъ въ рядахъ воиновъ, 17-ти лѣтъ прапорщикъ, онъ въ битвахъ съ дикими горцами Кавказа провелъ болѣе 10-ти лѣтъ. И какіе несъ труды! Съ сухаремъ въ котомкѣ и не всегда съ рублемъ въ карманѣ не чувствовалъ онъ ни устали, ни нуждъ, въ переходахъ по горамъ. Являлся съ подвижниками тамъ и такими путями, гдѣ летаютъ только орлы; въ одинъ годъ пять кровавыхъ сраженій съ дикарями горъ внесено въ число блистательныхъ дѣлъ его. Въ страшную войну Наполеона при сел. Бородинѣ стоялъ и дѣйствовалъ онъ въ центрѣ кровопролитнаго сраженія и не замѣчалъ, что сильно контуженъ былъ въ грудь; пропускалъ мимо глазъ, что подъ нимъ убиты были двѣ лошади,—до конца сраженія бился съ врагами съ мужествомъ и храбростію безтрепетными. Такимъ же былъ онъ при Тарутинѣ и Маломъ Ярославцѣ, при Вязьмѣ и Красномъ. Отъ гра-

ницъ Россіи до стѣнъ Парижа сколько смертей летали надъ главою его! Подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ леталъ онъ на боевомъ конѣ среди огней и палашей вражескихъ. Въ странѣ непріятельской храбрость и отвага его выросли. Подъ Труа съ однимъ эскадрономъ онъ мчался на три эскадрона, рубилъ, топилъ, и гналъ врага, пока остатки его не скрылись за стѣнами города. Монаршій взоръ отличалъ Воина нашего. Вотъ онъ начальникъ уже не одного полка. Подъ его наблюденіемъ дивизіи воиновъ,—корпусъ поселянъ военныхъ. Какимъ онъ былъ въ этой службѣ, хорошо знаетъ цѣлый край нашъ. Блистательныя награды монарховъ предъ нашими взорами.

При гробѣ христіанскаго воина нельзя не вспомнить, что безъ чиновъ и отличій предстанемъ мы на судъ Божій. Вельможный и земледѣлецъ, увѣнчанный на брани и незамѣченный никѣмъ воинъ одинаково явятся предъ престоломъ Вѣчнаго. Земныя отличія останутся на землѣ.

Но что же? Значитъ ли это, что земные подвиги и заслуги безполезны для вѣчности? Значитъ ли это, что напрасно тратятъ время, напрасно переносятъ труды и лишенія, напрасно подвергаютъ опасности здоровье и жизнь въ службѣ земной? О! нѣтъ! подвиги полезные для земной отчизны не забыты будутъ тамъ, въ небесной родинѣ. Не Божія ли воля назначаетъ на землѣ каждому особое званіе. Званіе воина, какъ и званіе земледѣльца,—уставъ Божій. Воинъ и земледѣлецъ оба станутъ на судъ Божій: но какъ съ земледѣльца не потребуютъ отчета въ дѣлахъ воина, такъ и воинъ получитъ все, что заслужилъ онъ вѣрностію званію своему. Предтеча Христовъ сказалъ воинамъ о ихъ пути спасенія: *никого же обидите, ни оклеветавайте и довольни будите оброки вашими* (Лук. III, 14). А нашъ воинъ не только благодарилъ Господа за себя, не только не обижалъ самъ въ продолженіи 40-лѣтней военной службы, но умѣлъ убѣждать и другихъ—не обижать никого. Благодареніе благости Твоей, Господи! По твоимъ дарамъ, нашъ Воинъ былъ воиномъ съ юныхъ лѣтъ. Твоею силою выполнялъ онъ столько лѣтъ служеніе воина честно и свято. И счастливая доля! Твоею помощію имѣлъ онъ мужество принесть и послѣднія силы природному званію своему, по голосу отчизны.

Чего не выполнилъ онъ? Онъ былъ образцомъ воина христіанскаго. И онъ же былъ образцомъ христіанскаго гражданина, когда обстоятельства склонили его стать въ положеніе гражданина.

Кто, какъ онъ, былъ самымъ точнымъ исполнителемъ всѣхъ требованій гражданскаго порядка?

Говорить ли о томъ, что ни одинъ сосѣдъ, ни самый безсиль-

ный и бѣдный, не терпѣлъ тѣсноты отъ великаго богатства его? О! онъ былъ благороденъ въ самомъ лучшемъ, христіанскомъ, значеніи сего слова.

Дѣти рѣдкаго отца! вы еще не долго живете на свѣтѣ, вы проживете 40 и 50 лѣтъ, но и тогда едвали найдете многихъ дѣтей, у которыхъ былъ бы такой нѣжный и такой умный отецъ, какъ вашъ отецъ! Онъ долго жилъ, но не для себя, а для васъ! Какъ онъ любилъ васъ! Дѣти! Любовь не умираетъ, любовь за гробомъ становится сильнѣе и чище, ея зрѣніе дальновиднѣе тамъ земнаго взора. Будьте же увѣрены, что добрая жизнь ваша—первый залогъ загробнаго покоя для вашего нѣжнаго отца.

Какъ онъ попечителенъ былъ о своихъ подручныхъ? Самуилъ, разставаясь съ званіемъ правителя народнаго, говорилъ народу: *се азъ, отвѣщайте на мя предъ Господемъ еда-кого отъ васъ насильствовахъ, или кого утѣснихъ?* Какъ Самуилу, тысячи подручныхъ скажутъ предъ Господомъ отъ полноты души и сему господину: *не обидѣлъ еси насъ,—ниже утѣснилъ еси насъ* (1 Цар. XII, 4.). Да, благосостояніе крестьянъ его предъ глазами всѣхъ. Онъ заботился о ихъ доброй жизни, о ихъ покоѣ и довольствѣ, какъ умный отецъ. Други мои! и бѣдный и достаточный изъ васъ знаетъ по опыту умную любовь къ вамъ покойнаго.—Будьте же признательны,—молитесь за вашего умнаго отца—пана, который столько лѣтъ заботился о вашемъ покоѣ. Ваша признательность къ нему призоветъ благословеніе и на вашу будущность.

Святая церковь особенно молитъ Господа о спасеніи создателей и благотворителей храмовъ. *У Отца моего обители многи суть,* сказалъ Спаситель (Іоан. XIV, 2.). И нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ этихъ покоевъ назначенъ создателямъ храмовъ, за которыхъ такъ усердно молится церковь. Какъ не назначить покоя тому, кто создалъ и украсилъ не одно селеніе для славы Господней? Вѣренъ Богъ въ своемъ словѣ. Онъ сказалъ: *прославляющія мя прославлю,* и выполнитъ свое слово;—выполнитъ и потому, что храмъ—лучшее училище благочестія и слѣдовательно самое лучшее благодѣяніе для ближнихъ нашихъ. Такъ не по своему произволу, но по наставленію св. церкви, по слову Самаго Господа, вѣримъ отъ полноты души что сему рабу Христову, усердному создателю храмовъ, скажетъ Господь: *благій рабе вѣрный, вниди въ радость Господа своего.* Ты не расточалъ данныхъ тебѣ богатствъ на жизнь забывчиво-веселую, ты употреблялъ ихъ въ славу Божію.—*Вниди въ радость Господа своего.*

Господи! Благость Твоя безпредѣльна. А кто изъ людей не грѣшенъ предъ Тобой? Вѣрный воинъ и рабъ Твой боляринъ не

безъ грѣховъ. Безпредѣльную милость Твою молимъ, прости грѣхи его; не помяни ихъ на судѣ Твоемъ. Упокой душу его въ селеніяхъ праведниковъ Твоихъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ГРАФИНИ ЛИДІИ СИВЕРСЪ.

Кто ждалъ того, что видимъ? Юность свѣжая, юность благоухающая дѣлами добрыми—въ гробѣ. Кому же жить послѣ того? Владыко жизни и святости! Ты желаешь, чтобы жили мы на землѣ для святости Твоей. Какъ же это такъ, что этотъ цвѣтокъ, радовавшій всѣхъ пріятными надеждами, завялъ такъ неожиданно? Какъ же это такъ, что супружество, отражавшее въ себѣ небесную тайну съ ея святыми свойствами и дѣйствіями разорвано такъ скоро, а неоперившіеся птенцы остались безъ нѣжной матери?

Супругъ юный и нѣжный! падемъ въ благоговѣйной покорности предъ волею Владыки вѣчнаго. Мы не видимъ, мы не знаемъ, какъ смерть, столько неожиданная, можетъ быть полезною и нужною для вѣчнаго спасенія оставшихся; но не можемъ сомнѣваться, что Отецъ небесный все направляетъ къ благу дѣтей своихъ. Онъ—Отецъ и любитъ насъ такъ, какъ не любятъ насъ земные родители. Онъ любитъ осиротѣвшихъ птенцовъ твоихъ и сбережетъ ихъ. Онъ—Отецъ мудрый и дальновидный: тамъ, гдѣ для насъ одинъ мракъ и горе, Онъ разливаетъ свѣтъ и жизнь. Гдѣ же и быть свѣту и жизни, если не у Него? Для насъ по временамъ темно здѣсь: жизнь земная даже и тогда, когда не есть жизнь грѣха, полна сомнѣній и скорби. Изъ одной точки льются на темную землю лучи небеснаго свѣта, — изъ храма христіанскаго, да и то свѣта не полнаго. Свѣтъ полный озаритъ, и жизнь людей, и жизнь народовъ, и жизнь міровъ—тамъ, предъ престоломъ Вѣчнаго.—Пусть же молчитъ ноющее сердце, пусть молчитъ готовый на мятежи умъ предъ волею Господа. Тяжко душѣ подъ тяжестію скорбей неожиданныхъ; но для христіанской души скорби—врачевство, страданія—печать любви Господней. Пусть въ огнѣ страданій перегораетъ все нечистое души нашей! Душа ближе станетъ къ Господу.

Братія и сестры! гробъ безъ словъ моихъ говоритъ, чего на-

добно бояться. Долгая жизнь—не для всѣхъ знакъ особенной любви Божіей. Для иныхъ она—послѣдняя милостыня нищему. И какъ страшно, если несчастный безумно промотаетъ послѣднюю поданную ему лепту. Благодареніе благости Твоей, Отецъ небесный, если немногіе года жизни, при помощи благодати Твоей проведены въ чистотѣ и вниманіи къ себѣ, въ дѣлахъ милосердія и любви кроткой. О! какъ дорогъ тамъ будетъ для насъ и одинъ день, проведенный согласно съ животворными заповѣдями Господа. Еще болѣе счастливы дѣвы умныя. Онѣ всегда готовы встрѣтить жениха своего. Свѣтильники ихъ горятъ съ довольнымъ запасомъ елея. Неожиданнаго нѣтъ для нихъ, придетъ ли Господь ихъ въ полночъ или вечеромъ, среди дня трудоваго, или въ раннее утро. Такъ хотѣлъ было я жаловаться на то, что Господь такъ скоро беретъ тебя отъ насъ, возлюбленное чадо о Господѣ! Но для тебя ранняя смерть—не потеря. Тебѣ пришло время принять воздаяніе за твою нѣжную любовь къ ближнимъ, за твои заботы и труды для бѣдности, за твою любовь къ Господу. Благословенъ Богъ о тебѣ и въ тебѣ.

Мы тебя уже не видимъ болѣе, любимое чадо! Что-то еще лежитъ предъ нашими глазами; но это уже не ты, а только хижина твоя, печально разрушающаяся. Богъ, источникъ всякой жизни, да дастъ этой храминѣ принять въ свое время жизнь новую, полную, совершенно цвѣтущую, никогда не прекращающуюся и блаженную. Такъ должны мы молиться, братія и сестры, и не скорбѣть по примѣру не имѣющихъ упованія. Придетъ время, когда и молодость и старость „услышатъ въ гробахъ своихъ гласъ Сына Божія и услышавъ оживутъ“. Это такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что брошенное въ землю сѣмя не пропадаетъ, а воскресаетъ къ жизни новой.

Да, мертвые оживутъ: но почему не оживаютъ теперь! Почему живые не остаются живыми навсегда?

Здѣсь много знающихъ природу. Лучше, чѣмъ мнѣ, извѣстно имъ по опытамъ, что въ большей части тяжкихъ болѣзней сонъ есть одно изъ первыхъ условій для возвращенія силъ. Даже и не врачи, а рыбари, сказали о Лазарѣ: *аще успе, спасенъ будетъ* (Іоан. XI, 12). Такъ давно извѣстна цѣлительная сила сна. Подобное врачевство нужно для тѣлеснаго организма нашего, въ другомъ видѣ. Грѣхъ произвелъ сильное разстройство въ природѣ нашей. При всѣхъ благодатныхъ средствахъ необходимо глубокое и продолжительное усыпленіе, дабы въ продолженіе сего сна разстроенныя грѣхомъ силы могли придти въ первобытный порядокъ, могли успокоиться и начать первосозданную жизнь. Плоть и кровь—не наслѣдники царствія Божія—и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія. Вся тварь воздыхаетъ, ожидая свободы чадъ Божіихъ, такъ какъ должна

возвратиться къ свободѣ своей, когда возвратитъ себѣ свободу покорившій ее суетѣ.

Печальная мысль и еще мятется, и еще говоритъ: „если такъ дорога жизнь тѣлеснаго организма: почему такъ рано похищаются нѣкоторые, какъ похищена почившая? Такъ много въ виду радостей, которыхъ не вкусила она“!

Но что это за сожалѣніе о радостяхъ земныхъ, которыхъ недовольно вкусили? О! благодареніе благости Твоей, Господи, что не допустилъ Ты почившую породниться съ счастіемъ земнымъ, отъ котораго такъ плачутъ невольно и за которое еще болѣе должны бы плакать. Долго ли намъ слабымъ до того, чтобы лесть обольстила и увлекла за собою душу нашу? Гдѣ наша радость? Въ Богѣ. Гдѣ наши надежды? Въ правѣ и милости Божіей, сочетавшихся въ Спасителѣ нашемъ. Скорѣе, скорѣе—къ Отцу небесному. Здѣсь мы странствуемъ въ дали отъ Него. Здѣсь грѣхъ поитъ насъ скорбями и готовитъ еще болѣе скорбей за гробомъ. Отчего такъ дорожатъ земными радостями? Оттого, что сердца пристрастны ко многому, вмѣсто того, чтобы любить одно; оттого, что зрѣніе ума испорчено ложнымъ блескомъ земныхъ благъ. Мечты суетности мірской, мечты желаній неумныхъ закрываютъ отъ насъ Господа сердца нашего; толпы обольстительныхъ призраковъ жизни, тѣснясь въ умѣ, препятствуютъ видѣть ясно назначеніе жизни нашей. Увлеченное пристрастіями сердце и во время скорби также грѣшитъ, какъ грѣшило и въ радостяхъ. На кого мы походимъ, не помышляя о томъ, для чего живемъ на землѣ? На пловцовъ, увлекаемыхъ стремленіемъ бурныхъ волнъ, на странника неумнаго, который идетъ, не зная куда идетъ, и идя не по дорогѣ, каждую минуту близокъ къ бѣдѣ попасть въ невылазную бездну. Остановимся, осмотримся. Поспѣшимъ взять книгу, гдѣ такъ вѣрно, такъ ясно, такъ полно показаны и назначеніе жизни нашей и опасности заблужденій сердца нашего. Мы больны; книга жизни исцѣляетъ насъ.

Господи! если и почившая не безъ язвъ грѣха: Ты—одинъ безгрѣшный. Прости грѣхи ея. Кровію Агнца, закланнаго за грѣхи всего міра, молимъ, упокой духъ ея.

Любящій супругъ! молись за любимую почившую, но не отягчай себя скорбію. Молитва много будетъ значить для почившей; она же поможетъ и тебѣ въ твоей скорби.

Богу нашему слава. Аминь.

СЛОВО.

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ГРАФА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ОРЛОВА-ДЕНИСОВА.

Кто̀ъ и мужъ силы и крѣпости сраженъ смертію! Давно ли эта жизнь, свѣжая и сильная, какъ рѣдкость, обѣщала многіе годы? Сынъ великаго отца обѣщалъ отчизнѣ подвиги героя—отца: военный орденъ, рано украсившій грудь его, говорилъ, что этотъ сынъ можетъ напомнить врагамъ о великомъ отцѣ. Промыслъ поставилъ его въ особый кругъ жизни и этотъ кругъ сіялъ лучами пріятными, также знакомыми въ примѣрѣ отца. Кто не знаетъ, какъ почившій былъ добръ ко всѣмъ? Гостепріимство его изумляло гостепріимную Москву. При знаменитости имени своего онъ былъ ласковъ и доступенъ каждому, хотѣлъ только утѣшать другихъ, но никого оскорблять. Не всѣ платили ему тѣмъ же, но зла онъ не помнилъ. Простота, отзывавшаяся простотою лучшихъ временъ человѣчества, была душею чувствъ и дѣлъ его. Господи! Ты любишь сердца простыя и его сердце извѣстно Тебѣ. Покрой любовію простое сердце его, прости грѣхи его, ни для кого изъ насъ неизбѣжные.

Братія! что жизнь наша на землѣ? Путешествіе, путешествіе недолгое, хотя бы продолжалось и многіе годы. Здѣсь, при этомъ гробѣ, со всею живостію является намъ эта мысль. А какъ мало помнятъ о ней! какъ мало пользуются благотворною мыслію!

Пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, яко же вси отцы мои, говоритъ Давидъ (Псал. XXXVIII, 13.). И онъ же молится: *пришлецъ есмь азъ у Тебе, не скрый отъ мене заповѣдей Твоихъ* (Псал. CXVIII, 19.). Царь славнаго царства,—царь, утвержденный на царствѣ особеннымъ благословеніемъ небеснымъ, считаетъ себя не болѣе, какъ путникомъ земли, такимъ же путникомъ, какъ и отецъ его Іессей, человѣкъ простаго, скромнаго званія. Какъ же не быть послѣ того буквальной истинѣ въ томъ, что и я, и ты, слушатель мой, не болѣе какъ странники и путники земли? Если мы забывчивы въ отношеніи къ значенію земной жизни; если иные живутъ на землѣ, какъ будто никогда не должны разстаться съ нею; значеніе жизни временной отъ того не измѣняется. Человѣкъ, который отправляется за море, чтобы составить себѣ состояніе и потомъ возвратиться на родину, не считаетъ ли себя странникомъ и путникомъ? Какая же разность между имъ и нами? „Мы не

имѣемъ здѣсь постояннаго города, но ищемъ будущаго", говоритъ намъ одинъ изъ лучшихъ людей, умомъ которыхъ должны мы жить (Евр. XIII, 14.).

Возрасты жизни нашей тоже, что страны, по которымъ лежитъ путь странника. Въ каждой странѣ есть свои особенности; тоже и въ возрастахъ нашихъ; а общій характеръ—переходчивость.

Возрастъ дѣтства—страна пріятная. Тамъ воздухъ чистъ и небо ясно; тамъ нравы невинные, пріемы простые, языкъ добродушной откровенности, дни и ночи безъ заботъ; о страстяхъ, которыя бы омрачали или оскверняли сердце, не знаютъ. Но какъ быстро проходитъ счастливый возрастъ! о немъ знаютъ только по воспоминанію, или, точнѣе, по наблюденію другихъ.

Является юношество, это жаркій поясъ жизни, страна пламенная. Земля усѣяна цвѣтами: но каковы цвѣты? Они заражены ядомъ, подъ ними кроются шипы и змѣи. Какъ много юношей спѣшатъ неосторожно рвать цвѣты жизни своей; а тѣ до того пронзаютъ ихъ колючками, что раны не заживаютъ до гроба! не оплакивалъ ли Давидъ безумія юности до гроба? (Псал. XXIV, 7.). Не относилъ ли Іовъ несчастій своихъ къ погрѣшностямъ молодыхъ лѣтъ? (Іов. XIII, 26). Юность рѣзва; она мчится по пути не оглядываясь. Но что выходитъ? Годы промчались и на встрѣчу нищета во всемъ нищета.

Мужество—возрастъ зрѣлыхъ силъ, но за то и самыхъ опасныхъ страстей. Здѣсь пороки прикрыты видомъ добродѣтелей: корыстолюбію дано имя бережливости; честолюбіе и тщеславіе считаютъ за пониманіе своего достоинства; здѣсь наставленія самолюбія незамѣтно обманываютъ умъ, а умъ обманываетъ человѣка. Путникъ нашъ увѣряетъ себя и другихъ, что онъ день и ночь занятъ важнымъ дѣломъ, а онъ гоняется за мотыльками. Между тѣмъ солнце въ быстромъ теченіи угнало мѣсяцы и годы и путникъ вдругъ, не замѣчая того, вступаетъ въ послѣдній возрастъ жизни, въ возрастъ старости.

Старость печальна. Умъ притупился, память измѣняетъ, воображеніе холодно, всѣ силы ослабли. Остается объ одномъ думать, о чемъ не думали, о могилѣ.

Вотъ и вся жизнь самая долгая! что она, какъ не путешествіе и очень недолгое?

Къ чему же нужно это размышленіе? Не къ тому ли, скажутъ, чтобы оставить все и думать только о гробѣ—предметѣ странствованія? Нѣтъ, братія, нѣтъ. Ученіе умное, ученіе евангельское оживляетъ все и гонитъ только смерть,—наши глупости и страсти. Св. ап. Павелъ осуждаетъ гнушающихся какими либо земными благами:

зане, говоритъ онъ, *всяко созданіе Божіе добро и ничто же отметно съ благодареніемъ пріемлемо* (1 Тим. IV, 4.). Онъ учитъ пользоваться благами, но такъ, какъ бы не пользовались ими: *да радующіися, яко и не радующеся* будутъ, *и купующіи яко не содержаще*, почему?—*преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 29—31.). Видите, какое слѣдствіе выводитъ онъ изъ мысли о нашей страннической жизни на землѣ!

На чужой сторонѣ не долго путнику сбиться съ дороги, ошибкой принять путь не въ страну родную за свой путь. Точно такъ легко ошибиться и путнику земной жизни. Давидъ молился: „я странникъ и переселенецъ, не скрой отъ меня заповѣдей Твоихъ“. Кто такъ знаетъ, какъ знаетъ Господь, назначеніе жизни нашей и путь ведущій къ назначенію? Воля Божія о насъ, изображенная въ св. писаніи, указываетъ намъ дорогу къ цѣли нашей, предостерегаетъ насъ отъ разныхъ опасностей, говоритъ о пособіяхъ пути.—Надобно намъ дорожить св. писаніемъ. Только не надобно забывать и того, что лукавое, испорченное сердце наше можетъ объяснять намъ писаніе по своимъ видамъ грѣшнымъ и потому надобно молиться, чтобы свѣтъ небесный прогонялъ отъ души обманы грѣха и показывалъ волю Божію въ точномъ ея видѣ.

У странника ничего нѣтъ съ собою, кромѣ необходимаго для пути. Такъ долженъ жить и христіанинъ. *Имуще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. VI, 8.). Къ чему тревожиться? Богъ дастъ все необходимое для тебя. Не предваряй времени, не ускоряй теченія его безпокойными желаніями: оно и безъ того течетъ быстро и увлекаетъ насъ съ собою. Къ чему хлопотать о лишнемъ? Не для того ли, чтобы запутывать душу въ бѣды и огорченія, питать въ ней желанія безразсудныя и вредныя? Вѣрно слово апостола: *хотящіи богатитися впадаютъ въ напасти и сѣти, и въ похоти многи несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ человѣка во всегубительство и погибель* (1 Тим. VI, 9.). Пристрастіе богача къ богатству, пристрастіе честолюбца къ честямъ, пристрастіе роскошнаго къ роскоши къ чему послужатъ за гробомъ? Къ осужденію грозному. Сколько тревогъ! и для чего? Слѣпцы—слѣпцы! мы не видимъ, мы забываемъ, что переходя въ родную намъ страну, мы оставляемъ все, чѣмъ здѣсь обладали. Наши домы, наши поля, наши доходы—дорожный скарбъ путника, которому вовсе не нуженъ онъ въ домѣ. *Ничто же внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. VI, 7.).

Надобно дивиться тому, что люди могутъ огорчаться не отъ того, что можетъ сдѣлать ихъ несчастными въ другомъ видѣ. Тебя обидѣли, очернили твое имя, лишили имѣнія, или здоровья. Значитъ

ли это что нибудь? Все это скоро кончится. Что такое слова людскія? Слабый вѣтеръ, минутно касающійся путника, или крикъ животнаго, который пугаетъ странника нечаянностію. Положимъ, что противъ тебя явная злость людей. Что жъ? Чего тебѣ ждать въ странѣ чужой для тебя? *Аще отъ міра бысте были: міра убо свое любилъ бы*, сказалъ Господь (Іоан. XV, 19.).

Путникъ непрестанно помышляетъ о цѣли странствованія, непрестанно идетъ впередъ, чтобы достичь милой родины. Если встрѣчаются непріятности, которыя служатъ къ тому, чтобы увеличить будущее благосостояніе его: считаетъ ли онъ ихъ непріятностями? Но не тоже ли внушаетъ св. писаніе всѣмъ вѣрующимъ? Что значатъ, говоритъ оно, временныя скорби въ сравненіи съ вѣчною радостію, ожидающею страдальцевъ? И вѣрующіе озабочены только тѣмъ, какъ бы быть достойными сынами вѣчной родины, какъ бы приготовиться къ жизни покойной за гробомъ. *О семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе*, говорятъ они съ св. апостоломъ Павломъ (2 Кор. V, 2.). Если даны имъ избытки земные: они, видя, что скоро лишатся всего, спѣшатъ промѣнивать земныя блага на другія, прочныя и неоцѣнимыя на землѣ, щедро раздаютъ, что имѣютъ, нуждающимся и обращаютъ тлѣнныя имущества въ нетлѣнное достояніе, въ славу Божію.

Почившій братъ нашъ! странствованіе твое кончилось. Ждали, что оно еще продлится. Но главное не въ томъ, долго или недолго странствуютъ, а какъ странствуютъ. Благодареніе Господу: въ душѣ твоей было много добраго; страданія послѣднихъ лѣтъ очистили душу твою. Господи! повторяя исповѣданіе, что каждый изъ насъ не безъ грѣха, повторяемъ молитву: упокой душу почившаго раба Твоего въ странѣ мира вѣчнаго, прости грѣхи его, единый безгрѣшный! Даруй и всѣмъ намъ незабывчиво идти къ концу жизни нашей. Аминь.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОТДѢЛЕНІЕ X.

БЕСѢДЫ

О МОЛИТВѢ ГОСПОДНЕЙ.

БЕСѢДА I.

О МОЛИТВѢ ГОСПОДНЕЙ.

Сице молитеся: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ (Мат. 6, 9—13).

ы не знаемъ, о чемъ и какъ намъ должно молиться“ (Рим. 8, 26). Такъ говорилъ даже апостолъ. Что сказать намъ о себѣ, о слѣпыхъ грѣшникахъ? Какъ же драгоцѣнна должна быть для насъ та молитва, которую преподаетъ намъ Самъ Господь! Онъ,—Сынъ вѣчнаго Отца, знаетъ волю Отца Своего, и потому, если предлагаетъ намъ извѣстную молитву, то предлагаетъ такую молитву, которая услышана будетъ Отцемъ небеснымъ, съ которою не будемъ въ стыдѣ предъ Богомъ за недостойный предметъ молитвы. И какая это чудная молитва! Она дышетъ простотою дѣтскою. И она же—неисчерпаемое море мыслей возвышенныхъ, чувствъ святыхъ, желаній небесныхъ. Не напрасно св. Кипріянъ называлъ молитву Господню сокращеніемъ евангелія. Не напрасно св. церковь предписываетъ намъ такъ часто повторять молитву Господню.

Къ сожалѣнію, не рѣдко произносятъ ее уста, безъ участія мысли и сердца. По недостатку ли вниманія, по дѣйствію ли привычки, по холодности ли души, дѣти и возрастные, молодые и старые повторяютъ молитву Господню, не только не соглашая движеній сердца съ движеніями устъ, но часто и не понимая словъ. Согласитесь, что это не умно, что это опасно для насъ. Въ такомъ расположеніи ума и сердца мы не только лишаемся благословеній, которыя могла бы низводить на насъ молитва Господня, но мы какъ бы пренебрегаемъ ею и подвергаемся опасности быть предметомъ гнѣва Божія. Что если скажетъ намъ Господь въ негодованіи: *приближаются ко Мнѣ людіе сіи усты своими и устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене*? (Мат. 15, 8).

Размыслимъ внимательно о молитвѣ Господней.

Отче нашъ! Чудное призываніе! Бога называемъ Отцемъ нашимъ. Философы, законодатели, великіе и лучшіе міра языческаго, если и возвышались иногда до мысли о Богѣ высочайшемъ, называли Его отцемъ боговъ и царемъ людей. Не говоримъ уже о

томъ, съ кѣмъ раздѣлялъ власть свою Отецъ боговъ; не говоримъ, что то были существа не высокаго ума и сердца,—существа порочныя. Высочайшій Богъ былъ только грозный властитель міра, совсѣмъ недоступный для людей. Сами евреи—народъ избранный Богомъ, взирали на Бога только какъ на создателя и Владыку своего. Во всемъ ветхомъ завѣтѣ не видимъ ни повелѣнія, ни позволенія израильскому народу именовать Бога Отцемъ своимъ. Тамъ Богъ является Господомъ, коего воля—непреложный законъ, и страшно было оказаться преслушникомъ сего закона. Правда, Богъ явилъ благость Свою людямъ въ созданіи человѣка. Онъ призвалъ человѣка изъ небытія въ бытіе и даровалъ ему душу разумную, устроенную по образу Божію. Онъ—Отецъ благій для человѣка и по созданію. Но съ той минуты, какъ палъ человѣкъ, имѣлъ ли онъ право называть Бога Отцемъ? Ахъ! съ той минуты онъ долженъ трепетать Его, какъ Бога правды и мстителя за нечестіе. Вотъ почему пророки только тамъ, гдѣ изображаютъ отдаленную будущность Мессіи, только тогда, какъ имѣютъ въ виду будущаго Избавителя людей, дозволяютъ себѣ говорить о сыновнихъ отношеніяхъ людей къ Богу. Но вотъ явился, наконецъ, давно ожидаемый Мессія. Кто Онъ? Сынъ вѣчнаго Отца! Могъ ли умъ человѣческій мечтать, что Самъ Богъ низойдетъ на землю для преступнаго человѣка? О! это—благость необозримая, неизмѣримая! Это—то, что на бѣдномъ человѣческомъ языкѣ называется благостію Отца. „Богъ предопредѣлилъ усыновить насъ себѣ Іисусомъ Христомъ, по благоволенію воли Своей“ (Еф. 1, 5). Сынъ Божій самымъ явленіемъ Своимъ на землѣ показываетъ, что Богъ точно Отецъ людей,—благость безграничная. Сынъ Божій принялъ на Себя естество наше; слѣд., содѣлалъ насъ братьями своими и дѣтьми Богу (Евр. 2, 14. 17). *Вси вы сынове Божіи вѣрою о Христѣ Іисусѣ: елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 26, 27), говоритъ апостолъ вѣрующимъ. Такъ мы—преступники, безотвѣтные предъ Тобою, Боже нашъ! Но любовь безпредѣльная, любовь Отца и Сына къ человѣчеству, доставила намъ смѣлость называть Тебя Отцемъ своимъ.

Отче нашъ! Какихъ обѣщаній вѣрныхъ не заключаетъ въ себѣ это имя? Чего не можемъ мы надѣяться, чего не можемъ получить отъ Бога, Отца нашего? *Аще вы, лукавы суще, умѣете даяніе блага дяти чадомъ вашимъ: колыми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ отъ Него* (Мат. 7, 11). Такъ говоритъ намъ, нашему маловѣрію, Господь нашъ. Не дивно, если земные отцы, хотя и любятъ дѣтей своихъ, не всегда даютъ дѣтямъ доброе: они—то сами не хорошо понимаютъ доброе, то удерживаются отъ помощи

нравственною слабостію, то не могутъ подать помощи по невозможности. Не таковъ—Отецъ небесный. Отъ Него всегда можемъ получить *милость и благодать во благовременну помощь* (Евр. 4, 16).

Отче нашъ! О, какъ много покоя и твердости льетъ въ сердце это имя среди скорбей жизни. Ты трудишься день и ночь и все не знаешь, чѣмъ прокормить дѣтей; а ты лишился надежной подпоры—нѣжныхъ родителей; тотъ оклеветанъ невинно злостію, другой ограбленъ въ судѣ: всѣ вы идите къ Отцу небесному; скажите отъ глубины сердца: Отче нашъ! и Онъ все нужное подастъ вамъ. Если Онъ и оставляетъ насъ иногда въ скорбяхъ: то для нашей же пользы, для нашего исправленія (Евр. 12, 5, 6). Худо для насъ тогда, какъ остаемся вовсе безъ наказанія: это означаетъ, что мы стали такими худыми дѣтьми, что и вразумленія не могутъ принесть намъ пользы.

Отче нашъ! Какъ безгранично должно быть повиновеніе наше Богу, если Онъ—Отецъ, а мы—дѣти. Добрыя дѣти любятъ отца своего, дорожатъ каждымъ словомъ его, спѣшатъ предупреждать желанія его исполненіемъ и всего болѣе боятся сдѣлать что-нибудь неугодное ему. Таково должно быть и наше отношеніе къ Богу: святыя заповѣди Божіи должны мы ставить выше всего и выполнять ихъ со всею любовію, со всею вѣрностію, чего бы это ни стоило намъ. *Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 21). Такъ говоритъ Самъ Богъ.

Отче нашъ! Горько должно быть раскаяніе наше предъ Богомъ въ преступленіяхъ, если Онъ—Отецъ, а мы—дѣти Его. Упорное непризнаніе виновности своей, холодное равнодушіе къ преступному поведенію своему, означало бы въ насъ дѣтей негодныхъ, неспособныхъ ни къ чему доброму. О! да не будетъ сего съ нами! Со слезами раскаянія будемъ произносить слова: *Отче нашъ*, когда совѣсть зазираетъ насъ въ недобрыхъ дѣлахъ; съ сокрушеніемъ искреннимъ будемъ говорить: Отче нашъ, прости насъ!

Отче нашъ! Почему *нашъ*, а не мой? Потому, что сынъ Божій особенно ожидаетъ отъ насъ, чтобы вездѣ имѣли мы въ виду не себя однихъ, а и ближнихъ; Онъ желаетъ, чтобы любили мы ближняго какъ себя, чтобы были мы братьями между собою въ желаніяхъ и дѣлахъ. Мы должны молиться Богу не за себя только каждый,—нѣтъ: это непріятно было бы Богу, который любитъ всѣхъ насъ и желаетъ, чтобы мы любили всѣхъ. Слово: *нашъ*, осуждаетъ въ насъ всякое движеніе своекорыстія, всякое желаніе самолюбивой ревности и завидливой вражды; оно требуетъ, чтобы желали мы счастія, покоя, мира для всѣхъ, какъ и для себя; оно потушаетъ въ насъ всякую непріязнь къ нанесшему скорбь и оду-

шевляетъ желаніемъ добра для каждаго. *Молитеся другъ за друга яко да исцѣлѣете,* учитъ ап. Іаковъ (5, 16). Потому-то въ молитвахъ церкви молимся мы „о спасеніи душъ нашихъ“, а не своей только, молимся и за властей, и за путешествующихъ, недугующихъ, плѣнныхъ. Такова была всегда молитва христіанъ. „Когда молимся, говоритъ св. Кипріянъ, молимся не за одного, а за весь народъ, поелику весь народъ—одно“. Такъ пусть и тогда, когда молится кто либо на единѣ, молитва его будетъ не за себя только, а и за другихъ. Такова воля Господа нашего! И какъ пріятно для души, любящей молиться за всѣхъ! Многимъ ли можемъ мы помогать деньгами, или хлѣбомъ, или одеждою? Иные не могутъ и одному. Но каждый можетъ молиться за всѣхъ, каждый можетъ выпрашивать у Отца небеснаго нужное не только для земной жизни, но и для вѣчной. Какое великое дѣло—молитва христіанская!

Иже на небесѣхъ, прибавляетъ Спаситель. Это не то значитъ, что будто Богъ истинный только на небѣ: Онъ—вездѣ. Но небо—указаніе на недосязаемую высоту и славу Божества (Псал. 10, 4. 102, 11); небо—образъ того неприступнаго свѣта, въ которомъ обитаетъ Богъ (1 Тим. 6, 16); небо—жилище духовъ чистыхъ и святыхъ; небо—и наша отчизна, куда должны мы возвратиться, если только земная жизнь наша будетъ чиста (1 Петр. 1, 4). Такъ слова: *иже на небесѣхъ,* обращаютъ умъ и сердце молящагося отъ земныхъ дѣлъ и суетъ къ жизни вѣчной и славѣ Божіей. Выше всего видимаго возносится тѣмъ душа молящаяся. Она ищетъ свѣта, котораго нѣтъ на землѣ; покоя, котораго не находитъ ни въ чемъ созданномъ; силы и крѣпости, которыхъ не видитъ ни въ себѣ, ни въ другихъ; потому паритъ въ небесную отчизну, въ селенія святыхъ и славы Божіей. *Иже на небесѣхъ!* говоритъ она; у Тебя—все: и истина, и миръ, и сила, и вѣчное блаженство; отъ Тебя ожидаю всего!

Видите, братія, какъ многому научаетъ насъ самое начало молитвы Господней. Здѣсь выражается весь духъ христіанской вѣры; здѣсь дышетъ любовь всею полнотою своею; здѣсь дышетъ любовь Божія къ людямъ, любовь людей къ Богу, любовь людей другъ къ другу,—любовь, забывшая о всемъ земномъ и вознесшаяся къ престолу славы Божіей.

Буди благословенъ Ты, небесный учитель нашъ! Только Ты можешь, и никто другой, учить насъ такъ молиться. Слава Тебѣ со Отцемъ и св. Духомъ! Аминь.

БЕСѢДА II.

Сице молитеся: да святится имя Твое.

Вотъ первое прошеніе наше, по наставленію Господа! Слова простыя, знакомыя по буквамъ: но легки ли для разумѣнія? Не совсѣмъ. Да благословитъ Господь Богъ размышленіе наше о значеніи ихъ!

Да святится имя Твое.

Святить—означаетъ на языкѣ писанія: или освящать, дѣлать чистымъ и святымъ, когда напр. говорится: *святый да святится еще*, или признавать святымъ и чистымъ. Первое значеніе, конечно, неумѣстно въ отношеніи къ всесовершенному и остается принять послѣднее. *Имя Божіе* нерѣдко употребляется въ писаніи для означенія Самого Бога. Итакъ, *да святится имя Твое* — означаетъ да признаютъ Тебя святымъ, о Боже! да покланяются и славятъ Тебя, великій!

Таково первое прошеніе, первое чувство, ожидаемое отъ насъ Господомъ! Это и естественно; это необходимо для души нашей. Если мы дѣти Отца небеснаго: то для насъ ничего не должно быть дороже, ничего выше имени Отца нашего небеснаго.—Какъ не благоговѣть намъ предъ Тѣмъ, Кѣмъ созданы небо и земля? Посмотрите на міры небесные: какъ они громадны и въ какомъ стройномъ порядкѣ! Кто только имѣетъ смыслъ и чувство, не можетъ безъ изумленія, безъ благоговѣнія, безъ трепета думать о томъ чьею мощію все это создано и существуетъ. И Творецъ человѣка не достоинъ ли хвалы благоговѣйной? *Господи, что есть, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ: славою и честію вѣнчалъ еси его, вся покорилъ еси подъ нозѣ его.* Забывчивые сыны земли! Станьте на краю могилы своей; въ ней—тлѣніе и прахъ, а за нею—вѣчность, за нею—судъ правды неумолимой. Не правда ли, что легкомысліе жизни вашей—безуміе? О! Боже мой! Вотъ предъ очами нашими распятый Сынъ Твой. Онъ—примѣръ тому, какъ строга правда Твоя: она не пощадила Сына Твоего; Онъ распятъ за наши грѣхи. Онъ распялся за насъ, съ тѣмъ, чтобы мы святили великое имя Твое.

Чадамъ ветхаго завѣта было сказано: *не пріемли имени Господа Бога твоего всуе.* Чада новаго завѣта молятся: *да святится имя Твое.* Тамъ запрещалось всякое неуваженіе къ имени Бога, какъ-

то: употребленіе имени Божія въ пустомъ, нескромномъ разговорѣ, въ ложной клятвѣ, въ хулѣ. Здѣсь ожидается прославленіе имени Божія. Такова разность служенія Моисеева и христіанскаго! Христіане! высоко званіе наше; многаго ожидаютъ отъ насъ!

Имя Божіе святится и прославляется въ словахъ нашихъ, когда мы не только удерживаемъ языкъ нашъ отъ празднословія, злорѣчія и лжи, но и употребляемъ въ орудіе славословія Господу и въ назиданіе ближнихъ.

Оно святится въ нашихъ мысляхъ, когда, поставляя себя въ присутствіи Божіемъ, не только остерегаемся осквернять умъ преступными, дерзкими мыслями, но упражняемся въ благоговѣйныхъ размышленіяхъ о дѣлахъ Божіихъ и явленіяхъ святой истины Божіей. Помните: *мерзость Господеви помыслъ неправедный* (Прит. 15, 26).

Оно святится въ нашемъ сердцѣ, когда, не допуская его до ощущеній плотскихъ и нечистыхъ, оживляемъ его радостію о чудныхъ дѣлахъ благодати Божіей и печальными чувствами о своихъ немощахъ и грѣхахъ. *Господа Бога освятите въ сердцахъ вашихъ*, учитъ апостолъ (1 Петр. 3, 15).

Оно святится въ дѣлахъ нашихъ, когда мы, удаляя отъ себя преступныя желанія, *по звавшему ны святому и сами во всемъ житіи* будемъ (Петр. 1, 15). Тотъ, для кого дорога слава Божія; кто благоговѣетъ предъ Господомъ своимъ, каждый разъ, какъ только звонъ колокола зоветъ его въ храмъ Божій, не говоритъ себѣ: я пойду въ церковь въ другой разъ: теперь у меня другія дѣла,— теперь и душа не къ тому расположена. Нѣтъ, онъ оставляетъ всѣ дѣла, чтобы совершить самое великое дѣло—славить Господа; онъ идетъ въ храмъ Божій, чтобы оживить черствую душу свою животворными словами Божіими; онъ идетъ и понуждаетъ себя славить Бога, исповѣдуетъ немощь и грѣхи свои, и молитвою низводитъ на себя благодатный духъ сокрушенія.

Такъ, братія, когда произносимъ мы прошеніе наше: *да святится имя Твое,* пусть весь составъ вашъ говоритъ: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 63, 9). Не допусти насъ, чтобы лукавое самолюбіе склоняло насъ кланяться себѣ самимъ, а не Тебѣ—Богу нашему, искать славы своей, а не славы Твоего имени, которое одно должно славиться во всемъ.

Да святится имя Твое.

Дѣти, крѣпко любящіе отца своего, не только сами высоко чтутъ имя отца своего, но желаютъ, чтобы чтили его и другіе. Такъ и мы, дѣти Отца небеснаго, должны поступать въ отношеніи къ Отцу нашему. По любви къ Отцу небесному, мы должны желать

и просить, чтобы имя Его прославляемо было всѣми. Ахъ! если не въ насъ только грѣхи не даютъ распространяться свѣту славы Божіей, но тоже видно и въ другихъ: какъ не скорбѣть о томъ, какъ не молиться: *да святится имя Божіе вездѣ?* Этому должно быть и по любви нашей къ братіямъ, которыхъ счастіе и блаженство невозможны безъ славы имени Божія; по любви къ другимъ, должны мы напоминать имъ, чтобы они благоговѣли предъ Богомъ.— Оставимъ, говорятъ, въ покоѣ другаго: зачѣмъ тревожить другихъ! Но покоя ли желаютъ въ такомъ случаѣ другому? Счастіе ли готовятъ ему? Нѣтъ, желаютъ гибели его, какъ и своей. На чемъ основывается покой нашъ, временный и вѣчный? На чемъ держится благоденствіе обществъ человѣческихъ? На благоговѣніи предъ именемъ Божіимъ. Безъ того, страсти людскія все разрушаютъ. Кто не уважаетъ Владыки вселенной; для того все ни почемъ: и законы, и власти, и покой, и жизнь другихъ—онъ приноситъ въ жертву страстямъ своимъ. Оставимъ, говорятъ, другаго въ покоѣ. Но безопасны ли сами отъ того? Не отдѣлять зараженнаго чумою отъ общества людей значитъ покушаться на безопасность и жизнь цѣлаго общества. Оставимъ, говорятъ, каждаго съ своею совѣстію. Нѣтъ, не такъ разсуждаютъ лучшіе люди, которые хорошо знаютъ, какъ ошибается совѣсть людская, къ несчастію своему и другихъ. Пророкъ говоритъ: *ревность дому твоего снѣде мя, поношенія поносящихъ ти нападоша на мя* (Псал. 68, 10). Такъ принималъ онъ близко къ сердцу своему неправды, взносимыя на Бога своего! Онъ считаетъ дѣло дома Божія за свое дѣло и жарко отстаиваетъ неприкосновенность дома Божія. Апостолъ съ скорбію писалъ объ извѣстномъ обществѣ людей: „всѣ ищутъ своего, а не того, чего желаетъ Христосъ Іисусъ“ (Фил. 2, 21). Кто такъ полонъ любви, какъ Спаситель нашъ? И однако Онъ бичемъ выгналъ изъ іерусалимскаго храма торговавшихъ въ немъ. Почему? Только по свободной ревности къ дому Отца небеснаго. Кто, изъ боязни людей, изъ ложнаго стыда предъ людьми, равнодушенъ будетъ къ оскорбленіямъ имени Божія: холоденъ будетъ къ нему и Отецъ небесный въ вѣчности. Если же мы здѣсь будемъ славить Отца небеснаго вслухъ людей; если здѣсь будемъ безтрепетно обличать хулящихъ имя Бога нашего: Онъ прославитъ насъ тамъ, на небѣ, предъ сонмомъ ангеловъ своихъ (Матѳ. 10, 32). Отцы и матери семействъ, начальники и наставники! На васъ особенно лежитъ долгъ не допускать, чтобы кто либо изъ вашихъ говорилъ непочтительно о вѣрѣ, о св. писаніи, о богослуженіи, о Богѣ. Поберегите себя, поберегите другихъ, отъ гнѣва правды Божіей. Мы всѣ должны желать, да *святится имя* Божіе въ людяхъ. Молитва и здѣсь—первое дѣло наше. Нез-

римая сила Божія, низводимая съ неба молитвою, даже безъ словъ нашихъ, въ состояніи обратить дерзкія сердца къ благоговѣнію предъ именемъ Божіимъ; особенно, надобно, обращаться съ просьбою только къ Богу, когда просьба къ людямъ остается безполезною. Богъ всемогущъ, а мы что? Слабы мы, слѣпы мы, не зрячи и другіе, въ отношеніи къ духовнымъ предметамъ. Потому и въ отношеніи къ другимъ, какъ въ отношеніи къ себѣ, должны мы испрашивать помощи небесной для прославленія имени Божія.

Да святится имя Твое, Отецъ небесный, и въ насъ, и въ братіяхъ нашихъ! Аминь.

БЕСѢДА III.

Да пріидетъ царствіе Твое!

Второе прошеніе въ молитвѣ преданной Господомъ: *да пріидетъ царствіе Твое*. Предлагаютъ молиться о чемъ-то великомъ и высокомъ, о царствѣ Божіемъ. Надобно быть внимательными къ предмету молитвы.

Что это за царство Божіе?

Богъ царствуетъ въ мірѣ съ самаго созданія міра. Онъ сохраняетъ міръ и направляетъ его къ цѣлямъ, назначеннымъ для него. Безъ Его вѣдѣнія, безъ Его воли здѣсь ни что не движется, ни что не происходитъ. *Господь на небеси уготова престолъ свой и царство Его всѣми обладаетъ,* поетъ священный пѣвецъ (Псал. 102, 19). Но это царство давно началось и непрерывно продолжается. Слѣд., это не то царство, о которомъ просимъ: *да пріидетъ.*

Есть еще царство Божіе—царство благодатной свободы, изъ котораго должно раскрыться царство славы. Онъ въ отношеніи къ каждому изъ насъ, какъ и въ отношеніи къ извѣстному народу,—точно ожидаемое царство. О немъ-то Господь заповѣдуетъ молиться: *да пріидетъ.*

Благости небесной угодно было создать насъ разумными и свободными. По силѣ свободы, мы можемъ быть и любезными дѣтьми Божіими, къ счастію нашему, и быть непокорными Богу нашему, къ нашему несчастію. Богъ желаетъ намъ счастія, одного счастія. Зачѣмъ же дѣло стало?

О! какъ необходимо для людей вселеніе благодати небесной въ сердцахъ ихъ? Что человѣкъ безъ благодати? Жилище грѣха, раз-

слабленный, разстроенный организмъ, гдѣ всѣ части дѣйствуютъ неправильно и повреждены неисправимо; организмъ по начальному устройству прекрасный, но тѣмъ болѣе жалкій послѣ растройства своего. Напрасно самые лучшіе люди, самые умные люди, употребляли разныя мѣры поправить этотъ организмъ: никакіе труды не достигли своей цѣли. Только благодать небесная въ состояніи исправить все. Ея мощію возвращается духу человѣческому и здравіе, и цѣлость, и лучшій порядокъ бытія. Ея мощію является въ душѣ царство Божіе, или, какъ описываетъ это апостолъ, *правда и миръ радость о Дусѣ святѣ* (Рим. 14, 17).

Да пріидетъ царствіе Твое! Къ кому? Къ намъ? Не сказано того. Да и молитва обращена къ Отцу не однихъ насъ. Такъ какъ Богъ—Отецъ всѣхъ людей: то не за себя только, но за всѣхъ молимся: *да пріидетъ царствіе Божіе*. И какъ много между дѣтьми Отца небеснаго такихъ, къ которымъ еще не пришло царство благодати! Язычники не знаютъ истиннаго Бога и кланяются разнымъ мнимымъ богамъ. Какое въ нихъ царство Божіе? Іудеи отказались отъ Христа Господа и остаются съ нечестіемъ противъ Бога отцовъ своихъ. Какое въ нихъ царство Божіе! Магометане чтутъ лжепророка и грубую плотскую жизнь. Развѣ тутъ можно подозрѣвать царство Божіе? Сынъ Божій приблизилъ къ намъ царство небесное (Матѳ. 4, 7), основалъ церковь святую и освящающую. Но во всѣхъ ли христіанскихъ сердцахъ царствуетъ Христосъ? Царствуетъ ли Онъ въ еретикахъ и раскольникахъ? Нѣтъ. Что общаго у истины Божіей съ ложью человѣческою? Царствуетъ ли Христосъ во всѣхъ православныхъ христіанахъ? Увы! Нѣтъ. Если многіе и очень многіе служатъ страстямъ: то въ нихъ *царствуетъ грѣхъ* (Рим. 6, 12), а не Христосъ. Если многіе хлопочутъ о томъ только, чтобы устроить какъ можно болѣе удобною, какъ можно болѣе веселою жизнь земную: то намъ сказано, что путь неумѣренныхъ желаній земнаго—не путь къ царству небесному, а путь къ аду (Матѳ. 7, 15). Было время, когда христіанство, со всѣми его небесными сокровищами, считали ненужнымъ, его гнали, его топили въ крови человѣческой и на мѣсто его вводили религію разума. Но потомъ увидѣли, что, изгоняя христіанство, изгоняли нравственность, правленіе, правду, домашнее счастіе, счастіе общественное, и водворяли господство звѣрскихъ страстей; увидѣли и съ ужасомъ отступили отъ пропасти всепоглащающей. Прошли десятки лѣтъ, урокъ забытъ. И вотъ снова принимаются за прежнее, правда, не съ прежнею дерзостію, но не съ прежнею ли настойчивостію? По прежнему только и хвалятъ разумъ, по прежнему холодны, равнодушны, подъ часъ и презрительны къ небесной вѣрѣ. О! Боже мой! сколько великихъ дѣлъ

Твоихъ напечатлѣно на вѣрѣ Христовой! Сколько вѣковъ говорятъ о безсиліи человѣческомъ! Бѣдное человѣчество!

О! будемъ молить Бога, да пріидетъ царствіе Его и къ невѣрующимъ и къ вѣрующимъ. Молиться за невѣрныхъ и заблудшихъ подаетъ намъ примѣръ св. церковь, которая молится „о соединеніи всѣхъ“.

Царство благодати приходитъ, когда умъ, дотолѣ омраченный страстями, озаряется свѣтомъ небеснымъ, познаніемъ ученія евангельскаго, и воля со всею твердостію стремится жить по закону Христову. Это царство Божіе приходитъ непримѣтнымъ образомъ и, основываясь въ душѣ, раскрывается духовно, незримо. *Не пріидетъ царствіе съ усмотрѣніемъ. Сего царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 20. 21), сказалъ Господь. Оно не вдругъ и не скоро водворяется въ человѣкѣ: грѣхъ, царствующій въ испорченной природѣ нашей, долго не уступаетъ своего мѣста для благодати. Потому надобны усилія, необходимы подвиги для того, чтобы водворялось въ насъ царство Божіе (Лук. 16, 16). Тѣсенъ путь и узки врата, которыми надобно входить въ царство Божіе (Матѳ. 7, 14). Даже и безъ поблажекъ наклонностямъ худымъ, даже и безъ намѣреннаго приготовленія пищи для слабостей природы нашей не легко ввесть въ душу порядокъ Божій, царство уставовъ Божіихъ. Что же думать о той бѣдной душѣ, у которой двери сердца отворены для всѣхъ нечистотъ?... Самъ апостолъ Павелъ не надѣялся, чтобы прежде гроба грѣховная природа перестала тревожить его (Рим. 7, 24). Потому до гроба прежде всего надобно искать царствія Божія и правды Божіей (Матѳ. 6, 33). До гроба надобно повторять молитву: *да пріидетъ царствіе* Отца небеснаго. Каждый день и до гроба надобно молиться молитвою церкви: „Царю небесный. Утѣшителю, Душе истины, иже вездѣ сый и вся исполняя, сокровище благихъ и жизни подателю, пріиди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наша“.

Такъ какъ грѣхъ не перестаетъ до гроба наносить скорби душѣ о благодатствованной: то естественно, что она молитъ, да пріидетъ царствіе то, которое должно открыться за предѣлами гроба. Она желаетъ того тѣмъ болѣе, что на землѣ не видитъ ничего пріятнаго для себя, а напротивъ, встрѣчаетъ бѣды и скорби, гоненіе и ненависть, со стороны своихъ и чужихъ. „Желаю разрѣшиться и быть со Христомъ: ибо это для меня гораздо лучше“, такъ говорилъ апостолъ (Фил. 1, 23). *Желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни* (Псал. 8, 2). *Вскую пришелъствіе мое продожися?* „Зачѣмъ долго длится странствованіе мое“? Такъ вопіетъ Давидъ. Люди Божіи, хотя живя на землѣ, не знаютъ вполнѣ, каково будетъ

блаженство святыхъ за гробомъ: но они столько знаютъ его, чтобы стремиться къ нему всею душею. „Возлюбленные, пишетъ св. Іоаннъ, мы уже дѣти Божіи, но еще не знаемъ, что мы будемъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему: ибо узримъ Его, какъ Онъ есть“ (1 Іоан. 3, 2). Рабы Божіи не видятъ съ земли полной славы небесной: но знаютъ, что тамъ всѣ слезы ихъ осушатся, всѣ страданія кончатся, всякій мракъ скорби замѣнится свѣтомъ радости и веселія, подвиги замѣнятся торжествомъ, смиреніе славою, вѣра видѣніемъ, надежда обладаніемъ. Бѣдная душа моя! ты должна воздыхать о царствіи небесномъ; о царствіи славы святыхъ, по крайней мѣрѣ для того, чтобы не привязывалось сердце твое къ суетнымъ благамъ земнымъ, чтобы не скорбѣло оно тогда, какъ противъ воли отнимаютъ у него прелести времени. Ты должна воздыхать о небесномъ царствѣ и вмѣстѣ съ разсудительнымъ разбойникомъ взывать: *помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.*

Такъ, братія, съ словами: *да пріидетъ царствіе* Отца небеснаго, должны мы соединять желанія и мольбы, да озаритъ свѣтъ благодати умы невѣрующіе и заблуждающіе, да раскроется въ душахъ вѣрующихъ жизнь благодатная, да сподобимся участія въ наслѣдіи вѣчной славы! Аминь.

БЕСѢДА IV.

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.

Никто не знаетъ такъ сердца нашего, какъ Господь Іисусъ. Онъ открываетъ и то въ душѣ нашей, чего она сама не видитъ. Какъ легко обольщаемся мы собою! Не бываетъ ли съ нами, что въ восторгѣ мы бываемъ, думая, что тамъ и здѣсь святится дѣлами нашими имя Божіе? Но Господь повелѣваетъ намъ осмотрѣться, точно ли настало межъ нами царство благодати Божіей? Мы думаемъ иногда, что вотъ вотъ явилось царство Божіе межъ людьми. Но Господь еще велитъ молиться Отцу небесному: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли!*

Пока улыбается намъ счастіе земное, пока дѣла и обстоятельства жизни нашей располагаются по нашимъ желаніямъ: мы бываемъ и веселы и даже добры,—дѣлаемъ и то и другое по заповѣ-

дямъ Вышняго. Но когда является переворотъ въ жизни нашей не по надеждамъ нашимъ, не по желаніямъ нашимъ: куда дѣвается благородство души нашей, котораго, казалось, у насъ такъ много? Куда дѣвается вѣрность званію высокому? Ахъ! братія, Господь не ожидаетъ отъ насъ того, чтобы были мы безчувственны въ скорбяхъ жизни, не ожидаетъ и того, чтобы мы не брали мѣръ охраненію себя отъ бѣдъ. Но Онъ желаетъ, чтобы мы не ставили упорно своей воли на мѣсто воли Божіей, чтобы мы какъ можно менѣе, полагаясь на себя, передавали себя волѣ Божіей.

Зачѣмъ мы забываемъ, что Богъ есть верховный Владыка всѣхъ? Зачѣмъ забываемъ, что за нимъ неотъемлемое право, дабы все покарялось волѣ Его! Самъ Сынъ Божій, дѣйствуя на землѣ въ образѣ Сына человѣческаго и въ лицѣ посланника небеснаго, говоритъ: *Не могу азъ о себѣ творити ничесоже. Яко же слышу, сужду. Не ищу воли моея, но воли пославшаго мя Отца* (Іоан. 5, 30). Какъ же намъ не умолять Отца небеснаго, чтобы онъ не попускалъ намъ располагать своею жизнію по нашей, а не по Его волѣ, въ оскорбленіе правъ Его?

Чего можетъ желать намъ Отецъ небесный? *Онъ хощетъ всѣмъ намъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4). Онъ желаетъ всѣмъ и каждому только совершенства самаго прочнаго, спасенія вѣчнаго. Зачѣмъ же намъ отклонять отъ себя столько благодѣтельную волю? Зачѣмъ, напротивъ, не молить отъ всего сердца, да совершается она надъ нами, къ счастію нашему?

Или мы думаемъ, что сами мы лучше умѣемъ устроить счастіе наше, чѣмъ благій Промыслитель нашъ? Согласитесь, что это была бы мысль дикая. Онъ, премудрый Отецъ нашъ, видитъ не только настоящее и прошлое наше, но и самыя отдаленныя послѣдствія возможнаго и дѣйствительнаго настоящаго. Онъ—умъ безграничный. Намъ не пріятно, намъ тяжело настоящее наше? Но мы не видимъ, а Онъ видитъ, какъ намъ полезно это тяжелое настоящее. Намъ кажется, что если бы исполнились наши желанія, все было бы прекрасно. Но мы такъ думаемъ оттого, что не видимъ отдаленнаго будущаго, которое Онъ видитъ. „По всѣмъ расчетамъ ума нашего такъ было бы хорошо“, повторяютъ люди. Ахъ! напрасно слишкомъ полагаются на свой, и вовсе неумно хотятъ ступить, ставя свой умъ выше ума Божія. Пусть, не отрекаясь отъ своего ума, предоставятъ какъ можно болѣе мѣста въ своей жизни уму Промыслителя. Это—другое дѣло. Тогда освободясь отъ тревогъ докучливаго самолюбія, лучше увидятъ и цѣну дѣльныхъ мыслей ума своего.

Насъ пугаетъ, послѣ настоящаго тяжелаго, еще болѣе тяже-

лое будущее? Но если это будущее и не мечта малодушія: зачѣмъ намъ быть опять съ недовѣріемъ къ богатому и Премудрому? „Вѣренъ Богъ, Который не попуститъ вамъ быть искушаемыми сверхъ силъ; но при искушеніи дастъ и облегченіе такъ что вы будете, въ силахъ перенести“ (1 Кор. 10, 13). Такъ говоритъ намъ апостолъ Божій, у котораго умъ Христовъ.

О! будемъ молить Отца небеснаго: *да будетъ воля* Его съ нами. Подъ защитою этой воли, ей, будемъ безопасны.

Люди дорожатъ своею волею. Никто, говорятъ, не въ правѣ отнимать у насъ воли.

Но что такое воля моя, а не воля Отца небеснаго? Собственная воля каждаго, рожденнаго въ грѣхахъ (Псал. 50, 7), стремится вовсе не къ тому, къ чему должна стремиться: желаетъ худаго, ищетъ порицаемаго совѣстію, дѣлаетъ несообразное съ закономъ. Прирожденное омраченіе ума увеличиваетъ безпорядки воли, и человѣкъ отъ юности и до гроба—плѣнникъ страстей (Быт. 6, 5): то живетъ только для чувственности, то услуживаетъ гордости и тщеславію. Къ чему же такая воля, какова нынѣ у человѣка? Для погибели его... Уже ли надобно намъ дорожить своею погибелію? Отецъ, небесный, просвѣти насъ!

Богосозданная свобода воли человѣческой состоитъ въ томъ, чтобы любить святую волю Божію, какъ источникъ свѣта, добра и блаженства вѣчнаго. Всякая другая свобода—не свобода, а рабство грѣху и пагуба. Воля Божія—образецъ совершенства для всѣхъ разумныхъ существъ. Воля Божія желаетъ освященія для всѣхъ и каждаго (1 Сол. 4, 3, 7). Исполняя волю Божію усовершаются во всякомъ добромъ дѣлѣ (Евр. 13, 21). *Творяй волю Божію пребываетъ во вѣкъ* (Іоан. 2, 17). Одинъ спрашивалъ Господа Іисуса: что я долженъ дѣлать, чтобы наслаждаться блаженною вѣчностію? Господь отвѣчалъ: *Аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди* (Матѳ. 19, 17). Такъ лучшее, высшее, совершенство воли нашей состоитъ въ томъ, чтобы воля наша охотно, съ любовію выполняла волю Божію и покарялась заповѣдямъ ея.

Хотите ли повѣрить это опытомъ? Можете повѣрить и опытомъ своимъ и опытомъ другихъ. Прочтите лѣтописи сердецъ человѣческихъ. Вы увидите тамъ, какъ многіе, вырываясь изъ среды безумнаго пира страстей, повергаются въ слезахъ предъ служителемъ Божіимъ, признавая, болѣе чѣмъ пустою, пагубною прежнюю жизнь свою, жизнь не по волѣ Божіей. Прислушайтесь къ шуму современному,—вы легко замѣтите, какъ въ болтовнѣ умниковъ свѣта, въ ихъ сочиненіяхъ вырываются тамъ и здѣсь крики скорби и разочарованія, высказывается исповѣдь: счастіе не внѣ путей Божі-

ихъ.—Присмотритесь къ себѣ самимъ, когда чувствуете вы въ душѣ тихій покой, довольство собою? Не тогда ли, какъ удастся вамъ поплакать о грѣхахъ своихъ, оказать услугу другому, укротить въ себѣ тотъ или другой порывъ страсти? Видите, и опытъ учитъ, что совершенство наше—въ волѣ Божіей.

Странное противорѣчіе людей себѣ самимъ. Знаютъ очень много, а дѣлаютъ слишкомъ мало; по познаніямъ—ангелы свѣта, а по дѣламъ—духи тьмы. Отчего это? Оттого, что не творятъ воли Отца небеснаго, оттого, что творятъ только свою волю, тѣшась только собою, кланяясь только себѣ. Ахъ! мало говорить: Господи, Господи! Чтобы войти въ царствіе Божіе, надобно исполнять волю Божію (Матѳ. 7, 21). Что пользы въ обширныхъ познаніяхъ, не говорю о мірскихъ дѣлахъ, даже о дѣлѣ душевнаго спасенія, если не творимъ воли Божіей? Не только нѣтъ пользы, но большее горе, потому что строже накажутъ знающаго, чѣмъ незнающаго. „Рабъ тотъ, который зналъ волю господина своего и не былъ готовъ и не дѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много“ (Лук. 12, 47).

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.

Небо—міръ духовъ чистыхъ, ангеловъ святыхъ; земля—міръ людей слабыхъ. Ангелы въ писаніи называются ангелами небесными, обитателями неба (Матѳ. 24, 36. Мар. 12, 25). На землѣ самые лучшіе изъ людей тѣ, которые, дорожа всего болѣе волею Божіею, стараясь со всѣмъ самоотверженіемъ исполнять заповѣди Божіи, говорятъ о себѣ: *аще речемъ, яко грѣха неимамы, себе прельщаемъ и истины нѣтъ въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Только на небѣ, въ мірѣ духовъ святыхъ, постоянно и неуклонно выполняется воля Божія (Псал. 102, 21). Тамъ царствуетъ любовь святая, любовь смиренная, покорная, любовь заботливая болѣе о другихъ, чѣмъ о себѣ (Евр. 1, 14. Лук. 15, 10). „Тамъ нѣтъ того, говоритъ св. Златоустъ, чтобы въ иномъ оказывали Господу послушаніе, а въ другомъ не оказывали; ангелы во всемъ повинуются и покоряются божественной волѣ, ибо сказано о нихъ: крѣпкіе силою исполняютъ слово Его, повинуются гласу“ [1]). Такъ Господь желаетъ для насъ высшаго совершенства. Онъ желаетъ, чтобы жили мы на землѣ, какъ живутъ на небѣ. О! Благость вѣчная! мы столько худы предъ Тобою, а Ты все заботишься о насъ, Ты все хочешь извлечь насъ изъ темной земной жизни въ назначенную намъ область. Да, не для грязной жизни опредѣленъ человѣкъ, онъ назначенъ для жизни свѣтлыхъ духовъ. Пр. Касьянъ пишетъ: „не можетъ быть молитвы выше той, которою просимъ, чтобы земное удостоилось сравниться съ не-

[1]) Бес. 19 на еван. Матѳея.

беснымъ. Ибо слова: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли,* что другое значатъ, какъ не то, что да будутъ люди подобны ангеламъ, и какъ тѣ исполняютъ волю Божію на небѣ, такъ и всѣ живущіе на землѣ да творятъ не свою, а Его волю“ [1]). Подлинно высокъ предложенный образецъ намъ для подражанія—жизнь ангеловъ. Но для насъ готова сильная благодать Божія, съ которою на землѣ достигали жизни равноангельской. Наше дѣло желать, просить, молить, искать, толкать. Тому, кто проситъ, все дадутъ. Будемъ же молить Отца небеснаго, дабы могли мы творить святую волю Его съ тѣмъ же чистымъ усердіемъ, съ тою же неколеблющеюся твердостію, съ какими выполняютъ ее жители неба; да водворится и между людьми тоже единодушіе, таже любовь взаимная, тотъ же міръ, какими наслаждаются святые ангелы.

Да будетъ воля Твоя, Отецъ небесный съ нами! Аминь.

БЕСѢДА V.

Сице молитеся: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!

Въ первыхъ трехъ прошеніяхъ молитва Господня относилась къ предметамъ высшимъ, духовнымъ; молилась о славѣ имени Божія, о царствѣ благодати, о волѣ Божіей. Въ послѣднемъ прошеніи—низвела она взоръ нашъ съ неба на землю: *да будетъ—яко на небеси, и на земли!* За тѣмъ обращаетъ заботу нашу на нужды земной жизни, и во первыхъ говоритъ о хлѣбѣ.

Хлѣбъ насущный даждь!

Евангеліе не учитъ мечтамъ. Оно возводитъ взоры и заботы наши до самыхъ высокихъ духовныхъ предметовъ, такъ необходимыхъ для насъ. Оно же заставляетъ человѣка помнить о его тѣлесной жизни. По его мыслямъ, пока живемъ мы на землѣ и носимъ земное тѣло: намъ нужна пища земная, чтобы могла продолжаться жизнь тѣлесная до предѣла назначеннаго Господомъ. Оно не только не дозволяетъ по произволу прекращать жизнь, хотя и умерщвлять страсти: напротивъ, велитъ заботиться о продолженіи бытія, предписываетъ молиться о ниспосланіи нужнаго для тѣлесной жизни.

---

[1]) Собес. о молитвѣ.

Хлѣбъ насущный, по значенію народнаго выраженія, не означаетъ одного хлѣба, но и другія средства жизни,—питіе и одежду (Прит. 30, 8. Мат. 6, 31).—И однако Господь не распространяетъ такихъ нашихъ желаній земнаго, какъ мы распространяемъ ихъ. Что такое *хлѣбъ насущный?* По словамъ Златоуста, „хлѣбъ, нужный для состава тѣлеснаго и способный поддерживать его“ [1]). „Повелѣвается намъ, говоритъ св. Григорій нисскій, искать достаточнаго для сохраненія тѣлеснаго существа“ [2]). Такъ Господь велитъ молиться о ниспосланіи необходимаго и достаточнаго для жизни временной. А у людей сколько заботъ и о золотѣ, и о земляхъ, и о камняхъ, и о честяхъ, и о власти, и о славѣ! Какъ странно ненасытны желанія людей! Сперва хотятъ достатка, потомъ богатства, потомъ роскоши, затѣмъ жаждутъ почестей, власти, шума! Бѣдные мучатъ себя и не знаютъ для чего. *Имуще пищу и одѣяніе, сими довольны будемъ* (1 Тим. 6, 8). „Будьте нравомъ не сребролюбивы, довольствуясь тѣмъ, что есть“ (Евр. 13, 5), такъ учитъ апостолъ. *Богатства и нищеты не даждь ми: устрой же ми потребная,* иначе: „питай меня хлѣбомъ, потребнымъ для меня“ (Прит. 30, 8), такъ молился премудрый. Вотъ умныя правила жизни! Какъ онѣ легки для силъ нашихъ. А служеніе суетѣ вдвойнѣ тяжело. Оно источаетъ жизнь тѣлесную трудами, незнающими отдыха. И оно же разстроиваетъ безсмертную душу заботами самыми неумными, тревогами, вредными для духа.

Хлѣбъ насущный даждь днесь!

Вотъ и еще урокъ для неумной заботливости! *Нынѣ* подай, говоритъ; учитъ заботиться только о нынѣшнемъ днѣ, а не о завтрешнемъ. Ахъ! знаемъ ли, что доживемъ мы до завтрешняго дня? Кто увѣрилъ насъ, что бренное тѣло наше не загніетъ въ эту же ночь? Если же такъ, къ чему докучать Отцу небесному о нуждахъ, которыхъ быть можетъ не будетъ для насъ? Будущее не въ нашей власти; будущее во власти Божіей. Предадимъ же съ дѣтскою простотою нужды завтрешняго дня въ руки благаго Отца нашего. Такъ велитъ намъ жить Господь нашъ. „Не заботьтесь, говоритъ Онъ, о завтрешнемъ днѣ. Ибо завтрешній день самъ будетъ заботиться о своихъ нуждахъ. Довольно для каждаго дня своей заботы, и Отецъ вашъ знаетъ, что вы во всемъ томъ имѣете нужду“ (Матѳ. 6, 31, 32). Ахъ! есть у насъ нужды, болѣе важныя, болѣе настойчивыя, чѣмъ нужды тѣлесныя,—есть нужды безсмертной души. О! какъ много намъ надобно готовить, пріобрѣтать, работать для вѣчности нашей! Когда же заниматься не важными нуждами завтрешняго дня?

---

[1]) Бес. объ установленіи жизни по Богу.

[2]) Слово 4 о молитвѣ Господней.

Да и Отецъ небесный столько благъ къ намъ, что принимаетъ на себя заботу о неважномъ, оставляя насъ съ заботами о важномъ. *Ищите* говоритъ Онъ, *прежде царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 4, 32).

Хлѣбъ нашъ—даждь! Спаситель, не одобряя излишнихъ заботъ о жизни, желаетъ, чтобы былъ у насъ свой хлѣбъ, а не чужой. Онъ не желаетъ, чтобы былъ у насъ хлѣбъ какой либо неправды, обмана, лжи, лѣни, праздности; не желаетъ, чтобы питались мы на счетъ другихъ. Апостолъ строго осуждалъ даже тѣхъ, которые, подъ видомъ благочестія, не хотѣли сами трудиться; а переходя изъ дома въ домъ съ вѣстями, повидимому назидательными, кормились на счетъ другихъ. *Аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10), писалъ онъ. *Молимъ вы, братія, дѣяти своя и дѣлати своими руками, яко же повелѣхомъ вамъ* (1 Сол. 4, 11). Премудрый говоритъ: *сладокъ естъ человѣку хлѣбъ лжи, но потомъ исполняетъ уста его каменія* (Прит. 20, 17). Это значитъ, что хлѣбъ, пріобрѣтенный неправдою, пріятенъ, какъ доставшійся безъ труда: но онъ бываетъ тяжелъ для души по послѣдствіямъ, когда возстаютъ совѣсть и законъ.

Хлѣбъ насущный даждь! Спаситель поставляетъ насъ въ положеніе просителей милостыни. Такъ Онъ велитъ намъ помнить зависимость нашу отъ Отца небеснаго даже въ земныхъ вещахъ. Человѣческая агрономія обѣщаетъ людямъ огромные доходы хлѣба всѣхъ родовъ; нуженъ только трудъ ума, и соберешь кучи золота, говоритъ она, гордая своими изобрѣтеніями. Но вотъ бѣда въ чемъ: для растеній необходимы теплота и свѣтъ солнца, необходимъ дождь современный; а всего этого не доставляетъ агрономія. И оказывается, что необходимо стать на колѣна предъ Отцемъ небеснымъ и просить милости. Мастеровой ли кто или поденщикъ, каждое утро чувствуютъ они нужду желать, чтобы послана имъ была работа: безъ того ни мастерство, ни силы не доставятъ имъ хлѣба. Болѣзнь, отнимаетъ у ученаго здоровье, нужное для труда, а иногда и силы ума: какъ же не молиться Ему о помощи высшей? Ты богатъ и думаешь, что не имѣешь нужды просить? Напрасно. Гордость твоя въ одинъ часъ можетъ лишить тебя всего. Берегись! *Еще брашну сущу во устѣхъ ихъ и гнѣвъ Божій взыде на ня и уби можайшія ихъ* (Псал. 77, 31). Когда представимъ мы перевороты, случающіеся въ мірѣ столько неожиданно, когда представимъ разрушеніе состояній, вполнѣ обезпеченныхъ, паденіе домовъ, самыхъ богатыхъ, низверженіе людей, такъ высоко стоявшихъ: какъ не вѣрить, что вполнѣ зависимы мы отъ высшаго правителя!

Законы природы, говорятъ, непреложны; къ чему же молитва

наша о хлѣбѣ? Если бы она необходима была только какъ дѣло покорности и смиренія предъ виновникомъ законовъ природы: и тогда она уже дѣло святое и спасительное для души. Но ни міръ не есть машина, а сочетаніе свободы съ необходимостію; ни Промыслитель міра не есть только художникъ, наблюдающій за правильнымъ ходомъ машины,—а Отецъ благій и мудрый, образующій свободныя существа перемѣнами случайнаго. Потому мольбы добрыхъ дѣтей о нужномъ для жизни Отецъ небесный выполняетъ, не стѣсняясь порядкомъ природы; потому капризныя дѣти, которыя не хотятъ сказать, что имъ нужно, остаются холодными и голодными, иногда, и вопреки надеждамъ на порядокъ дѣлъ. О! будемъ умными дѣтьми Отца небеснаго.

Даждь намъ, а не мнѣ. Мы должны просить у Отца небеснаго нужнаго не для себя только, но и для всѣхъ братьевъ нашихъ, для всѣхъ дѣтей Отца небеснаго. Того желаетъ общій нашъ Отецъ. Братъ мой! тогда какъ я и ты имѣемъ все нужное для жизни въ изобиліи, сколько есть такихъ, у которыхъ нѣтъ ни куска хлѣба, ни самой бѣдной одежды, а у нихъ еще куча дѣтей, холодныхъ и голодныхъ. Не было ли бы жестокостію преступною, если бы мы даже не вздохнули за нихъ предъ Богомъ? По наставленію Господа, хлѣбъ выпрашивается не мнѣ, а намъ. Слѣд., если тебѣ и мнѣ данъ хлѣбъ въ избыткѣ: то данъ онъ не для меня одного, какъ и не для тебя только. Зачѣмъ же удерживать у себя ту часть, которая дана не для меня? Не вѣрнѣе ли, не лучше ли для меня будетъ, если возвращу данное не для меня тѣмъ, для кого дано? Пророкъ говоритъ: *раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой и нищія безкровныя введи въ домъ твой, аще видиши нага—одѣй*. Что изъ того выдетъ, если выполню совѣтъ пророка? *Тогда*, говоритъ пророкъ, *разверзется рано свѣтъ твой,—слава Божія обыметъ тя. Тогда воззовеши и Богъ услышитъ тя и еще глаголющу ти речетъ: се пріидохъ* (Исаія 57, 7—9). О! какая милость Божія за желаніе жить не для себя одного! Такъ, братія, у насъ, какъ въ одной семьѣ, не должно быть раздѣленія: что дано одному въ избыткѣ, не долженъ онъ удерживать у себя. У насъ не должно быть зависти: если одному дано больше, чѣмъ мнѣ, я долженъ радоваться за него, долженъ благодарить за него Отца небеснаго, какъ за себя. У насъ не должно быть узкаго своекорыстія: мы должны просить покоя и счастія для другихъ, какъ и для себя.

Отецъ небесный! *хлѣбъ насущный даждь намъ днесь*! Аминь.

БЕСѢДА VI.

Сице молитеся: и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Святая забота наша о жизни земной: ее освятилъ для насъ Господь нашъ. Но что мы встрѣчаемъ въ жизни своей?... Тревоги совѣсти. И Тотъ, Кто знаетъ и жизнь и сердца наши, вслѣдъ за прошеніемъ о хлѣбѣ указываетъ молиться: *и остави намъ долги наша.*

О! какъ много у насъ долговъ предъ Богомъ! Мы грѣшники неоплатные должники предъ Богомъ.—Чего не получили мы отъ Бога? Онъ далъ намъ разумъ, далъ совѣсть, далъ чувства и свободную волю. Онъ далъ намъ законъ свой, далъ благодать для выполненія закона. Дары его должны мы употреблять въ славу Его; мы должны *не вотще принимать благодать Божію* (2 Кор. 6, 1), но съ ея помощію *жить цѣломудренно и праведно и благочестно* (Тим. 2, 12). Многое, очень многое должны мы дѣлать. Но выполняемъ ли свой долгъ? Такъ ли живемъ мы, какъ должны жить? не поступаемъ ли противъ внушеній разума и совѣсти? Не нарушаемъ ли закона Божія каждый день, каждый часъ? Пробужденная земными нуждами дѣятельность наша не переступаетъ ли предѣловъ должнаго, не является ли источникомъ прихоти, развлеченій суетъ и страстей? Какъ внимательны мы къ духу благодати? Не погашаемъ ли его въ себѣ мыслями, желаніями, дѣлами нечистыми? О! какъ много долговъ на насъ! Спаситель, сравнивая долги наши предъ Богомъ съ долгами ближняго предъ нами, оцѣниваетъ послѣдніе въ 100 динаріевъ, иначе въ 10 руб., а долги наши предъ Богомъ въ 10 тысячъ талантовъ, иначе въ 20 милліоновъ серебра. Какой страшный долгъ! Что будетъ съ нами, когда Богъ потребуетъ отъ насъ уплаты долга, потребуетъ отчета въ употребленіи даровъ Его? Чѣмъ уплатимъ Ему? У насъ ничего нѣтъ кромѣ растлѣннаго сердца, кромѣ крайней нищеты.—Чтоже остается намъ дѣлать, какъ не пасть предъ Отцемъ небеснымъ и молить: *остави намъ долги наша!*

Остави намъ. Но имѣемъ ли мы право говорить это? Ахъ, долги наши такъ велики, что они лишаютъ насъ смѣлости просить о прощеніи долговъ. Но кто велитъ намъ говорить: *остави намъ?* Сынъ Отца небеснаго! Онъ знаетъ волю Отца своего: Онъ единъ ходатай между Богомъ и человѣками, предавшій Себя въ искупленіе за всѣхъ (1 Тим. 2, 5). Такъ съ мыслію о Немъ, съ вѣрою

въ Него, смѣло повторяемъ: *остави намъ долги наша*. Совѣсть наша бываетъ слишкомъ отягчена тяжестію виновности нашей; она готова бываетъ говорить: *вящшая вина моя, еже оставитися*. Но вотъ принявшій на себя грѣхи человѣчества Сынъ Божій! Онъ наша защита предъ правосудіемъ Вѣчнаго: по Его волѣ свободно, съ упованіемъ молимся: *остави намъ долги наша*.

Странное дѣло! Какъ ни естественно, какъ ни законно для человѣка грѣшника чувствовать нужду въ прощеніи грѣховъ: и однако каждый ли изъ насъ искренно чувствуетъ эту нужду? Каждый ли искренно признаетъ себя грѣшникомъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ и нѣтъ! Къ сожалѣнію, многіе повторяютъ, если не устами, то сердцемъ слова фарисея: благодареніе Богу, мы не воры не прелюбодѣи, не убійцы, мы не то, что тотъ или другой изъ знакомыхъ нашихъ. Иной даже оскорбляется, если напомнятъ ему о долгѣ покаянія; въ чемъ, говоритъ, мнѣ каяться?... Отчего это такъ? Отчего такое печальное состояніе сердецъ? Оттого, что не понимаютъ ни себя, ни воли Божіей, по милости гордости. Гордость скрываетъ отъ насъ наши пороки и выставляетъ добродѣтели, въ которыхъ слишкомъ мало добраго; для гордости тяжело видѣть насъ въ худомъ видѣ и она то извиняетъ нечистоты наши, то вовсе пропускаетъ ихъ мимо глазъ. Она потемняетъ взоръ нашъ на наши отношенія къ Богу и на Его святость. Соединяясь съ суетностію и тщеславіемъ, въ шумѣ мірскихъ заботъ, она не слышитъ укоровъ совѣсти или считаетъ тѣ и другіе проступки малостію. Друзья мои! еслибы и чистая совѣсть наша, не омраченная страстями, не зазирала насъ въ тѣхъ или другихъ грѣхахъ: вспомнимъ что есть Тотъ, кто больше сердца нашего, есть умъ всевидящій и правда безпредѣльная. О! когда поставлены мы будемъ предъ судомъ правды вѣчной: свѣтъ правды Божіей откроетъ глубины сердецъ нашихъ и всѣ нечистоты ихъ. Тогда увидимъ мы въ себѣ, къ нашему ужасу, и гнусныя пожеланія похоти и жадность корысти и тайныя бѣсноватія тщеславія; тогда сознаемъ мы всю силу того, что ненавидящій брата есть человѣко-убійца. Тогда тѣ, которые считаютъ себя людьми честными, признаютъ себя и хищниками и убійцами и любодѣями. Братія! за гробомъ признаніе грѣховъ своихъ будетъ неистощимымъ источникомъ мукъ для насъ. Здѣсь тоже сознаніе, по милости Спасителя нашего,—исцѣленіе для души нашей. Будемъ же здѣсь каяться. Будемъ здѣсь гнать отъ себя обаянія гордости страхомъ суда Божія. Будемъ здѣсь искреннею душею говорить: *остави намъ долги наша*.

Остави намъ—якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

По наставленію Господа, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ просимъ мы

прощенія грѣховъ нашихъ, мы признаемъ себя обязанными не помнить о долгахъ ближняго.

Что такое долги ближняго? Долги наши предъ Богомъ суть грѣхи наши предъ Нимъ. Точно также долги ближняго предъ нами—грѣхи его противъ насъ,—обиды, клеветы, обманы, вражда и проч. При другомъ случаѣ Спаситель прямо замѣнилъ слово: *долги*, словомъ: *согрѣшенія*: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ*, говоритъ Онъ, отпустятъ и вамъ. Не разумѣются ли здѣсь и денежные долги? Дѣла гражданскія Спаситель предоставилъ разбирать властямъ гражданскимъ. *Кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами?* сказалъ Онъ (Матѳ. 12, 13, 14). *Царство мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. 18, 36). Такъ Онъ, заповѣдуя намъ не помнить долговъ ближняго, имѣетъ въ виду собственно долги совѣсти ближняго; ожидаетъ отъ насъ того, чтобы прощали мы обиды и неправды ближняго.

Остави намъ, якоже и мы оставляемъ. Не требуется ли отъ насъ, чтобы мы столько же грѣховъ прощали ближнимъ, сколько Богъ прощаетъ намъ? Нѣтъ, невозможнаго не требуютъ отъ насъ. Отъ насъ требуютъ только того, чтобы подражали мы благости Божіей, прощающей грѣхи наши. „Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и Я тебя помиловалъ“, говоритъ Господь жестокосердому, безпощадно потребовавшему взноса съ должника—брата (Мат. 18, 33). Ему прощено десять тысящъ талантовъ; а долгъ брата его состоялъ только въ 100 динаріяхъ. Въ цѣнѣ огромная разность между тѣмъ и другимъ долгомъ. Но ожидалась только готовность прощать. „Надлежало тебѣ помиловать брата, какъ и ты помилованъ“. Пусть долгъ брата очень малъ въ сравненіи съ твоимъ долгомъ; о томъ—ни слова; но ты виноватъ въ томъ, что тогда, какъ снисхожденіе оказанное тебѣ обязывало тебя быть снисходительнымъ къ другому, ты былъ безпощаденъ къ нему. Такъ объясняетъ намъ слова свои Спаситель!

При другомъ случаѣ Господь, показывая намъ обязанность нашу прощать другихъ, говоритъ: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще же не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѳ. 6, 14, 15). Вотъ какъ нужно, по словамъ Господа, прощать другаго! Если мы не простимъ брата: то и насъ не проститъ Отецъ небесный. Отчего это такъ? Съ одной стороны оттого, что Богъ любви требуетъ отъ насъ любви, и какъ любовь, не можетъ благоволить къ духу злости. Съ другой оттого, что душа, злобящаяся на другаго, какъ душа нераскаянная, не можетъ принять прощенія отъ Бога. Если бы живо чувствовала она

тяжесть грѣховъ своихъ предъ Богомъ: могли ли бы удержаться въ ея памяти неважные грѣхи брата? Ахъ! ей было бы не до чужихъ грѣховъ. И что значатъ грѣхи брата предъ нею въ сравненіи съ ея грѣхами предъ Богомъ? Они такъ малы и даже они—не оскорбленіе, а уроки въ добрѣ. Нѣтъ, если бы осталась въ ней какая либо мысль объ обидѣ: это значило бы, что еще не погасла въ ней строптивая гордость, столько неугодная Господу. Такъ находитъ душа искренно кающаяся. Но не такъ думаетъ душа злобящаяся. Самолюбіе не даетъ ей видѣть всю виновность ея предъ Богомъ; оно наполнило ее мечтами о своихъ преимуществахъ, о своихъ заслугахъ и бѣдная она въ гнѣвѣ на брата, коснувшагося ея личности. Судите же, какъ проститъ ей Богъ грѣхи ея, когда о прощеніи ихъ она не проситъ, когда считаетъ себя чуть не праведною? О! будемъ прощать грѣхи ближнему, чтобы прощены были наши грѣхи. Апостолъ учитъ насъ: „не сѣтуйте, братія, другъ на друга, чтобы не быть вамъ осужденными (Іак. 5, 9). Молитесь безъ гнѣва“ (1 Тим. 2, 8).

И однако, скажутъ, трудное дѣло—прощать обиды. Да, точно, трудно. Это видно и по опытамъ. Что видите вы въ лѣтописяхъ дѣлъ человѣческихъ? Длинный рядъ черныхъ дѣлъ злобы и мщенія. Печальная дѣйствительность! Но евангеліе Христово тѣмъ и отличается отъ грѣшнаго язычества, что любовь—законъ его. *О семъ познаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою,* сказалъ Господь. Евангеліе съ тѣмъ и низведено съ неба на землю, чтобы возвышать людей на небо, а не усыплять ихъ въ ихъ слабостяхъ. Трудно прощать обиды, но не то, что не естественно. Когда вы видите, что ближній вашъ подаетъ руку врагу своему и, вмѣсто мщенія, обнимаетъ его нѣжно: какъ это прекрасно, какъ это благородно, говорите вы! Значитъ, вы одобряете, высоко чтите дѣло любви; значитъ, вы не только не видите ничего оскорбляющаго природу, но сознаетесь, что этотъ поступокъ возвышаетъ душу. Если же и за тѣмъ не легкое дѣло забыть обиду кровавую: для христіанина готова благодатная помощь, которая ставитъ его выше слабостей природы. Помолитесь, и вамъ дана будетъ эта помощь.

Что дѣлать, если ближній не хочетъ мириться съ нами? Отъ насъ требуютъ, чтобы мы не воздавали зломъ за зло, чтобы въ нашей душѣ не было вражды къ другому, не было ничего похожаго ни на досаду, ни на холодность, и если нарушенъ нами долгъ любви, наказали бы себя за то раскаяніемъ чистосердечнымъ. Совѣсть же брата—не въ нашей власти,—предоставимъ ее Господу любви. Апостолъ учитъ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (Рим. 12, 18). Со всѣми, говоритъ, живите въ мирѣ, сколь-

ко это зависитъ отъ васъ. Слѣд., если мы хочемъ, но другой не хочетъ быть въ мирѣ: за этотъ не миръ не взыщутъ съ насъ.

Такъ, прося у Бога прощенія грѣховъ, мы должны погашать въ душѣ всякое непріятное чувство противъ ближняго. Какъ бы ни была тяжка обида, нанесенная намъ, мы должны забывать ее съ дѣтскимъ простодушіемъ. Того желаетъ отъ насъ Отецъ небесный; Онъ хочетъ возвысить насъ тѣмъ до Своей доброты, озаряющей лучами милости и добрыхъ и недобрыхъ. Будемъ же дѣтьми Его, чтобы съ свободною душею говорить предъ Нимъ: *остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ!* Аминь.

БЕСѢДА VII.

Сице молитеся. И не введи насъ во искушеніе.

Не окончились ли наши нужды испрошеннымъ примиреніемъ нашимъ съ Отцемъ небеснымъ? Да, еслибы грѣхъ составлялъ одну виновность въ насъ. Но кромѣ опасности обойденной, въ грѣхѣ есть опасность угрожающая впереди, есть *искушеніе*. Потому надобно еще молиться, какъ указалъ Господь: *и не введи насъ во искушеніе.*

Что значитъ искушеніе въ словахъ молитвы?

Если Господь повелѣваетъ молиться объ избавленіи отъ искушенія: то конечно это не есть искушеніе доброе, испытаніе въ добрѣ, а искушеніе злое или прельщеніе на грѣхъ.—Это такое же искушеніе, какое наводилъ діаволъ на Спасителя въ пустынѣ: *и скончавъ искушеніе діаволъ, отъиде отъ Него*, говоритъ евангеліе (Лук. 4, 13). Это тоже искушеніе, о которомъ говорилъ Спаситель ученикамъ: *молитеся да не внидете въ напасть* (Лук. 22, 40, 46), или въ искушеніе.

Апостолъ учитъ насъ: *никтоже искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ есть.* Богъ какъ самъ не искушается зломъ, которое—недоступно естеству Его: такъ и не искушаетъ ни кого на зло, какъ благій для всѣхъ. *Кійждо искушается отъ своея похоти, влекомъ и прельщаемъ* (Іак. 11, 13. 14).

Если же въ словахъ молитвы подъ искушеніемъ разумѣется прельщеніе на грѣхъ,—а такое искушеніе не можетъ происходить

отъ Бога: то ясно, что съ словами: *и не введи насъ во искушеніе*, совсѣмъ не должно быть соединяемо той мысли, будто Богъ можетъ когда либо вводить въ обольщеніе злое. *Не введи насъ во искушеніе* означаютъ: не попусти намъ увязнуть въ обольщеніяхъ грѣха.— Спаситель при другомъ случаѣ говоритъ: молитесь, *да не внидете* въ искушеніе (Матѳ. 26, 41), предостерегаетъ отъ того, чтобы свободнымъ произволеніемъ не вошли въ грѣховное состояніе, чтобы по воли своей не дали побѣды надъ собою грѣху. Отселѣ слова: *не введи насъ во искушеніе*, означаетъ: не попусти, чтобы произволомъ увлекались мы въ обольщеніе грѣха; иначе не допусти насъ до той глубины искушенія, чтобы мы лежали побѣжденными.

Искушенія увлекающія къ грѣху, находятъ на насъ отъ плоти, отъ міра, отъ діавола.

Плоть, подъ—которою разумѣется весь составъ поврежденной природы человѣческой, волнуется грѣховными движеніями и влечетъ человѣка—къ грѣху. *Плотъ похотствуетъ на духа*, „плоть желаетъ противнаго духу“, говоритъ апостолъ (Гал. 5, 17). Въ членахъ моихъ вижу другой законъ, который воюетъ противъ закона—ума моего“ (Рим. 7, 23).

Міръ, иначе общество людей живущихъ не по духу Христовой вѣры, склоняетъ ко грѣху, то обольстительными совѣтами и примѣромъ жизни своей, то злостію противъ подвижника благочестія; не понимая себя ни своихъ дѣлъ, онъ ласково приглашаетъ дѣлить его веселости, облекая ихъ въ обольстительные образы; но если жизнь ваша, даже безъ словъ, обличаетъ собою ничтожество и вредъ людей вѣка, они отвѣчаютъ на то негодованіемъ, платятъ ненавистію, клеветою, оскорбленіями,—докажемъ, говорятъ, что мы правы, а не онъ.

Самый же опасный искуситель на злое, по словамъ откровенія, есть *змій великій, змій древній, нарицаемый діаволъ и сатана, льстяй вселенную всю* (Апок. 12, 9).

Въ томъ, что есть прельщающіе насъ на грѣхъ или злые искусители, нѣтъ нашей вины; нѣтъ вины и въ томъ, если чувствуемъ, что тотъ или другой искуситель, такъ или иначе, искушаетъ насъ. Напротивъ воину вмѣняютъ въ заслугу, если твердо стоитъ онъ предъ лицемъ враговъ, принимаетъ и отражаетъ ихъ удары; точно тоже относится и къ христіанину, котораго апостолъ называетъ воиномъ и подвижникомъ Христовымъ (2 Тим. 2, 3). *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе* (Іак. 1, 12), говоритъ апос. Іаковъ. Бѣда наша въ томъ, если не побѣждаемъ прельщенія грѣховнаго, а побѣждаемся имъ, творимъ грѣхъ по внушенію ли плоти, или по совѣтамъ міра, или по настоянію діавола. Бѣда наша въ томъ,

когда обольстительный образъ не только принимаемъ мыслію, но утѣшаемся имъ,—мало того, усвояемъ его желаніемъ и того мало—переводимъ его въ кругъ дѣлъ нашихъ. Объ избавленіи отъ сей-то напасти повелѣваетъ Господь молиться: *не введи насъ во искушеніе.*

При нашей немощи, при порчѣ духовной природы нашей, какъ необходима намъ благодать Божія, чтобы побѣждать обольщенія грѣха! Ахъ! и великіе праведники, оставленные самимъ себѣ, подвергались тяжкимъ грѣхамъ. Давидъ допустилъ одинъ за другимъ два грѣха. Соломонъ увлеченный страстію къ женамъ впалъ въ идолопоклонство. Ап. Петръ, по излишней надеждѣ на себя, отказался отъ Христа Господа. Потому-то такъ необходимо взывать къ Отцу небесному о благодатной помощи противъ искушеній злыхъ. *Бдите и молитеся, да не внидите въ напасть: духъ бо бодръ, плоть же немощна* (Мат. 26, 41). Такъ говорилъ Спаситель ученикамъ своимъ предъ наступленіемъ опаснаго времени страданій своихъ. Намъ немощнымъ еще тверже надобно помнить эти слова Спасителя. Намъ еще болѣе надобно опасаться надежды на твердость свою и крѣпче молить объ укрѣпленіи благодатномъ.

О! Отецъ небесный! Тебѣ видны сѣти раскинутыя на путяхъ нашихъ; Тебѣ извѣстны наши немощи. Озаряй насъ свѣтомъ Твоимъ, чтобы призрачное добро не обманывало насъ собою и обманчивые случаи не увлекали насъ отъ путей Твоихъ; подкрѣпляй волю нашу въ борьбѣ съ грѣхами жизни.

Братія! если Господь повелѣваетъ намъ молить Отца небеснаго объ избавленіи отъ искушеній злыхъ: то это тоже значитъ, что помощь Отца небеснаго противъ нихъ готова для насъ, лишь бы мы молились искренно и усердно. *Призови мя въ день скорби твоея и изму тя* (Псал. 49, 15), говоритъ Господь.—Какъ бы сильно ни было злое искушеніе: не предадимся унынію,—будемъ твердо помнить, что благодать Божія сильнѣе всякаго зла. Чѣмъ сильнѣе искушеніе: тѣмъ крѣпче, тѣмъ настойчивѣе будемъ молить Отца небеснаго: *не введи насъ во искушеніе*, не попусти намъ быть побѣжденными грѣхомъ; Ты единъ всесильный и святый даруй намъ побѣду надъ грѣхомъ.

Братія! если мы слабы и искушенія легко могутъ побѣждать насъ: то необходимо намъ самимъ стараться отклонять отъ себя случаи, которые могутъ завлекать слабую душу въ грѣхъ. Если мы искренно молимся о сохраненіи насъ отъ искушеній: то не должны сами приближаться къ нимъ, прежде чѣмъ постигаютъ онѣ насъ. Мы молимся, да не поработитъ насъ плоть: зачѣмъ же заботливо питаемъ и грѣемъ сего врага и услуживаемъ ему какъ другу?

Молимъ, да не очаруетъ насъ міръ: а не открываемъ ли сами сердца нашего для обаяній его? Что значитъ въ такомъ положеніи нашемъ молитва объ избавленіи отъ искушеній? Низкое лицемѣріе и судъ надъ самими собою! Остережемся. Искушенія, горькія оскорбленія, несчастія—сами отталкиваютъ насъ отъ себя. Не таковы искушенія обольстительныя.—Онѣ пріятны кажутся намъ,—но тѣмъ болѣе опасны. Иная неопытность сама идетъ на встрѣчу такимъ искушеніямъ.—Бѣдная неопытность! чешуя змѣи играетъ разными переливами свѣта на солнцѣ: но бѣги отъ змѣи,—отвага не спасетъ тебя отъ дѣйствій яда ея.

Не введи насъ во искушеніе, Отецъ небесный. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

Сице молитеся. Но избави насъ отъ лукаваго.

Послѣднее прошеніе молитвы Господней: *но избави насъ отъ лукаваго.*

Доселѣ предметами прошеній были: хлѣбъ, долги, искушенія. Въ соотвѣствіе тому въ послѣднемъ прошеніи ожидается не личное что либо, а *лукавое,* зло,—и тѣмъ болѣе, что объ избавленіи отъ искушеній лукаваго уже молились мы. Въ древнемъ славянскомъ переводѣ читали: „избави ны отъ непріязни". Такъ это тоже самое прошеніе по своему предмету, какое возносилъ Спаситель за учениковъ своихъ: *не молю, да возмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни,* „отъ зла" (Іоан. 17, 15). „Мы просимъ, скажемъ словами православнаго исповѣданія, о избавленіи насъ отъ всѣхъ золъ, которыя человѣкъ съ трудомъ переносить можетъ, каковы голодъ, язва, война, пожары и другія подобныя. Просимъ человѣколюбіе Божіе отвратить все сіе отъ насъ". Разность сего прошенія отъ предшествующаго въ томъ, что тамъ молились мы объ избавленіи отъ опасностей грѣха, здѣсь просимъ избавленія отъ видимыхъ бѣдъ жизни.

Нѣтъ сомнѣнія, что покой и счастіе безъ всякихъ непріятностей, невозможны на землѣ проклятой. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что непріятности жизни оказываются полезными для души какъ мѣра отеческаго вразумленія Божія (Евр. 12, 10). Тѣмъ не менѣе тяжелы бѣды жизни для странника земнаго; немощная природа наша

невольно содрогается при ихъ приближеніи; и тѣмъ болѣе, что для слабыхъ душъ онѣ могутъ сопровождаться вредомъ нравственнымъ. Потому то не можемъ мы не воздыхать о избавленіи отъ тяжкихъ бѣдъ жизни. Съ другой стороны какъ ни неизбѣжны бѣды земныя для земнаго странника: но онѣ—случайное явленіе въ мірѣ Божіемъ, онѣ—печальное послѣдствіе грѣха. Должно же наступить время, когда упразднится и послѣдній врагъ—смерть, когда весь міръ обновится и откроется полное царство Божіе. Этого желаетъ Отецъ небесный, пославшій въ міръ Спасителя міра. Какъ же не желать того же, какъ не молить о томъ же дѣтямъ Отца небеснаго? Такъ святы молитвы наши, когда мы молимся, по наставленію церкви, о избавленіи „отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, отъ нашествія иноплеменникъ и междоусобныя брани". По тяжести скорбей жизни должны мы молиться о облегченіи сей тяжести, а по опасности ихъ для нравственности нашей должны мы испрашивать крѣпости сердцамъ нашимъ противъ сей опасности.—*Избави мя отъ клеветы человѣческія и сохраню заповѣди Твоя,* молился Давидъ, молившійся въ другихъ случаяхъ и объ избавленіи отъ другихъ бѣдъ. Христе Іисусе! во всемъ Ты и Сынъ Божій и Сынъ человѣческій. И тогда, какъ учишь насъ молиться, обращаешь взоръ на скорби земной жизни нашей, сострадаешь намъ, какъ Сынъ человѣческій: но учишь съ мудростію небесною. Земная мудрость горда на словахъ: она говоритъ, стоитъ ли обращать вниманіе на случайности земныя? И она же, когда приходится ей терпѣть горечи жизни, спѣшитъ избавиться отъ нихъ мѣрами преступными. На таково Твое ученіе. Ты даешь намъ видѣть жизнь земную, какова она есть и указываешь защиту противъ нее тамъ, гдѣ защита сильна и живительна для духа.

Не надобно забывать, братія, что бѣдность, болѣзни, безславная жизнь не рѣдко бываютъ послѣдствіемъ нашихъ же грѣховъ. Если таковы бѣды, испытываемыя нами: то справедливость требуетъ, чтобы молитва наша объ избавленіи отъ бѣдъ не возносима была лукавымъ сердцемъ, чтобы не скрывали мы ни предъ своею совѣстію, ни предъ Богомъ того, что эти бѣды наши дѣла грѣховъ нашихъ. Иначе тотъ истощилъ тѣлесное здоровье нечистою страстію, а горько жалуется на свою болѣзнь, какъ на незаслуженную. Другой кричитъ объ оскорбляющихъ его, какъ о гонителяхъ невинности, а о томъ ни слова, что самъ вызвалъ противъ себя оскорбленія, то раздражительностію нескромною, то тайными дѣлами самолюбія пронырливаго. Третій жалуется на нищету, тогда какъ приглашена она въ домъ его расточительною жизнію, или лѣностію. Не значитъ ли все это умножать грѣхи свои? Не значитъ ли при-

зывать на себя новый гнѣвъ Божій? Молчаливое терпѣніе во всякомъ случаѣ—долгъ нашъ. Когда же сами мы виновны въ страданіяхъ своихъ: тѣмъ болѣе надобно терпѣть. Тогда надобно каяться и каяться. Тогда надобно, если страданія доходятъ до глубины души, смиренно говорить предъ Богомъ: Господи! страданія мои—дѣло грѣховъ моихъ, но Ты знаешь немощь мою, научи меня терпѣнію, подай помощь израненному, облегчи заслуженное наказаніе.

Еще одно слово о злѣ, братія! Одинъ Господь знаетъ то время, когда намъ полезно и нужно освободиться отъ того или другаго зла. Онъ одинъ видитъ сердце наше, какъ не видимъ мы сами. Онъ видитъ, какъ не видимъ мы, исцѣлѣваетъ ли душа наша, врачуемая скорбями, или еще нужно продолжать лѣченіе? Онъ одинъ знаетъ, какое бремя можемъ мы поднять и какого не въ состояніи сдержать, а падемъ подъ тяжестію его, если не будемъ подкрѣплены десницею Его. Потому молясь объ избавленіи отъ зла, должны мы предавать себя въ волю Божію; молясь, должны говорить: да идетъ мимо насъ чаша страданій, но не наша, а Твоя святая воля да будетъ Отецъ небесный.

И такъ будемъ смиренны при встрѣчѣ съ скорбями жизни: съ сознаніемъ слабости своей, съ раскаяніемъ въ грѣхахъ своихъ, но покорные Отцу небесному будемъ говорить: избави насъ отъ непріязни.

БЕСѢДА IX.

Яко Твое есть царство и сила и слава, во вѣки вѣковъ; аминь.

Таково заключеніе молитвы Господней. Если не болѣе свѣта и силы, чѣмъ начало, то и не менѣе можетъ заключать оно, какъ слово Господа. Вниманіе благоговѣйное, по прежнему!

Точно ли это слова Господа? Да! съ славословіемъ читается молитва Господня въ евангеліяхъ сирскомъ и готѳскомъ, въ постановленіяхъ апостольскихъ и у св. Златоуста. Мало того—уже ап. Павлу извѣстно было это славословіе, только оно приводится имъ въ сокращенномъ видѣ (2 Тим. 4, 18). Такъ и не иначе можетъ оканчивать молитву душа благоговѣйная. Безъ славословія молитва не имѣетъ достойной полноты, оставаясь голосомъ чего-то похожаго на себялюбіе гордое. Потому и апостолъ предписываетъ: *во всемъ*

молитвою и моленіемъ со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются (Фил. 4, 6); т. е. поставляетъ въ обязанность соединять съ прошеніями славословіе.

Такъ молитва Господня возносила насъ на высоты духовныя и нисходила съ нами во глубины земной жизни и вотъ повергаетъ насъ въ упованіи и благоговѣніи предъ Всевышнимъ. Вотъ Отецъ твой, говоритъ она; ты можешь просить Его какъ сынъ, можешь просить Его о всемъ нужномъ для неба и земли, для времени и вѣчности: но прежде чѣмъ окончишь молитву, подумай, кто Онъ и преклонись предъ Нимъ.

Чудная связь заключенія съ молитвою. Въ немъ и основаніе надеждъ молитвы и благодарная хвала Отцу небесному.

Въ немъ основаніе надеждъ.—Все, о чемъ просили мы Отца небеснаго для себя—собственность единаго великаго, сильнаго и славнаго. Какъ не исполниться молитвѣ? И мы сами и все наше существованіе—въ Его власти и силѣ и назначено для славы имени Его. Если просили мы о прославленіи имени Его, о явленіи царства, о исполненіи воли Его въ насъ: то потому, что Ему принадлежитъ царство. Если просили о хлѣбѣ: то не потому ли, что Его сила? Если молили о сохраненіи отъ грѣха и бѣдъ: то слава Ему единому. Надежды наши—въ Немъ; онѣ тверды. „Что смущаешься, душа моя? Уповай на Бога. Онъ—спасеніе лица моего и Богъ мой“ (Псал. 41, 6). Прочь недовѣріе! Прочь малодушіе!

На Тебя уповаемъ и Тебя славимъ, Отецъ небесный! Уму нашему не обнять величія Твоего, безпредѣльный! Кто Ты Самъ въ себѣ, не въ состояніи понять мы. Называемъ Тебя такъ, какъ самъ Ты открылъ себя. „Я Іегова“—Сый, сказалъ Ты (Исх. 3, 14). *Отъ вѣка и до вѣка Ты еси* (Псал. 89, 2). *Камо пойду отъ духа Твоего? И отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси. Аще сниду во адъ, тамо еси* (Псал. 138, 7). Предъ кѣмъ же благоговѣть, если не предъ тѣмъ, кто одинъ существуетъ по себѣ? Предъ кѣмъ трепетать, какъ не предъ Вѣчнымъ и вездѣ сущимъ? Кого и славить, какъ не Того, для Кого все существуетъ, находя совершенство и блаженство въ Его славѣ? Тебя о Боже, славятъ міры небесные. Какъ ихъ много на тверди небесной! И всѣ они исполняютъ слово Твое. Они подобны необозримымъ стадамъ, повинующимся голосу пастыря своего. А міры духовъ незримыхъ,—херувимы, серафимы, начала, власти, престолы, господства совершаютъ разныя служенія предъ Тобою и тѣмъ блаженствуютъ. Тебя славятъ лики пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ, блаженныхъ. Тебя славитъ земля съ ея стихіями. Тебя славитъ церковь во всѣхъ концахъ вселенной. *Достоинъ еси, Господи, прі-*

яти славу и честь и силу, яко Ты еси создалъ всяческая и волею Твоею суть и сотворены (Апок. 4, 11).

Братія! что значатъ предъ Богомъ всѣ великіе міра—ученые, богатые, сильные, цари и вожди народовъ? И скудѣльныя созданія осмѣливаются возставать противъ воли Создавшаго? Несчастные! Что значите вы, которые такъ дерзко пересуживаете дѣла Безпредѣльнаго и рощете противъ промысла Его? Черви земные! слушайте голосъ Іеговы: *Гдѣ былъ еси, егда основалъ землю? Возвѣсти ми, аще вѣси разумъ. Кто положи мѣры ея? Или кто наведый вервъ на ню? Заградихъ море враты,—рѣхъ ему: до сего дойдеши и не прейдеши* (Іов. 38, 4. 5. 11). Что вы такое предъ Богомъ? Жизнь ваша—сонъ, богатства—мечта, знаніе—мракъ, слава и власть—пустота. Но когда люди отдаютъ Богу сердца свои, когда подчиняютъ волю свою святой волѣ Его, когда становятся *едино съ Нимъ* (Іоан. 17, 23): о! какъ тогда они велики! Они больше значатъ, чѣмъ солнце вселенной. Путники земли! „видите, какую любовь оказалъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть дѣтьми Божіими“ (1 Іоан. 3, 1).

И надежды и благоговѣйную хвалу запечатлѣваемъ словомъ: *аминь*, что значитъ: „истинно такъ“, или „да будетъ“.

Всей глубины молитвы Господней не исчерпать намъ: это не по силамъ нашимъ. Но какъ много пищи уму и сердцу и пищи самой лучшей и—тогда, какъ коснулись поверхности ея. О! когда бы молились мы такъ, какъ научаетъ молиться Господь! Сколько свѣта, сколько утѣшенія, сколько благочестія было бы въ душѣ нашей! Родители! учите дѣтей вашихъ молитвѣ Господней; объясняйте имъ значеніе словъ чудной молитвы. Это—лучшее, что можетъ дать имъ любовь ваша къ дѣтямъ.

Отецъ щедротъ и Богъ всякаго утѣшенія да будетъ съ нами, нынѣ и всегда. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ 10-е.

СЛОВА О ПРИШЕСТВІИ МЕССІИ.

СЛОВО I.

О ПРИШЕСТВІИ МЕССІИ.

Въ тотъ день, какъ празднуемъ введеніе пресв. Дѣвы во храмъ, церковь оглашаетъ насъ и пѣснію: *Христосъ раждается, славите!* Это значитъ, что указываютъ намъ въ посвящаемой Господу Ту, Которая назначена быть Дѣвою-Матерію Христа. *Христосъ раждается, славите*, повторяетъ церковь и въ продолженіи пяти недѣль, прежде чѣмъ наступитъ самое торжество о рожденіи Христа. Въ послѣдніе предпраздненственные дни воспоминаются праотцы, жившіе вѣрою въ ожидаемаго Мессію. Такъ св. церковь желаетъ, чтобы мы поставили себя въ благоговѣйное созерцаніе великаго событія, каково явленіе Спасителя міра. Она желаетъ, чтобы обозрѣвали мы пути промысла Божія, приготовлявшаго людей къ такому событію.

Послѣдуемъ же указанію св. церкви: посвятимъ предпраздненственныя недѣли размышленію о томъ, какъ благость небесная въ теченіи вѣковъ готовила людей къ явленію Спасителя міра.

Мы имѣемъ побужденіе къ тому и въ состояніи края. Здѣсь такъ много жалкихъ іудеевъ. Называемъ ихъ жалкими, потому что они въ толкотнѣ суеты земной и людскихъ мнѣній потеряли истинный смыслъ откровенія Божія, даннаго отцамъ ихъ. Любовь къ человѣчеству, любовь къ небесной истинѣ заставляютъ насъ желать имъ свѣта небеснаго. О когда бы они вмѣстѣ съ нами безпристрастно, съ чистымъ желаніемъ узнать св. истину, разсмотрѣли, о комъ говорили посланники Божіи, и съ благоговѣніемъ приняли Того, кого ожидали всѣ древніе праведники.

На первый разъ разсмотримъ первое обѣтованіе Божіе о спасеніи людей.

Нѣтъ нужды повторять здѣсь печальную исторію паденія праотцевъ нашихъ. Довольно сказать, что первый періодъ жизни человѣческой, краткій періодъ райской жизни, остался въ памяти всѣхъ народовъ. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ видно воспоминаніе

о бывшемъ золотомъ вѣкѣ на землѣ. Къ сожалѣнію, если съ одной стороны слишится справедливый плачъ объ утраченныхъ благахъ, съ другой вздыхаютъ совсѣмъ не о существенныхъ, самыхъ важныхъ, потеряхъ. Воздыхали и воздыхаютъ о томъ, что на землѣ было когда-то обиліе плодовъ земныхъ и тѣлесная жизнь не знала никакихъ нуждъ. Но то ли одно потеряно нами съ потерею рая? Необозримо великая утрата человѣка въ томъ, что потерялъ онъ Господа, удалился отъ общенія съ Богомъ, источникомъ свѣта, мира и блаженства вѣчнаго. Поставимъ же на эту точку созерцанія печальную судьбу человѣка и выслушаемъ, что возвѣститъ Богъ прародителямъ падшаго человѣчества.

И вражду положу между тобою и между женою. Такъ говоритъ Господь Богъ вслухъ Адама и Еввы змію-обольстителю, *нарицаемому діаволу и сатанѣ*, по изъясненію тайновидца (Апок. 12, 9). Для змія это—приговоръ осужденія, для человѣковъ—начало милости Божіей. Праотцы были вовлечены въ грѣхъ другимъ. Это не избавило ихъ отъ вины, потому что грѣхъ всетаки былъ дѣломъ воли ихъ. Но это облегчало вину ихъ предъ правосуднымъ, особенно же открывало путь для милости Божіей, когда обманутые принесли, хотя не совсѣмъ искреннюю, но сердечную, исповѣдь въ грѣхѣ (Быт. 3, 8). Вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ правда Божія назначаетъ наказаніе виновнымъ, благость Божія вноситъ въ открывшееся сердце ихъ животворные лучи вѣры и упованія. Господь Богъ, поражая проклятіемъ главнаго виновника грѣха, преподаетъ обѣщаніе спасенія обольщеннымъ. *И рече Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты... И вражду положу между тобою и между женою.*

Вражду положу. Несчастные обольщенные видѣли предъ собою смертельнаго врага своего. Прежде они не распознали его, явившагося въ видѣ совѣтника о счастіи невиданномъ. Когда же зло совершилось, когда стоялъ предъ ними Судія правды: они не могли не узнать врага своего и, узнавъ, почувствовали ненависть къ нему, отвращеніе отъ самаго вида его. Ахъ! не такъ ли бываетъ съ нами и по нынѣ? Пока не совершенъ грѣхъ, онъ кажется намъ даже пріятнымъ. Но не то чувствуемъ, когда уже допущено зло. Тогда оно мучитъ насъ собою. И однако обращается ли это въ постоянную вражду ко грѣху? Увы, *всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34), и самъ въ себѣ не имѣетъ силы освободиться отъ унизительнаго рабства. Потому то Самъ Богъ полагаетъ *вражду* между обольстителемъ и обольщенными. Здѣсь начало преобразованія духовной природы человѣческой.

И вражду положу—между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ

тоя,—новая свѣтлая черта обѣтованія. Милость Божія простирается не только на самыхъ падшихъ, но и на ихъ потомковъ. И какъ нужно было это утѣшеніе для обольщенныхъ! Могли ли безъ плача и горя подумать прародители о томъ, что лишили они рая не только себя, но и свое потомство? Могли ли безъ скорби и ужаса видѣть, какъ и ихъ дѣти будутъ страдать и умирать? Но вотъ благость небесная озаряетъ будущность лучемъ свѣта своего. Не ясенъ этотъ свѣтъ, но всеживителенъ. Вражда со зломъ полагается всесильною волею и для потомства обольщенныхъ.

Той твою сотретъ главу и ты будеши блюсти его пяту. Вотъ предпрекается уже не только вражда со зломъ, но и сокрушеніе зла. Очевидно, это—самая важная часть обѣтованія, самая утѣшительная вѣсть! Сѣмя иногда означаетъ одно лице въ потомствѣ. Такъ Сиѳъ названъ сѣменемъ Адама (Быт. 4, 25). Итакъ, поразитъ змія кто-то, имѣющій родиться отъ жены. И чудная особенность! Сѣмя жены, а не мужа, сотретъ змія. Значитъ, это будетъ потомокъ необыкновенный, котораго рожденіе совершится вовсе не по обыкновенному порядку природы. Такъ и пораженіе главы змія-діавола и необыкновенное происхожденіе мощнаго побѣдителя показываютъ, что обѣтованіе относится къ великому благодѣтелю человѣчества, къ Спасителю людей, къ Мессіи. И какъ такое значеніе обѣтованія согласно съ состояніемъ обольщенныхъ! Нравственное положеніе ихъ не исключало возможности принять высокое обѣтованіе. А какъ оно нужно, какъ оно утѣшительно было въ ихъ горькой участи!

Какъ понято это обѣтованіе прародителями? Послѣдующая исторія праотцевъ показываетъ, что они приняли это обѣтованіе за утѣшительное обѣтованіе о перемѣнѣ своей участи. Адамъ вскорѣ послѣ того, какъ произнесенъ грозный судъ Божій надъ виновными, наименовалъ жену свою: *жизнь* (Быт. 3, 20). Безъ мысли объ ожидаемомъ спасеніи это имя—насмѣшка надъ Еввою и ея дѣтьми. Высокое упованіе праотцевъ слышится также въ именахъ Каина (Быт. 4, 1) и Ноя (Быт. 4, 21). Если слова Еввы о Каинѣ будемъ понимать только такъ: „пріобрѣла я человѣка отъ Іеговы“, тогда какъ онѣ могутъ означать: „пріобрѣла я человѣка Іегову“: и тогда Евва, не имѣя надежды на Спасителя, должна была замѣнить ихъ совсѣмъ другими словами,—должна была сказать: несчастная мать, которая должна родить сына скорбей для однихъ скорбей. Еще непонятнѣе безъ мысли объ Искупителѣ надежды Ламеха на успокоителя Ноя, когда онъ ожидаетъ покоя не только для себя, но и для всей проклятой земли. Подобное должно сказать о жертвахъ, которыя приносились первыми людьми (Быт. 4, 3. 4). Жертва—плодъ упованія на

Бога; а упованіе безъ вѣры въ Искупителя недоступно для человѣка-грѣшника, когда онъ сколько нибудь понимаетъ себя.

Можемъ ли считать неважнымъ то, какъ понимали обѣтованіе, возвѣщенное праотцамъ въ церкви іудейской? Нѣтъ, голосъ преданія важенъ въ дѣлѣ объясненія писанія. Чтожъ находимъ въ іудейской церкви о первоевангеліи? Знаменитые таргумы (Іонаѳана, Онкелоса, іерусалимскій) принимаютъ это обѣтованіе за обѣтованіе о Мессіи. Р. Іойхинонъ (въ толков. Быт.) говоритъ: „хотя и явится Спаситель человѣковъ, который побѣдитъ діавола, но діаволъ не перестанетъ искушать людей. Потому и сказано о немъ: блюсти будетъ пяту". Іудеи въ своемъ символѣ исповѣдывали: „вѣрую вѣрою полною въ пришествіе Мессіи, который обѣщанъ намъ изначала". Такая вѣра видна и въ переводѣ 70 толковниковъ. Они словомъ: *Той*, несогласнымъ въ грамматическомъ отношеніи съ словомъ: сѣмя, даютъ разумѣть, что признаютъ въ сѣмени жены лице.

Для насъ христіанъ самый несомнѣнный руководитель при объясненіи в. завѣта—откровеніе новозавѣтное. А св. Павелъ называетъ Христа Іисуса рождаемымъ отъ жены (Гал. 4, 4), т. е. показываетъ исполненіе пророчества о сѣмени жены въ Христѣ Іисусѣ. Ап. Іоаннъ учитъ, что сынъ Божій *явился, да разрушитъ дѣла діаволя*, т. е. чтобы исполнить обѣтованіе о сокрушителѣ главы змія (1 Іоан. 3, 8). Самъ Спаситель говорилъ: *нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ* (Іоан. 12, 31): опять наставленіе о томъ, какъ надобно понимать обѣтованіе о побѣдителѣ змія.

Итакъ видите, братія, гдѣ началась заря нашего спасенія. Видите, какъ рано промышляетъ благость небесная о насъ. О! Боже мой! Ты такъ давно началъ свои заботы о моемъ спасеніи. А моя грѣшная душа такъ мало занята дѣломъ спасенія моего. Несмысленная, безчувственная душа моя! Приди въ себя. Сколько у людей заботъ во всю жизнь! Сколько хлопотъ и трудовъ объ удобствахъ жизни земной,—о лучшемъ земледѣліи, о лучшей торговлѣ, о лучшихъ машинахъ! А мысль о душевномъ спасеніи развѣ только изрѣдка; развѣ только какъ гость, и то постылый, посѣщаетъ душу? Въ порядкѣ ли это вещей? Господи, Спасителю нашъ! Посли благодатный свѣтъ твой, да озаренные имъ будемъ понимать, что всѣ удобства жизни земной безъ цѣли высшей—суета разрушительная и намъ надобно цѣнить выше всего вѣчное спасеніе души! Аминь.

СЛОВО II.

Христосъ раждается, славите!

Отецъ небесный, опредѣливъ спасти человѣка жертвою Сына своего, назначилъ временемъ выполненія совѣта своего конецъ вѣковъ (Гал. 4, 4), времена послѣднія (1 Тим. 4, 1); а до того времени положилъ вести людей къ цѣли ихъ ожиданіемъ Искупителя. Это чаяніе Онъ питалъ и укрѣплялъ въ избранныхъ и избранномъ народѣ пророчествами и преобразованіями, въ которыхъ тайна искупленія постепенно объясняема была людямъ, сообразно съ ихъ состояніемъ (Евр. I, 1. 1 Петр. I, 11).

Такъ было съ Авраамомъ и Іаковомъ! Такъ было съ Моисеемъ!

Высокое обѣтованіе дано было Аврааму, когда повелѣвалъ ему Богъ оставить свою родину и домъ. Ему сказано: *благословятся въ тебѣ вся племена земныя* (Быт. 12, 3).—Это обѣтованіе повторено было еще два раза, при чемъ въ одинъ разъ (Быт. 18, 18) благословеніе отнесено также къ народамъ земли,—въ другой (Быт. 22, 12) источникомъ благословенія поставленъ не Авраамъ, а его сѣмя. Исааку (Быт. 26, 4) и потомъ Іакову (Быт. 28, 12) подтверждено тоже обѣтованіе въ послѣднемъ его видѣ.

Разберемъ сперва составныя черты обѣтованія. Слово: *барахъ*, въ той формѣ, въ какой оно здѣсь употреблено, не означаетъ желать себѣ счастія, а значитъ быть счастливымъ, благословеннымъ (Втор. 29, 18. Псал. 11, 17, Іер. 4, 2).—Перваго значенія и потому нельзя допустить здѣсь, что иначе слова заключали бы странное преувеличеніе, которому не было бы никакого основанія въ дѣйствительности; т. е. тогда слова значили бы: всѣ племена земныя будутъ желать себѣ счастія, подобнаго Авраамову. Когда же это было? И что за счастіе странника земли чужой, кочевавшаго до гроба въ сопровожденіи скорбей разнаго рода? Далѣе, нельзя слова *земля* ограничить мыслію объ одной странѣ ханаанской и слова: *племена* или *народы*—мыслію объ однихъ обителяхъ Хананеи. Жители Хананеи могли ожидать себѣ отъ потомства Авраамова не благословенія, а истребленія. Такова была воля Божія о нихъ! (Быт. 15, 18,19). Такъ видимъ и по исторіи! Итакъ, смыслъ обѣтованія Божія о сѣмени Авраамовомъ—тотъ: отъ Авраама чрезъ Исаака и Іакова произойдетъ великій потомокъ и онъ будетъ источникомъ благословенія для всѣхъ народовъ вселенной.

Очевидно, это обѣтованіе, по самому величію своему, можетъ

быть отнесено только къ Спасителю міра. Мало показали бы въ себѣ смысла, если бы отнесли это обѣтованіе къ какому нибудь обыкновенному лицу.

Такъ объяснено это обѣтованіе въ новозавѣтномъ откровеніи Божіемъ. Ап. Петръ говорилъ собранію іудеевъ предъ храмомъ іерусалимскимъ: „вы сыны завѣта, который постановилъ Богъ съ отцами вашими, когда говорилъ Аврааму: сѣменемъ твоимъ благословятся всѣ племена земныя“ (Дѣя. 3, 25). Ап. Павелъ поучалъ: „писаніе провидя, что Богъ вѣрою оправдываетъ язычниковъ, предвозвѣстило Аврааму: въ тебѣ благословятся всѣ народы“ (Гал. 3, 8).

Очень извѣстно, что преданіе іудейской церкви признавало въ обѣтованіи, данномъ Аврааму, обѣтованіе о Мессіи [1]). Какъ понимали лучшіе потомки Аврааму, всего яснѣе показываетъ собою достойный внукъ его Іаковъ.

Полный надеждъ на благословеніе небесное, ожидаемое въ будущности, Іаковъ на одрѣ смертномъ исполняется духа пророчественнаго. Потомствамъ другихъ сыновей, кромѣ Іуды, назначаетъ онъ разныя благословенія земныя, и каждому свое особенное; Іудѣ говоритъ онъ: „Іуда! тебя восхвалятъ братья твои. Не отнимется скипетръ отъ Іуды и законоположникъ отъ чреслъ его, пока не придетъ спасающій (Шилогъ) и Ему—покорность народовъ“.

Пророчество о Шилогѣ—величественное, котораго нельзя приложить ни къ кому другому, кромѣ Мессіи. Къ кому изъ обыкновенныхъ потомковъ Іуды могутъ быть отнесены съ какою либо вѣроятностію слова: „Ему покорность народовъ“. Къ Давиду не относятся онѣ уже и потому, что еще долго и послѣ Давида не отнимался скипетръ отъ Іуды. Далѣе, значеніе спасающаго усвояютъ слову *Шилогъ* и производство слова (отъ шалахъ быть спасительнымъ) и самаританскій текстъ и извѣстность подобныхъ формъ, напр. шаломъ миръ въ значеніи умирителя(Мих. 5, 5. Исаія. 42, 6).— А кто же спасающій, если не Тотъ, Кто будетъ сокрушителемъ главы змія?

Преданіе іудейское постоянно принимало слова патріарха Іакова за пророчество о Мессіи. Въ самаританскомъ текстѣ читаютъ: „пока придетъ Умиритель“. Даже Ярхи писалъ, что древняя іудейская церковь признавала въ Шилогѣ Мессію. Онкелосъ переводилъ: „пока не придетъ Мессія, которому принадлежитъ царство и Ему покорятся народы“. Почти тоже читается въ іерусалимскомъ таргумѣ. Въ талмудѣ читаютъ: Р. Іоханонъ спрашивалъ о Мессіи: какъ имя

---

[1]) См. Martini Pugio fid. p. 593.

Ему? Ученики Рабби и Иллилъ отвѣчали: Шилогъ—имя его: ибо сказано (б. 49, 10) пока придетъ Шилогъ“ [1]).

Въ новозавѣтномъ откровеніи Мессія изображается побѣдоноснымъ львомъ колѣна іудова (Апок. 3, 5).

Такимъ образомъ въ пророчествѣ Іакова видимъ слѣдующія черты Мессіи: Онъ произойдетъ отъ колѣна іудова; придетъ въ то время, когда Іуда будетъ терять значеніе отдѣльнаго и правительственнаго племени; соберетъ подъ свою власть народы и будетъ спасителемъ людей.

Моисей, приближаясь къ смерти, въ утѣшеніе народу своему говорилъ, что Господь воздвигнетъ подобнаго ему пророка и того надобно слушать. *Пророка отъ братіи твоея, яко же мене, воздвигнетъ тебѣ Господь, того послушайте* (Втор. 18, 15). Это обѣщаніе повторяетъ отъ своего лица самъ Богъ (ст. 18) и присовокупляетъ, что изъ устъ пророка будутъ свободно слушать слово Іеговы, но отмщено будетъ непокорнымъ слову пророка (ст. 18, 19).

Не сонмъ пророковъ, тѣмъ менѣе Іисусъ Навинъ или Іеремія разумѣется здѣсь подъ именемъ пророка, а только Мессія. Такъ показываютъ самыя слова о пророкѣ. *Нави* обыкновенно означаетъ пророка, какъ лице недѣлимое, и если бы показывалось въ немъ имя собирательное, то сказано бы было: навимъ, а не нави. Съ другой стороны, цѣлый сонмъ пророковъ, тѣмъ болѣе Іисусъ Навинъ, не былъ тѣмъ, чѣмъ долженствовалъ быть пророкъ Моисея. Сей пророкъ долженъ быть равенъ Моисею по близости къ Богу, по значенію законодателя, по кротости духа; но вмѣстѣ слово его будетъ столько важно, что непокорные тому будутъ предметомъ мщенія Божія.

Преданіе іудейской церкви замѣтило, что послѣ Моисея *не возста къ тому пророкъ во израили, яко же Моисей* (Втор. 34, 9—10) и сохраняло вѣру въ пророка, предсказаннаго Моисеемъ, какъ въ Мессію. Такъ вѣрила древняя синагога [2]). Такую вѣру въ необыновеннаго пророка высказываетъ Филиппъ при встрѣчѣ съ Наѳанаиломъ (Іоан. I, 45) и жена самарянская, которая говоритъ: „знаю, что придетъ Мессія, т. е. Христосъ; когда Онъ придетъ, то изъяснитъ намъ все“ (Іоан. 4, 25). Отзывъ самарянки особенно важенъ, потому что это есть отзывъ преданія, принятаго еще до плѣна вавилонскаго, послѣ котораго самаряне уже не сообщались съ жидами (3 Цар. 17, 27).

Въ новозавѣтномъ откровеніи ап. Петръ, указывая въ Іисусѣ

---

[1]) См. Martini Pugio p. 599, 600, 251, 252.

[2]) Свидѣтельства *у Раймунда Мартини;* Pugio fidei p. 251, 252.

Мессію, приводитъ слова Моисея о пророкѣ. *Моисей убо ко отцемъ рече: пророка вамъ воздвигнетъ Господь* и пр. При этомъ отличаетъ онъ сего пророка отъ другихъ пророковъ и говоритъ о немъ, какъ о лицѣ недѣлимомъ: *аще пророка онаго не послушаетъ, истребится* (Д. 3, 22—24). Первомученникъ Стефанъ предъ цѣлымъ сонмомъ іудейскимъ поучалъ, что Моисей предсказывалъ о Мессіи, указывая въ отдаленной будущности великаго пророка (Д. 7, 37).

Итакъ, по пророчеству Моисея, Мессія будетъ пророкомъ столько близкимъ къ Іеговѣ, какъ близокъ другъ къ другу; будетъ ходатаемъ завѣта и законодателемъ; будетъ столько кротокъ, что при Немъ люди безбоязненно будутъ бесѣдовать съ Іеговою.

Слава премудрой благости Твоей, Отецъ небесный!

Вѣрно слово посланника Твоего: „всѣ они (патріархи) умерли въ вѣрѣ, не получивъ обѣтованій, а только издали видѣли ихъ и радовались и сказывали о себѣ, что они странники и пришельцы на земли“ (Евр. XI, 13).

СЛОВО III.

Христосъ раждается славите!

Кто бы ни слушалъ древнія пророчества о Мессіи, іудей ли или христіанинъ, слабый ли или сильный въ вѣрѣ: эти пророчества—отрадный свѣтъ для души.—Твердыхъ въ вѣрѣ онѣ вызываютъ благоговѣть предъ благостію и премудростію Божіею и питаютъ въ нихъ высокія надежды. Слабымъ въ вѣрѣ онѣ—опора въ вѣрѣ; онѣ, какъ свѣтильникъ, разгоняютъ мракъ сомнѣній и недовѣрій о тайнахъ спасенія нашего и какъ осязаемые опыты попеченія Божія о людяхъ—защита уму и сердцу противъ колебаній малодушія. О! какъ не изучать пророчества о Мессіи!

Возьмемъ книгу псалмовъ. Въ ней много пророчествъ о Христѣ. Здѣсь Мессія изображается то въ величественномъ видѣ, то въ видѣ смиренномъ, но такъ, что одни псалмы изображаютъ Его преимущественно въ славномъ видѣ, не опуская указать, что Онъ же терпитъ униженіе; другіе говорятъ преимущественно о смиренномъ состояніи Его, но вмѣстѣ указываютъ на славу Его. Изъ числа первыхъ разсмотримъ подробно второй псаломъ, изъ числа послѣднихъ—21 псаломъ.

Пѣвецъ втораго псалма зритъ возстаніе народовъ и князей на Бога и Его помазанника Христа, (ст. 1—3). Слышитъ гнѣвъ Іеговы и гласъ Его, нарекающій помазанника царемъ сіонскимъ, (ст. 4—6;) слышитъ голосъ самаго Помазанника, возвѣщающаго славное опредѣленіе о себѣ, (ст. 7—9). Обращаясь къ народамъ, повелѣваетъ благоговѣть предъ Нимъ, (10—12). Таково содержаніе псалма. Онъ начинается указаніемъ на униженное состояніе изображаемаго лица и подробно изображаетъ славу того же лица.

Преданіе іудейское постоянно видѣло въ сіонскомъ царѣ Мессію. Кимхи и Ярхи признавались, что, въ древнее время, іудейская церковь знала одно мнѣніе о второмъ псалмѣ, то, что это есть проповѣдь о Мессіи; но, прибавляетъ Ярхи, „для противоборства еретикамъ (т. е. христіанамъ), лучше относить его къ Давиду“. Не правда ли, что прибавка Ярхи—наивна и много значитъ для святой истины? Прибавимъ къ тому, что въ книгѣ сохаръ часто изображается Мессія словами втораго псалма.—„Съ Мессіею бесѣдуетъ во второмъ псалмѣ Іегова“, говоритъ берешитъ рабба. Тоже видимъ у Маймонида, Іоханана и въ разговорѣ іудея Трифона съ св. Іустиномъ [1]).

Новозавѣтное откровеніе указываетъ во второмъ псалмѣ Мессію. Апостолы, словами сего псалма, жалуются предъ Богомъ на возстаніе людей противъ Мессіи Іисуса. „Ты устами раба Твоего Давида сказалъ: что мятутся язычники“? и пр. Такъ исповѣдуются они (Д. 4, 25. 26). Ап. Павелъ, представляя полноту славы, въ какой св. пѣвецъ показываетъ Мессію словами: „Ты Сынъ Мой, я нынѣ родилъ Тебя“ (ст. 7), объясняетъ этимъ то воскресеніе Мессіи Іисуса (Д. 13, 33), то превосходство Его предъ ангелами (Евр. I, 5), то славу Его, какъ великаго первосвященника (Евр. 5, 5).

Псаломъ, самымъ содержаніемъ своимъ, показываетъ, что онъ относится только къ Мессіи. Къ Давиду не относится онъ уже и потому, что Давидъ не помазанъ на Сіонѣ; къ Соломону и потому, что Соломонъ не воевалъ ни съ кѣмъ. Въ текстѣ читаемъ: „Іегова сказалъ мнѣ: Сынъ мой, Я нынѣ родилъ Тебя“ (ст. 7). Если выраженіе „нынѣ“ въ устахъ вѣчнаго и не указываетъ на вѣчность, и если рожденіе примемъ здѣсь за осуществленіе предмета въ мысли: и тогда рожденіе Сына вѣчнымъ Отцемъ будетъ означать то, что Отецъ небесный открываетъ людямъ невѣдомаго для нихъ Сына, и что сей Сынъ есть собственный Сынъ Іеговы (Д. 10, 12. Рим. I, 4). „Почтите Сына, чтобы не прогнѣвался и вы не погибли. Блаженны всѣ уповающіе на Него“ (ст. 12). *Накашъ* означаетъ собственно оказывать благоговѣйное почтеніе (3 Цар. 13, 18.

[1]) См. Martini Pugio p. 285. 660.

Іов. 31, 27). А въ вет. завѣтѣ строго запрещалось оказывать благоговѣніе кому либо, кромѣ Бога (Псал. 117, 9. 145, 3. Іер. 17, 5 7. Мих. 7, 5. 7). Слѣд., если повелѣвается благоговѣть предъ Сыномъ, то тѣмъ указывается въ Сынѣ лице божественное. Нужно ли прибавлять, что такимъ можетъ быть развѣ только Мессія? Помазаннику сіонскому Іегова полагаетъ дать въ наслѣдіе народы и концы земли. Словами *эфсей гаарецъ*, по обыкновенному значенію ихъ, указываются крайніе предѣлы земли, а не Палестина (Псал. 18. 5. 45, 10. Исаія 40, 28). *Гоимъ* уже и потому, что стоитъ во множественномъ числѣ, не можетъ означать израильскаго народа, а, по употребленію, означаетъ языческіе народы (Псал. 6, 16. 20, 58, 6, 9. Іер. 6, 10. Іезек. 23, 30). Какой же сіонскій царь былъ властителемъ предѣловъ вселенной и народовъ языческихъ?

Содержаніе 21 псалма таково: страдалецъ молится предъ Іеговою о помощи, и въ молитвѣ изображаетъ наглости враговъ и жестокія страданія свои, ст. (1—22.) Услышанный Іеговою, благодаритъ Его и участниками благодарной жертвы своей выставляетъ израильтянъ и язычниковъ,(23—32).

Самыя слова псалма показываютъ, что въ немъ изображается Мессія. Въ псалмѣ страдалецъ говоритъ о своихъ скорбяхъ предъ всевѣдущимъ и святымъ; слѣд., изображеніе страданій и скорбей не можетъ быть увеличеннымъ. Между тѣмъ, слова (15 и 16 ст). представляютъ страдальца въ такомъ положеніи, что какъ бы самый составъ тѣлесный разсыпался у Него отъ страданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ здѣсь такія частныя черты страданій, такія подробности мученія, которыя, сами по себѣ, свидѣтельствуютъ о своей исторической дѣйствительности.—Но такого жестокаго страданія и съ такими частными обстоятельствами нельзя указать ни въ жизни Давида, ни въ жизни кого либо другаго изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Въ псалмѣ читаемъ: *каари іадай ве раглай*. 70 толковниковъ, сирскій переводчикъ, вульгата переводятъ: „пронзили руки мои и ноги мои“. Иначе нельзя и перевесть. Если будемъ читать такъ: „толпа злыхъ ходитъ вокругъ меня, какъ левъ вокругъ рукъ и ногъ“: выходитъ странность. Левъ ходитъ возлѣ рукъ и ногъ— небылица! Между тѣмъ *куръ*, вмѣсто *кararъ*, значитъ „пронзать“. Подобное слово, съ тѣмъ же значеніемъ, есть въ арабскомъ языкѣ. И раввины замѣчали, что въ лучшихъ спискахъ читается: *каару*.— И такъ страдальцу пронзаютъ руки и ноги. Но такая казнь вовсе неизвѣстна была во время Давида и его преемниковъ; она принята была у римлянъ въ позднее время. Обстоятельства, послѣдовавшія за избавленіемъ страдальца отъ бѣдъ, таковы, что онѣ принадлежатъ только исторіи Мессіи, (ст. 28). „Вспомнятъ и обратятся ко

Господу всѣ концы земли; поклонятся предъ лицемъ Его всѣ племена язычниковъ". Здѣсь „всѣ концы земли" соотвѣтствуютъ всѣмъ племенамъ язычниковъ. Слѣд., смыслъ тотъ, что народы языческіе всѣхъ странъ будутъ служить Богу истинному. Но обращеніе язычниковъ къ Іеговѣ—принадлежность времени Мессіи. *Яко Господне есть царствіе и той обладаетъ языки,* (ст. 29). Точнѣе: „Іеговѣ принадлежать будетъ царство и Онъ будетъ владѣть язычниками". Но уже по пророчеству Іакова видѣли мы, кому покорятся народы.

По всегдашней враждѣ противъ христіанства, особенно, когда 21 псаломъ есть почти исторія распятаго Христа Іисуса, надобно бы думать, что новые іудеи ни какъ не допустятъ въ немъ мысли о Мессіи. Однако извѣстно, что даже поздніе еврейскіе толкователи принуждены соглашаться на пророчественное значеніе псалма и на отношеніе его къ Мессіи. Напр. даже Ярхи на слова (27 ст.): „будутъ вкушать нищіе", замѣчаетъ: „во время избавленія нашего во дни Мессіи". Не только ст. 24, 27, 29 и 32, но даже ст. 8, 9 и 16 въ еврейскихъ толкованіяхъ объясняются о Мессіи [1]). Безъ сомнѣнія это было всего болѣе въ слѣдствіе уваженія къ преданію отцевъ, которое слышимъ въ іерусал. таргумѣ, въ сохарѣ и въ талмудѣ [2]).

Въ новозавѣтномъ откровеніи Іисусъ Христосъ повторяетъ на крестѣ слова псалма: *Боже мой, Боже мой, почто Ты меня оставилъ!* (Мат. 27, 46. Мар. 15, 34). Апост. Іоаннъ, говоря о томъ, какъ воины дѣлили одежду Христа Іисуса, присовокупляетъ: такъ сбылось сказанное въ писаніи: раздѣлили ризы мои по себѣ, Іоан. 19, 22—24. Ап. Павелъ объясняетъ о Мессіи слова: *возвѣщу имя Твое братіи моей*, Евр. 2, 12.

Мы могли бы привесть еще псалмы 44, 109 и 15. Пѣснь о бракѣ царя съ царскою дщерію въ псал. 44 не только Парафрастъ халдейскій и другіе древніе, но даже Абенэзра и Кимхи объясняютъ о Мессіи; не говоримъ объ апос. Павлѣ, (Евр. 1, 8. 9. Псал. 109) о царѣ-первосвященникѣ, которому Іегова говоритъ: *сѣди одесную Меня*, содержаніемъ столько ясно говоритъ о Мессіи, что іудейскіе книжники ни слова не могли сказать противъ такого объясненія его, высказаннаго Христомъ Іисусомъ, (Матѳ. 24, 41—46); да и противъ нихъ было бы тогда преданіе іудейское, признававшее въ псалмѣ пѣснь о Мессіи.Въ псалмѣ (15, 8—11), умирающій праведъ-

---

[1]) О Мессіи объясняютъ ст. 24 и 27 midrasch tehillim f. 17 Ст. 29 sohar num. f. 100. Ст. 32 midrasch tehillim, Ст. 8. 8 pesiktah rabbat in ialkut Simeoni f. 56. Midrasch tehillim. Ст. 16 pesithka col. 5.

[2]) См. Mishaelis comm. in Ps. p. 138. Schottgen. de Messia p. 232.

никъ говоритъ: что плоть Его не увидитъ истлѣнія; а этого нельзя отнесть къ Давиду, котораго плоть истлѣла, и апостолы показываютъ выполненіе сихъ словъ въ исторіи Мессіи Іисуса, (Дѣян. 2, 25—29. 13, 35—37).

Но довольно сказаннаго.

По книгѣ псалмовъ, Мессія—потомокъ Давида; противъ Него возстанутъ сильные земли; Онъ вытерпитъ невиданныя страданія и крестную смерть; низойдетъ во адъ и воскреснетъ; язычники узнаютъ отъ Него о Богѣ истинномъ; Ему покорятся народы вселенной; Сынъ Божій по естеству, Онъ соединитъ въ Себѣ царскую и священническую должность.

Вотъ чѣмъ полна была душа царственнаго пророка! Вотъ на кого указывалъ Онъ въ отдаленной будущности! Царь славный, царь торжествовавшій столько побѣдъ надъ сосѣдями, училъ ожидать счастія только отъ Спасителя міра; озаренный Духомъ Божіимъ, онъ пѣлъ славу и униженіе Его, величіе божественное и страданія необозримыя.

О! падемъ съ тѣмъ глубокимъ благоговѣніемъ предъ Царемъ Сіона, съ какимъ училъ поклоняться предъ Нимъ Давидъ. Сыны израиля, нынѣ еще усерднѣе, чѣмъ при Моисеѣ, кланяются тельцу золотому. Несчастные, „почтите Сына, чтобы Онъ не прогнѣвался и вы не погибли въ пути вашемъ“. Это говоритъ вамъ прор. Давидъ, а не мы! Аминь.

СЛОВО IV.

Послѣ того, какъ съ Іеровоамомъ десять колѣнъ отступили отъ истиннаго Бога и нечестіе начало болѣе и болѣе распространяться въ избранномъ народѣ,—весьма нужно было предохранить вѣру въ Спасителя и спасеніе особенною помощію. И Господь посылалъ пророковъ—вѣстниковъ своихъ. Говорили ли пророки о Мессіи? *Вси пророцы*, говоритъ новозавѣтное откровеніе, *предвозвѣстиша дни сія*—Мессіи (Дѣян. 3, 24; 10, 43).

Разсмотримъ нѣкоторыя пророчества Исаіи, Іереміи и Езекіиля.

Самое замѣчательное пророчество Исаіи, о Мессіи есть пророчество его о рабѣ Іеговы. (52, 13—53 гл.)

Прочтемъ это пророчество, въ точномъ его видѣ.

13. Се рабъ Мой будетъ дѣйствовать умно [1]).
Высокъ будетъ, прославится и будетъ весьма великъ.
14. Какъ отвращались тебя многіе: (Обезображенъ болѣе, нежели у человѣка [2]), видъ его и образъ его хуже, нежели у сыновъ человѣческихъ):
15. Такъ окропитъ [3]), Онъ народы многіе.
Цари затворятъ на счетъ Его уста свои:
Поелику они увидятъ то, о чемъ имъ не разсказывали
И услышатъ то, о чемъ никогда не слыхали.

53. 1. Кто вѣритъ слышанному нами? И мышца Іеговы кому открылась?
2. Взошелъ Онъ какъ отрасль [4]) предъ Нимъ,
Какъ отпрыскъ корня изъ земли сухой.
Ни вида у Него, ни красоты,
А мы смотрѣли на Него,
Ни образа, а [5]) мы желали Его.
3. Презрѣнъ [6]) и оставленъ людьми,
Мужъ скорбей, знакомый съ болѣзнями;
Онъ какъ человѣкъ, отъ котораго отвращаютъ лице [7]);
Мы презирали, ни во что ставили Его,
4. Онъ наши язвы понесъ
И наши болѣзни подъялъ.
А мы думали о Немъ,
Что Онъ пораженъ, измученъ, наказанъ Богомъ.
5. Но Онъ пронзенъ за наши грѣхи
И избитъ за наши беззаконія,
Наказаніе на Немъ для нашего мира,
Его ранами мы исцѣлены.
6. Всѣ мы блуждали какъ овцы,

---

[1]) Гишкилъ означаетъ и поступать умно и быть счастливымъ, въ первомъ значеніи принимали LXX Акила, Симмахъ; второе полустишіе не исключаетъ этого значенія.

[2]) Минъ въ словѣ: меишъ означаетъ сравненіе.

[3]) *Наза* во всякомъ случаѣ значитъ окроплять, отселѣ очищать, напр. окроплять жертвенною кровію, (Лев. 4, 6. 17; 6, 20. LXX) приняли производное значеніе: удивятся, вовсе безъ нужды, тогда какъ собственное необходимо: окропленіе заключаетъ мысль о радости, смѣняющей страхъ, (ст. 14).

[4]) *Каіонекъ* собственно „какъ ссущій“, переносно „какъ отрасль“, ссущая изъ корня соки. Послѣдняго значенія требуетъ второе полустишіе.

[5]) *Вавъ*, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, означаетъ противоположеніе. Пророкъ выражаетъ то, что іудейскій народъ ожидалъ Мессію.

[6]) У LXX: видъ его, прибавка, въ видѣ объясненія, но ненужнаго.

[7]) LXX: лица Его отвращаются; славянскій переводъ не вѣренъ и греческому.

Каждый шелъ своею дорогою.
Іегова возложилъ на Него
Грѣхи всѣхъ насъ.
7. Мучимъ былъ и Онъ терпѣлъ
И не отверзалъ устъ своихъ;
Какъ агнецъ, котораго ведутъ на закланіе,
Какъ овца предъ стригущимъ ее безгласная:
Такъ Онъ не отверзаетъ устъ Своихъ.
8. Въ тѣснотѣ судъ Его совершился [1]).
А родъ Его? Кто помышляетъ,
Что Онъ ссѣкается съ земли живыхъ,
И приведенъ на смерть [2]) за нечестіе народа моего?
9. Съ нечестивыми назначаютъ Ему гробъ,
А у богатаго могила Его.
Онъ не дѣлалъ обиды
И въ устахъ Его не было лукавства.
10. Іеговѣ угодно было, чтобы сокрушила Его болѣзнь.
Когда же Онъ предастъ душу Свою въ жертву за грѣхъ,
Онъ узритъ сѣмя, будетъ долгоденствовать,
И воля Іеговы рукою Его исполняться будетъ успѣшно
11. Послѣ труда души Своей Онъ насладится,
Насытится вѣдѣніемъ Своимъ,
Многихъ оправдаетъ Онъ, праведникъ, рабъ мой,
И вины ихъ на Себѣ понесетъ.
12. Посему я дамъ Ему великихъ въ удѣлъ
И сильныхъ будетъ дѣлить какъ добычу.
Это за то, что Онъ предалъ душу Свою на смерть.
И причисленъ былъ къ преступникамъ;
А Онъ понесъ на Себѣ грѣхи многихъ
И за беззаконныхъ представилъ Себя ходатаемъ.

Кто этотъ рабъ Іеговы?

Всѣ черты Его таковы, что, безъ оскорбленія здравому смыслу, не могутъ быть приложены ни къ кому, кромѣ Мессіи.

Нѣкоторые хотѣли видѣть здѣсь лице собирательное—народъ іудейскій или лучшую часть его, другіе—Исаію или Іеремію.

Но лица собирательнаго нельзя здѣсь признавать уже и потому, что лицу собирательному не приписываютъ души личной (53, 10. 11); нельзя его хоронить во гробъ (53, 9); нельзя называть мужемъ скорбей (53, 2). Къ тому же рабъ Іеговы страдаетъ за на-

[1]) LXX читали: мишпато.

[2]) LXX читали; ламотъ,—а нынѣ читаютъ: ламо. Первое согласно съ первымъ полустишіемъ.

родъ и слѣд. не есть самый народъ. Исаію или Іеремію нельзя видѣть въ рабѣ Іеговы уже и потому, что ни тотъ, ни другой не выходилъ тощею отраслію изъ земли сухой (53, 2): первый по преданію родился отъ царскаго рода, еще сильнаго тогда; послѣдній былъ священникъ, потомокъ рода Ааронова, пользовавшагося тогда своими правами. Затѣмъ и все прочее у пророка приложимо только къ Мессіи и ни къ кому другому. Никто изъ людей не страдалъ такъ жестоко и въ страданіяхъ своихъ никто не былъ такъ кротокъ, такъ покоенъ, какъ спокойно терпитъ муки рабъ Іеговы (53, 7). Напр. самый Іеремія, тѣснимый скорбями, проклиналъ день рожденія своего (Іер. 20, 7—10. 14—18; 15, 19—21). Не только о народѣ іудейскомъ, всегда своевольномъ и мятежномъ, но и ни о комъ изъ этихъ лучшихъ людей пророкъ не могъ сказать, что въ устахъ его не было лжи и онъ не творилъ никакой неправды, (53, 9), что онъ—праведный рабъ Іеговы (ст. 11). И пророку и его современникамъ извѣстно было, что всѣ люди грѣшны и раждаются съ грѣховными наклонностями (Быт. 8, 21. Іов. 14, 14. Псал. 50, 7). Рабъ Іеговы страданіями своими искупляетъ людей отъ наказаній за грѣхи и примиряетъ съ Богомъ. Это такая черта, которая существенно принадлежитъ Мессіи. И эта черта такъ ясно изображена въ пророчествѣ о рабѣ Іеговы, что всѣ усилія изгладить ее останутся напрасными. У пророка читаемъ, (53, 5): *„Онъ пронзенъ за наши грѣхи и избитъ за наши беззаконія; наказанія на Немъ для нашего мира, ранами Его мы исцѣлены.* Ст. 6: *Іегова возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ.* Ст. 8: *Онъ приведенъ на смерть за нечестіе народа Моего“*. Не вполнѣ ли ясно и опредѣленно говоритъ пророкъ, что рабъ Іеговы страдаетъ за людей и страданіями доставляетъ имъ покой? Но пророкъ говоритъ еще: *Онъ предастъ душу свою въ жертву за грѣхъ*, (35, 10). *Ашамъ* собственно значитъ грѣхъ, потомъ жертву за грѣхъ. Потому какъ жертва за грѣхъ, приносившаяся, по закону Моисееву, освобождала приносившаго отъ наказанія опредѣленнаго закономъ: такъ смерть раба Іеговы есть очистительная жертва предъ судомъ Іеговы.

Преданіе іудейское принимало пророческую рѣчь Исаіи о рабѣ Іеговы за пророческое изображеніе Мессіи. „Какъ имя Мессіи? спрашиваетъ талмудъ, и отвѣчаетъ: болѣзненный, какъ сказано: Сей грѣхи наши несетъ и за насъ болѣзнуетъ“ [1]). Раввинъ Мойше Гершенъ, объясняя (Быт. 1), пишетъ: „Господь святый и благословенный сказалъ: Мессія! праведникъ мой! грѣхи людскіе наложатъ на тебя тяжелое иго: очи твои не увидятъ свѣта, уши твои услышатъ ужас-

[1]) Tract. Talmudi babylon. dist. cholek.

ныя поруганія.... Согласенъ ли Ты на все это? Если нѣтъ: истреблю людей грѣшныхъ. Мессія отвѣчалъ: съ радостію принимаю всѣ страданія, съ тѣмъ, чтобы Ты воскресилъ всѣхъ, начиная съ Адама и спасъ не только ихъ, но и всѣхъ, которыхъ Ты предложилъ сотворить. Святый и благословенный Богъ согласился. Тогда Мессія съ радостію принялъ на себя всѣ страданія, какъ написано: *Той зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ* (Исаія 53, 7)". Размышленіе, замѣчательное въ высшей степени! Здѣсь видимъ и вѣру преданія о рабѣ Іеговы какъ о Мессіи; видимъ и то, что вѣра лучшихъ древности іудейской не мечтала о земномъ славномъ царствѣ Мессіи, а видѣла въ Немъ страдальца Искупителя, согласно съ вѣщаніями пророка. Ту же вѣру о рабѣ Іеговы видимъ въ другихъ памятникахъ іудейскаго преданія [1]). Послѣ того очевидно, что мнѣнія Кимхи и подобныхъ ему о рабѣ Іеговы—не болѣе, какъ плодъ упорной вражды противъ истины, и потому только жалки.

Новозавѣтное откровеніе ясно учитъ насъ, что пророчество о рабѣ Іеговы есть пророчество о Мессіи. Господь Іисусъ, говоря о томъ, что Ему надобно пострадать, свидѣтельствовался словами пророка. *Должно*, говорилъ, *исполниться на Мнѣ и сему слову писанія: и къ злодѣямъ причтенъ* (Лук. 22, 37. Исаія 53, 12). *Должно исполниться:* это выраженіе гораздо опредѣленнѣе и сильнѣе того, когда говорится: *да сбудется:* оно прямо показываетъ, что страданіе Іисуса совершилось въ исполненіе воли Божіей о Мессіи, возвѣщенной пророкомъ. Ибо то, прибавилъ еще Господь, *что предсказано о Мнѣ, приходитъ къ окончанію* (Лук. 22, 37). Говорятъ, что евангелистъ Маркъ (15, 28) приводитъ слова пророка не отъ лица Господа, а отъ своего имени и при другомъ случаѣ. Но ослабляетъ ли это силу доказательства? Напротивъ, усиливаетъ. Это значитъ, что и евангелистъ показывалъ въ пророчествѣ Исаіи предсказаніе о Мессіи. Апостолъ Филиппъ, на вопросъ евнуха: о комъ говоритъ пророкъ: *какъ овца веденъ былъ на заколеніе*, отвѣчалъ благовѣствованіемъ о Христѣ Іисусѣ (Дѣян. 8, 32—36). Точно также объясняютъ пророчество о рабѣ Іеговы ап. Петръ 1 Петр. 2, 22—25 и ап. Іоаннъ 12, 38.

Такимъ образомъ въ пророчествѣ Исаіи о рабѣ Іеговы а) кромѣ проповѣди о Мессіи, какъ о духовномъ владыкѣ народовъ, б) самымъ яснымъ образомъ говорится о Немъ, какъ объ Искупителѣ

---

[1]) Мелхита въ Ялкутѣ Рубени 2 f. 30 P. Гупне сказалъ отъ имени P. Ахи: на три части раздѣлены всѣ казни, одну понесли Давидъ и патріархи, другую—родъ нашъ, третью—царь Мессія, поелику говорится: и Онъ изъязвленъ. Тоже въ Сагарѣ in Genes. f. 29. Другіе отзывы у Райм. *Мартини* Pugio fid. P. 3. dift. 3. c. 16. P. 2. cap. 9, 11, 12, у *Шетгена* Horae hebraicae 6. s. 6.

рода человѣческаго. Также, какъ у Давида, описаны въ этомъ пророчествѣ униженіе Мессіи въ мнѣніи людей, страданія и смерть Его. Но прежде Исаіи никто не изображалъ изумительнаго терпѣнія и кротости Мессіи. Особенно же никто такъ ясно и такъ прямо не поставлялъ страданій Мессіи въ связи съ спасеніемъ людей. *Когда Онъ предастъ душу свою въ жертву за грѣхъ: то увидитъ сѣмя*, (ст. 10). Слѣд., размноженіе послѣдователей и ихъ жизненная сила состоитъ въ зависимости отъ смерти Мессіи. Какое чудное значеніе страданій Мессіи! *я далъ ему великихъ въ удѣлъ и сильныхъ дѣлитъ Онъ будетъ какъ добычу; это—за то, что Онъ предалъ душу свою на смерть*, (ст. 12). Итакъ вся исторія христіанства есть плодъ смерти Христовой. в) Частная черта Мессіи здѣсь черта происхожденія его. *Взошелъ Онъ какъ молодой ростокъ, какъ отпрыскъ корня изъ земли сухой*, (ст. 2). Другая черта, болѣе поразительная своею частностію, есть слѣдующая: *съ нечестивыми назначаютъ гробъ ему, но у богатаго могила его*, (ст. 9).

Пророки Іеремія и Езекіиль жили тогда, какъ нечестіе іудеевъ призывало и призвало на нихъ гнѣвъ Божій—плѣнъ вавилонскій.

У пр. Іереміи читаемъ: *вотъ наступаютъ дни, говоритъ Іегова, когда Я заключу съ домомъ израилевымъ и съ домомъ іудинымъ новый завѣтъ*, (33, 31). Ясно, что ветхій завѣтъ замѣнится новымъ. Далѣе говоритъ Іегова: *я начертаю законъ мой во внутренности ихъ и напишу на сердцѣ ихъ* (ст. 33). Ясно, что обрядовый законъ отмѣнится и замѣнится духовнымъ. Еще сказано, что тогда всѣ будутъ знать Іегову, безъ помощи наставника и грѣхи будутъ забыты Іеговою, (ст. 34). Это пророчество читаемъ у пр. Іереміи и въ другой разъ, (32, 37—40). Оно же два раза возвѣщено пр. Езекіилемъ, (11, 17—20. 36, 24—29). У Іереміи Іегова говоритъ: *дамъ имъ смыслъ одинъ и путь одинъ, чтобы боялись Меня во всѣ дни* (32, 39). У Езекіиля: *дамъ имъ сердце одно и духъ новый вложу въ грудь ихъ* (11, 19. 36, 26). Это измѣненіе пути жизни—очевидный плодъ того, что законъ начертывается на сердцѣ?

Что это за новый завѣтъ?

Уже извѣстно намъ, что обильное познаніе Іеговы и прощеніе грѣховъ—принадлежности времени Мессіи, (псал. 109, 26, Исаія 53, 6. 8). Затѣмъ отъ кого и ожидать, какъ не отъ Мессіи, полнаго перерожденія души. Отъ кого и ожидать, если не отъ Мессіи, постановленія новаго завѣта Бога съ человѣкомъ? Послѣ плѣна вавилонскаго до времени Христа Іисуса нельзя остановиться ни на какой эпохѣ іудейской, къ которой, съ какою либо вѣроятностію, можно бы было примѣнить высокія надежды пророковъ.—Царство израильское не возстановлялось болѣе послѣ его разрушенія; да и сказано, что это—

завѣтъ не такой, какой заключенъ при Моисеѣ, слѣд. дѣло идетъ не о политическомъ бытіи народа. Итакъ, пусть не питаютъ мечты будто обрядовый законъ есть законъ вѣчный, не отмѣнимый. Пусть твердо знаютъ, что по волѣ Божіей во время Мессіи обрядовый законъ замѣнится духовнымъ.

У пр. Іереміи еще читаемъ обѣтованіе Божіе: *вотъ идетъ время, говоритъ Іегова, когда возращу я отъ дома Давидова лучшую отрасль, онъ будетъ господствовать какъ царь, будетъ мудръ и владѣть правомъ и правдою. Во дни его Іуда будетъ съ спасеніемъ и израиль будетъ жить безопасно. Сіе имя, которымъ назовутъ Его: Іегова правда наша,* (23, 5, 6).

Напрасно стали бы искать между властителями іудеевъ, къ кому могли бы быть отнесены слова пророка. Послѣ плѣна вавилонскаго только правитель Зоровавель былъ потомкомъ Давида, но онъ не былъ царемъ, и при немъ іудейскій народъ не пользовался ни счастіемъ, ни обиліемъ правосудія. Слѣдовавшіе за тѣмъ правители не были и потомками Давида. Остается признать здѣсь Мессію. Такъ и вѣрило іудейское преданіе. Парафрастъ халдейскій такъ переводитъ первыя слова пророчества: „вотъ идутъ дни, говоритъ Іегова, когда я воздвигну Давиду Мессію правды“. Медрашъ Тегиллимъ на псал. 21 говоритъ: „Мессія называется именемъ Божіимъ; ибо написано: сіе имя Ему, которымъ назовутъ Его: Іегова праведный нашъ“.

Прославимъ Отца небеснаго, столько милостиваго къ людямъ! Тогда, какъ люди только оскорбляютъ Его разсѣянностію, забывчивостію простирающеюся до потери смысла; тогда какъ люди строятъ себѣ на землѣ боговъ, къ своей погибели, Онъ, благость вѣчная, не престаетъ имъ повторять, гдѣ счастіе ихъ, гдѣ миръ, гдѣ свѣтъ. Слава и хвала Тебѣ, Боже нашъ! Аминь.

СЛОВО V.

О ПРИШЕСТВІИ МЕССІИ.

Христосъ раждается: славите.

Во время плѣна вавилонскаго, воздыханія искреннихъ чтителей Іеговы о спасеніи усиливались отъ тяжести скорбей времени. Іудеи невольно спрашивали: когда же, Господи, придетъ такъ давно ожидаемый Мессія? И вотъ пр. Даніилу предо-

ставлено было преимущество зрѣть и открывать время выполненія давно ожидаемыхъ событій. Избираемъ для разсмотрѣнія нашего пророчество его о седьминахъ.

Когда Данiилъ, въ постѣ и сокрушеніи (9, 3), возносилъ къ Богу молитвы, дабы не медлилъ Онъ избавить свой народъ отъ плѣна (9, 19, 20): является ангелъ Гавріилъ и показываетъ времена спасенія.

Ангелъ говоритъ пророку: *семьдесять седьминъ сократишася* нехтахъ—отсѣчено, опредѣлено) *о людехъ твоихъ и о градѣ твоемъ святѣмъ, яко да скончается грѣхъ и запечатаются грѣси* (скроются какъ буквы въ запечатанномъ письмѣ (Iер. 32, 11, 14 Iов. 37, 7. Дан. 12, 4) *и загладятся неправды и приведется правда вѣчная и запечатается видѣніе и пророкъ и помажется Святый святыхъ. И увѣси и разумѣеши, отъ исхода словесе, еже отвѣщати* (о возстановленіи) *и еже соградити Iерусалимъ даже до Христа* (Мессіи) *старѣйшины седьминъ седьмъ и седьминъ шестьдесять двѣ: и возвратится* (возстановится) *и соградится стогна* (обстроится площадь) *и забрала* (стѣна) *и истощатся лѣта* (но въ тѣснотѣ временъ).—*И по седьминахъ шестидесяти двухъ потребится помазаніе* (Мессія) *и судъ небудетъ въ немъ* (но не за себя). *Градъ и святое разсыплется со старѣйшиною грядущимъ* (и городъ и святилище опустошитъ народъ вождя, который идетъ) *и потребится яко въ потопѣ и до конца рати сокращенныя чиномъ погибельми* (и до конца войны опредѣлено опустошеніе). *И утвердитъ завѣтъ мнозѣмъ седьмина едина, въ полъ-же седьмины отымется жертва и возліяніе* (приношеніе) *и во святилищи мерзость запустѣнія будетъ* (у Росси въ одномъ спискѣ „убехеколъ іегце шикоцъ“ и въ храмѣ будетъ мерзость; по обыкновенному чтенію: на крылѣ (храма) мерзость опустошенія) *и даже до скончанія времени скончаніе дастся на опустошеніе* (и даже до мѣры полной и опредѣленной прольется (гнѣвъ) на опустошаемое мѣсто).

Нельзя оставить безъ краткаго обзора времени, показываемаго у пророка.

Сказавъ вообще, что должно произойти въ наступающія 70 седьминъ (ст. 25), архангелъ въ частности отдѣляетъ 7 седминъ для возстановленія Iерусалима; пройдутъ еще 62 седьмины и „истребленъ будетъ Мессія“. Послѣдняя седьмина утвердитъ новый завѣтъ и за тѣмъ послѣдуетъ совершенное разореніе храма, города и народа. Началомъ счисленія седьминъ назначается *исходъ словесе* о возстановленіи Iерусалима, т. е. обнародованіе указа царскаго о томъ (Есѳ. 1, 10, 12). Что разумѣется у пророка подъ седьминами? У древнихъ іудеевъ извѣстны были седьмины двоякаго рода—седьмины

дней (Дан. 10, 2. 3. Езек. 45, 2) и седьмины лѣтъ (Лев. 25, 8. Быт. 29, 28). Поздніе іудеи прибавили къ тому седьмину седмилѣтій, оканчивающуюся юбилейнымъ годомъ. Въ разсматриваемомъ пророчествѣ нельзя разумѣть седьмины дней. Въ продолженіи 7 седьминъ дней или въ 49 дней нельзя было обстроить площади и стѣнъ города (ст. 26): тѣмъ болѣе въ промежуткѣ 70 седьминъ дней или въ 490 дней не могли умѣститься всѣ тѣ событія, о которыхъ говоритъ архангелъ. Къ тому же, когда седьминою означается недѣля, то называется она прямо седьминою дней (Дан. 10, 2. 3). Напрасно поздніе іудеи, въ защиту себѣ отъ обличеній христіанскихъ, придумали для Даніила седьмины седмилѣтій: въ такомъ случаѣ второму храму ихъ надлежало бы строиться 323 года, чего на дѣлѣ вовсе не было. За тѣмъ, остаются для пророчества Даніилова седьмины лѣтъ. По пророчеству, для построенія храма назначены семь седьминъ, слѣд. 49 лѣтъ. По книгѣ Ездры и по исторіи Флавія извѣстно, что сосѣдніе народы усиленно препятствовали іудеямъ въ построеніи храма,—то клеветами при дворѣ персидскомъ, то даже вооруженною рукою; потому естественно, что не прежде 49 лѣтъ окончилось построеніе втораго храма. По пророчеству отъ начала седьминъ до истребленія Мессіи старѣйшины 69 седьминъ, слѣд. 483 года.

Кто разумѣется подъ Христомъ старѣйшиною? Имя Помазанника-Мессіи (ст. 25, 26) есть обыкновенное имя Того, Кого такъ давно ожидали: оно усвоено Ему Давидомъ, (Псал. 2, 2. и Исаіею 11. 1.) Имя старѣйшины или князя также давно стало именемъ обѣщаннаго Спасителя, (Псал. 2, 5. Исаія 11, 10. 55, 4). Святымъ святыхъ называется у пророка не часть храма, такъ какъ весь храмъ назначается къ разрушенію, а не къ освященію, ст. 27, и назначать освященіе только для одной части храма было бы странно. Напротивъ, это наименованіе есть собственное имя того, кто по словамъ Исаіи, не творитъ неправды и лжи, (53, 10, 12, 6). По пророчеству, старѣйшина истребленъ будетъ, (ст. 26), т. е. насильственною смертію (см. Зах. 13. 8. 9. Іер. 10, 3, 22, 7), смертію нечестивыхъ (псал. 36 9; прит. 2, 22). Это такая черта, какою отличена смерть Мессіи у Исаіи, (53, 7—9). Старѣйшина умретъ, *но не за себя*, слѣд. смертію искупителя, какъ и говорилъ Исаія, (53, 5. 8.) Время старѣйшины—время потребленія нечестія и приведенія правды вѣчной. Это относилъ къ Мессіи Исаія, (53, 5. 6. 10). Со смертію старѣйшины соединено установленіе новаго завѣта и отмѣненіе жертвъ и приношеній, ст. 27. Пр. Іеремія также соединялъ со временемъ Искупителя установленіе новаго завѣта, (Іер. 31, 31; 32, 40). За смертію старѣйшины слѣдуетъ опустошеніе города, ст.

26). Давидъ и Исаія угрожали гнѣвомъ Божіимъ возмущающимся противъ Мессіи, (Псал. 2, 2, 4. 9.12. Исаіи 8, 9. 10). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ изгладится грѣхъ, запечатаются видѣнія и пророчества. Это естественно для времени явленія Мессіи, къ которому относились всѣ пророчества.

Такъ понимали пророчество Даніила въ древней іудейской церкви. Это замѣчалъ въ свое время св. Іеронимъ [1]). Одинъ изъ раввиновъ (Манассій) ясно сознается, что соплеменники его относили Даніилово пророчество о седьминахъ къ Мессіи, и что эту увѣренность раздѣляли всѣ тѣ іудеи, которые при Веспасіанѣ подняли оружіе противъ римлянъ [2]). Р. Іозе сказалъ: „семьдесять седьминъ проходятъ послѣ разрушенія перваго храма до разрушенія втораго“ [3]). Мозесъ сынъ Нахмана говоритъ: „святый святыхъ есть Мессія, освященный изъ сыновъ Давида“ [4]). Толкователь псалмовъ пишетъ: „тайны и дѣла Мессіи проповѣдываются въ законѣ, пророкахъ и агіографахъ, *въ пророкахъ, напр. у* Исаіи 42, 1, въ агіографахъ, напр. псал. 109, 1. 4, и у Даніила 7, 13“ [5]). Поздніе раввины придумали увѣрять себя и другихъ, что пророчество Даніила запечатано для людей, т. е. смыслъ его не извѣстенъ. Напрасное лукавство совѣсти, когда ангелъ прямо говорилъ молившемуся Даніилу: *пріидохъ возвѣстити тебѣ.*

Новозавѣтное откровеніе показываетъ выполненіе пророчества Даніилова во временахъ Мессіи Іисуса, (Матѳ. 24, 15. Лук. 21, 20, 21).

Итакъ въ пророчествѣ о седьминахъ частію объяснены прежде извѣстныя черты Мессіи, частію указаны новыя. Ясно изображены высокія принадлежности Мессіи—искупленіе людей отъ грѣховъ и установленіе новаго завѣта. Въ первый разъ сказано, что съ пришествіемъ Мессіи кончится прозрѣніе въ спасеніе будущее. Въ первый разъ съ точностію указаны обстоятельства, имѣвшія *послѣдовать въ народѣ* еврейскомъ за насильственною смертію Мессіи,—разореніе Іерусалима и храма, уничтоженіе политическаго бытія іудеевъ, прекращеніе обрядоваго богослуженія. Наконецъ, въ первый разъ опредѣлено время пришествія Мессіи счетомъ годовъ.

По возвращеніи народа изъ плѣна вавилонскаго, Іегова продолжалъ укрѣплять откровеніями вѣру въ грядущаго Искупителя міра.

Оставляя пророчества Захаріи о входѣ Мессіи въ Іерусалимъ,

---

[1]) Comm in Danielem.

[2]) Rab Manass lib. de termino, vito p. 175.

[3]) Seder. Olam in Jalkut Simeon. 2 f. 19.

[4]) Comm in Danielem.

[5]) Midrasch. tehillim. тоже talmud. in Megbillah f. 3. Другія свидѣтельства у *Шетгена* horæ hebraicæ t. 2 p. 263 Martinë Pugio fid. 228, 229.

9), объ оцѣненіи его въ 30 сребренниковъ, (11, 4—14), объ изліяніи духа благодати на вѣрующихъ въ прободеннаго, (12, 10—14). 13, 1, оставляя пророчество Аггея о славѣ втораго храма, 2, 6—10,— остановимся на пророчествѣ послѣдняго пророка Малахіи.

Тогда какъ Іаковъ жалуется: „всѣ, которые дѣлаютъ неправду, пріятны Іеговѣ“, живя счастливо (3, 7, 4, 2), Іегова говоритъ:

Се азъ посылаю ангела Моего и призритъ на путь предъ лицемъ Моимъ (уравняетъ путь предо Мною) *и внезапу пріидетъ въ церковь свою Господь, Его же вы ищете, и ангелъ завѣта, его же вы хощете,* (3, 1). Далѣе говорится, что ангелъ завѣта, какъ плавильщикъ, очиститъ избранный народъ, истребитъ суевѣрія и неправды, ст. (2—5), а вѣстникъ, готорящій пути, называется еще Иліею ѳесвитяниномъ, (4, 5).

Самыя слова пророчества ясно говорятъ, что пророкъ возвѣщаетъ о Мессіи. Тотъ, кого посылаетъ Іегова, называется Господомъ и ангеломъ завѣта; это—имена Мессіи. Даніилъ предсказывалъ, что Мессія установитъ новый завѣтъ, (9, 27). По словамъ Малахіи, это тотъ ангелъ завѣта, котораго іудеи желаютъ и ищутъ. Кого же ожидали іудеи, какъ не Мессію? Не Онъ ли былъ предметомъ желаній не только для іудеевъ, но и для всѣхъ народовъ? Господь, ожидаемый въ храмѣ своемъ—не какой либо царь земной, надѣляющій подданныхъ земною славою и удобствами жизни,— Онъ наставникъ истины, истребляющій ложныя мнѣнія людей, и вѣстникъ его Илія ѳесвитянинъ, ревнитель истины и святости. Въ такомъ видѣ изображали Мессію и прежніе пророки, (Исаія. 2, 2,—4. 49, 6. Іер. 31, 31—35). Господь внезапно придетъ въ храмъ свой въ тотъ, который существовалъ при Малахіи. Пр. Аггей еще яснѣе и выразительнѣе говорилъ, что храмъ, въ которомъ явится ожидаемный всѣми народами (2, 8.), будетъ *послѣдній*: „велика будетъ слава храма сего послѣдняго, болѣе, чѣмъ перваго“. (2, 10). Итакъ, если, не смотря на то, что желаютъ видѣть Мессію, не узнаютъ и не примутъ его неожиданно являющагося въ послѣднемъ храмѣ своемъ, то напрасно будутъ ждать еще Мессію послѣ того, какъ уже не будетъ втораго храма. Такое ожиданіе—жалкое заблужденіе умовъ и сердецъ, преступная борьба съ волею Божіею. Пусть поздніе сыны израиля не пропускаютъ сего мимо глазъ и ушей, если дорожатъ спасеніемъ вѣчнымъ.

Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, хвально и препрославлено имя Твое, во вѣки (Дан. 3). Аминь.

СЛОВО VI.

Христосъ раждается: славите.

О! какъ не славить Отца небеснаго, если Христосъ раждается! Кто для насъ Христосъ? Онъ—все: и свѣтъ, и радость, и блаженство вѣчное. Все, что нужно для высшихъ, духовныхъ потребностей нашихъ,—все, чего не могли доставить людямъ ни лучшіе философы, ни лучшіе законодатели, ни лучшіе служители религій древнихъ,—все подаетъ Христосъ. Какъ же не пѣть хвалы, если Христосъ раждается!

Но вотъ и въ нашей странѣ извѣстны чада израиля, которые упорно повторяютъ: еще не родился Христосъ.

Во славу небеснаго Отца, поучимся изъ откровенія Божія: родился ли Христосъ?

Отъ кого надлежало родиться Христу?

Пророкъ Божій Исаія предсказывалъ: *„возникнетъ вѣтвь отъ пня Іессеева и отрасль отъ корней его изнесетъ плодъ. И почіетъ на Немъ духъ Іеговы, духъ премудрости и разумѣнія, духъ совѣта и мужества, духъ вѣдѣнія и страха Іеговы“* (Исаія II, 1. 2). Затѣмъ, пророкъ видитъ во время потомка Іессеева необыкновенный миръ и повсемѣстное знаніе Іеговы (ст. 6—9), благоговѣйныя надежды язычниковъ на Него (ст. 10), собраніе разсѣянныхъ чадъ израиля (11—13), необыкновенныя побѣды его надъ народами (14—16).

Какъ видите, здѣсь всѣ черты царя и царства таковы, что ихъ нельзя приложить ни къ какому царю земному, и онѣ принадлежатъ только одному Мессіи. Самый Давидъ, мужъ по сердцу Божію, не имѣлъ тѣхъ высокихъ качествъ, какія пророкъ видитъ въ своемъ царѣ. Отъ какого земнаго царя можно ожидать такого чуднаго мира, чтобы волкъ жилъ вмѣстѣ съ ягненкомъ и дитя играло съ аспидомъ? И этотъ миръ поставляется еще въ связи съ повсемѣстнымъ распространеніемъ познаній о Іеговѣ и съ побѣдами духовными надъ народами. Земные властители никогда не дадутъ такого мира. Нѣкоторые черты сего потомка Іессеева тѣ самыя, которыми обыкновенно изображался Спаситель міра въ откровеніи Божіемъ. Пораженіе нечестиваго напоминаетъ о сокрушеніи главы древняго змія (Быт. 3). Іаковъ и Давидъ также говорили, что Мессія—надежда язычниковъ и предметъ благоговѣйнаго поклоненія. Преданіе іудейское также признавало въ этомъ пророчествѣ Исаіи—Мессію; напр. древній іудейскій катихизисъ говорилъ: „Богъ пошлетъ

Мессію... Мессія будетъ отъ сѣмени Давида, отрасль Іессея виѳлеемлянина". Итакъ по пророчеству Исаіи, Мессія будетъ потомкомъ Іессея, или что тоже—царственнаго дома Давидова. И замѣтьте, въ какомъ видѣ пророкъ выставляетъ царственное племя Іессея при рожденіи Мессіи. „*Возникнетъ вѣтвь*" не отъ живаго, сильнаго, цвѣтущаго ствола, а отъ „*пня*",—отъ дерева, срубленнаго до корня, На такое происхожденіе указываетъ и второе полустишіе: *отрасль отъ корней его изнесетъ плодъ*. Итакъ царственное племя Давидово, которое во время пророка было столько славнымъ и сильнымъ, въ то время, когда родится отъ него Христосъ, будетъ въ крайнемъ униженіи и безсиліи. Теперь сличите это пророчество съ исторіею Іисуса, сына Маріина. Евангелисты сохранили для насъ поколѣнную роспись предковъ Іисуса. У насъ слушаютъ чтеніе ея со скукою, почти съ неудовольствіемъ. Напрасно! Это—отвѣты на голоса пророковъ о Мессіи. Здѣсь видимъ, что какъ Марія, такъ и Іосифъ были потомки Давида. Но какіе это бѣдные потомки? Предки сильные—цари, а Іосифъ—плотникъ и Марія—незнаемая Дѣва. Видите, съ какою точностію исполнилось слово пророка въ лицѣ сына Маріи. Какая же совѣсть, какой смыслъ могутъ говорить послѣ того, что Христосъ еще не родился?

Послушаемъ еще пророка.

Пророкъ Божій говоритъ: „*се Дѣва зачнетъ и родитъ сына и наречетъ имя Ему: Эммануилъ*" (Исаія 7. 14). Самое имя младенца, Эммануилъ, показываетъ, что предсказывается о рожденіи лица необыкновеннаго, какимъ могъ быть только Мессія. Эммануилъ означаетъ: съ нами Богъ; слѣд., это такое лице, въ которомъ Самъ Богъ имѣетъ жить съ людьми, иначе—которое будетъ и человѣкомъ и Богомъ. Самыя обстоятельства, при которыхъ возвѣщено о рожденіи Эммануила, также говорятъ, что идетъ дѣло о Мессіи. Два царя, сирскій и израильскій, возстали на іудейскаго царя Ахаза, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ истребить домъ его,—царственный домъ Давида, и возвесть на престолъ династію другую (Исаія 7, 6). Это привело въ ужасъ Ахаза и всѣхъ іудеевъ (ст. 2). Пророкъ увѣряетъ именемъ Божіимъ: *не пребудетъ совѣтъ сей* (ст. 7). И предлагаетъ Ахазу просить у Бога, какого угодно, знаменія. Но Ахазъ надѣялся всего отъ людей, а не отъ Бога. Пророкъ обращается къ народу и говоритъ: „*Самъ Господь даетъ вамъ знаменіе,—се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и наречетъ имя Ему: Эммануилъ*". Знаменіе, вполнѣ утѣшительное и убѣдительное, если указывается на рожденіе Мессіи. Это значитъ, что и домъ Давидовъ будетъ еще цвѣсти и всѣ лучшія надежды израиля тверды, покоясь на Мессіи. Но никакого нѣтъ утѣшенія, никакого нѣтъ даже смы-

сла въ словахъ пророческихъ, если разумѣть ихъ о рожденіи обыкновеннаго лица. Мало и того, пророкъ самъ объясняетъ намъ Эммануила. Въ послѣдующемъ пророчествѣ (8, 1—9, 6) онъ изображаетъ потомка Іессеова властителемъ Іудеи вмѣстѣ опять называетъ его Эммануиломъ (8, 8). Потомъ говоритъ: *„родится намъ дитя, данъ будетъ сынъ, на раменахъ котораго владычество и наречено будетъ имя Ему: чудный совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь мира“* (9, 5). Какая величественная личность! Скажите, у кого умъ на мѣстѣ, придетъ ли на мысль видѣть въ этомъ лицѣ царя земнаго? *„Богъ крѣпкій, Отецъ вѣчности“*—ужели это человѣкъ? Такъ несомнѣнна истина, что пророкъ предвозвѣщаетъ рожденіе Мессіи. Отъ кого же, какъ родится Христосъ? *Се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ.* Еврейское названіе раждающей (алма) означаетъ не женщину замужнюю, а собственно дѣву, дѣву чистую, непорочную. Такимъ именемъ называются дѣвы тимпанницы (Псал. 77, 26), юная и до смерти дѣвственная Маріамъ (Исх. 2, 8), дѣвы любящія жениха—Христа (Пѣс. 1, 2). Такою представляется матерь Эммануила и по цѣли пророчества. Пророкъ указываетъ на *знаменіе*,—на событіе, непринадлежащее къ кругу дѣйствій обыкновенныхъ, совершающихся по порядку природы, но на дѣйствіе чудесное, ознаменованное печатію непосредственнаго присутствія силы Божіей. Такъ Дѣва непорочная, чистая, зачнетъ и родитъ Эммануила. Не исполнилось ли и это пророчество въ рожденіи Христа Іисуса? Іисусъ родился отъ Дѣвы непорочной, непознавшей мужа. *Како будетъ сіе*, говоритъ Дѣва Марія, *идѣже мужа не знаю? И отвѣщавъ ангелъ, рече ей: Духъ св. найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя* (Лук. 1, 34. 35). Рожденіе Іисуса есть чудо изъ чудесъ: ибо Богъ является во плоти. Болѣе великаго чуда, болѣе сильнаго знаменія нельзя и представить въ умѣ. *Велія благочестія тайна—Богъ явился во плоти* (1 Тим. 3, 10), говоритъ апостолъ. Самый небесный вѣстникъ объяснялъ возможность рожденія Іисуса только тѣмъ, что *не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ* (Лук. 1, 37). Какъ же не говорить вмѣстѣ съ евангелистомъ: *все это было такъ, какъ предсказалъ пророкъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ имя Ему Эммануилъ, что значитъ: съ нами Богъ* (Матѳ. 1, 22. 23).

Пророкъ Михей, современникъ Исаіи, предсказалъ: *а ты Виѳлеемъ Евфрава! ты малъ, чтобы быть тебѣ въ ряду съ тысячами Іудиными: но изъ тебя произойдетъ мнѣ тотъ, кто будетъ владыкою израилевымъ, котораго происхожденіе изъ начала отъ дней вѣка* (Мих. 5. 1).

Уже одно то, что описываемый владыка, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произойдетъ изъ Виѳлеема, имѣетъ еще происхожденіе предвремен-

ное, вѣчное, показываетъ въ немъ вовсе не лице обыкновенное. Дѣла царственнаго владыки также таковы, что могутъ быть только дѣлами Мессіи. Онъ, по словамъ пророка, соберетъ разсѣяннаго израиля и распространитъ славу Іеговы до предѣловъ земли (3—5), онъ истребитъ между израильтянами всѣ суевѣрія и совершитъ судъ надъ народами (10—15). Показывая время, когда будетъ совершаться собираніе разсѣянныхъ, св. Михей говоритъ: „Онъ (Іегова) предастъ ихъ, доколѣ не родитъ имѣющая родить". Кто не видитъ, что св. Михей указываетъ на ту, которая, по словамъ Исаіи, будучи Дѣвою, зачнетъ и родитъ Эммануила? И древніе іудеи твердили, что пророчество Михея относится къ Мессіи. Іонаѳанъ, живши до рождества Христова, слова пророка: „изъ тебя мнѣ произойдетъ старѣйшина", переводилъ такъ: „изъ тебя мнѣ прозойдетъ Мессія". Представители церкви іудейской, первосвященники и книжники, на вопросъ Ирода: гдѣ должно родиться Христу? отвѣчали: въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, и сослались на слова пр. Михея (Матѳ. 2, 4—6). Итакъ, Мессія долженъ родиться въ Виѳлеемѣ. Гдѣ родился Іисусъ, котораго въ послѣдствіи называли назарейскимъ учителемъ? Въ Виѳлеемѣ іудейскомъ. И что еще замѣчательно: обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія Іосифа былъ Назаретъ; тамъ пребывала и обрученная Марія. Но вотъ неожиданно, по случаю новой переписи, Іосифъ, не безъ отягощенія для бѣднаго своего быта, идетъ въ Виѳлеемъ, потому что былъ изъ дома и рода Давидова; Марія прибыла вмѣстѣ съ нимъ въ Виѳлеемъ. И здѣсь родила сына-первенца (Лук. 2, 6. 7). Не ясно ли, что все это совершалось такъ, какъ надлежало быть по пророчеству св. Михея о Мессіи?

Итакъ „Христосъ раждается, славите; Христосъ съ небесъ, срѣтайте. Воспойте людіе, яко прославися". Аминь.

СЛОВО VII.

О ПРИШЕСТВІИ МЕССІИ.

Христосъ раждается: славите.

Дорога истина для безсмертнаго духа. Какъ не искать ее! Какъ не просвѣщаться ею! Поучимся и еще у пророковъ и исторіи: родился ли Христосъ?

По пророчеству Іакова (Быт. 49, 10), Мессія-Христосъ долженъ придти тогда, какъ племя Іудово перестанетъ имѣть своихъ зако-

нодателей и потеряетъ значеніе самостоятельнаго народа. Въ какомъ состояніи были іудеи, когда родился Христосъ Іисусъ? У нихъ уже не было своихъ царей. Иноплеменникъ Иродъ, родомъ идумеянинъ, владѣлъ іудеями. Послушный слуга власти римской, онъ смѣялся въ лице іудеевъ надъ самимъ человѣчествомъ. Еще нѣсколько времени—и народъ іудейскій переставъ быть политическимъ народомъ. Не ясно ли, что пророчество Іакова о времени явленія Шилога выполнилось со всею точностію въ лицѣ Христа Іисуса! Присовокупите еще черту пророчества о Шилогѣ: Шилогу „покорность народовъ“. Не открылось ли при самомъ рожденіи Іисуса осуществленіе этой черты Шилога? Зачѣмъ волхвы востока явились въ Іерусалимъ? Чего ищутъ они? Они спрашиваютъ: „гдѣ новорожденный царь іудейскій? Мы видѣли, говорятъ они, звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему“. Итакъ, едва родился въ незнаемомъ Виѳлеемѣ младенецъ Іисусъ, уже идутъ къ нему съ востока поклоняться; лучшіе представители языческихъ народовъ приносятъ Ему дары: ливанъ, смирну и золото. Не ясно ли, что это есть Шилогъ, которому начинаютъ покоряться народы? Бѣдные іудеи! Смотрите, Іисусу покорны неизчислимые милліоны народовъ. Не дождаться вамъ болѣе Шилога, если не покоритесь Шилогу-Іисусу.

По пророчеству Даніила, 70 седьминъ, иначе 490 лѣтъ, должно пройти до истребленія Мессіи *отъ исхода словесе*, или отъ царскаго указа о возстановленіи втораго храма и города, а за тѣмъ должно послѣдовать страшное опустошеніе Іерусалима и прекращеніе обрядовъ. Что видимъ въ исторіи? За 455 лѣтъ до рождества Христова выданъ былъ царскій указъ о возстановленіи города, разрушеннаго Навуходоносоромъ. Христосъ Іисусъ на 30 году своей жизни земной вступилъ въ торжественное служеніе свое (Лук. 3, 23). *Отъ исхода словесе* это было въ 484 году, иначе—спустя 69 седьминъ пророка. Вотъ утвержденъ и новый завѣтъ Бога съ человѣкомъ кровію праведника, вотъ и грѣхъ заглаженъ и правда введена въ міръ добровольною жертвою Богочеловѣка (Тим. 2, 14). Вотъ и вмѣсто жертвъ вещественныхъ приносятся жертвы духовныя! Что далѣе? Пусть скажетъ намъ о томъ іудеянинъ и очевидецъ Іосифъ Флавій. Онъ пишетъ: іудеи „привели въ исполненіе пророчество противъ отечества своего. Было древнее слово, что въ это время взятъ будетъ городъ и святое сожжено будетъ, по праву войны, если откроется возмущеніе и руки иноземныя осквернятъ святилище Божіе. Зилоты не вѣрили тому, и однако представили самихъ себя въ служебныя лица“ [1]). Не продолжаемъ повѣсти Фла-

[1]) О войнѣ іудейск. кн. 4, глав. 6. 9. 26.

вія. Событія сами говорятъ;—спросите іудеевъ, которыхъ вы видите: гдѣ храмъ ихъ? Гдѣ жертвы? Гдѣ первосвященникъ? Спросите, почему, упорствуя считать себя чтителями закона Моисеева, не выполняютъ они предписаній Моисея о жертвахъ? Безсильные предъ волею Всемогущаго, чтобы воскресить умершаго мертвеца,— обрядовое служеніе храма, они выдумываютъ свои обряды, приносятъ пѣтуха и курицу, наказываютъ себя ремнемъ, совершаютъ другіе мелочные обряды, о чемъ вовсе не говорилъ Моисей! Не жалкая ли это борьба своеволія противъ воли Божіей? Сколько разъ іудеи покушались измѣнить грозную волю Божію о нихъ, высказанную Даніиломъ! Богоотступный Юліанъ, думая насмѣяться надъ галилеяниномъ, употребилъ всѣ мѣры императорской власти, чтобы возстановить іерусалимскій храмъ, по желаніямъ іудеевъ. И что же? Усилія произвола нечестиваго разрушены страшнымъ гнѣвомъ Божіимъ. Сынъ израилевъ! Если ты заботливъ о душѣ своей, пойми волю Божію, чтобы не бороться съ нею на погибель себѣ. Учители твои говорятъ, что храмъ разрушенъ гнѣвомъ Божіимъ и народъ разсѣянъ гнѣвомъ Божіимъ, но не говорятъ тебѣ, за что этотъ гнѣвъ Божій. Подумай же самъ о томъ. Бывало время, что отцы твои оказывались рабами сосѣднихъ народовъ. За что? За поклоненіе идоламъ. За тоже были 70 лѣтъ въ плѣну вавилонскомъ. Во время римлянъ не служатъ они идоламъ. И однако Титъ и его войско такъ разрушили храмъ и городъ, что не осталось камня на камнѣ. За что такой страшный гнѣвъ Божій? Іудеи не кланяются и нынѣ идоламъ, и однако вотъ уже 18 вѣковъ, какъ они разсѣяны по вселенной. За что такой страшный гнѣвъ Божій? Ты не знаешь, сынъ израилевъ? Напомяну тебѣ приговоръ отцевъ твоихъ: *кровь Его* Іисуса *на насъ и на чадѣхъ нашихъ*, сказали они Пилату. Видишь, отцы твои истребили Мессію, какъ предсказывалъ Даніилъ, и сами произнесли приговоръ себѣ и потомкамъ своимъ. Вотъ за что тяготѣетъ гнѣвъ Божій, предсказанный Даніиломъ! Пойми же, что пока не раскаятся въ грѣхѣ своемъ, пока не примутъ Того, кого ожидали всѣ праведники, гнѣвъ Божій не престанетъ тяготѣть надъ убійцами Мессіи.

Исторію Христа Іисуса можемъ мы описать словами пророковъ. Такъ исполнилось надъ Нимъ все, чему надлежало быть съ Мессіею по пророчествамъ.

Кромѣ того, что Іисусъ родился, согласно съ пророчествами, отъ дѣвы чистой, изъ племени Давидова, въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, предтеча Іоаннъ, ангелъ по строгой жизни, Илія по ревности къ славѣ имени Божія, приготовлялъ людей къ принятію Его проповѣдію покаянія и говорилъ о Немъ вслухъ всѣхъ: *се Агнецъ*

Божій, вземляй грѣхи міра (Іоан. 1, 29). Точно такъ и надлежало быть по словамъ пророковъ (Мал. 3, 1. Исаія 40, 3. Лук. 1, 14, 3, 2, 3). Даже іудеянинъ Флавій писалъ: „святый Іоаннъ—второй Илія, и Іисусъ имѣетъ въ немъ предтечу, котораго, по пророчествамъ, долженъ имѣть Мессія [1]).

Жизнь Христа Іисуса, согласно съ древними вѣщаніями, была скомна и не видна для людей вѣка (Исаія 53, 1). Онъ былъ столько кротокъ и полонъ любви къ другимъ, что надломленную трость остерегался сокрушить и голоса Его не слышно было на распутіяхъ (Исаія 42, 2. 3. Матѳ. 11. 29). Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ былъ Сынъ Божій, облеченный могуществомъ и вѣчностію Божества, какъ и говорили пророки о Мессіи (Исаія 9, 5. Псал. 2, 7. 109, 4. Матѳ. 22, 43. 44. Іоан. 1, 1—4). Божественное величіе Его открывалось въ дѣлахъ и ученіи Его. Онъ творилъ чудеса, исцѣлялъ больныхъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ, ноги хромымъ, жизнь умершимъ (Лук. 7, 29. Исаія 35, 5. 6. 53, 4). И очевидцы великихъ чудесъ Его говорили: „это истинно тотъ пророкъ, которому надлежало придти въ міръ“ (Іоан. 6, 14). Онъ былъ пророкомъ, подобнымъ Моисею (Втор. 18, 15) не только по чудесамъ, но и по ученію. Страна Завулонова и страна Нефалимова—страны людей, погруженныхъ въ мракъ суевѣрій, первыя увидѣли свѣтъ небеснаго ученія Его,—по пророчествамъ (Исаія 11, 1—9; 9, 1. 2). Ученіе Его было въ высшей степени чисто и духовно, сильно и поразительно, такъ что даже слуги враговъ Его говорили: никогда не говорилъ человѣкъ, какъ говоритъ этотъ человѣкъ (Исаія 11, 1—9. Іоан. 7, 46). Жизнь Его вполнѣ соотвѣтствовала святому ученію Его: *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Исаія 53, 9). Кто изъ васъ обличитъ меня въ грѣхѣ? говорилъ Онъ свободно іудеямъ (Іоан. 8, 46). Апостолы, свидѣтели истины и жизни Его, говорили тоже (Іоан. 23, 5. 2 Кор. 5, 21. Евр. 4, 15, 7, 27). Онъ входитъ въ Іерусалимъ, какъ царь, срѣтаемый восторгами народа, но въ видѣ смиренномъ, сидя на осленкѣ, какъ предсказывалъ пророкъ (Зах. 9, 9). Не видѣлъ храмъ іерусалимскій такой славы, какою исполнилъ его Христосъ Іисусъ, совершившій столько великихъ дѣлъ и являвшійся въ немъ, будучи Сыномъ Вышняго, не видѣлъ ни прежде, ни послѣ Іисуса, такъ, какъ это былъ послѣдній храмъ (Агг. 2, 1).

Обстоятельства смерти Іисусовой тѣ самыя, которыя предначертаны были пророками, и до того, что самыя частныя черты ея какъ бы взяты были у пророковъ. Его оцѣниваютъ въ 30 сребрен-

---

[1]) О войнѣ іуд. кн. 18, гл. 7.

никовъ, и эта цѣна переходитъ изъ храма въ руки горшечника, какъ говорилъ Захарія (11, 2). Князья языческіе и старѣйшины іудейскіе возстали противъ Него (Псал. 2, 1). Обвиняютъ Его безсовѣстно, но Онъ молчитъ (Исаія 53, 8). Плюютъ на Него, бьютъ Его по щекамъ и Онъ терпитъ (Исаія 53, 6). Какъ овца обреченная на закланіе, не отверзетъ устъ своихъ (Исаія 53, 7). Причисляютъ Его къ людямъ нетерпимымъ и осуждаютъ, какъ злодѣя (Исаія 53, 9. 12. Лук. 22, 37). Пронзаютъ Ему руки и ноги на крестѣ (Псал. 21, 17. Мар. 15, 25). Мечутъ жребій объ одеждѣ Его и дѣлятъ по себѣ (Псал. 21, 9). Онъ истаиваетъ въ мукахъ и враги ругаются надъ Нимъ (Псал. 21, 8). Съ насмѣшкою богохульною говорятъ о страдальцѣ: „Онъ положился на Господа, пусть спасетъ Его“ (Псал. 21, 9. Матѳ. 27, 43). Народъ дѣлаетъ изъ Него зрѣлище (Псал. 21, 5). Въ мукахъ вопіетъ Онъ: Боже мой, Боже мой, почто Ты оставилъ Меня! (Псал. 21, 1). Ему даютъ въ пищу желчь, и въ жаждѣ поятъ уксусомъ (Псал. 68, 22). Прободаютъ Ему бокъ (Зах. 12, 10). Назначаютъ гробъ Ему съ нечестивыми, но у богатаго находитъ Онъ себѣ могилу (Исаія 53, 9). Люди думаютъ, что „Онъ пораженъ, измученъ, наказанъ Богомъ: но Онъ былъ израненъ за наши преступленія, пораженъ за наши беззаконія, наказанія на Немъ для нашего мира“ (Исаія 53, 4. 5). „Мессія потребляется, но не за себя“ (Дан. 7, 26). Даже Пилатъ не находилъ въ Немъ никакой вины: жизнь Его чиста и свята отъ яслей и до гроба. Онъ первосвященникъ вѣчный, по чину Мельхиседека, принесъ Себя за людей (Псал. 109, 4. Евр. 5, 6. 10).

Что происходитъ по смерти Его? Богъ Отецъ не могъ оставить Его во власти тлѣнія: Іисусъ воскресъ (Псал. 15, 10. Дѣян. 2, 27). Воскресшій возсѣлъ одесную Бога Отца (Псал. 109, 1. 2. 7). И вотъ законъ начертывается на сердцахъ людей: въ пятьдесятницу Духъ Божій нисходитъ на апостоловъ и возвѣщаетъ сердцамъ законъ благодати (Іер. 31, 7. 31—37. Езек. 36, 11). И вотъ вѣдѣніе о Іеговѣ распространяется по всей вселенной (Исаія 11, 6—10. 9. 1—3). О сѣмени Авраамомъ благословляются всѣ народы земли (Быт. 12. 3. 22, 18).

Такъ пророчества указываютъ въ Іисусѣ Мессію Спасителя міра! Такъ Іисусъ Христосъ есть Тотъ Самый, о Которомъ говорили всѣ пророки, Котораго обѣщалъ послать Богъ на землю для спасенія людей.

Царь и пророкъ говоритъ іудеямъ: „почтите Сына, чтобы Онъ не прогнѣвался и вы не погибли въ пути вашемъ“; покланяйтеся Тому, которому „даны народы въ наслѣдіе и предѣлы земли во владѣніе“ (Псал. 2, 8, 12).

Но іудеи не слушаютъ и хотятъ погибнуть. Несчастное ослѣпленіе! Чего не придумывали іудейскіе учители, чтобы держаться и держать учениковъ своихъ въ несчастномъ заблужденіи о Мессіи Іисусѣ? По непріязни злостной къ Мессіи Іисусу, отклоняясь отъ преданія древней церкви іудейской о Мессіи, они должны были дойти и дошли до самыхъ странныхъ, до самыхъ неумныхъ толковъ о Мессіи. То увѣряютъ они, что вѣра въ Мессію дѣло не важное, не стоитъ и говорить о Мессіи [1]). Но такъ ли вѣрили пророки и праведники Божіи? Не значитъ ли это совсѣмъ отказываться отъ вѣры отцевъ своихъ, отъ вѣры въ возможность спасенія? То боясь ясныхъ пророчествъ о времени пришествія Мессіи, произносили „проклятіе на тѣхъ, которые будутъ вычислять время пришествія Мессіи“ [2]). Не улика ли это упорству противъ истины? Не насиліе ли это обличительному голосу совѣсти? То ожидаютъ Мессію, какъ царя земнаго и могущественнаго, который силою оружія заставитъ всѣ народы быть рабами іудеевъ [3]). Но какой пророкъ говорилъ имъ о такомъ Мессіи? Мессія пророковъ, властитель умовъ и совѣстей, побѣдитель суевѣрій и заблужденій, и царство его—царство любви и мира нерушимаго (Исаія 11, 6—10). То толкуютъ они о двухъ Мессіяхъ и при томъ разное: по однимъ толкамъ два Мессіи по земной долѣ,—одинъ бѣдный сынъ Іосифовъ изъ колѣна Ефремова, другой славный потомокъ Давида; а по инымъ толкамъ Мессіи два по назначенію,—одинъ для язычниковъ, другой для іудеевъ [4]). Но пророки знали одного Мессію, смиреннаго потомка Іессеева, но покаряющаго всѣ народы своему ученію; они знали Мессію потомка Іудова, но никто изъ нихъ не зналъ Мессіи колѣна Ефремова. То внушаютъ легковѣрнымъ, что Мессія пришелъ, но Онъ въ саду эдемскомъ связанъ волосами жены, или Онъ пришелъ, но скрывается въ Римѣ между прокаженными, ожидая, пока Илія объявитъ его въ достоинствѣ Мессіи [5]). Судите, не басни ли это, оскорбляющія и здравый смыслъ и ученіе пророковъ? Нѣтъ, говорятъ другіе, Мессія еще не пришелъ, и оттого, что не хранится суббота, не соблюдается обрядовый законъ. Но что же послѣ того значатъ проповѣди пророковъ? Ложь! Обманъ! О, пусть не богохульствуютъ. Опредѣленія Божіи, столько разъ и съ такою точностію назначившія и время Мессіи, и обстоятельства жизни Его и великія дѣла Его, не могутъ отмѣняться, особенно же по

---

[1]) R Ioseph Albus in lib. cont. Maimonidem.

[2]) Hemara, Tract. Sanhedrin s. 11.

[3]) Maiene Ieschua f. 76 Sanhedrin f. 99 Berachot fol. 346.

[4]) См. Eisenmenger Entdecktes Iudenthum (König. 16. 1711), th 1. s. 720 th. 2. s. 750.

[5]) Buxtorf. Synagoga Iudaia p. 721.

причинамъ ничтожнымъ, какова несохраненіе обрядовъ іудеемъ, особенно же когда Мессія назначенъ не для однихъ іудеевъ, но для всей вселенной. И какому пророку возвѣщено о перемѣнѣ совѣта Божія относительно Спасителя міра? Раввину? Пусть тѣшится онъ, если хочетъ, своимъ вымысломъ; но зачѣмъ онъ губитъ души легковѣрныя нечестивымъ вымысломъ? Такъ іудеямъ, если хотятъ они быть искренними учениками пророковъ, остается признать Іисуса за Мессію. Иначе толки ихъ о Мессіи—хаосъ произволовъ, обличающій самъ себя въ нечестіи, сбродъ мнѣній, не только несогласныхъ, но и противурѣчущихъ между собою. Иначе пусть они или представятъ вѣрную вѣсть пророка—почему не исполнилось опредѣленіе Божіе о Мессіи, или покажутъ—въ комъ, если не въ Іисусѣ Христѣ, исполнились пророчества о Мессіи? Но ни того, ни другаго они не въ состояніи сдѣлать, не оскорбляя здраваго смысла. Они не могутъ представить удовлетворяющихъ причинъ—почему не признаютъ Іисуса за Мессію. Если скажутъ они, что Іисусъ не былъ облеченъ величіемъ земнымъ, то таковымъ надлежало быть Мессіи по пророчествамъ, и слѣд. они не принимаютъ Мессіи пророковъ. Скажутъ ли, что Іисусъ не обнародовалъ новаго закона, въ отмѣненіе обрядоваго, съ такою же торжественностію, съ какою данъ законъ на Синаѣ? Но это не правда! Въ виду обитателей всѣхъ странъ міра, собравшихся къ празднику въ Іерусалимъ, нисшелъ Духъ святый на апостоловъ, которые затѣмъ, по Его наставленію, возвѣстили вселенной о законѣ благодати. Они не могутъ оправдать себя въ томъ, что на мѣсто ученія Христова приняли талмудъ. Божественное происхожденіе перваго видно и по высокому содержанію его, и по внѣшнимъ знаменіямъ—чудесамъ и пророчествамъ. А что такое талмудъ? О томъ ни слова, что въ пользу талмуда не было ни чудесъ, ни пророчествъ: въ немъ слишкомъ много оскорбляющаго здравый смыслъ и чистую совѣсть. Напр. по талмуду Богъ каждый день проводитъ по три часа въ изученіи талмуда и столько же забавляется игрою съ левіаѳамомъ; каждый день плачетъ о разрушеніи Іерусалима, готовитъ для Мессіи пиръ изъ римскихъ птицъ и винъ; ни одинъ іудей не будетъ въ аду болѣе 12 мѣсяцевъ; грозный судъ Мессіи поразитъ однихъ не іудеевъ; іудей можетъ и обманывать, и обкрадывать, и убивать не іудея, и проч.

О Истина вѣчная! Если люди не принимаютъ Тебя, то это оттого, что имъ нравится все свое — и вымыслы самолюбія, какъ и пороки; они не хотятъ ни въ чемъ отказаться отъ своей воли. Благость безграничная! прости упорство самолюбія нашего, посли силу Твою, дабы покорять намъ злую волю свою святымъ уставамъ Твоимъ. Аминь.

СЛОВО VIII.

О ПРИШЕСТВІИ МЕССІИ.

Азъ имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова (Іоан. 5, 36).

Жалко ослѣпленіе людей, которые не хотятъ признать выполненія древнихъ пророчествъ въ лицѣ Христа Іисуса. Истина не теряетъ отъ того своей твердости. Теряютъ отъ того многое люди. Но будемъ снисходительны къ людямъ. Пророчества, какъ очертанія отдаленной будущности, по самому свойству своему, не могутъ быть такъ ясны для людей, какъ повѣствованія исторіи, и тѣмъ болѣе, что, возвѣщаемыя по разнымъ нуждамъ и обстоятельвамъ, они затрудняютъ уразумѣніе ихъ самою связію съ тѣми обстоятельствами. Но на одномъ ли ветхозавѣтномъ откровеніи покоится вѣра христіанина въ Христа Іисуса, какъ въ Спасителя міра? О, нѣтъ! Какъ ни искренно уваженіе христіанина къ ветхозавѣтному откровенію: у него есть другое, высшее откровеніе,—откровеніе Сына Божія (Евр. 1, 1). И оно-то несомнѣнно показываетъ ему въ Христѣ Іисусѣ Того, кто такъ нуженъ для падшаго человѣчества.

Спаситель нашъ свидѣтельствовалъ предъ іудеями: *Азъ имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова; дѣла, яже даде мнѣ Отецъ, да совершу я, дѣла, яже творю, та свидѣтельствуютъ о мнѣ, яко Отецъ мя посла.* По словамъ Господа, не являлся между людьми, кто былъ бы болѣе Іоанна. Итакъ, по ученію Господа, и патріархи и пророки уступаютъ въ величіи величію Іоанна крестителя. Іоаннъ былъ самый высшій посланникъ Божій; свидѣтельство его было самое важное свидѣтельство изъ всѣхъ земныхъ свидѣтельствъ, бывшихъ до него. И однако о томъ, что Іисусъ Христосъ есть посланникъ Божій, есть еще болѣе важное свидѣтельство, чѣмъ свидѣтельство самаго Іоанна, тѣмъ болѣе свидѣтельство пророковъ. что же это за свидѣтельство? *Дѣла,* говоритъ Спаситель, *яже даде мнѣ Отецъ, да совершу, дѣла, яже творю, та свидѣтельствуютъ о мнѣ, яко Отецъ мя посла.* Да, сколько чудесъ совершено Спасителемъ нашимъ въ земной жизни! И какія чудеса! Въ одинъ разъ Онъ насытилъ семь тысячъ народа нѣсколькими хлѣбами, въ другой напиталъ пятью хлѣбами пять тысячъ народа. Онъ словомъ укрощалъ бурные волны озера; бреніемъ открывалъ зрѣніе слѣпорожденному; воскрешалъ мертвыхъ и Самъ воскресъ изъ мертвыхъ. Истину чудесъ его признавали сами враги его. „Что дѣлать намъ?

говорилъ іудейскій синедріонъ. Этотъ человѣкъ много чудесъ творилъ“ (Іоан. 11, 47). Только слѣпые страсти могутъ относить эти чудеса или къ нечистой силѣ или къ искусству человѣческому. Сама небесная истина говорила устами Спасителя, когда говорилъ Онъ: „горе тебѣ Хоразинъ! горе тебѣ Виѳсаида! ибо ежели бы въ Тирѣ и Сидонѣ были явлены силы, явленныя въ васъ: то давно бы они во вретищѣ и пеплѣ покаялись“ (Матѳ. 11, 21). Все, что говорилъ Спаситель о будущей невѣрности учениковъ—все, что говорилъ о близкой участи Іерусалима и израиля, все, что говорилъ напередъ о своихъ страданіяхъ и воскресеніи—исполнилось съ изумительною точностію. А какъ высока, какъ свята была жизнь Его! Между людьми не было никогда праведника, подобнаго Ему. Онъ говорилъ правду людямъ и проповѣдывалъ небесныя истины только для славы Божіей. „Моя пища, говорилъ Онъ, творить волю пославшаго Меня и совершить дѣло Его“ (Іоан. 4, 34). Въ небесномъ происхожденіи ученія его каждый можетъ увѣриться собственнымъ опытомъ, лишь только начни онъ жить по лучшимъ требованіямъ духа своего. „Кто хочетъ творить волю Его“, Отца небеснаго, „тотъ узнаетъ—отъ Бога ли мое ученіе, или Я самъ отъ себя говорю“, говорилъ Спаситель, и опытъ каждаго оправдаетъ слова Его. Апостолы Христовы также доказали чудесами, пророчествами и жизнію свое небесное посланничество.

Послѣ же того не съ полнымъ ли благоговѣніемъ должны мы принять свидѣтельства Христа Іисуса и Его апостоловъ о томъ, кто таковъ для бѣднаго человѣчества Христосъ Іисусъ? Свидѣтельство Христа Іисуса о самомъ себѣ, свидѣтельство непререкаемое: Онъ зналъ, откуда и для чего пришелъ Онъ въ міръ; а слава и дѣла Его показываютъ, что Онъ могъ говорить только истину. Точно тоже должно сказать о свидѣтельствѣ апостоловъ, какъ посланниковъ Божіихъ.

Что же проповѣдуется въ новозавѣтномъ откровеніи Божіемъ объ отношеніи званія Мессіи къ Іисусу?

Самарянка говоритъ Спасителю: „знаю, что придетъ Мессія, т. е. Христосъ; когда онъ придетъ, то изъяснитъ намъ все. Это—Я, который говорю съ тобою“, отвѣчаетъ Спаситель нашъ (Іоан. 4, 25, 26). Іоаннъ посылаетъ учениковъ спросить Іисуса: „ты ли тотъ, который долженъ придти, или ожидать намъ другаго? Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: подите, возвѣстите Іоанну, что слышите и видите: слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ и нищимъ благовѣствуется“ (Матѳ. 11, 2, 5). И вопросъ говоритъ о Мессіи и отвѣтъ доказываетъ чудесами, что Іисусъ есть Мессія. За кого вы почитаете меня? спрашивалъ Спа-

ситель учениковъ своихъ. Петръ отвѣчалъ: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“. Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ! потому что не плоть и кровь открыли тебѣ то, но Отецъ мой, сущій на небесахъ, говорилъ Спаситель. Видите, вѣра въ Мессію Іисуса не есть плодъ человѣческаго наставленія, а дѣло Божіе въ сердцахъ человѣческихъ. Іудеи настойчиво допрашивали Іисуса; „долго ли тебѣ томить души наши? если ты Христосъ: скажи намъ прямо“. Іисусъ отвѣчалъ имъ: я сказалъ вамъ и не вѣрите, дѣла, которыя творю Я во имя Отца моего, свидѣтельствуютъ о мнѣ. Вы не вѣрите, потому что вы не изъ моихъ овецъ“ (Іоан. 10, 24, 25). И въ молитвѣ предъ Отцемъ небеснымъ исповѣдуетъ Онъ, что совершилъ дѣло, возложенное на Него Отцемъ (Іоан. 17, 4. 5). И на вопросъ кровожаднаго Каіафы: ты ли Христосъ сынъ Божій? отвѣчалъ утвердительно, и въ доказательство говорилъ: отнынѣ узрите сына человѣческаго, сидящаго одесную силы Божіей и грядущаго на облакахъ небесныхъ“ (Матѳ. 26, 63, 64). Не разъ Онъ и народу и апостоламъ прямо говорилъ, что Онъ есть тотъ, о комъ говорили пророки. Такъ онъ училъ до своей смерти (Матѳ. 26, 54. Мар. 9, 12. Лук. 18, 81—33. Іоан. 6, 32). Такъ говорилъ и по воскресеніи. „О, несмысленные и медлительные сердцемъ въ вѣрованіи тому, что предсказывали пророки! Не такъ ли надлежало Христу пострадать и войти въ славу свою? и начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о немъ во всемъ писаніи“, такъ поучалъ воскресшій эмаусскихъ путниковъ (Лук. 24, 25, 27).

Іудеи соединяли съ именемъ Мессіи понятіе о царѣ земномъ, который долженъ возстановить политическое значеніе народа іудейскаго, и если будетъ учителемъ, то только для іудеевъ (Іоан. 6, 14. 15. Матѳ. 21, 6. 9). Евангелисты не скрываютъ того, что такую вѣру раздѣляли съ прочими самые приближенные къ Іисусу ученики, пока не были просвѣщены Духомъ Божіимъ (Матѳ. 20, 20. 21. Лук. 24, 21. Дѣян. 1, 6). Очевидно, что это мнѣніе человѣческое очень пріятно было самолюбію человѣческому, кто только ласкалъ самолюбіе. Но небесный свидѣтель истины, искавшій только славы Отца небеснаго, скрывался, когда хотѣли объявить Его царемъ, и при каждомъ случаѣ обличалъ несправедливое понятіе о Мессіи и въ народѣ и въ ученикахъ своихъ (Лук. 17, 20. 21; 13, 29. Іоан. 6, 15. 18. 32—38; 10, 16; 4, 23. 24. Матѳ. 21, 43). Особенно же утѣшитель Духъ истины открылъ во всей ясности апостоламъ, что Христосъ Іисусъ есть Спаситель всего рода человѣческаго, а не однихъ іудеевъ. И въ ученіи апостоловъ имя Мессіи Іисуса стало послѣ того именемъ единственнаго просвѣтителя міра и Спасителя души. Наприм. ап. Петръ говоритъ іудеямъ

о Іисусѣ: „нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ бы надлежало намъ спастися“ (Дѣян. 4, 12). „О Немъ всѣ пророки свидѣтельствуютъ, что всякій вѣрующій въ Него получитъ прощеніе грѣховъ именемъ Его“ (Дѣян. 10, 43). Ап. Павелъ „переспаривалъ іудеевъ, живущихъ въ Дамаскѣ, доказывая, что Іисусъ есть Христосъ“ (Дѣян. 9, 22). И онъ же предъ царемъ Агриппою и Фестомъ свидѣтельствовалъ: „пророки и Моисей говорили, что Христосъ долженъ былъ пострадать и, возставъ первый изъ мертвыхъ, возвѣстить свѣтъ сему народу и язычникамъ“ (Дѣян. 26, 22. 23). Ап. Іоаннъ заключаетъ евангеліе свое такъ: „сіе написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и дабы, вѣруя, имѣли жизнь во имя Его“ (Іоан. 20, 31).

И кромѣ апостоловъ, лучшіе изъ современниковъ Іисуса получали озареніе свыше, и наставляемые небомъ признавали Іисуса за Мессію. Таковы были восточные мудрецы (Матѳ. 2, 1) и виѳлеемскіе пастыри; послѣдніе слышали пѣснь ангеловъ небесныхъ, славившихъ младенца Іисуса, какъ Спасителя міра (Лук. 2, 10). Захарія, отецъ предтечи Іоанна, „исполнясь Духа святаго“, говорилъ: „благословенъ Господь Богъ израилевъ, что посѣтилъ народъ свой“ и посылаетъ Спасителя ему; и о сынѣ своемъ говорилъ какъ о предтечѣ Мессіи. Чудо, разрѣшившее языкъ Захаріи, подтверждало вѣрность пророческой рѣчи его (Лук. 1, 54—60). Праведному Симеону обѣщано было, что онъ не увидитъ смерти, пока не увидитъ Христа Господня и онъ, увидавъ младенца Іисуса, радовался о немъ, какъ о свѣтѣ для язычниковъ, какъ о славѣ для израиля, а вмѣстѣ назвалъ Его камнемъ преткновенія для многихъ (Лук. 2, 26—28). Іоаннъ предтеча, когда іудеи прислали изъ Іерусалима священниковъ и левитовъ спросить: кто онъ? объявилъ прямо, что „онъ не Христосъ“. Кто же ты? спросили Іоанна посланные. Онъ отвѣчалъ: „я гласъ вопіющаго въ пустынѣ; исправьте путь Господу, какъ сказалъ пр. Исаія“. И потомъ прибавилъ: „я крещу въ водѣ; а стоитъ среди васъ, котораго вы не знаете. Онъ-то идущій за мною, но Который первенствуетъ предо мною“. На другой день видитъ Іоаннъ идущаго къ нему Іисуса и говоритъ: „се Агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра... Я не зналъ Его, но пославшій меня крестить въ водѣ сказалъ мнѣ: на кого увидишь Духа святаго, сходящаго пребывающаго на немъ: тотъ есть крестящій Духомъ святымъ“ (Іоан. 1, 21—23. 26. 27. 29. 33).

Послѣ такихъ свидѣтелей о Мессіи Іисусѣ, послѣ столь громкихъ и вразумительныхъ свидѣтельствъ неба, могутъ ли значить что нибудь мнѣнія человѣческія, чьи бы онѣ ни были? Если іудейскія власти не признали въ Іисусѣ ожидаемаго Мессію и предали Его

на распятіе: важно ли это для вѣры въ Мессію Іисуса? Нѣтъ, ни сколько. Говоритъ ли противъ вѣры въ пророковъ, какъ въ посланниковъ Божіихъ то, что іудеи гнали и убивали пророковъ? Ахъ! это говоритъ только о томъ, что то были люди худые, жалкіе. А порча іудейскаго народа во время Христа Іисуса, по свидѣтельству исторіи, была такъ велика, какъ не была прежде того. Чего было ожидать отъ первосвященниковъ, которые за деньги покупали и продавали власть первосвященника, отъ фарисеевъ и книжниковъ, мечтавшихъ только о земныхъ выгодахъ, отъ народа, испорченнаго предразсудками и примѣромъ высшихъ. Не укажутъ ли еще на нынѣшнихъ іудеевъ? Дѣти опередили отцевъ, но въ чемъ? Деньги и деньги—вотъ все, о чемъ заботы дѣтокъ. За деньги они и теперь давятъ другъ друга, не только христіанина.—О! Боже мой! отчего и мы, христіане не живемъ всею душею по вѣрѣ въ Христа Господа нашего? Оттого, что любимъ землю, а не небо.

Вѣчный свѣтъ вѣчнаго Отца! озари сердца наши свѣтомъ Твоимъ, чтобы мы узнали Тебя всею полнотою ума и всею душою любили пути свѣта! Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ XI-е.

СЛОВА и БЕСѢДЫ НА РАЗНЫЕ ДНИ И СЛУЧАИ.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ 3-ю ПО ПАСХѢ.

Чудное событіе—событіе съ Савломъ на пути въ Дамаскъ! Много поучительнаго и назидательнаго представляетъ оно собою.

Синедріонъ іудейскій, желая прекратить дѣло евангелія Христова, посадилъ апостоловъ въ темницу и потомъ объявилъ строгое приказаніе—не говорить ни слова о воскресшемъ Іисусѣ (Дѣян. 4, 1—5. 17—40). Когда же ученые іудейскіе, вступивъ въ споръ съ Стефаномъ, раздражены были побѣдою Стефана надъ ними, и взволновавъ народъ, предали Стефана суду синедріона (Дѣян. 6, 9—14); когда Стефанъ доказалъ синедріону, какъ велика вражда іудевъ противъ

Бога израилева: Стефанъ по рѣшенію синедріона, побитъ былъ камнями за городомъ (Дѣян. 7). Это была первая жертва фанатической злобы! Савлъ былъ при томъ, и не только ободрялъ убіеніе невиннаго Стефана, но смерть мученика зажгла въ немъ фанатическую ревность противъ Назорянина (Дѣян. 7, 58. 22, 20). Савлъ положилъ кончить дѣло ненавистнаго учителя, во чтобы то ни стало. Онъ сталъ гнать даже до смерти послѣдователей ученія Іисусова (Дѣян. 22, 4). „Терзалъ церковь іерусалимскую, входя въ домы, влача мущинъ и женщинъ и, отдавая въ темницу“ (Дѣян. 8, 3). Не довольствуясь кровавыми дѣлами въ Іерусалимѣ, онъ выпросилъ у синедріона полномочіе и людей, чтобы также преслѣдовать христіанъ и въ Дамаскѣ. Съ такою душою, съ такими расположеніями шелъ Савлъ въ Дамаскъ (Дѣян. 9, 1. 2. 22, 5).

Когда онъ, сопровождаемый служителями, приближался къ Дамаску и христіане Дамаска были въ страхѣ за свою участь: „внезапно осіялъ его свѣтъ съ неба и, павъ на землю, онъ услышалъ голосъ: Савлъ, Савлъ! что ты Меня гонишь? Онъ сказалъ: Кто Ты, Господи? Господь же сказалъ: Я Іисусъ, Котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна“ (Дѣян. 9, 3—5).

Какой чудный свѣтъ! Апостолъ самъ говорилъ: „въ полдень внезапно съ неба озарилъ меня великій свѣтъ“ (Дѣян. 22, 6); и при другомъ случаѣ свидѣтельствовалъ: „свѣтъ съ неба свѣтлѣе сіянія солнечнаго озарилъ меня“ (Дѣян. 26, 13). Свѣтъ полудня уступилъ сіянію свѣта небеснаго; сіяніе солнца тускло было предъ сіяніемъ небеснымъ. И какого полудня свѣтъ? Полудня восточнаго, палестинскаго, полудня самаго яснаго и свѣтлаго! Итакъ это—не блескъ молніи.—Ученый Савлъ очень зналъ атмосферическое явленіе и не могъ назвать его чужимъ именемъ. Тѣмъ болѣе это не призракъ воображенія. Явленіе сопровождалось очевидными физическими измѣненіями. Такъ это—свѣтъ Божій, это—слава Божества. Въ такомъ свѣтѣ явился Іисусъ, преслѣдуемый Савломъ. И Ананія (9, 17), и Варнава (ст. 27) говорятъ, что Павлу явился на дорогѣ Господь Павелъ видѣлъ Іисуса въ прославленномъ человѣчествѣ. Въ земной жизни Іисуса видимъ одно такое же явленіе. На горѣ Ѳаворской Іисусъ преобразился; лице Его сіяло какъ солнце, ризы Его были бѣлы, какъ снѣгъ. Петръ, Іаковъ и Андрей въ восторгѣ смотрѣли на эту славу, и приведенные въ смятеніе—пали. На Савла видѣніе навело ужасъ и онъ палъ слѣпой. Какова слава Господа Іисуса! Каково же величіе, въ которомъ явится Онъ для совершенія суда надъ вселенною! Какъ разнообразны будутъ дѣйствія славнаго явленія того на людей!

Савлъ не только видѣлъ свѣтъ, но слышалъ слова Господа,

предлагалъ вопросы и получилъ отвѣты. Спутники его, по словамъ Луки, „стояли въ оцѣпенѣніи, голосъ слыша, а никого не видя“ (Дѣян. 9, 7); по словамъ Павла, „свѣтъ видѣли и пришли въ страхъ, но словъ Того, Который говорилъ, не слыхали“ (Дѣян. 22, 9). Это значитъ, что сіяніе свѣта до того поразило ихъ, что они стояли изступленными, слышали голосъ, но не понимали словъ. На столько они были вразумлены, чтобы понять и передать необычайность событія. Сіяніе свѣта небеснаго было въ полдень: это—не призракъ! Пораженіе свѣта испытали спутники Павла до того, что приходили въ изступленіе. Въ ихъ глазахъ зрячій Савлъ сталъ слѣпымъ. Чудо осязаемое и особенно для Савла. Явленіе Господа было собственно для Савла, а не для спутниковъ его Они—только свидѣтели.

„Савлъ, Савлъ! что ты Меня гонишь“? говорилъ голосъ Савлу. Савлъ, такъ низко думавшій о Назорянинѣ, вовсе не думалъ, чтобы явившійся въ такой славѣ былъ Іисусъ. Кто ты, Господи? спрашивалъ онъ и услышалъ отвѣтъ: „Я Іисусъ, котораго ты гонишь“. Савлъ преслѣдовалъ вѣрующихъ. Но Христосъ—живетъ въ вѣрующихъ: кто преслѣдуетъ ихъ—преслѣдуетъ Его. Онъ одно съ ними. Онъ глава—они члены; въ страданіяхъ членовъ принимаетъ участіе и глава. Савлъ преслѣдовалъ Іисуса и потому, что по невѣдѣнію, по ослѣпленію ревности, ненавидѣлъ все дѣло Іисуса: Его ученіе, Его жизнь, Его дѣла. Какъ должны страшить душу христіанскую тѣ люди, которые примѣромъ жизни и словами неразумія своего отклоняютъ отъ Христа Господа души, искупленныя кровію Его. Они, дѣлая зло душамъ христіанскимъ, гонятъ Самаго Христа Господа.

„За какое доброе дѣло хочете вы убить Меня? спрашивалъ Іисусъ іудеевъ. Точно такъ спрашиваетъ Онъ теперь и Савла. Никакая злоба враговъ не можетъ отыскать пятна ни въ жизни, ни въ ученіи Іисуса. Напротивъ, Онъ такъ святъ, такъ покоренъ волѣ Отца небеснаго; Онъ дышетъ такою любовію къ людямъ, что только благотворитъ имъ; ученіе Его—такой чистый небесный свѣтъ, какого не видала вселенная. „Савлъ, Савлъ! за что же ты Меня гонишь“? Спрашиваетъ, дышащій любовію.

Бѣдное человѣчество! Бѣдная душа моя!

Савлъ гналъ Іисуса по невѣдѣнію. Онъ зналъ Его только въ томъ видѣ, въ какомъ изображали Его заклятые враги добра—фарисеи и книжники. Злостные толки худыхъ людей увлекли пылкую душу его на худой путь. Думая быть человѣкомъ Божіимъ, онъ оказывался врагомъ Божіимъ.

Сохрани Богъ отъ того состоянія, когда душа, увлекаясь страстями, начинаетъ любить грѣхъ до того, что ей ненавистнымъ становится добро.

„Трудно тебѣ идти противъ рожна“. Пастырь гонитъ стадо овецъ, съ длиннымъ и острымъ шестомъ въ рукѣ. Можетъ ли овца идти противъ этого шеста, которымъ гонятъ ее? Если бы стала бороться съ острымъ жезломъ: то изранила бы только себя. Точно такъ напрасна, неумна борьба противъ ученія Христова, явная ли она, или тайная. Напрасны гоненія, воздвигаемыя однимъ, многими, всѣми. Все это будетъ только несчастіемъ для гонителей. Невѣръ, нечестивецъ, сколько бы ни возставали противъ истины и благочестія: ничего не сдѣлаютъ истинѣ и благочестію. Ясна, свѣтла истина, какъ свѣтъ Божій; тепло, живительно благочестіе, какъ жизнь Божія. Невѣръ и нечестивецъ, ненавидя ихъ, преслѣдуя ихъ, наносятъ только себѣ безчестіе и пагубу, потому что оказываются врагами того, что всего дороже для человѣка, врагами высокаго, чистаго, святаго, безъ чего человѣкъ—не человѣкъ. Такъ показываетъ и исторія церкви христіанской! Такъ показываетъ и исторія лицъ!

„Встань и иди въ городъ, и сказано будетъ тебѣ, что надобно дѣлать“ (9, 6). Такъ сказалъ Господь, по сказанію Луки. Но св. Лука опускаетъ здѣсь кое-что. По повѣствованію самаго Павла, переданному св. Лукою въ другомъ мѣстѣ, Господь сказалъ ему и свою волю о его служеніи церкви. „Встань и стань на ноги твои. Я для того явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ тому что ты видѣлъ и что открою тебѣ, отторгая тебя отъ народа іудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ нынѣ посылаю тебя открыть имъ глаза, дабы они обрѣтались отъ тьмы къ свѣту и изъ подъ власти сатаны къ Богу, и вѣрою въ Меня получили прощеніе въ грѣхахъ и часть наслѣдія съ освященными“ (Дѣян. 26, 16—18). Таково было общее очертаніе дѣятельности Павловой въ отношеніи къ другимъ! Павелъ въ послѣдствіи говорилъ галатамъ: „я и получилъ евангеліе и научился ему не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа“ (Гал. 1, 12). Все, что надлежало проповѣдывать другимъ, Павелъ узналъ отъ Самаго Господа; а что ему надлежало дѣлать съ собою, о томъ онъ долженъ узнать въ Дамаскѣ, тому научитъ его Ананія.

Когда Савлъ понялъ, кто говоритъ съ нимъ: онъ „въ трепетѣ и ужасѣ“ спрашивалъ: „Господи! что повелишь мнѣ дѣлать“? (Дѣян. 9, 6). Явленіе Господа произвело потрясающее дѣйствіе на Савла, сопровождавшееся рѣшительно перемѣною его; онъ уже не гонитель Іисуса; онъ трепещетъ предъ Нимъ; онъ ожидаетъ только воли Его, готовый выполнять ее, во что бы то ни стало; онъ рѣшился на все, что угодно Господу; своей воли онъ болѣе не хочетъ знать и отдаетъ всего себя Господу. Когда привели его слѣпаго въ Дамаскъ: то три дня „не ѣлъ онъ и не пилъ“ (Дѣян. 9, 9). Онъ горько

раскаявался теперь въ прошломъ заблужденіи. Эта скорбь такъ была искренняя, такъ была глубока, такъ сильно терзала душу его, что ни пища, ни питье не шли на умъ Савлу. Онъ долго, долго и послѣ того помнилъ—помнилъ до гроба, что былъ онъ „хулитель и гонитель, и обидчикъ“ (1 Тим. 1, 13), что гналъ онъ церковь Божію (Кор. 15, 9). Онъ ничѣмъ не извинялъ вины своей предъ Господомъ; признавалъ себя врагомъ Божіимъ, достойнымъ всякой казни. Терзаемый покаяніемъ, „онъ теперь молится“, какъ говорилъ Господь Ананіи (Дѣян. 9, 11). О чемъ молится? О томъ, чему научало раскаяніе, о прощеніи грѣховъ: о томъ, на что указывало небесное явленіе,—о ниспосланіи силъ, необходимыхъ для лучшей жизни, чтобы любить и проповѣдывать то, что дотолѣ гналъ онъ. „Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за Меня“ (Дѣян. 9, 16), такъ говорилъ теперь Господь Ананіи о Савлѣ. Господь видѣлъ, что кающійся и признательный Савлъ готовъ страдать за Него, и обѣщаетъ Савлу свою всемощную помощь, съ которою не сокрушатъ Савла никакія страданія. Высоко званіе, къ которому призванъ Савлъ: но на кого возлагаетъ Господь болѣе тяжести, чѣмъ на другихъ, тому посылаетъ и болѣе силъ. „По мѣрѣ какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше“ (2 Кор. 1, 5), такъ говорилъ самъ Павелъ. Какихъ страданій не перенесъ Савлъ за Господа Іисуса! И краткій перечень, какой онъ дѣлаетъ страданіямъ своимъ (2 Кор. 11, 20—32. 12, 9—12), изумителенъ.

Братъ мой! Если ты особеннымъ образомъ возбужденъ на подвиги благочестія, если получилъ ты довольно свѣта и теплоты душевной съ неба: будь вѣренъ призванію небесному, чтобы идти путемъ тернистымъ и тѣснымъ. Кого взыскалъ Господь милостію своею: не имѣлъ ли Онъ права ожидать отъ того искренней готовности переносить скорби и нужды за славу имени Его? Не довольствуйся первыми чувствами раскаянія: оно свято, но еще должно принесть плоды, достойные любви искренней. Не смущайся и горечью бѣдъ готовыхъ: Тотъ кто призвалъ тебя, дастъ тебѣ вытерпѣть столько, сколько и не думаешь. Опытъ научитъ тебя, что значитъ терпѣніе; по опыту узнаешь, что „отъ терпѣливости происходитъ опытность, отъ опытности надежда, а надежда не постыждаетъ“ (Рим. 5, 3. 4).

Савлъ обращенъ былъ однимъ явленіемъ Господа! Какъ это такъ? Въ глубинѣ души Савловой было доброе и прежде того: онъ любилъ законъ Божій. Онъ ошибался, допускалъ увлеченія и страстность человѣческую: но зерно души его было доброе. Безъ того—пусть говорятъ ангелы, пусть воскресаютъ мертвые пусть является Господь въ громахъ и молніи: нечестивецъ содрогнется и останется

нечестивцемъ. Если бы Савлъ не вѣрилъ въ Моисея и пророковъ: дивный свѣтъ и обличеніе Господа приняты были бы также, какъ приняты испорченными фарисеями чудеса Господа: „если Моисея и пророковъ не слушаютъ: то хотя бы кто изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ“ (Лук. 16, 31).

Не говори: Богъ милостивъ, дождусь чуда, и тогда иной буду. Инымъ тебя безъ тебя не сдѣлаютъ. Дѣлай твое дѣло, пользуйся тѣмъ, что дано тебѣ; не пропускай мимо глазъ милостей Божіихъ; исполняй волю Божію, открытую о тебѣ въ писаніи. О, Боже мой! если я, такой грѣшникъ, и еще живу, и еще каждый день и каждый часъ льются на меня дары твои: не чудеса ли это благости Твоей? и я остаюсь холоденъ къ нимъ, не благодарю за нихъ, не каюсь въ моемъ недостоинствѣ, не приношу плодовъ покаянія! Чего же жду я себѣ? Братъ мой! пренебреженіемъ къ дарамъ Божіимъ мы призываемъ на себя гнѣвъ Божій, а не милость Божію. Удобряй почву сердца твоего покаяніемъ и страхомъ Божіимъ, чтобы сѣмена слова Божія могли укрыться въ глубинѣ души твоей и дать послѣ ростковъ стебли съ зерномъ; призывай молитвою росу и дождь благодати на засѣянную землю, безъ того явится засуха и погибнетъ все.

Молись: молитва все дастъ тебѣ. Савлъ молился, и чего не получилъ! И язычники, и іудеи, и свои, и чужіи, были противъ Савла; но съ благодатію Божіею, данною по молитвѣ, онъ побѣдилъ все,—побѣдишь и ты.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 4-ю ПО ПАСХѢ.

Аще Сынъ вы свободитъ, во истину свободни будете (Іоан. 8. 36).

Свобода, свобода—чарующее слово! Кому не дорога ты, свобода? И какъ много нынѣ хлопочутъ о свободѣ! Вѣнокъ летитъ на голову, лишь только проронитъ кто слово о свободѣ, хотя бы слово и не умное. Что же ты такое, милая для всѣхъ свободна.

Если скажемъ, что свобода есть независимость отъ всего оскорбляющаго лучшую природу человѣка: скажемъ ли не согласно съ здравымъ смысломъ? У кого умъ и сердце на мѣстѣ, ничего не скажетъ онъ противъ такой мысли о свободѣ. Да, если въ жиз-

ни ничто не останавливаетъ правильнаго хода жизни, если жизнь духовной природы нашей развивается по ея лучшимъ требованіямъ; если воля опредѣляетъ свою дѣятельность чистыми, духовными требованіями природы, извѣстными съ именемъ нравственнаго закона: не есть ли это истинная свобода, какой только долженъ желать человѣкъ?

Быть свободнымъ, говорятъ, значитъ не подчиняться ни чьей сторонней волѣ, жить и дѣйствовать такъ, какъ хочется, поступать всегда и во всемъ по своей волѣ, по чувствамъ и влеченіямъ своего сердца. Но—это не свобода, а своеволіе; это не свобода оживляющая человѣка, а произволъ губящій жизнь человѣка; это—не миръ природы ограниченной съ Творцемъ безграничнымъ, а война противъ Бога и брань человѣка съ самимъ собою. Кто внесъ въ общество людей такую мысль о свободѣ? Тотъ, кто сказалъ первымъ людямъ: *будете яко бози*. Нечего сказать, надежный учитель! Свобода есть независимость, но отъ чего? Отъ несообразнаго съ духовною природою.

Истинная свобода есть тоже, что любовь ко всему лучшему, любовь чистая къ Богу и человѣчеству, тоже, что добровольное и охотное подчиненіе своей воли закону Божію. *Хождахъ въ широтѣ, яко заповѣди твоя взыскахъ* (Псал. 118, 45), говоритъ съ восторгомъ одинъ изъ лучшихъ людей. И какъ быть иному? Всевѣдущій законодатель знаетъ природу человѣка, какъ никогда не можетъ знать ее самъ человѣкъ, при всѣхъ пособіяхъ умозрительной и опытной мудрости своей. Потому законъ, даруемый Богомъ, человѣку, есть самое вѣрное, самое полное выраженіе лучшихъ потребностей человѣческой природы, есть полный и живой образъ дѣятельности, вполнѣ сообразной съ существенными нуждами человѣка, есть самое лучшее, самое счастливое, самое живительное развитіе жизни человѣческой.

Бѣда наша вотъ въ чемъ: *законъ духовенъ, азъ же плотянъ есмь*. Гдѣ взять силы исполнять законъ? Гдѣ взять мощь, чтобы развивать въ себѣ жизнь по лучшей оживляющей нормѣ жизни? *Аще Сынъ вы свободитъ, воистинну свободни будете*, говоритъ Сынъ Божій (Іоан. 8, 36). Истинно только тогда и является свобода въ человѣкѣ, когда онъ начинаетъ жить подъ вліяніемъ незримой благодати Христовой; всесильная благодать Божія исцѣляетъ испорченный душевный организмъ и даетъ силы развивать жизнь по лучшему образцу жизни. *Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи: и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 29), говоритъ Сынъ Божій. О! какой это сладкій голосъ! Какой это добрый призывъ! Подъ сѣнію благодати Христовой душа точно находитъ себѣ покой, ка-

кого нигдѣ не можетъ найти; подъ незримымъ, но мощнымъ, правленіемъ силы Божіей жизнь ея течетъ самымъ широкимъ потокомъ. *Праведнику законъ нележитъ* (Тим. 1, 9), потому, что поступать по закону Божію для него, тоже, что жить и дѣйствовать по влеченіямъ своего чистаго сердца, потому что онъ выполняетъ гораздо болѣе, чѣмъ могутъ сказать всѣ земные уставы.

Посмотрите на жизнь истинныхъ послѣдователей евангелія. Жизнь ихъ запечатлѣна характеромъ той чудной свободы духа, той самостоятельности и независимости, которой не найдете ни въ одномъ ученикѣ философскихъ школъ человѣческихъ. Въ числѣ святыхъ Божіихъ видите вы царей и подданныхъ, пастырей и пасомыхъ, богатыхъ и бѣдняковъ, старость и юность, мужчинъ и женщинъ: но при всемъ различіи пола и возраста, званій и отличій общественныхъ—одинъ и тотъ же духъ евангельской свободы одушевляетъ всю ихъ жизнь. Безъ гордости и самохвальства они говорятъ истину евангелія какъ безгласнымъ, такъ и голосистымъ земли, обличаютъ пороки и растлѣніе людей, не смотря на опасности для себя. Они не гоняются за вѣтромъ духа времени, не заискиваютъ его благосклонной улыбки, не льстятъ его наклонностямъ: если онъ прямо идетъ противъ закона Божія, они говорятъ ему о томъ въ глаза: если онъ прикрываетъ ложь кое-какимъ добромъ, они отдаютъ честь добру и выводятъ на свѣтъ ложь. Одинъ страхъ Божій предъ ихъ глазами: но ни какихъ людей не боятся они, ни ученыхъ, ни невѣждъ, ни фанатиковъ, ни индифферентныхъ, ни Нероновъ, ни Амановъ, ни демагогіи, ни олигархіи. Во время общественныхъ бѣдъ, войны опустошительной, язвы всепогубляющей, когда всѣ другіе теряютъ голову и падаютъ духомъ, они съ свѣжею мыслію отыскиваютъ мѣры противъ зла и являются ангелами утѣшителями. При самыхъ внезапныхъ переворотахъ счастія, при самыхъ тяжкихъ ударахъ жизни, хотя страдаютъ они, но страдаютъ молча; въ темницѣ и оковахъ также мужественны и тверды, какъ и подъ вѣнками почестей. Если владѣютъ богатствомъ и отличены вниманіемъ общимъ, не допускаютъ до себя ни гордости, ни роскоши, щедро разливая покой и довольство на другихъ. Такова жизнь истинныхъ христіанъ!

Творяй грѣхъ рабъ есть грѣха (Іоан. 8, 34). *Идѣже духъ Господень, ту есть свобода* (2 Кор. 3, 17). Какія это глубокомысленныя изреченія! Гдѣ грѣхъ, тамъ рабство! Грѣхъ не сроденъ нашей душѣ,—она создана для Господа и живетъ только въ волѣ Божіей. Грѣхъ налагаетъ оковы на душу, стѣсняетъ дѣятельность ея, разстроиваетъ ея жизнь, убиваетъ ее. Рыба не въ водѣ, птица не въ воздухѣ умираютъ: точно также душа въ чуждой для нее атмосфе-

рѣ грѣха.—Посмотрите поближе, что дѣлаетъ грѣхъ съ душею? Благо призрачное, обманчивое, ядовитое предпочитаетъ она истинному благу; стѣсненная въ порывахъ къ небесному, томится она въ мракѣ, скрывающемъ отъ нее свѣтлый образъ истины; а сердце погрязшее въ низкихъ наслажденіяхъ изнуряетъ тоскою о небесной отчизнѣ; воля теряетъ энергію для добра, какъ невольникъ съ цѣпью на шеѣ. Своеволіе грѣха не долго пользуется даже тѣмъ ничтожнымъ остаткомъ произвола, который даетъ возможность переходить отъ одного порока къ другому. Предавшись одной страсти, человѣкъ теряетъ удобства отравлять себя другими, не смѣетъ перемѣнить предмета наслажденій. Вотъ отъ чего бываетъ, что скупецъ томитъ себя голодомъ,—слуга плотской похоти расточаетъ милліоны отцовскіе,—тщеславный дѣлаетъ тоже для пустого звука извѣстности. Страсть порабощаетъ все себѣ,—и умъ въ услугахъ у нее и сердце бьется лишь ею, вся дѣятельность, внутренняя и наружная, опредѣляется ея капризами. Бываетъ, что голосъ совѣсти съ силою возстаетъ противъ деспотизма нажитой страсти: но сила страсти одолѣваетъ всѣ умныя разсужденія и—оказывается на дѣлѣ жалкій *рабъ грѣха*.

Такъ евангельская, духовная, свобода—не одно и тоже съ свободою гражданскою; духовная свобода можетъ быть собственностію царя и подданнаго, раба и господина, вельможи и бѣднаго ремесленника. Въ какомъ же отношеніи находится духовная свобода къ гражданской?

Безъ вліянія свободы духовной свобода гражданская—печальное преимущество. Въ такомъ положеніи свобода гражданская—для однихъ средство къ угнѣтенію ближнихъ, для другихъ—предлогъ къ своеволію и буйству.

Начальствующій по праву званія пользуется большею свободою гражданскою, чѣмъ подчиненные ему. Представьте же, что не хочетъ онъ, и знать требованій духовной свободы; представьте, что онъ—невольникъ самолюбія и своенравія, для которыхъ все готовъ дѣлать: чѣмъ онъ тогда будетъ для подчиненныхъ? Мучителемъ. Онъ требуетъ не того, чего требуетъ законъ, а что внушаютъ ему злыя страсти его; не исполни воли его преступной и—тебя заставятъ страдать. Напрасно вы будете, взывать къ правосудію, къ начальству высшему, къ голосу сосѣдей: изворотливый умъ сильнаго доведетъ васъ до положенія болѣе печальнаго, болѣе горькаго, чѣмъ было до жалобъ.—Напротивъ если духъ евангельской свободы одушевляетъ начальника: онъ стоитъ выше самообольщенія, выше гордости и тщеславія; какъ бы ни были обширны права его; онъ не только не оскорбитъ васъ неправдою, но благодушіемъ и благодѣ-

яніями усладитъ для васъ и власть свою. Онъ носитъ мечъ въ своей рукѣ, но только противъ разврата и буйства,—не онъ, а законъ, подвергаетъ наказаніямъ обманщика, вора и убійцу.

Нынѣ нерѣдко называютъ законную власть деспотизмомъ. Это ошибка, печальная ошибка. Самый жестокій, самый безчеловѣчный деспотизмъ,—это дикій произволъ подчиненныхъ, тотъ произволъ, которому вовсе незнакома истинная, христіанская свобода. Вредно бываетъ для благосостоянія общественнаго преобладаніе сильныхъ лицъ, злоупотребляющихъ своею властію. Но своеволіе и буйство народа, разженнаго страстями,—страшно, по самому большинству лицъ; въ слѣпотѣ невѣжества оно въ состояніи предать все разрушенію, порядокъ, законы, власть, бытъ семейный и самую религію. Припомните, не эта ли пагубная свобода въ странѣ гордившейся образованностію ниспровергла всѣ священныя права семейныя и общественныя, погасила науки, осквернила храмы, совершила не слыханныя звѣрства и жестокости, предала сотни тысячь людей невинныхъ разнымъ смертямъ? Тамъ, гдѣ нѣтъ свободы христіанской, свободы ума и сердца отъ страстей, тамъ свобода гражданская если при напряженныхъ усиліяхъ и явится между людьми, то на короткое время и не въ точномъ видѣ, а за тѣмъ смѣнится ужасами безчеловѣчія; буйство страстей, свергнувъ узы призрачныя, наложитъ дѣйствительныя, свергнувъ благотворныя и необходимыя, наложитъ лишнія и гибельныя, свергнувъ благое иго порядка и человѣколюбія, безпощадно отягчитъ безначаліемъ и тиранствомъ. Воры и убійцы—не тоже ли, что люди не стѣсняющіе себя законами гражданскими? Такова свобода гражданская безъ христіанской свободы!

Духовная, христіанская свобода, какъ живая любовь ко всему доброму, поставляя человѣка выше страстей и расчетовъ своекорыстія, заставляетъ его дѣйствовать въ обществѣ гражданскомъ съ полнымъ самоотверженіемъ для блага другихъ. Такъ она дѣйствуетъ при уничтоженіи рабства въ государствѣ: она не оскорбляетъ при томъ ни чьихъ правъ собственности, а располагаетъ любовь христіанскую принесть посильную жертву для блага ближнихъ; она не ищетъ при томъ себѣ простора и покоя на счетъ другихъ, а желаетъ только покоя другимъ. Она усовершаетъ извѣстный порядокъ гражданскій, болѣе и болѣе приближая его къ духу евангелія, измѣняя къ лучшему постепенно, мирно и тихо, не нарушая ни въ комъ дѣятельности истинно—разумной и свободной. Возьмемъ ли свободу печатнаго слова? Не слѣдуетъ, говорятъ, налагать никакихъ оковъ на слово: слово—даръ Божій, данный для всѣхъ. Но прежде всего напрасно принимаютъ печатное слово за даръ Божій,—оно—соб-

ственность не многихъ, добытая трудомъ ихъ.—Пусть поставятъ его на его мѣстѣ, на мѣстѣ ремесла, благороднаго во власти благородной души, и пошлаго въ рукахъ пошлаго человѣка. Если бы печатное слово было только словомъ болтуна, оно не было бы къ его чести, а для другихъ было бы только скучно. Но печатное слово можетъ быть и словомъ клеветника изворотливаго, готоваго измучить васъ въ инстанціяхъ суда. Оно можетъ быть словомъ желчной злости, для которой отрада—страданіе цѣлыхъ обществъ, словомъ тщеславія, безпощаднаго къ покою милліоновъ. Тогда, какъ устное слово, какъ бы оно гнило ни было, очень не долговѣчно и ограничиваетъ дѣйствія свои тѣснымъ кругомъ людей, печатное слово, если оно гнилое слово, будетъ плодить гниль въ сердцахъ людей цѣлые вѣка и тогда какъ устное слово есть—даръ Божій, данный для всѣхъ людей, печатное слово—занятіе рѣдкихъ.—Что же послѣ того печатное слово? Деспотизмъ немногихъ надъ цѣлыми милліонами и надъ цѣлыми поколѣніями, деспотизмъ самый оскорбительный, если деспотствуютъ люди пустые, а между тѣмъ онъ самый мощный и самый опасный изъ всѣхъ деспотизмовъ: онъ налагаетъ свои мысли и заблужденія, свои страсти и предразсудки дикіе на общества и не одного вѣка, а ряда вѣковъ. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противъ разрушительнаго дѣйствія печатнаго слова. Слова нѣтъ, это—деспотизмъ очень пріятный для самолюбія дѣятелей: но тѣмъ болѣе опасный для душевнаго здоровья и общаго блага и одобрять его могутъ только люди, которымъ не дороги ни совѣсть, ни смыслъ здравый. Христіанская свобода, какъ свобода любви, слишкомъ дорожитъ здоровьемъ душъ человѣческихъ и ихъ независимостію; безгранична область, гдѣ она можетъ дѣйствовать, разливая свѣтъ знаній плодотворныхъ: но она не дозволитъ себѣ говорить, а тѣмъ болѣе печатать, слова гнилыя и если другіе замѣтятъ проскользнувшую въ словахъ ея гниль, съ благодарностію воспользуется этимъ замѣчаніемъ. Такова истинная свобода!

Вы на свободу звани бысте, братія: точію да не свобода ваша въ вину плоти, но любовію работайте другъ другу (Гал. 5, 13). *Живите яко свободни, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу* (Петр. 2, 16). О! если бы каждый изъ насъ сознавалъ и чувствовалъ превосходство духовной свободы, дарованной Христомъ Іисусомъ человѣчеству! Онъ и не подумалъ бы о ложной свободѣ, о которой мечтаютъ иные. Свобода истинная, свобода христіанская, устрояетъ и на землѣ царство мира, счастіе семьи, общества, государства. Ложная свобода или своеволіе страстей вводитъ съ собою разстройство, напасти и бѣды, слезы и горе въ семейство, общество, государство.

Будемъ молиться, дабы силами благодати явилась въ насъ животворная свобода, въ славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 5-ю.

Отдадимъ справедливость новой философіи. Самонадѣянная прежде, она въ недавнее время стала искать помощи у христіанства, стала признавать нужду христіанской заповѣди о любви для блага обществъ. Считающіеся представителями людей умныхъ согласны нынѣ съ тѣмъ, что любовь и братство, проповѣданныя Господомъ Іисусомъ, составляютъ лучшее врачевство для недуговъ общественныхъ. По требованію любви христіанской желаютъ, чтобы человѣческіе законы были снисходительны къ несчастнымъ преступникамъ. Во имя той же любви желаютъ, чтобы люди, не смотря на различіе сословій и званій, были равны предъ закономъ, и чтобы бѣдность и незнатность рода не лишали человѣка гражданскаго значенія. Во имя той же любви требуютъ, чтобы добытое трудомъ человѣка принадлежало трудившемуся, а не было присвояемо другимъ лицомъ, не бравшимъ участія въ трудѣ. Все это прекрасно! Все это вино новое, чистое, свѣжее!

Но вотъ о чемъ забываютъ: новое вино не надобно лить въ мѣхи ветхіе, какъ говоритъ Спаситель нашъ (Лук. 5, 37). Если новую заповѣдь Спасителя думаютъ осуществить только средствами человѣческими,—это ветхіе мѣхи. Какія средства человѣческой природы могутъ преобразовать враждующій, завистливый, раздѣленный страстями, міръ людской въ одну семью братской любви? Въ человѣческой природѣ нѣтъ ихъ: двигатели ея—своекорыстіе и самолюбіе гордое. Или думаютъ, что людямъ стоитъ только пожелать, чтобы дѣйствовать въ духѣ любви христіанской,—и преобразованіе людей кончилось? Желанія еще не даютъ того, чего желаемъ. Одинъ изъ лучшихъ людей говоритъ за себя и за всѣхъ: „желаніе добра есть во мнѣ: но, чтобы сдѣлать его, того не нахожу“ (Рим. 7, 18). Ни наука, ни самый высокій умъ не даютъ намъ силъ для осуществленія высокихъ идеаловъ. Время увѣриться въ томъ опытами тысящелѣтій. Ни философы, ни законодатели, оставившіе образцовыя теоріи, не подарили ни себя, ни другихъ ни золотникомъ но-

выхъ силъ. Какъ ни умничай, а надобно согласиться съ словами Спасителя нашего: „рожденное отъ плоти есть плоть“ (Іоан. 3, 6). Всѣ происшедшіе отъ Адама не могутъ сами по себѣ стать выше наслѣдственной природы. Грѣхъ—начало всѣхъ несчастій, а отъ него не освободиться человѣку самому по себѣ. Потому грѣхъ и несчастіе всегда будутъ сопутствовать человѣку на путяхъ жизни его и станутъ разрушать лучшіе планы его.

Одна возможность для человѣка исполнять высокіе идеалы—помощь небесная, принятіе и усвоеніе благодати Божіей. Для того, чтобы осуществить въ себѣ новую заповѣдь Христову, надобно родиться свыше (ст. 7), надобно преобразоваться силою Духа святаго (ст. 6). Можно усвоить себѣ умомъ философію Гегеля, философію Платона, всякую другую философію человѣческую: но, чтобы усвоить себѣ философію Христову, для того мало быть слушателемъ этой философіи. Думаютъ, что могутъ усвоить евангельское ученіе о братской любви, помимо помощи Христовой? Напрасная мечта! Во Христѣ Іисусѣ, побѣдителѣ грѣха и смерти, человѣчество имѣетъ втораго Адама, духовнаго, животворящаго (Кор. 15, 45. 17). Если не отъ Него начинается поколѣніе людское: то это ветошь, ни къ чему негодная. Только Онъ своимъ Духомъ можетъ обновить печальное существованіе человѣка.

Новое вино въ ветхихъ мѣхахъ—потеря добраго вина и порча самимъ мѣхамъ. Такова судьба тѣхъ обществъ, которыя пытаются осуществить въ себѣ христіанское ученіе о братской любви безъ полнаго, духовнаго обновленія, безъ живой и возраждающей вѣры въ Господа Іисуса. Сердца ветхія, своекорыстныя, гордыя, самолюбивыя проповѣдуютъ любовь для другихъ, но сами не знаютъ ея, сами ничего не сдѣлали для нея, не пожертвовали ей ни одною страстію, ни одною привычкою. И что выходитъ? Перевороты разрушительные, потрясенія, ниспровергающія существующій порядокъ и несозидающія ничего прочнаго. Отчего это отсутствіе устойчивыхъ началъ общежитія, эта тоска, это недовольство настоящимъ, эта неувѣренность въ будущемъ, эта робость при выполненіи прекраснаго? Не отъ того ли, что новое вино льютъ въ ветхіе мѣхи? „Прогрессъ, прогрессъ“, кричатъ. А на дѣлѣ оказывается только ломка стараго—и ничего дѣльнаго; на дѣлѣ, по прежнему, невиннаго тѣснитъ сильное богатство, и счастливый нечестивецъ распоряжается судьбою людей честныхъ. Тратятъ силы, тратятъ средства—и все безъ пользы, занимаютъ людей работами—и всѣ работы только ослабляютъ людей бѣдныхъ, знакомя ихъ съ новыми нуждами, съ новыми бѣдами, тяжелыми уже по самой новости. Былъ давно, очень давно философъ-царь, который понялъ философскимъ

умомъ важность любви христіанской для общества языческаго, заставилъ язычниковъ построить больницы и дома милосердія: но долго ли стояли между язычниками заведенія Юліана? Онѣ разсыпались подобно карточнымъ домикамъ, при первомъ дуновеніи вѣтра. Вотъ наглядный опытъ того, что не удержать ветхимъ мѣхамъ вина новаго!

Нѣтъ, надобно имѣть не одно знаніе ученія Христова. Надобно глубоко чувствовать испорченность свою, и этимъ чувствомъ привлекать на себя благодать Христову, чтобы съ ея помощію воплощать въ себѣ новую заповѣдь Христову. Прежде всего, надобно какъ можно менѣе мечтать о себѣ, о своихъ силахъ и совершенствахъ, и какъ можно искреннѣе молить Вседѣйствующаго и благаго о Его милосердіи къ бѣднымъ людямъ. Заповѣдь о любви, безъ мысли о самоотреченіи,—менѣе, чѣмъ іудейская заповѣдь и уже вовсе не Христова заповѣдь. „Покайтеся и вѣруйте въ евангеліе“, тѣмъ началъ проповѣдь свою Спаситель; тѣмъ начинается и жизнь христіанская.

Пусть неотступною будетъ на всѣхъ путяхъ нашихъ увѣренность, что мы—ветхіе мѣха, и Онъ, только можетъ передѣлать эту ветхость за-ново. Надобно всѣмъ молиться за себя и за другихъ, дабы свѣтъ небесный озарилъ глубины сердецъ человѣческихъ, и онѣ приняли бы новое вино съ расположеніями новыми, достойными вѣчности счастливой. Тогда одни осудятъ въ себѣ своекорыстіе, волнующееся противъ новаго закона, другіе поймутъ, что свобода Христова есть отреченіе отъ всякаго преступнаго самоволія, отъ всякой животной страсти, и любовь, покорная святымъ заповѣдямъ Божіимъ. Духъ Христовъ, и только Онъ одинъ можетъ преобразовать сердца людей.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 2-ю ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

„Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“ (Матѳ. 7, 15).

Лжепророки, въ словахъ Спасителя, тоже, что лжеучители, или такіе учители, которые, подъ видовъ истины, передаютъ ложь и, подъ видомъ добра, надѣляютъ пагубою.

Берегитесь, говоритъ Господь, такихъ учителей, какъ берегутся яда, который можетъ скрываться и въ красивомъ цвѣткѣ; бере-

гитесь, какъ берегутся змѣи, которая, укрываясь въ кустарникѣ или подъ листьями, можетъ нечаянно напасть на васъ и нанесть смертельную рану.

Нельзя не удивляться тому, что оказываются охотники быть въ числѣ учителей лжи. Согласитесь! что это не великая честь имъ... Истина дорога для каждаго; а люди изобрѣтаютъ ложь. Странно. Но не думайте и того, что эти люди дѣйствуютъ по твердому убѣжденію. Убѣжденіе можно имѣть только въ дѣйствительномъ, а ложь— вымыслъ, призракъ, ничто. Ложь не можетъ имѣть силы убѣжденія для того, кто изобрѣтаетъ и распространяетъ ее. Основаніе ея для души только въ самой душѣ, въ ея порчѣ. Апостолъ убѣждаетъ держаться *благой совѣсти, юже нѣцыи отринувше, отъ вѣры отпадоша* (Тим. 1, 19). Видите, подъ какимъ условіемъ можно отказаться отъ истины и принимать ложь? Подъ условіемъ отреченія отъ благой совѣсти. Безсовѣсность вотъ основаніе лжеучителей! Печальное состояніе!

Что касается до насъ: проповѣдники лжи, какъ и всякое другое зло, попускаются съ тѣмъ, чтобы мы не спали, если не хотимъ потерпѣть вредъ отъ зла. Итакъ наше дѣло быть зоркими.

Какъ узнать лжеучителя?

Богъ истина и онъ одинъ источникъ истины. Потому то, что возвѣщено Имъ для насъ, есть несомнѣнная правда. Всѣ же мысли происхожденія земнаго, человѣческаго, непорочны, перемѣшаны съ недоумѣніями, съ ложью и неправдою. Итакъ не можетъ быть истиною то, что несогласно съ истинами созерцательными и практическими, открытыми въ словѣ Божіемъ и проповѣдуемыми церковью. Вотъ главная мѣра для повѣрки всѣхъ ученій! Потому не слушай тѣхъ учителей, которые или льстятъ страстямъ человѣческимъ или подъ видомъ новыхъ открытій передаютъ мысли несогласныя съ догматами церкви. „Хотя бы мы или ангелъ благовѣствовалъ вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема“ (Гал. 1, 8). Такъ говоритъ апостолъ Божій.

„Такъ говоритъ Іегова воинствъ: не слушайте словъ пророковъ сихъ. Огорчающимъ меня твердятъ: миръ будетъ у васъ, и всякому ходящему по упорству своего сердца говорятъ: не придетъ на васъ зло“ (Іер. 23, 16. 17).

Нынѣ говорятъ: „у насъ есть судья въ головѣ, слѣдуй ему; на что тебѣ еще другой законъ? Ты не ребенокъ, чтобы ходить въ школу, т. е. въ церковь и учиться у людей, которые не имѣютъ ни образованія, ни званія свѣта“. Такъ говорятъ называющіе себя людьми просвѣщенными.

Понимаете ли, что это голосъ ложныхъ пророковъ? Понимаете ли,

что этимъ ученіемъ вовсе отвергается откровеніе Божіе? Ахъ! внутренній законъ нашъ уже давно сталъ потемненъ и безсиленъ. При немъ одномъ чѣмъ были бы мы и по нынѣ? Тѣмъ же, что и предки наши—язычники; мы были бы людьми, ходящими во мракѣ (Исаія 9, 2); жили бы въ похотяхъ своей плоти и были бы безбожными въ мірѣ (Еф. 2, 3. 12). Ужели этого желать надобно? Избави, Боже, отъ такого страшнаго ослѣпленія! Нѣтъ съ однимъ закономъ внутреннимъ, съ однимъ разумомъ нашимъ, нельзя быть безопаснымъ даже и при руководствѣ слова Божія. Тогда каждый будетъ понимать писаніе по своему, и слово Божіе превратится въ игрушку страстей, какъ это и видно на опытѣ. Потому-то Отецъ небесный *далъ есть овы апостолы, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, дондеже достигнемъ вси въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 11, 13). Потому-то церковь есть столпъ и утвержденіе истины (Тим. 3, 15). Пусть, по примѣру вавилонянъ, поднимаютъ на смѣхъ сіонскія пѣсни. Не тревожьтесь, они погубнутъ по примѣру вавилонянъ.

Разумъ, говорятъ, по естественному развитію своему, дойдетъ до истинъ высшихъ, самыхъ чистыхъ: къ чему откровеніе? Разумъ дойдетъ;... слѣд., по нынѣ не дошелъ! А сколько времени прошло, какъ началъ онъ идти? Болѣе 7000 лѣтъ... Есть же надежда на то, что дойдетъ. Чтобы разсѣять мечты свои, пусть посмотрятъ на дѣйствительность пусть зорко разсмотрятъ, до чего успѣлъ дойти разумъ, по естественному развитію своему, въ продолженіи 5000 лѣтъ, до пришествія Христова? „Надобно ждать, говорилъ лучшій мудрецъ того времени, надобно ждать, пока возвѣщено будетъ, какъ должно вести себя въ отношеніи къ богамъ и людямъ.“ Алкивіадъ спрашивалъ: „когда же это будетъ, Сократъ, и кто будетъ этотъ наставникъ? Со всею радостію послѣдовалъ бы я ему, кто бы онъ ни былъ“ [1]). Лучшій теоретическій ученикъ лучшаго практическаго мудреца разсуждалъ: „благочестію учить ни кто не въ состояніи, если не будетъ предшествовать самъ Богъ, какъ вождь и наставникъ“ [2]). Вотъ лучшее, что находите вы въ долгой жизни язычества! Разумъ дойдетъ... Требуютъ вѣры въ слова и обѣщанія! Но какъ же это? То говорятъ, что вѣра дѣло неумное; то требуютъ вѣры. И кому же *довѣрять велятъ?* Людямъ! Когда? Тогда, какъ не велятъ довѣрять Богу. Пусть извинятъ, но заносчивость доходитъ до нелѣпостей.

Апостолъ Петръ пишетъ: „были и лжепророки въ народѣ (іудейскомъ), какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагуб-

[1]) Platonis Alcibiades.
[2]) Platonis Epimonides.

ныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами себѣ скорую погибель“ (2 Петр. 2, 1).

По этому наставленію апостола, если бы пришлось вамъ слушать человѣка, который сталъ бы отвергать нужду въ искупителѣ, Христѣ Іисусѣ, или учить о Немъ, несогласно съ словомъ Божіимъ, отвергая Его божество или человѣчество: будьте твердо увѣрены, что это учитель пагубной лжи, котораго не слѣдуетъ слушать. Пусть онъ владѣетъ даромъ слова, пусть онъ уменъ и съ познаніями обширными: не обольщайтесь тѣмъ,—участь его рѣшена апостоломъ: онъ погибнетъ.

Тотъ же апостолъ возвѣстилъ: „знайте, что въ послѣдніе дни появятся наглые учители, которые станутъ поступать по собственнымъ своимъ похотямъ и говорить: гдѣ обѣтованіе пришествія Его?“ (2 Петр. 3, 3).

Не слышите ли нынѣ такихъ, которые говорятъ: „добрымъ человѣкъ бываетъ тогда, когда для того, чтобы получить пріятное себѣ, дѣлаетъ пріятное другимъ“. Иначе это значитъ, что надобно жить только въ свое удовольствіе; другаго начала жизни нѣтъ, какъ удовлетвореніе влеченіямъ природы; пока живъ, пользуйся жизнію наслаждайся всѣмъ, чѣмъ и какъ можешь. Не правда-ли, что это тѣ люди, на которыхъ указалъ апостолъ, какъ на учителей наглыхъ, забывшихъ и объ умѣ, и о совѣсти? Это люди, для которыхъ нѣтъ ничего высокаго: ни честности безкорыстной, ни жизни загробной, ни духа свободнаго, ни Бога.

Ап. Іуда писалъ: „вкрались нѣкоторые люди, давно предназначенные къ осужденію, плоть оскверняютъ, начальства пренебрегаютъ и злословятъ высшія власти“ (Ст. 4, 8, 11).

Итакъ встрѣтятся ли вамъ люди, для которыхъ ни почемъ всѣ власти, ни почемъ законы, для которыхъ свобода означаетъ необузданную вольность жить, какъ кому угодно,—твердо помните, что это люди назначенные къ осужденію, которымъ давно возвѣщено горе. Нынѣ нерѣдки проповѣдники такой свободы. Какъ и въ давнее время они „злословятъ то, чего не знаютъ“ (ст. 10) и хвалятъ то, чего вовсе не понимаютъ. Не слушайте ихъ и помните слова апостола: „начальники не страшны для добрыхъ дѣлъ, а для худыхъ“ (Рим. 13, 4).

Ап. Павелъ писалъ: „Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, слушаясь духовъ обольстителей, запрещающихъ жениться“ (Тим. 4, 1, 3).

Итакъ, если услышите, что будто нынѣ нѣтъ благословеннаго брака и будто дозволительно вооружаться желѣзомъ противъ плоти, не отказываясь отъ ея похотей: твердо знайте, что это говорятъ духи-

обольстители, отступники отъ вѣры, проповѣдники ученія бѣсовскаго.

Духъ лжи изворотливъ: въ разныя времена является въ разныхъ видахъ и всегда прикрывая пагубный духъ свой наружностію приличною и даже обольстительною. „Приходятъ къ вамъ, говоритъ Господь, въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“. Иногда не легко узнать лжеучителя по содержанію ученія его. Почему же узнать, что подъ овечьею шкурою скрывается волкъ? „По плодамъ ихъ узнаете ихъ“, говоритъ Господь (Матѳ. 7, 16). Это значитъ, что если не узнаете ихъ по содержанію ученія, можете узнать по ихъ дѣламъ. Дѣла на языкѣ писанія не рѣдко называются плодами, напр. „сотворите плоды, достойные покаянія“, т. е. дѣла (Матѳ. 3, 8). Узнайте лжеучителей по дѣламъ ихъ, частію тѣмъ, которыя сами они дѣлаютъ, частію по послѣдствіямъ ученія ихъ. Ложь не можетъ внесть успокоивающаго свѣта въ нашу жизнь, потому что въ ней самой нѣтъ свѣта, она мракъ. Таковы же плоды учителей лжи. Мысль свою Господь объясняетъ далѣе такъ: „собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы“? (Матѳ. 7, 16). По общему правилу, всякое растеніе или дерево приноситъ свои плоды: репейникъ репьи, а не виноградъ, и виноградная лоза виноградъ, а не репьи. Точно такъ дѣла учителей лжи непремѣнно пагуба. Собственныя дѣла ихъ или гордость сатанинская, или развратъ; послѣдствія ученія ихъ таковы же. Если они успѣваютъ закрыть отъ глазъ людскихъ свои нечистыя дѣла, слѣдствія ученія ихъ откроютъ ихъ. „Дѣла плоти, говоритъ апостолъ, извѣстны: онѣ суть блудъ, нечистота, вражда, ссоры, піянство и тому подобное“ (Гал. 5, 19. 21). Если не всѣ вмѣстѣ, то многія изъ дѣлъ такихъ непремѣнно украшаютъ жизнь учителей лжи, или являются слѣдствіями ученія ихъ. Такъ описываетъ лжеучителей и апостолъ: „люди, говоритъ, самолюбивые, сребролюбивые, гордые, злорѣчивые, клеветники, невоздержные; враги добра, преданные болѣе сластолюбію, нежели Богу, имѣющіе видъ благочестія, но силы его отрекшіеся“ (Тим. 3, 1. 5). Итакъ „по плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Учители лжи говорятъ: миръ, миръ! но это только слова. Они говорятъ, что желаютъ общаго блага. Но это только слова. Смотрите на дѣла ихъ: они ищутъ только своего (Фил. 2, 4). Раздѣляютъ людей въ мысляхъ, поднимаютъ ихъ другъ противъ друга, заводятъ войну, доводятъ до сценъ кровавыхъ и печальнаго разстройства. Такъ всегда было! Такъ всегда и будетъ!

Еще одно слово о насъ самихъ. Берегитесь лжеучителей, говоритъ намъ Господь... Я не отвѣчаю, говоритъ иной, за тѣ понятія, которымъ наученъ, въ которыхъ воспитанъ; мое дѣло быть вѣрнымъ этимъ мыслямъ, а за невѣрность ихъ дастъ отчетъ Богу тотъ,

кто сообщилъ мнѣ ихъ. Да, лжеучитель будетъ строго отвѣчать за передачу ложнаго ученія. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но несомнѣнно и то, что не оставятъ въ покоѣ и того, кто принималъ ложь. Тебѣ данъ смыслъ, чтобы отличать истину отъ лжи? Данъ. Тебѣ дана любовь къ истинѣ, чтобы отрекаться отъ лжи и принимать чистыя, святыя мысли? Дана. Какъ же ты считаешь себя не подлежащимъ отвѣту за то, что держишься лжи, принятой отъ другаго? *Слѣпецъ слѣпца водитъ: оба въ яму впадутъ*, сказалъ Господь (Матѳ. 15, 14). Слышите, оба будутъ въ ямѣ, а не одинъ. Апостолъ говоритъ: *истины не пріяша, во еже спастися имъ. И сего ради пошлетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ вси невѣровавшіи, но благоволившіи въ неправдѣ* (2 Сол. 2, 10. 13). Страшныя слова! Появленіе учителей лжи вызывается не одною ихъ волею, а волею слушающихъ; они являются съ ихъ пагубою оттого, что не хотятъ принимать истины, любятъ неправду, благоволятъ къ нечестію. Какъ же нужно беречься! Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 3-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Онъ же (Ѳома) *рече имъ: аще не вижу на руку Его* (Христа Господа) *язвы гвоздинныя и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя;—не имъ вѣры* (Іоан. 20, 25).

Простата вѣры—прекрасное дѣло: съ нею такъ покойно душѣ. Но не одинъ ап. Ѳома не довольствуется простымъ довѣріемъ словамъ другихъ. Многіе также, какъ и Ѳома, не прежде хотятъ вѣрить, какъ испытаютъ и дознаютъ. Грѣхъ или не грѣхъ—пытливость?

И тѣмъ и другимъ быть можетъ.

Разумъ—дорогой даръ Божій. Пренебрегать имъ грѣшно надобно усовершать его, надобно питать его приличною пищею—познаніями, надобно расширять дѣятельность его упражненіемъ. Вотъ главное оправданіе пытливости! Но разумъ есть ли въ насъ высшая способность, или же служебная? Безъ сомнѣнія воля выше разума, она располагаетъ всею дѣятельностію души, а слѣд. и дѣятельностію разума. Итакъ пытливость не должна быть цѣлію для самой себя. Потому-то она можетъ быть и дѣломъ святымъ и дѣломъ грѣшнымъ.— Потому-то апостолъ не съ похвалою отзывал-

ся объ аѳинянахъ: „въ томъ только и проводили время, что говорили или слушали что нибудь новое“ (Дѣян. 17, 20).

Когда домогаются испытывать не открытое въ откровеніи о Богѣ: не грѣхъ ли это? Зачѣмъ касаться того, о чемъ не сказано тамъ, гдѣ сказано все нужное для спасенія нашего? Не значитъ ли это не довѣрять благости Божіей? Не значитъ ли это увлекаться, сознательно или безъ сознанія, мыслію, будто разумъ нашъ можетъ проникнуть глубже и взойти выше, чѣмъ мудрость слова Божія, чѣмъ умъ Божій? Такъ грѣхъ и грѣхъ допытываться отвѣтовъ на вопросы: что творилъ Богъ, прежде чѣмъ сотворилъ міръ? Какъ Христосъ Іисусъ преподается въ тайнѣ евхаристіи всѣмъ и вездѣ весь? Сколько потрачено времени и силъ на разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ! И все понапрасну, все—безъ плода для души,—или точнѣе со вредомъ для нее, потому что за безплодный трудъ и трату времени будутъ взыскивать съ насъ.

Грѣхъ допытываться будущей судьбы своей, далѣе предѣла положеннаго. Намъ сказано въ писаніи и говоритъ здравый смыслъ, что хорошо намъ будетъ, если будемъ жить хорошо и худо, если станемъ жить не по волѣ Божіей. Вотъ открытая судьба наша! Допытываться болѣе подробныхъ отвѣтовъ—дерзость никогда не безвредная, какъ оскорбленіе довѣрія къ промыслу Божію, и какъ пустая трата времени. Чтобы узнать будущую участь, обращаются къ картамъ, къ цыганамъ, къ ворожеямъ, къ магнетизерамъ, къ вызывателямъ духовъ, или къ стологаданію. Что все это значитъ? Грѣшное малодушіе, на минуты дерзкое. *Да не обрящется въ тебѣ волхвуя волхованьемъ и чаруяй и птицеволшебствуяй: есть бо мерзость Господеви Богу твоему творяй сія* (Втор. 18, 10—12).—Вотъ ясная воля Божія!

Грѣшна любознательность, жадно читающая книги опасныя для души. Кто званіемъ своимъ обязанъ узнавать пути лжи и нечестія, напр. учитель вѣры, наставникъ юношества: тотъ, хочетъ или не хочетъ, читай подобныя книги; да и онъ можетъ безвредно читать ихъ, частію потому, что у него уже готовы противъ яда лѣкарства, частію же потому, что помощь Божія обѣщана служителю Божію.—Но къ чему всѣмъ другимъ читать опасныя книги? Для того, чтобы предостеречь себя отъ паденій самимъ знакомствомъ съ низостію лжи и нечестія? Но въ такомъ случаѣ необходимы твердость ума и твердость воли, чтобы лукавое изложеніе лжи не увлекло за собою слабой мысли, и обольстительныя картины грѣха не завлекли воли въ смрадную грязь.—Есть ли у васъ твердый умъ и твердая воля? Пусть не оскорбятся, если скажемъ, что самая большая часть страстныхъ охотниковъ и охотницъ до книгъ

опасныхъ развратомъ и пустотою вовсе не знаютъ себя, что они такое: дѣти ли слабыя, но по крайней мѣрѣ простодушныя, или дѣти довольно уже испорченныя капризами страстей? Если допускаете первое: то надобно согласиться, что безбожно грязнить чистыя дѣтскія души всякою нечистотою людскихъ глупостей, тѣмъ болѣе, что такъ нужно намъ время для занятій лучшихъ. Предположимъ второе? Тогда должны согласиться, что безчеловѣчно отравлять больное дитя снадобьями вредными. Хотятъ лѣчить себя? Почему же не посовѣтоваться съ докторомъ, вмѣсто того, чтобы глотать, не понимая, что глотаютъ? „Не будьте дѣтьми умомъ, говоритъ намъ апостолъ, будьте на злое младенцами; а по уму будьте совершеннолѣтними“ (1 Кор. 14, 20).

Не умна, не честна, пытливость, когда стараются узнавать тайны ближнихъ своихъ, не бывъ обязанными къ тому званіемъ. У иныхъ пытливость эта доходитъ до того, что подкупаютъ служащихъ у сосѣда деньгами, ласками, обѣщаніями, чтобы выпытать то и другое. Отчего это? Отчего эта хлопотливость о другомъ? Оттого, что о себѣ вовсе не думаютъ: если бы занимались своею душею, если бы узнавали свои грѣхи, свои душевныя болѣзни, свою нищету: то не взошло бы и на умъ узнавать о сосѣдѣ. Когда свой домъ горитъ: спѣшатъ спасти въ немъ, что можно, если нельзя спасти всего; не время хлопотать о сосѣдѣ. Далѣе къ чему эта пытливость о другомъ? Для того только, чтобы узнанное недоброе о сосѣдѣ разгласить вездѣ, передать и другимъ сосѣдямъ и каждому встрѣчному. Подобные люди большею частію бываютъ болтливы и пусты до того, что неспособны говорить ни о чемъ полезномъ. Иные же и еще того хуже: дознаютъ о тайнахъ сосѣда, съ тѣмъ, чтобы имѣть способы вредить ему. Это—уже злость сатанинская.

Свята любознательность, направленная къ открытому намъ въ писаніи о Богѣ. *Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе истиннаго Бога и Его же послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). Жизнь вѣчная—въ томъ, чтобы знать Бога и Спасителя нашего. Какъ важно для насъ такое знаніе! Для всѣхъ ли? Безъ сомнѣнія для всѣхъ. Для кого же не нужна вѣчная жизнь? Хочется или не хочется намъ, вѣчность ждетъ каждаго и вѣчность не одинаковая,—покойная для истинно и искренно знающихъ Христа, знакомыхъ съ нимъ не одною мыслію, а полною душею,—и очень неспокойная, страшная, для не желающихъ знать Христа. Итакъ чего хотите? Безъ сомнѣнія, покойной вѣчности! Узнавайте же Христа искреннею душею. Умный христіанинъ не пропускаетъ дня, если не мѣшаютъ другіе обязанности, чтобы не выслушать лиен

прочитать св. книги, проповѣдующей о Богѣ и Христѣ. Слушать или читать слово Божіе—для него самая питательная пища. Для иныхъ скучно, не питательно слово Божіе? А что значитъ, когда и хорошая пища не принимается желудкомъ? Желудокъ засоренъ,— надобно поправить его. Итакъ полѣчите душу вашу покаяніемъ и вамъ слово Божіе покажется райскою пищею. Иначе встрѣтитесь съ суднымъ приговоромъ Господа: „люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы“ (Іоан. 3, 19).

Свята пытливость допытывающаяся таинъ души своей, для ея спасенія. Дороже душевнаго спасенія конечно нѣтъ ничего для насъ. Но не зная себя, можемъ ли спасти себя? Нѣтъ. Какъ лѣчить больнаго, не зная что за болѣзнь у него? Какія поражены его части? Какова степень ея? Отъ какихъ причинъ явилась она? Надобно узнать все это и надобно потомъ сообразить, какія и въ какой мѣрѣ дать лѣкарства. Такъ многое надобно намъ узнать о себѣ самихъ. Душа наша больна и при томъ у каждаго своею болѣзнію, у иныхъ весьма сложною и весьма мудреною, такъ что много надобно употребить времени, чтобы допытаться до полнаго значенія болѣзни. Какъ долго надобно всматриваться въ свое сердце, чтобы дознать свои склонности и свои страсти! Надобно довѣдаться, что въ насъ есть и чего не достаетъ, какія есть добрыя качества и какихъ нѣтъ, какъ охранять въ себѣ доброе и какъ ослаблять худое. Казалось, такъ какъ никого нѣтъ ближе къ намъ, какъ мы сами: то легче всего намъ узнать самимъ себя. Но бѣда въ томъ, что отъ вѣрнаго самосознанія заслоняетъ насъ наше самолюбіе съ его отпрысками: ему очень не хочется видѣть насъ въ нашемъ подлинномъ видѣ, весьма не нарядномъ, и оно всячески закрываетъ насъ отъ насъ самихъ, пороки наши выставляетъ въ видѣ слабостей извинительныхъ, сомнительныя дѣла называетъ подвигами геройскими и чего—чего не творитъ оно съ нами! Извольте допытаться правды.

Не грѣшна любознательность наша и тогда, когда стараемся собрать познанія нужныя по нашему званію. Если ученый новыми изслѣдованіями усовершаетъ свою науку, художникъ—свое искусство, ремесленникъ—свое ремесло: это—занятія добрыя. При такомъ занятіи каждый изъ нихъ служитъ своимъ дарованіемъ людямъ и Богу, уменьшаетъ нужды бѣднаго человѣчества и себѣ доставляетъ честнымъ трудомъ средства жизни. Премудрый говоритъ: „мудростію строится домъ и умѣньемъ укрѣпляется... Прошелъ я по полю лѣнивца и по винограднику глупца: и вотъ все наполнено дурною травою“ (Прит. 24, 3. 30).

Само по себѣ понятно, что познаніе предметовъ нужныхъ и

полезныхъ для жизни временной имѣетъ важность очень ограниченную. Дни нашей жизни—коротки, а предметы не грѣшной пытливости—не одинаково важны. Не умно не только наполнять голову свѣдѣніями пустыми и вредными, но и не дѣлать выбора между полезными.

Каковы бы ни были предметы нашей пытливости: надобно полагать мѣру пытливости. Если жаждѣ пытливости хотятъ удовлетворять столько, что не достаетъ времени выполнять другія обязанности, напр. обязанность молитвы, обязанность званія: это—уже дѣло страсти и слѣд. не дѣло святое, а грѣшное. Надобно всегда помнить, что мы живемъ не для себя, не для своихъ прихотей, а для Господа Бога. Апостолъ говоритъ: „если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всѣ познанія и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви: я—ничто“ (1 Кор. 13, 2). Значитъ, безъ святой любви самыя блистательныя познанія—ничтожны. Послѣ того нѣтъ нужды говорить о томъ, что грѣшно жаждать познаній только для земной извѣстности или для земной корысти.—Гоняться за вѣтромъ занятіе неблагодарное, пустое до досады.

Будемъ жить такъ, чтобы жизнію нашею славилось великое имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 4-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Ни во израили толики вѣры обрѣтохъ (Матѳ. 8, 10).

Чудное явленіе! Римскій сотникъ и слѣд. съ дѣтства язычникъ, удостоенъ такого высокаго одобренія со стороны Господа. „Истинно говорю вамъ: и въ израилѣ не нашелъ я такой вѣры“, такъ сказалъ Господь о сотникѣ капернаумскомъ окружающимъ Его.—Безъ сомнѣнія Спаситель не имѣетъ здѣсь въ виду такихъ людей, каковъ былъ богопріимецъ Симеонъ и не многіе подобные ему. Но если и большинство израиля, большинство тѣхъ, которымъ даны были обѣтованія, возвѣщены пророчества, предложены наставленія въ вѣрѣ истинной, не имѣли такой вѣры, какую имѣлъ римскій сотникъ;—не униженіе ли это израилю? не честь ли сотнику? не явленіе ли это необыкновенное и достойное изученія? Такъ капернаумскій сотникъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы разсмотрѣли мы качества его, для нашего назиданія.

Старѣйшины іудейскіе, повѣствуетъ св. Лука (7, 4. 5), свидѣтельствовали о сотникѣ: „онъ достоинъ того, чтобы ты оказалъ Ему милость: *любитъ бо языкъ нашъ и сонмище той созда намъ*“. По такому отзыву, сотникъ столько былъ внимателенъ къ вѣчнымъ потребностямъ души своей, что не смотря на положеніе свое въ свѣтѣ языческомъ, не смотря на невыгодные отзывы язычниковъ о іудействѣ, призналъ достоинство откровеннаго ученія,—призналъ искреннею душею, такъ что построилъ на свой счетъ домъ молитвы и изученія закона Моисеева.

Да, холодность къ вѣрѣ, равнодушіе къ Богу, источнику всего добраго и прекраснаго, какъ бы ни были блистательны дарованія ума и сердца, показываютъ въ человѣкѣ не человѣка, а что-то близкое къ животному или къ духу отверженному. Ибо тогда въ человѣкѣ нѣтъ жизни человѣческой, также какъ живый духъ человѣческій, отличіе и украшеніе человѣка, не можетъ не любить Бога своего и Его истину. Сообразите послѣ того, что значатъ христіане, для которыхъ вѣра лучшая, вѣра самая чистая и самая высокая, какова вѣра христіанская,—предметъ самаго холоднаго вниманія, если только не презрѣнія? О земной жизни, о ея удобствахъ, о ея удовольствіяхъ заботы днемъ и ночью, а о религіи святой, если говорятъ, то вовсе не для нее самой; о церкви Божіей, гдѣ должны воспитываться и усовершаться всѣ высокія потребности духа, поминаютъ лишь для того, чтобы блеснуть умомъ, въ сущности мелкимъ, и отпустить колкости злости на счетъ служителей ея. Любовь къ св. вѣрѣ называютъ, фанатизмомъ. Если хотите, можете услышать и широкіе толки о вѣрѣ: но о какой? О всякой, только не о преданной откровеніемъ Божіимъ; о всякой, какую кому захочется призвать по расчетамъ страстей, по произволу ума состоящаго на службѣ у своеволія. Это называютъ правомъ свободы, правомъ совершенствующагося человѣчества. О! Боже мой! что скажешь Ты на судѣ Твоемъ этимъ христіанамъ? Кровь Сына Божія, пролитая за людей, ни во что вмѣнена. Евангеліе, возвѣщенное въ сопровожденіи столькихъ чудесъ, оказалось не нужнымъ, оно замѣнено торговыми книгами или произведеніемъ ума опьянѣвшаго отъ своеволій. Напрасно были посланы апостолы во вселенную; напрасно воспитаны св. Духомъ отцы и святители церкви! Братія! люди заставляютъ природу духовную считать за одно и тоже истину и ложь, святость и нечестіе, путь жизни и путь погибели: но природа, оскорбленная насиліемъ, грозно отмститъ людямъ за себя въ свое время.—Это такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что мы существуемъ. Это такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что есть Богъ правды, Богъ всемощный и грозный противъ нечестія.

Другая черта указываемая евангеліемъ въ капернаумскомъ сотникѣ,—это его сердечное сострадание къ больному служителю своему. Онъ проситъ старѣйшинъ іудейскихъ упросить Врача о помощи (Лук. 7, 4), поручаетъ передать Господу Іисусу просьбу его: „слуга у меня лежитъ дома разслабленный и жестоко страдаетъ“ (Матѳ. 8, 6). Какая нѣжная любовь къ слугѣ звучитъ въ этихъ словахъ! Сколько заботъ о больномъ рабѣ!

Братія! Апостолъ говоритъ христіанамъ: „если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). Что это значитъ? Отчего такой строгій приговоръ немилосердому христіанину? Оттого, что отличіе христіанской вѣры—любовь. *О семъ познаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою,* сказалъ Господь нашъ. Потому если христіанинъ не имѣетъ любви заботливой о счастіи другаго: онъ не христіанинъ, въ немъ нѣтъ существеннаго отличія христіанина. Поелику же и лучшіе язычники оказываютъ сострадание къ несчастнымъ: то несострадательный христіанинъ—хуже и язычника.—Такъ христіанскій начальникъ,христіанскій господинъ, христіанскійхозяинъ дома должны заботиться о здоровьѣ и счастіи служащихъ и подчиненныхъ, должны помогать имъ въ ихъ нуждахъ, сколько могутъ. Они должны твердо помнить, что подчиненные ихъ—братья имъ по природѣ и во Христѣ и что милосердый Господь усвояетъ себѣ то, что сдѣлано будетъ для этихъ невидныхъ людей. „Алкалъ я, скажетъ Онъ на судѣ, и вы не накормили; жаждалъ и вы не напоили былъ нагъ и не одѣли; былъ странникомъ и не приняли Меня; боленъ и въ темницѣ былъ и не посѣтили Меня.... Поелику не сдѣлали вы сего одному изъ сихъ меньшихъ: то не сдѣлали Мнѣ“ (Матѳ. 25, 42—45). О! худо будетъ душамъ черствымъ и холоднымъ, глухимъ и слѣпымъ для скорбей братій своихъ!

Сострадание къ больному слугѣ заставило сотника искать помощи для него. Но гдѣ взять помощь? Онъ слышалъ о чудесахъ галилейскаго Учителя и вѣроятно самъ былъ очевидцемъ нѣкоторымъ изъ нихъ. Душа его уже признавала въ Немъ чудотворца. Любовь сострадательная, заботливая о больномъ слугѣ, расширила вѣру его въ Чудотворца. „Господи, говоритъ онъ Іисусу, слуга мой лежитъ дома разслабленъ и жестоко страдаетъ“.—Можно бы принять воззваніе: „Господи“, за выраженіе почтительной учтивости, но не въ устахъ сотника благоговѣйнаго и вѣрующаго. Онъ считаетъ довольнымъ сказать о сильной болѣзни слуги и уже увѣренъ, что безъ просьбы его благій Господь приметъ участіе въ больномъ и мощный Чудотворецъ исцѣлитъ его. Вѣра его въ Іисуса такъ была высока, уваженіе его къ Нему такъ было велико, что по его вѣрѣ стоитъ Гос-

поду Іисусу сказать слово и слуга его будетъ здоровъ. „Хотя я и подвластный человѣкъ, говоритъ онъ, но имѣя подчиненныхъ, скажу одному: поди и идетъ, и другому: приди и придетъ, и слугѣ моему сдѣлай то и дѣлаетъ“ (Матѳ. 8, 9). Твое ли слово не выполнится? Скажешь больному: будь здоровъ и будетъ здоровъ. Сотникъ признаетъ въ Іисусѣ всемощнаго властителя надъ природою, Того владыку, которому все покорно.

Христіане! зачѣмъ мы жалуемся, что насъ тяготятъ скорби необлегчаемыя, несчастія неотвратимыя? Если бы молились мы съ такою же вседушевною вѣрою, съ такою же глубокою искренностію, какъ молился сотникъ: не тяготили бы насъ скорби. „Не сотворилъ тамъ (въ своей отчизнѣ) многихъ чудесъ по невѣрію ихъ“, свидѣтельствуетъ евангелистъ (Матѳ. 13, 58). Мы столько же малодушны бываемъ въ несчастіи, сколько самонадѣянны въ счастіи: а то и другое отъ того, что нѣтъ въ насъ искренней, благоговѣйной вѣры въ Господа. Гордость наша столько же труслива бываетъ въ бѣдахъ, сколько заносчива въ часы покоя: вѣрѣ святой, надеждѣ обращенной къ Господу, нѣтъ въ насъ мѣста. Слово Господа непреложно; если имѣете вѣру съ зерно горчичное, то скажите горѣ сей: двинься съ мѣста и сдвинется. Все, чего ни попросите у Отца Моего съ вѣрою, дастся вамъ“. Такъ будемъ молиться искренно Господу, будемъ молиться всею душею и—всемощная благость подастъ все нужное намъ для времени и вѣчности. Будемъ молиться, какъ молился сотникъ. Господи! Тебѣ все возможно и если благоугодно мудрой благости Твоей,—посли помощь Твою. И помощь будетъ послана, въ томъ или другомъ видѣ.

Евангеліе указываетъ еще высокое качество въ сотникѣ—глубокое смиреніе, качество всего болѣе нужное для насъ грѣшныхъ.— Сотникъ былъ лицемъ почетнымъ по званію своему; а римскій сотникъ въ Іудеѣ значилъ очень много: участь города была въ его рукахъ. Капернаумскій сотникъ снискалъ себѣ и другое величіе, кромѣ величія власти: за его услуги, за его благодѣянія мѣстные іудеи высоко уважали его. И при такой силѣ власти, при такомъ общемъ уваженіи сотникъ понималъ духовную свою бѣдность, какъ очень немногіе. Когда Господь Іисусъ сказалъ: „Я приду и исцѣлю слугу“: сотникъ отвѣчалъ: „Господи! не трудись; я не достоинъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой“. Такъ мало онъ о себѣ думалъ! Такъ смиреніе его не земное вошло въ споръ съ благостію небесною, признавая себя не стоющимъ посѣщенія ея.

О! Боже мой! и я, приступая къ великому таинству Твоему, говорю устами: „нѣсть достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши“.— Но это говорятъ уста, а сердце? Охъ! оно холодно и нѣмо. Оно

не трогается, оно не содрогается отъ мысли о безграничномъ величіи Твоемъ и о недоступной святости Твоей. Оно не трепещетъ отъ ужаса предъ тяжестію грѣховъ и беззаконій моихъ. *Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Друзья мои! когда приступаете вы къ св. причастію: будите душу свою отъ безстрашія; старайтесь возчувствовать гнусность грѣховъ и нечестій своихъ; трепещите предъ величіемъ Того, кто идетъ подъ кровъ души вашей. Кто мы и кто Онъ? Еслибы и не было у насъ грѣховъ болѣе, чѣмъ волосъ на головахъ нашихъ, кто мы предъ Безпредѣльнымъ? Что у насъ своего, кромѣ грѣховъ? Дарованія ли ума? Доблести ли воли? Почетныя ли званія? Богатство ли? Здоровье ли? Красота ли? Все, все—не наше. И къ тому же за все это должны мы дать отчетъ Господу; должны отвѣчать, такъ ли, на то ли употребили бы данные дары, на что даны они? Какъ же не безумна въ насъ каждая мысль гордая? Какъ не преступно каждое движеніе самоуслажденія? У каждаго изъ насъ страдаетъ болѣзнію разслабленія душа его, которая выше всѣхъ благъ міра. Господь хочетъ войти въ домъ души его, готовъ внесть жизнь и силы въ разстроенный организмъ. Надобно только, чтобы душа искренно сознала, живо чувствовала свою немощь, сокрушалась о грѣхахъ своихъ. Тогда душѣ сказано будетъ: *яко же вѣровалъ еси, буди тебѣ.*

Усвоимъ себѣ качества капернаумскаго сотника, одобреннаго Господомъ. Усвоимъ любовь къ св. вѣрѣ, любовь къ несчастнымъ братіямъ, вѣру живую и смиреніе святое. Тогда и каждому изъ насъ скажетъ Господь въ вѣчности: *яко же вѣровалъ еси, буди тебѣ.* Аминь.

СЛОВО ВЪ СОБОРНОМЪ ХРАМѢ.

Пріидите, чада, послушайте мене: страху Господню научу васъ.

Мы будемъ развивать умственное и нравственное образованіе въ дѣтяхъ; до религіознаго намъ дѣла нѣтъ". Такъ сказалъ кто-то недавно изъ числа молодыхъ педагоговъ.

Если новый педагогъ только не считаетъ себя довольно свѣдущимъ въ истинахъ св. вѣры, чтобы быть наставникомъ вѣры: признаніе его—дѣло умное и доброе. Смѣшно учить тому, чего самъ не знаешь. Или нѣтъ, не смѣшно, а страшно: дѣло идетъ о вѣчномъ спасеніи или вѣчной погибели людей. Отвѣтъ за неуспѣхъ въ

такомъ случаѣ не можетъ быть легкимъ. *Горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое* (Исаія 5, 20). По любви христіанской нельзя желать, чтобы кто-нибудь явился въ разрядѣ тѣхъ учителей, *ихже*, по суду апостола, *подобаетъ уста заграждати, иже вся домы развращаютъ, учаще, яже не подобаетъ, сквернаго ради прибытка* (Тит. 1, 11). Учить благочестію—не легкое дѣло. Напротивъ, легко быть можетъ, что вмѣсто благочестія научишь нечестію, если не словомъ, то примѣромъ. Одинъ изъ искреннихъ священниковъ, умирая, говорилъ: „если бы зналъ я, что такой строгій отвѣтъ надобно давать за прихожанъ, согласился бы быть до гроба, пастухомъ овецъ, а не принялъ бы на себя сана священства". Такъ въ этомъ смыслѣ слова педагога прекрасны.

Но если онъ думаетъ, что можно давать правильное образованіе, умственное и нравственное, безъ вѣры: онъ ошибается, во вредъ себѣ и другимъ. Гдѣ свѣтъ для ума, если не въ вѣрѣ? Гдѣ прочныя начала для жизни, если не въ христіанскомъ ученіи? Французская революція показала на дѣлѣ, что безъ св. вѣры люди становятся звѣрями; бьютъ и рѣжутъ людей, также спокойно, какъ и животныхъ. Въ опытахъ видѣли, что для людей безъ вѣры не святы ни семейное счастіе, ни гражданскій порядокъ, ни законъ, ни правительство. Да и какъ быть иному? Кто не боится Господа Бога, въ комъ нѣтъ ни капли страха Божія,—можетъ ли тотъ уважать что нибудь на землѣ? Онъ и собою дорожитъ не болѣе, какъ червемъ. Да, познаніе вѣры, воспитаніе въ духѣ св. вѣры необходимо для каждаго,—безъ него невозможно никакое совершенство человѣка, ни умственное, ни нравственное. Безъ Бога немыслимо ничто, и безъ жизни для Бога невозможна правильная жизнь ни ума, ни сердца. Образованіе ума и сердца, безъ воспитанія религіознаго, мало назвать мечтою, *это—несчастіе для человѣка и общества. Общества, которыя допускаютъ педагоговъ-безвѣровъ,—жалкія общества.* Тамъ, гдѣ вся забота устремлена не на связь человѣка съ Богомъ, а только на связь его съ міромъ, можетъ образоваться только человѣкъ міра, человѣкъ времени, человѣкъ земной, но не тотъ, который созданъ по образу Божію. А стоитъ ли такой человѣкъ имени человѣка? Безбожіе мертвитъ, убиваетъ духъ человѣческій, а вѣра, и только одна вѣра, животворитъ его, соединяя его съ Богомъ, источникомъ всякой жизни. Нравственныя внушенія людскія, безъ вѣры, сухи и холодны, непрочны и измѣнчивы, какъ все временное. Только вѣра нисходитъ въ самое сердце человѣка и возбуждаетъ въ немъ готовность, одушевляетъ его твердостію—жертвовать всѣмъ для добра. Потому воспитаніе религіозное должно начинаться никакъ не позже умственнаго или нравственнаго.

Говорятъ: „мысли о Богѣ и Его откровеніи слишкомъ высоки для дитяти; оно еще слабо, неспособно понимать эти мысли. Пусть приводятъ человѣка къ Богу тогда, какъ разовьется умъ его“.

Но тѣ, которые считаютъ вѣру недоступною для души дитяти, не понимаютъ своей души и ея отношенія къ вѣрѣ. Давно сказано однимъ учителемъ вѣры: „душа наша—по природѣ христіанка“. Жизнь религіи начинается вмѣстѣ съ жизнію души. Первое пробуждающееся въ человѣкѣ чувство есть пробужденіе въ сердцѣ религіи. Первыя ощущенія привязанности его къ отцу и матери—явленія религіозныя. Развивайте эти начала религіи, воспитывайте эти сѣмена благія, посѣянныя самимъ Творцемъ, и вы увидите предъ собою дитя умное и доброе. Умъ дитяти не можетъ усвоять себѣ истины вѣры на столько, чтобы давать въ нихъ отчетъ самомыслительный. Но въ немъ живы память и воображеніе чтобы усвоять себѣ начала вѣры. Разумъ дитяти слабъ, но за то свободенъ отъ тумана, наводимаго предразсудками и страстями; потому въ его мысляхъ отражаются образы вѣры въ ихъ чистомъ и цѣломъ видѣ: вѣра принимается не столько умомъ, сколько сердцемъ. Чистые сердцемъ зрятъ Господа. Сердце дитяти чисто, какъ зеркало, нѣжно какъ воскъ, и потому оно легко принимаетъ наставленія вѣры. Справьтесь съ опытомъ; опытъ скажетъ вамъ тоже. Добрые отецъ и мать молятся послѣ обѣда, или предъ сномъ; ребенокъ, смотря на нихъ, дѣлаетъ тоже. Мало того,—онъ спрашиваетъ отца или мать: кто такой Богъ? Добръ ли Онъ къ намъ? Если родители умны: какъ легко имъ нѣжную любовь ребенка къ нимъ самимъ возвышать до любви къ Отцу небесному! Какъ легко имъ простые вопросы ребенка о владѣльцѣ дома, села, обращать въ отвѣты о Владѣльцѣ неба и земли! Дитя съ наслажденіемъ слушаетъ такіе разговоры родителей,—они—близки къ уму и сердцу его; оно и спрашиваетъ о такихъ предметахъ съ любовію и слушаетъ отвѣты съ радостію. Зачѣмъ же хотятъ дѣлать насиліе влеченіямъ доброй дѣтской души? Почему отказываются развивать добрыя сѣмена, посѣянныя Творцомъ души нашей?

Другіе говорятъ: „какіе за дѣтьми грѣхи? Отъ чего остерегать ихъ“? Правда,—дѣтскій возрастъ—возрастъ невинности, въ сравненіи съ другими возрастами. Но такъ ли онъ невиненъ, какъ кажется инымъ? Отцы и матери не налюбуются дѣтьми своими: но не слишкомъ ли много они любуются? Присмотритесь къ нравственному міру юной молодежи? Нѣтъ ли въ немъ побѣговъ зла? Не замѣтите ли въ дѣтскихъ шалостяхъ подготовки къ крупнымъ преступленіямъ? Въ юныхъ возрастахъ не видно ни пьянства, ни воровства, ни дикаго насилія и пр. Но если мальчикъ привыкъ часто

ссориться съ другими за бездѣлицу, а подъ часъ и поколотить ихъ: думаете ли вы, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ не отдѣлаетъ такъ своего сосѣда, что попадетъ и подъ судъ? Точно тоже должны вы сказать о другихъ сѣменахъ зла. А какъ ловко умѣютъ дѣти притворяться, скрытничать, лицедѣйствовать? Къ какимъ сложнымъ хитростямъ прибѣгаютъ они, когда хотятъ обмануть мать или отца? А капризы своенравія, а упрямая стойкость въ своемъ—добрые плоды души? Какъ же вы, любя дѣтей, хотите оставить ихъ безъ того воспитанія, которое такъ зорко смотритъ за всѣми, самыми малыми, движеніями зла?

Откладывать религіозное воспитаніе человѣка до поздняго времени—значитъ подвергать его крайнимъ опасностямъ. Это значитъ предоставлять свободу развиваться въ немъ злымъ сѣменамъ и еще подъ вліяніемъ самаго возраста, столько незрѣлаго для добра. Всего легче соблазнить душу дитяти: она такъ проста, такъ воспріимчива. Дитя не знаетъ по опыту пагубныхъ послѣдствій заблужденія и порока; оно не подозрѣваетъ ни въ комъ обмана и отдается каждому впечатлѣнію. Потому, если сердце его не ограждено страхомъ Божіимъ,—оно легко можетъ увлекаться вліяніями зла. Вступая въ свѣтъ, оно встрѣчается и съ людьми худыми, и съ предметами, возбуждающими худое въ душѣ. Что спасетъ его отъ паденій, если не посѣяны въ немъ истины св. вѣры, не воспитаны чувства благоговѣнія предъ Всевышнимъ? Не увидите въ немъ Іосифа, твердаго предъ лицемъ соблазна: Іосифъ съ дѣтства проникся любовію къ Богу, и потому отвѣчалъ соблазну: *како сотворю глаголъ сей злый и согрѣшу предъ Богомъ?* (Быт. 39, 9). Если въ дѣтскомъ возрастѣ усердно посѣяны въ душѣ человѣка сѣмена благочестія,—пусть въ лѣта бурной молодости онъ по временамъ и будетъ увлекаться на сторону зла, но когда умъ его начнетъ зрѣть и непріятныя встрѣчи жизни станутъ приводить его въ себя: съ какою силою заговорятъ въ душѣ его наставленія, слышанныя въ дѣтствѣ! Какъ разовьется въ немъ жизнь прекрасная, дотолѣ ослабляемая порывами легкомыслія! Но не ожидайте ничего подобнаго отъ того несчастнаго юноши, который съ дѣтства своего ничего не слыхалъ и не зналъ о св. вѣрѣ, а сѣменами злаго міра щедро былъ засѣваемъ. Надобно заботиться о томъ, чтобы въ самомъ первомъ возрастѣ не были внушаемы нѣжнымъ душамъ какія либо мысли, не совсѣмъ согласныя съ чистымъ ученіемъ христіанскимъ: иначе на доброй почвѣ возрастутъ засѣянныя плевелы, и когда будетъ сѣяться слово Божіе, оно можетъ остаться безплоднымъ; дорогіе, небесные ростки его подавлены будутъ прежде выросшими терніями заблужденія и грѣха. Слишкомъ позднее, или въ дни дѣтства небрежно преподанное наставленіе въ

вѣрѣ не имѣетъ вѣрнаго, спасительнаго дѣйствія на душу. Не свыкшись съ истинами вѣры, она легко падаетъ подъ первыми нападеніями дерзкаго сомнѣнія. Чтобы проникнуться высочайшими истинами, душа должна теперь бродить по тернистымъ путямъ сомнѣній и мучиться надъ рѣшеніемъ вопросовъ пытливаго ума. А если бы въ сердцѣ ея съ дѣтства жила благоговѣйная любовь къ предметамъ вѣры; эта любовь облегчала бы для ума рѣшеніе вопросовъ его; онъ легко находилъ бы подтвержденіе вѣрованіямъ сердца въ исторіи человѣчества, въ книгѣ природы, въ устройствѣ души нашей. Безъ того умъ принужденъ испытывать борьбу съ неизвѣстностію, чтобы дойти до покоя; долженъ повторять ошибки, давно признанныя ошибками, наносить раны душѣ, чтобы лѣчить ее; а бываетъ, что, измученный трудами, становится онъ добычею унынія, и для развлеченія отдается на волю чувственныхъ веселостей и наслажденій низкихъ, и является полное одичаніе души. Печальная картина!

Кого намъ слушать надобно? Людей или Бога? Наука самыхъ умныхъ людей—не надежна. Такова она во всѣхъ случаяхъ! Такова она въ отношеніи къ воспитанію дѣтей! То ли дѣло—наука Божія? Люди считаютъ дѣтей неспособными къ принятію уроковъ вѣры.— Обманываются они. Высшій наставникъ нашъ, Господь Іисусъ, всевѣдущій и мудрость вѣчная, не только не считаетъ дѣтей неспособными къ усвоенію внушеній вѣры, напротивъ говоритъ: *таковыхъ есть царство небесное* (Матѳ. 19, 14). Чему велитъ учить дѣтей откровеніе Божіе? *Отцы*, внушаетъ апостолъ, *воспитывайте чадъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Еф. 6, 4). Безъ пророческаго ученія не обузданъ народъ; а храня законъ блаженствуетъ“ (Прит. 29, 18). Такъ говоритъ боговдохновенный мудрецъ.

Отцы и матери! если вы любите дѣтей (а какъ вамъ не любить ихъ?): прежде всего и болѣе всего заботьтесь, чтобы онѣ съ раннихъ дней своихъ воспитывались въ страхѣ Божіемъ. Отъ того зависитъ ихъ счастіе, временное и вѣчное. Отъ того же зависитъ и счастіе отчизны вашей, которымъ должны вы дорожить. Если вы любите самихъ себя (а какъ не любить себя?): бойтесь пренебрегать религіознымъ воспитаніемъ дѣтей вашихъ. Съ кого взыщется погибель вашихъ дѣтей? Съ васъ. Съ васъ взыщетъ Господь, если дѣти ваши, за которыхъ пролита кровь Сына Божія, по вашему небреженію о нихъ, погасятъ въ себѣ искры св. вѣры и явятся свирѣпыми дикарями въ христіанскомъ обществѣ. Горе, горе вамъ! Тамъ, за гробомъ, собственныя дѣти ваши будутъ призывать на васъ месть правды Божіей.

СЛОВО

ВЪ ТОПАЛЬСКОМЪ ХРАМѢ.

Аще кто въ словѣ не согрѣшитъ, сей совершенъ мужъ (Іак. 3, 2).

Даръ слова—высокое отличіе человѣка. Но люди такъ незадумчиво обращаются съ этимъ даромъ, что нельзя не усумниться, цѣнятъ ли достоинство этого дара, или же употребляютъ его, какъ попало. Апостолъ Іаковъ признавалъ дѣломъ только совершеннаго человѣка не грѣшить словомъ: *аще кто въ словѣ не согрѣшаетъ*, говорилъ онъ, *сей совершенъ мужъ*. Такъ важно правильное употребленіе высокаго дара слова.

Какъ же надобно пользоваться даромъ слова?

Для чего данъ намъ даръ слова? Неумѣстное, говорятъ, дѣло допытываться, для чего данъ? Мы видимъ, что данъ—и только. Жаль, что не видятъ болѣе того. Уже давно отсылалъ Господь подобныхъ мудрецовъ поучиться у безсловесныхъ. *Позна волъ стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего: израиль же Меня не позна* (Исаія 1, 3), такъ говорилъ Господь израилю. Да, стыдно человѣку стоять ниже безсловеснаго; стыдно не признавать того, что даръ слова, какъ и всѣ дары Божіи, намъ данъ для славы имени Божія. Всевѣдущій не имѣетъ нужды въ томъ, чтобы мы открывали Ему мысли и чувствованія въ словахъ; но мы имѣемъ въ томъ нужду. Слабыя чувствованія наши становятся сильными, когда возбуждаемъ ихъ словами, и за словами хвалы имени Божію идетъ въ слѣдъ и сердце съ своею хвалою. Да и одною ли душею должны мы служить Господу? *Вся кости моя рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ?* Душа, полная мыслей о величіи Божіемъ, говоритъ *хвалите имя Господне, хвалите раби Господа* (Псал. 134, 1). О! какъ можно иначе говорить о Богѣ, какъ не съ благоговѣніемъ глубокимъ, какъ не словами хвалы и благодареній? И какое занятіе болѣе достойно человѣка, какъ не прославленіе имени Божія? Согласитесь же, что если людей, посвящающихъ себя молитвѣ и хвалѣ Божіей называютъ людьми пустыми, то это не менѣе, какъ печальное оскорбленіе здравому смыслу. Нынѣ много охотниковъ говорить и устно и письменно. О! если бы всѣ эти страстныя охотники до слова и гласности страстно любили славу Господа своего! Если же большая часть словъ разсыпается вовсе безъ мысли о Господѣ, вовсе безъ страха Божія въ сердцѣ:

пусть извинятъ за слово не мягкое—эти потоки звуковъ не выше, не умнѣе мычаній безсловеснаго. Презрительныя возгласы противъ вѣры, насмѣшки надъ святымъ, обличаютъ болѣе, чѣмъ непониманіе вѣры,—обличаютъ потерю человѣческаго вкуса.

Мы хотимъ, говорятъ, очистить вѣру отъ старыхъ предразсудковъ; а на дѣлѣ у нихъ заботы только о нуждахъ страстей грязныхъ. Не жалкое ли это извращеніе души безсмертной? Другіе, для того, чтобы оправдать безсильную неправду, призываютъ Бога во свидѣтеля, клянутся во лжѣ, какъ будто Всесвятый защитникъ лжи и грѣховъ ихъ. Не хула ли это имени Божію? Не призываютъ ли тѣмъ гнѣва Божія на нечестивую голову свою? Иные веселы до забывчивости, пока улыбается имъ счастіе; но теряютъ голову въ несчастіи и поднимаютъ ропотъ на провидѣніе Божіе, изрыгаютъ хулы на Бога и Его распоряженія. Пусть удержатъ нечистивый языкъ свой. Пусть придутъ въ себя. Также какъ иные несмысленно говорливы къ безславію имени Божія, другія становятся нѣмыми, когда слава имени Божія требуетъ слова ихъ. Ложный стыдъ, человѣческій страхъ, апатія къ добру налагаютъ молчаніе на уста, тогда какъ надлежало словомъ правды остановить легкомысліе, обуздать наглость въ ихъ хулахъ имени Божію. Молчатъ и молчаніемъ подписываютъ свое согласіе съ нечестіемъ. Боятся за себя, боятся неудовольствій со стороны безсмыслія, и становятся на сторону безсмыслія. Какъ это низко! Какъ это преступно! Кто постыдится Меня и Моихъ словъ, того постыдится и Сынъ человѣческій, когда придетъ въ славѣ своей. Такъ говоритъ намъ Господь.

Языкъ—средство передавать наши мысли и чувствованія другимъ; въ распоряженіи разумнаго существа, назначеннаго для вѣчности, онъ средство—служить другимъ для вѣчности.—Языкъ средство—открыть ближнему незнаемую истину, укрѣпить слабаго въ добрѣ, предостеречь ошибающагося, утѣшить печальнаго. Все совершенство, все счастіе наше и ближнихъ зависитъ отъ выполненія воли Божіей въ насъ. Слово наше—могущественное пособіе выполненію всесвятой воли Божіей въ насъ. Какъ много, какъ часто, можетъ каждый дѣлать доброе другимъ словомъ своимъ! Каждый день являются случаи удержать другаго отъ опасностей грѣха, облегчить его бѣду, умножить его радости. Но такъ ли бываетъ между людьми?

Языкъ долженъ доставлять утѣшенія ближнимъ; а какъ часто придумываютъ остроты, чтобы какъ можно больнѣе уязвить другаго. Грабитель отнимаетъ у другихъ имущество: дѣло черной души. Болѣе ли красивы, болѣе ли человѣчны дѣла клеветы, которая отнимаетъ у другаго доброе имя, а иногда и счастіе всей жизни? Пусть

же помнятъ, что, по суду апостола, *клеветники царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 11).

Горе сшивающимъ возглавійцы подъ всякій лакоть руки и сотворяющимъ покрывала надъ всякую главу всякаго возраста, еже развратити души. Такъ говоритъ Адонаи Господь (Езек. 13, 18). Что дѣлаютъ, какъ не развращаютъ души, когда тяжкіе грѣхи, гнусные грѣхи, представляютъ въ такихъ образахъ, что тѣ оказываются чуть-чуть не добродѣтелями, когда преступленія, вопіющія на небо, называютъ не болѣе, какъ слабостями извинительными? Не значитъ ли это вести другихъ за руку въ адъ? Простодушная невинность гибнетъ отъ словъ жалкой слѣпоты людской. Апостолъ говоритъ: „языкъ—не великій членъ, но дѣлаетъ великія вещи; вотъ небольшой огонь, который однако истребляетъ весь лѣсъ, и языкъ—огонь“ (Іак. 3, 5. 6). Какой это языкъ? языкъ страстей. Слѣпой эгоизмъ, погоня за вѣтромъ мірскимъ, жадное своекорыстіе, не понимая ни себя, ни другихъ, поднимаютъ шумъ, чтобы разстроить всѣ связи мирной жизни, ослабляютъ законное повиновеніе родительской власти безглазому даютъ права зрячаго и губятъ счастіе тысячей. *Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точію еже есть благо, къ созиданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ* (Еф. 4, 29). Гнилое слово—плодъ гнилаго сердца, и оно можетъ вносить въ сердца только гниль и порчу.

Самое печальное злоупотребленіе языка—обманъ, ложь съ цѣлію воспользоваться ошибкою другаго. Есть люди, которые хвалятся тѣмъ, что умѣютъ обманывать. Есть люди, которые считаютъ ложь дозволеннымъ дѣломъ для нѣкоторыхъ случаевъ. Жалкія дѣла! Христіане лучшіе, христіане первыхъ временъ, были не таковы: они не допускали, они не терпѣли, ни для какихъ случаевъ, ни лицемѣрія, ни коварства и никакой либо лжи. Богъ—истина, и Имъ созданы мы для истины. Все несообразное съ истиною и правдою—предметъ отвращенія Божія. Совѣсть, чувство внутреннее, говоритъ каждому противъ лжи: лжецъ невольно стыдится, когда уличаютъ его во лжи. Для какой бы высокой цѣли ни допускали ложь: она всегда преступна. Такъ учитъ откровеніе Божіе. „Лживыя уста—мерзость предъ Господомъ“ (Прит. 12, 22). Ложь отъ діавола. Онъ „не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины, когда говоритъ ложь, говоритъ свое: ибо онъ лжецъ и отецъ лжи“ (Іоан. 8, 44). „Не лгите другъ на друга, совлекшись ветхаго человѣка съ дѣлами его“ (Кол. 3, 9). „Оставивъ ложь, говорите каждый правду другому“ (Ефес. 4, 25). Ложь—сильное препятствіе для вселенія благодати въ сердцахъ нашихъ. Духъ святый, источникъ благодати, не терпитъ лжи: Онъ Духъ истины и любитъ только истину. Потому

ложь также несовмѣстима съ благодатію, какъ тьма со свѣтомъ. Пусть ложь допускается по нуждѣ, но все она вражда противъ благодати. Пусть ложь не наноситъ чувствительнаго вреда другому; но она въ душѣ, допускающей ложь, производитъ вредъ, ослабляя любовь къ истинѣ. Такъ будьте правдивы и искренны въ словѣ, во всякомъ случаѣ. Слова изысканныя, притворно-любезныя, притворно-почтительныя пріятны на видъ, но не фальшивы ли они? Они вводятъ въ обманъ, одуряютъ другихъ. И они же, какъ ложь,—ѣдкій чадъ, который удаляетъ отъ души благодать св. Духа—Духа истины.

Люди сыплютъ слова, не думая о томъ, что дѣлаютъ. Апостолъ говоритъ: *Аще кто мнится вѣренъ быти въ васъ и не обуздываетъ языка своего, но льститъ сердце свое, сего суетна есть вѣра* (Іак. 1, 26). Это значитъ: если кто не удерживаетъ языка своего, но тѣшится словами своими, обманываемый движеніями самолюбія: тотъ напрасно думаетъ видѣть въ себѣ что нибудь доброе. Какое тутъ благочестіе, когда съ языка потокомъ льются изъ нечистаго сердца глупости и нечистоты? Господь говоритъ: „добрый человѣкъ изъ добраго сокровища сердца своего выноситъ доброе; а злой человѣкъ изъ злаго сокровища сердца своего выноситъ злое: ибо отъ полноты сердца говорятъ уста его“ (Лук. 6, 45). Пусть говорливыя уста и не движатся испорченнымъ сердцемъ: но сколько льется изъ нихъ пустыхъ, безполезныхъ словъ! Они ни кому не вредны? Не вредны тому, кто слушаетъ ихъ, но вредны тому, кто говоритъ ихъ. Такъ судитъ Тотъ, Кто будетъ судить всѣхъ насъ. „Сказываю вамъ, говоритъ Онъ, за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда. Ибо отъ словъ твоихъ оправдаешься и отъ словъ твоихъ осудишься“ (Матѳ. 12, 36. 37). Каждое пустое, безполезное слово, которое не служитъ ни къ славѣ Божіей, ни къ пользѣ ближняго, подвергнется суду,—за него придется давать отчетъ и выслушать осужденіе. Это подтверждаетъ Господь и въ послѣдующихъ словахъ: если, говоритъ, слова твои не были пустыми, а служили къ славѣ Божіей, онѣ доставятъ тебѣ радость; иначе же ожидай вѣчнаго горя: слова—дѣла твои, въ твоей волѣ говорить или молчать. Содрогнемся же за самихъ себя.

Одинъ подвижникъ сказалъ о себѣ: „каждый разъ, какъ разговаривалъ я съ другими, находилъ себя худшимъ, чѣмъ былъ наединѣ“. Конечно, это—частный опытъ; но онъ повторяется гораздо чаще, чѣмъ думаютъ люди; всѣ мы склонны къ худому и каждый по-своему. Потому-то во всякомъ случаѣ надобно повѣрять себя, что вынесли мы изъ разговора съ другими, и если бесѣда была злая, нанесла вредъ душѣ, должны уклоняться отъ такихъ бесѣдъ.

Надобно пріучать себя къ тому, чтобы, прежде чѣмъ говорить,

увѣриться, слѣдуетъ ли говорить и какъ говорить; надобно поставлять себя предъ судомъ Божіимъ и дознавать, не будемъ ли осуждены имъ за слова свои. При такомъ испытаніи не будетъ мѣста болтливости и наглой дерзости; при немъ будемъ говорить только святое и полезное.

Богъ благодати да дастъ намъ служить словомъ въ Его славу и въ спасеніе свое и ближнихъ. Аминь.

Топаль, іюня 17.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВ. АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Всѣмъ бых вся, да всяко нѣкія спасу (1 Кор. 9, 22).

Такъ подвизался прославляемый нынѣ апостолъ Павелъ! Полный любви ко всѣмъ, пламенѣя желаніемъ привесть ко Христу какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ, онъ обращался съ іудеями, какъ іудей, съ язычниками, какъ язычникъ, съ немощными, какъ немощный. *Всѣмъ бых вся*, говоритъ онъ, *да всяко нѣкія спасу*. Чудная широта любви Павловой!

И эту-то любовь, снисходительную ко всякому для его спасенія, иные хотятъ признавать за одно съ равнодушіемъ къ вѣрѣ! Странные мечты времени! Говорятъ: нетерпимость въ вѣрѣ—оскорбленіе человѣчеству; пусть каждый вѣритъ по своему! Терпимость въ вѣрѣ—дѣло умное и благое. О томъ—ни слова. Но равнодушіе къ вѣрѣ—нечестіе.

Проповѣдники безразличія въ вѣрѣ выдаютъ себя за поборниковъ счастія и совершенствованія общаго—за друзей человѣчества. Напрасно,—они гасители свѣта, враги общаго счастія.

Ни счастіе общее, ни нравственное совершенство невозможны на землѣ, когда предоставляютъ каждому жить по желаніямъ испорченной природы. Чего ожидать для людей, когда снимаютъ съ страстей самую прочную узду—правила святой вѣры? Вѣра—душа народа. Когда гаснетъ она въ народѣ: то онъ превращается въ безжизненный трупъ, быстро разлагающійся, предающійся тлѣнію. При равнодушіи къ вѣрѣ, умъ, неодушевленный высокими побужденіями, лишенный твердыхъ основаній для дѣятельности душевной, будетъ идти не впередъ, по прямому пути истины, а станетъ блуждать по разнымъ распутіямъ, не понимая, гдѣ онъ бродитъ и куда идетъ.

Возможно ли тутъ совершенствованіе? Возможно ли заботиться лишь о неприкосновенности свободы каждаго, безъ понятія и безъ заботы объ истинной свободѣ? Это значитъ требовать совершеннаго равнодушія къ счастію и несчастію ближнихъ, полнаго равнодушія къ ихъ судьбѣ. Это ли любовь къ другимъ? Если бы я спокойно смотрѣлъ на то, какъ огонь истребляетъ домъ сосѣда моего, а ни шагу не сдѣлалъ, чтобы спасти изъ дому его что-нибудь: уже-ли и тогда я другъ сосѣда моего? Что же значатъ заблужденіе ума и страсти сердечныя для бѣднаго человѣчества, какъ не пожаръ, самый страшный? И къ этому требуютъ равнодушія? Нѣтъ, не сердечное желаніе счастія и совершенства для другихъ, а холодный эгоизмъ, бездушное своекорыстіе, нечестивая жажда жить только самому покойно и весело, хотя бы другіе гибли: вотъ тайные, но подлинные учители безразличія въ вѣрѣ! Пусть не обманываютъ ни себя, ни другихъ нарядомъ чужимъ; любовь истинная, любовь чистая къ другимъ не ограничивается ни мѣстомъ, ни званіемъ, ни народностію— она обнимаетъ іудея и язычника, магометанина и послѣдователя Христова; но почему? потому, что любитъ и уважаетъ въ каждомъ образъ Божій. Отселѣ понятно, что любовь истинная не можетъ уважать въ человѣкѣ то, что вошло въ него не отъ Бога, что оскорбляетъ въ немъ Господа, что губитъ самаго человѣка. Любить и лелѣять послѣднее, значило бы желать пагубы другому и это возможно только для индефферендиста, но не для друга человѣчества; любовь къ ошибающемуся брату заставляетъ меня скорбѣть о его печальномъ положеніи, заставляетъ изыскивать средства вывесть его изъ заблужденія, не быть холоднымъ къ его положенію. Дорогъ душѣ падшій братъ мой, и потому-то говорю ему: встань, братъ, иди къ Отцу, ожидающему тебя.

Говорятъ: живи хорошо, и всякая вѣра будетъ хороша. Нѣтъ, нельзя жить хорошо, если вѣра плоха. Если въ вѣрѣ нѣтъ сильныхъ побужденій къ святой жизни: то жизнь не будетъ святою, а слабою и худою. Если вѣра говоритъ: не нужны подвиги, а нужна только вѣра, нужно разсужденіе ума: великихъ Павловъ, великихъ Антоніевъ—не ищите въ исторіи этой вѣры; ихъ не было и быть не можетъ. Если вѣра освящаетъ лѣность и боготворитъ самость: чего ожидать отъ жизни, какъ не пороковъ своекорыстія и плотоугодія? Жизнь язычника была грязна отъ того, что боги его были грязны. Не ожидайте ничего другаго для людей и ихъ обществъ, кромѣ разстройства и бѣдъ, если умъ испорченъ мыслями ложной вѣры. Умъ— начало жизни душевной, и съ его порчею неотразима порча всей души. Жизнь душевнаго организма начинается мыслію, мысль пробуждаетъ чувства и располагаетъ волю. Если мысль твоя ложна, то

и чувства и расположенія воли будутъ нечисты и невѣрны; по тому, чѣмъ чище мысли вѣры, чѣмъ духовнѣе помыслы о Богѣ и человѣкѣ, тѣмъ и жизнь совершеннѣе. Потому требованіе: „живи хорошо, прежде чѣмъ узнаешь вѣру“,—требованіе, лишенное смысла, требованіе ума темнаго, недающаго себѣ отчета въ словахъ.

„На землѣ, говорятъ, такъ много вѣръ, такъ много путей, что не знаешь, чего держаться: покойнѣе всего идти путемъ, на какой кто попалъ“.

Какъ? Вѣчное спасеніе свое предоставляютъ на волю случая? Къ чему же данъ смыслъ человѣку? Къ чему дана разсудительность? или умъ нашъ—звукъ безъ значенія? Въ вещахъ житейскихъ пользуются имъ и получаютъ отъ него много услугъ: отчего же не пользоваться имъ въ дѣлѣ вѣчнаго спасенія? Обдумываютъ же и съ успѣхомъ, что можетъ быть полезнымъ, или вреднымъ, для здоровья, для чести, для счастія! Какъ же не хотятъ быть разсудительными въ дѣлѣ крайней важности, отъ котораго зависитъ вѣчная участь? Святые не родятся на землѣ, а они образуются подвигами самоиспытанія, занятіями усильными ума и воли. Родятся люди язычниками, родятся іудеями; но странно думать, что рожденіе язычника отъ язычника обязываетъ его оставаться язычникомъ до гроба; странно забывать, что размышленіе даетъ правила для жизни, достойной человѣка, а добрая воля принимаетъ и выполняетъ ихъ (Рим. 1, 19. 28. 2, 14).

Освящаютъ безразличіе вѣръ? Понимаютъ ли, что дѣлаютъ съ собою?—оскорбляютъ въ себѣ природу человѣческую. Отъ нее требуютъ, чтобы для нее было все равно—истина и ложь, святость и нечестіе, путь жизни и путь погибели. Это уже слишкомъ много; это насмѣшка надъ смысломъ человѣческимъ, покушеніе отнять у человѣка всякій смыслъ. Почему не быть одинаковымъ къ той и другой сторонѣ? Оттого, что это невозможно. Одно изъ двухъ: или душа моя на сторонѣ вѣры, на сторонѣ истины, или она противъ вѣры, противъ истины: тамъ и здѣсь быть мнѣ нельзя. Проповѣдники безразличія въ вѣрѣ тоже показываютъ своимъ опытомъ, своими дѣлами. Не находясь душею на сторонѣ вѣры, они возстаютъ противъ преданныхъ вѣрѣ не только дерзкимъ словомъ, но и дѣломъ насилія и жестокости; безразличіе у нихъ только на языкѣ, а въ душѣ—презрѣніе и ненависть къ истинѣ и святой вѣрѣ. Присмотритесь ближе къ дѣламъ ихъ, и дѣла покажутъ, что у нихъ на душѣ: у нихъ не достаетъ спокойнаго терпѣнія и на столько, чтобы оставить безъ рѣзкой, безъ злостной выходки два три слова, сказанныя вами въ защиту истины и въ обличеніе ошибки ихъ.

Если и возможно равнодушіе къ истинѣ и лжи, то неиначе

какъ болѣзнь души, болѣзнь страшная. Больному всякая пища кажется безразличною: и кислая, и сладкая, и горькая, и соленая: отчего это? не отътого, что пища такова, а оттого, что бѣднякъ потерялъ вкусъ: у него разстроенъ желудокъ, его пожираетъ огонь. Таково же состояніе души индеферентиста. Преобладаніе страстей чувственныхъ, жажда жить весело на землѣ разстроили душу его и она потеряла вкусъ къ сладостямъ небеснымъ. Пусть же онъ пригласитъ врача духовнаго исцѣлить болѣзнь его: но ненормальнаго состоянія своего пусть не желаетъ для другихъ, если есть еще въ немъ совѣсть.

Говорятъ: „высшія истины,—истины, служащія предметомъ вѣры, доступны ли для ума? Если нѣтъ, то для чего поднимать изъ за нихъ споры“?

На первый взглядъ—умилительное смиреніе ума; но всмотритесь ближе, и откроется гордое лицемѣріе. Не къ тому приводитъ искреннее сознаніе того, что у насъ есть и чего нѣтъ. Опытъ говоритъ намъ, что въ человѣкѣ есть непреодолимая потребность рѣшать вопросы вѣры. И тотъ же опытъ говоритъ, что хотя не достаетъ въ насъ силъ рѣшать всѣ высшіе вопросы вѣры, но есть пріемлемость къ рѣшеніямъ готовымъ, есть возможность усвоять себѣ наставленія неба. Если же такъ, то что остается намъ дѣлать? Остается не заглушать въ себѣ холодностію и небреженіемъ стремленія духа къ рѣшенію высшихъ вопросовъ. Нѣтъ, искреннее сознаніе въ слабости ума заставляетъ насъ искать помощи у неба, побуждаетъ дознавать наставленія истиннаго откровенія Божія, изучать подлинную волю Божію о насъ, со всѣмъ благоговѣніемъ и ревностію. Вотъ что значитъ искреннее, истинное смиреніе ума! Искренно ли говорятъ о слабости разума проповѣдники безразличія въ вѣрѣ? Нѣтъ!—вовсе не то у нихъ на умѣ, не то на душѣ. Они только прикрываютъ въ себѣ желаніе гордаго своеволія—не принимать ни чьего закона и живя такъ, какъ хочется; а жить имъ хочется и живутъ они только по влеченіямъ животной природы, безъ мысли и заботъ о вѣчности и Богѣ. Въ другое время они прямо говорятъ: „только то и должно быть признаваемо истиннымъ, что оказывается такимъ, по моимъ соображеніямъ, полезнымъ для моей личности“. Помощи небесной они не ищутъ и не желаютъ: они довольны собою, какъ нельзя болѣе. Судите же, неотвратительно ли это лицемѣріе гордости, одѣтой личиною смиренія?

Равнодушіе къ вѣрѣ святой, оскорбляя все лучшее въ душѣ нашей, означаетъ страшное нечестіе души противъ Господа. Только нечестивое невѣріе можетъ думать, будто для Бога, ума чистѣйшаго и благости вѣчной, все равно, идешь ли ты путемъ лжи и нечестія,

или путемъ чистой святости. Не послалъ ли Онъ Сына своего на землю показать людямъ вѣрные пути къ небу? Не послалъ ли Сынъ Божій избранныхъ учениковъ проповѣдывать евангеліе Его всей вселенной? Не установилъ ли Онъ на землѣ церкви своей *въ столпъ и утвержденіе истины?* Вотъ гдѣ воля Божія о людяхъ! *Испытайте писанія:* въ нихъ жизнь вѣчная. Испытайте писанія, но не безъ руководства опыта, не безъ руководства церкви. Вы плодите множество произволовъ съ именемъ вѣръ. Это дѣло вашего произвола. Богъ не того желаетъ: Онъ открылъ волю свою спасающую. Онъ—единъ, и вѣра Его—одна. Если не всѣ люди принимаютъ высокое средство ко спасенію—открытую небомъ истину: кто виноватъ въ томъ, кромѣ самихъ людей? Они не принимаютъ его, отътого, что не хотятъ принять; а не хотятъ оттого, что нажитыми привычками, вѣковыми страстями подавляютъ въ себѣ пріемлемость къ высшему добру. Пусть же не хулятъ благости небесной, желающей для всѣхъ спасенія.

Одобрено ли безразличіе въ вѣрѣ въ откровеніи Божіемъ? Нѣтъ. *Иже нѣсть со Мною, на Мя есть, и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Матѳ. 12, 30), сказалъ Господь нашъ. *Азъ есмь путь, и истина, и животъ, и никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. 14, 6), сказалъ Онъ же. Возможно ли болѣе ясное ученіе о необходимости одной вѣры для спасенія, именно вѣры, возвѣщенной Имъ? Онъ допускалъ сообщеніе съ самарянами, которыхъ іудеи считали врагами своей вѣры и отвращались. Ученики его, еще не вполнѣ знакомые съ духомъ ученія Его, хотѣли низвесть огнь на самарянъ, не принявшихъ Учителя ихъ. Но Господь удержалъ ихъ отъ того и сказалъ: *не вѣсте, коего духа есте* (Лук. 9, 55). И однако не показываютъ ли нечестія въ холодности къ вѣрѣ грозныя обличенія, которыя изрекалъ Онъ на невѣрующіе грады? (Матѳ. 11, 21—22). *Если и церковь преслушаетъ братъ твой: пусть будетъ онъ для тебя то же, что язычникъ*, говорилъ Господь нашъ. Точно такъ же учили и поступали апостолы. По ихъ наставленіямъ, ни чего нѣтъ общаго между Христомъ и веліаромъ (2 Кор. 6, 15), между христіанствомъ и язычествомъ. *Аще мы или ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ: анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8), говоритъ святый Павелъ. Вотъ какъ нужно единство въ вѣрѣ! Вотъ какъ страшно безличіе въ выборѣ вѣры! *Будите всѣ едино тѣло, единъ духъ*, поучаетъ апостолъ Божій (Еф. 4, 4), *да не бываетъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестый, въ коварствѣ козней лщенія* (Еф. 4, 14). Что значатъ по суду откровенія вводители новыхъ вѣръ? *Злые дѣлатели* (Филип. 3, 2), *посланники лжи и сосуды клятвы,*

сквернители и слуги страстей (Іуд. ст. 4. 12). Стоять-ли же они того, чтобы слушать ихъ?

Возлюбленные, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть (1 Іоан. 4, 1). Аминь.

СЛОВО ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХРАМѢ.

Что стоите весь день праздны? (Матѳ 20, 6).

Есть два рода людей праздныхъ. Одни не любятъ заниматься ничѣмъ дѣльнымъ; другіе бываютъ заняты, но не дѣломъ. Первые не любятъ вовсе труда; бродить безъ дѣла изъ дома въ домъ; предаваться забавамъ и разговорамъ пустымъ, ѣсть и спать—вотъ любимый кругъ ихъ занятій! Таковы бываютъ люди, которымъ худое воспитаніе внушило полагать благородство въ бездѣйствіи; таковы бываютъ многіе ремесленники, которые часто чувствуютъ слѣпую скуку—заниматься работою, и увлекаемые мечтами о своихъ способностяхъ обращаются отъ работы къ бездѣлью; таковы же бываютъ поденщики, занимающіеся дѣломъ, пока смотрятъ за ними; таковы бываютъ земледѣльцы, которымъ ни почемъ жена и дѣти, лишь бы имъ было весело.

Гораздо болѣе встрѣчается праздныхъ втораго разряда. Эти люди, вмѣсто того, чтобы усердно дѣлать должное по состоянію и званію своему, по времени и обстоятельствамъ, въ которыхъ находятся, занимаются или вовсе стороннимъ для нихъ, или пустымъ, недостойнымъ имени человѣка христіанина.

Что стоите весь день праздны?

По общему чувству, праздность—вещь непріятная, состояніе неправильное, незаконное, чего отвращается душа: жизнь требуетъ движенія, а праздность—походитъ на смерть. И для земной жизни необходимъ трудъ: ни чести, ни денегъ, ни пищи, ни платья не добудешь праздностію. И въ раю долженъ былъ трудиться человѣкъ: ему надлежало усовершать душу свою, чтобы приближаться къ образцу ея Всесовершенному. Грѣхъ вызвалъ человѣка на трудъ покаянія. Крещеніе приглашаетъ трудиться для пріобрѣтенія высокихъ добродѣтелей христіанскихъ.

Въ концѣ жизни, совѣсть и Богъ, конечно, не многихъ, или

не очень многихъ, осудятъ за праздность въ отношеніи къ земнымъ занятіямъ. Но значитъ ли это, что всѣ земные труженики—святы? Заниматься не дѣломъ—праздность преступная, какъ и та, которая не любитъ вовсе труда. Всѣ мы призваны трудиться въ виноградникѣ Божіемъ; награды раздаются тѣмъ, которые работали въ саду Божіемъ. Что это значитъ? Это значитъ, что всѣ труды наши должны быть посвящены славѣ имени Божія, и что они должны совершаться подъ вліяніемъ неба.

Одна мысль о Богѣ возвышаетъ душу: какъ же высока жизнь, когда вся она посвящена Ему. Онъ—источникъ совершенствъ, и только то, что стремится къ Нему, можетъ быть совершеннымъ, по мѣрѣ приближенія къ Нему. Гдѣ нашъ покой? Гдѣ свѣтъ? Гдѣ радость? Въ Немъ одномъ, въ связи съ Нимъ. Такъ „ѣдите ли пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте въ славу Божію“ (Кор. 10, 31). Что труды, не освященные именемъ Божіимъ—гниль и вѣтеръ.

Только крайнее неразуміе, только вражда противъ самихъ себя могутъ удерживать насъ отъ труда для Бога нашего, отъ служенія Ему искренняго. Онъ такъ благъ, награждаетъ болѣе, чѣмъ стоятъ труды наши. Самая малая работа для Него не остается безъ платы! И стаканъ воды, поданный бѣдняку для Него, и каждый вздохъ сердечной молитвы не забываются Имъ. Онъ самъ облегчаетъ своею благодатію своихъ тружениковъ, подаетъ имъ помощь при встрѣчѣ ихъ съ препятствіями, утѣшаетъ въ скорбяхъ и все дѣлаетъ, чтобы работа ихъ шла успѣшно.

Пророкъ говоритъ: „сѣяли много и получили мало; ѣли и остались голодны; пили и не напились; одѣлись и не тепло вамъ; кто получилъ награду, бросилъ ее въ дырявый мѣшокъ“ (Авг. 1, 6). Таковы труды для одной земли, для однаго времени. Міръ—жестокій господинъ: требуетъ многаго и даетъ мало, очень-мало. Обѣщаетъ горы богатства, и за-разъ лишаетъ всего; обѣщаетъ веселости и удовольствія, а посылаетъ скуку и томленіе; почести его—дымъ, слова—звукъ. Отчего такъ? Души безсмертной не насытятъ тлѣнныя блага, и міръ, хотя бы и хотѣлъ, не въ состояніи успокоить желаній вѣчной души.

Какъ же слѣпы мы, Боже мой, столько трудясь для земли, которая питаетъ только скукою! Какъ слѣпы мы, проходя мимо Того, Кто въ состояніи такъ осчастливить насъ!

Трудно угождать Господу? Трудно успѣвать въ добрѣ? Нѣтъ, гораздо легче, чѣмъ воображаетъ лѣность праздная. По ея милости, тяжело дѣлать добро и очень легко творить грѣхи, какъ будто тамъ и здѣсь не мы одни трудимся. „Теперь же, если хочу, могу я быть близкимъ къ Богу“, говоритъ блаж. Августинъ. Да, если хочу, каж-

дое слово, каждая мысль, каждое занятіе будутъ служеніемъ Богу. Пусть душа моя и мыслями и желаніями обращена будетъ къ Богу: она, освящая себя, будетъ совершать угодное Ему. Правда, привычки къ грѣху не легко побѣждаются. Но благость небесная! когда и кому отказывала Ты въ помощи? какая привычка не была побѣждена при твоемъ пособіи душею, искренно ревновавшею о добрѣ?

Христіанство возлагаетъ на вѣрующаго трудъ непрерывнаго упражненія силъ и способностей, данныхъ ему отъ Бога,—трудъ не для себя, а для славы Божіей. Сущность сего труда—безпощадная критика человѣка самому себѣ, всему, что онъ думаетъ, чувствуетъ, дѣлаетъ, и непрестанное стремленіе приближаться въ совершенствахъ къ Отцу небесному. Христіанство предоставляетъ человѣку полную свободу—выбирать себѣ видъ труда и занятій внѣшнихъ, по его наклонностямъ и способностямъ. Для него все равно, будетъ ли христіанинъ ученымъ, художникомъ, ремесленникомъ, земледѣльцемъ, лишь бы живо чувствовалъ свое отношеніе къ Отцу небесному и ходилъ достойно небеснаго признанія. Оно не насилуетъ природы; напротивъ, помогаетъ природѣ, освящаетъ каждое дарованіе и даетъ свои пособія развивать каждый даръ Божій. За что же жалоба на тяжесть труда въ виноградникѣ Божіемъ?

Намъ не перемѣнить значенія жизни временной: оно опредѣлено свыше. *Что стоите праздны?* говоритъ намъ каждый день, указывая на вѣчность. Пусть капризное самолюбіе недовольно этимъ напоминаніемъ. Отъ того дѣло не перемѣняется. Жизнь временная—время сѣянія, а жатва—за гробомъ. Умный земледѣлецъ не пропускаетъ времени, когда слѣдуетъ пахать землю и засѣвать ее сѣменами: иначе онъ остался бы безъ хлѣба. Умный христіанинъ не пропускаетъ жизни земной мимо глазъ, безъ труда и занятій усиленныхъ, тѣмъ болѣе, что очень-высоко значеніе труда его. Онъ воздѣлываетъ землю сердца своего сокрушеніемъ, засѣваетъ душу подвигами любви къ Богу и ближнимъ, испрашиваетъ молитвою благодатный дождь на почву свою. Такъ трудится онъ до гроба и переходитъ въ ту жизнь съ надеждами на покойную вѣчность. „Да не унываемъ, дѣлая добро, говоритъ намъ апостолъ Божій: ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ“ (Гал. 6, 9).

Ахъ! надобно трудиться, пока есть время. Кто знаетъ, настанетъ ли для насъ завтрешній день, чтобы провесть его съ пользою послѣ убитаго въ праздности нынѣшняго дня? Жизнь разсѣянная, жизнь безъ мыслей высокихъ—ни въ какомъ случаѣ не радость душѣ. Она—предметъ гнѣва Божія. Если теряемъ данную благодать отъ бездѣйствія, надѣясь получить новую: безразсудная надежда! За пренебреженіе къ благодати Божіей, за равнодушіе къ милости

небесной должны мы ожидать воздаянія правды Божіей, а не дара благости. „Возьмите у него (у лѣниваго) талантъ и отдайте имѣющему десять талантовъ, а не потребнаго раба выбросьте во тьму внѣшнюю“ (Матѳ. 25, 28. 30). Вотъ какой приговоръ готовъ для насъ!

Непріятно, тяжело писать печальную картину дѣлъ праздности. Праздность надѣляетъ разслабленіемъ силъ душевныхъ. Чѣмъ менѣе упражняются въ добрѣ, тѣмъ болѣе слабѣетъ добрая воля, такъ что наконецъ душа какъ-бы поражается параличемъ не движется для добра, даже не думаетъ о добромъ. Есть насѣкомыя, которыя охотно держатся въ грязи. Такова душа праздная. Воображеніе ея наполнено нечистыми картинами, отъ которыхъ воспламеняются грязныя страсти. Пиры, гулянье, забавы, дѣла гнусныя— вотъ что на умѣ ея! Не станетъ средствъ для жизни безмысленно-веселой? Принимаются за средства преступныя, обманы, игру безсовѣстную, воровство и, пожалуй, за убійство. Съ языка праздныхъ людей льются рѣчи грязныя потокомъ; о добромъ они не умѣютъ и говорить; бывъ испорчены сами, они разбрасываютъ нравственную порчу во всѣ стороны. Несчастны семейства, въ которыя попадаютъ эти люди: юность, невинность, супружеское счастіе, семейный покой, гибнутъ отъ нихъ, какъ отъ чумы. Страха Божія не доищитесь въ душахъ ихъ,—они давно потеряли его. Праздный—блудный сынъ!

Да избавитъ Богъ каждаго отъ несчастія быть съ страстію къ праздности. Аминь.

СЛОВО ВЪ ГАМАЛѢЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ.

Миръ вамъ (Іоан. 20, 21).

Миръ возвѣстилъ и даровалъ воскресшій Спаситель ученикамъ своимъ. Желаніемъ мира начинаются и оканчиваются посланія апостоловъ. *Миръ Божій*, говоритъ апостолъ, *превосходяй всякъ умъ да соблюдаетъ сердца ваша и разумѣнія ваши о Христѣ Іисусѣ* (Фил. 4, 7). Среди міра, волнуемаго столькими переворотами, съ сердцами столько доступными для малодушія и движенія разныхъ страстей, миръ душевный—истинно великое благо для людей.

Желая всего благаго для живущихъ въ обители сей, и я желаю ей мира. Миръ вамъ, сестры о Господѣ!

Чѣмъ выше, чѣмъ нужнѣе намъ благо Божіе: тѣмъ болѣе долж-

ны мы дорожить имъ, тѣмъ искреннѣе должны принимать мѣры для сохраненія сего блага. Храните, сестры о Господѣ, миръ въ сердцахъ вашихъ, спокойствіе духа, довольство души. И для того, чтобы сохранялось въ васъ это великое сокровище неба, примите къ сердцу три совѣта пастырской любви моей: не вмѣшивайтесь въ чужія дѣла, не будьте слишкомъ чувствительны къ непріятнымъ случаямъ, храните чистоту совѣсти.

Не безпокойтесь о дѣлахъ не касающихся до васъ.

Отецъ и мать семейства должны надзирать за поведеніемъ дѣтей своихъ и всѣхъ живущихъ въ домѣ ихъ. Это—святая обязанность. Начальникъ гражданскій, начальникъ военный собираютъ свѣдѣнія о поведеніи подчиненныхъ имъ, принимаютъ мѣры противъ увлеченій страстей людскихъ, наказываютъ или одобряютъ другихъ. Они на то поставлены и если бы не дѣлали того, общества страдали бы отъ воровъ и людей дурныхъ. Точно такъ пастырь долженъ зорко смотрѣть во всѣ стороны по кругу паствы своей. Точно такъ начальникъ и начальница обители должны заботиться о спасеніи ввѣренныхъ смотрѣнію ихъ; они должны узнавать пути сердецъ ихъ и то духомъ кротости, то родительскою строгостію направлять души къ жизни духовной. Съ нихъ взыщетъ Господь, если они не дѣлаютъ того.

Но какая совѣсть одобритъ, если человѣкъ занятъ цѣлый день только тѣмъ, что до него не касается; если разсказываетъ и даже выдумываетъ вѣсти о пятомъ и десятомъ, съ утра до вечера толкуетъ и безпокоится о томъ, что дѣлаетъ такой-то, что дѣлаетъ такая-то; если переходитъ изъ дома въ домъ, изъ кельи въ келью, чтобы дознать и передать другимъ новости оскорбительныя для сестры и брата, судитъ и рядитъ о дѣлахъ, которыхъ вовсе не понимаетъ? Согласитесь, что такіе люди вредны и себѣ самимъ, вредны и другимъ, не могутъ имѣть мира ни съ самими собою, ни съ другими. Они не могутъ имѣть мира съ самими собою, не только потому, что много тревожатся за другихъ, но особенно потому, что оставаясь съ самими собою наказываются совѣстію за неразумную страсть свою. Бѣдная душа! такъ говоритъ совѣсть такой душѣ; тебѣ сказано: *внимай себѣ*, смотри за собою, оцѣняй дѣла твои, готовь отвѣтъ за себя Судіи вѣчному, спѣши творить дѣла добрыя нужныя для твоего спасенія. Сколько же успѣла ты въ добрѣ? Увы! о своемъ положеніи, о своей участи вѣчной и заботы нѣтъ на умѣ; все были хлопоты о другихъ. Сколько грѣховъ положено на душу въ этихъ хлопотахъ! И пересуды и смѣхъ неумный, и ложь и клевета, и пустыя рѣчи и жестокость къ сестрѣ и брату и безстрашіе предъ Богомъ. И все это только по ми-

лости пустоты душевной. Сколько искушеній, сколько грѣха внесено тобою въ сердца слушавшія тебя! Что ожидаетъ тебя отъ другихъ за твое пустословіе и злословіе? Тѣ, которые оскорблены, твоимъ легкомысліемъ и оскорблены, конечно, вовсе незаслуженно, если узнаютъ о твоемъ злословіи, по праву станутъ удаляться отъ тебя, какъ отъ змѣи; если же и не узнаютъ, какими глазами будешь ты смотрѣть на нихъ? Будешь лицемѣрить? Это новый сатанинскій грѣхъ. Несчастная страсть! Пагубная страсть!

Сестры и братія! если подъ вліяніемъ любви благожелающей будетъ безпокоить кого мысль объ ошибкахъ другаго: пусть призвавъ помощь Божію скажетъ тотъ наединѣ другому объ ошибкѣ его, или скажетъ о томъ старшей или старшему, но не вслухъ многимъ. Такое дѣло будетъ дѣломъ святой любви. Принесетъ ли или не принесетъ пользу слово его другому: пусть о томъ онъ не безпокоится. И слово Божіе не каждому изъ насъ приноситъ пользу. И Господу не нравятся наши худыя дѣла: но Онъ терпитъ. Храни и ты молчаніе, когда слова не принесли пользы. Лучшая помощь больному—молитва. Молись за больную душу. Молитва можетъ низвесть благодать Божію на больнаго, а что ближе къ молящемуся, низведетъ свѣтъ и покой на самаго молитвенника.

Величайшій врагъ нашего покоя есть самолюбіе наше. Эта слѣпая любовь къ себѣ не видитъ въ насъ худаго, а хочетъ видѣть одно доброе. По ея милости намъ хочется, чтобы хвалили насъ за все, даже и за то, что при случаѣ и сами мы не одобряемъ въ себѣ. По ея милости мы очень чувствительны: легкая похвала надмѣваетъ гордость нашу, легкій укоръ оскорбляетъ насъ; тѣмъ болѣе, когда говоритъ намъ непріятную правду прямо о насъ, выходимъ мы изъ себя, вступаемъ въ споры и брань. Самолюбіе наше оскорбляется и тѣмъ, когда хвалятъ другаго: это кажется униженіемъ нашей чести, нашихъ достоинствъ. О! любите смиреніе, чтобы сохранять миръ въ душѣ. Зачѣмъ намъ служить самолюбію, когда оно и слѣпо къ намъ и завлекаетъ насъ въ грѣхи? О тебѣ говорятъ неправду? Полно такъ ли? Напротивъ не болѣе ли въ тебѣ грѣховъ, чѣмъ указываетъ глазъ человѣческій? Нѣтъ, скажи въ душѣ твоей спаси, Господи, сестру и брата: они напоминаютъ мнѣ о немощахъ моихъ, о которыхъ я такъ худо помню; а какъ много у меня грѣховъ! спаси меня, Господи, молитвами брата и сестры. Тогда ты почувствуешь тихій покой, который хотѣло нарушить въ тебѣ самолюбіе слѣпое. Если по Божію попущенію, для обученія тебя терпѣнію и смиренію, злой человѣкъ постоянно будетъ преслѣдовать тебя клеветою и бранью: тогда особенно нужно быть глухимъ къ крику самолюбія, а такъ какъ это бываетъ трудно, очень трудно,

надобно молить Господа о помощи, объ умиреніи волненій самолюбія.—Иначе въ такихъ случаяхъ отъ самолюбія ничего не услышишь кромѣ неправды, ничему не научишься, кромѣ гнѣва, вражды, злобы и бѣдное сердце твое будетъ страдать, терзаемое грѣхомъ; тогда особенно помни о множествѣ грѣховъ твоихъ, которые нужно очищать раскаяніемъ и скорбями и смиреніе будетъ низводить за собою въ душу твою ясность мыслей и тишину чувствъ.

Самолюбіе тревожитъ насъ не только при невыгодныхъ отзывахъ о насъ, но оно же вступается и за все близкое къ намъ, какъ за собственность дорогую. Оно дорожитъ и здоровьемъ нашимъ и пищею и одеждою и деньгами. Потому поднимаетъ оно въ насъ бурю, когда отнимаютъ это дорогое для него. Но почему оно дорожитъ всѣмъ тѣмъ? Только потому, что находитъ въ томъ пищу для себя пищу для гордости, тщеславія, нѣги разсѣянной, беззаботной, жизни. Уже это показываетъ намъ, какъ должны мы быть осторожны при потерѣ или недостаткѣ средствъ жизни земной, чтобы не малодушествать по одному внушенію грѣха. Имущество, пища, здоровье конечно нужны для жизни: но все же жизнь наша во власти Божіей. Будемъ благодарить Господа, когда Онъ посылаетъ намъ утѣшенія жизни. Но благословимъ Его и тогда, какъ отказываетъ Онъ въ чемъ либо, по Своему благому усмотрѣнію. Будемъ довольны тѣмъ, что даютъ. Многое ли нужно для жизни? Ахъ! Святые Божіи довольствовались очень не многимъ. То малое, что дано намъ, составляетъ роскошь, изобиліе излишнее, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ жили святые. Устыдимся же преступнаго неразумія своего.

Одна только есть святая причина душевнаго безпокойства: тревога совѣсти, оскорбляемой грѣхомъ. Этого безпокойства не слѣдуетъ намъ и бояться. Напротивъ ничего нѣтъ печальнѣе, ничего нѣтъ несчастнѣе души, въ которой совѣсть заглушена привычками къ грѣху. Да избавитъ Богъ каждаго отъ такого состоянія! Но печаль, возбуждаемая совѣстію, желается только при существованіи грѣха. Кто же можетъ желать себѣ самыхъ грѣховъ? Грѣхи ядъ души, растроивающій ее на цѣлую вѣчность. Они мука для души во времени и вѣчности. Такъ старайтесь о томъ, чтобы не допускать до души грѣховъ и особенно тяжкихъ. Оберегайте сердца ваши отъ дыханій грѣха, во всѣхъ его видахъ; охраняйте чистоту совѣсти. Если и при борьбѣ вашей съ грѣхомъ грѣхъ коснется души вашей, у васъ есть врачевство—искренняя исповѣдь. Не скрывай своихъ искушеній. Многіе изъ святыхъ подвергались искушеніямъ и освобождались отъ нихъ, какъ скоро открывали ихъ другимъ. Князь тьмы боится свѣта; онъ ночью ищетъ добычи и съ появленіемъ дня скрывается. Какъ отецъ гордости, онъ бѣжитъ отъ тѣхъ, которые въ кротости

сердца открываютъ раны души. Бываетъ, что сильно тревожатся грѣхами неважными и не тревожатся важными. Открывайте всю душу вашу духовному отцу или духовной матери и что скажутъ они, тому слѣдуйте въ мирѣ совѣсти. Оберегая такимъ образомъ душу отъ грѣха, вы будете наслаждаться покоемъ тихимъ, миромъ благодатнымъ. Тогда не только здѣсь будете мирны, но покой вашъ земной будетъ залогомъ покоя вѣчнаго. *Миръ многъ любящимъ законъ Твой, Господи.*

Богъ мира да пребудетъ *съ вами* (Фил. 4, 9). Аминь.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ 13.

Притчу слышасте: человѣкъ нѣкій бѣ домовитъ, иже насади виноградъ (Матѳ. 21 33).

Притча о виноградникѣ произнесена вслухъ іудеевъ, для ихъ вразумленія. *Притчу слышасте:* какъ говоритъ Господь іудеямъ, обращая вниманіе ихъ на значеніе назидательной притчи. *Притчу слышасте*, говоритъ Онъ и намъ, братія. Для того и записана притча въ св. евангеліи, чтобы мы слушали ее. Для того повторяетъ ее вслухъ намъ св. церковь, чтобы поучались мы изъ нее спасенію. Если мы благоговѣйные слушатели Христовы: надобно слушать притчу Христову.

Человѣкъ нѣкій бѣ домовитъ, иже насади виноградъ и оплотомъ огради его и ископа въ немъ точило и созда столпъ и вдаде и дѣлателемъ и отъиде (ст. 33).

Человѣкъ домовитый или хозяинъ дома означаетъ Бога владыку всего міра. Виноградъ—іудейскій народъ, избранный Богомъ. *Оплотъ*—ограда, точило—яма, которую выкапывали въ виноградникѣ, чтобы выдавливать въ ней вино изъ ягодъ; *столпъ*—башня, которую ставили для наблюденія за цѣлостію сада.—Все это—образы попеченія Божія о іудеяхъ. Ограда законъ, данный іудеямъ; точило—жертвенникъ, на которомъ источалась кровь жертвъ прообразовательныхъ, указывавшихъ на лучшую жертву Искупителя міра. Башня—скинія, замѣненная потомъ храмомъ. *Дѣлатели* виноградари—первосвященники, учители и вожди народа. Ахъ! какъ много сдѣлано благостію небесною для іудеевъ! Св. Лука говоритъ о господинѣ виноградника: *отъиде на лѣта многа*. Что это такое? *Отъиде*—далъ время для развитія насажденнаго виноградника и прине-

сенія плодовъ, подъ завѣдываніемъ приставниковъ. Господь не стѣсняетъ свободы человѣческой, а предоставляетъ пользоваться ею по усмотрѣнію. Іудеямъ предоставлено было по волѣ ихъ принять заповѣди и обѣтованія Божіи и служить Богу свободно, къ счастію своему. Чего желаетъ для людей благость небесная, какъ не того, чтобы свободнымъ произволеніемъ устрояли счастіе свое вѣчное? *Лѣта многа* обнимаютъ время отъ Моисея до появленія первыхъ пророковъ, о которыхъ говорится далѣе.

Егда же приближися время плодовъ, посла рабы своя къ дѣлателемъ пріяти плоды его. И емше дѣлатели рабовъ его, овогo убо биша, овогo же убиша, овогo же каменіемъ побиша. Паки посла ины рабы множайшія первыхъ и сотвориша имъ такожде (ст. 34—36).

Плоды, какихъ ожидалъ Богъ отъ іудеевъ,—суть дѣла благочестія и чистой вѣры. Рабы посланные къ іудеямъ были пророки. Они должны были видѣть съ утѣшеніемъ въ іудеяхъ высокія добродѣтели достойныя заботъ Божіихъ: но видѣли пороки языческіе и обличали ихъ. Онѣ должны были вести іудеевъ къ высшему совершенству и озаряли умы ихъ новыми и болѣе ясными наставленіями о Спасителѣ міра: но встрѣчали со стороны іудеевъ упорство и ненависть. Неблагодарность и злоба іудеевъ были такъ велики, что они поступили съ посланниками Божіими, какъ съ преступниками общественными. Иныхъ изъ нихъ били и заключали въ темницу, какъ Ананію (2 Пар. 16, 17—20) и Михея (3 Цар. 22, 24. 27); другихъ побили камнями, какъ Азарію (2 Пар. 24, 20). Богъ посылалъ рабовъ своихъ пророковъ однихъ за другими. Но съ новыми послами поступали какъ и съ прежними. За обличенія платили имъ побоями и смертію. Спаситель въ другой разъ прямо говорилъ іудеямъ: „вы дѣти тѣхъ, которые избили пророковъ“. И потомъ прибавлялъ сердечную жалобу свою: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ“ (Матѳ. 21, 31. 37). Ап. Павелъ такъ изображаетъ судьбу рабовъ Божіихъ: „иные замучены были; другіе были подвергаемы посмѣянію и побоямъ, также узамъ и темницѣ; каменіемъ побиваемы были, перепиливаемы были, отъ меча умирали“ (Евр. 11, 35—37). О! вожди—вожди народа! тяжка ваша отвѣтственность предъ Богомъ. Если иныя злодѣянія совершаетъ народъ и безъ вашего непосредственнаго участія, безъ вашихъ соизволеній на то: и тогда судъ Божій возлагаетъ на васъ вину, потому что вы должны были воспитать въ народѣ благочестіе, а воспитали въ немъ нечестія и жажду крови невинныхъ.

Послѣди же посла къ нимъ Сына своего, глаголя: усрамятся Сына Моего (ст. 37).

Терпѣніе небеснаго Владыки не истощалось злыми дѣлами людей. Послѣ того, какъ іудеи то прогоняли, то убивали посланниковъ небесныхъ, Отецъ небесный открылъ предъ лицемъ іудейскаго народа самый поразительный опытъ любви своей. Послѣ рабовъ послалъ Онъ для вразумленія людей Сына Своего, или какъ передаетъ св. Маркъ: „имѣя одного Сына любезнаго, напослѣдокъ и Его послалъ“ (12, 6).—Св. Лука дополняетъ картину любви словами: „что Мнѣ дѣлать? Пошлю Сына Моего возлюбленнаго“ (20, 13). Потрясающая картина любви небесной! Притча говоритъ: *посла къ нимъ Сына, глаголя: усрамятся Сына Моего.* Всевѣдущій знаетъ все, что есть и что будетъ. Но любовь небесная какъ бы не хочетъ знать того, что люди не воспользуются новыми опытами благости ея и продолжаетъ являть благость; любовь небесная желаетъ, чтобы люди поняли величіе новой благости ея и выставляетъ предъ ними это величіе; „указываетъ, что должны они были сдѣлать, потому что имъ должно было устыдиться“ [1]). Сынъ Отца небеснаго является въ притчѣ какъ свидѣтель истины Божіей, какъ небесный и самый великій учитель. Христосъ Іисусъ точно началъ служеніе свое людямъ призываніемъ къ покаянію и вѣрѣ.

Покайтеся и вѣруйте во евангеліе: такъ проповѣдывалъ Онъ. И какой обильный свѣтъ небесный принесъ съ собою на землю Сынъ Божій! Какое чистое, какое высокое, какое всеобъемлющее ученіе предлагалъ Онъ людямъ! Какъ сильны были наставленія Его! „Никогда не говорилъ человѣкъ, какъ говоритъ сей человѣкъ“, сознавались даже нѣкоторые изъ іудеевъ. И чѣмъ же все кончилось?

Дѣлателе же, видѣвше Сына, рѣша въ себѣ: сей есть наслѣдникъ, пріидите, убіемъ его и удержимъ достояніе его. И емше его изведоша вонъ изъ винограда и убиша (Ст. 38. 39).

Здѣсь притча переходитъ въ пророчество и въ пророчество такое, которое открываетъ не только будущія дѣла, но и самыя тайны сердецъ. Господь изображаетъ ту печальную дѣйствительность, которая открылась спустя нѣсколько дней послѣ бесѣды. По повѣствованію св. Іоанна, вотъ что было спустя дня три. Первосвященники и фарисеи въ собраніи составили совѣтъ о Іисусѣ: „что дѣлать? Говорили. Этотъ человѣкъ творитъ много чудесъ. Если оставимъ Его: то всѣ увѣруютъ въ Него и придутъ римляне и завладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ“. Каіафа рѣшилъ: „лучше намъ, чтобы одинъ умеръ за людей“ (Іоан. 11, 48—50). Видите, что было на сердцахъ? Боялись того, что великій чудотворецъ привлечетъ всѣхъ къ себѣ. Боялись, что потеряютъ они значеніе свое въ народѣ, ли-

[1]) Златоустъ въ 68 бес. на Матѳ. 3, 166.

шатся столько дорогой для нихъ чести и власти, останутся безъ первенства въ виноградникѣ Божіемъ. Господь видитъ, что происходитъ въ сердцахъ враговъ Его, видитъ яснѣе и далѣе, чѣмъ видятъ они сами. Они прикрываютъ тревоги самолюбія кровожаднаго видами любви къ отчизнѣ: но Господь открываетъ имъ, что собственно происходитъ въ глубинѣ сердецъ ихъ. Онъ говоритъ имъ, что только по своекорыстнымъ видамъ они рѣшаются на убійство: *убіемъ Его, да наше будетъ достояніе* (Лук. 20, 14). И на умѣ нѣтъ того у этихъ людей, чтобы вспомнить, сколько уже пролито святой крови св. пророковъ.—Вмѣсто того, чтобы изъ жизни отцевъ поучаться страху Божію, они рѣшаются убить величайшаго изъ пророковъ, Того, Кого сами же признаютъ чудотворцемъ. Изумительное ослѣпленіе! Слова: *удержимъ достояніе его*,—безъ сомнѣнія слова не умныя. Умно ли думать, что господинъ винограднка или Отецъ небесный оставитъ не наказанною смерть Сына Своего, или не въ силахъ отнять собственность изъ рукъ похитителей наглыхъ. Но развѣ страсти наши могутъ говорить и поступать умно? Ихъ обыкновенное дѣло отуманивать умъ и доводить насъ до глупостей. Враги же Іисуса, какъ открывалъ Самъ Онъ, дѣйствовали подъ вліяніемъ князя тьмы, открытаго врага власти Божіей (Іоан. 14, 30. Лук. 22, 31. 23, 53). Такъ страшное рѣшеніе произнесено и оно выполнено, какъ предсказано въ притчѣ. Преданный Пилату, какъ врагъ кесаря, Іисусъ выведенъ изъ города *на мѣсто, наричаемое лобное* (Лук. 23, 33) и тамъ распятъ. Апост. Петръ говорилъ іудеямъ объ іудеяхъ, что они не знали, что дѣлали, распиная Іисуса (Дѣян. 3, 17). Да, они не понимали тайны примирительной смерти Христовой и не признали въ Іисусѣ Мессіи (Дѣян. 13, 27). Но все это отчего? Оттого, что занятъ были только одною землею и не думали о духовномъ, ожидали отъ Мессіи только земнаго величія, земнаго счастія, земной власти. Оттого-то хотя и видѣли по временамъ духовное величіе Іисуса, но увлеченныя страстями земными убили Начальника жизни (Дѣян. 3, 15). О! земля—земля! какъ пагубно обаяніе твое для духа безсмертнаго!

Егда убо пріидетъ господинъ винограда что сотворитъ дѣлателемъ тѣмъ? Глаголаша ему: злыхъ злѣ погубитъ ихъ и виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ, иже воздадятъ Ему плоды во времена своя (Ст. 40. 41).

Еслибы вопросъ Спасителя предложенъ былъ самымъ несправедливымъ, самымъ несовѣстливымъ судіямъ: и тѣ, по крайней мѣрѣ изъ опасенія показаться худыми людьми, отвѣчали бы: злодѣевъ предастъ смерти, а виноградъ передастъ другимъ. Такъ поступили и книжники. Враги Іисуса произнесли приговоръ самимъ себѣ, конеч-

но, не понявъ на первый разъ, что дѣло идетъ о нихъ самихъ. Св. Лука замѣчаетъ, что нѣкоторые прибавили: *да не будетъ* (20, 16). Это значитъ, что эти поняли, къ кому относится приговоръ правды и ужаснулись. Ужаснулись всего болѣе того, что виноградникъ отнятъ будетъ изъ рукъ ихъ и передастся другимъ стражамъ, другимъ начальствамъ.

Онъ же воззрѣвъ на нихъ, рече: нѣсте ли чли ни коли же въ писаніихъ: камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла... Сего ради глаголю вамъ, яко отъимется отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку творящему плоды его (Ст. 42. 43).

Людямъ занятымъ землею, не хотѣлось видѣть въ смиренномъ Іисусѣ Мессію и потому не хотѣлось допустить, что бы относился къ нимъ грозный судъ Божій. Но Спаситель обличаетъ ихъ словами псалма и произноситъ рѣшительный приговоръ о ихъ участи. Псаломъ 117 сами іудеи признавали за пророчественную пѣснь о Мессіи и его церкви. „Народъ предшествовавшій и сопровождавшій“, встрѣчая Іисуса какъ Мессію въ Іерусалимѣ, повторялъ въ восторгѣ слова псалма: „благословенъ грядущій во имя Господне! Осанна въ вышнихъ“! (Матѳ. 21, 3). Ап. Петръ говоритъ въ синедріонѣ о Іисусѣ: „Онъ есть камень пренебреженный вами зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла“ (Дѣян. 4, 11). Такъ пусть фарисеи и книжники отвергаютъ Іисуса: но они тѣмъ самымъ выполняютъ надъ Нимъ пророчество о Мессіи. Они бросаютъ Его какъ камень ни къ чему негодный: но по волѣ Божіей Онъ оказывается въ основаніи зданія, при соединеніи двухъ угловъ. Послѣ того, что ожидаетъ іудеевъ? Отнято у нихъ будетъ царствіе Божіе и передастся народу, который приноситъ будетъ плоды. Такъ съ твердостію сказалъ Господь вслухъ іудеевъ. Несчастные іудеи! они и понынѣ бродятъ по всему свѣту, разсѣянные гнѣвомъ Божіимъ за смерть Сына Божія.

Притча о виноградаряхъ прямо относится къ іудеямъ: но косвенно касается она всего рода человѣческаго и каждаго человѣка въ особенности. Войди въ себя, кто бы ты ни былъ. Не вложилъ ли Богъ и въ твое сердце сѣмя любви къ благочестію? Въ дѣтствѣ служили тебѣ оградою родители, родственники, учители. Ты живешь въ обществѣ христіанскомъ. Сколько тебѣ уроковъ для добра! Предъ тобою слово Сына Божія. Ты читалъ и чувствовалъ, какъ оно животворно. Пастыри и учители церкви—стражи новаго винограда Христова: они по долгу заботятся, чтобы садъ Божій былъ съ плодами ожидаемыми. Не думай, что безнаказанно могутъ пренебрегать ихъ наставленіями. Любишь ли ты Господа Іисуса, какъ требуетъ любовь Его къ тебѣ? Христіанамъ дано болѣе средствъ для выполненія воли небесной, чѣмъ іудеямъ. О! не объять уму человѣческому

всей широты и высоты любви Божіей, излившейся на насъ во Христѣ Іисусѣ. Но тѣмъ страшнѣе быть неблагодарными предъ такою любовію. Иногда ты вовсе забываешь о своемъ Господѣ и живешь умомъ и сердцемъ по своимъ прихотямъ, какъ отступникъ и мятежникъ. Сказать ли тебѣ, что изъ того будетъ? Если все станешь идти этимъ путемъ: участь твоя будетъ подобна участи іудеевъ. Все лучшее умретъ въ тебѣ; чувство добра и благочестія, которое услаждало тебя, притупится. Страшись страсти іудейской къ земнымъ выгодамъ, распявшей Сына Божія! Иначе можешь дойти до того, что *отнимется* у тебя *царствіе Божіе.*

Пожалуй, и нынѣ въ слѣдъ за ложными пророками говорятъ: миръ, миръ межъ нами! Но на долго ли это? Что значитъ эта жажда разнузданности для страстей, закутывающаяся именемъ гуманности, человѣчности? Не ею ли дышали избивавшіе пророковъ? Ложные пророки улыбались новизнамъ развратнаго язычества, которыя жадно перенимаемы были у сосѣдей народомъ іудейскимъ. Не видно ли того же и нынѣ? Тамъ и здѣсь раздаются возгласы противъ отсталости въ мысляхъ, противъ обветшалой вѣры, противъ византизма; тамъ и здѣсь требуютъ новой вѣры, новой жизни,—жизни и вѣры по уставамъ матеріальныхъ порядковъ. Но не смущайся тѣмъ, чтитель истины Христовой! *Кто упадетъ на камень сей, разобьется и на кого онъ упадетъ, того раздавитъ*: такъ сказалъ Господь нашъ и—слово Его не измѣнится. Слово Его исполнилось надъ іудеями, исполнилось надъ другими врагами Христовой истины, исполнится и надъ каждымъ новымъ врагомъ. Истина Христова, при всемъ томъ, что нападали и нападаютъ на нее, не перемѣнитъ своего мѣста,—она камень неподвижный; она неизмѣнима и незамѣнима; она вѣчна, какъ вѣченъ Богъ. Ничего, кромѣ замѣшательства въ мысляхъ, кромѣ жалкихъ противорѣчій себѣ самимъ и вѣчнымъ законамъ правды не найдете въ словахъ людей, которые возстаютъ противъ Христовой истины: чѣмъ болѣе, чѣмъ упорнѣе они возстаютъ на нее, тѣмъ очевиднѣе становится ихъ слабость и несостоятельность. Они—жалки. Сынъ Божій послѣ того, какъ убитъ былъ людьми, явится еще разъ, только въ видѣ Судіи и тогда *раздавитъ* преступныхъ людей.

Братія! долгъ каждаго изъ насъ *хранить* виноградникъ Христовъ, св. вѣру и ея установленія.—Дороже св. вѣры ничего нѣтъ для насъ на землѣ. Оберегайте ее отъ вольномыслія и вольнодумства: за ними вслѣдъ идутъ мракъ и пагуба. Не довѣряйте учителямъ лжи: они могутъ говорить красно, но въ словахъ ихъ ядъ для умовъ и сердецъ; это волки одѣты въ овечью шкуру.—Повинуйтесь пастырямъ церкви: имъ ввѣрены слово Божіе и таинства; кто слушается ихъ, слушается не людей, а Бога.

Долгъ каждаго изъ насъ *воздѣлывать* виноградникъ Божій, приносить плоды ожидаемые Господомъ. Пользуйтесь благодатными средствами спасенія. Какъ не дорожить спасеніемъ вѣчнымъ? Жизнь коротка, а вѣчность безпредѣльна. Ходите *достойно званія* въ которое призваны вы небомъ, *со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію* (Еф. 4, 1—3). Званіе христіанина высоко: много надобно трудиться, чтобы выполнять его.

О! да продлится надъ нами милость Твоя, незамѣнимый Спаситель нашъ! Аминь.

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ 15.

(Матѳ. 22, 35—46).

Низка философія саддукейская: въ ея взорѣ также ничтожна душа человѣческая, какъ и жизнь червяка; желанія ея, какъ и желанія червяка, ограничиваются только тѣмъ, чтобы ѣсть и пить. Не дай Богъ видѣть между нами саддукеевъ!

Но и тѣ, которые хотятъ и мыслить и жить не по саддукейски, могутъ еще не быть въ царствіи Божіемъ. Такъ показываетъ нынѣ чтенное евангеліе.

Законникъ нѣкій приступи ко Іисусу, искушая Его и глаголя: кая заповѣдь больши есть въ законѣ?

Законникъ слушалъ отвѣты Спасителя саддукеямъ и утѣшался основательностію отвѣтовъ. Такъ говоритъ свят. Маркъ (12, 82). Потому если св. Матѳей говоритъ о законникѣ, что онъ *приступи, искушая Его:* не будемъ объяснять это въ невыгоду законнику.— И по одобренію, какое далъ законнику Спаситель (ст. 34), видно, что законникъ приступилъ къ Спасителю не съ намѣреніями врага. Искушеніе его было собственно дознаніемъ истины; онъ желалъ разрѣшить свои недоумѣнія, утвердить свои догадки голосомъ великаго Учителя.—Если, такъ думали современники законника и онъ съ ними, если Моисей далъ 365 запрещеній и 244 повелѣнія, всего 613 правилъ: то въ такомъ числѣ правилъ конечно не все равно важно. Какая же заповѣдь важнѣе всѣхъ другихъ? Мнѣнія учителей о томъ неодинаковы: одни заповѣдь о приношеніи Іеговѣ жертвъ считали первою заповѣдію; другіе очень чтили субботу, третьи—обрѣзаніе. Тѣмъ болѣе настоитъ нужда узнать вѣрное. И вотъ законникъ хочетъ узнать отзывъ о томъ великаго Учителя.

Іисусъ же отвѣща ему: яко первѣйши всѣхъ заповѣдей есть:— слыши, израиле, Господь Богъ твой Господь единъ есть:—и возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ... Сія есть первая заповѣдь (Мар. 12, 29).

Чтителей закона поучаетъ Спаситель точными словами самаго закона (Втор. 6, 5). Чѣмъ начался законъ Божій? Какъ Богъ единъ: такъ Его прежде всего и болѣе всего надобно любить. Вотъ начало закона! Нѣтъ предмета для любви выше Бога. Богъ—высочайшее благо и благо единственное. Онъ—начало и конецъ всего. Имъ существуемъ мы и для Него существуемъ, такъ что безъ Него жизнь наша—пагуба. Потому Его должны мы любить болѣе всего. Должны любить Его всѣмъ существомъ своимъ, должны любить *всѣмъ сердцемъ*—всѣми движеніями чувства, *всею душою*—всѣми стремленіями воли, *всею мыслію*—всѣми дѣйствіями ума, и *всею крѣпостію*—всею душевною и тѣлесною дѣятельностію. Вотъ *первая* по порядку и *большая* по важности заповѣдь! (Матѳ. 22, 38). Она потому и первая въ ряду заповѣдей, что есть самая важная по достоинству содержанія. Итакъ къ чему же столько споровъ о важныхъ и неважныхъ заповѣдяхъ? Законъ въ рукахъ законниковъ.

Вторая же подобная ей: возлюби искренняго твоего, яко самъ себе.

Вторая заповѣдь: люби ближняго твоего, какъ самого себя. Эта заповѣдь ниже первой по предмету своему: тамъ—Богъ, здѣсь—человѣкъ. Но она важна по связи съ первою; не любя ближняго, не можетъ любить Бога. Ближній—прекрасное созданіе Божіе; высокія качества его, умъ, свобода, господство надъ природою—предъ нашими глазами. Кто не уважаетъ этого высокаго созданія Божія, кто преслѣдуетъ его ненавистію: въ томъ нѣтъ мѣста для любви Божіей; пренебрегая созданіемъ, онъ оскорбляетъ Создателя. Въ сущности кто искренно любитъ Бога, тотъ не можетъ не любить ближняго. Потому кто понимаетъ и принимаетъ сердцемъ заповѣдь о любви къ Богу, для того не нужна заповѣдь о любви къ ближнему.—Но для людей съ черствымъ сердцемъ и съ грубымъ умомъ, для людей, которые увѣряютъ, что любятъ они Бога, тогда какъ ненавидятъ брата, надобно объявить, что есть вторая заповѣдь: люби ближняго. Люби ближняго какъ самого себя. Вотъ мѣра для любви къ ближнему! Себя любимъ мы: это—дѣло жизни нашей. Но почему должны любить себя? Потому что жизнь намъ не нами дана, потому что мы—созданіе Божіе. Точно такъ должны мы любить другаго, какъ созданіе Божіе: но рукотворенное въ человѣкѣ,—его страсти, его заблужденія стоятъ только сожалѣнія нашего.—Люби ближняго, какъ себя. Умѣряй порывы себялюбія любовію къ ближнему.

Не дѣлай и не желай другому того, чего себѣ не желаешь. Больно тебѣ, когда смѣются надъ тобою: не насмѣхайся же надъ другимъ. Тяжело тебѣ, когда никто не хочетъ раздѣлить съ тобою горя твоего: спѣши же дѣлить горе ближняго твоего. Старайся дѣлать для другаго все то, чего себѣ желаешь.

Въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ. „Въ сихъ двухъ заповѣдяхъ состоитъ весь законъ и пророки".

Все, чему учатъ книги Моисеевы, называвшіяся на языкѣ іудеевъ закономъ, все, чему учатъ книги пророковъ,—сокращенно содержится въ двухъ заповѣдяхъ: люби Бога, люби ближняго. Никакая мудрость іудейская не найдетъ тамъ больше того. Всѣ частныя предписанія и запрещенія закона, всѣ увѣщанія и поученія пророковъ—раскрытіе заповѣди о любви святой. Любовь къ Богу и ближнему—корень всякой святости и безъ нее невозможно духовное совершенство. Такъ это объяснено и для христіанъ. Апостолъ говоритъ: *аще имамъ пророчество и вѣмъ тайны вся и весь разумъ и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ: ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя и аще предамъ тѣло мое, во еже сожещи е, любве же не имамъ: никая польза ми есть* (1 Кор. 13, 2. 3).

По повѣствованію св. Марка, законникъ, выслушавъ отвѣтъ Спасителя, сказалъ: „хорошо, учитель! истину сказалъ Ты, что любить Бога и ближняго—есть больше всѣхъ всесожженій и жертвъ".

Законникъ не только съ восторгомъ одобрилъ слова Спасителя, но прибавилъ, что и по его разумѣнію любовь къ Богу и ближнему выше всѣхъ жертвъ, хотя иные и не такъ думаютъ. *Іисусъ же видѣвъ, яко смысленно отвѣща, рече ему: недалече еси отъ царствія Божія* (Мар. 12, 33. 34). По суду всевѣдущаго, законникъ отвѣчалъ разумно и онъ не далекъ отъ царствія Божія. Онъ разумный человѣкъ и близокъ къ царствію Божію по своимъ расположеніямъ, потому что цѣнитъ любовь выше жертвъ. Это не мало значило для законника. И однако онъ только не далекъ отъ царствія Божія,—но еще не въ царствіи Божіемъ. Что такое значитъ? Чего недоставало законнику? Это показываетъ Спаситель въ разговорѣ съ другими книжниками.

Собравшимся же фарисеомъ, вопроси ихъ Іисусъ, глаголя: что вамъ мнится о Христѣ? Чій есть сынъ? Глаголаше ему: Давидовъ (ст. 47, 42).

Фарисеи собрались около Іисуса, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы какимъ нибудь вопросомъ поставить Его въ затрудненіе, какъ уже не разъ обнаруживали они это намѣреніе. Сердцевѣдецъ видитъ сердца ихъ и не только разрушаетъ ковы ихъ, но ставитъ ихъ са-

михъ въ безвыходное затрудненіе, показываетъ имъ заблужденія ихъ. „Что вы думаете о Христѣ? спрашиваетъ Онъ ихъ. Чей Онъ сынъ“? Спаситель предлагаетъ вопросъ любимый іудеями,—вопросъ о Мессіи; предлагаетъ вопросъ важный не для однихъ іудеевъ, на который надобно было отвѣчать почтительно. Спаситель зналъ, что будутъ отвѣчать Ему фарисеи. Общая вѣра іудеевъ ожидала Христа, какъ потомка Давидова. Въ этомъ вѣра ихъ и не ошибалась. Такъ говорили о Мессіи пророки. Но іудеи такіе, каковы были фарисеи, видѣли въ Мессіи не болѣе, какъ сына Давидова, царя земнаго и не понимали, что вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ будетъ вѣчный царь и Сынъ Божій. Эту ошибочную вѣру раздѣляли даже и нѣкоторые изъ добрыхъ іудеевъ, каковъ былъ одобренный Спасителемъ законникъ. Въ этомъ-то заблужденіи и хочетъ обличить ихъ Спаситель. Какъ ожидалъ Спаситель, такъ и отвѣчали на первый вопросъ Его фарисеи. „Мессія—сынъ Давида“, сказали они.

Глаголя имъ: како убо Давидъ Духомъ Господа Его нарицаетъ, глаголя: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ. Аще убо Давидъ нарицаетъ Его Господа: како сынъ ему естъ? (ст. 43,—45).

Признавая отвѣтъ фарисеевъ справедливымъ, Спаситель предлагаетъ имъ сличить мнѣніе ихъ о Мессіи царѣ земномъ съ словами Давида. Вы правы, говоритъ Онъ;—Мессія—сынъ Давида. Но почему же Давидъ *духомъ,* или какъ передаетъ св. Маркъ, *духомъ святымъ*, слѣд. не по своему мнѣнію человѣческому, а какъ пророкъ, глаголющій по вдохновенію Духа св., называетъ Христа Господомъ? *Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене*, говоритъ Онъ. Сказалъ Іегова, Богъ истинный; сказалъ Господу моему, Адонаи, что также означаетъ Владыку неба и земли, Бога истиннаго. Такъ самое названіе Мессіи Господомъ вселенной показываетъ, что Мессія—не сынъ только человѣческій. Мало и того. Сказалъ Іегова: *сѣди одесную Мене.* Это значитъ тоже, что Мессія призывается къ участію въ славѣ и власти Іеговы. Съ кѣмъ же Іегова можетъ дѣлиться властію, какъ не съ равнымъ Ему? Итакъ напрасно книжники и фарисеи съ неистовымъ негодованіемъ называли Іисуса богохульникомъ за то, что Онъ *Отца своего глаголаше Бога, равенъ ся творя Богу* (Іоан. 5, 18). Господь Іисусъ говоритъ о себѣ, какъ о Христѣ, то самое, что говоритъ о Христѣ Давидъ. Виноваты сами фарисеи и книжники, если читая такъ часто Давида и пророковъ не хотѣли понять Давида и пророковъ. Виноваты они, что земные помыслы, гордыя мечты ихъ о земномъ царствѣ Мессіи и объ участіи ихъ въ этомъ земномъ величіи закрывали въ ихъ взорѣ ученіе пророковъ о вѣчномъ, духовномъ, царствѣ Мессіи и Его божествен-

номъ величіи. Виноваты они, что ограничивали желанія и надежды свои только землею, жили для одной земли, и потеряли изъ виду духовное. Спаситель въ обличеніе ихъ могъ указать на многія другія изреченія пророковъ, показывавшихъ въ Мессіи Сына Божія. Онъ могъ указать на слова Михея, который говоритъ, что исходы Мессіи *отъ дней вѣка* (5, 1); на слова Исаіи, называвшаго Мессію Эммануиломъ (7, 14), Богомъ крѣпкимъ и Отцемъ вѣчности (9, 15); на Іеремію, по словамъ котораго Мессія—Іегова—правда наша (23, 6). Но Спаситель указываетъ на такія слова Давида, гдѣ Мессія является и Сыномъ Давида и Сыномъ Божіимъ,—и при томъ грознымъ Судіею. Для чего это? Чтобы пробудить въ гордыхъ душахъ фарисейскихъ страхъ Божій, заставить ихъ содрогнуться за самихъ себя; Онъ повторяетъ слова Давида о Мессіѣ, какъ властителѣ вселенной, грозномъ для враговъ Его. Іегова говоритъ Адонаи Мессіи: *сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножія ногъ Твоихъ.*—Пусть же знаютъ враги Мессіи, что они не останутся ненаказанными, что они будутъ доведены до самаго печальнаго до самаго горькаго, униженія.

И никтоже можаше отвѣщати Ему словесе, ниже смѣяше кто отъ того дне сотворити Его ктому (ст. 46).

Слова Спасителя поставили враговъ Его въ такое затрудненіе, что они не смѣли сказать ни слова въ отвѣтъ на вопросъ Его о Христѣ сынѣ Давида. На этотъ разъ они чувствовали справедливость обличенія Его и молчали. Они сознались, что болѣе не въ состояніи уловить премудраго Учителя въ словахъ Его и потому отказались отъ попытокъ вступить съ Нимъ въ споръ. Не правда-ли, что этого довольно для славы истины Христовой? Но довольно ли для любви Христовой? Ахъ! она желала бы большаго отъ нихъ, для нихъ самихъ. Она желала бы не временнаго сознанія въ ошибкѣ, а полнаго исправленія ихъ, полнаго раскаянія въ нечестіяхъ сердца и смиренной вѣры въ Спасителя душъ; но этого не было въ черствыхъ душахъ ихъ. Св. Маркъ говоритъ при томъ: *и многъ народъ послушаше Его въ сладость* (12, 37). Это безъ сомнѣнія облегчало скорбь Господа Іисуса о нераскаянныхъ фарисеяхъ.

Въ заключеніе бесѣды нашей повторимъ содержаніе осмотрѣнныхъ наставленій Спасителя. Любовь къ Богу и ближнему, любовь искренняя и полная,—вотъ что должно дышать во всѣхъ поступкахъ нашихъ, во всей жизни нашей! Но гдѣ намъ взять такую любовь? Господи Іисусе? Ты—Сынъ человѣческій и потому знаешь наши немощи. Ты—Сынъ Божій и потому можешь подать намъ все, чего нѣтъ у насъ. Ты ожидаешь, Ты требуешь, чтобы обращались сердца наши къ Тебѣ, какъ къ Сыну человѣческому и къ Сыну Божію.

Упорны сердца наши; сокруши ихъ страхомъ Твоимъ. Спаси насъ, Спасителю нашъ! Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 16.

Вѣрный въ малѣ и о многѣ есть вѣренъ (Лук. 16, 10).

Обыкновенно думаютъ и говорятъ: не важное дѣло грѣшить въ дѣлахъ не важныхъ, лишь бы въ великихъ быть вѣрнымъ волѣ Божіей. Что напр. за важность сказать неправду или обманутъ при продажѣ? Великое ли дѣло не соблюдать поста?

Такъ многіе говорятъ и такъ многіе поступаютъ!

Но не такъ учитъ евангеліе. „Вѣрный въ маломъ, говоритъ Господь, вѣренъ и въ великомъ; а невѣрный въ маломъ невѣренъ и въ великомъ“ (Лук. 16, 10).

Не пріучась вѣрности въ маломъ, нельзя устоясь въ вѣрности тогда, какъ потребуются больше силъ и больше твердости: въ дѣлахъ великихъ встрѣчаются и препятствія великія, да и помимо препятствій онѣ требуютъ силъ великихъ. А есть ли у насъ большой запасъ силъ? Мы еще и не узнали, какъ много у насъ силъ; а мечтаемъ о дѣлахъ великихъ! Надобно въ точности испытать свои силы; надобно много разъ поднимать тяжести незначительныя, надобно пріучиться къ вѣрности и ловкости при подъемѣ камней невеликихъ, послѣ того будемъ поднимать и тяжесть большую. Если же не начинали дѣлать перваго: то подъ тяжестію большою надорвемъ свои силы. Точно такъ и въ жизни нравственной, въ жизни духовной.

Надобно сперва пріучиться порядку и труду въ жизни обыкновенной, домашней. Тогда и жизнь духовную можно начинать съ надеждою на успѣхъ. Если въ тѣсномъ семейномъ кругу жили на несчастіе себѣ и другимъ, все и всѣхъ разстроили: можно ли ожидать добра отъ завѣдыванія дѣлами великой общественной области? „Кто не умѣетъ управлять своимъ домомъ: тому какъ пещись о церкви Божіей“? (1 Тим. 3, 5). Странно надѣяться увидать себя на самой высокой ступени лѣстницы, когда еще не поднимались на три первыя ступени. Не высоки добродѣтели язычника: но безъ нихъ нельзя остановиться христіанину. Иначе скажутъ: „изъ за васъ хулится имя Божіе у язычниковъ“ (Рим. 3, 24). Тѣ которые берутъ на себя дѣла великія, оказываясь каждый часъ невѣрными въ маломъ, обманываютъ себя и другихъ мечтами. Чѣмъ оказывается

на опытѣ нравственность шумныхъ людей, подобныхъ Лютеру? Обманчивымъ свѣтомъ. Таково христіанство лучшихъ протестантовъ! На словахъ—ангелы, на дѣлѣ—поклонники золотаго тельца.

Какъ много охотниковъ до высокихъ должностей, до почетныхъ званій, до видимыхъ мѣстъ! но если бы вѣрно отправляли малыя должности, узнали бы мѣру силъ своихъ, узнали бы, что едва кое-что и кое-какъ дѣлаютъ они и въ тѣсномъ кругу своемъ, а отъ большихъ трудовъ—избавь Боже! Зачѣмъ безъ силъ и умѣнья браться за дѣла мудреныя? Уже-ли для того, чтобы позорить себя и вредить другимъ? Неумно, преступно высокою должностію губить себя и другихъ, по милости неспособности своей.

Песчинка мала: но милліоны песчинокъ составляютъ гору. Что составятъ повторяемые каждый день малые грѣхи?

Къ чему ведетъ постоянная невѣрность наша въ маломъ? При ней привыкаютъ пренебрегать и великими обязанностям, и начинаютъ жить, какъ бы вовсе нѣтъ для насъ закона и суда; укоры совѣсти, сперва довольно рѣзкіе, со временемъ притупляются, и ея голосъ замолкаетъ въ душѣ; наступаетъ состояніе страшное, состояніе нечувствія и безстрашія. Такъ, нарушая святость поста, не забываютъ ли со временемъ вовсе о долгѣ распинать плоть со страстьми и похотьми? Не живутъ ли наконецъ такъ, какъ бы не было у насъ другихъ потребностей, кромѣ животныхъ? А въ такомъ случаѣ къ чему и называться христіанами? Не стоютъ названія и человѣка.

Кто въ духовномъ быту, какъ и въ мірскомъ, умѣетъ пользоваться малыми случаями,—рано или поздно соберетъ большое богатство. Для великихъ дѣлъ не часто выпадаютъ случаи, тогда какъ каждый день, каждый часъ передъ нами проходятъ невеликія вещи, но которыя требуютъ постоянной дѣятельности нашей. Съ виду—это встрѣчи мелкія, но присмотритесь и увидите, что онѣ имѣютъ значеніе не малое для насъ. Присмотритесь и увидите, что мелкія встрѣчи дня вызываютъ насъ на борьбу то съ лѣнью и нѣгою, то съ гордостію и тщеславіемъ, то съ завистію и своекорыстіемъ, то съ нечистою плотію. О! какъ много дорогихъ вещей можемъ собирать въ свое сердце, если будемъ соблюдать вѣрность волѣ небесной во всѣхъ случаяхъ дня! Любовь не должна дремать,—она должна быть постоянно доброю, и любовь живая, дѣятельная обращаетъ въ свою пользу каждую минуту. Не только въ часы молитвы она всею душею при Господѣ своемъ, но съ Нимъ же она и въ полѣ, и въ домѣ, и на ложѣ ночномъ и въ разговорѣ съ другими, и за трапезою любви. Такъ то, пользуясь всѣми случаями, вѣрная душа собираетъ большое богатство духовное. Такъ-то, снискавъ твердую

вѣрность Богу своему въ случаяхъ дня, она оказывается вѣрною и въ великихъ подвигахъ.

Спаситель нашъ своимъ примѣромъ показалъ намъ, что не должны мы пренебрегать дѣлами малыми. На Немъ лежало величайшее дѣло, какого никто не совершалъ отъ начала міра—спасеніе всего рода человѣческаго. И однако Онъ исполнилъ законъ обрѣзанія; живя въ домѣ воспитателя-Іосифа, былъ въ повиновеніи обязанностямъ семейнымъ (Лук. 2, 51); велѣлъ Петру заплатить дань за себя и за Него (Матѳ. 17, 24). Фарисеямъ говорилъ Онъ: „сіе надлежало дѣлать (судъ и милость) и того не оставлять“ (десятины съ мята и ониса) (Матѳ: 23, 23). Допускалъ ли Онъ когда нибудь ложь? О, нѣтъ! Кто уличитъ меня въ неправдѣ? говорилъ Онъ врагамъ своимъ. Лжецовъ называлъ Онъ дѣтьми духа тьмы. За всякое праздное слово дадутъ люди отвѣтъ въ день суда, говорилъ Онъ. Жизнь его—обличеніе всѣмъ мечтателямъ.

Будемъ же стараться выполнять по совѣсти, со всею точностію, не великія порученія, дѣла не важнаго званія.—Тогда жизнь наша окажется полною хвалы Божіей и прославляемый нами Богъ удостоитъ насъ славы и здѣсь и тамъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ СВ. ІОАННА ПРЕДТЕЧИ.

Часъ уже намъ отъ сна востати (Рим. 13, 11).

Такъ говоритъ намъ апостолъ! Такъ говоритъ въ нынѣшнемъ чтеніи, когда празднуемъ память великаго подвижника пустыни—св. предтечи.—Почтимъ же и апостола и предтечу размышленіемъ о словахъ апостола.

Часъ уже намъ отъ сна востати.

Что это за сонъ, отъ котораго хотятъ освободить насъ? Это сонъ нерадѣнія о спасеніи души. Если совѣсть молчитъ, разумъ не видитъ нужнаго для вѣчности, воля—безъ дѣйствія для добра неизмѣняющагося: не сонъ ли это души? Пьютъ грѣхи какъ воду и множатъ нечестіе каждую минуту, а думаютъ, что все въ порядкѣ и беззаботно проводятъ время: не сонъ ли это пагубный? Пусть душа друга земли, интересовъ матеріальныхъ, занята образами вре-

мени, пусть толпы образовъ смѣняются въ ней толпами: но и во снѣ тѣлесномъ то же бываетъ съ нами; здѣсь мечты и грезы, не тоже ли тамъ? Душа безсмертная живетъ тогда, когда живетъ для вѣчности, когда выполняетъ волю Господа своего. Если же нѣтъ того съ нею: самые усиленные труды не болѣе какъ горячешный бредъ. Пусть другіе не опьяняются грѣхами, но не отличаютъ себя и ни одною добродѣтелію; лѣнивые и робкіе на зло столько же лѣнивы и нерѣшительны на добро. Не сонные ли это люди? *Часъ уже намъ отъ сна востати.*

Проснись, грѣшная душа моя! Пора дѣлать дѣла Господни, пора трудиться для душевнаго спасенія. Дорожи временемъ, дорожи каждымъ часомъ. Коротка жизнь земная, но не для того, кто наполняетъ ее благими дѣлами; она коротка, она исчезаетъ у тѣхъ, которые тратятъ ее безсмысленно, въ развлеченіяхъ и трудахъ не въ славу Божію.—Дорожи временемъ. Оно уходитъ неудержимо. Сколько уже прошло его безъ пользы или и со вредомъ для тебя! Дорожи часомъ. Если пройдетъ онъ: то уже не возвратится къ тебѣ. Если настанетъ другой часъ, это будетъ другой, а не прежній. Дорожи часомъ: все время жизни земной должно быть наполнено дѣлами согласными съ волею Божіею. *Не призва насъ Богъ на нечистоту, но для святости* (1 Сол. 4, 7). Ни одной минуты нѣтъ у насъ, которую бы въ правѣ были мы употребить по прихоти сердца. Мы—не отъ себя и не для себя. „Не будьте безсмысленны, но узнавайте, что есть воля Божія“ (Еф. 5, 17). Дорожи каждымъ часомъ. Съ каждымъ часомъ ты близишься къ смерти, къ предѣлу, которымъ оканчивается время купли и заслугъ. Время дорого: имъ покупается блаженная вѣчность. Какъ пропускать его мимо глазъ, беззаботно? Если безконечное будущее зависитъ отъ сна или дѣятельности: необходима осторожность, чтобы не предаться даже дремотѣ. О! „да не спимъ, какъ язычники, но да бодрствуемъ и трезвимся“ (1 Сол. 5, 6).

Часъ уже намъ отъ сна востати. Въ побужденіе къ тому апостолъ говоритъ: *нынѣ ближайшее намъ спасеніе, неже егда вѣровахомъ* (Рим. 13, 12). Нынѣ, во время христіанскаго откровенія, легче намъ спастись, чѣмъ іудеямъ и язычникамъ. У насъ и болѣе благодати и болѣе познаній и болѣе побужденій ко спасенію, чѣмъ было прежде. Ужели оставимъ все это въ небреженіи? Проснись, душа христіанская! Отецъ небесный для нашего спасенія не пожалѣлъ Сына Своего. И мы будемъ губить себя сномъ грѣховнымъ? Сынъ Божій нисходитъ на землю, чтобы возвѣстить волю Отца небеснаго, открыть лучшіе, самые вѣрные, пути ко спасенію. Ужели и послѣ того люди станутъ жить, какъ жили язычники? „Если

ангелами возвѣщенное слово было твердо и всякое непослушаніе получило праведную казнь: то какъ мы избѣжимъ, вознерадѣвъ о толикомъ спасеніи“? (Евр. 2, 23). Для того, чтобы открыть для насъ небо и низвесть на насъ воды благодати, необходимой для исцѣленія разстроенной души нашей, Сынъ Божій смирилъ Себя *даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 8). Ужели все это по напрасну? Ужели мы будемъ пренебрегать столько дорогою милостію неба? Ужели станемъ презирать страданія и смерть Сына Божія? О! Это было бы страшное нечестіе! *Молимъ, не вотще благодать Божію пріяти*, говоритъ намъ апостолъ (2 Кор. 6, 1).— Пусть когда была ночь невѣжества языческаго, пусть когда былъ мракъ гаданій, перемѣшанный съ мракомъ суевѣрій іудейскихъ, люди творили дѣла темныя и спали во грѣхахъ. Но братія—христіане! не къ лицу намъ христіанамъ жизнь языческая; не къ лицу намъ „пированія, пьянство, сладострастіе, ссоры и драки“ (Рим. 13, 13). „Спящіе спятъ ночью и упивающіеся упиваются ночью. Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись бронею вѣры и любви и шлемомъ надежды спасенія“ (1 Сол. 5, 7. 8). Не къ лицу христіанамъ простирать попеченія объ удобствахъ земной жизни до страсти (Рим. 13, 14).—Какъ ни хвали жизнь матеріальную, какъ ни выставляй въ красивомъ видѣ успѣхи ея: это не жизнь христіанская. Не того ожидаетъ отъ насъ божественный Основатель вѣры нашей. *Огня пріидохъ во врещи на землю*, говоритъ Онъ, и какъ хочу Я, чтобы онъ возгорѣлся. Господь желаетъ, чтобы въ сердцахъ нашихъ горѣлъ огонь ревности къ подвигамъ благочестія, къ выполненію воли Божіей. „Отъ дней Іоанна крестителя царствіе небесное входитъ насильно и усильные искатели достаютъ его“ (Матѳ. 11, 12). Таково отличіе христіанской жизни?

Не станемъ говорить, что дѣло спасенія слишкомъ тяжело для насъ. Лѣнивый говоритъ: левъ на пути и не трогается съ мѣста. Будемъ толкать лѣниваго. Не бредь, скажемъ ему. И по устройству Вѣчнаго душа любитъ добро вѣчное: есть въ ней и знаніе Бога, есть и отвращеніе отъ грѣха и тлѣнія.—А для христіанина сколько пособій благодатныхъ! Близъ боящихся Его спасеніе Его (Псал. 84, 10). Левъ на пути, говоритъ лѣнивый. А когда зоветъ куда страсть: нѣтъ никакихъ препятствій. Для чрева, для чести, для корысти какихъ не предпринимаютъ трудовъ, какихъ не преодолѣваютъ опасностей! Къ чему же это лукавство? Отважны и сильны для дѣлъ грѣха, а слабы для добрыхъ подвиговъ! Мы слабы для добра всего болѣе оттого, что по милости лѣни увеличиваемъ въ своихъ глазахъ слабость свою и принимаемъ на себя, въ обезсиленіе себя, труды и подвиги для грѣха, по требованію страстей. Бѣдный чело-

вѣкъ! ты боишься трудовъ оживляющихъ тебя и выносишь труды и скорби, убивающія тебя. Что жизнь твоя? Мука. Живешь, какъ случится, въ мятежной суетѣ; желанія дикія терзаютъ душу, нѣтъ покоя отъ нихъ ни днемъ ни ночью; мысли, чувства, желанія черныя тѣснятъ, давятъ душу, такъ какъ по неотразимому суду совѣсти они низки, преступны, недостойны безсмертной души,—такъ какъ для того, кто живетъ въ забвеніи о вѣчности не свѣтитъ ни одинъ лучъ отрадной надежды. О! братія! *часъ уже намъ отъ сна востати.* Придемъ въ себя, прогонимъ лѣность, понудимъ себя къ подвигамъ благимъ.

Нерадѣніе о спасеніи души въ христіанинѣ—тоже, что небреженіе о благодати Божіей; а какъ страшно пренебрегать благодатію Божіею! Что ожидаетъ такую душу? Отступленіе благодати. *Врачевахомъ Вавилона и не исцѣлѣ: оставимъ* (Іерем. 51, 9). *Ждахъ, да сотворитъ гроздіе и сотвори терніе: оставлю виноградъ мой и ктому не обрѣжется,—и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя* (Исаія 5. 1—6). Судъ Божій одинаковъ и для народа и для частнаго лица. Если душа оставляетъ въ небреженіи заботы о ней неба: то и небо оставляетъ ее. Богъ не посылаетъ на нее болѣе росы благодати и она становится сухою землею, на которой не ростетъ ни былинка. Страшное состояніе, но неизбѣжное! Смрадъ грѣховъ удаляетъ отъ нерадивой души благодать небесную; безчувствіе закрываетъ ее отъ прикосновеній благодати Божіей. Она слышитъ слово Божіе и не трогается имъ; видитъ примѣры добра и не увлекается ими; на ряду съ другими терпитъ наказанія и получаетъ благодѣянія, но не становится лучшею. Страшное состояніе! Грѣшникъ не видитъ его и оттого-то состояніе его еще болѣе страшно. О! грѣшникъ! гони отъ себя нечувствіе страхомъ суда Божія. Трепещи предъ мыслію, что безчувствіе удаляетъ отъ тебя благодать.

Тамъ, за гробомъ, пробудятъ насъ, если здѣсь сами не пробудимся.—Предъ свѣтомъ правды Божіей тамъ и нехотя увидятъ себя грѣшники въ подлинномъ видѣ и не пустятъ тамъ въ мѣста покоя ни любодѣевъ, ни убійцъ, ни любящихъ лжу (Апок. 22, 15). Тамъ пробудятъ и пастыря нерадиваго о душахъ, купленныхъ кровію Сына Божія; пробудятъ и властителя, жившаго по прихотямъ самолюбивой и гордой души; пробудятъ и судію, торговавшаго правдою; пробудятъ и родителей, обучавшихъ дѣтей не страху Божію, а путямъ грѣха; пробудятъ и слугъ лукавыхъ, питавшихся обманомъ и воровствомъ; пробудятъ и купца, богатѣвшаго всѣми неправдами. *И ввергнутъ ихъ въ пещь огненную и ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ* (Матѳ. 13, 42). Такова правда Божія! Намъ

не премѣнитъ ее. Все готово для спасенія нашего по эту сторону гроба; а тамъ плата за ту или другую жизнь. Здѣсь время каяться и нераскаянность—самая грозная опасность для насъ, самое величайшее бѣдствіе.

Отче небесный! Ты не требуешь ничего свыше силъ дѣтей Твоихъ. Если въ иномъ холодность и неподвижность—дѣло духовнаго организма: Ты не осудишь независящаго отъ воли его. Ты осудишь только нерадѣніе о высшемъ совершенствѣ, осудишь невнимательность къ послѣдствіямъ сонливой лѣни.

Прости мнѣ столь частыя опущенія долга моего, благій и милостивый! Подай мнѣ помощь Твою исполнить съ ревностію то, что дозволяютъ мнѣ силы мои. Твоя есть сила и слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ЕДИНОВѢРЧЕСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Молю же вы, братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголете вси и да не будетъ въ васъ распри, да будете же утверждени въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли (1 Кор. 4, 10).

Какою кротостію и какою сладостію дышатъ слова апостола! Онъ не пишетъ: приказываю вамъ, хотя и имѣлъ право приказывать, какъ посланникъ Божій. Онъ пишетъ: умоляю васъ. Мало и того, онъ и смиренную просьбу предлагаетъ не отъ своего имени. Онъ умоляетъ именемъ самымъ великимъ и самымъ сладчайшимъ, умоляетъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа. Какъ не послушаться такого увѣщанія! Какъ не покориться такому внушенію, хотя бы и не хотѣлось того капризному самолюбію!

О чемъ же проситъ апостолъ? О томъ, чтобы христіане одинаково вѣровали и по одинаковымъ правиламъ жили. Будемъ ли мы непокорны апостолу? Да не будетъ того съ нами!

Въ области человѣческой мудрости обыкновенны споры и несогласія въ мнѣніяхъ.—По самолюбію здѣсь каждый хочетъ думать по своему—и каждый хочетъ, чтобы его мнѣніе было принято другими. Каждому хочется если не выдумать новую мысль, то по крайней мѣрѣ одѣть ее въ новую одежду и не желательно, чтобы другіе осуждали этотъ нарядъ, придуманный, быть можетъ, не очень удачно. Отсюда споры и перебранки личныхъ самолюбій. Да и помимо са-

молюбій гдѣ общій, безошибочный, руководитель? Разумъ? Онъ точно прекрасный даръ Божій, котораго надобно бы слушаться, какъ голоса Божія. Но каковъ онъ у человѣка? У каждаго свой разумъ, не одинаково настроенный, а что печальнѣе всего, послушный страстямъ, къ тому же неодинаковымъ. Дороги идеи ума прирожденныя: онѣ даны свыше. Но если на нихъ однихъ основывать систему мыслей: легко завлечься въ умозрѣнія тонкія, но безплодныя и ложныя, особенно подъ неуловимымъ вліяніемъ воображенія мечтательнаго. Если принять за руководство одинъ опытъ: то дойдешь до умѣнья жить довольно пріятно, но ничуть не выше умнаго животнаго, да и то еще только для себя. Опытъ—дѣло личности, очень ограниченной: по разности положеній наблюдающаго и наблюдаемаго онъ даетъ свѣдѣнія очень не согласныя между собою. Повѣрять ли умозрѣнія опытомъ? И здѣсь оказывается несогласіе: одинъ даетъ болѣе важности опыту, другой—умозрѣнію. Такимъ образомъ въ области мудрости человѣческой слышимъ непрестанные споры, не умолкающій шумъ мнѣній, борьбу убѣжденій и сомнѣній.

Но съ чего быть разностямъ мнѣній относительно членовъ св. вѣры? Одинъ у насъ учитель вѣры Христосъ Іисусъ; одинъ истолкователь ученія Духъ св.; одно основаніе вѣрованій—откровеніе Божіе. *Божій Сынъ Іисусъ Христосъ не бысть ей и ни, но въ Томъ ей и въ Томъ аминь* (2 Кор. 2, 20); Духъ святый есть Духъ истины и всегда одинъ и тотъ же (1 Кор. 12, 11). Откровеніе Божіе вѣрно, какъ вѣренъ самъ Богъ: за 6 и за 2 тысячи лѣтъ говоритъ оно одну истину спасительную для людей. Оно является намъ какъ писаніе и преданіе: но тамъ и здѣсь объясняетъ одно и тоже, передаетъ одну вѣру и въ одномъ духѣ. Можете сказать, что писаніе—тоже, что умозрѣніе въ философіи и преданіе—тоже, что тамъ опытъ. Но то и другое здѣсь—не человѣческое, а Божіе и потому самое вѣрное. Не говоримъ о писаніи, преданіе церковное есть опытъ, составившійся подъ вліяніемъ Духа Божія, дѣло духовной жизни, длившейся вѣка, жизни, которая вся есть плодъ Духа Божія. Итакъ пусть съ умомъ жаждущимъ истины святой изучаютъ писаніе и преданіе, пусть съ чувствомъ духовнымъ образуютъ по этимъ началамъ вѣрованіе свое: что можетъ выдти изъ того? Тогда будутъ жить жизнію Божіею, тогда будутъ становиться *единъ духъ съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17); здѣсь нѣтъ мѣста ни спорамъ, ни сомнѣніямъ, какъ нѣтъ мѣста ни разнорѣчіямъ, ни противорѣчіямъ въ умѣ Божіемъ.

Въ области знаній разума разнообразіе и перемѣна мыслей считается движеніемъ къ совершенству, стремленіемъ къ единству.— Это и естественно. Здѣсь истина не дана: ее только ищутъ. Оттого одна система мыслей смѣняется другою; пріемы ума, въ извѣст-

ное время громкіе, забываются въ другое. Умы сильные увлекаютъ за собою цѣлую толпу умовъ слабыхъ, изъ которыхъ иные, не успѣвая слѣдовать за быстрымъ полетомъ чужихъ мыслей, вызываютъ въ зрителѣ улыбку своими паденіями. Вотъ является мыслитель съ новыми мыслями и за нимъ устремляется толпа, забывая того, за кѣмъ бѣгала предъ тѣмъ съ изумленнымъ взоромъ; зданія прежняго генія ломаются безъ пощады, на потѣху зѣвающихъ; новое зданіе вызываетъ и удивленія и восторги. Но это также не на долго, до появленія другаго счастливца природы, въ сущности не такъ счастливаго, какъ это кажется на первый взглядъ, потому что и его ждетъ печальная участь предшественниковъ его. Кажется, область знаній расширяется усиліями даровитыхъ людей. Но достигли ли покоя? Нѣтъ. Жажда лучшихъ знаній не утолена. Много новыхъ знаній; а человѣчество ни на волосъ не лучше. Что такое—самое восхожденіе по степенямъ знанія? Горькая насмѣшка надъ слабостію ума, тѣмъ болѣе оскорбительная, что это восхожденіе по степенямъ оказывается явленіемъ частнымъ, явленіемъ въ томъ или другомъ народѣ, а не явленіемъ въ цѣломъ человѣчествѣ.—И вотъ вся философія человѣческая, вотъ все движеніе мысли къ истинѣ! Печальная картина: но ею тѣшатся, за неимѣніемъ лучшей.

Не такъ въ области вѣрованія святаго. Здѣсь разность мнѣній вовсе не есть движеніе къ совершенству; напротивъ составляетъ отступленіе отъ истины Божіей. Здѣсь истина дана: искать ее не нужно, а нужно только усвоить ее умомъ и сердцемъ. Здѣсь самое малое отступленіе къ произволу есть измѣна св. вѣрѣ. Здѣсь не нужны многіе учители: одинъ здѣсь учитель—Господь Іисусъ, Сынъ Божій. О самомъ Духѣ св. сказано: *не отъ себе глаголати имать, но елика аще услышитъ; глаголати имать* (Іоан. 16, 13); т. е. Онъ будетъ объяснять не что либо новое, а тѣже самые истины, которыя уже возвѣщены Христомъ Іисусомъ. Такъ вѣра истинная—одна. Апостолъ строго осуждаетъ всякое мнѣніе несогласное съ благовѣствованіемъ разъ на всегда возвѣщеннымъ. *Аще мы или ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ: анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8). Чтожъ это значитъ? говорятъ. Остается повторять одно и тоже? Какъ это скучно, какъ это недостойно ума человѣческаго! Напротивъ ничего нѣтъ достойнѣе ума человѣческаго, какъ сродняться болѣе и болѣе съ истиною Божіею. Не такъ ли? Думаютъ, что легко усвоить себѣ данную истину Божію? Напрасно. Много надобно времени, много надобно труда, чтобы изучить во всей обширности одну какую либо мысль откровенія Божія. *Широка заповѣдь Твоя зѣло,* исповѣдался Давидъ. Есть степени вѣры святой: онѣ ни въ какомъ случаѣ не исключаютъ знаній начальныхъ,

но чѣмъ выше восходятъ, обогащаютъ душу вѣрующую большимъ утѣшеніемъ, большею силою воли. Скучно ли это для безсмертнаго духа? О! въ этомъ счастіе его!

Послѣ того что могутъ значить распри въ вѣрѣ? Что значатъ расколы и ереси? Ересь—явная борьба съ истиною откровенною и слѣд. съ своимъ спасеніемъ вѣчнымъ. *Не вѣруяй уже осужденъ есть*, говоритъ Господь (Іоан. 3, 18). Въ расколѣ, въ распрѣ о обрядѣ, на первый взглядъ, не много опаснаго. Но не то на дѣлѣ. Блаж. Іеронимъ говоритъ: „нѣтъ ни одного раскола, который бы не выдумалъ себѣ ереси, чтобы увѣрить, что онъ совсѣмъ отступилъ отъ церкви“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ возьмемъ русскій расколъ, расколъ для буквъ. На первый взглядъ, это не болѣе, какъ жалкая бѣдность смысла.—Но какихъ дерзостей, какихъ нечестій противъ св. вѣры не говорилъ Аввакумъ? И въ нынѣшнемъ видѣ своемъ не оскорбляетъ ли расколъ таинства священства, таинства св. евхаристіи? А это уже не произволъ въ обрядѣ, а произволъ въ вѣрѣ. Возьмемъ расколъ Лютера. Казалось, въ началѣ Лютеръ только отклонился отъ ошибокъ, отъ своеволій папизма, которыхъ конечно не одобряетъ не только христіанскій духъ, но и здравый смыслъ человѣческій. Но поднявъ споры, Лютеръ сдѣлалъ шагъ, одинъ шагъ отъ вѣры, но за которымъ уже послѣдовалъ необозримый рядъ отступленій отъ св. вѣры. Въ озлобленіи противъ высокомѣрія римскаго онъ отказался со всѣмъ отъ суда церкви, поставивъ на мѣстѣ его судъ разума. Послѣ же того если св. писаніе каждый въ правѣ объяснить по своему разумѣнію, повѣрять своимъ умомъ: то откровенная вѣра останется извѣстною только по имени,—на мѣстѣ ея будетъ гулять произволъ разума. Такъ это и оказалось въ протестанской церкви: произволы за произволами являлись въ ней, ересь за ересью, пока въ послѣднее время не дошли до рѣшительнаго отступленія отъ Христа Господа.—Чѣмъ еще опасны расколы? Бл. Августинъ поучаетъ: „раскольникамъ ни къ чему не служатъ ни храненіе дѣвства, ни дѣла милостыни. Всѣ эти дѣла пріобрѣтаютъ заслугу въ св. церкви: но безполезны для раскола оттого, что онъ расторгаетъ единство церкви и святую любовь“ [2]). „Ничто такъ не оскорбляетъ Бога, поучаетъ св. Златоустъ, какъ то, если кто производитъ раздѣленія (въ церкви). Хотя бы мы совершили множество добрыхъ дѣлъ: подвергнемся осужденію не меньше тѣхъ, которые терзали Христа, если будемъ расторгать цѣлость церкви [3]).

Откуда могутъ происходить раздѣленія между христіанами по

[1]) Comm. in. 3. cap. ep. ad. Tit.

[2]) Tract. 13 in Iohan.

[3]) Бес. II на посл. къ Ефес. стр. 191.

дѣламъ вѣры? Св. вѣра не допускаетъ раздѣленій въ вѣрѣ. Откуда же являются онѣ? Св. апостолъ пишетъ: *молю же вы, братія, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры кромѣ* (противъ) *ученія, ему же научистеся, и уклонитеся отъ нихъ. Таковіи бо Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву* (Рим. 16, 17. 18). Ап. Іуда говоритъ объ отдѣляющихся отъ церкви: *суть тѣлесни, духа не имуще, по своимъ похотемъ ходяще* (ст. 18. 19). Итакъ вотъ источникъ ересей и расколовъ—самоволіе, которому хочется жить по похотямъ нечистыхъ страстей, самоволіе гордое, удалившее отъ себя духъ благодати! Какой нечистый источникъ! Не думаете ли, что найдете другой, болѣе чистый источникъ? Не трудитесь, не найдете. Апостолы хорошо знали сердце человѣческое, видѣли всѣ тайные изгибы его, какъ никакой мудрецъ не въ состояніи видѣть. Опыты вѣковъ подтвердили справедливость суда ихъ о происхожденіи ересей и расколовъ. Во всѣ времена всѣ такъ называвшіеся преобразователи вѣры заклеймены одною печатію: *суть тѣлесни, духа неимуще, Господеви не работаютъ, но своему чреву;* вмѣсто духа благодатнаго дышатъ духомъ самолюбія гордаго, неуступчиваго, раздражительнаго, тщеславнаго, мстительнаго и суетнаго.

Такъ братія, будемъ по наставленію апостола и мыслить и исповѣдывать одинаково о св. вѣрѣ, прославляя Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 19.

Не мнози учители бывайте, братія, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси (Іак. 3, 1).

Что запрещаетъ этими словами апостолъ? Званіе ли учительства, или самовольное принятіе на себя высокаго званія?

Обратимся за объясненіемъ прежде всего къ наставленію Господа Іисуса. Спаситель говорилъ о фарисеяхъ: *любятъ зватися отъ человѣкъ: учителю, учителю.* И потомъ, обратясь *къ народамъ и ученикамъ своимъ*, сказалъ: *вы же не нарицайтеся учители: единъ бо есть вашъ учитель Христосъ, вси же вы—братія* (Матѳ. 23, 7. 8). Спаситель не говоритъ: пусть не будетъ между вами учителей, но *не нарицайтеся учители.* Безъ учителей нельзя быть въ церкви: если должны въ ней учиться истинѣ и бла-

гочестію, то должны быть и учители. Св. ап. Павелъ прямо писалъ, что Богъ *положилъ въ церкви учителей* (1 Кор. 12, 28). Не только показывалъ онъ существованіе въ церкви учителей, но говорилъ, что учители отъ Бога. Не люди сами по себѣ придумали въ церкви учителей,—учителей церкви поставляетъ Богъ: *Богъ положилъ учителей*. Равенство братій по любви и смиренію не исключаетъ званія учителей и учениковъ. Спаситель осуждаетъ въ фарисеяхъ самолюбивое величаніе ихъ званіемъ учителей; ихъ страсть къ учительству, самовольно принятому. Тоже самолюбіе гонитъ Онъ и изъ общества учениковъ своихъ. *Не нарицайтеся*, говоритъ, *учители*. Не восхищайте себѣ званія учителя сами по себѣ, не вызывайтесь учить другихъ, когда не призваны къ тому; а когда и призваны, не возноситесь званіемъ, которое принадлежитъ вамъ только по дару благости небесной, такъ какъ первоначально и существенно *единъ есть вашъ учитель*: *Христосъ*.

Послѣ сего, открывается смыслъ словъ апостола. Фарисейская страсть къ учительству прокралась съ перешедшими въ христіанство іудеями и въ христіанскую церковь. Объ этомъ прямо говорилъ ап. Павелъ: „ты, говоритъ, считаешь себя путеводителемъ слѣпыхъ, свѣтомъ для тѣхъ, которые, во тмѣ, наставникомъ невѣждъ“ (Рим. 2, 19. 20). Противъ сей-то бѣды пишетъ и апостолъ Іаковъ: *не мнози учители бывайте, братія моя*.

Мы не вѣрно поняли бы мысль апостола, если бы подумали, что апостолъ не желаетъ видѣть великаго числа учителей. Въ церкви христіанской какъ бы ни было велико число способныхъ учителей: оно не можетъ быть излишнимъ. Въ училищѣ премудрости Божіей есть, чему учить и учиться; въ цѣлую вѣчность не изучимъ всего, что открыто Сыномъ Божіимъ. Только за грѣхи людей, только по нежеланію ихъ изучать мысли вѣчной премудрости, премудрость посылаетъ или не очень великое, или даже весьма малое число способныхъ учителей. О чемъ же говоритъ апостолъ? Истинно-духовные учители, доколѣ могутъ, скрываются отъ людей, закрывая смиреніемъ и отъ себя и отъ другихъ способность къ учительству. Когда призываютъ ихъ къ званію учительства: они умоляютъ съ Моисеемъ: *избери могущаго иного, его же послеши* (Исх. 4, 13); или говорятъ съ Іереміею: *не вѣмъ глаголати*, не умѣю говорить, не вижу въ себѣ способностей наставника (Іер. 1, 6). Такъ существенное отличіе истинныхъ учителей не искать учительства, а уклоняться отъ него. Потому, если являются *мнози учители*, если многіе спѣшатъ торопливо занять или самовольно сами себѣ ставятъ каѳедру учительства: дѣло плохое. *Не мнози учители бывайте:* своевольное исканіе, учительскаго достоинства не путь истинныхъ учителей, не путь

рабовъ Божіихъ; ужели же желаютъ не быть рабами Божіими? Сохрани Богъ! Такъ апостолъ осуждаетъ самовольное принятіе на себя высокаго званія учителя.

Усиливая предостереженіе свое, говоритъ онъ: *не мнози учители бывайте, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси.*

Побужденіе сильное не искать учительства: учитель подлежитъ болѣе строгому осужденію, чѣмъ ученикъ. *Большее осужденіе пріимемъ.* Апостолъ говоритъ не по примѣру ораторовъ, которые включаютъ себя въ число слушателей на словахъ, выключая изъ нихъ въ душѣ. Нѣтъ, онъ говоритъ по искреннему обѣжденію въ томъ, что кто бы ни былъ учитель евангелія, онъ подвергается опасности тяжкаго осужденія за свое дѣло и долженъ приступать къ званію учителя со страхомъ и трепетомъ. Если же такъ думалъ о себѣ апостолъ, что должны думать о себѣ обыкновенные учители? „Говорю, что думаю и чувствую. Не думаю, чтобы нашлись между священниками многіе, которые спасутся, напротивъ, гораздо болѣе такихъ, которые погибнутъ, и это отъ того, что дѣло требуетъ великой души“, такъ говоритъ св. Златоустъ [1]). Учитель долженъ отвѣчать не только за себя, но и за учениковъ своихъ, съ него спросятъ, не ввелъ ли онъ кого ученіемъ своимъ въ ошибку и заблужденіе? Не сказалъ ли лишняго? Не опустилъ ли нужнаго? Во время ли поспѣлъ на помощь? Не проповѣдалъ ли себя вмѣсто Христа? Не былъ ли примѣромъ соблазна, вмѣсто того, чтобы быть примѣромъ добродѣтели? Онъ въ сильной опасности тѣмъ болѣе, что всѣ мы, сколько бы ни были внимательны къ себѣ, слабы, много грѣшимъ. Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха: то обманываемъ сами себя, и истины нѣтъ въ насъ“ (1 Іоан. 1, 8).

Если же и тѣ, которые поставлены въ учители самимъ Богомъ, если и тѣ, которые очищены избирающею благодатію Его и ограждены повиновеніемъ закону избранія, должны быть въ сильномъ страхѣ за себя: какъ же тѣ, которыхъ не посылалъ Богъ учить, дерзаютъ выставлять изъ себя наставниковъ церкви? Какъ они безъ всякаго страха и опасенія принимаютъ на себя право, неданное имъ? Какъ они до того самонадѣянны, до того горды, что вовсе не думаютъ о своей человѣческой немощи, о своей склонности къ ошибкамъ, заблужденіямъ, грѣхамъ? Долго ли имъ бѣднымъ до того, что своими нечистотами внесутъ они порчу въ служеніе учительства? О! почему бы имъ не помнить, что гордость, облекшая ихъ званіемъ учителей, не обѣщаетъ имъ ничего добраго? Удержится ли она отъ

[1]) Бес. 3 на дѣян. апост. р. 35 (29).

того, чтобы не вступать въ споры о своей важности съ учителями правимыми волею Божіей? Самый темный невѣжа, но полный гордостію, считаетъ себя умникомъ перваго сорта и другихъ ставитъ ни во что. Гордость самозваннаго учителя въ состояніи раздѣлять, а не соединять, чадъ церкви, составлять себѣ своихъ учениковъ, а не руководить учениковъ Христовыхъ, заводить соблазны, смятенія, расколы, ереси, къ скорби церкви Божіей и въ оскорбленіе Господа, столько заботливаго о единствѣ стада своего. Таковы были, таковы всегда будутъ дѣла самодѣльнаго учителя!

Апост. Іоаннъ пишетъ: *писахъ церкви, но первенстволюбецъ ихъ Діотрефъ ни пріемлетъ насъ. Сего ради аще пріиду, воспомяну его дѣла, яже творитъ, словесы лукавыми укоряя насъ и не доволенъ бывая о сихъ, ни самъ пріемлетъ братію и хотящимъ возбраняетъ и отъ церкве изгонитъ* (3 Іоан. 1, 9. 10). Смотрите, каковы подвиги страсти къ первенству! Діотрефъ, о которомъ не извѣстно, была ли въ немъ искра здраваго понятія о вѣрѣ и церкви, не принимаетъ Іоанна, любимѣйшаго ученика Христова, зрителя таинъ Бога слова, великаго пророка о судьбахъ церкви новой! Діотрефъ не уважаетъ того, что писалъ избранный между апостолами, осыпаетъ его укоризнами, выгоняетъ изъ церкви учениковъ его и запрещаетъ другимъ принимать ихъ. Видите ли, до чего можетъ доходить гордость человѣческая? Понимаете ли, какіе безсмысленные безпорядки, какія богопротивныя дѣла, какія нелѣпыя нечестія совершаетъ въ церкви желаніе быть первымъ по собственному счету? Вотъ что значитъ гордость довольная собою! Она не желаетъ быть въ зависимости отъ наставниковъ, опредѣленныхъ Богомъ, кто бы они ни были!

Не правда ли, что надобно твердо помнить заповѣдь апостола: *не мнози учители бывайте.*

Вотъ оставленные въ званіи учениковъ, вмѣсто того, чтобы принимать всякое слово ученія, какъ земля принимаетъ всякую каплю воды, отважно допытываются: такъ ли говоритъ учитель? Къ стати ли говоритъ? Не слишкомъ ли строго? Не слишкомъ ли мягко? Зачѣмъ о томъ, а не о другомъ, говоритъ? Судите сами, ученики ли это слушаютъ учителя, или судьи его полномочные? Другъ мой! Не вступайся не въ свое дѣло; не учи учителя, какъ ему учить; смотри на себя самаго, добрый ли ты ученикъ? Смотри на твое сердце, каково оно? Добрая ли земля, способная принять сѣмя въ глубину, или камень, едва прикрытый землею, или дорога утоптанная, или же и рыхлая земля, но засоренная дурными травами? Вотъ о чемъ надобно тебѣ заботиться! Довольно для тебя труда, если займешься собою, какъ слѣдуетъ.

Нынѣ говорятъ: ты не ребенокъ, чтобы ходить тебѣ въ школу, т. е. въ церковь. Кого тамъ слушать? Людей безъ образованія и знанія свѣта?...

Но въ томъ-то и бѣда наша, что мы любимъ считать себя умными и зрѣлыми, любимъ *звати*ся: *учителю*, но не любимъ быть учениками. Не того ожидаетъ отъ насъ Христосъ Господь.

Не нравятся учители? Діотрефу не нравился и апостолъ: но кто былъ виноватъ въ томъ? Пусть осмотрятся, не находятся ли въ числѣ Діотрефовъ? Если, осуждая учителей за незнаніе, разумѣютъ незнаніе свѣтскихъ пріемовъ: тогда стоятъ и ниже Діотрефа, тогда не понимаютъ, какое просвѣщеніе нужно для учителя церковнаго. Тогда не окажется ли, что очень немногое понимаютъ, что долженъ знать ученикъ?

Нынѣ много является учителей и много недовольныхъ отцами и учителями церкви! По духу міра, по духу гордости житейской это естественно: тамъ столько же учителей, сколько головъ, кое-какъ мыслящихъ. За то какихъ басней, какихъ лжей не услышите тамъ? Какому нечестію не научитесь, если достанетъ охоты? И это, пожалуй, назовутъ поступленіемъ впередъ, просвѣщеніемъ и расширеніемъ ума. Сохрани Богъ каждаго отъ такого просвѣщенія: это не просвѣщеніе, а омраченіе ума. Возможно ли совершенство безъ помощи Христа? Въ мірѣ христіанскомъ, гдѣ только и возможно усовершеніе, велятъ изучать истины Божіи при руководствѣ опыта, велятъ прислушиваться къ голосу лучшихъ людей, людей просвѣщенныхъ и свѣтомъ слова Божія и свѣтомъ благодати. Не того же ли требуетъ и здравый смыслъ, требуя повѣрки мыслей опытомъ? И какъ полагаться на себя, когда знаешь немощь свою? Такъ въ мірѣ христіанскомъ немного учителей, за то они всѣ надежные, всѣ знаютъ одну истину, учатъ одной истинѣ, идутъ и ведутъ по одному пути. Какое счастіе быть учениками такихъ учителей!

Пусть такъ, скажутъ: но ужели христіанство дозволяетъ только избраннымъ для званія учителей наставлять другихъ? Нѣтъ, скажемъ и мы, слѣдуя апостолу. Апостолъ учитъ: „вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ и пѣснями духовными“ (Кол. 3, 16). Только, какъ видите, это вразумленія частныя и братскія, необлеченныя правомъ власти, а внушаемыя только любовію. Этими вразумленіями предполагаются другія вразумленія, съ которыми надобно имъ сообразоваться, чтобы не быть вразумленіями своеволія.

Почему, говорятъ, не признаютъ за учителями раскола правъ учителей церкви? Странный вопросъ! Странный потому что онъ самъ себя разрѣшаетъ. Если это учители раскола: то вовсе не учители церкви. Иначе церковь была бы и учительницею истины и

единства, и учительницею раскола и заблужденія. Иначе церковь была бы и церковію единою и церковію раздѣленною, принявъ въ составъ свой учителя раскола. Тѣ, которые хотѣли бы стоять за Діотрефа, стояли бы не за апостола, и наоборотъ, кто за апостола, тотъ противъ Діотрефа. Пусть выбираютъ одно изъ двухъ: Діотрефа или апостола, расколъ или церковь. Такъ говоритъ здравое размышленіе!

Почему церковь, отказываясь отъ учителей раскола, не отказывается отъ дѣтей раскола, не перестаетъ учить ихъ? Потому что церковь, по высшему опредѣленію, обязана учить: Богъ поставилъ въ церкви учителей. Пусть люди не хотятъ слушаться установленія Божія: но не можетъ не слушаться его церковь Божія. *Горе мнѣ, аще не благовѣствую* (1 Кор. 6, 16). Пусть *первенстволюбецъ Діотрефъ не пріемлетъ насъ*; пусть не принимаютъ жалкіе слушатели его: это ихъ дѣла; за свои дѣла они расплатятся на судѣ Божіемъ, не мягкомъ для всякаго самоволія. Церковь по долгу любви молитъ, дабы свѣтъ небесный просвѣтилъ сердца, омраченныя гордымъ самоволіемъ. Она, по долгу званія, увѣщеваетъ ихъ къ раскаянію: придите въ себя, говоритъ, разстаньтесь съ гордостію, которая и высшихъ духовъ претворила въ духовъ тьмы, отверженныхъ Богомъ. Не свои слова говоримъ, говоримъ имъ слова апостола, что они „поступаютъ по своимъ нечестивымъ похотямъ, отдѣляясь отъ единства вѣры“ (Іуд. ст. 18).

Таково ученіе апостольское объ учителяхъ! Аминь!

БЕСѢДА ВЪ НЕДѢЛЮ 24.

Апостольское ученіе объ антихристѣ, предлагаемое во 2 посланіи солунянамъ весьма важно: оно касается міроваго событія; имъ рѣшается загадочное смѣшеніе добра съ зломъ въ мірѣ. Личность антихриста, имѣющаго сосредочить себѣ зло, дѣйствующее нынѣ по частямъ, показываетъ собою значеніе частныхъ явленій зла, такъ нерѣдко обманывающихъ собою многихъ. При такомъ значеніи предмета не дивно, что начиная съ первыхъ временъ христіанства, очень много трудились надъ уясненіемъ откровенной мысли объ антихристѣ. Не дивно и то, что многія попытки объяс-

ненія были не удачны.—Съ 16 в. реформація пустила входъ мысли а папѣ-антихристѣ; въ отечественной церкви съ 17 в. распространены самыя дикія толпы раскольничьи объ антихристѣ.

Въ предостереженіе отъ толковъ своеволія, разсмотримъ не человѣческое, а боговдохновенное, ученіе ап. Павла объ антихристѣ, предложенное во 2 посл. солунянамъ (2, 1—17).

Содержаніе апостольскаго ученія кратко можетъ быть выражено такъ: апостолъ предостерегаетъ солунянъ относительно дня Христова (ст. 1—2); указываетъ на времена великаго дня—на предварительное появленіе антихриста (3—7); представляетъ судьбу антихриста и его слугъ (8—12); прилагаетъ ученіе свое къ жизни христіанъ (13—17).

Молимъ же вы братіе, о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа и нашемъ къ Нему собраніи не скоро подвизатися вамъ отъ ума, ни ужасатися ниже духомъ, ниже словомъ, ниже посланіемъ, аки отъ насъ посланнымъ, яко уже настоитъ день Христовъ. Да никто же васъ прельститъ ни по единому же образу (ст. 1. 2).

Солуняне въ слѣдъ затѣмъ, какъ приняли евангельское ученіе о крестномъ пути ко спасенію, подверглись кровавому гоненію со стороны язычниковъ (1 сол. 2, 14). На землѣ все возстало противъ нихъ. Имъ оставалась только вѣчность. Въ такомъ положеніи желанія и надежды ихъ обращены были къ небу, они ждали утѣшенія только отъ Господа Іисуса. Апостолъ во время пребыванія своего у солунянъ утѣшалъ ихъ мыслями о пришествіи Христовомъ, грознымъ для нечестивыхъ и отраднымъ для праведныхъ (2 сол. 2, 5); и въ первомъ своемъ посланіи къ нимъ много говорилъ о томъ же (1 сол. 1, 10; 2, 19; 3, 13; 4, 13—17; 5, 1—4. 23).—Но при тяжести скорбей, тяготѣвшихъ надъ солунями, — они стали нетерпѣливо ждать пришествія Христова; а иные перетолковывали ученіе апостола во вредъ себѣ и другимъ; *уже настоитъ* день, говорили нѣкоторые, переходили съ этою вѣстью изъ дома въ домъ, возбуждали волненія и не занимаясь дѣлами званія кормились на счетъ труда другихъ. „Слышимъ, говоритъ апостолъ, что нѣкоторые у васъ поступаютъ безпорядочно, ничего не дѣлаютъ, а суетятся“ (3, 11). И вотъ апостолъ успокоиваетъ возмущаемыхъ людьми пустыми.

Молимъ же вы братіе. Не смотря на несомнѣнность будущаго пришествія Христова, заклинаемъ васъ тѣмъ же пришествіемъ и всеобщимъ собраніемъ къ Нему. Таково значеніе здѣсь слова *молимъ*. И въ первомъ посланіи къ солунянамъ (4, 1) молимъ—Ερωτωμεν употреблено въ значеніи усильнаго прошенія, заклинанія.

Напрасно нѣкоторые хотѣли понимать подъ пришествіемъ Христовымъ судъ надъ Іерусалимомъ за кровь Христову. *Пріидетъ про-*

славитися во святыхъ своихъ, сказалъ предъ тѣмъ апостолъ (1, 10), что очевидно относится къ послѣднему пришествію Христову, и никакъ не можетъ быть приложено къ суду надъ Іерусалимомъ. Въ 1 посланіи къ солунянамъ онъ соединяетъ пришествіе Христово съ воскресеніемъ мертвыхъ (1 сол. 4, 15. 16). Ясно, что это есть послѣднее пришествіе Господа.

Молимъ о пришествіи Господа и нашемъ собраніи о Немъ. Апостолъ въ первомъ посланіи своемъ сказалъ, что всѣ истинно вѣрующіе, какъ воставшіе отъ мертвыхъ, такъ и оставшіеся до того времени живыми, всѣ вмѣстѣ *восхищены* будутъ въ срѣтеніе Господне на облацѣхъ на воздусѣ и *съ Нимъ* останутся не разлучно (4, 17). Ихъ-то разумѣетъ апостолъ, когда говоритъ: *о нашемъ собраніи.* Для нихъ такая блаженная судьба—предметъ пламенныхъ желаній. И этимъ-то упрашиваетъ апостолъ солунянъ. Побужденіе сильное: напоминаніе о предназначеніи блаженномъ.

Не скоро подвизатися вамъ отъ ума, σαλευεσθαι—колебаться, какъ бываетъ съ кораблемъ во время бури (Лук. 21, 25). Живое, картинное, изображеніе состоянія солунянъ! Возмущаемые и своими мыслями и особенно внушеніями людей не твердыхъ въ вѣрѣ солуняне обуревались и колебались подобно кораблю, такъ что отъ робости и неопытности подвергались опасности погибели. Апостолъ умоляетъ не волноваться до того, чтобы теряться въ умѣ, отъ ложныхъ толковъ, будто уже наступаетъ день Христовъ, предавая такъ скоро забвенію наставленіе апостола.

Ни ужасатися ниже духомъ—не приходить въ ужасъ отъ духа (Матѳ. 24, 6). Здѣсь разумѣется ложное ученіе выдававшихъ себя за вдохновенныхъ людей, такъ какъ истинное пророчество не можетъ говорить несогласнаго съ откровеніемъ Божіимъ. Это тотъ же духъ, о которомъ говоритъ ап. Іоаннъ: *не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ* (1 Іоан. 4, 1—3). Св. Тимоѳею ап. Павелъ указываетъ на *духовъ льсти* (1 Тим. 4, 1). Солунянъ возмущали такіе люди, которые говорили, будто имъ по вдохновенію извѣстно, *яко уже настоитъ день Христовъ;* возмущали духи обольстители, о которыхъ апостолъ говорилъ: *да ни кто же васъ прельститъ.*

Ни словомъ, ни писаніемъ, аки отъ насъ. Обольстители старались подкрѣплять свою ложь словеснымъ, вымышленнымъ ими, наставленіемъ апостола и даже посланіемъ, которое будто бы писалъ апостолъ. Въ предостереженіе отъ такого обмана апостолъ показываетъ, какъ отличать подлинное посланіе его отъ подложныхъ (3, 17. 18).

Такимъ образомъ апостолъ, не ослабляя ожиданія Судіи все-

ленной, удерживаетъ солунянъ отъ довѣрія толкамъ суемудрія, будто уже настаетъ день Христовъ.

Яко аще не пріидетъ отступленіе прежде и откроется человѣкъ беззаконія, сынъ погибели и пр. (ст. 3). апостолъ даетъ при семъ самимъ читателямъ подразумѣвать слова: день Христовъ не наступитъ, пока и пр. подобныя умолчанія (Лук. 13, 9; Рим. 5, 12.)

Что разумѣется у апостола подъ *отступленіемъ*? Нынѣ легко понять, что напрасно относили это къ отступленію отъ власти римской? [1]). Она давно пала безъ всякаго значенія для времени антихриста. Но принимая здѣсь духовное отступленіе мало видѣть въ немъ одно уклоненіе ума отъ правыхъ мыслей вѣры. Отступленіе по библейскому употребленію означаетъ уклоненіе отъ вѣры и благочестія, иначе нечестіе всей души (2 Пар. 29, 19. Іер. 2. 19.). И Спаситель говоритъ о послѣднемъ времени: „по умноженію беззаконія охладѣетъ любовь многихъ“ (Матѳ. 24, 12). Слѣд. напрасно протестанты усиливались частныя своеволія папизма возвесть въ значеніе отступленія послѣднихъ временъ. Принимаютъ это отступленіе за одно съ отступникомъ. Но это значило бы безъ всякой нужды, по произволу, отступать отъ буквальнаго значенія слова. Самъ апостолъ говоритъ, что *сынъ погибели* увлечетъ за собою невѣровавшихъ истинѣ (ст. 10. 11). Слѣд. невѣріе людей, или что тоже отступленіе, предполагается предшествующимъ явленію и обольщеніямъ сына погибели; и отступленіе относится не къ отступнику,—а къ другимъ лицамъ. Въ посланіи къ Тимоѳею апостолъ писалъ о послѣднемъ времени: *въ послѣдніе дни настанутъ времена люта, будутъ бо человѣцы самолюбиви, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, родителямъ противящіеся, сластолюбцы, паче, неже боголюбцы, имуще образъ благочестія, силы же его отвершіися* (2 Тим. 3, 1. 2.). —Такимъ образомъ апостолъ указываетъ въ будущемъ времени, во времени предъ появленіемъ антихриста, зарожденіе полнаго отступленія отъ вѣры и благочестія, которое къ явленію антихриста раскроется въ ужасающемъ размѣрѣ.

И откроется человѣкъ беззаконія. Какъ о Христѣ Спасителѣ говорится, что Онъ, дѣйствующій нынѣ между вѣрующими и въ ихъ сердцахъ невидимо, нѣкогда явится видимо для суда всеобщаго, такъ и человѣкъ грѣха, нынѣ незримо дѣйствующій въ людяхъ грѣшныхъ, въ свое время явится видимо.

Кто этотъ *человѣкъ беззаконія?*

Блаж. Августинъ видитъ въ сынѣ погибели „не одно какое либо лице, но всю область тьмы борющуюся съ истинною церковію

---

[1]) Тертулліанъ ad. Scapul. c. 62. Лактанцій lib. 7. c. 25. Іеронимъ in Daniel. c. 7. in Iegem. c. 25.

Христовою“ (De civii Dei). Подобную мысль принимали нѣкоторые изъ нашихъ раскольниковъ безпоповцевъ.

Но вся связь мыслей показываетъ, что у апостола Павла человѣкъ беззаконія—лице недѣлимое. Онъ не только „человѣкъ беззаконія сынъ погибели, но онъ явится въ лицѣ Христовомъ и будетъ дѣйствовать какъ лице сильное. Апостолъ говоритъ, что этотъ человѣкъ въ извѣстное время откроется. Но духъ антихристіанскій дѣйствовалъ уже при апостолахъ; ап. Павелъ говоритъ о врагахъ креста Христова (Фил. 3, 18 19); ап. Іоаннъ. прямо сказалъ: *и нынѣ антихристы мнози быша* (1. Іоан. 2, 18). Въ своемъ описаніи сына погибели апостолъ отличаетъ сего человѣка погибельнаго отъ другихъ погибающихъ, которыхъ онъ будетъ главою (ст. 4. 11).

Не есть ли этотъ человѣкъ беззаконія самъ діаволъ? Но апостолъ называетъ его человѣкомъ; и слѣд. это не діаволъ въ образѣ человѣка и не воплощенный діаволъ. Ап. Іоаннъ въ откровеніи своемъ говоритъ: и *сотворитъ вся малая и великія, богатыя и убогія, свободныя и работныя, дастъ имъ начертаніе на деснѣй руцѣ ихъ или на челѣ ихъ, да ни кто же возможетъ ни купити, ни продати, токмо кто имать начертаніе или имя звѣря или число имени его* (13, 16. 17). По этому описанію антихристъ будетъ какимъ—то властителемъ земнымъ, который въ званіи царя, будетъ выдавать законы и управлять людьми.

Послѣдуемъ за изображеніемъ его у св. Павла. *Человѣкъ беззаконія*, по изъясненію св. Иринея, „органъ, вмѣстилище грѣха, величайшій грѣшникъ, какому не было и не можетъ быть подобнаго“ между людьми; иначе рабъ и творецъ грѣха (Прит. 6, 12. Исаія, 55, 71).

Сынъ погибели—опредѣленный на погибель и виновникъ погибели многихъ (Апок. 17, 8. 11).

Противникъ—кому? Послѣдущее показываетъ, что антихристъ будетъ противиться Богу и всему священному (ст. 4); Спаситель говоритъ, что онъ будетъ выдавать себя за Христа (Матѳ. 24, 5).

Превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища. Гордость его будетъ такъ велика, что онъ будетъ ставить себя выше всякаго Бога, вѣрно ли или не вѣрно признаваемаго за Бога. *Чтилище* σεβασμα то, что считается за предметъ священный и чтится благоговѣйно. Для антихриста ничего не будетъ священнаго, кромѣ его самаго. Тайновидѣцъ говоритъ о звѣрѣ: *и даны ему уста, говорящія гордо и богохульно* (Апок. 13, 5).

Яко же ему сѣсти въ церкви Божіей аки Богу, показующу себе, яко богъ есть. Что это за храмъ (ναος) Божій, гдѣ будетъ садиться антихристъ? Храмъ Божій, по самому названію, не есть

храмъ глаголемаго бога, а храмъ Бога истиннаго. Итакъ можно разумѣть или храмъ іерусалимскій, который назывался и былъ храмомъ Бога истиннаго, или общество вѣрующихъ такъ какъ апостолъ говоритъ: *не вспте ли, яко храмъ Божій есте вы* (Кор. 3, 16), или храмъ христіанскій. Но не слѣдуетъ понимать здѣсь перваго, такъ какъ апостолъ зналъ печальную участь іерусалимскаго храма, предсказанную Спасителемъ, а мы и изъ исторіи знаемъ, что всѣ попытки возстановить этотъ храмъ были безполезною борьбою съ рѣшеніемъ неба. Да и если бы антихристъ воздвигъ въ Іерусалимѣ храмъ: это былъ бы храмъ антихристовъ, а не Божій. Если же понимать подъ храмомъ Божіимъ вѣрующихъ: то въ такомъ случаѣ у апостола слова: *показуя себе яко бога*, были бы напраснымъ тождесловіемъ; тогда надлежало бы выразить мысль апостола такъ: будетъ являться въ видѣ Бога между вѣрующими и будетъ показываться богомъ. Одно изъ двухъ изрѣченій—лишнее. Да и собраніе вѣрующихъ тогда не было бы храмовъ Божіимъ, а сонмищемъ сатаны. Послѣ сего остается разумѣть подъ храмомъ Божіимъ храмъ христіанскій. Правда, христіанскій храмъ нигдѣ въ нов. завѣтѣ не называется храмомъ (ναος) Божіимъ: но онъ называется *церковію Божіею*, собраніемъ Божіихъ людей (1 Кор. 11, 22.), что по смыслу одно и тоже съ храмомъ Божіимъ (1 Кор. 3, 16). Подтвержденіемъ тому, что у апостола подъ храмомъ Божіимъ разумѣется освященное зданіе, служитъ и то, что по его словамъ антихристъ будетъ ставить ниже себя всякое *чтилище*. И такъ антихристъ будетъ садиться въ храмѣ христіанскомъ какъ богъ, и обольщенные имъ будутъ по его требованію покланяться ему, какъ Богу. Иначе онъ будетъ вытѣснять изъ храмовъ христіанскихъ служеніе Христу Господу и введетъ поклоненіе ему антихристу какъ Богу. Тайновидѣцъ говоритъ: *и отверзъ онъ уста, чтобы хулить Бога, хулить имя Его и желище Его и живущихъ на небѣ... И поклонятся ему всѣ живущіе на землѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ жизни у Агнца закланнаго отъ созданія міра* (Апок. 13, 6. 8).

Можетъ ли это быть? Ужели такой грубой лжи и нечестія не отвергнутъ съ презрѣніемъ чтители единаго Бога? И когда же? Тогда какъ вѣрующіе будутъ обогащены опытами временъ прошедшихъ, когда познанія ихъ о истинѣ могли бы быть и обширнѣе и чище.

Въ объясненіе этой странности апостолъ говоритъ, что антихристъ будетъ *показуя себе, яко богъ есть*. Чѣмъ же? Знаменіями и чудесами, о которыхъ далѣе говоритъ апостолъ ст. 9. Но такъ какъ эти знаменія и чудеса, по словамъ самаго апостола, будутъ ложныя: то все еще остается сомнѣніе: какъ могутъ люди—христіане дойти до такого ослѣпленія, что станутъ покланяться ложному богу? Путь

къ тому откроетъ въ душахъ ихъ нечестіе сердечное. *Любве истины пріяша,* говоритъ апостолъ, *сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (ст. 10, 11). Вотъ психологическое объясненіе явленія страннаго и страшнаго! По благоволенію къ неправдѣ, по отвращенію отъ истины принимаютъ самую грубую ложь. Въ извѣстной мѣрѣ тоже явленіе оказывается и нынѣ. Сколько геніевъ сколько полубоговъ, создано уже въ христіанскомъ мірѣ! Не видимъ ли, до какого страннаго и страшнаго самообольщенія доходили даровитые люди, подъ вліяніемъ забывчивой гордости? Не говоримъ о сильныхъ военачальникахъ, о великихъ государяхъ. Вотъ извѣстный о. Аввакумъ! Человѣкъ, предъ взоромъ безпристрастнымъ,—образецъ самаго печальнаго невѣжества. Какъ, казалось, такой осязаемый невѣжда могъ казаться себѣ и другимъ человѣкомъ не пошлымъ? И однако гордость его была непомѣрная,—онъ выставлялъ себя и учителемъ непогрѣшнымъ, провидцемъ Божіимъ, такимъ, предъ которымъ все современное должно падать въ прахѣ. Нечестіе ума и сердца идетъ впередъ.

Не помните ли, яко еще живый у васъ, сія глаголахъ вамъ? (ст. 5). Уже и тогда, какъ апостолъ устно проповѣдывалъ солунянамъ истины небесныя (Дѣян. гл. 17), онъ говорилъ имъ о второмъ пришествіи Господа и о событіяхъ, которыя должны предшествовать ему. Почему говорилъ о томъ апостолъ? Конечно по тому случаю, что какіе нибудь учители іудейскіе, не разставшіеся съ мечтами о царствѣ Мессіи, сообщили солунянамъ неправильное толкованіе пророчествъ; апостолъ, проповѣдникъ чистой истины, передалъ солунянамъ вѣрное наставленіе о пришествіи Христовомъ. Но, какъ видно, не всѣ солуняне воспользовались ученіемъ апостола.

И нынѣ удерживающее вѣсте, во еже явитися ему въ свое время (ст. 6). Удерживающее—то, что сдерживаетъ, что препятствуетъ (Рим. 1, 18. Лук. 4, 42). Что же такое препятствуетъ явиться антихристу? По словамъ Ѳеодорита это есть отступленіе всѣхъ язычниковъ отъ идолопоклонства; тогда только явится антихристъ, когда откроется царство Христово; а царство Христово откроется по уничтоженіи идолопоклонства. Ѳеодоритъ, очевидно, поставляетъ въ соотношеніи удерживающее съ отступленіемъ; онъ въ этомъ справедливъ, но у апостола показывается отступленіе отъ вѣры, а не отступленіе отъ идолопоклонства. Потому надобно, найти другое явленіе, соотвѣтствующее отступленію. Отступленіе отворяетъ двери антихристу, удерживающее не пускаетъ его. Итакъ удерживающее съ характеромъ и свойствами совершенно противоположными отступленію. Тамъ холодность къ истинѣ,—здѣсь должна быть лю-

бовь къ истинѣ; тамъ нечестіе, здѣсь благочестіе живое. Такъ не трудно было понять солунянамъ, не трудно понять и намъ, что препятствіемъ появленію антихриста служитъ искренняя любовь христіанъ къ чистому евангельскому ученію, видная и въ опытѣ. Пока христіане держатся евангельскаго ученія, не взирая на гоненія со стороны міра, пока любовь ихъ къ Господу жива и плодотворна; это сдерживаетъ власть злодѣйствующаго въ мірѣ; это не допускаетъ ему усиливаться до того, чтобы открылся человѣкъ беззаконія. „Когда настало время, Богъ послалъ Сына своего“ (Гал. 4, 4): такъ и для явленія антихриста есть свое время. Съ какого года начнется это время, знаетъ только Богъ. Дѣло христіанъ твердо помнить, что живое благочестіе—твердая защита противъ антихриста.

Тайна бо уже дѣется беззаконія, точію держай нынѣ дондеже отъ среды будетъ (ст. 6). Тайна беззаконія вызываетъ на мысль *тайну благочестія* (1 Тим. 3, 16). Хотя беззаконіе и благочестіе противуположны одно другому: но въ дѣйствіи того и другаго есть сходство. Тайна благочестія начинается въ человѣкѣ, въ народѣ, въ человѣчествѣ съ малаго и незримо достигаетъ разныхъ возрастовъ. Точно такъ тайна беззаконія началась еще во времена апостоловъ, съ людей смѣшивавшихъ въ душѣ своей свѣтлыя христіанскія мысли то съ оземленившимся іудействомъ, то съ грубымъ язычествомъ; это беззаконіе непрерывно дѣйствуетъ въ исторіи міра, являясь то въ томъ, то въ другомъ видѣ и время отъ времени растетъ незамѣтно (1 Тим. 4, 1. 7. 2. Тим. 2, 14. 17. 1 Іоан. 2, 18. 19; 4, 2—4). Не дивно, что люди успѣхи беззаконія считаютъ за прогрессъ человѣчества. Раціонализмъ и матеріализмъ не принимаются ли за прогрессъ человѣчества, тогда какъ первый есть прогрессъ гордости духа, а второй—прогрессъ скотской жизни. Беззаконіе не такъ легко высмотрѣть, какъ кажется другимъ: оно прикрыто своею тайною, обольщающею видимостію добра, истины, пользы. На дѣлѣ все это только видимость, а не дѣйствительность: но легко ли узнать это? Казалось, не трудно понять, что самолюбіе и жизнь животная—основныя нечестія въ человѣкѣ и человѣчествѣ и потому успѣхи ихъ—успѣхи беззаконія. Но первое дѣло—и самолюбіе и жизнь животная—наша собственность: какъ не защищать ихъ, съ сознаніемъ и безъ сознанія? Затѣмъ, чего не говорятъ, чего не дѣлаютъ, чтобы дать полный просторъ тому и другому? *Тайна беззаконія дѣется* съ успѣхомъ.

Дондеже отъ среды будутъ ἐκ μέσου γένηται. Это выраженіе употребляютъ о лицахъ и вещахъ, которыя сходятъ со сцены дѣйствія, такъ что болѣе не выказываютъ своей силы. *Да изметься отъ среды васъ содѣявый сіе* (1 Кор. 5, 2),—значитъ: пусть въ вашемъ

обществѣ не будетъ дѣятелемъ содѣлавшій такое беззаконіе. Изыдите изъ среды ихъ (Кол. 2, 14),—живя въ мірѣ будьте мертвыми для міра, не участвуйте въ его дѣлахъ нечестивыхъ. И такъ слова: *дондеже изъ среды будетъ*, значатъ: пока не перестанетъ обнаруживать свою силу.

О комъ же это говорится? Кто этотъ держай? Прежде всего несомнѣнно, что *удерживающее* и *держай*—не одно и тоже. Апостолъ ясно и опредѣленно отличаетъ одно отъ другаго, показывая въ одномъ событіе, въ другомъ лице. Златоустъ и другіе понимали подъ удерживающимъ власть римской имперіи. Но давно уже очевидно стало, что эта власть не была страшна для антихриста: она пала очень давно, а антихристъ противъ ожиданій давнихъ не явился. Странно понимать подъ удерживающимъ властителя земнаго, какого либо верховнаго представителя власти и порядка человѣческаго. Будто человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, и можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать такому страшному лицу, каковъ антихристъ! Будто представитель всей возможной власти человѣческой и можетъ сдерживать того, кто дѣйствуетъ за одно съ сатаною! Нѣтъ удерживающій антихриста долженъ быть съ силами болѣе, нежели человѣческими, долженъ быть съ помощію Божества. Такимъ образомъ остается видѣть подъ удерживающимъ Духа утѣшителя. Это такъ должно быть и потому, что и удерживающее антихриста—любовь къ истинѣ и святости возможна въ людяхъ только при дѣйствіи св. Духа. Слѣд. какъ скоро есть любовь святая въ людяхъ, то это значитъ, что въ нихъ есть Духъ святый. „Если бы онъ говорилъ о Духѣ, то говорилъ бы не обинуясь, но ясно“, замѣчалъ Златоустъ. Напротивъ онъ потому и говоритъ не прямо, что каждому истинному христіанину извѣстно, кто противодѣйствуетъ злу въ человѣчествѣ, кто оживляетъ грѣшнаго человѣка.—*Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16), говоритъ апостолъ.

Итакъ антихристъ явится тогда, когда любовь къ истинѣ и святости охладѣетъ въ людяхъ и грѣхи людей заставятъ Духа утѣшителя предоставить ихъ собственнымъ ихъ силамъ.

И тогда явится беззаконникъ, его же Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія своего (Ст. 8).

Апостолъ не ограничился тѣмъ, чтобы показать солунянамъ явленіе страшнаго антихриста. Любя ихъ, онъ къ утѣшенію ихъ открываетъ и участь этого страшнаго врага Божія и человѣческаго.

Убіетъ духомъ устъ своихъ. Это предсказалъ еще пророкъ Исаія въ пророчествѣ объ отрасли Іессеевой: Мессія *поразитъ землю словомъ устъ своихъ и духомъ устенъ убіетъ нечестиваго* (11, 4). Въ

этомъ пророчествѣ духъ устенъ отвѣчаетъ слову устъ. Итакъ и у апостола духъ устенъ тоже, что слово Господне. *Духъ устъ* въ значеніи силы сокрушающей сравнивается съ сильнѣйшею бурею (Іов. 4, 9. Прем. 5, 23; 11, 20). Таже мысль и здѣсь. Господь Іисусъ такъ легко и всецѣло низложитъ антихриста, что дунетъ на него и онъ исчезнетъ, иначе скажетъ слово и его не будетъ. *Убіетъ*. Въ апокалипсисѣ Іоанна говорится, что антихристъ живой снизойдетъ въ адъ (Апок. 19, 20). Соединяя одно съ другимъ, получаемъ такую увѣренность что антихристъ словомъ Господнимъ опредѣленъ будетъ на погибель неизбѣжную; и такъ какъ онъ будетъ человѣкъ, а переселеніе человѣка съ земли въ другой міръ невозможно безъ преобразованія организма тѣлеснаго; то нисшествіе антихриста въ адъ соединено будетъ съ мгновеннымъ измѣненіемъ тѣла его, къ увеличенію его мученій.

Упразднитъ: отниметъ силы для дѣятельности, съ уничтоженіемъ порядка дѣлъ его (1 Кор. 15, 24. 26. 2 Кор. 3, 7.); иначе прекратитъ беззаконное преобладаніе антихриста. Чѣмъ же? *Явленіемъ пришествія Своего*, величіемъ и славою, съ какими явится Онъ для суда надъ вселенною: такъ какъ то будетъ *явленіемъ славы великаго Бога* (Тим. 2, 13), единаго могущественнаго Господа господствующихъ (1 Тим. 6, 15).

Его же есть пришествіе по дѣйству сатанину, во всякой силѣ и знаменіихъ и чудесѣхъ ложныхъ и во всякой лести неправды въ погибающихъ. (Ст. 9-й.). Связь съ предъидущимъ такая: упразднитъ, хотя сила антихриста будетъ страшная. *Пришествіе по дѣйству сатанину* означаетъ ли только появленіе, рожденіе по дѣйству сатанину? Хотя извѣстно, что и въ самомъ рожденіи существа скрывается зародышъ будущихъ способностей, имѣющихъ развиться въ послѣдствіи: но если бы одно рожденіе антихриста совершилось подъ вліяніемъ сатаны, онъ былъ бы человѣкомъ беззаконнымъ, но не могъ бы назваться человѣкомъ беззаконія, равносильнымъ самому беззаконію,—въ немъ могло бы оставаться еще кое что человѣческое. Итакъ пришествіе антихриста по дѣйству сатанину означаетъ всю вообще земную жизнь его, устрояемую подъ вліяніемъ сатаны. По откровенію Іоанна „далъ ему (антихристу) драконъ (сатана) силу свою и престолъ свой и великую власть“ (Апок. 13, 2). По объясненію Дамаскина, „всякое дѣло сатаны приметъ онъ на себя и вся мощь діавола соединится въ немъ“.

Во всякой силѣ и чудесѣхъ ложныхъ. Слова эти иногда бываютъ въ писаніи синонимическими и только служатъ оттѣнками необыкновеннаго явленія. Въ кругѣ дѣлъ антихриста будутъ дѣла необыкновенныя и разнаго рода, которыя будутъ казаться чу-

десами, но это—не истинныя чудеса, возможныя только для Промыслителя вселенной и Его посланниковъ; это будутъ ложныя чудеса, иначе явленія необычайныя, которыя несправедливо будутъ считаться чудесами,—каковы были дѣла Елимы волшебника (Дѣян. 13, 8. 9) или знаменія лжехристовъ и лжепророковъ (Матѳ. 24, 24). Дѣла антихриста соединены будутъ „со всякими обольщеніями погибающихъ“. Вотъ объясненіе тому, почему необычайныя дѣла антихриста будутъ знаменіями и чудесами. Знаніе силъ природы, очень возможное для ученика сатаны, соединяться въ немъ будетъ со всѣми обольщеніями, на какія только способенъ любимый сынъ сатаны: обманы ловкіе и наглые, лесть безсовѣстная, обѣщанія и угрозы—громкія—все будетъ пущено въ ходъ.

Зане любве истины не пріяша, во еже спастися имъ. И сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ вси невѣровавшіе истинѣ, но благоволившіе въ неправдѣ (Ст. 11, 12). Дальнѣйшіе объясненіе страшнаго явленія! Слушатели антихриста будутъ люди, которые *любве истины не пріяша*, люди не возлюбившіе истины, *погибающіе*, незахотѣвшіе вѣрить истинѣ (ст. 12), открытой Христомъ Господомъ (Гал. 5, 7. Рим. 2, 8) и худо извѣстной имъ изъ другаго источника. Слѣдствіемъ такой холодности къ небесной истинѣ будетъ то, что по Божію попущенію они полюбятъ вмѣсто истины ложь и вѣрить будутъ обману, примутъ отъ всей души вмѣсто истинной ложную религію. *Послетъ дѣйство льсти*—равносильно выраженію: *предаде ихъ* (язычниковъ) *Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. 1, 28). Богъ никогда не хочетъ ни того, чтобы грѣшникъ обманывался, ни того, чтобы погибалъ онъ. Но такъ какъ грѣшникъ хочетъ обманываться: то Богъ попускаетъ исполняться воли грѣшника. За то, что люди благоволили къ неправдѣ и невѣрили истинѣ: откроется надъ ними судъ правды Божіей; за то, что не хотѣли они вѣрить истиннымъ чудесамъ, повѣрятъ они ложнымъ. И какъ это легко бываетъ съ гордостію человѣческою, на ея посрамленіе! Считаютъ ни почемъ великія дѣла Божіи;—и падаютъ въ страхѣ предъ ловкимъ обманщикомъ. Не ходятъ въ храмъ Божій и идутъ къ ворожеѣ.

„Мы же всегда должны благодарить Бога за васъ, возлюбленные Господомъ братія, что Богъ отъ начала чрезъ освященіе Духа и вѣру истинѣ избралъ васъ ко спасенію. И такъ братія, будьте постоянны и сохраняйте преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ. Самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ—да утѣшитъ ваши сердца и утвердитъ васъ во всякомъ словѣ и дѣлѣ благомъ“ (Ст. 13—17). Такъ апостолъ прилагаетъ наставленіе свое о антихристѣ къ солунянамъ! Люди, которые условливаютъ собою яв-

леніе и силу антихриста, показаны вамъ (ст. 10—12). Таковы ли вы, чтобы смущаться за себя и волноваться мыслію, что насталъ день Господень? Вовсе нѣтъ. За ваше положеніе надобно благодарить Господа. Вамъ остается быть только твердыми въ ученіи неба, переданномъ вамъ словесно ли или въ посланіи (1 Кор. 15, 3). Помощь небесная для васъ готова. Съ радостію молю Господа о новыхъ успѣхахъ вашихъ. Такъ говорилъ апостолъ.

Если бы послѣ сего спросили мы себя: не явился ли уже между нами антихристъ? Не насталъ ли день Господній? Съ твердою увѣренностію сказали бы мы: нѣтъ. И сказали бы не отъ себя, а слѣдуя наставленію апостола. По его наставленію, явленію антихриста должно предшествовать отступленіе отъ вѣры и благочестія и уже за явленіемъ антихриста послѣдуетъ день Господень. А по милости Господа Іисуса въ церкви русской искренно любятъ вѣру и св. благочестіе. Въ ней благоговѣйно чтутъ слово Божіе, не дозволяя произволу каждаго толковать изреченіе его по своему. Въ ней очевидны дѣйствія Духа утѣшителя—различныя чудеса и дарованія духовныя, тѣ дѣйствія, при которыхъ невозможно явленіе антихриста. Пусть нѣкоторые холодны къ вѣрѣ и благочестію; но это плевелы среди пшеницы, а когда же не было плевеловъ? Пусть люди темные и своевольные блуждаютъ по произволамъ сердца и не хотятъ соединиться съ св. церковію. Такіе были еще и при апостолахъ, и еще больше ихъ было послѣ того—каѳары, новатіане, донатисты и пр. Да приведетъ ихъ Богъ въ познаніе истины! Намъ остается, какъ исполунянамъ, быть твердыми въ вѣрѣ, преданной намъ Богомъ и возрастать въ совершенствѣ христіанскомъ въ любви къ Богу и братіямъ.

Да подастъ намъ сладчайшій Спаситель нашъ силы для преспѣянія во всякомъ дѣлѣ благомъ! Аминь.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Сіе есть живѣйшее желаніе наше,—свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность,—сей вѣрный залогъ порядка и счастія". Такъ говорилъ благочестивѣйшій государь нашъ при началѣ своего царствованія! Вѣра и жизнь

по вѣрѣ—вотъ основы благоденствія общественнаго, говоритъ царь обширнѣйшаго царства. Такъ ли это на дѣлѣ? Если размыслимъ о томъ: думаемъ, лучшимъ образомъ почтимъ нынѣшнее торжество.

Нужно ли говорить, что безъ Бога мы нищи и мертвы? Могутъ мечтать о себѣ, какъ о началѣ всякой жизни, научной, художественной, государственной: но мечта остается мечтою, а жизнь въ насъ не отъ насъ. Счастіе наше зависитъ отъ выполненія воли Божіей. Въ чемъ состоитъ эта воля для насъ? Въ открытыхъ для насъ теоретическихъ и практическихъ мысляхъ.

Такъ первое условіе благоустройства нашего—храненіе святой вѣры, той, которая открыта для насъ небомъ. Искажать эту вѣру, оскорблять ее холодностію и небреженіемъ,—страшно. Это значило бы оскорблять Бога; это значило бы лишать себя свѣта живительнаго, не замѣнимаго ничѣмъ другимъ. *Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единаго истиннаго Бога и Его же послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). *Вѣруяй въ Мя имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 47). Такъ говоритъ Сынъ Божій!

Слышно, говорятъ: „вѣра—дщерь неба, а мы—земные; намъ до нея дѣла нѣтъ, пусть же и она не мѣшается въ наши дѣла; намъ нужны граждане, а не жрецы: дѣятели общественные могутъ терпѣть вѣру, какъ дѣло не худое, и не столько нужное, чтобы дорожить ею“.

Ужели правы эти люди? О! нѣтъ и нѣтъ. Вѣра чистая, святая, открытая небомъ, дорога не только по отношенію къ вѣчной жизни, но и къ жизни временной. Религія Господа Іисуса, при всей ея возвышенности и духовности, содержитъ въ себѣ живительныя начала для всѣхъ отраслей жизни земной, до того, что всякое уклоненіе отъ этихъ началъ влечетъ за собою разстройство жизни.—Сколько ни строили теорій общественнаго строя: все лучшее въ нихъ оказывалось собственностію христіанства и всякое несогласіе съ началами христіанскими оказывалось ложью вредною или суетою отяготительною для хода дѣлъ. Вѣра чистая, небесная, не мѣшается насильно въ дѣла обществъ земныхъ, она кротка и мирна.—Но худо бываетъ обществамъ земнымъ, когда онѣ гонятъ ее прочь отъ себя, когда онѣ думаютъ жить безъ ея услугъ. Бѣдное самолюбіе людское! Оно боится за власть свою надъ людьми, тогда какъ не только не хотятъ отнять ее у него, а хотятъ усилить. Поразительное явленіе и его пропускаютъ мимо глазъ: даже члены разбойничьей шайки для успѣховъ общаго дѣла своего связываютъ себя клятвою. Такъ нужна религія для прочности обществъ человѣческихъ! Такъ непрочны всѣ связи общественныя безъ связи религіозной! И это даже тогда, когда у людей религія не самая лучшая,

не самая живительная, какова религія христіанская. Безъ внушеній вѣры святой, безъ христіанскаго благочестія люди служатъ государству до тѣхъ поръ, пока государство служитъ имъ, иначе они служатъ вовсе не государству, а себѣ самимъ, своимъ видамъ личнымъ; юстиція, финансы, торговля, искусства, науки—въ услугахъ лицамъ и повертываются на всѣ лады и виды по расчетамъ самолюбія личнаго. Всѣ безпорядки общества можно уничтожить перемѣною учрежденій, увеличеніемъ или уменьшеніемъ правъ?—Нѣтъ пока дѣятели плохи, дѣла всегда будутъ выходить плохія. А дѣятелей способныхъ лучшихъ, образуетъ только христіанство. Потому лишь легкомысліе забывчивое, или своекорыстіе нечестивое могутъ выставлять св. вѣру дѣломъ неважнымъ для общества. Потому не друзьями общественнаго блага, а людьми вредными, врагами и злодѣями человѣчества, должны быть признаваемы тѣ, которые оскорбительно говорятъ объ отношеніи вѣры къ государству. Да сохранитъ Богъ Россію отъ вліянія подобныхъ людей!

Слышно, говорятъ другіе: „вѣруй, какъ хочешь, только будь честенъ; пусть храмъ и мечеть, синагога и капище стоятъ одно подлѣ другаго; только бы не мѣшали другъ другу и не возмущали общественнаго порядка; въ государствѣ всѣ вѣры—подъ однимъ уровнемъ и нѣтъ преимущества ни для одной“.

Что это такое? Ужели ложь и истина—одно и тоже? Ужели нѣтъ разности между чистою истиною и истиною, перемѣшанною съ грезами больной души? Или можно одинаково любить и уважать какъ истину, такъ и ложь? Или ложь можетъ быть благодѣтельна для общества, какъ благотворна истина? Если такъ: пусть откажутся отъ здраваго смысла; пусть не выставляютъ въ себѣ и друзей человѣчества.—Тотъ, кто хочетъ одинаково уважать всѣ вѣрованія: уважать и любить только себя, свои летучія мнѣнія, а не человѣчество, развивающееся по законамъ даннымъ свыше; онъ человѣкъ безъ характера и опредѣленныхъ мыслей; онъ по слабости смысла и воли неспособенъ ни на какую жертву для добра и человѣчества, самый пустой и лишній человѣкъ въ обществѣ.—„Вѣрь какъ хочешь, только будь честенъ“. Легко сказать безсмыслицу, но не легко оправдать ее. Если талмудъ говоритъ еврею,—обманывай и обкрадывай христіанина: какъ же еврей будетъ честенъ? Если вѣра душителя говоритъ ему,—какъ можно больше убивай людей: и душитель—полезный членъ человѣчества? Если язычество греческое освящаетъ гнусности, истребляющія родъ человѣческій: и питомецъ его примѣрный дѣятель общества? Легко сказать: „будь честенъ“: но на чемъ основать въ душѣ честность? Будь честенъ, говорили и языческіе философы, а вмѣстѣ учили и лгать и обманывать и красть

и мстить и отнимать жизнь у себя и дѣтей. Отчего это? Отъ недостаточныхъ религіозныхъ мыслей. Чѣмъ чище, чѣмъ святѣе, чѣмъ возвышеннѣе вѣра: тѣмъ лучшіе являются граждане, тѣмъ крѣпче и счастливѣе общества человѣческія. Такъ говоритъ опытъ вѣковъ! Такъ говоритъ здравый смыслъ! Отдѣлять вѣру отъ строя государственнаго можетъ только борзописецъ на бумагѣ, но не отдѣляетъ ихъ жизнь народовъ.

Терпимость вѣръ—умное дѣло: но она не означаетъ безразличія въ вѣрѣ. Умная терпимость искренно любитъ и благовѣйно чтитъ вѣру открытую небомъ, ревнуетъ о ея цѣлости, радуется успѣхамъ ея, открываетъ всѣ способы для ея славы и отклоняетъ всѣ препятствія мѣшающія быту ея. Того требуетъ отъ нее уваженіе здраваго смысла къ истинѣ, уваженіе сердечное къ прекрасному, любовь души къ возвышенному и святому. При такомъ отношеніи къ чистой, святой, небесной вѣрѣ, умная терпимость даетъ мѣсто и мнѣніямъ человѣческимъ, иначе вѣрамъ смѣшаннымъ съ ложью,—даетъ мѣсто по снисхожденію къ слабостямъ человѣческимъ. Она знаетъ цѣну имъ и отнюдь не ставитъ ихъ въ уровень съ вѣрою небесною: но терпитъ ихъ по любви къ слабому человѣчеству. Оставьте расти и куколь и пшеницу до жатвы, сказалъ Господь нашъ. Послушное голосу его общество христіанское такъ и поступаетъ: не тѣснитъ, не гонитъ, не преслѣдуетъ заблуждающихся.—Оно не опускаетъ случая съ любовію указывать имъ на ихъ ошибки, предлагаетъ свободѣ выбирать лучшее и если не слушаются, не берется за мѣры принужденія. Такова истинная, святая, умная терпимость вѣръ! При такой терпимости небо благословляетъ общество благословеніями земли и неба.

Фанатизмъ вредитъ для обществъ человѣческихъ? Это правда: но онъ столько же несовмѣстимъ съ чистою любовію къ св. вѣрѣ, сколько близокъ къ душѣ индиферентиста. То и другое извѣстно изъ опыта.—Вспомните, какъ проповѣдавшіе о равенствѣ общемъ, въ угоду своей воли рубили несогласнымъ съ ними головы на эшафотахъ, гласили просвѣщеніе, оскверняли храмы Божіи, лили потоки крови человѣческой. Молитвами рабовъ своихъ да избавитъ Господь Россію отъ страшныхъ людей, каковы фанатики—индиферентисты!

Неправильное направленіе дѣятельности народа, его желаній, заботъ, трудовъ или какъ говорятъ, неправильное развитіе стихій народной жизни—вотъ причина пагубы для народовъ и государствъ! Общество или государство въ своемъ составѣ—тоже, что человѣкъ. Какъ въ человѣкѣ есть видимое и невидимое, тѣлесное и духовное: такъ въ жизни государственной есть своя духовная и вещественная сторона. Въ человѣкѣ духъ знаетъ Бога, благоговѣетъ предъ Нимъ,

стремится исполнять волю Его, готовится къ вѣчности; а тѣло проситъ пищи, одежды, жилища, покойнаго житья и пр. Въ государствѣ духовную сторону составляетъ св. вѣра съ ея учрежденіями, а вещественная сторона его—всѣ пріемы видимой жизни,—земледѣліе, промыслы, торговля и пр. Законъ нормальнаго развитія жизни въ человѣкѣ и народѣ требуетъ, чтобы каждая сторона жизни развивалась по ея требованіямъ и относительному значенію. Человѣкъ становится животнымъ, когда живетъ только животною жизнію; онъ тогда теряетъ значеніе человѣка и губитъ себя. Точно тоже бываетъ съ государствомъ,—и оно разстроивается и гибнетъ отъ преобладанія вещественнаго надъ духовнымъ.

Пусть въ какомъ либо государствѣ, въ глазахъ народа, составляется предпріятіе за предпріятіемъ и все въ видахъ благоустроенія одного внѣшняго быта,—являются планы за планами, книги за книгами то о земледѣліи, то о путяхъ сообщенія, то о мануфактурахъ и торговлѣ и пр. равно въ обществѣ только и будетъ рѣчей, что о томъ же вещественномъ бытѣ, какъ будто кромѣ жизни проходящей ничего нѣтъ для человѣка болѣе и помимо земнаго нечего ему желать и ожидать. Пусть къ тому же всѣ порядки семейной и гражданской жизни не напоминаютъ ни о чемъ духовномъ, напротивъ бросаютъ тѣнь на свѣтлый ликъ св. вѣры, колеблютъ любовь къ святому, охлаждаютъ сердце для всего высокаго, мертвятъ духъ. Что тогда произойдетъ въ народѣ и государствѣ? Тоже что въ человѣкѣ, когда онъ питаетъ и грѣетъ только животную жизнь свою, извращеніе и разстройство жизни, пагуба; народъ мало по малу превратится въ трупъ смрадный и отвратительный,—и люди и небо отвернутся отъ него. Вещественное, какую бы красивую форму ни давали ему, безъ силы и духа разсыпается; оно держится только незримыми началами жизни.—Когда погасаетъ въ народѣ духъ вѣры: народъ становится непотребнымъ предъ лицемъ Божіимъ и отвергается Богомъ; а отверженному Богомъ чего ждать кромѣ погибели? И все это оттого, что неправильно стали развивать стихіи народной жизни, забывъ, что въ человѣкѣ и народѣ, кромѣ тѣла, есть духъ.

Бога бойся и заповѣди его храни, яко сіе всякъ человѣкъ (Еккл. 12, 13), сказалъ древній мудрецъ. И никакая мудрость не отыскала и не можетъ отыскать другой нормальной жизни для человѣка и народа. Отказаться человѣку отъ данныхъ ему законовъ вѣчныхъ—тоже, что отказаться отъ жизни или увѣрять себя, что бытіе—мечта. Въ бреду горячки, какъ и въ бреду страстей, это бываетъ: но кто-жъ горячку назоветъ желаемымъ состояніемъ? Человѣкъ, какъ и государство, живетъ лишь тогда, когда благоговѣетъ всею жизнію предъ Господомъ.

Такъ благочестіе искреннее, живое, христіанское—твердая и незамѣнимая опора государству. Оно смиряетъ въ насъ всѣ движенія самолюбія—страсти къ корысти, къ власти, къ наслажденіямъ,—эти источники всѣхъ безчиній и бѣдъ людскихъ, этихъ разрушителей государственнаго строя. Любовь христіанская всемощна: на какія жертвы не готова она для другихъ? Кто насъ разлучитъ съ любовію Божіею? говоритъ она. Благоговѣйная предъ Богомъ, она служитъ отчизнѣ съ усердіемъ полнымъ и намѣреніями безкорыстными, приноситъ въ жертву все свое. Законы государственные для нее не тяжесть: она для Господа своего совершаетъ болѣе, чѣмъ требуетъ законъ. Ни обиды людей, ни низость званія, ни тяжесть трудовъ не ослабляютъ ея энергіи для добра.—Если вѣра Христова владѣетъ сердцами людей: то и при несовершенствѣ гражданскихъ учрежденій въ обществѣ обитаетъ правда и съ правдою покой общій,—каждый заботится о другомъ и уменьшаются нужды общія; со временемъ же несовершенныя учрежденія гражданскія преобразуются совѣтомъ любви безкорыстной.—Такова любовь христіанская!

Будемъ молиться, чтобы Господь всѣмъ участвующимъ въ правленіи отечественнымъ кораблемъ даровалъ и очи видѣть и твердость миновать подводные камни на пути его плаванія. Будемъ молиться, да во всѣхъ насъ выполняется желаніе помазанника Божія—хранить основы государственнаго строя, во славу Божію. Аминь.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ВОЗДВИЖЕНІЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ.

Нѣтъ человѣка на землѣ, который не хотѣлъ бы владѣть благомъ услаждающимъ всѣ горести души. А какъ много скорбей на землѣ! Онѣ неизбѣжны здѣсь ни для кого. Гдѣ найти защиту противъ скорбей времени? Путешествуютъ по морямъ и сушѣ, тратятъ труды и издержки, стараясь найти желаемое счастіе. И какъ часто концемъ всѣхъ трудовъ бываетъ одно крушеніе духа! Гдѣ же течетъ свѣтлая и чистая струя счастія для души нашей? Нигдѣ болѣе, какъ при подножіи креста Христова.

Тяжело терпѣть потерю богатства, добытаго трудомъ, особенно если не находятъ потомъ помощи въ вопіющей нуждѣ и у

тѣхъ, которые могли бы помочь. Но лишаясь утѣшенія человѣческаго не находятъ ли утѣшенія у подножія креста Христова? Кого видимъ мы на крестѣ? Видимъ Господа нашего, Который служа спасенію людей не имѣлъ, гдѣ главы приклонить, съ Котораго нечестивые сняли послѣднюю одежду и оставили нагимъ, Котораго въ жаждѣ поили желчію и уксусомъ. Длѣ чего терпѣлъ Онъ все это? Съ тѣмъ, чтобы доставить въ вѣчности покой и довольство тѣмъ, которые терпѣливо переносятъ нищету, голодъ и жажду. *Вѣсте, яко васъ ради обнища богатъ сый да вы нищетою его обогатитеся* (2 Кор. 8, 9). Помните эту благодать великую и утѣшайтесь въ нищетѣ своей всѣ нищіе Божіи. Вы лишены временнаго и тлѣннаго богатства: а на крестѣ возвращается вамъ вѣчное богатство. Васъ не окружаютъ почетъ и довольство, которыми окружаетъ богатство: но васъ окружаетъ честь земной участи Господа вашего. Вы не блистаете среди знати земной: но вступили на дорогу знати небесной. О! благословляйте Господа за долю свою.

Тяжело переносить клеветы и незаслуженно терять доброе имя. Это несчастіе тяжелѣе потери богатства. Но кто терпѣлъ такія поношенія, какія терпѣлъ Господь нашъ? Онъ Господь славы—на крестѣ позорномъ? небесная святость распятъ среди злодѣевъ. „Кто обличитъ меня во грѣхѣ“? смѣло говоритъ Онъ врагамъ своимъ и за земную, человѣческую, жизнь свою. И однако вотъ Онъ обезчещенъ, обезславленъ, оставленъ землею и небомъ. О! какъ тяжелы скорби безславія Его! Что значитъ предъ этимъ безславіемъ взносимое на меня грѣшнаго безславіе? Грѣшнику развѣ прилична слава? Не безславіе ли—законная доля его? Пусты, несправедливы люди приписывая мнѣ грѣхъ, котораго по милости Божіей не имѣю я: но сколько другихъ грѣховъ на мнѣ! Сколько нечестій и беззаконій, которыхъ не видятъ люди и видитъ Богъ мой! Такъ крестъ Христовъ—учитель и утѣшитель мой. Онъ говоритъ мнѣ о моихъ беззаконіяхъ, за которыя распялся Господь мой и велитъ смириться волнующейся гордости мой. Онъ говоритъ мнѣ о славѣ, въ которую взошелъ со креста невинно страдавшій Господь и утѣшаетъ меня надеждою, что и меня ошибкою поносимаго не забудетъ Господь во царствіи своемъ. Апостолъ Христовъ учитъ насъ: „такъ какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь... Если за имя Христово злословятъ васъ: то вы блаженны; ибо Духъ славы, Духъ Божій, на васъ почиваетъ“ (1 Петр. 4, 13. 14). Пусть другіе незаслуженно пользуются славою, а тебѣ достается въ удѣлъ темная неизвѣстность: не ревнуй успѣвающему здѣсь въ пути своемъ, *не завидуй творящему законопреступленіе*

(Псал. 36, 7). Онъ спѣетъ среди радостей для вѣчнаго страданія, а ты спѣешь среди скорбей для вѣчнаго блаженства.

Какъ не страдать, если тѣло покрыто ранами жгучими, или организмъ со всѣмъ разстроенъ, отъ неправильнаго ли обращенія крови, или отъ другой какой причины? Страданіе тяжелѣе становится, когда искусство врача напрасно истощается въ средствахъ прекратить страданія больнаго. Гдѣ же найти облегченія страдальцу? Въ участіи друзей? Если друзья не умные будутъ развлекать больного пустыми разговорами: это не облегченіе больному, а новая тяжесть на совѣсть его. Другое дѣло, если укажутъ ему на крестъ Христовъ. Да, страданіе распятія—самое страшное страданіе и какъ же переноситъ его Христосъ Іисусъ? Молча, ни словомъ, ни движеніемъ не обнаруживая какой либо нетерпѣливости. Послѣ того намъ ли, грѣшнымъ рабамъ Его, быть нетерпѣливыми въ своей болѣзни? Господь терпитъ муки за наши грѣхи: а наша болѣзнь—не плодъ ли грѣховъ нашихъ? Онъ страдаетъ для того, чтобы въ свое время *преобразитъ тѣло смиренія нашего* и облечь его въ славное безсмертіе (Фил. 3, 21). Пусть же гніетъ грѣшное тѣло наше: намъ дано будетъ тѣло лучшее, тонкое, свѣтлое, облеченное красотою небесною, лишь бы мы очистились здѣсь отъ грѣховъ покаяніемъ. „Вѣрно слово, говоритъ намъ съ полною увѣренностію апостолъ Божій, вѣрно слово: если съ Нимъ умерли, то съ Нимъ и оживемъ. Ежели терпимъ, то будемъ и царствовать съ Нимъ“ (2 Тим. 2, 11. 12). Болѣзнь тѣлесная, переносимая въ виду креста Христова, очищаетъ тѣло отъ порчей, внесенныхъ въ организмъ грѣхомъ, очищаетъ душу отъ движеній самолюбія и молитвою низводитъ въ насъ крѣпость небесную.

Тяжела потеря близкихъ сердцу, отнимаемыхъ у насъ смертію. Потеря супруга или супруги, потеря дѣтей милыхъ, потеря отца или матери, сестры или брата невольно исторгаетъ горькія слезы. Не утѣшаютъ въ этой потерѣ ни богатства, ни чести, а еще болѣе увеличиваютъ горечь ея, выставляя безсиліе всего земнаго. Гдѣ помощь этой скорби? Безотрадна скорбь язычника на гробѣ близкихъ сердцу его:—онъ теряетъ ихъ навсегда. При крестѣ Спасителя скорбь о смерти растворяется сладкою надеждою на жизнь безсмертную. *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. 15, 20). Живъ начальникъ нашъ, наша глава, съ Нимъ живы и всѣ подчиненные Его, всѣ члены тѣла Его. Не скорбите объ умершихъ, говоритъ намъ апостолъ: если мы знаемъ, что „Іисусъ умеръ и воскресъ, то также и умершихъ во Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ“ (1 Сол. 4, 13. 14); мы соединены на вѣки съ тѣми, которыхъ смерть разлучила съ нами на время. Грѣхъ

ввелъ въ міръ смерть. Христосъ, удовлетворившій за грѣхъ правдѣ и ниспославшій духъ жизни, ввелъ въ міръ жизнь.—Не всѣ мы умѣемъ пользоваться здѣсь жизнію Христовою; тоже могло быть и съ отшедшими отъ насъ. Итакъ намъ остается молиться предъ крестною жертвою за отшедшихъ отъ насъ, да покроетъ она собою грѣхи ихъ. Такъ говоритъ намъ крестъ Христовъ!

Тяжки, очень тяжки, для души—муки пробудившейся совѣсти. Взоръ на необозримыя заблужденія ума, на необъятно—великія преступленія предъ святостію Божіею отзывается въ сердцѣ тягостію подавляющею грѣшника. Пока спитъ совѣсть,—грѣшникъ покоенъ, но чѣмъ долѣе сонъ ея, тѣмъ мучительнѣе пробужденіе ея. Тогда всякая неудача въ жизни, всякое паденіе легкое кажутся стрѣлами гнѣва Божія. Куда дѣваться? Гдѣ найти покой? Каяться въ грѣхахъ? Но что значитъ наше покаяніе предъ винами нашими? Безпредѣльная правда оскорблена; а послѣдствія грѣховъ развѣ въ нашей власти? Будемъ ли приносить жертвы за грѣхи, милостыню, дары храмамъ Божіимъ? Но все доброе—постоянный долгъ нашъ, а прежніе долги остаются не оплатными. Гдѣ же покой для угрызеній совѣсти? На крестѣ Спасителя и нигдѣ болѣе. Только взоръ вѣры на распятаго Сына Божія возвращаетъ душу отъ безнадежнаго унынія къ спасительному покою. Крестъ Іисусовъ, говоритъ вѣра душѣ, вотъ жертвенникъ очищенія всемірнаго. „Если бы кто согрѣшилъ, учитъ апостолъ: то мы имѣемъ ходатая предъ Отцемъ, Іисуса Христа, праведника. Онъ есть умилостивленіе за грѣхи наши и не только за наши, но и за грѣхи всего міра“ (1 Іоан. 2, 1. 2). Такъ бѣды жизни и разрушительныя явленія природы болѣе не страшатъ собою грѣшника, не кажутся казнями мстительной правды Божіей: правда Божія примирена съ нами на крестѣ. Предъ крестомъ душа кающагося восклицаетъ: *помяни мя Господи: егда пріидеши во царствіи твоемъ*—и слышитъ со креста сладкій гласъ сладчайшаго *Іисуса: аминь глаголю тебѣ: днесь со мною будеши въ раи* (Лук. 23, 42. 43).

Внутреннія скорби не оканчиваются скорбями покаянія. По временамъ самые твердые послѣдователи Христовы, забывая сладость правды распятаго Іисуса, приходятъ въ неизъяснимое уныніе; искушенія, задерживающія совершенствованіе духовное, ослабленіе жара ревности о благочестіи поставляютъ ихъ иногда въ такое состояніе, что они чувствуютъ себя какъ бы оставленными небомъ, безъ силъ, безъ помощи, отверженными отъ лица Божія; воды скорбей до того умножаются въ душѣ ихъ, что какъ бы готовы поглотить ихъ. И здѣсь-то особенно взоръ вѣры на распятаго Господа исполняетъ утѣшеніемъ скорбныя сердца. Надежды, возбуждаемыя

этимъ взоромъ, прочны и безграничны. Отецъ небесный далъ намъ Сына Своего: чего же послѣ того не дастъ Онъ намъ? Сынъ Божій испыталъ немощи наши: какъ же не поспѣшитъ Онъ съ своею благостію подкрѣпить насъ въ оставшихся для насъ скорбяхъ? Испытанный во всемъ, за исключеніемъ грѣха, Онъ съ любовію принимаетъ участіе въ нашихъ страданіяхъ (Евр. 4, 15) и если оставляетъ на время насъ однихъ, но съ тѣмъ только, чтобы живѣе чувствовали мы свое безсиліе и искреннѣе звали Его на помощь. Онъ Сынъ Божій, столько же мудрый и благій, сколько и мощный: придетъ время и Онъ подастъ помощь,—не устоятъ противъ Его силы никакія силы ада, никакія искушенія грѣха.

Такъ для всякой скорби нашей утѣшеніе прочное, утѣшеніе сладкое—въ крестѣ Христовомъ. „Поклоняемся страстемъ Твоимъ, Христе и славимъ славное твое воскресеніе“. Аминь.

СЛОВО ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВЪ РЫХЛОВСКОЙ ПУСТЫНѢ.

Въ домъ Господень пойдемъ (Псал. 121, 1).

Помяни, Господи, любовь рабовъ Твоихъ къ славѣ имени Твоего, создавшихъ и возсоздавшихъ храмъ Твой! Люди не всегда внимательны къ услугамъ или же скоро забываютъ ихъ. Благость вѣчная! и лепта брошенная въ храмъ Твой замѣчается Тобою и бури временъ не заглаждаютъ въ Твоихъ мысляхъ ни одной жертвы принесенной Тебѣ. Твердо вѣримъ, что домъ Господній давно построенный и нынѣ вновь украшенный и въ вѣчности будетъ ходатаемъ за рабовъ Твоихъ. Тебѣ подобаетъ слава, а для насъ слава Твоя—блаженство.

Собравшіеся въ храмъ сей! довольно ли мы чувствуемъ цѣну храма Божія? *Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ*, говорилъ царь и пророкъ Давидъ. Чувствуетъ ли радость сердце наше, братія, когда зовутъ насъ въ домъ Господній?

Въ домъ Господень пойдемъ. Храмъ Божій—храмъ ученія и просвѣщенія. И какого ученія? Не человѣческаго, столько обманчиваго, а ученія Божія. Какъ высоко цѣнилъ ученіе Божіе лучшій человѣкъ! Оно мнѣ дороже золота, говорилъ онъ, оно слаще всякаго сота устамъ моимъ.—Нигдѣ нѣтъ такой пищи для всѣхъ вы-

сокихъ потребностей души нашей, какъ въ словѣ Божіемъ. Здѣсь врачевство для всѣхъ болѣзней души нашей; а какъ ихъ много у насъ! Здѣсь рѣшеніе на всѣ сомнѣнія пытливаго ума. Здѣсь утѣшеніе для всѣхъ скорбей бѣднаго сердца.—Какъ же жалки люди невнимательные къ слову Божію, предлагаемому въ храмѣ! Жадно пьютъ гнилую воду книгъ людскихъ и пренебрегаютъ водою свѣжею, живительною, дающею вѣчную жизнь. Платятъ деньги и деньги дорогія за издѣлія нечистыхъ сердецъ; а церковь предлагаетъ эибесное ученіе даромъ и ея не хотятъ слушать. Сколько есть не умѣющихъ читать! Сколько умѣющихъ читать, но не умѣющихъ понимать! И для всѣхъ въ храмѣ готовы услуги, лишь приходи и слушай. Здѣсь истина и правда говорятъ открыто, не взирая на лица, хотя и не касаются ни чьей личности по личнымъ капризамъ. Здѣсь слушаютъ истину предъ лицемъ Божіимъ и каждый самъ, по голосу строгой правды, повѣряетъ состояніе души своей. Никакая школа, никакая каѳедра, не имѣетъ такого права на вниманіе къ себѣ, какое принадлежитъ храму Божію. И какъ благотворны слова храма Божія! Въ церковь, говоритъ св. Златоустъ, влетаетъ коршунъ и вылетаетъ голубь, входитъ волкъ, а выходитъ агнецъ. Безумныя страсти утихаютъ, больные пороками исцѣляются, когда слушаютъ церковныя поученія о вѣчности и о назначеніи нашемъ, о томъ, для чего мы созданы, куда идемъ и что ожидаетъ насъ за гробомъ.

Въ домъ Господень пойдемъ. Домъ Господній—домъ хвалы и славословій Господу. *Позна волъ стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего: Израиль же Мене не позна.*—Такъ жаловался Господь на неблагодарныхъ іудеевъ. Христіане! Мы болѣе были бы преступны, если бы и къ намъ относилась эта жалоба. Далеко болѣе оказано намъ благодѣяній, чѣмъ израилю. Отецъ небесный послалъ къ намъ не пророковъ, а Единороднаго Сына Своего. По ходатайству Сына Онъ послалъ намъ и Духа благодати. За тѣмъ не говоримъ о томъ, что все, чѣмъ пользуемся мы въ земномъ быту, здоровье, воздухъ, пища, платье, домъ, дѣти, друзья, все подается намъ Отцемъ небеснымъ.—Какъ же не пойдемъ мы въ домъ Господній воздать хвалы и благодаренія за необозримыя милости Божіи къ намъ?

Въ домъ Господень пойдемъ. Домъ Господній—домъ прошеній и молитвъ, возносимыхъ Господу. Кто скажетъ, что ему не о чемъ просить Господа? Мы и нищи и слѣпы и наги. Если же такъ: не странно ли, что мало посѣщаютъ домъ молитвы? Въ храмѣ Божіемъ совершается такая молитва, какой нѣтъ и не можетъ быть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Здѣсь возносится безкровная жертва Сы-

на Божія, повторяется крестная молитва Его предъ Отцемъ небеснымъ за людей преступныхъ. *Сіе творите въ мое воспоминаніе*, заповѣдалъ Онъ самъ и въ исполненіе воли Его повторяется жертвоприношеніе Его за людей. Поспѣши же присоединить твое имя къ именамъ воспоминаемымъ при возношеніи сей величайшей жертвы. Вѣра въ крестную жертву Сына Божія творитъ чудеса. Христіане первыхъ временъ, христіане—предки наши дорожили тѣмъ, чтобы имена ихъ были поминаемы во время святой литургіи.

Въ домъ Господень пойдемъ. Въ храмѣ Божіемъ все вызываетъ на молитву и хвалу. Здѣсь лики святыхъ Божіихъ, дышащихъ и одушевляющихъ благоговѣніемъ небеснымъ. Здѣсь общество подобныхъ намъ; но на ихъ лицахъ и въ ихъ очахъ то восторги хвалы Богу, то умиленіе сердца кающагося.—Здѣсь все, на что смотритъ око, все, чѣмъ можетъ поражаться слухъ, располагаетъ къ благоговѣнію и молитвѣ. „Въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ“. Дивно ли, если и тотъ, кто приходитъ въ храмъ холоднымъ и разсѣяннымъ, невольно поражается чувствомъ умиленія, при взглядѣ на красоту Господню и на благоговѣйно молящихся, при слышаніи молитвъ церковныхъ, простыхъ и поразительныхъ.

Странно, а говоритъ иной: я помолюсь и дома, и нейдетъ въ храмъ. Братъ мой! предоставляю твоей совѣсти повѣрять, сколько ты молишься дома, развлекаемый шумомъ мыслей и дѣлъ суеты земной.—Но подумалъ ли ты, что одно пренебреженіе твое къ дому безкровной жертвы Сына Божія, одно предпочтеніе простаго дома дому Господнему—уже грѣхъ нелегкій? Что такое храмъ Божій? Святилище, изъ котораго Богъ, Отецъ щедротъ, проливаетъ токи благодати, святилище освященное благодатію. Какъ же пренебрегаешь ты домомъ благодати? Въ домѣ молитвы многихъ молитва двухъ или трехъ искренно молящихся низводитъ благодать и на всѣхъ собравшихся въ храмъ. Господь сказалъ: „гдѣ два или три собраны во имя Мое, тамъ и Я среди ихъ“.—Слово его непреложно.—Будь же добръ къ тебѣ самому,—не лишай себя благодати храма. Будь остороженъ: не забывай заповѣди апостольской. Апостолъ предписалъ: „единодушно едиными устами славьте Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа“ (Рим. 15, 16).

Въ домъ Господень пойдемъ.—Тотъ, кто понимаетъ высокія преимущества дома Господняго, кто свѣтлымъ взоромъ духа смотрѣлъ на отношенія свои къ Богу, какъ любилъ домъ Господній! Онъ желалъ не только часто посѣщать домъ Господній; Онъ желалъ жить въ домѣ Господнемъ во всю жизнь свою. *Едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего* (Псал. 26, 4); такъ говорилъ царь Давидъ. Послѣ того понят-

но, что счастливы вы, братія обители пустыной: вы каждый день славите Господа въ Его домѣ; съ радостію каждый изъ васъ можетъ повторять съ Давидомъ: *благо мнѣ прилѣплятися Богови, паче неже жити въ селѣніихъ грѣшничихъ.* Но Господь снисходителенъ и къ живущимъ въ міру. Житейскимъ заботамъ предоставилъ Онъ шесть дней въ недѣлѣ и оставилъ для Себя самаго только одинъ день.—Страшитесь же быть непризнательными и наглыми предъ милостивымъ. Не отнимайте у Господа недѣльнаго дня. Идите въ домъ Господень служить Всеблагому въ день седмый. Пусть по крайней мѣрѣ одинъ день будетъ памятникомъ того, что вы дѣти не дурныя предъ Отцемъ небеснымъ. Съ скорбію говорю вамъ, что занимаясь работами въ воскресный день вы только собираете гнѣвъ Божій на свои головы: рано или поздно правда Божія откроется въ грозномъ видѣ и взыщетъ свое съ васъ. Берегитесь похищать собственность Божію и если касались ея, покайтесь.

Отчего не любятъ ходить въ домъ Божій? Оттого, что не любятъ Господа Бога, а любятъ грѣхи. Любя Бога нельзя не любить дома Божія. Точно такъ любя все, кромѣ Бога, естественно быть холоднымъ къ дому Божію. Для одного деньги стали идоломъ сердца: какъ же ему служить двумъ богамъ? У другаго вся душа занята предметами другой страсти, такъ что въ ней нѣтъ и мѣста для Бога и служенія Ему. Что дѣлаетъ страсть съ душею? Предметъ страсти—преступный: но душѣ хочется наслаждаться любимымъ предметомъ,—онъ ей дорогъ. Потому избѣгаетъ она того, что пробуждаетъ укоръ за преступное наслажденіе. Поелику же совѣсть всего скорѣе пробуждается въ храмѣ Божіемъ, гдѣ такъ многое будитъ душу отъ сна преступнаго: то душа, полюбившая грѣхъ, всячески уклоняется отъ храма и богослуженія его, а для облегченія своего придумываетъ разные предлоги къ уклоненію. Съ усиленіемъ грѣха, въ душѣ нерасположеніе къ дому Божію доходитъ даже до дикой ненависти къ храму и его богослуженію. О! Боже мой! дай намъ видѣть глубины преступнаго сердца нашего.

Други мои! долго ли намъ остается на землѣ ходить въ домъ Господній? Какъ уже много времени потеряно нами! Будемъ дорожить оставшимся, будемъ ходить въ домъ Божій, какъ можно чаще, будемъ пользоваться благодѣяніями храма, къ временному и вѣчному счастію нашему. Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 26.

Блюдите, како опасно ходите, не яко же немудріи, но яко же премудріи (Еф. 5, 15).

Такъ заповѣдуетъ апостолъ!

Не заповѣдуется ли намъ то умѣнье жить на свѣтѣ, которое извлекаетъ выгоды для земной жизни изъ всего, съ чѣмъ встрѣчается,—изъ людей, изъ обстоятельствъ, изъ вещей? Много ума требуется и для того, чтобы угадывать и выбирать, что можетъ быть полезно для нашей временной личности, чѣмъ и когда можно отклонить отъ себя опасности для чести, для кармана, для самолюбія. Да, много задаютъ подобной работы прекрасному дару Божію. Но стоитъ ли выгода трудовъ? Достойна ли работа дара Божія?... Нѣтъ, апостолъ не низводитъ высокаго ученія своего въ низкій кругъ жизни. „Поступайте какъ чада свѣта“, говоритъ онъ (Еф. 5, 8). Иначе—поступайте, какъ просвѣщенные благодатію Божіею, которая дается для пріобрѣтенія вѣчной жизни. „Не имѣйте общенія съ дѣлами тьмы“ (Еф. 5, 10). Не допускайте грѣха ни до желанія, ни до мысли: „плотская мудрость“, мудрость заботливая только о покоѣ плоти,—„смерть, а мудрость духовная жизнь и миръ“ (Рим. 8, 6).

Такъ апостолъ требуетъ осмотрительности въ жизни духовной, въ дѣлахъ душевнаго спасенія. Здѣсь нужно, по его суду, умѣнье жить. Если бы внутри насъ не возникало такъ много влеченій, чувствъ, мыслей, въ сущности не согласныхъ съ волею Божіею; если бы и около насъ не было ничего враждебнаго или опаснаго душевному спасенію: конечно, тогда не много нужно было бы надзирать за собою. „Посылаю васъ какъ овецъ въ средину волковъ; будьте мудры какъ зміи, и просты какъ голуби“ (Лук. 10, 9). Такъ говорилъ Спаситель апостоламъ. Да, чѣмъ дороже блага, которыя могутъ быть отняты у насъ злыми встрѣчами; чѣмъ важнѣе всего временнаго вѣчная душа, которой могутъ нанесть вредъ тѣ или другіе случаи, или принесть пользу тѣ или другія мѣры, тѣмъ болѣе нужна намъ духовная осмотрительность.

Мудрость духовная умѣетъ находить средства для отклоненія опасностей духовныхъ и выбираетъ лучшія пособія для успѣха въ добрѣ. Значитъ ли это, что она когда либо, для цѣлей прекрасныхъ, можетъ допустить средства безчестныя оскорбительныя для чистой совѣсти, каковы ложь и обманъ? О! нѣтъ, никогда. Жизнь христіанина, по всѣмъ отношеніямъ, должна быть чиста и свята. Для цѣли

высокой, святой, христіанинъ пожертвуетъ жизнію, но не дозволитъ себѣ ни лжи, ни обмана и ни чего подобнаго. Отецъ лжи—діаволъ. Какъ же ставить себя подъ вліяніе такого страшнаго отца? Путями ада не попадешь въ рай. „Не прельщайтеся, Бога не обманете“ (Гал. 6, 7). Мірское благоразуміе неразборчиво въ средствахъ: но духовная мудрость—другое дѣло. И опыты показали, что незаконныя средства, употреблявшіяся для дѣла святаго, доставляли такой же успѣхъ дѣлу святому, какой доставляютъ дѣламъ житейскимъ, призрачный и временный, котораго конецъ—стыдъ и позоръ. Таковы были успѣхи дѣятельности іезуитовъ въ Китаѣ и въ другихъ мѣстахъ! Мудрость духовная располагаетъ только средствами чистыми и святыми.

Духовная мудрость не предлагаетъ младенцу той пищи, которая питательна для возрастнаго и вредна для дитяти; она назначаетъ занятія, сообразуясь съ силами. Пылкая юность нипочемъ считаетъ идти на встрѣчу опасностямъ и беретъ на себя тяжелые подвиги. Но опытная мудрость говоритъ ей: не спѣши выпускать изъ души жаръ, путь дологъ, и не надѣйся на свои силы, онѣ обманчивы; иди тише и дальше уйдешь. Неопытность, сколько горячая въ начальныхъ подвигахъ, столько же бываетъ малодушна при встрѣчѣ съ искушеніемъ, съ временнымъ охлажденіемъ души. „Что мнѣ дѣлать, отецъ,—одолѣла меня безпечность“? Такъ жаловался одинъ аввѣ. Старецъ отвѣчалъ: „это—болѣзнь душевная. Для больныхъ глазами, когда болѣзнь сильна, и малый свѣтъ кажется рѣзкимъ. Такъ и малодушные тотчасъ смущаются и малою безпечностію, и думаютъ, что они уже крайне безпечны, тогда какъ крѣпкіе духомъ болѣе радуются въ искушеніяхъ“ [1]). Опытная мудрость знаетъ, какія лѣкарства нужны для какой душевной болѣзни и какія питательныя средства прибавляютъ силу организму въ томъ или другомъ состояніи его. „Каждому предпріятію, говоритъ св. Василій в., должно предшествовать разсужденіе; безъ него и то, что кажется добрымъ, обратится въ грѣхъ, если дѣлается не въ свое время или безъ сохраненія мѣры“. Да, и въ духовныхъ вещахъ всему свое время и своя мѣра. Какъ земледѣлецъ испытываетъ почву земли и замѣчаетъ время, чтобы не бросать сѣмянъ понапрасну; какъ хозяинъ дома осматривается кругомъ, чтобы выбрать случаи и способы устроить свое хозяйство лучшимъ образомъ: такъ христіанинъ пользуется временемъ и способами для умноженія духовнаго богатства своего.

Противъ уклоненій мысли отъ истины, духовная мудрость упо-

---

[1]) Лугъ духовный, гл. 163. М. 1853 г.

требляетъ поученіе въ законѣ Божіемъ и повѣрку себѣ самому. „Священныя писанія, говоритъ апостолъ, могутъ умудрить насъ во спасеніе, при вѣрѣ во Христа Іисуса“ (2 Тим. 3, 5).

Противъ ослабленій воли нужно возобновлять въ себѣ рѣшимость воли жить для одного добра. „Напоминаю тебѣ, чтобы ты разжигалъ даръ Божій“, говоритъ апостолъ ученику своему Тимоѳею (2 Тим. 1, 6). *Трезвитеся, бодрствуйте*, пишетъ ап. Іаковъ (Іак. 5, 8). Бодрствованіе—необходимое средство для преспѣянія въ жизни духовной. Оно зорко смотритъ за желаніями, такъ часто несогласными съ закономъ, за воображеніемъ и внутренними ощущеніями, нерѣдко вмѣшивающими нечистое въ дѣла чистыя; оно же не уступаетъ шагу предъ нападеніями грѣха (1 Кор. 16, 13).

Стремленія чувственности нашей незамѣтно наклоняютъ душу нашу къ нечистотѣ. Похоть плоти нипочемъ для міра, но не такъ понимаютъ ее люди духа Божія (1 Іоан. 2, 16). Потому христіанская мудрость велитъ обуздывать чувства и чувственныя влеченія, налагаетъ на тѣло воздержаніе. Іовъ говоритъ: „я положилъ завѣтъ съ очами моими, чтобы и не думать о дѣвѣ“.

Христіанская мудрость разсуждаетъ о лицахъ и вещахъ по ихъ существенной стоимости, не обольщаясь наружностію ихъ. Какъ ни красива наружность, она не существенность, потому и обманчива: вмѣсто радости—приноситъ горе. Сообразно съ тѣмъ, мудрость располагаетъ и своими отношеніями къ вещамъ и людямъ.

Мудрецъ Божій говоритъ: „кто обходится съ умными, и самъ будетъ уменъ; а товарищъ глупцовъ попадетъ въ бѣду“ (Прит. 13, 20). Связи съ другими могутъ доставлять намъ много пріятнаго и полезнаго: но могутъ быть и вредными. Нашъ образъ мыслей, и наши правила жизни могутъ получать одностороннее направленіе, если мы останемся только съ самими собою и не слышимъ совѣтовъ и разсужденій опытности. Умный и искренній другъ можетъ предостеречь насъ отъ многихъ ошибокъ, навесть насъ на лучшія мысли и усилить любовь къ добру. Потому „мудрый слушаетъ совѣты“ (Прит. 12, 15). Только надобно быть осмотрительнымъ въ выборѣ товарищей и друзей. Не бываетъ ли, что пріятная наружность, прекрасный даръ слова, образованный умъ завлекаютъ въ сообщество съ человѣкомъ души самой испорченной? Вступивъ въ связь съ нимъ, незамѣтно принимаютъ отъ него его легкомысліе, его глупости и пороки. Блаж. Августинъ, оплакивая несчастія своей молодости, исповѣдывался: „я блуждалъ въ такой слѣпотѣ, что стыдился не имѣть столько же безстыдства, сколько было его у товарищей; я становился день отъ дня порочнѣе, чтобы за честность не прослыть у нихъ безчестнымъ. Боже мой! Ты видѣлъ, съ какимъ наслажденіемъ ша-

тался я по улицамъ Вавилона и какъ утѣшался я, валяясь въ грязи, какъ будто въ бальзамѣ. Отчего это? О! враждебное дружество! ты столько развращаешь сердца молодыхъ людей, что они не для своей выгоды и не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать другому вредъ, а безъ намѣренія, для одной шутки, дѣлаютъ зло. Ахъ! бывало только скажутъ: пойдемъ съ нами, сдѣлаемъ то и это,—и я стыдился не предаваться всѣмъ глупостямъ".

Апостолъ говоритъ: „умѣйте пользоваться временемъ, потому что дни злы" (Еф. 5, 16). Когда писалъ это апостолъ, христіане много страдали за свою вѣру, терпѣли насмѣшки, презрѣніе, ненависть, темницу, казни и среди такихъ бѣдъ были въ опасности измѣнить св. вѣрѣ, признать ложь идольскую за правду. Въ наше время не грозятъ намъ темницею и мечемъ за вѣру нашу. Но не грозятъ ли убѣжденіямъ христіанскимъ свои опасности? Нѣтъ ли между нами людей, которые не скромнѣе язычника и іудея отзываются о св. вѣрѣ и благочестіи? Нѣтъ ли людей, которые, называя себя передовыми людьми, смѣются надъ всѣмъ святымъ, хотя и не могутъ дать себѣ отчета въ словахъ своихъ? Нѣтъ ли людей, которые высокое имя свободы принимаютъ за одно съ жизнію разгульною и жизнь, по влеченіямъ грязной, скотской чувственности, готовы выдавать за жизнь нормальную? За одно съ этими людьми подвизается обыкновенная для многихъ непріязненность ко всему святому. И вотъ клеймятъ самыми позорными именами какъ учрежденія благочестія, такъ и каждаго, кто сходитъ съ путей порочной жизни на путь благочестія. Неправда ли, надобно имѣть довольно ума, чтобы защитить лучшія убѣжденія и предъ самимъ собою и предъ другими? Надобно имѣть довольно твердости духа, чтобы оставаться на сторонѣ истины и святости, а не на сторонѣ лжи. Изъ стыда или боязни отказываться отъ истины и измѣнять благочестію низко и преступно. Для покоя временнаго, для корыстей обманчивыхъ, для жизни тлѣющей ломать совѣсть свою и подвергать себя опасностямъ вѣчности—неумно, страшно.—Будь твердъ для истины и святости, хотя бы это стоило и крови!

Мірское благоразуміе осуждаетъ и праведника на крестъ, если толпа кричитъ: распять его. Это значитъ плыть по водѣ. Конечно, плыть въ такомъ случаѣ легко: но куда доплывешь? Христіанская мудрость не самонадѣянна, чтобы полагаться только на свое разсужденіе: но не боится стать и противъ общаго мнѣнія людей, если имѣетъ въ виду несообразность людскаго мнѣнія съ судомъ вѣчнаго Бога; она знаетъ, что толпа людей часто бываетъ только игрушкою ловкихъ людей, для которыхъ совѣсть—вещь пустая, которые возбуждаютъ въ толпѣ то или другое мнѣніе для своихъ видовъ и огла-

шаютъ, въ видѣ общаго мнѣнія, мнѣніе, нужное только для нихъ однихъ и вовсе вредное для общаго блага. Христіанская мудрость не самонадѣянна, чтобы свои опыты жизни выдавать за безусловно вѣрные и осуждать все новое. Но она знаетъ и то, что многое изъ новаго бываетъ только новый видъ стараго зла. Потому не увлекается она возгласами толпы противъ всего стараго и въ пользу новаго.

Иногда надобно бываетъ говорить безумному соотвѣтственно безумію его. Какъ же это дѣлать? Люди, которые говорятъ тебѣ недоброе, или ниже тебя по состоянію и возрасту, или равны тебѣ, или же выше тебя. Для каждаго нуженъ свой отвѣтъ. Если осмѣливающійся говорить тебѣ противъ вѣры и благочестія ниже тебя: говори ему съ твердостію въ защиту св. истины и помолись Господу, чтобы вывелъ его на прямую дорогу. Это долгъ твой въ отношеніи къ меньшому брату; за невыполненіе долга ты будешь отвѣчать предъ Господомъ. Если хулитель вѣры равенъ тебѣ: увѣщавай его братски, съ любовію кроткою и нѣжною. Перемѣнится онъ,—благодари Бога. Не перемѣнится,—не смущайся, но не преставай молиться за него. Если смѣлый оскорбитель выше тебя: пусть молчаніе твое отвѣчаетъ ему, что ложь не становится отъ того истинною, что ее высказываетъ лицо высокое; когда же потребуютъ слова твоего: скажи со всѣмъ уваженіемъ къ нему и къ истинѣ. Во всякомъ случаѣ твердо помни, что ты оберегаешь не личность свою, а только истину. Личность пусть помнутъ—потерпи. Остерегайся и того, чтобы выставлять какъ бы на показъ людямъ твои убѣжденія и величаться ими: твое дѣло отдавать честь св. истинѣ и благочестію.

Ты долженъ говорить правду, но не безъ осмотрительности. Бываетъ, что открывая истину подвергаютъ опасности покой многихъ и никому не приносятъ пользы. Бываетъ, что подъ видомъ искренней пріязни выпытываютъ у тебя тайны, съ тѣмъ, чтобы употребить во вредъ тебѣ и другимъ.

Отношенія наши къ другимъ должны дышать желаніемъ добра. Но если видишь, что добромъ твоимъ не способны пользоваться, что исполненіе добрыхъ желаній больше нанесетъ вреда другимъ, чѣмъ пользы: откажись отъ желаній по крайней мѣрѣ на время. Зачѣмъ бросать бисеръ подъ ноги нечистыхъ животныхъ? Береги святыню.

Нѣтъ нужды слишкомъ возмущаться наглостію проповѣдниковъ той или другой лжи и спѣшить воевать съ ними за истину. Будь терпѣливъ, „поступай осмотрительно“. За истину не бойся,—она сама оправдаетъ себя, и ложь явится въ своемъ видѣ. Вотъ свѣжій опытъ! „Теперь мы, говоритъ хроникеръ петербургскихъ вѣдомостей, довольны тѣмъ, что не мы одни равнодушны къ такъ называемому прогрессу, начинаютъ раздаваться голоса противъ этого прогресса,

ознаменовывающаго себя разрушеніемъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи отсутствіемъ положительныхъ цѣлей, прочныхъ началъ и убѣжденій въ обществѣ, мелочностію, пустотой и продажностію интересовъ, и наконецъ нескончаемымъ весельемъ, шумомъ и гамомъ какой-то всеобщей вакханаліи, наводящей уныніе на всякаго, кто еще сколько нибудь сохранилъ умъ и сердце отъ вліянія атмосферы, мало по малу и однако безпощадно добивающей разумныя преданія и интересы общества“ [1]). Видите, правда и вышла наружу! Прежде сказать что нибудь противъ шумно прославляемаго прогресса, значило вызвать противъ себя брань всякаго рода. Теперь начинаютъ видѣть, кто таковы наши прогрессисты. Такъ всегда бываетъ съ людскою ложью!

„Смотрите, поступайте осмотрительно, не какъ неразумные, но какъ мудрые“.

БЕСѢДА

ВЪ ХРАМѢ С. ШКРЯБИНА.

На небо очи мои возвожу, къ Тебѣ, Слове! Ушедри мя, да живу Тебѣ (Антиф. 6 гл).

Прекрасная пѣснь Дамаскина! Она кратка, но какъ обильна мыслями!

На небо очи мои возвожу. На небо, а не на землю, долженъ быть устремленъ взоръ нашъ. Земля—страна чужая для насъ. Что мы на землѣ? Путники: пройдемъ по ней и только. Гдѣ страна постоянной, нескончаемой жизни нашей? Не на землѣ, не на этой проклятой землѣ. Все земное измѣнчиво, проходитъ какъ тѣнь, пробѣгаетъ какъ волна, увядаетъ какъ цвѣтъ, исчезаетъ какъ дымъ. Жизнь земная—рядъ сонныхъ грезъ, то легкихъ, то тяжелыхъ, и всегда обманчивыхъ. Богатство—бѣглецъ; начальство—тяжесть; подчиненность—бремя; бѣдность—оковы; счастіе—мучитель; слава—звукъ; благородство—старая кровь; юность—зной лѣтній; старость—печальный западъ. Гдѣ же жизнь? Въ жизни не для земли, а для неба. На небѣ—Богъ и въ немъ все счастіе наше. *Наше житіе на небесѣхъ есть*, учитъ апостолъ (Фил. 3, 20). И тому же учитъ сама душа наша, которой ничто земное не можетъ на-

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1861 г. № 245.

питать, которая рвется за предѣлы времени, жаждетъ вѣчной истины, вѣчной красоты, вѣчнаго добра. Она сама себя наказываетъ, муками, если увлекается временными радостями, мимолетнымъ счастіемъ. Нынѣ даютъ великую цѣну матеріальнымъ удобствамъ жизни, много заботятся объ усовершеніи мануфактуръ, торговли, земледѣлія. Да, доброе дѣло облегчать нужды и скорби бѣднаго человѣчества. Но въ такомъ случаѣ на первомъ мѣстѣ человѣчество, а не матеріальныя удобства. И о когда бы это было такъ у каждаго! Въ той ли мѣрѣ у насъ заботы о земномъ, какой требуютъ нужды того и другаго? Иначе не для чего засматриваться на землю: жизнь для земли—жизнь скотоподобная,—она не къ лицу тому, кто созданъ по образу Божію. Мысли, чувства, свобода далеко выше, далеко дороже всего матеріальнаго уже и потому, что мыслію испытываются и повѣряются порядки матеріальной жизни; а нравственныя начала жизни кѣмъ не уважаются? Подъ вліяніемъ страстей, по насилію превратныхъ движеній душевныхъ могутъ ослабить въ себѣ лучшія потребности души, но истребить ихъ—никогда; онѣ вѣчны въ насъ, какъ вѣченъ Богъ.—Такъ на небѣ Богъ и въ Немъ все счастіе наше. *На небо очи мои возвожу.*

Но не довольно и того, чтобы смотрѣть не на землю, а на небо. Лучшіе язычники не забывали о небѣ: но опытъ показалъ какъ имъ самимъ, такъ и другимъ, что многаго не доставало въ нихъ. Люди умные на словахъ оказывались не очень умными по жизни. Всѣ пособія къ исправленію сердецъ, придуманныя людскою мудростію, оказались безполезными. Всѣ средства, употреблявшіяся для примиренія земли съ небомъ, признаны далеко недостаточными. Приходилось ожидать особенной помощи неба. И—Отецъ небесный по милости Своей послалъ людямъ Сына Своего. *Такъ на небо очи мои возвожу, къ Тебѣ, Слове!* Тебя, Спаситель мой, ожидали вѣка. Въ Тебѣ свѣтъ и жизнь для людей. Подъ сѣнію креста Твоего—безопасность моя. Тобою посылается духъ благодати оживляющій разстроенную грѣхами душу мою. О! если правда Божія будетъ преслѣдовать безчисленные грѣхи мои: погибель моя—несомнѣнна. Только въ Тебѣ, примиритель, защита моя. Что наши познанія, что наши добродѣтели, что наши подвиги, если правда заслугъ Христовыхъ не покроетъ неправдъ нашего ума, нашей воли нашего тѣла, всего организма нашего?

Ущедри мя, да живу Тебѣ. Повергаю бездну грѣховъ моихъ въ бездну щедротъ примиреннаго Тобою Отца. Прости меня заблудшаго; пріими меня какъ одного изъ наемниковъ Твоихъ. Только отъ милости Твоей ожидаю себѣ милости. Только отъ щедрой благости жду щедрыхъ даровъ для нищаго. Посли мнѣ свѣтъ для ума

и твердость для воли, *да живу Тебѣ*, да живу для славы имени Твоего и по Твоей святой волѣ. Съ Твоею благодатію могу я жить: она—всемощна; она воскрешаетъ и мертвыхъ. Сколько грѣшниковъ, грѣшниковъ самыхъ грубыхъ, самыхъ плотскихъ, или самыхъ гордыхъ измѣняли жизнь свою на самую высокую жизнь, бывъ оживлены твоею благодатію! Да, опытъ предъ глазами каждаго, опытъ вѣковъ и народовъ. Чѣмъ были люди безъ Христа? И чѣмъ стали по милости Христа Господа? Какое обширное, какое коренное, преобразованіе произведено въ человѣчествѣ благодатію Христовою! На какую отрасль жизни ни посмотрите, вездѣ все лучшее—даръ христіанства.—А бѣдные люди все не признательны предъ Христомъ Господомъ. Они все еще во вредъ себѣ, обращаются отъ Христа къ себѣ, отъ неба къ землѣ! Бѣдные люди! Странные капризы самости! Печальная слѣпота! Отчего такъ сильно, отчего такъ побѣдоносно оказалось христіанство въ исторіи? Противъ него политика и философія, жрецы и судьи, народъ и кесари и оно покорило все себѣ. Сама исторія показываетъ, что въ христіанствѣ дѣйствуетъ сила Божія, что основатель его есть Богъ—Слово. Какъ же намъ не обращаться всею душею къ Тебѣ, Слове, всемощный Сынъ всемощнаго Отца?

Ущедри мя, да живу Тебѣ. Какъ нужно молиться, да живу Тебѣ! Чѣмъ низводится въ душу благодать? Молитвою. *Просите и пріимете*, сказалъ Господь. Какое легкое средство получать все! Самый взоръ молитвы къ Господу уже освѣщаетъ душу и пробуждаетъ волю къ добру. При уклоненіи мыслей нашихъ къ житейскимъ заботамъ умъ покрывается мглою помысловъ чувственныхъ, пустыхъ, нечистыхъ и воля грубѣетъ въ желаніяхъ земнаго. Совсѣмъ не то бываетъ съ душею, когда она часто молится. Ея стремленіямъ къ небу нисходитъ на помощь благодать и возводитъ ее отъ совершенства къ совершенству. Какъ живителенъ взоръ молитвы, низводящій благодать! Затемняется ли взоръ мой блескомъ счастія земнаго? Возвожу взоръ мой на небо и вижу, что земное счастіе только изнуреніе духа, ослабленіе лучшихъ желаній его и вмѣстѣ съ Давидомъ молюсь: *по множеству щедротъ Твоихъ очисти мя.* Посѣщаютъ ли меня скорби и невзгоды жизни? *Призови мя въ день скорби твоея и изму тя*, говоритъ мнѣ самъ Господь (Псал. 49, 15); а слово Его вѣрно. Язвитъ ли меня клевета злости людской? Раны ея—жгучи, поражая въ насъ и самолюбіе и любовь къ правдѣ. Но взоръ на святость вѣчную показываетъ мнѣ, что у меня гораздо больше грѣховъ, чѣмъ могутъ отыскать люди и—я молчу предъ Господомъ моимъ. Иго Христово—благо: но оно все иго, не легкость для немощной души моей. Гдѣ взять силъ?

На небо очи возвожу, къ Тебѣ, Слове! Просьба о небесной помощи доставляетъ стойкость въ добрѣ. Многое нужно для того, чтобы быть вѣрнымъ принятому на себя званію. Нужна любовь къ труду; а какъ она ослабляется лѣнью! Нужна точность въ выполненіи дѣлъ званія; а мнѣ хочется жить для себя, по своей волѣ. Сколько при томъ соблазновъ встрѣчается, уклоняющихъ душу съ пути долга! Но молитва подаетъ и усердіе къ долгу и побѣду надъ собою. „Богъ ли не защититъ избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь“ (Лук. 18, 7).

На небо очи мои возвожу, къ Тебѣ, Слове! Ущедри мя, да живу Тебѣ.

БЕСѢДА ВЪ СРЕДУ 1 НЕДѢЛИ ПОСТА.

Душе моя, душе моя! Что спиши?

Такъ обращается къ душѣ своей святый мужъ Андрей критскій. Къ нему ли смѣло приближатся нерадѣніе о своей совѣсти и забвеніе о смертномъ часѣ? Его ли живая душа не бодрствовала на стражѣ спасенія своего? И однако онъ такъ не думаетъ о себѣ; и однако онъ поетъ плачевную пѣснь: *душе моя, душе моя! что спиши?* О! какъ же настойчиво должны мы будить душу свою, какъ часто должны повторять пѣснь святаго: *душе моя, душе моя! что спиши?*

Что мы дѣлаемъ для своего спасенія? Святые апостолы и пророки, для славы имени Божія, терпѣли насмѣшки и побои, скитались, не зная, гдѣ головы приклонить.—Святые мученики чего не перенесли, чтобы не погубить души измѣною Господу? Ужасъ проникаетъ кости при слушаніи страданій, какія терпѣли они. Святые подвижники, для спасенія души, проводили всю жизнь въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и произвольныхъ скорбяхъ. *Душе моя, душе моя! что же ты спиши?* Гдѣ подвиги твои для спасенія вѣчнаго?

Что спиши? Но мы съ тобою, душа моя, еще не понимаемъ и того, что спимъ мы. Надобно еще и въ томъ увѣриться Пусть такъ.

Сонный не понимаетъ ни опасности близкой, какъ бы велика она ни была, ни своихъ движеній безпорядочныхъ, какъ бы они странны ни были; въ грезахъ онъ видитъ себя богачемъ, въ почестяхъ или за вкуснымъ столомъ. Не въ томъ же ли и мы положе-

ніи, душа моя? Не кажемся ли и мы себѣ самимъ людьми съ порядочнымъ состояніемъ и умомъ, тогда какъ нищи и голодны до слезъ? Понимаемъ ли, чѣмъ должны мы быть и чѣмъ остаемся? Понимаемъ ли свое положеніе? Увы, нѣтъ!

Бодрствующій живо ощущаетъ свои нужды. Есть ли въ насъ ощущеніе нуждъ духовныхъ? Богъ поражаетъ насъ за грѣхи казнями, чтобы привесть насъ въ чувство. А намъ все нипочемъ. *Билъ еси ихъ и не поболѣша.* Душа природою понуждается искать вѣчнаго, а у насъ и радости и скорби только о землѣ.

Бодрствующій трудолюбиво исполняетъ дѣла званія своего. О-душа моя бѣдная! званіе христіанина—званіе высокое; да и мимо того не для земли, а для неба создана ты. Гдѣ же дѣла высокихъ званій въ жизни твоей? Продаютъ, покупаютъ, веселятся, женятся, плодятся люди: вотъ и всѣ движенія! Это ли жизнь достойная безсмертной души, души христіанской? Или пожалуй, ходятъ въ храмъ но по обычаю; молятся, но безъ души; помогаютъ бѣдняку, но изъ тщеславія; имѣютъ образъ благочестія, но безъ силы (2 Тим. 3, 5); по наряду христіане, а по душѣ язычники.

Боже мой! что все это какъ не сонъ души и сонъ глубокій? Долго ли спать намъ?

Душе моя, душе моя! Ты, которая у меня одна, такъ что если потеряю тебя, то лишусь всего, что ты готовишь себѣ и что готовлю я себѣ? *Душе моя, душе моя!* Ты создана по образу Божію и падшая искуплена кровію Сына Божія; а ты отдалась въ жалкое рабство страстямъ и безсмысленно скитаешься по землѣ. Что ты дѣлаешь и что готовишь себѣ?

Душе моя, востани, что спиши! Тебѣ ли спать, когда внутри тебя непрестанная, денно-нощная, брань нечистой плоти съ лучшими стремленіями духа? Тебѣ ли спать, когда и въ бодромъ состояніи такъ много опасностей встрѣчали и иные теряли спасеніе?! Отчего ты пьешь грѣхи какъ воду и нечестія, какъ вино дорогое? Оттого, что спишь. Какой страшный, какой пагубный сонъ твой?

Возстани, что спиши? Конецъ приближается. Тутъ ли спать, когда предъ тобою вѣчность некончаемая? Тутъ ли спать, когда предъ тобою адъ съ духами отверженными? Тутъ ли спать, когда каждый часъ такъ дорогъ для тебя, когда ни одной минуты не вправѣ ты употребить на свою прихоть?

Ты спишь, бѣдная душа моя, а время благодати и помилованія течетъ и уходитъ невозвратно; уже не утро твоей жизни—юность давно увяла; уже не полдень—мужество протекло; уже вечеръ дней—сѣдая старость: И ты все спишь! Ты спишь, а число грѣховъ тво-

ихъ, а число беззаконій твоихъ растетъ и множится и опасность для тебя становится грознѣе и грознѣе. Ты спишь и не думаешь, что вотъ столкнутъ тебя въ бездну ада. Ты спишь довольная благостію Божіею, какъ будто она ничего и не ожидаетъ отъ тебя, какъ будто она все должна дѣлать для твоихъ причудъ, а ты для нее—ничего. Какъ не думаешь ты, что сонъ твой хула на Господа? Какъ не думаешь ты, что благость Божія зоветъ тебя къ покаянію? (Рим. 2, 4). Ты спишь, Но и терпѣнію Божію, какъ ни велико оно, есть *конецъ*, правда Божія. Ты спишь, а смерть близится къ тебѣ, приблизится, настигнетъ, ударитъ и что будетъ съ тобою?

Имаше смутитися. Отъ гнѣва оскорбленной правды Божіей—не защита тебѣ земныя хлопоты, для которыхъ ты забывала о Богѣ; не защита и легкомысленные друзья, съ которыми весело проводила время. Въ мудрости ли мірскаго невѣрія будешь искать покоя и утѣшенія? Предъ грозною дѣйствительностію открывающейся вѣчности убѣгутъ отъ тебя всѣ софизмы, на стыдъ и горе тебѣ. Тогда узнаешь во всей силѣ, что пожнешь только то, что сѣяла, а сѣявъ во всю жизнь только для испорченной природы, для *плоти пожнеши* одно *тлѣніе* (Гал. 6, 8). Узнаешь и чѣмъ отзовется въ тебѣ это познаніе? Смущеніемъ и отчаяніемъ. *Имаши смутитися.* Смутишься и отъ прошедшаго, которое явится предъ тобою съ неправдами и беззаконіями твоими. Смутишься и отъ наступающаго, которое такъ долго забываемое и пренебрегаемое предстанетъ въ неотразимой дѣйствительности и въ ужасающемъ величіи. Какъ устоять предъ величіемъ Судіи вселенной? *Имаши смутитися*, уже и отъ одного того, что въ сонной дремотѣ вовсе не знакомилась съ участью загробною и встрѣтишь все неизвѣстное, явишься беззащитною и безпомощною, разлученная съ міромъ, для котораго и которымъ жила.

Воспряни убо: пробудись несчастная, пока есть время. Еще не гласъ гнѣва вѣчнаго гремитъ надъ тобою, а кроткій гласъ благости будитъ тебя: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и освѣтитъ тя Христосъ* (Еф. 5, 14). Слышишь ли, какъ говоритъ Господь съ небесной вечери: *и еще мѣсто есть* (Лук. 14; 22). Это мѣсто для насъ съ тобою, бѣдная душа моя. Поспѣшимъ занять его, поспѣшимъ, пока не поздно.

Воспряни убо, бѣдная душа моя! Поднимись съ грѣховнаго ложа. Прогони обольщавшія тебя мечты—Собери разсѣянныя по суетамъ міра мысли. Приди въ себя. Такъ давно ждетъ пробужденія твоего благость небесная. Такъ давно ждетъ покаянія твоего Господь Іисусъ. Онъ съ тѣмъ и приходилъ на землю, чтобы призвать грѣшниковъ къ покаянію. Онъ все приготовилъ для спасенія

грѣшныхъ людей. Вотъ евангеліе для просвѣщенія мыслей твоихъ на всѣхъ путяхъ жизни. Вотъ таинства для врачеванія болѣзней твоихъ и оживленія обезсиленнаго сердца твоего. *Воспряни убо.* Ободрись надеждою на милосердаго Спасителя твоего. Много грѣховъ на совѣсти, много долговъ на шеѣ?—Предъ тобою крестъ, на которомъ распятъ Сынъ Божій за грѣхи всего міра. Предъ тобою тысячи помилованныхъ грѣшниковъ. Твой Господь, твой Спаситель, всегда одинъ и тотъ же, для всѣхъ временъ и для всѣхъ людей—Онъ—искупительная жертва.

Воспряни убо. Соберись съ силами, начни новую жизнь, рѣшись служить Богу живому и истинному, какъ служила ты идоламъ сердца. Силъ нѣтъ, немощи такъ велики! Не лукавь. Для міра, для плоти, для грѣха сколько выносишь трудовъ! Поработай въ половину того для Господа и ты увидишь, что не вовсе ты безъ силъ.

Воспряни убо. Кто искренно сознаетъ себя немощнымъ, тотъ молится о благодатной помощи и небесная помощь посылается. Молись и ты. Благодатныя силы готовы для тебя; по молитвѣ все получишь. Кому отказывалъ въ помощи Отецъ небесный? Кому не помогалъ Сынъ—любовь вѣчная? Если вы, будучи такъ не добры, не подаете дѣтямъ вашимъ камня вмѣсто хлѣба и змѣи вмѣсто рыбы: тѣмъ болѣе Отецъ небесный подастъ все нужное тѣмъ, которые просятъ Его: такъ говоритъ намъ Господь Іисусъ. И Онъ же сказалъ: все, чего ни попросите у Отца моего въ Мое имя, получите.

Воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ, вездѣ сый и вся исполняяй. Какъ бы глубоко ни пали мы, какъ бы ни крѣпко оцѣпенило силы души нашей обаяніе сна грѣховнаго: нѣтъ преграды для Безпредѣльнаго,—вездѣ проникаетъ живительная сила Христова,—для всякаго прощеніе и милость—Христосъ Господь. Итакъ прославимъ Господа нашего, душею бодрою.

Слава и благодареніе Тебѣ, любовь вѣчная. Аминь.

БЕСѢДА ВЪ ВЕЛИКІЙ ВТОРНИКЪ.

Се женихъ грядетъ въ полунощи.
Блюди убо душе моя.

Кто сей ожидаемый женихъ? Къ кому идетъ Онъ? Что это за полночь? Что за сонъ, котораго велятъ беречься?

Дивный женихъ Господь Іисусъ Христосъ. Такъ называется Онъ въ св. писаніи. По слову Божію, а не человѣческо-

му, душа наша обручена Ему, какъ невѣста жениху, на всегдашнее пребываніе съ Нимъ въ вѣрѣ, любви и блаженствѣ. „Я обручилъ васъ единому мужу, чтобы представить Христу чистою дѣвою“, учитъ апостолъ (2 Кор. XI, 2).

Когда совершилось это обрученіе? Со стороны жениха на крестѣ: тамъ Онъ, для избавленія душъ нашихъ отъ пагубы грѣха и усвоенія Себѣ, понесъ позоръ предъ вселенною. Съ нашей стороны это обрученіе совершается въ таинствѣ крещенія: здѣсь предъ небомъ и землею отреклись мы отъ міра и діавола и дали клятву принадлежать единому Христу, жить для Него одного; со времени сего обрученія мы уже *не свои,* а душею и тѣломъ, всѣми силами и собственностями принадлежимъ Искупителю и Богу нашему.— Какая это великая тайна! Какая страшная тайна!

За обрученіемъ не вдругъ слѣдуетъ бракъ, а бываетъ, что обрученные разлучаются другъ отъ друга на нѣкоторое время. Тоже и въ нашемъ обрученіи. Бракъ отложенъ. Женихъ удалился, взошелъ съ земли на небо. Много знаковъ любви оставлено Имъ въ залогъ союза съ нами: чудодѣйствующій крестъ, дивныя тайны, въ разныхъ видахъ сообщающія намъ жизнь небесную. О! какіе это драгоцѣнные дары! Имъ завидуютъ ангелы. Женихъ душъ нашихъ— невидимъ: но Онъ явится, Онъ придетъ торжествовать бракъ свой съ церковію. Это также вѣрно, какъ вѣрно то, что былъ Онъ на землѣ. Онъ—благъ, Онъ—мощенъ, Онъ—вѣренъ.

Долго-ли продлится замедленіе таинственнаго брака? Объ этомъ знаетъ только Самъ женихъ. Когда придетъ Онъ, въ какой годъ, въ какую пору, въ какой часъ? Это—тайна даже для ангеловъ. „О днѣ томъ и часѣ, такъ говоритъ Онъ Самъ, никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только одинъ Отецъ Мой“ (Матѳ. 24, 36). И вотъ эта-то глубокая неизвѣстность и есть та полночь, въ которую придетъ женихъ.

Время пришествія жениха не показано. Ясно, что Онъ можетъ придти во всякое время, во всякій день, во всякій часъ. Ясно, что тѣ, которые обязаны ждать Его, должны ждать Его во всякое время. Нельзя имъ отлучаться никуда, нельзя бродить, гдѣ попало, по прихотямъ своеволія; нельзя и обременять себя заботами сторонними: онѣ помѣшаютъ выдти во время на встрѣчу жениху. „И такъ бдите, сказалъ намъ Самъ женихъ небесный, потому что не знаете ни дня, ни часа, въ который придетъ Сынъ человѣческій“ (Матѳ. 25, 13).

Напрасно, совершенно напрасно стали бы ссылаться на медленность въ пришествіи жениха. Онъ только желаетъ, чтобы какъ можно большее число было достойныхъ небеснаго чертога, чтобы какъ можно лучше готовились къ Его пришествію.

Въ отношеніи ко мнѣ и къ тебѣ, братъ мой, медленность Его— очень быстра. Онъ медлитъ придти къ церкви своей; Онъ можетъ быть отложитъ приходъ Свой еще на тысячу лѣтъ. Но мы съ тобою развѣ будемъ оставаться здѣсь на землѣ до явленія Его на землю? Нѣтъ, нынѣ, завтра явится ангелъ смерти и позоветъ насъ къ Жениху; значитъ для насъ съ тобою нынѣ, завтра, кончится срокъ ожиданія жениха. Значитъ, для насъ съ тобою неизвѣстность смерти есть наша полночь. Вотъ почему и сказалъ Господь: „что вамъ говорю, всѣмъ говорю: бдите“ (Мар. 13, 37).

Блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща. Вѣрные обѣтамъ обрученія—всегда на стражѣ. Первое и послѣднее ожиданіе ихъ—ожиданіе Господа. Чтобы сдѣлать себя способнѣе къ ожиданію и срѣтенію Господа, многіе отказывались навсегда отъ самыхъ дозволенныхъ удовольствій жизни, оставляли міръ и все, что было дорогаго въ мірѣ. Другіе же, оставаясь въ мірѣ, жили по заповѣди апостола, „имѣющіе женъ, какъ не имѣющіе, и плачущіе, какъ не плачущіе, и радующіеся, какъ не радующіеся, и покупающіе, какъ не пріобрѣтающіе и пользующіеся міромъ, какъ не пользующіеся“ (Кор. 7, 29—31). Для чего все это? Для того, чтобы, занявшись земнымъ, не охладѣть въ любви къ небесному, не отяжелѣть духомъ и не предаться сну. Умные и осторожные, они зорко охраняютъ дорогую одежду, которою облеклись при крещеніи; настойчиво берегутъ дары благодати, получаемые по милости небеснаго Жениха въ таинствахъ и молитвѣ. Женихъ Господь видитъ усердіе ихъ и готовитъ имъ вѣнецъ славы. Истинно счастливы, истинно блаженны они, хотя бы земная участь ихъ была не видна и печальна. Здѣшнія лишенія и потери—временны и пройдутъ скоро; а въ будущемъ вѣкѣ ожидаетъ блаженство, котораго на землѣ никто не въ состояніи ни обнять, ни понять.

Блюди убо, душе моя, да не сномъ отяготишися.

Много ли спящихъ между христіанами? Увы! много, очень много! *Коснящу же Жениху, воздремахуся вси и спаху* (Матѳ. 25, 8). Сонъ тѣлесный бываетъ болѣе и менѣе глубокъ. Точно таковъ же и сонъ духовный.

Полно, спятъ ли нынѣ? Сколько движенія, сколько хлопотъ. сколько шуму! Впередъ, впередъ! кричатъ. Впередъ? Но куда? Къ небу или аду? Заняты многимъ, очень многимъ, но страшно, если за исключеніемъ одного Христа Господа. Думаютъ ли, озабочены ли тѣмъ, что надобно явиться къ небесному Жениху? Не располагаются ли жить на землѣ безвыходно? Боже мой! Боже мой! какой гибельный сонъ напалъ на бѣдныхъ людей! Они не только не готовятся къ вѣчности, но имъ хочется считать себя безсловесными.

Они усиливаются заглушить въ себѣ тревоги души безсмертной и на перекоръ уму и сердцу твердятъ только о требованіяхъ жизни животной. Все, что есть лучшаго въ природѣ человѣческой, все, что ставитъ человѣка выше всего видимаго, намѣренно предается забытью и дается просторъ одному животному. *Да ямы и піемы, утре бо умремъ*, говорятъ. Други мои! эта философія—не новая; она очень нравилась язычникамъ, но и лучшіе язычники считали ее слишкомъ грязною, слишкомъ оскорбляющею человѣка; а мы христіане: къ лицу ли намъ такія мысли? Онѣ оскорбляютъ все прошлое и настоящее христіанства. Пощадимъ себя: горячешный бредъ слишкомъ опасенъ!

Что такое сонъ душевный, отъ котораго такъ предостерегаютъ насъ? Это то состояніе, когда она остается безъ движеній для добра, не старается ни основательно узнать самую себя и волю Божію о себѣ, ни исправить худую жизнь свою. Довольная мелочами, живетъ, какъ случится; не ждетъ ни Судіи, ни смерти; не помнитъ, что есть у нее Женихъ, которому даны клятвы въ вѣрности.

Блюди убо, душе моя, да не сномъ отяготишися.

„Какъ мало спасающихся“! сказалъ намъ Господь. И тоже говоритъ опытъ. Но уже ли хочется тебѣ, душа моя, быть въ числѣ многихъ, но погибающихъ? Сохрани Богъ! Не обманывай себя. Апостолъ учитъ насъ: „вы сыны свѣта и сыны дня: мы не сыны ночи и тьмы. Итакъ да не спимъ, какъ и прочіе, но да бодрствуемъ и трезвимся“ (1 Сол. 5, 6). Это значитъ, что стыдно намъ спать въ грѣхахъ, какъ спали язычники. Бодрствуй, душа моя! Не живи такъ, какъ жили и живутъ худые люди, иди въ слѣдъ за лучшими. „Всею душею моею я желалъ тебя ночью и духомъ моимъ во внутреннѣйшемъ моемъ я искалъ тебя съ утра“ такъ говоритъ о себѣ пророкъ Божій (Исаія 26, 9). Подражай ему. Бодрствуй, чтобы не жить жизнію призрачною и вредною для тебя; выполняй волю Божію, а не желанія людей. Люди не спасутъ тебя тамъ отъ осужденія за безпечность о себѣ. Бодрствуй,—стой на стражѣ, пока не смѣнятъ; храни вѣру и благочестіе, пока не позовутъ тебя къ Господу. Бодрствуй: иначе отъ сна безпечности одинъ шагъ къ смерти, къ смерти страшной, къ смерти неумирающей, къ вѣчности безотрадной. Не думаешь ли, что твои желанія измѣнятъ судьбу твою? Правда Вѣчнаго неизмѣнна. Бодрствуй,—смотри за влеченіями сердца твоего; сердце—лукаво: оно выставляетъ тебѣ худое въ видѣ добраго, вредное въ видѣ пріятнаго. Бодрствуй, не давай укрѣпляться въ душѣ грѣху: чѣмъ долѣе будешь ласкать въ душѣ грѣхъ, тѣмъ труднѣе будетъ избавляться отъ него. Зачѣмъ же увеличивать для себя тяжесть борьбы? Бодрствуй: во всякомъ случаѣ

путь къ добру узокъ и тернистъ; инымъ онъ не можетъ быть, при нашей порчѣ. Бодрствуй и не обезнадеживайся. Труденъ путь къ царству, но—готова для тебя благодать. Молись о помощи и—помощь подана будетъ. Молись о прощеніи грѣховъ, и грѣхи будутъ прощены. Взывай изъ глубины души: *Святъ, Святъ, Святъ еси Боже, Богородицею помилуй насъ.* Аминь.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ.

Рече же и ко другимъ, уповающимъ собою, яко суть праведницы, уничижающимъ прочихъ (Лук. 18, 9).

Какъ не довѣрять себѣ? Кому же и довѣрять, если не себѣ? Какъ не осуждать въ другомъ того, что стоитъ осужденія? Гдѣ же будутъ уваженіе къ правдѣ? И однако Господь произноситъ обличеніе на увѣренныхъ въ себѣ и на осуждающихъ другаго. Разсмотримъ ближе обличеніе Господа.

Какъ довѣрять себѣ, когда такъ часто бываю я невѣренъ самъ себѣ? Не умно довѣрять человѣку, который уже не разъ обманывалъ меня. Точно такъ если много разъ, несчетное число разовъ, нарушалъ я обѣщанія, данныя совѣстію Богу, начать лучшую жизнь и живу по прежнему: безразсудно полагаться на самаго себя, безразсудно довѣрять себѣ, какъ человѣку вѣрному въ словѣ. Стыдно мнѣ бываетъ показаться на глаза и человѣку, предъ которымъ не разъ оказывался я невѣрнымъ въ словѣ. Какъ же стоять мнѣ предъ Тобою, Боже мой, безъ стыда и самоукоренія, когда столько разъ предъ престоломъ Твоимъ, предъ Твоими ангелами—и святыми, давалъ я обѣщанія и не выполнялъ ихъ? Какъ я низокъ! Какъ я преступенъ! *Тебѣ, Господи, правда, мнѣ стыдѣніе лица* (Дан. 9, 7). Только Твоя благость безпредѣльная можетъ терпѣть меня. Не погубилъ Ты согрѣшающаго; не погуби кающагося. О! когда бы былъ я справедливъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ,—не полагался на себя, не считалъ себя вѣрнымъ и твердымъ!

Осторожно, крайне осторожно касаются до хрупкаго и слабаго стекла, въ которомъ бережется дорогая жидкость. Остерегаются класть на слабое дитя ношу, какъ бы оно, совсѣмъ обезсиленное, не пало подъ тяжестію. Съ больнымъ человѣкомъ обходятся не безъ опасеній. Какова воля наша въ отношеніи къ добру? Не тоже ли,

что хрупкое стекло, такъ что каждое неожиданное прикосновеніе сопровождается печальными слѣдствіями? Не тоже ли, что слабое дитя, такъ что падаетъ оно подъ тяжестію каждой страсти? Не тоже ли, что больной организмъ, такъ что и слабыя занятія добромъ утомляютъ ее? Если же такъ слабъ я, если такъ мало жизненности и стойкости въ моей волѣ для добра: какъ мнѣ безъ страха совершать дѣло спасенія своего? Какъ мнѣ отваживаться на встрѣчу съ случаями опасными для души моей? Какъ не избѣгать мнѣ предметовъ и людей, которые, какъ знаю по опытамъ, могутъ пробуждать въ слабой душѣ моей и грѣшныя желанія и утѣшенія нечистыя? Эта отважность, съ которою бросаются на опасныя почести и скользскія мѣста высокія, эта нетерпѣливость; съ которою собираютъ одуряющія насъ богатства,—не дѣла ли полупомѣшенной души?

Какъ довѣрять себѣ, когда умъ мой такъ недальновиденъ въ духовныхъ дѣлахъ? Пусть обогащенъ я свѣденіями разнородными,— и богословскими и философскими и филологическими и историческими: тѣмъ болѣе стыдно мнѣ, что въ дѣлахъ душевнаго спасенія вовсе я не зрячъ, если только не слѣпъ. Какъ много ошибокъ въ жизни моей оттого, что вовсе не видалъ я опасностей грозившихъ душѣ моей и напротивъ по соображеніямъ моимъ считалъ дорогу ровною и пріятною! Странное дѣло! въ самыхъ простыхъ случаяхъ жизни если душа не обращается съ мольбою о просвѣщеніи благодатномъ, непремѣнно попадаетъ въ ошибки. Казалось, что ближе ко мнѣ меня самаго, что ближе ко мнѣ моихъ грѣховъ, моихъ слабостей? Но если смиренная молитва не низведетъ въ глубину души моей свѣта небеснаго: какъ мало вижу я себя! Пусть каждый повѣритъ себя на исповѣди. Отчего исповѣдь наша не рѣдко ограничивается только поверхностнымъ поименованіемъ кое-какихъ грѣховъ? Отчего какъ бы не знаютъ, даже о чемъ говорить духовнику, какія грѣхи свои открывать ему? Здѣсь-то обнаруживается темное невѣжество разума нашего, который здраво судя о предметахъ сторонихъ, вовсе не понимаетъ, что совершается въ душѣ нашей, выставляетъ извиненія безотвѣтнымъ винамъ, называетъ бѣлымъ черное и грязное блистательнымъ, показываетъ грѣшника въ такомъ уменьшенномъ и переиначенномъ видѣ, что тотъ является чуть не праведникомъ. Надѣйтесь же на зоркость ума своего! Довѣряй же спасеніе души своей одному уму своему. Омрачаемый самолюбіемъ, обманываемый влеченіями испорченнаго сердца, онъ заведетъ васъ въ невылазную грязь жизни. По естественному устройству, чувствованія сердца и стремленія воли—оказываютъ вліяніе на умъ нашъ. Представьте-же, что и сердце наше услаждается грѣхомъ и воля

наша стремится къ грѣху,—какое вліяніе, если не пагубное, могутъ оказывать онѣ на умъ нашъ?Можетъ ли разумъ избавляться отъ того, чтобы не одуряли его движенія сердца и желанія воли?

Довѣріе къ себѣ, дышащее гордостію, не допускаетъ до насъ благодати Божіей, любящей смиренныхъ и кроткихъ!—*Богатъ есмь и обогатихся и ничесо же требую*, такъ говоритъ, болѣе или менѣе смѣло, довѣрчивый къ себѣ. Къ чему же благодати сходить на того, кто не чувствуетъ въ ней нужды? Уже ли только для того, чтобы презирали ее, подвергали униженію дѣлами нечистаго сердца, насмѣхались надъ нею въ буйствѣ страстей? Нѣтъ, не бросаютъ жемчуга подъ ночи нечистыхъ животныхъ. Благодать Божія нисходитъ на душу, которая высоко цѣнитъ ея достоинство и глубоко чувствуетъ свою нищету и нужду въ небесной помощи. Смиренная душа жаждетъ и ищетъ помощи небесной и помощь подается ей. Смиренная душа открыта для росы небесной и эта роса нисходитъ на нее. „Подчиняясь другъ другу, говоритъ апостолъ, облекайтесь смиренномудріемъ, потому что Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать“ (1 Петр. 5, 5). Чудное дѣло, но дѣло вѣрное: въ глубинѣ смиренной души, помимо ея сознанія, благодать совершаетъ изумительныя дѣла, и незримо расширяетъ дѣятельность ея даже на окружающую область; смиренная душа какъ будто сокращаетъ всю свою дѣятельность и молчитъ, пораженная чувствомъ своихъ немощей;—а между тѣмъ совершаются великія дѣла и въ ней и около ея, силою всесильной благодати. „Въ одинъ день мы сидѣли и бесѣдовали съ братомъ о пользѣ душевной, такъ говорилъ старецъ блаж. Іоанну Моску. Я вспомнилъ слова аввы Пимена: пусть каждый постоянно укоряетъ себя во всемъ. Тогда братъ сказалъ мнѣ: я на опытѣ дозналъ плодъ, какой доставляютъ эти слова. Одинъ діаконъ лавры былъ мнѣ искреннимъ другомъ. Не знаю, съ чего взошло ему подозрѣвать меня въ поступкѣ, сильно огорчившемъ его, и онъ сталъ смотрѣть на меня печально. Видя его печальнымъ, я началъ разузнавать отъ него о причинѣ скорби. Онъ сказалъ мнѣ, что ты сдѣлалъ такое-то дѣло. Такъ какъ я совсѣмъ не зналъ сего дѣла: то началъ успокоивать его и говорить, что не знаю, чтобы сдѣлалъ я это. Онъ сказалъ: нѣтъ, я не спокоенъ. Возвратясь въ мою келлію, я началъ испытывать мое сердце, не допустилъ ли я чего такого? И ничего не находилъ. Посему, когда онъ держалъ въ рукахъ святую чашу и раздѣлялъ братіямъ: подошелъ и я къ нему и клялся предъ самою чашею, что я не знаю за собою такого дѣла. Но и тѣмъ не удовлетворилъ я его. Обратясь къ себѣ и повторяя въ памяти слова св. отцевъ, съ вѣрою къ нимъ я обратился къ своему помыслу и сказалъ въ себѣ самомъ: діаконъ сильно любитъ

меня и по любви сказалъ мнѣ, дабы я былъ трезвъ, бдителенъ и впередъ смотрѣлъ за собою. Но, ты, несчастная душа моя, которая говоришь, что не сдѣлала сего, безъ числа творила грѣхи и они сокрыты отъ тебя. Гдѣ то, что ты сдѣлала вчера, назадъ тому третій день и за десять дней? Вспомни, если можешь. Ты сдѣлала и это, какъ многое другое: но оно скрылось отъ тебя, какъ и многое прежнее. Такъ расположилъ я мое сердце, и началъ благодарить Бога, благодарилъ и діакона, чрезъ котораго Господь удостоилъ меня познать грѣхъ и принесть покаяніе. Вставъ, пошелъ я съ такими мыслями къ діакону просить прощенія у него. Лишь только толкнулъ я въ дверь его, онъ, вдругъ отворяя, первый поклонился мнѣ и говорилъ: прости меня,—Господь извѣстилъ меня, что ты невиненъ“ [1]).

Вотъ что значитъ довѣріе и недовѣріе къ себѣ!

Святое писаніе—свѣтъ путямъ нашимъ. Но и этотъ свѣтъ преломляется и измѣняется въ душѣ моей отъ ея нечистыхъ испареній. Надобно, чтобы благодать Божія очищала душу мою; надобно, чтобы небесный свѣтъ исцѣлилъ умный взоръ мой. Тогда, только тогда буду вѣрно видѣть себя и пути заповѣдей Божіихъ, въ приложеніи ихъ ко мнѣ. Когда же это будетъ? До гроба остается быть недовѣрчивымъ къ себѣ.

„Сказалъ къ нѣкоторымъ, которые—унижали другихъ“ (обличеніе Лук. 18, 9).

Какъ не рѣдко приходится видѣть себя въ ряду уничижающихъ другаго! Самые лучшіе поступки сосѣда кажутся мнѣ малостію. А инымъ изъ нихъ не легко пріискиваю названіе, чтобы заклеймить ихъ позоромъ.

Униженіе другаго—тоже ли, что вѣрная и смиренная оцѣнка поступка худаго? Нѣтъ. Худаго не надобно называть хорошимъ ни для себя, ни для другаго. Когда показываютъ себѣ несправедливое въ другомъ, для своей предосторожности, а другому съ желаніемъ лучшаго для него: это—дѣло и справедливое и доброе; особенно оно свято въ начальникахъ и родителяхъ, въ воспитателяхъ и пастыряхъ: ихъ главный долгъ вразумлять подвѣдомыхъ имъ. Совсѣмъ другое дѣло—переиначивать поступки другаго, хулить и осуждать другаго, безъ основаній и съ страстію.

Что значитъ страсть унижать другаго? Прежде всего душу испорченную. Бросьте, какую угодно, вещь въ сосудъ вонючій: эта вещь также будетъ издавать худой запахъ. Точно тоже бываетъ съ поступками другаго въ душѣ моей. Дурной человѣкъ думаетъ, что

---

[1]) Лугъ духовный гл. 216.

на свѣтѣ вовсе нѣтъ добрыхъ людей. Воръ считаетъ и другихъ ворами; лицемѣръ не допускаетъ, чтобы были люди искренно благочестивые; рабъ плоти не хочетъ вѣрить, чтобы можно было сохранять непорочность души и тѣла. Заглушивъ въ себѣ небесную любовь къ добру, худые люди не ожидаютъ добраго и отъ другихъ и на все видимое добро кладутъ свое клеймо.—Можетъ ли такъ думать искренно—благочестивая душа? О! нѣтъ. По ея убѣжденію, есть образъ Божій въ человѣкѣ, попорченный, потемнѣнный, но благодатію небесною возвращаемый въ свою красоту; какъ же не ожидать всего лучшаго отъ такого созданія? Если я не становлюсь лучшимъ, при помощи благодати, если мои дѣла проникнуты худыми намѣреніями: это—мое дѣло; почему думаю я, что и другіе—таковы же? Душа брата—храмъ закрытый для меня. Пусть вижу я дѣла брата: но вижу ли расположенія души его? А расположенія очень много значатъ въ дѣлѣ: онѣ измѣняютъ характеръ поступка. Пусть въ прошлыя минуты братъ мой грѣшилъ по слабости: но знаю ли я, что въ эти онъ—не радость ангеламъ?

Христіанство требуетъ отъ насъ не унижать, а уважать каждаго, какъ созданіе Божіе, какъ того, кто купленъ кровію Сына Божія и освященъ благодатію Духа святаго. Унижать другаго, кто бы онъ ни былъ, значитъ оказывать пренебреженіе къ Тому, кто столько почтилъ человѣка своею любовію и дарами. „Почитайте всѣхъ“ (1 Петр. 2, 17), говоритъ ап. Петръ. „Что ты осуждаешь брата твоего? Или что ты укоряешь брата твоего“? (Рим. 14, 1, 10) говоритъ ап. Павелъ.

Презирать другаго можетъ гордость, слѣпая въ отношеніи къ намъ самимъ, и жестокая къ другому. Она выставляетъ насъ предъ нами въ лучшемъ видѣ и она же заставляетъ смотрѣть съ презрѣніемъ немощнаго брата. Для нее весело стоять въ величественной позѣ судіи и произносить суровый приговоръ другому; для нее весело топтать ближняго въ грязи и уничтожать его. Чѣмъ ниже другіе, тѣмъ выше она себя видитъ и это тѣшитъ ее. Осмѣлься другой указать пятно въ жизни гордаго; осмѣлься оказаться помѣхою честолюбивымъ, хотя и вреднымъ, видамъ его: жизнь ваша тогда залита грязью, по милости оскорбленной гордости; и слова и дѣла ваши перевернуты на изнанку и вамъ не слѣдуетъ жить на землѣ. Такъ рѣшила гордость.—Какая жестокость къ другому! какое ослѣпленіе въ отношеніи къ себѣ! Привычка унижать другаго есть дѣло души вовсе—неозабоченной собственнымъ своимъ спасеніемъ и совсѣмъ незнакомой съ собою. Кто внимателенъ къ себѣ: тотъ сознавая въ себѣ свои недостатки, грѣхи, глупости, считаетъ себя ниже другихъ; онъ вѣрно умѣетъ оцѣнивать и душевныя болѣзни брата,

тогда какъ гордость не понимаетъ ни себя, ни другихъ. „По смиренномудрію, говоритъ намъ апостолъ, почитайте одинъ другаго лучшимъ себя“ (Фил. 2, 3). Истинные рабы Христовы знаютъ по опыту, какъ трудно бороться съ страстями и какъ, при всемъ желаніи не дѣлать худаго, легко допускается худое; потому они снисходительны къ другому и строги только къ себѣ.

Какъ опасно, какъ страшно быть строгимъ судьею другаго! „Какимъ судомъ судите, такимъ судимы будете и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить“ (Матѳ. 7, 2). Если вы безъ снисхожденія смотрите на ошибки брата, если вы добрыя качества его умышленно пропускаете мимо глазъ или подвергаете сомнѣнію намѣренія ихъ: то строгъ и къ вамъ будетъ судъ небесный. Многое въ дѣлахъ вашихъ кажется для васъ порядочнымъ и даже рѣдкимъ; такъ смотрятъ на это и люди сторонніе. Но что, если Господь, зрящій сердца, со всею строгостію будетъ судить тайныя побужденія дѣлъ вашихъ? Не придется ли вамъ испытать казнь убійцъ и любодѣевъ? О! Боже мой! Открой мнѣ очи на собственное гнилое сердце мое, дабы не унижалъ я брата моего.

Какой это тяжкій грѣхъ—уничиженіе брата! Что я дѣлаю, осуждая брата моего? Кто далъ мнѣ право судіи надъ братомъ? Не Ему ли, Господу міровъ, принадлежитъ право судить и осуждать помышленія и дѣла человѣческія? Ближній мой—братъ мнѣ, но не слуга мой; онъ—Божій рабъ. Богу онъ и отвѣчаетъ за свою жизнь, а не мнѣ (Рим. 14, 4). Какъ же осмѣливаюсь я принимать на себя право, вовсе не принадлежащее мнѣ? Какъ осмѣливаюсь отнимать у Бога право судіи людей? Какая это дерзость наглая противъ Владыки и Бога моего! Если бы принялъ я на себя высокое званіе царя: меня осудили бы какъ презрѣннаго самозванца. Что же будетъ со мною, если предъ очами Вездѣсущаго беру на себя право принадлежащее Ему одному? О! Боже мой! Прости мнѣ слѣпую дерзость мою. Апостолъ учитъ насъ всѣхъ: „не судите прежде времени, пока не придетъ Господь, который освѣтитъ скрытое въ мракѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія; и тогда всякому похвала будетъ отъ Бога“ (1 Кор. 4, 5). Разъ Исаакъ Ѳивскій, находясь въ сосѣднемъ монастырѣ, осудилъ инока за нерадивую жизнь. Эта самолюбивая мысль такъ заняла сердце Исаака, что онъ и возвращаясь въ свою келью не переставалъ разбирать и осуждать поступки брата.—Когда же подошелъ онъ къ своей кельѣ, въ дверяхъ явился ему ангелъ и строго сказалъ: „Спаситель повелѣлъ мнѣ узнать отъ тебя, что должно сдѣлать съ тѣмъ инокомъ, который осужденъ тобою“? Исаакъ почувствовалъ всю виновность свою и павъ предъ ангеломъ, закричалъ: согрѣшилъ я, беззаконновалъ, не-

правдовалъ! Помолись за меня Спасителю міра. „Встань, сказалъ ангелъ, на этотъ разъ Господь прощаетъ тебя, но впредь страшись осуждать твоего брата, прежде нежели Господь осудитъ его“.

Когда видимъ въ комъ нибудь нѣчто дѣйствительно нехорошее не будемъ одобрять того, но не будемъ и произносить надъ тѣмъ приговора судебнаго. Любовь терпитъ и извиняетъ все, что только должно быть терпимо; она никогда не переиначиваетъ дѣлъ другаго,—страшась лжи. Она можетъ молиться за другаго, но не унижать его; она можетъ скорбѣть объ ошибкѣ другаго, но не утѣшаться тѣмъ, что, другой ошибся; она можетъ желать исправленія другому, но не погибели ему.

ОТДѢЛЕНІЕ XII-е.

Р Ѣ Ч И.

РѢЧЬ

ПРИ ПЕРВОМЪ ПОСѢЩЕНІИ ЕДИНОВѢРЧЕСКАГО ЗЫБКОВСКАГО ХРАМА.

Господу благодареніе, что на мѣстахъ вражды, столько неугодной Ему, вижу водвореніе мира—дара благодати Его,—на мѣстахъ ненависти къ святынѣ Божіей вижу искреннее благоговѣніе къ порядку, устроенному не людьми. Да воздастъ вамъ, братія, Господь Богъ дарами благодати за то утѣшеніе, которымъ полна душа моя, смотря на нелицемѣрное благочестіе ваше!

Недавно посѣщалъ я бывшій монастырь казанскій. Искренно говорю вамъ, братія мои: тяжкія, горькія чувства тяготили душу мою, когда осматривалъ его. На что ни смотрѣлъ я, вырывался изъ глубины души вопросъ: и это—монастырь? И это—обитель лучшаго порядка нравственнаго? Отъ каждой кельи выходъ въ селеніе мірское! Значитъ, каждая живущая шла, куда хотѣла, и жила, какъ хотѣла. Никакому начальству, никакому надзору—тутъ дѣлать нечего. Кучки сельскихъ избъ—монастырь! Ни трудовъ общаго послушанія, ни общей трапезы—и слѣдовъ нѣтъ. Нѣтъ, это—не монастырь это—насмѣшка духа злобы надъ святымъ именемъ монастыря.

Нѣтъ, вовсе не того желали, не то устроляли св. начальники монастырской жизни,—св. Ѳеодоръ Студитъ, св. Аѳанасій аѳонскій. Боже мой! Боже мой! до чего доходитъ ослѣпленіе людей? „Что это за погань—младенецъ, рожденный въ дѣвичьемъ монастырѣ и утопленный въ колодезѣ? Вотъ погань-то: въ Зыбкой пелена съ четвероконечнымъ крестомъ найдена въ колодезѣ". Такъ говорила питомица здѣшнихъ наставниковъ! Невольно припоминается пророчество апостола: *послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати ихъ лжи* (2 Сол. 2, 11). Не страшную ли ложь принимали и передавали эти люди? Кто бы могъ подумать, чтобы убійство людей, грабежи, разбои, ненаказываемыя злодѣйства могли быть выхваляемы наставникомъ спасенія душевнаго? А это было у здѣшнихъ учителей раскола. Для чести человѣчества не хотѣлось бы вѣрить, что это было; но цѣлъ письменный памятникъ. Безстрашно обращая на злое слова Господа, здѣшній наставникъ писалъ: „ангелу воронковской церкви напиши: вѣмъ твоя дѣла и трудъ твой, его же подъемлеши на избіеніе трудниковъ и старцевъ, хотящихъ разрѣшитися отъ суетнаго міра сего и пріяти вѣнцы со отцы брынскими. Сего ради зѣло накажутся поносящіе твое имя, хлопальщики, млатобойщина.—Дерзай чадо мое возлюбленное, и не преставай умножати число мучениковъ: никто тя не одолѣетъ ни въ судахъ стародубскихъ и губернскихъ, ни въ лѣсахъ и борахъ машевскихъ, гдѣ подвижники твои назираютъ проѣзжихъ щепотниковъ и надъ ними *мясничаютъ*". Ужасъ поражаетъ душу и проникаетъ до костей при размышленіи о такой проповѣди! Скажите, чего добраго можетъ ожидать даже гражданское общество отъ такихъ людей? Или какой смыслъ человѣческій можетъ оправдать терпимость въ отношеніи къ такимъ людямъ? Не скажутъ ли нынѣшніе чада раскола, что у нихъ теперь нѣтъ того? О, стоитъ только дать полную волю, дѣти далеко превзойдутъ отцевъ своихъ! Въ этомъ порука—жизнь дѣтей, только да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ.

Любовь—дѣло святое, любовь—отличіе истинныхъ христіанъ. Но кому не извѣстно, какія разногласія между называемыми согласіями раскола? Одинъ толкъ до того отвращается другаго, что считаетъ осквернѣніемъ ѣсть и пить съ другимъ изъ однихъ и тѣхъ же сосудовъ. Въ спорахъ между учителями толковъ—такая брань, такая злость, такое изступленіе, что невольно говоритъ душа: тутъ нѣтъ христіанства.

Апостолъ предсказалъ: *здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотемъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ* (2 Тим. 4, 3). Не выполняется ли это въ расколѣ? Малограмотные міряне, ничему не учившіеся, кромѣ азбуки, и знакомые только съ мірскимъ

плутовствомъ,—пастыри духовнаго стада! Поручаютъ ли сокровище слугѣ, обокравшему прежняго своего господина? Честный человѣкъ съ негодованіемъ смотритъ на блуднаго сына, своевольно оставившаго домъ родительскій и безпутно живущаго на чужой сторонѣ. А расколъ принимаетъ только тѣхъ священниковъ, которые убѣгаютъ изъ дома Отца небеснаго, изъ церкви Божіей. Казалось бы, какъ не видѣть простой истины, что если принимаютъ бѣглыхъ священниковъ, почему не принять небѣглаго? Если признаютъ освящающее дѣйствіе архипастыря въ лицѣ бѣглаго священника, почему чуждаются того же самаго архипастыря? Почему не принимаютъ посылаемаго имъ лучшаго священника? *Здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотемъ изберутъ учители, чешеми слухомъ.* Вотъ апостольское объясненіе дѣламъ раскола! Расколъ принимаетъ и прогоняетъ наставниковъ по одному своему произволу; произволъ гуляетъ у него безъ узды. Хочу то, и не хочу другаго,—вотъ законъ дѣлъ его! Пусть то, чего хочетъ онъ,—мелко, пусто или даже гнусно,—до того нѣтъ дѣла. *Здраваго ученія* онъ не слушаетъ. Оттого и неисчислимое число толковъ раскольничьихъ. Наемникъ за деньги продаетъ святыню, и наемникъ самый безчестный, купленный заклятыми врагами православія, заклейменный запрещеніемъ святѣйшаго патріарха: „давай намъ, говорятъ, этого наемника, онъ по насъ, онъ намъ стрижетъ поповъ, какихъ хотимъ“. Видите, имъ нужны слуги произволовъ ихъ и не нужны слуги Божіи; что имъ до честныхъ тружениковъ нивы Божіей? Какое страшное ослѣпленіе! Укажу еще на одно: не здѣшніе ли братія, болѣе, чѣмъ за полстолѣтіе предъ симъ принимали и превозносили благословенное священство? Не здѣшніе ли братія—Никодимъ, Виталій, Герасимъ и многіе другіе? Они вводили благословенное священство и въ Малиновомъ монастырѣ, и въ Никодимовой пустынѣ, и въ Покровскомъ монастырѣ, и въ Казанскомъ монастырѣ, и въ Климовой, и въ Зыбкой! Отчего-жъ потомъ совсѣмъ другое было? *Здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотемъ изберутъ учители, чешеми слухомъ.* Вотъ единственно-вѣрное объясненіе! Другаго не найдете.

Братія! Кому назначенъ адъ? Своеволію! Охъ! страшитесь своеволія во всемъ, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ вѣры.

Благодать Отца и Сына и св. Духа да будетъ съ вами! Аминь.

РѢЧЬ ВЪ НАЧАЛѢ КРЕСТНАГО ХОДА

СЪ ДУБОВИЧСКОЮ ИКОНОЮ БОГОМАТЕРИ.

Благословенъ Богъ! Пречистая грядетъ посѣтить села и градъ торговли. *Откуду сіе бысть?* Не страдалецъ ли отчизны, мученически умершій за край сей, испросилъ у пречистой эту благодать? Слава милости небесной къ намъ грѣшнымъ!

Пречистая грядетъ! Каковыми же надобно быть сопутствующимъ Ей!

На дняхъ читалъ я въ древнемъ житіи пр. Павла обнорскаго слѣдующее. Одинъ разслабленный, не одинъ годъ лежавшій недвижимымъ, ночью призывалъ помощь небесную. Вдругъ хижина его освѣтилась свѣтомъ дневнымъ. Входитъ Пречистая; отъ лица Ея исходили лучи солнечныя, ризы Ея блистали какъ бы молніею. Сзади Ея шелъ въ благоговѣніи глубокомъ старецъ, держа рукою клобукъ,—пр. Павелъ. Такова слава Богоматери!

О! надобно быть намъ благоговѣйными болѣе, чѣмъ пр. Павлу, предъ Пречистою.

Не хочется мнѣ думать, чтобы Пречистой не захотѣли сопутствовать очень многіе. Желаю и того, чтобы сопутствовали достойно.

Какъ же это можетъ быть? Пусть каждый испытываетъ свою совѣсть, каковъ онъ есть и каковымъ долженъ быть.

Знатенъ ли кто или богатъ, въ чинахъ или на дорогѣ къ чинамъ и деньгамъ, объ этомъ не мѣсто мечтать. Предъ небомъ земное величіе—ничтожно; тамъ требуютъ другихъ преимуществъ; тамъ Лазарь покрытый струпьями и лохмотьями принимается ангелами. Мало того,—туда богатымъ и славнымъ трудно и попасть. Отчего? Счастіе земное рѣдко не ослѣпляетъ людей гордостію и часто уклоняетъ ихъ на пути порока и неправды. Много надобно борьбы и подвиговъ, много слезъ и строгости къ себѣ, чтобы наслаждаясь многимъ здѣсь имѣть еще, что получить и тамъ. Такова доля земной знатности! Не для чего выставлять ее на показъ предъ Пречистою, развѣ только съ тѣмъ, чтобы поплакать о ней.

Кто бы ты ни былъ сопутствующій: надобно тебѣ быть христіаниномъ. Дѣло не отмѣнимое ни для кого и ни для чего, дѣло важное предъ лицемъ неба и самое необходимое для насъ. Такъ возвѣстили намъ пророки и апостолы,—посланники неба! Такъ сказалъ самъ Сынъ Божій! Итакъ испытывай себя: христіанинъ ли ты?

Чего требуетъ отъ насъ христіанство? Оно требуетъ, чтобы содержали мы вѣру правую въ Христа Іисуса, какая открыта намъ въ словѣ Божіемъ и преданіи церкви. Знаешь ли ты св. вѣру? „Мы люди темные, говорятъ,—откуда намъ знать вѣру“? Какъ? называютъ себя людьми темными, а заботятся ли о томъ, чтобы не быть темными? Ходишь ли ты въ храмъ Божій? Если бы ты усердно посѣщалъ храмъ Божій и не пропускалъ мимо ушей и души, что читаютъ и поютъ въ храмѣ: ты многое узналъ бы тамъ о вѣрѣ. Не нужнаго для вѣчнаго спасенія души ты много знаешь,—не правда ли? Не смотря ни на какія помѣхи дѣлъ житейскихъ, ты слушаешь разсказы людей развратныхъ, слушаешь бабьи басни и вымыслы воображенія нечистаго: а слушать, что читаютъ и поютъ въ храмѣ Божіемъ, у тебя нѣтъ ни времени, ни охоты. О! плачьте предъ царицею небесною о вашей безпечности относительно св. вѣры. Государь побуждаетъ священниковъ учить дѣтей вашихъ, чтобы онѣ не были людьми темными, какъ вы. Помогаете ли вы священникамъ учить дѣтей? Нѣтъ и дома, гдѣ бы учить дѣтей и—вы о томъ не заботитесь, какъ будто идетъ дѣло не о вашихъ дѣтяхъ. Именемъ Господа прошу васъ—не отягчайте совѣсти вашей такимъ нерадѣніемъ, твердо знайте, что вы будете отвѣчать на судѣ Божіемъ и за ваше невѣжество и за невѣжество дѣтей вашихъ.

Чего требуетъ отъ насъ христіанство? требуетъ, чтобы мы жили въ чистотѣ и цѣломудріи, въ трезвости и воздержаніи, чтобы были кротки и покорны властямъ, незлобивы и снисходительны къ ближнему. Званіе христіанина требуетъ, чтобы мы не только не давали воли надъ собою страстямъ, но отсѣкали въ себѣ и желанія худыя и мысли порочныя въ самомъ ихъ началѣ.—Званіе христіанина требуетъ, чтобы не только не брали мы чужаго, не только не обижали сосѣда, но уступали и свое въ молчаніи кроткой любви. Званіе христіанина требуетъ, чтобы мы жили не для себя, а для славы имени Божія, славили и благодарили Господа за Его благодѣянія, посвящая Ему и время и плоды трудовъ нашихъ.

Осмотритесь же, христіане ли вы? Исполняете ли вы, чего требуетъ высокое званіе христіанина? Кротки ли вы? Цѣломудренны ли? Простодушны ли, какъ дѣти, или коварны и злопамятны? Отвѣчайте себѣ на то предъ царицею небесною. Отвѣчайте, употребляете ли вы не седьмую, а сотую долю жизни вашей въ славу имени Божія, на приготовленіе себя къ вѣчности, на покаяніе въ грѣхахъ?

Если ты будешь радоваться предъ царицею небесною за освобожденіе отъ быта крѣпостнаго, благодарить небо за облегченіе земной доли,—дѣло христіанское! И о, еслибы живо чувствовали величіе благодѣянія, дарованнаго благостію царя и любовію христіан-

скою! Но помните, что христіаниномъ можетъ быть и рабъ: сколько прославленныхъ страдальцевъ вѣры было не только изъ числа рабовъ, но еще рабовъ, обремененныхъ оковами и терпѣвшихъ кровавыя истязанія! Напротивъ, если пользующійся тѣлесною свободою проводитъ время въ лѣности и праздности, въ пьянствѣ и развратѣ, въ своеволіи и буйствѣ: христіанинъ ли онъ? О! страшная ждетъ его участь за посрамленіе въ себѣ имени христіанскаго.

Помните это. Вы можете не выполнять требованій христіанства, можете жить, какъ хотите, вовсе не по христіански. Церковь, не такъ какъ міръ, не принуждаетъ никого къ добродѣтели, не гонитъ никто насильно въ царство небесное. Пастырь по долгу своему напоминаетъ вамъ о вашихъ обязанностяхъ: обличительный голосъ евангелія звучитъ въ ушахъ вашихъ. Въ вашей волѣ выполнять или не выполнять заповѣди христіанства. Но безумно думать, если думаютъ, будто намъ всегда позволятъ жить по своей волѣ. Царь небесный долготерпѣливъ, но Онъ вѣченъ и мы безсмертны. Съ смертію кончится время долготерпѣнія Божія и послѣдуетъ воздаяніе правды. Горе тѣмъ, которые живутъ не по христіански! Ихъ ожидаетъ вѣчное удаленіе во тьму кромѣшнюю, къ адскимъ полчищамъ сатаны, начальника противниковъ воли Божіей.

Пречистая грядетъ! Встрепенитесь. По примѣру Сына Своего и Господа Она видитъ, какъ одинъ приближается къ ней съ нечистотою плотскою, другой съ душею жадною до корысти и кровавыхъ обидъ—и всѣмъ даетъ лобызать пречистый ликъ Свой. Почему не мститъ? Ожидаетъ, какъ и Сынъ Ея, нашего покаянія и исправленія. Кайтесь, кайтесь, пока есть время. Аминь.

РѢЧЬ

НА ЯРМОРОЧНОЙ ПЛОЩАДИ Г. КРОЛЕВЦА ПРЕДЪ ДУБОВИЧСКОЮ ИКОНОЮ БОГОМАТЕРИ.

Благословенъ Богъ! Пречистая посѣтила градъ. Торгующіе желали того и желаніе исполнено. Благословенъ Богъ!

Остается молиться Пречистой, чтобы принимать дары Милосердой.

Какое множество людей увидѣли бы мы, если бы явились теперь всѣ получавшіе милость отъ лика Владычицы! Какое велико-

лѣпное слово вышло бы, если бы каждый разсказалъ только, какъ страдалъ онъ тѣломъ и душею и какъ избавился отъ бѣдъ помощію Пречистой!

Сынъ Пречистой приготовилъ для вселенной побѣду надъ грѣхомъ и смертію. Пречистая, облеченная благодатію Его, являетъ эту побѣду въ дѣлахъ своихъ для людей. Сынъ—любовь вѣчная, распявшаяся за людей. Матерь его съ тою же любовію печется о возлюбленныхъ Сыномъ Ея.

Идите къ Матери всѣ больные и страждущіе, всѣ тѣснимые землею и злостію людей, всѣ отягченные грѣхами и страстями. Она—покровъ для всѣхъ.

Для всѣхъ, но не для меня, говоритъ лежащій 30 лѣтъ на одрѣ болѣзни тяжкой. Нѣтъ и для тебя, другъ мой; только осмотрись. Молишься ли ты Пречистой? Если ты выучился молиться: не даръ ли это неба? Если ты выучишься такъ молиться, какъ молились святые: не захочешь ты и самъ разстаться съ одромъ твоимъ,—ты узнаешь, что одръ твой—лучшее училище добра, самый надежный чертогъ благодати.

Да, братія, если Пречистая не избавляетъ иныхъ отъ бѣдъ и скорбей: то оттого, что для нихъ скорби гораздо полезнѣе радостей и утѣхъ земныхъ. Духъ благочестія, духъ вѣры и добродѣтели растетъ и укрѣпляется въ насъ слезами и терпѣніемъ; сласти земныя, богатство, почести рѣдкихъ не разслабляютъ, большая же часть засыпаетъ въ грѣхахъ подъ ихъ ласкающимъ вѣяніемъ. Вѣчность откроетъ намъ во всей ясности и полнотѣ, какое великое счастіе для нашихъ больныхъ душъ—временныя скорби.

Надобно ли же молиться объ избавленіи отъ скорбей времени? Надобно. „Хлѣбъ насущный дай намъ нынѣ; избави насъ отъ непріязни“, такъ молимся мы по наставленію самаго Господа. Ясно, что молитва о поданіи нужнаго для временной жизни, молитва объ избавленія отъ бѣдъ жизни—молитва святая, угодная небу. Бѣды жизни опасны для слабой души нашей и иногда сильно вредятъ ея здоровью. Итакъ для спасенія души нашей должны мы просить избавленія отъ бѣдъ.

Нынѣ много надѣятся на себя, на свои открытія въ природѣ, на усовершенствованныя умомъ средства къ жизни. Но не оттого ли, что много надѣятся на себя, такъ много и страдаютъ? Не оттого ли, что въ надеждѣ на землю не призываютъ въ помощь небо, столько бѣдъ терпятъ отъ земли? Хвалятся усовершеніемъ мануфактуръ и путей сообщенія, а въ торговлѣ—застой; въ восторгѣ отъ новыхъ мѣръ финансовыхъ, а денегъ нѣтъ; то и дѣло говорятъ объ успѣхахъ гражданственности, о любви къ человѣчности, а разруши-

тельная безнравственность растетъ и растетъ. Что это такое происходитъ? О! Боже нашъ! Ты славы Своей не даешь никому и гордости не терпишь въ людяхъ. Если мы забываемъ о Тебѣ, если мы не просимъ помощи Твоей для дѣлъ нашихъ, въ гордой надеждѣ на самихъ себя: что можетъ быть въ дѣлахъ нашихъ, кромѣ разстройства и печальныхъ безпорядковъ? Иного никогда не бывало: такъ говорятъ опыты вѣковъ. Иному и быть нельзя. При нашей близорукости, при порчѣ всей природы нашей хотятъ быть независимыми властителями надъ міромъ, не ослѣпленіе ли это жалкое? Страсти, не сдерживаемыя страхомъ Божіимъ, не утишаемыя благодатію молитвы, вводятъ во всѣ ходы жизни, во всѣ состоянія и званія грозное опустошеніе. Матерь свѣта и истины! Посли свѣтъ Твой заблуждающимся! Братія! Много надо намъ молиться, много плакать и скорбѣть, чтобы Милосердая дала прозрѣть слѣпымъ и исцѣлила больныя мечтательною гордостію сердца.

Матерь Божія готова на помощь къ намъ. Но надобно, чтобы мы не оскорбляли, а утѣшали Ее. Чѣмъ можешь утѣшать Ее? Усердною молитвою, раскаяніемъ въ грѣхахъ, дѣлами милости и правды. Торгующіе! остерегайтесь лгать, будьте честны въ торговлѣ, требуйте награды за трудъ вашъ, но не алкайте лишняго. Тогда Матерь Божія съ улыбкою будетъ взирать на васъ и по молитвѣ вашей подастъ вамъ успѣхъ въ дѣлѣ вашемъ. Жители града сего! Дорожите посѣщеніемъ Матери Божіей: остерегайтесь дѣлать худыя дѣла предъ лицемъ Ея, почтите ее дѣлами святыми, угодными небу. Тогда благодать небесная низойдетъ на васъ. Аминь.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.

Стр.

1. Слово на Рождество Христово *о значеніи ангельской пѣсни* 5
2. Слово на Рождество Христово *о суетѣ подражанія правиламъ міра* . 9
3. Слово на Рождество Христово *о несогласіи жизни съ знаніями и примиреніи ихъ* 14
4. Слово на новый годъ и обрѣзаніе Господне: *полезно ли для насъ знать будущее?* 19
5. Слово на новый годъ: *въ руку Твоею жребій мой* 22
6. Слово на новый годъ: *только въ христіанствѣ возможно совершенствованіе* 27
7. Слово въ навечеріе новаго года: *о чемъ говоритъ предѣлъ двухъ годовъ?* 32
8. Слово въ день Богоявленія: *о Богоявленіяхъ* 37
9. Бесѣда въ день Срѣтенія Господня (Лук. XI, 36—38) 41
10. Бесѣда въ день Срѣтенія Господня (Лук. XI, 22—35). 47
11. Слово въ великій пятокъ *о любви пострадавшей за всѣхъ* . . . 54
12. Слово въ великій пятокъ *о тайнѣ страждущаго Богочеловѣка* . . 59
13. Слово въ великій пятокъ: *за что пострадалъ Іисусъ Христосъ?* . . 63
14. Слово въ первый день Пасхи: *воскресеніе Спасителя есть одно изъ твердыхъ основаній вѣры, надежды и любви* 68
15. Бесѣда на вечерни перваго дня Пасхи (Іоан. XX, 19—25) 75
16. Бесѣда на второй день Пасхи: *во гробѣ плотски* и пр. 81
17. Слово въ день вознесенія Господня въ хорошевскомъ монастырѣ: *зачѣмъ нѣкоторые удаляются въ пустыни* 86
18. Слово въ день вознесенія Господня: *значеніе вознесенія Господня* . . 89
19. Слово въ день вознесенія Господня: *горняя мудрствуйте, а не земная* . 93
20. Слово въ день вознесенія Господня: *о долгѣ возноситься на небо* . . 97
21. Бесѣда въ день пятидесятницы (Дѣян. II, 1—13). 101
22. Слово въ день св. Духа: *духа не угашайте* 107
23. Слово въ день св. Духа: *сравненіе дѣйствій духа, иже отъ Бога, съ дѣйствіями духа міра* 115
24. Слово въ день св. Духа: *какъ готовились апостолы къ принятію св. Духа?* 119
25. Слово въ день Преображенія Господня: *о значеніи скорбей для счастія.* 123
26. Слово въ день Преображенія Господня: *что должна производить въ насъ мысль о преображеніи Господа?* 126
27. Слово въ день Преображенія Господня: *важность иноческаго общежитія* 133
28. Слово въ 16 день августа: *о горячемъ усердіи къ Богу* 136
29. Слово въ 16 день августа: *благое употребленіе зрѣнія* 139
30. Слово въ день воздвиженія креста Господня: *Христосъ распятый Божія сила и Божія премудрость* 143

ОТДѢЛЕНІЕ II.

СЛОВА НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМОВЪ.

1. По освященіи храма въ г. Венденѣ: *о нуждѣ въ храмѣ* 147
2. По освященіи храма въ загородномъ домѣ епископа: *почему надобно желать храма?* 153
3. По освященіи обновленнаго храма въ г. Ригѣ: *о почитаніи св. иконъ* . 158
4. По освященіи храма въ с. Богодаровкѣ: *о томъ, какъ надобно пользоваться храмомъ* 162
5. По освященіи храма въ николаевскомъ монастырѣ: *о благотворномъ дѣйствіи молитвы на душу* 165
6. По освященіи храма въ слоб. Андреевкѣ, въ мѣстѣ военнаго штаба: *о силѣ молитвы* 169
7. По освященіи храма въ с. Никитовкѣ: *почему молитвы иногда остаются безъ исполненія?* 174
8. По освященіи храма въ г. Сумахъ: *о качествахъ молитвы* 178
9. По освященіи храма въ г. Сумахъ: *о предметахъ молитвы* 182
10. По освященіи кладбищнаго храма въ г. Сумахъ: *о молитвѣ за умершихъ* 186
11. По освященіи храма въ ахтырскомъ монастырѣ *о средствахъ возбуждать и поддерживать молитву* 191
12. По освященіи храма при архіерейскомъ домѣ: *о благочестіи неискреннемъ* 195
13. По освященіи храма въ семинаріи: *пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* 199
14. По освященіи храма въ николаевскомъ монастырѣ: *противъ праздности* 203
15. По освященіи храма въ г. Недригайловѣ: *у христіанина и бѣдность не бѣдна* 207
16. По освященіи храма въ г. Купянскѣ: *объ освященіи праздничныхъ дней* 211
17. По освященіи храма въ г. Харьковѣ: *противъ недовольства своимъ состояніемъ* 215

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ПРАЗДНИКИ БОГОРОДИЧНЫЕ.

1. Слово на рождество Богородицы: *почему должны мы ублажать Богородицу?* 223
2. Слово на день введенія Богоматери во храмъ: *о обязанностяхъ родителей въ отношеніи къ дѣтямъ* 228
3. Слово въ день благовѣщенія Богородицы: *о значеніи имени Іисусъ, возвѣщеннаго архангеломъ* 233
4. Слово въ день успенія Богоматери: *о воскресеніи тѣлъ* 240
5. Слово въ день успенія: *значеніе мысли о безсмертіи для жизни* . . 245
6. Слово въ день успенія: *значеніе неизбѣжной смерти* 249
7. Бесѣда по случаю возложенія драгоцѣнной ризы на чудотворную озерянскую икону Божіей Матери (1 Тим. IV, 8) 252
8. Слово въ день владимірской иконы Богоматери, *противъ вражды пристрастной къ доносамъ* 257

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ДНИ ВОСКРЕСНЫЕ.

1. Бесѣда въ недѣлю женъ мyроносицъ (Марк. XVI, 1—10). . . . 263
2. Слово въ недѣлю 4 по Пасхѣ: *о соблазнахъ* 268
3. Слово въ недѣлю 5 по Пасхѣ: *о соблазнахъ* 274
4. Слово въ недѣлю 6 по Пасхѣ: *о соблазнахъ* 278
5. Слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ на кладбищѣ: *о значеніи кладбищнаго храма во имя всѣхъ святыхъ* 281
6. Слово въ недѣлю 2 по пятьдесятницѣ, при посѣщеніи Дерпта: *не слушателіе закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона* . . . 286
7. Слово въ недѣлю 3: *какія заботы о земномъ преступны?* . . . 290
8. Слово въ недѣлю 6: *о гнѣвѣ* 293
9. Слово въ недѣлю 7: *побѣждай благимъ злое* 297
10. Слово въ недѣлю 9: *грѣхъ есть самое ужасное зло* 301
11. Слово въ недѣлю 11: *о благотворительности* 306
12. Слово въ недѣлю 12: *о поощреніи другъ друга къ добру.* . . . 310
13. Слово въ недѣлю 14: *христіанинъ грѣшникъ неизвинителенъ предъ Богомъ* 314
14. Слово въ недѣлю 16: *справедливо ли, что дѣло не въ дѣлахъ, а въ вѣрѣ?* 320
15. Бесѣда въ недѣлю 17, (Матѳ. XV, 21—28). 324
16. Слово въ недѣлю 18: *отчего мало хотятъ слушать слово Божіе?* . 328
17. Бесѣда въ недѣлю 20: (Лук. VII, 11—16) 334
18. Бесѣда въ недѣлю 21: (Лук. VIII, 4—15) 339
19. Слово въ недѣлю 22: на всенощномъ служеніи: *о богатствѣ* 344
20. Слово въ недѣлю 22: на литургіи; *о богатствѣ* 348
21. Слово въ недѣлю 23: *о долгѣ благодарности* 353
22. Слово въ недѣлю 24: *каждый долженъ болѣе и болѣе возрастать въ добродѣтельной жизни* 358
23. Бесѣда въ недѣлю 26: (Лук. XII, 15—21) 362
24. Бесѣда въ недѣлю 27: (Лук. XIII, 10—17) 368
25. Слово въ недѣлю 28: *каковы отговорки нашего времени отъ званія Божія?* 372
26. Бесѣда въ недѣлю 30: о богатомъ князѣ (Лук. XVIII, 18—29) . . . 378
27. Слово въ недѣлю 31 на всенощномъ служеніи: *противъ злословія* . . 385
28. Слово въ недѣлю 31 на литургіи *противъ злословія* 390
29. Бесѣда въ недѣлю 31: Лук. XIX, 1—10. 394

ОТДѢЛЕНІЕ V.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ДНИ СВЯТЫХЪ И НА ТОРЖЕСТВА.

1. Слово въ день поклоненія веригамъ ап. Петра, въ тюремномъ замкѣ . 399
2. Бесѣда въ день архистратига Михаила: (Матѳ. XIII, 24—43) 403
3. Слово въ день святителя Николая: *о любви къ ближнимъ* 409
4. Слово въ день рождества Іоанна Крестителя: *объ обязанностяхъ возлагаемыхъ крещеніемъ* 413
5. Слово въ день ап. Петра и Павла: *о молитвѣ ко святымъ* . . . 418
6. Слово въ день ап. Петра: *о страданіи праведниковъ* 423
7. Бесѣда въ тотъ же день (1 Тим. IV, 7) 430
8. Бесѣда въ день пр. Сергія, (Іоан. V, 25) 434
8. Бесѣда въ день пр. Ѳеодосія печерскаго: (Матѳ. XI, 28) 439
10. Слово въ день Іоанна Богослова: *о утѣшеніяхъ подаваемыхъ со креста распятымъ Господомъ* 445

11. Слово въ день тезоименитства Государя Императора: *о значеніи именъ православныхъ* 450
12. Слово въ день коронованія Государя Императора: *о страхѣ Божіемъ* 454
13. Слово въ день коронованія: *о вліяніи христіанскаго ученія на благосостояніе государства* 460
14. Слово предъ избраніемъ судей: *надобно быть вѣрнымъ клятвѣ* . . 464
15. Рѣчь при первомъ свиданіи съ харьковскою паствою 467

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

СЛОВА И БЕСѢДЫ ВЪ СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ.

1. Слово въ недѣлю мытаря и фарисея: *не осуждай ближняго.* 473
2. Слово въ недѣлю мясопустную: *о страшномъ судѣ Божіемъ* . . 478
3. Слово въ недѣлю сыропустную: *призываніе къ оплакиванію самихъ себя* 483
4. Слово въ четвертокъ 1-й недѣли поста *о покаяніи* 487
5. Слово въ пятокъ 1-й недѣли поста *о исповѣди* 492
6. Слово въ понедѣльникъ 1-й недѣли поста—*о святости поста* . . 497
7. Во вторникъ 1-й недѣли поста бесѣда I, о блудномъ сынѣ 502
8. Въ среду 1-й недѣли поста бесѣда II. о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 17—20) 506
9. Въ субботу 1-й недѣли поста бесѣда III, о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 21—23) 510
10. Слово въ недѣлю православія *о значеніи церковнаго суда* . . . 514
11. Слово въ недѣлю православія *о необходимости пріобщаться свят. Таинъ* 519
12. Въ 1-ю недѣлю поста бесѣда IV, о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 25—32) . 525
13. Во 2-ю недѣлю поста бесѣда I, на псал. 50 530
14. Во 2-ю недѣлю поста слово *о завистии* 535
15. Бесѣда въ 3-ю недѣлю поста, (Мар. VIII, 35) 539
16. Въ ту же недѣлю бес. II, на пс. 50 544
17. Въ 4-ю недѣлю поста бесѣда III, на псал. 50 548
18. Въ 4-ю недѣлю поста слово *о памятованіи смерти* 551
19. Бесѣда въ 5-ю недѣлю поста. (Марк. X, 35—45) 558
20. Бесѣда въ 5-ю нед. поста на псал. 50 263
21. Бесѣда въ 5-ю недѣлю поста на утрени, о жизни Маріи египетской. . 569
22. Бесѣда въ 5-ю недѣлю поста на литургіи, о томъ же 572

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

СЛОВА—ГЛАСЪ БОЖІЙ КЪ ГРѢШНИКУ.

1. Грѣшникъ долженъ покаяться или онъ погибнетъ 577
2. Чѣмъ начинается и чѣмъ сопровождается равнодушіе къ вѣчности? . 580
3. Пагубныя дѣйствія грѣха на душу въ земной жизни 584
4. Богъ не желаетъ смерти грѣшника 588
5. Божіи призыванія грѣшника къ спасенію 592
6. Грѣшникъ долженъ заботиться болѣе всего о спасеніи своемъ . . . 596
7. Грѣшникъ самъ хочетъ своей погибели 600

8. Неосновательныя причины, которыми грѣшникъ оправдываетъ свое замедленіе въ грѣхахъ 603
9. Еще извиненіе—трудно идти вопреки свѣту 608
10. Еще два извиненія 611
11. Принадлежности покаянія: самопспытаніе 616
12. Сокрушеніе о грѣхахъ, одушевляемое вѣрою и рѣшимость оставить грѣхи 620

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

А) СЛОВО ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ.

Слово 1. Какіе духи явятся душѣ въ загробной жизни? 624
Слово 2. Состояніе души за гробомъ есть ли сонъ или опредѣленное судомъ состояніе? 629
Слово 3. Состояніе души грѣшной до всеобщаго суда 633
Слово 4. Состояніе души до всеобщаго суда можетъ ли измѣняться на лучшее? 637
Слово 5. Состояніе святыхъ до всеобщаго суда 643
Слово 6. Нужда суда всеобщаго 649

Б) СЛОВА НАДГРОБНЫЯ.

1. Слово при погребеніи генералъ-аншефши Маріи Дмитріевны Дуниной . 653
2. Слово при погребеніи генералъ-лейтенанта Воина Дмитріевича Задонскаго 657
3. Слово при погребеніи графини Лидіи Сиверсъ 660
4. Слово при погребеніи графа Николая Васильевича Орлова-Денисова . . 663

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

СЛОВА, БѢСЕДЫ И РѢЧИ КЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ПАСТВѢ.

ОТДѢЛЕНІЕ IX. БЕСѢДЫ О МОЛИТВѢ ГОСПОДНЕЙ:

Бесѣда I. 669
II. 673
III. 676
IV. 676
V. 683
VI. 687
VII. 691
VIII. 694
IX 696

ОТДѢЛЕНІЕ X. СЛОВА О ПРИШЕСТВІИ МЕССІИ:

Слово I. 699
II. 703

Слово III. 706
IV. 710
V. 716
VI. 721
VII. 724
VIII. 731

ОТДѢЛЕНІЕ XI. СЛОВА И БЕСѢДЫ НА РАЗНЫЕ ДНИ И СЛУЧАИ:

1. Въ недѣлю 3-ю по пасхѣ бесѣда о явленіи Господа Савлу 735
2. Въ недѣлю 4-ю по пасхѣ, о христіанской свободѣ 740
3. Въ недѣлю 5-ю о новомъ винѣ въ ветхихъ мѣхахъ 746
4. Въ недѣлю 2-ю по пятдесятницѣ о ложныхъ пророкахъ 748
5. Въ недѣлю 3-ю слово о пытливости 753
6. Въ недѣлю 4-ю 757
7. Слово въ соборномъ храмѣ: когда начинать воспитаніе въ вѣрѣ? . . 761
8. Слово въ топальскомъ храмѣ объ употребленіи дара слова 766
9. Слово въ д. ап. Петра и Павла о безразличіи въ вѣрѣ 770
10. Слово въ сельскомъ храмѣ: что стоите, весь день праздны? 775
11. Слово въ гамалѣевской обители о душевномъ мирѣ 778
12. Въ недѣлю 13 бесѣда о виноградаряхъ 782
13. Въ недѣлю 15-ю бесѣда о законникѣ 788
14. Въ недѣлю 16 слово о вѣрности въ маломъ 793
15. Слово въ день рожденія Іоанна предтечи, противъ нерадѣнія о спасеніи 795
16. Слово въ единовѣрческомъ храмѣ о единствѣ въ вѣрѣ 799
17. Слово о самовольномъ учительствѣ 803
18. Бесѣда объ антихристѣ 808
19. Слово въ д. вѣнчанія на царство Государя Императора о важности вѣры для обществъ 819
20. Слово въ д. воздвиженія креста Господня: объ утѣшеніяхъ при крестѣ 824
21. Слово на освященіе храма: въ домъ Господень пойдемъ 828
22. Слово въ недѣлю 26 умѣнье жить 832
23. Бесѣда на слова: на небо очи мои возвожу 837
24. Бесѣда на слова: душе моя! что спиши? 840
25. Бесѣда на слова: се женихъ грядетъ 843
26. Слово противъ самооправданія и униженія другихъ 847

ОТДѢЛЕНІЕ XII. РѢЧИ:

1. При первомъ посѣщеніи единовѣрческаго зыбковскаго храма 853
2. Въ началѣ крестнаго хода съ дубовичскою иконою Богоматери . . . 856
3. На ярмарочной площади г. Кролевца предъ дубовичскою иконою . . . 858

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ И. Л. ТУЗОВА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

По Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Коровина, № 16, магазинъ № 2.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Азъ есмь, не бойтеся! Голосъ Спасителя къ своимъ ученикамъ посреди бури. Спб. 1872 г., ц. 25 к.

Акаѳистъ Святому Ангелу неусыпаемому хранителю человѣческія жизни. Изданіе пятое, напечатанное на веленевой бумагѣ, двумя красками, гражданской печати. Съ изображен. св. Ангела. Спб. 1883 г., ц. 30 к.

Акаѳистъ Святителю Иннокентію Иркутскому чудотворцу. Изданіе 2-е. Съ изображеніемъ св. Иннокентія. Гражданской печати. Спб. 1873 г., ц. 30 к.

Акаѳистъ Святой великомученицѣ Екатеринѣ. Изд. 3-е. Съ изображеніемъ св. Екатерины. Гражданской печати. Спб. 1875 г., ц. 30 к.

Акаѳистъ Святой мученицѣ Параскевѣ. Гражданской печати. Спб. 1877 г., ц. 30 к.

Алексѣевъ. Систематическій сборникъ сборникъ дѣйствующихъ постановленій по счетоводству и отчетности мѣстъ и властей вѣдомства Святѣйшаго Синода. Спб. 1880 г. ц. 1 р. 50 к.

Анастасій Архим. **Проповѣди.** Спб. 1880 г. 233 стр., ц. 1 р. 50 к. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р.

Отзывъ газеты «Голосъ» № 92, 1880 г. «Проповѣди архимандрита Анастасія», инспектора минской семинаріи, считающагося однимъ изъ замѣчательныхъ современныхъ ораторовъ. Дѣйствительно, въ рѣчахъ своихъ, произносимыхъ на разные современные случаи, о. Анастасій нерѣдко затрогиваетъ больныя мѣста современнаго общества и говоритъ о нихъ безъ излишнихъ цитатъ, языкомъ простымъ и понятнымъ всякому.

Арсеній, архим. **Лѣтопись церковныхъ событій** и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя отъ Рождества Христова до 1879 г. Изд 2-е. Большой изящно изданный томъ, около 900 страницъ. Спб. 1880 г., ц. 4 р.

«Богатство историческаго матеріала, собраннаго въ книгѣ, поразительно. Легко можно себѣ представить, какого труда стоило ему собрать и сгруппировать весь этотъ цѣнный матеріалъ, разбросанный по множеству историческихъ сочиненій и рукописныхъ источниковъ, находившихся у него подъ руками. Книга читается съ живымъ интересомъ, и намъ думается, что «Лѣтопись церковныхъ событій» должна быть въ библіотекѣ каждаго русскаго, интересующагося историческими судьбами православной Церкви. (Извлечено изъ отзыва «Церк. Общ. Вѣстн.» № 132 1879 г.).

Арндтъ, Іоаннъ. Объ истинномъ христіанствѣ. Съ присовокупленіемъ райскаго вертограда исполненнаго христіанскихъ добродѣтелей, или собраніе поучительныхъ и утѣшительныхъ молитвъ. Два тома, въ пяти частяхъ. Спб. 1875 г., ц. 4 р.

Архангельскій, І. Поученія къ простому народу. Изд. 5-е. 320 стр Спб. 1882 г., ц. 1 р. 50 к. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ. ц. 2 р.

Всѣ поученія о І. Архангельскаго написаны языкомъ простымъ и понятнымъ всякому православному христіанину. Ясность, простота и краткость изложенія, искренность чувства составляютъ главное достоинство каждаго его поученія, и въ сравненіи съ другими подобными имѣютъ ту особенность, что почти всѣ посвящены обличенію существующихъ въ простомъ народѣ суевѣрій и предразсудковъ. Доказательствомъ общедоступности простой рѣчи І. Архангельскаго и всеобщей его извѣстности служитъ тотъ значительный фактъ, что поученія его выдержали въ короткое время пять изданій. Поэтому-то мы въ особенности рекомендуемъ эти поученія сельскимъ священникамъ.

Бажановъ, В. Б. (Протопресвитеръ). **Нравоучительныя повѣсти для дѣтей.** Изд. 12-е. Спб. 1871 г., ц. 25 к.

— **Объ обязанностяхъ христіанина.** Изд. 5-е. Спб. 1862 г., ц. 60 к.

— **О вѣрѣ и жизни христіанской.** Изд. 6-е. Спб. 1874 г., ц. 10 к.

— **О религіи.** Спб. 1862 г., ц. 60 к.

— **Примѣры благочестія изъ житій святыхъ.** Изданіе 6-е. Спб. 1872 г., ц. 25 к.

— **Слова и рѣчи.** Изд. 3-е. Спб. 1858 г. ц. 1 р.

Бакстръ, Рич. Вѣчное блаженство святыхъ. Перев. съ франц. священ. Андрея Свѣтлакова, законоуч. Нижег. губ. Гимназіи. Спб. 1882 г., ц. 1 р. Въ красив. коленк. переплетѣ 1 р. 50 к.

Предисловіе переводчика. „Книга, которую мы рѣшились предложить вниманію читателей въ русскомъ переводѣ, по нашему мнѣнію, составляетъ не малое пріобрѣтеніе для любителей духовно-нравственнаго чтенія и заслуживаетъ полнаго вниманія ихъ, по своему нравоучительному и глубоко-религіозному направленію.

Бобровъ, П. Свящ. **Поученія сельскаго пастыря.** Изд. 2-е. Спб. 1881 г., Цѣна 1 р. 25 к. Въ красивомъ переплетѣ 2 р.

Краткое оглавленіе: *Часть Первая.* О православной христіанской вѣрѣ. *Часть вторая.* О христіанской надеждѣ и о блаженствѣ Евангельскомъ. *Часть третья* О христіанской любви. О заповѣдяхъ Божіихъ.

— **Другъ—наставникъ при божественной литургіи,** или краткое изъясненіе Божественной литургіи и наставленіе, съ какими мыслями и чувствами должны стоять при совершеніи литургіи. Спб. 1881 г., ц. 10 к.

Бѣлюстинъ, І. О Церковномъ Богослуженіи. Письма къ православному. Изданіе 5-е. 2 части. Спб. 1875 г., ц. 2 р.

Веніаминъ, Архіепископъ Нижегородскій. **Новая скрижаль** или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. Изданіе 14-е, переложенное на современный русскій языкъ, съ 77-ю рисунками церковныхъ утварей и облаченій. Спб. 1883 г. (Печатается).

Вишняковъ, А. Старообрядческія Покровская молельня и Филипповская часовня въ Москвѣ. Спб. 1865 г., ц. 60 к.

Владиславлевъ, В. Протоіерей. **Объясненіе Богослуженій** св. православной церкви. Поученія къ своимъ духовнымъ дѣтямъ. Отд. 1 и 2-й: „Церковныя требы". Спб. 1868—70 г., ц. 2 р.

Вѣра и наука. или согласіе христіанскихъ истинъ съ новѣйшими открытіями науки. Спб. 1867 г., ц. 1 р.

Гермогенъ, еписк. (бывш. прот. К. Добронравинъ). **Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу.** Изд. 6-е. Спб. 1881 г., ц. 35 к.

Дебольскій. Прот. **Дни богослуженія** православной каѳолической восточной церкви. Спб. 1882 г., ц. 3 р.

— **О говѣніи** по уставу православной церкви. Изд. 2-е. Спб. 1882 г., ц. 50 к.

— **Краткое обозрѣніе** богослуженія православной церкви. Спб. 1861 г., ц. 60 к.

— **О любви къ отечеству** и трудѣ по слову Божію. Спб. 1859 г., ц. 25 к.

— **Установленія** ветхозавѣтной церкви. Спб. 1861 г., ц. 75 к.

— **Попеченіе православной церкви о спасеніи міра,** въ 3-хъ кн. Спб. 1850 г., ц. 3 р.

— **О пользѣ чтенія библіи,** спрѣчь книгъ священнаго писанія. Спб. 1863 г., ц. 80 к.

— **Седьмица говѣнія, исповѣди и причащенія.** Изд. 2-е. Спб. 1882 г., ц. 20 к.

— **Необходимость** и важность христіанскаго поведенія и послушанія православной церкви. Спб. 1849 г., ц. 75 к.

Духовныя стихотворенія Здѣшняго. Съ эпиграфомъ: *Пою Богу моему дондеже есмь.* Изданіе третье, дополненное 20-ю новыми стихотвореніями. Спб. 1876 г.. ц. 75 к.

Жизнь преподобнаго Спиридона, Епископа Тримифунскаго. Спб. 1860 г., ц. 25 к.

Записки Звонаря Изданіе третье. Спб. 1873 г., ц. 15 к.

Зарневичъ, Іоаннъ, Протоіерей. Записки по предмету Закона Божія. Спб. 1870 г., ц. 1 р.

Игнатій (Брянчаниновъ), еписк. **Отечникъ.** Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ. Съ приложеніемъ портрета преосвященнаго Игнатія и снимка съ его рукописи: „Предисловіе„ къ первоу тому аскетическихъ опытовъ. Большой томъ, въ 8-ю д. л. 551 стран. четкой печати. Спб. 1880 г., ц. 3 р. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 4 р.

— **Слово о смерти** и прибавленіе къ нему Спб, 1881 г., ц. 1 р. 25 к. Въ красив. переплетѣ 2 р.

Оглавленіе: Смерть непостижима человѣку.—Открывается ему Богомъ.—Участь тѣла по смерти.—Рай и небеса.—Адъ.—Разлученіе души съ тѣломъ.—Смерть праведниковъ и грѣшниковъ.—Душевная смерть. Вѣчная смерть.—Адскія муки.—Воздушныя мытарства.—Духовное прохожденіе мытарствъ во время земной жизни.—Смертный грѣхъ.—Страсть.—Приготовленіе къ смерти.—Памятованіе смерти или смертная память.—Призваніе къ памятованію и размышленіе о смерти.

Прибавленіе къ слову о смерти.

Введеніе.—Статья первая: о духахъ.—Статья вторая: о раѣ и адѣ.

— **О кончинѣ міра.** Три поученія: 1) О царствѣ Божіемъ; 2) О причинѣ отступленіи человѣковъ отъ Бога; 3) О второмъ пришествіи Христовомъ. Изд. 2-е. Спб. 1882 г., ц. 20 к.

— **О терпѣніи скорбей.** Ученіе святыхъ отцевъ. Изд. 2-е. Спб. 1882 г., ц. 75 к. *Оглавленіе.* Выписки: изъ твореній преподобнаго Макарія Великаго, Марка Подвижника, Андрея Христа ради юродиваго, изъ Лѣствицы св. Іоанна Лѣствичника, Аввы Дорофея, Аввы Исаіи.

Иннокентій. Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка. 2 ч. 1857 г., ц. 3 р. 50 к.

Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества. Спб. 1879 г., ц. 2 р. 50 к.

Іоаннъ Златоустъ, Св. Слова о священствѣ. Перевелъ съ греческаго протоіерей І. Колоколовъ. Изд. 2-е. Спб. 1874 г., ц. 50 к.

Іосифъ, архим. **Поученія на великіе праздники православной церкви и на 1-ю недѣлю Великаго поста.** Спб. 1881 г., ц. 1 р. въ красив. пер. 1 р. 50 к.

Іосифъ, архим. **Житіе** святаго отца нашего Порфирія, епископа Газскаго. Спб. 1880 г., ц. 15 к.

Кающійся грѣшникъ Размышленія (предъ исповѣдію), взятыя изъ сочиненій **Фила-**

рета митрополита московскаго, **Иннокентія** архіепископа херсонскаго, **Дмитрія**, архіепископа волынскаго, **Ѳеофана**, бывшаго епископа владимірскаго, **Порфирія** бывшаго епископа чигиринскаго и другихъ. I. Исповѣдь частная, домашняя, молитвенная—предъ Господомъ Богомъ. II. Исповѣдь общая, церковная, словесная, предъ священникомъ духовнымъ. Спб. 1882 г., ц. 20 к

Кейтъ, А. Доказательства истины христіанской вѣры, основанныя на буквальномъ исполненіи пророчествъ. Спб. 1870 г., ц. 2 р.

Клопштокъ. Мессіада. Божественная поэма. Перевелъ стихами С. П. Писаревъ. Съ портретомъ автора и его біографіей. 2 т. Спб. 1868 г., ц. 4 р

Лѣсковъ Н. С. Мелочи архіерейской жизни (картины съ натуры). Изданіе второе вновь авторомъ пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное, съ тремя приложеніями: 1) Архіерейскіе объѣзды. 2) Епархіальный судъ. 3) Русское тайнобрачіе. Спб. 1880 г., ц. 1 р. 75 к. Въ перепл. 2 р. 50 к.

Лѣсковъ, Н. С. Русскіе Богоносцы. Религіозно-бытовые картины: I. На краю свѣта; II. Владычный Судъ. Спб. 1880 г., ц. 1 р. 50 к. Въ переплетѣ 2 р.

— **Русская рознь.** (Разсказы преимущественно изъ быта духовенства). Спб. 1881 г., ц. 2 р. 75 к. Въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Макарій, архим. **Бесѣды о Божественной Литургіи.** Спб. 1882 г., ц. 50 к.

Бесѣды представляютъ элементарное по содержанію, довольно простое по изложенію толкованіе литургіи, вполнѣ пригодное въ качествѣ назидательнаго чтенія для всѣхъ классовъ общества.

Макарій, архим. **«Слова, бесѣды и поученія».** Спб. 1881 г. 261 стр., ц. 1 р. 50 к. въ роскош. коленкор. переплетѣ 2 р.

Первое достоинство проповѣдей о. Макарія, бывшаго нѣсколько лѣтъ законоучителемъ въ орловскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, состоитъ въ христіанскомъ одушевленіи, доходящемъ нерѣдко до степени поэтическаго вдохновенія.

Макаровъ, П. М. (священ.). **Катихизическія поученія (къ сельскимъ прихожанамъ)**, на Символъ вѣры, Молитву Господню, Блаженства Евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ, 284 стр. Спб. 1881 г., ц. 1 р. 50 к., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р.

„Всѣ поученія о П. Макарова, отличаются по своему внутреннему характеру, искренностью, глубокимъ благочестивымъ чувствомъ, сердечностью и задушевностію и примѣнены къ современнымъ религіозно-нравственнымъ общественнымъ и бытовымъ потребностямъ. Рекомендуемъ въ особенности всѣмъ сельскимъ священникамъ, какъ такія поученія, которыя съ большою пользою могутъ быть говорены въ церквахъ“.

Мильтонъ. Потерянный рай. Поэма. Перевелъ стихами С. Писаревъ. Съ подробною біографіею Мильтона и съ рисункомъ съ картины: Мильтонъ диктующій своей дочери поэму „Потерянный рай“. Спб. 1871 г., ц. 2 р.

Недешевъ, І. Законъ Божій для полковыхъ учебныхъ командъ. Одобрено Главн. Комит. по образованію войскъ. Изд. 4-е. Спб. 1881 г., ц. 30 к.

— **Замѣтки** касательно преподаванія Закона Божія въ полковыхъ учебныхъ командахъ. Одобрено Главн. Комит. по образованію войскъ Изд. 2-е. Спб. 1881 г., ц. 15 к.

— **Поученія воинамъ.** Одобрены Главн. Комит. по образованію войскъ, изд. 2-е. Спб 1881 г., ц. 20 к.

Нордовъ, В. Протоіерей. **Свѣтель благочестія** или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ. Въ 2-хъ томахъ. Съ портретомъ автора. *Томъ первый*: I) Бесѣды на Божественную литургію.— II) Бесѣды на блаженства Евангельскія.— III) Бесѣды въ воспоминаніе священныхъ событій.—IV) Катихизическія поученія.— V) Слова на великіе праздники, дни воскресныя и на воскресныя дни великаго поста *Томъ второй:* Церковно-проповѣдническое трехлѣтіе, заключающее въ себѣ слова и поученія на разные случаи Спб. 1883 г., цѣна за два большихъ тома 5 р.

Нордовъ, В. Протоіерей. **Бесѣда самого съ собою**, или мысли на досугѣ. Спб. 1868 г., ц 60 к.

— **Бесѣды** въ воспоминаніе священныхъ событій и приснопамятныхъ лицъ, произнесенныя на всенощныхъ бдѣніяхъ. Изданіе 2-е. Спб. 1870 г., ц. 75 к.

— **Катихизическія поученія** православнаго священника къ своимъ прихожанамъ. Изд. 4-е. Спб. 1870 г., ц. 1 р.

Одинцовъ, Н. Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка. Церковно-историческое изслѣдованіе. Одобрено учебнымъ комитетомъ при св. синодѣ для фундаментальныхъ библіотекъ духовн. семинарій. Спб.1882 г., ц. 1 р. 50 к.

Въ журналѣ «Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ» о сочиненіи этомъ сказано: «Не говоря о пользѣ его для воспитанниковъ семинарій, оно каждому священнику уяснитъ много вопросовъ касательно того, какъ сложился нашъ церковный уставъ, разрѣшитъ естественно возникающія недоумѣнія, откуда и какъ произошла разность между древними списками скоропечатными и новопечатными богослужебными книгами, покажетъ основанія и дастъ надлежащую оцѣнку многимъ обычаямъ, свято хранящимся въ приходской практикѣ подъ видомъ неописаннаго преданія, и дастъ священникамъ научную опору для разрѣшенія всякаго рода запросовъ и возраженій со стороны начетниковъ и раскольниковъ» (Церк. Вѣстн. 188 г. № 3).

О Евангеліяхъ. Содержаніе: 1. Понятіе о Евангеліи.—2. Число Евангельскихъ

книгъ.—3. Свѣдѣнія о писателѣ каждаго Евангелія.—4. Обстоятельства, послужившія поводомъ къ написанію каждаго изъ Евангелій и лица, къ которымъ они первоначально написаны.—5. Время, мѣсто и цѣль написанія каждаго изъ Евангелій. 6.—Отличительный характеръ каждаго изъ Евангелій.—7. Значеніе четверичнаго числа Евангелій.—8. Краткій хронологическій обзоръ содержанія четверо-евангелія.—9. Замѣчаніе объ общихъ правилахъ соглашенія разностей въ Евангельскихъ повѣствованіяхъ.—10. Апокрифическія Евангелія.—11. О чтеніи Евангелія.—12. Правило изученія Евангельскихъ заповѣдей и жизни по нимъ. Спб. 1882 г., ц. 20 к.

О подражаніи Христу. Четыре книги. Твореніе Ѳомы Кемпійскаго. Переводъ А. Мѣщанинова. Напечатано въ 16-ю долю крупнымъ и четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 700 страницъ. Спб. 1876 г., ц. 1 р. Въ роскошномъ коленкор. переплетѣ 1 р. 50 к.

Отвѣты на главнѣйшія возраженія противъ вѣры истинной. Спб. 1872 г., ц. 50 к.

Побѣдоносцевъ, К. П Ѳомы Кемпійскаго. **О подражаніи Христу.** Четыре книги. Новый перев. съ латин. К. П. Побѣдоносцева (Оберъ-прокурора святѣйшаго Синода). Второе изданіе. Спб. 1880 г., ц. 75 к. Съ пересылкою 1 р. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Полисадовъ, І. О загробной жизни, противъ спиритовъ. Слово на евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ. Спб., 1881 г., ц. 15 к.

Помилуй мя, Боже, Помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Изданіе 2-е. Спб. 1875 г., ц. 30 к.

Поминанье (для записыванія о здравіи и за упокой) Отпечатанное на лучшей почтовой бумагѣ. Спб. 1881 г., Цѣна въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 60 к. въ бархатѣ съ бронз. украш. ц. 2 р.

Правила святой жизни. Изложены Аввою Бернардомъ въ его бесѣдахъ съ своею сестрою монахиней. Переводъ съ французск. языка, провѣренный по подлинному тексту латинскому. Спб. 1882 г., ц. 50 к.въ роскошномъ коленкор. пер.1 р.

Причастникъ святыхъ Христовыхъ таинъ. Размышленія, взятыя изъ сочиненій св. *Димитрія*, митрополита ростовскаго, *Иннокентія*, архіепископа херсонскаго. *Димитрія*, архіепископа волынскаго, *Ѳеофана*, епископа владимірскаго, протоіерея *Родіона Путятина* и другихъ. Спб. 1882 г., ц. 20 к. *Оглавленіе.* Размышленія причастника святыхъ таинъ Христовыхъ: I Предъ причастіемъ.—II. Во время причащенія.—III. Акафистъ къ причащ. Святыхъ таинъ.—IV. Буди имя Господне благословенно, отнынѣ и до вѣка.—V. Въ заключеніе всего обратите ваше вниманіе на слѣдующія мысли.

Путятинъ, Р. Полное собраніе поученій. Съ портретомъ его, гравированнымъ на стали. Изданіе 19-е. Спб. 1876 г., ц. 2 р. въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р.

„Никто не былъ такъ понятенъ народу своимъ проповѣднымъ словомъ, какъ Родіонъ Путятинъ, нашъ народный проповѣдникъ, въ полномъ смыслѣ этого многознаменательнаго слова.

Раевскій, Н. Ѳ. Протоіерей. Избранныя слова и рѣчи. Спб. 1861 г., ц. 75 к.

Романовъ І. К. (Протоіерей). **Полное собраніе поученій.** 2 тома, въ 8 д. л., болѣе 1400 стран. убористой печати. Спб. 1880—1881 г., ц, 4 р. 50 к. Въ роскошномъ переплетѣ 6 р.

„Мы рекомендуемъ проповѣди о. Романова нашимъ почтеннымъ сельскимъ священникамъ, какъ такія, которыя могутъ быть полезнымъ пособіемъ для возможно-частаго проповѣдыванія предъ простыми слушателями". Извлечено изъ библіографической замѣтки профессора Н. И. Борсова. См. Церковн. Вѣстникъ, № 5. 1880 г.

— **О правильномъ** и душеполезномъ приготовленіи къ исповѣди. Спб. 1872 г., ц. 10 к.

— **Уроки Закона Божія** (по Катихизису). Спб. 1875 г., ц. 30 к.

— **Уроки по Церковной Исторіи** въ 3-хъ книжкахъ. Спб. 1873 г., ц. за три книжки 60 к.

— **Краткія поученія** о богослуженіи православной церкви. Спб. 1869 г., ц. 50 к.

— **Законъ Божій** для русскихъ народныхъ школъ. Вып. 1, 2, 3 и 4-й, ц. 95 к.

— **Уроки о богослуженіи** Православной Церкви. Спб. 1875 г., ц. 50 к.

— **Краткіе уроки** о нравственной христіанской жизни и о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина. Спб. 1876 г., ц. 15 к.

— **Поученія** и нѣсколько словъ (выбрано изъ полнаго собранія поученій). Спб. 1877 г., ц. 1 р.

Русское проповѣдничество, историческій его обзоръ и взглядъ на современное его направленіе. Спб. 1871 г., ц. 1 р. 50 к.

Семейство Виваніи. Размышленіе о болѣзни, смерти и воскресеніи Лазаря. Спб. 1871 г., ц. 50 к.

Солярскій. Нравственное православное богословіе. Изд. 2-е. Спб. 1875 г., ц. 1 р. 50 к.

Твердынскій, Т. Бесѣды православнаго священника съ старообрядцами. Спб. 1876 г., ц. 1 р. 75 к.

Тоддъ, пасторъ. Чтеніе для дѣтей. Перевелъ съ англійскаго протоіерей Е. Поповъ. Изд. 4-е. Спб. 1875 г., ц. 50 к.

Филаретъ, архіеп. черниговскій **Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно.** Описаніе жизни ихъ. 12 мѣсяцевъ. Съ приложеніемъ: Житія святыхъ южныхъ славянъ. Изд. 3-е. Спб. 1882 г., ц. 7 р. Въ роскошн. переплетахъ 10 р.

„Имя составителя этихъ жизнеописаній въ духовной литературѣ давно извѣстно,

какъ имя, достойное высокаго уваженія: имъ украшены многія сочиненія, носящія на себѣ печать обширной учености, замѣчательнаго критическаго такта. О нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій въ библіографическомъ отдѣлѣ нашего изданія уже и была, въ свое время, рѣчь. Новые труды, выходящіе изъ подъ пера этого ученѣйшаго автора, показываютъ, что его вниманіе остановилось теперь на жизнеописаніяхъ отечественныхъ святыхъ, чтимыхъ или всею русскою Церковью, или только въ мѣстахъ духовныхъ подвиговъ ихъ. Конечно объ этомъ предметѣ многіе писали и прежде: но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что не все написанное выдерживаетъ безпристрасный судъ правды; „Прославлять святыхъ“,—говоритъ высокопреосвященный архіепископъ,—„дѣло святое; но надобно умѣнье—совершать дѣло святое... Прежнія повѣствованія о святыхъ русской Церкви писаны немногія современниками, очень многія—людьми поздними, притомъ писаны людьми разныхъ дарованій и разнаго образованія. Повторяетъ всѣ эти повѣсти безъ разбора, безъ повѣрки—грѣшно предъ чистою совѣстью и стыдно предъ просвѣщеннымъ умомъ. Не оскорбимъ мы старыхъ повѣствователей, если на мѣсто поздняго, неоправдываемаго ничѣмъ, извѣстія поставимъ извѣстія другихъ, болѣе древнихъ памятниковъ; Это будетъ службою правдѣ, которую всѣ должны уважать. (Изв. изъ отз. журн. «Странникъ». Іюль 1863 г., о перв. изд. «Русс. Св.)».

— **Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа.** Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1859 г., ц. 2 р. 80 к.

„Прочитайте любезный мой читатель, все что написано на бѣломъ свѣтѣ, и самое св. Писаніе отъ начала до конца: я увѣренъ; вы не найдете ничего равнаго этимъ бесѣдамъ, этой молитвѣ на вечери. Въ нихъ изливается вся душа Спасителя со всѣмъ величіемъ и славою Бога—въ человѣческомъ уничиженномъ состояніи, со всею глубиною и широтою безпредѣльной Его любви къ человѣчеству. Въ нихъ раскрываются возвышеннѣйшія догматы вѣры, напр., о единеніи Сына со Отцемъ, о личномъ свойствѣ Св. Духа: въ нихъ излагаются коренныя правила благочестія христіанскаго, какъ то о единеніи вѣрующихъ со Христомъ, о взаимной любви христіанъ и объ отличительномъ ея свойствѣ. Чѣмъ выше предметъ и таинственнѣе ученіе Христово, тѣмъ чище нужна христіанину духовная жизнь, тѣмъ больше требуется отъ него умнаго труда, чтобы такое ученіе самому понять и другимъ растолковать. По нашему мнѣнію, въ этомъ-то подвигѣ ума и жизни, въ этомъ доступномъ читателю истолкованіи бесѣдъ и молитвы Спасителя состоитъ высокое преимущество проповѣдническихъ бесѣдъ преосвящ. Филарета“. („Странникъ“ мартъ 1860 г.).

— **Историко**-статистическое описаніе харьковской епархіи. Въ 5 отдѣленіяхъ, Ч. 1858 г., ц. 7 р. 50 к.

— **Историко**-статистическое описаніе черниговской епархіи, въ 7 книгахъ. Черниговъ. 1873 г., ц. 10 р. (Отдѣльно общій обзоръ, ц. 1 р.).

— **Обзоръ русской Духовной литературы.** Отд. 2-й. Черниговъ, 1863 г. ц. 1 р. 25 к. (Книга первая этого замѣчательнаго труда приосвященнаго Филарета вся распродана. Поэтому въ скоромъ времени будетъ приступлено къ новому ея изданію, значительно дополненному).

— **Опытъ объясненія** на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. Черн. 1862 г., ц. 75 к.

— **Историческое ученіе объ отцахъ церкви.** (Въ сокращеніи). Черн. 1864 г. ц. 1 р. 25 к.

— **Слова, бесѣды и рѣчи.** Въ 4-хъ частяхъ. Изданіе третье. 870 страницъ. Спб. 1883 г., ц. 3 р. 50 к.

— **Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви.** Изд. 2-е. Ч. 1874 г., ц. 1 р. 50 к.

Священныя пѣсни и пѣніе занимаютъ самое обширное мѣсто въ богослуженіи святой православной греч. церкви. Поэтому важность ихъ очевидна.

Какъ и когда явились св. пѣснопѣнія? Кто и какъ составилъ ихъ? Когда и какъ взошли онѣ въ общее употребленіе? Эти вопросы, по значенію пѣснопѣній, также стоятъ разрѣшенія.

— **Святыя подвижницы восточной церкви.** Спб. 1871 г., ц. 1 р. 50 к.

„Житія святыхъ, чудныхъ подвижницъ Божіихъ особенно могутъ быть полезны для дѣвъ и женъ, ищущихъ спасенія. Это—образцы, по которымъ онѣ должны повѣрять жизнь свою, и съ которыхъ должны брать уроки для своихъ состояній“.

— **Крупицкій** Батуринскій третьеклассный мужскій монастырь св. Николая. Ч. 1862 г., ц. 50 к.

— **Ученіе Евангелиста Іоанна о словѣ.** Ч. 1869 г., ц. 1 р. 25 коп.

— **Глазъ Божій къ грѣшнику.** Поученія. Изд. 4-е. Спб. 1882 г., ц. 30 к.

— **Историческое ученіе объ отцахъ Церкви.** 3 т. Спб. 1882 г., ц. 5 р.

Не смотря на то, что ученіе о св. Отцахъ Церкви съ 1841 года постоянно было предметомъ науки въ нашихъ духовныхъ училищахъ, мы до настоящаго времени, за исключеніемъ статей въ духовныхъ журналахъ и немногихъ незначительныхъ монографій, не имѣли полной печатной книги по сему предмету, и патристика оставалась достояніемъ одной школы. И вотъ трудъ Преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго: «Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви» является открытымъ для всѣхъ, капитальнымъ пріобрѣтеніемъ русской духовной литературы. Подробное разсмотрѣніе его покажетъ всякому, что сочиненіе преосвященнаго Филарета не только какъ первый опытъ, но и само по себѣ

имѣетъ значеніе. Изъ неоднократнаго указанія на новѣйшія открытія въ области историческаго ученія объ Отцахъ, читатель увидитъ, что книга преосвященнаго Филарета доведена до степени современнаго состоянія науки. Вообще же историческое ученіе объ Отцахъ имѣетъ характеръ строго ученый и отличается христіанскою добросовѣстностію труда. Мы надѣемся, что всякій умный человѣкъ, не говоримъ о ученыхъ спеціалистахъ, съ великою пользою и назиданіемъ прочитаетъ этотъ новый трудъ неутомимой и многополезной для Русской духовной литературы дѣятельности преосвященнѣйшаго Филарета («Странникъ» 1860 года, январь)

Достоинство этого ученаго изслѣдованія, составляющаго необходимую принадлежность библіотеки каждаго любителя святоотечесной литературы извѣстно и нѣтъ сомнѣнія, что новое изданіе этого полезнаго труда найдетъ себѣ многочисленныхъ читалетей („Ц. О. В.“ № 40, 1882 г).

— **Православное догматическое богословіе.** 2 т. Изд. 3-е. Спб. 1882 г., ц. 3 р.

«Преосвященный Филаретъ былъ замѣчательнѣйшимъ богословомъ и историкомъ православной Церкви. Его ученые труды пользуются громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностію. Его „Догматическое богословіе“ отличается огромной эрудиціей автора, столько глубокимъ философскимъ анализомъ. При ясности изложенія и стр соразмѣрности всѣхъ частей сочиненія, си стема его носитъ на себѣ характеръ вполнѣ научной стройности и логической послѣдовательности въ развитіи входящихъ въ нее богословско-философскихъ положеній». (Извлеч. изъ брошюры «Филаретъ архіепископъ Черниговскій». Тамбовъ. 1880 г.

Прочія сочиненія высокопреосвященнѣйшаго **Филарета** *черниговскаго, нынѣ распроданныя, будутъ печататься новыми изданіями.*

Хрисанфъ. Арх. Характеръ протестантства и его историческое развитіе. Изданіе 2-е. Спб. 1871 г., ц. 75 к.

Часы благоговѣйныхъ размышленій, подъ редакціей Успенскаго. 2 т. Спб. 1858 г., ц. 2 р.

Яковкинъ, І. Священ. Первая седмица великаго поста. Поученія для готовящихся къ исповѣди и св. причащенію. Изд. 3-е. Спб. 1867 г., ц. 30 к.

Янышевъ, Іоаннъ, протоіерей. Руководство къ обученію каѳолической вѣрѣ въ высшихъ школахъ. Спб. 1876 г., ц. 50 к.

Ѳеофанъ, епископъ. **Письма о христіанской жизни.** Въ 4-хъ частяхъ. Большой томъ, въ 8-ю д. л. 787 стран. убористой печати. Спб. 1880 г.; ц. 3 р. Въ хорошемъ коленкоровомъ переплетѣ 4 р.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

И. Л. ТУЗОВА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

По Большой Садовой ул., въ домѣ Коровина, № 16.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ ПРОТОІЕРЕЯ

Г. С. ДЕБОЛЬСКАГО:

1) **Дни Богослуженія**, Православной Каѳолической восточной Церкви. 2 т. Изданіе 7-е. СПБ. 1882 г. Ц. 3 р.

2) **Попеченіе Православной Церкви о спасеніи міра**, выраженное въ ея Богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти. Сокр. оглавленіе: Понятіе о Церкви.—Правила Богослуженія Православной Церкви.—Употребленіе священныхъ книгъ при Богослуженіи.—Таинства.—Молитва.—Обряды.—Принадлежности Православнаго Богослуженія.—О предметахъ особенно необходимыхъ и важныхъ для благочестія и благополучія вѣрующихъ.—О болящихъ, умирающихъ и умершихъ. 3 части. СПБ. 1850—66 г. Ц. 3 р.

3) **Краткое обозрѣніе Богослуженія Православной Церкви**, (служащее пособіемъ при изъясненіи Богослуженія). Изд. 3-е. СПБ. 1861 г. Ц. 50 к.

4) **Необходимость** и важность Христіанскаго поведенія и послушанія Православной Церкви. Ученіе объ обязанностяхъ христіанскихъ къ Богу, относительно Богослуженія общественнаго, служенія Богу домашняго, объ обязанностяхъ къ ближнимъ, къ Отечеству, въ состояніи супружескомъ, родственномъ и къ самому себѣ. СПБ. 1849 г. Ц. 75 к.

5) **Установленія Ветхозавѣтной Церкви и Христіанскія**, для которыхъ первыя служили образами. СПБ. 1861 г. Ц. 75 к.

6) **О пользѣ чтенія библіи**, сирѣчь книгъ священнаго писанія. СПБ. 1863 г. Ц. 80 к.

7) **О любви къ отечеству**, и трудѣ по слову Божію. СПБ. 1859 г. Ц. 25 к.

8) **О говѣніи по уставу Православной Церкви**. Оглавленіе: Понятіе о говѣніи.—Время говѣнія.—Уединеніе, Постъ, Молитва и Самоиспытаніе во время говѣнія.—Поведеніе при Исповѣди, Причащеніи и послѣ. Изданіе 2-е. СПБ. 1882 г. Ц. 50 к.

9) **Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія**, I. Сколько дней должно говѣть?—II. Часто-ли надобно говѣть?—III. Молитвы предъ исповѣдію. Изд. 2-е. СПБ. 1882 г. Ц. 20 к.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ

Требованія Гг. Иногороднымъ исполняются съ первою почтою.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
И. Л. ТУЗОВА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

По Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Коровина, № 16.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сочиненія ФИЛАРЕТА,

архіепископа Черниговскаго.

1) **Русскіе святые**, чтимые всею церковію или мѣстно. Описаніе жизни ихъ. 12 мѣсяцевъ. Съ приложеніемъ: Житія святыхъ южныхъ славянъ. Изд. 3-е, съ дополн. СПБ. 1882 г. Ц. 7 р.

2) **Православное** догматическое богословіе. 2 тома. Изданіе 3-е. СПБ. 1882 г. Ц. 3 р.

3) **Бесѣды** о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа Въ 2-хъ частяхъ. СПБ. 1859 г. Ц. 2 р. 80 к. Съ перес. 3 р.

4) **Историко**-статистическое описаніе Харьковской Епархіи. Въ 5 отдѣленіяхъ. Ч. 1858 г. Ц. 7 р. 50 к.

5) **Историко**-статистическое описаніе Черниговской Епархіи въ 7 книгахъ. Черниговъ, 1873 г. Ц. 10 р. Съ перес. 11 р. (Отдѣльно Общій обзоръ. Ц. 1 р.)

6) **Обзоръ** русской Духовной литературы. Отд. 2-й. Черниговъ, 1863 г. Ц. 1 р. 25 к.

7) **Опытъ** объясненія на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. Черн. 1862 г. Ц. 75 к.

8) **Историческое** ученіе объ отцахъ церкви. (Въ сокращеніи). Черн. 1864 г. Ц. 1 р. 25 к.

9) **Историческій** обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія Греческой церкви. Изд. 2-е. Ч. 1864 г. Ц. 1 р. 50 к.

10) **Святыя** подвижницы Восточной церкви. СПБ. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.

11) **Крупицкій** Батуринскій третье—класный мужескій монастырь Св. Николая. Ч. 1862 г. Ц. 50 к.

12) **Ученіе** Евангелиста Іоанна о словѣ. Ч. 1869 г. Ц. 1 р. 25 к.

13) **Гласъ Божій къ грѣшнику.** Поученія. СПБ. 1882 г. Ц. 30 к.

14) **Историческое** ученіе объ отцахъ Церкви. Въ 3-хъ томахъ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1882 г. ц. 5 р.

15) **Слова, бесѣды и рѣчи.** Въ 4-хъ частяхъ. Изданіе 3-е. Спб. 1883 г. ц. 3 р. 50 к.